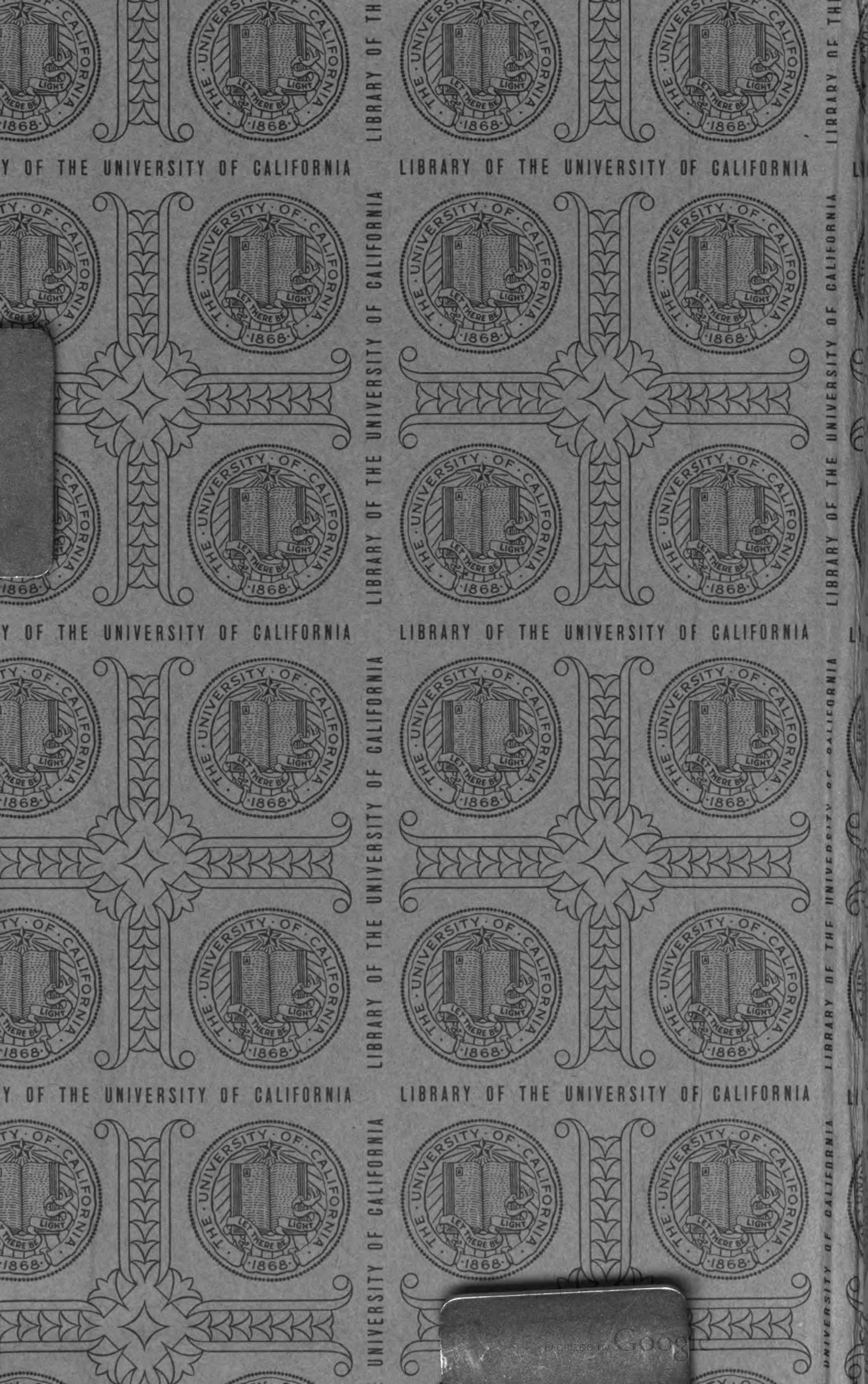

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868
Digitized by Google

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НА 1839 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

—

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 14 іюня 1839.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ЗИМНЯГО ДВОРЦА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

—

—

IV. ВОЗОБНОВЛЕНІЕ.

(Окончаніе.)

Окончивъ обозрѣніе залъ, отдѣланныхъ В. П. Стасовымъ, вплетшимъ этою важною работой въ прекрасный вѣнокъ своего таланта и извѣстности новую, навѣчно-свѣжую вѣтвь, перейдемъ въ волшебную область, гдѣ въ работахъ А. П. Брюллова искусство является облеченнымъ въ непостижимую грацію, въ разнообразіе и заманчивость, которыхъ выразить нѣтъ возможности; гдѣ обнаружено столько же ума и глубокой, степенной сообразительности, сколько

пылкой фантазіи, роскошно выразившей въ самыхъ поэтическихъ формахъ идею чистой красоты.

Мы привели выше извлеченія изъ положенія о коммисіи, учрежденной для возобновленія дворца; тамъ сказано: «Брюллову предоставляется вся отдѣлка внутреннихъ комнатъ». Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ заключался трудъ громадный, почти-необъятный,—да, необъятный: это выраженіе не гипербола, если сообразить краткость времени, въ которое совершились замыслъ огромный въ своихъ тысячеобразныхъ деталяхъ, и обворожительно-чистое, непонятно-быстрое выполненіе его. Художнику предлежало прежде всего обработать массы, потомъ создать идею частностей. Соединить между собою всѣ эти обширныя *половины*, обдумать планъ ихъ сообщеній, сочетать ихъ, но такъ искусно, чтобы при общей, безпрерывной связи, каждая часть была разъединена, составляла особое, полное цѣлое, и вмѣстѣ необходимое звѣно этой золотой цѣпи; разсыпать, какъ жемчугъ, блистательныя, безчисленныя красоты; повсемѣстно разлиться разнообразіемъ и игривостію, которымъ, конечно, нѣтъ нигдѣ подобнаго примѣра, — вотъ что исполнено А. П. Брюлловымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ возникли тѣ прекрасные лѣстницы и переходы, которыми обогатился дворецъ послѣ возобновленія; возникли изъ небытія цѣлые ряды превосходныхъ комнатъ; уничтожились многочисленные, темные углы, потерянные, грязные корридоры, куда не проникалъ прежде свѣтъ; гдѣ помѣщались, подъ-часъ, очень дурно и тѣсно, необходимыя принадлежности и служебныя комнаты; устроилось необыкновенно-выгодное, роскошное, удобное и свѣтлое распредѣленіе каждой части, каждой *половины* дворца; выразилась полнота въ ихъ составѣ, прелесть въ отдѣлкѣ, система въ

размѣщеніи, отъ роскошныхъ пріемныхъ, отъ прелестныхъ кабинетовъ, библіотекъ, будуаровъ и ваннъ— до прислугъ и кухонь. Обозрѣвая возобновленныя и вновь-созданныя Брюлловымъ части, если мы удивлялись необыкновенной стройности и величію его идей, чистотѣ его вкуса, неизмѣнившаго ему въ самой мельчайшей подробности, богатству изобрѣтенія, обнаруженному въ многочисленныхъ и всегда-счастливыхъ художественныхъ темахъ, роскошно разсыпанныхъ имъ въ этомъ трудѣ, и разнообразію фантазіи его, съ такою заманчивостію и граціею разъигравшей ихъ въ обворожительныхъ варьяціяхъ, — то великій хозяинъ этого истино-царскаго дома, конечно, одинъ только вполнѣ оцѣнилъ всю мѣру совершеннаго нашимъ протеемъ-архитекторомъ; одинъ онъ могъ взвѣсить всю тяжесть предпріятія и всю многосторонность достоинствъ въ побѣдномъ выполненіи его; онъ одинъ могъ и наградить счастливаго художника, какъ царь, какъ хозяинъ, какъ знатокъ и какъ отецъ, милости котораго художникъ обязанъ своимъ образованіемъ, а поощренія и вниманіе котораго развили и укрѣпили его прекрасный талантъ.

Описать работы Брюллова въ Зимнемъ-Дворцѣ невозможно; попробуйте описать цвѣта радужнаго призрака, или очертанія вѣтвей стройнаго клена, или движенія хрустальныхъ лентъ водопада. Нужны линіи, нужны формы и коллера, нужны свѣтъ и тѣнь, карандашъ, кисть и краски; и все это будетъ неудовлетворительно, все будетъ только подражаніе; природу выразить можетъ одна природа; эффекты ея замѣняются изъисканностію или теряются болѣе или менѣе отъ отсутствія пространства, отъ сокращенія размѣровъ, отъ несуществованія рельефа самыхъ тѣлъ мѣсто которыхъ заступаетъ полотно или бумага. Мы

попробуемъ дать хотя слабое понятіе объ этихъ частяхъ дворца, чтобъ исполнить обязанность, которую возложили на себя; постараемся сохранить отчетливость и ясность въ томъ, что̀ можетъ быть подвергнуто этимъ условіямъ, и заранѣе просимъ извиненія у любителей, повторяя, что подобные предметы должно видѣть; описывать ихъ, даже и тѣмъ, которые надѣлены особеннымъ искусствомъ, — а мы имъ не владѣемъ, — почти-невозможно.

Вы помните, что, идя изъ Концертной въ Малую Церковь, мы перешли черезъ столовую и ротонду; здѣсь начинается половина Ея Императорскаго Величества, и отсюда мы начнемъ обозрѣніе внутреннихъ ея покоевъ.

Большая столовая (12 арш. шир. и 27 длины)*. Изъ Концертной Залы двѣ двери ведутъ — одна въ такъ-называемую *большую столовую*, другая въ *малахитовую гостиную*; входимъ въ первую. Помня ее въ прежнемъ положеніи, мы, при настоящемъ обозрѣніи, убѣждаемся, что художникъ придерживался первобытнаго рисунка; главныя очертанія тѣ же, но всему придана особенная грація; вокругъ по стѣнамъ поднимаются бороздчатыя колонны (всего 24), на которыхъ лежитъ замѣчательный своею легкостію карнизъ, и съ него красивою дугой перегибается потолокъ**, съ большимъ вкусомъ убранный лѣпными украшеніями прекраснаго рисунка. Прежде эта комната въ тѣхъ же формахъ представляла болѣе суровости,

* Ее называютъ также *Арапская;* здѣсь у дверей обыкновенно находятся красиво-одѣтые Арапы. Другая большая столовая есть при этой половинѣ; мы въ-послѣдствіи упомянемъ о ней.

** Тогда всѣ потолки были плоскіе, теперь всѣ состоятъ изъ сводовъ; нѣтъ и двухъ одинаковыхъ.

если можно такъ выразиться, относительно стиля, теперь болѣе граціи; сперва мы назвали бы ее дорическо-римскою, теперь дорическо-греческою. Комната освѣщается тремя окнами, обращенными на внутренній, непроѣздный дворикъ.

Малая столовая помпейская, лежитъ въ-лѣво отъ большой столовой, подъ прямымъ съ нею угломъ и такъ, что ширина послѣдней и длина первой составляютъ всю длину малахитовой гостиной изъ которой ведутъ двери въ одну и другую. Эта, небольшая, но прелестная комната, (13½ арш. длины, 9 шир.) есть единственная въ Европѣ по способу ея отдѣлки — она scagliolo. Объяснимъ значеніе этого названія для тѣхъ, кому оно неизвѣстно. *Скальоло*,—врѣзная работа; на стѣны накладывается стюкъ одного цвѣта, составляющаго грунтъ даннаго рисунка, послѣ чего каждая его часть вырѣзывается изъ этого грунта и вполняется стюкомъ того цвѣта, который слѣдуетъ по рисунку; въ этихъ частяхъ, когда онѣ засохнутъ, опять глубоко вырѣзываются мѣста для тѣней, для свѣтовъ или бликовъ, для мелкихъ украшеній, рефлектовъ и т. п., снова наполняемыя стюкомъ сообразныхъ имъ колеровъ; такимъ-образомъ продолжается работа до послѣдней черты, до малѣйшей подробности. Понятно, какого труда, терпѣнія и искусства, какой аккуратности требуетъ scagliolo; за-то подобное произведеніе вѣчно; краски могутъ и черезъ тысячу лѣтъ быть столь же свѣжи и ярки, какъ въ первую минуту. Въ Европѣ нѣтъ, какъ уже мы сказали, другой такой комнаты: эту работу пробовали кое-гдѣ частями, кусками; ее употребляли на отдѣльныя штуки, но нигдѣ на цѣлую залу. Выполненіе принадлежитъ художнику Терцани. Брюлловъ перенесъ сюда помпейское искусство во всей

его очаровательности; характеръ неизмѣнно выдержанъ отъ главныхъ частей до подробностей, даже до превосходной мёбели чистаго греческаго стиля. Въ бѣлое поле стѣнъ впились украшенія и узоры блестящихъ цвѣтовъ, этрусской живописи; окна льютъ свѣтъ съ верхней части, которая опоясана красивымъ аттикомъ съ пилястрами; самыя двери мраморныя (чтобъ не нарушить единства). Въ маленькой столовой нѣтъ золота, но она отъ-того неменѣе драгоцѣнна и составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтковъ роскошнаго букета, связаннаго А. П. Брюлловымъ.

Малахитовая гостиная (четыре окна; длина 28½ арш., шир. 15 арш.) по длинѣ занимаетъ пространство, занятое большою и малою столовыми, въ ширину нѣсколько менѣе половины ширины Концертной Залы *, изъ которой ведетъ въ нее дверь. Окна гостиной обращены на Неву. Главные размѣры комнаты остались тѣ же, что и прежде; но въ частяхъ они должны были необходимо измѣниться отъ общей всѣмъ комнатамъ этого отдѣленія причины — отъ измѣненія потолковъ изъ плоскихъ въ сводные. Это важное во всѣхъ отношеніяхъ улучшеніе, при той милой игривости, при умномъ и роскошномъ разнообразіи, которое Брюлловъ далъ и основной формѣ, и украшеніямъ потолковъ, чрезвычайно содѣйствовало величественности и благородству самихъ комнатъ, прежде какъ-будто подавленныхъ, не смотря на ихъ высоту.

Войдя въ этотъ храмъ богатства и вкуса, вы недоумѣваете, чему удивляться болѣе: роскоши матеріала, или роскоши мысли художника? — Золото, какъ пото-

* Остальная часть ея ширины составляетъ длину большой столовой.

ки волшебнаго каскада, разлилось повсюду, то охвативъ ровнымъ полотномъ цѣлыя части, то раздробясь на мелкія струи или горя въ чудныхъ узорахъ! — По бѣлымъ стюковымъ стѣнамъ, поднимаясь съ бѣлыхъ же мраморныхъ подножій, стройно высятся малахитовыя колонны и пилястры, съ золотыми базами и капителями, всего восемь колоннъ и столько же пилястръ, по двѣ рядомъ, первыя расположены на двухъ длинныхъ стѣнахъ, послѣднія на двухъ короткихъ; между ними на короткихъ стѣнахъ находятся малахитовые камины и по бокамъ золотыя двери; на одной изъ длинныхъ стѣнъ—окна, а по-серединѣ огромное зеркало (трюмо), вставленное въ золотой, выступающій наметъ или шатеръ превосходнаго рисунка, поддерживаемый золотыми же колонками; подъ нимъ стоитъ (огромная, съ необыкновеннымъ счастіемъ спасенная отъ пожара) драгоцѣнная малахитовая ваза, отражающая въ зеркалѣ свои чистыя древнія формы. — Противоположная окнамъ стѣна занята большимъ диваномъ и двумя по бокамъ дверьми *. Стѣну надъ диваномъ украшаютъ писанныя по мрамору фигуры, изображающія—средняя группу (съ Рафаэля), если не ошибаемся, поэзіи, окруженной младенцами-геніями; по сторонамъ превосходныя фигуры Торвальдсена: *Ночь* и *День;* выполненіе принадлежитъ извѣстному художнику Виги.—Плафонъ прежде былъ писанный, нынѣ весь орнированъ золотыми рельефными украшеніями, по богатству рисунка и богатству размѣщенія останавливающими вниманіе; то же замѣчается въ дверяхъ, сплошь золотыхъ, убранныхъ золотыми же рельефными узорами чудесной красоты; мёбель вся какъ-будто выкованная изъ золо-

---

* Одна ведетъ въ большую столовую, другая въ малую.

та. Прибавьте къ этому соразмѣрность цѣлаго, грацію и гармонію частей, игру и переливы свѣта на золотѣ и мраморѣ, превосходныя украшенія на каминахъ, бронзы, вазы, цвѣты, самую разстановку изящной мёбели, драпировку оконъ и огромныя зеркальныя ихъ стекла, и тогда, даже сочетавъ съ этими элементами все, что̀ вы слышали или читали въ волшебныхъ разсказахъ, все, что̀ собственное ваше воображеніе можетъ создать, вы далеко не достигнете до истины, потому, извините, что вы не изучили такъ близко, какъ Брюлловъ, міръ древній; у васъ будетъ произведеніе фантастически-роскошное, можетъ-быть безпорядочно-чудесное: у него общимъ вкусомъ и деталями этой превосходной комнаты осуществлена лучшая, богатѣйшая эпоха чистаго греческаго искусства; теперь вы поймете, какъ восхитительно-хороша должна быть эта гостиная.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, при необыкновенномъ богатствѣ матеріала, при обиліи мысли, создавшей тему, которую художникъ могъ бы до безконечности разъигрывать въ обворожительныхъ частностяхъ, вездѣ умный талантъ его положилъ строгія границы собственному увлеченію; судья самый взъискательный врядъ ли найдетъ одну ненужную черту, одно лишнее украшеніе. Это должно отнести ко всѣмъ произведеніямъ А. П. Брюллова: вездѣ, какъ въ Зимнемъ-Дворцѣ, онѣ *всегда умны*,—да простятъ намъ это выраженіе, вполнѣ объясняющее наше понятіе. Нужно удивляться также граціи рисунка деталей и лѣпныхъ работъ и чистотѣ ихъ выполненія: первое приноситъ особенную честь молодымъ помощникамъ г. Брюллова, его ученикамъ. Каждый карнизъ, каждый плат-бандъ, каждый Флеронъ, розетка, порѣзка—а ихъ нѣтъ возможности пересчитать—прелесть, по изяществу и характеру чи-

стоты рисунковъ, которые были составляемы этими молодыми людьми по даннымъ имъ темамъ. Вкусъ, искусство, старательность и самое направленіе гг. Бейне, Клагеса, Горностаева, Гальберга и Львова необманчиво обѣщаютъ намъ въ нихъ отличныхъ художниковъ. Второе относится къ русскимъ и иностраннымъ мастерамъ о которыхъ мы въ-послѣдствіи упомянемъ: труды ихъ въ возобновленіи дворца тоже замѣчательны. Кто знаетъ техническую часть дѣла, кто сообразитъ, что надлежало, для всякой мелочи, изобрѣсть, сочинить подробные рисунки, выполнить ихъ, лѣпить по нимъ, формовать, потомъ не выливать изъ гипса, какъ обыкновенно, а дѣлать украшенія эти изъ битой бумаги (papier-machè) * золотить ихъ, ставить на мѣсто — и все это въ самое короткое время; тогда какъ неисчислимыя частности огромнаго труда, по отдѣлкѣ вдругъ множества комнатъ вѣчно разнохарактерныхъ и новыхъ, требовали полнѣйшей дѣятельности воли и фантазіи, и вмѣстѣ спокойнаго, глубокаго разсчета и размышленія; кто сообразитъ это, говоримъ мы, увидѣвъ сперва весь дворецъ—тотъ изумится, безъ всякаго сомнѣнія.

Одно не могло быть возсоздано въ этой гостиной: прежде пилястры и колонны въ ней были яшмовые, драгоцѣнные и по матеріалу, и по многолѣтней работѣ; огонь разрушилъ связь камня, и онъ разсыпался. Но комната, улучшенная во всемъ, и въ этомъ врядъ-ли потерпѣла: богатая Сибирь замѣнила свою яшму своимъ же золотомъ и малахитомъ, который, по нашему мнѣнію, роскошнѣе и красивѣе яшмы.

Розовая гостиная (шир. 10 арш., глубина 15),— прелестная небольшая комната съ однимъ окномъ,

* Мы уже упомянули объ этомъ;—здѣсь на потолкѣ украшеніе тоже изъ битой бумаги.

возсозданная по прежнему мотиву, съ нѣкоторыми улучшеніями относительно вкуса украшеній; мы замѣтили это не только въ архитектонической части, но даже въ рамахъ, которыми окруженъ розовый штофъ, покрывающій стѣны; мраморный каминъ, находившійся прежде въ глубинѣ комнаты, теперь на лѣвой ея сторонѣ, что содѣйствовало пріятнѣйшему размѣщенію мёблировки.—Потолокъ здѣсь замѣчателенъ и по граціи формы, и по особенной легкости живописи.

Малиновая гостиная (въ два окна; шир. 13½ ар., глуб. 15). Съ каждымъ шагомъ вы переступаете отъ очарованія къ очарованію; въ *золотой* вы были поражены величавостію греческаго характера, здѣсь другія красоты дѣйствуютъ на васъ неменѣе-пріятнымъ образомъ. Вся комната отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* (Renaissance), и въ многочисленныхъ украшеніяхъ ея столько новаго, заманчиваго, такое богатство, такая чистота, такое милое кокетство, что вы, не довольствуясь эффектомъ цѣлаго, непремѣнно желаете разсмотрѣть каждую подробность. Потолокъ этой комнаты, по мнѣнію нашему, — лучшій въ цѣлой половинѣ; форма его превосходная, въ украшеніяхъ соединена живопись съ скульптурною работою; мѣстами на золотомъ полѣ отдѣляются бѣлые, лѣпные орнаменты; мѣстами въ нихъ своенравно и стройно вмѣшивается произведеніе кисти; фризъ и сюпорты особенно хороши: отчетливость ихъ отдѣлки тѣшитъ взоръ; вы желали бы остановиться на нихъ долѣе, но другой предметъ невольно привлекаетъ все ваше вниманіе. Надъ каждою изъ двухъ дверей этой комнаты вставленъ мраморный барельефъ, изображающій вакханалію; на одномъ группа дѣтей, окружившихъ козла, на другомъ упившійся силенъ.

Эти знаменитыя въ исторіи искусствъ произведенія *Франсуа-Фламана* нынѣ куплены за 25.000 руб.; ихъ привезъ изъ Италіи Вендрамини. Не намъ хвалить высокое достоинство этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія; довольно сказать, что великій Каннова, послѣ долгаго созерцанія, какъ-будто не находя словъ, чтобъ выразить свое восхищеніе, безмолвно расцаловалъ ихъ, ставя на мѣсто, съ котораго они перешли украшать палаты Царицы русской. Этимъ не заключается неоцѣненное убранство гостиной: всѣ искусства должны были имѣть въ ней изящнѣйшихъ представителей. На стѣнѣ, противоположной окнамъ, и на двухъ боковыхъ стѣнахъ, обтянутыхъ малиновымъ штофомъ, только по одной картинѣ; но этихъ картинъ только по одной въ свѣтѣ; это «Святое Семейство» *Винчи*, противъ него «Амуръ» *Доминикина*, и «Св. Іоаннъ» его же. Въ углахъ комнаты два мраморные камина; между оконъ трюмо, золотая рама котораго такъ же замѣчательна, какъ и вся мёбель, приносящая честь мастерскимъ Гамбса; изъ верхней ея части выходящая до половины тѣла изъ красивой, вогнутой раковины, фигура держитъ цѣпи висящей предъ зеркаломъ люстры. Вся мёбель золоченая, покрытая малиновымъ бархатомъ, по которому вытиснены золотые узоры; подушки окружены роскошными бахрамами изъ смѣси бархата съ золотою битью. Отъ архитектурныхъ произведеній, отъ мрамора и бронзъ до ревербера лампы, до малѣйшей этажерки для альманаховъ,—во всемъ сохраненъ оригинальный характеръ *возрожденія*, украшенный чрезвычайнымъ благородствомъ рисунка. Мы не упомянули о дверяхъ, по богатству, разнообразію формъ, чистотѣ отдѣлки и драгоцѣнности деревъ заслуживающихъ особеннаго вниманія: онѣ, какъ и вся почти мёбель этой половины,

дѣланы Гамбсомъ, и, вполнѣ соотвѣтствуя архитектурной и декоративной частямъ, возвышаютъ еще красоту комнатъ.

Позади *малахитовой, розовой* и *малиновой,* расположены, окнами на маленькій непроѣздный дворикъ, *помпейская столовая*, буфетъ и каммеръ-юнферская.

Кабинетъ (четыре окна, два на Неву и два къ Адмиральтейству, ширина и глубина 12 и 13½ арш.). Эта прелестная, какъ и всѣ другія комнаты, обогащена тоже превосходнымъ потолкомъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ и по формѣ, и по живописи; стѣны убраны зеленымъ штофомъ; изъ угловаго окна, окруженнаго трельяжемъ, открывается восхитительный видъ на Неву внизъ по ея теченію.—Здѣсь посѣтитель, которому посчастливилось обозрѣвать внутренніе покои Императрицы, остановленъ красотою убранства и мёблировки амарантоваго дерева, замѣчательныхъ гораздо-менѣе роскошью, нежели изяществомъ работы и догадливымъ до возможной утонченности удобствомъ размѣщенія; но и по самому назначенію все завлекаетъ ваше вниманіе въ этой рабочей комнатѣ Императрицы. Вотъ письменный столъ: тутъ совершаются труды христіански-великіе по материнскому попечительству надъ многочисленными воспитательными заведеніями; далѣе, на этомъ диванѣ, на этихъ столахъ, сколько было прослушано вздоховъ, свободно долетавшихъ изъ жилища нищаго и угнетеннаго судьбою до сего высокаго царскаго уединенія; и сколько, въ отвѣтъ имъ, излилось отсюда благодѣяній! Далѣе, въ этомъ уютномъ помѣщеніи, счастливая мать-Царица, окруженная многочисленною и несравненною семьею, въ нѣжныхъ ласкахъ ея пила чистое наслажденіе и награду своихъ заботъ и добродѣтелей...

Къ каждой козеткѣ, къ каждому уголку вы подходите съ трепетомъ сердца, пробуждаемымъ святостію мѣста; комната великой Царицы, счастливой супруги и матери... Какая длинная цѣпь сладостныхъ, утѣшительныхъ истинъ, извлекающихъ изъ глубины вашей души молитву и благословеніе!...

Мѣстами цвѣтники и трельяжи, мѣстами изящныя ширмы и тысячеобразныя принадлежности богатаго кабинета, дѣлятъ его какъ-будто на нѣсколько другихъ маленькихъ кабинетиковъ. Большая часть находящихся здѣсь произведеній искусства суть вмѣстѣ и завѣты самыхъ сладкихъ чувствъ; тамъ вы видите мраморный бюстъ августѣйшаго родителя Императрицы, здѣсь акварельные или карандашные семейные портреты; даже виды любимыхъ мѣстъ, и т. п. Нѣсколько небольшихъ, но превосходныхъ кабинетныхъ картинъ развѣшаны по стѣнамъ, такъ напр. рафаелева «Мадонна», чудесно скопированная нашимъ *Бруни*, «Христосъ»—*Морилло*, «Магдалина»—*Дольчи*, «Младенецъ-Спаситель съ державою»—Coelli; нѣсколько перспективъ *Неефа*; итальянская сцена—Maes; «Двѣ Неаполитанки»—нашего *Нефа;* на ширмахъ нѣсколько обворожительныхъ миньятюрныхъ картинъ; наконецъ, двѣ знаменитыя мраморныя фигуры, *Геба и Прядильщица,* довершаютъ убранство этой комнаты, вполнѣ достойной своего назначенія. Предшествовавшіе покои расположены окнами на Неву; начиная отъ этой, всѣ слѣдующія обращены окнами къ адмиральтейству.

Почивальная (почти квадратная, нѣсколько болѣе 13 аршинъ; въ два окна). Одна треть комнаты по глубинѣ ея, отдѣляясь двумя колоннами и двумя пилястрами, составляетъ роскошный альковъ. Потолокъ перекидывается отдѣльными сводами, какъ надъ переднею

частію, такъ и надъ задпею, слѣдовательно своды должно было утвердить на этихъ колоннахъ; соображая вышину, силу упора и т. п., вы дивитесь смѣлости художника: не бойтесь—здѣсь предпріимчивость есть слѣдствіе глубокаго знанія и вѣрнаго разсчета; трудъ состоялъ въ соображеніи, а не въ выполненіи, которое, при основныхъ данныхъ, дѣйствовало свободно и безошибочно. Къ-слову,—еслибы я сталъ разсказывать вамъ, какимъ-образомъ здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ со стороны на сторону перекинута обширная и прочная арка, имѣющая силу выдержать болѣе назначенной на нее тяжести, какъ она подперта другими меньшими, какъ наполнены остальныя пространства, тогда вы поняли бы, что для художника съ сильнымъ талантомъ, соединяющаго глубокое знаніе и опытность, трудности существуютъ, но побѣждаются, и что, именно, въ побѣжденіи ихъ заключается его слава; внутренній трудъ архитектора, невидный, скрытый наружными украшеніями,—этотъ разсчетъ и механизмъ построенія, на которыхъ все основано, которымъ все обязано и красотою, и прочностію, и самобытностію,—непонятны для непосвященныхъ въ таинства, а они-то и составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ, побѣдныхъ частей работы. Если бъ мы знали это, тогда, объяснивъ себѣ многое, необъяснимое для насъ нынѣ въ перестройкѣ дворца, мы не дивились бы... или нѣтъ, мы еще болѣе удивлялись бы искусству строителей: тогда мы разгадали бы, какимъ чудомъ извились, укрѣпились, округлились эти смѣлые потолки, какъ въ верхнемъ этажѣ повисли будто въ воздухѣ, не опираясь ни на что, прочныя каменныя стѣны (извѣстно уже, что деревянной здѣсь нѣтъ ни одной) многочисленныхъ комнатъ, тогда-какъ подъ ними расположены обширныя

пустоты огромныхъ залъ... Повторяемъ, возобновленіе дворца есть учебная книга для будущихъ архитекторовъ и истинный подвигъ для совершавшихъ оное.

Почивальная есть красивое произведеніе греческаго зодчества; комната необыкновенно-чиста и весела; прекрасный плафонъ, превосходный барельефъ работы Германа, идущій кругомъ, подъ карнизомъ, легкая по формѣ, богатая по матеріалу, свѣтлаго цвѣта драпировка, — все въ немъ прелестно въ частностяхъ и преисполнено гармоніи въ цѣломъ. Такимъ-образомъ образованный ученіемъ вкусъ умѣетъ создавать прекрасное, не имѣя нужды въ многочисленныхъ украшеніяхъ; и, на-оборотъ, при безчисленномъ множествѣ украшеній, умѣетъ употребить ихъ всѣ, безъ отягченія, безъ преизбытка, безъ утомительности и ничего не отнимая отъ граціи цѣлаго частностями.

За почивальнею расположены къ внутреннему дворику переходы въ каммер-юнферскую на-лѣво, къ ванной на-право, лѣстница въ-верхъ и въ-низъ, и внутренняя превосходная лѣстница къ комнатамъ Государя Императора. Въ объемлемомъ ею призматическомъ пространствѣ чрезвычайно-искусно устроена подъемная прекрасной отдѣлки машина: приложеніемъ легкой силы, не цѣлой руки, но нѣсколькихъ пальцевъ къ рукояти круговращающагося ворота, свободно и плавно поднимается кресло, утвержденное четырью углами, или, лучше, скользящее ими въ четырехъ мѣдныхъ столбахъ.

Розовая уборная (около 7 арш. ширины, глубина одинаковая съ предшествовавшею). Та же чрезвычайная стройность, тотъ же свѣтъ; бѣлыя стѣны, мраморный каминъ и, на половинѣ глубины комнаты, розовая занавѣсъ, красиво висящая на золотыхъ багетахъ, поддерживаемыхъ небольшими колонками; все

это обнято легкимъ сводомъ чистаго потолка; думается, что художнику хотѣлось доказать этою комнатою, сколько прелести заключаетъ въ себѣ совершенная простота. Вы отдергиваете занавѣсъ, — стѣны легко драпированы розовою, шелковою тканью; изящно-простая и немногочисленная мёбель; въ глубинѣ маленькая дверь: любопытство влечетъ васъ открыть ее, и вдругъ вы поражены чѣмъ-то нежданнымъ, необыкновеннымъ; вы не можете дать себѣ отчета въ первомъ впéчатлѣніи: это —

Ванная — небольшая комнатка около 13½ ар. въ длину и не болѣе шести въ ширину; между-тѣмъ въ ней сосредоточены всѣ красоты Альямбры, вся роскошъ гренадскихъ Мавровъ; дивный характеръ волшебныхъ вымысловъ своенравнаго искусства востока отпечатанъ здѣсь на всемъ съ полнѣйшею вѣрностію; вы имѣете настоящую идею о блескѣ и великолѣпіи жилищъ халифскихъ. Да, художникъ похитилъ все это изъ Альямбры, и вѣрно никто не поставитъ ему въ вину этого похищенія. Рельефныя разныхъ цвѣтовъ и золотыя украшенія, и арабески прилегли къ стѣнамъ и своду, устлавъ комнату съ-верха до низа фантастическими узорами; мѣстами высятся чуднаго стиля колонны; сквозь расписанное въ томъ же вкусѣ окно, цвѣтистый свѣтъ таинственно льется въ эту очарованную храмину. Противъ окна огромное зеркало, вторящее чудный рисунокъ его; наравнѣ съ поломъ, устланнымъ эластическимъ и мягкимъ какъ пухъ ковромъ, мраморная, углубленная ванная, подъ самымъ зеркаломъ, изъ котораго, по произволу, бьетъ хрустальнымъ ключемъ горячая или холодная вода, сперва въ огромную рѣдкую раковину, а изъ нея каскадами въ ванну. Подъ сводомъ виситъ превосходной формы восточная люстра, пунцоваго цвѣта. Въ-право

отъ ванны, въ углубленiи, диванъ, и близь него широкая ширма, чрезъ которую переброшенъ драгоцѣнный турецкiй коверъ, шитый въ тамбурномъ родѣ, возможномъ только одному многорукому и многотерпѣливому востоку: машинная Европа не изобрѣла еще способа производить что либо подобное. Взгляните отсюда на-право и на-лѣво: на двухъ выступахъ стѣны, искусно устроеннымъ для предположенной цѣли, утверждены зеркала; въ нихъ вся эта роскошная фантазiя, отражаясь тысячи разъ, тянется безконечно съ своимъ блескомъ, разноцвѣтностiю и игрою; глазъ теряется въ неизмѣримой дали, взоръ побѣжденъ: онъ не можетъ уловить конца этой анфилады сводовъ и безчисленной цѣпи цвѣтистыхъ оконъ... За диваномъ маленькая дверь, ведущая въ другую уборную, имѣющую два окна на короткiй бокъ изломаннаго фаса, обращеннаго къ Адмиральтейству. Но воротимся, чтобъ въ порядкѣ продолжать обозрѣнiе и чрезъ ванную войдемъ опять въ розовую уборную, а изъ нея въ —

Будуаръ (такой же величины, какъ розовая уборная). Новый мiръ: предшествовавшее впечатлѣнiе еще живо, и вдругъ вы перенесены въ эпоху *возрожденiя.* Эта комната чисто-архитектоническая; кисть не прикасалась къ бѣло-песочнымъ ея стѣнамъ. Потолокъ, бока и открытыя аркады въ смежную съ нею съ правой стороны комнату, сплошь украшены рѣзными орнаментами мелкаго, прелестнаго рисунка и необычайно-чистой лепки; мягкiя тѣни отъ бѣлаго на бѣломъ возвышаютъ рельефъ, и даютъ всему жизнь и прохладу; легкая орѣховая мебель, въ обворожительно-стройномъ безпорядкѣ разставленная, усиливаетъ еще чистоту этой комнаты: вамъ хотѣлось бы быть здѣсь въ каникульный день, чтобъ освѣжиться

подъ этими свѣжими аркадами отъ палящаго зноя, или, лучше, вамъ хотѣлось бы никогда не выходить отсюда. Но вы перешли еще не черезъ всѣ очарованія волшебнаго жилища; занятые, поглощенные созерцаніемъ этой комнаты, вы не заглянули сквозь аркады въ сосѣднюю—войдите въ нее:

Цвѣтникъ или садъ (такой же ширины, длина 20 арш.) Это угловая комната, однимъ окномъ прямо къ Адмиральтейству, четырьмя окнами, по загибающемуся фасу, обращенному къ подъѣзду. — Характеръ совершенно тотъ же; но здѣсь несравненно менѣе лѣпныхъ украшеній *. Комната по длинѣ раздѣлена на двѣ половины низкою рѣшеткою (балюстрадомъ); половина, прилежащая къ окнамъ, опускается на нѣсколько саженей ниже; вы сходите туда широкою мраморною лѣстницею, съ обѣихъ сторонъ украшенною растеніями и цвѣтами, и достигаете площади этого прохладнаго цвѣтника, вымощенной, въ родѣ мозаика, мелкими кусками мрамора, всаженными въ камневидную массу. По срединѣ бьетъ изъ мраморной чаши фонтанъ; кругомъ цвѣты и растенія, увлажаемые водною пылью и льющіе въ воздухъ благоуханія; въ углубленіи восхитительный гротъ.

Верхняя часть вся украшена цвѣтниками, трельяжами и бесѣдками самыхъ милыхъ формъ; изъ золотыхъ тирсовъ и багетовъ, составляющими безподобные, истинно-поэтическіе пріюты, гдѣ, благодаря роскошной фантазіи художника, высокая Хозяйка этого

* Г. Додоновъ, извѣстный художникъ нашъ, расписываетъ теперь эту комнату. Нѣтъ сомнѣнія, что цвѣты, которые набросаетъ его кисть, не устыдятся своихъ живыхъ соперниковъ, и, въ-замѣнъ ихъ аромата, будутъ одарены отъ художника продолжительнѣйшею свѣжестію.

благодатнаго жилища и въ глубокую зиму можетъ заставить царствовать весну со всѣми ея красотами, съ пѣніемъ птицъ, ароматами цвѣтовъ и шумомъ фонтана.—Отсюда есть дверь въ уборную, о которой мы сейчасъ упоминали, сообщающаяся, на-лѣво, — съ ванною, а прямо—съ третьею столовою, называемою *большою* *.

Большая столовая (21 ар. длины, 16 ширины) — нероскошная, но красивая, благороднаго стиля комната съ пилястрами. Она первая, т. е. начинающая рядъ покоевъ, (рядомъ съ нею) расположенныхъ по углубленной части фаса, обращеннаго къ Адмиральтейству. Вправо отъ нея расположены: буфетъ, съ переходомъ и лѣстницею, а возлѣ особенная *брильянтовая* комната; ими оканчивается съ этой стороны половина Государыни Императрицы; изъ этой же столовой выходъ прямо въ —

Ротонду (22 арш. въ діаметрѣ), прекрасную комнату палеваго мрамора, въ греческомъ вкусѣ, съ возвышеннымъ, смѣлымъ и стройнымъ каменнымъ куполомъ, замѣнившимъ полуплоскій деревянный потолокъ; изъ вершины его льется тихій свѣтъ; подъ куполомъ кольцомъ обхватываетъ комнату висящая галлерея. На оконечностяхъ двухъ прямоугольно-пересѣкающихся діаметровъ ротонды, устроены четыре красивыя углубленія или ниша (описанные радіусомъ около 5 аршинъ), поддерживаемые каждый двумя дорическими колоннами и придающіе большую пріятность общему виду ротонды. Эта комната есть четвертый (скрытый, невидный снаружи зданія) вну-

* Не должно смѣшивать ее съ Арапскою, называвшеюся тоже большою столовою, доколѣ эта комната не получила настоящаго своего назначенія.

тренній уголъ квадрата, занимаемаго внутренними покоями Государыни Императрицы *; она вмѣстѣ есть ключь этой цѣпи, и общее соединеніе. Предполагаю, что вы стойте въ ней точно въ томъ направленіи, какъ вошли въ нее изъ *большой столовой;* за вами ходъ черезъ эту послѣднюю въ уборную, цвѣтникъ и такъ далѣе; направо ходъ въ корридоръ, раздѣляющій половины Великихъ Князей и Государя Наслѣдника; прямо— входъ въ Малую Церковь; влѣво—входъ въ большую столовую (Арапскую), и ею сообщеніе налѣво — съ внутренними покоями Императрицы, направо съ помпейскою, длинною галлереею, Концертною Залою и далѣе совсѣми описанными уже нами пріемными залами.

Весь этотъ квадратъ окружаетъ собою внутренній непроѣздный дворикъ въ 10 саж. длины и почти въ пять саж. ширины. Наружныя же измѣренія самаго квадрата представляютъ — по одному фасу: на Неву, 25 саж. (9 оконъ); къ Адмиральтейству 18 саж. (7 оконъ), потомъ эта послѣдняя линія прямымъ угломъ загибается внутрь, къ главному корпусу на 10 слишкомъ саженей (6 оконъ), послѣ чего остальныя комнаты, принадлежащія къ этой половинѣ: *большая столовая, буфетъ* и *брильянтовая,* поворачиваютъ опять вправо по главному фасу, противъ Адмиральтейства лежащему, занимая въ немъ еще 12½ саж.; за тѣмъ продолженіе сего фаса до самаго угла, выходящаго на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству, занято половиною Государя Наслѣдника Цесаревича.

Намъ, вѣроятно, простятъ эти подробности: мы знаемъ, что многіе тысячи Русскихъ, которые прочита-

---

* Квадратъ этотъ составляетъ весь угловой выступъ дворцоваго зданія на Неву и къ Адмиральтейству.

ютъ эту статью, никогда не бывали во дворцѣ, а кому же изъ Русскихъ не драгоцѣнна и малѣйшая подробность о жилищѣ Царей ихъ? Мы полагаемъ хоть въ-малѣ удовлетворить этимъ святое любопытство сердца соотечественниковъ нашихъ.

Въ верхнемъ этажѣ этого же квадрата, съ угловой части его, окнами на Неву и къ Адмиральтейству, расположены внутреннія комнаты Государя Императора; въ нижнемъ устроены покои Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ.—Эти послѣднія комнаты, прекрасныя и отдѣлкою и удобствомъ расположенія, составляютъ совершенно-новое, важное пріобрѣтеніе для Зимняго-Дворца: до пожара вся часть, занятая ими, состояла изъ кладовыхъ и служебныхъ переходовъ. Мы послѣ поднимемся къ комнатамъ Государя Императора и спустимся къ комнатамъ Великихъ Княженъ, теперь же осмотримъ остальныя отдѣланныя части обозрѣваемаго нами этажа *.

* Мы осмотрѣли 1) весь фасъ на Неву, заключающій въ себѣ: парадную лѣстницу, Аван-залы, Концертную, и комнаты Императрицы; 2) весь фасъ боковой по дворцовому переулку (отъ Невы до Мильйонной), неимѣющій оконъ въ этотъ переулокъ, но обращенный окнами на большой дворцовый дворъ; въ этомъ фасѣ заключаются, начиная отъ парадной лѣстницы влѣво: залы — Фельдмаршальская, Петра I-го, Бѣлая (нынѣ ее всю роскошно золотятъ), и, бокъ-о-бокъ съ нею, Военно-портретная Галлерея, освѣщенная съ-верху; далѣе—новая Гренадерская Зала, упирающаяся своими окнами въ третій внутренній непроѣздный дворикъ, находящійся въ угловомъ квадратѣ или выступѣ на Дворцовую Площадь и въ Мильйонную; влѣво отъ Гренадерской Залы мы видѣли Большую Церковь, составляющую собою цѣлый задній фасъ (относительно къ Дворцовой Площади) этого квадрата и имѣющую окна направо — во внутренній дворъ, налѣво — въ переулокъ.

Теперь читателю, даже вовсе-незнакомому съ громаднымъ

Мы остановились въ ротондѣ; изъ нея, какъ сказано выше, есть выходъ въ широкій, свѣтлый внутренній корридоръ:

Внутренній корридоръ (всего въ 42 слишкомъ сажени длины и въ $2^1/_2$ саж. ширины), нѣкогда мрачный и

зданіемъ дворца, нетрудно и безъ плана понять общее его распредѣленіе. Представьте огромный квадратъ, съ четырьмя наугольными на немъ выступами; общая длина фасовъ, на площадь и на Неву по 104 сажени каждый; фасовъ: къ Адмиральтейству и въ переулокъ, по 80 саж. слишкомъ; а окружность всего этого *главнаго зданія* (не включая Эрмитажа и Шепелевскаго Дворца), слѣдя главные изгибы линій, до 450 саж.! — Въ серединѣ этой громады помѣщается четырех-сторонній (съ входящими и выходящими углами) дворъ, до 220 саж. въ окружности.—Теперь фасы и наугольные квадраты извѣстны; становимся на Невѣ лицомъ ко дворцу: весь этотъ фасъ извѣстенъ (смотри выше нум. 1-й въ этомъ примѣчаніи); наугольный лѣвый квадратъ, окружающій внутренній дворъ, занятъ съ одной стороны парадною лѣстницею и частію Фельдмаршальской Залы, съ трехъ остальныхъ половиною министра императорскаго двора. Идущій отсюда вертикально фасъ занятъ, какъ сказано выше (нум. 2-й этого примѣчанія); квадратъ, въ который онъ упирается, окружая внутреній дворикъ, содержитъ: въ ближайшемъ къ намъ фасѣ Большую Церковь; въ лѣвомъ (въ Мильйонную) и въ верхнемъ (на площадь) бывшія комнаты короля прусскаго, нынѣ почти-оконченную превосходною отдѣлкой *вторую запасную половину;* правый фасъ этого квадрата есть весь — одна новая, нынѣ отдѣлываемая Брюлловымъ и имъ проектированная превосходная Александровская Зала; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть связь и переходъ изъ второй запасной половины въ фасъ, обращенный на площадь, и также связь всѣхъ поименованныхъ нами выше большихъ залъ съ этимъ фасомъ, минуя вторую запасную половину, составляющую комнаты внутренній. — Далѣе, вправо идетъ середина фаса, обращеннаго на площадь; здѣсь опять цѣлая *половина, первая запасная*, роскошныхъ, оканчиваемыхъ комнатъ, на площадь окнами — пріем-

характеромъ, и недостаточною вышиною, и отсутствіемъ дневнаго освѣщенія, нынѣ обращенъ въ прекрасную, чистую, даже величественную галлерею въ греческомъ вкусѣ; на довольно-значительной вышинѣ онъ покрытъ потолкомъ, округляющимся красивою дугою и имѣетъ отверстія или фонари, освѣщающіе корридоръ съ-верху; на противоположномъ ротондѣ концѣ, корридоръ *дебушируетъ* прямо въ комнату кавалерійскаго караула, а отъ-туда изъ широкаго окна, обращеннаго на внутренній, непроѣздный дворикъ, свѣтъ опять льется въ корридоръ длиннымъ лучемъ. На серединѣ его протяженія, и по обѣ стороны, въ ровныхъ отъ этого мѣста разстояніяхъ, устроены

ныхъ, на дворъ окнами — внутреннихъ; слѣдовательно, общее соединеніе не прервано. Далѣе въ-право примыкаетъ наугольный квадратъ на площадь и къ Адмиральтейству, окружая собою внутренній дворикъ. Лѣвый фасъ его въ части, ближайшей къ этому дворику, есть переходъ и сообщеніе *первой запасной половины* съ фасомъ дворца, обращеннымъ къ Адмиралтейству; остальные фасы квадрата заняты превосходными, вновь-отдѣлываемыми комнатами: это *новая половина* Государя Наслѣдника Цесаревича. Далѣе, прямо на насъ, направленъ фасъ, обращенный къ Адмиральтейству, и раздѣленный внутреннимъ корридоромъ на-двое, по длинѣ; часть, съ окнами къ Адмиральтейству, есть *старая половина Государя Наслѣдника*, сообщающаяся съ новою; окнами на большой дворъ—*половины* Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Наконецъ, наугольный квадратъ на площадь и на Неву, половины: Государыни Императрицы, въ этомъ этажѣ; Государя Императора, въ верхнемъ, Государынь Великихъ Княженъ въ нижнемъ, и, минуя ихъ чрезъ ротонду, связь и сообщеніе этого фаса адмиральтейскаго съ набережнымъ, которымъ мы начали.—Такъ роскошно, удобно и умно распредѣлено это громадное построеніе; въ безчисленныхъ принадлежностяхъ, мелочахъ и прислугахъ порядокъ и удобства столь же удивительны.

портики, украшающіе входы изъ корридора въ покои направо и налѣво.

Главное назначеніе корридора состоитъ въ связи и сообщеніи квадрата (угловаго выступа) на Неву и къ Адмиральтейству, съ угловымъ квадратомъ (выступомъ) на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству; въ первомъ прежде помѣщались комнаты Императора Александра I-го; во второмъ—комнаты Императрицы Маріи Ѳеодоровны; нынѣ въ первомъ, какъ уже извѣстно, комнаты Государя Императора (въ верхнемъ этажѣ), Императрицы (въ среднемъ) и Великихъ Княженъ (въ нижнемъ). Начиная отъ ротонды по корридору направо къ Адмиральтейству, первыя двѣ комнаты, какъ мы сказали, принадлежатъ еще къ половинѣ Императрицы: это *буфетъ* и *брильянтовая;* далѣе лѣстница, ведущая на подъѣздъ (бывшій салтыковскій); отсюда вся остальная часть фаса, до угольнаго квадрата или выступа, заключающаго новоотдѣлываемую для Государя Цесаревича половину, содержитъ въ себѣ нынѣшнія комнаты Его Императорскаго Высочества, а именно: прихожая, зала съ выходомъ на балконъ, изъ палатки котораго Императорская фамилія изволитъ смотрѣть иногда на разводы; кабинетъ, почивальная, уборная и библіотека; всего на протяженіе 26 саж. Эта прежняя или временная половина Его Высочества чрезвычайно-проста по отдѣлкѣ и мёблировкѣ; но, находясь въ ней, впадаешь въ умилительное раздумье: многія комнаты возобновлены до малѣйшей подробности въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были, когда ихъ занималъ нынѣ благополучно-царствующій Государь Императоръ, а передъ нимъ покойный Императоръ, Александръ Павловичь, для котораго собственно онѣ были назначены и отдѣланы при его рожденіи.

Другая половина фаса, вдоль всего корридора, окнами на дворъ, заключаетъ въ себѣ двѣ столь же простоубранныя, но удобныя и по цѣли прилично-мёблированныя комнаты (всего восемь), раздѣленныя на двѣ половины: одна для Его Императорскаго Высочества, Константина Николаевича, другая для Николая Николаевича и Михаила Николаевича, вмѣстѣ. Тутъ все необходимое для ихъ занятій и полезныхъ упражненій; въ залѣ устроена гаубтвахта, и, говорятъ, будетъ поставлена большая модель корабля для практическаго обученія Его Императорскаго Высочества.

Осмотрѣвъ все безъ изъятія оконченное въ этомъ этажѣ, подымемся въ верхній, въ половину Его Императорскаго Величества.

Комнаты Государя Императора, немногочисленныя, отдѣланныя съ прежнею простотою, расположены надъ комнатами Императрицы *, и занимаютъ пространство ими занятое, за исключеніемъ *малахитовой, ванной,* и части *садика.* — По внутренней лѣстницѣ вы входите въ прихожую, а изъ нея прямо въ маленькую, переходную комнату, отъ которой вправо начинается рядъ комнатъ Государевыхъ, а влѣво принадлежащій къ этому отдѣленію *угловой кабинетикъ для Императрицы,* съ двумя окнами: одно на Адмиральтейство, и одно къ сторонѣ подъѣзда. Этотъ прелестный, уютный, семейный кабинетикъ украшенъ мёбелью бѣлаго дерева; потолокъ его, легко, но съ особеннымъ вкусомъ, расписанъ *Дролингеромъ,* отличнымъ художникомъ, которому принадлежатъ въ

* По такъ-называемой салтыковской лѣстницѣ до этого этажа 141 ступень; налѣво корридоръ къ комнатамъ Государя Императора, направо другой, расположенный надъ внутреннимъ свѣтлымъ корридоромъ, пролегающимъ между половинъ Великихъ Князей.

дворцѣ едва-ли не высшія въ этомъ родѣ работы. Но лучшее убранство сего кабинетика, какъ и всѣхъ почти комнатъ Государя Императора, состоитъ въ собраніи превосходныхъ, небольшихъ картинъ; вы замѣтите тутъ «Вознесеніе Божіей Матери», *Тиціана;* «Св. Семейство» *Леонарда-Винчи,* «Божію Матерь съ младенцемъ», если не ошибаемся, рафаэлевой школы; нѣсколько другихъ отличныхъ образцовъ прославленной кисти, и, между ими, имена и работы нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, двѣ прелестныя (извѣстныя всѣмъ по литографіямъ) женскія головы *Брюллова,* «Итальянское Утро», «Вечеръ», превосходное «Св. Семейство» *Егорова,* и проч. и проч.

Вправо отъ переходной расположены:

Туалетная; маленькая комната съ однимъ окномъ; столъ и нѣсколько шкапиковъ сѣраго (мореннаго) дерева составляютъ все ея убранство.

Кабинетъ въ два окна; простая, неизъисканнаго рисунка мёбель карельской березы: стулья, покрытые зеленымъ сафьяномъ, вдоль двухъ боковыхъ стѣнъ низкіе шкапы, къ сторонѣ оконъ два письменные стола, далѣе конторка, въ углубленіи большой диванъ, въ двухъ углахъ по камину,—вотъ рабочая комната Всероссійскаго Самодержца! —Стѣны, пріятнаго зеленаго цвѣта, украшены произведеніями кисти, изъ коихъ каждое есть или залогъ любви семейной, или воспоминаніе славы народной, и потому завѣтъ любви Царя къ огромному семейству, ввѣренному провидѣніемъ державной рукѣ его. Надъ диваномъ вы видите картины, изображающія знаменитыя военныя дѣйствія Петра I, родоначальника всякаго величія русскаго; портреты Петра I-го и Александра Благословеннаго; портреты Ихъ Императорскихъ Высо-

чествъ, братьевъ и сестеръ Государя Императора; далѣе, по стѣнамъ, акварельные портреты всѣхъ дѣтей Его Императорскаго Величества; прелестныя небольшія картинки, работы *Ладюрнера*, изображающія сцены изъ ежедневной военной или дворцовой жизни, и на каждой портреты: Государя Императора, или Наслѣдника Цесаревича, или Его Императорскаго Высочества, Михаила Павловича, принца Оранскаго, — окруженныхъ приближенными. Всѣ эти произведенія отличаются чрезвычайнымъ сходствомъ, не только лицъ, но склада и положеній особъ, которыя изображены на нихъ. — На двухъ стѣнахъ, надъ низкими шкапами, двѣ огромныя картины, извѣстныя многимъ въ Петербургѣ: «Парадъ въ Берлинѣ», писанный Крюгеромъ, и «Парадъ въ Санктпетербургѣ», писанный Ладюрнеромъ; на каждой болѣе 250 портретовъ извѣстныхъ лицъ военныхъ, окружающихъ здѣсь Императора, тамъ короля, а въ числѣ зрителей — нѣсколько особъ высшаго круга и современныхъ знаменитостей обоего пола. На одномъ изъ каминовъ — прекрасный мраморный бюстъ его величества, короля прусскаго; тутъ же всѣ мундиры его войска, изображенные маленькими чугунными *статуэтками*, отчетисто-отлитыми и раскрашенными. На другомъ каминѣ бюстъ Государыни Императрицы, отличнаго выполненія изъ бисквита (фарфоровой массы), съ наброшеннымъ на голову прозрачнымъ, вышитымъ, тюлевымъ вуалемъ; за этимъ бюстомъ расположены бюсты всѣхъ Великихъ Князей и Великихъ Княженъ, дѣтей Государя Императора, снятые въ самомъ юномъ возрастѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Угловая гостиная (на Неву и къ Адмиралтейству; по два окна на каждую сторону).—Потолокъ этой комнаты очень-красивъ; середина его составляетъ до-

вольно-возвышенный куполокъ, поддерживаемый по угламъ четырью четверть-куполками; все это расписано въ мозаичномъ родѣ бѣлою и лиловою красками, чрезвычайно-просто и со-вкусомъ, съ весьма легкою примѣсью золота. — Угловой диванъ, нѣсколько креселъ, козетка, два зеркала между оконъ съ полукруглыми подзеркальными столами и фарфоровыми на нихъ вазами, составляютъ мёблировку Царской гостиной (мёбель орѣховаго дерева съ позолотою). На боковой стѣнѣ каминъ, передъ которымъ стоитъ высокій экранъ-ширма, въ готическомъ вкусѣ, изъ трехъ половинокъ, покрытыхъ металлическими листами, на которыхъ находятся живописныя изображенія св. Побѣдоносца Георгія, св. Цециліи, и, если не ошибаемся, св. Клары; мы не имѣли случая свѣдать ничего объ этомъ украшеніи, но должно предполагать, что оно, кромѣ живописи довольно высокаго достоинства, должно быть чѣмъ-либо особенно замѣчательно. Стѣны и здѣсь обогащены избранными картинами: смотръ Наполеономъ гвардіи его, недавно по заказу Государя Императора написанный *Вернетомъ;* нѣсколько превосходныхъ картинъ *Танёра, Шотеля* и *Бакгузена;* нѣсколько отличныхъ произведеній кисти *Фанъ-Фельде, Вувермана* и *Беркгейдена* украшаютъ эту комнату; но драгоцѣннѣйшее ея убранство составляетъ статуя Императрицы, дѣланная Карломъ Вихманомъ въ 1827 году. Государыня изображена сидящею, искусно и неизъисканно-драпированною въ полудревнюю одежду; лѣвая рука покоится; въ правой, поднятой, медальйонъ съ профильными изображеніями родителей Императрицы, къ которымъ обращены нѣсколько ея станъ и голова, и на которыя устремлены съ выраженіемъ нѣжности взоры; въ этомъ произведеніи много сходства, граціи, мягкости и вмѣстѣ возвышенности

въ идеѣ и выполненіи. Верхняя часть (карнизъ) бѣлой мраморной базы, на которой утверждена статуя, круговращается безъ всякаго усилія отъ легкаго движенія руки, что позволяетъ видѣть статую со всѣхъ сторонъ.

Другая гостиная, съ потолкомъ, легко расписаннымъ въ мозаичномъ родѣ, по голубому и желтому полю, съ бѣлою мёбелью съ позолотой, и съ стѣнами, обтянутыми желтымъ штофомъ, съ легкимъ пунсовымъ узоромъ, заключаетъ рядъ немногочисленныхъ внутреннихъ комнатъ Государя Императора.

Продолженіе этой же линіи, до входящаго угла по набережной, т. е. до Концертной Залы, занято небольшою комнатою возлѣ желтой гостиной, называемою—

Статс-секретарскою; двери ея украшены каріатидами, на стѣнахъ нѣсколько хорошихъ картинъ *Роберта,* и, далѣе —

Тремя комнатами для пріѣздовъ Его Императорскаго Высочества, Михаила Павловича.

Сзади сихъ комнатъ расположенъ чистый корридоръ, освѣщенный съ-верху прекрасными матовыми съ прозрачно-вышлифованнымъ узоромъ стеклами; при послѣдней комнатѣ корридоръ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ вправо; въ этой части окна его выходятъ въ Концертную Залу, около которой онъ огибается опять влѣво и прямою линіею, пролегая надъ идущею внизу Помпейскою Галлереею, соединяется съ хорами всѣхъ другихъ большихъ залъ. Противоположный его конецъ выводитъ на новую прекрасную лѣстницу, устроенную близъ Малой Церкви. —По другой сторонѣ этого корридора, т. е. окнами на внутренній дворикъ и надъ расположенными внизу: *Арапскою,* малою или *Помпейскою столовою, Буфе-*

томъ, Каммер-юнферскою и переходами изъ нихъ, находятся еще чистыя комнаты для принадлежностей и прислугъ; въ остальныхъ комнатахъ этого же этажа помѣщены гардеробы Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Поднимемся теперь еще выше, по круглой, чугунной лѣстницѣ до телеграфа, отъ котораго идутъ телеграфическія линіи въ Кронштадтъ и Варшаву; взглянувъ съ этой возвышенной точки на дивную панараму Петербурга, съ его монументальными зданіями, прямыми, безконечными проспектами, обворожительною Невою и живописными остравами, — зайдемъ въ комнаты для телеграфическихъ работъ, и въ помѣщеніе для военно-служителей при телеграфѣ, устроенныя надъ комнатами Государя Императора, и, налюбовавшись необыкновенно-умному порядку размѣщенія всего, видѣннаго нами, искусству, сообразительности и незапутанности, съ которыми стройно соткана эта хитрая сѣть чистыхъ корридоровъ, свѣтлыхъ переходовъ, и удобныхъ, прекрасныхъ лѣстницъ, спустимся по той же круглой лѣстницѣ, изъ-подъ телеграфа, будто огромный винтъ провернувшійся сквозь всѣ эти этажи громаднаго дворца въ самый его фундаментъ, — чтобъ взойдти въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ, расположенныя подъ комнатами Государыни Императрицы.

На половинѣ дороги, въ этажѣ Государыни Императрицы, я остановлю васъ на одну минуту въ уборной; проходя здѣсь, я не обратилъ вашего вниманія на предметъ весьма любопытный. Въ двери цилиндрическаго шкапа, изъ краснаго дерева, маскирующаго круглую лѣстницу, по которой мы шли, вставлена картина, изображающая солдата въ настоящій ростъ; другая, такая же картина, находится въ другой двери направо. Вы вѣроятно помните, что Петръ I подарилъ

королю прусскому нѣсколько славныхъ гренадеровъ: съ этихъ-то *сѣверныхъ великановъ*, жившихъ въ холѣ и бережи въ новомъ ихъ отечествѣ, списаны были тогда же портреты; нынѣ-царствующій родитель Государыни Императрицы подарилъ сіи портреты Императору въ бытность Его Величества въ Берлинѣ. Одинъ изъ находящихся здѣсь есть самое добродушное лицо, какое-когда-либо можно видѣть подъ военною бронею; его свѣтло-русые, длинные волосы такъ странно противоположны гренадерской шапкѣ (въ родѣ нашихъ лейб-гвардіи Павловскаго Полка); бѣлая, голландская манишка въ складкахъ, красное нижнее платье, красиво-завивающійся, пристегнутый къ серединѣ перевязи фитиль, и огромная фузея, которую онъ весьма неловко держитъ, такъ замѣчательны, самая выправка такъ невоинственна, что вы любопытствуете узнать имя гренадера: оно написано въ-низу: «*Schwerid Redivanoff aus Moscau*».

Спустимся теперь ниже, въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ.

Начиная осматривать ихъ съ того же конца, съ котораго мы обозрѣвали комнаты Государя Императора, прежде всего должно зайдти въ двѣ маленькія комнатки, собственно для Его Величества назначенныя въ этомъ этажѣ, какъ и во всѣхъ; здѣсь письменный столъ, трюмо, два, три кресла—и только.

Чрезъ особый переходъ, вправо, половина Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Гостиная-кабинетъ Ея Императорскаго Высочества Ольги Николаевны, красиво, но просто отдѣланная, оклеена милаго рисунка голубыми обоями, и убрана приличною мёбелью бѣлаго дерева съ украшеніями изъ орѣховаго.

Опочивальная, зеленаго цвѣта, съ мёбелью краснаго дерева, въ углубленіи раздѣлена двумя колоннами древняго желтаго мрамора, поддерживающими красивую арку; штофная между ими драпировка составляетъ два отдѣльные алькова для ихъ Императорскихъ Высочествъ; въ углахъ два кивота для образовъ.

Рядомъ *гостиная - кабинетъ* Ея Императорскаго Высочества, Маріи Николаевны; малиновая комната, съ зеленою драпировкою оконъ, занимающая уголъ на Неву и къ Адмиральтейству. Она отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* и мёблирована съ большимъ вкусомъ (орѣховымъ деревомъ). Угловой диванъ, козетки, цвѣтники, письменный столъ, прелестное помѣщеніе у двухъ угловыхъ оконъ, отдѣленныхъ превосходнымъ трельяжемъ, все просто, но обворожительно по рисунку и свѣжести; надъ диваномъ двѣ прекрасныя семейныя картины *Ванлоо*.

Библіотека голубая; въ серединѣ ея столбъ, поддерживающій своды, опирающіеся на него со всѣхъ сторонъ; кругомъ шкапы, столы, всѣ принадлежности учебной комнаты.

Зала, съ необыкновенною простотою и чрезвычайнымъ вкусомъ отдѣланная въ готическомъ стилѣ. —Двѣ связки тонкихъ колоннъ дѣлятъ ее какъ-бы на двѣ галлереи, состоящія изъ аркадъ, граціозно перебрасывающихся со стороны на сторону; три окна льютъ свѣтъ на одноцвѣтныя кружевныя чистыя, лепныя украшенія, искусно выполненныя художникомъ *Генрихомъ Троду;* въ двухъ нишахъ перваго изъ этихъ массивовъ коллоннъ, съ обѣихъ его сторонъ, поставлены (тоже работы Троду) двѣ необыкновенно-прелестныя статуи, зефирныя, стройныя, тонкія, съ маленькими, миловидными головками, во вкусѣ среднихъ

вѣковъ. Одна, опершись правою рукою на арфу, а лѣвую прижавъ къ груди, обращаетъ къ небу взоръ, исполненный ангельской кротости; другая, держа въ лѣвой рукѣ вѣнокъ, съ выраженіемъ ангельской невинности, стройными пальчиками другой руки, кажется, хочетъ взять изъ него одинъ цвѣтокъ; мѣстами къ одеждѣ ихъ примѣшана позолота. Передъ окнами стоятъ прекрасныя хрустальныя вазы; легкая мёбель распредѣлена съ большимъ вкусомъ и въ углубленіяхъ арокъ вездѣ представляетъ милыя и уютныя помѣщенія.—Эта небогатая комната прелестна въ художественномъ отношеніи.

За нею слѣдуетъ свѣтлый корридоръ и особая лѣстница съ подъѣздомъ на Неву. По другую сторону корридора находится небольшое отдѣленіе для Ея Императорскаго Высочества Александры Николаевны. Позади всѣхъ этихъ комнатъ расположены помѣщенія для различнаго употребленія.

—

Мы обозрѣли все, что было готово тогда, какъ публика была впущена въ Зимній-Дворецъ, но не все, что готово уже теперь и еще со дня на день оканчивается, а этого еще чрезвычайно много: *Новая половина для* Государя Наслѣдника Цесаревича, до десяти комнатъ съ большою танцовальною залой *; *Первая запасная половина*, до семнадцати комнатъ **; *Вторая запасная половина*, до 14-ти комнатъ ***. Между сими двумя половинами, соединяющая ихъ, пре-

* Уголъ къ Адмиральтейству и на площадь.

** Середина фаса на площадь.

*** Уголъ на площадь и въ Мильйонную; слѣдовательно, эти половины занимаютъ весь фасъ на площадь и оба загиба отъ него по длинѣ выступовъ.

восходная новая Александровская-Зала, замѣчательна по изобрѣтенію архитектонической роскоши и смѣлости сводовъ. Все это дѣлаетъ А. П. Брюлловъ; все это то прекрасно, то прелестно, и все это—мы осмотримъ весьма-скоро, потому-что скоро будетъ все окончено.

Въ то же время мы сообщимъ описаніе чердаковъ, стропилъ, балокъ, вообще механическихъ устройствъ, заслуживающихъ особенное вниманіе; представимъ нѣсколько статистическихъ, неменѣе-любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ трудѣ — словомъ, постараемся дать столь вѣрное понятіе о предметѣ, сколько то возможно, и упомянемъ о художникахъ, наиболѣе-участвовавшихъ въ возобновленіи дворца.

Если статья эта и продолжительна, то мы не можемъ, однакоже, полагать, чтобъ кто-либо изъ Русскихъ не находилъ сердечнаго интереса въ бѣгломъ описаніи даже подробностей царскаго дома.

Въ ожиданіи и надеждѣ, что рука художника и вмѣстѣ искуснаго писателя начертитъ намъ въ болѣе полной и ученой картинѣ всѣ превосходныя частности этого громаднаго произведенія, повинуясь внутреннему влеченію, до времени кладемъ на алтарь общаго Русскимъ чувства свое слабое приношеніе.

А. Башуцкій.

ВЫСТАВКА ИЗДѢЛІЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ МАНУФАКТУРЪ ВЪ 1839 ГОДУ.

—

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

—

(МАШИНЫ, МЕТАЛЛЫ, ЛЕНЪ, ПЕНЬКА, КОЖИ, ШЛЯПЫ.)

Болѣе шести лѣтъ протекло со времени послѣдней выставки издѣлій отечественныхъ мануфактуръ въ Санктпетербургѣ. Съ той поры промышленость наша ознаменовалась важными успѣхами: она стремилась все далѣе и далѣе въ своемъ развитіи; многія новыя вѣтви привились въ ней къ прежнимъ, старыя улучшены; открытіе сбытовъ, особенно на востокѣ, значительно усилило производительность; примѣръ удачныхъ предпріятій ободрилъ капиталистовъ, и никогда, быть-можетъ, въ Россіи не появлялось столько фабрикъ и заводовъ всякаго рода. Были попытки неудачныя, неосторожныя, но, не смотря на нѣкоторые примѣры частные, нельзя не радоваться этому движенію промышленому — залогу будущаго богатства народнаго. Одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ его распространенію заключается безъ - сомнѣнія въ ограниченности внутренняго потребленія. Причины этого заслуживаютъ самаго усиленнаго вниманія;

но здѣсь не мѣсто о нихъ разсуждать, и мы упоминаемъ о нихъ только вскользь.

Во все это время, Европа постоянно дѣлилась съ нами своими открытіями и изобрѣтеніями. Можно смѣло сказать, что всѣ важнѣйшія изъ сихъ открытій у насъ извѣстны, оцѣнены; не было явленія примѣчательнаго по части промышлености на западѣ, которое не отразилось бы у насъ. Новыя машины, новыя орудія, улучшенные способы химическіе и механическіе, новый порядокъ, введенный въ различныя производства, новыя постановленія и учрежденія,—все у насъ извѣстно, испытано и принесло или приноситъ возможную пользу.

Во всемъ этомъ промышленомъ развитіи насъ должно поразить явленіе достопримѣчательное, котораго не представляетъ ни Франція, ни Англія. Тамъ источника успѣховъ мануфактурныхъ надлежитъ искать въ промышлености частной; у насъ же, напротивъ, начало ихъ надлежитъ отнести къ правительству, и, въ особенности, къ той администраціи, которая завѣдываетъ этою частью. И подллинно, разсмотрите по-одиначкѣ каждую вѣтвь промышлености,— вы встрѣтите въ главѣ ея успѣховъ или примѣръ, или поощреніе, или наставленіе со стороны министерства финансовъ. Это участіе правительства особенно замѣтно и чувствительно въ *послѣднее десятилѣтіе*, когда благодушный Монархъ нашъ обратилъ истинно-отеческое вниманіе на успѣхи нашей юной промышлености, и поручилъ управленіе министерствомъ, ею завѣдывающимъ, вельможѣ, обладающему опытностью и познаніями столь глубокими и многосторонними, представляющему рѣдкое соединеніе учености теоретической съ еще важнѣйшимъ: практическимъ знаніемъ людей и вещей. Его просвѣщенной

заботливости обязана наша промышленость тѣмъ цвѣтущимъ положеніемъ, въ которомъ она нынѣ находится. Въ-теченіе его администраціи, открыты новые пути и облегченія къ заведенію мануфактуръ; производительности ихъ дано надлежащее направленіе, соразмѣрное съ нашимъ потребленіемъ; обращено дѣятельное вниманіе на усовершенствованіе производства сырыхъ матеріаловъ, настоящаго богатства Россіи. Такъ, напримѣръ, заведены образцовыя фермы для земледѣлія; опредѣлены и улучшены постановленія по управленію лѣсовъ; учреждены Школа Земледѣльческая и Училище Лѣсоводства; даны пособія на учрежденія образцовыхъ хуторовъ, для воздѣлыванія льна и пеньки, и на выписку иностранныхъ бѣлильныхъ мастеровъ; даны различныя поощренія овцеводству; устроено, подъ высочайшимъ покровительствомъ, общество для улученія шелководства за Кавказомъ; выписаны въ Россію искусные химики, каковъ напр. *г-нъ Каллетъ*—для указанія способовъ къ улучшенію промысловъ животненныхъ, а *г-нъ Поасса*—для усовершенствованія промысловъ металлургическихъ. По части собственно-мануфактурной въ главныхъ частяхъ Европы постоянно содержатся корреспонденты, сообщающіе министерству все, что̀ иностранная промышленость представляетъ замѣчательнаго, и въ этомъ случаѣ министерство есть наилучшій посредникъ для передачи сихъ улучшеній отечественной промышлености. Такъ въ русскихъ фабрикахъ появилось множество новыхъ машинъ и орудій; сдѣлались извѣстны многіе способы, облегчившіе или удешевившіе производство; высланы въ Россію многіе полезные мастера, какъ-то: аппретёры, рисовальщики, механики и т. п. Къ числу важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ къ улучшенію мануфактурной ча-

сти, надлежитъ, безъ-сомнѣнія, отнести учрежденіе Технологическаго Института въ Петербургѣ. Этому осуществленію прекрасной мысли нынѣшняго министра финасовъ, Россія обязана будетъ множествомъ просвѣщенныхъ людей, исключительно-посвященныхъ мануфактурамъ. Всѣ эти усилія, всѣ эти старанія со стороны правительства имѣли еще и то счастливое послѣдствіе, что возвысили въ глазахъ отечественной публики призваніе фабриканта. Нынѣ у насъ за честь поставляютъ себѣ заниматься мануфактурами лица, рожденныя на высшихъ ступеняхъ общества. Примѣръ ихъ, безъ-сомнѣнія, дѣйствуетъ на тѣхъ, которыхъ удѣлъ скромнѣе, а между-тѣмъ ихъ образованность невольно сообщается сословію, собственно къ тому предназначенному.

Среди сихъ-то счастливыхъ предзнаменованій открылась нынѣшняя *выставка*. Любопытно изслѣдовать, въ какой степени отразились въ ней успѣхи, о которыхъ мы теперь говорили. Не должно забывать, что подобная выставка никогда не можетъ быть полнымъ и совершенно-вѣрнымъ, такъ-сказать, слѣпкомъ промышлености, особенно въ Россіи, гдѣ тому противятся и значительныя разстоянія, и—по-крайней-мѣрѣ доселѣ—не-совсѣмъ-хорошее состояніе дорогъ.

Какъ и прежде, мѣстомъ выставки избраны биржевыя залы, обыкновенно служащія таможеннымъ депо. Противъ прежняго, онѣ увеличены прибавкою значительнаго пакгауза. Въ очеркахъ нашихъ мы постараемся слѣдовать порядку расположенія предметовъ.

Первая и вторая залы заключаютъ въ себѣ машины, издѣлія металлическія и главные сырые матеріалы. Эта часть выставки безъ-сомнѣнія важнѣйшая: въ ней совокупились главныя начала русскаго народнаго богатства и главныя средства къ его рас-

пространенію. Нельзя было найдти мѣста приличнѣе для портрета императора Петра Великаго. Тѣнь незабвеннаго монарха должна возрадоваться при видѣ успѣховъ, которыми Россія обязана частію первоначальному направленію ея промышленыхъ силъ, о которомъ онъ такъ много заботился. Передъ самымъ изображеніемъ Великаго лежатъ желѣзныя полосы, выкованныя его собственными царственными руками—и это высокое напоминаніе глубоко должно проникнуть въ душу каждаго изъ нашихъ отечественныхъ фабрикантовъ.

Тутъ являются, во-первыхъ, работы императорскихъ арсеналовъ — Санктпетербуржскаго, Кіевскаго и Брянскаго. Въ совершенствѣ отдѣлки, они, безъ-сомнѣнія, не уступятъ лучшимъ европейскимъ издѣліямъ этого рода. Въ числѣ ихъ нельзя не упомянуть объ огромной пушкѣ съ ижорскихъ заводовъ, приспособленной къ метанію бомбъ; она еще въ первый разъ является въ нашей артиллеріи. Кіевскій арсеналъ, между прочимъ, выставилъ полное собраніе пилъ, служащихъ къ ружейному дѣлу, и разныхъ орудій для токарнаго, паяльнаго, кузнечнаго и лабораторнаго дѣла. Сколько можно судить о добротѣ этихъ орудій по виду, они, кажется, весьма-удовлетворительны. Тутъ же являются солдатскія ружья разныхъ родовъ, съ оружейжейныхъ казенныхъ заводовъ: Сестрорѣцкаго, Тульскаго и Ижевскаго. Подлѣ нихъ, для сравненія, выставлены образцы ружей брюссельскихъ, литтишскихъ и англійскихъ. Между сими послѣдними и нашими можно замѣтить одну только разницу: стволы русскихъ ружей болѣе блестящи, что̀ служитъ признакомъ меньшей закалки. Тула представила сюда болѣе десяти фабрикантовъ; издѣлія ихъ довольно красивы, но не отличаются дешевизною. Быть-можетъ,

высокія цѣны различныхъ выставленныхъ ими ружей — отъ 500 руб. до 925—надлежитъ приписать роскошной отдѣлкѣ; но не должно забывать, что эта отдѣлка ни мало не увеличиваетъ доброты оружія въ употребленіи. Изъ санктпетербуржскихъ фабрикантовъ можно отозваться съ особенною похвалою о *Бертранѣ, Велле*, и, въ особенности, объ изобрѣтателѣ *Вишневскомъ*, который выставилъ нѣсколько ружей, изъ которыхъ каждое имѣетъ особенное устройство.

Модели, изготовляемыя Артиллерійскою Школою, превосходны.

Въ-слѣдъ за отдѣленіемъ артиллерійскихъ орудій, расположено отдѣленіе орудій земледѣльческихъ. Императорское Вольное Экономическое Общество выставило многочисленное собраніе разныхъ моделей земледѣльческихъ машинъ. Въ числѣ ихъ замѣтимъ *архимедовъ винтъ*, усовершенствованный Поадебардомъ, тюрбину Фурнейрона, водяное пошвенное колесо Понселета, воротъ для выдиранія деревьевъ съ корнемъ, помощію котораго *три* человѣка производятъ силу до 4,500 пудовъ, и, наконецъ, разнаго устройства вентиляторы для употребленія на корабляхъ и въ подземныхъ инженерныхъ и горныхъ работахъ.—Любопытны также модели кулевыгрузной машины и разнаго рода плуговъ. Замѣчательно, что цѣна 35 руб. за плугъ *мордвиновскій* довольно-умѣренна. Весьма-важно сдѣлать эти орудія сколь-возможно-доступными по цѣнѣ для нашихъ поселянъ.

Орудія земледѣльческія, для разнаго употребленія изъ Маріинской Школы графини Софіи Владиміровны Строгановой, замѣчательны по устройству и формѣ. Къ-сожалѣнію, черная краска, которою покрытъ металлъ, не позволяетъ судить о его добротѣ.

Но важнѣйшимъ явленіемъ въ этомъ отдѣленіи останутся произведенія старыхъ знакомцевъ русской публики—*Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства машинистовъ братьевъ Бутеноповъ.* Заведеніе ихъ, на которомъ трудится болѣе 300 работниковъ,—образцовое; даже за границею немногіе могутъ вступить съ нимъ въ соперничество. Одно изъ важнѣйшихъ его преимуществъ состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ постоянный прейс-курантъ. Выставленныя машины его отличаются совершенствомъ работы, новизною и удобствомъ механизма, и, можно сказать, умѣренною цѣною. Изъ нихъ назовемъ одноконную молотильню новаго изобрѣтенія въ 350 р., вѣяльную машину въ 165 р., и весьма-удобную машину для рѣзки измятой соломы и даже сѣна, совершенно-новую, въ 200 р. Тутъ же коллекція моделей разныхъ молотиленъ, плуговъ, боронъ и распашниковъ. Есть плуги не-дороже 25 р. ассигн. Распашникъ Теэра для картофеля стòитъ 30 р. асс. Кочкорѣзъ Татищева 20 р. асс. Гг. Бутенопы, удостоенные вниманія правительства, пользуются большою извѣстностью въ Россіи: они получаютъ многочисленные заказы для внутреннихъ губерній, что̀ служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ исправности.

Издѣлія Технологическаго Института занимаютъ важное мѣсто на нынѣшней выставкѣ, особенно по части машинъ. Между сими послѣдними являются многія новыя, еще мало извѣстныя въ Россіи, таковы: горизонтальное водяное колесо, или *тюрбина,* совершенно-готовое къ употребленію; машина для пробы крѣпости проволоки; токарный станокъ, называемый англійскимъ *самоточильникомъ,* по образцу Леблана; гвоздильная машина; нажимальный станокъ для приготовленія выпуклыхъ и вогнутыхъ металлическихъ по-

верхностей. Сверхъ-того, институтъ выставилъ многія другія машины и модели машинъ, замѣчательныя по работѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ суть произведеніе рукъ самихъ воспитанниковъ. Нельзя не упомянуть также о разныхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ, приготовленныхъ воспитанниками, какъ-то: о сукнахъ разныхъ цвѣтовъ, о шелковыхъ и бумажныхъ тканяхъ, также о пряжи льняной и бумажкой, и о закавказскихъ шелкахъ, смотанныхъ, ссученыхъ и весьма-хорошо окрашенныхъ въ разные цвѣта. Неменѣе замѣчательны издѣлія химическія. Подобные образцы служатъ лучшимъ доказательствомъ практической и полезной цѣли, которая предположена сему учебному заведенію и достигается имъ. Сколько искусныхъ мастеровъ и фабрикантовъ оно обѣщаетъ нашей отечественной промышлености!

Въ отдѣленіи металлическомъ, нельзя не остановиться съ особеннымъ участіемъ предъ многочисленными и разнообразными произведеніями казенныхъ заводовъ. Тутъ превосходные образцы литой стали съ златоустовскихъ заводовъ выставлены подлѣ блестящихъ издѣлій златоустовской оружейной фабрики; между ими особенно замѣчательны отличныя шашки на-манеръ черкесскихъ, съ булатными, вытравленными клинками, съ ручками и ножнами въ богатой оправѣ; тутъ же превосходныя косы, пилы и плотничьи топоры; въ-особенности отличаются высокой политуры ваза и круглое параболическое зеркало изъ стали, подражающее серебру; въ этомъ же родѣ подносъ, изукрашенный прекрасными рисунками. Издѣлія эти отличаются и дешевизною; такъ, напр., есть косы булатныя, отъ двухъ руб. 80 коп. до 4 руб., тогда какъ косы штейермаркскія обходятся вдвое и втрое дороже. — Заводъ Камско-

воткинскій выслалъ образцы всякихъ родовъ желѣза. Между ими весьма-замѣчательно собраніе желѣза, приготовленнаго по образцамъ, въ азіатской торговлѣ употребляемымъ. Заводы литейные Луганскіе и Олонецкіе доставили образцы своихъ издѣлій, доказывающіе превосходство работъ, на нихъ производимыхъ. Тутъ же можно видѣть различные горные инструменты, машины и произведенія съ заводовъ Екатеринбуржскихъ, Богословскихъ, Колывано-воскресенскихъ и Нерчинскихъ. Санктпетербуржскій Монетный Дворъ выставилъ: образцы различныхъ инструментовъ, на немъ употребляемыхъ, коллекцію бронзовыхъ медалей, и систематическое собраніе продуктовъ: отдѣленіе сребристаго золота и золотистаго серебра по способу г. Поасса. Способъ этотъ введенъ въ послѣднее время по высочайшей волѣ съ большою выгодою на Монетномъ Дворѣ. Въ заключеніе упомянемъ о произведеніяхъ Санктпетербуржскаго Александровскаго Чугуннолитейнаго Завода. Къ нимъ принадлежатъ во-первыхъ, четыре искусственныя желѣзныя стропила 12 саженнаго разстоянія, съ покрышею изъ листоваго желѣза, по образцу тѣхъ, которыя употреблены для крыши Зимняго-Дворца; они стоятъ предъ самымъ входомъ въ зданіе выставки. Двѣ эллиптическія дутыя балки изъ листоваго желѣза, 10-ти саженной длины, употребленныя для сводовъ въ томъ же Зимнемъ-Дворцѣ; двѣ мостовыя балки изъ котельнаго желѣза, 8½ саженной длины; при этомъ образцы чугунныхъ трубъ, рѣшетокъ, артиллерійскихъ снарядовъ; также паровая машина, подвижная, новаго устройства, усиленнаго давленія. Сверхъ-того главный входъ въ зданіе выставки украшенъ четырьмя фигурами, выбитыми на томъ же заводѣ изъ листовой мѣди. Двѣ изъ нихъ изображаютъ геніевъ, подобныхъ поставленнымъ у мос

ковскихъ Тріумфальныхъ Воротъ: Россію и Изобиліе. Первая является въ образѣ молодой женщины, увѣнчанной цвѣтами, съ важнымъ видомъ и глубокимъ выраженіемъ въ лицѣ, вторая въ видѣ прекраснаго юноши, блестящаго силою и крѣпостью. Двѣ другія фигуры изображаютъ *Сваячника* и *Бабочника*, по моделямъ художниковъ Логановскаго и Пименова. Тутъ же поставлены виды и барельефы на-манеръ медичейскихъ.

Изъ частныхъ заводовъ представлены на выставку одни лишь произведенія нижнетагильскихъ горныхъ заводовъ гг. *Демидовыхъ*. Желѣзо демидовское пользуется большою извѣстностію за границею, хотя ему и предпочитается желѣзо шведское. Особенно заслуживаетъ вниманіе превосходная сталь, на этихъ заводахъ приготовляемая. Немало замѣчательна и жесть отличной доброты.

Ножевная часть несравненно-богаче. Болѣе 13 фабрикантовъ выставили свои издѣлія; изъ нихъ 9 изъ Нижегородской-Губерніи. Упомянемъ съ особенною похвалою о ножахъ, ножницахъ и бритвахъ въ перломутовой оправѣ *И. Г. Завьялова*, фабриканта Нижегородской-Губерніи, въ Ворсмѣ; также объ издѣліяхъ ножевнаго мастера *Канапля*, въ Санктпетербургѣ. Вообще замѣтны успѣхи по сей фабрикаціи; литая сталь безпрерывно улучшается у насъ въ качествѣ. Хороши также издѣлія съ фабрикъ графини де-Брогліо, въ Рязанской-Губерніи.

По части собственно-механической явились г. *Бердъ* съ паровою машиною въ 8 силъ, гг. *Всеволожскіе* съ прекраснымъ паровозомъ и его принадлежностями, г. *Гонценбахъ* съ машинами для трепанія и чески льна и пеньки, также съ механизмами для холстинки и миткаля, г. *Соболевъ* съ разными механическими приборами, *Нильсенъ*, изъ Москвы, съ маши-

нами отличной работы для суконной фабрикаціи, и, наконецъ, Фабрика *Польскаго Банка*, въ Варшавѣ, выславшая на выставку паровую машину въ 5 силъ, гидравлическій прессъ въ 6000 центнеровъ и разные другіе механизмы. Вообще часть эта неслишкомъ-богата на выставкѣ. Многіе машинные заводы не прислали своихъ издѣлій, и, намъ кажется, можно пожалѣть о такомъ равнодушіи къ мнѣнію публики, которымъ бы должны были дорожить наши заводчики. Доселѣ еще господствуетъ неодолимое предубѣжденіе относительно отечественныхъ машинъ, и большая часть фабрикантовъ заказываетъ машины въ иностранныхъ земляхъ.

Бумагопрядильная и другія машины съ Императорской Александровской Мануфактуры доказываютъ, какой степени совершенства можно достигнуть по сей части при бдительномъ и просвѣщенномъ управленіи. Отличныя издѣлія на той же самой мануфактурѣ, приготовленныя помощію сихъ машинъ и тутъ же выставленныя, служатъ подтвержденіемъ ихъ превосходства. Впрочемъ, казенное заведеніе сіе давно уже пользуется заслуженною славою и полнымъ довѣріемъ промышленаго сословія. Въ отдѣленіи машинъ нельзя не упомянуть также о модели желѣзной переносной дороги съ двумя тачками для перевозки штучныхъ и сыпучихъ тяжестей, фридрихсгамскаго первостатейнаго купца *Лодыгина*,— нововведеніе, взятое у Англичанъ и весьма-полезное у насъ въ Россіи, особенно при недостаткѣ хорошихъ дорогъ. Скажемъ также нѣсколько словъ о механическихъ ногѣ и рукѣ г. Эйхлера, изъ Варшавы, приборахъ весьма остроумныхъ,—и въ-заключеніе пригласимъ всякаго любителя математическихъ инструментовъ остановиться близь портрета Петра-Великаго, гдѣ выставлены превосход-

ныя издѣлія Ижорскихъ казенныхъ Адмиральтейскихъ Заводовъ. Въ числѣ ихъ онъ впервые увидитъ на выставкѣ отечественныхъ издѣлій разные пантографы и перспективные инструменты. И тутъ, какъ и вездѣ, правительство опереживаетъ частное образованіе и даетъ въ одно время и наставленіе, и примѣръ. Изъ довольно многочисленныхъ партій металлической посуды надлежитъ упомянуть о самоварахъ двухъ тульскихъ фабрикантовъ *Маликова* (Николая Д.) и *Ломова*; издѣлія послѣдняго въ-особенности отличаются изящностью формъ, и, можно сказать, умѣренною цѣною: у него самовары изъ красной мѣди съ подносомъ, смотря по величинѣ, показаны въ цѣнѣ отъ 30 до 100 рублей. Гг. *Макухинъ* и *Суровцовъ* выставили посуду для азіатской торговли — первый чугунно-литейную, второй мѣдную. Упомянемъ еще о посудѣ изъ новаго серебра г. *Геннигера* и *К*°., изъ Варшавы, заманчивой по своей дешевизнѣ. Любопытно на опытѣ удостовѣриться въ степени ея прочности. Замѣчательна также посуда желѣзно-луженая гг. *Шаффа* и *Добролюбова*, которая начинаетъ входить въ употребленіе.

Братъ г. *Маликова* (Иванъ), изъ Тулы, и Бухъ, изъ Петербурга, представили пуговицы, знаки и другія томпаковыя издѣлія. Гг. *Славянскій* и *Кунгурцевъ* явились съ типографическими вещами. Любопытны еще проволочные фонари, гардины и маски г. Брюля.

По части слѣсарной, восемь фабрикантовъ представили свои издѣлія; между ими особеннаго вниманія заслуживаетъ г. *Бартцихъ*, изъ Петербурга, выставившій желѣзный сундукъ конторскій съ замкомъ о 26 собачкахъ: въ желѣзномъ сундукѣ повѣшенъ на цѣпяхъ желѣзный же ящикъ; пустое пространство между стѣнками сундука и ящика наполняется водою,

а на крышку ящика насыпается песокъ, — такъ-что этотъ сундукъ можетъ простоять въ огнѣ 24 часа, и вещи, въ немъ находящiяся, не повредятся. Онъ же представилъ первые опыты мёбели изъ дутаго желѣза. Кровать и стулъ, его работы, отличаются необыкновенною легкостью. Должно надѣяться, что со-временемъ цѣна имъ будетъ уменьшена и что они станутъ доступнѣе. Замки г. *Яхтмана* превосходны, но дороги. То же можно сказать и про его желѣзную мёбель, впрочемъ тяжелую при всей красотѣ рисунка. Любопытно телеграфическое устройство колокольчика г. *Несслера,* — выдумка остроумная, но съ употребленiемъ ея сопряжено одно условiе: грамотность въ нашихъ слугахъ.

По части металлургической, въ числѣ новыхъ предметовъ, явившихся на выставку, должно упомянуть также о цинковыхъ листахъ для кровли, варшавскаго фабриканта *Штейнкеллера,* и о рессорахъ, осяхъ, неполированныхъ желѣзныхъ кроватяхъ съ эластическими матрасами г. Велле.

Прекрасные экипажи придворнаго заведенiя невольно останавливаютъ на себѣ вниманiе посѣтителей роскошью и красотою отдѣлки. Между ими упомянемъ о садовой линейкѣ новаго устройства, безъ дроги на подрессоркахъ, которую можно употреблять для русской и англiйской упряжи. Тутъ же привлекаетъ вниманiе странностью своего устройства карета на двухъ колесахъ, изобрѣтенiе г. штабс-капитана Герсеванова. Для испытанiя удобства сего рода экипажа, можно бы предложить изобрѣтателю попробовать его на московской мостовой. Впрочемъ должно замѣтить, что каретное мастерство не отличилось нынѣ многочисленностью выставленныхъ издѣлiй.

Въ-заключеніе краткаго обозрѣнія металлургическаго отдѣленія выставки, упомянемъ съ похвалою о желѣзѣ Москвина, о стальныхъ издѣліяхъ Пастухова, и о типографическихъ вещахъ г. Кунгурцева. Вообще можно сказать, что сія важная часть, основанная на коренномъ отечественномъ матеріалѣ, представила на нынѣшней выставкѣ, хотя и въ маломъ размѣрѣ, всѣ главнѣйшія улучшенія, которыми ознаменовалась въ послѣднее время.

Отъ металловъ перейдемъ къ другому, неменѣе важному русскому произведенію, занимающему значительную часть промышленаго сословія въ Россіи, и составляющему прибыльную статью заграничной торговли. Болѣе семидесяти производителей выставили продукты сіи частью въ сыромъ видѣ, частью въ издѣліяхъ. Русская пенька вообще какъ по длинѣ, такъ и по крѣпости волоконъ, пользуется доброю извѣстностью на иностранныхъ рынкахъ. Внутри она служитъ для фабрикаціи превосходныхъ канатовъ и парусинъ. Изъ десяти партій пеньки сырой, назовемъ представленныя гг. Турковымъ и Мерцаловымъ, изъ Болхова. Любопытно сравнить пеньку эту съ итальянской пенькой, выписанной на здѣшнюю же выставку для образца. Послѣдняя, хотя и длиннѣе, но вѣроятно немногимъ превосходитъ пеньку русскую въ качествѣ. Пеньковые канаты г. Сазонова заслуживаютъ особенное вниманіе. Въ этомъ же отдѣлѣ нельзя не упомянуть о веревкахъ и канатахъ изъ алоэса или манильской пеньки, варшавскаго фабриканта Неймана. Издѣлія изъ этого вещества въ первый разъ являются на нашей выставкѣ. Не смотря на отдаленность мѣсторожденія, пенька манильская (aloes, agare) обходится въ Европѣ не болѣе сорока копеекъ фунтъ, тогда какъ ленъ и пенька

самаго низкаго сорта стоятъ дороже. Можно было бы опасаться сего новаго соперника, если бы издѣлія изъ него вполнѣ удовлетворяли потребленію. Веревки изъ алоэса, при большей легкости и крѣпости, не имѣютъ надлежащей степени гибкости и къ-тому же нелегко пріемлютъ деготь. Заведенія сего рода уже давно существуютъ во Франціи и въ Бельгіи.—Въ главѣ льняныхъ произведеній надлежитъ поставить ленъ съ образцоваго заведенія Е.С. Карновича въ Ярославской-Губерніи. Извѣстно, что этотъ просвѣщенный агрономъ, для усовершенствованія воздѣлыванія льна, воспользовался фламандскими семействами, выписанными Д. С. С. барономъ А. К. Мейендорфомъ въ Россію, и которыя частью переведены нынѣ въ помѣстья г. Карновича, куда выписанъ также полотно-бѣлильный мастеръ изъ города Билефильда. Въ это заведеніе принимаются владѣльцемъ за умѣренную плату люди для обученія ихъ льняному дѣлу. Такимъ-образомъ и другіе льно-производители въ отечествѣ нашемъ могутъ воспользоваться богатою и истинно-патріотическою мыслію г. Карновича. — Подлѣ сихъ образцовъ должно упомянуть объ образцѣ льна съ мызы Роопъ, барона Мейендорфа , въ Лифляндіи, обработаннаго колонистомъ фан-Штейнкейстомъ, и соединяющаго въ себѣ всѣ качества хорошаго фламандскаго льна. Сколь желательно было бы, чтобы всѣ наши помѣщики, особенно Псковской и Владимірской-Губерній, поддерживали сіи полезныя попытки барона Мейендорфа и г. Карновича! Почетный гражданинъ Тихановъ выставилъ также образцы льна въ соломѣ, трепанаго и чесанаго, замѣчательные по длинѣ волоконъ. Производитель этотъ воспользовался частію примѣромъ г-на Карновича; должно благодарить его за желаніе содѣйствовать къ улучшенію столь важ-

ной отрасли нашей промышлености. Замѣчательны, какъ первые опыты сего рода, образцы льняной машинной пряжи г. Елизаровыхъ въ Вязникахъ (Владимірской Губерніи) и товарищества санктпетербуржской льнопрядильной полотняной фабрики. Полотна Елизаровыхъ, отъ 1 р. 50 к. до 3руб. за аршинъ, превосходны своею бѣлизною. Должно упомянуть также о полотняныхъ тканяхъ и столовомъ бѣльѣ съ большой мануфактуры гг. Яковлевыхъ, въ Ярославлѣ. Неменѣе заслуживаютъ вниманія высокаго качества полотна, приготовленныя въ Ярославлѣ, подъ руководствомъ бѣлильнаго мастера Гартемана, въ заведеніи каммер-юнкера Волоцкаго. Изъ одного вязниковскаго уѣзда около десяти фабрикантовъ доставили образцы своихъ полотенъ на выставку, доказывающія, что отрасль сія съ года на годъ болѣе и болѣе совершенствуется. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ распространяться объ отличной парусинѣ и другихъ полотняныхъ издѣліяхъ, коими изобилуетъ нынѣшняя выставка. Однако нельзя не упомянуть о необыкновенномъ способѣ бѣленія льна и пеньки г. Кочетова. Уже давно сей искусный мастеръ предлагаетъ свои услуги нашимъ фабрикантамъ; онъ желаетъ только обезпеченія своего существованія за уступку сего важнаго способа. Образцы бѣленой пеньки чесаной, имъ представленные, поражаютъ блестящею бѣлизною волоконъ. Какъ жаль будетъ, если отечественная промышленость не воспользуется симъ открытіемъ, и если оно погибнетъ вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, который уже въ преклонныхъ лѣтахъ!

Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что кожевенныя издѣлія занимаютъ на нынѣшней выставкѣ также немаловажное мѣсто. Мы видимъ тамъ образцы кожъ, начиная съ подошвенныхъ до всякаго рода сафьян-

ныхъ и перчаточныхъ. Скажемъ еще болѣе: въ этомъ разнообразіи товаровъ открывается несомнѣнное стремленіе къ улучшенію сей коренной отрасли отечественной промышлености. Вообще кожевенные фабриканты наши не должны забывать, что природа частью сдѣлала для нихъ то, чего надлежало бы ожидать отъ искусства, и что имъ остается только воспользоваться всѣми новѣйшими открытіями химіи. Это желаніе всякаго любителя отечественной промышлености исполнили частію г. Гинтеръ, фабрикантъ санктпетербуржскій, и князь Н. В. Долгорукій, содержащій кожевенную фабрику въ Смоленской Губерніи. Ихъ кожи подошвенныя столь же замѣчательны по крѣпости и добротѣ своей, сколь и по умѣренной цѣнѣ (по 1 р. 50 к. пара). Опойки и лакированныя кожи съ сихъ фабрикъ превосходны. Кожи съ фабрикъ гг. Кусова и Звѣркова представляютъ также многія значительныя достоинства. Упомянемъ еще о юфтѣ Метцингера, изъ Москвы, и Савина, осташевскаго купца; также о сафьянахъ санктпетербуржскаго купца Иванова и Биттерлинга, представившаго удачные опыты свиной крашенной кожи. Замѣчателенъ также пергаменъ Клингера для битья золота. Нѣсколько казанскихъ заводчиковъ явилось представителями кожевенной промышлености, столь древней и цвѣтущей въ этомъ городѣ. Особенно примѣчательны козлы Крупеникова, служащіе, частью, для кяхтинской торговли. — Выдѣлка кожъ для перчатокъ сдѣлала также важные успѣхи. Еще на выставкѣ 1835 года въ Москвѣ, Государь Императоръ замѣтилъ, что часть сія нуждается въ особенныхъ улучшеніяхъ. Вь-слѣдствіе того, по Высочайшей волѣ, выписанъ въ Петербургъ съ цѣлымъ семействомъ мастеръ Лаллеманъ, для выдѣлы-

ванія перчатокъ; на это выдана особенная сумма. Нынѣ мастеръ сей состоитъ на фабрикѣ гг. Шишмарева и Агрѣшкова. Тамъ выдѣлываются кожи, козлинки, барашки, бараньи и оленьи весьма-удовлетворительнаго качества, довольно-мягкія и упругія. Перчатки изъ сихъ кожъ весьма-хороши и, что̀ еще лучше, дешевы: по 28 рублей дюжина. Пора нашимъ денди поберечь свои кошельки и въ то же время поддерживать промышленость, еще нуждающуюся въ поощреніи! Кто знаетъ, можетъ - быть, и недалеко время, когда перчатки петербуржскія заставятъ забыть о парижскихъ? — Можно упомянуть также съ особенною похвалою о перчаточныхъ кожахъ гг. Френцеля и Бинарда, которыя, однако, нѣсколько дороже первыхъ. Тутъ же выставлены образцовыя издѣлія казенной лосинной фабрики, замѣчательныя по дешевизнѣ.

Въ отдѣлѣ клеёнокъ встрѣчаемъ старыхъ нашихъ знакомыхъ: Муратовскаго и Аристова. Варшавскія клеёнки Вана и Веттера замѣчательны по выбору узоровъ.

Въ шляпномъ дѣлѣ, подлѣ заслуженныхъ нашихъ фабрикантовъ Юнкера и Циммермана, явились на здѣшней выставкѣ прекрасныя шляпы изъ заведенія подъ фирмою Заяцъ-Оноре. Сіи послѣднія, гораздо-дешевле циммермановскихъ, не уступаютъ имъ въ легкости и въ наружной красотѣ. Нельзя не похвалить также произведеній санктпетербуржскаго фабриканта Азарова, умѣвшаго соединить красивость издѣлія съ дешевизною.

По части химической на нынѣшней выставкѣ надлежитъ обратить особенное вниманіе на сало, мыло, свѣчи, разнаго рода сахаръ и на собственно-химическія произведенія. Мѣсто не позволяетъ намъ коснуть-

ся въ-подробности сихъ важныхъ вѣтвей отечественной промышлености. Въ слѣдующей статьѣ мы предоставляемъ себѣ продолжать этотъ очеркъ выставки. Нынѣ же, въ-заключеніе, упомянемъ объ одной истинно-полезной мѣрѣ, принятой правительствомъ на нынѣшней выставкѣ. Для сличенія съ отечественными издѣліями, выставлены по нѣкоторымъ частямъ образцы иностранныхъ произведеній. Любопытно, особенно для фабричнаго сословія нашего, опредѣлить отношеніе между ими.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ сырыхъ матеріалахъ, преимущество остается на нашей сторонѣ. Такъ напримѣръ, русскій ленъ, особенно съ заведенія Карновича, превосходнѣе льна французскаго, хотя и уступаетъ въ качествѣ льну фламандскому. Такъ шелки *Реброва* превосходнѣе ліонскихъ, но не могутъ вполнѣ замѣнить итальянскихъ. Въ каждой отрасли нашей промышлености виденъ шагъ впередъ; но за этимъ шагомъ должно еще ожидать другаго. Успѣхъ не долженъ усыплять дѣятельность производителей, и въ этомъ-то заключается главная польза выставки мануфактурныхъ издѣлій, что она служитъ какъ-бы указаніемъ ихъ слабыхъ и преуспѣвающихъ сторонъ. Въ данное время она совокупляетъ въ одномъ мѣстѣ всѣ элементы промышлености. На ней лицомъ-къ-лицу сходятся фабриканты, мастера, работники, производители сырыхъ матеріаловъ. Издѣлія каждаго являются на судъ потребителямъ; тутъ происходитъ столкновеніе мыслей, мнѣній, интересовъ: политико-экономъ, философъ можетъ однимъ взглядомъ обнять истинныя стихіи народнаго богатства и сдѣлать довольно-правильные выводы о характерѣ и наклонностяхъ націи; технологъ можетъ изучить любую отрасль мануфактуръ; коммерсантъ можетъ по вѣрнымъ даннымъ опре-

дѣлить свои торговые планы; изобрѣтатели новыхъ и улучшенныхъ способовъ тутъ же могутъ частію повѣрять пользу, которая произойдетъ отъ ихъ открытія; наконецъ, это сближеніе промышленаго сословія со всѣхъ краевъ государства способствуетъ составленію новыхъ предпріятій, распространенію охоты къ разнымъ фабричнымъ заведеніямъ, усиленію духа товарищества и взаимнаго вспоможенія. Должно надѣяться, что и у насъ выставка болѣе или менѣе будетъ имѣть эти полезныя послѣдствія.

А. В—ТО—.

I.

ВЫСТАВКА ИЗДѢЛІЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ МАНУФАКТУРЪ ВЪ 1839 ГОДУ.

—

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.*

—

ХИМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ, САЛО, МЫЛО, СВѢЧИ, САХАРЪ, ТАБАКЪ, СТЕКЛО, ХРУСТАЛЬ, ФАРФОРЪ, ФАЯНСЪ, МЕБЕЛЬ, ЛАКИРОВАННЫЯ ВЕЩИ, ОБОИ И БУМАГА.

—

Первую статью нашу о выставкѣ мы окончили обѣщаніемь заняться въ-особенности различными химическими произведеніями. Съ большою охотою принимаемся за исполненіе сего обѣщанія.

Проходя по обширному пакгаузу, превращенному въ экспозиціонныя залы, кто изъ нашихъ читателей

* Редакція От. Зап. помѣщаетъ сіи доставленныя ей статьи «о выставкѣ» болѣе какъ *современное* извѣстіе о томъ, изъ чего состоитъ выставка, нежели какъ свое сужденіе о ней. Это сужденіе или оцѣнка произведеній, выставленныхъ въ нынѣшнемъ году, будетъ еще предметомъ особой статьи.

не останавливался съ любопытствомъ или съ удивленіемъ предъ великолѣпнымъ обелискомъ изъ разноцвѣтныхъ кристалловъ; кто изъ нихъ не любовался его оригинальнымъ фундаментомъ изъ отлично-кристаллизованныхъ квасцовъ; кто не восхищался превосходнымъ голубо-синимъ цвѣтомъ кристалловъ изъ мѣднаго купороса, образовавшихъ красивую фризу, и яркою желтою краскою хромокислаго кали? Вокругъ этой химической пирамиды расположены кристаллы всякаго рода, огромные тетраедры изъ нашатыря, разные кали, купоросы, хлориновая и древесно-кислая известь, окисленный марганецъ, и проч. и проч. Всѣ сіи химическія издѣлія, отличныя по наружному виду, а еще болѣе по внутреннему достоинству, принадлежатъ Егору Осиповичу *Бессу*, главѣ нашихъ химическихъ фабрикантовъ. Его заведеніе въ Москвѣ есть почти-единственное въ своемъ родѣ. Тамъ въ большомъ видѣ изготовлены всѣ химическія произведенія, употребляющіяся въ мануфактурахъ. Изъ числа важнѣйшихъ назовемъ *искусственную воду*, которою самъ г. Бессъ съ успѣхомъ замѣнялъ поташъ въ мыловаренной фабрикаціи. Сѣрная кислота съ его завода, по 5 р. 50 коп., недороже прочихъ, но несравненно-выше по чистотѣ. Вообще замѣтимъ, что произведенія г. Бесса иногда бываютъ дороже, нежели произведенія другихъ фабрикантовъ, но за-то всякій можетъ вполнѣ имъ довѣриться: они всегда превосходнѣе по качеству и чистотѣ.

Произведенія петербуржскихъ заводчиковъ Христіана Бергмана и г. Девизена заслуживаютъ также полное вниманіе публики, неравнодушной къ успѣхамъ нашей промышлености. Свинцовыя бѣлила Бергмана на видъ превосходны. Весьма замѣчателенъ прусскій голубецъ или берлинская лазурь Девизена

ни одно изъ другихъ подобныхъ произведеній, представленныхъ на выставку, не можетъ сравниться съ нимъ ни по яркости цвѣта, ни по блеску излома *.

Произведенія г. Шлиппе болѣе аптекарскія, нежели фабричныя, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ полное одобреніе. Замѣчательны опыты г. *Зебаха* надъ производствомъ парижской лазури и г. *Глазилина*, разной лазури. Для нашей фабрикаціи суконъ, а также и для всякихъ матерій, весьма-выгодно было бы замѣнить индиго какимъ-либо туземнымъ произведеніемъ. Во Франціи уже частію успѣли въ томъ; въ такъ-называемое Bleu de France совсѣмъ не входитъ индиго, а въ Bleu de Nemours оно входитъ, но только въ меньшемъ количествѣ.

Изъ числа прочихъ красильныхъ веществъ упомянемъ о баканѣ разныхъ тѣней гг. Волосковыхъ, ржевскихъ фабрикантовъ, о русскомъ усовершенствованномъ сафлерѣ изъ Бессарабіи, Карла-Августа Яна, о произведеніяхъ г. Лидерта изъ Эстляндской Губерніи, и наконецъ о бѣлилахъ санктпетербуржской компаніи для приготовленія свинцовыхъ бѣлилъ.

Замѣтимъ еще о рисовальныхъ матеріалахъ и краскахъ масляныхъ и медовыхъ съ давно уже извѣстной намъ фабрики Фрезе, перешедшій нынѣ во владѣніе г-жи Миллеръ. Подлѣ него можно поставить съ по-

---

* Камедная мука въ порошкѣ и камедь разныхъ сортовъ, съ заведенія князя В. П. Волконскаго, въ Тамбовской Губерніи Шацкаго Уѣзда, одно изъ самыхъ примѣчательныхъ явленій на выставкѣ. Весьма-жаль, что никто изъ другихъ нашихъ фабрикантовъ не вздумалъ извлекать пользу изъ картофеля, которому такъ благопріятствуетъ и почва и климатъ Россіи. Селитра Князя Б. Н. Юсупова, съ заводовъ Курской Губерніи, служитъ лучшимъ образцомъ значительнаго производства сего матеріала въ томъ краю.

хвалою произведенія господъ Довиціелли, фабриканта Императорской Академіи Художествъ, и г. Эдуарда Крафта.

Сургучь г. Плигина съ сыномъ, въ Москвѣ, замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ; то же самое должно сказать о сургучѣ г. Петерки. Вообще сургучная фабрикація стоитъ у насъ на высокой степени совершенства. Не худо бы, если бъ наши фабриканты къ этому совершенству массы сургучной присоединили нѣкоторыя улучшенія въ формѣ; такъ напр. еслибъ г. Петерка замѣнилъ свои тонкія палочки другими, болѣе удобными. Облатки г. Черкасова, московскаго мѣщанина, съ разными украшеніями, весьма-недурны и могутъ занять мѣсто на письменномъ столикѣ самаго изъисканнаго будуара.

Вообще, даже судя по немногимъ образцамъ, представленнымъ на выставку, въ химическомъ производствѣ замѣтно немалое движеніе, предвѣщающее дальнѣйшіе успѣхи. Наши фабриканты убѣдились, кажется, въ важной роли, которую химія играетъ во всѣхъ фабрикаціяхъ. Они чувствуютъ необходимость прибѣгать къ познаніямъ сей науки, кои бываютъ плодомъ одного лишь продолжительнаго и прилежнаго изученія. Какъ и вездѣ, первые шаги въ семъ улучшеніи должны быть тягостны, но послѣдствія отъ нихъ должны быть самыя полезныя; такъ напр. нельзя не обратить вниманія на фабрикацію искусственной соды, столь необходимой въ нашемъ отечествѣ. Нынѣ еще весьма немногіе помышляютъ объ употребленіи своихъ капиталовъ на подобное предпріятіе; но можетъ-быть недалеко время, когда въ этой важной отрасли химическаго производства откроется соревнованіе, подобное тому, которое пред-

ставила въ послѣднее время фабрикація стеариновыхъ свѣчей.

Еще въ 1837 году стеариновыя свѣчи были большою рѣдкостью въ Россіи; онѣ производились въ весьма-маломъ количествѣ на одномъ лишь заведеніи г. *Пеца*, въ Москвѣ; нынѣ болѣе *пятнадцати* фабрикантовъ представили подобныя свѣчи на выставку. Въ то же время почти такое же число заводовъ стеариновыхъ свѣчей возникаетъ въ различныхъ частяхъ Россіи. Гдѣ же причина этого внезапнаго и столь значительнаго развитія фабрикаціи, основанной на одномъ изъ важнѣйшихъ отечественныхъ матеріаловъ? — Мы найдемъ ее въ примѣрѣ, удачно-поданномъ; а подобный феноменъ можетъ легко повториться и по другимъ отраслямъ мануфактуръ. Изъ различныхъ партій стеариновыхъ свѣчей на выставкѣ, нельзя отдать рѣшительнаго преимущества ни одной. Всѣ онѣ, начиная съ издѣлій первоначальнаго заведенія по способу г. Каллета въ Москвѣ, до издѣлій завода г. Криницына, представляютъ болѣе или менѣе совершенства. Цѣна почти всѣмъ одинаковая—отъ 50 до 52 рублей за пудъ. Однако скажемъ, что свѣчи А. А. Борнемана отличаются чистотою и прозрачностію массы; свѣчи г. камергера Афросимова, если не столь бѣлы, то горятъ чрезвычайно-свѣтло; особенно же замѣчательны свѣчи съ завода барона Штиглица, въ С. Петербургѣ. Вообще, извлекая отличную пользу изъ стеарины, наши заводчики обращаютъ менѣе вниманія на олеинъ, который, кажется, можетъ быть употребленъ съ большою выгодою на выдѣлку мыла.

Нельзя произнесть рѣшительнаго сужденія объ этой фабрикаціи, которая еще не пришла въ свои естественные, надлежащіе предѣлы.

Удивительно, что при такомъ изобиліи стеарино-

выхъ издѣлій на выставкѣ, мы видимъ весьма-немногіе образцы различнаго сала.

Между ими надлежитъ упомянуть о салѣ очищенномъ, первостатейнаго купца *Вавилова*, приготовленномъ посредствомъ паровъ. Сало и сальныя свѣчи привилегированнаго товарищества свѣчнаго и мыловареннаго производства, по способу Варанда, заслуживаютъ обратить на себя особенное вниманіе.

Мыло, по тому же способу приготовленное, судя по виду, должно быть весьма удовлетворительно. Любопытно сравнить его съ образцами марсельскаго мыла, представленными на здѣшнюю выставку въ числѣ прочихъ образцовъ иностранныхъ произведеній. Бѣлое мыло этого заведенія на-видъ очень - хорошо; впрочемъ оно должно уступить мылу санктпетербуржскаго фабриканта, И. Д. Мекенгейзера. Бѣлизна и твердость этого послѣдняго очень-заманчивы. Но всего болѣе желательно обратить вниманіе публики на опыты мыла содоваго.

Мы уже упоминали выше объ удачѣ, съ которою г. Бессъ занимается приготовленіемъ подобнаго мыла на своемъ заведеніи. Лучшимъ доказательствомъ предпочтительности этого рода мыла служитъ его необыкновенно-успѣшный сбытъ по цѣнамъ, выше обыкновенныхъ. Въ Москвѣ мыло съ завода г. Бесса предпочитается всѣмъ прочимъ. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что и въ Петербургѣ примѣръ его нашелъ послѣдователей, или, лучше сказать, что и здѣсь начинаютъ убѣждаться въ невыгодѣ употреблять исключительно поташъ. Г. Штейнеръ представилъ отличные образцы содоваго мыла.—Неменѣе замѣчательно также мыло бѣлое, изъ соды и очищеннаго сала, и простое изъ олеина и соды съ завода г. Неймондта, подъ Нарвою.

Главнымъ препятствіемъ къ распространенію фабрикаціи подобнаго мыла служитъ недостатокъ матеріала соды. Недостатокъ этотъ долженъ быть отвращенъ по мѣрѣ распространенія фабрикаціи соляной кислоты. Эти два производства, кажется, нельзя будетъ у насъ разлучить одно отъ другаго, особенно въ Москвѣ или Петербургѣ. Нынче соляная кислота продается по одиннадцати рублей фунтъ: цѣна чрезвычайно-высокая, особенно, если пріймемъ въ разсужденіе значительное потребленіе соляной кислоты въ различныхъ отрасляхъ мануфактуръ. Подобный порядокъ вещей не можетъ быть продолжителенъ. Впрочемъ должно сознаться, что настоящимъ мѣстомъ развитія содовой фабрикаціи будутъ приморскія части Южной Россіи. Тамъ сама природа въ волнахъ морскихъ съ изобиліемъ предлагаетъ промышлености матеріалы, изъ которыхъ можно добывать сіе вещество столь драгоцѣнное. Тамъ не нужно тѣхъ огромныхъ запасовъ сѣрнокислаго натра, безъ которыхъ нельзя обойдтись въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ моря. Соляная кислота, главное условіе добыванія соды въ Москвѣ, при способѣ Леблана въ Керчи и Одессѣ, должна содѣлаться произведеніемъ второстепеннымъ, не только дешевымъ, но даже и черезъ-чуръ изобильнымъ: живой примѣръ тому Марсель, гдѣ принуждены прибѣгать къ различнымъ способамъ для отвращенія неудобствъ, сопряженныхъ съ испареніями соляной кислоты. У насъ, можетъ-быть, нашли бы выгоду собирать ее и пускать въ продажу.

Весьма - немного представлено на выставку образцовъ воска и восковыхъ свѣчей. Припишемъ это вліянію необыкновеннаго распространенія фабрикаціи стеариновыхъ свѣчей, вытѣснившихъ частію изъ употребленія свѣчи восковыя. Но замѣтимъ также,

что воскъ всегда останется важнымъ отечественнымъ произведенiемъ. Ни одна страна въ Европѣ не можетъ производить его въ такомъ количествѣ и съ такою выгодою, какъ наше отечество. Къ-тому же восковыя свѣчи всегда будутъ предпочитаться для нѣкотораго употребленiя, и особенно въ церквахъ.

Изъ различныхъ сортовъ масла упомянемъ о высланномъ съ мызы *Роопъ,* барона Мейендорфа, въ Лифляндiи; оно приготовлено фламандскимъ колонистомъ Фан-Хутпсе, изъ разнаго рода сѣмени, а именно: коноплянаго, льнянаго и рѣпнаго. Нынѣ оно составляетъ важный предметъ промышлености въ Восточной Францiи. Ламповое масло санктпетербуржскаго купца Давыдова и клещевиное масло сарептскаго аптекаря Лангерфельда, принадлежатъ къ лучшимъ произведенiямъ сего рода. Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о произведенiяхъ помадной фабрики г. Герке. Умолчимъ о его духахъ и помадѣ, о коихъ лучше всего должны судить сами потребители. Мыло, имъ приготовляемое, не представляетъ ничего новаго, и мы не понимаемъ, какъ до-сихъ поръ г. Герке не позаимствовалъ у Французовъ рецепта составленiя мыла неаполитанскаго (savon de Naples), столь удобнаго для бритья.

Отъ мыла и сала перейдемъ къ другому химическому производству, не менѣе важному у насъ въ Россiи, особенно по развитiю, которое оно приняло въ послѣднее время. Мы говоримъ о свекловичномъ сахарѣ. Нетрудно понять причину этого необыкновеннаго развитiя, при одномъ взлядѣ на пространство Россiи, представляющее мѣста столь удобныя и столь обширныя для разведенiя свекловицы. Болѣе двадцати-пяти фабрикъ представили образцы своихъ издѣлiй на выставку, большею частiю сахара уже рафини-

рованнаго. Собственно свекловичный сахаръ-сырецъ доставленъ только съ семи заводовъ; замѣчательнѣе прочихъ высланный съ заведенія графа Бобринскаго въ Тульской Губерніи, и А. А. Скалона въ Слободско-Украинской. Сей послѣдній представилъ весьма-любопытный опытъ сахарнаго песка изъ кукурузы; этотъ песокъ отмѣнно-бѣлъ и обѣщаетъ дать хорошій рафинадъ. Изъ числа различныхъ образцовъ сахара-рафинада назовемъ доставленный петербуржскимъ заводчикомъ Вильгельмомъ Гюлихомъ: трудно добыть кристаллизацію чище и бѣлѣе. Почти наряду съ нимъ надлежитъ поставить сахаръ - рафинадъ съ завода барона Штиглица, въ С.-Петербургѣ, и графа Чацкаго, въ Могилевской-Губерніи. Должно надѣяться, что въ скоромъ времени уменьшится и цѣна на сей важный продуктъ, содѣлавшійся нынѣ необходимымъ предметомъ потребленія не только въ среднихъ, но даже и въ низшихъ сословіяхъ общества.

Между прочими химическими произведеніями упомянемъ о довольно-хорошей горчицѣ на-манеръ французской, московскаго фабриканта Лунькова. Рижскій бальзамъ съ водочнаго завода барона Раля, въ Петербургѣ, не уступитъ ни въ чемъ настоящему. Нельзя сказать того же про крымское вино на-манеръ шампанскаго, московскаго купца Скуратова. Впрочемъ, оно имѣетъ свои достоинства, и подъ скромнымъ названіемъ «крымскаго» можетъ заслужить одобреніе.

Табачная фабрикація, кажется, сосредоточилась въ Петербургѣ: изъ двадцати-двухъ фабрикантовъ, выставившихъ свои издѣлія, 19 имѣютъ свои заведенія въ здѣшней столицѣ. Налогъ, которому въ послѣднее время подвергнули табачное производство, кажется, не произвелъ на него никакого особеннаго влі-

нія. Оно осталось въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Это должно приписать въ особенности хорошо-распредѣленному образу взиманія. Справедливость этого налога никто не можетъ оспоривать: онъ падаетъ на предметъ роскоши и отнюдь необременителенъ ни для фабрикантовъ, ни для потребителей. Изъ числа первыхъ мы встрѣчаемъ на выставкѣ столь извѣстнаго В. Г. Жукова. Онъ все тотъ же, въ тѣхъ же оберткахъ, съ тѣми же цѣнами. Его совмѣстники братья Жуковы отличаются сигарами очень-недурными и цѣны довольно умѣренной отъ 5 до 20 рублей за сто. Мы только назовемъ табакъ г. Неслинда и Саркиса Богосова. Любители уже давно оцѣнили произведенія сихъ двухъ фабрикантовъ, представляющія много совершенства. Къ-сожалѣнію и почти къ удивленію, посреди всѣхъ сихъ издѣлій, мы не видимъ опытовъ приготовленія табака изъ русскихъ табачныхъ листьевъ. Табакъ, кажется, одна изъ тѣхъ отраслей промышлености, въ которой мануфактурное производство могло бы идти рука-объ-руку съ земледѣльческимъ. Къ-тому жь, не уже ли табаку, растущему подъ роскошнымъ небомъ Украины и Малороссіи вѣчно уступать въ качествѣ табаку американскому? Вотъ почему надлежитъ благодарить г. Клепацкаго, помѣщика Курской и Харьковской Губерній, за доставленные имъ образцы табака изъ американскихъ сѣмянъ.

Оканчивая обозрѣніе двухъ первыхъ залъ выставки, мы не можемъ умолчать объ отличномъ дамскомъ сѣдлѣ съ приборомъ, работы г. Кнеффеля; также о печахъ В. С. Корелина, отставнаго генералъ-майора, изъ Москвы. Одна изъ нихъ выложена внутри желѣзомъ, а другая картонная. Говорятъ, что эти печи нагрѣваются очень-скоро и долго держатъ тепло. Предоста-

вимъ опыту лучше познакомить публику съ ихъ пользою.

Въ-заключеніе же, прежде, нежели перейдемъ къ предметамъ инаго рода, остановимся съ почтеніемъ предъ кускомъ каменнаго угля, найденнаго въ помѣстьи генерал-майора П. Л. Панкова въ селѣ Красный-Кутъ, Екатеринославской Губерніи. Это произведеніе царства ископаемаго является какъ-бы для напоминанія о тѣхъ сокровищахъ, которыя еще хранятся въ нѣдрахъ нашей родной земли, и которыя готовы замѣнить собою топливо при первомъ востребованіи. Эпоха этого требованія на каменное уголье наступаетъ, кажется особенно на югѣ. Разработки каменноугольныхъ копей на Донцѣ начались уже давно; на нихъ-то положено основаніе казенному чугунно-литейному заводу Луганскому. Между-тѣмъ продолжаются развѣдки въ томъ же краю ученою экспедиціею, туда отправленною А. Н. Демидовымъ. Будемъ ожидать важныхъ и счастливыхъ послѣдствій отъ всякихъ попытокъ и стараній, особенно на югѣ, гдѣ, при рѣдкости лѣса, столь чувствителенъ недостатокъ въ топливѣ.

Но пора намъ оставить предметы занимательные по сущности ихъ, болѣе, нежели по виду, и перейдти къ отдѣленію выставки, гдѣ все напротивъ плѣняетъ глаза изящностію и красотою формъ, яркостію цвѣтовъ, блескомъ золота и серебра. Мы говоримъ о собственно такъ-называемой экспозиціонной залѣ, гдѣ расположены издѣлія фарфоровыя и хрустальныя, также вещи золотыя, серебряныя и апплике.

Прежде всего воздадимъ дань удивленія отличнымъ произведеніямъ, истинно-художественнымъ, Императорскихъ Заводовъ фарфороваго и хрустальнаго. Между ними найдете все, что роскошь можетъ приду-

мать самаго изъисканнаго: вазы, поражающія своею огромностію и прекрасною живописью; разные сервизы самыхъ изящныхъ и прелестныхъ формъ; особенно прихотливы въ своихъ украшеніяхъ, цвѣтахъ и узорахъ издѣлія хрустальныя, въ которыхъ искусство расточаетъ рѣзьбу, эмаль и позолоту. Необыкновенно-огромнаго размѣра двѣ хрустальныя вазы, съ подобнымъ же пьедесталомъ, предназначены для украшенія комнатъ Зимняго Дворца. Замѣчателенъ по красотѣ и оргинальности формъ прелестный туалетъ для Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Позолота по кобальтовому полю превосходна. Хрустальныя тарелки съ узорами краснаго и голубо-синяго цвѣта должны быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями сего рода. Еще невольно привлекаютъ вниманіе ширмы съ картинами, крашенными по хрусталю и представляющими различные сюжеты изъ эпохи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ прелестномъ произведеніи все плѣняетъ зрѣніе: яркость цвѣтовъ, и красота узора, и отличная отдѣлка сюжетовъ. Впрочемъ всѣ небольшіе рисунки по фарфору выполнены очень-тщательно и приносятъ большую честь художественной части сихъ заведеній.

Частная фабрикація представила издѣлія неменѣе блестящія. Хрустальныя вещи съ завода И. А. Мальцова отличны по необыкновенной прозрачности и чистотѣ стекла. Цѣны имъ также довольно-умѣренныя. Издѣлія съ завода М. Ѳ. Орлова отличаются напротивъ разнообразіемъ и яркостію красокъ. Нельзя не любоваться картиною въ 61 стекло, цѣною въ 6000 рублей, высланною съ этого завода. Сюжетъ картины взятъ изъ священной исторіи, и она могла бы весьма прилично занять мѣсто въ церкви. По отдѣлкѣ, по яркости цвѣтовъ и прозрачности стекла это произ-

веденіе не уступитъ лучшимъ французскимъ *. То же самое можно сказать про вазу о пяти штукахъ, разноцвѣтную, съ богатою гирляндою, красками, позолотою и живописью.

Вещи съ завода каммергера Бахметьева замѣчательны по дешевизнѣ, коей примѣръ трудно найдти и въ иностранныхъ земляхъ, особенно при такой роскошной отдѣлкѣ. Впрочемъ многія изъ сихъ вещей просто отлиты, а не гранены.—Изъ числа прочихъ фабрикантовъ упомянемъ о крестьянинѣ князя Юсупова В. Емельяновѣ: рюмки и стаканы, имъ выставленные, изъ отличнаго стекла.—Еще должно обратить вниманіе на стекла ординарныя, полуторныя и легерныя, бѣлыя и цвѣтныя съ завода коллежскаго совѣтника Львова, въ Тверской Губерніи.

Фарфоровыя издѣлія гг. Попова, Московской Губерніи, и братьевъ Карниловыхъ, С. Петербургской Губерніи, могутъ стать на-ряду съ лучшими произведеніями сего рода. Живопись особенно-хороша на издѣліяхъ г. Попова. Его синій цвѣтъ замѣчателенъ и можетъ сравниться съ лучшимъ берлинскимъ и севрскимъ. Вырѣзныя фарфоровыя вещи Карниловыхъ любопытны какъ искусство, но неудобны для употребленія: очень милы ихъ фигурины, изображающія русскіе костюмы.

Фаянсовая посуда московскихъ фабрикантовъ гг. Гарднеровъ есть конечно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій на выставкѣ. Издѣлія сіи соединяютъ красоту, прочность и дешевизну: есть сервизы бѣлые съ рисованными или печатными коймами изъ 18-ти дюжинъ тарелокъ и значительнаго числа мисокъ и блюдъ, по 280 и 300 рублей.

---

* Особенно-хорошъ красный цвѣтъ стекла.

Издѣлія изъ непрозрачнаго фарфора, фаянса и простой глины г. Поскочина давно уже извѣстны нашей публикѣ. Любопытны подобныя издѣлія съ лѣпными украшеніями подъ платину.—Г. Гинтеръ выставилъ также фаянсовыя издѣлія съ своей фабрики, въ С. Петербургѣ. Всего достойнѣе вниманія его горшки для сводовъ, служащіе для построекъ, и подобные тѣмъ, кои пошли на постройку Зимняго Дворца. Посуда г. Гинтера дешевле посуды Поскочина, но, можетъ быть, не такъ гладка.

Достойны также особеннаго вниманія фаянсовыя издѣлія фабриканта Тверской Губерніи А. Е. Ауэрбаха. Къ нимъ должно быть отнесено сказанное объ издѣліяхъ Гарднеровъ.

Бронзовыя вещи представлены въ довольно-значительномъ количествѣ; между ними встрѣчаемъ старинныхъ уже любимцевъ петербуржской публики, гг. Геде, Герена и Кнусмана. Но ихъ издѣлія, кромѣ нѣкоторыхъ неважныхъ сюжетовъ, плодъ духа подражанія Французамъ и не могутъ остановить на себѣ вниманія оригинальностію вымысла. Отдѣлка ихъ очень хорошая, позолота и отливка также, но вотъ и все. Напротивъ, мы должны съ нѣкоторою гордостью указать на произведенія г. Шрейбера. Въ нихъ видна изобрѣтательность художника. Мы не можемъ не описать ихъ въ подробности. Конечно, всякій замѣтилъ бронзовые часы съ изображеніемъ Петра - Великаго. Монархъ представленъ въ стоячемъ положеніи, съ поднятымъ вверхъ гордымъ взглядомъ; у ногъ его поверженъ щитъ съ гербомъ Швеціи; лѣвою рукою онъ опирается на генія Россіи; правою указываетъ. Много огня, много смѣлости въ этомъ произведеніи. Поблагодаримъ отъ души г. Шрейбера и за выборъ сюжета, и за его выполненіе. Это превосходный примѣръ

для нашихъ другихъ бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ, унизившихъ прекрасное искусство свое до простаго подражанія или фабрикаціи. Другіе часы г. Шрейбера во вкусѣ возрожденія привлекаютъ вниманіе роскошною и широкою работою; мы видѣли лучшія работы въ этомъ родѣ во Франціи, и должны сознаться, что онѣ ничѣмъ не превосходятъ сего произведенія нашего молодаго художника. Наконецъ два большіе канделябра въ древнемъ вкусѣ, на манеръ извѣстныхъ подъ именемъ помпейскихъ, могутъ служить отличнымъ образчикомъ древней скульптуры. Вообще въ произведеніяхъ г. Шрейбера замѣтно направленіе художническое, видно, что онъ изучалъ свой предметъ съ любовью, что искусство было его цѣлью главною, а не однимъ лишь средствомъ къ достиженію иной цѣли, болѣе выгодной, но не столь благородной.

Почти всѣ бронзовыхъ дѣлъ мастера изъ С. Петербурга: оно и неудивительно: бронзы наши до-сихъ-поръ, по ихъ чрезмѣрной цѣнѣ, доступны одному лишь сословію высшему, рожденному для роскоши. Онѣ не могутъ найдти потребителей въ сословіи даже среднемъ, какъ во Франціи, гдѣ цѣна имъ умѣренная. Какая же можетъ быть причина этой дороговизны? Матеріалъ у насъ свой; задѣльная плата самая сходная; должно полагать, что это происходитъ отъ неимѣнія искусныхъ мастеровъ: недостатокъ сей покроется лишь тогда, когда и другіе фабриканты, по примѣру г-на *Шрейбера*, станутъ изучать свое искусство по совѣсти, тамъ, гдѣ оно производится съ наибольшимъ совершенствомъ.

Ламповыхъ дѣлъ мастерство въ послѣднее время, кажется, начало оказывать у насъ успѣхи. Два мастера представили лампы по системѣ Карселя: гг.

Жеберъ и Гаевскій. Послѣдній имѣетъ то преимущество предъ первымъ, что механизмъ для лампъ изготовляется въ его заведеніи русскими работниками. Въ доказательство того, г. Гаевскій выставилъ отдѣльные механизмы, и тѣ же самые механизмы, расположенные по частямъ и еще недоконченные. Мы имѣемъ полное право ожидать отъ г-на Гаевскаго нѣкотораго пониженія цѣнъ его издѣліямъ, когда заведеніе его, еще весьма-недавно перенесенное въ Петербургъ, укрѣпится и составитъ себѣ практику обширнѣе; чего впрочемъ сей мастеръ вполнѣ заслуживаетъ по своей добросовѣстности и раченію. — Лампы г-на Гейварда и Ковена, также г. Китнера, хотя и по старой методѣ, но тѣмъ неменѣе заслуживаютъ полное одобреніе; между ими есть многія, замѣчательныя по цѣнѣ и отдѣлкѣ. Къ-сожалѣнію предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ распространиться о нихъ въ подробности. Нельзя однако умолчать объ издѣліяхъ г. Минстера, изъ Варшавы, и въ особенности о мелкихъ вещахъ изъ бронзы и чугуна для женскаго туалета, высланныхъ изъ Варшавы г-мъ Ковнацкимъ.

Серебрянныхъ дѣлъ мастерство одно изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Оно особенно водворилось издавна въ Москвѣ и въ Вологдѣ. Г-да Сазиковъ съ сыномъ могутъ служить представителями этой промышлености въ Москвѣ; ихъ столовая и чайная посуда изъ серебра отличается красивыми формами и хорошею позолотою. Упомянемъ также о табакеркахъ московскаго мастера Пороховщикова. Вологодскій мѣщанинъ С. И. Скрипицынъ представилъ полный серебряный столовый сервизъ подъ чернью. Весьма хорошо переданы имъ же портреты Императорской фамиліи на серебряной доскѣ подъ чернью. Серебряныя издѣлія братьевъ Франшетъ и К. Мальча, изъ Варшавы, отли-

чаются смѣлостью формъ. Только три фабриканта представили издѣлія изъ накладнаго серебра; изъ нихъ замѣчательнѣе прочихъ г. Баннистеръ, петербуржскій фабрикантъ. Впрочемъ цѣны этимъ издѣліямъ еще слишкомъ высоки для общаго употребленія.

На нынѣшнюю выставку въ большомъ числѣ представлены образчики всякаго рода мёбели, и должно признаться, судя по симъ образцамъ, столярное искуство находится у насъ въ цвѣтущемъ положеніи. Не кроется ли тому причина въ удивительной роскоши, введенной нынѣ въ мёблировку домовъ? Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что, на-ряду съ столярнымъ искусвомъ, подвигается и рѣзьба, отъ которой первое заимствуетъ свои лучшія украшенія. Гг. Гамбсъ представили, какъ и всегда, прекраснѣйшую мёбель, отличной прочности и съ большимъ вкусомъ отдѣланную. Имъ была предоставлена честь украсить на выставкѣ комнаты, собственно для Государыни Императрицы назначенныя. Изъ числа мебелей, ими представленныхъ, упомянемъ о диванахъ новаго устройства, чрезвычайно - покойныхъ. Тѣми же фабрикантами выставлены образцы желѣзной мёбели, чрезвычайно-легкой, удобной и покойной, работы французскаго мастера Дюрьё. Сіи послѣднія издѣлія особенно отличаются вкусомъ отдѣлки. Столикъ палисандроваго дерева съ металлическими и жемчужно-раковинными украшеніями братьевъ Гуригъ изъ Варшавы превосходенъ по работѣ; впрочемъ и цѣну 2,700 рублей нельзя назвать слишкомъ - умѣренною. Какъ рѣдкость, обращаетъ на себя вниманіе туалетъ варшавскаго фабриканта Третчеля, съ механическимъ устройствомъ и музыкою, стоящій 7,000 руб. Туалетъ этотъ находится также въ комнатахъ Императрицы. У одного изъ оконъ всякій могъ замѣтить пол-

ный небольшой приборъ мёбели, работы Эрнеста Блегшмита, московскаго мастера. Въ этотъ приборъ входитъ столъ, стулъ и паркетъ, на коемъ они поставлены. Всѣ эти три вещи выдѣланы ихъ орѣховаго дерева, со врѣзными металлическими украшеніями; цѣна имъ шесть тысячь рублей. Тутъ же можно видѣть рѣшетку для цвѣтовъ съ транспараномъ столярнаго мастера въ Царскомъ Селѣ, Больтенгагена. Есть множество другихъ прекрасныхъ издѣлій въ томъ же родѣ, о коихъ мы здѣсь не упоминаемъ по недостатку мѣста.

Лакированныя вещи представлены также въ большомъ изобиліи. Нельзя исчислить множества подносовъ, платковъ, вазъ, шкатулокъ, сигарницъ, табакерокъ, изъ коихъ каждая плѣняетъ прелестью отдѣлки, легкостью и вкусомъ рисунка. Мы не смѣемъ даже отдать рѣшительнаго преимущества ни одному изъ фабрикантовъ по этой части, которая явилась на нынѣшней выставкѣ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Однако назовемъ г. Кондратьева, доставившаго различныя костяныя вещи съ очень-хорошею живописью, по цѣнѣ довольно-умѣренной. Гг. Вишняковъ съ сыномъ отличились своими издѣліями изъ битой бумаги (papier machè): какъ прочны, легки и хороши ихъ табакерки! Онѣ ни въ чемъ не уступятъ уже-давно-извѣстнымъ и знаменитымъ не только въ Россіи, но даже и за границею табакеркамъ П. В. Лукутина. Превосходные подносы Мартусевича и Лонлу (петербуржскихъ мастеровъ) съ живописью изъ врѣзнаго перламутра.

Палатки въ видѣ зонтиковъ замѣчательны по новости ихъ у насъ въ Россіи, но кажутся мало удобными на практикѣ, и къ-тому же недоступны по цѣнѣ для небогатыхъ потребителей.

Занимаясь преимущественно издѣліями мануфактурными, мы не можемъ однако не сказать нѣсколько словъ о прекрасной работѣ изъ бѣлаго воска, доставленной на выставку отъ неизвѣстной въ пользу церкви. Искусная рука благотворительной приносительницы изобразила семейство охотника подъ деревомъ. Въ этомъ миломъ произведеніи малѣйшія подробности отдѣланы съ большимъ тщаніемъ; вездѣ видишь отмѣнный вкусъ и самое тонкое чувство изящнаго и естественнаго. Мы могли бы наполнить цѣлыя страницы описаніемъ этого труда, истинно-художественнаго, еслибъ вниманіе наше не принуждено было отъ него отрываться, чтобы остановиться на другомъ предметѣ, хотя и не столь поэтическомъ, но весьма полезномъ.

Мы хотимъ упомянуть о водоочистительныхъ машинахъ петербуржскаго мастера Аксеновскаго. Онѣ устроены на-подобіе англійскихъ и даютъ воду самую чистую, свѣтлую и прозрачную изъ воды, которую часто невозможно пить во время оттепели. Цѣна имъ самая умѣренная: можно имѣть машину въ ведро воды съ двумя кранами, съ подставкою и подносомъ за 25 рублей; другія, смотря по вмѣстительности ихъ. Г. Аксеновскій приготовляетъ также большіе водочистительные снаряды на четыре и болѣе крановъ. Въ такомъ случаѣ въ нихъ содержится столько же пропускныхъ камней; одинъ небольшой кранъ по срединѣ служитъ для стока нечистой воды.

Въ-заключеніе этой второй части нашего обзора выставки издѣлій отечественныхъ мануфактуръ, бросимъ взглядъ на фабрикацію писчей бумаги и бумажныхъ обоевъ. Нельзя не согласиться, что потребность на бумагу, какъ для письма, такъ и для печати

съ каждымъ днемъ значительно возрастаетъ въ Россіи; теперь даже не довольствуются бумагою разбора посредственнаго: въ публикѣ развился вкусъ къ изданіямъ роскошнымъ и красивымъ. Однимъ изъ главныхъ условій подобныхъ изданій есть хорошая бумага. Эти два обстоятельства: усилившійся запросъ на бумагу и взъискательность относительно ея качества, кажется, должны были имѣть благопріятное вліяніе на улучшеніе бумажной фабрикаціи. И здѣсь мы видимъ на первомъ мѣстѣ примѣръ со стороны правительства: Императорская Бумажная Петергофская Фабрика первая начала стараться возвышать качество своихъ произведеній. Она прибѣгла къ выпискѣ хорошихъ машинъ и мастеровъ изъ иностранныхъ земель; но вѣроятно мѣры сіи еще не принесли всѣхъ плодовъ, отъ нихъ ожидаемыхъ: бумага петергофская, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, еще можетъ много улучшиться. Замѣтимъ, что низшій сортъ бумаги на сей фабрикѣ въ относительномъ качествѣ превосходитъ высшій. Образцы бумаги съ фабрики д. с. с. Кайдановой должны бы, кажется, поддержать то хорошее мнѣніе, которымъ до-сихъ-поръ пользовалось это заведеніе. Но и въ издѣліяхъ этихъ фабрикъ замѣчаемъ недостатки, объ отвращеніи коихъ надлежитъ заботиться. Мы не будемъ распространяться о бумажныхъ издѣліяхъ прежнихъ фабрикантовъ, а скажемъ только, что и гг. Усачевы (которые, замѣтимъ, произведеніями своими могутъ стать гораздо выше многихъ), и кн. И. С. Гагаринъ, и гг. Поповы, и всѣ другіе должны стараться еще много объ усовершенствованіи этой отрасли мануфактуръ. Не опираясь уже на дальнѣйшіе доводы, замѣтимъ имъ только, что Россія нынѣ стала страною самыхъ тучныхъ и многолистныхъ журналовъ, потребляющихъ огромное число стопъ бумаги. Одно это

обстоятельство, обезпечивающее сбытъ бумаги, должно бы, кажется, поощрять къ усиленію и улучшенію ея фабрикаціи. Что же касается до обоевъ, то успѣхи въ нихъ весьма замѣтны. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ различные образцы, представленные товариществомъ для выдѣлки механически бумажныхъ обоевъ въ Санктпетербургѣ, а всего болѣе разные обои санктпетербуржскаго фабриканта Филиппа Шефера. Обои Раана и Ветера изъ Варшавы отличаются красивыми рисунками, хорошо выполненными. Замѣтимъ вообще, что рисовальная часть не только въ обояхъ, но и во всѣхъ другихъ отросляхъ мануфактуръ можетъ допустить еще многія усовершенствованія. Главное, какъ говорятъ намъ, не достаетъ изобрѣтательности, а если спросятъ почему, то причину тому найдемъ, можетъ-быть, въ собственной винѣ нашихъ фабрикантовъ: они вообще мало обращаютъ вниманія на образованіе хорошихъ рисовальныхъ мастеровъ. И тутъ правительство должно было принять дѣятельное участіе. Такъ при санктпетербуржскомъ Технологическомъ Институтѣ устроена воскресная рисовальная школа для приходящихъ; въ Москвѣ же подъ покровительствомъ графа Сергѣя Григорьевича Строганова учреждено особенное училище для образованія рисовальщиковъ всякаго рода; при такихъ пособіяхъ отъ самихъ фабрикантовъ нашихъ зависитъ распространить вліяніе этихъ полезныхъ мѣръ на всѣ отрасли мануфактуръ, въ коихъ потребно рисовальное искусство.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ СКОТОВОДСТВА ВЪ РОССІИ.

Въ 3-й день минувшаго мая послѣдовало высочайшее утвержденіе общества (съ привилегіей на 25 лѣтъ), имѣющаго цѣлію, на основаніи взаимности, страховать скотоводство въ Россіи отъ заразъ и прочихъ губительныхъ болѣзней, которыя, распространяясь повсемѣстно, ежегодно истребляютъ значительнѣйшую часть скота, ввергаютъ въ нищету торговцевъ, уничтожаютъ совершенно многолѣтніе труды сельскихъ хозяевъ и возвышаютъ дороговизну продовольствія, да и самое это продовольствіе бываетъ недостаточно обезпечено здоровымъ для употребленія въ пищу мясомъ.

Огромность и успѣхъ предпріятія, какъ и всеобщая польза, обезпечиваются противъ всякой спекуляціи тѣмъ, что сіе общество основано на взаимности т. е. каждый страхователь есть вмѣстѣ и акціонеръ, какъ членъ общества. Столь безкорыстныя начала пріобрѣли сему предпріятію особое вниманіе правительства и участіе многихъ государственныхъ лицъ. Вотъ главнѣйшія статьи изъ устава и другихъ актовъ общества:

Застрахованіе скотоводства имѣетъ цѣлію, чтобы обезпечить самымъ дешевымъ способомъ городскихъ и сельскихъ жителей,

благосостояніе которыхъ часто заключается въ домашнемъ скотѣ. Хотя мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о состояніи скотоводства нашего, почему нѣтъ и вѣрныхъ таблицъ смертности онаго; но, при ближайшемъ взглядѣ на этотъ предметъ, удостовѣряемся, что скотоводство, особенно въ великороссійскихъ губерніяхъ, весьма ограничено, болѣе страдательно, и значительная онаго часть становится жертвою повальныхъ падежей. — Послѣднее обстоятельство имѣетъ свое начало въ мѣстныхъ причинахъ и непредусмотрительности, а болѣе въ заразѣ, заносимой гуртами скота.

Предметъ толикой важности требуетъ особливой заботливости и обезпеченія, которое ручалось бы владѣльцу, стремящемуся умножить и улучшить свое скотоводство, что онъ, въ случаѣ бѣдствія, не лишается безденежно своего достоянія. Это желаніе сдѣлалось нынѣ общимъ; но чтобы удовлетворить оному, необходимо было принять въ застрахованіе начала безкорыстныя и пользы владѣльцевъ охранить противъ спекуляцій акціонеровъ, выказывающихся нынѣ въ подобныхъ общественныхъ предпріятіяхъ.[1]

Въ этомъ духѣ составленъ уставъ о взаимномъ страхованіи скотоводства въ Россіи съ Остзейскими Губерніями. Его начала:

1) Учрежденіе принимаетъ въ застрахованіе лошадей, рогатый скотъ, овецъ, козъ и свиней.

2) Страховые случаи: зараза, воспаленія, бѣшенство, жаба, гніеніе рта и болѣзнь копытъ, обжорство ядовитыми травами, смерть отъ нерастёла и недоноска, убіеніе грозою или зданіемъ и въ случаѣ гибели во время пожара.

Въ основаніе страхованія взяты случаи и болѣзни, наиболѣе свирѣпствующія между скотомъ; неограниченное же застрахованіе всѣхъ смертныхъ случаевъ безъ исключенія породило бы болѣе вреда, нежели пользы; а чтобы окупить ихъ, потребовались бы суммы, коихъ никакое общество не можетъ уплатить.

3) Застрахованія допускаются годовыя и кратковременныя; послѣднія единственно для гуртоваго скота.

4) Учрежденіе основывается не на акціяхъ, но на взаимности, или паяхъ, т. е. остатки отъ внесенныхъ въ кассу премій, за погашеніемъ страховыхъ расходовъ, возвращаются

тѣмъ же самымъ страхователямъ, кои уплатили премія или зачитаются имъ въ счетъ будущихъ страхованій, по желанію. Наприм. нѣкто внесъ страховой преміи 100 руб; по заключеніи годоваго баланса сумма всѣхъ расходовъ простиралась до 20%; слѣдовательно 80 руб. имѣютъ быть возвращены владѣльцу, или зачтены ему на будущій годъ въ счетъ страховой преміи. Изъ сего слѣдуетъ, что въ первый только годъ премія можетъ простиратьси въ сложности до 5%; въ слѣдующіе же за тѣмъ годы, премія дѣйствительно уменьшится мѣрою дивиденда, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣра, гдѣ вмѣсто 100 руб. будетъ слѣдовать платить 20 руб.

5) Капиталъ учрежденія составляется изъ премій, вносимыхъ страхователями. Для основной прочности учрежденія составляется на счетъ дивиденда, распоряженіемъ общаго собранія, запасный капиталъ до 10 мил. рублей.

Изъ сего же явствуетъ, что чѣмъ значительнѣе число участниковъ, тѣмъ болѣе будетъ дивидендъ въ ихъ пользу.

6) Премія установляется ежегодно общимъ собраніемъ страхователей, по разсмотрѣніи за протекшее время баланса. Но она не превышаетъ въ сложности 5% въ годъ отъ цѣнности.

Впрочемъ, если бы оказалось, что премія была назначена выше потребности, то на этомъ страхователи нисколько не потеряютъ; ибо годовые остатки отъ премій получаютъ обратно тѣ же самые страхователи, какъ объяснено примѣромъ въ пунктѣ 4-мъ.

7) Чтобы не потворствовать подлогамъ и самой небрежности, съ какою могли бы обращаться со скотомъ по его застрахованіи, принимается въ страхованіе только ⅔ объявленной цѣнности.

Примѣрный разсчетъ: ⅔ цѣнности одной коровы = 20 руб. X5%, преміи въ годъ 1 руб.; полагая, что страховые расходы простираются до 5%, корова была обезпечена цѣною 50 коп. и за то владѣлецъ, въ случаѣ падежа, получаетъ 20 руб. страховаго вознагражденія.

Для основанія цѣнности или тарифа, составляются таблицы чрезъ мѣстныя власти съ помощію другихъ соображеній.

8) Страховое Правленіе имѣетъ свои конторы, повѣренныхъ и корреспондентовъ.

9) Оно состоитъ изъ 4-хъ директоровъ и одного председателя, изъ коихъ два избираются учредителями, а прочіе общимъ собраніемъ. При нихъ приличная канцелярія съ бухгалтеромъ и кассиромъ. Сверхъ-того, оно приглашаетъ почетныя лица въ званіе попечителей, имѣющихъ голосъ по дѣламъ сего общества.

10) Содержаніе на-счетъ страховой кассы производится учредителямъ, страховому правленію, его повѣреннымъ и ветеринарамъ. Сверхъ вознагражденія страховыхъ убытковъ, расходы учрежденія простираются на врачеваніе скота и содержаніе въ потребныхъ мѣстахъ карантиновъ и лазаретовъ.

11) Правленіе даетъ ежегодно отчетъ общему собранію страхователей. Споры и протестъ окончательно рѣшаются на точныхъ правилахъ третейскаго суда.

12) Изъ процентовъ запаснаго капитала, обращающагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ, отдѣляется часть на образованіе и содержаніе ветеринаровъ, кои предназначаются занять мѣста повѣренныхъ.

13) Правленіе открываетъ свои дѣйствія, по собраніи подписокъ на капиталъ въ 2 мил. рублей.

Въ Саксоніи (Готѣ и Лейпцигѣ) основаны взаимныя застрахованія стадъ, т. е. на тѣхъ же началахъ, какія предложены для всеросійскаго страховаго учрежденія. Потребность и польза сихъ учрежденій доказывается уже тѣмъ, что не только всѣ Саксонцы, но и бо̀льшая часть Пруссіи, застраховали свои стада въ означенныхъ учрежденіяхъ: это послѣдствіе довѣрія къ безкорыстнымъ началамъ, коими общая польза обезпечена противъ спекуляцій акціонеровъ.

Главныя выгоды, имѣющія послѣдовать отъ всероссійскаго застрахованія стадъ:

Размноженіе и улучшеніе всѣхъ породъ скота въ государствѣ. Возрастаніе выгодъ отъ скота и полей въ сельскомъ хозяйствѣ. Возвышеніе цѣнности имѣній упроченнымъ состояніемъ скота. Благонадежность пріобрѣтенія имѣній на издѣльи. Обезпеченіе взаимное владѣльцевъ и арендаторовъ. Размноженіе и улучшеніе овчаренъ и пользы въ мануфактурномъ отношеніи. Опредѣленіе ветеринаровъ, чрезъ что многіе молодые люди будутъ посвящены общеполезной службѣ. Искорененіе многихъ болѣзней, практически-изслѣдованныхъ. Увеличеніе

доходовъ въ казенныхъ арендныхъ имѣніяхъ. Обезпеченіе казны, какъ собственника, въ случаѣ падежа скота. Сбереженіе въ семъ случаѣ казенныхъ суммъ, коихъ по сіе время милосердіе правительства расходуетъ. Точное исчисленіе живыхъ богатствъ государства и составленіе таблицъ смертности скота. Отвращеніе истребительныхъ падежей на трактахъ, по коимъ гурты скота заносятъ болѣзни. Посредствомъ всѣхъ принятыхъ мѣръ торговля скотомъ оживится; самый сбытъ онаго за границу будетъ облегченъ довѣріемъ къ страховому обществу; гурты въ слѣдованіи не встрѣтятъ препятствій, какія бывали до сего времени, ибо свидѣтельствуются въ назначенныхъ мѣстахъ повѣренными страховаго общества, котораго пользы основаны на общемъ довѣріи къ его дѣйствіямъ; и за тѣмъ самое продовольствіе будетъ обезпечено болѣе дешевымъ и здоровымъ мясомъ.

II.

НАУКИ.

ПОЭЗІЯ И МИѲОЛОГІЯ СКАНДИНАВОВЪ.

ИСЛАНДСКІЯ ПОЭМЫ.

Обозрѣвая умственныя богатства, завѣщанныя человѣчеству средними вѣками, мы съ изумленіемъ останавливаемся на далекомъ островѣ Сѣвернаго Океана. Въ Исландіи, которой одно имя выражаетъ холодъ и безплодіе, въ Исландіи, покрытой голыми скалами и лавою дымящихся вулкановъ, въ краю, необитаемомъ еще въ срединѣ IX-го столѣтія, цвѣтетъ, въ слѣдующихъ вѣкахъ, литература, полная жизни и самобытности, возникаетъ поэзія, кипящая силой и богатая наслѣдіемъ могучей старины. Такимъ внезапнымъ переходомъ Исландія, только-что открытая, обязана была немногимъ смѣльчакамъ скандинавскимъ, бѣжавшимъ изъ Норвегіи отъ самовластія своего конунга (государя). За ними, съ мечемъ и арфой, несутся по знакомой стихіи толпы воителей и скальдовъ: вмѣстѣ съ народомъ переселяется на пустынный островъ кровожадный духъ Скандинавовъ, ихъ страсть къ войнѣ и грабежу, ихъ жажда славы и мстительность; но также ихъ искусство прославлять подвиги храбрыхъ, ихъ обычай пѣть въ чертогахъ и хижинахъ,

увеселять вѣнценосцевъ и сограждан разсказами о громкой старинѣ.

Такимъ-образомъ Скандинавія, со всѣми рѣзкими чертами своей чудной физіономіи, съ своими битвами, народными собраніями, пирами и пѣснями, повторилась, или, лучше сказать, ожила въ Исландіи; ибо въ отечествѣ сѣверныхъ витязей уже водворялся новый порядокъ вещей. Тамъ созидались обширныя монархіи, и заря вѣры христовой уже просіявала сквозь мракъ язычества. Тогда какъ-будто самъ Одинъ внушилъ вѣрнымъ сынамъ своимъ мысль переселиться на далекіе берега, гдѣ бы могла уцѣлѣть лучшая жертва, ему принесенная, — пѣсни, въ которыхъ живетъ его вѣра.

Хотя у Скандинавовъ и были письмена, но пѣсни ихъ, переходя только изъ устъ въ уста, оставались погребенными въ памяти. Отъ такого ненадежнаго способа сохраненія ихъ и отъ распространявшагося мало-по-малу христіанства, большая часть памятниковъ древней скандинавской поэзіи, вѣроятно, исчезла бы невозвратно, еслибъ Исландія не сберегла ихъ для потомства. Правда, и тамъ въ 1000 г. по Р. Х. народъ на вѣчѣ единодушно перешелъ къ вѣрѣ истинной; но сія вѣра не могла вдругъ истребить глубоко-вкоренившейся въ умахъ любви къ преданіямъ языческимъ, и притомъ самая эта вѣра доставила Исландцамъ средство завѣщать внукамъ достояніе дѣдовъ: ибо вскорѣ послѣ нея введено было въ Исландію употребленіе латинскаго письма.

Такъ древнѣйшія пѣсни Скандинавовъ нашли надежный пріютъ, и на новой почвѣ родилась изъ сихъ благотворныхъ сѣменъ обильная жатва. XII-е и XIII-е столѣтія, когда многіе Исландцы отправлялись въ Парижъ учиться искусству поэзіи и приносили оттуда новую стихію въ свои произведенія — эти два столѣтія были блестящею эпохой въ исторіи просвѣщенія. Въ XIV-мъ тамошняя литература уже приближалась къ упадку; но реформація сообщила ей новое движеніе. Замѣчательно, что тамъ съ этой поры образованность, благодаря попеченіямъ просвѣщеннаго духовенства, сдѣлалась въ высокой степени принадлежностію всѣхъ классовъ жителей. Въ семъ отношеніи Исландія представляетъ едва ли не безпримѣрное явленіе. Тамъ почти-всякій крестьянинъ читаетъ религіозныя и историческія книги, знаетъ миѳологію и преданія своихъ отцовъ изъ старин-

ныхъ стихотвореній, которыя онъ выучиваетъ наизусть. Въ хижинахъ часто встрѣчаются люди, обучающіе дѣтей своихъ не только грамотѣ, но и предметамъ менѣе-ограниченнаго воспитанія. Нѣкоторые поселяне умѣютъ даже правильно писать полатинѣ. О такой образованности низшихъ сословій въ Исландіи свидѣтельствуютъ единодушно и путешественники, и датскіе купцы, живущіе на островѣ. «Тамъ всѣ классы народа» говоритъ Джонъ-Бàрро, въ описаніи своего путешествія: «чрезвычайно любятъ чтеніе. Въ тѣсныхъ лачугахъ младшіе члены семейства разсказываютъ старикамъ прочитанное въ сагахъ о дняхъ минувшихъ, о геройскихъ подвигахъ предковъ, о романическихъ приключеніяхъ, испытанныхъ первыми посѣтителями Исландіи. Почти во всякомъ семействѣ есть книги на родномъ языкѣ: вскорѣ послѣ введенія реформаціи духовенство учредило тамъ типографію, которая и снабжаетъ любознательный народъ библейскими, историческими и всякаго рода полезными книгами.»

Языкъ, употребляемый въ Исландіи, есть тотъ самый, который перенесенъ туда выходцами изъ Норвегіи; почему онъ и назывался долгое время норвежскимъ или норренскимъ (Norroena lunga), будучи общимъ для всей Скандинавіи. Но въ-послѣдствіи, когда онъ въ самомъ отечествѣ своемъ преобразовался, а въ Исландіи, между-тѣмъ, очень-мало измѣнился, его начали называть исландскимъ; онъ сохранилъ понынѣ не только имя это, но и почти-всѣ старинныя свои формы.

Древнѣйшая литература Скандинавовъ ограничивалась, вѣроятно, народными пѣснями, которыхъ предметомъ были миѳологическія и историческія, преданія — *таинства* и *древности* (rûnar и fornir stafir). Въ Исландіи къ симъ памятникамъ поэзіи присоединились новыя пѣсни скальдовъ и саги.

Главными и самыми драгоцѣнными хранилищами скандинавской поэзіи служатъ двѣ книги, двѣ такъ-называемыя *Эдды*. Одна изъ нихъ есть собраніе множества поэмъ или пѣсень миѳологическаго и историческаго содержанія, сочиненныхъ скальдами въ разныя эпохи, и неравныхъ ни по характеру, ни по достоинству. Преданіе, еще съ XIV вѣка, приписываетъ составленіе этого сборника священнику *Семунду Сигфуссону*, прозванному въ Исландіи «ученымъ» или «мудрымъ» и умершему въ первой половинѣ XII столѣтія. Оттого книга сія и на-

*

зывается *Семундовою, старою, поэтическою Эддой.* Другая состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Въ первой части заключается рядъ миѳологическихъ преданій, изложенныхъ ясной и отчетливой *прозой*, въ формѣ разговоровъ между путешествующимъ конунгомъ или государемъ, и тремя богами. Вторая часть есть родъ поэтическаго словаря. Надобно замѣтить, что поэзія скандинавская, въ глубокой древности соединявшая съ свойственною ей силою высокую простоту, начала еще въ X вѣкѣ терять этотъ первобытный характеръ. Съ сего времени пѣсни скальдовъ представляютъ разительную противоположность: съ одной стороны онѣ поражаютъ рѣзкою печатью энергіи, живостью образовъ и красокъ; съ другой — странною изысканностью выраженія. Многія понятія рѣдко означаются въ нихъ своимъ настоящимъ именемъ, нѣкоторымъ словамъ придается смыслъ совершенно-чуждый имъ, и т. п. О такихъ-то ухищреніяхъ мысли и идетъ дѣло во второмъ отдѣленіи прозаической Эдды. Въ ней показаны, для руководства стихотворцевъ, всѣ описательные обороты, всѣ фигуры и тропы, встрѣчающіеся въ пѣсняхъ скальдовъ. Вся Эдда сія есть не что иное, какъ компиляція, учебная книга миѳологіи и реторики, извлеченная изъ древнихъ пѣсень, частію вошедшихъ въ сборникъ семундовъ, частію погибшихъ для насъ. Первую половину этой книги приписываютъ *Снорри Стурлусону,* исландскому историку, поэту и верховному судьѣ, умершему около средины XIII столѣтія; а послѣдняя написана племянникомъ его, Олафомъ Тордарсеномъ. Но обѣ составляютъ одно цѣлое, извѣстное подъ общимъ именемъ *Снорріевой, прозаической, новой Эддьі.*

Первое достоинство «Эддъ» состоитъ въ томъ, что онѣ знакомятъ насъ съ миѳологіею, которой знаніе необходимо при изученіи скандинавской исторіи и которая, по разнообразію, если не по изяществу и стройности своихъ миѳовъ, подходитъ къ греческой.

«Старая Эдда» долгое время оставалась въ забвеніи, и открыта не-ранѣе XVII столѣтія, когда многіе исландскіе ученые обратились къ разъисканію старинныхъ рукописей.

Въ 1643 году епископъ Бриніольфъ Свендсенъ открылъ пергаменный манускриптъ, содержавшій въ себѣ большую часть поэмъ «Семундовой Эдды», а потомъ нашлись, въ дополненіе его, и другія рукописи: Эдда сдѣлалась извѣст-

ною. Примѣру Исландцевъ послѣдовали сперва Датчане, между которыми первымъ въ этомъ отношеніи должно назвать знаменитаго Оле Ворсма, а потомъ и Шведы: у нихъ сему роду занятія въ-началѣ споспѣшествовалъ особенно государственный канцлеръ, графъ Делагарди. Въ первой половинѣ XVIII вѣка изученіе древностей скандинавскихъ обязано было новымъ, лучшимъ направленіемъ двумъ исландскимъ ученымъ: Тормодъ Торфеусъ и Арнасъ Магнеусъ подвергли исторію и миѳологическія преданія сѣвера строгому критическому разбору, и тѣмъ не-мало содѣйствовали распространенію истинныхъ знаній по этой части.

Въ исходѣ того же вѣка, Германцы начали ревностно знакомиться съ скандинавскою поэзіей; но такъ-какъ они въ переводахъ своихъ позволяли себѣ слишкомъ-много свободы, то занятія сіи не принесли существенной пользы наукѣ. То же замѣчаніе относится и къ переводамъ, изданнымъ нѣсколько позже въ Англіи, и къ книгѣ французскаго ученаго Маллета, вышедшей подъ заглавіемъ: «Edda, ou Monuments de la Mythologie et de la poésie des anciens peuples du Nord». Не зная по-исландски, Маллетъ принужденъ былъ довольствоваться матеріалами, какіе находилъ въ сочиненіяхъ Датчанъ. Нынѣ одно изъ лучшихъ пособій по этому предмету есть датскій переводъ Эдды, изданный 1831 — 1833 г. Финномъ Магнусеномъ: онъ заключаетъ въ себѣ все, что̀ до-тѣхъ-поръ было разсѣяно въ важнѣйшихъ опытахъ этого рода. Книга Магнусена, переводъ Авзеліуса (Afzelius) и два полныя изданія Эдды, напечатанныя въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ,—вотъ труды, необходимые для изученія скандинавскихъ поэмъ. Но сколько ни разлили они свѣта на Эдду, надобно сознаться, что за нею остается еще много работы, что она представляетъ къ разрѣшенію еще много важныхъ вопросовъ.

У насъ въ Россіи Эдды еще очень-мало извѣстны. Не льзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что исландская литература,—предметъ, столь важный для изученія древняго скандинавскаго сѣвера и по тому самому столь занимательный для насъ, не нашла еще въ нашемъ отечествѣ никого, кто бы посвятилъ ей свои труды, тогда какъ она болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе Нѣмцевъ, Англичанъ и даже Французовъ. Пусть Шлёцеръ и другіе ученые оспориваютъ достоин-

ство сагъ въ-отношенiи къ наукѣ и видятъ въ нихъ однѣ басни, одни вымыслы празднаго воображенiя: болѣе-утонченная критика, безъ-сомнѣнiя, найдетъ въ нихъ обширное и еще маловоздѣланное поле изслѣдованiя, и принесетъ оттуда богатую добычу въ область исторiи. Впрочемъ, и независимо отъ пользы своей, саги, вмѣстѣ съ «Эддами», представляютъ столь оригинально-прекрасный мiръ поэзiи, что и въ одномъ-этомъ отношенiи онѣ заслуживаютъ полное вниманiе любителей изящнаго во всѣхъ странахъ, но особенно въ Россiи. Какой народъ лучше нашей многообъемлющей нацiи въ-состоянiи понять и оцѣнить красоты разнообразной сѣверной поэзiи, дышащей то войною и бурей, то нѣгою цѣломудренной любви и утѣхами мужественной дружбы?

Къ стыду нашему, Французы, еще только начинающiе освобождаться отъ своихъ патрiотическихъ предразсудковъ, уже успѣли далеко опередить насъ въ изученiи литературы народа, нѣкогда бывшаго въ столь близкихъ отношенiяхъ къ нашему отечеству. Въ-продолженiе немногихъ лѣтъ появилось во Францiи нѣсколько книгъ по сему предмету, изъ которыхъ мы укажемъ только на «Littérature et Voyages» Ампера, на «Lettres sur l'Islande» Мормьè и на «Poèmes Islandais» Бергманна, ученаго съ необыкновенно-обширными филологическими свѣдѣнiями. Его-то сочиненiе, появившееся въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года, было поводомъ къ нашей статьѣ: мы намѣрены воспользоваться помощiю г. Бергманна, чтобы познакомить читателей съ тремя замѣчательными поэмами «Семундовой Эдды». Но прежде, нежели приступимъ къ изложенiю содержанiя ихъ, постараемся рѣшить, точно ли исландская литература обязана Семунду симъ драгоцѣннымъ сборникомъ, и справедливо ли почитаютъ «поэтическую Эдду» старѣе «прозаической».

Г. Бергманнъ защищаетъ совершенно-противоположное мнѣнiе.

«Всякiй согласится» говоритъ онъ: «что прозаическiя замѣчанiя, помѣщенныя передъ нѣкоторыми изъ поэмъ «Эдды», сдѣланы тѣмъ же, кто собралъ и самыя поэмы. Но надобно сознаться, что Семундъ вовсе-несправедливо пользовался прозванiемъ *ученаго,* если такiя замѣчанiя принадлежатъ ему. Въ-самомъ-дѣлѣ, они не только написаны вообще дурнымъ слогомъ, но и не даютъ слишкомъ-выгоднаго понятiя объ учености собирателя,

излагая по-большой-части то, что уже достаточно объяснено въ самыхъ поэмахъ. Сверхъ-того, всякій разъ, когда авторъ прибавляетъ что-либо новое отъ себя, не видно у него никакой вѣрности взгляда. Итакъ, если нельзя признать *Семунда ученаго* сочинителемъ замѣчаній, то невозможно признать его и собирателемъ поэмъ.»

Но здѣсь представляются два возраженія: *первое*—вступительныя примѣчанія могли быть прибавлены къ «Эддѣ» слишкомъ-усердными переписчиками, гораздо-позже ея составленія; *второе*—хотя бы эти дополненія принадлежали и самому составителю, какія есть у насъ доказательства, что Семундъ въ высшемъ смыслѣ оправдывалъ свое прозваніе? Въ этомъ отличіи выражалось, можетъ-быть, только уваженіе соотечественниковъ къ человѣку, который много путешествовалъ и дѣйствительно пріобрѣлъ большой запасъ знаній; но знанія и даже умъ практическій еще не ручаются за тѣ свойства ума, которыхъ недостатокъ поразилъ г. Бергманна въ примѣчаніяхъ къ «Эддѣ».

Далѣе: «Еслибъ Семундъ оставилъ въ числѣ трудовъ своихъ «Эдду», то она, безъ-сомнѣнія, привлекла бы вниманіе исландскихъ ученыхъ, и писатели стали бы часто ссылаться на нее. Между-тѣмъ *Снорри Стурлусонъ,* прославившійся въ началѣ XIII вѣка, — въ то же время и историкъ, и поэтъ, и первый сановникъ въ Исландіи, — не зналъ сборника, приписываемаго Семунду: онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ произведеніи, хотя и имѣлъ бы не-разъ случай говорить о немъ, еслибъ оно было ему извѣстно, а оно конечно было бы ему извѣстно, еслибъ существовало. Итакъ Снорри никогда не видѣлъ «поэтической Эдды»: это доказывается еще и тѣмъ, что мѣста, приводимыя имъ изъ старинныхъ пѣсенъ, часто вовсе несогласны съ текстомъ «Эдды». Притомъ Снорри, кажется, вовсе не зналъ о существованіи многихъ поэмъ, вошедшихъ въ составъ ея; онъ не зналъ, наконецъ, и самаго названія *Эдда,* котораго не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Изъ всего сказаннаго, мы считаемъ себя въ-правѣ заключить, что «стихотворная Эдда» не только не составлена Семундомъ, но и не существовала еще при жизни Снорри, умершаго въ 1241 г. Замѣчательно, что названіе «Эдды» не встрѣчается ни въ какомъ литературномъ произведеніи до XIV столѣтія; да и появленіе его въ двухъ поэмахъ

этой эпохи не доказываетъ еще ничего въ-пользу существованія «Эдды Семундовой»: ибо, если въ знаменитой поэмѣ *Lilia* (Лилія), 1360, правила стихотворства названы *Eddu-reglur* (правила Эдды), а въ поэмѣ Арнаса Іонссона, жившаго въ то же время, искусство стихотворное названо *Eddu-list* (искусство Эдды), то ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о «поэтической Эддѣ», а о «прозаической», извѣстной подъ именемъ *Снорри-Эддьг.* Послѣдняя докончена въ исходѣ XIII вѣка исландскимъ грамматикомъ, котораго цѣль была — написать разсужденіе о реторикѣ, метрикѣ и піитикѣ. Онъ назвалъ эту книгу *Эддой* (праматерью), безъ-сомнѣнія потому-что она вмѣщала въ себѣ древнія миѳологическія преданія, предметъ стариковскихъ разговоровъ въ долгіе зимніе вечера. Такъ-какъ она состояла преимущественно изъ сочиненій Снорри, то ей и можно было дать заглавіе: *Снорри-Эдда.* Что́ же касается до сборника, приписываемаго Семунду, то составленіе его, по нашему мнѣнію, относится къ тому же времени, именно къ концу XIII или началу XIV вѣка. Въ подкрѣпленіе этой мысли прибавимъ, что съ наступленіемъ XII вѣка развивается въ Исландіи сильная любовь къ литературѣ: не только начинаютъ записывать историческія свѣдѣнія и переводить латинскія книги, но и собираютъ со словъ народа преданія и пѣсни. Введеніе въ XIII вѣкѣ латинскаго письма благопріятствуетъ этой дѣятельности, и ученые принимаются составлять сборники сагъ, законовъ, поэмъ и филологическихъ разсужденій. Къ сей-то эпохѣ принадлежатъ самые старинные памятники скандинавской письменности; они не восходятъ далѣе XIII столѣтія. Вотъ еще причина, побуждающая насъ думать, что такъ-называемая «Семундова Эдда» родилась неранѣе исхода XIII или начала XIV вѣка, тѣмъ болѣе, что первыя рукописи ея нестарѣе этого времени.

Итакъ обѣ «Эдды» появились около одного и того же времени: остается рѣшить, которая изъ нихъ древнѣе. Наше мнѣніе по этому предмету можетъ показаться слишкомъ-смѣлымъ, но мы обязаны представить его на судъ ученыхъ. Полагаемъ, что «Эдда снорріева» сочинена прежде «семундовой»: во введеніи къ одной изъ поэмъ* послѣдней, находимъ нѣсколько обстоятельствъ, разсказанныхъ почти тѣми же словами въ первой **; но эти по-

* «Насмѣшки Локи».

** Въ XXXIII главѣ Skaldskaparmâl.

дробности, очень-умѣстныя въ книгѣ спорріевой, въ «Эддѣ семундовой» вовсе не къ-стати. Стало-быть, составитель сборника, приписываемаго Семунду, имѣлъ въ рукахъ своихъ «Снорри-Эдду». Вѣроятно онъ отъ нея заимствовалъ и самое заглавіе своего сборника: надобно согласиться, что оно приличнѣе прозаическимъ разсказамъ, нежели собранію поэмъ (?). Какъ первая Эдда носила на себѣ имя Снорри, такъ второй придали имя Семунда, потому ли, что собиратель ея приписывалъ Семунду самое сочиненіе поэмъ, или потому-что онъ въ главѣ своей книги хотѣлъ выставить имя, стоящее снорріева.»

Противъ этихъ доводовъ, заслуживающихъ во всякомъ случаѣ вниманіе по смѣлости и новости своей, мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее:

Вникая въ самый характеръ обѣихъ «Эддъ», невольно склоняешься къ убѣжденію, что «поэтическая» существовала прежде: Снорри заимствовалъ свое ученіе о миѳологіи изъ древнихъ поэмъ; другаго источника у него и быть не могло: а для этого нужно было, по всей вѣроятности, имѣть хотя главныя изъ нихъ собранными. У Снорри преданія, вошедшія во всей своей чистотѣ въ поэтическій сборникъ, нерѣдко искажены или дополнены примѣсью новыхъ вымысловъ: сіе доказываетъ только вліяніе христіанства и латинскихъ писателей, которыхъ изученіе распространилось тогда въ Исландіи, вмѣстѣ съ романтизмомъ, занесеннымъ изъ Франціи. Но естественно ли предположить, что содержаніе поэмъ было извлечено и *написано* съ прикрасою прежде, нежели самыя поэмы были изображены письмомъ? Итакъ, нѣтъ почти-никакого сомнѣнія, что онѣ до Снорри были уже собраны и что онъ пользовался этою работой. Онъ не упомянулъ о ней ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій: что̀ же тутъ необыкновеннаго? Преданіе приписываетъ ее Семунду; спрашивается только: какимъ-образомъ Семундъ писалъ, когда латинскія буквы, по мнѣнію г. Бергмана, приняты были Исландцами во всеобщее употребленіе не-ранѣе XIII вѣка? Вѣроятно, нововведеніе сіе сдѣлалось не-внезапно, и Семундъ, какъ ученый, бывавшій и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, могъ быть однимъ изъ первыхъ, начавшихъ употреблять латинское письмо. Какъ святитель *церкви христовой*, еще недавно-утвержденной въ его отечествѣ, онъ могъ имѣть важныя причины къ сокры-

тію, при жизни своей, составленнаго имъ собранія поэмъ *языческихъ*. Известно, что Снорри Стурлусонъ жилъ долгое время въ той же обители, гдѣ за 100 лѣтъ до него трудился Семундъ, — въ имѣніи Одди *. Очень-легко допустить, что будущій скальдъ Гакона нашелъ тамъ рукопись предмѣстника своего, и что она подала ему мысль приняться за новый трудъ, при которомъ эта рукопись и служила ему главнымъ матеріаломъ. Магнуссенъ выразилъ даже сомнѣніе: не Семундъ ли самъ начерталъ планъ такого сочиненія, и не былъ ли Снорри только продолжателемъ его; но такое предположеніе уже слишкомъ-произвольно. Далѣе, надобно припомнить, то «Семундова Эдда» открыта не вся въ одной рукописи и не въ одно время: разные списки ея могли быть изготовлены послѣ Снорри, и поставленныя передъ поэмами примѣчанія, которыя г. Бергманнъ находитъ несовмѣстными съ ученостію Семунда, могли, какъ мы уже сказали, выйдти изъ-подъ пера переписчиковъ-толкователей, и притомъ могли сдѣланы быть отчасти по «Эддѣ Снорріевой». Вотъ чѣмъ объяснилась бы и указанная г. Бергманномъ неумѣстность нѣкоторыхъ примѣчаній въ «поэтической Эддѣ». Книга снорріева, какъ болѣе-ясная, болѣе-соотвѣтствовавшая и понятіямъ, и направленію вѣка, нежели семундова, могла скорѣе пріобрѣсти и всеобщую извѣстность, легко могла даже привести въ забвеніе ту, изъ которой сама была почерпнута и которая такимъ-образомъ пролежала нетронутою до XVII столѣтія. Наконецъ, что̀ касается до заглавія обѣихъ, то придаваемое ему учеными значеніе, *прамитерь*, кажется намъ слишкомъ натянутымъ. Слово *Edda* заключаетъ въ себѣ еще и другой смыслъ: оно иногда равносильно слову *Othr* — *стихъ*, *стихотворство*, — и въ этомъ значеніи совершенно соотвѣтствуетъ содержанію поэтическаго сборника. Такимъ-образомъ заглавіе, самимъ ли Семундомъ, или кѣмъ-либо въ-послѣдствіи данное труду его, объясняется какъ-нельзя-естественнѣе: столь же естественно было перенести это заглавіе на снорріево извлеченіе. Прибавимъ, что въ такомъ же смыслѣ должно разумѣть и названія: Eddu-reglur, Eddu-list, иначе-принимаемыя г. Бергманномъ.

* Снорри, производившій свой родъ отъ славнаго Скальда Рагнара Лодброка, воспитывался у внука семундова, опекуна своего, *Іона*, ученѣйшаго въ то время Исландца.

Поэмы, входящія въ составъ «Семундовой Эдды», принадлежать къ роду эпическихъ и, по различію преданій, ими описываемыхъ, раздѣляются на *миѳологическія* и *героическія*. Первыя, числомъ отъ пятнадцати до семнадцати, изображаютъ боговъ и богинь съ ихъ страстями; послѣднія, — числомъ отъ двадцати до двадцати двухъ, — сочиненныя, конечно, гораздо-позже первыхъ, представляютъ намъ, среди украшеній поэзіи, историческія преданія во всей ихъ чистотѣ: здѣсь являются уже не боги, а герои съ героинями, — лица, первоначально-историческія, но сдѣлавшіяся болѣе или менѣе баснословными въ преданіи.

Три поэмы, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ къ первому разряду; но въ формѣ изложенія есть между ними различіе. Въ первой (Völuspâ, «Видѣнія Валы») господствуетъ почти-исключительно разсказъ; во второй (Vafthrudnismâl, «Бесѣда Вафтруднира») преобладаетъ разговоръ, а въ послѣдней (Lokasenna, «Насмѣшки Локи») онъ уже не прерывается отъ начала до конца поэмы, и ведется нетолько двумя, но многими лицами. Такъ эпическая поэзія принимаетъ въ сихъ трехъ поэмахъ два раза форму драматической.

Такая послѣдовательность въ развитіи искусства не должна удивлять насъ въ скандинавской литературѣ: мы замѣчаемъ то же и во всякой другой, которой начало и успѣхи были независимы отъ вліянія чуждаго. У Гиндусовъ и Грековъ драма рождается изъ эпоса, и слѣдуетъ за нимъ почти-непосредственно. Если же въ Римѣ драматическіе писатели предшествовали эпическимъ, то причиною сему было не-самобытное развитіе латинской словесности. Римляне подражали Грекамъ; имъ легче было перенять у своихъ учителей драму, нежели эпопею. Очень-естественно, что драма должна рождаться изъ эпопеи, отъ которой она отличается не столько сущностью, сколько формой. Въ-самомъ-дѣлѣ, предметы драмъ греческихъ и индійскихъ заимствованы, по-большей-части, изъ временъ миѳологическихъ и героическихъ, которыми напередъ воспользовалась уже и эпопея. Переходъ отъ сей послѣдней къ драмѣ начинается какъ-скоро въ поэмѣ разговоръ заступаетъ мѣсто разсказа, и поэтъ какъ-бы скрывается за выводимыми имъ лицами. Такой переходъ, въ разной мѣрѣ, представляютъ намъ двѣ изъ названныхъ поэмъ Эдды. Можетъ-быть, Исландцамъ оставался

одинъ только шагъ до настоящей драмы. Они были удержаны отъ сего скорѣе неблагопріятною судьбой, нежели недостаткомъ дарованій. Чтобы возникло драматическое исскуство, недовольно сочинять драмы, надобно имѣть способы для представленія ихъ; но могъ ли устроиться и самый скудный театръ на такомъ бѣдномъ островѣ, какова Исландія, въ странѣ, которой жители по-необходимости должны были соблюдать величайшую простоту и въ нравахъ, и въ увеселеніяхъ своихъ?

Предметъ предлагаемыхъ поэмъ — Скандинавская миѳологія, и потому здѣсь къ-стати представить краткое обозрѣніе ея, не смотря на мнѣніе г. Бергманна, будто полное понятіе о миѳологіи должно быть не введеніемъ къ истолкованію источниковъ ея, а результатомъ такого истолкованія.

—

Въ началѣ не было ни неба, ни земли, ни моря: была только *разинутая бездна*, существовалъ только *Альфадуръ*, или *всеобщій отецъ*. По обѣ стороны бездны лежало два міра: на сѣверѣ — міръ мрака и холода, на югѣ — міръ огня. Въ сѣверномъ мірѣ текли ядовитыя рѣки, но морозъ оковалъ ихъ льдами. Часть этихъ льдовъ наконецъ растаяла отъ жара южнаго міра, и изъ растопленныхъ капель яда произошли два существа:

Одно былъ *великанъ Имиръ*, который во время сна родилъ лѣвой рукой мужчину и женщину, а ногами великана: послѣдній былъ отцомъ ужаснаго племени *великановъ инея*.

Другое существо, происшедшее отъ дѣйствія тепла на холодъ, была *корова Авдумбла;* вымя ея изливало четыре млечныя рѣки, которыя питали великана Имира. Сама же она, для утоленія своего голода, лизала иней, покрывавшій скалы. Отъ этого, въ первый день, явились на камнѣ волосы, во второй выросла голова, въ третій образовался цѣлый человѣкъ, по имени *Бури*. У него родился сынъ, *Боръ*, который съ дочерью одного изъ великановъ прижилъ трехъ сыновей: боговъ *Одинна* *, *Вили* и *Ве*.

* Въ этомъ имени на исландскомъ языкѣ два *н*. Такъ должно писать его и по-русски.

Эти три брата умертвили Имира, и кровь его потопила весь родъ *великановъ инея:* только одинъ изъ нихъ успѣлъ съ своею женой спастись на лодкѣ, и сталъ родоначальникомъ новаго поколѣнія *великановъ,* — тѣхъ, о которыхъ такъ-часто упоминается въ миѳологіи скандинавской.

Что же сдѣлалось теперь съ тѣломъ Имира? Убійцы, сыны Бора, бросили тѣло сіе въ бездну и сотворили изъ него новый міръ: изъ мяса сотворили землю, изъ крови море, изъ костей горы, изъ волосъ лѣса, изъ черепа небо, изъ мозга облака и туманы. Потомъ, изъ летавшихъ искръ огненнаго міра создали они солнце, луну и звѣзды. Черви, порожденные трупомъ Имира, были превращены въ *карловъ* или *темныхъ Альфовъ.* Это хитрыя, искусныя существа, въ образѣ маленькихъ, черныхъ людей; но они не могутъ сносить свѣта и должны скрываться въ землѣ. Имъ противоположны *свѣтлые Альфы,* любящіе добро и прекрасные на видъ.

Наконецъ созданы были и люди, и вотъ какимъ-образомъ. На берегу моря росли два дерева: ясень и ольха (аскъ и эмбла). Однажды боги, проходя мимо ихъ, обратили ясень въ мужчину, а ольху въ женщину. Такъ на землѣ появился человѣкъ.

Боги или Асы * построили себѣ на небѣ особое жилище *Асгардъ,* въ которомъ у каждаго изъ нихъ была отдѣльная крѣпость или чертогъ съ золотыми стѣнами, съ серебреной кровлей. Для сообщенія же съ міромъ, протянутъ ими между небомъ и землею мостъ, называемый радугою: каждый день они переѣзжаютъ его на коняхъ.

Главныхъ боговъ и богинь по двѣнадцати. Старшій изъ всѣхъ *Одинъ,* представитель Альфадура, или самъ Альфадуръ въ чувственномъ образѣ; онъ правитъ міромъ и есть въ-особенности богъ войны. Во время сраженій посылаетъ онъ на поле брани *Валкирій,* воинственныхъ дѣвъ, для выбора бойцовъ, достойныхъ славной смерти. Счастливъ, кто удостоится ихъ предпочтенія! Падшихъ съ оружіемъ въ рукахъ онѣ переносятъ въ обитель блаженства, — въ *Валгаллу.* Тамъ сражаются они каждый день другъ съ другомъ; поражамые вновь оживаютъ,

* Названіе, обыкновенно производимое отъ Азіи, которую считаютъ первобытнымъ отечествомъ готскихъ пародовъ, заселившихъ Скандинавію за 100 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.

и, по окончаніи битвы, пируютъ вмѣстѣ съ побѣдителями за однимъ столомъ. *Валкиріи* прислуживаютъ героямъ и разносятъ имъ медъ.

За Одиномъ важнѣйшіе асы: *Торъ* — богъ силы и грома, *Фрей* — богъ плодородія, управляющій погодою, *Браги* — богъ пѣсень. Самый же добрый, самый кроткій, невыразимо-прекрасный, лучезарный богъ есть— *Бальдуръ*, вѣроятно, олицетвореніе блага и свѣта. — Ему противоположенъ *Локи*, облеченный также въ красоту тѣлесную, но исполненный коварства и злобы. Ниже увидимъ мы превосходный миѳъ, относящійся до этихъ двухъ боговъ.

Изъ богинь первыми считались: *Фригга*, Одинова супруга: ей принадлежитъ половина падшихъ на полѣ чести; *Фрея*, богиня красоты и любви; *Идуна*, супруга бога пѣсень: у ней водятся золотые яблоки, отъ которыхъ боги остаются вѣчно-юными.

Для совѣщанія о дѣлахъ вселенной, боги собирались у древа міра, *иггдразиля*. Это огромный ясень, котораго корни простираются и по небу и по землѣ, и въ странѣ великановъ, а глава обнимаетъ весь міръ. При одномъ изъ корней его источникъ мудрости; при другомъ источникъ прошедшаго, у котораго живутъ три богини судьбы, три *Норны*. Здѣсь-то и совѣщались боги.

Сначала безсмертные наслаждались полнымъ счастіемъ, жили въ мирѣ и изобиліи, безпечно играли въ кости и пировали. Но это состояніе было непродолжительно: являются дочери великановъ, сами великаны нарушаютъ спокойствіе Асовъ; начинаются злыя предвѣщанія, загарается *война*. У лукаваго *Локи*, который всѣми средствами вредитъ богамъ, раждаются отъ одной великанки разныя чудовища: *Гела*, или смерть, женщина полу-бѣлая, полу-синяя; ужасный *змѣй* и волкъ *Фенриръ*. Боги, по предсказанію, должны были ожидать много бѣдствій отъ сихъ чудовищъ. Потому Одинъ, велѣвъ ихъ схватить, змѣя бросилъ въ глубокое море, и змѣй обвилъ собою всю землю, — а Гелу низринулъ во мракъ подземнаго міра: ея достояніе — умирающіе отъ болѣзней или отъ старости. Наконецъ волкъ Фенриръ былъ привязанъ къ скалѣ.

---

* Въ словахъ «Валкирія», «Валгалла» слогъ *Вал* означаетъ избраніе. Оттого и Одина, какъ бога войны, часто называютъ *Валфадуромъ*.

Но всѣ эти предосторожности не уничтожаютъ мучительныхъ опасеній Асовъ: великаны безпрестанно строятъ имъ козни, стараются похитить солнце и луну, за которыми гонятся всегда два волка породы Фенрира; великаны оскверняютъ воздухъ кровію и ядомъ, уносятъ Идуну, которая охраняетъ юность боговъ.

Однакожъ, владыкамъ небеснымъ нечего страшиться погибели, пока живъ *Бальдуръ,* кроткій, чистый, мудрый, сынъ Одина и Фриги. Но горькая участь предстоитъ сему любимцу неба и земли: грёзы предвѣщаютъ ему смерть. Одинъ нисходитъ въ область Гелы, вопрошаетъ уснувшую прорицательницу, и она предсказываетъ смерть Бальдура. Тогда мать бога-свѣта заклинаетъ все существующее не вредить ея сыну. Она забываетъ только одно ничтожное деревцо (амелу). Злобный Локи, воспользовавшись этою оплошностію, избираетъ слѣпаго брата Бальдурова орудіемъ своей ненависти. Однажды, когда боги, играя безвредно, поражали Бальдура копьями и мечами, онъ подалъ слѣпому стрѣлу, сдѣланную изъ вѣтви забытаго растенія, и уговорилъ его послѣдовать примѣру другихъ. Палъ прекрасный богъ отъ уязвленія роковой стрѣлы. Его тѣло сожгли на кострѣ, вмѣстѣ съ трупомъ супруги его *Нанны*, умершей отъ горести. Вся природа плачетъ, не плачетъ одинъ Локи. Наконецъ боги, раздраженные оскорбленіями его, схватываютъ своего ненавистника и привязываютъ его къ скаламъ; надъ его головою виситъ змѣя, которой ядъ струится по лицу несчастнаго.

Но не вѣчно быть ему въ оковахъ: боги потеряли Бальдура, и міръ требуетъ обновленія: все существующее должно истребиться и возникнуть въ новой красѣ. Этому страшному перевороту предшествуетъ владычество брани и убійства; братъ возстаетъ на брата, кровь льется рѣками, трехлѣтняя зима отнимаетъ у солнца живительную силу его. Южный, огненный міръ далъ начало вселенной, — онъ же и сокрушитъ ее. Всѣ злыя власти расторгаютъ цѣпи свои и ополчаются на твореніе: ихъ ведетъ царь огня, грозный *Суртуръ* (т. е. Черный), вооруженный пламеннымъ мечемъ. Все погибаетъ: люди и боги падаютъ въ неравномъ бою; волки пожираютъ солнце и луну; земля погружается въ море, небо исчезаетъ въ пламени. Но это всеобщее бѣдствіе служитъ только къ возрожденію міра. Новая

земля выходитъ изъ волнъ: сыны Одина и Тора воцаряются на мѣстѣ асовъ. Бальдуръ торжествуетъ вмѣстѣ съ братомъ, убившимъ его. Отъ великаго пожара спаслась чета людей: ею возобновится человѣческій родъ; общимъ удѣломъ будетъ съ сего времени правосудіе, миръ и обиліе.

Такова скандинавская миѳологія, мрачная, грубая, чувственная, но исполненная смѣлыхъ вымысловъ исполинскаго воображенія! Всматриваясь въ сущность ея, находимъ, что вся она построена на идеѣ о двухъ противоположныхъ началахъ, добромъ и зломъ, которыхъ борьба заключается наконецъ побѣдою перваго. Эти два начала существуютъ отъ-вѣка въ видѣ двухъ враждебныхъ стихій: мрака, соединеннаго съ холодомъ на сѣверѣ, и свѣта, соединеннаго съ жаромъ на югѣ. Ихъ столкновеніе производитъ жизнь и отражается въ жизни. Первыя два существа уже противоположны между собой: отъ одного раждается племя злыхъ великановъ, отъ другаго семья боговъ. Начинается борьба между богами и великанами: представитель первыхъ—*Бальдуръ*, идеалъ добра и свѣта; поборникъ послѣднихъ—*Локи*, олицетворенное зло въ привлекательномъ образѣ. Пока живъ Бальдуръ, жизнь боговъ безопасна; но Локи торжествуетъ надъ нимъ хитростію: съ добромъ прекращаются и миръ и счастіе; наконецъ, самая жизнь боговъ и всего, ими созданнаго, исчезаетъ подъ ударами зла. Но зло гибнетъ въ своей собственной побѣдѣ, и на развалинахъ его зиждется прекрасное царство добра.

Откуда родилось у древнихъ Скандинавовъ такое ученіе? Безъ-сомнѣнія, изъ созерцанія человѣческой жизни. Мы уже видѣли, что они представляли себѣ весь міръ созданнымъ изъ частей исполинскаго тѣла. Такимъ же образомъ представленіе о борьбѣ, какъ сущности внутренней жизни нашей, перенесли Скандинавы и на бытіе высшихъ силъ, — силъ, которыхъ они не умѣли вообразить себѣ внѣ круга видимой природы, замѣчая несовершенства міра, созданнаго богами. Но такое единство идеи, составляющей основу сѣверной миѳологіи, доказываетъ, кажется, позднее происхожденіе многихъ ея миѳовъ. Что она родилась разновременно и изъ разныхъ началъ, о томъ свидѣтельствуютъ противорѣчія, иногда встрѣчающіяся въ ея вымыслахъ; но, кажется, неоспоримо, что въ ней поэтическое начало преобладаетъ надъ историческимъ, хотя не должно отвергать

и послѣдняго, составляющаго все-таки краеугольный камень всякаго баснословія.

Всѣ подробности этихъ вымысловъ разсѣяны въ поэмахъ «Семундовой Эдды»; но первое въ ней мѣсто принадлежитъ *Видѣніямъ Валы*, (Völuspâ), какъ главному источнику сѣверной миѳологіи и замѣчательнѣйшему созданію языческихъ Скандинавовъ.

Слово *Вала* означало у нихъ вѣщунью или прорицательницу. Мы знаемъ, что такія женщины существовали первоначально у Кимвровъ и Тевтоновъ, а потомъ и у другихъ народовъ германскихъ. У Скандинавовъ даръ предвѣдѣнія, въ первыя времена, былъ соединенъ съ званіемъ жрицъ; но въ-послѣдствіи вѣщунья составляла уже отдѣльное лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что миѳологія, всегда отражающая въ себѣ дѣйствительную жизнь, создала своихъ *Норнъ* или богинь судьбы по образцу земныхъ провозвѣстницъ — *Валъ* или *ясновидящихъ* (völur, spâkonur). Были и вѣщуны, но ни столь многочисленные, ни столь почитаемые, какъ женщины этого рода.

Покинувъ храмы, которыми сначала ограничивалось ихъ поприще, онѣ стали переходить изъ края въ край: съ жадностію приглашали ихъ всюду; государи и частные люди слушали ихъ предвѣщанія; матерямъ предсказывали онѣ судьбу новорожденныхъ. Но не одно грядущее, и чары были имъ доступны: онѣ помогали родильницамъ, исцѣляли раны и болѣзни, наносили вредъ со всѣми заклятіями, пока наконецъ христіанство не истребило мало по малу сословія ихъ на сѣверѣ.

Вала, о которой рѣчь идетъ въ поэмѣ, есть лицо чисто-миѳологическое, Вала по преимуществу, прорицательница асовъ (боговъ) и, такъ-сказать, небесный типъ земныхъ предвѣщательницъ.

Цѣль поэта—изобразить миѳологію народа своего въ полномъ, но быстромъ очеркѣ, начиная отъ миѳовъ о происхожденіи вещества до вымысла о гибели и возрожденіи міра. Поэтъ поступилъ чрезвычайно тонко, вложивъ то, что̀ хотѣлъ сказать, въ уста Валы. Форма предвѣщанія придала словамъ его особенную возвышенность, а изложенію живость. Она поз-

волила ему быть краткимъ и освободила его отъ всякаго стѣсненія въ переходахъ. Притомъ, вотъ основная идея поэмы, *хитрость* и *сила* должны быть управляемы *правосудіемъ*; зло и несчастіе произошли отъ насилія и несправедливости, которыхъ виною были сами боги; *Одинна* и *Тора*, представителей хитрости и силы, замѣнятъ боги мира и правосудія. Итакъ поэтъ предвидитъ паденіе древней религіи Скандинавовъ, предвидитъ новый порядокъ вещей, основанный на другихъ началахъ. Эту мысль, смѣлую и даже, нѣкоторымъ-образомъ, наносящую поруганіе язычеству и духу тогдашняго времени, надобно было выразить какъ-можно-осторожнѣе. Въ семъ отношеніи форма предвѣщанія, и притомъ предвѣщанія полубожественнаго, удобнѣе всякой другой. Предвѣщаніе только косвеннымъ образомъ тревожитъ людей, живущихъ для одного настоящаго: священный характеръ видѣнія обуздываетъ нетерпимость и фанатизмъ; даже самовластіе не дерзаетъ коснуться пророка, видя въ словахъ его приговоръ судьбы. Исторія показываетъ, что предсказаніе является вмѣстѣ съ новыми идеями, когда истина еще не смѣетъ говорить открыто, когда народъ или угнетенная партія утѣшается надеждою, вѣрою въ будущность, и въ-тайнѣ борется съ притѣснителемъ своимъ, предрекая ему паденіе. Обыкновенно прорицатели возникаютъ во времена броженія или перелома въ обществахъ, во времена смутъ политическихъ или религіозныхъ. Поэма «Видѣнія Валы» относится безспорно къ той эпохѣ, когда основанія религіи одинновой, хотя и неколебимыя еще въ народѣ, не удовлетворяли болѣе умовъ возвышенныхъ. Нашъ поэтъ обращается къ другимъ свѣтиламъ, и какъ-будто дѣйствительно предугадываетъ въ будущемъ начала правосудія и любви, въ-послѣдствіи принесенныя на сѣверъ благотворнымъ ученіемъ Христа.

О времени происхожденія всѣхъ частей Эдды можно только догадываться по признакамъ, болѣе или менѣе опредѣлительнымъ. Что касается до «Видѣній Валы», то и предметъ и форма поэмы сей заставляютъ считать ее одною изъ древнѣйшихъ. Правда, что подобный выводъ иногда можетъ быть и ложнымъ: поэтъ властенъ заимствовать предметъ свой изъ глубокой старины и облечь его въ одежду древняго покроя. Но такія поддѣлки случаются только въ литературахъ, которыя стоятъ уже на высокой степени развитія. Мы въ-правѣ думать,

что въ поэзіи скандинавской поэмы носятъ и въ содержаніи своемъ, и въ формѣ, печать того времени, когда онѣ сочинены.

Вѣроятно, «Видѣнія Валы» принадлежатъ къ той эпохѣ, когда язычество достигло своей высшей степени: сжатый и часто невсе-высказывающій языкъ поэмы побуждаетъ насъ къ предположенію, что народъ еще зналъ совершенно миѳологію и могъ легко объяснить себѣ то, что поэтъ только обозначаетъ. Это ученіе, конечно, созрѣло уже вполнѣ, когда онъ предпринялъ изобразить его въ системѣ, и религія Одина должна была дойдти до періода полнаго развитія своего, когда онъ предвидѣлъ неизбѣжный для нея ударъ.

Такъ думаетъ г. Бергманнъ. Само собою разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ только о миѳахъ, предшествующихъ въ поэмѣ самому предвѣщанію, которое авторъ считаетъ вымысломъ поэта. Впрочемъ, трудно рѣшить, точно ли основная мысль этого произведенія, мысль о разрушеніи міра, принадлежитъ скальду. Намъ кажется, напротивъ, что онъ былъ только глашатаемъ общаго вѣрованія, и вотъ почему: въ разныхъ поэмахъ Эдды повторяются многіе миѳы, и, между-прочимъ, тотъ, о которомъ мы говоримъ. Легче предположить, что скальды почерпали ихъ изъ достоянія народнаго, нежели допустить, что они заимствовали ихъ другъ у друга.

Но возвратимся къ вопросу о времени происхожденія поэмы «Видѣнія Валы.» Одинъ изъ главныхъ признаковъ ея древности заключается въ слѣдующемъ. Уже въ началѣ X столѣтія изысканность и надутость были дѣломъ скандинавской поэзіи; напротивъ-того, въ «Видѣніяхъ Валы» она естественна, скупа на слова и запечатлѣна мужественною простотой. Все приводитъ къ тому мнѣнію, что поэма сія существуетъ, по-крайней-мѣрѣ, уже съ IX вѣка. Имени сочинившаго ее не знаемъ, но по нѣкоторымъ подробностямъ описаній должны заключить, что онъ былъ Исландецъ.

Доселѣ считали «Видѣнія Валы» отрывкомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, соединеніемъ многихъ отрывковъ; но г. Бергманнъ нашелъ, что это мнѣніе происходило отъ неправильнаго размѣщенія строфъ и стиховъ. Переставивъ и тѣ и другія, онъ видитъ въ поэмѣ не только цѣлость и полноту, но съ тѣмъ вмѣстѣ и чрезвычайно-искусное распредѣленіе частей.

По его замѣчанію, она состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣ-

ловъ, которые можно означить словами: *прошедшее*, *настоящее* и *будущее*, или: *преданіе*, *видѣніе* и *предвѣщаніе*. *Прошедшее* обнимаетъ картину происхожденія всего сущаго: здѣсь Вала говоритъ по *преданію*; *настоящее* изображаетъ исторію боговъ и событій, случившихся во всѣхъ мірахъ: Вала говоритъ о нихъ, основываясь на томъ, что *видѣла* сама; наконецъ, *будущее* заключаетъ въ себѣ исторію гибели и возрожденія вселенной: Вала говоритъ согласно съ тѣмъ, что *предвидитъ* въ пророческомъ умѣ своемъ. Эти три части, рѣзко-отдѣляющіяся одна отъ другой въ самомъ существѣ, поэтъ отличилъ и внѣшними знаками. Въ первой, Вала, говоря о самой-себѣ, употребляетъ выраженіе: *я помню*, или *я знаю*. Во второй, Вала, разсказывая о минувшемъ, называетъ себя въ третьемъ лицѣ: *она* (Вала) *видѣла*. Напослѣдокъ, въ третьей, всѣ глаголы поставлены въ *настоящемъ*, потому-что предъ глазами прорицательницы раскрыта книга будущности: предвѣщаніе высказываетъ приговоры судьбы съ такою увѣренностію, какъ-бы дѣло шло о событіяхъ, уже совершающихся. Переходы отъ одной части къ другой просты и непринужденны.

Мало того: поэтъ такъ искусенъ, что у него раздѣленіе предмета *картины* совпадаетъ съ раздѣленіемъ, необходимымъ для развитія *идеи* его. Онъ хочетъ, какъ мы уже упомянули, доказать, что счастіе проистекаетъ изъ правосудія и мира: для этого дѣлитъ онъ опять произведеніе свое на три части: въ *первой* показываетъ начало всего и блаженство боговъ до той поры, когда они подаютъ міру первый примѣръ *насилія* и *несправедливости*. Такъ-какъ, по воззрѣнію поэта, несправедливость величайшее зло, то во *второй* части изображены плоды его—*раздоръ* и *война*. Въ *третьей* же, за этимъ ужаснымъ состояніемъ, слѣдуетъ смерть боговъ и разрушеніе всего міра. Вскорѣ міръ обновляется, но на немъ уже нѣтъ войны; вновь приходятъ асы, но только миролюбивые; верховный богъ есть богъ правосудія; все возвращается къ первобытному состоянію, которымъ наслаждались боги, пока между ими еще не было насилія. Такъ идея поэта развивается по мѣрѣ раскрытія картины его. Разбираемая поэма есть какъ-бы совершенное созданіе искусства, — созданіе, въ которомъ тѣло и духъ, форма и мысль удивительнымъ образомъ проникаютъ и объясняютъ другъ друга.

Какъ ни остроумны объясненія г. Бергманна, и какъ ни увлекательно онъ излагаетъ ихъ подъ вліяніемъ очень-понятнаго пристрастія къ своему поэту, но трудно открыть вмѣстѣ съ нимъ столь искусственное построеніе и столь глубокій смыслъ въ произведеніи литературы языческой и далеко еще невозмужалой. Если отъ произвольныхъ его перестановокъ поэма и выиграла въ стройности, то, конечно, утратила отъ-части тотъ мрачный, таинственно-грозный, высокій характеръ, которымъ отличалъ ее безпорядокъ мыслей и образовъ, неразлучный съ прорицательскимъ изступленіемъ. Притомъ она и теперь все-таки обнаруживаетъ недостатокъ цѣлости и неясность во многихъ мѣстахъ: одно уже внезапное превращеніе мѣстоименія *я* въ *она*, заставляетъ подозрѣвать или пропускъ, или сведеніе отрывковъ изъ двухъ, хотя и однородныхъ, но раздѣльныхъ произведеній скандинавской древности.

Чтобъ дать читателю понятіе о «Видѣніяхъ Валы», не затрудняя его безпрерывнымъ толкованіемъ именъ собственныхъ и подразумѣваемыхъ подробностей, ограничиваемся точнымъ переводомъ нѣсколькихъ только строфъ поэмы.

Вотъ описаніе сотворенія міра, первобытнаго блаженства боговъ и происхожденія человѣка:

Было начало вѣковъ, когда водворился Имиръ [*];
Не было ни береговъ, ни моря, ни водъ студеныхъ;
Не было ни земли, ни возвышеннаго неба;
Была разинутая бездна, но травы нигдѣ.

Тогда сыны Бора воздвигли твердь,
Они сотворили великую, среднюю ограду [1]:
Солнце освѣтило съ юга скалы обители [2]:
Мгновенно земля зазеленѣла густою зеленью.

(*) Отсылаемъ къ очерку скандинавской миѳологіи, который помѣщенъ выше, на стр. 12 и не-разъ будетъ нуженъ для уразумѣнія этихъ строфъ.

(1) Т. е. землю, занимающую средину между небомъ и преисподнею.

(2) Т. е. земли.

Солнце разливаетъ съ юга свои щедроты на мѣсяцъ (3);
Оно не знало своего жилища,
Звѣзды не знали своихъ мѣстъ,
Мѣсяцъ не зналъ своей силы (4).

Тогда владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги вступили въ совѣщаніе;
Ночи, новому мѣсяцу дали они названія;
Они наименовали зарю и полдень,
Сумерки и вечеръ, для означенія времени.

Асы собрались на долинѣ Иди (5),
Они построили высокое святилище и дворъ,
Поставили горнила, выточили украшенія,
Выковали клещи и изготовили орудія.

Они играли за столами въ оградѣ; они были веселы,
Ни въ чемъ не знали недостатка, все было изъ золота.
Тогда трое асовъ изъ сей толпы,
Исполненные могущества и благости, сошли къ морю;

Они нашли въ той странѣ особыя существа,
Ясень и ольху, лишенные судьбы.

У нихъ (т. е. у этихъ деревьевъ) не было разума,
Ни крови, ни языка, ни благообразія:
Одинъ далъ имъ душу, Гониръ далъ имъ разумъ,
Лодуръ далъ кровь и благообразіе.

Отсюда перейдемъ прямо къ самой занимательной части поэмы,—къ предвѣщанію.

.... Я вижу издали,
Сумерки владыкъ (7), битву боговъ.

---

(3) Въ скандинавскомъ языкѣ, какъ и въ германскихъ, солнце женскаго рода, а мѣсяцъ мужескаго: оба свѣтила здѣсь олицетворены.

(4) Т. е. свѣтила еще блуждали въ пространствѣ неправильно; мѣсяцъ еще не имѣлъ вліянія, которое приписывается ему.

(5) Сборное мѣсто боговъ вокругъ ясеня Иггдразиля.

(6) Этотъ миѳъ выражаетъ мысль, что въ человѣкѣ только усовершенствована организація растенія.

(7) Т. е. вечеръ, возвращеніе ночи, смерть боговъ.

Братья будутъ сражаться между собой, станутъ братоубійцами;
Родственники разорвутъ взаимныя связи;
Въ мірѣ царствуетъ жестокость и великое сластолюбіе:
Вѣкъ сѣкиръ, вѣкъ копій, когда щиты ломаются.
Вѣкъ бурь, вѣкъ лютыхъ звѣрей наступаютъ предъ сокрушеніемъ міра;
Никто не думаетъ о пощадѣ ближняго.

Іоты (8) трепещутъ; среднее древо (9) загарается
При громкихъ звукахъ гремящаго рога (10).
Геймдалль, поднявъ рогъ, трубитъ и возвѣщаетъ тревогу.
Одинъ совѣтуется съ головой Мимира (11).
Содрагается высокій ясень Иггдразиль,
Старое древо дрожитъ:—волкъ разрываетъ свои цѣпи:
Трепещутъ тѣни на путяхъ преисподней,
Пока пламя Суртура не пожретъ древа.

Гримъ (12) приближается съ востока, щитъ покрываетъ его;
Змѣй, обвивающій землю, вращается въ ярости;
Онъ воздымаетъ волны, орелъ машетъ крыльями,
Раздираетъ трупы:—пущенъ корабль ногтяной (13).

Корабль плыветъ отъ востока, рать огней
Идетъ по морю, пламя держитъ кормило:
Іоты идутъ вмѣстѣ съ волкомъ,
Съ ними на кораблѣ и Локи.

Суртуръ вторгается отъ юга съ губительными мечами,
Солнце сверкаетъ на оружіи боговъ-героевъ:
Каменистыя горы содрогаются, великанки трепещутъ,
Тѣни ходятъ на путяхъ преисподней. Небо разверзается.

---

(8) Іоты,—великаны — олицетвореніе исполинскихъ силъ природы. Многіе изъ нихъ славились мудростію и знаніями.

(9) Ясень Иггдразиль, смотри выше.

(10) При вратахъ неба, на концѣ радуги, стоитъ на стражѣ богъ Геймдалль съ огромной трубой или *гремящимъ рогомъ*, которымъ онъ обязанъ давать богамъ вѣсть о приближающейся опасности.

(11) Мимиръ—богъ мудрости, котораго тѣло осталось у враговъ Асовъ, а голова возвращена владыкамъ, и сохраняетъ всю прежнюю свою мудрость.

(12) Предводитель Іотовъ на кораблѣ, имъ построенномъ.

(13) Онъ сдѣланъ Гримомъ изъ ногтей сыновъ земли, сошедшихъ въ Гелу, т. е. умершихъ не на полѣ брани.

. . . .
Солнце начинаетъ чернѣть; земля погружается въ море;
Исчезаютъ на небѣ сіяющія звѣзды;
Дымъ клубится надъ огнемъ, разрушающимъ вселенную;
Исполинское пламя взвивается къ самымъ небесамъ.

Она (Вала) видитъ: опять всплываетъ
Надъ моремъ земля, покрытая густою травой.
Тамъ шумятъ водопады; въ вышинѣ носится орелъ
И надъ скалою подстерегаетъ рыбу.
. . . .
Асы вновь находятъ на травѣ
Чудные золотые столы,
Въ началѣ принадлежавшіе поколѣніямъ,
Властелину боговъ и его потомству.

Поля будутъ приносить плодъ, не бывъ засѣяны,
Всякое зло исчезнетъ: Бальдуръ возвратится
И будетъ обитать съ Годуромъ (14) въ чертогахъ Одина,
Въ священныхъ жилищахъ боговъ-героевъ. — Понимаете или нѣтъ (15)?
Она видитъ храмину, блескомъ превосходящую солнце,
Покрытую золотомъ, среди великолѣпнаго Гимли (16):
Тамъ будутъ жить вѣрные народы,
Тамъ будутъ они наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.
Тогда является свыше къ предсѣдательству въ судѣ владыкъ
Могучій правитель вселенной (17).
Онъ умѣряетъ приговоры, укрощаетъ раздоры,
И предписываетъ священные, во вѣкъ ненарушимые законы.

Заглавіе слѣдующей поэмы: Vafthrûdnismâl значитъ: *Разговоръ, бесѣда Вафтруднира.* Это лицо принадлежитъ къ племени Іотовъ *, которые, по скандинавской миѳологіи, родились

(14) Годуръ-слѣпой братъ Бальдура, умертвившій его по обману Локи.

(15) Вопросъ, который встрѣчается въ концѣ многихъ строфъ поэмы.

(16) *Гимли* значитъ сверкающій.

(17) Форсети, сынъ Бальдура, богъ правосудія. Форсети значитъ предсѣдатель.

* Многіе изслѣдователи думаютъ, что Асы и Іоты скандинавской миѳологіи изображаютъ Готовъ и Финновъ, изъ которыхъ первые застали въ Скандинавіи и вытѣснили оттуда послѣднихъ.

при сотвореніи міра, и по тому самому отличались мудростію и необыкновенными знаніями.

Собесѣдникъ Вафтрудиира Одинпъ, соединяющій въ высшей степени тѣ же принадлежности. Цѣль поэта—показать превосходство бога въ этомъ отношеніи и представить умственную побѣду его надъ соперникомъ своимъ. Миѳологія повѣствуетъ, что Одинпъ, укрываясь нерѣдко подъ разными видами и именами, ходилъ побѣждать мудростію враждебныхъ Асамъ Іотовъ, такъ же, какъ Торъ бралъ надъ ними верхъ тѣлесною силой. Въ борьбѣ, составляющей предметъ поэмы, оба противника подвергаютъ опасности свои головы: тотъ изъ нихъ, кто уступитъ другому въ мудрости, долженъ лишиться жизни.

Въ древности, особенно у народовъ необразованныхъ, существовало убѣжденіе, что физическая сила и разумъ даютъ человѣку право располагать всякимъ, кто надѣленъ ею скуднѣе. Это понятіе, истинное въ самомъ-себѣ, было нелѣпо и жестоко въ народѣ, у котораго тѣлесныя силы значительно опередили умственныя. Сила, неуправляемая разсудкомъ, сдѣлалась тѣмъ пагубнѣе, что умъ, еще не будучи въ-состояніи возвыситься до правосудія, обнаруживался только хитростію и служилъ къ большему притѣсненію слабости и неопытности. Такимъ-образомъ правило это, при всемъ своемъ относительномъ несовершенствѣ, составляло основу религіи Скандинавовъ: двумя главными богами ихъ были *Одинпъ*—представитель хитрости норманнской, и *Торъ*—олицетвореніе физической силы.

Однакожь, если послѣдняя и была кумиромъ древности, то случалось все-таки, что платили должную дань и силѣ умственной. Были сраженія, которыя рѣшались не оружіемъ, а превосходствомъ проницательности и свѣдѣній. Колыбелью такихъ умственныхъ поединковъ была Азія. У народовъ семитическихъ, способности испытывались загадками, и бой кончалс смертію того, кто не находилъ отвѣта.

Какъ у Индусовъ богъ Индра, такъ у Скандинавовъ Одинпъ смотрѣлъ не-безъ опасенія на мудрость и знанія другихъ: особенно возбуждали его зависть въ этомъ отношеніи Іоты, соперники Асовъ. Вотъ чѣмъ объясняется предметъ второй поэмы.

Судя по разнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ ея,

должно полагать, что она сочинена въ концѣ X вѣка какимъ-либо Исландцемъ. По языку и стихамъ, она уступаетъ первой, но въ сущности показываетъ также немало искусства и драгоцѣнна особенно по множеству заключающихся въ ней миѳологическихъ свѣдѣній.

Она дѣлится на двѣ главныя части: въ первой и самой короткой изображены обстоятельства, предшествующія свиданію Одина съ Вафтрудниромъ; во второй представлено преніе ихъ.

Одинъ вступаетъ на небѣ въ разговоръ съ своею супругой, Фриггою.

Одинъ.

Что совѣтуешь мнѣ, Фригга? хочу отправиться къ Вафтрудниру.
Признаюсь, я нетерпѣливо желаю завести разговоръ о древностяхъ
Съ этимъ всезнающимъ Іотомъ.

Фригга.

Отецъ воителей, хотѣла бъ я удержать тебя дома,
Въ чертогахъ боговъ;
Ибо думаю, что ни одинъ Іотъ не равняется въ силѣ
Съ этимъ Вафтрудниромъ.

Одинъ.

Я много странствовалъ, испыталъ много приключеній,
Помѣрился со многими силою:
Теперь хочу посмотрѣть, какъ Вафтрудниръ
Живетъ въ своемъ домѣ.

Фригга.

Счастливый путь! счастливый возвратъ!
Пусть жены Асовъ опять увидятъ тебя счастливымъ!
Пусть мудрость твоя, о, всеотецъ, поможетъ тебѣ
Въ спорѣ съ Іотомъ.

Послѣ этого, Одинъ, въ одеждѣ путешественника, уходитъ и является въ жилище Іоты. Въ сѣняхъ онъ говоритъ:

Здравствуй, Вафтрудниръ! Я вошелъ въ домъ твой,
Чтобы посмотрѣть на тебя:
Хотѣлъ бы я болѣе всего узнать, мудрый ли ты
И всезнающій Іотъ.

Вафтруднирѣ.

Кто этотъ человѣкъ, который въ моемъ жилищѣ
Такъ дерзко вызываетъ меня?
Ты не выйдешь отсюда,
Если ты не ученѣе меня.

Одинъ.

Меня зовутъ странникомъ. Я только-что съ дороги,
И, мучимый жаждою, вошелъ къ тебѣ.
Я совершилъ далекій путь; мнѣ нужно гостепріимство
И твое привѣтствіе, о Іотъ!

Вафтруднирѣ.

Зачѣмъ, странникъ, говоришь ты со мной, стоя въ сѣняхъ?
Приди, садись въ залѣ:
Тамъ испытаемъ мы, кто болѣе знаетъ,
Гость или старый болтунъ.

Но Одинъ, прежде нежели воспользовался гостепріимствомъ, пожелалъ доказать свои знанія и тѣмъ снискать благосклонность хозяина. Всякій пришлецъ имѣлъ право на пріемъ: вотъ почему люди высшаго разряда, желая отличиться отъ толпы, старались съ самаго начала выказать умъ свой и такимъ-образомъ заслужить уваженіе хозяина. Съ этимъ намѣреніемъ и Одинъ, оставаясь въ сѣняхъ, отвѣчаетъ:

Бѣдный, вступая въ домъ богатаго,
Долженъ говорить осторожно или молчать.
Думаю, что говорливость вредитъ
Тому, кто бесѣдуетъ съ мужемъ строгимъ.

Вафтруднирѣ.

Скажи, странникъ—такъ-какъ ты, стоя въ сѣняхъ,
Хочешь испытать свои силы:—
Какъ зовутъ коня, приводящаго всякій разъ
День человѣческому роду?

Странникъ.

Его зовутъ свѣтлогривымъ: онъ приноситъ
Свѣтозарный день человѣкамъ.
Онъ считается лучшимъ конемъ;
Грива его безпрестанно сверкаетъ.

Вафтруднир.

Скажи, странник—такъ-какъ ты, стоя въ сѣняхъ,
Хочешь испытать свои силы:
Какъ зовутъ коня, приводящаго съ востока
Ночь благимъ владыкамъ? *

Странникъ.

Инеегривымъ зовутъ коня, приносящаго каждый разъ
Ночь благимъ владыкамъ:
Всякое утро роняетъ онъ съ удилъ своихъ пѣну,
Отъ которой происходитъ роса въ долинахъ.

Когда Одинъ отвѣтилъ удовлетворительно и на слѣдующіе два вопроса, Вафтруднирь говоритъ:

Вижу, гость, что ты свѣдущъ! Приди, садись на скамью,
Станемъ спорить, сидя;
Пусть наши головы будутъ здѣсь въ залѣ,
О гость, цѣною побѣды.

Тогда Одинъ начинаетъ задавать Іоту вопросы о разныхъ предметахъ миѳологіи. Наконецъ, послѣ семнадцати удовлетворительныхъ отвѣтовъ, онъ предлагаетъ роковую задачу:

Что̀ сказалъ Одинъ на̀-ухо сыну своему **,
Когда тотъ восходилъ на костеръ?

Въ то же время странникъ является въ настоящемъ, божественномъ образѣ своемъ. Вафтруднирь, узнавъ его не только по лику, но и по вопросу, который одинъ отецъ Асовъ могъ сдѣлать, отвѣчаетъ:

Никто не вѣдаетъ, что̀ въ началѣ вѣковъ
Ты сказалъ на̀-ухо сыну своему.
Я самъ себѣ произнесъ смертный приговоръ, хвалясь знаніемъ древностей
И происхожденія боговъ;
Ибо я дерзнулъ состязаться въ мудрости съ Одиномъ.
Ты мудрѣйшій изъ сущихъ!

---

* *Ночь* приводится *богамъ* потому-что предполагалось, будто они дѣйствуютъ преимущественно во мракѣ.

** Бальдуру, убитому слѣпымъ братомъ своимъ.

Этими словами кончается поэма. Смерть Ваѳтруднира совершается, такъ-сказать, за сценою.

Послѣдняя изъ изданныхъ г. Бергманномъ поэмъ, носитъ заглавіе: Lokasenna, т. е. *Насмѣшки, Споръ Локи.* Впрочемъ, по другимъ рукописямъ, она называется также *Пиръ Эгира* или еще: *Уязвленіе Локи.* Дѣло въ томъ, что этотъ богъ, существо лукавое и всегда готовое вредить Асамъ, издѣвается надъ ними на пирѣ у Іота Эгира. Г. Бергманнъ утверждаетъ, что цѣль поэта была осмѣять ученіе одинново. «Итакъ» прибавляетъ онъ: «не миѳологическое преданіе составляетъ предметъ поэмы: ибо, какъ вообразить себѣ, чтобы миѳологія сама себя опровергала, показывая слабости боговъ, ею созданныхъ? Напротивъ, эта поэма есть критика, сатира, отрицаніе миѳологіи; но сочинитель, для избѣжанія упрека въ беззаконіи и богохульствѣ, вложилъ свои собственныя насмѣшки въ уста Локи.» Сомнѣваемся. Локи выражаетъ своимъ характеромъ одну изъ основныхъ идей скандинавской миѳологіи. Поруганіе боговъ есть дѣйствіе, совершенно-согласное съ его всегдашнею цѣлію —унижать, оскорблять ихъ. Поэма кончается торжествомъ боговъ и казнію Локи.

Вотъ почему можно бы полагать, что цѣль этой поэмы, такъ, какъ и предъидущей — показать могущество Асовъ и превосходство ихъ надъ всякимъ противникомъ.

Одно только обстоятельство не позволяетъ утвердиться совершенно въ такомъ мнѣніи: казнь Локи описана въ концѣ поэмы прозою. Можетъ-быть, это прибавленіе сдѣлано собирателемъ Эдды: предположеніе, тѣмъ-болѣе-вѣроятное, что передъ поэмою помѣщено также небольшое прозаическое вступленіе, котораго, по содержанію его, никакъ нельзя приписать самому поэту. Если г. Бергманнъ правъ въ объясненіи цѣли *Насмѣшекъ Локи,* то произведеніе сіе надобно отнести къ концу X вѣка, эпохѣ, когда христіанство уже начинало побѣждать язычество въ Исландіи: въ противномъ случаѣ, поэма, конечно, сочинена гораздо-ранѣе.

Вотъ ея планъ. Локи знаетъ, что Асы собрались у Эгира *,

* Эгиръ—богъ моря.

который не пригласилъ его на пиръ свой, зная злобу и насмѣшливость этого бога. Въ-отмщеніе, Локи намѣревается возмутить празднество оскорбленіемъ Асовъ. Онъ идетъ къ жилищу Эгира и у дверей спрашиваетъ слугу, о чемъ бесѣдуютъ пирующіе. Потомъ входитъ онъ въ храмину и ссорится со всѣми богами. Наконецъ Торъ грозитъ ему своимъ молотомъ. Локи, устрашась гнѣва Тора, и, къ-тому же, достигнувъ цѣли, удаляется съ бранью.

Ходъ разговоровъ очень-естественъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости искусству сочинителя. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ замѣчательнаго произведенія его.

Локи, на отвѣтъ слуги, что никто изъ боговъ не говоритъ о немъ дружелюбно, продолжаетъ:

Войду въ чертоги Эгира,
Посмотрю на этотъ пиръ.
Къ сынамъ Асовъ я внесу шумъ и соблазнъ,
Налью желчи въ ихъ медь.

Входя къ нимъ, онъ говоритъ:

Томимый жаждой, я пришелъ въ это жилище
После долгаго пути;
Прошу Асовъ дать мнѣ только
Напиться чистаго меда.
Что же вы молчите, боги, столь надутые спѣсью,
Что и говорить не можете?
Укажите мнѣ сѣдалище и мѣсто въ пиру,
Или прогоните меня отсюда.

Браги (*богъ пѣсень*).

Указать мѣсто въ нашемъ пиру!
Никогда Асы не сдѣлаютъ этого:
Асы знаютъ, съ кѣмъ дѣлиться
Веселымъ пиромъ своимъ.

Оскорбленный Локи обращается къ Одину, который, для избѣжанія соблазна, велитъ сыну своему уступить мѣсто пришельцу.

Локи.

Асы! ваше здоровье! ваше здоровье, жены Асовъ!
Здоровье всѣхъ васъ, боги пресвятые,
Кромѣ одного этого Аса, этого Браги, что сидитъ
Тамъ у стѣны, на своей скамьѣ!

Браги пытается упять его добромъ, обѣщаетъ ему коня, мечь и щитъ; но Локи восклицаетъ:

Коня и щитъ! Тебѣ-самому никогда не владѣть
Ни тѣмъ, ни другимъ, Браги!
Ты, изъ всѣхъ Асовъ, здѣсь собранныхъ,
Самый предусмотрительный противъ битвы,
Самый трусливый при видѣ копья!

Послѣ новыхъ упрековъ съ обѣихъ сторонъ, наконецъ супруга Браги, Идуна, старается его успокоить именемъ дѣтей своихъ. Локи поноситъ и ее.

Тогда Гефіона, богиня непорочности, хочетъ усмирить его кротостію.

Локи.

Молчи, Гефіона: не то — я разскажу,
Какъ тебя очаровалъ
Тотъ молодой человѣкъ, что̀ подарилъ тебѣ ожерелье
И . . . .

Одинъ.

Глупецъ ты, Локи, безумецъ!
Что̀ ты раздражаешь противъ себя Гефіону?
Она вѣрно знаетъ судьбу каждаго,
Точно такъ же, какъ и я.

Локи.

Молчи, Одинъ! никогда ты не умѣлъ
Рѣшать битвы между людьми.
Часто посылалъ побѣду тому, кто ея не заслуживалъ,
Посылалъ ее менѣе-храброму.

Одинъ.

Какъ ты знаешь, что я посылалъ побѣду тому, кто ея не заслуживалъ,
Посылалъ ее менѣе-храброму?
А ты, — восемь зимъ ты жилъ на землѣ
Молочной коровой и женщиной *;
А это, кажется, прилично подлецу.

Локи.

Ты, говорятъ, занимался чернымъ чародѣйствомъ на островѣ Самсеіо **,

* Миѳъ, къ которому относится этотъ стихъ, неизвѣстенъ.
** Мѣсто, славившееся чарами.

Ты стучался у дверей, какъ Вала;
Въ видѣ колдуна, ты леталъ надъ племенемъ людскимъ,
А это, кажется, прилично подлецу.

Фригга *(супруга Одинна)*.

Вамъ бы никогда не слѣдовало говорить о своихъ приключеніяхъ
При герояхъ,
Ни о томъ, что вы дѣлали въ началѣ вѣковъ:
Не должно припоминать стараго.

Послѣ многихъ споровъ, слуга бога Фрея выражаетъ свое негодованіе на Локи.

Локи.

Это что за маленькая тварь забилась тамъ въ уголъ
И раскрываетъ свой жадный клёвъ?
Ему хочется всегда висѣть на ушахъ Фрея
И ворчать сквозь зубы.

. . . .

Геймдаллъ.

Локи, ты пьянъ и обезумѣлъ.
Что не перестанешь пить, Локи?
Пьянство на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково:
Не замѣчаешь своего болтовства.

Локи.

Молчи, Геймдалль! въ началѣ вѣковъ
Тебѣ поручили проклятую должность;
Какъ стражъ боговъ, ты обязанъ будить ихъ
И спину свою подвергать ночной сырости.

Скади *(дочь великаго Тіасси)*.

Ты въ-духѣ, Локи; только тебѣ ужь недолго
Тѣшиться своей волей.
Скоро боги привяжутъ тебя къ скалѣ
Кишками чудовища-сына твоего *.

Надобно знать, что Тора не было на пирѣ; онъ подвизался между-тѣмъ на востокѣ. Вотъ вдругъ восклицаетъ кто-то изъ гостей:

* Предвѣщаніе Скади сбылось надъ Локи. Сія-то казнь и описана въ прозаическомъ прибавленіи къ поэмѣ. Связь этихъ двухъ мѣстъ заставляла бы думать, что прибавленіе принадлежитъ поэту.

Горы дрожатъ. Вѣрно, Торъ
Возвращается домой:
Онъ принудитъ молчать этого негодяя, который поноситъ
И боговъ и людей.

Торъ *(вошедши)*

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ * мой
Отъиметъ у тебя языкъ:
Я сокрушу съ твоихъ плечъ эту скалу, которая качается у тебя на шеѣ, —
И жизнь твоя погибнетъ.

Локи.

Сынъ земли, ты только-что вошелъ,
А ужъ и расшумѣлся!
Не будешь такъ храбриться, когда нападетъ на тебя
Волкъ, который поглотитъ отца побѣдъ **!

Торъ.

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ мой
Отъиметъ у тебя языкъ:
Захочу, и ты полетишь въ восточныя страны ***,
И никто тебя не увидитъ.

Локи.

Ужъ не говорилъ бы о востокѣ
При герояхъ:
Знаемъ мы, какъ ты, единоборецъ, забился въ палецъ перчатки,
И самъ ужъ не считалъ себя Торомъ ****.

---

* Оружіе Тора.

** Одинъ, при разрушеніи міра, долженъ погибнуть отъ волка.

*** Гдѣ живутъ Іоты.

**** Эти стихи намекаютъ на любопытное преданіе о Торѣ. Отправившись однажды на востокъ, вмѣстѣ съ Локи, онъ увидѣлъ вечеромъ открытое жилище съ пятью очень-глубокими комнатами. Путники рѣшились ночевать въ этомъ жилищѣ. Вскорѣ ихъ разбудилъ ужасный шумъ. Каково же было удивленіе Тора, когда онъ узналъ, что недалеко оттуда лежитъ огромнѣйшій великанъ, который храпитъ такъ громко. Но онъ удивился еще болѣе, когда на другой день, на-разсвѣтѣ, великанъ поднялъ домъ вмѣстѣ съ ними: это была его перчатка. Торъ, по предложенію его, присоединился къ нему, и спряталъ свои припасы въ дорожный мѣшокъ великана. Они шли цѣлый день; вечеромъ, великанъ легъ спать и сказалъ Тору, что если онъ проголодается, то можетъ раскрыть мѣшокъ. Торъ, почувствовавъ сильный аппетитъ, сталъ-было раз-

Торъ повторяетъ свою угрозу.

Локи.

Надѣюсь прожить еще долго,
Хотя ты мнѣ и грозишь молотомъ.
Узлы *Крикуна* показались тебѣ слишкомъ туги;
Ты не могъ добраться до припасовъ;
Ты былъ здоровъ, а умиралъ съ голода.

Торъ опять грозится.

Локи.

Я сказалъ предъ Асами и предъ женами Асовъ
Все, что мнѣ внушилъ умъ мой.
Только предъ тобою удаляюсь,
Потому-что ты разишь.

Теперь Локи, въ крайнемъ ожесточеніи, обращаетъ свои проклятья на самого хозяина дома:

Ты задалъ праздникъ, Эгиръ! Впередъ
Не будешь больше пировать:
Пусть все твое богатство, въ этой храминѣ,
Будетъ объято пламенемъ
Истреблено у тебя за плечами!

За симъ слѣдуетъ прозаическое дополненіе. Вотъ оно:

«Послѣ-того Локи, обратясь въ сёмгу *, укрылся подъ водопадомъ: тамъ схватили его Асы. Онъ былъ привязанъ кишками своего сына Нари; другой же сынъ его былъ превращенъ въ дикаго звѣря. Скади взяла ядовитаго змѣя и повѣсила его надъ лицомъ Локи: змѣй началъ источать ядъ по каплямъ. Сигина, супруга Локи, сѣвъ возлѣ него, принимала капли въ сосудъ; когда же онъ наполнялся, она удалялась, чтобъ вылить ядъ. Между-тѣмъ капли падали на лицо Локи: это производило въ немъ такія судороги, что вся земля колебалась. Вотъ что называютъ нынѣ землетрясеніемъ.»

вязывать мѣшокъ, но никакъ не могъ справиться съ узломъ. *Крикунъ* (имя великана), чтобы посмѣяться надъ Асами, спуталъ спурки посредствомъ чаръ. Торъ, не желая подвергнуться его шуткамъ, разсудилъ, что лучше не будить великана, и легъ, не утоливъ своего голода. — *Единоборцемъ* названъ Торъ потому-что онъ сражается *одинъ* противъ многихъ и притомъ онъ сильнѣе всѣхъ боговъ и героевъ.

* Чтобы спастись отъ преслѣдованія боговъ. Имя *Локи*, *Логи* значитъ: *свѣтящійся*, также: *пламя*. Скандинавское названіе *сёмги*, Iax, значитъ также *свѣтящійся*; есть особый родъ этой рыбы: онъ отличается *огненнымъ* цвѣтомъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о формѣ стиховъ, изъ которыхъ составлены эти поэмы.

Въ стихосложеніи вообще должно отличать двѣ принадлежности: *мѣру* и *созвучіе*.

Мѣра можетъ основываться или на свойствѣ слоговъ, или на количествѣ ихъ.

Повторяющееся въ каждомъ стихѣ соединеніе долгихъ и краткихъ слоговъ по опредѣленному порядку составляетъ стихосложеніе *метрическое*: въ немъ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ извѣстное число *стопъ*. Таково было стихосложеніе древнихъ Грековъ, Римлянъ и Индусовъ, а отъ нихъ оно перешло, хотя и не во всемъ своемъ совершенствѣ, къ большей части новѣйшихъ европейскихъ народовъ.

Менѣе-совершенный видъ мѣры, основанной на свойствѣ слоговъ, состоитъ въ томъ, что каждый стихъ, не представляя соединенія долгихъ и краткихъ въ строгомъ порядкѣ, заключаетъ въ себѣ, однакожь, нѣсколько такихъ слоговъ, на которыхъ голосъ преимущественно опирается. Здѣсь нѣтъ ни стопъ, ни опредѣленнаго числа слоговъ: есть только нѣсколько *ударенiй*, отдѣленныхъ одно отъ другаго всегда равнымъ разстояніемъ. Это *ударятельное* или такъ-называемое *тоническое* стихосложеніе. Таково наше старинное русское.

Наконецъ, мѣра въ стихѣ производится условнымъ счетомъ слоговъ, входящихъ въ составъ его, безъ всякаго отношенія къ свойству или протяженію ихъ. Это *силлабическое* стихосложеніе. Оно принадлежитъ Французамъ, Итальянцамъ, Испанцамъ.

Другой способъ стихотворца дѣйствовать пріятно на слухъ есть *созвучіе*, — сходство нѣкоторыхъ звуковъ въ одномъ или нѣсколькихъ стихахъ. Оно бываетъ либо въ *концѣ* словъ, либо въ *началѣ*. Въ первомъ случаѣ оно, подъ именемъ *риѳмы*, заключаетъ стихъ или иногда полустишіе, и служитъ обыкновенно украшеніемъ *метрическихъ* стиховъ у новѣйшихъ народовъ, а *силлабическимъ* принадлежитъ какъ необходимое условіе. Втораго рода созвучіе состоитъ или въ сходствѣ начальныхъ *буквъ* нѣсколькихъ словъ стиха — въ *аллитераціи* — или въ сходствѣ начальныхъ *слоговъ* — въ *ассонансѣ*. Такія созвучія существуютъ искони въ поэтическихъ произведеніяхъ Азіатцевъ, и встрѣчаются также у сѣверныхъ народовъ Европы, которымъ, вѣроятно, достались изъ Азіи.

Стихи древнихъ Скандинавовъ, по размѣру, довольно-сходны со стихами нашихъ предковъ, т. е. подходятъ подъ разрядъ *тоническихъ*, но съ прибавленіемъ *аллитераціи*.

У позднѣйшихъ Исландцевъ, и именно въ *пѣсняхъ* ихъ, введена въ употребленіе и риѳма; но здѣсь дѣло идетъ только о разобранныхъ нами поэмахъ.

Родъ размѣра, къ которому принадлежатъ стихи ихъ, можно назвать *эпическимъ*, по-исландски же его означаютъ именемъ *древняго размѣра* (fornyrdalag). Онъ раздѣляется на два вида: на *древній размѣръ* собственно, и на *пѣсенный размѣръ*. Первый употребленъ въ «Видѣніяхъ Валы», послѣдній въ остальныхъ двухъ поэмахъ. Въ первомъ каждый стихъ долженъ имѣть, по-крайней-мѣрѣ, *четыре* ударенія, которыя, притомъ, совмѣстны только съ долгими слогами. Что касается до аллитераціи, то стихъ долженъ заключать въ себѣ два или три слова, начинающіяся одною и тою же буквой, и этимъ буквамъ надобно непремѣнно стать въ слогахъ, отличенныхъ удареніемъ. Число всѣхъ вообще слоговъ въ стихѣ измѣняется, но обыкновенно ихъ бываетъ отъ восьми до двѣнадцати.

Стихотворенія, сочиненныя по этому размѣру, раздѣляются всегда на строфы: каждая изъ нихъ вмѣщаетъ въ себѣ по четыре стиха, или (по мнѣнію нѣкоторыхъ, разлагающихъ длинный исландскій стихъ на два короткіе) по восьми.

Пѣсенный размѣръ мало отличается отъ древняго. Въ двухъ послѣднихъ поэмахъ нашихъ, гдѣ онъ употребленъ, строфа состоитъ, по-большой-части, изъ четырехъ же, но не-совершенно сходныхъ между собою стиховъ: второй и четвертый представляютъ часто только полустишіе, въ-сравненіи съ первымъ и третьимъ. Притомъ для аллитераціи здѣсь достаточно только двухъ буквъ, и онѣ могутъ быть независимы отъ ударенія. Вообще въ пѣсенномъ размѣрѣ, правила стихосложенія легко нарушаются: это доказываетъ, что онъ уступаетъ первому въ древности и относится къ эпохѣ, когда эпическое стихосложеніе начинало уже искажаться. Но если онъ ниже древняго по правильности и величію, то превосходитъ его разнообразіемъ. Если *древній размѣръ* можно сравнить съ экзаметромъ, то *пѣсенный* соотвѣтствуетъ элегическому или пентаметру.

Почти-такое же стихосложеніе, какъ у Скандинавовъ, находимъ мы и въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи Англо-Саксон-

цевъ и Германцевъ. Вообще *тоническіе* стихи, какъ требующіе наименѣе искусства, всего болѣе свойственны младенческому возрасту поэзіи. Мы и теперь видимъ, что стихотворенія людей, незнающихъ механизма стиховъ, обыкновенно не бываютъ подчинены никакимъ правиламъ въ-отношеніи къ свойству или числу слоговъ. Но когда самъ сочинитель читаетъ или поетъ свои стихи, то онъ умѣетъ придать нѣкоторую мѣру, усиливая, мѣстами, удареніе. Отъ-того одни слоги выдаются явственно, другіе какъ-бы скрадываются, и безъискусственно-сплетенный рядъ слоговъ принимаетъ обманчивую стройность.

Что касается до дѣйствія аллитераціи на слухъ, то намъ трудно судить о немъ. Мы только тогда чувствуемъ ее, когда въ стихѣ много сходныхъ начальныхъ буквъ, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, какъ въ этомъ стихѣ Расина:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?

Но двѣ или три такія буквы тамъ, гдѣ отъ шести до десяти словъ, какъ въ стихѣ скандинавскомъ, остались бы у насъ совершенно-незамѣченными. Изъ этого можно бъ заключить, что аллитерація была выдумана, какъ акростихъ и другія стихотворныя игрушки, только для глазъ, а не для слуха. Но многое убѣждаетъ въ противномъ. Въ-старину *пѣли*, а не *читали* стихи; поэмы Эдды долгое время переходили изъ устъ въ уста, прежде, нежели были написаны. Притомъ, аллитерація была употребительна почти у всѣхъ готическихъ и германскихъ народовъ: по одному этому ее уже нельзя считать пустой игрушкой. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы находимъ аллитерацію не только у Скандинавовъ и въ древнѣйшихъ произведеніяхъ англо-саксонскихъ: она перешла даже въ нѣкоторые латинскіе стихи, написанные въ Англіи, и до Чосера и Спенсера сохранялась въ самыхъ англійскихъ стихотвореніяхъ. Замѣчаемъ ее также въ древнихъ литературныхъ памятникахъ Германіи. Можетъ-быть, аллитерація принесена изъ Азіи: поэты индусскіе, какъ, напр., Калидаса, знали ее, а *ассонансъ*, сходный съ нею, находится въ древнѣйшихъ стихотвореніяхъ Китайцевъ. Наконецъ, надобно припомнить, что аллитерація, и по происхожденію, и по цѣли, однородна съ риөмой, а риөма, какъ всякій согласится, придумана не для зрѣнія, а для слуха.

Воспользовавшись такимъ-образомъ самою занимательною частію книги г. Бергманна, и принося парижскому академи-

ку дань признательности и уваженія за его ученый трудъ, мы не можемъ, однакожь, не пожелать, чтобы скорѣе настало время, когда любители исландской литературы въ нашемъ отечествѣ не будутъ нуждаться въ посредничествѣ французскихъ изъискателей для ближайшаго съ нею знакомства.

Я. ГРОТЪ.

ЭДУАРДЪ ГАНСЪ.

До русской публики, вѣроятно, дошло уже извѣстіе о смерти нѣмецкаго ученаго, профессора правъ и исторіи при Берлинскомъ Университетѣ, Эдуарда Ганса, о чемъ говорятъ теперь почти-всѣ нѣмецкіе журналы и газеты. Смерть ученаго или профессора есть событіе столь обыкновенное, столь нерѣдкое, что даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ стоялъ на одной изъ высшихъ ступеней ученой знаменитости, потеря его ощутительна только въ сферѣ его науки, или въ кругѣ дѣятельности его университета. Наука не политическое зданіе: смерть одного не разрушаетъ въ ней цѣлаго, какъ то бываетъ иногда въ государствѣ, и на мѣсто утраченнаго найдутся тотчасъ другіе которые, если не подвинуть зданія, то и не допустятъ ему разрушиться. Не-то мы видимъ въ Гансѣ: смерть его дѣйствуетъ и внѣ сферы его науки, внѣ круга его товарищей и слушателей.—Она событіе, взволновавшее не только ученый и учащійся міръ Германіи, но нашедшее себѣ сочувствіе между образованными людьми всѣхъ классовъ и сословій; она встрѣчаетъ соучастіе даже и внѣ Германіи, особенно между тѣми націями, которыя чаще посылаютъ цвѣтъ своего юношества черпать знаніе въ глубокомъ источникѣ германской учености. Эта всеобщая симпатія къ покойному, которой проявленіе особенно-замѣтно было въ удивительномъ стеченіи народа, бывшемъ на погребеніи его, показываетъ, что въ Гансѣ было нѣчто, дѣлавшее его любимцемъ Берлина и Германіи, что въ немъ было еще какое-то другое призваніе, кромѣ ученаго, профессорскаго Дѣйствительно, онъ былъ нѣчто болѣе, нежели профессоръ: Гер-

манія лишилась въ немъ проповѣдника науки и представителя своего общественнаго мнѣнія — два призванія, для исполненія коихъ, казалось, сама природа предназначила Ганса, одаривъ его качествами, преимущественно къ тому способными.

Призванія, о коихъ мы упомянули выше, покажутся для многихъ странными, — и неудивительно: чтобъ понять вполнѣ ихъ значеніе, нужно хорошо знать Германію и весь бытъ ея; но такъ-какъ этотъ предметъ не можетъ быть развитъ здѣсь въ подробности, то мы постараемся объяснить значеніе Ганса самою его дѣятельностію. Образовавшись въ школѣ мужа, геній коего запечатлѣлъ печатію высшаго дара науку и жизнь XIX вѣка, Гансъ, съ свойственною его натурѣ воспріимчивостію и жаромъ, принялъ и усвоилъ себѣ философію великаго наставника своего, Гегеля. Но, призванный къ жизни дѣятельной, живой, эксцентрической, Гансъ не могъ ограничиться исключительно спекулятивнымъ поприщемъ; не довольствуясь тѣмъ, что внесъ идеи своего наставника въ науку правовѣдѣнія, онъ, вспомоществуемый рѣдкимъ даромъ слова, понесъ ихъ далѣе — въ исторію, въ самую жизнь современную, словомъ — всюду. Онъ сталъ между наукой и обществомъ, представляемымъ толпами юношей, жадно-внимавшихъ его убѣдительному краснорѣчію, и, раскрывая передъ ними, съ свойственною его таланту ясностію и увлекательностію, величіе и богатство науки, призывалъ ихъ черпать новую жизнь изъ этого живительнаго источника. Собственно онъ не былъ преподавателемъ философіи; но это не мѣшало ему безпрестанно обращать на нее вниманіе своихъ слушателей, во-первыхъ, какъ прямою, непосредственно изъ сущности предмета преподаваемыхъ имъ наукъ истекающею съ нею связью, такъ и самымъ способомъ преподаванія, взглядомъ на предметы, на жизнь вообще, даже на событія вседневныя. Во всемъ этомъ у него отражалось какое-то высшее мѣрило, которое, подстрекая умъ, влекло его далѣе и далѣе, иногда къ самому святилищу науки, къ коему Гансъ охотно указывалъ руководителей. Лучшіе профессора философіи въ германскомъ университетѣ сознаются, что ему обязаны они половиною своихъ слушателей, что отъ него стремились къ нимъ цѣлыя толпы юношей, которымъ онъ представлялъ храмъ сознанія въ дивномъ свѣтѣ. Дѣйствительно, слушая лекціи Ганса, не-возможно было не полюбить науки (раз-

умѣемъ здѣсь не исключительно философію, а науку вообще).
— Онъ въ-особенности владѣлъ талантомъ побѣждать эту боязнь, которую часто внушаетъ наука душамъ слабымъ, представляя воображенію ихъ долгій, сухой и безотрадный трудъ — это мрачное преддверіе каждаго знанія. Однимъ изъ средствъ этого эксцентрическаго распространенія науки было то, что̀, въ глазахъ сухихъ педантовъ, составляетъ важный недостатокъ преподавателя—отклоненіе отъ главнаго предмета, безпрестанныя обращенія къ настоящему, теперь-случающемуся; но въ этомъ-то и состояла та живая жила, изъ которой истекала его сила надъ сердцемъ и умомъ слушателей, какъ въ университетѣ, такъ и въ обществѣ; ибо сфера его дѣятельности простиралась и на гостиныя. Не принадлежа къ числу нѣмецкихъ профессоровъ, заточающихъ себя на цѣлую жизнь въ кабинетѣ, Гансъ не только не имѣлъ тѣхъ странностей и недостатковъ, которые дѣлаютъ ихъ тяжелыми для общества, но, напротивъ, владѣя всѣми преимуществами, нужными для успѣха въ немъ, онъ любилъ посѣщать его, любилъ переносить въ гостиныя то вліяніе, которое имѣлъ въ аудиторіи. При образованности обширной, всеобъемлющей, бесѣда его была умна и запимательна; о чемъ ни говорилъ онъ съ каѳедры и въ обществѣ—всегда, постоянно онъ этою говорливостію стремился къ одной важной цѣли — внушенію любви ко всякому полезному знанію, любви къ наукѣ, искусству, къ вопросамъ общественнымъ, ко всему, что̀ составляетъ въ человѣкѣ жизнь разумную и дѣятельную, не допускаетъ его впасть въ совершенно-исключительную специальность — достоинство (если только это достоинство), о-сю-пору еще слишкомъ далеко укорененное въ характерѣ нѣмецкомъ. Нѣмецъ, внимательно-слушавшій Ганса, возвращался на родину и вступалъ въ кругъ своей дѣятельности не какъ исключительный юристъ или философъ, но какъ человѣкъ, т. е. съ интересомъ ко всему, что̀ дорого для человѣка,—безъ этой ограниченной и столь вредной для націи и жизни специальности, мертвящей привязанность къ тому, что̀ выходитъ за предѣлы избраннаго званія или занятія. Въ этомъ-то умѣньи безъ вреда главному предмету лекцій возбуждать въ слушателяхъ живой интересъ ко всему, что̀ составляетъ достоинство человѣка, Гансъ, съ своими горячими убѣжденіями, съ своею смѣлою, сильною рѣчью, незамѣнимъ для Берлинскаго Университета и вообще для всей

Германіи. Онъ дополнялъ собою то, чего не достаетъ германской натурѣ, именно — дѣятельности извнѣ, этой движимости, этого интереса современнаго; или, лучше, онъ представлялъ собою эту возникающую потребность, былъ начаткомъ той новой эпохи, новаго поколѣнія, которое и глубокомыслію, и сосредоточенности германской должно придать другіе элементы, съ тѣмъ, чтобъ эти элементы низвели науку и мысль въ самую жизнь, разлили ихъ по всѣмъ членамъ общественнаго тѣла и дали духу свободу развиваться въ немъ по волѣ, не цѣпляясь за старыя, педантскія формы. Вотъ почему мы назвали его проповѣдникомъ науки; вотъ въ чемъ состояла одна изъ сторонъ его знаменитости. Изъ нея ясно и второе его прозваніе: представитель общественнаго мнѣнія.

Въ государствѣ, гдѣ болѣе трехъ четвертей народонаселенія знаетъ грамотѣ, гдѣ каждая, даже самая ничтожная должность получается не иначе, какъ въ-слѣдствіе экзамена, и гдѣ даже ремесленники возводятъ ремесло свое до теоретическихъ началъ— нельзя, чтобъ не существовало мнѣніе, этотъ критеріумъ духовной жизни народа. Оно, какъ все духовно-существующее, должно имѣть точку или центръ, около котораго могло бы сосредоточиться, органъ, который бы выражалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствовалъ имъ. Такимъ органомъ былъ Гансъ. Его мнѣнія, его взглядъ на предметы и событія, облеченныя въ мѣткое слово, часто въ острую шутку, быстро распространялись повсюду, и находили себѣ вездѣ сочувствіе, потому-что въ нихъ, кромѣ общей истины, была еще та тайная симпатія съ современными требованіями, нѣчто въ родѣ того тонкаго чувства, которое внушаетъ поэту выраженіе еще не-сознанной, не-сказанной, но уже живущей и созрѣвшей въ толпѣ мысли. Такимъ-образомъ все, что только составляетъ предметъ разсужденій въ журналахъ и обществѣ, все, что интересуетъ публику или принадлежитъ къ числу современныхъ вопросовъ науки и жизни— все это входило въ сферу его дѣятельности; обо-всемъ онъ подавалъ свой голосъ и шелъ впереди мнѣнія, не-только словомъ, но и дѣломъ. Являлось ли какое-нибудь возбуждающее всеобщій интересъ произведеніе въ наукѣ или искусствѣ—Гансъ говорилъ о немъ съ каѳедры, хотя оно совершенно не относилось къ предмету его чтеній (онъ владѣлъ необыкновенною ловкостію дѣлать отступленія, не нарушая стройности цѣлаго), и его

мнѣніе на-вѣрное становилось мнѣніемъ большинства, и если онъ ошибался, то ошибался, по-большой-части, такъ, какъ ошибаются иногда цѣлыя генераціи, кои, будучи увлечены своими ближайшими, непосредственными интересами на другіе вопросы, смотрятъ не иначе какъ сквозь ихъ призму, а потому видятъ ложно. —Въ этомъ случаѣ у Ганса, какъ мы уже замѣтили, былъ родъ инстинктуальной связи съ современнымъ ему поколѣніемъ: говорили ли о какомъ-нибудь новомъ учрежденіи, или общественномъ постановленіи — Гансъ первый разлагалъ его, разсматривалъ, представлялъ его выгоды и невыгоды, достоинства и недостатки; случалось ли какое-нибудь важное, европейское событіе — голосъ Ганса смѣло разбиралъ его значеніе и слѣдствія; словомъ, каждое движеніе, каждая новость—даже пріѣздъ въ Берлинъ какой-нибудь значительной особы, праздникъ, Ständchen (серенада), данные какому-нибудь лицу, всякое выраженіе мнѣнія, каждый говоръ общества, касаясь его каѳедры, отражался отъ нея очищеннымъ отъ всѣхъ кривыхъ толковъ, преувеличеній, предразсудковъ и прочихъ неизбѣжныхъ спутницъ молвы, и являлся мнѣніемъ, освѣщеннымъ истиною, часто смѣлою, дерзкою истиною, и распространялся по всѣмъ кругамъ столицы. Легко можно себѣ представить, что, какъ органъ общественнаго мнѣнія, Гансъ не могъ быть въ ладу со всѣми; но именно въ этомъ же самомъ общественномъ мнѣніи онъ находилъ твердую для себя опору, дававшую ему средство смѣло высказывать свои мысли даже и тогда, когда онѣ могли быть непріятными для партій. Въ этомъ отношеніи о немъ можно сказать, что онъ занималъ безпримѣрное мѣсто. Любя истину и науку выше всего, онъ былъ чуждъ легкомыслія такъ-называемыхъ либераловъ, и чрезъ то, при своемъ прямодушіи, безпристрастіи и ничѣмъ-неустрашимой откровенности, пріобрѣлъ довѣренность своего начальства, которое, будучи обезпечено благородствомъ его мыслей и цѣлей, не препятствовало распространенію нравственнаго его вліянія и дозволяло ему многое предпочтительно предъ другими.

Вотъ главное значеніе Ганса. Онъ оказалъ также важныя услуги и въ чисто-ученомъ отношеніи. Хотя, распространяя любовь къ философіи, онъ самъ и ничего не создалъ новаго въ этой наукѣ, однако онъ внесъ идеи своего великаго наставника въ науки юридическія, взглянулъ на нихъ съ новой стороны,

бросилъ въ нихъ свѣжія мысли, которыя до него еще никѣмъ не были прилагаемы. Да, Гансъ не безсмертное имя, не геній-созидатель, но одинъ изъ тѣхъ немногихъ избранныхъ умовъ, которые, владѣя ученостію и идеями вѣка, становятся впереди его и столь тѣсно сливаются съ нимъ своими симпатіями, что дѣлаются съ нимъ одно, не могутъ отдѣлиться отъ него и сосредоточиться въ себѣ, чтобъ создать что-либо для безсмертія. Но въ этомъ-то ихъ и важность: для современниковъ они необходимѣе генія: этотъ становитъ новую ступень на помостѣ усовершенствованія человѣчества,—тѣ помогаютъ людямъ взойдти на нее. Имя Ганса, впрочемъ, столь извѣстно всѣмъ занимающимся юриспруденціею, что не требуетъ поясненія касательно своей знаменитости. Въ юридическихъ наукахъ онъ является главою такъ-называемой философско-исторической школы противъ чисто-исторической, представляемой профессоромъ Савиньи. Ученый споръ его съ симъ послѣднимъ продолжался въ-теченіе всей его литературной жизни, и этому спору посвящено было даже и послѣднее напечатанное сочиненіе Ганса «Die Grundlage des Besitzes», брошюра, вышедшая осенью прошлаго года. Этотъ споръ былъ единственнымъ внѣшнимъ движеніемъ въ жизни Ганса, которая, какъ жизнь большей части ученыхъ, протекла безъ рѣзкихъ переворотовъ, безъ замѣчательныхъ событій — вся въ работѣ умственной, въ развитіи внутреннемъ, въ постоянномъ стремленіи къ добру и истинѣ. Разскажемъ здѣсь главныя событія этой жизни.

Фамилія Гансъ еврейскаго происхожденія. Эдуардъ Гансъ родился въ Берлинѣ, 22 марта 1798. Отецъ его принадлежалъ къ купеческому званію и, какъ говорятъ, отличался замѣчательнымъ остроуміемъ, которое наслѣдовалъ отъ него и сынъ, въ ряду душевныхъ способностей коего остроуміе, вмѣстѣ съ даромъ слова, занимало одно изъ первыхъ мѣстъ. Начальное образованіе свое молодой Гансъ получилъ въ одной изъ берлинскихъ гимназій zum grauen Kloster, которое прервано было войною 1813 и краткимъ пребываніемъ въ Прагѣ, гдѣ онъ потерялъ отца своего. Въ 1816 году, Гансъ вступилъ въ Берлинскій, а годъ спустя перешелъ въ Гёттингенскій Университетъ, гдѣ получилъ академическую премію за латинское сочиненіе объ исторіи и правахъ острова Родоса. Въ 1818 году онъ перемѣнилъ Гёттингенскій Университетъ на Гейдельбержскій, гдѣ

нашелъ друзей въ знаменитыхъ профессорахъ Тибо и Гегелѣ. Около этого же времени онъ выступилъ на учено-литературное поприще многими юридическими статьями въ издаваемомъ Генслеромъ, Тибо и Миттермайеромъ «Архивѣ» — и историко-юридическими — въ «Журналѣ для познанія Евреизма» (Zeitschrift für die Wissenschaft des Judenthums); въ Гейдельбергѣ же Гансъ издалъ первое свое сочиненіе «Римское облигаціонное Право». Получивъ званіе доктора правъ, онъ, въ одно время съ Гегелемъ, въ 1820 году, переселился въ Берлинъ. Здѣсь начинается главная его дѣятельность. Вмѣстѣ съ юриспруденціею ревностно изучая также и философію, онъ внесъ новѣйшія идеи послѣдней въ первую, и сочиненіемъ «Scholien zum Gajus» началъ сильную оппозицію противъ историческо-юридической школы, которая немедленно возбудила всеобщее вниманіе. Многіе возстали противъ Ганса; многіе упрекали въ дерзости молодаго человѣка, столь рѣзко и сильно возставшаго противъ мнѣній, исповѣдуемыхъ людьми, стоявшими выше его и по ученому имени, и по званію и положенію въ свѣтѣ; но эти толки дѣлали Ганса еще отважнѣе, придавая ему нѣкоторую степень важности. Онъ началъ еще ревностнѣе трудиться для составленія себѣ имени и своимъ «Наслѣдственнымъ Правомъ въ историческомъ его развитіи» положилъ наконецъ прочное основаніе своей ученой славѣ (das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung, 3 Bde. Berlin. 1823—29). Это его капитальное произведеніе, уже одно, безъ прочихъ его сочиненій и безъ другой его дѣятельности, дающее ему почетное мѣсто въ наукѣ. Въ 1825 году онъ совершилъ путешествіе во Францію и Англію и, владѣя свободно языками обѣихъ этихъ странъ, съ помощію своего ученаго имени и личныхъ достоинствъ сблизился съ знаменитѣйшими на западѣ людьми, какъ въ политическомъ такъ и ученомъ отношеніи; а по возвращеніи въ Берлинъ получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора при тамошнемъ университетѣ. Извѣстный теперь въ Германіи ученый журналъ «Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik» обязанъ ему своимъ существованіемъ: Гансъ основалъ его въ 1826 году. Потомъ онъ издалъ свою «Систему Римскаго гражданскаго Права» и съ 1830 началъ издавать новый журналъ «Beiträge zur Revision der preussischen Gesetzgebung», который однако въ 1832 году прекратился. — Около этого времени, въ осеннія вакаціи, продолжаю-

щійся обыкновенно съ начала августа до конца октября, онъ началъ почти-каждогодно дѣлать путешествія по Европѣ, какъ съ прямо-учсною цѣлію, такъ и для нагляднаго наблюденія общественной жизни иностранныхъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія своихъ сношеній съ первѣйшими лицами Европы. — Плодомъ этихъ путешествій былъ «Взглядъ на лица и событія» (Rückblicke auf Personen und Zustände) — книга, полная наблюдательности, тонкаго остроумія, вѣрныхъ очерковъ и той легкой, занимательной говорливости, того простодушія сильнаго ума (laisser-aller), которое придавало ему такую занимательность въ бесѣдѣ: Гансъ говорилъ иногда самыя умныя вещи съ такою кокетливою легкостію и небрежностію, какъ-будто рѣчь шла о пустякахъ, чрезъ что внушалъ слушателю какую-то особенную къ себѣ довѣренность и расположеніе. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ ума его. Послѣднее путешествіе Гансъ сдѣлалъ прошлою осенью: онъ ѣздилъ въ Италію, и въ Римѣ имѣлъ аудіенцію у папы. На будущую осень онъ сбирался въ Россію; но смерть лишила насъ удовольствія привѣтствовать такого интереснаго гостя. Мы не упомянули еще о смѣшанныхъ сочиненіяхъ Ганса «Vermischte Schriften, 1834» — рядъ критикъ, статей юридическаго, историческаго, политическаго и эстетическаго содержанія. Это журнальныя вещи, неимѣющія общей занимательности, впрочемъ представляющія всѣ достоинства ума и пера Ганса. Самымъ послѣднимъ его произведеніемъ было, какъ уже замѣчено выше «Основная Идея Владѣнія» (über die Grundlage des Besitzes) учено-политическая брошюра, въ которой онъ, въ опроверженіе мнѣній г. Савиньи и исторической школы, доказываетъ, что владѣніе основывается на идеѣ и есть право, а не просто фактъ. — Кромѣ собственныхъ сочиненій, Гансъ трудился надъ редакціею и изданіемъ нѣкоторыхъ твореній Гегеля, и тѣмъ оказалъ немаловажную услугу философіи. Имъ изданы «Философія Права» и «Философія Исторіи» Гегеля. Послѣдняя вышла въ 1837 году, и служила основаніемъ читаннаго имъ зимою 18³⁹/₃₈ года курса философіи исторіи. Вообще изъ его курсовъ, которыхъ онъ держалъ по три и по четыре въ каждомъ семестрѣ, историческіе привлекали наиболѣе слушателей, во-первыхъ, по общему интересу къ предмету, во-вторыхъ, потому-что въ нихъ ораторскій талантъ Ганса находилъ обширнѣйшее для себя попри-

ще, и что онъ въ нихъ всего чаще дѣлалъ уклоненія отъ прошедшаго къ настоящему, къ предметамъ и вопросамъ современнымъ, слѣдовательно, придавалъ имъ двоякую занимательность. Особенно-блистателенъ былъ послѣдній его историческій курсъ — «Новѣйшая исторія, отъ времени заключенія Вестфальскаго Мира», оконченный имъ 26 прошлаго марта. Стеченіе слушателей всѣхъ классовъ, званій и возрастовъ было таково, что въ аудиторіи, гдѣ болѣе 350 нумерованныхъ мѣстъ, слушатели задыхались отъ тѣсноты, потому-что не только заняты были всѣ лавки, но даже пространство, оставленное для прохода, и площадка, окружающая каѳедру, наполнены были стоявшими посѣтителями. Принуждены были впускать въ аудиторію по билетамъ и брать предосторожности отъ чрезмѣрной тѣсноты. Въ этомъ курсѣ онъ излагалъ собственно не-столько историческое развитіе событій, сколько философскій взглядъ на нихъ, изъискивалъ элементы, составляющіе жизнь новѣйшую, и преслѣдовалъ ихъ развитіе въ ряду событій. Большая часть этого историческаго курса заимствована была изъ почти-оконченнаго имъ сочиненія «Исторія послѣднихъ пятидесяти лѣтъ», введеніе къ коему помѣщено въ «Историческомъ Альманахѣ» Раумера на 1833 годъ. Оно будетъ издано въ непродолжительномъ времени друзьями покойнаго; по всему должно ожидать, что эта книга будетъ имѣть важный интересъ; но, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, она не въ-состояніи будетъ не только замѣнить, но даже дать понятіе о живомъ курсѣ Ганса, одушевленномъ этими подробностями, отступленіями, этимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, которое, не презирая остроты и даже сарказма, умѣло возвыщаться до истинно-поэтическаго одушевленія. Когда онъ говорилъ о значеніи нашей эпохи, о Мирабо, о Наполеонѣ, онъ становился поэтомъ-философомъ; глаза его блистали, вся наружность принимала видъ вдохновенія, и рѣчь лилась въ дивныхъ образахъ. Подобныя минуты вдохновенія, приходя къ нему мгновенно среди чтенія, дѣлали его лекціи неровными и ставили нѣкоторыя изъ нихъ въ тѣни, представляя ихъ слабыми и небрежными сравнительно съ другими его чтеніями. Дѣйствительно, у него, какъ и у всякаго оратора, были дурные часы, лекціи въ-самомъ-дѣлѣ небрежныя и до-того, что онъ иногда забывалъ, иногда перемѣшивалъ факты; но мысль цѣлаго свѣтилась повсюду; основаніе вездѣ было прочно, обдумано,

утверждено, а потому неудачное чтенiе не вредило цѣлой системѣ и даже само не лишалось интереса, потому-что умъ сильный и острый, и слово мѣткое и гибкое не покидали Ганса ни на минуту. Эта случайная небрежность была отчасти, слѣдствiемъ, самоувѣренности, отчасти нѣкоторой лѣни, препятствовавшихъ ему готовиться къ каждому чтенiю, а также и разсѣянной жизни, что мы вовсе не вмѣняемъ въ вину ему, впрочемъ не называя этого и заслугою; замѣтимъ только, что его назначенiе призывало его столько же въ гостиныя, сколько и на каѳедру, и, посѣщая прилежно первыя, онъ былъ вѣренъ своему призванiю. Это было хорошо даже и въ практическомъ смыслѣ: Гансъ показывалъ нѣмецкимъ ученымъ, что время имъ расширить кругъ своей дѣятельности далѣе университетской ограды въ гостиныя—эту важную сторону современной жизни, и внести живительное слово науки въ самое сердце—въ бытъ домашнiй.

Портретъ Ганса, какъ частнаго человѣка, представилъ бы занимательнѣйшiя черты; но онѣ во всякомъ случаѣ не могутъ имѣть особеннаго интереса для чужеземной публики, а потому я ограничусь немногими словами. Совершенное laisser-aller въ мысляхъ, словахъ, во всѣхъ прiемахъ, была главная, отличительная черта гансова характера. О немъ можно сказать по-русски, что душа его всегда была на-распашку. Это свойство предполагаетъ уже само собою совершенную доброту сердца и скажу—чистоту его. Да, зло было чуждо ему: онъ радушно протягивалъ руку даже врагамъ своимъ, хотя одинъ изъ нихъ имѣлъ жестокость и неловкость оттолкнуть ее. Желавшiй видѣть Ганса, могъ встрѣтить его повсюду. Онъ, какъ древнiй философъ, всегда былъ тамъ, гдѣ наиболѣе собиралось людей, всегда готовъ былъ бесѣдовать съ каждымъ и передавать ему мысль свою безъ малѣйшей скрытности. Въ три часа по-полудни часто можно было встрѣтить у Ягора, лучшаго берлинскаго ресторатѣра, человѣка среднихъ лѣтъ, довольно-полнаго, съ черными, какъ смоль, кудрявыми волосами, съ черными, живыми, необыкновенно-выразительными и проницательными глазами, съ румянцомъ на щекахъ — это Гансъ. Въ 6 часовъ вечера или въ 12 утра онъ, бывало, медленно идетъ изъ университета по липовой аллеѣ (походка его была очень-тяжела), окруженный толпою студентовъ, распрашивающихъ

его о томъ, что преимущественно ихъ заняло на его лекціи; вечеромъ вы встрѣтите его въ театрѣ, если играетъ Зейдельманъ (лучшій актёръ берлинскаго театра) или дается какая-нибудь новая пьеса *; не то, загляните въ какой-нибудь изъ тѣхъ круговъ столицы, въ коихъ собирается образованнѣйшее ея общество — тамъ найдете его небрежно-сидящимъ на диванѣ, окруженнаго толпою слушателей обоего пола (дамы очень любили его бесѣду); у него была академическая привычка заставлять себя слушать, но никто не роптал на это; напротивъ, всѣ были тѣмъ довольны, особенно, когда онъ былъ въ-духѣ. Гансъ любилъ также собирать вокругъ себя иностранцевъ, потому-что самъ такъ любимъ былъ ими, и ему лестно было видѣть, какъ уважаютъ его даже далеко за предѣлами Германіи. Имѣя обширныя связи въ Италіи, Англіи и Франціи, преимущественно же въ послѣдней, и учениковъ повсюду, говоря совершенно-свободно по-французски и по-англійски, онъ долженъ былъ сдѣлаться естественнымъ центромъ для иностранцевъ; при-томъ же тѣ изъ нихъ, которые обучались въ университетѣ, любили особенно Ганса — кромѣ главныхъ его достоинствъ — еще за то, что понимали его лучше всѣхъ прочихъ профессоровъ. Онъ былъ для нихъ ключомъ къ германской учености, какъ по методѣ преподаванія, такъ и по ясности изложенія; сверхъ-того изящная чистота и точность, съ какой прекрасный его органъ произносилъ каждое слово, и всю рѣчь какъ-будто выливалъ изъ металла, чрезвычайно помогалъ иностранцамъ, несовершенно-владѣющимъ нѣмецкимъ языкомъ, преодолѣвать матеріальныя трудности въ уразумѣніи нѣмецкихъ профессоровъ.

Гансъ былъ холостъ; семейство его состояло изъ матери, брата и двухъ замужнихъ сестеръ (послѣднія жили не въ Берлинѣ). Въ концѣ нынѣшней зимы онъ началъ жаловаться на легкое разстройство здоровья: его мучила одышка. Утромъ 1-го мая, онъ былъ здоровъ, веселъ, пришелъ навѣстить своего товарища-профессора, и, не заставъ его дома, остался обѣдать съ его семействомъ. Сѣли за столъ; вдругъ Гансъ говоритъ, что ему дурно—и въ-слѣдъ за тѣмъ падаетъ безъ чувствъ: параличь отнялъ у него руку и ногу, и, не смотря на медицинскую помощь,

* Гансъ очень любилъ театръ, охотно посѣщалъ его и давалъ самъ драматическіе вечера, на которыхъ бралъ на себя декламацію какой-нибудь роли.

обратился къ головѣ. 5 мая утромъ Гансъ уже не существовалъ Участіе публики, оказанное ему въ эти послѣднія минуты его жизни, имѣло сходство съ тѣмъ, которое у насъ оказывали незабвенному Пушкину. Знакомыя и незнакомыя особы всѣхъ званій и сословій безпрестанно являлись въ пріемной больнаго навѣдываться о его положеніи. Молва, какъ живой бюллетень, распространяла по городу извѣстія о каждой съ нимъ перемѣнѣ. Разумѣется, наибольшее участіе оказано было университетомъ: въ день погребенія, университетъ явился къ усопшему массой, со всѣми преподавателями и учащимися. Все, что только есть замѣчательнаго въ Берлинѣ въ литературномъ, ученомъ и художническомъ отношеніи — а мало ли этого замѣчательнаго! — все явилось отдать послѣднюю честь покойному. Въ 8 часовъ утра двинулся печальный поѣздъ, предшествуемый хоромъ музыки и пѣвчихъ—отличіе небывалое въ протестантской столицѣ, гдѣ воспрещена всякая уличная процессія, но на этотъ разъ полиція сдѣлала уступку общему желанію; — за музыкою печальная колесница; за ней гробъ, несомый избранными студентами, а за гробомъ до 1000 человѣкъ приглашенныхъ и неприглашенныхъ, по два въ рядъ, въ черныхъ платьяхъ; по бокамъ ихъ, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, студенты въ треугольныхъ шляпахъ съ эшарпами —чрезъ плечо, съ жезлами въ рукахъ, для соблюденія порядка, и наконецъ, безконечный рядъ экипажей. И все это двигалось между живою цѣпью народа, протянувшеюся отъ самаго дома, въ которомъ жилъ покойникъ, до кладбища, вдоль одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ Берлина, всѣ окна коей унизаны были зрителями. Процессія была такъ многолюдна, что когда гробъ уже былъ внѣ заставы (ораніенбуржской), многіе экипажи едва еще только двинулись отъ воротъ квартиры покойника (Behren-strasse) — и должно замѣтить, что тутъ были одни только мужчины (дамы, по нѣмецкому обыкновенію, не показываются на подобныя церемоніи). Такъ чествовалъ Берлинъ свое лучшее украшеніе, одну изъ блистательнѣйшихъ своихъ знаменитостей! На кладбище могли войдти только приглашенные и студенты. Послѣ умилительнаго хора «Христосъ мое прибѣжище», главный консисторіальный совѣтникъ и старшина богословскаго факультата, профессоръ-пасторъ Маргейнеке, личный другъ усопшаго, произнесъ надъ гробомъ сильное и трогательное сло-

во, въ которомъ прекрасно охарактеризовалъ покойнаго; затѣмъ отпускная молитва «Dies irae», исполненная хоромъ студентовъ — слезы родныхъ и знакомыхъ — глухой гулъ падавшей на крышку гроба земли—и все кончилось... Толпа разошлась, кладбище опустѣло, и свѣжая могила стала рядомъ съ пирамидой, на коей видно имя *Фихте*; еще два шага—и вотъ другая могила съ гранитной плитой, а на ней другое имя—*Гегель*... Какія имена!...

Я. Невѣровъ.

Берлинъ $^{16}/_{4}$ мая 1839.

СТАТИСТИКА И ТЕОРІЯ ГРОЗЪ.

Ни одна наука не представляла до-сихъ-поръ успѣховъ столь медленныхъ и такъ мало-положительныхъ, какъ метеорологія. Правда, что мы имѣемъ глубокія и обширныя свѣдѣнія объ атмосферѣ въ отношеніи химическомъ и статистическомъ: мы знаемъ, изъ какихъ элементовъ составлена жидкость, окружающая насъ, знаемъ, какимъ-образомъ эти элементы, отдѣльно взятые, поддерживаютъ жизнь или убиваютъ; тяжесть этой жидкости, плотность, высота, дѣйствія на свѣтъ, электрическія и магнитныя явленія, измѣненія температуры, какъ на самыхъ высокихъ горахъ, такъ и въ нѣдрахъ земли, были изслѣдованы съ тщательностію, точностію и успѣхомъ, которые приносятъ величайшую честь искусству и генію ученыхъ. Но мы принуждены сознаться, что законы возмущеній воздушныхъ областей намъ совершенно-неизвѣстны; познанія наши, столь обширныя и глубокія въ состояніи тишины и ясности атмосферы, становятся безполезными, когда она помрачается и приходитъ въ волненіе. Необычайное ли увеличеніе жара или холода угрожаетъ жизни всѣхъ существъ органическихъ, наводненія ли заставляютъ насъ опасаться втораго потопа, вѣтры ли съ необузданною яростью грозятъ разрушеніемъ и гибелью нашимъ неподвижнымъ или пловучимъ жилищамъ, молнія ли, вырываясь изъ облачной своей темницы, мгновенно уничтожаетъ самыя прекрасныя,

самыя прочныя созданія человѣческаго искусства и раздробляетъ даже кору земную, страшныя ли силы атмосферы возстаютъ противъ насъ, — мы трепещемъ за жизнь свою и имущества, не имѣя силы обуздать стихіи, не умѣя избѣгнуть постигшихъ насъ бѣдствій.

Хотя до-сихъ-поръ и не существуетъ надежныхъ средствъ защитить нашу жизнь и богатства отъ подобныхъ опасностей, однако же исторія науки показываетъ, что есть возможность открыть ихъ. Въ тиши кабинета, ученые уже изобрѣли средства *предвозвѣщающія* и *покровительствующія*. Громоотводъ служитъ теперь для защиты жилищъ и кораблей нашихъ отъ ужасныхъ дѣйствій молніи; барометръ не разъ показывалъ мореходцу, что настала минута готовиться къ борьбѣ съ стихіями.

Къ-счастію для науки и человѣчества, во всѣ времена встрѣчались люди, готовые жертвовать для нихъ жизнію. Въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, два или три человѣка изучали шквалы и ураганы съ полнымъ самоотверженіемъ и полнымъ успѣхомъ. Правда, что они еще не открыли причины этихъ возмущеній атмосферы, но они опредѣлили общія ихъ свойства; имъ удалось вывесть отсюда непреложныя правила, дающія намъ возможность если не укрощать ярость стихій, то, по-крайней-мѣрѣ, избѣгать ея. Если постепенные труды двухъ человѣкъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно въ-теченіе только 6 лѣтъ, принесли столько пользы наукѣ, то какихъ успѣховъ можно ожидать тогда, когда бы всѣ европейскіе ученые призваны были къ размышленію надъ длиннымъ рядомъ метеорологическихъ наблюденій, собранныхъ надлежащимъ образомъ въ различныхъ странахъ земнаго шара?

Прежде существовало всеобщее мнѣніе, что шквалъ различается отъ обыкновеннаго вѣтра только быстротою движущагося воздуха, что ураганъ есть вѣтеръ, несущійся по прямому направленію съ скоростью 100 или 120 миль въ часъ.

Полковникъ Кепперъ (Capper) первый опровергалъ это мнѣніе въ 1801 году. Основываясь на наблюденіяхъ своихъ,

онъ говорилъ, что ураганы должны быть большіе вихри, имѣющіе въ діаметрѣ не болѣе 120 миль, и что, наблюдая силу и направленіе вѣтра, быть-можетъ, не трудно было бы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ корабль относительно къ положенію этого вихря, и, слѣдовательно, имѣть чрезъ то возможность избѣгнуть его.

Наблюденія г. Кеппера, по-видимому, невозбудившія тогда никакого участія въ ученомъ свѣтѣ, вскорѣ подтвердились метеорологическими изслѣдованіями г. Редфильда (Redfield). нью-йоркскаго ученаго. Вотъ результаты описанныхъ имъ наблюденій надъ 11 ураганами Западной Индіи (съ 1804 по 1835 включительно):

Самые сильные ураганы случаются подъ тропическими широтами, на сѣверъ и на востокъ отъ острововъ Западной Индіи.

Они объемлютъ въ одно время поверхность отъ 100 до 150 миль въ діаметрѣ; сила ихъ ослабѣваетъ къ краямъ и возрастаетъ къ центру этого пространства.

Г. Редфильдъ обозначилъ на картѣ путь, по которому переносится одинъ и тотъ же ураганъ. Легко усмотрѣть по этой картѣ, что путь сей, по-видимому, образуетъ дугу эллипса или параболы, которыхъ полюсъ находится всегда, безъ исключенія, если не подъ 30° широты, то, по-крайней-мѣрѣ, близко къ оной. Должно притомъ замѣтить, что паралели 30° составляютъ, по обѣимъ сторонамъ экватора, внѣшніе предѣлы пассатныхъ вѣтровъ; и также, что паралель 30° имѣетъ свойство раздѣлять поверхность и атмосферу своего полушарія на равныя части, такъ-что поверхность, содержащаяся между этою паралелью и экваторомъ, почти-равна поверхности между тою же паралелью и полюсомъ.

На югѣ отъ паралели 30°, ураганы движутся на западъ, но направленію, постепенно склоняющемуся къ сѣверу; достигнувъ до паралели 30°, они быстро поворачиваютъ на сѣверъ и потомъ на востокъ, продолжая постепенно наклоняться къ востоку, и двигаясь съ удвоенною скоростью.

Если бы масса воздуха, образующая ураганъ, имѣла толь-

ко одно переносное движеніе впередъ, то направленіе вѣтра въ какой-либо точкѣ пути ея, должно бы совпадать съ направленіемъ этого пути и сохраняться постояннымъ во все время урагана. Но наблюденія показали противное. Направленіе вѣтра не совпадаетъ съ направленіемъ, по которому переносится ураганъ, и притомъ во второй половинѣ урагана вѣтеръ дуетъ почти совершенно съ противоположной стороны, нежели въ началѣ. Такъ, напримѣръ, когда ураганъ направляется на западъ, то при началѣ его дуетъ вѣтеръ съ сѣвера, а при концѣ съ юга; при движеніи же урагана на сѣверъ, въ началѣ дуетъ вѣтеръ восточный, а потомъ западный. Подобныя наблюденія надъ направленіемъ и перемѣнами вѣтра въ различныхъ точкахъ параболическаго пути, пробѣгаемаго ураганомъ, привели къ заключенію, что кромѣ переноснаго движенія впередъ, масса воздуха. составляющая ураганъ, имѣетъ еще вращательное движеніе, на подобіе вихря, около вертикальной или нѣсколько-наклонной оси, которая переносится впередъ вмѣстѣ съ ураганомъ, и которую мы назовемъ осью вихря. Вращеніе производится всегда *съ-права на-лѣво*. Такимъ-образомъ, направленіе вѣтра въ ураганѣ будетъ зависѣть въ одно время отъ двухъ движеній: круговращательнаго и переноснаго.

Иногда случается, что корабль получаетъ сильный ударъ вѣтра въ паруса и снасти, между-тѣмъ, какъ на палубѣ все остается спокойнымъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что вѣроятно ось вихря наклонена въ направленіи переноснаго его движенія. По мнѣнію Редфильда, наклоненіе это можетъ происходить отъ сопротивленія поверхности земнаго шара, замедляющаго движеніе нижней части вертящейся массы воздуха. Отъ такого замедленія самыя возвышенныя части столба наклоняются впередъ и овладѣютъ значительнымъ протяженіемъ атмосферы, между-тѣмъ, какъ соотвѣтственная часть ея близъ поверхности останется въ покоѣ.

Продолжительность урагана зависитъ отъ протяженія поверхности, одновременно имъ занимаемой, и скорости переноснаго движенія; малые ураганы даже бываютъ быстрѣе большихъ.

Къ числу самыхъ важныхъ слѣдствій, выведенныхъ Редфильдомъ изъ наблюденій, принадлежитъ объясненіе причинъ, по которымъ барометръ опускается передъ наступленіемъ бури. Редфильдъ приписываетъ это центробѣжной силѣ огромной массы воздуха, которая, приходя въ движеніе, образуетъ бурю. Центробѣжное сіе дѣйствіе должно гнать слои воздуха, подверженные его вліянію, и около центра вращенія вихря вытѣснять и разрѣжать эти слои, и чрезъ то уменьшать давленіе атмосферическаго столба на ртуть барометра. Редфильдъ думаетъ также, что каковъ бы ни былъ предѣлъ высоты массы воздуха, приведенной въ движеніе, отъ вытѣсненія онаго должны опуститься верхніе, болѣе холодные слои атмосферы и, придя въ соприкосновеніе съ влажными слоями, лежащими близь поверхности земнаго шара, образовать постоянный слой облаковъ и потомъ обильные дожди или градъ, смотря по температурѣ этихъ нижнихъ слоевъ атмосферы.

Подъ всѣми широтами, барометръ опускается во всѣхъ точкахъ пространства, занимаемаго первою половиною урагана, исключая, быть-можетъ, сѣверный край: такимъ-образомъ этотъ инструментъ даетъ первый и скорый признакъ приближенія бури. Во время прохожденія второй половины урагана, барометръ снова поднимается. Наибольшее пониженіе барометра замѣчается подъ *центральною чертою* пространства, пробѣгаемаго ураганомъ; при наступленіи второй половины урагана, ртуть начинаетъ подниматься, и чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, вѣтеръ *внезапно перемѣняется* и начинаетъ дуть въ направленіи почти-совершенно-противномъ прежнему.

Касательно происхожденія ургановъ, г. Редфильдъ полагаетъ, что они образуются кружащимися частями, оторванными отъ пассатныхъ вѣтровъ, съ сѣверной стороны ихъ, островами, встрѣчающимися имъ на пути и препятствующими прямому движенію, или встрѣчею ихъ съ сѣвернымъ вѣтромъ, или съ отливомъ воздуха отъ береговъ Америки, или, наконецъ, обѣими причинами вмѣстѣ.

Перемѣны погоды и вѣтра, неподходящія подъ изложен-

ные здѣсь законы, случаются въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ чаще, нежели въ другіе мѣсяцы.

Восточные или южные вѣтры, при которыхъ барометръ повышается или остается неподвижнымъ, не принадлежатъ ни къ ураганамъ, ни къ грозовымъ вѣтрамъ. Однако часто случается, что, по прекращеніи такого вѣтра, барометръ упадаетъ и замѣчаются многія явленія восточнаго урагана.

Наконецъ, г. Редфильдъ говоритъ, что во всѣхъ большихъ бассейнахъ океана, вихри, отрываемые отъ пассатныхъ вѣтровъ, однообразны, и что *въ южномъ полушаріи*, вѣроятно, эти вихри слѣдуютъ направленію, противоположному тому, по которому они движутся въ *сѣверномъ*, производя соотвѣтственное различіе въ общихъ видоизмѣненіяхъ грозъ и вѣтровъ.

Отъ изслѣдованій американскаго наблюдателя перейдемъ теперь къ изъисканіямъ англійскаго полковника Реда (Reid). Имѣя порученіе перестроить въ Барбадосѣ принадлежащіе правительству корабли, разрушенные въ 1831 году ураганомъ, при которомъ, въ-теченіе 7 часовъ, 1477 человѣкъ лишились жизни, онъ предложилъ себѣ вопросъ: какіе могли быть причины и образъ дѣйствія этихъ жестокихъ бурь? Собирая отвсюду описанія и разсказы о предшествовавшихъ грозахъ, онъ по-счастію нашелъ записки, о которыхъ мы говорили. Убѣжденный въ справедливости идей г. Редфильда, онъ рѣшился самъ ихъ повѣрить, и для этого занялся составленіемъ картъ по большому масштабу, съ означеніемъ на нихъ различныхъ направленій вѣтровъ въ точкахъ, показанныхъ г. Редфильдомъ. Чѣмъ болѣе тщанія прилагалъ онъ къ своей работѣ, тѣмъ болѣе ураганы походили на переносные вихри. Не довольствуясь этими выводами, онъ досталъ въ адмиральтействѣ журналы англійскихъ кораблей, плававшихъ въ области ураганов, и присоединилъ къ тому наблюденія, собранныя имъ на твердой землѣ. Сблизивъ такимъ-образомъ разнообразныя явленія въ различныхъ грозахъ, онъ получилъ возможность доказать съ очевидностью, что ураганы имѣютъ движенія *круговращательное* и *переносное*, что разрушительная ихъ сила происходитъ отъ вращательнаго движенія, и подтвердить остроумную догадку американскаго ученаго, что въ южномъ

полушарін ураганы слѣдують обратному направленію въ-сравненіи съ сѣвернымъ, т. е. *съ-лѣва на-право.*

Чтобы дать читателямъ понятіе объ ураганахъ Западной Индіи, приводимъ здѣсь описанія двухъ замѣчательнѣйшихъ.

Въ 1831 году, 18 августа, послѣ полудня, ураганъ начался въ Барбадосѣ порывами вѣтра и ливнями дождя, смѣняемыми сначала глубокою тишиною. Около 4 часовъ, по всему острову распространился ужаснѣйшій мракъ, и только около зенита виднѣлся кругъ тусклаго свѣта, подпиравшій уголъ въ 35° или 40°. Послѣ полуночи, мильйоны молній пересѣкали небо во всѣхъ точкахъ, по всѣмъ направленіямъ; съ С. и С.-В. дулъ сильный вѣтеръ. Въ часъ утра, вѣтеръ усилился, и, перемѣнясь внезапно, принялъ направленіе съ С.-З. Съ этой минуты верхніе слои атмосферы были безпрерывно освѣщаемы блескомъ молній, почти-непрекращавшихся. Въ 2 часа оглушительный шумъ бури былъ невыразимъ. Въ 3 часа вѣтеръ утихалъ по временамъ, но за этими минутами тишины слѣдовали шквалы съ юго-запада, востока и запада-юго-запада, еще сильнѣе прежнихъ.

Молнія только однажды прекратилась на нѣсколько мгновеній, и въ эту минуту городъ былъ погруженъ въ самый страшный мракъ. Тогда видно было множество огненныхъ метеоровъ, падавшихъ съ неба; особенно одинъ изъ нихъ замѣченъ былъ авторомъ этого разсказа: въ видѣ пламенѣющаго, краснаго шара онъ спускался отвѣсно съ неизмѣримой высоты. Очевидно было, что онъ падалъ отъ собственнаго вѣса, не бывъ брошенъ никакою постороннею силою. Приближаясь къ землѣ, онъ принялъ ослѣпительную бѣлизну и продолговатую форму; упавъ же на землю, разсыпался, сверкая подобно раскаленному металлу, и тотчасъ погасъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія этого метеора, страшный шумъ вѣтра обратился въ отдаленный вой, и въ продолженіи около полуминуты ослѣпительныя струи пламени вылетали изъ земли и облаковъ, опустившихся по-видимому до самыхъ крышъ зданій, соединялись въ воздухѣ и чертили въ немъ страшныя огненныя полосы. Потомъ буря возобновилась съ невыразимою силой. Вой вѣтра, шумъ океана, котораго волны грозились истребить все, что пощадили

другія стихіи, трескъ черепицы, падавшей и ломавшейся, паденіе домовъ и стѣнъ, тысячи различныхъ звуковъ заглушали громовые удары. Какъ описать чувствованія страха, при которыхъ человѣкъ терялъ всѣ способности? Какъ объяснить ихъ тѣмъ, которые никогда не были свидѣтелями подобныхъ ужасовъ?

Послѣ 5 часовъ, когда ураганъ утихъ на нѣсколько минутъ, весьма-ясно слышанъ былъ стукъ отъ паденія черепицъ и обломковъ зданій, поднятыхъ на значительную высоту послѣднимъ вихремъ. Съ разсвѣтомъ, авторъ разсказа (напечатаннаго въ Бриджтоунѣ на другой день этого событія) отправился на набережную. Дождь билъ въ лицо съ раздирающею силою. Невозможно описать зрѣлища, ему представившагося. Исполинскія волны, несясь на отлогій, песчаный берегъ, казалось, не могли найдти себѣ преграды; но онѣ разбивались о верфь, покрывая ее обломками разнаго рода. На поверхности океана носились грудою доски, обломки дерева, боченки, связки сѣна и другіе легкіе предметы. Два корабля стояли въ гавани; всѣ прочіе были опрокинуты вѣтромъ на мели.

Съ вершины соборной колокольни, взоръ встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ однѣ только развалины. Всѣ окрестности были опустошены. Не видно было ни слѣда растительности, кромѣ небольшихъ клочковъ изсушеннаго дерна. Можно было подумать, что сильный пожаръ истребилъ всѣ произведенія земли. Нѣкоторыя деревья еще стояли, лишенныя вѣтвей и листьевъ, и многочисленные сельскіе домики, окружавшіе Бриджтоунъ, скрывавшіеся когда-то въ густыхъ рощахъ, были теперь обнажены и большею-частью разрушены.

Изъ Барбадоса ураганъ перенесся въ Сен-Венсентъ. При его приближеніи, г. Симонсъ замѣтилъ на сѣверѣ отъ того мѣста, гдѣ находился, тучу такого вида, что во все время сорокалѣтняго пребыванія своего подъ тропиками, онъ не видалъ ничего болѣе-ужасающаго: цвѣтъ тучи былъ зелено-оливковый. Симонсъ поспѣшилъ возвратиться домой и благоразумными предосторожностями спасъ жилище свое отъ разрушенія, постигшаго частію дома его сосѣдей. Вода въ Кингстоунскомъ-Заливѣ поднялась на такую высоту, что залила

улицы; различныя строенія крѣпости Шарлотты были опрокинуты вѣтромъ, съ другихъ сорваны крыши. Но всего замѣчательнѣе дѣйствіе урагана на обширный лѣсъ, покрывавшій пол-острова. На сѣверной сторонѣ этого лѣса деревья были *убиты, не бывъ опрокинуты*. Полковникъ Редъ часто разсматривалъ ихъ въ 1832 году, и они казались ему убитыми не вѣтромъ, но необычайною массою электричества, приведенною въ движеніе во время бури. На Барбадосѣ, въ ту минуту, когда ураганъ свирѣпствовалъ съ наибольшею силою, два Негра едва не умерли отъ страха, видя, что изъ одного изъ нихъ вылетали электрическія искры. Это явленіе происходило въ саду Кодрингтонскаго Училища. Хижина Негровъ была опрокинута, и они, опираясь другъ на друга, старались во мракѣ достигнуть до главнаго зданія. — Наконецъ остается намъ упомянуть о фактѣ, неменѣе-того необыкновенномъ. Морскія волны безпрестанно разбивались о скалу въ 70 футовъ высотою, стоявшую на сѣверномъ берегу, и пѣна ихъ уносилась вѣтромъ далеко внутрь острова, такъ-что на разстояніи многихъ миль падалъ дождь соленой воды. Рыбы, жившія въ прѣсной водѣ прудовъ майора Ликокъ (Leacock), всѣ погибли, а въ Брайт-Галлѣ (Bright-Hall), лежащемъ въ 2 миляхъ отъ берега, вода въ прудахъ получила соленый вкусъ и сохраняла его въ-продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ бури.

Въ 1780 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, случились два изъ самыхъ сильныхъ урагановъ, какіе когда-либо опустошали землю. Второй изъ нихъ начался 18 числа на Ю.-В. отъ Барбадоса, и двигался по параболическому пути, при чемъ круговращающаяся масса болѣе и болѣе распространялась; впрочемъ, этотъ ураганъ не достигъ до Америки, но поворотилъ на сѣверъ ранѣе, нежели другіе ураганы, такъ-что вершина пути его лежала подъ 23° сѣв. широты. Жители Барбадоса покинули жилища свои и искали убѣжища въ открытомъ полѣ, подвергаясь вѣтру, дождю и грому. Корабль разбился на берегу объ одно изъ зданій морскаго госпиталя; вѣтеръ увлекалъ людей и животныхъ; всѣ деревья были вырваны съ корнемъ; 3000 человѣкъ лишились жизни. При островѣ св. Евстафія семь кораблей, разбившись объ утесы,

погибли съ экипажемъ; подъ развалинами опрокинутыхъ домовъ найдено болѣе 6000 жертвъ. Въ Мартиникѣ четыре корабля потонули въ заливѣ Пор-Руайяль; невозможно было спасти ни одного человѣка. На Островѣ св. Христофора не уцѣлѣлъ ни одинъ домъ отъ разрушенія, и подъ развалинами госпиталя Богоматери погребено было около 1600 человѣкъ больныхъ или раненыхъ. Г. Куннингамъ, губернаторъ Барбадоса, съ семействомъ своимъ находился въ ужасномъ положеніи. Не смотря на то, что стѣны дома его имѣли болѣе 3 футовъ толщины, что всѣ двери и окна были крѣпко заколочены, буря выломала окна и двери, сорвала часть крыши, опрокинула стѣны. Тогда губернаторъ и семейство его удалились въ подвалъ; но какъ сей послѣдній наполнялся водою и разными обломками, то они принуждены были оставить его и искать убѣжища между развалинами зданія штаба; наконецъ, когда и здѣсь сдѣлалось имъ небезопасно, они скрылись между колесами пушечныхъ лафетовъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что шевелилъ пушки, и не-разъ губернаторъ и дѣти его опасались, что онѣ будутъ сорваны и опрокинуты на нихъ. По мнѣнію сэра Джорджъ Родней, одно землетрясеніе могло поколебать основанія зданій самыхъ прочныхъ, и только сильный вѣтеръ препятствовалъ несчастнымъ жителямъ чувствовать колебаніе земли, которымъ, по всей вѣроятности, сопровождалась буря.

Въ сочиненіи своемъ, г. Редъ разбираетъ 10 замѣчательнѣйшихъ ураганов, случившихся съ 1780 по 1837 годъ въ сѣверномъ полушаріи. Карты, составленныя имъ, подтверждаютъ мнѣніе г. Редфильда относительно формы кривыхъ, описываемыхъ переноснымъ движеніемъ урагана и положенія вершинъ ихъ. Между ними замѣчателенъ ураганъ, случившійся въ 1837 году, 31 іюля и 1 августа, около 17° 19′, с. ш. и 52° 10′ з. д. по гринвичскому меридіану; онъ нанесъ много вреда бригантинѣ *Юдиѳь и Эсѳирь*, едва спасшейся отъ погибели, и направился оттуда на Антигоа, Невисъ, Островъ св. Христофора, Санта-Круцъ, св. Ѳомы и Порто Рико, гдѣ 2 августа погибли 33 корабля. Перенесясь оттуда чрезъ Порто-Плата (на Сен-Доминго) въ городъ Джаксонъ, во Флоридѣ, онъ опрокинулъ строенія, принадлежавшія правительству. Въ тотъ же день, 6 августа, онъ достигъ до па-

раллели 30°, откуда, слѣдуя общему закону, долженъ бы направиться на С. и на В.; но, будучи отклоненъ на пути какою-то особенною причиною, онъ проникнулъ на С.-З. во внутренность Флориды, и 8 числа опустошилъ Пензаколу. Итакъ путь, описанный имъ, не походилъ на параболу.

Причину этого страннаго отклоненія Редъ объясняетъ тѣмъ, что разсматриваемый ураганъ, по всей вѣроятности, недалеко отъ губы Чизепикъ (Chesapeake), встрѣтился съ другимъ ураганомъ, проходившимъ утромъ 26 іюля чрезъ островъ Барбадосъ, и 6 августа приближавшимся къ мысу Гетерасъ (Hatteras). Легко понять, что, при встрѣчѣ двухъ *вихрей*, вѣтеръ одного изъ нихъ долженъ былъ перемѣниться. Быть-можетъ, такимъ-образомъ можно будетъ найдти объясненіе перемѣнныхъ вѣтровъ.

Далѣе, г. Редъ разсматриваетъ 13 бурь и ураганов на южномъ полушаріи, случившихся съ 1807 по 1837 годъ включительно. Онъ доказываетъ, что и южные ураганы имѣютъ движеніе вращательное и переносное, и что вращеніе ихъ производится *съ-лѣва на-право*. Сверхъ-того онъ собралъ множество барометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ весьма тщательно; правильность, съ какою барометръ опускается въ-продолженіе первой половины урагана и поднимается въ-теченіе второй, такъ велика, что г. Редъ почитаетъ одно это явленіе уже достаточнымъ доказательствомъ круговращательнаго движенія грозъ.

Весьма замѣчательно, что почти всѣ предъидущіе 13 ураганов имѣли мѣсто по близости острова Маврицін и Мадагаскара. Итакъ это нѣкоторымъ-образомъ подтверждаетъ общее мнѣніе моряковъ, что чаще всего избѣгаютъ ураганов тѣ корабли, которые идутъ на В. отъ острова Маврицін. Не смотря на нѣкоторыя исключенія изъ сего правила, островъ Маврицін можетъ почесться *фокусомъ* ураганов южнаго полушарія, подобно тому, какъ атлантическіе берега Сѣверной-Америки суть фокусы бурь сѣвернаго полушарія.

Самыя страшныя бури, сохранившіяся въ памяти людей, получали начало и производили опустошенія въ этихъ двухъ поясахъ; и хотя мы не можемъ найдти теперь ни одного факта, который, относясь къ распредѣленію земной теплоты, электричества или магнетизма, заставилъ бы насъ почитать эти

мѣста какъ-бы *источниками* грозъ,— однакоже нѣтъ сомнѣнія, что удастся намъ составить какую-нибудь догадку по этому предмету, когда будемъ имѣть лучшія свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи земли, когда съ помощію данностей болѣе полныхъ, изучимъ связь, по-видимому существующую между возмущеніями атмосферы, землетрясеніями и волканами.

Перейдя къ тифонамъ на Китайскомъ-Морѣ, къ индійскимъ и, въ-особенности, къ бенгальскимъ ураганамъ, полковникъ Редъ говоритъ, что, хотя собранныя имъ подробности недовольно многочисленны и полны, однакоже они доказываютъ, что эти ураганы слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какъ и предъидущія бури сѣвернаго полушарія.

Подобныя открытія важны не для одной науки, но для всего человѣчества. Гг. Редфильдъ и Редъ старались извлечь изъ нихъ практическія правила, руководствуясь которыми, моряки могли бы уклоняться отъ ужасныхъ дѣйствій бури. Безъ-сомнѣнія, по мѣрѣ того, какъ познанія наши о законахъ, управляющихъ грозами, будутъ становиться положительнѣе и полнѣе, правила сіи усовершенствуются и разовьются; но подать человѣку даже и слабую надежду избѣгать самыхъ страшныхъ и неминуемыхъ опасностей есть уже большой шагъ для науки.

Отдавая полную справедливость двумъ столь знаменитымъ наблюдателямъ, которыхъ теорія достойна имѣть послѣдователей и защитниковъ, нельзя, однакоже, думать, что вопросъ, столь важный, разрѣшенъ совершенно, тѣмъ болѣе, что предложена вторая теорія другимъ американскимъ ученымъ, и, если она не замѣнитъ первую, то, по-крайней-мѣрѣ, побудитъ приверженцевъ обоихъ мнѣній приняться за новыя изслѣдованія, во всякомъ случаѣ полезныя для науки. По мнѣнію г. Эспи (Espy), во всѣхъ ураганахъ вѣтеръ дуетъ къ одной и той же центральной точкѣ. Профессоръ Бечь (Bache), въ Филадельфіи, раздѣляетъ это мнѣніе, ибо, разсматривая дѣйствія бури, опустошившей въ іюнѣ 1835 года Нью-Джервей, онъ нашелъ, что всѣ предметы, опрокинутые вѣтромъ, обращены были къ одному и тому же центру.

При всей точности этихъ наблюденій, сомнительно, однакоже, чтобы они могли опровергнуть выводы гг. Редфильда и Реда, относительно ургановъ атлантическихъ; и если

г. Эспи не докажетъ, что и въ этихъ ураганахъ теорія его объясняетъ всѣ замѣченныя явленія, то должно будетъ заключать, что она можетъ быть приложена только къ простымъ атмосферическимъ безпорядкамъ. Показанія барометра, столь согласныя съ теоріею *кругообращенія*, прямо противорѣчатъ новымъ идеямъ г. Эспи, между-тѣмъ, какъ г. Редфильдъ увѣряетъ, что онъ не могъ найдти ни одного факта, противнаго его предположенію.

О ГРОМѢ.

(*Окончаніе*) *

ОПАСНОСТИ, КОТОРЫМИ УГРОЖАЕТЪ МОЛНІЯ. О СРЕДСТВАХЪ, ПРИДУМАННЫХЪ ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ОНОЙ, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ О ГРОМООТВОДАХЪ.

Опасность, которою угрожаетъ молнія, такъ ли велика, что стоитъ обратить на нее вниманіе?

Опасность быть пораженнымъ молніей простирается ли до такой степени, что благоразуміе должно заставить прибѣгать къ средствамъ предохраненія себя отъ оной? Можно разсматривать этотъ вопросъ съ нѣсколькихъ сторонъ: относительно къ простымъ лицамъ, относительно къ жилищамъ, и относительно къ кораблямъ.

Внутри большихъ городовъ Европы, люди, по-видимому, мало подвергаются опасности. Лихтенбергъ говоритъ, что въ-теченіе *полу-вѣка*, только *пять человѣкъ* подверглись сильному удару молніи въ предѣлахъ Геттингена. Изъ пятерыхъ трое умерли.

Повѣствуютъ, что въ Галлѣ, съ 1609 по 1825, т. е. *въ-продолженіе болѣе двухъ столѣтій*, только *одинъ человѣкъ* былъ убитъ громомъ.

Въ Парижѣ, гдѣ таблицы гражданскаго состоянія ведутся съ такою правильностію, начальникъ статистическаго отдѣ-

* Начало и продолженіе сей статьи было помѣщено во 2-й и 3-й книжкахъ «Отеч. Записокъ».

ленія префектуры увѣрялъ меня, что уже въ-продолженіе весьма многихъ лѣтъ не было отмѣчено ни одной смерти, причиненной молніею. Однако же, въ-теченіе того же промежутка времени, въ Департаментѣ Сенскомъ случались несчастія; на-примѣръ: убитъ рабочій, о которомъ недавно говорилъ я по случаю восходящихъ молній; убитъ земледѣлецъ въ полѣ, 26 іюня 1807, въ приходѣ Шампиньи; убитъ косецъ, въ Роменвиллѣ, 3 августа 1811, убѣгавшій отъ грозы съ желѣзными вилами въ рукахъ. Итакъ должно думать, что смерть, наносимая громомъ, включалась въ общій разрядъ непредвидимыхъ случаевъ. Подобное небреженіе, подобныя ошибки встрѣчаются вѣроятно и вездѣ. Потому весьма несправедливо было бы принимать въ строгомъ смыслѣ свидѣтельство Лихтенберга о числѣ смертельныхъ ударовъ въ Гёттингенѣ и Галлѣ. Не менѣе того подвергались бы мы опасности обмануться, выводя изъ этихъ результатовъ общія заключенія, распространяя на всѣ страны свѣта то, что замѣчено только въ одной изъ нихъ и судя о томъ, чего должно опасаться въ большихъ городахъ, по тому, что случается въ какой нибудь деревнѣ. Въ Гёттингенѣ, Галлѣ, Парижѣ едва насчитывается по одному несчастію въ цѣлое столѣтіе; но я развертываю на удачу нѣсколько томовъ, и нахожу:

Въ ночь съ 26 на 27 іюля 1759 года, громъ упалъ на театръ въ городѣ Фельтрѣ *(Feltre). Онъ убилъ множество зрителей, а прочихъ болѣе или менѣе ранилъ.**

18 февраля 1770, одинъ ударъ грома повергъ безъ чувствъ на земь *всѣхъ жителей* Кеверна (Keverne въ Корнуаллѣ), находившихся въ церкви во время воскресной службы.

1808 года, ..., молнія два раза сряду ударяла въ трактиръ мѣстечка Капелль (Capelle) въ Брисгау (Brisgaw), убила *четырехъ человѣкъ* и очень-многихъ ранила.

20 марта 1784, молнія проникла въ театръ въ Мантуѣ. Изъ находившихся тамъ 400 особъ, она двухъ убила *и десять ранила* **

---

* Громъ причиняетъ весьма-часто пожары; въ этотъ разъ случилось противное: онъ *погасилъ* всѣ огни.

** Кромѣ того, громъ расплавилъ серьги, часовые ключики, *раскололъ алмазы*, не нанеся ни малѣйшаго вреда особамъ, на которыхъ надѣты были всѣ эти вещи.

11 іюля 1819, молнія упала, во время службы, на церковь въ Шатонёфъ-ле-Мутье, въ Диньскомъ (Digne) Округѣ Департамента Нижнихъ Альповъ; она убила на-поваль *девять человѣкъ* и *восемдесять-двухъ* болѣе или менѣе ранила. Тотъ же самый ударъ убилъ пять барановъ и лошадь, стоявшихъ въ конюшнѣ возлѣ церкви.

Не смотря на эти примѣры, никто не опровергнетъ меня, если буду утверждать, что для каждаго изъ столичныхъ жителей опасность быть убитымъ отъ грома менѣе опасности погибнуть на улицѣ отъ паденія кровельщика, трубы или горшка съ цвѣтами. Я думаю, что, выходя утромъ изъ дома, никто не озабочивается мыслію, что въ этотъ день кровельщикъ, труба или горшокъ съ цвѣтами упадетъ ему на голову. Еслибъ страхъ былъ способенъ къ разсужденію, то не болѣе того стали бы безпокоиться и во время суточной грозы. Впрочемъ, въ оправданіе наше, должно сказать, что яркій и неожиданный блескъ молніи и оглушительный трескъ грома производятъ на нервы невольныя дѣйствія, противъ которыхъ невсегда могутъ устоять самыя крѣпкія организаціи. Я долженъ прибавить, что хотя удары, дѣйствительно вредоносные, очень-рѣдки, но полное число ударовъ всякаго рода, слышимыхъ въ-продолженіе года, напротивъ того, весьма велико; что безвредные удары ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ, и что опасность, хотя незначащая въ дѣйствительности, должна по-видимому возрастать съ числомъ мнимыхъ возобновленій своихъ. Это разсужденіе сдѣлается яснѣе, если, возвратясь къ сравненію нашему, предположимъ, что въ ту самую минуту, когда кровельщикъ, труба или цвѣточный горшокъ *готовы упасть*, весьма-сильный ударъ возвѣщаетъ это паденіе по всей столицѣ: тогда каждый можетъ думать, по нѣсколько разъ въ день, что онъ находится на улицѣ именно подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должно свершиться происшествіе, и страхъ его, не сдѣлавшись нисколько основательнѣе, будетъ, по-крайней-мѣрѣ, понятенъ.

Я говорилъ о несчастіяхъ, случающихся внутри *большихъ городовъ*. Если согласится съ мнѣніемъ, довольно-общимъ, то въ деревняхъ и въ открытомъ полѣ бываетъ болѣе опасности. Нѣкоторыя теоретическія соображенія, кои выступили бы въ эту минуту за предѣлы той рамы, которую я себѣ назначилъ, клонились бы къ потвержденію этого мнѣнія. Фактовъ я также

не могу привесть: они были собраны недовольно-отчетливо. Прибавимъ къ тому, что до-сихъ-поръ не обращали должнаго вниманія на различіе между той или другой страною, и даже между тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ участкомъ, въ-отношеніи къ частому повторенію и силѣ ударовъ молніи.

Въ республикѣ Новой-Гренадѣ никто не поселяется охотно въ El Sitio de Tumba barreto, близь золотаго рудника Вега-де-Супіа, по причинѣ частыхъ вредоносныхъ ударовъ молніи. Въ народѣ сохранилось воспоминаніе о множествѣ рудокоповъ, убитыхъ тамъ громомъ. При переѣздѣ г. Буссенго (Boussingault) чрезъ Эль-Ситіо, во время грозы, ударъ молніи повергъ на землю Негра, проводника его. Лома де Питаго, въ окрестностяхъ Попаяна, имѣетъ ту же печальную знаменитость. Молодой шведскій ботаникъ Планшманнъ, не смотря на предостереженія жителей, поѣхалъ чрезъ Лому въ то время, когда небо покрыто было громовыми тучами, и былъ убитъ. Наконецъ, принимая въ разсужденіе однѣ только большія страны, замѣчаемъ, что въ одной изъ нихъ протекаютъ иногда цѣлые годы и не слышно ни объ одномъ несчастномъ случаѣ, происшедшемъ отъ грома, а въ другихъ, напротивъ того, не проходитъ безъ нихъ почти ни одного дня въ извѣстное время года. На-примѣръ, я нахожу, что лѣтомъ въ 1797, съ іюня мѣсяца по 28 августа, Вольней насчиталъ въ газетахъ Соединенныхъ Штатовъ *восемдесять четыре* важныхъ случая и *семнадцать человѣкъ убитыхъ*, между-тѣмъ какъ во Франціи, въ журналахъ 1805 года, не упомянуто ни объ одномъ громовомъ ударѣ, который причинилъ бы кому-либо смерть; а въ 1806 году, они говорили только о двухъ дѣтяхъ, убитыхъ на колѣняхъ матери, въ Обаньи (Aubagne, Департ. Устьевъ Роны); въ 1807 тѣ же журналы упоминали только о двухъ молодыхъ земледѣльцахъ, въ приходѣ Сен-Женьесъ, убитыхъ въ то время, когда они подбирали жатву; въ 1808 они говорили только о лодочникѣ, убитомъ на берегу въ Анжерѣ (Angers). Притомъ въ одной и той же странѣ, наприм. во Франціи, года весьма различествуютъ между собою въ-отношеніи къ числу смертоносныхъ громовыхъ ударовъ. Въ 1819, жертвою метеора были: 28 іюня, *три* лошади, близь города Витри-ле-Франсе (Vitry-le-Français); 11 іюля, какъ я говорилъ уже, *девять* человѣкъ въ церкви шатонёфской; 26 іюля человѣкъ, убитый въ открытомъ полѣ при мѣст. Максе-на-Ве-

зѣ (Maxay-sur-Vaize, въ Деп. Мерты); 27 іюля, *земледѣлецъ, жена его и сынъ*, укрывшіеся на паперти часовни, близь Шатильйона-на-Сенѣ; 1 августа, *сорокъ-четыре* барана близь Бомон-ле-Роже (Bomont-le-Roger) въ деп. Эврскомъ; 2 августа, рабочій, укрывшійся подъ деревомъ въ Бордо; того же 2 августа, землепашецъ изъ Виньё (Vigneux) близь Савнè (Savenay), убитый въ комнатѣ своей; въ тотъ же день, 2 августа, *два* молодые ученика и *двѣ* дѣвицы отъ 10 до 12 лѣтъ, въ домѣ аббата Коарье (Coyrier), въ Деп. Кантальскомъ; наконецъ, 27 сентября, въ 5 час. утра, служанка, лежавшая въ постели, въ Конфоланѣ (Confolens), Деп. Шаранты.

Хотя въ большихъ городахъ нашихъ мало людей погибаетъ отъ грома, но число домовъ и другихъ зданій, поражаемыхъ и сильно повреждаемыхъ, напротивъ того, бываетъ значительно.

Въ одну ночь съ 14 на 15 апрѣля 1718, на пространствѣ, содержащемся между Ландерно и Сен-Поль-де-Леонъ, вдоль берега Бретани, молнія упала на *двадцать-четыре* колокольни.

Въ ночь съ 25 на 26 апрѣля 1760, въ-продолженіе 20 минутъ, молнія ударяла три раза въ церковь и строенія аббатства Гамской Божіей Матери (Notre-Dame de Ham).

Утромъ 17 сентября 1772, молнія упала на *четыре* различныя зданія въ Падуѣ.

Въ запискѣ Генлея (Hanlay), писанной въ декабрѣ 1773 года, находимъ, что въ одинъ и тотъ же день, почти въ одну и ту же минуту, молнія ударила въ Лондонѣ: въ колокольню св. Михаила, въ обелискъ въ Сент-Джорджсъ-Фильдсъ (St. George 's Fields); въ новый Брайдуэлль (Bridewell); въ домъ Ламбета, въ домъ близь Воксала и *во многія другія мѣста, весьма отдаленныя одно отъ другаго*, не считая голландскаго корабля, стоявшаго на якорѣ въ Темзѣ.

Одинъ германскій ученый нашелъ, въ 1783 году, что въ-теченіе 33 лѣтъ молнія падала на 386 колоколенъ и *убила* въ нихъ 121 звонаря *. Число раненыхъ было гораздо значительнѣе.

* Эти цифры не должны никому показаться удивительными, если скажу, что молнія, упавъ на колокольню деревни Обиньи (Aubigny) однимъ ударомъ убила въ ней *трехъ* человѣкъ, звонившихъ въ колокола, и *четырехъ* дѣтей, укрывшихся подъ башнею той же колокольни.

Въ декабрѣ 1806, во время одной и той же грозы, молнія разрушила, или совершенно, или частію, колокольни св. Мартына въ Витре (Vitrè), въ Эрбре (Erbré), въ Кроазилль (Croisilles) и въ Этрелль (Etrelles.)

11 іюля 1807, молнія опять ударила въ церковь св. Мартына въ Витрè. За пять дней предъ тѣмъ, въ Гёршѣ (Guerche) и въ окрестностяхъ сего города, на пространствѣ, имѣющемъ около 4 верстъ въ полупоперечникѣ, она ударила въ десять церквей и другихъ зданій.

Въ Парижѣ, въ ночь съ 7 на 8 августа 1807, молнія ударила въ вывѣску надъ лавкою въ Тіонвильской Улицѣ, въ домъ близь ла-Галль (la Halle), въ фонарь на Перпиньянской Улицѣ, въ Улицѣ о-Февъ (aux Féves), въ Вожираръ (Vaugirar) и Пасси (Passy).

14 мая 1806, молнія нанесла вредъ лавкѣ столяра въ Улицѣ Комартенской (Caumartin); 26 іюня 1807 разорила девять комнатъ въ домѣ Обервиллье (Aubervilliers); 29 августа 1808 ударила въ небольшой шинокъ близь Гобеленской (Gobelins) Заставы, и многихъ въ немъ убила и ранила; близь Монмартрской Заставы она ударила въ шинокъ, наполненный народомъ, и повергла многихъ безъ чувствъ; 14 февраля 1809 она разбила на части вѣтреную мельницу на Сен-Дениской дорогѣ; 29 іюня 1810, причинила много вреда одному дому въ Омерской Улицѣ, 30 іюня 1810 разбила и далеко разметала все, встрѣтившееся ей на пути въ одномъ домѣ на Поплиньерской Улицѣ (Popeliniére); 3 августа 1811, ударила въ домъ при Пантенской (Pantin) Заставѣ и поранила многихъ людей.

11 января 1815 года, во время грозы, обнимавшей пространство между Сѣвернымъ-Моремъ и рейнскими провинціями, молнія упала на *двѣнадцать* колоколень, разсѣянныхъ на этомъ огромномъ протяженіи, многія изъ нихъ зажгла и значительно повредила прочія.

Оканчивая этотъ обзоръ, я долженъ сказать, что почитаю его весьма-неполнымъ: въ-самомъ-дѣлѣ, всякій пойметъ, что онъ можетъ показать только *меньшій предѣлъ*.

Потребность предохранять зданія отъ молніи должна соразмѣряться съ *числомъ* зданій, ежегодно поражаемыхъ метеоромъ, и съ обширностью и важностью наносимыхъ имъ поврежденій.

Три, четыре примѣра дадутъ возможность оцѣнить всю важность этого послѣдняго соображенія.

Въ 1417 году, молнія зажгла деревянную пирамиду, которою оканчивалась колокольня св. Марка въ Венеціи: пожаръ истребилъ все.

Пирамида была снова построена, но громъ опять обратилъ ее въ пепелъ, 12 августа 1489.

20 мая 1711, одинъ и тотъ же ударъ молніи не только нанесъ много вреда, какъ извнутри, такъ и извнѣ, главной башнѣ города Берна, но сверхъ-того раззорилъ *девять* домовъ въ окрестностяхъ.

Пирамида св. Марка (которая была уже каменная) подверглась сильному громовому удару 23 апрѣля 1745. Исправленіе поврежденій стоило болѣе 8000 дукатовъ (болѣе 15,000 руб.сер).

Въ 1759 іюля 27, молнія сожгла всю деревянную работу кровли страсбуржской соборной церкви.

Въ слѣдующемъ октябрѣ мѣсяцѣ, метеоръ ударилъ въ верхнюю часть великолѣпной башни того же города и такъ подрѣзалъ одинъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ фонарь, что даже думали сломать его. Поправка поврежденій стоила болѣе *трехъ-сотъ тысячъ франковъ* (болѣе 75,000 руб. серебромъ)

Слѣдствіемъ трехъ ударовъ молніи въ церковь Гамской Божіей Матери (Notre-Dame de Ham), ночью съ 25 на 26 апрѣля 1760 года, былъ пожаръ и совершенное раззореніе этого огромнаго и прекраснаго зданія.

Говоря о поврежденіяхъ, я не долженъ забывать вреда, наносимаго иногда молніей при ударахъ въ *пороховые магазины*.

Утромъ 18 августа 1769 года, молнія упала на башню св. Назара въ Бресчіи. Башня сія возвышалась надъ погребомъ, содержавшимъ въ себѣ 2, 076,000 ливровъ (болѣе 62,000 пудовъ) пороха, принадлежавшаго Венеціанской Республикѣ. Вся эта огромная масса вдругъ воспламенилась. Шестая часть зданій обширнаго и прекраснаго города Бресчіи была опрокинута; остальная часть сильно поколеблена. Башня св. Назара, взброшенная цѣликомъ на воздухъ , упала подобно каменному дождю. Обломки ея найдены на огромныхъ разстояніяхъ. Матеріальный вредъ простирался до 2 мильйоновъ дукатовъ (болѣе 3,750,000 руб. сер.).

18 августа, молнія зажгла порохъ, лежавшій въ магазинѣ города Малаги. Зданіе было взорвано. Городъ безъ-сомнѣнія подвергся бы той же участи, если бъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ не исходайствовалъ приказанія перевести большую часть пороха въ отдаленные магазины.

4 мая 1785, громовой ударъ зажегъ пороховой магазинъ въ Тангерѣ. Магазинъ и большая часть окружающихъ домовъ были опрокинуты.

26 іюня 1807, въ 11½ часовъ утра, молнія взорвала пороховой магазинъ люксамбуржскій, весьма-прочный, построенный нѣкогда Испанцами на скалѣ, и содержавшій до 13,000 килограммовъ (около 800 пуд.) пороха. Тридцать человѣкъ погибли; болѣе 200 было изувѣчено или тяжело ранено. Нижній городъ (Gründ) обратился въ развалины. Въ разстояніи до 4 верстъ находили весьма большіе камни магазина, брошенные взрывомъ.

9 сентября 1808, молнія взорвала военный магазинъ крѣпости св. Андрея-дель-Лидо, въ Венеціи. Взрывъ совершенно разрушилъ казарму, смежную часовню, стѣну равелина и сильно повредилъ казарму, въ которой жили канонеры.

Я привелъ нѣсколько примѣровъ взрыва пороховыхъ магазиновъ, потому-что, переходя постепенно отъ однихъ общихъ заключеній къ другимъ, стали даже утверждать, что молнія, проникая въ эти зданія, *никогда не воспламеняетъ* хранящихся въ нихъ запасовъ. Показавъ, какъ неосновательно подобное мнѣніе, я сознаюсь, что *въ нѣкоторыхъ случаяхъ* метеоръ представлялъ такія странности, которыя по-видимому давали бы поводъ къ самымъ необычайнымъ предположеніямъ.

Напримѣръ, 5 ноября 1755, молнія упала близъ Руана, на мароммскій (Maromme) пороховой магазинъ, расколола одинъ изъ брусьевъ крыши, раздробила на мелкія части двѣ бочки, *наполненныя порохомъ*, не произведя нигдѣ воспламененія (магазинъ содержалъ въ себѣ тогда 800 такихъ бочекъ).

11 іюня въ 1775, на разсвѣтѣ, молнія ударила въ башню Saint-Second въ Венеціи, проникла въ магазинъ, опрокинула ящики съ порохомъ, и, что̀ казалось тогда чудомъ, ничего не зажгла.

Настойчивое стараніе мое убѣдить, сколь полезно предохранять мореплавателей отъ ударовъ молніи, можетъ показаться

излишнимъ послѣ приведеннаго въ (§DD.) списка кораблей, пораженныхъ этимъ метеоромъ; впрочемъ этотъ списокъ, составленный съ особенною цѣлію, содержитъ въ себѣ только малую часть именъ тѣхъ кораблей, которые бы вошли въ него, если бы позволено мнѣ было не принимать въ разсужденіе времени событія и географическаго положенія. Потому, къ 42 фактамъ параграфа (DD.), въ весьма-ограниченномъ кругѣ справокъ моихъ, я могу присоединить еще:

Англійскій купеческій корабль (имя неизвѣстно) пораженъ громомъ въ 1675, при Бермудскихъ Островахъ.

Купеческій корабль (то же) въ 1741, при Бенкуленѣ (остр. Суматра).

Голландскій корабль (то же) *совершенно сожженъ* молніей въ 1746, въ рейдѣ Батавіи (остр. Ява). Когда огонь достигъ до пороховой камеры, *корабль взлетѣлъ на воздухъ.*

Голландскій корабль (то же) весьма поврежденъ молніей въ 1750, близь Малакки.

Гарріотъ, англійскій пакетботъ, на пути въ Нью-Йоркъ, въ 1762. Три мачты совершенно разбиты.

Скромная, французскій фрегатъ, *совершенно истребленъ* пожаромъ, причиненнымъ ударомъ молніи въ 1766.

Корабль капитана Кука и голландскій корабль поражены громомъ въ рейдѣ Батавіи.

Зефиръ, французскій фрегатъ, пораженъ молніей въ Поро-Пренсъ (Port-au-Prince) на о. Сен-Доминго, 23 сентября 1772. Разбита грот-стеньга.

Лучшій Другъ, бордоскій корабль, тамъ же пораженъ молніей 25 мая 1785. Фок-мачта, фок-стеньга и фок-брамстеньга были раздроблены на множество частей.

Прево-де-Лангристенъ (Prévost de Langristin), рошелльскій корабль, пораженъ громомъ въ Пор-о-Пренсъ 29 іюля 1785. Грот-стеньгу и грот-брамстеньгу должно было замѣнить новыми.

Французская голета (неизв. имени) въ тотъ же день и въ томъ же мѣстѣ. Грот-мачта была разбита.

Дьюкъ (Duke), 90 пушеч. англійскій линейный корабль, пораженъ молніей въ 1793 при берегѣ Мартиники. Одна изъ мачтъ его была совершенно расколота.

Гибральтаръ, линейный англійскій корабль, въ 1801 потерпѣлъ сильный вредъ отъ молніи надъ самою крют-каморою.

Персей, англійскій корабль, пораженъ громомъ въ Пор-Джаксонъ, въ октябрѣ 1802. Корабль едва избѣгъ погибели.

Желанная, англійскій фрегатъ, пораженъ при Ямайкѣ въ 1803. Обломки одной изъ мачтъ его найдены на землѣ.

Тезей, англійскій корабль, при Сен-Доминго, въ 1804.

Миньйоннъ (Mignonne), англійская корветта, въ іюнѣ 1804 при Ямайкѣ. *Трое матросовъ убиты; ранены девять;* главная мачта сильно повреждена.

Желанная, близь Ямайки 20 августа 1804; многія части фрегата засжены молніей.

Слава, линейный корабль эскадры адмирала Кальдера (Calder), близь мыса Финистерре. Три мачты его сдѣлались почти негодными для употребленія.

Репьюльсъ (Repulse), англійскій корабль, въ бухтѣ Роза, въ 1809.

Дедалъ, англійскій фрегатъ, при Ямайкѣ, 1809. Часть экипажа повергнута безъ чувствъ, *молнія зажгла* весьма-малое количество пороха, находившееся тогда въ одной изъ его каморъ.

Геба, англійскій фрегатъ, при Ямайкѣ, въ 1809. Онъ потерялъ одну изъ мачтъ своихъ.

............Шкунеръ англійскій при Ямайкѣ, въ 1809. Потопленъ тѣмъ же ударомъ, который повредилъ Дедала и Гебу.

Глори, линейный англійскій корабль. Всѣ мачты его расколоты въ 1811, близь мыса Финистерре.

Норджъ (Norge), военный англійскій корабль и купеческое судно, въ іюнѣ 1813, при Ямайкѣ. Норджъ потерялъ мачты.

Пальма, англійскій корабль, потерялъ одну изъ мачтъ своихъ въ 1814, въ Портѣ Картагенскомъ.

Медуза, англійскій бригъ, на пути изъ Гваиры въ Ливерпуль.

Амфіонъ, американскій корабль, потерпѣлъ значительный вредъ 21 сентября 1822 на пути изъ Нью-Йорка въ Ріо-Янейро. Всѣ компасы были испорчены.

Джесси (Jessie) изъ Лондона, былъ столь сильно поврежденъ въ половинѣ ноября 1833, что *экипажъ оставилъ его*, подъ 45° с. широты и 16°3′ долготы (по пар. мер.).

Керронъ (Carron), англійскій пароходъ, пораженъ громомъ въ 1834 на пути изъ Греціи въ Мальту.

Просматривая со вниманіемъ эти списки, замѣтимъ (это сближеніе мнѣ кажется поразительнымъ), что въ 15 мѣсяцевъ 1829 и 1830 годовъ молнія ударяла въ Средиземномъ-Морѣ въ *пять* кораблей англійскаго королевскаго флота; а именно: въ Москито 10-ти-пушечный, Мадагаскаръ 50-ти-пушечный, Океанъ, Мельвиль и Глучестеръ, линейные корабли. Всѣ они потерпѣли значительный вредъ въ мачтахъ. Для тѣхъ, кои думаютъ, что вредъ, наносимый громомъ, весьма-неваженъ въ денежномъ отношеніи, я прибавлю, что *большая нижняя мачта* фрегата стоитъ 5000 франковъ (около 1,250 руб. сер.), *большая нижняя мачта* корабля до 10,000 франковъ (около 2,500 руб. сер.).

Къ этимъ достовѣрнымъ примѣрамъ дѣйствій громовыхъ ударовъ, я могу еще прибавить, что англійскій 44 пуш. корабль «Сопротивленіе», и «Рысь», послѣ нѣсколькихъ ударовъ грома, совершенно исчезли изъ конвоя, къ которому принадлежали; что 63 пуш. корабль «Нью-Йоркъ», о которомъ не получали никакихъ извѣстій послѣ выхода его въ Средиземное-Море, вѣроятно былъ взорванъ на воздухъ или потопленъ метеоромъ; что можно еще привести примѣры пожаровъ, кромѣ исчисленныхъ въ предъидущемъ спискѣ; что, напримѣръ, упомянутый уже «Логанъ» изъ Нью-Йорка, въ 520 тоннъ, стóявшій 500,000 франковъ (болѣе 125,000 руб. серебр.), былъ совершенно истребленъ; что «Аннибалъ» бостонскій подвергся той же участи въ 1824 году; что экипажъ подвергается опасности не менѣе мачтъ, оснастки и корпуса корабля; что ударомъ въ 1799 въ «Камбріанъ» при Плимутѣ, *двое* убиты и *двадцать-два* человѣка ранены; что при подобномъ обстоятельствѣ въ 1808, на «Султанѣ», при Магонѣ, *пять* человѣкъ убиты на мѣстѣ, *двое* сброшены въ море и потонули, и *трое* сильно обожжены; что въ 1809 году, въ бухтѣ Роза, на «Репьюльсѣ» отъ громоваго удара погибли *девять* матросовъ; что въ 1833 году, въ Проливѣ Кефалонійскомъ, при ударѣ въ австрійскій фрегатъ «Лейпцигъ», на бортѣ его убиты *трое* матросовъ и *пятеро* ранены, и пр.

Но этого достаточно. Факты приведены были безъ преувеличенія и безъ утайки. Всякій можетъ теперь точнымъ образомъ оцѣнить важность различныхъ средствъ, придуманныхъ

для предохраненія себя отъ молніи. Итакъ пора подвергнуть ихъ строгому разбору.

О СРЕДСТВАХЪ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ МОЛНІИ.

Я надѣюсь, что читатели извинятъ меня, если я упомяну здѣсь вкратцѣ о нѣкоторыхъ мнимыхъ предохранительныхъ способахъ, которые, будучи разсматриваемы съ той точки зрѣнія, куда привели насъ успѣхи науки, могутъ показаться нелѣпыми. Во всякомъ случаѣ я замѣчу, что ошибки, въ которыя впадалъ умъ человѣческій, не должны быть отдѣляемы отъ истинныхъ открытій, не говоря уже о томъ, что самыя грубыя заблужденія, быть-можетъ, имѣютъ еще многихъ приверженцевъ.

О средствахъ, которыми люди думали лично предохранять себя отъ молніи.

Греческая литература вполнѣ ознакомила насъ съ идеями древнихъ философовъ о причинахъ грома; но въ ней находимъ только весьма-краткія и весьма-несовершенныя указанія на два или три предохранительныя средства.

Геродотъ, въ книгѣ IV, главѣ 94, говоритъ, что «Ѳракіяне имѣютъ обыкновеніе, во время молній или грома, *для устрашенія ихъ*, *пускать въ небо стрѣлы*.»

Замѣтьте: *для устрашенія ихъ*, говоритъ греческій писатель. Въ этомъ отрывкѣ ни мало не говорится о способности стрѣлъ извлекать изъ тучь нѣкоторыя частички громовой матеріи, не смотря на то, что онѣ металлическія и остроконечныя. Даже самъ Дютанъ (Dutens), этотъ изувѣрный почитатель древности, не рѣшился уподобить ѳракійскихъ стрѣлъ новѣйшимъ громоотводамъ и отнести изобрѣтеніе Франклинова прибора къ временамъ Геродота.

Плиній повѣствуетъ, что Этруски умѣли вызывать молнію изъ неба; что они направляли ее по произволу своему, и что, между-прочимъ, заставили ее упасть на чудовище, называвшееся Вольта, опустошавшее окрестности волсинійскія; что Нума также зналъ это искусство; что Туллъ - Гостилій, неисполнявшій въ точности обрядовъ, заимствованныхъ имъ отъ предшественника, былъ самъ пораженъ молніей. Что же касается

до средствъ такого призыванія метеора, то Плиній говоритъ только о жертвоприношеніяхъ, молитвахъ, и пр. Итакъ перейдемъ къ другому предмету *.

Древніе *вѣрили* (Плиній, кн. II, § 56), *что молнія не проникаетъ въ землю далѣе* 5 *футовъ*. Потому большую часть пещеръ почитали они убѣжищами совершенно-безопасными; такъ на-пр. Августъ, по словамъ Светонія, предвидя грозу, удалялся въ подвалъ со сводами.

Стекловатыя громовыя трубки, о которыхъ такъ много говорено было въ (§ Q), и которыя погружены бываютъ въ землю иногда до 5 саж. отъ поверхности, показываютъ, какъ ошибались древніе. Даже нынѣ никто не знаетъ, никто не можетъ сказать, на какой глубинѣ можно быть совершенно-безопаснымъ отъ нисходящихъ, а тѣмъ болѣе отъ восходящихъ молній.

Японскіе императоры, если вѣрить Кемферу (Kämpfer), велятъ устраивать надъ тѣмъ гротомъ, куда удаляются во время грозы, резервуаръ съ водою, для того, чтобъ еще болѣе увеличить защиту, представляемую толщиною каменной кладки, скалы или земли, которыми бываютъ покрыты подземныя или природныя пещеры. Вода назначается *для погашенія огня молніи*.

При нѣкоторыхъ условіяхъ, кои мы вскорѣ раскроемъ, слой воды можетъ служить почти-вѣрнымъ средствомъ защиты всего, находящагося подъ нимъ; однакоже не можно отсюда заключать, что рыбы не могутъ быть убиваемы громомъ въ самыхъ глубокихъ массахъ воды.

Вейхардъ Валвазоръ пишетъ (Philosophical Transactions, томъ 16), что около 1670 года громъ ударилъ въ Циркницкое Озеро, въ отдѣлъ, называемый Лейнше (Leuische), и почти въ ту же минуту всплыло на поверхность воды такое количество рыбы, что окрестные жители наполнили ею 28 телегъ.

---

* Правда ли, что существовала римская медаль съ изображеніемъ Юпитера Элиція, несущагося на облакѣ, между-тѣмъ, какъ Этрускъ пускаетъ въ воздухъ *змѣй*?

Дюшу (Duchoul) велѣлъ награвировать медаль Августа, на которой изображенъ храмъ Юноны, богини воздуха, съ нѣсколькими остроконечными прутьями на вершинѣ.

Достовѣрна ли эта медаль?

(Лабуассьеръ, *Гардск. Академ.*)

24 сентября 1772, молнія ударила въ Безансонѣ въ р. Дубъ (Doubs). Въ-слѣдъ за тѣмъ поверхность воды покрылась оглушенными рыбами, носившимися по теченію.

Въ древности вообще вѣрили, что *люди, лежащіе въ постели, не должны опасаться молніи.* Это мнѣніе, не смотря на странность свою, по-видимому сохранило приверженцевъ. Напримѣръ, я вижу, что г. Гоуардъ приводитъ слѣдующіе два факта съ особеннымъ предубѣжденіемъ:

3 іюля 1828, молнія упала на хижину въ Бирдгемѣ (Birdham), близь Чичестера. Она раздробила кровать, свалила на земь простыню, тюфякъ и лежавшаго на нихъ человѣка, не причинивъ ему никакого вреда.

9 числа того же мѣсяца, въ Грет-Гаутонѣ (Great-Haughton) близь Дункестера (Duncaster), молнія сорвала одѣяло съ постели, на которой лежала г-жа Брукъ (Brock), и не причинила кромѣ испуга никакого вреда этой дамѣ.

Этимъ фактамъ я противопоставлю другіе, не менѣе достовѣрные:

Въ 63 томѣ Philosophical Transactions находится записка, въ коей Самуилъ Киркшо (Kirkshaw) излагаетъ всѣ обстоятельства громоваго удара, который убилъ г. Томаса Гартлея (Hearthley), спавшаго въ своей постели, въ Герроугетѣ (Harrowgate) 29 сентября 1772. Г-жа Гартлей, лежавшая возлѣ мужа своего, даже не пробудилась. Она чувствовала только боль въ правой рукѣ въ - продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ того.

27 сентября 1819, въ 5 час. утра, молнія упала въ Конфоланѣ (Confolens) на нѣкоторый домъ и убила служанку, лежавшую въ постели. На тѣлѣ ея образовалась черная полоса отъ шеи до правой ноги.

Римляне почитали *тюленьи кожи* надежнымъ средствомъ для предохраненія себя отъ молніи. По этой причинѣ устроивали они изъ кожъ сихъ палатки, подъ которыми люди робкіе укрывались во время грозы. Светоній говоритъ, что Августъ, боявшійся грома, всегда носилъ на себѣ такую кожу.

Въ Цевеннахъ, гдѣ такъ долго существовали римскія колоніи, пастухи тщательно собираютъ змѣиныя кожи; до-сихъ-поръ они обертываютъ ими тульи шляпъ своихъ и чрезъ это почитаютъ себя въ безопасности отъ ударовъ молніи (Лабу-

ассьеръ; Гардская Академія). По всей вѣроятности, народъ приписывалъ въ древности змѣинымъ кожамъ ту же силу, какъ и кожамъ тюленей, болѣе-рѣдкимъ и болѣе-дорогимъ.

Безъ-сомнѣнія, выборъ тюленьихъ кожъ, сдѣланный Августомъ, можетъ подвергаться порицанію, потому-что даже и нынѣ мы не можемъ оправдать его ни фактомъ, ни теоретически. Однакожь мысль, что во время грозы должно избирать предпочтительно одежду извѣстнаго рода, нимало не противорѣчитъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ о громовой матеріи. Мы можемъ даже привести много случаевъ, въ которыхъ люди, одни были поражены молніею, а другіе остались невредимыми, смотря по роду ткани, по роду матеріи, изъ которыхъ была сшита одежда ихъ.

Въ день несчастнаго событія въ Шато-Нёв-ле-Мутье, о которомъ мы уже говорили, изъ трехъ священниковъ, окружавшихъ алтарь, двое были сильно поражены молніей. Напротивъ-того, третій остался совершенно-невредимъ: на немъ одномъ было надѣто *шелковое облаченіе* *.

Вотъ факты еще болѣе удивительные, ибо они показываютъ, что различныя части тѣла животнаго подвергаются болѣе или менѣе сильному вреду отъ молніи, смотря по *цвѣту шерсти*, ихъ покрывающей.

Въ началѣ сентября 1774, въ Суэнборо (Swanborow, въ Суссексѣ), убило громомъ быка рыжаго съ бѣлыми пятнами. Послѣ удара, замѣтили съ удивленіемъ, что мѣста, гдѣ находилась бѣлая шерсть, были совершенно обнажены: на нихъ не осталось ни волоска, между-тѣмъ, какъ рыжія части не подверглись никакому замѣтному измѣненію. Владѣлецъ этого животнаго разсказывалъ г. Джемсу Ламберту, что за два года предъ тѣмъ,

* Посредствомъ *косвенныхъ опытовъ* (надъ электричествомъ) всѣ физики признали, что *тафта, шелкъ, шерсть* проницаются громовою матеріею менѣе, чѣмъ *ткани льняныя* и *вообще* сдѣланныя *изъ веществъ растительныхъ*. Не столь согласны они въ томъ, должно ли отдать преимущество во время грозы мокрой одеждѣ предъ сухою. *Ноллетъ* боится мокрой одежды, потому-что она получаетъ качество, свойственное водѣ: становится однимъ изъ тѣлъ, на которыя преимущественно устремляется молнія. Франклинъ держится противнаго мнѣнія, полагая, что мокрая одежда должна непосредственно передавать въ землю громовую матерію.

послѣ сильнаго громоваго удара, замѣтили то же самое надъ другимъ быкомъ съ бѣлыми пѣжинами.

Наконецъ, 20 сентября 1775, убило громомъ пѣгую лошадь въ Глайндѣ (Glynd). Владѣлецъ ея замѣтилъ, что на всемъ пространствѣ бѣлыхъ пятенъ шерсть отдѣлялась какъ бы сама собою, между-тѣмъ, какъ на остальной части тѣла она держалась такъ же крѣпко, какъ и прежде.

«Во время грозы, *Тиверій всегда надѣвалъ лавровый вѣнецъ, полагая, что молнія не прикасается никогда къ этому роду листьевъ.*» (Светоній).

Еще и теперь многіе думаютъ, что въ нѣкоторые роды деревьевъ молнія никогда не ударяетъ.

Г. Гюгъ Максвелль (Hugh Maxwell) писалъ въ 1787 году въ Американскую Академію, что по собственному опыту и по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ отъ многихъ людей, онъ почитаетъ себя въ правѣ думать, что молнія часто ударяетъ въ *вязъ*, *каштановое дерево*, *дубъ*, *сосну*; что *иногда* она устремляется на *ясень*; но *никогда* не падаетъ на *букъ*, *березу*, *кленъ*.

Капитанъ Дибденъ не допускаетъ столь рѣзкаго различія. Въ письмѣ своемъ къ Вильсону, въ 1764, онъ сказалъ только, что въ лѣсахъ, которые посѣщалъ онъ въ Виргиніи въ 1763, *сосны бываютъ поражаемы молніей гораздо рѣже*, чѣмъ *дубы*, не смотря на то, что онѣ значительно выше послѣднихъ. Сколько могу припомнить, присовокупляетъ онъ: мнѣ не случалось видѣть, чтобы дубы росли между соснами тамъ, гдѣ нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ деревьевъ были разбиты громомъ. Слѣдующіе факты разсѣятъ много сомнѣній.

Древніе думали, что молнія *никогда* не падаетъ на *лавръ*. Теперь мы не можемъ допустить слова *никогда*, ибо въ замѣчаніяхъ Пуансине-де-Сиври (Poinsinet de Sivry), одного изъ переводчиковъ Плинія, находимъ, что Сеннертъ (Sennert), Викомеркатусъ, Филиппъ-Жакъ Саксъ (Sachs) упоминаютъ о многихъ случаяхъ, когда молнія ударяла въ лавровыя деревья.

Максвеллъ причисляетъ *букъ* къ деревьямъ, щадимымъ молніей. Въ брошюрѣ г. Герикар-де-Тюри (Héricart de Thury), розданной недавно академіи, читаемъ, что старый букъ, оставленный въ 1835 году въ древнемъ бору, вырубленномъ посреди вилье-коттретскаго лѣса (Villers-Cotterets), былъ пораженъ и почти раздробленъ молніею въ іюлѣ того же года.

Теоретическія соображенія заставляли думать, что смолистыя деревья безопасны отъ громовыхъ ударовъ. Однакоже мы видѣли, что Максвелль относитъ *сосну* къ деревьямъ, *начаще* поражаемымъ. Въ упомянутой брошюрѣ Тюри, между деревьями, разбитыми молніей, находимъ:

Сосну, въ Сен-Мартень-де-Тюри, 2 августа 1821;

Пихту, въ Сен-Жан-де-Де (Saint-Jeant-de-Day), въ іюнѣ 1836.

Боярышникъ, въ Антильи (Anthilly), въ августѣ 1834.

Акацію, въ Сен-Жан-ле-Повр-де-Тюри, въ сентябрѣ 1814.

Вязъ, въ Моазелль (Moiselles), въ іюнѣ 1823.

Дубы и тополи.

Молнія часто убиваетъ людей посреди открытыхъ равнинъ. Множество случаевъ доказываетъ, что подъ деревьями опасность бываетъ болѣе; изъ сего двойнаго замѣчанія докторъ Уинторпъ (Winthorp) заключалъ, что если гроза застигнетъ насъ въ открытомъ полѣ, то, для избѣжанія отъ ударовъ метеора, лучше всего стать близь какого-нибудь большаго дерева, въ разстояніи отъ 2 до 6 сажень. Еще выгоднѣе было бы помѣститься между двумя сосѣдственными деревьями въ такомъ же удаленіи отъ каждаго изъ нихъ. Франклинъ одобрялъ эти правила. Генлей (Henley), который также почиталъ ихъ основанными на теоріи и опытѣ, измѣнялъ ихъ только въ томъ, что (относительно одного дерева) совѣтовалъ становиться въ разстояніи 2 или 3 саж. отъ вертикальной линіи, проходящей чрезъ оконечность самыхъ длинныхъ вѣтвей.

Физики заключаютъ по нѣкоторымъ аналогіямъ, что молнія никогда не ударяетъ въ стекло. Отсюда остается одинъ только шагъ къ предположенію, что клѣтка, построенная вся изъ стекла, можетъ служить совершенно-безопаснымъ убѣжищемъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, подобныя клѣтки были предлагаемы и даже дѣлаемы для людей, которые очень боятся грома.

Безъ-сомнѣнія, я готовъ вѣрить, что во время грозы стеклянная оболочка немного уменьшаетъ опасность; но не могу согласиться, чтобы она могла совершенно устранить ее. Вотъ на чемъ основаны сомнѣнія мои:

Сильный ударъ грома, упавшій на палаццъ Минуцци въ Че-

недѣ (Ceneda), 15 іюня 1776, *пробилъ* или *расшибъ* болѣе *восьми сотъ* оконныхъ стеколъ.

Въ то время, когда г. Джемсъ Адеръ (Adair) былъ повергнутъ на землю, въ сентябрѣ 1780, сильнымъ громовымъ ударомъ, убившимъ двоихъ изъ слугъ его, въ домѣ въ Ист-Борнѣ (East-Bourn), онъ стоялъ позади окна. Рама осталась неповрежденною, но стекла совершенно исчезли: молнія раздробила ихъ въ пыль.

Въ строгомъ смыслѣ можно бы предполагать, что стекла *разбиваются* отъ потрясенія воздуха при ударѣ. Итакъ перейдемъ къ фактамъ, менѣе сомнительнымъ.

17 сентября 1772, молнія, упавшая въ Падуѣ на одинъ домъ, находившійся при Прато-делла-Валле, пробила въ оконномъ стеклѣ, въ нижнемъ этажѣ, *ровное, круглое отверстіе*, какъ будто вырѣзанное сверломъ.

Послѣ громоваго удара въ 1778 году въ Александріи, инженеръ Казелли замѣтилъ на стеклахъ оконъ своихъ круглыя отверстія, почти безъ всякихъ боковыхъ трещинъ.

Въ сентябрѣ 1824, послѣ громоваго удара, упавшаго на домъ г. Вилліама Бреммера (Bremmer), въ Мильтон-оф-Коммеджъ, нашли, что въ одномъ изъ оконныхъ стеколъ пробито *круглое отверстіе, величиною съ ружейную пулю*: на остальной же части стекла не было ни малѣйшей трещины.

Совершенно круглое отверстіе безъ трещинъ не можетъ быть произведено сотрясеніемъ отъ удара. Сверхъ-того это дѣйствіе могло бы въ случаѣ нужды быть приведено въ доказательство чрезвычайной быстроты, съ какою движется громовая матерія. Отверстіе, пробитое въ стеклѣ г. Бреммера, подтверждаетъ отдѣльныя наблюденія, сдѣланныя въ Падуѣ и Александріи. Всѣ сіи факты въ совокупности разувѣрятъ многихъ, воображавшихъ, что стеклянныя рамы составляютъ неодолимую преграду для молніи.

Тысячи примѣровъ доказали, что молнія, падая на человѣка, всегда устремляется преимущественно на металлическія части одежды его. Отсюда должно заключить, что эти части значительно увеличиваютъ опасность быть пораженнымъ молніей. Никто не усомнится въ этомъ предположеніи, когда будемъ говорить о металлическихъ массахъ, нѣсколько значительныхъ; впрочемъ, я скажу, что 21 іюля 1819, молнія удари-

ла въ биберакскую тюрьму (въ Швабіи), и въ большой залѣ, *посреди двадцати арестантовъ* убила *одного:* это былъ разбойничій атаманъ, уже приговоренный къ смерти, и *прикованный за поясъ.*

Но доказать предположеніе наше относительно къ мелкимъ металлическимъ частямъ обыкновенной одежды нашей, будетъ труднѣе. Однакоже нельзя не назвать доказательствомъ слѣдующаго любопытнаго наблюденія, сдѣланнаго въ Бревенѣ (Bréven) Соссюромъ и товарищами его въ путешествіи.

Была гроза. Поднимая руку и протягивая одинъ палецъ, наблюдатели чувствовали на концѣ его нѣкотораго рода колотье. «Кромѣ того (говоритъ знаменитый путешественникъ), г. Жалаберъ (Jalabert), у котораго на шляпѣ нашитъ былъ золотой галунъ, слышалъ страшное шипѣніе около головы своей. *Изъ золотой пуговицы этой шляпы извлекались искры,* равно какъ и изъ металлическаго набалдашника находившейся у насъ палки. *

* Давно извѣстны мнѣ были свидѣтельства различныхъ наблюдателей, что атмосфера, будучи сильно напитана громовою матеріею во время паденія снѣга, получаетъ удивительную степень звучности; что для произведенія музыкальныхъ звуковъ, достаточно водить въ ней пальцами съ нѣкоторою скоростью. Не смотря на то, говоря въ (§ AA.) о свѣтистыхъ кисточкахъ, появляющихся во время грозъ, я не осмѣлился упоминать о странныхъ акустическихъ свойствахъ атмосферы, почитаемыхъ слѣдствіемъ разсматриваемаго ея грозоваго состоянія. Замѣчаніе, найденное мною недавно въ энциклопедіи доктора Брьюстера (Brewsler), не разсѣявъ вполнѣ моихъ сомнѣній, нѣсколько уменьшило ихъ; потому и обращаюсь опять къ этому предмету.

Въ іюлѣ 1814 года (говоритъ знаменитый эдинборжскій физикъ), гг. Топперъ (Tupper) и Ленфьаръ (Lanfiar), при нисхожденіи своемъ съ Этны, приближаясь къ *дому,* называемому *Домомъ Англичанъ*, застигнуты были сильнымъ снѣгомъ, сопровождаемымъ жестокими ударами грома. Въ этомъ положеніи оба путешественника и проводникъ ихъ, поднимая вверхъ руку и выпрямляя одинъ палецъ, слышали всякій разъ, подобно Соссюру, Жалаберу и др., легкій свистъ; но махая быстро этимъ пальцемъ по различнымъ направленіямъ въ снѣжной атмосферѣ, *они могли извлекать, по произволу, весьма-разнообразные музыкальные звуки, столь сильные, что можно было совершенно-явственно слышать ихъ въ разстояніи 40 футовъ.*

Знаю, что трудно постигнуть, какимъ-образомъ можетъ существовать въ послѣдовательности ударовъ, извлекаемыхъ изъ хлопьевъ снѣга, та правильность, какая по-видимому необходима для образованія музы-

*

Придайте грозѣ нѣсколько болѣе силы, и золотой галунъ и небольшая металлическая пуговка, при обстоятельствахъ, подобныхъ *бревенскимъ*, сдѣлаются причиною удара; и г. Жалаберъ будетъ пораженъ скорѣе, чѣмъ сосѣди его, у которыхъ шляпы не украшены ни золотымъ галуномъ, ни металлическими пуговицами.

Вотъ фактъ, описанный Константини въ 1749 году, и еще прямѣе ведущій къ цѣли:

Во время грозы, одна дама протянула руку, чтобы затворить окно; ударила молнія и золотой браслетъ, надѣтый на рукѣ дамы, совершенно исчезъ, такъ-что не нашли ни малѣйшаго слѣда его. Впрочемъ, дама была весьма-легко ранена.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній можно будетъ сказать, какимъ-образомъ г. Брайдонъ объясняетъ происшествіе, случившееся съ одною знакомою ему дамою, г-жею Дугласъ.

Она смотрѣла въ окно во время грозы. Молнія ударила, и шляпа ея (одна только шляпа) обратилась въ пепелъ. По мнѣнію г. Брайдона, молнія привлечена была тонкою *металлическою проволокою*, которая составляла основу шляпы и поддерживала матерію. Потому онъ предлагаетъ оставить подобныя металлическія закраины, и возстаетъ противъ обыкновенія, столь общаго, поддерживать и украшивать волосы шпильками* и золотыми или серебряными снурками. Опасаясь весьма-естественно, что совѣты его останутся тщетными, онъ предлагалъ, чтобы каждая женщина носила съ собою небольшую цѣпочку или проволоку, и во время грозы прикрѣпляла ее къ металлическимъ частямъ шляпы, для-того, чтобы громовая матерія стекала по ней въ землю, не проходя по головѣ и остальной части тѣла.

Короче, во время грозы лучше не имѣть на себѣ ничего металлическаго; но стоитъ ли труда думать объ увеличеніи опасности, производимой часами, монетами, проволоками, цѣпочками и металлическими булавками, употребляемыми женщинами? Вопросъ сей не можетъ имѣть общаго рѣшенія, потому-

---

кальнаго звука; но что бы съ нами было, если бъ мы стали отвергать все то, чего объяснить не можемъ?

* Кундманнъ говоритъ, что молнія расплавила мѣдную шпильку въ волосахъ молодой дѣвушки, не опаливъ ихъ.

что каждый изъ насъ будетъ смотрѣть на него сообразно съ своими предубѣжденіями, и болѣе или менѣе предастся страху, внушаемому метеоромъ.

Когда молнія падаетъ на людей или животныхъ, стоящихъ рядомъ на прямой или на кривой несомкнутой линіи: тогда самыя сильныя, самыя пагубныя дѣйствія ея оказываются вообще на двухъ оконечностяхъ этого ряда.

Эта *теорема*, если позволятъ мнѣ такъ назвать ее, проистекаетъ по-видимому изъ собранныхъ мною фактовъ, которые мы сейчасъ увидимъ. Прошу замѣтить, что я разсматриваю только простой вопросъ науки, и что, указывая мѣсто, гдѣ можно быть безопаснѣе, я никакъ не думаю этимъ совѣтовать кому-либо укрываться на немъ, потому-что, уменьшая чрезъ то собственную опасность, необходимо увеличилъ бы опасность товарищей своихъ.

2 августа 1785 года, въ Рамбулье (Rambouillet) молнія ударила въ конюшню, гдѣ стояли *тридцать-двѣ* лошади въ одинъ рядъ. *Тридцать* изъ нихъ были опрокинуты ударомъ; *одна была убита на-поваль*: она стояла на одномъ краю ряда; другая, находившаяся на противномъ концѣ, была *весьма-тяжело ранена* и потомъ умерла.

22 августа 1808, молнія ударила въ одинъ домъ въ деревнѣ Кнонау въ Швейцаріи. *Пятеро дѣтей* читали, сидя рядомъ на скамьѣ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. *Первый* и *послѣдній* упали мертвы. Три прочіе подверглись только сильному удару.

Въ Флавиньи (Flavigny), въ Деп. Котдорскомъ, пять лошадей стояли въ конюшнѣ, куда проникла молнія. Двѣ первыя и двѣ послѣднія погибли; средняя же не претерпѣла никакого вреда*.

Одному изъ пріятелей моихъ разсказывали чрезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, случившагося въ одномъ изъ городовъ Франш-Контѐ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что молнія, упавъ въ открытомъ полѣ *на пять лошадей, стоявшихъ*

---

* Я привожу этотъ фактъ въ доказательство предложенія, выставленнаго вверху сего параграфа, хотя во время самаго происшествія въ Флавиньи думали объяснить всю необыкновенность его замѣчаніемъ, что пощаженная лошадь *была слѣпа*, а четыре прочія зрячи!

рядомъ, убила первую и последнюю. Три прочія, казалось, не были даже ранены *.

Известно всемъ, что молнія, встречая металлическую полосу, производитъ значительный вредъ только при входе въ нее и при выходе. Легко понять, что то же самое будетъ и со всякимъ теломъ другаго рода; но трудно угадать, думаю, чтобы это правило могло быть распространено и на те случаи, где встречаются большіе разрывы непрерывности; что, на примеръ, *тридцать-две* лошади, размещенныя такъ, какъ обыкновенно ставятся оне въ конюшняхъ, должны быть приняты за *одну* массу, имеющую начало и конецъ. Но къ какому же уподобленію прибегнуть для объясненія этого любопытнаго феномена, которому посвященъ параграфъ сей?

Франклинъ предложилъ несколько наставленій для людей, кои, боясь молніи, находятся во время грозы въ доме, неза-

* Въ 1800 году, молнія ударила въ ветреную мельницу въ Правилле (Praville) близь Шартра (Chartres), зажгла ее и совершенно истребила. Въ минуту удара мельникъ проходилъ *между* лошадью и муломъ, навьюченнымъ пшеницею. *Оба* животныя были убиты на месте однимъ и темъ же ударомъ. Мельникъ отделался сильнымъ безпамятствомъ, несколькими клочками спаленныхъ волосъ и потерею шляпы.

Я не поместилъ этого случая въ самомъ тексте, потому-что онъ мне кажется не столь убедительнымъ. Мы не можемъ сказать, что молнія убиваетъ съ одинаковою удобностію животныхъ всехъ родовъ; а напротивъ, мне кажется, доказано совокупностію некоторыхъ фактовъ, что люди сопротивляются молніи более, чемъ лошади и собаки. Вотъ некоторые изъ техъ примеровъ, которыми я подтвердилъ бы мненіе свое въ случае нужды.

12 апреля 1781, гг. Оссакъ, Готрапъ и Лаваллонгъ были поражены молніей близь Кастра (Castres). *Три лошади*, на которыхъ они ехали верхами, были убиты. Изъ всадниковъ погибъ только одинъ, г. Оссакъ.

Въ іюне 1826 года, близь Ворчестера убило громомъ лошадь, а съ ребенкомъ, который велъ ее, не случилось никакого несчастія.

Въ іюне 1810, г. Коуэнсъ (Cowens) находился въ комнате *возле* своей собаки въ то время, когда ударилъ туда громъ. Собака была убита на месте; а г. Коуэнсъ едва почувствовалъ ударъ.

11 іюля 1819, какъ мы уже говорили, молнія убила десять человекъ въ Шато-Нев-ле-Мутье во время божественной службы; но я не сказалъ еще, что въ то же время она убила *всехъ собакъ*, находившихся въ церкви. Животныхъ сихъ нашли въ техъ самыхъ положеніяхъ, въ какихъ они находились до паденія метеора?

щищенномъ однимъ изъ тѣхъ громоотводовъ, которые мы вскорѣ опишемъ.

Они должны избѣгать близости печей и каминовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, молнія часто проникаетъ чрезъ трубы, по причинѣ сажи, покрывающей ихъ внутренность, и потому-что эта сажа, подобно металламъ, есть одно изъ тѣлъ, на которыя молнія устремляется преимущественно.

По той же причинѣ должно отдаляться отъ металловъ, зеркалъ (по причинѣ металлической ихъ накладки) и позолоченныхъ вещей.

По-видимому, лучше всего становиться посреди комнаты, лишь бы только надъ головою не находилось люстры или лампы.

Чѣмъ менѣе прикасаются къ стѣнамъ и полу, тѣмъ менѣе подвергаются опасности. Безопаснѣе всего было бы имѣть кресло, повѣшенное на шелковыхъ шнуркахъ въ центрѣ обширной комнаты.

За недостаткомъ этого, полезно отдѣлять себя отъ пола такимъ тѣломъ, чрезъ которое молнія проникала бы съ трудомъ. Напримѣръ, можно поставить стулъ свой на стекло, смолу или на нѣсколько тюфяковъ.

Эти предосторожности должны уменьшить опасность, но не уничтожаютъ оной. Въ-самомъ-дѣлѣ, бывали примѣры, когда молнія проходила сквозь стекло, смолу и нѣсколько рядовъ тюфяковъ. Всякій долженъ понять также, что если метеоръ не найдетъ около комнаты непрерывнаго металла, который послужилъ бы ему проводникомъ, то онъ можетъ броситься изъ одной точки на другую, діаметрально-противоположную, и встрѣтить на полетѣ своемъ людей, находящихся въ срединѣ комнаты, еслибъ даже они сидѣли на креслахъ, прицѣпленныхъ къ потолку.

Метеорологисты, и между прочими Балиторо, утверждаютъ, что молнія *никогда* не ударяетъ въ сѣверную сторону зданій. По мнѣнію ихъ, должно опасаться ея особенно съ юго-востока.

Говорятъ, что это мнѣніе довольно распространено въ Италіи, такъ-что во время грозы многіе изъ предосторожности переходятъ въ комнаты, лежащія на сѣверъ. Если это замѣчаніе и справедливо, то не должно ли въ этомъ явленіи усмотрѣть толь-

ко слѣдствіе того, что въ климатахъ сихъ во время грозы вѣтеръ дуетъ почти-всегда по одному направленію.

Тучи, *идущія съюга* и сильно напитанныя громовою матеріей, необходимо должны бросать молнію преимущественно на первую встрѣчающуюся имъ грань зданій, надъ коими онѣ проходятъ. Притомъ же, послѣ того, какъ доказано, что струи сѣверныхъ сіяній, струи столь-высоко поднимающіяся, направляются паралельно магнитной стрѣлкѣ компаса наклоненія, имѣемъ ли право отвергать возможность общаго направленія въ громовыхъ ударахъ?

По мнѣнію Ноллета, шпицы колоколенъ, покрытые аспидомъ, чаще и сильнѣе поражаются молніей, чѣмъ каменные, при равныхъ высотахъ и одинаковыхъ прочихъ обстоятельствахъ.

Причину этой странности, я думаю, должно искать не въ существенномъ нѣкоторомъ различіи между веществомъ аспида и камня. По-видимому, она скорѣе происходитъ отъ влажности, которою такъ легко напитываются во время дождя деревянныя связи, покрытыя рѣшетинами, поддерживающими аспидную кровлю, и отъ множества металлическихъ гвоздей, которыми она прикрѣпляется.

Чѣмъ болѣе имѣетъ массы вещество, служащее хорошимъ проводникомъ и сосредоточенное въ какомъ-либо мѣстѣ, или чѣмъ большій объемъ занимаетъ оно, тѣмъ болѣе вѣроятности быть пораженнымъ молніей, находясь по близости онаго. Основываясь на этомъ и принявъ въ разсужденіе, что человѣкъ, въ состояніи жизни, есть довольно-хорошій проводникъ громовой матеріи, должно ли отвергать съ перваго раза мнѣніе нѣкоторыхъ искусныхъ физиковъ (напримѣръ, Ноллета), что опасность быть убитымъ громомъ въ церкви увеличивается съ числомъ собравшихся въ ней?

Есть еще причина, по которой многочисленныя сборища людей или животныхъ могутъ сдѣлаться во время грозы опасными. Отъ дыханія ихъ необходимо образуется восходящій столбъ паровъ; но всѣмъ извѣстно, что влажный воздухъ передаетъ молнію гораздо лучше, чѣмъ сухой. Итакъ столбъ пара преимущественно направитъ молнію въ то самое мѣсто, изъ котораго онъ выходитъ. Должно ли послѣ этого удивляться, что молнія такъ часто ударяетъ въ стада барановъ, и что одинъ и

тотъ же ударъ наноситъ смерть вдругъ 30, 40 и даже 50 животнымъ?

Въ Америкѣ господствуетъ всеобщее мнѣніе, что молнія чаще ударяетъ въ житницы (barn) съ хлѣбными зернами или кормомъ для скота, чѣмъ въ другіе роды зданій.

Это явленіе должно быть по-видимому приписано также восходящему току влажнаго воздуха, происхожденіе котораго найдти не трудно, вспомнивъ, что жатву убираютъ въ житницы вообще прежде, чѣмъ она достигнетъ большой степени сухости.

Иногда среди многочисленной толпы бываетъ убитъ одинъ человѣкъ, и притомъ не видно причинъ, опредѣлившихъ этотъ выборъ: въ платьѣ его содержалось не болѣе металлическихъ частей, чѣмъ у людей, стоявшихъ съ нимъ рядомъ, и положеніе его, относительно къ окружающимъ предметамъ, *по-видимому* не представляло ничего особеннаго.

Я говорю *по-видимому*, потому-что какая либо причина, для обнаруженія дѣйствія своего, не имѣетъ надобности быть сама видимою; такъ, напр: желѣзная масса, заложенная внутри каменной кладки, производитъ такое же дѣйствіе, какъ и будучи наружи, и пр. Весьма рѣдко возможно бываетъ утверждать, что положенія двухъ людей, убитаго и пощаженнаго молньей, были совершенно-тожественны: одинъ изъ нихъ могъ находиться далѣе, чѣмъ другой отъ металлической массы, водяной жилы, скрытыхъ подъ паркетомъ, за деревянною работою, въ нѣдрахъ земли, и пр. такъ - что нельзя было и подозрѣвать существованія ихъ.

Кажется, что этимъ путемъ трудно будетъ открыть, существуетъ ли различіе въ человѣческой организаціи касательно способности быть пораженнымъ молніей. Сомнѣніе это можетъ быть разрѣшено только помощію побочныхъ опытовъ, кои будутъ разобраны въ особомъ сочиненіи. Здѣсь же я довольствуюсь подтвержденіемъ, что подобное различіе существуетъ, и что, во время грозы, при двухъ совершенно-одинаковыхъ обстоятельствахъ, одинъ человѣкъ, по качеству тѣлосложенія своего, можетъ подвергаться большей опасности, нежели другой *.

---

*. Впрочемъ, я попытаюсь дать въ нѣсколькихъ словахъ общее понятіе объ опытахъ, упомянутыхъ мною.

Вещество, излетающее искрами изъ проводника электрической ма-

Опасно ли во время грозы быть въ дорогѣ?

Говорятъ, что во время грозы опасно *бѣжать* или ѣхать верхомъ; утверждаютъ даже, что не должно *идти* противъ направленія вѣтра и теченія облаковъ. Оба сіи совѣта, будучи разсмотрѣны, приводятся къ одному: должно стараться не быть въ потокѣ воздуха.

Дѣйствительно ли теченіе воздуха привлекаетъ молнію, облегчаетъ ея паденіе? За неимѣніемъ вѣрныхъ средствъ для рѣшенія сего вопроса, приводили въ свидѣтельство обыкновеніе закрывать окна при наступленіи грозы, какъ слѣдствіе истиннаго опыта; думали, что самые отдаленные народы не могли бы вообще согласиться между собою въ этой предосторожности, еслибъ не видѣли въ ней пользы. Должно ли говорить, что нѣтъ ни одного народнаго предразсудка, котораго не льзя бы было оправдать подобнымъ разсужденіемъ?

Гроза обыкновенно сопровождается сильнымъ дождемъ, сильнымъ вѣтромъ; слѣдовательно обыкновеніе затворять окна и двери могло произойдти просто отъ одной необходимости защитить себя отъ вѣтра и дождя. Притомъ же мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ это обыкновеніе опирается на

шины, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ колеса *ея*, есть громовая матерія. Подобно этой матеріи, вещество сіе пробѣгаетъ большія протяженія металловъ, воды, и пр., почти-нимало не ослабляясь. Оно проходитъ также довольно свободно *по длинному* ряду людей, держащихся за руки и образующихъ *цѣпь*. Однако есть люди, такіе, кои *внезапно прекращаютъ* сообщеніе и не чувствуютъ удара, если бъ даже занимали второе мѣсто въ ряду. Эти люди, составляющіе *исключеніе, суть не проводники* громовой матеріи. Итакъ, по исключенію, должно отнести ихъ къ числу тѣлъ, *худыхъ проводниковъ*, уважаемыхъ молніею, или по-крайней-мѣрѣ рѣдко подвергающихся ея ударамъ.

Столь рѣзкія различія не могутъ существовать безъ постепенныхъ оттѣнковъ. Но всякой степени проводимости соотвѣтствуетъ во время грозы нѣкоторая мѣра опасности. Человѣкъ, одаренный одинаковою степенью проводимости съ металлами, подвергался бы ударамъ молніи столь же часто, какъ и металлы; человѣкъ, прерывающій сообщеніе въ *цѣпи*, долженъ столь же мало опасаться, какъ еслибъ онъ былъ стеклянный или смоляной. Между этими предѣлами найдутся люди, которые подвергнутся ударамъ молніи наравнѣ съ деревомъ, камнями, и пр. Итакъ въ феноменѣ грома вся важность заключается не въ одномъ мѣстѣ, занимаемомъ человѣкомъ: физическое сложеніе его имѣетъ также нѣкоторое вліяніе.

суевѣрныхъ понятіяхъ. Напримѣръ, въ Эстляндіи *страхъ впустить злаго духа, гонимаго Богомъ при ударахъ грома*, заставляетъ каждаго затыкать самыя малѣйшія отверстія (Сальвертъ, *des sciences occultes*). Незамѣчательно ли, что религіозныя понятія заставили Евреевъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, дѣлать совершенно-противное? Лишь только молнія блеснетъ въ тучѣ, Евреи, говоритъ аббатъ Дѐманъ (Deehman), отворяютъ окна и двери, дабы Мессія, пришествіе котораго должно быть возвѣщено грозою, могъ свободно войдти въ избранное жилище.

Разсмотримъ наконецъ это предположеніе на-самомъ-дѣлѣ, въ той мѣрѣ, какъ позволитъ состояніе науки.

Атмосфера представляетъ нѣкоторое сопротивленіе движенію громовой матеріи. Вѣроятно, что это сопротивленіе уменьшается въ то время, когда температура и влажность возрастаютъ, а барометрическое давленіе убываетъ. Такимъ-образомъ все, что̀ уменьшаетъ плотность воздуха въ данной точкѣ, болѣе или менѣе клонится къ привлеченію туда молніи. Но человѣкъ, бѣгущій *въ тихое время*, оставляетъ за собою пространство, въ которомъ, говоря математически, воздухъ разрѣженъ. Слѣдовательно, по сходству обстоятельствъ, въ этомъ пространствѣ удары молніи сдѣлаются болѣе вѣроятными. Вотъ фактъ, подробности котораго сообщены знаменитымъ адмираломъ *Руссеномъ* (Roussin), и который, *бытъ-можетъ*, будетъ признанъ говорящимъ нѣсколько въ пользу изложенныхъ сейчасъ догадокъ.

Фрегатъ *Юнона*, на пути своемъ въ Индію, въ небольшомъ разстояніи отъ Канарскихъ Острововъ, 18 апрѣля 1830, застигнутъ былъ сильною грозою, во время которой, *не смотря на громоотводы*, молнія упала на бортъ.

Паденіе молніи кажется несомнѣннымъ. Въ - самомъ-дѣлѣ, въ-слѣдъ за ударомъ распространился по всему кораблю сильный *сѣрный* запахъ. Притомъ же люди, находившіеся на шканцахъ, *видѣли*, что пламя отдѣлилось отъ цѣпи громоотвода. Пламя сіе показалось въ точкѣ, лежавшей на срединѣ разстоянія между салингомъ грот-стеньги и нительсами, и чрезъ лѣвый бортъ исчезло въ волнахъ, между - тѣмъ, какъ оконечность цѣпи погружалась въ море съ противоположнаго борта наконецъ прибавимъ, что въ минуту громоваго удара, одинъ

изъ матросовъ былъ повергнутъ въ столь сильное безпамятство, что почли его мертвымъ.

Послѣ происшествія нашли, что цѣпь, составленная изъ мѣдныхъ проволокъ, скрученныхъ на подобіе каната, и образовавшая цилиндръ около сантиметра (0, 4 дюйма) въ діаметрѣ, нигдѣ не была разорвана. Только оконечность металлическаго прута, привинченнаго на вершинѣ большой мачты, и сообщавшагося съ цѣпью, была *сожжена*.

Явленіе *боковаго* удара молніи изъ проводника теперь извѣстно во всѣхъ подробностяхъ; остается объяснить его. Первое истолкованіе, представляющееся уму, есть то, что металлическая цѣпь была слишкомъ-тонка. Нельзя ли предположить также, что, въ минуту удара, конецъ цѣпи не былъ погруженъ въ воду? Этотъ конецъ прикрѣпляется къ мѣдной планкѣ, прибиваемой обыкновенно подъ ватерлиніею. Планка находится на правой сторонѣ корабля, которая здѣсь обращена была къ вѣтру, — а въ описаніи сказано, что вѣтеръ былъ весьма силенъ. Итакъ все заставляетъ думать, что та сторона корабля, гдѣ былъ прикрѣпленъ конецъ громоотводной цѣпи, мгновенно приподнялась, — къ-несчастію нельзя сказать на сколько, и отъ этого обстоятельства догадка моя теряетъ много цѣны.

На бортѣ *Юноны* всѣ были убѣждены, что молнія покинула громопроводную цѣпь *отъ дѣйствія весьма сильнаго вѣтра, дувшаго въ эту минуту*. Безъ-сомнѣнія, я весьма далекъ отъ того, чтобы защищать это мнѣніе. Но съ другой стороны не осмѣливаюсь назвать его незаслуживающимъ вниманія. Вслѣдствіе явленія, весьма-извѣстнаго гидравликамъ подъ именемъ боковаго сообщенія движенія, подъ вѣтромъ металлической громопроводной цѣпи, подобно тому, какъ подъ вѣтромъ снастей, мачтъ, и пр., должна была образоваться нѣкотораго рода пустота, т. е. небольшое пространство, въ которомъ атмосферическое давленіе было весьма ослаблено. Отвергать безусловно всякое вліяніе внезапнаго уменьшенія давленія было бы неосновательно, особенно когда примемъ въ разсужденіе многочисленные выводы изъ наблюденій, посредствомъ которыхъ открывается сходство искусственнаго электричества съ молніею.

Я сдѣлалъ здѣсь краткій обзоръ различныхъ соображеній, на которыхъ можно было основать совѣтъ, не бѣгать во вре-

мя грозы. Теперь позволено будетъ сдѣлать такой вопросъ: то, что мы выигрываемъ, оставаясь неподвижными, или идя медленно, въ отношеніи къ опасности быть убитыми громомъ, составляетъ ли достаточное вознагражденіе за непріятность быть вымочену сильнымъ ливнемъ?

Справедливо ли мнѣніе нѣкоторыхъ физиковъ, что переходъ сквозь облака, въ которыхъ непосредственно образуется громъ и молнія, сопряженъ съ смертною опасностію?

Познанія наши о внутреннемъ составѣ тучь столь несовершенны, что мы не имѣемъ никакой возможности помощію однихъ теоретическихъ соображеній оцѣнить опасность, которою можетъ сопровождаться приближеніе къ источнику грозъ. Общее мнѣніе по этому предмету, кажется мнѣ, основано на одномъ чувствѣ, и не есть слѣдствіе глубокаго изслѣдованія. Черныя тучи бросаютъ иногда далеко разрушеніе, пожаръ, смерть: что̀ же должны произвесть онѣ *вблизи*? Вотъ та неопредѣленная мысль, на которой останавливались. Самъ *Вольта*, въ запискѣ своей о образованіи града, называя предпріятіе пройдти сквозь грозовую тучу неслыханною смѣлостью, быть можетъ не имѣлъ другаго руководителя, кромѣ этой мысли. Какъ бы то ни было, но мнѣ казалось, что вопросъ сей заслуживаетъ изслѣдованіе. Весьма важно было бы знать, могутъ ли метеорологисты имѣть надежду, рано или поздно идти изучать молнію въ самой области ея развитія; полезно бъ было также оцѣнить настоящимъ-образомъ опасность, которой можно подвергнуться въ нѣкоторыхъ горахъ, гдѣ грозы рождаются такъ быстро, что путешественники не имѣютъ времени избѣжать ихъ. Впрочемъ, я старался только узнать: находились ли когда-нибудь люди посреди тучь, источника обнаружившейся грозы, не погибнувъ; и мнѣ должно было допускать только наблюденія ясныя, точныя, неподлежащія никакой двусмысленности. Всѣ сіи условія нашелъ я въ разсказѣ аббата Ришаръ, автора Histoire de l'air et de météores.

Въ концѣ августа 1750 года, этотъ физикъ подымался въ повозкѣ на небольшую гору Боайе (Boyer), невдалекѣ отъ Сенсе (Sencey) между Шилономъ-на-Сонѣ и Турню (Tournus). На трехъ четвертяхъ высоты этой горы остановилась туча, изъ которой по-временамъ гремѣлъ громъ. Вскорѣ г. Ришаръ достигъ до нея.

Съ этой минуты громъ уже не обнаруживался внезапными ударами съ промежутками. Онъ образовалъ непрерывный шумъ, такъ-какъ бы груда орѣховъ «катилась по доскамъ». Поднявшись на вершину горы, наблюдатель уже находился *выше* тучи: она не переставала быть грозовою, ибо разсѣкалась блестящими молніями, которыя сопровождались сильными ударами.

Второй примѣръ, который приведу я, не будетъ имѣть порукою за себя физика. Быть-можетъ, онъ представитъ ту выгоду, что обстоятельства явленія, впрочемъ немногочисленныя и очень простыя, собраны были особою, которая не могла имѣть цѣлію защищать какую-либо систему. Слѣдующія строки диктованы моею сестрою:

»Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я отправилась утромъ съ двумя пріятельницами своими изъ деревни Эстаже въ Лиму. Экипажъ нашъ переѣхалъ уже порядочную часть извивистой и крутой дороги по *Ущелію* св. Лудовика (Col Saint Louis), какъ вдругъ вся долина покрылась грозовыми облаками, въ качествѣ которыхъ нельзя было обмануться, потому-что вылетали изъ нихъ яркія молніи и слышались сильные удары грома. Подруги мои и я желали воротиться. Кучеръ былъ противнаго мнѣнія и поѣхалъ на встрѣчу грозѣ. Намъ было очень страшно, и мы закрыли глаза, чтобы не видать молніи, заткнули уши, чтобъ не слышать грома. Въ этомъ положеніи были мы съ четверть часа, и наконецъ кучеръ, къ крайнему нашему удовольствію, объявилъ, что вся опасность миновалась. Въ-самомъ-дѣлѣ, туча была подъ нами: еще молнія въ ней сверкала, громъ гремѣлъ, но мы уже болѣе не безпокоились, потому-что наслаждались яснымъ небомъ и прекраснѣйшимъ солнцемъ.»

Гг. капитаны Петье и Госсаръ, о которыхъ я имѣлъ уже случай упоминать, находились въ Пиренеяхъ посреди облаковъ, *источника обнаружившейся грозы.*

На вершинѣ Пика Анійскаго (Pic d' Anie), на 2504 метраxъ (1174 саж.) высоты, 15 іюня 1825; 20, 24 и 25 іюля 1827;

(Гроза 15 іюня продолжалась 6 часовъ; волосы наблюдателей поднимались; около выдающихся частей тѣлъ слышанъ былъ свистъ.)

На вершинѣ пика Лестибетъ (Lestibète), на 1851 метръ (867 саж.), 4, 5. 6 и 13 іюля 1826;

(Во время грозы 13 числа падалъ звѣздчатый градъ около трехъ сантиметровъ (1, 2 дюйма) въ діаметрѣ.)

На Горѣ Трумузской, на 3086 мет. (1146 саж.), 9 и 13 августа 1826;

(Гроза 9 числа продолжалась 24 часа; градъ, дождь, удары грома были весьма-часты. Палатки иногда казались какъ-будто воспламененными, не смотря на то, что состояли изъ тройнаго ряда полотна, покрытаго весьма-плотнымъ тикомъ. Заряженное ружье г-на Госсаръ, оставленное изъ предосторожности внѣ палатки, представляло на другой день множество слѣдовъ явнаго плавленія при оконечности ствола. Изъ долины гроза казалась столь сильною, что жители Эасъ (Hèas) не надѣялись болѣе видѣть ни офицеровъ, ни проводниковъ ихъ.)

На пикѣ Бальту (Baltous), на 3146 мет. (1474 саж.), 25, 30 и 31 августа 1826;

(Дождь, градъ, снѣгъ; чрезвычайно-яркія молніи, за которыми въ тожь мгновеніе слѣдовали удары. 31 числа молнія ударила въ куропатку, которую проводники гг. Петье и Госсаръ привѣсили на шнуркѣ къ деревянному колу. Верхушка кола была обуглена. Отъ головы до хвоста куропатки снята была дорожка перьевъ. Въ деревнѣ Арранъ (Arrens) гроза казалась весьма-сильною, и жители не думали, чтобы наблюдатели воротились съ пика Бальту.

Поражаемый молніей, успѣваетъ ли видѣть блескъ ея.

Сомнѣваюсь, чтобы, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, какой-нибудь физикъ рѣшился сдѣлать публично этотъ вопросъ. Тогда казалось, что ничто не можетъ быть быстрѣе свѣта. Скорость 40 тысячь географическихъ миль въ секунду казалась столь удивительною, что воображеніе не осмѣливалось идти далѣе. Но опыты г. Гуэтстона должны были перемѣнить расположеніе умовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, они — не говорю доказали, но, по-крайней-мѣрѣ — дали замѣтить, что возможны скорости гораздо значительнѣйшія, чѣмъ скорость свѣта, и что они свойственны матеріи (электрической), которая тожественна съ матеріею грома, какъ это доказывается множествомъ сличеній. Итакъ вопросъ, выставленный вверху этой главы, заслуживаетъ теоретическаго изслѣдованія. Оно было бы небезполезно для метеорологіи; я думаю также, что вопросъ касался бы въ нѣс-

кольких точках физіологіи; наконец мнѣ кажется, что многія робкія особы избавились бы от мучительнаго страха, который овладѣвает ими во время грозы, еслиб мы доказали, что уже нечего опасаться молніи, когда видѣли блеск ея.

Один фермёр в Корнуальѣ, по имени Томас Оливе, быв повергнут без чувств на землю ужасным ударом грома, 20 декабря 1752, не слыхал звука и не видал свѣта сего метеора, так-что, когда пришел в чувство чрез четверть часа, то первою его мыслію было спросить, *кто его ударил*.

Близь Битча, 11 іюня 1757, поражен был молніей человѣк. Когда он пришел в себя послѣ продолжительнаго безпамятства, то аббат Шапп просил его разсказать, что он чувствовал. Вот отвѣт его: «я ничего не слыхал, *ничего не видал*.»

Антоній Вилліамс, ректор сен-кевернскій (в Корнуальѣ) поражен был, 18 февраля 1770, тѣм же самым ударом молніи, который разрушил церковь его. Пришед в себя послѣ долгаго обморока, он объявил, что *не видал молніи, не слыхал грома*.

В 1807 молнія повергла без чувств двух садовников в одном загородном домѣ близь Манчестера. Оставшійся из них в живых, Джордж Бредбери, на вопрос г. Говарда объявил положительно, что в минуту происшествія он ни грома не слыхал, *ни молніи не видал*.

11 іюля 1819, гром ударил в церковь в Шато-нев-ле-Мутье, в Диньском округѣ Департамента Нижних Альпов. Он убил в ней *девять* человѣк и *восемдесять двух* ранил. В числѣ послѣдних находился священник этого селенія. Его подняли в сильном обморокѣ; риза была вся в пламени; чрез два часа послѣ происшествія он пришел в чувство и объявил, что «ничего не слыхал и ничего не знает о том, что случилось.»

Г. Рокуэлль (Rockwell), пораженный молніей в августѣ 1821 года, *не видал молніи*, не слыхал грома.

В іюнѣ 1829, один рабочій, Ривс (Reeves), работавшій на колокольнѣ салисбёрійской, упал без чувств от сильнаго громоваго удара. Когда извлекли его из долгаго безпамятства, то он объявил, что в минуту паденія он *не видал молніи*.

Средства, помощію которыхъ думали предохранять зданія отъ ударовъ молніи.

Коломелль повѣствуетъ, что Таршонъ почиталъ себя въ полной безопасности отъ ударовъ грома, окруживъ жилище свое *бѣлымъ виноградникомъ*.

Около двухъ тысячь лѣтъ опыты не показали намъ относительно къ бѣлому винограднику ничего такого, что̀ бы могло оправдать надежды Таршона *.

Въ XV вѣкѣ *на мачтѣ каждаго корабля ставили обнаженную шпагу для удаленія молніи.* Сен-Бернарден-де-Сіеннъ (Saint Bernardin de Sienne), сохранившій для насъ память этого обыкновенія, называлъ его предразсудкомъ. *(Лабуассьеръ, Гардск. Акад., 1822.)*

Сейчасъ увидимъ, что̀ должно присовокупить къ шпагѣ, дабы она произвела надлежащее дѣйствіе.

Молнія, *при одинаковыхъ обстоятельствахъ*, поражаетъ преимущественно мѣста возвышенныя. Изъ этого неотвергаемаго факта думали заключить, что *какой-либо* предметъ всегда защищается другимъ предметомъ, болѣе-возвышеннымъ, и находящимся по близости; что, напримѣръ, домъ не долженъ опасаться метеора, будучи окруженъ колокольнями; но при этомъ не подумали, что особенныя, частныя обстоятельства могутъ уменьшить и даже уничтожить вліяніе избытка высоты. Это возраженіе подтверждается примѣрами.

15 марта 1773, молнія упала на домъ, занимаемый лордомъ Тилней (Tilney) въ Неаполѣ, хотя надъ этимъ домомъ возвышались *со всѣхъ сторонъ въ четырехъ или пятистахъ* шагахъ *разстоянія*, куполы и башни множества церквей. Прибавимъ, что эти куполы и башни были тогда смочены обильнымъ дождемъ.

Можно привесть тысячу примѣровъ, что земледѣльцы были убиваемы молніей у стоговъ сѣна или скирдовъ хлѣба, которые были вдвое или втрое выше ихъ, и не подверглись удару**.

---

* Жители южной Европы, а особенно Италіи, видя вѣтвь виноградника, на которой листья и плоды совершенно высушены, непремѣнно приписываютъ это дѣйствію молніи.

** Въ-старину громовые камни почитались за предохранительное средство противъ разрушительныхъ дѣйствій метеора. Достаточно было, при

Правда ли, что деревья, возвышающіяся надъ домомъ, въ близкомъ разстояніи, вполнѣ защищаютъ его отъ паденія молніи, какъ предполагаютъ многіе физики?

Если обратимся къ свидѣтельству людей, покупающихъ на срубку большіе лѣсные участки для выжиганія угля или заготовленія плотничнаго матеріала, то узнаемъ, что деревья поражаются громомъ гораздо чаще, нежели какъ думаютъ. Распиливая ихъ на доски, находятъ множество трещинъ, желобинъ, которыя очевидно были первоначально произведены молніей.

Наблюденіе это согласуется съ замѣчаніемъ г. Тристана, выведеннымъ изъ наблюденій надъ 64 отдѣльными грозами, сопровождавшимися градомъ, который въ-теченіи 16 лѣтъ (съ 1-е января 1811 по 1-е января 1827) причинилъ много вреда въ различнихъ мѣстахъ Лоаретскаго Департамента, сосѣдственныхъ съ Орлеанскимъ Лѣсомъ. Г. Тристанъ нашелъ, что гроза, проходя надъ обширнымъ лѣсомъ, значительно ослабляется.

Изъ этихъ наблюденій, кажется, неоспоримо можно заключить, что деревья вытягиваютъ изъ грозовыхъ облаковъ значительную часть громовой матеріи, которою заряжены они. Итакъ можно признать ихъ за средство уменьшенія силы громовыхъ ударовъ; но приписать имъ полную предохранительную способность значило бы переступить за предѣлы наблюденія. Вотъ факты, которые покажутъ, какъ основательны мои сомнѣнія.

2 сентября 1816, въ Конуэ (Conway въ Массачузетѣ), молнія упала на жилище г. Джона Вилліамса и нанесла много вреда. Однакоже по близости росли *итальянскіе тополи* отъ 60 до 70 футовъ высотою; вершины ихъ возвышались надъ кровлею строенія отъ 30 до 40 футовъ. Одинъ изъ тополей находился въ разстояніи только шести футовъ отъ той точки, гдѣ молнія проникла въ каменную кладку. Ни одно изъ деревьевъ не подверглось удару.

Нужно ли еще доказательства недѣйствительности деревьевъ, какъ громоотводовъ, или какъ средствъ обезпеченія окружае-

началѣ грозы, ударить такимъ камнемъ три раза въ каждую сторону какого бы то ни было зданія, и потомъ уже нечего было опасаться! Не надобно идти далеко, чтобы и въ наше время найдти вѣру въ это нелѣпое обыкновеніе; предразсудокъ, въ которомъ страхъ думаетъ найдти себѣ защиту, всегда сохраняется очень-долго.

мыхъ ими жилищъ? Я найду его въ обстоятельствахъ удара, упавшаго 17 августа 1789 на домъ Томаса Леперъ (Leiper), близъ *Честера*, въ Соединенныхъ-Штатахъ. Я извлеку эти обстоятельства изъ записки, напечатанной въ 1790 году знаменитымъ Давидомъ Риттенгоузъ.

Жилище г. Лепера построено въ-низу весьма рѣзкаго сгиба земли. *По направленію на западъ*, на небольшомъ разстояніи десяти саженъ, грунтъ земли уже выше вершины дома. Сверхъ-того на этомъ мѣстѣ проведена аллея изъ большихъ дубовъ. Гроза приближалась отъ запада; слѣд. прежде, чѣмъ она заняла положеніе на вертикальной линіи, проведенной чрезъ домъ, она должна была пройдти надъ деревьями, гораздо болѣе возвышенными, чѣмъ кровля и даже трубы. Все это ни къ чему не послужило: деревья остались неприкосновенными, а домъ разбитъ молніей *.

Средства, помощію которыхъ предполагали предохранить отъ молніи цѣлые города и даже большіе участки земли.

Ктезіасъ, одинъ изъ товарищей Ксенофонта, въ отрывкѣ, переданномъ намъ Фоціусомъ, говоритъ, что онъ получилъ два меча, одинъ изъ рукъ Паризатиды, матери Артаксеркса, а другой изъ рукъ самого царя. Потомъ онъ присовокупляетъ: «*Если воткнуть ихъ въ землю, остріемъ вверхъ, то они отдалятъ тучи, градъ, грозу. Царь* — продолжаетъ онъ: *при мнѣ дѣлалъ опытъ, подвергаясь самъ опасности.*»

Этотъ отрывокъ, безъ-сомнѣнія, весьма любопытенъ, но представляетъ ли въ-самомъ-дѣлѣ столько важнаго, сколько предполагали? Нынѣ хорошо доказано, что не только короткій мечь, но даже длинный, острый металлическій прутъ, поставленный на вершинѣ зданія, *не отдаляетъ тучъ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи Персы ошибались, или, по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе ихъ не опиралось ни на какія доказатель-

* Въ-послѣдствіи можно будетъ объяснить это явленіе теоретически удовлетворительнымъ образомъ, вспомнивъ, что холмъ, покрытый деревьями, состоялъ изъ сухой, безводной скалы, покрытый нѣсколькими дюймами земли, что домъ былъ почти окруженъ водою, что на немъ поставлены были два громоотвода съ принадлежностями и что нѣсколько металлическихъ жолобовъ проведены были отъ кровли къ фундаменту.

ства; основываясь на этомъ, не должно ли предполагать, что врачь Артаксеркса, приписывая мечу его и другое свойство—отклонять грозу, также былъ простымъ отголоскомъ мнѣнія, составленнаго на удачу, безъ всякаго прочнаго основанія? Во всякомъ случаѣ, уже не въ первый разъ здѣсь истина страдала отъ непріятнаго сосѣдства, и потому должно ли удивляться, что опытъ надъ двумя клинками мечей остался незамѣченнымъ, когда въ той самой главѣ, гдѣ говорится о немъ, *Ктезіасъ* съ такою же увѣренностью упоминаетъ объ источникѣ въ 16 локтей въ окружности и въ одну оргію глубиною, ежегодно наполнявшемся *жидкимъ золотомъ*, и прибавляетъ, что также ежегодно наливали сто кувшиновъ этимъ золотомъ. Эти кувшины, говоритъ онъ притомъ, должны быть земляные, потому-что не иначе, какъ разбивая ихъ, можно достать *золото, когда оно отвердѣетъ*.

Въ вѣкъ Карла-Великаго *ставили въ поляхъ высокіе шесты, для отклоненія града и грозъ*. Изувѣрные почитатели древнихъ найдутъ въ этомъ свидѣтельствѣ явное доказательство древности Франклиновыхъ громоотводовъ, и потому спѣшимъ прибавить, что шесты сіи были дѣйствительны только тогда, когда на вершинахъ ихъ *прикрѣплялись лоскутки бумаги*. Эти куски бумаги или пергамена вѣроятно были исписаны магическими знаками, потому-что Карлъ-Великій, запрещая это обыкновеніе въ 789 году, называлъ его суевѣрнымъ.

Дѣйствія большихъ огней, разложенныхъ на открытомъ воздухѣ.

Нѣкоторые физическіе опыты заставляютъ думать, что сильные огни должны бы извлекать изъ тучь наибольшую часть громовой матеріи, которую онѣ влекутъ съ собою; и потому эти огни должны бы сдѣлаться лучшимъ средствомъ предупрежденія грозъ или ослабленія ихъ (таково, напримѣръ, мнѣніе Вольты). Посмотримъ, подтверждаются ли эти догадки наблюденіемъ.

Я совершенно оставляю въ сторонѣ странную идею, что будто-бы жертвоприношенія древнихъ подъ открытымъ небомъ, яркій пламень олтарей, черные столбы дыма, поднимающіеся отъ жертвъ на воздухъ, наконецъ всѣ обстоятельства обряда, которымъ, по мнѣнію черни, хотѣли обезоружить мол-

ніеносную руку Юпитера, были простыми физическими опытами, тайна которыхъ доступна была однимъ жрецамъ, и которые въ сущности имѣли цѣлію ослабить или даже мало-по-малу совершенно уничтожить грозы. То, что я хочу привести, менѣе баснословно. Вотъ фактъ, которымъ я обязанъ пріязни г. Маттеучи.

Близь Чезены, въ Папскихъ Владѣніяхъ, есть приходъ, имѣющій отъ пяти до шести миль въ окружности; на всемъ пространствѣ его, по совѣту священника, поселяне кладутъ на каждыхъ пятидесяти футахъ груды соломы и мелкаго дерева. При наступленіи грозы всѣ эти кучи зажигаются. Это средство употребляется у нихъ три года, и въ это время приходъ не терпѣлъ никакаго вреда ни отъ грозы, ни отъ града, между-тѣмъ, какъ прежде онъ ежегодно подвергался и тому и другому, и между-тѣмъ, какъ сосѣдственные приходы и въ эти послѣдніе три года были опустошаемы метеоромъ.

Три года еще не составляютъ продолженія времени, достаточнаго для рѣшительнаго заключенія о предохранительной способности большихъ огней. Впрочемъ, опыты и теперь продолжаются и время покажетъ истинные ихъ результаты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ «Eloge de Volta» я вспоминалъ объ идеяхъ этого знаменитаго физика касательно выгодъ, представляемыхъ большими огнями во время грозъ, я думалъ, что можно получить въ этомъ отношеніи нѣсколько благопріятныхъ замѣчаній, сравнивая метеорологическія наблюденія тѣхъ графствъ Англіи, которыя и днемъ и ночью отъ множества заводовъ и плавильныхъ печей обращаются въ океаны пламени, съ окрестными земледѣльческими графствами.

Сравненіе было сдѣлано, какъ можно было видѣть это въ 4-мъ вопросѣ (§ CC): земледѣльческія области видятъ грозу чаще, чѣмъ страны рудокопныя; но не смотря на то, нынѣ я не думаю, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ. Въ Англіи плавильныя печи находятся въ обиліи вездѣ, гдѣ много металлическихъ рудниковъ; слѣдовательно, рѣдкость грозъ въ этихъ мѣстностяхъ можетъ быть приписана *качеству грунта* точно такъ же, какъ и дѣйствію сильныхъ огней, необходимыхъ для обработки рудъ. Въ 1831 году я принялъ въ разсужденіе не всѣ обстоятельства.

Въ опытѣ, и теперь продолжающемся близь Чезены, въ опытѣ корнуальйскомъ, сей часъ упомянутомъ, дѣло шло объ

предѣленіи *совокупнаго дѣйствія большаго числа огней.* Что же касается до одного отдѣльнаго пламени, то какъ бы значительно оно ни было, мнѣ кажется, можно доказать, что оно не въ-состояніи лишить громовой матеріи даже самыя ближайшія облака, вертикально ему соотвѣтствующія.

Вспомнимъ о происшествіи, случившемся 1-го іюля 1810, въ концѣ улицы Монблапъ, въ домѣ Монтессонъ, занимаемомъ княземъ Шварценбергомъ. Это былъ день и мѣсто праздника, даннаго австрійскимъ посольствомъ въ честь Наполеона и Маріи-Луизы. Среди ночи, обширная бальная зала загорѣлась. Огромные столбы пламени, съ которыми не могли совладѣть пожарныя трубы, не въ-состояніи были предотвратить страшной грозы, разразившейся въ концѣ ночи. Молніи, слѣдовавшія одна за другою съ ужасающею быстротою, воспламеняли всю твердь; громъ гремѣлъ безъ умолка; наконецъ потоки дождя залили послѣднія головни пожара.

О пушечныхъ выстрѣлахъ, принимаемыхъ за средство разсѣеванія грозы.

Мореплаватели по-видимому довольно вообще убѣждены въ томъ, что артиллерійскіе выстрѣлы разсѣеваютъ грозовыя тучи и даже облака разнаго рода, но въ подтвержденіе мнѣнія своего они приводятъ мало достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Все, что нашелъ я самаго яснаго по этому предмету, столь достойному изслѣдованія, находится въ «Запискахъ» графа Форбеня, изданныхъ въ первый разъ въ 1729 и относится къ 1680 году.

«Во время пребыванія нашего» говоритъ неустрашимый мореходецъ: «на этихъ берегахъ (прилежащихъ къ индійской Картагенѣ), ежедневно около четырехъ часовъ вечера образовались облака съ молніею и страшными ударами грома, кои, разражаясь надъ городомъ, всегда причиняли тамъ какія-нибудь опустошенія. Графъ д'Эстре, которому эти берега были не безъизвѣстны, и который, въ различныхъ путешествіяхъ своихъ въ Америку, не разъ подвергался ураганамъ такого рода, нашелъ секретъ разсѣевать ихъ, *стрѣляя изъ пушекъ.* Онъ и здѣсь употребилъ обыкновенное свое средство. Испанцы, замѣтивъ это, и видя что послѣ втораго или третьяго выстрѣла гроза совершенно разсѣевается, были поражены этимъ чудомъ.

и, не зная, чему приписать его, обнаружили удивленіе свое и страхъ и пр.»

Во многихъ странахъ земледѣльцы, ободренные мнѣніемъ людей военныхъ, прибѣгаютъ теперь къ пушечнымъ выстрѣламъ, предвидя грозу, и въ-особенности съ градомъ. Давно ли стали они употреблять это средство? Не могу сказать этого съ точностью; но все заставляетъ меня думать, что неочень-давно. Въ первой Энциклопедіи, изданіе которой относится къ 1760 году, нахожу въ статьѣ г. Жокура (Jaucourt), подъ словомъ *Гроза,* слѣдующее:

«Мы часто слыхали отъ нашихъ военныхъ людей, что звукъ пушечныхъ выстрѣловъ разгоняетъ облака и что въ осажденныхъ городахъ никогда не видно бываетъ града... Мнѣ кажется, что это дѣйствіе пушекъ не выходитъ за предѣлы вѣроятности. Притомъ, почему не сдѣлать опыта? это будетъ только стоять нѣсколькихъ центнеровъ пороха, издержекъ на перевозку нѣсколькихъ пушекъ, которыя послѣ опыта не менѣе прежняго годиться будутъ къ употребленію. *Быть-можетъ,* что помощію волновательнаго движенія, возбужденнаго въ воздухѣ многими послѣдовательными выстрѣлами изъ пушекъ, можно будетъ поколебать, раздѣлить, разсѣять облака, въ которыхъ начинаетъ развиваться гроза.»

Изъ этого отрывка ясно видно, что въ 1765 году употребленіе пушекъ или *бураковъ,* какъ средствъ для разсѣеванія грозъ, не существовало еще на дѣлѣ, и что писатели говорили о немъ, какъ о важномъ предметѣ, достойномъ опытовъ; но въ 1769 уже сдѣлали шагъ впередъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, я нахожу въ VIII томѣ *Histoire de l'air et des météores,* что въ маѣ 1769 часть Баваріи претерпѣла сильныя грозы; что поля были опустошены, исключая впрочемъ тѣхъ, гдѣ жители *ввели* обыкновеніе при первыхъ раздающихся ударахъ грома дѣлать многократные выстрѣлы изъ малыхъ пушекъ и взрывать бураки.

Около того же 1769 года маркизъ Шеврiè (Chevriers), прежде бывшій морскимъ офицеромъ, поселившись въ ворсенарскомъ (Vaurenard) помѣстьи своемъ, рѣшился употребить противъ града то средство, которое онъ видалъ на морѣ и отъ котораго, какъ ему казалось, разсѣвались грозовыя тучи, а именно артиллерійскіе выстрѣлы, и съ этою цѣлію онъ ежегодно потреблялъ отъ двухъ до трехъсотъ фунтовъ пороха.

Маркизъ Шевріе умеръ въ началѣ революціи; но жители Воренарскаго Прихода, убѣжденные въ дѣйствительности введеннаго имъ способа, продолжали употреблять его. Въ запискѣ, составленной г. Лешвенемъ (Leschevin), главнымъ коммиссаромъ по заготовленію пороха и селитры, находимъ, что въ 1806 году пушки и бураки были въ употребленіи не только въ воренарскомъ, но и во многихъ смежныхъ приходахъ (Iger, Azé, Romanèche, Julnat, Torrins, Pouilly, Fleury, Saint Sorlin, Viviers, Bouleaux, и пр.) Въ Флёри стрѣляли изъ мортиры, заряжаемой цѣлымъ фунтомъ пороха; въ другихъ мѣстахъ употреблялись бураки, болѣе или менѣе широкіе; выстрѣлы производились обыкновенно въ-верхъ. Ежегодное потребленіе пороха для одной этой цѣли простиралось отъ 4 до 500 килограммовъ (до 31 пуда).

Употребленіе способа маркиза Шевріе распространилось потомъ и за предѣлами воренарскаго околодка. Недавно одинъ меръ изъ окрестностей Блоа говорилъ мнѣ, что въ его округѣ также стрѣляютъ при приближеніи грозы, и желалъ знать: одобряетъ ли наука это обыкновеніе. Изъ этого, кажется, должно заключить, что опытъ несовсѣмъ подтверждалъ дѣйствительность средства.

Воренарская или баварская метода разсѣеванія облаковъ основывается до-сихъ-поръ только на *мнѣніи* моряковъ и единственномъ *наблюденіи*, сдѣланномъ при индійской Картагенѣ; но въ метеорологіи опытъ нѣсколькихъ дней отнюдь не можетъ служить основаніемъ для заключеній общихъ. Отъискивая въ памяти своей какого-нибудь факта, которымъ подкрѣпилось бы свидѣтельство Форбена, я нашелъ фактъ, совершенно-противный, и, что весьма замѣчательно, также изъ временъ Лудовика XIV, и также при восточныхъ берегахъ Америки.

Перенесемся мыслію къ концу сентября 1711 года; мы найдемъ эскадру адмирала Дюгэ-Труэнъ (Duguay-Trouin) въ виду Ріо-Янейро. Эта эскадра, состоявшая изъ кораблей: Лилія, Великодушный, Блестящій, Ахиллъ, Славный, Марсъ; фрегатовъ: Аргонавтъ, Амазонка, Беллона, Орелъ и множества кораблей меньшихъ измѣреній, въ-продолженіе цѣлаго дня (12 числа) штурмовала входъ въ рейду, защищаемый сильною артиллеріею съ укрѣпленій, четырехъ кораблей и трехъ

фрегатовъ. Съ 12 по 29 число и день и ночь продолжалась ружейная и пушечная пальба. Гальйоты метали бомбы; Португальцы зажгли множество подкоповъ, они *взорвали много кораблей своихъ,* сожгли много магазиновъ, и пр. Наконецъ 20 числа, въ день взятія крѣпости, два корабля адмирала Дюгэ-Труэнъ, Блестящій и Марсъ, и баттарея острова Шевръ (Chèvres), состоявшая изъ пяти мортиръ и восемнадцати 24-фунтовыхъ орудій, производили безпрерывный огонь, разрушившій часть укрѣпленій и города; ночью, за сигналомъ, отданнымъ флагманомъ, слѣдовалъ общій огонь съ баттарей и кораблей, и, *не смотря на* это, разразилась гроза, сопровождаемая, по словамъ Дюге-Труэна, *страшными ударами грома и молніями, непрерывавшимися почти ни на минуту.*

Вотъ *опытъ,* въ которомъ соединены были, безъ-сомнѣнія, всѣ желаемыя условія для успѣха, и однакоже тысячи выстрѣловъ гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ выстрѣлы изъ маленькихъ пушекъ и мортиръ Воренарцевъ, *не воспрепятствовали грозѣ образоваться, и не разсѣяли ее* по образованіи.

Если *одинъ фактъ,* заимствованный мною у Форбена, показался недостаточнымъ для доказательства, что выстрѣлы имѣютъ свойство разсѣевать грозы, то равнымъ-образомъ не признаютъ, быть-можетъ, и въ *отдѣльномъ фактѣ,* извлеченномъ изъ записокъ Дюгэ-Труэна, доказательства обратнаго предложенія. Безъ всякаго сомнѣнія, имѣющій въ рукахъ своихъ подробные журналы послѣднихъ войнъ, найдетъ въ нихъ множество документовъ для поясненія разсматриваемаго нами вопроса. Я приведу только два, какіе могу припомнить, въ надеждѣ, что они возбудятъ много новыхъ свидѣтельствъ:

25 августа 1806, въ день, назначенный для аттаки острова и крѣпостцы Даннгольмъ, близь Стральзунда, генералъ Фриріонъ, имѣя цѣлію занять и утомить шведскій гарнизонъ, велѣлъ производить въ него пушечную пальбу въ-продолженіе цѣлаго дня. Не смотря на этотъ живой и безпрерывный огонь, въ 9 часовъ вечера была сильная гроза.

По странному стеченію обстоятельствъ, Дьюкъ, англійскій 90-пушечный корабль, былъ пораженъ громомъ въ 1793 году *во время перестрѣлки съ баттареею на Мартиникѣ.*

Вотъ наконецъ плодъ небольшаго труда, который, за недо-

статкомъ болѣе-прямыхъ опытовъ, не будетъ совершенно-безполезенъ.

Въ Винсеннскомъ Лѣсу, въ разстояніи около двухъ льё отъ парижской обсерваторіи, есть многоугольный плацъ, на которомъ производится артиллерійское ученіе въ-продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Этотъ многоугольникъ вооруженъ 8 осадными орудіями, стрѣляющими прямыми выстрѣлами, 4 осадными орудіями, стрѣляющими рикошетами, 6 мортирами и наконецъ подвижною баттареею изъ 6 орудій. Ученіе производится въ нѣкоторые дни недѣли отъ 7 до 10 часовъ утра. Каждый день дѣлается около 150 выстрѣловъ. Гулъ ихъ еще весьма-силенъ при обсерваторіи, и потому мнѣ казалось, что, если онъ производитъ на атмосферу вліяніе, въ которое вѣрятъ столь многіе, то въ дни ученій, въ дни выстрѣловъ небо должно быть *пасмурно рѣже,* чѣмъ въ прочіе дни недѣли. Вотъ мысль, которую я подвергнулъ подробному разбору.

Генералъ Дюшанъ (Duchan), начальникъ винсенской школы, по просьбѣ моей велѣлъ составить списокъ всѣхъ дней, въ которые производились артиллерійскіе выстрѣлы съ 1816 по 1835 годъ. Число всѣхъ таковыхъ дней было 662.

Метеорологическіе списки обсерваторіи показали мнѣ состояніе неба въ 9 часовъ утра для каждаго изъ 662 учебныхъ дней. Между ними находилось 158 дней, когда небо въ 9 часовъ было совершенно-пасмурно. *Безъ пушечныхъ выстрѣловъ было ли бы это число значительнѣе?*

Мнѣ казалось, что можно укрыть рѣшеніе этого вопроса отъ всякаго возраженія, собравъ подобныя метеорологическія справки для каждаго дня, предшествовавшаго учебному, и для каждаго послѣдующаго за нимъ, и принявъ среднее изъ сихъ двухъ чиселъ за нормальное метеорологическое состояніе учебныхъ дней, т. е. за состояніе, свободное отъ всякаго возможнаго вліянія выстрѣловъ. Выводы были слѣдующіе:

Между 662 *днями, предшествовавшими ученью,* было 128 пасмурныхъ.

Между 662 *учебными днями* было 158 пасмурныхъ.

Между 662 *днями, наступившими за днями учебными,* было 146 пасмурныхъ.

Среднее число между 128 и 146, или 137, гораздо ниже 158. Это побуждало бы заключить, что звукъ артиллеріи,

вмѣсто того, чтобъ разсѣевать и прогонять облака, сгущаетъ ихъ и удерживаетъ: но я очень-хорошо знаю, что малость чиселъ, надъ которыми я дѣйствовалъ, не позволитъ идти такъ далеко: и такъ ограничусь заключеніемъ, что выстрѣлы самыхъ большихъ орудій, по-видимому, не оказываютъ никакого вліянія на обыкновенныя облака.

Итакъ вотъ еще задача, требующая новыхъ изъисканій. Я беру смѣлость рекомендовать ихъ гг. командующимъ артиллерійскими школами. Наблюденія надъ состояніемъ неба, собранныя на самомъ плацѣ во время пальбы, будутъ имѣть большую цѣну. Произведенныя же въ одной, въ двухъ миляхъ удаленія могутъ быть неудовлетворительными для умовъ упорныхъ; скажутъ, что въ метеорологической точкѣ стоянія атмосфера сдѣлалась пасмурною только въ-слѣдствіе напора оттѣсненныхъ облаковъ, которыя стояли бы въ зенитѣ плаца, еслибъ не было производимо выстрѣловъ. Во всякомъ случаѣ необходимо будетъ присовокупить сюда наблюденія, произведенныя наканунѣ и на утро каждаго учебнаго дня, совершенно въ одинъ и тотъ же часъ съ предъидущими. Еслибъ довольствовались одними отмѣтками измѣненій погоды въ-продолженіе пальбы, то подвергались бы опасности приписать выстрѣламъ ту перемѣну состоянія неба, которая случается почти каждое утро, по мѣрѣ возвышенія солнца надъ горизонтомъ *.

Полезно или опасно звонить въ колокола во время грозы?

Я разсмотрю этотъ важный вопросъ, не увлекаясь рѣшительными приговорами различныхъ юридическихъ или ученыхъ обществъ **; но съ другой стороны, не будучи ни мало

* Въ 662 винсеннскихъ учебныхъ дняхъ, было дней совершенно-ясныхъ:

Наканунѣ 83;
Учебныхъ дней 84;
Слѣдующихъ за ними 80.

** Въ 1747 году, сама Академія Наукъ почитала опаснымъ звонить въ колокола или производить какъ-нибудь иначе сильное потрясеніе въ воздухѣ, находясь подъ самою грозою. (*Исторія Академіи*, 1747 стр. 25).

Рѣшеніемъ парламента, 21 мая 1784, утверждено предписаніе лангрскому судному округу, въ которомъ запрещалось звонить въ ко-

расположенъ думать, что всеобщія повѣрья не имѣютъ никакихъ прочныхъ оснований.

Отъ мнѣнія, разсмотрѣннаго въ предъидущей статьѣ, мнѣнія, что артиллерійскіе выстрѣлы разрываютъ, раздробляютъ, уничтожаютъ тучи и самое облачное небо быстро превращаютъ въ совершенно-ясное, остается только одинъ шагъ къ предположенію, что то же самое дѣйствіе должно произойдти и отъ продолжительнаго звона большаго колокола. Но этотъ ли порядокъ идей привелъ къ обыкновенію звонить въ колокола въ надеждѣ разсѣять грозу? Не рѣшусь утверждать этого: быть-можетъ, какой-нибудь ученый докажетъ, что обыкновеніе это древнѣе изобрѣтенія пороха. По мнѣнію моему, начало его должно искать въ религіозныхъ чувствахъ.

При поднятіи колоколовъ на мѣсто, обыкновенно они торжественно освящаются. Вотъ молитвы, которыя, по парижскому требнику, поются въ церквахъ во время подобныхъ церемоній:

»Благослови, Боже, и пр......, и пусть звонъ его всегда отгоняетъ лукавыя вліянія духовъ-искусителей, мракъ отъ ихъ появленія, нашествіе вихрей, *удары молніи, отъ опустошенія грома, бѣдствія отъ урагановъ и всѣхъ духовъ бурь,* и пр.

»О Боже, который чрезъ блаженнаго Моисея, и пр... и да будутъ такъ отдалены казни врага нашего, *разореніе отъ града, бурные вихри и свирѣпость урагановъ; пусть губительные громы потеряютъ силу свою,* и пр...

»О Боже, ты, всемогущій и вѣчный, и пр... Содѣлай, чтобы звукъ этого колокола отгонялъ огненныя стрѣлы врага человѣческаго, *удары молніи, быстрое паденіе камней, опустошеніе отъ бурь,* и пр...»

Кромѣ того, можно найдти еще причину обыкновенія звонить въ колокола во время грозы, вспомнивъ, что въ минуту страха, люди всегда чувствовали потребность заглушать себя *шумомъ.* Взгляните на робкаго въ темнотѣ: онъ поетъ; посмотрите на городъ, сдѣлавшійся добычею гражданской войны:

локола во время грома. За два года предъ тѣмъ подобное запрещеніе сдѣлано въ Палатинатѣ курфирстомъ Карломъ-Теодоромъ. Можно бы также привести въ примѣръ указы, которыми запрещалось подобное обыкновеніе во многихъ эпархіяхъ.

тамъ бьютъ въ набатъ долѣе, нежели сколько нужно для сигнала или извѣщенія. Дикіе народы, во всѣхъ частяхъ земнаго шара, издаютъ оглушительные крики, желая прекратить солнечное или лунное затмѣніе, наводящее на нихъ страхъ. *

Все, что можно сказать наиболѣе правдоподобнаго объ опасности звонить въ колокола во время грозы, почерпну я въ одномъ старинномъ томѣ Записокъ Академіи Наукъ.

---

* Должно признаться, что, прибѣгая такимъ-образомъ къ шуму, какъ-бы къ нѣкоторому роду всеобщаго пособія, успѣли сдѣлать странное открытіе, о которомъ я не колеблясь упомяну здѣсь, не смотря на то, что оно не имѣетъ никакой связи съ громомъ; для извиненія мнѣ достаточно будетъ, если это открытіе принесетъ пользу.

Томасъ Геджъ (Gage) въ путешествіяхъ своихъ разсказываетъ, что Американцы прибѣгаютъ къ большому шуму для удаленія бича, менѣе страшнаго, по-видимому, чѣмъ молнія, но на-самомъ-дѣлѣ гораздо болѣе губительнаго.

Около половины прошлаго вѣка, въ бытность Геджа въ Гватималѣ, густая туча саранчи налетѣла на кантонъ и угрожала ему совершеннымъ опустошеніемъ. Вмѣсто сложныхъ и довольно-мало-дѣйствительныхъ средствъ, употребляемыхъ противъ этихъ насѣкомыхъ на югѣ Франціи, земское начальство велѣло жителямъ взять барабаны, трубы, рога, и пр.; все народонаселеніе двинулось на мѣста, покрытыя саранчею, оглашая воздухъ звуками сихъ инструментовъ. Этого шума достаточно для прогнанія саранчи. Ее преслѣдовали такимъ-образомъ до Южнаго-Моря, гдѣ она и нашла себѣ могилу.

Этотъ способъ употребляется также въ Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи.

Подобное дѣйствіе весьма-сильнаго шума на саранчу, будучи хорошо доказано, имѣло бы несравненно-болѣе цѣны, чѣмъ дѣйствіе, о которомъ хотѣли сохранить воспоминаніе историки крестовыхъ походовъ; они разсказываютъ, что при осадѣ Птолемаиды христіанская армія *криками своими* заставляла падать съ весьма-большой высоты почтовыхъ голубей, которые, по восточному обыкновенію, носили извѣстія къ осажденнымъ мусульманскимъ войскамъ.

Примѣчаніе. Здѣсь же г. Араго, въ полномъ убѣжденіи, разсказываетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мильйоны саранчи налетѣли на Бессарабію, что для преслѣдованія ея послано было множество крестьянъ и солдатъ съ котлами, барабанами, трубами, рупорами, и проч., и что начальство надъ этою экспедиціей предлагали покойному А. С. Пушкину, жившему тогда въ Кишеневѣ. «Но знаменитый русскій поэтъ и *баснописецъ»* говоритъ Араго: «отказался отъ этой чести: онъ заставлялъ говорить животныхъ, но не хотѣлъ убивать ихъ»!!...

Въ ночь съ 14 на 15 апрѣля 1718 года, въ пространствѣ, содержащемся между Ландерно и Сен-Поль-де-Леонъ, въ Бретани, громъ ударилъ въ 24 церкви, *именно въ тѣ*, говоритъ Фонтенелль, *гдѣ звонили для удаленія его.* Деландъ, сообщившій эти подробности академіи, присовокупляетъ: *сосѣдственныя церкви, въ которыхъ не звонили, остались неприкосновенными.*

Наблюденіе изложено было слишкомъ-лаконически. Иногда гроза опустошаетъ длинныя, *весьма-узкія* полосы земли; не случилось ли то же самое и въ Бретани? Сохранившіяся церкви не находились ли внѣ направленія, по которому неслись громовыя тучи? Въ колокольняхъ, гдѣ звонили, паденіе метеора не подлежало никакому сомнѣнію, ибо оно доказывалось смертью или тяжелыми ранами звонарей: въ другихъ же церквахъ, дѣйствія его ограничивались, быть-можетъ, легкими трещинами въ стѣнахъ, отпаденіемъ штукатурки, и потому удивительно ли, что оно не было замѣчено? Притомъ, каковы были относительныя высоты колоколень, пораженныхъ и непораженныхъ молніей? и пр. и пр.

При всѣхъ сихъ недоумѣніяхъ, наблюденіе Деланда, признаться должно, не имѣетъ характера истиннаго доказательства; выводимое изъ него заключеніе наука можетъ принять не иначе, какъ въ качествѣ простой вѣроятности.

Паденіе молніи въ августѣ 1769 на колокольню въ Пасси, на которой не прекращался звонъ, подало поводъ къ большимъ преніямъ; но на повѣрку вышло, что во время той же продолжительной грозы не менѣе того звонили въ Отёль (Auteuil) и Шальйо (Chaillot), и однакоже колокольни сихъ двухъ приходовъ, между которыми находилась пораженная громомъ колокольня въ Пасси, не претерпѣли никакого вреда *.

* Въ 1781, въ Брюсселѣ, аббатъ Нидгамъ (Needham) изъ кабинетныхъ опытовъ своихъ почиталъ доказаннымъ, что звонъ въ колокола не имѣетъ никакихъ послѣдствій, что онъ не приноситъ ни вреда, ни пользы. Подробный разборъ этого труда найдетъ приличное себѣ мѣсто *во второй статьѣ*, въ которой я разсмотрю всѣ сходства между молніей и электричествомъ. Здѣсь я скажу о немъ нѣсколько словъ, дабы читатель могъ видѣть задачу со всѣхъ ея сторонъ.

Г. Нидгамъ велѣлъ построить модель деревянной колокольни въ 3 фута высоты, и повѣсилъ въ ней колокольчикъ въ 5 $^1/_2$ дюйм. въ діаметрѣ, такъ-что посредствомъ рукоятки можно было приводить его въ по-

Словомъ, при настоящемъ состоянiи науки, не *доказано*, что звонъ въ колокола дѣлаетъ громовые удары болѣе неизбѣжными, болѣе опасными; не *доказано*, что сильный звукъ когда-либо привлекалъ молнiю на зданiя, въ которыя она безъ того не ударила бы.

При всемъ томъ, должно совѣтовать не звонить въ колокола во время грозы, для безопасности звонарей. Опасность ихъ въ этомъ случаѣ, сохранивъ всю соразмѣрность, одинакова съ опасностью тѣхъ неблагоразумныхъ, которые ищутъ убѣжища отъ грозы подъ большими деревьями. Молнiя ударяетъ въ предметы возвышенные, и въ-особенности въ вершины колоколенъ; пеньковая веревка, напитанная сыростью, про-

---

трясенiе. На вершинѣ колокольни прикрѣпленъ былъ металлическiй шарикъ, приведенный надлежащимъ-образомъ въ сообщенiе съ землею, или, какъ выражаются въ сочиненiяхъ о физикѣ, съ *общимъ резервуаромъ*. Противъ этого шарика находился другой, подобный ему и принадлежавшiй къ кондуктору электрической баттареи, заряженной до насыщенiя. Когда колокольчикъ не звонилъ, то разстоянiе, на которомъ искры вылетали изъ шарика кондуктора въ шарикъ колокольни, равнялось 1/4 дюйма. *При сильномъ и быстромъ звонѣ* колокольчика, оба шарика были ставимы на разстоянiи 1/2 дюйма одинъ отъ другаго, и между ними не видно было никакой передачи электричества.

«Я почитаю этотъ опытъ рѣшительнымъ» говоритъ аббатъ Нидгамъ; посмотримъ, однакоже, не допускаетъ ли онъ какихъ-нибудь сомнѣнiй.

Г. Нидгамъ, производя опытъ послѣдовательно при разстоянiяхъ между шариками въ 1/4 и 1/2 дюйма, имѣлъ полное право заключить изъ выводовъ своихъ, что звукъ колокольчика не увеличивалъ значительно удобности электрическихъ ударовъ, что онъ не *удвоивалъ* разстоянiя, при которомъ производится искра; но чтобы имѣть право утверждать, что звукъ не производитъ совершенно никакого дѣйствiя, то для этого, мнѣ кажется, необходимо было переходить отъ разстоянiя 1/4 до 1/2 дюйма не вдругъ, какъ это сдѣлалъ брюссельскiй наблюдатель, а нечувствительно.

Обѣ электризуемыя массы, металлическiе шарики, употребленные г. Нидгамъ, были *тѣла твердыя*. Напротивъ того, въ атмосферѣ мы видимъ плавающiя облака: потрясенiя воздуха могутъ до такой степени измѣнить ихъ форму, что отъ этого чувствительно измѣнится и напряженiе электричества въ сторонѣ ихъ, обращенной къ землѣ. Опытъ г. Нидгама, относительно къ возможности приложенiя своего къ колокольному звону во время грозъ, имѣлъ бы большую цѣну тогда, когда бы привелъ къ положительному результату; а съ отрицательнымъ отвѣтомъ онъ по мнѣнiю моему, не имѣетъ никакой метеорологической важности,

водитъ ударъ отъ колокола къ рукѣ звонаря; отсюда-то и происходитъ столько плачевныхъ случаевъ *. Замѣтимъ, что если бы веревка, сухая или влажная, не касалась къ землѣ, какъ это чаще случается, то громовая матерія, достигнувъ до кольца на нижнемъ концѣ ея, могла бы бо̀льшею частію возвратиться, подняться къ вершинѣ колокольни и разсѣяться въ пространствѣ. По-этому, изъ отсутствія всякаго вреда во внутренности колокольни нельзя бы заключать, что звонарь не былъ бы убитъ въ ней.

О НОВѢЙШИХЪ ГРОМООТВОДАХЪ.

Обозрѣвъ длинный рядъ способовъ, которыми люди постепенно надѣялись защищать себя отъ молніи, мы займемся громоотводами нашихъ временъ, изобрѣтенными Франклиномъ, громоотводами, коихъ дѣйствительность не подлежитъ никакому сомнѣнію, что̀ бы ни говорили противники ихъ. Притомъ, мы надѣемся доказать эту дѣйствительность разсужденіемъ и фактомъ, ничего не заимствуя, по-крайней-мѣрѣ въ сію минуту, изъ новѣйшихъ теорій электричества.

При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, вообще молнія устремляется предпочтительно на самыя возвышенныя части зданій. Итакъ въ этихъ частяхъ должно помѣщать предохранительныя средства, какого бы рода они ни были.

При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, молнія обращается преимущественно на металлы. Слѣдовательно, если на самой возвышенной точкѣ дома помѣстимъ металлическую массу, то можно быть почти увѣрену, что молнія, при паденіи своемъ, ударитъ въ нее.

Проникнувъ въ металлическую массу, молнія производитъ вредъ только въ минуту выхода изъ оной и вокругъ точекъ, чрезъ которыя производится этотъ выходъ. Итакъ домъ будетъ защищенъ отъ самой вершины и до основанія, если ме-

---

* Къ прежнимъ примѣрамъ, приведеннымъ въ параграфѣ объ опасности, которою угрожаетъ молнія, я присовокуплю еще одинъ:

31 марта 1768, молнія упала на шабёйльскую (Chabeuil) колокольню, близь Валенціи, въ Дофинѣ, и убила *двоихъ* изъ молодыхъ людей, собравшихся въ ней звонить въ колокола, и *девятерыхъ* тяжело ранила.

таллическія части, поставленныя на крышѣ, продолжаются до земли *безъ разрыва непрерывности.*

Влажная земля представляетъ громовой матеріи, которою напитана металлическая полоса, свободный стокъ, безъ усилія, безъ удара, безъ всякаго вреда, если полоса сія довольно-глубоко погружена въ землю. Продолживъ до *постоянно-влажнаго грунта* непрерывную полосу, которая уже предохранила отъ вреда внѣшнюю часть зданія, мы предохранимъ и фундаментъ, или, вообще, совокупности подземныхъ частей строенія.

Когда на крышѣ зданія находится *нѣсколько* металлическихъ массъ, совершенно-отдѣленныхъ одна отъ другой, тогда трудно и даже невозможно сказать, которая изъ нихъ преимущественно подвергнется удару молніи, ибо на это имѣетъ необходимое вліяніе точка начала, направленіе и скорость движенія облака. Единственное средство выйдти изъ затрудненія состоитъ въ соединеніи всѣхъ этихъ массъ между собою посредствомъ желѣзныхъ или мѣдныхъ прутьевъ, или свинцовыхъ, цинковыхъ полосокъ, такъ, чтобъ каждая изъ массъ имѣла *металлическое* сообщеніе (если позволятъ такъ выразиться) съ полосою, назначенною для передачи молніи въ сырой грунтъ, и проведенною вдоль одной изъ вертикальныхъ стѣнъ строенія.

Такимъ-образомъ однимъ наблюденіемъ, ничего не заимствуя у теоріи, достигли мы до простаго, однообразнаго средства предохранять зданія, и большія и малыя, отъ дѣйствія молніи. Теперь всякій пойметъ назначеніе и образъ дѣйствія полосы, опускающейся до земли и погруженной въ нее на большую или меньшую глубину; всякій пойметъ, почему дано этой полосѣ названіе *проводника.*

Не оставляя этого предмета, возвратимся на минуту назадъ, для-того только, чтобъ разсмотрѣть вопросы о количествѣ и формѣ.

На какихъ растояніяхъ должно размѣщать на кровлѣ *металлическія массы,* дабы можно было ручаться, что ни одна изъ промежуточныхъ точекъ не подвергнется непосредственному удару молніи? Этотъ вопросъ не можетъ имѣть рѣшенія безусловнаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, ясно, что чѣмъ болѣе массы или поверхности будетъ имѣть металлъ, тѣмъ пространнѣе и сильнѣе будетъ сфера его дѣйствія. Можно утверждать только, что если учредимъ желаемое сообщеніе между свинцовыми или цин-

ковыми полосками, которыми почти-всегда покрыты ребра крыши въ зданіяхъ, построенныхъ съ нѣкоторымъ тщаніемъ, между металлическими трубами печей, между желѣзными частями кровельной работы, между водосточными жолобами и трубами, и если, кромѣ того, совокупность всѣхъ сихъ частей связана съ *приличнымъ проводникомъ,*—то мы сдѣлаемъ все, чего бы требовало самое робкое благоразуміе для защиты отъ молніи.

Приличнымъ проводникомъ я называю во-первыхъ такой, который достигаетъ въ землѣ до влажнаго слоя; а во-вторыхъ имѣющій достаточную массу для передачи самыхъ сильныхъ ударовъ молніи не плавясь.

Противники громоотводовъ много разсуждали о томъ, что мы находимся въ неизвѣстности, и быть можетъ еще долго будемъ находиться въ неизвѣстности касательно наибольшей степени дѣйствія, какое можетъ произвесть громовый ударъ, а въ-слѣдствіе этого—касательно наибольшаго измѣренія, какое должно давать проводникамъ; затрудненіе это, хотя и существуетъ въ-самомъ-дѣлѣ, но по-справедливости нисколько не важно. Если измѣренія проводниковъ заимствованы изъ опыта; если принятыя измѣренія выдерживали самые сильные удары молніи, какіе только отмѣчены въ метеорологическихъ лѣтописяхъ *трехъ или четырехъ вѣковъ,* то чего же еще можно разсудительно требовать? О чемъ заботится инженеръ, опредѣляя высоту и ширину арокъ моста, толщину свода въ водопроводѣ, сѣченіе водосточной трубы, и пр.? Онъ справляется въ архивахъ науки, увеличиваетъ немного измѣренія, опредѣляемыя самыми высокими весенними водами, самыми обильными дождями, какіе были только когда-либо замѣчены; онъ проникаетъ такимъ-образомъ въ прошедшее такъ далеко, какъ только возможно, не заботясь о физическихъ переворотахъ, потрясеніяхъ, потопахъ, кои древнѣе эпохъ историческихъ, и коихъ слѣды открыты и важность измѣрена одними геологами. Большей заботливости, большей предусмотрительности нельзя требовать и отъ строителя громоотводовъ.

Настоящіе громоотводы состоятъ не изъ однихъ *проводниковъ,* имѣющихъ непосредственное сообщеніе съ металлическими массами, которыя, независимо отъ этой цѣли, вошли бы въ зданіе, какъ необходимая составная часть его. Предохранительныя металлическія массы, къ которымъ примыкаетъ провод-

никъ, суть *вертикальные прутья,* поставленные *для этой одной цѣли* на вершинѣ зданій; обыкновенно они оканчиваются весьма тонкимъ остріемъ, неподвергающемуся окисленію (т. е. ржавчинѣ). Отъ такого расположенія, отъ такой формы проистекаютъ большія выгоды. Постараемся показать ихъ.

Положимъ, что *проводникъ* одного изъ громоотводовъ, составленныхъ такимъ образомъ, какъ мы говорили, изъ вертикальныхъ, остроконечныхъ металлическихъ прутьевъ, переломленъ въ нѣкоторой точкѣ длины своей, и что промежутокъ между двумя концами оставшагося металла можетъ быть по произволу увеличиваемъ. Во время грозы этотъ промежутокъ, *этотъ разрывъ непрерывности металла,* сдѣлается мѣстомъ любопытныхъ явленій.

Пусть промежутокъ будетъ не-болѣе двухъ или трехъ миллиметровъ (0,08 или 0,12 дюйм.), и вы увидите, что во все продолженіе грозы онъ будетъ наполненъ свѣтомъ, сопровождаемымъ легкимъ свистомъ. Когда концы частей проводника будутъ отдалены на нѣсколько сантиметровъ одинъ отъ другаго (сантиметръ равенъ $^2/_5$ дюйма), тогда свѣтъ будетъ переходить отъ верхняго конца къ нижнему не иначе, какъ періодически: непрерывный токъ пламени замѣнится мгновенными искрами, но за-то, вмѣсто легкаго свиста, слышны будутъ громкіе удары, подобные пистолетнымъ выстрѣламъ*.

Изъ чего состоитъ вещество, перелетающее такимъ-образомъ изъ верхней части проводника въ противоположную?

Громовая матерія иногда изливается безъ удара; она образуетъ непрерывный свѣтъ (Касторъ и Поллуксъ), появленіе коего сопровождается только легкимъ свистомъ: то же са-

* Если дѣйствительность сихъ явленій давно не доказывалась непосредственными опытами, то она подтверждалась случайно. Въ послѣднее время капитанъ Уиннъ (Winn), командовавшій англійскимъ фрегатомъ, замѣтилъ во время грозы, что въ проводникѣ громоотвода образовался случайно разрывъ непрерывности около дюйма длиною; во все продолженіе грозы, т. е. въ-теченіи $2\frac{1}{2}$ часовъ этотъ промежутокъ покрытъ былъ яркими и почти безпрерывными искрами.

Въ сочиненіяхъ о метеорологіи давно уже говорено было объ англійскомъ кораблѣ, на которомъ проводникъ былъ также разорванъ, и экипажъ въ-продолженіе трехъ часовъ сряду съ ужасомъ видѣлъ, что струя пламени занимала все то пространство, гдѣ недоставало металла.

мое представляетъ и вещество, протекающее чрезъ промежутокъ въ проводникѣ.

Въ случаѣ внезапной передачи свѣта, въ разрывѣ проводника бываетъ ударъ, подобно тому, какъ громъ разражается посреди облаковъ.

Громовая матерія плавитъ металлы: матерія, протекающая вдоль проводника, равнымъ-образомъ плавитъ тонкія проволоки, встрѣчающіяся ей на пути.

Искра, излетающая изъ проводника, превращаетъ смѣсь кислорода и азота въ азотную кислоту. Мы видѣли, что и громовая матерія образуетъ эту кислоту, пробѣгая по атмосферѣ.

Громовой ударъ намагничиваетъ стальные бруски; часто онъ усиливаетъ, уничтожаетъ или переворачиваетъ полюсы брусковъ, предварительно-намагниченныхъ обыкновенными средствами. Все это производится по произволу и перемежающимися искрами проводника; различіе дѣйствій (усиливанія или переворачиванія зависитъ единственно отъ положенія магнитной стрѣлки относительно къ искрѣ.

Громовые удары убиваютъ людей и животныхъ. Когда искра должна быть очень-длинна и на полетѣ своемъ отклоняется въ сторону, то бѣда тому, въ кого она ударитъ; бѣда особенно тѣмъ, которые, въ случаѣ несуществованія нижней части проводника, положеніемъ своимъ могутъ заступить ея мѣсто *.

* Не излишне будетъ помѣстить здѣсь краткое описаніе прерваннаго проводника, возлѣ котораго былъ убитъ знаменитый петербуржскій физикъ *Рихманъ*, 6 августа 1753.

Представимъ себѣ обыкновенную стеклянную бутылку съ просверленнымъ дномъ, сквозь которую пропущенъ *желѣзный* прутъ, поддерживаемый пробками.

Пусть эта бутылка утверждена вертикально въ отверстіи, продѣланномъ въ кровлѣ дома, такъ-что верхняя часть прута возвышается футовъ на пять надъ поверхностью кровли, а противоположный конецъ виситъ посреди покоя, находящагося подъ кровлею. Къ этому нижнему концу прикрѣплена металлическая цѣпь.

Цѣпь сія продолжается до того этажа, гдѣ находится кабинетъ физика, не по прямой линіи, но дѣлая много оборотовъ, необходимыхъ по расположенію зданія. Цѣпь нигдѣ не касается ни къ стѣнамъ, ни къ другимъ частямъ строенія. Вездѣ, гдѣ это необходимо, она отдѣляется отъ нихъ стеклянными дощечками или толстыми слоями сургуча. Въ кабы-

Такое множество сходныхъ случаевъ не позволяютъ сомнѣваться, что матерія, появляющаяся въ разорванной части проводника, обнаруживающаяся свѣтомъ, шипѣніемъ и трескомъ, производящая плавленіе, образующая химическія соединенія, намагничивающая и размагничивающая стальныя стрѣлки, убивающая людей и животныхъ, есть не что иное, какъ громовая матерія, извлекаемая изъ грозовыхъ тучь дѣйствіемъ прибора. Итакъ громоотводы, при нынѣшнемъ устройствѣ ихъ, кромѣ извѣстнаго уже намъ свойства, имѣютъ еще другое: *они мало-по-малу вытягиваютъ изъ грозовыхъ облаковъ громовую матерію и чрезъ посредство проводника безмолвно переливаютъ ее во внутренность земли.*

Положимъ, что громовая матерія, накопившаяся въ облакахъ, не можетъ возраждаться внезапно: тогда громоотводы должны уменьшать силу грозъ, число и вредоносность ударовъ молніи.

Спѣшу предупредить возраженіе, которое могли бы мнѣ сдѣлать люди, неимѣющіе достаточныхъ свѣдѣній въ новѣйшей физикѣ. На употребленныхъ нами проводникахъ существовалъ въ нѣкоторыхъ точкахъ разрывъ непрерывности; доказано ли, что проводники непрерывные также имѣютъ свойство втягивать въ себя изъ облаковъ громовую матерію и передавать ее землѣ?

Безъ всякаго сомнѣнія, мы отвѣчать будемъ утвердительно; но здѣсь мы не можемъ основать доказательствъ на чувствахъ

нетѣ цѣпь опускается вертикально отъ потолка, проходя сквозь кольцо съ стеклянными стѣнками.

Совокупность этого устройства, и въ особенности употребленіе *уединяющихъ* веществъ имѣло цѣлію и слѣдствіемъ своимъ, что громовая матерія сосредоточивалась въ приборѣ и могла не иначе выйдти изъ него, какъ посредствомъ проводника, которымъ дѣйствовалъ *Рихманнъ*, приближая его время-отъ-времени къ висящей цѣпи для извлеченія изъ нея искръ.

6 августа 1753 года, въ то время, какъ ученый профессоръ дѣлалъ приготовленія свои къ опытамъ, синеватое пламя отдѣлилось отъ конца цѣпи и съ трескомъ, подобнымъ пистолетному выстрѣлу, ударило въ лицо *Рихманна*, «пробѣжавъ разстояніе до 1 фута. *Въ то же мгновеніе Рихманнъ упалъ мертвый.* Граверъ *Соколовъ*, стоявшій возлѣ него, также упалъ, но потомъ пришелъ въ чувство послѣ безпамятства, продолжавшагося нѣсколько минутъ.

зрѣнія и слуха, потому-что явленіе не сопровождается ни свѣтомъ, ни звукомъ. Желаете ли, впрочемъ, удостовѣриться, что во время грозы непрерывный проводникъ передаетъ что-то? приближьте къ нему съ бока стальную стрѣлку, и она намагнитится точно такъ же, какъ подъ дѣйствіемъ искръ, наполняющихъ промежутокъ въ разорванномъ проводникѣ. Уменьшите достаточно массу его, *не разрывая впрочемъ ни въ одной точкѣ*, — и вѣнокъ изъ свѣта, сопровождаемаго свистомъ, окружитъ его иногда по всей длинѣ. При весьма-сильной грозѣ, этотъ свѣтъ появляется даже на проводникахъ, имѣющихъ обыкновенную массу. Напримѣръ, англійскій фрегатъ *Дріада* былъ снабженъ новыми громоотводами г. Гарриса, въ которыхъ обыкновенный корабельный проводникъ замѣненъ равными ему вѣсомъ цилиндрами изъ тонкой мѣди, кои, обертываясь кругомъ мачты, твердо соединены съ ними. Этотъ фрегатъ, при берегахъ Африки, многократно подвергался сильнымъ бурямъ, называемымъ мореходцами *tornados:* тогда громовая матерія пробѣгала вдоль этихъ мѣдныхъ непрерывныхъ трубъ въ такомъ количествѣ, что образовала нѣкоторый родъ свѣтистой атмосферы и шумъ, подобный весьма сильному кипѣнію воды.

Теперь мы можемъ изслѣдовать вліяніе уединенія, высоты и формы верхняго желѣзнаго прута, или собственно-называемаго громоотвода. Мѣрою этого вліянія будетъ *число искръ, перелетающихъ чрезъ промежутокъ въ разорванномъ проводникѣ при данныхъ атмосферическихъ обстоятельствахъ и въ данное время.*

Число искръ быстро возрастаетъ при увеличиваніи высоты прута; напротивъ того, оно весьма скоро уменьшается, если при одной и той же высотѣ прута, окружаютъ его предметы мало-удаленные, а тѣмъ по бо̀льшей причинѣ, если они возвышаются надъ нимъ. Итакъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что слѣдуетъ употреблять громоотводы весьма-высокіе и ставить ихъ на самыхъ возвышенныхъ точкахъ зданія: чрезъ это способность сихъ приборовъ *уменьшать силу грозъ*, получаетъ все возможное развитіе.

Вліяніе формы, казалось, не столь легко можетъ быть доказано. Одни хотѣли, чтобъ прутъ оканчивался шаромъ; другіе, слѣдуя Франклину, защищали весьма-остроконечные прутья;

вопросъ сей можетъ быть разрѣшенъ опытомъ, о которомъ, замѣчу мимоходомъ, кажется, никто не упоминалъ.

Въ 1753, Беккарія поставилъ на кровлѣ Сан-Джіоанни-ди-Діо, въ Туринѣ, желѣзный прутъ, поддерживаемый съ-низу подпорами изъ тѣхъ особенныхъ веществъ, которыя съ трудомъ передаютъ молнію. *Въ небольшомъ разстояніи* отъ нижняго конца этого прута начинался проводникъ. На верхней части прута находилось металлическое остріе, вращавшееся на оси: посредствомъ шелковаго снурка можно было обращать его по произволу къ небу или къ землѣ.

Если остріе опрокинуто было въ-низъ, то приборъ не издавалъ искръ. *Когда поднимали его вдругъ къ небу,* то чрезъ нѣсколько секундъ послѣ того появлялись искры. *Опять обращали его къ землѣ,* — и искры прекращались.

Въ нѣкоторыхъ атмосферическихъ обстоятельствахъ, приборъ издавалъ искры при всякомъ положеніи острія; но и тогда легко было замѣтить, что искры были сильнѣе и чаще при остріѣ, поднятомъ вверхъ, чѣмъ при опущенномъ.

Этотъ опытъ (который весьма полезно бы было повторить) показываетъ несомнѣнно, до какой степени остроконечные прутья дѣйствительнѣе тупыхъ для постепеннаго извлеченія изъ облаковъ наполняющей ихъ громовой матеріи. Онъ, кажется, окончательно рѣшаетъ въ пользу остроконечныхъ громоотводовъ споръ, который, около половины прошлаго столѣтія, сильно занималъ ученыхъ, и въ которомъ, по ненависти къ Франклину, самъ англійскій король принималъ дѣятельное участіе.

Сюда же будетъ относиться вопросъ о количествѣ громовой матеріи, извлекаемой *остроконечными громоотводами* изъ облаковъ. Значительно ли это количество? Можетъ ли отъ этого дѣйствія произойдти ощутительное ослабленіе грозы? Тамъ, гдѣ будетъ находиться много громоотводовъ, громовые удары становятся ли менѣе опасными? Опыты Беккаріи доставили мнѣ всѣ необходимыя данныя для рѣшенія сихъ вопросовъ.

Этотъ искусный физикъ поставилъ на валентинскомъ палацѣ въ Туринѣ, въ двухъ точкахъ, весьма-отдаленныхъ одна отъ другой, двѣ толстыя, негибкія металлическія проволоки, укрѣпленныя посредствомъ нѣкотораго рода тѣлъ, которыя у физиковъ называются *тѣлами уединяющими*. Въ небольшомъ разстояніи

отъ каждой изъ сихъ проволокъ, находилась другая, которая не была уединена, а напротивъ того опускалась вдоль стѣны зданія и довольно-глубоко погружалась въ землю. Изъ этого видно, что каждая изъ первыхъ проволокъ была громоотводомъ, а каждая изъ вторыхъ проводникомъ. Во время грозы, яркія искры, можно сказать, *молніи перваго разряда,* безпрестанно перелетали отъ верхнихъ уединенныхъ проволокъ къ нижнимъ, неуединеннымъ. Глазъ и ухо едва успѣвали замѣчать промежутки между ними: и свѣтъ и звукъ были почти-непрерывны.

Никто изъ физиковъ не опровергнетъ меня, если скажу, что каждая искра, взятая отдѣльно, была бы вредоносна, что соединеніе десяти было бы въ-состояніи лишить чувства руку, что сто искръ, быть-можетъ, составили бы губительный ударъ. Сто искръ обнаруживались менѣе, чѣмъ въ десять секундъ; итакъ въ каждыя десять секундъ изъ одной проволоки переходило въ другую, соотвѣтствующую ей, такое количество громовой матеріи, которое могло убить человѣка; въ минуту,—въ шесть разъ болѣе; въ часъ,—въ шестдесятъ разъ болѣе, чѣмъ въ минуту. Слѣдовательно, каждый изъ металлическихъ прутьевъ, поставленныхъ на валентинскомъ палаццѣ, *въ-продолженіе часа* извлекалъ изъ тучь количество громовой матеріи, могущее убить 360 человѣкъ; но какъ такихъ прутьевъ было два, то число 360 должно удвоить, и получимъ 720. Но на Валентино находились семь пирамидальныхъ крышекъ покрытыхъ металлическими листами, и сообщавшихся съ водосточными трубами, также металлическими, погруженными въ землю. Вершины сихъ пирамидъ были остроконечны и возвышались въ воздухѣ болѣе, нежели концы двухъ прутьевъ, надъ которыми Беккарія дѣлалъ наблюденія. Итакъ все даетъ право предполагать, что каждая пирамида вытягивала изъ облаковъ по-крайней-мѣрѣ столько же громовой матеріи, сколько и разсматриваемые тонкіе прутья. *Семь,* помноженное на 360, дастъ 2520; приложивъ сюда 720, соотвѣтствующіе двумъ прутьямъ, находимъ 3240. Приводя все къ меньшимъ предѣламъ, предполагая, что кровля Валентино дѣйствовала только остроконечностями своими, а прочая часть зданія не производила совершенно никакого дѣйствія, мы тѣмъ не менѣе найдемъ, что это одно зданіе извлекло изъ грозовыхъ тучь въ-тече-

не только часа такое количество громовой матеріи, которое могло убить болѣе 3000 человѣкъ!

Нѣкоторые изъ физиковъ, хотя и признаютъ, что громоотводы полезны, что они неминуемо должны принимать удары, угрожавшіе зданію большою опасностью, проводить и разсѣевать ихъ безвредно во внутренности земли, однако же не соглашаются въ томъ, что постепенное и безмолвное дѣйствіе сихъ приборовъ можетъ принести большую пользу. Выведенныя мною цифры кажется должны убѣдить ихъ. Впрочемъ важность этого предмета заставляетъ меня разсмотрѣть его въ другомъ видѣ.

Я говорилъ уже, какъ погибъ Рихманнъ.* Если бы въ минуту этого несчастнаго происшествія, изъ грозовыхъ тучь вылетѣла молнія и направилась на металлическій прутъ, возвышавшійся надъ кровлею, то это событіе, по физическимъ послѣдствіямъ своимъ, относилось бы къ многочисленному разряду тѣхъ случаевъ, когда люди убиваемы были возлѣ прерванныхъ металлическихъ полосъ, т. е. возлѣ полосъ, несообщавшихся непосредственно съ землею. Но здѣсь все показываетъ, что внѣшняго громоваго удара не было; здѣсь прутъ, возвышавшійся надъ кровлею дома Рихманна, и цѣпь безмолвно напитались громовою матеріею, которую они извлекли изъ тучь не вдругъ, а мало-по-малу. И собранное такимъ-образомъ количество громовой матеріи было такъ значительно, что могло убить одного человѣка, повергнуть безъ чувствъ другаго, растопить на нѣкоторой длинѣ желѣзную проволоку и произвесть значительныя поврежденія во многихъ комнатахъ знаменитаго петербуржскаго физика.

Признаюсь, что, имѣя предъ глазами всѣ сіи факты, я придаю мало цѣны теоретическимъ соображеніямъ, по которымъ многіе утверждаютъ, что громоотводы могутъ извлекать изъ тучь только *атомы* громовой матеріи. Какъ бы то ни было, эти атомы имѣютъ столько силы, что ломаютъ двери, разбиваютъ и разбрасываютъ мёбели, раскалываютъ стѣны и убиваютъ людей!

* Вскорѣ послѣ смерти Рихмана, Ломоносовъ писалъ, что нѣкоторые сосѣди физика будто-бы видѣли, какъ въ самую минуту несчастія, молнія блеснула по направленію къ пруту, поставленному на крышѣ. Но это замѣчаніе допускаетъ нѣкоторыя возраженія. По-крайней-мѣрѣ, настоящаго громоваго удара никто не *слышалъ* и не *видѣлъ*.

Если громоотводы, говорятъ невѣрующіе, одарены способностью извлекать изъ тучь громовую матерію, которою онѣ напитаны, то отъ-чего же случаются грозы надъ тѣми городами, гдѣ находится множество этихъ приборовъ?

Отвѣтъ незатруднителенъ: громоотводы овладѣваютъ *частью* громовой матеріи, наполняющей тучи; никто не утверждалъ, что они вытягиваютъ ее всю совершенно. Подобное мнѣніе тѣмъ менѣе могло бы быть оправдано, что между грозовыми облаками по-видимому существуетъ нѣкоторая взаимная связь, и что всякое измѣненіе въ *громовомъ* состояніи одного изъ нихъ, имѣетъ неизбѣжное вліяніе на другія облака, наиболѣе удаленныя. Это доказывается слѣдующимъ-образомъ.

Возьмемъ опять громоотводъ съ прерваннымъ проводникомъ. Искры, время-отъ-времени, появляются въ мѣстѣ разрыва. И вотъ, почти всѣ громовые удары, сильные или слабые, близкіе или отдаленные, производятъ внезапное измѣненіе въ числѣ и яркости искръ.* Минута этого измѣненія почти-совершенно совпадаетъ съ минутою появленія молніи. Если грозовое облако, изъ котораго раздается громъ, весьма-отдаленно, то ослабленіе искръ можетъ полуминутою, $^3/_4$ минуты, цѣлою минутою, и даже болѣе, предшествовать тому мгновенію, когда звукъ грома достигнетъ до уха наблюдателя.

Тоальдо говоритъ о грозѣ 28 сентября 1773, которая *въ одно и то же время* обнимала пространство между Падуею, Тревизою, Венеціей и простиралась даже еще далѣе; она продолжалась шесть часовъ; во все это время и на всемъ протяженіи она воспламеняла все небо. Положимъ, что различныя части этого необъятнаго слоя тучь находились въ нѣкоторой зависимости между собою, что громовое состояніе каждой части связано было съ *среднимъ громовымъ состояніемъ* цѣлой массы: тогда будетъ очевидно, что дѣйствіе нѣсколькихъ громоотводовъ, содержавшихся въ предѣлахъ города Падуи, не могло быть достаточнымъ для отвращенія громовыхъ ударовъ повсюду.

Если же, напротивъ-того, грозовыя облака занимаютъ небольшое пространство, то разряжающее дѣйствіе весьма-не-

* При наблюденіи съ помощію инструмента, извѣстнаго физикамъ подъ названіемъ электролитра, эти измѣненія обнаруживаются съ удивительною мгновенностью и сверхъ того могутъ быть измѣрены.

(note: these pages belong at the end of this volume). (к концу книжки)

готовленной. Наполеонъ сѣлъ въ кресло, поставленное для него по правую сторону архиканцлера; онъ былъ неподвиженъ, какъ статуя. Сложивъ на груди руки, смотрѣлъ онъ пристально на дверь, которая вела во внутренность аппартамента. Вдругъ обѣ половинки этихъ дверей распахнулись, два пажа стали по сторонамъ ея, и придворный привратникъ произнесъ громкимъ голосомъ:

«Ея величество императрица-королева!»

При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ какой-то неясный говоръ, за которымъ въ-минуту послѣдовало глубочайшее молчаніе: взоры всѣхъ обращены въ одну сторону—императоръ всталъ. Жозефина является; маленькій, свѣтло-черепаховый гребень замѣняетъ на головѣ ея мѣсто кружевной короны, которая обыкновенно окружала черную ея косу; вся одежда ея замѣчательна особенною своею простотою; на Жозефинѣ нѣтъ ни одного брильянта и никакихъ украшеній; только одинъ четвероугольный медальйонъ, привязанный на черномъ шелковомъ шнуркѣ, виситъ на груди ея: — это портретъ Наполеона, снятый съ него въ то время, когда онъ былъ еще главнокомандующимъ италъянскою арміею. Она приближается медленно, опираясь на руку королевы голландской, такой же блѣдной, какъ и ея мать. Евгеній стоитъ за императоромъ; взоръ его неподвиженъ; но все тѣло его объято какимъ-то невольнымъ, страшнымъ трепетомъ. Наполеонъ приближается къ нему, ищетъ его руки и нѣсколько разъ съ чувствомъ пожимаетъ ее.

«Не теряй бодрости», говоритъ онъ ему въ-полголоса: «еще немного твердости!»

— У меня достанетъ ея, государь.

Но волненіе принца до того увеличилось, что многіе опасались, чтобы онъ не лишился чувствъ. Между-тѣмъ Жозефина сѣла къ маленькому столу, накрытому зеленымъ бархатомъ съ золотыми блестками, и поставленному немного лѣвѣе Камбасереса. Наполеонъ, окинувъ все собраніе благосклоннымъ взглядомъ, сдѣлалъ знакъ рукою, какъ-будто приглашая тѣмъ всѣхъ сановниковъ занять опять свои мѣста.

Тогда императорскій прокуроръ, г. Реньйо-де-Сен-Жанд'Анжели, трепещущимъ голосомъ начинаетъ читать разводный актъ. Всѣ внимаютъ ему въ священномъ молчаніи; какое-то мучительное безпокойство изображается на всѣхъ лицахъ. Толь-

ко одна Жозефина кажется спокойною: положивъ небрежно руку на маленькій столъ, стоявшій передъ нею, она тихо склоняетъ голову на плечо; и крупныя слезы время-отъ-времени струятся по блѣднымъ щекамъ ея. Дочь ея, стоящая за ея креслами, опершись на спинку, не перестаетъ рыдать. Что же касается до императора, взоры его дики, и онъ, кажется, страдаетъ въ тысячу разъ болѣе, нежели сама Жозефина.

Когда чтеніе акта было кончено, Жозефина встала, отерла слезы и твердымъ голосомъ произнесла короткія слова, сочиненныя заранѣе и долженствовавшія выразить ея согласіе; потомъ, взявъ перо, которое подалъ ей Камбасересъ, она подписала актъ, положенный предъ нею Реньйо-де-Сен-Жан-д'Анжели и, закрывъ лицо платкомъ, тихо удалилась, поддерживаемая своею дочерью и не бросивъ назадъ ни одного взгляда.

По знаку Наполеона, Евгеній бросился къ своей матери; но силы измѣнили ему, и онъ упалъ безъ чувствъ въ дверяхъ галлереи... Адъютанты принца, послѣдовавшіе за нимъ, подняли его и отнесли въ дежурную комнату, гдѣ ему была оказана помощь, нужная въ его горестномъ положеніи. Послѣ этого отвели Наполеона съ большою церемоніею въ его внутренніе покои, гдѣ онъ пробылъ весь остатокъ дня, мрачный и молчаливый.

Только Камбасересъ и Талейранъ оставались нечувствительными во все время этой семейственной сцены, столь трогательной и вмѣстѣ величественной. Люди, непропускающіе безъ вниманія ничего, замѣтили, что во время этой печальной церемоніи — и не смотря на позднее время года, — ужасная буря разразилась надъ Парижемъ. Потоки дождя и страшные порывы вѣтра поразили ужасомъ всѣхъ жителей; казалось, небо хотѣло выразить этимъ свой гнѣвъ за совершеніе акта, которымъ разрушалось счастіе Жозефины; всего удивительнѣе, что точно такая же буря въ тотъ же самый день и часъ разразилась также и надъ Миланомъ.

Измученный происшествіями этого тягостнаго дня, Наполеонъ легъ спать рано. Онъ былъ уже въ постели, когда дежурный адъютантъ явился за паролемъ. Каммердинеры императора были еще заняты кой-какими приготовленіями въ слабо-освѣщенной спальнѣ, какъ вдругъ отворились двери, и женщина въ бѣлой одеждѣ на подобіе привидѣнія явилась на порогѣ. То была императрица, одна, съ распущенными по плечамъ волосами и

съ лицомъ, покрытымъ блѣдностью и истерзаннымъ страданіями. При взглядѣ на нее Наполеонъ, пораженный ужасомъ, привсталъ съ подушекъ; всѣ присутствовавшіе въ ту же минуту удалились въ глубину комнаты, и Жозефина, шатаясь, подошла къ кровати. Тамъ упала она на колѣни и, не сказавъ ни слова, обняла Наполеона обѣими руками съ воплемъ и раздирающими душу рыданіями. Наполеонъ сталъ говорить ей съ трогательнѣйшею нѣжностью, обнялъ ее, цаловалъ и въ свою очередь заплакалъ вмѣстѣ съ нею. Всѣ присутствовавшіе были сильно разстроганы этою сценой.

— Перестань, добрая моя Жозефина, говорилъ ей императоръ прерывающимся отъ слезъ голосомъ: будь разсудительна... Ты знаешь, что я всегда останусь твоимъ другомъ... Но я достоинъ еще большаго сожалѣнія, чѣмъ ты. Оставь меня .. я не могу имѣть твердости за двоихъ...

Рыданія не позволили Жозефинѣ отвѣчать. Тогда настала нѣмая сцена, во время которой слезы ихъ, смѣшавшись вмѣстѣ, говорили больше, чѣмъ могли бы сказать слова самыя краснорѣчивыя. Когда Жозефина нѣсколько успокоилась, императоръ, какъ-будто опомнясь отъ горести, замѣтилъ что въ комнатѣ были люди; онъ тихо оттолкнулъ императрицу, сложилъ на груди руки и, обращаясь къ своимъ придворнымъ, сказалъ имъ строгимъ голосомъ:

«Что вы здѣсь дѣлаете, господа? Неужели я не могу пробыть и минуты одинъ? Подите вонъ!»

Всѣ вышли, едва смѣя дышать.

Черезъ четверть часа Жозефина вышла отъ императора, съ видомъ болѣе грустнымъ и растерзаннымъ, чѣмъ когда-либо. Дежурный адьютантъ, видя, что Наполеонъ не кликалъ никого, осмѣлился снова войдти въ спальню, не смотря на совѣты не дѣлать этого.

— Ваше величество, сказалъ онъ почтительно: я пришелъ за *паролемъ*.

Императоръ не отвѣчалъ.

Офицеръ повторилъ свой вопросъ, подошедъ ближе къ кровати; но Наполеонъ такъ закутался въ своей постели, что адъютантъ не могъ даже разсмотрѣть его лица.

Онъ тихо вышелъ и легъ на свою походную постель, не пре-

жде, какъ обопедъ рундомъ по всему дворцу, который въ эту ночь былъ нѣмъ и мраченъ, какъ могила.

На слѣдующій день утромъ, Жозефина оставила Тюльерійскій Дворецъ и удалилась въ Мальмезонъ.

Придворные, которыхъ обязанности не удерживали во внутреннихъ покояхъ, собрались въ прихожей Часоваго Павильйона, чтобъ еще разъ взглянуть на ту, которая въ-продолженіе десяти лѣтъ была ихъ государыней. Всѣ молчали и только съ грустію поглядывали другъ на друга. Наконецъ въ 11 часовъ показалась Жозефина; она шла, опираясь на руку г-жи Дарбергъ, одной изъ своихъ штатс-дамъ; но она была такъ закутана своею шалью, что ее невозможно было разсмотрѣть; тогда начались жалобы и слезы... Она прошла небольшое пространство, отдѣлявшее ее отъ экипажа очень-скоро и бросилась въ карету, не взглянувъ даже на этотъ дворецъ, который она не должна была уже никогда болѣе видѣть, и лошади помчались какъ вихрь...

Въ-теченіе первой недѣли, дорога между Парижемъ и Мальмезономъ была покрыта множествомъ людей всѣхъ сословій, которые почитали священнымъ долгомъ представиться, по-крайней-мѣрѣ, еще разъ той, которая хотя и была лишена короны, но тѣмъ неменѣе сохранила титло императрицы. Что же касается до императора, удалившагося въ Тріанонъ, онъ дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобъ привыкнуть къ одинокой жизни, но каждый день посылалъ въ Мальмезонъ узнавать о здоровьи Жозефины и конечно поѣхалъ бы туда самъ, еслибъ только смѣлъ это сдѣлать.

Редакторъ и издатель А. Краевскій.

большаго числа громоотводовъ будетъ скоро и успѣшно. Тоальдо увѣряетъ, что ему два раза случилось видѣть въ Нимфенбургѣ, въ Германіи, какъ грозовыя тучи, въ которыхъ безпрестанно сверкала весьма яркая молнія, приближаясь къ замку и пройдя надъ громоотводами, становились обыкновенными облаками, въ коихъ не появлялось ни малѣйшаго сверканья, и которыя, по выраженію Тоальдо, походили на *погашенные угли.*

Въ 1785 г. Коссонъ, рошфорскій священникъ, писалъ къ аббату Бертолону, что 4 декабря туча, «въ которой часто сверкала молнія и гремѣлъ громъ, пронесясь подъ дѣйствіемъ западнаго вѣтра надъ громоотводомъ, поставленнымъ на церкви, затихла и только озарилась нѣсколько разъ довольно уже слабымъ свѣтомъ». Яркія кисточки, блестѣвшія на оконечности рошфорскаго громоотвода, ясно показывали, что онъ производилъ сильное дѣйствіе; впрочемъ, за недостаткомъ свидѣтельства священника, мы не осмѣливаемся утверждать, что для совершеннаго обезоруженія громовой тучи достаточно было одного громоотвода.

Свойство громоотводовъ, о которомъ мы такъ много говорили, обнаруживается тѣмъ въ большей степени, чѣмъ длиннѣе прутья. Это доказывается наилучшимъ образомъ многочисленными опытами, произведенными помощію бумажныхъ змѣевъ, и въ этомъ родѣ ничто не можетъ сравниться съ выводами, полученными г. Рома (Romas) въ Неракѣ.

Неустрашимый сей физикъ пускалъ на высоту отъ 400 до 500 футовъ змѣй, котораго нить, подобно толстой струнѣ, обвита была металлическою проволокою. Во время самой посредственной грозы, едва сопровождавшейся нѣсколькими слабыми ударами грома, *Рома* извлекалъ изъ нижняго конца снурка въ приборѣ своемъ не простыя искры, но *полосы пламени отъ 6 до 10 футовъ длиною, и въ 1 дюймъ толщиною. Онѣ производили ударъ, подобный пистолетному выстрѣлу. Менѣе чѣмъ въ-теченіе одного часа, Рома извлекъ тридцать такихъ полосъ, не считая тысячи другихъ, коихъ длина была въ 7 футовъ и менѣе.*

Рома замѣчалъ много разъ, что *въ-продолженіе опытовъ его, громъ и молнія совершенно прекращались.* Докторъ Линингъ (Lining), изъ Чарльстоуна, и г. Шарль также превращали

громовыя облака въ обыкновенныя, хотя производили опыты въ меньшемъ видѣ.

Эти наблюденія открывали обширное и блестящее поприще, на которое, къ-сожалѣнію, никто не вступилъ. Образованіе града, кажется, необходимо связано съ присутствіемъ въ облакахъ обильнаго количества громовой матеріи. Извлеките ее, и градъ не будетъ раждаться, или, образовавшись, останется въ первоначальномъ своемъ состояніи и будетъ падать на землю въ видѣ только *крупки*, непричиняющей никакого вреда. Уничтоженіе градовыхъ тучь принесло бы въ нѣкоторыхъ странахъ большую пользу земледѣлію. Въ 1764 году, одинъ просвѣщенный житель Южной Франціи писалъ въ *Энциклопедіи* слѣдующее: «Не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы градъ не опустошилъ половину, а иногда и три четверти эпархій Rieux, Comminges, Couserans, Auch и Lombez». Одна гроза, 13 іюля 1788, нанесла много вреда *тысячъ тридцати-девяти приходамъ* во Франціи. По сдѣланнымъ справкамъ найдено, что убытокъ простирался до 25 *мильйоновъ франковъ*.

Знаю, что употребленіе змѣя сопряжено съ опасностью, что гроза рождается, развивается и усиливается въ тихую погоду, что вѣтеръ, помощію котораго змѣй можетъ подняться на воздухъ, начинаетъ дуть въ ту минуту, когда дождь и градъ уже падаютъ, и пр. Но по мнѣнію моему, не змѣи должно употреблять для этого большаго и прекраснаго опыта, а *аэростаты, привязанные къ снурку*, и пускать ихъ гораздо выше змѣевъ Рома. Если при переходѣ сажень на пятьдесятъ за атмосферическій слой, въ которомъ обыкновенно оканчиваются острія громоотводовъ, вмѣсто маленькихъ кисточекъ появляется пламя въ $1^1/_2$ и 2 сажени длиною, то чего же должно ожидать въ томъ случаѣ, когда весь снарядъ поднимется, смотря по обстоятельствамъ, втрое, вчетверо, вдесятеро выше, и будетъ почти касаться нижней поверхности тучь, и когда *вытягивающее* металлическое *остріе*, которое утверждено на верхней части шара и сообщается съ длинною полуметаллическою веревочкою, заступающею мѣсто проводника, будетъ находиться предъ тучами въ положеніи почти-вертикальномъ, подобно обыкновенному громоотводу (а это весьма важно)! Можно смѣло утверждать, что такая система въ-состояніи будетъ уничтожить самую сильную грозу. Какъ бы то ни было, а опытъ, общща-

ющій столь прямую пользу для науки и земледѣлія, заслуживаетъ испытанія. Шары посредственныхъ измѣреній, безъ-сомнѣнія, стоя́ли бы мѐньшихъ издержекъ, нежели многократные выстрѣлы изъ пушекъ и взрывы бураковъ, къ которымъ нынѣ прибѣгаютъ безуспѣшно жители странъ виноградныхъ.

О СФЕРѢ ДѢЙСТВІЯ ГРОМООТВОДОВЪ.

На какомъ протяженіи *хорошо-устроенный* громоотводъ оказываетъ успѣшно предохранительное свое дѣйствіе? Въ какомъ разстояніи отъ прута, *считая по горизонтальному направленію,* можно быть почти-увѣреннымъ въ безопасности отъ громовыхъ ударовъ?

Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ, важность котораго неоспорима, не былъ изслѣдованъ съ надлежащимъ тщаніемъ.

Леруа, такъ много занимавшійся устроеніемъ громоотводовъ, основываясь на однихъ неопредѣлительныхъ сходство говорилъ въ 1783 году, что прутъ отъ 4 до 5 метровъ высотою (отъ 13 до 16 фут.), утвержденный на вершинѣ зданія, защищаетъ около себя кругъ *въ 16 метровъ (* 52½ фут. *) въ радіусъ.* Поэтому горизонтальное протяженіе во всѣ стороны, на которое распространяется предохранительное дѣйствіе, было бы *слишкомъ въ три раза болѣе высоты громоотводнаго прута надъ тѣмъ зданіемъ, гдѣ онъ поставленъ.*

Физическое отдѣленіе Академіи Наукъ стѣснило эти предѣлы. Въ 1823 году, когда военный министръ спрашивалъ у нея совѣта, она по-видимому приняла мнѣніе Шарля: она допустила, но не говоря на какихъ основаніяхъ, что громоотводъ защищаетъ около себя *круговое пространство, котораго радіусъ равенъ удвоенной высотѣ прута.*

Столь важный авторитетъ долженъ былъ увлечь за собою общественное мнѣніе. И въ-самомъ-дѣлѣ, самые новѣйшіе авторы сочиненій о физикѣ и метеорологіи, соглашаясь съ академическою коммиссіей, вообще назначаютъ радіусу круга, совершенно-охраняемаго громоотводомъ, величину, равную удвоенной высотѣ прута.

Положимъ, что это заключеніе будетъ точно въ-отношеніи къ пруту, поставленному на обыкновенномъ зданіи изъ тесоваго и бутоваго камня, или на простой деревянной крышѣ, по-

крытой черепицею или аспидомъ. Но останется ли оно точнымъ въ томъ случаѣ, когда въ составъ кровли или зданія вошли толстыя металлическія массы? Безъ-сомнѣнія, никто не рѣшится утверждать этого.

Говорятъ, что громоотводъ предохраняетъ *кровлю или террасу* только на протяженіи, равномъ удвоенной *высотѣ прута, считая отъ этой кровли или террасы.* Но столько ли ограничена будетъ сфера его дѣйствія и тогда, когда отнесемъ ее къ другому, низшему горизонту, напр. когда хотимъ измѣрять ее на поверхности земли? Или же громоотводъ, поставленный на вершинѣ колокольни, защищаетъ *на землѣ* кругъ, описанный радіусомъ, равнымъ удвоенной суммѣ высотъ колокольни и громоотвода? Кажется, что эти важные вопросы едва обращали на себя вниманіе. Вотъ нѣсколько численныхъ величинъ, кои, не рѣшая ихъ вполнѣ, могутъ впрочемъ послужить руководствомъ для строителей.

15 мая 1777, молнія ударила въ порфлитскій (Purfleet) пороховой магазинъ, въ 5 льё отъ Лондона, не смотря на громоотводъ, поставленный на немъ Франклиномъ, Кавендишемъ, Уатсономъ, и др.

Метеоръ упалъ на *желѣзную скобку*, соединявшую помощію заливки свинцомъ двѣ плиты корниза, которымъ зданіе окружено было при основаніи кровли. Оттуда онъ устремился на водосточную трубу и перешелъ по ней въ колодезь, наполненный водою, разбивъ камень, отдѣлявшій скобу отъ трубы, и не нанеся болѣе никакаго вреда строенію.

По чертежу зданія я нашелъ, что остріе громоотвода возвышалось на 26 футовъ надъ горизонтомъ лещадокъ корниза, и что горизонтальное разстояніе между вертикальнымъ продолженіемъ громоотвода и пораженною скобою было только въ 24 фута.

Итакъ громоотводъ не только не предохранилъ *при основаніи кровли* круговаго пространства, имѣющаго радіусомъ *удвоенную высоту* его надъ корнизомъ, но даже не простеръ предохранительнаго дѣйствія своего и на разстояніе равное *простой высотѣ.*

Громоотводъ возвышался на 11 футовъ надъ вершиною кровли, на которой былъ поставленъ. Если примемъ, что для всѣхъ этажей зданія радіусъ круга дѣйствія громоотвода равенъ удвоенной высотѣ прута надъ частью строенія, на которую опи-

рается его основанiе, то, удвоивая предъидущее число, получимъ радiусъ въ 22 фута, и скоба находиться будетъ въ 2 футахъ за предѣлами круга дѣйствiя. Итакъ изъ двухъ способовъ опредѣленiя круга дѣйствiя, разсматриваемыхъ нами, одинъ, наиболѣе ограничивающiй это дѣйствiе, не опровергается порфлитскимъ происшествiемъ, а другой противорѣчитъ ему; но здѣсь должно замѣтить, впрочемъ, что конецъ громоотвода былъ *недовольно-остръ*, и что кругъ его дѣйствiя мы измѣряли въ плоскости ряда тесовыхъ камней, *усѣяннаго металлическими скобами*.

17 iюня 1774, молнiя упала въ Тентерденѣ (Кентъ) на одну изъ четырехъ трубъ дома г. Гаффенденъ, хотя на одной изъ нихъ стоялъ громоотводъ. Труба, разрушенная молнiей, была окружена на нѣкоторомъ разстоянiи свинцовыми жолобами; она отстояла на 50 футовъ отъ остроконечнаго прута; притомъ острiе было выше горизонта вершинъ четырехъ трубъ только на 5 футовъ; слѣдовательно разстоянiе было въ 10 разъ болѣе высоты громоотвода надъ пораженною точкою. Итакъ ударъ тентерденскiй, столь часто упоминаемый, нисколько не противорѣчитъ принятымъ мнѣнiямъ. Прибавимъ, что форма и устройство *проводника* не избѣгаютъ нѣкотораго порицанiя.

17 iюня 1781, *обширный домъ бѣдныхъ* въ Геккингемѣ (Heckingham), въ графствѣ Норфолькъ, подвергся сильному громовому удару, не смотря на *восемь* громоотводовъ, поставленныхъ на немъ. Точка, въ которую метеоръ ударилъ вначалѣ, находилась на одномъ изъ нижнихъ угловъ крыши и была покрыта *широкою свинцовою дощечкой*.

Горизонтальное разстоянiе этой точки до ближайшаго громоотвода было въ 55 футовъ. Острый конецъ прута возвышался *надъ горизонтомъ пораженной точки* не болѣе 22 футовъ: это менѣе половины горизонтальнаго разстоянiя между точкою и вертикальнымъ продолженiемъ прута; итакъ разсматриваемая точка была внѣ круга, который, по принятымъ мнѣнiямъ, можетъ быть дѣйствительно защищенъ громоотводомъ. И здѣсь также можно было замѣтить, что проводники оканчивались въ грунтѣ, недовольно-влажномъ.

Докторъ Уинтропъ, изъ Нью-Кембриджа, говоритъ, что молнiя ударила въ дерево и оставила слѣдъ по всей длинѣ его, хо-

тя оно находилось не болѣе какъ въ 52 футахъ *горизонтальнаго* разстоянія отъ громоотвода, стоявшаго на колокольнѣ церкви.

Если колокольня была выше дерева сажени на 4 или болѣе, какъ естественно было бы предполагать, что фактъ, приведенный докторомъ Уинтропомъ, противорѣчитъ мнѣнію, что радіусъ дѣйствія громоотвода долженъ измѣряться удвоеннымъ вертикальнымъ разстояніемъ острія прута до *горизонта каждаго предмета.*

Молнія ударила въ конюшню, принадлежавшую лорду Литтельтону, губернатору Южной Каролины, и нанесла ей много вреда, не смотря на то, что въ 8½ саженяхъ (twenty yards) оттуда находился домъ, вооруженный хорошимъ громоотводомъ.

Въ этомъ описаніи не означены высоты ни пораженной точки, ни громоотвода, и потому нельзя сдѣлать никакихъ заключеній касательно радіуса дѣйствія этого прибора.

Я приведу еще случай, описанный также неотчетливо; но какъ предметы, къ которымъ онъ относится, существуютъ и теперь, то ничто не мѣшаетъ пополнить недостатки.

На башнѣ церкви св. Михаила (Cornhill), въ Лондонѣ, поставленъ отличный громоотводъ; не смотря на это, молнія ударила въ свинцовую кровлю на вершинѣ колокольни св. Петра, хотя сія послѣдняя значительно ниже башни св. Михаила, и отстоитъ отъ нея не болѣе 200 футовъ.

Здѣсь неизвѣстно вертикальное возвышеніе оконечности громоотвода, стоящаго на *колокольнѣ* св. Михаила надъ свинцовою кровлей *колокольни* св. Петра. Если это возвышеніе, какъ полагать должно, не болѣе 100 футовъ, то описанное происшествіе не будетъ противорѣчить правилу, по которому радіусъ дѣйствія долженъ измѣряться удвоенною *относительною высотою.*

Короче, совокупность всѣхъ сихъ фактовъ даетъ право заключить, что разстояніе, на которое простирается предохранительное дѣйствіе громоотвода, поставленнаго на самой возвышенной точкѣ зданія, можетъ быть принято равнымъ удвоенной высотѣ прута, считая отъ точки прикрѣпленія. Это подтверждается даже порфлитскимъ происшествіемъ.

Итакъ, для предохраненія большаго строенія, должно поставить на немъ нѣсколько громоотводовъ. Чѣмъ менѣе высоты будутъ имѣть прутья, тѣмъ число ихъ должно быть болѣе. Оно

будетъ достаточно, когда на кровлѣ, террасѣ и пр. не будетъ находиться ни одной точки такой, которой разстояніе до ближайшаго прута было бы болѣе удвоенной высоты онаго, считая отъ нижняго конца.

Это правило выводится логически изъ фактовъ, и трудно постигнуть, какимъ-образомъ Франклинъ, при устроеніи громоотводовъ, по-видимому, обращалъ такъ мало вниманія на высоту ихъ. Онъ требовалъ только, чтобы острыя вершины ихъ находились нѣсколько выше трубъ. Въ запискѣ, подъ которою выставлены имена Кавендиша, Пристлея, лорда Магона, Нерна, Уатсона и др., высота прутьевъ полагается въ 10 футовъ. Во Франціи строители простираютъ ее до 10 метровъ (33 фута), и даже здѣсь останавливаетъ ихъ только условіе прочности. Выборъ между этими двумя родами измѣреній нынѣ не можетъ быть затруднителенъ.

Приносятъ ли пользу громоотводы, утвержденные на вершинѣ зданій горизонтально или въ направленіяхъ весьма-наклонныхъ?

При равенствѣ всѣхъ обстоятельствъ, молнія должна ударять и ударяетъ въ-самомъ-дѣлѣ въ самыя возвышенныя части зданій; но гдѣ найдти это совершенное равенство обстоятельствъ? чѣмъ оно не нарушается? не достаточно ли для этого какого-нибудь металлическаго крюка, оконной задвижки, печной желѣзной трубы, и пр.? Притомъ, самыя возвышенныя части зданій потеряли бы несчастное преимущество свое, о которомъ мы говорили, когда бы облака, заряженныя громовою матеріею, не ограничивались поверхностями почти-горизонтальными; но и въ-самомъ-дѣлѣ, вспомнимъ объ этихъ обрывкахъ облаковъ, которые, во время грозы, опускаются почти до самой земли и влекутся общею массою повсюду, куда несетъ ее вѣтеръ. Безъ-сомнѣнія, вертикальные прутья менѣе всего способны къ постепенному и тихому разряженію этихъ висящихъ облаковъ: напротивъ того горизонтальные или весьма-наклонные громоотводы оказали бы это дѣйствіе наилучшимъ образомъ. Сверхъ-того, не для одной этой цѣли назначаются наклонные громоотводы: они будутъ принимать всѣ тѣ громовые удары, которые безъ нихъ поразили бы боковыя грани зданій. Быть-можетъ, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ физиковъ, скажутъ, что эти грани никогда не подвергаются опасности въ той степени, какъ части возвышен-

сныя? Отвѣтъ мой на это готовъ: онъ будетъ состоять въ собранныхъ мною фактахъ, которые, по мнѣнію моему, не должны оставить мѣста ни малѣйшему сомнѣнію.

Александръ Смалль (Small) писалъ въ 1764 году въ Лондонъ къ Франклину, что онъ видѣлъ передъ окнами своими, какъ молнія, весьма яркая и тонкая, пролетѣла безъ примѣтныхъ извивовъ *въ направленіи почти-горизонтальномъ* и довольно низко, и ударила въ колокольню въ весьма-большомъ разстояніи отъ ея вершины.

Въ сентябрѣ 1780, сильный ударъ грома убилъ двухъ человѣкъ *въ нижнемъ этажѣ* (rez-de-chaussée) дома Джемсъ-Адера въ Ист-борнѣ. Онъ причинилъ также много вреда во второмъ этажѣ, куда проникъ чрезъ окно. Третій этажъ и кровля остались совершенно-невредимыми.

По наблюденіямъ различныхъ особъ, прогуливавшихся по морскому берегу, можно было разгадать эти дѣйствія. Линія, по которой слѣдовала молнія, казалось, вела ее прямо *на средину фасада дома*, и тамъ только раздѣлилась на нѣсколько вѣтвей.

12 августа 1783, молнія нанесла нѣкоторый вредъ колокольнѣ лозаннской соборной церкви. *Она упала сперва* на горизонтальную, желѣзную полосу, которая связывала двѣ небольшія колонны, находившіяся на *двухъ третяхъ высоты зданія*. Нѣтъ сомнѣнія, что молнія направилась прямо на эту полосу: это ясно видѣла одна особа, заслуживающая довѣріе; притомъ, докторъ Вердель (Verdeil), которому непосредственно сообщили объ этомъ наблюденіи, занялся самымъ строгимъ освидѣтельствованіемъ, и не нашелъ *выше* упомянутой полосы ни малѣйшихъ признаковъ дѣйствія молніи.

Этотъ боковой ударъ, направленный на точку, столь удаленную отъ вершины зданія, тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что случайно на зданіи находился нѣкоторый родъ громоотвода.

«На вершинѣ колокольни» говоритъ г. Вердель: «поставлено яблоко съ восемью продольными гранями; на немъ возвышается длинный желѣзный прутъ, служащій осью флюгеру и оканчивающійся въ видѣ копья. Яблоко обложено кругомъ мѣдными листами. Восемь полосъ изъ того же метала спускаются отъ яблока вдоль угловъ пирамидальной кровли, покрытой глазурованною черепицею. Полосы сіи примыкаютъ къ горизонталь-

ному жолобу, идущему кругомъ основанія пирамиды; двѣ металлическія, весьма-толстыя трубы проводятъ изъ него воду въ два большіе мѣдные резервуара, всегда ею наполненные. Изъ дна резервуаровъ опускаются двѣ длинныя мѣдныя трубы, и соединясь въ общемъ резервуарѣ, переходятъ оттуда въ пожарную трубу, и наполняютъ ее всякій разъ, когда идетъ дождь.»

Въ минуту громоваго удара 12 августа 1783 шелъ сильный дождь въ-продолженіи получаса; при этомъ система металлическихъ прутьевъ, полосъ и трубъ должна была образовать громоотводъ, противъ котораго почти нельзя сдѣлать никакого возраженія.

Крыло вѣтреной мельницы тутилльской (Thoothil) въ Эссексѣ, находясь въ покоѣ, составляло съ горизонтомъ уголъ въ 45°. Въ 1829 году ударила въ нее молнія изъ тучи. Казалось бы, что точка удара должна была находиться *на самой возвышенной части крыла*, но вышло иначе. Въ срединѣ крыла пропущенъ былъ желѣзный болтъ, и сюда-то направилась молнія, а вся верхняя часть осталась невредимою: такимъ-образомъ присутствіе въ нижней части нѣсколькихъ фунтовъ желѣза имѣло здѣсь преимущество предъ выгодами наибольшаго возвышенія.

Еслибъ требовалось доказать, что *всегда* должно ставить на зданіяхъ наклонные громоотводы, то приведенныхъ мною фактовъ было бъ слишкомъ-недостаточно; но прошу вспомнить, что я хотѣлъ только показать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ косвенно-поставленные прутья могутъ быть полезны.

О наилучшей формѣ и измѣреніяхъ различныхъ составныхъ частей громоотвода.

Остріе.

Мы доказали, что прутъ громоотвода долженъ оканчиваться весьма-тонкимъ остріемъ, когда хотимъ вполнѣ воспользоваться способностью прибора тихо и мало-по-малу вытягивать изъ грозовыхъ тучь громовую матерію. Если сдѣлать это остріе изъ желѣза, то оно скоро будетъ истреблено ржавчиною, происходящею отъ дѣйствія воздуха и воды, скоро притупится, и *разряжающая* способность день-ото-дня будетъ ослабѣвать въ немъ.

Въ-началѣ отвращали это неудобство позолотою *оконечности желѣзнаго прута* на нѣкоторой длинѣ. По непрочности позолоты на желѣзѣ, въ-послѣдствіи стали привинчивать къ концу прута *остріе изъ вызолоченной мѣди.* Наконецъ, теперь желѣзныя и мѣдныя острія вообще замѣняются платиновыми, съ-тѣхъ-поръ, какъ успѣхи металлургіи дозволяютъ пріобрѣтать ихъ за умѣренную цѣну.

Платиновыя острія предпочитаются мѣднымъ не только по причинѣ невредимости ихъ отъ дѣйствія воздуха и воды, но также и по причинѣ неплавкости. Ударъ молніи, который расплавилъ бы и *притупилъ* мѣдное остріе, не измѣнитъ острой формы платиноваго наконечника, отъ которой зависитъ большая сила его дѣйствія. Чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ выгоды неплавкости платиновыхъ наконечниковъ, въ-отношеніи къ безопасности и въ отношеніи экономическомъ, вспомнимъ, что молнія можетъ ударить въ громоотводъ въ самомъ началѣ грозы, и что замѣненіе испорченнаго острія новымъ часто требуетъ устройства дорогихъ подмостокъ. Эти выгоды такъ важны, что въ 1790 году, когда еще едва умѣли обработывать этотъ металлъ, Филадельфійское *Философическое Общество* приняло съ громкимъ одобреніемъ предложеніе Роберта Паттерсона (Patterson) выдѣлывать оконечности громоотводовъ изъ другаго вещества, весьма-мало-плавкаго, а именно изъ графита.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Германіи и Англіи, строители громоотводовъ иногда прикрѣпляютъ къ концамъ прутьевъ сихъ приборовъ не простыя острія, какъ это наиболѣе дѣлается, но вертикальную иглу, окруженную другими иглами *весьма-расходящимися и различнымъ-образомъ наклоненными къ горизонту.*

Знаю, что въ доказательство выгоды этого способа приводили слѣдующее: остріе ржавѣетъ въ воздухѣ и притупляется; чрезъ это оно теряетъ часть своей силы и проводимости; но нѣсколько острій, заржавѣвшихъ и притупленныхъ, будутъ дѣйствовать въ совокупности столь же сильно, какъ и одно незаржавѣвшее. Но кромѣ этой выгоды, до которой нынѣ достигаютъ въ совершенствѣ помощію одного платиноваго острія, тогда имѣли въ виду еще другую: въ числѣ иглъ, различнымъ-образомъ направленныхъ и различно-наклоненныхъ, всегда должна была находиться одна такая, которая занимала самое

выгодное, перпендикулярное положенie относительно къ грозовому облаку, каковы бы ни были форма его, число граней и наклоненie ихъ. Все это должно было показаться слишкомъ-замысловатымъ; но пока, посредствомъ повторенныхъ съ большимъ тщанieмъ опытовъ Беккарiи, на коихъ мы уже основывались, не будетъ доказано, что вертикальное острie извлекаетъ *изъ тучъ всякаго рода* болѣе громовой матерiи, нежели острie наклонное, или, лучше сказать, пока по способу знаменитаго *туринскаго* физика не будетъ доказано, что одно острie дѣйствуетъ всегда сильнѣе, нежели система иглъ, расположенныхъ въ видѣ звѣзды, — до-тѣхъ-поръ мы не имѣемъ права относить громоотводовъ со многими острiями къ числу выдумокъ, незаслуживающихъ никакого вниманiя. Впрочемъ, я согласенъ, что во ожиданiи сихъ опытовъ, благоразумно и достаточно было бы придерживаться вида, предписаннаго въ самомъ началѣ Франклиномъ.

Проводникъ.

Предохранительное дѣйствie *франклиновыхъ* приборовъ зависитъ, *главное,* отъ хорошаго устройства и хорошаго расположенiя проводника.

Проводникъ, равно какъ и верхнiй прутъ громоотвода, должны быть довольно-толсты, дабы ударъ молнiи не могъ ихъ расплавить. Сообразно съ изложеннымъ въ § (O), можно вполнѣ удовлетворить этому условiю, употребляя желѣзныя или мѣдныя полосы, четырегранныя или цилиндрическiя, въ 20 миллиметровъ (9 линiй) въ сторонѣ или дiаметрѣ. Если строители даютъ прутьямъ бо́льшую толщину, особливо къ-низу, то это для-того, чтобъ они могли сопротивляться дѣйствiю вѣтра.

Для предохраненiя прутьевъ и проводниковъ отъ ржавчины, обыкновенно окрашиваютъ ихъ. Въ Амврикѣ точность доведена до-того, что на окраску употребляютъ *сажу*, потому-что это вещество имѣетъ свойство сообщать тѣмъ составамъ, въ которые оно входитъ въ большой пропорцiи, способность довольно-легко проводить громовую матерiю.

Проводникъ можетъ тогда только выполнить надлежащимъ-образомъ свое назначенie, когда будетъ въ состоянiи освобождаться отъ громовой матерiи, по-мѣрѣ-того какъ передаетъ ему оную верхнiй остроконечный прутъ громоотвода; и потому не-

достатокъ проводимости грунта необходимо должно вознаграждать увеличенiемъ числа точекъ истока *. Если земля посредственно-влажна, и слѣдовательно посредственно-проницаема громовыми токами, то должно, чтобъ погруженный въ нее проводникъ прикасался къ ней на большой длинѣ. Эта длина можетъ быть менѣе, когда земля бываетъ сильно напитана водою въ-продолженiе всего года, — и еще менѣе, когда проводникъ погруженъ въ *природный слой воды*.

Столь необходимое увеличенiе числа точекъ, чрезъ которыя громовая жидкость можетъ изливаться изъ проводника въ землю, можетъ быть произведено расплющенiемъ конца проводящаго прута, для-того, чтобы, обративъ его въ широкую пластину, сколько можно увеличить поверхность прикосновенiя металла съ землею. Мнѣ кажется даже, что есть такая величина этой поверхности, при которой не будетъ надобности въ погруженiи ея въ землю: при которой достаточно будетъ одного поверхностнаго соприкосновенiя. Это должно произойдти, напримѣръ, въ зданiяхъ, которыхъ основанiе обложено свинцовыми или жестяными листами, согнутыми подъ прямымъ угломъ, такъ-что одна изъ граней угла прилегаетъ къ стѣнѣ, а другая лежитъ на грунтѣ. Пусть проводникъ касается къ этой обкладкѣ, и громовая жидкость, пробѣгающая по немъ во время грозы, будетъ имѣть возможность вытекать чрезъ такое множество точекъ, что нельзя опасаться никакихъ ударовъ. Если я не ошибаюсь, то въ этомъ и состоитъ причина, почему такой памятникъ, какъ *колонна* Вандомской Площади, стоящая на *широкомъ металлическомъ пьедесталѣ*, который самъ прикасается нижнею своею поверхностiю къ грунту или къ каменному фундаменту, можетъ обойдтись безъ проводника.

Обыкновенно же увеличиваютъ поверхность проводника, погруженную въ землю, не расплющиванiемъ, а раздѣленiемъ на вѣтви.

При погруженiи *проводника* въ землю, встрѣчается необходимо одна изъ двухъ невыгодъ. Если земля влажна, то истокъ громовой матерiи производится легко, но металлъ весьма-ско-

* Г. Геръ (Hare), профессоръ химiи въ Пенсильванскомъ Университетѣ, предлагаетъ приводить подземную часть проводниковъ, если это возможно, въ сообщенiе съ *чугунными трубами*, которыя во многихъ городахъ проводятъ воду въ различные кварталы.

ро ржавѣетъ и разрушается. Въ сухомъ же грунтѣ желѣзный прутъ сохраняется долго, но худо соотвѣтствуетъ своему назначенію. Итакъ весьма желательно бы найдти такое вещество, которое, будучи *хорошимъ проводникомъ*, не вредило бы желѣзу. *Прокаленный уголь* одаренъ этимъ свойствомъ. Потому нынѣ строители громоотводовъ, которымъ извѣстны всѣ пособія, доставляемыя наукою, всегда пропускаютъ прутъ проводника сквозь колодезь, наполненный *прокаленымъ углемъ*, подобно тому, какъ предлагалъ это Робертъ Паттерсонъ въ 1790 году. Замѣтимъ, что необходимо должно употреблять прокаленный уголь, а простой не годится.

Опытъ показалъ, что въ *естественный слой воды* достаточно погружать проводникъ *фута на три.*

Я говорю объ *естественномъ слоѣ* въ противоположеность искусственнымъ резервуарамъ, или *водоемамъ,* принимающимъ дождевую воду. Не должно сравнивать съ собственно-называемыми колодезями тѣ водоемы, которыхъ дно и бока сдѣланы непроницаемыми помощію тщательной каменной одежды или толстаго слоя гидравлическаго бетона. Плиты и гидравлическій растворъ, будучи внутри сухи, съ большимъ трудомъ пропускаютъ громовую матерію, которая, слѣдовательно, не можетъ здѣсь, какъ въ обыкновенныхъ колодезяхъ, быстро разлиться на большое протяженіе чрезъ щели, трещины, наполненныя водою, или по-крайней-мѣрѣ влажныя. Потому она, проникнувъ на минуту въ жидкость *водоема,* за недостаткомъ выхода, возвращается, восходитъ по проводнику и съ ударомъ устремляется на какой-нибудь предметъ, находящійся по близости.

Я знаю, что въ подтвержденіе этой теоріи, потребуютъ у меня доказательствъ; спѣшу сообщить ихъ:

9 іюня 1819, молнія ударила въ главный шпиль миланской соборной церкви. На этомъ шпилѣ стоялъ хорошій громоотводъ, котораго проводникъ погруженъ былъ въ обширный *колодезь.* Однакоже близь этого проводника, еще неповрежденнаго, на различныхъ высотахъ были разбиты и разбросаны куски мрамора, разрушены арабески, и пр. По осмотрѣ, произведенномъ профессоромъ Конфильяки (Configliachi), найдено, что мнимый колодезь былъ не что иное, какъ *водоемъ, выложенный плитою!*

4 Января 1827, молнія ударила въ громоотводъ генуэзскаго маяка. И громоотводъ и проводникъ были разбиты во многихъ мѣстахъ, хотя все было по-видимому въ хорошемъ состояніи, и проводникъ погружался въ воду; но вода сія содержалась въ *непроницаемомъ водоемѣ,* небольшой вмѣстимости, высѣченномъ въ скалѣ, на которой построенъ маякъ!

Не смотря на малость сопротивленія, представляемаго металлическимъ прутомъ движенію громовой матеріи, не должно пренебрегать имъ. Это сопротивленіе возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія длины прута, и потому должно направлять проводникъ отъ основанія вертикальнаго громоотводнаго прута до влажнаго грунта, въ который онъ погружается *по самому кратчайшему пути,* если только не встрѣтится тому какихъ-нибудь препятствій.

Мы сейчасъ опредѣляли толщину проводника сообразно съ ударами молніи, которые назову я простыми. При этихъ ударахъ прутья овладѣвались только тою громовою матеріей, которая непосредственно въ нихъ ударила. Такія измѣренія были бы недостаточны, если бы, въ данное мгновеніе, *одинъ и тотъ же проводникъ* долженъ былъ принять и передать землѣ все количество громовой жидкости, которое ударило *въ нѣсколько громоотводовъ* въ одно время. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что каждому громоотводу должно придавать особый проводникъ. При всемъ этомъ, небезполезно будетъ учредить сообщеніе между основаніями прутьевъ всѣхъ громоотводовъ, проводя вдоль коньковъ крыши желѣзные прутья, которые могутъ быть тонѣе собственно-называемыхъ проводниковъ. Подобное же сообщеніе съ большими металлическими частями, входящими въ составъ крыши или балюстрадовъ зданія, и въ особенности съ желѣзными стропилами, было бы всегда полезно.

Негибкіе металлическіе прутья не иначе могутъ слѣдовать за всѣми изгибами кровли, корнизовъ, архитектурныхъ украшеній, какъ будучи составлены изъ многихъ кусковъ; со-временемъ вода и происходящая отъ нея ржавчина образуютъ въ сопряженіяхъ этихъ кусковъ пагубные разрывы непрерывности. Нынѣ избѣгаютъ этихъ неудобствъ, замѣняя прутья *гибкими металлическими верьевками,* кои должны имѣть одинаковыя измѣренія съ прежними прутьями. Пряди ихъ могутъ быть осмолены каждая отдѣльно, но сверхъ-того не мѣшаетъ осмолить потомъ и всѣ ве-

ревки съ большимъ тщаніемъ. Разумѣется, что смола будетъ покрывать только наружную часть веревки для предохраненія ея отъ дѣйствія воздуха и сырости. Что̀ же касается до тѣхъ частей, кои должны быть погружены во влажную землю или колодезь съ прокаленнымъ углемъ, то необходимо, чтобы металлическія ихъ поверхности были обнажены сколь-можно-болѣе.

Нѣкоторые строители почитали необходимымъ отдѣлять громоотводы и проводникъ отъ крышь и стѣнъ зданій стекломъ, смолою или другими веществами, наименѣе-способными къ провожденію громовой матеріи, для-того, чтобъ ни малѣйшая часть жидкости не могла, отклонясь въ сторону, устремиться изъ проводника въ предохраняемые имъ предметы. Но нынѣ подобные *уединенные громоотводы* болѣе неупотребительны. Найдено наконецъ, что это излишняя предосторожность, вовлекающая въ напрасныя издержки. Громовая матерія, однажды вошедшая въ металлическій прутъ, достаточно-толстый и погруженный въ неопредѣленный слой жидкости, отдѣляется изъ него на матеріалы, входящіе въ составъ зданія, въ количествѣ столь маломъ, что не можетъ произвести никакого вреда, и даже никакого ощутительнаго дѣйствія.

Казалось бы, что тѣ же самыя разсужденія должны бы привести къ рѣшенію вопроса, долго составлявшаго предметъ споровъ между физиками, а именно: можно ли помѣщать проводники безъ различія внутри и внѣ зданій. Признаюсь, что здѣсь я буду отвѣчать не-столь утвердительно. «Есть вельможи» говоритъ Вольтеръ: «къ которымъ должно приближаться съ крайнею осторожностью; громъ принадлежитъ къ числу ихъ». Мнѣ кажется, что онъ правъ, когда вспомню о случаѣ, упомянутомъ въ § (V): молнія, покинувъ проводникъ на домѣ г. Равена, прошла горизонтально сквозь стѣну и ударила въ ружье, стоявшее въ кухнѣ. Сколько бы вреда принесла она, спрашиваю, еслибъ на пути не встрѣтилась ей толстая каменная масса?...

Скажутъ, что проводникъ не имѣлъ достаточной толщины. Правда, но вотъ случай, когда все казалось въ надлежащемъ порядкѣ, когда громоотводы дѣйствовали такъ, какъ только можно было желать, а не смотря на то, громовая матерія отклонилась въ сторону, и все заставляетъ думать, что она при-

чинила бы много песчастій, еслибъ толстая стѣна не отдѣляла проводника отъ толпы рабочихъ.

31 іюля 1829, въ минуту жестокаго громоваго удара, 300 человѣкъ въ тюрьмѣ черльстоунской получили сильный толчокъ, слѣдствіемъ котораго было большое ослабленіе силы мускуловъ въ-теченіе нѣсколькихъ секундъ. Впрочемъ этотъ случай не былъ ни для кого пагубенъ.

На черльстоунской тюрьмѣ стояли три исправные громоотвода, въ 18 футахъ одинъ отъ другаго. Зданіе не потерпѣло никакого вреда отъ молніи. Но почему же предохранительное дѣйствіе проводниковъ не распространилось по-обыкновенію на живущихъ въ домѣ?

Причину этому можно найдти въ большомъ количествѣ желѣза, заключавшагося въ тюрьмѣ. Г. Брайантъ (Bryant), директоръ, опредѣлилъ, что вѣсъ его простирался до 100 тоннъ (до 6200 пуд.); къ этому должно присовокупить еще, что почти всѣ люди, находившіеся внутри зданія, имѣли въ рукахъ молоты, пилы, ружья и пики.

Кажется, что до-сихъ-поръ физики не обращали никакого вниманія на *форму* перегибовъ въ проводникахъ, при переходѣ ихъ съ крыши на вертикальныя стѣны зданій. Даже на краю свѣса крыши, на краю карнизовъ, громоотводная цѣпь или полоса бываетъ согнута такъ, что часть ея, направленная къ стѣнѣ, составляетъ съ частью, спускающеюся вдоль крыши, уголъ въ 90° и даже иногда уголъ острый. Нерѣдко случается видѣть подобные крутые изгибы и въ другихъ частяхъ проводника, даже близь земли. Въ случаѣ сильнаго громоваго удара такіе изгибы могутъ быть опасными; по-крайней-мѣрѣ это должно заключать изъ различныхъ происшествій, о которыхъ читалъ я, и которыя даютъ поводъ думать, что въ исчисленіяхъ пути громовой матеріи нельзя совершенно не принимать въ разсужденіе пріобрѣтаемой ею скорости. Въ *Описаніи* Сен-Доминга, г. Моро-де-Сен-Мери (томъ I, стр. 393) находимъ, что молнія, двигавшаяся въ-началѣ по проводнику, покинула его въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ согнутъ подъ острымъ угломъ, и, пролетѣвъ по воздуху, ударила въ предметы, находившіеся на продолженіи первой стороны угла.

Записки Лозанской Академіи (томъ I) также покажутъ намъ, что молнія направилась *весьма-косвенно* на средину горизон-

тальной желѣзной полосы и распространилась по ней только въ ту сторону, которая находилась по направленію собственнаго ея движенія, хотя по обѣимъ сторонамъ все было расположено симметрически. Теперь, когда вопросъ уже предложенъ, остается повѣрить кабинетными опытами основательность предъидущихъ соображеній; а между-тѣмъ не было бы никакой невыгоды избѣгать въ формѣ проводника острыхъ угловъ, и переходить изъ одного направленія въ другое посредствомъ кривыхъ сопряженій, непредставляющихъ никакихъ внезапныхъ изгибовъ.

Пороховая пыль, увлекаемая малѣйшимъ движеніемъ воздуха и ложащаяся на всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ выпускахъ пороховыхъ магазиновъ, составляетъ истинную опасность для этихъ зданій. Пусть эта пыль воспламенится отъ искры, произведенной незамѣтнымъ разрывомъ непрерывности проводника, и огонь можетъ перейдти внутрь до самого пороха. Потому предлагали не ставить громоотводовъ на самыхъ зданіяхъ магазиновъ: лучше утверждать ихъ, говорили, на длинныхъ вертикальныхъ мачтахъ, отстоящихъ отъ лицевыхъ стѣнъ отъ 6 до 10 футовъ. Эта мысль находится уже въ запискѣ Тоальдо, 1776 года. Въ-послѣдствіи (1823) она заслужила громкое одобреніе физическаго отдѣленія Академіи Наукъ; но къ-несчастію на дѣлѣ встрѣчается весьма-важное затрудненіе, о которомъ мы уже говорили. Извѣстно, что остріе громоотводовъ должно быть выше вершины зданія; но какъ великъ радіусъ его дѣйствія? Предположимъ, что онъ равенъ удвоенной полной высотѣ каждаго громоотвода *надъ землею*, и тогда для предохраненія всѣхъ частей самаго обширнаго магазина достаточно будетъ небольшаго числа громоотводовъ. Допустимъ, напротивъ, что радіусъ дѣйствія можетъ быть принимаемъ равнымъ только удвоенной высотѣ остроконечности *надъ самыми возвышенными частями зданія*, тогда, безъ огромныхъ издержекъ, нельзя будетъ предохранить посредствомъ *громоотводныхъ мачтъ* многихъ изъ строеній этого рода.

Хотя уже много говорилъ я о правилахъ, которыми должно руководствоваться при устроеніи громоотводовъ и проводниковъ ихъ, однако помѣщу здѣсь еще описаніе громоваго удара, грозившаго большою опасностью байонискому пороховому магазину 23 февраля 1829. Погрѣшности, особенно если онѣ

едва не сдѣлались причиною большихъ несчастій, всегда оставляютъ въ памяти болѣе-продолжительныя впечатлѣнія, нежели простыя правила. Притомъ, полезно будетъ показать, отъчего устройство Франклинова прибора, обнаруживавшее много притязаній, лишилось всѣхъ достоинствъ простымъ упущеніемъ изъ вида нѣкоторыхъ обстоятельствъ, казавшихся довольно-ничтожными.

Байонскій пороховой магазинъ имѣетъ 17,5 метровъ (8¼ саж.) длины и 11,4 метра (5⅓ саж.) ширины. Крыша его о двухъ скатахъ; конекъ и верхъ щипцовыхъ стѣнъ покрыты широкими свинцовыми пластинами, соединенными между собою. Громоотводъ, имѣющій 6, 8 метр. (22⅓ фута) высоты, вставленъ нижнимъ концомъ въ свинцовую трубку, припаянную къ одной изъ верхнихъ пластинъ. Такимъ-образомъ всѣ металлическія части кровли сообщаются между собою.

Проводникъ имѣетъ, по-крайней-мѣрѣ, 27 миллиметровъ (1 дюймъ). Вмѣсто того, чтобъ погружаться въ землю при подошвѣ зданія, онъ поддерживается пятью деревянными стульями въ горизонтальномъ положеніи, на 8 дециметрахъ (2,62 фут.) высоты. Уже въ разстояніи 10 метровъ (до 33 фут.) отъ внѣшней стѣны магазина, проводникъ опускается вертикально въ квадратную яму, имѣющую около 2 метровъ (6½ фут.) въ каждой сторонѣ, выложенную на четырехъ боковыхъ граняхъ камнемъ, и наполненную углемъ на высотѣ болѣе 1 метра (3¼ фут.), считая отъ дна. Четыре стѣны ямы оканчиваются въ-низу сквозными сводами, для увеличенія числа точекъ прикосновенія угля съ природнымъ грунтомъ. Заостренный конецъ проводника опирается на колъ, вбитый на днѣ ямы. Металлическія вѣтви идутъ отъ главнаго прута въ различныя стороны, и, раздѣляясь сами на части, распространяются по всей массѣ угля. Надъ этою массою набросана рыхлая земля, покрытая мостовою изъ плитъ.

23 февраля 1829, въ 4 часа вечера, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ обильнаго ливня и града, гонимыхъ сильнымъ *западнымъ вѣтромъ*, молнія ударила въ байонскій громоотводъ и расплавила остріе его на длинѣ около 13 миллиметровъ (½ д.). Здѣсь покуда не представляется еще ничего необыкновеннаго. Но во многихъ другихъ точкахъ оказались явные слѣды уда-

ровъ; слѣд. металлическій прутъ несовершенно предохранилъ зданіе.

На *юго-западномъ* углу строенія, свинцовая пластина, покрывавшая щипецъ стѣны, была разодрана на 0, 21 м. (8¹/₄ дюйм.) въ одну сторону, и на 0, 19 м. (7¹/₂ дюйм.) въ другую, надъ самою желѣзною связью, соединявшею два камня въ корнизѣ.

На пяти деревянныхъ стульяхъ, поддерживавшихъ проводникъ въ горизонтальномъ положеніи надъ землею, также остались слѣды молніи.

Свинцовая доска, покрывавшая верхъ стула, ближайшаго къ зданію, была поднята; два гвоздя, которыми была она прибита, вырваны. На покрышкѣ втораго стула найдены два почти-круговыя отверстія и небольшой разрывъ. На третьей находились *три отверстія*, изъ которыхъ одно имѣло 6 сантиметровъ (2¹/₂ дюйм.) длины, и 1 сант. (³/₈ дюйм.) ширины. На свинцовыхъ доскахъ, покрывавшихъ четвертый и пятый стулъ, пробито было только по одному отверстію. Во всѣхъ сихъ отверстіяхъ и разрывахъ свинецъ былъ заворочень *съ-низа вверхъ*.

Таковы главныя явленія, о которыхъ говорится въ письмѣ полковника, командира байонской артиллеріи, къ военному министру, и въ рапортѣ коммиссіи, наряженной этимъ офицеромъ для освидѣтельствованія поврежденій.

Мнѣніе физическаго отдѣленія Академіи Наукъ,—у котораго спрашивали, почему громоотводъ, устроенный по-видимому съ большимъ тщаніемъ, былъ недѣйствителенъ,—изложено въ донесеніи Ге-Люссака, и намъ остается только разсмотрѣть главныя его заключенія.

Проводникъ не давалъ достаточно-свободнаго истока громовой матеріи, и отъ-того она открыла себѣ путь и чрезъ юго-западный уголъ зданія, и по пяти деревяннымъ стульямъ.

Причину недѣйствительности громоотвода должно искать въ непонятной системѣ устройства, принятаго строителями, и описаннаго уже нами. Должно было, чтобъ металлическая полоса проводника погружалась въ колодезь съ водою, или по-крайней-мѣрѣ прикасалась на большомъ протяженіи къ влажной землѣ. Напротивъ-того, какъ-будто опасаясь дать громовой матеріи слишкомъ-много выходовъ, строители поддержали ее, по всей горизонтальной части, на высотѣ 2²/₃ футовъ отъ зем-

ли, деревянными стульями, т. е. несовершенными проводниками *; потомъ она опускалась вертикально въ землю на глубину 2 метровъ (6½ фунт.). Правда, что конецъ полосы былъ обсыпанъ углемъ; но это былъ не-прокаленный, а простой уголь, неодаренный никакою замѣчательною проводимостью **.

При подобномъ устройствѣ должно ли удивляться, что молнія раздѣлилась на части? что за недостаткомъ свободнаго истока по тому пути, который назначили ей, она устремилась къ землѣ въ довольно-большомъ количествѣ, по направленію пяти деревянныхъ стульевъ? что на *юго-западномъ* углу строенія она бросилась изъ свинцовой пластины, сообщавшейся съ проводникомъ, на *желѣзную связь* между камнями, накрытыми пластиною? Причина, по которой она устремилась преимущественно на *юго-западный* уголъ, заключается между-прочимъ въ томъ, что, за минуту предъ ударомъ, стѣна этого угла была вымочена проливнымъ дождемъ и сдѣлалась чрезъ то полупроводникомъ.

---

* Къ этому устройству, вѣроятно, побудило ихъ правило Франклина, весьма-справедливое, но здѣсь худо-истолкованное. Великій американскій физикъ желалъ, чтобъ *нижній конецъ* проводника не находился слишкомъ-близко къ стѣнамъ зданія. Онъ опасался, что въ случаѣ недостатка проводимости грунта, ударъ, образующійся необходимо при этомъ концѣ, устремится на фундаментъ и поколеблетъ его. Итакъ онъ хотѣлъ, чтобы проводникъ, *погрузясь въ землю,* отдалялся отъ стѣнъ приличнымъ изгибомъ,—лишь бы только это отдаленіе не принуждало уменьшить число точекъ прикосновенія проводника съ грунтомъ. Безъ-сомнѣнія, онъ одобрилъ бы боковое отдаленіе байоннскаго проводника на длинѣ 33 футовъ, но только съ условіемъ, чтобъ эти 33 фута были погружены въ землю, а не поддерживались на воздухѣ стульями.

** Повторяю опять, многосложные опыты доказали, что обыкновенный уголь, или слабо прокаленный, взятый въ сухомъ состояніи, почти не проводникъ громовой матеріи. Будучи напитанъ водою, онъ оказываетъ явныя свойства проводимости, но еще гораздо слабѣйшія, нежели уголь, подвергнутый дѣйствію весьма сильнаго пламени. За недостаткомъ послѣдняго рода угля, можно употреблять очищенный каменный уголь (coke), приведенный въ порошокъ.

Есть ли доказательства, въ фактахъ, что громоотводы предохраняли отъ ударовъ молніи тѣ зданія, на которыхъ они были поставлены?

Самое изложеніе этого вопроса уже показываетъ, что мы постараемся рѣшить его одними фактами, не прибѣгая нисколько къ тѣмъ простымъ, прямымъ, основательнымъ выводамъ, которые сейчасъ показали намъ образъ дѣйствія громоотводовъ. Мы возьмемъ эти факты изъ всѣхъ временъ и странъ; они будутъ многочисленны, потому-что только числомъ своимъ пріобрѣтаютъ цѣну и важность.

Храмъ іудейскій въ Іерусалимѣ существовалъ со временъ *Соломона* до 70 года по Р. Х., что составляетъ болѣе 1000 лѣтъ. По положенію своему, храмъ сей былъ вполнѣ подверженъ весьма-сильнымъ и весьма-частымъ грозамъ Палестины. Однакоже ни въ Библіи, ни у Іосифа не говорится, чтобы молнія когда-либо ударяла въ него. Если вспомнимъ, съ какимъ тщаніемъ древніе отмѣчали всѣ громовые удары, наносившіе какой-нибудь вредъ, если вспомнимъ напримѣръ, сколько разъ упоминается въ римскихъ лѣтописяхъ объ ударахъ, поражавшихъ Капитолій и другія зданія, то нельзя не согласиться съ оріенталистомъ Михаэлисомъ (Michaëlis), что вѣроятно въ теченіе *десяти вѣковъ* храмъ іерусалимскій не претерпѣлъ ни одного вредоноснаго громоваго удара. Желаете ли придать этому заключенію нѣсколько вѣроятности? Я напомню, что храмъ, обдѣланный изнутри и извнѣ деревомъ, навѣрное загорѣлся бы отъ громоваго удара.

Допустивъ это, мы должны, по слѣдамъ Михаэлиса и Лихтенберга, найдти причину этого явленія. Причина сія весьма-проста: іерусалимскій храмъ случайно *вооруженъ былъ громоотводами,* подобными тѣмъ, которые употребляются нынѣ, и которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ Франклину!

Кровля храма, сдѣланная въ родѣ итальянской, и украшенная кедровою обдѣлкою, густо-позолоченною, уставлена была по всему своему протяженію длинными, остроконечными позолоченными желѣзными или стальными копьями. По сказанію Іосифа, архитекторъ назначалъ ихъ для воспрепятствованія птицамъ садиться на кровлю. Стѣны зданія также покрыты были по всему протяженію деревомъ, сильно-позолоченнымъ. Наконецъ подъ преддверіемъ храма находились во-

доемы, въ которые стекала съ крышъ вода посредствомъ металлическихъ трубъ. Мы находимъ здѣсь и прутья громоотводовъ, и такой избытокъ проводниковъ, что Лихтенбергъ былъ совершенно-правъ, увѣряя, что десятая часть новѣйшихъ приборовъ далеко не представляетъ столь удовлетворительнаго соединенія обстоятельствъ.

Словомъ, іерусалимскій храмъ, остававшійся въ-теченіе болѣе 1000 лѣтъ неприкосновеннымъ, можетъ быть приведенъ, какъ самое ясное доказательство дѣйствительности громоотводовъ.

Въ Каринтіи, въ замкѣ графа Орсини, церковь, стоявшая на возвышеніи, такъ часто подвергалась ударамъ молніи, причинявшимъ столь много несчастій, что наконецъ перестали отправлять въ ней богослуженіе въ лѣтнее время. Въ-теченіе 1730 года, одинъ громовой ударъ совершенно разрушилъ колокольню. Послѣ того, какъ она была вновь построена, молнія продолжала ударять въ нее, среднимъ числомъ, четыре или пять разъ въ годъ. Прошу замѣтить, что въ этомъ исчисленіи не принимались въ разсужденіе необыкновенныя грозы, во время которыхъ колокольня *въ одинъ день* подвергалась *пяти* и даже *десяти* громовымъ ударамъ. Около половины 1778 года, колокольня, грозившая разрушеніемъ, въ-слѣдствіе одной изъ такихъ грозъ, была сломана и вновь выстроена; но въ этотъ разъ снабдили ее громоотводомъ и хорошимъ проводникомъ. Въ 1783 году (когда составлена была записка Лихтенберга, изъ коей я почерпнулъ всѣ сіи подробности), то-есть послѣ *пяти-лѣтняго* періода, вмѣсто *двадцати* или *двадцати-пяти ударовъ*, колокольня подверглась только одному; но и тотъ, упавъ на металлическое остріе, не причинилъ никакихъ несчастій.

Весною 1750 года, молнія ударила въ башню голландской церкви въ Нью-Йоркѣ. Отъ колокола она перенеслась къ часамъ, находившимся на 23 или 26 фут. ниже, слѣдуя сквозь нѣсколько потолковъ по направленію проволоки, посредствомъ которой зубчатыя колеса приводили въ движеніе часовой молотокъ. Пока не прерывался металлъ, она не нанесла ни малѣйшаго вреда строенію, даже не расширила отверстій въ потолкахъ, сквозь которые пропущена была проволока, хотя они имѣли не болѣе ½ дюйма въ діаметрѣ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нижняго конца своего, проволока не потерпѣла ника-

кого вреда кромѣ того, что доведена была до двухъ третей первоначальной толщины своей. Въ-низу она была совершенно расплавлена, но, начиная отъ этой же точки, молнія бросилась на петли ближайшей двери, раздробила ее и разсѣялась.

Въ 1763, громъ упалъ на ту же колокольню и произвелъ *подобныя же дѣйствія*, хотя проволока, соединявшая молотокъ съ зубчатою системою часовъ, замѣнена была мѣдною цѣпочкою.

Въ 1765 году новый ударъ. Тогда прутъ флюгера сообщался съ желѣзнымъ, непрерывнымъ проводникомъ, проведеннымъ съ внѣшней стороны зданія и погружавшимся во влажную землю: и въ этотъ разъ молнія не тронула ни двери, ни проволоки часоваго молотка; равнымъ-образомъ и строеніе не подверглось никакому вреду.

Церковь св. Михаила въ Черльстоунѣ, съ самаго построенія своего подвергалась ударамъ молніи *каждые два или три года*. Наконецъ рѣшились поставить на ней громоотводъ. Въ 1774 году г-ну Генлею (Henley) писали изъ Америки, что въ продолженіе *четырнадцати лѣтъ* со времени постановленія прибора, церковь болѣе не подвергалась ударамъ.

Въ 1772 году, Тоальдо напечаталъ, что королевскій за̀мокъ Валентино въ Туринѣ не поражается молніей съ-тѣхъ-поръ, какъ Беккарія поставилъ на главныхъ павильйонахъ его высокіе металлическіе прутья, къ которымъ примыкали проволоки, погруженныя въ землю. До этого времени за̀мокъ часто подвергался разрушеніямъ.

Колокольня св. Марка, въ Венеціи, построеніе которой относится къ весьма-отдаленнымъ временамъ, имѣетъ не менѣе 320 футовъ высоты. Одна пирамида, довершающая ее, вышиною въ 85 футовъ. На вершинѣ ея поставлена деревянная, покрытая мѣдью статуя ангела, въ 9, 6 футовъ высотою.

Большая высота этой колокольни, отдѣльное положеніе ея, и сверхъ-того множество желѣзныхъ частей, вошедшихъ въ строеніе, сильно подвергали ее дѣйствію молніи. И въ-самомъ-дѣлѣ, она часто была поражаема. Къ-сожалѣнію, въ спискахъ города не упоминается о всѣхъ ударахъ; въ нихъ означены только тѣ удары, послѣ которыхъ зданіе требовало дорогихъ починокъ. Вотъ таблица ихъ:

1388, 7 іюня (подробностей не показано);
1417, ... сгорѣла пирамида;
1489, 12 августа, пирамида снова обращена въ пепелъ;
1548, въ іюнѣ (подробностей не показано);
1565, . . . (то же);
1653, . . . (то же),
1745, 23 апрѣля, большія поврежденія. Тридцать-семь трещинъ грозили зданію разрушеніемъ. Починка стоила болѣе 8000 дукатовъ.
1761, . . . небольшія поврежденія;
1762, 23 іюня, значительныя поврежденія.

Въ началѣ 1776 года, на колокольнѣ св. Марка поставленъ громоотводъ. Мнѣ неизвѣстно, чтобы съ этого времени она подверглась ударамъ молніи.

Въ прекрасную сьеннскую башню весьма-часто ударяла молнія, и каждый разъ наносила ей сильный вредъ. Едва поставили на ней въ 1777 году громоотводъ, какъ 18 апрѣля опять послѣдовалъ ударъ, но уже не причинилъ ей ни малѣйшаго вреда.

Въ одной запискѣ Гарриса я нашелъ, что въ Девоншейрѣ есть *шесть* церквей съ высокими колокольнями; что въ-продолженіе небольшаго числа лѣтъ, во *всѣ шесть* ударяла молнія, что *одна* только не подверглась при этомъ никакому вреду, и что это была именно та, на которой находился громоотводъ.

Женева подвержена сильнымъ грозамъ, и, не смотря на то, башни соборной церкви ея болѣе двухъ-съ-половиною вѣковъ не подвергаются громовымъ ударамъ, хотя онѣ выше всѣхъ зданій въ городѣ и господствуютъ надъ всѣми окрестными предметами на большомъ разстояніи. Напротивъ-того, колокольня сен-жервеская (St.-Gervais), будучи *гораздо-ниже*, довольно-часто терпитъ вредъ отъ метеора.

Въ 1771 году, Соссюръ искалъ причину этой странности, и нашелъ ее въ *случайныхъ проводникахъ*, существующихъ на башняхъ. Средняя башня стоитъ около 300 лѣтъ, «и какъ она вся деревянная» говоритъ Соссюръ «то вѣроятно, что, подобно тому, какъ теперь, она и всегда была покрыта жестью отъ верха до низа; но понятно, что столь значительный объемъ металла долженъ образовать превосходный проводникъ, который, соединяясь обширнымъ основаніемъ своимъ со всѣми частями зданія, легко могъ встрѣтить на протяженіи своемъ *другое вещ-*

ство, которое довершило бы сообщеніе». Чтобъ дополнить изъясненіе знаменитаго физика, прибавимъ, что сообщеніе съ землею производилось, правда, въ весьма различныхъ степеняхъ, *всѣми веществами*, всѣми частями зданія, и что такимъ-образомъ сила замѣнялась числомъ. Наконецъ замѣтимъ, что свинцовыя или жестяныя трубы, болѣе столѣтія существующія на стѣнахъ храма, и назначенныя для отвода дождевой воды въ землю, образуютъ сообщеніе, быть-можетъ, болѣе-совершенное, чѣмъ обыкновенные прутья.

Большая лондонская колонна, называемая Монументомъ, поставлена въ 1677 году Христофоромъ Реномъ (Wren), въ память сильнаго пожара въ столицѣ. Она имѣетъ 202 фута высоты, считая отъ мостовой улицы Фишъ (Fish-street). Верхняя часть ея оканчивается широкою металлическою чашею, наполненною множествомъ поясовъ, болѣе или менѣе округленныхъ, направленныхъ въ различныя стороны, изображающихъ пламя, и потому *оканчивающихся остріями*. Отъ этой части до галлереи опускаются вертикально четыре толстыя желѣзныя полосы, служащія опорою ступенькамъ лѣстницы изъ того же металла, примыкающей къ вершинѣ колонны. Одна изъ четырехъ полосъ (она имѣетъ въ-низу не менѣе 5 дюйм. ширины и 1 д. толщины) сообщается съ желѣзными перилами лѣстницы, опускающимися до земли. Итакъ здѣсь находимъ и соединенныя острія нѣкоторыхъ громоотводовъ и проводникъ. Я не слыхалъ, чтобы съ 1677 года молнія хотя разъ ударила въ Монументъ.

12 іюля 1770 молнія ударила *въ одно время въ*, *слюпъ* (sloop), не имѣвшій громоотвода, въ два дома, находившіеся въ тѣхъ же обстоятельствахъ, и въ третій домъ, защищенный однимъ изъ сихъ приборовъ. Во всѣхъ четырехъ точкахъ ударъ казался ужаснымъ. Первые два дома и *слюпъ* потерпѣли сильный вредъ; домъ, вооруженный громоотводомъ, остался совершенно-невредимъ: только остріе громоотвода было расплавлено на довольно-большой длинѣ.

Въ 1813 году, въ ямайскомъ королевскомъ портѣ, громъ ударилъ въ корабль Норджъ и въ одинъ купеческій корабль, на которыхъ не было громоотводовъ, и нанесъ имъ сильный вредъ. Прочія суда, въ большомъ числѣ стоявшія въ портѣ и окру-

жавшія два предъидущіе корабля, не потерпѣли ни малѣйшаго вреда: всѣ они были снабжены громоотводами.

Въ январѣ 1814, громъ упалъ въ плимутскій портъ. Изъ множества стоявшихъ тамъ кораблей *одинъ подверся удару* и былъ поврежденъ. Это былъ корабль Мильфордъ: на немъ *одномъ* не было громоотвода.

Въ январѣ 1830, въ проливѣ Корфу три страшные громовые удара падали на громоотводъ англійскаго корабля Этны: онъ не потерпѣлъ никакого вреда. Корабли *безъ громоотводовъ*, Мадагаскаръ и Москето, стоявшіе невдалекѣ отъ Этны, также подверглись ударамъ, но вредъ, происшедшій на оныхъ, былъ значителенъ.

Громоотводы, состоящіе изъ длинныхъ и острыхъ прутьевъ, притягиваютъ ли молнію?

Я доказалъ, что молнія, падая на зданія, защищенныя хорошими громоотводами, не наноситъ вреда имъ. Громоотводы, поставленные въ достаточномъ числѣ, составляютъ почти вѣрное предохранительное средство. Я не знаю ни одного случая, когда бы они оказались недѣйствительными, безъ того, чтобы тотчасъ же не открыли въ устройствѣ ихъ какихъ-нибудь очевидныхъ недостатковъ. Впрочемъ, не утверждаю, что весьма-рѣдкія исключенія изъ этого *совершенно невозможны*. Если сильное дѣйствіе металлическихъ и въ-особенности остроконечныхъ прутьевъ на громовую матерію, содержащуюся въ облакахъ, или излетѣвшую изъ нихъ въ видѣ *извивистой* полосы и несомнѣнно, то нельзя сказать этого о томъ случаѣ, когда молнія принимаетъ видъ *огненнаго шара* и кажется скопленіемъ вѣсомыхъ веществъ. Впрочемъ, эти исключительные случаи столь рѣдки, что не стоитъ труда заниматься ими. Потому не въ этомъ отношеніи громоотводы возбуждаютъ сомнѣніе: предохранительнаго свойства ихъ никто не опровергаетъ; только многіе думаютъ, что, по образу дѣйствія своего, они *привлекаютъ молнію*, и отъ этого домъ, снабженный громоотводомъ, чаще бываетъ *поражаемъ*, чѣмъ безъ онаго!

Ноллетъ поддерживалъ это мнѣніе въ 1764 году; Вильсонъ былъ также ревностнымъ его защитникомъ; помощь *проводника* не казалась имъ *несомнѣнною* и потому многочисленность ударовъ, привлекаемыхъ остріемъ, по мнѣнію ихъ, должна была

одержать верхъ надъ полезными дѣйствіями проводника. Такимъ-то-образомъ эти два физика объясняли, что франклиновы громоотводы *болѣе опасны, нежели полезны.*

Безъ-сомнѣнія, покажется удивительнымъ, если я буду утверждать, что даже въ сочиненіяхъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ франклинова изобрѣтенія, встрѣчаются довольно явные слѣды мнѣнія, что остроконечные прутья громоотводовъ увеличиваютъ число громовыхъ ударовъ; но спрашиваю, какъ же истолковать слѣдующее правило Тоальдо: «что касается до пороховыхъ магазиновъ, то *должно оставаться въ оборонительномъ положеніи,* не ставить заостренныхъ прутьевъ на зданія и довольствоваться сообщеніемъ всѣхъ замѣчаемыхъ на немъ металлическихъ частей съ проводникомъ»?... Этотъ предразсудокъ заставляетъ многихъ избѣгать употребленія громоотводовъ по тому же самому чувству, которое удерживало бы ихъ вдали отъ толстаго бруствера, противъ коего безпрестанно направляются безсильныя ядра баттареи; но этотъ предразсудокъ будетъ вполнѣ опровергнутъ, если примемъ на себя трудъ разсмотрѣть съ нѣкоторымъ вниманіемъ факты, приведенные въ предъидущей главѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, что мы видимъ въ *каринтійской* церкви? *Четыре* или *пять* ударовъ *въ годъ,* пока не было громоотвода, и *одинъ ударъ въ пять лѣтъ* послѣ постановленія прибора.

Въ черльстоунской церкви *уменьшеніе* такъ велико, что въ 14 лѣтъ не было ни одного вредоноснаго удара, между-тѣмъ, какъ, судя по тому, что случалось прежде устроенія громоотвода, должно бы ожидать 6 или 7.

Въ Валентино громоотводы Беккаріи совершенно устранили громовые удары, которые прежде были весьма-обыкновенны.

Монументъ въ Лондонѣ, кажется, не подвергался ударамъ въ-теченіе 162 лѣтъ, не смотря на то, что онъ защищенъ громоотводомъ только случайнымъ.

Въ 1814, въ плимутскомъ портѣ, между множествомъ кораблей, *одинъ только подвергся громовому удару,* и на немъ одномъ не было громоотвода.

Наконецъ, вотъ случай, который покажетъ намъ природу на самомъ дѣлѣ ея:

21 мая 1831, во время сильной грозы, корабль Каледонія

плавалъ по плимутскому заливу. Изъ города видѣли, что молнія *бросалась* въ море въ небольшихъ разстояніяхъ отъ корабля; *она падала* также на берегъ и наносила тамъ вредъ: но Каледонія, вооруженный своими громоотводами, не подвергался ударамъ и плавалъ безопасно, какъ при ясномъ небѣ.

Я привелъ множество случаевъ, потому-что въ подобномъ предметѣ число всего важнѣе. Одинъ или два случая, благопріятные или противные разсматриваемому мною предложенію, не имѣли бы никакой важности. Причину доказаннаго нами любопытнаго вліянія громоотводовъ легко откроетъ всякій, обратясь къ опытамъ Беккаріи надъ множествомъ искръ, которыя во время грозы безмолвно извлекались изъ тучъ остроконечными прутьями Валентино. Впрочемъ, ясенъ ли разсматриваемый фактъ въ теоретическомъ отношеніи, или непонятенъ, а во всякомъ случаѣ справедливость его несомнѣнна: и *громоотводы не только имѣютъ свойство дѣлать громовые удары безвредными, но сверхъ-того, вліяніемъ своимъ они значительно уменьшаютъ число этихъ ударовъ.*

Араго.

Примѣчаніе. Представивъ наконецъ вполнѣ читателямъ переводъ сочиненія знаменитаго г. Араго, помѣщеннаго въ *Annuaire du Bureau des Longitudes* за минувшій 1838 годъ, мы считаемъ за нужное упомянуть, что въ одномъ изъ нашихъ журналовъ была напечатана статья подъ заглавіемъ: *Разныя средства, какими люди предохраняютъ себя отъ молніи.* Главная часть этой статьи взята цѣликомъ у Араго. Не будемъ говорить о томъ, что въ изложеніе фактовъ вкрались ошибки въ показаніи времени и мѣста происшествій, о томъ, что, понастоящему, не слѣдовало бы выдавать чужіе труды за свои собственные, а напротивъ показать, откуда *перевелъ* журналъ всѣ данныя, служащія основаніемъ его разсужденіямъ, данныя, которыя должно было отъискивать, собирать во множествѣ ученыхъ сочиненій съ большимъ пожертвованіемъ трудовъ и времени,—обратимъ вниманіе читателей нашихъ на ложное направленіе, какое сочинитель далъ статьѣ своей. Въ началѣ перевода онъ помѣстилъ собственное разсужденіе, въ которомъ старается безотчетно увѣрить, что громоотводы не

только безполезны, но даже опасны. Выписываемъ его слово въ слово:

«Пока люди вѣрили громоотводамъ, подобное разсужденіе было бы излишнее(!), но теперь, съ упадкомъ *славы отводовъ,* надобно опять позаботиться о себѣ. Есть ли нынче градовые (?) отводы? Можно сказать, что уже ихъ нѣтъ, они оставлены. Не смотря на всѣ утайки и уловки приверженцевъ франклиновой теоріи, опытъ удостовѣрилъ непредубѣжденную часть публики, что болѣе вредны, чѣмъ полезны эти высокіе, заостренные *пруты,* которые ставили (?) на зданіяхъ: они скорѣе привлекаютъ къ нимъ (?) молнію, нежели обезоруживаютъ или, какъ тогда говорили, непримѣтно разряжаютъ громовую тучу, вытягивая изъ нея электричество. Даже самые ревностные послѣдователи теоріи должны были признаться, что высокіе *пруты* опасны. Съ тѣхъ поръ *высота* и слава громовыхъ отводовъ постепенно понижались, и дѣло дошло наконецъ до того, что теперь совѣтуютъ уже не ставить никакихъ *прутовъ,* — слѣдственно не ставить никакихъ отводовъ, — а только отъ самыхъ возвышенныхъ и выдающихся точекъ зданія проводить до земли металлическія полоски. Тѣ, *которые* хотятъ спасти этимъ славу знаменитаго изобрѣтенія, *которое* называли нѣкогда торжествомъ физики, вѣрнымъ средствомъ вырывать громы изъ рукъ Юпитера, кажется, не примѣчаютъ, что съ уничтоженіемъ заостренныхъ *прутовъ,* уничтожилась и вся теорія; надежда на обезоруживаніе громовыхъ тучъ рушилась: теперь хотятъ уже не разряжать тучи, не предупреждать громъ, не отвратить ударъ молніи, но, просто, дать по металлическимъ полоскамъ стокъ электричеству въ землю, когда молнія ударила въ зданіе. Слѣдственно это уже не громо-отводы, но скорѣй громо-проводы. Конечно, и эти скромные проводники уже ударившей молніи были бы еще важною услугою науки человѣчеству (?), если бы они всегда надежно переливали въ землю громовую матерію, но, къ-несчастію, помощь ихъ въ подобныхъ случаяхъ очень невѣрна. Молнійное электричество такъ своенравно, что оно часто, безъ всякой видимой причины, оставляетъ проводники, которые мы ему подставили, изъ металлическихъ полосокъ перелетаетъ въ другія мѣста, и иногда поражаетъ предметы, довольно отдаленные. Словомъ, ни громоотводы, ни громопроводы не обезпечиваютъ достаточно ни зданій, ни лицъ (?). Какъ же быть? . . »

Далѣе слѣдуютъ факты изъ статьи Араго, въ которыхъ ни слова не упоминается о громоотводахъ, и которые въ подлинникѣ и нашемъ переводѣ помѣщены въ главѣ подъ названіемъ: «О средствахъ, которыми люди думали *лично* предохранить себя отъ молніи». Что же касается до громоотводовъ (которые ставятся надъ зданіями, а не надъ *лицами:* лица будутъ уже защищены зданіемъ, непосредственно предохранен-

нымъ отъ ударовъ грома), то о нихъ говорится въ другихъ главахъ.

Безъ-сомнѣнія, подобные рѣшительные приговоры не могутъ имѣть вѣса въ глазахъ ученыхъ естествоиспытателей, но они могутъ дѣйствовать, въ отношеніи несовсѣмъ-выгодномъ для науки, на остальную часть публики, которая, не имѣя возможности слѣдить подробно за всѣми отраслями разнообразныхъ человѣческихъ знаній, можетъ быть введена въ заблужденіе и въ-самомъ-дѣлѣ повѣрить, что громоотводы вздоръ и что безъ нихъ можно обойдтись. Въ предметѣ столь общеполезномъ, касающемся важнѣйшихъ потребностей общественной жизни, всякій *имѣетъ полное право требовать,* чтобы современныя періодическія изданія излагали истины, открываемыя науками, и полезныя приложенія ихъ къ потребностямъ жизни въ настоящемъ, неискаженномъ ихъ видѣ.

Въ предложенномъ здѣсь полномъ переводѣ статьи Араго́ читатели видѣли, что даже и этотъ ученый, снискавшій европейскую знаменитость трудами и глубокими свѣдѣніями своими по части естественныхъ наукъ, удерживается отъ приговоровъ рѣшительныхъ, не излагаетъ безотчетно ни одного мнѣнія, ни одного замѣчанія, но подтверждаетъ каждое большимъ или меньшимъ числомъ фактовъ, по-мѣрѣ возможности и смотря по важности предмета. *Ред.*

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.

—

1. *Изящное, разсматриваемое въ его сущности, или въ идеѣ.*

Сознавая идеи и потребности умственной природы, человѣкъ стремится постигнуть внутреннюю сущность и связь творенія; выполняя потребности нравственной природы, развиваетъ онъ силу воли; идеи и потребности изящной природы обнаруживаются влеченіемъ къ предметамъ, развивающимъ въ немъ безконечную дѣятельность духа. Въ первомъ стремленіи выражается истина, во второмъ—благо, въ третьемъ—изящное.

Потребность духа нашего раскрываться въ такихъ явленіяхъ, въ которыхъ сливаются умственныя и нравственныя силы, называется *эстетическою,* а предметы, удовлетворяющіе этой потребности и вмѣстѣ возбуждающіе ее, *изящными.* Ученыя произведенія, представляющія одно умственное совершенство, равно и дѣянія, нравственно-совершенныя, отдѣльно разсматриваемыя, далеки отъ изящества. По-этому изящное, не какъ простая, а какъ сложная идея, относится ко всѣмъ силамъ нашего духа.

Истинное и благое, какъ идеи, составляющія внутреннюю, независимую сущность предметовъ, соединяясь въ чувствѣ изящнаго, облекается въ чувственное, осязаемое совершенство; здѣсь идеальное становится дѣйствительнымъ явленіемъ. По-этому изящное имѣетъ цѣль свою въ самомъ-себѣ.

Изъ происхожденія идеи изящнаго слѣдуетъ, что она не можетъ быть вполнѣ выражена, становясь явленіемъ; всякое

выраженіе изящнаго, изображеніе идеала, есть только приближеніе къ идеѣ изящнаго; эта идея составляетъ безконечную задачу природы и искусства. Она — родъ тѣхъ ирраціональныхъ чиселъ, къ которымъ мы приближаемся на безконечно-малое разстояніе, но достигнуть ихъ никогда не можемъ.

Идея изящнаго, облекающаяся въ форму созерцанія, принадлежитъ фантазіи. Образъ, соотвѣтственно этой идеѣ составляемый, есть *идеалъ* (idea in individuo), *видѣніе*. Очевидно, что *все изящное идеально*. Изящное въ явленіи удерживаетъ только законы, по которымъ и явленія природы возможны; форма же внѣшняя возвышается надъ обыкновенною, дѣйствительною природою, удерживая только характеръ цѣлаго ряда или порядка явленій: изящное произведеніе представляетъ не то, что̀ есть дѣйствительно, а что̀ быть можетъ.

Такимъ-образомъ въ изящномъ произведеніи сливается духовное съ вещественнымъ: одно запечатлѣваетъ его мыслію другое облекаетъ мысль въ тѣло. Слѣдовательно, изящное въ сущности есть сліяніе истины и блага; какъ явленіе, оно представляетъ выраженіе духа нашего въ формахъ природы.

2. *Изящное, разсматриваемое въ явленіи.*

Изящное, исходя изъ области идей, облекается въ опредѣленный идеалъ, и, становясь явленіемъ, принимаетъ формы видимаго міра, образуетъ искусство. Формы же явленій природы суть пространство и время: по-этому изящное необходимо должно разлагаться по способу соединенія идеи съ формою и по условіямъ пространства и времени.

Если въ сліяніи безконечнаго духа съ формою внѣшней природы, перевѣсъ бываетъ на сторонѣ перваго, то изящное является *высокимъ*. Перевѣсъ формы надъ идеею производитъ *прелестное*. Но совершенное сліяніе безконечнаго духа съ конечною формою природы мы называемъ *прекраснымъ*.

Высокое развиваетъ въ насъ дѣятельность безконечнаго духа, который выражается внутреннимъ или внѣшнимъ дѣйствіемъ. Внутреннее дѣйствіе есть сила мысли: такова мысль Нютона о всемірномъ тяготѣніи. Внѣшнее дѣйствіе обнаруживается поступкомъ: такова вся жизнь Петра-Великаго. Въ природѣ высокое также является со стороны внутренней и внѣшней: непостижимая сила явленій, быстрота, могущество — высокое

внутреннее; неисчерпаемая полнота, огромность, пространство —высокое внѣшнее.

Такое же различие представляется и въ прекрасномъ: простая, естественно-выраженная мысль — есть прекрасное ума; поступокъ, сообразный съ нравственнымъ закономъ—прекрасное воли.

Эти проявленія изящнаго, снова сливаясь одно съ другимъ, производятъ особые роды изящныхъ явленій, каковы: благородное, трогательное, любезное и другія. Но во всѣхъ показанныхъ видахъ изящнаго, общій характеръ—гармонія, стройное соединеніе идеи съ формою; напротивъ, изображенія несогласія формы съ идеею производятъ *смѣшное*. Человѣкъ, какъ существо, одаренное духомъ безконечнымъ, представленный подъ владычествомъ чувственности, раждаетъ въ насъ улыбку.

Несогласіе, равно какъ соединеніе идеи съ формою, можетъ быть преимущественно въ формахъ природы или въ усиліяхъ человѣческаго духа. Отсюда роды смѣшнаго: *гротескъ* и *пародія*. Такъ арабески, какъ одинъ изъ видовъ гротеска, суть произведенія фантазіи, въ которыхъ разстроенъ наружный видъ естественныхъ произведеній, но сохранена идея жизненнаго начала. Арабески возбуждаютъ мысль о безконечности въ конечномъ извращеніи: разрушая безпрестанно начатый образъ природы, они какъ-бы играютъ съ нею, изъ ея элементовъ образуютъ особый міръ и проявляютъ совершенную независимость духа. Подобныя извращенія встрѣчаются въ жизни духовной, когда своевременная фантазія живописуетъ возможное совершенство, въ существахъ ограниченныхъ. Комическій взглядъ на человѣчество и природу вмѣстѣ есть основаніе *юмора*. Здѣсь противополагается конечность всего окружающаго насъ и стремленіе духа къ безконечному.

3. *Изящное природы и искусства.*

Изящное представляетъ цѣлое, въ которомъ безконечная идея съ конечною формою находится въ совершенномъ единствѣ. Это воззрѣніе на изящное показываетъ различіе изящнаго въ природѣ и искусствѣ. Всякое твореніе искусства есть идея въ извѣстной формѣ, или въ извѣстномъ образѣ (идеалъ). Изящное же въ природѣ разсѣянно по безчисленнымъ явленіямъ од-

ного какого-либо рода; полное проявленіе идей разлито во всей вселенной, которой человѣкъ обозрѣть не въ-состояніи. По-этому изящное собственно находится въ искусствѣ; отдѣльныя явленія извѣстнаго рода въ природѣ называются изящными только относительно. Вселенная представляется высочайшею красотою существу безусловному, *иже вездѣ сый и вся исполняяй;* но мы называемъ отдѣльныя явленія въ природѣ прекрасными, когда дополняемъ ихъ идеею и оживляемъ, влагаемъ въ нихъ идею, какъ душу въ тѣло. Отсюда одушевленіе природы человѣкомъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ — этотъ безконечный антропоморфизмъ.

Если идея изящнаго осуществляется только въ искусствѣ, то справедливо называемъ мы *искусство представленіемъ изящнаго;* посредствомъ искусства только врожденная идея изящнаго переходитъ въ явленіе.

Изъ этого также слѣдуетъ, что простое списываніе съ природы не можетъ быть изящно. Такъ снимокъ съ какого-либо лица, какое бы сходство ни имѣлъ онъ съ изображаемымъ лицомъ, не можетъ быть изящнымъ произведеніемъ, если, кромѣ сходства съ отдѣльнымъ лицомъ, не выражаетъ еще идеи, какого-либо общаго свойства, напр. доброты, остроты и проч. Списокъ съ какого-либо сельскаго вида также не будетъ изящнымъ, если не выразитъ вмѣстѣ съ этимъ какой-либо идеи, наприм. счастія поселянина. Этою идеею, которую мы влагаемъ или вносимъ въ предметы природы, мы придаемъ предметамъ высшее значеніе, и они становятся поэтическими, изображеніями идеаловъ.

Ясно, что *подражаніе природѣ,* какъ понимаютъ его эмпирики, не можетъ быть началомъ искусства. Недостаточно также для основанія искусства и впечатлѣній, производимыхъ изящными предметами на духъ нашъ, который удовлетворяется только идеалами. Напротивъ, если названію природы мы придаемъ значеніе вселенной и представляемъ въ ней творческій духъ, то такое подражаніе природѣ должны принять за высочайшее искусство: въ этомъ смыслѣ творящій духъ природы то же, что̀ творящій духъ искусства.

Какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, изящное представляется или въ покоѣ (пространство), или въ движеніи (время). Прекрасныя очертанія, цвѣты или краски, порядокъ, безпре-

дѣльность принадлежатъ къ первому роду представленій; ко второму роду относятся явленія силы, быстроты, звуковъ, порывовъ чувства или страстей; но въ этомъ смыслѣ очертанія, движеніе и пр. суть идеи, и на-оборотъ, въ смыслѣ художественномъ, идея съ формами своими представляютъ одно цѣлое.

Въ чемъ же состоитъ творчество искусства? Идеи, или возможность предметовъ и явленій, мы всѣ имѣемъ, потому-что мы всѣ можемъ представлять предметы и явленія въ ихъ всеобщности; но не всѣ мы можемъ изображать эту всеобщность и безконечность въ прекрасномъ, отдѣльномъ видѣ, проявлять ихъ въ одномъ цѣломъ. Для этого избранные имѣютъ творческую силу давать прекрасный, конечный видъ безконечной идеѣ— фантазію (Bildungskraft). Посредствомъ этой способности духа общее становится особымъ (individuell) явленіемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что художникъ только идею облекаетъ въ формы, или образуетъ идеалы (Vorstellung), и ихъ изображаетъ (Darstellung).

Такимъ-образомъ идея, проявленная художникомъ, становится нашею собственностью: возсоздавая ее въ самихъ-себѣ, мы наслаждаемся творчествомъ художника. Возсозданіе художественнаго произведенія (Einbildungskraft) происходитъ по тѣмъ же законамъ сознанія нашего, по которымъ творитъ его художникъ. На этомъ основывается возможность *критики* въ искусствѣ.

Отсюда ясно различіе творческаго духа въ художникѣ и духа критика, сознающаго творчества, или генія и вкуса; геній создаетъ произведенія, вкусъ—ихъ возсоздаетъ.

Если изящное произведеніе является само-собою и развивается изъ себя, то явленіе его свободно, хотя все проникнуто законами духа и природы. Эти законы художественнаго произведенія, какъ явленія, одинаковы съ законами всякаго организма: какъ изображеніе идеи, изящное произведеніе должно имѣть *единство;* какъ форма, оно необходимо нуждается въ *гармоніи*; какъ отъ совокупности идеи и формы, отъ него требуется *полнота.*

4. *Разности изящнаго въ-отношеніи къ мѣсту и времени.*

Не смотря на то, что идея изящнаго есть общее достояніе человѣчества, художникъ и поэтъ подлежатъ вліянію времени и мѣста: отъ-того и творческія произведенія, отражающія въ себѣ вѣчныя идеи, носятъ на себѣ отпечатокъ мѣста и времени. Созданіе духа въ юности народовъ, развивающееся, по естественному его ходу, отъ внѣшняго къ внутреннему, представляетъ идеалъ изящнаго во внѣшней природѣ; съ большимъ развитіемъ сознаніе отличаетъ отъ внѣшней природы высшій идеалъ, представленный фантазіею внѣ природы и отъ нея отдѣльно. Отъ этого необходимаго хода развитія сознанія различіе въ идеалѣ изящнаго въ древнемъ и новомъ мірѣ: изящество древнихъ по преимуществу *внѣшнее, пластическое;* изящное новыхъ временъ—*внутреннее, романтическое.*

Когда первообразъ изящнаго въ древнемъ мірѣ заключался въ природѣ и въ ея законахъ необходимости, человѣкъ составлялъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое. Когда же онъ изведенъ былъ изъ видимой природы, человѣкъ въ сознаніи свободы духа обрѣлъ высшій первообразъ, внутренній. Въ древнемъ мірѣ дѣйствительныя существа и явленія лишь только облагороживаются и очищаются въ формахъ. Въ мірѣ новомъ все, представляемое фантазіей, или созерцаемое умственными очами, облекается въ формы видимаго міра.

Различіемъ идеала изящнаго въ отношеніи историческомъ объясняется характеръ изящныхъ произведеній древнихъ и новыхъ: въ первыхъ преобладаетъ правильность, объективная *оконченность;* во вторыхъ—разнообразіе, доходящее до причудливой мечтательности, и субъективная *неопредѣленность.* Тамъ дѣйствительность, природа; здѣсь идеальность, духъ . . . Но какъ изящное условливается согласіемъ идеальнаго начала съ вещественнымъ, идеи съ формою, или свободы съ необходимостію, то и совершеннѣйшее проявленіе изящнаго возможно только въ сочетаніи красотъ классическаго міра съ красотами романтическими. Омирова «Иліада» и дантова «Божественная Комедія» осязательно изображаютъ эти два различные міра. Такое же различіе въ «Аполлонѣ Бельведерскомъ» и въ рафаелевой «Мадоннѣ».

Кромѣ вліянія вѣка на изящныя произведенія, мѣсто также

запечатлѣваетъ ихъ собою. Южная природа, роскошно-лелѣящая человѣка на лонѣ своемъ, развиваетъ въ немъ преимущественно объективную сторону; природа сѣверная, нерадующая его со стороны внѣшней, сосредоточиваетъ духъ въ себѣ-самомъ. Отсюда наклонность южнозападныхъ народовъ къ классицизму древнихъ, а сѣверовосточныхъ—къ романтизму.

Вообще видимая природа, какъ живая мысль безконечной премудрости, возбуждая дѣятельность духа, запечатлѣваетъ собою его произведенія.

5. *Примѣры художественнаго изобрѣтенія.*

Приложимъ основныя истины науки объ изящномъ къ какому-либо роду поэтическихъ созданій. Возьмите любую басню: мысль, въ каждой баснѣ выраженная, всѣмъ намъ общая: «Предъ сильнымъ безсильный всегда виноватъ»; «могущество и знатность подвержены большимъ опасностямъ, нежели слабость и посредственность»; «таланты всегда выражаютъ завистъ» и другія подобныя. Дѣйствительно, идеи, или возможность предметовъ и явленій, всѣ мы представляемъ, потому-что всѣ можемъ представить предметы и явленія въ ихъ всеобщности. Но идеи, для проявленія своего въ изящныхъ образахъ, должны принять частный видъ, изъ общаго перейдти въ отдѣльное, въ одинъ опредѣленный *изящный образъ,* или *идеалъ:* въ этомъ состоитъ тайна искусства, потому-что не всѣ мы можемъ изображать эту всеобщность и безконечность въ прекрасномъ, отдѣльномъ видѣ, проявлять ихъ въ одномъ цѣломъ. Для этого только избранные имѣютъ творческую силу давать прекрасный, конечный видъ безконечной идеѣ. Такъ первую изъ упомянутыхъ общихъ идей Крыловъ выразилъ въ «Волкѣ и Ягненкѣ», вторую Дмитріевъ изобразилъ въ «Дубѣ и Трости», третью,— Хемницеръ въ «Соловьѣ и Воронахъ».

Если вся тайна художественнаго изобрѣтенія, или такъ-называемаго вымысла, состоитъ *въ идеализированіи, въ сведеніи идеи въ идеалъ,* въ искусствѣ соединять общую мысль съ частнымъ образомъ, то слѣдуетъ, что выборъ формы, или того предмета, въ которомъ изображается общая мысль, долженъ быть отличенъ новостью *мировой* истины и свѣжестью *народности, современности.*—Мысль къ предметамъ, въ которыхъ она проявляется, относится, какъ идея къ формѣ: отъ-того изя-

щество на-пр. изобрѣтенія басни состоитъ въ вѣрномъ соотношеніи мысли съ предметомъ; чѣмъ вѣрнѣе это соотношеніе, тѣмъ басня изящнѣе по изобрѣтенію. Какое отношеніе идеи къ формѣ въ баснѣ: *Ружье и Заяцъ,* гдѣ предполагается сходство между дѣйствіемъ ружья и дѣйствіемъ закона? Одно можетъ дѣйствовать и не дѣйствовать: это зависитъ отъ воли стрѣлка; напротивъ, привести въ исполненіе дѣйствіе закона составляетъ долгъ судіи; тамъ произволъ, здѣсь необходимость; по-этому, если понятія о законѣ нельзя замѣнить понятіемъ о ружьѣ въ баснѣ Дмитріева «Ружье и Заяцъ», идея невѣрно сведена въ идеалъ, между идеею и формою отношеніе невѣрно, и басня по изобрѣтенію неизящна. Подобный недостатокъ въ баснѣ Крылова «Плотичка». Мысль та, что шалость иногда становится привычкой, послѣ страстью и, наконецъ, обращаясь въ порокъ, губитъ человѣка. Кто же выражаетъ эту мысль? Плотичка! Еще нѣсколько примѣровъ изъ Хемницера. Поэтъ хотѣлъ выразить въ баснѣ мысль, что невѣжда бываетъ и злой хвастунъ, а ученый обыкновенно скроменъ: какую же форму избралъ онъ для этой идеи? Злой невѣжда выраженъ у него курицей, а ученый, или наука, пчелой! Гдѣ жь тутъ соотношеніе между идеей и формой?—Извѣстно,что умному человѣку бѣда попасть въ домъ къ невѣждѣ. У Хемницера попугай изображаетъ умницу, а женщина, накрывающая попугая горшкомъ, невѣжду. Возможно ли такое соотношеніе?—Или, для успѣха въ дѣлахъ, лучшая надежда на себя самихъ: эту мысль представляетъ вамъ поэтъ въ баснѣ «Перепелка и Крестьянинъ». Есть ли тутъ отношеніе между дѣйствующими лицами? Нѣтъ никакогоК .рестьянинъ обманутъ съ-начала пріятелями, обѣщавшими ему помочь въ жнитвѣ, потомъ родными, наконецъ принужденъ самъ приняться за дѣло. Перепелка въ это время свое дѣло дѣлаетъ: при всякомъ сборѣ на жнитво, она въ тревогѣ за перепелятъ своихъ, которые еще не умѣютъ летать; а въ день настоящей жатвы она кое-какъ убралась со всѣми малютками. Не правда ли, что въ этой рамѣ поставлены двѣ разныя картины? отъ-того и нѣтъ связи между идеей и формой. Тотъ же недостатокъ находите въ басняхъ Хемницера:«Зеленый Оселъ»,«Буквы» «Чужая Бѣда», «Лжецъ». Напротивъ, какая художественная вѣрность въ согласіи мысли съ предметомъ и отъ-того какое изящество въ басняхъ Дмитріева: «Дубъ и Тростъ», «Пѣтухъ, Котъ и

Мышенок» или въ басняхъ Крылова «Бритвы», «Собачья Дружба», «Гуси»!..

Вотъ первый пріемъ эстетической критики при разборѣ изящнаго произведенія — повѣрка изобрѣтенія. Но изящное, замѣтили мы, кромѣ общихъ, міровыхъ красотъ, носитъ на себѣ отпечатокъ извѣстнаго времени, народности. Смотрите на басни Эзопа и Федра: не видите ли въ нихъ тѣхъ обществъ, которыхъ впечатлѣнія они вамъ разказываютъ? Въ эзоповой баснѣ вездѣ представляется хитрость; тутъ лисица — дѣйствующее лицо по преимуществу: она проводитъ осла и является въ различныхъ видахъ въ сорока̀ или болѣе басняхъ. У Федра находимъ другой характеръ общества: у него волкъ съ лисицею не шутитъ; она не проводитъ болѣе осла; напротивъ, оселъ пускается въ разсужденія. Сколько у Федра намековъ на корыстолюбіе, погубившее Римъ, когда онъ былъ Roma venalis! Къ этому роду изящнаго принадлежатъ красоты басень Крылова: мишенька съ медомъ, лисица съ пушкомъ на рыльцѣ, слонъ на воеводствѣ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи первенствуетъ между нашими баснописцами Крыловъ, создавшій басню изъ отечественныхъ элементовъ. Это картины съ лицъ, дѣйствующихъ передъ нами, съ нравовъ и жизни, въ которой мы сами дѣйствуемъ. Прибавьте къ этому русскую замысловатость, колоритъ русской рѣчи, живой, льющейся изъ устъ народа — и вы разгадаете очаровательную прелесть разсказа въ баснѣ Крылова.

Итакъ духъ художника и критика различаются между собою, какъ дѣятельное отличается отъ страдательнаго, потому-что воображеніе возсоздаетъ изящное произведеніе по *даннымъ* художника, на основаніи тѣхъ же законовъ сознанія, по которымъ фантазія творитъ изъ ничего. Законы созданія и возсозданія одинаковы и тожественны: на этомъ основывается возможность критики въ искусствѣ; отсюда изникаетъ наука объ изящномъ, или теорія искусства. Возможно ли, говорятъ иные, подвести подъ правила разума безконечныя созданія фантазіи, которыя только можно чувствовать? Да развѣ чувство изящнаго симпатизируетъ съ изящными произведеніями безъ законовъ разума? Если камень, брошенный рукою, образуетъ слѣдомъ своимъ въ воздушномъ пространствѣ правильную параболу, математически-исчисляемую, то уже ли фантазія можетъ

произвесть что-либо безъ логическихъ законовъ разума? Нѣтъ ничего ни въ природѣ, ни въ духѣ нашемъ, что бы не было построено по высочайшимъ, отъ вѣчности существующимъ законамъ: и открытіе этихъ законовъ, называемое изслѣдованіемъ истины, составляетъ предметъ наукъ, потребность и наслажденіе пытливаго ума человѣческаго. То же самое въ наукѣ объ изящномъ, или въ теоріи искусства: въ наше время никто не думаетъ *учить краснорѣчію, учить поэзіи*, но каждый мыслящій стремится объяснить законы изящнаго въ творящемъ духѣ человѣка по изящнымъ словеснымъ произведеніямъ.

И. ДАВЫДОВЪ.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПѢСНИ ТРУВЕРА.

Es preist der süsse Klang der Lieder
Der Liebe Glück, der Liebe Quaal.
(Frau Kind.)

«Пѣвецъ мой, приближься; святыхъ вдохновеній
Божественнымъ даромъ со мной подѣлись! . . .
Сегодня я жажду твоихъ откровеній, —
Порывы восторга во мнѣ поднялись;
Сегодня пойму я языкъ пѣснопѣній, —
Небесныя силы надъ мной пронеслись;
За повѣсть, за пѣсни пѣвца молодаго
Сегодня всю душу отдать я готова.

«Причуды и воля, мечты и желанья
Поэзіи просятъ: въ тревожной груди
Избытокъ участья, избытокъ вниманья, —
Простора и цѣли лишь ищутъ они.
Дрожитъ на рѣсницахъ слеза состраданья,
Умѣй ее вызвать на пѣсни свои!
Умѣй тронуть сердце, — и чувствомъ глубокимъ
Оно отзовется напѣвамъ высокимъ!» —

Такъ говоритъ барона дочь младая
Труверу пылкому; и, молча, передъ ней
Съ благоговѣніемъ колѣно преклоняя,
Ужь онъ въ умѣ своемъ слагаетъ пѣсню ей.
Онъ струны лютни въ ладъ приводитъ,
Мечтою сердце грѣетъ онъ,
И гордой госпожи красой одушевленъ,
Онъ взора страстнаго съ чела ея не сводитъ.

Умолкли голоса прислужницъ говорливыхъ;
Забывъ веретено, усѣлися онѣ
Вокругъ владычицы, въ радушной тѣснотѣ,
Являя рядъ картинъ красивыхъ.
Лелѣется небрежный отдыхъ ихъ
На креслахъ бархатныхъ и на коврахъ востока;
И двѣ невольницы, поклонницы пророка,
Жгутъ чистый ароматъ куреній дорогихъ.

Зачѣмъ труверъ, онъ робко славитъ
Всевластье женской красоты;
Дѣвицъ внимательныхъ забавитъ
Стихъ полный страсти и мечты.
Глазъ черныхъ блескъ и выраженье,
Ихъ зной, ихъ тысячи огней,
И нѣжныхъ голубыхъ очей
Ласкающее обольщенье;
И шелкъ разсыпанныхъ кудрей,
И стройныхъ ножекъ совершенство,
И легкихъ становъ несравненство, —
Все въ звучной пѣсни славитъ онъ,
Все цѣнитъ онъ, все превозноситъ,
Всему хваленье и поклонъ,
Какъ подобаетъ, онъ приноситъ.

Самодовольная улыбка пробѣгала
Въ собраньи круговомъ по молодымъ устамъ;
И каждая украдкой направляла
Свой потаенный взглядъ къ высокимъ зеркаламъ.

Барона дочь осталась недвижима,
Разсѣянно блуждалъ непостижимый взоръ,
И до ея души, раздуміемъ томимой,
Не доходилъ подругъ тщеславный разговоръ.

Но пѣсни задачу труверъ измѣнилъ:
Онъ юности славитъ пиры и забавы,
Ея хороводы подъ тѣнью дубравы,
При тихомъ сіяньи вечернихъ свѣтилъ;
И шумныя ловли, и рыцарей бои,
Турнировъ блескъ чудный, и чести вѣнецъ,
Дрожащею дамой врученный герою,
При сладкомъ біеньи созвучныхъ сердецъ;
Онъ вспомнилъ, онъ назвалъ съ живымъ наслажденьемъ
И праздники въ зáмкахъ, съ ихъ пляской и пѣньемъ.
И голосъ трувера весельемъ звучитъ,
И въ юномъ собраньи веселье кипитъ,
И рѣзвыя ножки бьютъ тактъ съ нетерпѣньемъ,
И алыя губки ужь вторя̆тъ ему,
И дѣвушекъ мысли въ тревожномъ чаду. . . .
Но, пѣсни волшебной спокойно внимая,
Какъ прежде, межь ними безмолвна одна,
Одна безъ участья, важна, холодна, —
Барона то дочь молодая.

Вѣщихъ струнъ ладъ снова измѣняется,
Отъ живыхъ созвучій перешли онѣ
Къ той гармоніи, что̀ говоритъ душѣ. . .
Въ ихъ напѣвахъ нѣга выражается,
Ихъ усладой сердце восхищается,
Ихъ чудесный гимнъ опасенъ красотѣ.
Про любовь взаимную, счастливую,
Сталъ расказывать восторженный пѣвецъ;
И покрылись краскою стыдливою, —
Вѣрнымъ признакомъ взволнованныхъ сердецъ,
Лица дѣвушекъ; — и свадебный вѣнецъ
Въ ихъ мечтахъ блеститъ звѣздой игривою.
Очи свѣтлыя туманятся слезой,
Иль горятъ огнемъ и думой тайною;

И иная, удрученная тоской,
Ожила надеждою случайною,
И привидѣлся ей образъ дорогой.
Но не трогаетъ всесильной пѣсни сладость
Недоступную ихъ только госпожу; . . .
Для нея чужда, невнятна радость, —
И «*люблю*» она не скажетъ никому...

Но пѣснь печальную началъ теперь труверъ,
Онъ вдохновленъ теперь уныньемъ и страданьемъ,
Онъ выражаетъ страсть, покрытую молчаньемъ,
И тихъ, какъ тайный плачь, и простъ его размѣръ,
Какъ повѣсть краткая любови безнадежной,
Когда душа горитъ въ борьбѣ съ тоской мятежной,
А въ взорахъ и рѣчахъ спокойствіе и ледъ.
И вдругъ барона дочь смущенная встаетъ,
Съ груди трепещущей засохшій миртъ срываетъ,
Его къ ногамъ пѣвца бросаетъ,
И въ образную прочь идетъ.

ГР—НЯ Е. Р—НА.

Село Анна, іюнь 1838.

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

—

—

ДѢТСТВО ПАНА ХАЛЯВСКАГО.

Тьфу-ты пропасть, какъ свѣтъ измѣняется!—Не надивляешься, право... Да; во всемъ, и въ просвѣщеніи, и во вкусѣ, и въ политикѣ, такъ-что не успѣешь приглядѣться къ чему-нибудь, смотри: уже опять новое. Вонъ, у моего сосѣда, у Марка Тихоновича, отъ дѣда и отца былъ домъ обмазанъ желтою глиною; ну вотъ, и былъ, вотъ мы всѣ смотрѣли, видѣли и знали, что онъ желтый; какъ вдругъ, поди!—онъ возьми его, да и выбѣли! И сталъ теперь бѣлый, вотъ какъ бумага. Кто ихъ знаетъ, — а поговариваютъ, что чуть-ли это не молодая невѣстка — что̀ недавно сына женили — такъ не она ли выкинула этакую штуку? И то станется: она въ пансіонѣ воспитывалась!

Всѣ гоняются за просвѣщеніемъ. Вотъ-таки недалеко сказать, мой троюродный братецъ, Василій Дмитріевичь: прошлый годъ о Покровѣ освятили домъ, и правду сказать, домъ пышный, зала огромная—и все хорошо. Нынѣшнее лѣто проѣзжаю мимо, гляжу... вновь прорублены два окна. Любопытства ради, заѣзжаю къ нему, спрашиваю: «На что̀ ты, братецъ, про-

ломалъ окна?»—Темна зала была—отвѣчалъ онъ: теперь въ ней гораздо-болѣе свѣта.

«Совсѣмъ, братецъ, не темна была» сказалъ я: «а это ты наслышался, что просвѣщеніе умножается, такъ ты и стѣны портишь, чтобъ умножить у себя просвѣщеніе.» Вздохнулъ и поѣхалъ отъ него.

Объ образованіи и говорить нечего. Взгляните на всѣхъ нашихъ панычей, пріѣзжающихъ на ваканціи изъ университета: тотъ ли образъ и подобіе у нихъ, какой былъ у насъ, у отцовъ ихъ? Гдѣ косы, гдѣ плетешки, гдѣ выстриженный и взъерошенный верже̄тъ? Измѣнилось, измѣнилось образованіе!

Вкусъ также потерянъ. Гдѣ прежнія водки — красная мастихинная, кардамонная съ золотомъ, инбирная, коричневая, зеленая, голубая? Еще только внесутъ эти шесть карафинчиковъ, такъ по комнатамъ и пойдетъ ароматъ, — истинно ароматъ, какъ теперь обоняю. А когда станешь пить, это, право-слово, наслажденіе! Одной выпьешь, уже на другую позываетъ. Да выпивши, устъ не разведешь: такъ и слипнутся! А теперь? Хотя бы и у нашего предводителя: что̀ это за водка? Совсѣмъ-отличнаго, не-прежняго вкуса. О винахъ говорить нечего. Хороши, канальскіе,— да все уже не тотъ, не прежній вкусъ, которымъ мы наслаждались, пивши наши наливки! — Нѣтъ, именно измѣнился вкусъ!

Политика приняла совсѣмъ другое направленіе — такъ-сказать штатскимъ языкомъ; а просто—перемѣнилась вовсе. Прежде бывало такъ: святками, вотъ я и поѣду къ сосѣду, у кого, по-очереди, всѣ съѣхались. Вхожу, расшаркаюся, всѣмъ общій поклонъ, а потомъ и пошелъ къ ручкамъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ подходить, какъ сидятъ въ-рядъ; знакомымъ и незнакомымъ, старымъ и малымъ—всѣмъ дѣлаешь честь и не про-

пустишь ни одной, чтобы какую безъ умысла не обидѣть. Иная, пріѣхавъ недавно, не успѣла теплыхъ перчатокъ снять, подойдешь къ ней, по ряду; вотъ она хвать—хвать за перчатку, рука вспотѣла, пальцы отекли, перчатка не слазитъ; ужь она и зубами тащитъ, ужь она рветъ ее, а перчатка, хоть-ты что̀, такъ не лѣзетъ!— Видишь, что бѣдненкая барышня мучится, вся вспотѣла, покраснѣла отъ конфузіи какъ калина, сжалишься надъ нею, скажешь: «Не безпокойтеся, сударыня! все равно; пожалуйте и такъ». И хотя въ перчатку, да сдѣлаешь честь, поцалуешь. Тутъ же, только тебя усадили за жирные пироги, изъ которыхъ жирный сокъ такъ и течетъ, при изобильной приправѣ масла и сметаны, вдругъ входитъ одна изъ дочерей хозяйскихъ, или и чужая барышня, которой не было при моемъ пріѣздѣ, и я «съ нею не видался» (т. е. не подходилъ къ ея рукѣ), то я бросаю пирогъ; салфетка не положена при пирогахъ: и я обтираю свой замасленный и засметаненный ротъ носовымъ платкомъ, а если его дома позабылъ, то ладонью, и подхожу къ ручкѣ новопришедшей барышни. Не дай Богъ кого пропустить! Тотчасъ прозовутъ гордымъ. Впрочемъ того требовала политика. А теперь и политика измѣнилась. Опредѣлился въ нашъ земскій судъ секретаремъ изъ приказныхъ гражданской палаты молодой человѣкъ, какъ бы ни было, губернскій секретарь. Вотъ, какъ нужный человѣкъ, мы давай его приглашать. Въ первый съѣздъ, вотъ, у Тимоѳея Васильевича...нѣтъ, лгу,—у Петра Степановича,—смотримъ: онъ входитъ... вѣдь то-то и жаль! роста и фигуры порядочной, немного прихрамливаетъ, но въ планжевыхъ, нанковыхъ, широкихъ брюкахъ, жилетъ изъ красной аладжи, въ бѣлой манишкѣ, блестящія перломутовыя пуговки и булавка, съ изображеніемъ про-

стой мухи, очень-натурально сдѣланной, словно живая; сертучокъ на немъ голубаго камлота, ловко сшитый, на распашку; по всему таки-видно, что этотъ человѣкъ бывалъ въ губернскомъ городѣ въ лучшихъ обществахъ.... Пожалуйте, къ-чему же я это его привелъ?.... Да! Вотъ, такой-то человѣкъ вошелъ въ наше общество и.... кивъ, кивъ головою на всѣ стороны и сѣлъ себѣ на первомъ стулѣ, не давъ хозяину и припросить его, чтобы сѣлъ. Не забудьте же, что тутъ было дамъ и дѣвицъ слишкомъ около двадцати, и много ему знакомыхъ, а онъ ни къ одной и не подошелъ... Ну, божусь же вамъ честію, что ни къ одной не подошелъ. Не вѣрите, спросите у всѣхъ, кто тамъ былъ: всѣ вамъ тоже скажутъ. Такъ вотъ теперешняя политика въ губернскихъ городахъ! Чтò жь? этого мало. На него глядя, и наша вся молодёжъ по его слѣдамъ идетъ, и хоть ты разрекомендуй, что это, дискать, моя жена; а это, молъ, мои дочери: ничего не бывало! Подойдетъ къ самому носу хозяйки, кивнетъ головой—и вся такова! А бѣдныя наши барышни! хоть цѣлый день просиди въ перчаткахъ, никто не потревожитъ! Вотъ тебѣ и политика!

А обхожденіе?... О, обхожденіе совсѣмъ вывелось. Обѣдалъ я въ губернскомъ городѣ, у живущаго тамъ стариннаго моего пріятеля, Осипа Дмитріевича. Чтò жь? Во весь обѣдъ, хотя бы онъ разъ всталъ, да обошелъ гостей, да припросилъ, чтобъ больше кушали и пили. А коли правду сказать, такъ и около себя сидящихъ не просилъ о томъ, и кушалъ все самъ преисправно. Прежде же, когда, бывывало, у него гости обѣдаютъ, такъ онъ не присядетъ, все обходитъ и все упрашиваетъ: «и это скушай, и того прибавь, и этого выпей». Ну, словомъ, изъ души претъ, а онъ умаливаетъ, а онъ суетъ; закормитъ, бывало, и запòитъ. Я, теперь

сидя у него за обѣдомъ, надѣясь на прежнее обхожденіе, съ нѣкоторыми блюдами и рюмками пасовалъ, жду: вотъ хозяинъ встанетъ, подойдетъ, припроситъ.... Не тутъ-то было! Возвратясь въ деревню, разсказалъ женѣ, и мы положили, чтобы у насъ не было обхожденія—и нѣтъ. На насъ глядя, и у сосѣдей оно отмѣнено. Надобно же приноравливаться къ обычаямъ свѣта, который ужасно измѣняется!

И съ нашихъ ли дней свѣтъ началъ измѣняться? Куда!... Семьдесять лѣтъ живу на свѣтѣ, и сколько я видѣлъ перемѣнъ! батюшки мои!...

Вотъ, хоть бы начать съ дѣтства моего.

У нашихъ батиньки и маменьки всего было: Петрусь, Павлусь, Трофимушка, Сидорушка, Офремушка, Юрочка и Сонька, Вѣрка, Надежда и Любка; шесть сыновъ-молодцовъ и четыре дочери, — всего десять штукъ. Мы, сыновья, получали имена, по-тогдашнему, по имени того дня, въ который раждалися, а дочерей батинька желали имѣть по числу добродѣтелей и начали съ премудрости, и были утѣшены, что уже, хотя въ концѣ супружеской ихъ жизни, явилась у нихъ любовь. Тѣмъ и заключилося умноженіе нашего семейства.

Правду сказать, не всѣ сынки были молодцы: одинъ изъ насъ, Павлусь, былъ горбатъ, отъ неприсмотра нянекъ, которыхъ за каждымъ изъ насъ было по двѣ, потому-что батинька былъ богатый человѣкъ. Какъ-то безъ бытности батеньки и маменьки дома, няньки и мамки вышли на крыльцо и, оставя на немъ дѣтей, принялися играть съ дворовыми людьми у хрѣщика. Мы, дѣти, кто бродилъ, а кто ползалъ на крыльцѣ; Павлусь какъ-то оступился и покатился съ крыльца, а крыльцо было высокое; съ него одинъ Сидорушка—о! да и проворная же былъ штука! — могъ только пры-

гать, стало-быть, можете посудить, какъ оно было высоко. Такъ вотъ съ такого-то крыльца, Павлусь, оступившись, скатился въ-низъ, и конечно что-нибудь у себя повредилъ, потому-что все кричалъ. Няньки его увѣрили маменьку, что онъ испугался черной коровы; такъ его лечили отъ испуга и самое надежное, самое вѣрное средство—выливать переполохъ, въ которомъ наши бабы такъ искусны... да что!—И другія такого же рода средства: шептанія на заряхъ, умыванія непочатою водою, слизыванія языкомъ, ну, ничто не помогало, и ребенокъ кричалъ не на животъ, на смерть! На пятомъ уже году увидѣли, что у Павлуся горбъ ростетъ съ-зади. Досталося же тогда нянькамъ! Я думаю, что если онѣ живы еще, то и теперь помнятъ благодарность батеньки и маменьки за присмотръ Павлуся.

Братъ Юрочка и сестра Любочка были изъ насъ послѣдніе. У всѣхъ насъ была оспа натуральная, и мы изъ рукъ ея вышли довольно-порядочными: остались кое-гдѣ на лицахъ рябинки, довольно-значительныя, но все ничего. Но у послѣднихъ брата и сестры была оспа прививная, о которой батюшка прослышалъ, что она вводится. Онъ приказалъ старому Кондрату, который, по-наслышкѣ, могъ рвать зубы, брилъ хорошо и при кровопусканіи держивалъ тарелку. Съ этимъ медикомъ батинька, посовѣтовавшись и распорядившись дѣломъ, приказали ему привить Юрочкѣ и Любочкѣ. Маменька очень плакали и никакъ было не соглашалися, но когда уже батинька что приказывали, маменька повиновалися.

Вотъ и приступили къ дѣлу. Со всѣхъ дѣтей взяли оспенной матеріи и, проколовъ иголкою на рукахъ, ногахъ и на щекахъ по нѣсколько ранокъ, и запустили туда матеріи. Маменька плакали, убивались и нѣ-

сколько-разъ хотѣли сомлѣть, (что̀ теперь называется въ обморокъ упасть), однако же не сомлѣвали, а ушли въ другую горницу и кричали, что батинька тиранъ, живьемъ своихъ дѣтей зарѣзываетъ.

Батиньку ничто̀ не удержало, и прививка кончилась. Оспа пристала, да какая! Такъ отхлестала бѣдныхъ малютокъ и такъ изуродовала, что хоть брось! Пуще всего она разразилась на лицахъ. Страшно было смотрѣть на нихъ!

Маменька все увѣряли, что у нихъ долженъ быть еще сынъ; когда батиньки возражали на это, что уже и такъ довольно, то маменька наконецъ открыли, что они видѣли видѣніе, что у нихъ будетъ-де сынъ и коего должно назвать Дмитрушею. Батинька повѣрили-было маменькиному видѣнію, но, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, начали возражать, что маменькѣ явилось ложное видѣніе. Маменька плакали и увѣряли, что точно должно быть у нихъ сыну, но батинька рѣшительно сказали: «это у тебя, душко, мехлюдія!» Такъ батинька называли меланхолію, которой приписывали всѣ несбыточныя затѣи. Батинька только съ маменькою говорили нѣжнымъ манеромъ, а со всѣми прочими важно и постоянно. Батинька были очень-благоразумны, и маменька почитали ихъ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ.

Насъ воспитывали со всѣмъ стараніемъ и заботливостію, и, правду сказать, не щадили ничего. Утромъ всегда уже была намъ молочная каша, или лапша въ молокѣ, или яичница. Мяса по утрамъ не давали, для здоровья, и хотя мы съ жадностью кидались къ оловянному блюду, въ коемъ была наша пища и скоро уписывали все, но няньки намъ подливали снова и заставляли, часто съ толчками, чтобы мы еще ѣли, потому, говорили онѣ: что маменька съ нихъ бу-

дутъ взъискивать, когда дѣти мало покушали изъ приготовленнаго. И мы, напужась и собравшись съ силами, еще ѣли до самаго нельзя.

Послѣ завтрака, насъ вели къ батинькѣ челомъ отдать, а потомъ за тѣмъ же къ маменькѣ. Какъ же маменька любили всегда плотно позавтракать, то мы и находили у нея либо блины, либо пироги, а въ постные дни пампушки или горофяники; маменька и здѣсь удѣляли намъ штуки по три и приказывали тутъ же при нихъ съѣдать все, а не носиться съ пищею, какъ собака-де.

Послѣ этого насъ высылали въ садъ бѣгать. Дворовые ребятишки насъ ожидали—и начиналась потѣха. Бѣгали въ-запуски, лазили по деревьямъ, ломали вѣтви, и, когда были на нихъ плоды, хотя бы еще только и зародыши, то мы тутъ же ихъ и объѣдали, разоряли птичьи гнѣзда, а особливо воробьиныя. Птенцамъ тутъ же откручивали головки, и старымъ, когда излавливали, не было пощады.

Среди такихъ невинныхъ игръ и забавъ, насъ позовутъ обѣдать. Это всегда бывывало къ полудню. Борщь съ говядиною, или съ кормленною птицею, чудеснѣйшій, саломъ свинымъ заправленный и сметаною забѣленный—прелесть!—Такихъ борщей я нигдѣ не нахожу! И вотъ же, счастіе послужило мнѣ побывать на моемъ вѣку и въ Петербургѣ, обѣдалъ у порядочныхъ людей и, признаюсь, завели-было пріятели въ трактиръ Лондонъ, но и тамъ и духа такого борща не видалъ. Гдѣ ты, святая старина?..

Къ борщу по большому куску пшенной каши, облитой коровьимъ масломъ. Потомъ мясо изъ борща разрѣжетъ тебѣ нянька кусочками, на деревянной тарелкѣ, и сверху еще присолитъ крупною, невымытою солью—тогда еще была натура—тутъ и уписы-

вай. Потомъ дадутъ ногу большаго, жирнѣйшаго гуся или индюка; грызи зубами, обгрызывай кость до последняго, а жиръ — вѣрите ли?—такъ и течетъ по рукамъ; когда не успѣешь обсосать тутъ же рукъ, то и на платье потечетъ. Посмѣй же только не съѣсть всего, что̀ положено тебѣ на тарелку, то маменька, кромѣ, что станутъ бранить, а подъ сердитый часъ и ложкою шлёпнутъ по лбу: «ѣшь, дуракъ; не умничай!» и перестанешь умничать и выскребаешь съ оловянной тарелки, или примешься выѣдать мясо отъ кости до последней плевочки. Спасибо, тогда ни у насъ и нигдѣ не было серебряныхъ ложекъ, а все деревянныя, такъ оно и не больно: только загудетъ въ головѣ, какъ-будто въ пустомъ котликѣ.

Послѣ-обѣда батинька съ маменькой лягутъ въ спальнѣ опочивать, а дѣти въ садъ, на улицу, по деревьямъ, плетнямъ, крышамъ избъ, и т. п. Когда же батинька и маменька проснутся, тогда позовутъ дѣтей къ лакомству. Тутъ намъ вынесутъ или орѣховъ, или яблокъ, постилы, повидла, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, и прикажутъ раздѣлиться дружно, поровну и отнюдь не ссориться. Что̀ жь? Только лишь Петрусь, какъ старшій братъ, начнетъ дѣлить и откладывать свою часть, мы, подстаршіе, въ крикъ, что онъ несправедливо дѣлитъ и для себя беретъ больше. Онъ насъ не уважитъ, а мы—цапъ-царапъ! и принялися хватать безъ счета и мѣры. Сестры и меньшія дѣти, какъ обиженныя въ этомъ раздѣлѣ, начнутъ кричать, плакать.... Батинька, слышимъ, идутъ, чтобъ унять и поправить безпорядокъ; а мы, завладѣвшіе насильно, благимъ-матомъ на голубятню; стащили за собой и лѣстницу, и, сидя тамъ, не боимся ничего, зная, что, когда вечеромъ слѣземъ, то уже никто и не вспомнитъ о нанесенной нами обидѣ.

Чтò бы мы ни дѣлили между собой, раздѣлъ всегда оканчивался ссорою и въ-пользу одного изъ насъ, что заставило горбунчика-Павлуся сказать одинъ разъ, при подобномъ раздѣлѣ: «Ахъ, душечки-братцы и сестрицы! когда бы вы скорѣе всѣ померли, чтобы мнѣ не съ кѣмъ было дѣлиться и ссориться!»

Въ-полдникъ намъ давали молоко, сметану, творогъ, яичницу разныхъ сортовъ — и всего вдоволь. Потомъ, къ-вечеру, мы «под-вечерковали»: обыкновенно, тутъ давали намъ холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, вновь-зажареннаго поросенка и еще чтò-нибудь подобное. А при захожденіи солнца ужинать: галушки вздобныя вь молокѣ, «квасòкъ» (особенное, мясное кушанье съ лукомъ, и чтò за превкусное! Въ лучшихъ домахъ, за пышными столами, его не видишь уже!), колбаса, шипящая на сковородѣ, и всегда вареники, плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною. Приказъ отъ маменьки былъ прежній: ѣсть по-больше; ночью, молъ, не дадутъ.

Такимъ побытомъ шло наше воспитаніе и, правду сказать, можно было благодарить батинькѣ, а еще болѣе маменькѣ: ихъ труды не въ-тунѣ остались. Мы были воспитаны прекрасно: были такіе брюханчики, пузанчики, что любо-весело было на насъ глядѣть: настоящіе боченочки!

Когда уже достигнуто съ нами до главнѣйшаго, т. е., когда обезпечено было наше здоровье, тогда начали подумывать о послѣдующемъ. Въ одинъ день, когда у батиньки разболѣлась голова отъ нашего шума, и они досадовали, что нами переломаны были лучшія изъ прищепъ въ саду, такъ они, вздохнувши, сказали маменькѣ: «А чтò, душко, пора бы нашихъ хлопцовъ отдать учиться письму?»

Не могу и до-сихъ-поръ наудивляться рѣшимости

маменькиной. Онѣ были съ природы сложенія горячаго, крикливаго, спорнаго, бранчиваго, такъ-что и Господи! Но это бывывало съ булочницами, птичницами, ключницами и прочими должностными, ей подчиненными лицами. Противъ батиньки же, онѣ не смѣли никогда пикнуть. И что̀ бы только батинька ни пожелали, ни потребовали, ни приказали, маменька, какъ законная жена, повиновались, спѣшили исполнить во всей точности требуемое и приказываемое. Но въ этомъ обстоятельствѣ, когда батинька напомнили о приступѣ къ ученію нашему, маменька вышли изъ своего сложенія противъ батиньки. Конечно, природа во всѣхъ тваряхъ одинакова: посмотрите на матерей изъ всѣхъ животныхъ, когда ихъ дѣтищамъ умышляютъ сдѣлать какое зло; тутъ онѣ забываютъ свое сложеніе, не помнятъ о своемъ безсиліи, и съ остервенѣніемъ кидаются на нападающихъ. Такъ поступили и маменька, когда увидѣли, что ихъ рожденію предстоитъ ужасное положеніе: отлучка изъ дома, невременная пища, принужденное сидѣніе, забота объ урокахъ и, всего болѣе, наказанія, необходимыя при ученіи. Онѣ вышли изъ себя, и видя, что матерія серьёзная, начали кричать громко, и слова у нихъ сыпались скоро и звонко, примѣромъ-сказать, какъ бы кто сыпалъ изъ мѣшка орѣхи на желѣзную доску. Такъ вотъ онѣ и закричали:

«Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичь! Человѣкъ вы умный, и умнѣе васъ я въ свой вѣкъ никого не знавала и не видала: а что̀ ни скажете, что̀ ни сдѣлаете, что̀ ни выдумаете, то все это такъ глупо, что совершенно надобно удивляться, плюнуть (тутъ маменька въ-самомъ-дѣлѣ плюнули) и замолчать.» Но онѣ плюнуть - плюнули, а замолчать-не-замолчали, и продолжали въ томъ же духѣ:

«Съ чего вамъ вошло въ голову морить бѣдныхъ дѣтей грамотою глупою и безтолковою? Развѣ на то я ихъ породила и дала имъ такое отличное воспитаніе, чтобы они надъ книгами исчахли?... Образумтеся, побойтеся Бога, не будьте дѣтоубійцею!» Тутъ маменька горько заплакали.

Я таки не наудивляюся перемѣнѣ и батинькинаго обхожденія. Бывало, при малѣйшемъ маменькиномъ противорѣчномъ словѣ, онѣ не могли уже другаго договорить, ибо очутывалися въ другой комнатѣ, разумѣется, противъ воли..... но это дѣло семейное: а тутъ смотрѣли на маменьку удивительными глазами, пыхтѣли, надувалися и, какъ увидали слезы ея, то, конечно, войдя въ материнскія чувства, сказали безъ гнѣва и размышленія, и такъ, просто, дружелюбно:

«А какъ же бы вы, Ѳекла Зиновьевна, думали, чтобы мои дѣти росли дураками и ничего не знали?»

Тутъ маменька, хотя и видно было, что онѣ рѣшались на бо̀льшія крайности, нежели очутиться даже въ сѣняхъ — материнское сердце!—но, увидя, что батинька сохраняютъ противъ нея мягкость, пріободрилися и усилили свой крикъ:

«По-этому и я дура?»—кричали онѣ: — «и я ничего не знаю оттого, что не училася вашей глупой грамотѣ? — Такъ я дура? Дожилась у васъ чести, за восемь лѣтъ супружеской жизни!»

— То вы, душко, а то они.

«И не говорите мнѣ: все равно, все равно! Вы, конечно, глава; но я же не раба, а подружіе. Въ чемъ другомъ, я вамъ повинуюся; но въ дѣтяхъ—зась, знайте: дѣти не ваши, а наши. Петрусь по осьмому году, Павликъ невступно семи лѣтъ, а Троѳимко (это я) что̀ еще? и шести лѣтъ нѣту. Какое ему ученье? онъ безъ няньки и пробыть не можетъ. А сколько гра-

матокъ истратится, покуда они ваши дурацкіе буки да вѣди затвердятъ.»

Батинька призадумалися и начали что-то считать по пальцамъ, но не число граматокъ, а наши годы отъ рожденія. Они и потомъ никогда вѣрно не знали, а всегда разсчитывали по пальцамъ. И видно, что маменькинъ счетъ былъ вѣренъ, потому-что они, подумавъ и походивъ по комнатѣ, сказали, что мы еще годикъ погуляемъ.

Маменька примѣтно обрадовались, и, чтобы поддобриться къ батинькѣ, сказали: «Какъ знаете, такъ и дѣлайте. Вы мужескій полъ, вы разумнѣе насъ.»

Да и шалили же мы и проказничали во весь льготный годъ! Сколько оконъ въ людскихъ перебили! сколько у кухарокъ горшковъ переколотили! сколько жалобъ собиралось на насъ за разныя пакости! Но маменька запрещали людямъ доносить батинькѣ на насъ. «Недолго имъ уже погулять!» говорили онѣ: «пойдутъ въ школу, перестанутъ. Пусть имъ будетъ чѣмъ вспоминать жизнь въ родительскомъ домѣ.»

Наконецъ пришло наше къ намъ. Не увидѣли, какъ и годъ прошелъ. Передъ покровымъ-днемъ, призванъ былъ нашъ стихарный дьячекъ, панъ Кнышевскій, и спрошенъ о времени, когда прислать къ нему въ школу паничей и что будетъ слѣдовать ему за выучку.

Панъ Кнышевскій, кашлянувши нѣсколько разъ подьячковски, сказалъ: «Вельможные паны и благодѣтели! Премудрости писанія и разумѣнія не ежеденно дается. Подобаетъ начати оную со дня пророка Наума, перваго числа декемврія мѣсяца. Извѣстно, что всѣ народы и языки отдавали въ школу дѣтей своихъ не-иначе, какъ на пророка Наума, и съ того дня начи-

наютъ умудрять дѣтей своихъ. Сіе творится во всей вселенной, то и вамъ такожде подобаетъ творити.»

Батинька должны были на это согласиться, а маменька выпросили позволеніе торговаться съ паномъ Кнышевскимъ за наше обученіе, — и, послѣ долгаго торга, положили: вмѣсто сорока алтынъ (120 коп.) маменька выторговали по четыре золотыхъ (80 коп.) и по мѣшку пшеничной муки отъ ученика за выучку кіевской грамотки съ заповѣдями; грамотки должны быть наши. За меня же, какъ меньшаго, мука договорена была не пшеничная, а гречишная, для галушекъ пану Кнышевскому, и букварь его, а не нашъ. Маменька торжествовали, что эту статью поставили на своемъ.

И вотъ, наступилъ роковой день! Перваго декабря насъ накормили выше всякой мѣры, что̀ продолжали каждое утро во все время нашего ученія. Батинька, благословляя насъ, всплакнули порядочно и приказали отнынѣ въ школѣ почитать и уважать пана Кнышевскаго, какъ есть родителя и его... тутъ голосъ батинькинъ измѣнился и они, махнувъ рукою, сказали: «послѣ», перецаловали насъ и ушли въ спальню.

Но маменька!.. Вотъ ужь истинная мать! Что̀ можетъ сравниться съ нѣжностью материнскаго сердца?... Онѣ плакали на-взрыдъ, выцаловывали насъ, а потомъ принялися голосить и приговаривать, точно какъ надъ умершими: «Ахъ, мои дѣточки, голубяточки! куда же вы отправляетеся, мои соколики?... Въ дальнюю сторону, въ дьякову школу.... Никто васъ тамъ не приголубитъ, ни приласкаетъ.... Замучатъ васъ глупымъ ученіемъ дурацкихъ книгъ.... Кого я буду прикармливать вкусными варениками?... Для кого изготовлю молочную кашу?....» и много

тому-подобныхъ нѣжностей онѣ приговаривали весьма-жалко, такъ-что и теперь, когда вспомню, такъ меня жаль беретъ...

Петрусь-братъ шелъ охотно; Павлусь, всегда бывъ веселъ, тутъ что-то носъ повѣсилъ; я же обливался горькими слезами. Я имѣлъ какой-то благородный характеръ и не любилъ ни въ чемъ принужденія. Когда же меня къ чему приневоливали, тутъ я принимался плакать. Слѣдовательно, можете посудить, какая была богатая матерія плакать мнѣ при этомъ случаѣ. Я шелъ изъ воли въ неволю; отъ роскоши къ лишеніямъ.... Къ-тому же, предчувствіе внушало мнѣ, что все это дѣлаютъ со мною по-пустякамъ. — «Пропала батинькина мука и четыре золотыхъ за мое ученіе! Я никогда не выучуся грамотѣ» — такъ разсуждалъ я, идучи въ проклятую школу, обѣщеваяся самъ себѣ ничему не учиться и ничего не перенимать...

Надобно вамъ доложить, что этакое насъ оплакиваніе было единожды, только при первоначальномъ провожаніи; потомъ никто, даже маменька, не только не плакали, не провожали, но, когда мы надоѣдали имъ своими шалостями, такъ онѣ, бывало, прикрикнутъ: «когда бъ васъ чортъ скорѣе унесъ въ вашу анаѳемскую школу!»

Вотъ же мы и пришли въ школу. Большое строеніе, раздѣленное на двѣ половины большими сѣнями. Налѣво были хата и комната, гдѣ жилъ панъ-дьякъ Тимоѳтей Кнышевскій съ своимъ семействомъ, а направо большая изба съ лавками кругомъ и съ большимъ столомъ.

Панъ Тимоѳтей, встрѣтивъ насъ, ввелъ въ школу, гдѣ нѣсколько учениковъ, изъ тутошныхъ казацкихъ семействъ, твердили свои стихи. Кромѣ насъ, панычей, въ тотъ же день, на Наума, вступало также нѣ-

сколько учениковъ. Панъ Кнышевскій, сдѣлавъ намъ какое-то чувствительное наставленіе, чего мы, какъ еще неученые, не могли понять, потому - что онъ говорилъ съ-высока, усадилъ насъ и преподалъ намъ корень, основаніе и фундаментъ человѣческой мудрости. Азъ, буки, вѣди—приказано намъ было выучить до обѣда.

Мнѣ никакъ не шли въ голову и странныя эти названія, и непонятна была фигура этихъ каракулекъ. Со мною сидѣлъ сынъ казака и одинаково судилъ: «Къ-чему эта грамота? Чему научать эти крючки? Хорошо маменька дѣлаютъ, что не любятъ грамоты.» Проклиная все ученіе и ученыхъ, мы, на - зло азбукѣ, дали буквамъ свои наименованія: азъ сталъ у насъ раскаряка; буки—горбунъ съ рогомъ; вѣди—пузанъ. Эти названія мы скоро затвердили, а подлинныя забыли и не старались помнить.

Время подошло къ обѣду, и панъ Кнышевскій спросилъ насъ съ уроками. Изъ насъ Петрусь проговорилъ урокъ бойко: зналъ назвать буквы и въ-рядъ, и въ-разбивку, и бокомъ ему поставятъ, и вверхъ ногами, а онъ такъ и дуетъ, и не ошибется, до-того, что панъ Кнышевскій возвелъ очи горѣ и, положивъ руку на петрусину голову, сказалъ: «вотъ дитина!»— Павлусь не достигъ до него. Онъ зналъ разницу между буквами, но ошибочно называлъ: вмѣсто буки все говорилъ «булки», и ни за что не могъ иначе назвать.

Панъ Кнышевскій только вздохнулъ и призвалъ меня.

«Что̀ это за слово?» спросилъ онъ, указывая на азъ.

— А кто его знаетъ! отвѣчалъ я, запинаясь: трудно какъ-то зовутъ этого раскаряку.

Гнѣвныя слова и рѣчи посыпались на меня изъ устъ пана Кнышевскаго: насмѣшка, брань, упрекъ за дерзость мою, что я, вмѣсто православнаго наименованія, приложилъ ругательныя;—наконецъ изрекъ онъ запрещеніе, чтобы я не ходилъ обѣдать, а твердилъ бы все свой урокъ.

Мнѣ обѣдъ неваженъ былъ: я накормленъ былъ порядочно, — хоть три дня безъ обѣда! Но мнѣ завидно было, что братія, идучи домой, будутъ бѣгать, шалить, снѣжками швыряться, а я лишенъ буду такого утѣшенія. Я плакалъ горько надъ своимъ букваремъ, въ половину уже оборваннымъ.

Братья пришли. Началось послѣ-обѣденное ученіе. Кончилось. Подали уроки. Братья—куда! Къ *како* дошли. Ихъ расхвалили. Позвали меня.... «Гдѣ твои слова?» возопилъ грозно панъ-Тимоѳтей, взглянувъ въ букварь.

— Не знаю, отвѣчалъ я, почти-смѣло, приготовясь къ отвѣту.

«Какъ не знаешь? Ихъ здѣ не обрѣтается.»

— Вѣрно выпали, сказалъ я, и началъ шарить по полу.

«Ты выучилъ ли ихъ?»

— Выучилъ очень-твердо, такъ вотъ же выскочили куда-то.

«Смотри сюда» возгласилъ панъ Кнышевскій, и представилъ предъ глаза мои другой букварь, въ коемъ ясно торчали и азъ, и буки, и вѣди, и которые я, вырвавъ изъ азбуки своей, истеръ пальцами, полагая, что уже во всей природѣ не будетъ ихъ, какъ-эти волшебники возродились снова...

Не смотря на прежнее мое увѣреніе, что я знаю, я не могъ ихъ назвать. Отговорка, что это не моя книжка, и потому я этихъ словъ не училъ, не помогла. И

панъ Кнышевскій повелѣлъ виновной руки пальцы сложить вмѣстѣ, и торжественно, съ какимъ-то припѣвомъ, ударилъ меня линейкою по пальцамъ три раза... О, вы не можете ни съ чѣмъ сравнить этой боли!!! Хорошо ли вы помните чувство, которое вы ощущали, когда васъ сѣкли? А уже вѣрно васъ сѣкли въ дѣтствѣ. Такъ повѣрьте, тридцать ударовъ розгою все не-то, чтò эти три удара линейкою по пальцамъ! У-у-у! какъ больно!

Вытерпѣлъ и перенесъ я всю боль и насмѣшки дома. Узнавши непріятности отъ худаго ученія на опытѣ, я обѣщалъ прилежать; но только при обѣщаніи и оставался: учился и выучивалъ уроки, но весьма-плохо. Братья уже читали бойко шестопсалміе — а особливо Петруша,—чтò это за разумъ былъ? цѣлый псаломъ прочтетъ безъ запинки, и ни въ одномъ словѣ его не поймешь; какъ трещотка — тррррръ! — а я тогда сидѣлъ за складами. Братья оканчивали часословецъ, а я повторялъ *жлọ, дло*—и то нечисто, а съ прибавкою лишнихъ словъ, которыхъ невозможно было не только въ кіевскомъ букварѣ, но и ни въ какой тогдашней книгѣ отъискать... я про теперешнія ничего не говорю: свѣтъ измѣняется, и книги, на него глядя, на чтò теперь похожи?

Ну-те, пожалуйте. Вотъ, я учусь плохо, а братья лѣзутъ впередъ. Панъ Кнышевскій, кажется, истощался въ изобрѣтеніи и ослабѣвалъ въ исполненіи надо мною наказаній. О, да больно же били меня! Наконецъ пану Тимоѳтею пришло на мысль, что человѣку даются различные таланты: иной грамоту плохо знаетъ, но пишетъ безъ-устали (въ этомъ пунктѣ свѣтъ, видно, мало измѣнился). Основавшись на этомъ, онъ изрекъ: «А ну, пане Трофиме! не угобзишься ли ты въ писаніи? Н'есть человѣка безъ дарованія; иный сла-

венъ въ одномъ, другій въ другомъ: овъ мудро чтетъ, овъ красно̀ пишетъ; иный умудряется звонить, а иный отличается въ шалостяхъ — и то талантъ. И самое питіе горѣлки требуетъ дарованія: овъ отъ чарки упивается и творится безгласенъ, а овъ и осмухою неодолимъ пребываетъ. Итакъ, пане Трофиме, восприимемся испытовати твои таланты.» Послѣ этого панъ Кнышевскій зѣло засуетился, собирая что̀-то, и я уже ожидалъ, что онъ поставитъ предо мною штофъ водки, дабы испытать, имѣю ли я талантъ къ питію ея; но все это клонилось къ приготовленію для письма.

Предложили мнѣ черную доску, бѣлила и перо. Панъ Кнышевскій со всѣмъ жаромъ объяснялъ пользу писанія, что «безъ него како бы возможно было словесно поминать усопшихъ? а понеже придумано писаніе, то и всѣ покойники, отъ Адама до сего дне, всѣ до единаго переписаны и записаны въ грамотки, и никто безъ поименованія не остается. А каковый доходъ дается пишущимъ грамотки упокойныя? Потщися, panычу, почерпнуты отъ мене сію премудрость и будеши имѣти мзду велію. При благопріятномъ случаѣ, егда свирѣпѣютъ болѣзни, угобзится тебѣ немалое-толико.» Тутъ слѣдовало изъясненіе, какъ держать перо, какъ писать и т. п., и моя десница пошла писать... Но что̀ это были за фигуры, вмѣсто буквъ,—я вамъ и разсказать не умѣю, а однимъ словомъ скажу, что пробовали меня учить и уставомъ писать, и полу-уставомъ, и скорописью—все никуда не годилось.

Панъ Кнышевскій, справедливо заключивъ, что мнѣ «не дадеся мудрость и въ писаніи», отложилъ свои труды; но, желая открыть во мнѣ какой-ни-есть талантъ,

при первомъ случаѣ послалъ меня на звоницу, отзвонить по покойнику на «вѣрую».

На колокольнѣ нашей всего колоколовъ было пять, и я могъ уже съ ними сладить одинъ. Подобравъ веревки, я принялся трезвонить во всѣ руки, а самъ читать, какъ наставленъ былъ отъ пана Кнышевскаго, читать не спѣшно, сладко и не борзяся «вѣрую» по стихамъ, и съ аминемъ перестать. «Разбестія, Артемій!» прибавилъ онъ: «могъ бы по случаю скончанія родителя расщедриться и угобзитися на цѣлый пятидесятый псаломъ, но далъ токмо на символъ.»

Вотъ я и трезвоню со всѣмъ жаромъ и читаю громогласно символъ; но лишь дойду до «же за ны», собьюсь, запутаюсь въ словахъ, и, чтобы исполнить въ точности приказаніе пана-дьяка, начну снова читать и продолжаю трезвонить. Уже, кажется, въ пятидесятый разъ возобновлялъ я чтеніе, при продолженіи звона во всѣ руки, какъ явился ко мнѣ на звоницу панъ Кнышевскій, и съ грознымъ челомъ вырвалъ у меня веревки, схватилъ за чубъ, безжалостно потащилъ съ лѣстницы, а дома немилосердо высѣкъ, во-первыхъ за то, что я позабылъ символъ, а во-вторыхъ, - оттрезвонилъ больше данныхъ ему денегъ.

«Не имѣетъ и въ звонѣ таланта!» сказалъ онъ огорченнымъ родителямъ, и былъ ими прошенъ усугубить свои труды и «добиться» отъ меня таланта, хотя въ чемъ-нибудь. Панъ Кнышевскій съ сокрушеннымъ лицомъ потребовалъ прибавки къ условленной цѣнѣ. Я шелъ прежде въ сорока алтынахъ въ годъ, а теперь, по снисхожденію только пана Кнышевскаго, сторгованъ за три копы (150 к.) и оставленъ въ школѣ въ полновластномъ распоряженіи пана-дьяка.

Когда мы были въ школѣ, онъ имѣлъ надъ нами неограниченную власть, и мы боялись его, «яко вепря

во гнѣвѣ»—такъ онъ выражался. Дома съ насъ не взыскивали за шалости, но всегда грозили паномъ-дьякомъ, и, при большой шалости, батинька писали записку къ пану Кнышевскому: «такого-то паныча за такую-то вину поставить флѣкты на такое-то время или высѣчь.» Панъ Тимоѳтей исполнялъ въ точности приказаніе, а подъ веселый часъ и удвоивалъ число ударовъ. Эту привилегію получалъ я за тупое ученіе и за бѣды, дома сдѣланныя — не отъ шалости, нѣтъ, я и къ шалостямъ не имѣлъ таланта! а отъ неловкости: разбивалъ посуду, стекла въ окнахъ, и т. п., и всегда безъ умысла и намѣренія, а такъ, по несчастной планетѣ моей.

Былъ тогда въ школахъ благочестивый обычай,—и какъ жаль, что онъ не существуетъ въ наше время во всѣхъ высшихъ и низшихъ училищахъ!—каждую субботу, по протверженіи задовъ (новыхъ стиховъ въ субботу не задавали), всѣ ученики, безъ различія состояній, стояли въ двѣ линіи; по-срединѣ стоялъ ослонъ, скамейка, коей предстоялъ панъ Кнышевскій, имѣя рукава засученные и въ грозной десницѣ толстый пукъ розогъ; въ линіяхъ стояли порознь: псалтырщики, часловщики и граматники; школа дѣлилась на три класса: учащій псалтырь учился писать.

Когда все было устроено, панъ Кнышевскій возглашалъ: «Пане Петре!» Братъ мой Петръ подходилъ, имѣя уже все въ готовности и разслабленіи, и только поддерживая руками для благоприличія. Панъ Кнышевскій относился къ одному изъ учениковъ: «Пане Терентіе! кая есть четвертая заповѣдь? Прочти намъ ее во всеуслышаніе повагомъ и не борзяся». И ученикъ провозглашалъ: помни день субботній и проч. слово-за-словомъ, медленно; а панъ Кнышевскій полагалъ шуйцею брата Петра на ослонъ, а десницею

ударялъ розгою, не по платью, и ударялъ, по расположенію своему къ ученику, или во всю руку, или слегка, а также сыпалъ удары часто или отпускалъ ихъ медленно. Я сдѣлалъ разсчисленіе, что иному доставалось ударовъ пятнадцать, смотря по скорости движенія руки дьяка, а иному только три. Получившій напоминаніе заповѣди, вскакивалъ, кланялся пану Кнышевскому и, цалуя руку его, долженъ былъ сказать: «благодарствую, пане Тимоѳтее, за науку!» Панъ же Кнышевскій провозглашалъ: «помни день субботній до грядущія субботы: иди съ миромъ.» Ученикъ тутъ же выбѣгалъ изъ школы и былъ свободенъ до понедѣльника.

Потомъ производилось то же самое дѣйствіе съ каждымъ ученикомъ по-одиначкѣ до послѣдняго. И какъ въ иной годъ учениковъ бывало до пятнадцати, то мы, граматники, съ нетерпѣніемъ ожидали очереди, чтобы отбыть неминуемое и скорѣе бѣжать къ играмъ, забавамъ и къ шалостямъ. Свобода эта тѣмъ была восхитительнѣе для насъ, что въ день субботы, послѣ описаннаго дѣйствія, и во весь воскресный день, что̀ бы ученикъ ни сдѣлалъ, его не только родители, но и самъ панъ Кнышевскій не имѣлъ права наказать, и оставлялъ до понедѣльника, и тогда,—часто «воздавалъ съ лихвою», какъ самъ онъ говорилъ.

Отъ дѣйствія субботки не освобождался никто изъ школярей, и самые сыновья пана Кнышевскаго получали одинакое съ нами напоминаніе.

Отъ-чего панъ Кнышевскій полагалъ, что я худо помню четвертую заповѣдь — не знаю. Всякій разъ, когда надо мною производилось дѣйствіе, онъ заставлялъ читающаго ученика повторять чтеніе нѣсколько разъ, крича: «Какъ? я не разслышалъ. Повтори, чадо! Еще прочти. И во все это время, когда запо-

вѣдь повторяли, а иногда «пятерили», онъ учащалъ у-дары мелкою дробью, какъ барабанщикъ по барабану... Ему шутки: онъ называлъ это «глумленіемъ»; но каково мнѣ было!

Въ одну изъ субботъ, когда панъ Кнышевскій болѣе обыкновеннаго поглумился надо мною до-того, что мнѣ невозможно было свободно идти съ братьями домой, я остался въ школѣ и прилегъ подъ лавкою, плача и додумываясь, за что̀ меня болѣе другихъ сѣкутъ. Въ это время панъ Кнышевскій, распустивъ школу, усѣлся въ своей свѣтлицѣ и принялся за ирмолой, протвердить ирмосы, догматики и другіе напѣвы, требуемые въ наступающую вечерню и воскресное служеніе. Голосъ у него былъ отличный: низомъ когда бралъ, то еще все ничего; но когда поднималъ горою, такъ тутъ прелесть была! Думаю, что на третьей улицѣ слышно было это рѣзкое, звонкое, пронзительное пѣніе. До-того голосъ его былъ разителенъ, что всѣ, слушающіе его, сознавались, что, при пѣніи его, у нихъ кожу какъ морозомъ подирало.

Вотъ онъ теперь, какъ протверживалъ свое пѣніе, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда же дьячиха покликала его обѣдать, то я, скуки-ради, началъ себѣ, лежа подъ лавкою, попѣвать, и далѣе, далѣе, прійдя въ пассію, выработывалъ своимъ голосомъ самые трудные пассажи.

Пропѣвъ одну псальму, другую, я оглянулся... О ужасъ! панъ Кнышевскій стоитъ съ поднятыми руками и съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленія. Я не смѣлъ пошевелиться; но онъ, подойдя, извлекъ меня изъ-подъ лавки, ободрилъ, обласкалъ и заставилъ меня повторять пѣтую мною псальму «Пробудись отъ сна невѣста». Я пѣлъ, какъ наслышался отъ него, и старался подражать ему во всемъ: когда доходило до

высшихъ тоновъ, я такъ же морщился, какъ и онъ, глаза сжималъ, ротъ расширялъ и кричалъ конечно такъ же, какъ и онъ.

Съ восторгомъ погладилъ меня по головѣ панъ Кнышевскій, выслушавъ мою псальму, и повелъ къ себѣ въ свѣтлицу. Тамъ досталъ онъ маковикъ, и въ продолженіе того, какъ я его ѣлъ, онъ уговаривалъ меня учиться ирмолойному пѣнію. Струсилъ я крѣпко, услышавъ, что еще есть предметъ въ ученіи. Я полагалъ, что далѣе псалтыри нѣтъ болѣе чему учиться человѣку, какъ тутъ является ирмолой; но дабы угодить наставнику и отблагодарить за маковикъ, я почти-согласился.

Панъ Кнышевскій развернулъ предо мною ирмолой и, пробы ради, началъ толковать мнѣ значеніе ирмолойныхъ крюковъ. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, только я понималъ всю эту школу и быстро слѣдовалъ за рѣзкимъ голосомъ пана Тимоѳея, до того, что могъ пропѣть съ нимъ лёгонькій догматикъ. Правду сказать, метода его была самая благоуспѣшная. Пользы ради другихъ учениковъ и въ наставленіе учащихъ, я долженъ открыть ее. Онъ держалъ меня за ухо; когда тоны опускались въ-низъ, онъ тянулъ меня къ-низу; возвышающіеся тоны заставляли его тянуть ухо мое къ-верху. При самыхъ высокихъ тонахъ, онъ тянулъ меня къ-верху сколько было у него силы, а я пѣлъ, или, правильнѣе, кричалъ, что̀ было во мнѣ мочи. При переливахъ голоса, онъ дергалъ меня изъ стороны въ сторону, и я выдѣлывалъ всѣ га-га-га-га чудесно... Совѣтую первому учителю испытать эту методу надъ ученикомъ или ученицею, и честью увѣряю, что въ нѣсколько часовъ можно научить громкому пѣнію. Вѣкъ открытій! Изобрѣтены способы въ нѣсколько уроковъ вы-

учиться читать, писать, рисовать, обучаться всѣмъ наукамъ: вотъ еще новый способъ, въ два, три часа выучить пѣть,—способъ легкій, не-мудрёный и удачный.

Дѣло шло у насъ удивительно-успѣшно. Но ученіе мое происходило келейно, тайно отъ всѣхъ. Панъ Кнышевскій хотѣлъ нечаянно привести въ восторгъ батиньку и маменьку, какъ и съ другими братьями; а именно:

Петрусь, какъ я и сказалъ, удивительно преуспѣвалъ въ чтеніи: послѣ трехъ лѣтъ ученія, не было той церковной печати книги, которой бы онъ не могъ разобрать и читалъ бойко, хотя только девятую кафизму училъ. Въ одно воскресенье, когда батинька и маменька были въ церкви, вдругъ, къ удивленію ихъ, выходитъ Петрусь читать «Апостолъ»!... Посудите, пожалуйте: мальчикъ по двѣнадцатому году, недоучившій еще девятой кафизмы, и читаетъ «Апостолъ»! Да какъ читаетъ! Безъ лести сказать, дѣло прошлое: ну, именно, какъ самъ панъ Кнышевскій; также выводитъ, также понижаетъ, тѣ же оксіи... Нѣтъ, братъ имѣлъ необыкновенный умъ! Конечно, гортань дѣтская не противъ звонкой, рѣзкой гортани пана Кнышевскаго,—это также чудо въ своемъ родѣ;—но все-таки гортань, по возрасту, рѣзкая. Кончилъ онъ, конечно, не такъ-то ловко: поднялъ высоко, оттого голосъ исчезъ и слово прервалося... но это отъ неопытности.

Безъ умиленія нельзя было глядѣть на батиньку и маменьку. Онъ утиралъ слезы радости, а она клала земные поклоны, и тутъ же поставила большую свѣчу. Панъ Тимоѳтей получилъ не-въ-счетъ мѣрку лучшей, пшеничной муки и мѣшокъ гороха, а Петруся, послѣ обѣда, полакомили даже сахарнымъ вареньемъ.

Горбунъ-Павлусь также въ грамотѣ силу зналъ; но какъ его натура была вѣтренная, то онъ все дѣлалъ, какъ теперь говорятъ, «негляже». Онъ болѣе пристрастенъ былъ къ художествамъ: на колокольнѣ было его любимое занятіе. И, сказать по справедливости, какъ же и звонилъ, такъ на удивленіе! Не подумайте, однакоже, чтобы его кто училъ или бы методъ показалъ,— панъ Кнышевскій, или Дрыгало, нашъ понамарь: честью моею увѣряю, что никто его не наставлялъ, а такъ, самъ отъ себя,—натура, или, лучше сказать, природа. Не изъ хвастовства скажу, а какъ къ рѣчи пришло, что я былъ на своемъ вѣку въ Петербургѣ и прислушивался какъ звонятъ... Гмъ-гмъ!—Бывалъ и въ Москвѣ, слышалъ различные звоны... Хорошо, но все не то, что Павлусино звоненье; пусть себѣ столичные жители хотя обижаются, а я правды не потаю.

Горбунъ-Павлусь вызванивалъ разныя штуки: умѣлъ на колоколахъ выражать, какъ утки кахкаютъ, гуси кгекгекаютъ, пѣтухи кукарекаютъ... Да чего не выражалъ онъ? Даже до того дошелъ, какъ дьячиха на пана Тимоѳтея ворчала и грызла его: это онъ выражалъ малыми колокольчиками, скликунчиками... да какъ затрещитъ, запорощитъ, вотъ точно слышишь: —«згинь-пропади твоя голова, анаѳемская вѣра, тарата, тарата», какъ обыкновенно жены грызутъ мужей. А большой колоколъ, въ рукахъ брата Павла, выражалъ гнѣвнаго пана Кнышевскаго, яко бы ворчащаго: «молчи-перестань, не ври» и проч. Великій художникъ былъ!

Однажды панъ Кнышевскій послалъ Павлуся звонить по преставившемся обывателѣ богатомъ и оставившемъ многочисленное семейство. Павлусь отличался, а дьякъ у колокольни читалъ 17-ю каѳизму, какъ

мѣру, пока должно звонить. Въ то время батинька съ маменькою были въ проходкѣ, и подошли къ звоницѣ послушать необыкновеннаго звона.

«Кто это такъ умилительно звонитъ?» спросила маменька пана Кнышевскаго.

— Одинъ изъ школяровъ моихъ, сказалъ дьякъ, прервавъ стихъ псальма.

—«Мастерски!» сказали батинька.

—Явственно изражаетъ, продолжалъ дьякъ: и скорбь супруги, и плачь чадъ, и звонъ оставшихся денегъ, ихъ же не мало остася.

«Прикажите ему, пане Тимоѳтее» сказали маменька: «когда перезвонитъ, чтобъ пришелъ ко мнѣ. Я ему дамъ моченое яблоко въ услажденіе, какъ онъ усладилъ меня своимъ звономъ.»

— Сіе можно учинити и въ сіе мгновеніе, сказалъ панъ Кнышевскій, махнувъ рукою Павлусю, чтобъ пересталъ звонить и сошелъ.

Слѣзшій съ звоницы братъ Павлусь и явившійся взору родителей моихъ и радостный крикъ ихъ остановилъ глаголаніе дьяка. Не возможно описать восторга батиньки и маменьки, увидѣвшихъ и удостовѣрившихся, что и у втораго сына ихъ, обиженнаго натурою произведеніемъ на спинѣ его значительнаго горба, талантъ, и еще отличный. Они попемѣнно ласкали Павлуся и повели съ собою покормить его молочною кашею, приготовленною для нихъ послѣ проходки. А пану Кнышевскому, ни за-что, ни про-что,—потому-что онъ вовсе не училъ Павлуся этому художеству,—батинька подарили копну сѣна, а маменька десять локотъ холста двѣнадцатки. Хитрый панъ Кнышевскій не разсудилъ объяснять родителямъ моимъ, что онъ здѣсь менѣе-виновенъ, нежели языкъ у колокола.

Наступало время батинькѣ и маменькѣ узнать радость отъ третьяго сына своего, о которомъ даже самъ панъ Кнышевскій рѣшительно сказалъ, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ таланта, за что̀ его, сердечнаго, препорядочно сѣкли въ школѣ и тузили въ домѣ. Панъ Кнышевскій преостроумно все распорядилъ, избралъ самыя труднѣйшія псальмы и, заведя меня и своего дьяченка, скрытно отъ всѣхъ, на токъ, въ клунѣ училъ насъ пѣнію... О, да и досталось же моимъ ушамъ!

Панъ Кнышевскій, трудясь до пота лица, успѣлъ наконецъ въ желаніи своемъ, и мы, въ три голоса, могли пропѣть нѣсколько умилительныхъ псальмъ восхитительно. Для пораженія родителей моихъ внезапною радостію, избралъ онъ день тезоименитства маменьки, знавъ, что, по случаю сей радости, у насъ въ домѣ будетъ банкетъ.

Въ радостный тотъ день, когда съѣхались гости и сѣли за обѣденный столъ, какъ мы, дѣти, не могли находиться вмѣстѣ съ высокопочтенными гостьми за однимъ столомъ, то и я, поѣвъ прежде порядочно, скрывался съ дьяченкомъ подъ крыльцомъ, а панъ Кнышевскій присѣлъ въ кустахъ бузины, въ саду, ожидая благопріятнаго случая. Первую перемѣну блюдъ мы пропустили и дали гостямъ волю свободно накушаться. Но когда сурмы и бубны возвѣстили о другой перемѣнѣ, тутъ мы вошли въ сѣни, прокашлялись, развернули ирмолой, панъ Кнышевскій взялъ меня и дьяченка за уши—и мы начали. . . Внезапное изумленіе поразило всѣхъ трапезующихъ.

Батинька, какъ были очень-благоразумны, то имъ первымъ на мысли пришло: не слѣпцы ли это поютъ? Но, слышавъ ирмолойное искусство и разительный, окселентующій голосъ пана Тимоѳтея, какъ сидѣли

на лавкѣ въ концѣ стола, встали, чтобъ посмотрѣть, кто это съ нимъ такъ сладко поетъ? Подошли къ дверямъ, увидѣли и остолбенѣли. . . Наконецъ, чтобъ раздѣлить радость свою съ маменькою, отозвалися къ ней: «Ѳекла Зиновьевна! посмотри!» . . . Больше ничего не могли сказать: слезы ихъ проняли! . .

Маменька любили очень пѣніе, и кто бы имъ ни запѣлъ, онѣ тотчасъ задумаются. Итакъ онѣ, при нашемъ сладкопѣніи, очень задумались и голову опустили. Услышавъ же батинькинъ отзывъ, подумали и спросили: «чего тамъ смотрѣть?»

— «Посмотрите, душко, кто это поетъ!» сказали батинька.

— А ну-те, ну-те, кто это тамъ поетъ? — сказали маменька.

Тутъ батинька, взявъ пана Кнышевскаго за поясъ, втащилъ его въ горницу, а за нимъ и мы втянуты были дьякомъ, неоставлявшимъ ушей нашихъ, дабы не разстроилась псальма.

Маменька, какъ увидѣли и разслушали мой голосъ, который взобрался на самыя высочайшія ноты,—потому-что панъ Кнышевскій, дабы пощеголять дарованіемъ ученика своего, тянулъ меня за ухо что̀ есть мочи, отъ чего я и кричалъ необыкновенно,—такъ вотъ, говорю, маменька какъ разслушали, что это мой голосъ, отъ радости хотѣли-было сомлѣть, но удержались гостей ради, а только начали плакать слезами радости.

Батинька поднесли пану Кнышевскому большую чарку вишневки, и просили еще услаждать пѣніемъ. Мы, ободренные, пошли въ даль, все въ даль. Гости были въ восторгѣ отъ нашего пѣнія, маменька все плакали отъ умиленія, потому-что мы пѣли псальмы все чувствительныя. Батинька не могли усидѣть на мѣстѣ, и,

когда я выработывалъ высшія ноты,—при чемъ учитель едва не отрывалъ у меня уха,—подходили ко мнѣ и цаловали меня въ голову.

Послѣ-обѣда, батинька приказали уконтентовать пана Кнышевскаго елико можаху, а меня закормили всѣ, кто чѣмъ успѣвалъ, и всѣ любовались и завидовали моему громкому и звонкому голосу.

Торжество мое было совершенное. Послѣ этого достопримѣчательнаго дня, мое житье стало завидное. Въ школу хотя я и ходилъ, но зналъ ли, не зналъ урока, панъ Кнышевскій не взъискивалъ, а по окончаніи ученія бралъ меня съ собою и водилъ въ домы богатѣйшихъ казаковъ, гдѣ мы пѣли разныя псальмы и канты. Ему давали деньги, а меня кормили сотами, огурцами, молочною кашею, или чѣмъ другимъ по усердію.

Маменька очень любили слушать мое пѣніе, и когда, бывало, батинька на нихъ покричатъ порядочно, то маменька отъ страха и грусти ради, пріймутся плакать, то тотчасъ и шлютъ за мною въ школу и прикажутъ мнѣ пѣть, а сами еще горще плачутъ,—такъ было усладительно мое пѣніе!

Такимъ побытомъ продолжалось наше ученіе, и уже прочіе братья: Сидорушка, Ефремушка и Егорушка поступили въ школу, а старшій братъ, Петруша, выучивъ весь псалтирь и читавъ его бойко, не имѣлъ чему учиться. Отдать же въ семинарію батинька находили неудобнымъ тратиться для одного, а располагали отдать троихъ старшихъ, но я ихъ задерживалъ: какъ сталъ на первомъ часѣ, да ни назадъ, ни впередъ! Ужъ панъ Кнышевскій и устарѣлъ-таки, но все непонятіе мое было причиною. Итакъ братьевъ не отдавали въ семинарію, а ожидали, пока я выучу псалтирь.

Брату Петрушѣ было уже пятнадцать лѣтъ. Учиться ему было нечего; пана Кнышевскаго онъ и въ грошъ не ставилъ, и, какъ былъ одаренъ отличнымъ умомъ и потому склоненъ къ шалостямъ, то и началъ изобрѣтать разныя потѣхи.

Чѣмъ болѣе старѣлся панъ Кнышевскій, тѣмъ дѣлался взъискательнѣе за безпорядки, и потому ни одна шалость не проходила даромъ Петрушѣ, но уже не наказанiемъ, потому-что Петруша, бывъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ, имѣлъ и тѣлесную силу необыкновенную, и потому панъ Кнышевскій, не могши совладать съ нимъ, чтобъ подвергнуть его наказанію тѣлесному, всегда бранилъ и выговаривалъ ему жестокими словами до-того, что Петруша всѣ свои шалости обращалъ на него, въ чемъ, какъ обширнаго и тонкаго ума человѣкъ, весьма преуспѣвалъ.

Дьячиха, жена пана Кнышевскаго, въ жизни своей преобладала мужемъ своимъ, не смотря на всѣ его увѣренія, доказательства, что онъ есть ея глава. «Какъ-бы ты былъ въ супружествѣ рука» возглашала на это дьячиха: «тогда бы ты что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ: а какъ ты голова, да еще дурная, глупая, то я, какъ руки, могу голову бить.» И съ этимъ словомъ она колотила порядочно свою главу и рвала за волосы.

— Воздержись, окаянная!—вопилъ панъ Кнышевскій: измождай тѣло мое, но не глумися надъ власами, на нихъ же не подобаетъ желѣзу взъити. . .

«Я не желѣзомъ, а грѣшными руками рву твои пàтлы» приговаривала дьячиха, таская его за длинную косу, коею онъ всегда чванился.

Онъ былъ у нея въ совершенной зависимости, по день смерти ея. Когда она умерла, онъ, положивши ее какъ должно, назначилъ псалтирщиковъ своихъ чи-

тать надъ нею псалтирь, умилился сердцемъ и возопилъ при всѣхъ насъ: «Брате Тимоѳтее! ликовствуй! твоя воля, твори еже хощеши, н'есть препинающей тя.» И потомъ, выпивъ на калганъ гнатой горѣлки, пошелъ въ школу отдыхать на лаврахъ, избавясь отъ гонительцы своей.

Это дѣлалось вечеромъ. Лишь только панъ Кнышевскій восхрапѣлъ, братъ Петрусь приступилъ къ дѣйствію. Меня поставили къ псалтирѣ, приказавъ мурныкать, будто кто читаетъ. Братъ Павлусь, какъ великій художникъ, пробилъ въ горшкѣ глаза, носъ и ротъ, заклеилъ бумагою и оттѣнилъ черниломъ. Братъ Петрусь досталъ дьячихино платье, принарядился кое-какъ и приготовленный горшокъ поставилъ вверхъ дномъ на голову, а въ средину его утвердилъ свѣчу. Фигура была ужасная, отъ которой нѣтъ такого храбраго въ мірѣ воина, чтобы на смерть не испугался. Въ этомъ нарядѣ Петрусь пошелъ къ спящему зѣло-крѣпко въ школѣ пану Кнышевскому. Петрусь былъ окруженъ школьниками, держащими кошекъ, коихъ, при входѣ въ школу, начали они тянуть за уши, хвосты; кошки подняли страшный крикъ, мяуканье, крикъ, визгъ... Панъ Кнышевскій невольно воспрянулъ отъ сна и, увидѣвъ необычайное явленіе, началъ творить заклинанія. Но Петрусь не убоялся ихъ и тонкимъ, визгливымъ, рѣзкимъ голосомъ, какъ покрикивала умершая, началъ грозить пану Кнышевскому, чтобы онъ не полагалъ ее въ отсутствіи отъ себя; что душа ея всегда находиться будетъ въ зеленомъ поставчикѣ и, смотря на его дѣлнія, по ночамъ будетъ мучить его, если онъ что̀ сотворитъ неподобное; приказывалъ не наказывать вовсе ни за что̀ школярей и не принуждать ихъ къ ученію, а особливо панычей, которымъ повелѣвалося давать во всемъ

полную волю... и многое тому-подобнаго наговоривъ, Петрусь скрылся съ глазъ дьяка.

Трепещущій, какъ осиновый листъ, вошелъ въ хату панъ Кнышевскій, гдѣ уже Петрусь читалъ бѣгло и не борзяся псалтирь, а прочіе школяры предстояли. Первое его дѣло было поспѣшно выхватить изъ зеленаго поставца калгановую и другія водки, и потомъ толстымъ рядномъ покрытъ его, чтобы душа дьячихи, по обѣщанію своему тамъ присутствующая, не могла видѣть дѣянія его.

Съ-сихъ-поръ, Петрусь что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ. Панъ Кнышевскій, хотя и разсыпа̀лся въ увѣщаніяхъ и даже приступалъ къ угрозамъ, но какъ тутъ же Петрусь, будто ненарочно, стаскивалъ покровъ съ зеленаго поставца, то панъ Кнышевскій вдругъ онѣмѣвалъ аки рыба, съ боязнію посматривалъ на поставецъ и уходилъ, вздыхая, въ комнату: отъ этого, школа наша превратилась въ собраніе шалуновъ самыхъ дерзкихъ. Школяры сходились отъ ранняго утра и приводили съ собою подобныхъ шалуновъ, готовыхъ на всякое предпріятіе. Тутъ затѣвали и располагали новыя шалости, раздавали что̀ кому и какъ дѣйствовать, и пускались на промыслы. Главнымъ промысломъ нашимъ было пріобрѣтеніе съѣстныхъ припасовъ, разнаго лакомства, какъ-то: дынь, арбузовъ, огурцовъ, яблокъ, грушъ и проч. и проч. Никакіе плетни, запоры, замки̇ не удерживали школярей отъ похищенія всего, для насъ нужнаго. Къ чести нашей сказать, мы брали, воровали и отнимали все необходимое только на настоящій день, о завтрашнемъ не безпокоились; доставая провизію, умѣли пріобрѣтать деньги для покупки водки, если братъ Павлусь, какъ великій художникъ, не успѣвалъ закрасться въ маменькину кладовую и оттуда потянуть водки или на-

ливки, безъ разбора, какая подъ руку попадалась. Этотъ нектаръ мы всѣ школяры, отъ мала до велика, тянули препорядочно.

Изъ пріобрѣтенныхъ такимъ-образомъ продуктовъ, умѣющіе приготовляли обѣдъ роскошный. Панъ Кнышевскій, упрекая насъ въ своевольствѣ, очень-охотно раздѣлялъ съ нами трапезу и, для примѣра, не отказывался отъ красовулей, грозя намъ, что уже подобныхъ шалостей завтра онъ не позволитъ дѣлать, а строго примется за ученіе и потому напоминалъ, чтобъ у каждаго «стихи» были твердо-выучены.

«Пане Кнышевскій!» при этомъ вскрикивалъ Петрусь: «не слышете ли, что̀ это въ зеленомъ поставцѣ шевелится?»

— Гмъ, гмъ! покашливая, взглядывалъ панъ Кнышевскій на поставецъ, схвативъ кубокъ, отворачивался отъ поставца, чтобы душа дьячихи, тамъ пребывающая, не видала его дѣйствій, проворно опоражнивалъ кубокъ, или водянчикъ съ водкою или наливкою, вставалъ и медленно отходилъ въ свою свѣтлицу, поглядывая искоса на поставецъ, не смотритъ ли душа жены его. На-завтра, вмѣсто уроковъ, мы-школяры и наставникъ нашъ, панъ Кнышевскій, принимались за вчерашніе подвиги.

Дома своего мы вовсе не знали: такъ нравилось намъ пребываніе въ школѣ и занятія, никѣмъ нестѣсняемыя.

Впрочемъ маменька скучали, рѣдко насъ видая, батинька хвалили насъ за такую прилежность къ ученію. А мы «преуспѣвали на горшее» по замѣчанію пана Кнышевскаго, наконецъ во всемъ подчинившагося намъ.

Братъ Петрусь, какъ всѣ великаго ума люди, былъ любовнаго сложенія, но въ занятія такого рода, по

тогдашнему правилу, не могъ пускаться, потому-что еще не брилъ бороды, ибо еще не исполнилось ему 16-ти лѣтъ отъ-рода.

Когда же насталъ этотъ вожделѣнный для него день, день рожденія его, коимъ начиналось семнадцатое лѣто жизни его, то призванъ былъ священникъ, прочтена молитва; Петрусь сдѣлалъ три поклоненія къ ногамъ батиньки и столько же маменьки, принялъ отъ нихъ благословеніе на бритіе бороды, и получилъ отъ батиньки бритву, «которую», какъ увѣряли батинька: «голился еще пра-пращуръ нашъ, войсковой обозный, панъ Талемонъ Халявскій» и бритва эта, переходя изъ рода въ родъ, вручена была Петрусю съ тѣмъ же, чтобы въ потомствѣ его, старшій въ родѣ, выбривъ перво-выросшую бороду, хранилъ бы какъ зѣницу ока и передавалъ бы также изъ рода въ родъ.

Маменька же благословили Петруся кускомъ грецкаго мыла и полотенцемъ, вышитымъ разными шелками, руками также прабабушки нашей, въ подарокъ прадѣдушкѣ нашему, для такого же употребленія.

Церемонія была трогательная. Сами папинька даже всплакнули, а маменька такъ на-взрыдъ рыдали. Конечно, очень-чувствительно для родителей видѣть первенца брака своего, достигшаго совершенныхъ лѣтъ, когда уже по закону или обычаю, онъ долженъ былъ исполнять дѣйствіе взрослыхъ людей.

По окончаніи церемоніи, Петрусь тутъ же былъ посаженъ, и рука брадобрѣя, брившаго еще дѣдушку нашего, оголила бороду Петруся, довольно, по чернотѣ волосъ, замѣтную. Батинька съ большимъ чувствомъ смотрѣли на это важное и торжественное дѣйствіе, а маменька хотѣли-было сомлѣть, боясь чтобы брадобрѣй, отъ неосторожности, не перерѣ-

залъ горла Петрусю, но удержались, а только ахали.

Когда кончилось дѣйствіе (надобно знать, что усы у Петруся не были выбриты), тогда батинька поподчивали изъ своихъ рукъ священника, брадобрѣя и приказали выпить рюмку и Петрусю, сказавъ: «ты теперь совершенный мужъ, и тебѣ разрѣшается на вся.» Петруся это замѣтилъ и спѣшилъ пользоваться правомъ своимъ; но насъ удержали обѣдать дома праздника ради; а потомъ предложены были лакомства разныхъ родовъ.

Вечеръ Петрусь посвятилъ на узнаніе всего позволеннаго ему, какъ уже совершенному мужу.

Панъ Кнышевскій, въ числѣ прочихъ дѣтей, имѣлъ дочь, достигшую пятнадцати-лѣтняго возраста. Увидѣвъ, что Петрусь, оголивъ свою бороду, началъ обращеніе свое съ нею, какъ совершенный мужъ, коему разрѣшается на вся, онъ началъ ее держать почти въ заперти во все то время, пока панычи были въ школѣ, слѣдовательно, весь день; а на ночь онъ запиралъ ее въ комнатѣ и бдѣлъ, чтобы никто не обезпокоилъ ее ночною порою. Затворница крѣпко тосковала и при случаѣ успѣла шепнуть, что она рада бы избѣгать отъ такого стѣсненія. Немедленно приступлено къ дѣлу.

Вечеромъ, нѣсколько школярей, такъ только называвшихся, а совсѣмъ уже неучившихся, потому-что никто не слушалъ и не уважалъ пана Кнышевскаго, собрались къ нему и со всею скромностію просили усладить насъ своимъ чтеніемъ. Восхищенный возможностью блеснуть своимъ талантомъ въ сладкозвучномъ чтеніи и краснорѣчивомъ изъясненіи неудобопонимаемаго, панъ Кнышевскій усѣлся въ почетномъ углѣ и разложилъ книгу, вмѣсто каганца даже сальную свѣчу засвѣтилъ и, усадивъ насъ кру-

гомъ себя, подтвердивъ слушать внимательно, началъ чтеніе.

На третьей страницѣ, я отпросился выйдти. Не успѣвъ выйдти изъ сѣней, я началъ кричать необыкновеннымъ голосомъ: «собака собака! ратуйте! собака!»

Панъ Кнышевскій первый бросился ко мнѣ на помощь; но лишь только онъ выскочилъ ко мнѣ, какъ собака бросилась на него, начала рвать его за платье, свалила на земь, хватала зубами за пальцы и лизала его по лицу.

Панъ Кнышевскій кричалъ не своимъ голосомъ. Всѣ школяры высыпали изъ хаты, закричали на собаку, которая, отбѣжавъ и никого не трогая, смотрѣла съ угла на происходящее. Непораненнаго нигдѣ, но болѣе перепуганнаго, пана Кнышевскаго втащили мы въ хату и, осмотрѣвъ, единогласно заключили, что это бѣшеная собака, которая, если и не покусала его, то уже навѣрное заразила его. Панъ Кнышевскій задрожалъ всѣмъ тѣломъ, а школяры начали кричать: «бѣсится, панъ Кнышевскій, бѣсится! давайте воды, попробовать». Мы, не выпуская его изъ рукъ, приготовлялись обдать водою, а онъ началъ кричать ужасно, даже ревѣть. Тутъ мы больше принялись утверждать, что «панъ Кнышевскій бѣсится».

— Чада моя! спасите меня! началъ онъ просить насъ умоляющимъ голосомъ, и мы признали за необходимое связать ему руки и ноги, и такъ отнести въ пустую школу и тамъ запереть его. Трепеща всѣмъ тѣломъ и съ слезами, онъ согласился и былъ заключенъ въ школѣ, дверь коей съ-наружи заперли крѣпко.

«Ѳеодосію!... Ѳеодосію!...» началъ кричать панъ Кнышевскій изъ своего заключенія, вспомнивъ про

дочь свою: «Өеодосію спасите: да идетъ она на пребываніе къ пономаркѣ Дрыгалихѣ, дондеже перебѣшуся.»

Но мы, увѣривъ бѣснующагося, что дочь его при первой суматохѣ побѣжала позвать знахарку, тѣмъ успокоили его.

Братъ Петрусь, какъ расположившій всѣмъ этимъ происшествіемъ, торжествовалъ побѣду, а Павлусь, который, какъ отличный художникъ, бывъ наряженъ собакою и такъ напугавшій пана Кнышевскаго, теперь переряживался въ знахарку.

Когда все кончилось и Павлусь также былъ готовъ, то Петрусь пошелъ съ нами къ заключенному. Өеодосія, смущенная, разстроенная, свѣтила намъ, дрожащими руками держа свѣчу.

Знахарка вошла, шептала надъ страждущимъ, плевала, лизала его, умывала и, намѣшавъ принесеннаго толченаго угля съ водою, дала ему выпить эту воду, все продолжая шептать. Всѣ мы замѣтили, что съ больнаго какъ рукою снято бѣшенство, и мы выпустили его.

Горбунчикъ-Павлусь прекрасно игралъ свою роль: былъ настоящею собакою, ворчалъ, лаялъ, вылъ и тормошилъ пана Кнышевскаго, вотъ-таки какъ истинная собака; впрочемъ и Петрусь свою ролю съигралъ весьма-успѣшно, и это ему такъ понравилось, что онъ затѣялъ повторить эту комедію и на слѣдующій вечеръ.

Вечеромъ, когда мы усѣлись слушать чтеніе пана Кнышевскаго, Өеодосія, изъ комнаты, гдѣ она всегда была, и откуда по приказанію отца не должна была выходить, закричала: «А посмотрите, панычи, не бѣсится ли мой панъ-отецъ?»

—Ахъ, такъ и есть, такъ и есть! началъ кричать Петрусь, а за нимъ и всѣ мы кричали: «бѣсится панъ Кнышевскій, бѣсится!»

—«Берите же мене паки и свяжите вервіемъ и предайте заключенію во тьму кромешную...»

Мы его честно связали и поволокли въ школу. А онъ оттуда кричалъ: «Ѳеодосіе!»

«Да и безъ васъ знаю» отвѣчала она, спѣша въ комнату.

—«Пригласи волшебницу поспѣшнѣе...»

Въ свое время, знахарка явилась и освободила пана Кнышевскаго отъ бѣшенства. Онъ-самъ сознавался, что въ сей разъ бѣшенство овладало менѣе, чѣмъ вчерашній день.

Панъ Кнышевскій охотно давалъ себя связывать, и мы увѣрены были, что онъ безъ ворожбы съ мѣста не подвинется, а потому, день-ото-дня, мы безпечнѣе были на-счетъ его, очень-слабо связывали ему руки и почти не запирали школы, введя его туда.

Въ одинъ вечеръ, нашъ художникъ, Павлусь, какъ-то лѣниво убирался знахаркою и выскочилъ съ нами на улицу ради какой-то новой проказы. Пану Кнышевскому показалось скучно лежать: онъ привсталъ, и, не чувствуя въ себѣ никакихъ признаковъ бѣшенства, освободилъ свои руки, свободно разрушилъ заклепы школы и тихо, чрезъ хату, вошелъ въ комнату...

Тутъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ взбѣсился и «возрыкалъ аки вепръ дивій», какъ самъ послѣ разсказывалъ. Виновый пробѣжалъ мимо его, а съ Ѳеодосіею что̀ случилось — къ свѣдѣнію моему не доходило до сего дня.

Не понимая, въ чемъ дѣло, мы также пустились за Петрусемъ домой.

На другой день, очень-рано, панъ Кнышевскій явился съ жалобою на насъ къ батинькѣ.

«Помилуйте, вельможный пане подпрапорный!» вопилъ панъ Кнышевскій, и просилъ, и требовалъ удовлетворенія, при чемъ разсказалъ весь ходъ интриги нашей, и всѣ дѣйствія изъяснилъ со всею подробностію.

Батинька очень смѣялись и съ удивленіемъ восклицали: «Что за умная голова у этого Петруся! что за смѣлая бестія этотъ Петрусь? Это удивленіе, а не хлопецъ!»

Когда же панъ Кнышевскій умолялъ и требовалъ возмездія за поруганіе, то батинька сказали ему:

«Да чего ты, панъ Кнышевскій, такъ горячо пристаешь? Что тамъ дитя пошалило, а ты уже и за дѣло почитаешь».

— Истина глаголетъ устами вашими, вельможный пане подпрапорный! сказалъ панъ Кнышевскій, прижавъ руки къ груди и возведя очеса свои горѣ.

«Будетъ еще время толковать, пане Кнышевскій! а теперь иди съ миромъ. Станешь жаловаться, то кромѣ срама и вѣчнаго себѣ безчестья ничего не получишь; а я, за порицаніе чести рода моего, уничтожу тебя и сотру съ лица земли. Иди же. Возьми, когда хочешь, мѣшокъ гречишной муки на галушки и не разсказывай никому о паныческой шалости: себя только осрамишь.»

Панъ Кнышевскій, поклонясь, пошелъ и, не отказавшись отъ муки, принесъ ее домой, и происшествіе предалъ вѣчному молчанію, а Ѳеодосія и по-давну никому не открывала.

И хорошо сдѣлалъ панъ Кнышевскій, что замолчалъ. Онъ ничего не выигралъ бы противъ батиньки, хотя и правда, что они были не больше, какъ подпра-

порный, и то противъ воли. А изво́лите видѣть, ка̀къ они попали въ подпрапорные. Его ясневельможность, нашъ панъ-полковникъ, уважая батиньку, хотѣлъ вывести его въ сотники, потому-что батинька были очень-богаты какъ маетностями, такъ вещами и монетою: такъ-де-такой сотникъ скомплектуетъ сотню на славу и весь полкъ закраситъ. Вотъ и прислалъ къ батинькѣ универсалъ, что онъ батиньку, за усердную службу, возводитъ на степень подпрапорнаго, съ обнадеживаніемъ впредь и въ дальней милости. Какъ же получили батинька этотъ универсалъ, Господи, что̀ тутъ было! И разсказывать страшно!... Ногами затопали, начали кричать гнѣвно и даже запѣнилися, а бумагу въ мелкіе лоскутья изорвали и не пошли - таки служить. Однакоже любили, когда ихъ величали паномъ подпрапорнымъ, да еще и вельможнымъ, хотя, правду сказать, подпрапорный и въ сотнѣ «не много могъ», а для посторонних и того-менѣе.

Оставляя титулъ, батинька были очень-сильны и важны по своему богатству. Всѣ ихъ трепетали, а они ни о комъ и не думали. Не приведи Господь взойдти на нашу землю хотя курицѣ сосѣдской: въ прахъ разорятъ владѣльца ея; а если вздумаетъ поспорить или упрекать, такъ и тѣлесно надъ нимъ наругаются, и въ усъ себѣ не дуютъ.

И надобно отдать справедливость: во всемъ нашемъ полку батиньку очень уважали и жаловали; онъ же любилъ дѣлать частые банкеты и, бывало, поднимаетъ на нихъ и самого полковника со всею ассистенціею. И что̀ это были за банкеты!... Куда! Въ нынѣшнее время и тѣни того не увидишь, а еще говорятъ, что всѣ вдалися въ роскошь! Да какая была во всемъ чинность и регула!...

Когда батинька задумывали сдѣлать банкетъ, то заблаговременно объявляли маменькѣ, которыя, бывало, тотчасъ принимаются вздыхать, а иногда и поплачать. Конечно, онѣ имѣли къ тому большой предлогъ. Посудите: для одного банкета требовалось курей 50, утокъ 20, гусей столько же, поросятъ 10, кабана непремѣнно должно было убить, и также цѣлую яловицу. Все же это, въ сажахъ кормленное, упитанное зерномъ отборнымъ. Ахъ, какія маменька были мастерицы выкармливать птицу, и въ-особености кабановъ! Повѣрьте моему честному слову, что когда, было, убьютъ кабана, такъ у него, канальи, сала на цѣлую ладонь, кромѣ что все мясо прорасло саломъ! А птица! пальцемъ можно было раздѣлять, а жиръ съ нея во рту не помѣщается: такъ и течетъ!

Вотъ, объявивши маменькѣ, самъ пошлетъ въ городъ за «городскимъ кухаремъ»,—такъ назывался всѣми человѣкъ, въ рангѣ чиновника, всѣми чтимаго за его необыкновенное художество и искусство приготовлять обѣденные столы. Кухарь этотъ явится за пять дней до банкета и, прежде всего, начнетъ гулять. Извѣстно, что три дня ему должно было погулять прежде начатія дѣла. И чего бы онъ, въ эти дни, ни спросилъ, должно все ему поставить: иначе онъ броситъ все, уйдетъ и ни за что̀ уже не пріймется за дѣло. Отгулявъ три дня, приступитъ къ работѣ. Узнавъ отъ батиньки, сколько предполагается перемѣнъ при столѣ, онъ идетъ съ маменькою въ сажи, гдѣ кормится живность, и выбираетъ самъ, какую ему угодно. Помню и теперь, какъ маменька стоятъ у дверей сажа и, приложа руки къ груди, жалостно смотрятъ на выборъ кухаря. Когда же онъ замѣтитъ жирнѣйшую изъ птицъ и обречетъ ее на смерть, тутъ маминька ахнутъ, оботрутъ слезку изъ глазъ и не вы-

терпять, чтобы не шепнуть: «самая жирнѣйшая! теперь весь сажъ хоть брось!» Впрочемъ, маменька это дѣлалине отъ скупости, не жалѣя подать гостямъ лучшее, а такъ, любили, чтобы всего было много и все было лучшее. На завтрашній день убылое мѣсто опять наполнится птицами, которыя, по-времени, также будутъ выкормлены, а все-таки жаль. Неизъяснимо сердце, непостижимъ характеръ хозяекъ, подобныхъ маменькѣ!

Кухарь, при помощи десятка бабъ, управляется съ птицею, поросятами, кореньями, зеленью; булочница дрожитъ тѣломъ и духомъ, чтобы опара на булки была хороша и чтобы и тѣсто высходилось, и булки выпеклись бы на-славу; кухарка въ другой кухнѣ, съ помощницами, также управляется съ птицею, выданною ей, но уже не кормленною, а изъ числа гуляющихъ на свободѣ, и приготовляетъ въ большихъ горшкахъ обѣдъ, особо для конюховъ гостиныхъ, для казаковъ, препровождающихъ пана-полковника и прочихъ пановъ; особо и повкуснѣе для мелкой шляхты, которые пріѣдутъ за панами; имъ не дозволено находиться за общимъ столомъ съ важными особами. Дворецкій, выдавъ, для вычищенія, большія оловянныя блюда съ гербами знаменитаго рода Халявскихъ и съ вензелями прадѣда, дѣда, отца папенькиныхъ и самого папеньки, самъ остритъ ножъ и другой про запасъ, для разрѣзыванія при столѣ птицъ и другихъ мясъ. Ключникъ разливаетъ въ кувшины пиво и медъ изъ вновь-початыхъ бочекъ, изъ которыхъ пробы носилъ къ папенькѣ, и, по одобренію ихъ, распредѣляетъ: изъ какихъ бочекъ подавать панамъ, изъ какихъ шляхтѣ, казакамъ, конюхамъ, и проч. Изъ боченковъ же, особо-стоящихъ и заключающихъ въ себѣ отличные меда, паточный, сахарный и т. п., будетъ онъ выда-

вать къ концу стола, чтобы «уложить гостей». Конюха̀, на конюшенномъ дворѣ, принимаютъ отъ токова-го лучшаго овса и ссыпаютъ его въ свои закорма; заботятся о привозѣ сѣна изъ лучшаго стожка и скидываютъ его на конюшню, чтобъ все это задать гостинымъ лошадямъ, немедленно по прiѣздѣ ихъ. Однимъ-словомъ, всѣмъ и каждому пропасть дѣла и заботъ, а батинькѣ и маменькѣ больше всѣхъ. Они за всѣмъ смотрятъ по своей части, все наблюдаютъ, и бѣда конюху, если онъ принялъ овесъ не-чисто вывѣянный, сѣно луговое, а не лучшее изъ степнаго; бѣда ключнику, если кубки не полно нацѣжены, для меньшихъ столовъ худшаго сорта приготовлены напитки; бѣда булочницѣ, если булки не-хорошо испечены,—кухаркѣ, если страва (кушанье для людей) не-вкусно и не въ достаткѣ изготовлено. Одинъ «городской кухарь» не подлежитъ осмотру: ему дана полная воля приготовлять что̀ знаетъ по своему искусству и дѣлать какъ умѣетъ и какъ хочетъ. За-то уже, чего требуетъ, все въ-точности спѣшатъ ему выдава̀ть, хотя маменька и не пропустятъ, чтобъ не поворчать: «Какую пропасть потребовалъ масла! а рыжу? а родзынковъ? видимо не-видимо! Охота же Мирону Осиповичу поднимать банкеты! Шутка ли? четыре раза въ годъ! Не припасешься ни съ чѣмъ. Того и смотри, что разоримся вовсе.» Послѣднiя слова маменька произносили шопотомъ, чтобъ батинька не слыхали; а то бы досталось имъ! Батинька хотя были и очень-политичны, но когда уже чего захотѣвалось имъ, такъ уже поставятъ на своемъ. Маменька, не знавши ихъ натуры, лѣтъ пять, бывало, принимаются спорить противъ нихъ, такъ что̀ жь?... Ну, не наше дѣло разсуждать, а знаетъ про то кофейный шелковый платокъ, который не разъ слеталъ съ маменькиной головы, не

смотря на то, что навязанъ былъ на подкапокъ изъ синей сахарной бумаги.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я говорилъ?.. Да; о банкетѣ,—такъ.

Вотъ въ этотъ торжественный день, прежде всего, утромъ еще, является команда казаковъ для почетнаго караула, поелику въ домѣ будетъ находиться самъ панъ-полковникъ. При этой командѣ всегда находятся сурмы (трубы) и бубны (литавры). Команда и устроитъ свой караулъ.

По прошествіи утра, днемъ, по-позже, такъ, часу въ десятомъ по-полуночи, съѣзжаются званые гости. А кого только батинька не звали на банкетъ къ себѣ? Верстъ за пятдесять посылали, никого не пропустили; да всѣ же и собралися: невозможно же было такому вельможѣ не сдѣлать чести и не быть на банкетѣ. Кто не имѣлъ чѣмъ пріѣхать, тотъ пѣшкомъ пришелъ съ семействомъ, принеся съ собой нарядное платье, потому-что тутъ въ простомъ невозможно было бы показаться. Да; посмотрѣли бы вы, какъ всѣ гости разряжены, разубраны! Мужчины, въ славныхъ суконныхъ черкесскахъ темныхъ цвѣтовъ, рукава съ велютами, т. е. назадъ-откидными; подъ ними кафтанъ глазетовый, блестящій; много-много когда уже на комъ моревой; пояса блестятъ точно кованные; за поясомъ на золотой или серебряной цѣпи ножъ съ богатою оправою; сапоги сафьяна краснаго, желтаго или зеленаго, а кто пощеголеватѣе, такъ и на высокихъ подковахъ; волосы красиво подбриты въ кружокъ, усы прилаженные, опрятные, какъ называли тогда—«чепурные». А женщины, въ свою очередь... это прелесть! Кунтуши богатѣйшей парчи, такъ-что и не согнешь; на стану перехвачено сутою сѣткою

выложено; корсеты глазетовые; запаски заморскихъ, пестрыхъ матерій. На головахъ кораблики или очипки парчи сутой, какъ жаръ горитъ. На шеѣ намиста, намиста! дукатовъ, еднусовъ, крестовъ... Господи, твоя воля! — Дѣвушки, иныя для полегкости, безъ кунтушей, въ однѣхъ юпкахъ, т. е. корсетахъ безъ рукавовъ; но за-то, какіе рукава ихъ рубашекъ—это заглядѣнье! тонкаго холста, кисейные, какіе можно вообразить. Да все это вышито преискусно разныхъ цвѣтовъ шелками, золотомъ, серебромъ. Головы убраны на удивленіе-какъ прелестно! Косы заплетены мельчайшими пасмами, свиты вѣнкомъ и уложены на макушкѣ, а по лбу положены, одна на другой, разныхъ цвѣтовъ ленты, а поверхъ ихъ золотой газъ сутой... ну, это прелесть! Ножки въ суконныхъ чулочкахъ, бѣлыхъ или синихъ; башмачки красные, на колодочкахъ. Изъ-подъ шелковой плахты виднѣется подолъ сорочки, такимъ же узоромъ вышитый, какъ и рукава... Такъ этакая краля невольно обратитъ глаза на себя одна,—а тутъ ихъ собралось десятками! Не подумайте, что это онѣ изубыточилися и дѣлали себѣ наряды для нашего банкета: совсѣмъ нѣтъ! Каждая все это получила отъ матери и часто отъ бабки, носитъ сама и передаетъ будущимъ своимъ дочерямъ и внукамъ. Теперешніе сборы на банкетъ не стоили имъ ничего болѣе, какъ кружки ключевой воды, чтобы умыться; а одѣлись во все готовое. Да-какъ же онѣ хороши! какой здоровый цвѣтъ въ лицахъ! Какой яркій, живой румянецъ въ щекахъ! какая свѣжесть въ прелестныхъ глазахъ! Немудрено: онѣ ложатся спать въ-вечеру и съ солнцемъ встаютъ; онѣ....

(Тутъ все, написанное мною, моя невѣстка, втораго сына жена, женщина модная, воспитанная въ пансіонѣ мадамъ Гроссвашъ, зачернила такъ, что я не

могъ и разобрать, а повторить — не вспомнилъ, что̀ было написано.)

Вотъ такіе-то гости собрались и сидятъ чинно. Такъ уже къ полудню, часовъ въ одиннадцать, вдругъ сурмы засурмили, бубны забили, — самъ полковникъ ѣдетъ. Батинька съ маменькою вышли его встрѣтить на крыльцо. Батинька бросились къ берлину, въ которомъ онъ пріѣхалъ цугомъ, и на коренной сидѣлъ машталиръ и, хлопая долгимъ бичемъ, управлялъ однимъ передними лошадьми, черными какъ смоль; шоры на лошадяхъ зеленые, на машталиру нарядъ зеленый, потому-что и берлинъ выкрашенъ зеленою краскою. Батинька отворили дверцы берлина и панъ-полковникъ вылазилъ изъ него̀, опираясь на батиньку. — Тутъ батинька поцаловали его руку, а онъ, вылѣзши, обнялъ батиньку. Это, право, я самъ видѣлъ и никакъ не лгу. Маменька очень-низко поклонились пану-полковнику, когда онъ взошелъ на рундукъ, и бросились было также цаловать его руку, но онъ отхватилъ и допустилъ маминьку поцаловать себя въ уста. За такую отличную честь маменька ему пренизко поклонились и униженно просили его ясневельможность, осчастливить убогую ихъ хижину своимъ присутствіемъ. Но маменька впередъ его не пошли: онѣ слышали, что панъ-полковникъ изволилъ бывать не одинъ разъ въ Петербургѣ и присмотрѣлся свѣтскихъ обычаевъ, что̀ видно изъ того, что не всякой чиновницѣ дастъ свою руку поцаловать; знали все это, но долгъ свой соблюли и пустили его идти впередъ.

Въ сѣняхъ встрѣтили пана-полковника всѣ мужчины, низко кланяясь; при входѣ же въ комнату, всѣ барыни и барышни встрѣтили его у дверей, низко и почтительно кланяясь. Хотя панъ-полковникъ,

по тучности своей, скоро усѣлся на особо-приготовленное для него съ мягкими подушками высокое кресло, однако женщины, не смотря и на неоднократныя убѣжденія пана-полковника, никакъ не хотѣли садиться и уже нескоро уважили его настоятельную просьбу; когда же онъ объяснилъ, что въ Петербургѣ женскій полъ и при самомъ губернаторѣ сидитъ, сѣлъ и нашъ женскій полъ, — но себѣ на умѣ: когда панъ-полковникъ изволилъ которую о чемъ спрашивать, тогда она спѣшила встать и, сдѣлавъ его ясневельможности отвѣтъ, кланялась низко и уже садилась.

Панъ-полковникъ изволилъ быть веселъ. Услышавъ громко и пріятно-поющаго чижа въ клѣткѣ, онъ похвалилъ его, какъ тутъ же батинька, низко поклоняся, сняли клѣтку и, вынесши, отдали людямъ пана-полковника, чтобъ приняли и бережно довезли до дома, «какъ вещь, понравившуюся его ясневельможности».

Панъ-полковникъ, разговаривая съ старшинами, которые стояли у стѣны и отнюдь не смѣли сѣсть, изволилъ закашляться и плюнуть впередъ себя. Стремительно одинъ изъ заслуженныхъ бунчуковыхъ товарищей, старикъ почтенный, бросился и почтительно затеръ ногою плеванье его ясневельможности: — толико въ тотъ вѣкъ политика была утончена!

Немного съ годомъ (часомъ), по прибытіи пана-полковника, дворецкій внесъ большой подносъ, кругомъ установленный серебряными позлащенными чарками, а на другомъ подносѣ хрустальные карафины, наполненные разныхъ сортовъ, вкусовъ и цвѣтовъ водки, нарочно для сего маменькою приготовленные. Водки никому не подносили, пока батинька и маменька изъ своихъ рукъ не просили пана-полковника. Когда полковникъ изволилъ принять въ руки

чарку, тогда только начали подносить гостямъ, и каждый наливалъ себѣ желаемой водки, а батинька не преставали упрашивать каждаго, чтобы по-полнѣе наливали.

Панъ-полковникъ былъ политиченъ. Онъ, не пивши, держалъ чарку, пока всѣ себѣ не налили, и тогда принялся пить. Всѣ гости смотрѣли на него: и если бы онъ выпилъ всю чарку разомъ, то и они также выпили бы; но какъ полковникъ пилъ прихлебывая, то и они не смѣли выпивать прежде его. Когда онъ изволилъ морщиться или цмокать губами, любуясь вкусомъ водки, то и всѣ они дѣлали то же изъ угожденія его ясневельможности.

Панъ-полковникъ, выкушавши водку, изволилъ разсматривать долго чарку и похвалилъ ее. Въ-самомъ-дѣлѣ, чарка была отличная: большая, тяжеловѣсная, жарко-вызлащенная и съ гербомъ Халявскихъ. Политика требовала и чарку отдать пану-полковнику, что̀ батинька съ удовольствіемъ исполнили.

Послѣ выпитія водки, пану-полковнику пожелалось прогуляться по двору: такова была ихъ натура. Когда онъ только-лишь всталъ, то весь женскій полъ приподнялся, т. е. всталъ, а панъ-полковникъ, въ-сопровожденіи батиньки, вышедъ въ сѣни, закричалъ караульнымъ: «а ну-те же, сурмите, сурмите; вотъ я иду» — и разомъ па сурмахъ и бубнахъ отдавали ему честь до-тѣхъ-поръ, пока онъ не возвратился въ покои.

По возвращеніи, панъ - полковникъ прошенъ по другой чаркѣ и *, на сей разъ полковнику поставили другую, таковую же; онъ уже болѣе не хвалилъ чар-

* Съ приговоркою: «по первой не закусываютъ, пане полковнику!»

ки, а просто выкушалъ, чему послѣдовали и всѣ гости, разумѣя мужескій полъ одинъ: женщинамъ не смѣли и подносить; онѣ очень-чинно и тихо сидѣли, повертывая только пальчиками одинъ около другаго, или кончикомъ вышитаго платочка махали на себя, потому-что въ комнатѣ было душно отъ народа.

Еще немного съ годомъ, вдругъ засурмили и забубнили уже въ сѣняхъ, въ знакъ того, что пора къ обѣду, и первая перемѣна стола поставлена. Немедленно поднесли по третьей *, и потомъ панъ-полковникъ, а за нимъ и гости, прошены къ столу.

Столъ былъ приготовленъ въ противной комнатѣ, т. е. расположенной чрезъ сѣни отъ той, гдѣ находились. Подъ стѣнами были лавки и передъ ними столъ длинный, покрытый ковромъ и сверхъ скатертью длинною, вышитою по краямъ въ длину и на углахъ красною бумагою разными произвольными узорами. На столѣ стояли часто большія, оловянныя мисы — и всѣ съ гербами Халявскихъ,—наполненныя борщами разныхъ сортовъ. Для сидящихъ не было болѣе приборовъ, какъ оловянная тарелка, близъ ней большіе ломти хлѣба бѣлаго и чернаго, ложка деревянная, лакомъ покрытая,—и все это, чрезъ всю длину на обоихъ концахъ покрывало длинное полотенце, такъ же вышитое, какъ и скатерть. Оно служило для вытиранія рукъ, вмѣсто теперешнихъ салфетокъ; столъ, кромѣ мисокъ, уставленъ былъ большими кувшинами, а иногда и бутылями, сытно-наполненными пивами и медами различныхъ сортовъ и вкусовъ — и какіе это были напитки! Ей, истинно не лгу: те-

* Съ приговоркою: «безъ троицы домъ не строится». Иногда подавали и по четвертой, дабы употребить приговорку: «поставивши тарелки, надо выпить еще горѣлки».

перь никому и не приснится вкусъ такихъ напитковъ; а чтобъ сварить или приготовить, и не говори: никто понятія не имѣетъ. Вообразите вы себѣ пиво тонкое, жидкое, едва-имѣющее цвѣтъ желтоватый; поднесите же къ устамъ, то уже запахъ одинъ манитъ васъ отвѣдать его, а отвѣдавши, вы уже не хотите оставить и пьете его, сколько душѣ вашей угодно. Сладко, вкусно, пріятно, усладительно, и въ головѣ не оставляетъ никакихъ послѣдствій!.. А медъ? Это на удивленіе! Медъ вы налили,—а онъ чистый, прозрачный, какъ хрусталь, какъ ключевая вода. « Что̀ это за медъ? » сказали бы вы. Да; подите съ нимъ, начните его кушать, такъ отъ третьяго глотка вы не раздвинете губъ своихъ: онѣ такъ и слипнутся. Сколько сладости! а ароматъ какой! теперь ни отъ одной барыни нѣтъ такого благоуханія,—а откровенно сказать: пріятные запахи онѣ имѣютъ, выѣхавши въ люди,—точно нѣтъ, какъ прежде бывало отъ такого меда, называемаго « сахарнымъ ». Вотъ же, изволите замѣтить, что этакія пива и меды стоятъ по всему столу; увидите же, что̀ послѣ изъ этого выйдетъ.

Промежду кувшиновъ или бутылей стоятъ кру̀жки, стопы—и все серебряное, тяжеловѣсное, вычеканенное различными фигурами и миѳологическими, т. е. ложными божествами, — и всѣ заклейменныя пышнымъ гербомъ Халявскихъ, преискусно-отработаннымъ.

Его ясневельможность, панъ-полковникъ, изволилъ садовиться, по обычаю, на самомъ первомъ мѣстѣ, въ головѣ стола; подлѣ него не было приготовлено мѣста, потому-что никому же не слѣдуетъ сидѣть наравнѣ съ такою важнаго ранга особою. Женщины замужнія садились, по чинамъ своихъ мужей, на лав-

кахъ у стѣны. Хозяинъ долженъ былъ крѣпко наблюдать, чтобы пани-есаулова не сѣла какъ-нибудь выше пани-сотниковой: если онъ замѣтитъ такое нарушеніе порядка, долженъ просить паню-есаулову пересѣсть по-ниже; въ противномъ случаѣ ссора вѣчная у мужа униженной жены съ хозяиномъ банкета и съ есауломъ, мужемъ зазнавшейся; а если онъ ему подчиненъ, то мщеніе и взъисканіе по службѣ. Послѣ усѣвшихся женщинъ садовилися дѣвушки, также по чинамъ отцовъ своихъ. Мужчины, также по чинамъ, садовилися на скамьяхъ или «ослонахъ» противъ женскаго пола. Хозяинъ банкета садовился въ самомъ концѣ стола, чтобы удобнѣе вставать. Хозяйка же не садилась вовсе: она распоряжала отпускомъ блюдъ и наблюдала за всѣмъ ходомъ банкета. Нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ, прилично случаю убранныхъ, въ своемъ національномъ нарядѣ, стояли въ углу, близь большой печи, въ готовности исполнять требованія гостей. Хозяйкинъ глазъ наблюдалъ и за ними,—и бѣда дѣвкѣ, прозѣвавшей поднять уроненное, принять подаваемое, или чтò-нибудь неисполненное! Маменька, было, тотчасъ кивнутъ пальцемъ на виновную, а иногда имъ и покажется, что она будто виновата и схватятъ ее за косы и тутъ же ну-ну-ну-ну! да такъ ее оттреплятъ, что дѣвка не-скоро и къ разуму придетъ. Потомъ, оправивъ косы и все разстроенное, опять является на свое мѣсто и стоитъ какъ свѣча. По щекамъ же, въ такомъ случаѣ, маменька не били дѣвокъ изъ предосторожности, чтобы ляскъ, необходимо-происходящій отъ пощечины, не дошелъ до гостей.

Вотъ какъ усѣлися — и всѣ смотрятъ на пана-полковника. Онъ снялъ съ тарелки ручникъ или полотенце и положилъ къ себѣ на колѣни,—и всѣ гости

обоихъ половъ сдѣлали то же. Онъ отрѣзалъ своимъ ножемъ, бывшимъ у него за поясомъ на цѣпочкѣ, кусокъ хлѣба, посолилъ, съѣлъ и, взявъ ложку, хлѣбнулъ изъ миски борща, перекрестился,—и всѣ гости за нимъ повторили то же, но только одинъ мужской полъ. Женщины же и дѣвушки не должны были отнюдь ѣсть чего либо, но сидѣть неподвижно, потупивъ глаза въ-низъ, никуда не смотрѣть, не разговаривать съ сосѣдками, а могли только, по-утреннему, или пальчиками мотать, или кончикомъ платка махаться; иначе, противъ нихъ сидящіе панычи ихъ осмѣютъ и разславятъ, такъ-что имъ и просвѣтка не будетъ, стыдно будетъ и глаза на свѣтъ показать.

Съ первой ложки пошли гости кушать, ка̀къ и сколько кому угодно. Противъ четырехъ особъ ставилась миска, и изъ нея прямо кушали, выкидывая на тарелку, передъ каждымъ стоящую, косточку, муху или другое, что̀ неприличное попадается. По окончаніи одного борща, подавали другаго сорта. И сколькихъ сортовъ бывали борщи, это на удивленіе! Борщъ съ говядиною — или, по-тогдашнему, съ яловичиною; борщъ съ гусемъ, прежирно-выкормленнымъ; борщъ съ свининою; борщъ Собѣскаго (бывшаго въ Польшѣ королемъ); борщъ Скоропадскаго (гетмана малороссійскаго: по исторіи нашей извѣстно, что эти особы сами составили такого сорта борщи); рыбный борщъ печерскій; борщъ шарый; борщъ съ кормленною уткою... да уже и не вспомню всѣхъ названій борщей, какіе, было, подаютъ!

Когда оканчивались борщи, сурмы и бубны въ сѣняхъ возвѣщали окончаніе первой перемѣны. При звукѣ ихъ, гости мужескаго пола вставали съ своихъ мѣстъ и становилися къ сторонкѣ, чтобы дать кухару свободно дѣйствовать. Онъ забиралъ опорожнен-

ныя миски, а дѣвки, по слову маменьки, изъ другой комнаты сказанному имъ: «дѣвчата! а ну-те, заснули», опрометью кидались къ столу, собирали тарелки, сметали руками со стола хлѣбныя крошки, кости и проч., устроивали новые приборы и, окончивъ все, отходили въ сторону. Тутъ являлся кухаръ съ блюдами второй перемѣны, и устанавливалъ столъ мисками съ новыми кушаньями. Когда онъ все оканчивалъ, сурмы и бубны, во все продолженіе перемѣны гремѣвшіе, замолкали, и гости мужскаго пола садились по своимъ мѣстамъ.

Тутъ подносилась водка; панъ-полковникъ и гости прошены были выпить предъ второю перемѣною.

Вторую перемѣну составляли супы, также разныхъ сортовъ и вкусовъ: супъ съ лапшею, супъ съ рыжемъ и родзинками (сарацынское пшено и изюмъ), и проч. и проч. Всѣ супы вообще были съ птицами кормленными.

При началѣ второй перемѣны, панъ-полковникъ, а за нимъ и всѣ гости мужскаго пола, облегчали свои пояса. При первой и второй перемѣнѣ пито было пиво и медъ, по произволенію каждаго.

Не смотря на то, что у гостей мужскаго пола нагрѣвались чубы и рдѣлись щеки еще при первой перемѣнѣ, батинька, съ самаго начала стола, ходили и, начиная съ пана - полковника до послѣдняго гостя, упрашивали побольше кушать, выбирали изъ мисокъ куски мясъ и клали ихъ на тарелки каждому и просили скушать все; даже вспотѣютъ кланявшись, и просятъ, приговаривая печальнымъ голосомъ, что конечно-де-я чѣмъ прогнѣвалъ пана N. N., что онъ обижаетъ меня и въ ротъ ничего не беретъ. N. N., пыхтя, крехтя и тяжело дыша, силится съѣдать положен-

ное ему на тарелку противъ-силы, чтобы не обидѣть хозяина.

NB. Мясо разрѣзывалося на тарелкѣ, имѣвшимся у каждаго гостя ножемъ, а ѣли— за неупотребленіемъ виделокъ, или вилокъ,—руками.

Третья перемѣна происходила прежнимъ порядкомъ.

За третьею перемѣною поставлялись блюда съ кушаньями «сладкими». То были: утка съ родзинками и черносливомъ на красномъ соусѣ; ножки говяжьи съ такимъ же соусомъ и съ прибавкою «мигдалю»; мозги, и проч. проч., все преискусно-приготовленное. При сей перемѣнѣ панъ-полковникъ снималъ съ себя поясъ вовсе, и батинька спѣшили принять его, бережно несли и чинно покладали на постель, гдѣ они (т. е. батинька) съ маменькою всегда почивали. Гости мужскаго пола, снявъ свои пояса, прятали ихъ въ свои карманы или передавали черезъ столъ своимъ женамъ, которыя прятали ихъ у себя за корсетъ, или куда удобнѣе было. При третьей перемѣнѣ поставлялись на столъ наливки: вишневка, терновка, сливянка, яблоновка, и проч. и проч. Рюмокъ тогда не было, и ихъ бы осмѣяли, еслибъ увидѣли, и потому наливки пили тѣми же кубками и стопами, что̀ пиво и медъ.

Съ прежнимъ порядкомъ поставлена и четвертая перемѣна, состоящая изъ жареныхъ разныхъ птицъ, поросятъ, зайцовъ, и т. п. Соленые огурцы, огурчики, уксусомъ прилитые, вишни, груши, яблоки, сливы опошнянскія и другихъ родовъ,—горами навалены были на блюда и поставлены на столъ. Чѣмъ столъ болѣе близился къ концу, тѣмъ усерднѣе батинька упрашивали гостей побольше кушать и пить, чтобы послѣ ихъ не осуждали, что они не умѣли уго-

стить. Уже на блюдахъ мало чего оставалось, но батинька и остатки подкладывали почетнѣйшимъ гостямъ, упрашивая «добирать все и оставить посуду въ чистотѣ». Наконецъ, чтобъ заставить гостей долго вспоминать свой банкетъ, батинька упрашивали пана-полковника, гостей мужскаго пола и также женскаго, кои были по-старѣе лѣтами, выпить «на потуху» по стаканчику медку. Тутъ же, слушайте, какая штука выйдетъ: въ-продолженіе питья наливокъ, какъ уже къ пиву и меду не касались, то и подмѣненъ былъ искусно медъ медомъ же, но другаго свойства.

Прошенные гости, чтобы доставить хозяину удовольствіе за его усердіе, помня, что медъ былъ отлично-вкусенъ, охотно соглашались пріятнымъ напиткомъ усладить свои чувства. Медъ на видъ былъ тотъ же—чистый, какъ ключевая вода, и свѣтлый, какъ хрусталь. Вотъ они, наливши въ кубки, выпивали по полному. Батинька, уклонясь пану-полковнику и всѣмъ гостямъ, просили вѣжливымъ образомъ извиненія, что не угостили какъ должно его ясневельможности и дорогихъ гостей, а только обезпокоили ихъ и заставили голодовать.

Панъ-полковникъ, бывъ до того времени многорѣчивъ и не умолкая въ разговорахъ съ старшиною, послѣ выпитія послѣдняго кубка меда, онѣмѣлъ какъ рыба; выпуча глаза, надувался, чтобы промолвить хотя слово, но не могъ никакъ; замахалъ рукою и поднялся съ мѣста, а за нимъ и всѣ встали... Но вотъ комедія: встать-встали, да съ мѣста не могли двинуться и выговорить слова не могли. Это—надобно вамъ сказать — батинькинъ медъ производилъ такое дѣйствіе: онъ былъ необыкновенно-сладокъ и крѣпокъ до-того, что отъ стакана у выпившаго отнимался языкъ и подкашивалися ноги.

Проказники батинька были! И эту штуку всегда дѣлали при концѣ стола и хохотали безъ памяти, какъ гости были отводимы своими женами или дочерьми, а въ случаѣ, если жены испивали роковаго напитка, то и ихъ вмѣстѣ съ супругами провожали люди.

Пана - полковника, крѣпко опьянѣвшаго, батинька удостоились сами отвести въ свою спальню, для опочиванія. Прочіе же гости расположились гдѣ кто попалъ. Маменькѣ были заботы каждаго снабдить подушкою. Если же случались барыни, испившія медку, то ихъ проводили въ дѣтскую, гдѣ сидѣли въ-заперти четыре мои сестры.

«Молодыя отрасли женскаго пола», какъ ихъ батинька называли на штатскомъ языкѣ, а просто «панночки», или, какъ теперь ихъ зовутъ «барышни», выходили изъ дома и располагались на прысбахъ играть въ разныя игры. Которая была изъ нихъ по-догадливѣе, та приводила съ собой «креймашки» и всѣ, собравъ кружокъ, сидя, играли. Это превеселая и презанимательная игра: каждая панночка положитъ передъ собою креймашокъ, кидаетъ другой въ-верхъ, и пока тотъ летитъ въ-низъ, она схватываетъ лежащій и уловляетъ летящій. Въ эту презанимательную игру тогдашнія панночки могли играть хотя цѣлый день. А теперь, гдѣ вы увидите, чтобы наши барышни занималися въ креймашки? Легко станется, что онѣ и понятія о нихъ не имѣютъ... Ужасъ, какъ свѣтъ измѣнился!

Пожалуйте.—Пока такъ занималась молодость женска пола, то въ то время панычи, тутъ же на дворѣ, между собою боролись, играли въ мячь, «въ скракли»... Тоже не думаю, чтобы кто изъ теперешнихъ молодыхъ, благовоспитанныхъ юношей имѣлъ бы по-

нятіе о самомъ названіи «скракли»!.. Скракли! Что̀ это за веселая и за нравственная игра! — Выбиваешь изъ города (т. е. за черту) палки противной партіи, побѣдишь — и ѣдешь на побѣжденномъ верхо̀мъ, въ тріумфѣ, въ завоеванный городъ. Это, право, нѣчто изъ обычаевъ древнихъ Римлянъ.

А деркачь? Вотъ игра: это умереть надобно со смѣха. Начиная съ того, что вколачиваютъ колышекъ въ землю и къ нему привязываютъ двухъ паничей, на длинныхъ веревкахъ, и обоимъ имъ, завязавъ глаза, дадутъ въ руки — одному крѣпко-свитый жгутъ, а другому зарубленныя двѣ палочки, чтобы терчалъ ими. Вотъ одинъ терчитъ и бережется товарища, а тотъ, также не видя ничего, подкрадывается и хочетъ его жгутомъ ударить и... пафъ!.. бьетъ по воздуху, а тутъ изворотяся терчитъ уже съ другой стороны; тотъ бросается туда, а этотъ уходитъ сюда... Ну, ложатся, бывало, всѣ отъ реготни! Но какъ же и попадетъ жгутъ деркача, такъ уже дубаситъ, дубаситъ его, сколько душѣ угодно!.. Умора уморою!

Ахъ, сколько было подобныхъ веселыхъ, острыхъ, замысловатыхъ игръ! — И гдѣ это все теперь? — Посмотрите на теперешнюю молодежь: такъ ли они воспитаны? Кожа да кости! Въ чемъ упражняются? Наука да ученіе. — Какъ ведутъ себя? — Совсѣмъ неприлично своему возрасту... Объ этомъ предметѣ поговорю послѣ.

Вотъ панночки, соскучась, что паничи не пристаютъ къ нимъ и даже не обращаютъ на нихъ вниманія, приступаютъ къ хитростямъ: начинается между ними игра въ короли. «Король, король! что̀ прикажете дѣлать?» спрашиваетъ каждая у избраннаго изъ нихъ короля.

— У короля жены нѣтъ, — отвѣчаетъ король.

Спрашивавшая должна бы цаловать короля, но она кричитъ громко, чтобы панычи услышали: «Вотъ еще выдумали что̀! Что̀ намъ цаловаться между собою? Это будетъ горшокъ о горшокъ, а масла не будетъ.» При этомъ нѣкоторыя глядятъ на панычей, подходятъ ли они къ нимъ, и если нѣтъ, то продолжаютъ манёвръ, пока успѣютъ привлечь къ себѣ панычей.

Вотъ, съ разными обходами, панычи наконецъ подошли къ кругу панночекъ и просятъ «скуки ради» принять ихъ до компаніи. Кружокъ раздвигается, панычи усѣлись между панночками и начинается игра. Разными хитростями и явными неправдами избранъ король, всегда изъ красивыхъ.

«Король, король! что̀ прикажете дѣлать?» спрашиваетъ первая, краснѣя, зная послѣдствіе.

Король отвѣчаетъ важно: — Короля должно жаловать и всѣмъ панночкамъ по семи разъ его цаловать.

«Вотъ выдумали! Вотъ выдумали! Довольно бы и по два раза, а̀ то по семи!» кричатъ бунтовщицы; но—нечего дѣлать: каждая, обтирая губки, подходитъ къ королю и ровно, ни больше ни меньше семи разъ, цалуетъ вѣрно, безъ фальши, счастливца—и покойно возвращается на свое мѣсто.

Въ-продолженіе игры блестятъ замысловатыя приказанія: «Королю отпустить лентъ пять аршинъ»—и получившая такое приказаніе панночка подходитъ къ королю, беретъ его за руки и протягиваетъ ихъ, какъ-будто мѣряя на аршинъ и цалуя при каждомъ отмѣриваніи.

«Собрать подаяніе для короля»—и король съ спрашивавшею идетъ просить у-каждой подаянія. Полу-

чаетъ поцалуй отъ каждой панночки и цалуетъ свою подругу, разумѣя, что кладетъ въ сумку подаяніе.

«Да не щипайтесь же, панычу!» вдругъ вскрикиваетъ одна изъ круга панночка, отодвигаясь отъ своего сосѣда. Этотъ отвѣчаетъ: «я совсѣмъ не щипаю, а только щекочу.»

— И не щекочите; я боюсь щекотки.

И много происходитъ тутъ подобныхъ веселыхъ шутокъ. Смѣхъ, забавныя рѣчи, веселыя шутки занимаютъ молодыхъ людей, которые и не увидятъ, какъ время пройдетъ...

А нынѣ въ какомъ обществѣ молодыхъ людей найдете подобное препровожденіе времени, подобныя замысловатыя игры, веселость, свободу, остроту, удовольствіе?... Все, все измѣнилось.

Но вотъ, часу въ четвертомъ съ-полудня, панъ-полковникъ и прочіе гости, выспавшись, сходятся въ большую комнату. Заботливая маменька приготовили имъ изобильный полдникъ. Блины, вареники, яичницы, разныя мяса холодныя безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ. Уже маменька хлопочатъ упрашивать гостей, чтобы поболѣе кушали, и каждому, впрочемъ по рангу гостя, подкладываютъ кусочки и поливаютъ масломъ и сметаною болѣе или менѣе, смотря по важности особы. Батинька же, то и дѣло, что обходятъ гостей, прося о наливкахъ, которыя разныхъ цвѣтовъ, вкусовъ, сортовъ и родовъ разносятся въ изобиліи. По очищеніи блюдъ подносится, такъ говоря, «на потуху», «вареная»... Вотъ опять не вытерплю, чтобы не сказать: гдѣ найдете у насъ этотъ напитокъ? Никто и составить его не умѣетъ. А что за напитокъ; такъ я вамъ говорю, что въ ротъ, то и спасибо! Сладко такъ, что зубъ не разведешь: такъ и слипаются; вкусно такъ, что и самый нек-

таръ не стоитъ ничего; благоуханно болѣе, чѣмъ самый лучшій ароматъ; дешево и ничего не стоитъ, потому-что весь матеріалъ домашній: водка, ягоды разныя и нѣсколько ароматныхъ произведеній: перецъ, корица, лавровый листъ. Пойдите же вы: не умѣя, теперь этого и не сдѣлаютъ! И этотъ драгоцѣнный, благоуханный, здоровый, вкусный, дешевый напитокъ откинули и погрязли въ винахъ, яко-бы заморскихъ, когда честію увѣряю, всѣ эти вина съ мудреными названіями составляются изъ испорченныхъ судацкихъ и воложскихъ винъ у моего знакомаго погребщика, и продаются по дорогой цѣнѣ на вредъ карманамъ и здоровью православныхъ. Сердце болитъ и душа стѣсняется!... Гдѣ ты, блаженная старина?

Пожалуйте. Вотъ, какъ выкушаютъ по нѣскольку чашекъ вареной, панъ-полковникъ пожелаетъ проходиться по двору, осмотрѣть батинькину конюшню, скотный дворъ и другія заведенія. Пошелъ—и всѣ чиновники за нимъ; батинька предшествуетъ, а сурмы сурмятъ и бубны гремятъ въ честь полковника, но уже съ большимъ разладомъ, потому-что изобильное угощеніе было имъ, казакамъ, конюхамъ и всѣмъ, съ гостями прибывавшимъ людямъ.

На конюшнѣ и вездѣ, панъ-полковникъ, осматривая, что похвалитъ, то немедленно выводится прочь и сдается на руки полковничьимъ людямъ, нарочно для сего прибывшимъ. Батинька отъ удовольствія даже облизываются, что ихъ хозяйство понравилось пану-полковнику.

Осмотрѣвъ все, возвращаются въ домъ, гдѣ маминька между-тѣмъ угощали женскій полъ и странно: передъ ними стоятъ орѣхи калёные и мышеловки,

яблоки и прочая мёбель, а нашъ женскій полъ, раскраснѣвшись препорядочно, щекочатъ, балагурятъ, разсказываютъ одна другой разныя разности и одна другой, не слушая, продолжаетъ свое. Самый приходъ пана-полковника имъ не замѣтенъ и уже маменька, бѣгая отъ одной къ другой, удерживаетъ ихъ отъ разговоровъ: «Да замолчите же, пани обозная! — да перестаньте же, пани бунчукова товарищка! вотъ панъ-полковникъ пришелъ!» и въ-силу, въ-силу ихъ ускромитъ.

Натурально, что, увидя пана-полковника, весь женскій полъ встанетъ и не садится, пока его ясневельможность не соизволитъ сѣсть. Все лакомство со стола снято и поданы блюда «под-вечерковать». Ветчина, солонина, буженина, полотки, соленыя перепелки и другія жареныя птицы украшаютъ столъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки принимаются гости «под-вечерковать» и очищаютъ все, при безпрестанномъ подчиваньѣ разныхъ сортовъ пива и меда.

Между-тѣмъ, въ-продолженіе этого времени, панночки, наигравшись въ короли, не имѣя чѣмъ заняться, скуки ради идутъ къ рѣкѣ, за садомъ протекающей, и тамъ купаются. А паныча, веселья ради, идутъ въ проходку, въ кустарники, за рѣкой, противъ самаго купанья находящіеся. Теперь, какъ уже старики, извѣстно, послѣ под-вечеркованья должны уѣхать, то вотъ вся молодежь, освѣжившись купаньемъ и проходкою, приходятъ къ общему собранію и снова не глядятъ другъ на друга, потому-что неблагопристойно при почтенныхъ особахъ показывать, что они знакомы между собою.

Окончивъ послѣднюю трапезу, панъ-полковникъ встаетъ, чтобы уѣзжать. Берлинъ его поданъ уже.

Батинька подноситъ кубокъ, прося о полномъ, «чтобы въ оставляемомъ его ясневельможностью домѣ все было полно». При выходѣ въ сѣни, на порогѣ, подносится кубокъ, «чтобы утвердить крѣпость дома». На рундукѣ, еще выпивается полный кубокъ, «чтобы лилось изобиліе на всѣ хозяйственныя части». Дойдя до берлина, панъ-полковникъ снова прошенъ выпить «гладко», чтобы гладилась дорога его ясневельможности. Выкушавъ до дна и сей кубокъ, панъ-полковникъ обнимаетъ батиньку, а они, поймавъ ручку его, цалуютъ нѣсколько разъ и благодарятъ въ отборныхъ выраженіяхъ пана-полковника за сдѣланную отличную честь своимъ посѣщеніемъ и проч.; а маменька, также ухитрясь, схватили другую ручку пана-полковника и, цалуя, извиняются, что не могли прилично угостить нашего гостя, проморили его цѣлый день голодомъ, потому-что все недостойно было такой особы, и проч. Панъ-полковникъ, преисполненный.... чувствами, не можетъ ничего выговорить и только машетъ рукою, и поднимаетъ ногу, знаками показывая, что онъ хочетъ сѣсть въ берлинъ. Предстоящіе бросаются, поднимаютъ его и усаживаютъ. Тутъ батинька еще съ кубкомъ для пожеланія пану-полковнику благополучнаго пути; панъ-полковникъ, почесавъ чубъ, запинаясь произноситъ: «вѣрно это медъ, что послѣ обѣда подносили?» Батинька предузнавали вопросъ его, и потому подносили точно тотъ медъ. Панъ-полковникъ, опорожнивъ кубокъ, тутъ же свалился на подушку, не сказавъ уже ни слова. Берлинъ тронулся, сурмы засурмили, бубны забубнили въ честь полковника, чего онъ уже и слышать не могъ. За берлиномъ вели лошадей, бугаевъ, коровъ, везли кабановъ и все то, что понравилось пану-полковнику у батиньки.

Проводивъ такого почетнаго гостя, батинька обязанъ былъ уконтентовать прочихъ, еще оставшихся и желающихъ показать свое усердіе хлѣбосольному хозяину. Началось съ того, чтобы «погладить дорогу» его ясневельможности. Потомъ благодарность за хлѣбъ-соль и за угощеніе. Маменька подносили «ручковой», т. е. изъ своихъ рукъ. Потомъ пошло провожаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ и пана-полковника до колясъ (спаленъ называемыхъ), повозокъ, тележекъ, верховыхъ лошадей и проч., и проч. и наконецъ всѣ гости до единаго разъѣхались.

Прошу покорно мнѣ сказать: есть ли теперь хоть тѣнь подобнаго пированія, искренняго, веселаго, чиннаго, изобильнаго?... Тото-же!

Такъ куда же было пану Кньшевскому подумать тягаться съ батинькою, такъ уважаемымъ и чтимымъ не только всею полковою старшиною, но и самымъ ясневельможнымъ паномъ-полковникомъ? Гдѣ бы и какъ онъ ни повелъ дѣло, все бы дошло до рукъ пана-полковника, который одинъ рѣшалъ всѣ и всякаго рода дѣла. Могъ ли выиграть ничтожный дьячекъ противъ батиньки, который былъ «панъ на всю губу»? И потому онъ и бросилъ все дѣло, униженно прося батиньку, чтобы уже ни одинъ панычь не ходилъ къ нему въ школу.

Но батинька на него прикрикнулъ: «Вотъ-дескать глупый дьякъ, умствуетъ изъ-за своей дрянной дочки! Самъ не знаетъ чему учить, да и находитъ пустую причину къ отказу. Вздоръ! Меньшіе хлопцы, Сидорушка, Офремушка и Юрочка должны у тебя учиться по договору, а старшихъ трехъ ты уже не умѣешь чему учить. И безъ-того я взялъ бы отъ тебя.»

Въ таковыхъ батинькиныхъ словахъ заключалась хитрость: они желали, чтобы Петрусь и Павлусь, умѣвшіе читать бойко, усовершенствовались въ письмѣ, а я хоть бы на псалтирѣ сѣлъ, и потому наше ученіе продолжалось бы у пана Кнышевскаго года два; но послѣ происшествія съ Ѳеодосіею невозможно было ожидать прилежнаго ученія; дабы же показать предъ паномъ Кнышевскимъ свой гоноръ, батинька не хотѣли унизиться, что они объ этой исторіи много думаютъ, и потому сказали, что будто нечему намъ у него учиться. Дабы же не оставались мы безъ ученія, то выписанъ къ намъ былъ изъ семинаріи философъ, Трофимъ Галушкинскій «на кондиціи».

Батинька предложили ему,—за обученіе насъ троихъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, писанію и приготовленію въ тѣхъ предметахъ, которые нужны намъ для поступленія въ семинарію на будущій годъ—за все это,—столъ вмѣстѣ съ нами чрезъ цѣлый день, исключая банкетовъ и другихъ внезапно-наѣзжающихъ гостей: тогда онъ будетъ кормиться отъ стола, а если чего не достанетъ, такъ изъ кухни. Жить ему въ паничевской, для постели войлокъ и подушка. Въ зимніе вечера одна свѣча на три дня. Въ мѣсяцъ разъ позволеніе проѣздиться на таратайкѣ къ священникамъ знакомымъ, не-далѣе семи верстъ. Съ батинькиныхъ плечь черкесска, какая бы ни была и пятнадцать рублей деньгами.

Новое ученіе наше началось 1-го сентября. Мы принялись прямо читать по-латинѣ. Какъ же инспекторъ нашъ, Галушкинскій, объявилъ, что онъ, позабывъ склады латинскіе, не можетъ насъ выучить, то мы начали читать прямо по верхамъ, за учителемъ, не

понимая отъ чего manus—manus, pater—pater и т. п. На первый урокъ задано намъ было изъ вокабуловъ по пяти словъ.

Петрусь, какъ великаго ума, и Павлусь, съ даромъ къ художеству, мигомъ выучивали свои уроки, а я, за слабою памятью, не шелъ никакъ въ-даль. Да и горбунчикъ-Павлусь, выговаривая слова бойко, указывалъ пальцемъ совсѣмъ не на то слово, которое произносилъ. Я же, за свою тупую память, ежедневно былъ наказываемъ и ѳлекти и выдачею палій, но все не шелъ впередъ. Лишеніе обѣда, полдника и ужина строжайше было запрещено по убѣдительной просьбѣ маменьки, чтобы не заморить дѣтей.

Къ удивленію родителей или больше батинькиному,—маменька о каждомъ успѣхѣ дѣтей своихъ не радовались, а тужили, что еще больше глупостей прибавилось у нихъ въ головѣ,—и такъ, къ удивленію и обрадованію батинькиному, въ первое воскресенье, инспекторъ привелъ насъ къ отцу и заставилъ читать, «что̀ они выучили за недѣлю», и молодцы начали отлепетывать бойко, громко, звонко, съ разстановкою, руки вытянувъ впередъ себя, глаза уставивъ въ потолокъ и съ акцентами по своему про́изволенію: «Пате́ръ ностѐръ, кви естъ инъ цели́съ» — и проч. до половины.

Горбунчикъ-Павлусь, какъ изобрѣтательнаго ума, самыя слова выговаривалъ по своему произволенію; на прим: est in coelis, онъ выговаривалъ: «ѣсть нацѣлился» и проч.

Батинька были въ восторгѣ и немного всплакнули; а когда спросили меня, что̀ я знаю, то я все называлъ на изворотъ: manus—хлѣбъ, pater—зубы, за что̀

и получилъ отъ папеньки въ голову щелчокъ; а старшихъ братьевъ они погладили по головкѣ, а учителю изъ своихъ рукъ поднесли «ганусковой».

Маменька же, увидѣвши, что я не отличился въ языкознаніи и еще и оштрафованъ родительскимъ щелчкомъ, призвали меня къ себѣ въ кладовую, пожаловали мнѣ маковиковъ, и, гладя по головѣ, сказали: «Сдѣлай милость, Трофимушка, не перенимай ничего нѣмецкаго. Ты и такъ съ-природы глупенекъ, а какъ научишься всякой премудрости, то и совсѣмъ одурѣешь.»

Достопамятное изрѣченіе! Его должно бы, золотыми буквами изобразить. Сколько бы молодыхъ людей, оставшись при своемъ слабомъ умѣ, но собственномъ, отъ дверей училища возвратились бы честными, благородно-мыслящими людьми! А то, вникнувъ въ бездну премудрости и не понявъ ея ни въ чемъ, губятъ и развращаютъ себя и другихъ. Это разсужденіе написалъ одинъ изъ многаго числа племянниковъ моихъ, который былъ принятъ въ студенты, но въ университетѣ далѣе сѣней не былъ, — умная голова впрочемъ.

Пожалуйте, чѣмъ же дѣло кончилось. Я, слушая увѣщаніе и совѣтъ одной изъ нѣжнѣйшихъ маменекъ, принялъ твердое и неколебимое намѣреніе «не учиться ничему». Какая нужда, думалъ я, доѣдая маковики: буду и за книжкою сидѣть и смотрѣть въ нее, да не буду ничего выучивать. Пусть и наказываютъ... правда, больно; но и панъ Кнышевскій говаривалъ и панъ-инспекторъ Галушкинскій подтверждаетъ, что, «все начинающееся оканчивается», а потому, хотя и начнутъ меня сѣчь, а все-таки перестанутъ. Есть

же на свѣтѣ и не ученые люди, а живутъ же себѣ какъ-нельзя-лучше. Да хотя бы съ-молоду и учился самымъ отличнѣйшимъ образомъ, а выростетъ, заживетъ своимъ домомъ, къ-чему ему ученіе? Скажите, пожалуйте, когда и на что оно пригодится? Въ хозяйствѣ ли, въ охотѣ, скажете, нужны науки? Тьфу! ихъ совсѣмъ не спросятъ. При женитьбѣ и того болѣе. Хоть будь семи пядей во лбу, хоть проглоти всю халдейскую премудрость, а египетскою закуси, такъ все не распознаешь нрава жены своей и не примѣнишься къ ея капризамъ. Скажете, нужно учиться для-того, чтобъ книги читать? Вотъ еще что выдумали! Какое веселье могутъ доставлять книги? таки вовсе никакого. Конечно, онѣ прекрасно усыпляютъ, а особливо канальскія, съ придуманными заглавіями, красивыми обертками, съ значительными пробѣлами, частыми точками... это чудо что за книги: не родился человѣкъ, кто бы ихъ до конца дочиталъ,—уснетъ, будь я каналья, когда не уснетъ, сладко, завидно уснетъ. Такъ не ужь ли для-того, чтобъ знатно уснуть, тратить золотую молодость, разстроивать здоровье, убивать время? На что это похоже? Меня и простой сказочникъ такъ же усыпитъ, какъ и лучшая повѣсть или и романъ въ четырехъ (уфъ!) частяхъ.

Маменька моя правду говаривали: «Ничто такъ человѣку не нужно, какъ здоровье; съ нимъ можно все и много кушать; а кушая все, поддерживаешь свое здоровье. Пирогъ сдѣланъ для начинки, а начинка краситъ пирогъ; такъ и человѣкъ съ своимъ желудкомъ. Науки же настоящіе глисты (при семъ маменька всегда плевали отрывисто): изнурятъ и истощатъ человѣка прежде времени.»

Основавшись на такомъ ясномъ заключеніи и слѣдуя собственному разсудку, я весьма-небрежно, или,

правильнѣе-сказать, вовсе не учился ни дома, у пана инспектора Галушкинскаго, ни въ семинаріи, и, правду сказать—не много потерялъ, какъ докажутъ всѣ обстоятельства жизни моей, которые описать буду стараться, хотя по частямъ или по эпохамъ жизни моей, для показанія, какъ свѣтъ во всемъ видимо измѣняется.... Охъ, Боже мой! По-неволѣ призадумаешься...

(Вторая часть въ слѣдующей книжкѣ.)

ГРЫЦЬКО ОСНОВЬЯНЕНКО.

САЛАМАНКА.

(Изъ Гейне.)

На бульварахъ Саламанки
Вѣетъ нѣгою живой.
Тамъ съ моею милой донной
Я хожу ночной порой.
Стройный станъ прекрасной донны
Я обвилъ рукой моей,
И рука моя трепещетъ
На волнахъ ея грудей.
Но зловѣщій, тихій шопотъ
Выбѣгаетъ изъ кустовъ —
И фонтанъ на душу много
Нажурчалъ мнѣ грустныхъ сновъ.
«Ахъ, sennora, скоро, скоро
Надо будетъ уѣзжать . . .
По бульварамъ Саламанки
Мы не будемъ ужь гулять. . . »
Донъ Генрикв... въ Саламанкѣ
Всѣмъ извѣстенъ красотой;
Онъ живетъ со мною рядомъ
За досчатою стѣной.
Дамы млѣютъ, какъ Генриквесъ
Вдоль по улицѣ пойдетъ,
Завивая усъ кудрявый
И объ шпору шпорой бьетъ.
Но, въ вечерній часъ, онъ дома
Одинехонекъ сидитъ,
У него въ рукахъ гитара,
А въ душѣ мечта кипитъ.
Задрожитъ, — ударитъ въ струны,
Фантазировать начнетъ . . .
Мочи нѣтъ! . . . его брянчанье
Мнѣ покоя не даетъ.

М. КАТКОВЪ.

ВОДОЛАЗЪ.

(Изъ Шиллера.)

«Удалый ли витязь иль отрокъ отважный
Обрушится въ бездну съ обрывистыхъ скалъ?
Я въ черныя челюсти пропасти влажной
Бросаю изъ чистаго злата бокалъ.
Кто царскую волю исполнитъ мою —
Тому я въ награду бокалъ отдаю!...»

Такъ царь говоритъ: и бокалъ свой бросаетъ
Съ угрюмой, надъ моремъ нависшей скалы,
Въ глубь грозной харибды — и онъ исчезаетъ
Въ свинцовой пучинѣ зіяющей мглы.
«Безстрашные сердцемъ, послушные мнѣ!
Отъищетъ ли кто мой бокалъ въ глубинѣ?...»

И витязь и отрокъ, отъ страха нѣмѣя,
Въ глубокомъ смущеньи стоятъ вкругъ царя,
Ввѣряться гремучимъ обваламъ несмѣя,
Они содрогнулись, взоръ въ море вперя...
И царь обращается въ третій къ нимъ разъ:
«Уже ли не съищется смѣлый изъ васъ?»

Но все, какъ и прежде, — нѣмое молчанье.
И вотъ молодой щитоносецъ идетъ:
Онъ поступью гордой раздвинулъ собранье,
Сорвалъ онъ свой поясъ и плащь скидаетъ;
Смутилось собранье, — въ немъ жалость не спитъ
Боязнь и надежда на сердцѣ кипитъ.

Вотъ онъ по уступамъ на скаты восходитъ
И въ бездну съ подмытыхъ навѣсовъ глядитъ:
Тамъ влага, какъ омутъ надъ омутомъ бродитъ
Харибда, какъ боръ въ непогоду, — гудитъ
И словно далекой раскатъ громовой
Вздымаясь дробитъ свой напѣвъ роковой.

Бунтуетъ, клокочетъ, визжитъ, завываетъ,
Какъ-будто вся влага смѣшалась съ огнемъ,
Въ-пыль-стертые брызги къ звѣздамъ отбиваетъ
И волны тѣснятся какъ холмъ надъ холмомъ.
Сшибается глухо съ грядою гряда
И рвется, какъ море, изъ моря вода.

Но вотъ улеглась одичалая сила,
И грозно, чернѣя межъ пѣны сѣдой,
Расщелина алчную пасть растворила
Бездонную, словно самъ адъ подъ водой.
И видно, какъ зѣвъ, за волною волну,
Глотая, вбираетъ въ свою глубину.

И быстро, пока не вскипѣли приливы,
Младой щитоносецъ въ пучину нырнулъ
И замерли въ воздухѣ стоновъ отзывы:
Адъ черный струистую ткань развернулъ;
Подернулась гранью суровая мгла,
И бездна надъ отрокомъ челюсть свела.

Умолкла гроза надъ харибдой ужасной;
Лишь въ сумрачныхъ нѣдрахъ уныло реветъ,
И слышны воззванья: «о витязь прекрасный,
Кто къ жизни изъ бездны тебя воззоветъ?»
Чу! въ дальнихъ обвалахъ неясно-слышна
Все глуше и глуше гудитъ глубина.

И если ты бросишь вѣнецъ свой въ пучину
И скажешь: кто мнѣ мой вѣнецъ возвратитъ —
Тотъ будетъ мнѣ равенъ, — я санъ твой отрину
Меня блескъ награды земной не прельститъ:
Что скрыто отъ насъ въ глубинѣ роковой,
Того не разскажетъ никто намъ живой, —

И даже суда водокруто кругами
Объятыя мчатся ко дну, какъ стрѣла,
И бревна и мачты всплываютъ щепами
Растертыя дикою силой жерла.
Но вотъ ужь слышнѣе, какъ бури полетъ
Все ближе и ближе гроза тамъ реветъ.

Бунтуетъ, клокочетъ, визжитъ, завываетъ
Какъ-будто вся влага смѣшалась съ огнемъ,
Въ-пыль-стертые брызги къ звѣздамъ отбиваетъ
И волны тѣснятся, какъ холмъ надъ холмомъ —
И словно далекій раскатъ громовой
Вздымаясь, дробитъ свой напѣвъ роковой.

И вотъ, изъ клокочащей, черной стихіи,
Сквозь пѣну, лебяжьей блестя бѣлизной,
Свѣтлѣютъ плеча̀ и округлости выи
И борется тѣло съ холодной водой.
То онъ! вотъ онъ поднялъ высоко бокалъ
И тихо доплылъ до уступистыхъ скалъ.

Глубоко и тяжко онъ духъ переводитъ,
Небесный привѣтствуя радостно свѣтъ,
И громко изъ устъ вѣсть въ уста переходитъ:
Онъ живъ, онъ спасенъ, подъ нимъ пропасти нѣтъ.
Изъ гроба, изъ алчныхъ клокочащихъ волнъ
Онъ выплылъ безвреденъ, отважности полнъ! —

Идетъ онъ, его ужь толпа окружаетъ,
Предъ сильнымъ безстрашный колѣна склонилъ
И кротко бокалъ свой царю онъ вручаетъ.
Царь къ дочери радостный взоръ обратилъ —
И льется въ бокалъ, какъ янтарь съ жемчугомъ,
Живое вино, — и всѣ смолкли кругомъ!

«Да здравствуетъ царь и созданья блаженны,
Привыкшія въ солнечномъ свѣтѣ дышать!
Въ той пропасти ужасъ, судьбой заключенный,
И смертный безсмертныхъ страшись искушать.
И нѣтъ, не срывай ты съ тѣхъ мѣстъ пелены,
Гдѣ тайны туманомъ и мглой затканы.

Я молній быстрѣе ко дну опускался,
Тамъ зміемъ скользя изъ расщелины скалъ,
Въ холодныя кольца протокъ извивался
И тщетно я волны во мглѣ разсѣкалъ;
Скрученъ и заверченъ въ кругахъ винтовыхъ
Невольно подумалъ — не быть мнѣ въ живыхъ.

Но, въ часъ сокрушеній, Богъ внемлетъ моленью,
Онъ длань съ высоты на спасенье послалъ,
И волны меня принесли къ возвышенью
Глубоко внѣдренныхъ въ пучинѣ той скалъ:
Во мглѣ, на кораллѣ висѣлъ мой бокалъ
И счастье, что онъ въ глубину не упалъ.

Тамъ страшная пропасть была подо мною,
Въ багровомъ туманѣ не видѣлъ я дна;
Хоть мертвою занятъ былъ слухъ тишиною,
Но взорамъ мелькала сквозь мракъ глубина,
Какъ туча на тучѣ, на гадѣ тамъ гадъ,
И бездна чернѣла какъ сумрачный адъ.

Чудовища бродятъ въ смѣшеньи неясномъ,
Свиваясь въ безвидные мрака клубки,
Зубъ съ колкою рашплей на скатѣ ужасномъ
Подъ ними стадами кипятъ молотки.
И страшно о скалы тамъ зубы точилъ
Чешуйчатоногій морской крокодилъ.

И тамъ я висѣлъ и боролся съ бѣдою,
И былъ я отъ помощи вашей далёкъ,
Одинъ, межь чудовищъ подъ хладной водою,
О жизни я болѣе думать не могъ.
Глубоко, подъ звуками вашихъ рѣчей,
Съ суровыхъ пучинъ не сводилъ я очей.

И съ трепетомъ вижу: ко мнѣ подползаетъ
Страшилище, двигая тысячью ногъ,
И вотъ — кровожадную пасть разверзаетъ...
Я бросилъ кораллъ — и какъ трупъ, изнемогъ...
Меня обхватила въ порывахъ струя, —
И вдругъ очутился надъ бездною я....»

И царь, изумленный ужаснымъ разсказомъ,
Ему говоритъ: «Вотъ бокалъ дорогой!
Но слушай! Кольцо золотое съ алмазомъ
Тебѣ я назначилъ за подвигъ другой:
Отважься еще разъ... и скажешь ты мнѣ, —
Что̀ скрыто въ бездонной морской глубинѣ.»

То слышала дочь и, со вздохомъ глубокимъ,
Устами умильными молитъ отца:
«Довольно, родитель, потѣхамъ жестокимъ
Уже ли не будетъ сегодня конца?
И если желаній нельзя отклонить
То рыцари могутъ его замѣнить.»

Царь снова беретъ тотъ бокалъ драгоцѣнный
И въ бездну пускаетъ съ крутой вышины.
«Отвѣдай еще разъ, ты, Богомъ спасенный!
Достань мнѣ бокалъ свой со дна глубины,
Развѣдай въ жерлѣ томъ закрытую ночь, —
Съ тобой обвѣнчается царская дочь!»

Его окрилила небесная сила,
Отвагою гордой сверкнули глаза.
Онъ смотритъ: она томный взоръ опустила,
Блѣдна, и дрожитъ на ресницахъ слеза.
И онъ, ободренный высокой цѣной,
Ударившись въ море, исчезъ подъ волной.

То взроетъ всю бездну, то снова сравняетъ,
Приливамъ предшествуетъ гулъ громовой
Умильно толпа взоръ въ пучину склоняетъ,
Дымясь, истощается зѣвъ роковой;
Бунтуя, летитъ за волною волна
Но отрока вверхъ не несетъ ни одна.

Алексѣевъ.

РАЗСТАВАНЬЕ.

(Изъ Гейне.)

Отъ устъ твоихъ — прощай — я оторвался,
Изъ нѣжныхъ рукъ я вырвался твоихъ.
Охотно бъ я денекъ еще остался,
Но почтальйонъ ведетъ ужь клячь своихъ.

Вотъ жизнь, дитя!... Встрѣчаться и прощаться,
Прощался, — грустить и горевать..
Какъ?... и съ тобой мнѣ надобно разстаться?
И ты меня не можешь удержать.

М. Катковъ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона).

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на-вѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Они растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика.—Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

М. Лермонтовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Изъ Байрона).

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если, послѣ многихъ лѣтъ,
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужь нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ;
Но нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить.
Кто же держитъ меня,
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я въ даль?
Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я;
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ, и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой вороной
Ужь осѣдланъ стоитъ.
Да на путь-по-душѣ
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ:
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть,
Чтобъ порой, предъ бѣдой,
За себя постоять,
Отъ грозы роковой
Назадъ шага не дать,
И чтобъ, съ горемъ, въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

А. КОЛЬЦОВЪ.

ПѢСНЬ МАРГАРИТЫ.

(Изъ «Фауста» Гёте.)

Ахъ склони,
Многоскорбящая,
Твой взоръ до горя моего!
Въ груди со сталью
Съ нѣмой печалью
Глядишь на смерть ты сына своего;

Къ отцу взираешь
И возсылаешь,
Страдая горько, вздохи за него.

Кто слышетъ,
Какъ пышетъ
Вся горемъ грудь отравлена;
Сердце здѣсь чего боится,
Чтó дрожитъ, къ чему стремится—
Знаешь ты, лишь ты одна!

Вездѣ куда ни йду я —
Тоску, тоску, тоску я
Несу всегда съ собой;
Одна ли время трачу,
Я плачу, плачу, плачу;
Весь духъ истерзанъ мой!

Цвѣты передъ окошкомъ
Слезами улила,
Когда, поутру рано,
Я ихъ тебѣ рвала;
Какъ солнце, подымаясь,
Блеснуло мнѣ въ окно,
Сидѣла ужь, терзаясь,
Въ постелѣ я давно...
Спаси меня: смерть и позоръ грозитъ!

Ахъ склони,
Многоскорбящая,
Къ моей печали милостивый взглядъ!

К. АКСАКОВЪ.

17 мая.

ЖЕРТВА ТАИНСТВЕННОЙ СУДЬБЫ.

(Повѣсть, соч. Теодора Гука).

При посѣщеніи разныхъ городовъ и селъ, разсѣянныхъ по лицу земли, особенно въ странахъ образованныхъ, рѣдко случается путешественнику не встрѣтить какое-нибудь семейство, облеченное заманчивою таинственностію и отличающееся рѣзкими особенностями въ характерахъ, его составляющихъ, или образѣ жизни. На разные вопросы и распросы, сосѣдніе жители обыкновенно отвѣчаютъ вамъ: «странные люди эти господа; Богъ ихъ знаетъ!» или другими, столь же удовлетворительными восклицаніями. Иногда, правда, какой-нибудь мудрецъ изъ околодка разрѣшитъ всѣ ваши сомнѣнія, утверждая, съ важнымъ видомъ, что «они помѣшаны» и что онъ имѣетъ на это неоспоримыя доказательства.

Лѣтъ пятьдесять тому-назадъ — какъ повѣствуетъ исторія — одна изъ такихъ таинственныхъ и загадочныхъ фамилій жила въ городѣ, прославленномъ именемъ Лауры и ея любовника; глава этого семейства былъ извѣстенъ подъ именемъ маркиза де-Круэнтасъ. Имя его, разсматриваемое въ этимологическомъ отношеніи, столь же мало предубѣждало сосѣдей въ его

пользу, какъ и обстоятельства, по которымъ онъ поселился въ ихъ околодкѣ.

Чтò городъ, то норовъ, чтò деревня, то обычай — говоритъ пословица: есть свои тайны въ каждомъ семействѣ. Но тайна этого семейства была такова, что она оставалась тайною и для всѣхъ членовъ его, кромѣ самого стараго господина — мы говоримъ о маркизѣ,— и, должно отдать ему справедливость, никому не удавалось ни силой, ни лаской вынудить изъ него открытіе этой тайны. Собирая и сличая все, чтò невольно вырывалось у него изъ сердца въ минуты величайшей откровенности, когда онъ бывалъ въ духѣ, успѣли узнать достовѣрно только то, что какое-то необычайное происшествіе, случившееся съ его предками, пало *проклятіемъ на него-самого и на дѣтей его.* Какого рода было это проклятіе, въ чемъ заключалось оно? онъ никогда объ этомъ не говорилъ; но ясно было видно, что, не смотря на принужденную веселость, онъ проводилъ жизнь въ трепетномъ ожиданіи совершенія надъ нимъ этого страшнаго приговора.

Небольшое число знакомыхъ, посѣщавшихъ его по временамъ, считало его помѣшаннымъ. О прочихъ отрасляхъ этого дома мы поговоримъ ниже, а теперь скажемъ только, что всѣ его члены извѣстны были въ Авиньйонѣ подъ именемъ «страннаго семейства».

Маркизъ былъ видный мужчина, и, вѣроятно, въ молодости своей, славился красотою; но онъ жестоко пострадалъ отъ раны, которая широкимъ рубцемъ легла поперегъ всего лица его; о происхожденіи ея онъ никогда даже не намекалъ, стараясь всегда отклонять разговоръ отъ этого предмета, и никто не осмѣливался приступать къ нему съ распросами: такимъ-образомъ даже и это оставалось тайною. Конечно, была причи-

на такому молчанію, и читатель узнаетъ ее, а можетъ быть и не узнаетъ изъ самаго повѣствованія.

Маркизъ, въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ шестидесятилѣтнимъ вдовцомъ. Жена оставила ему дочь—прелестную брюнетку съ большими, голубыми глазами, которые опушались темными рѣсницами, и съ лицомъ, совершенно-правильнымъ,— и сына, такого сына, какого, можетъ-быть, не было еще ни у одного отца: онъ былъ здоровый, сильный, красивый молодецъ, пилъ славно, ругался еще лучше, а болѣе всего любилъ усмирять лошадей и биться на поединкахъ. Искусство и ловкость его въ этихъ упражненіяхъ замѣняли въ немъ почти-всѣ умственныя совершенства.

Одежда его была неопрятна до-невѣроятности; его дурно-сшитое платье, растрепанные волосы, эфесъ его шпаги, потертый отъ частаго употребленія, и измятая шляпа, напоминающая своими обвисшими перьями плакучую иву послѣ бури—все показывало необузданность его чувствъ, его пренебреженіе къ свѣту, презрѣніе къ обществу.

Какъ ни мало походилъ онъ на свою сестру, но еще-менѣе былъ похожъ на своего отца, который, хотя жилъ, какъ мы уже говорили, въ постоянномъ ожиданіи чего-то неопредѣленно-страшнаго, однако въ обществѣ принималъ на себя личину веселости, размѣряя и разсчитывая всѣ слова свои и дѣйствія, и обманывая такимъ-образомъ легковѣрныхъ, которые считаютъ смѣхъ лучшимъ доказательствомъ счастія, и не видятъ, между-тѣмъ, не подозрѣваютъ, какими муками онъ искупаетъ этотъ смѣхъ въ минуты одинокаго размышленія о прошедшемъ, въ тишинѣ уединенной комнаты.

Маркизъ горячо любилъ свою дочь, и, несмотря на всѣ недостатки и несовершенства ея дикаго и бѣшенаго брата, до безумія былъ привязанъ къ нему. Былъ еще одинъ человѣкъ въ этомъ странномъ семействѣ, столь же нѣжно имъ любимый, — молодой человѣкъ, почти-одинакихъ лѣтъ съ дѣтьми маркиза, вскормленный и воспитанный вмѣстѣ съ ними. То былъ сирота, которому маркизъ замѣнялъ отца: сынъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, спасшихъ однажды жизнь маркизу при опасности потерять свою собственную.

Таковъ былъ домашній кругъ этихъ людей; никогда люди ихъ званія и ихъ состоянія не жили такъ уединенно, какъ они; очень-рѣдко, и только по поводу безпокойныхъ выходокъ и блажныхъ поступковъ молодаго Круэнтаса, они дѣлались предметомъ разговоровъ; не смотря на это, все семейство пользовалось до нѣкоторой степени общимъ уваженіемъ, хотя и неочень-часто удостоивалось посѣщенія сосѣдей, между которыми слыло оно «самой необыкновенной семьей».—Можетъ-быть, называя его такимъ-образомъ, сосѣди были бы и правы, еслибъ только могли знать всю его исторію.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ, это семейство было все вмѣстѣ въ саду, принадлежащемъ къ его дому. Добродушный маркизъ, занявшись подстриганіемъ виноградныхъ лозъ, предоставилъ полную свободу Тибурсію—такъ назывался сирота—сидѣвшему поодаль съ его дочерью. Они размѣнялись между собою нѣсколькими словами, не замѣчая, что братъ дѣвушки, Ростэнъ, скрывался позади ихъ;—въ-самомъ-дѣлѣ, онъ вдругъ нечаянно показался передъ ними, сбивая палкою плоды съ яблони, которую билъ и увѣчилъ, какъ-будто сражаясь съ непріятелемъ, и по-

свистывая, вѣроятно для-того-чтобъ скрыть свое волненіе, но очевидно выдерживая жестокую борьбу съ самимъ-собою.

Эллiони въ это время уговаривала Тибурсія не оставлять ихъ (онъ намѣревался уѣхать по внушенію Ростэна); но Тибурсій твердо рѣшился. «Такъ поѣзжай же» сказала Эллiони: «поѣзжай, и будь счастливъ».

—Еслибъ ты знала, отъ-чего я уѣзжаю, сказалъ Тибурсій.

Безъ-сомнѣнія» прервала Эллiони: «вечернее солнце въ Германіи не-такъ ясно и не-такъ блестяще, какъ наше?»

—Ахъ! возразилъ ея собесѣдникъ, вздыхая: я ищу перемѣны изъ одного только желанія добра другимъ. Подумай, Эллiони, еслибъ присутствіе твое въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ты любишь болѣе всего въ мірѣ, могло обратиться на пагубу людямъ, которымъ ты въ душѣ своей поклялась вѣчною признательностію и любовію; еслибъ оно подвергало ихъ неслыханнымъ бѣдствіямъ и безпрерывной опасности, не-ужели ты могла бы колебаться и не вырваться сама изъ этихъ мѣстъ?

«Я не понимаю тебя» сказала Эллiони: «но если ты хочешь ѣхать, помни, что твоя привязанность къ намъ встрѣчаетъ взаимность, и никогда не бойся....»

—«Чего бояться?» проговорилъ Ростэнъ, прерывая ихъ, и глаза его сыпали искры. «Надъ кѣмъ права родства, права крови теряютъ свою силу!» Сказавъ это, онъ раздробилъ палку, которую держалъ дотолѣ въ рукѣ, на тысячу кусковъ и разбросалъ ихъ по землѣ въ припадкѣ бѣшенства.

«Ты также мнѣ братъ» сказала дѣвушка, дрожа отъ

испуга и опустивъ глаза: «ты никогда не долженъ сомнѣваться въ моей любви.»

—«Также братъ!» вскричалъ Ростэнъ: «я не хочу раздѣла въ чувствѣ. У моего отца одинъ только сынъ, у меня одна только сестра—она должна любить только одного брата.» Сказавъ это, онъ побѣжалъ отъ нихъ прочь, бросивъ украдкой кровожадный взоръ на Тибурсія, котораго вліяніе на отца и на сестру, получившее начало во взаимной ихъ нѣжности, каждую минуту все болѣе и болѣе растравляло сердце полу-сумасшедшаго, полу-дикаго юноши.

«Эти грубыя слова его и этотъ раздраженный видъ не должны тебя тревожить» сказала Элліони Тибурсію. «Всѣ мы знаемъ его дикость и странность его пріемовъ; будь увѣренъ, что онъ искренно къ тебѣ привязанъ; но его заботливость о моей судьбѣ, его ревность ко всякому, кто бы ни подошелъ ко мнѣ и въ комъ бы онъ подозрѣвалъ желаніе похитить у него мою привязанность, все это ни что иное, какъ пункты его помѣшательства. Право, я боюсь, что ужь онъ помѣшался, или это скоро съ нимъ будетъ: онъ также точно выходитъ изъ себя всякій разъ, когда хоть одну минуту, при немъ, я занимаюсь съ отцомъ моимъ болѣе, чѣмъ съ нимъ.»

—Почему онъ дрался съ этимъ Итальянцемъ? спросилъ Тибурсій.

«Потому-что тотъ забылся передо мной» отвѣчала Элліони.

— За-что была у нихъ дуэль съ графомъ де-Бартосъ?

«За-то, что графъ рѣшительно искалъ моей руки, а братъ не одобрялъ этой свадьбы.»

— А что это была за ссора съ барономъ Гуссе?

«Объ этомъ я ничего не знала» сказала Элліони.

— А съ кавалеромъ д'Онисъ?

«Споръ за карты» сказала Элліони. «Но къ-чему все это? Мы знаемъ, что онъ вспыльчивъ, горячъ, непостояненъ, а болѣе всего ревнивъ и боится потерять свою власть надо мной. Ты, Тибурсій, ты мой братъ по усыновленію; нѣжность моя къ тебѣ искренняя, и я не вижу никакой причины скрывать ее; вспомни, какое утѣшеніе составляешь ты для моего отца;— останься съ нами—останься!»

— Нѣжность эта, сказалъ юноша, едва скрывая свое волненіе: взаимна; но выслушай меня. Еще до перваго моего путешествія, которое я предпринялъ по совѣту Ростэна, множество странныхъ происшествій случилось со мною: самая жизнь моя была въ опасности; происшествія эти слишкомъ-странны, они не могли быть случайными, но я все еще не подозрѣвалъ тогда ничего, — какъ вдругъ, однажды вечеромъ, едва какимъ-то счастливымъ случаемъ избавившись отъ бѣды, я нашелъ на столѣ своемъ записку, написанную неизвѣстною мнѣ рукой; въ ней было сказано, что всѣ опасности, которыми я окруженъ, происходятъ отъ одной и той же причины, что всѣ онѣ умышленны и обдуманны, и что мнѣ должно принять свои предосторожности и спасаться бѣгствомъ изъ дома. Я смѣялся надъ этимъ предложеніемъ и оставилъ записку безъ вниманія; но тѣ же предостереженія и совѣты и угрозы нѣсколько разъ повторялись.

«Отвѣчай на нихъ презрѣніемъ» сказала Элліони: «перо безъименнаго сочинителя писемъ то же самое, что ножъ убійцы изъ-за угла: скрытность его обличаетъ зависть и злобу.»

—Не считай меня, сказалъ Тибурсій: такимъ малодушнымъ трусомъ, чтобъ я бѣжалъ отъ укушенія

червя, если бъ дѣло шло только обо мнѣ; но послѣднія предостереженія и совѣты касаются до жизни другихъ, Эллiони; дальнѣйшее упорство съ моей стороны можетъ быть причиною пролитія крови, и такой крови, за искупленіе которой я весело отдалъ бы на жертву свою собственную. Да, Эллiони, мнѣ объявляютъ, мнѣ говорятъ, что усыновленному пріемышу Круэнтаса суждено быть палачомъ своихъ благодѣтелей!

«И не уже ли ты вѣришь всѣмъ этимъ таинственнымъ предостереженіямъ?» сказала Эллiони.

— Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я получилъ это послѣднее письмо, продолжалъ Тибурсій: маркизъ катался въ лодкѣ по рѣкѣ, помнишь ли ты это? Въ лодкѣ его вдругъ открылась течь, и она пошла ко дну.

«Да, я помню это» отвѣчала Эллiони: «къ-счастію тутъ случился Ростэнъ и спасъ его.»

— Три дня спустя, продолжалъ Тибурсій: когда маркизъ и я прогуливались вмѣстѣ верхомъ, лошадь его вдругъ стала бѣситься, подымалась па дыбы, прыгала, крутилась и вышибла его изъ сѣдла. Я поймалъ его на руки, а безъ этого мы были бы теперь сиротами. Осматривая лошадь, я замѣтилъ, что ноздри у нея были выжжены, а роясь въ конюшнѣ, я нашелъ за дверью стклянку, еще до половины наполненную купоросомъ.

«Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ прежде?» воскликнула Эллiони. «Повѣрь, у меня достало бы мужества и постоянства отъискать виновника.»

— Я еще не кончилъ, сказалъ Тибурсій. Помнишь ли ты, какъ однажды, въ ту минуту, когда я прислонился къ рѣшеткѣ балкона, что передъ нашими окнами, балконъ вдругъ обрушился подо мной?

« Помню» сказала Эллiони: «я этого не забыла; я была тогда въ залѣ, куда посылалъ меня Ростэнъ за какою-то книгой.»

— Въ ту же самую минуту, продолжалъ Тибурсiй: маркизъ проходилъ подъ окномъ. Черезъ день послѣ этого я уѣхалъ. Ты легко можешь себѣ представить мое безпокойство; восемь мѣсяцевъ прошло съ-тѣхъ-поръ; огорченный и тронутый до глубины души упреками, которыми ты осыпала меня въ своихъ письмахъ, я не могъ болѣе переносить разлуку съ тобою, я возвратился—но долженъ опять уѣхать.

Эллiони вздрогнула; она отдернула свою руку и печальнымъ голосомъ сказала: «странныя вещи случались и со мной».

Мертвое молчанiе послѣдовало за этими словами, и смущенiе молодыхъ людей возрасло еще болѣе при видѣ маркиза; онъ подошелъ къ нимъ; глаза его одушевлялись родительскою нѣжностiю.

—«И ты также» сказалъ маркизъ: «счастлива тѣмъ, что онъ наконецъ возвратился, Эллiони? Ты не уѣдешь болѣе, Тибурсiй? Не правда ли? наша взаимная привязанность соединяетъ насъ неразрывными узами; во мнѣ ты видишь себѣ втораго отца, а мнѣ остается одна отрада, одно утѣшенiе—видѣть обоихъ сыновей моихъ подлѣ себя. Безъ тебя жизнь въ этомъ домѣ дѣлается нестерпимо-печальною.»

Молодые люди наклонили голову въ знакъ признательности; но сердце Тибурсiя было переполнено горечью; ему казалось, что его присутствiе имѣло какое-то пагубное влiянiе на судьбу его благодѣтеля. Ростэнъ подошелъ къ нимъ въ эту минуту. Увидѣвъ его, маркизъ испустилъ одинъ изъ тѣхъ вздоховъ, которые часто вынуждаются изъ глубины отцовской души распутствомъ дѣтей; но въ ту же минуту, по

обыкновенію, онъ вызвалъ на лицо свое улыбку, и обращаясь къ Тибурсію, сказалъ съ веселымъ видомъ:

—«Я думаю, тебѣ не непріятно будетъ слышать, что, при наступающемъ холодномъ времени, мы должны будемъ по-неволѣ много пить; мнѣ сей-часъ только сказали, что прошлогоднія вина не выдержатъ нынѣшней зимы.»

—«Г-мъ! сказалъ Ростэнъ, взглянувъ изъ подлобья на Тибурсія: есть много вещей, кромѣ вина, которымъ не выдержать этой зимы.

Голосъ и видъ, съ какими произнесены были эти слова, проникли глубоко въ сердце бѣдной Элліони; но вскорѣ ей суждено было выдержать несравненно-жесточайшую пытку. Ужинъ былъ поданъ; она, отецъ ея и оба юноши сѣли за столъ; но Ростэнъ не принимался за кушанье: онъ оттолкнулъ отъ себя приборъ. Маркизъ также ничего не ѣлъ. О томъ, что̀ увидѣла Элліони, быстрымъ и безпокойнымъ взоромъ окинувъ весь столъ, безполезно было бы говорить: довольно того, что каждую минуту, пока продолжался ужинъ, она считала часомъ, что она со всею женскою хитростію не давала Тибурсію отвѣдывать ни куска изъ поставленныхъ передъ нимъ блюдъ, и что, когда, наконецъ, вышли изъ столовой, она была уже вполнѣ убѣждена что ни одно изъ происшествій, о которыхъ ей предъ тѣмъ только Тибурсій разсказывалъ въ саду, не было случайнымъ, и что домъ отца ея не былъ для него безопаснымъ жилищемъ.

Послѣ ужина всѣ разошлись. Ростэнъ, прощаясь съ своимъ названнымъ братомъ, обошелся съ нимъ очень вѣжливо, и покуда Тибурсій проходилъ по корридору въ свою комнату, глаза Элліони провожали друга ея дѣтства до самой двери; что̀-то необыкновенное происходило въ ея сердцѣ; что̀ она-чувство-

вала въ эту минуту — невыразимо; но какимъ-образомъ родилось въ ней это чувство, мы скоро увидимъ.

Тибурсій не зналъ ничего объ опасности, которая была подготовлена ему во время ужина, но которой онъ счастливо избѣгнулъ, благодаря бдительной дѣятельности Элліони. Въ кушаньѣ, которымъ подчивалъ его Ростэнъ съ самымъ дружелюбнымъ видомъ, ломанныя иголки были замѣшаны въ соусѣ; по всей вѣроятности, неминуемая смерть послѣдовала бы тотчасъ же послѣ этого угощенія. Ростэнъ не былъ слѣпъ: онъ замѣтилъ заботливость и дѣятельность сестры при этомъ случаѣ, и онѣ еще болѣе усилили въ немъ ненависть, ревность и жажду мести—явные признаки помѣшательства его разсудка.

Когда Тибурсій вошелъ къ себѣ, въ свою мрачную, уединенную комнату, слабо-освѣщенную одною свѣчою, онъ не могъ освободиться отъ какого-то невольнаго чувства, похожаго на страхъ: ему все чудились западни и коварные умыслы, грозившіе со всѣхъ сторонъ. Онъ отдернулъ занавѣсы постели, осмотрѣлъ даже за шкапомъ, стоявшимъ у стѣны, желая убѣдиться, что никакой тайный врагъ, ни живой, ни искусственный, не скрывается за нимъ. Онъ почти устыдился своихъ предосторожностей, и, раздѣвшись, бросился на постель, рѣшившись прогнать отъ себя всѣ недостойныя подозрѣнія, его тревожившія.

Онъ лежалъ, но, не смотря на всю свою рѣшимость, невольно сталъ прислушиваться къ неясному шуму, раздававшемуся вблизи его. Скоро, однако, сонъ закрылъ его глаза, онъ сталъ дремать, какъ вдругъ два легкіе удара въ дверь пробудили его. Онъ вскочилъ и узналъ старую няню Элліони. Она вложила въ его

руку записку, которую написала ея молодая барышня карандашемъ и, поклонившись, вышла вонъ.

Записка была довольно-пространна. Эллiони явно убѣдилась въ его опасности. Какъ истинная женщина, она отбросила отъ себя всякое своекорыстное чувство и видѣла, что спасенiе его зависитъ отъ ихъ разлуки. Записка оканчивалась этими словами:

«Прощай, — прежде, чѣмъ солнце взойдетъ — прощай!»

Это нѣжное, трогательное участiе къ его судьбѣ съ прежнею силою пробудило въ немъ сознанiе его опаснаго положенiя; но онъ радовался, видя, что она соглашается въ справедливости того, о чемъ онъ говорилъ ей въ прошедшiй вечеръ.

Пока эти мысли смѣнялись одна другою въ умѣ Тибурсiя, Эллiони сидѣла у окна въ своей комнатѣ, смотря безъ цѣли на ясное небо, на блестящiя звѣзды, по временамъ скрываемыя отъ взоровъ ея несущимися мимо облаками; мысль ея остановилась на братѣ ея, Ростэнѣ, остановилась на немъ противъ воли, противъ ея желанiя. Она пыталась, но напрасно, отогнать этотъ докучливый образъ, потому-что наединѣ, по-крайней-мѣрѣ съ самой-собою, она давала волю чистой и горячей любви своей къ Тибурсiю, между которымъ и ею столь насильственнымъ, столь кровожаднымъ образомъ втерся безпокойный и гордый братъ ея.

Почти-невозможно описать характеръ этого бѣшенаго юноши, закоснѣвшаго въ привычкахъ систематическаго распутства. Въ пылу своихъ неукротимыхъ чувствъ, онъ часто доходилъ до крайняго изступленiя, которое казалось въ немъ врожденнымъ съ самаго дѣтства. Безъ всякихъ правилъ, онъ былъ распутенъ и безстыденъ; а когда задѣвали за его чувствитель-

ную струну, ничто не-въ-силахъ было удержать его порывы: стóило только раздражить его, и разсудокъ и состраданіе теряли надъ нимъ свою власть. Его тѣлесная сила, къ-несчастію, давала ему возможность приводить въ исполненіе самыя дерзкія предпріятія; а успѣхи его, какъ дуэлиста, сдѣлали его главою общества, имъ избраннаго и составленнаго изъ людей, вообще избѣгаемыхъ прочими. Не имѣя сами по себѣ никакого состоянія, они собирались вокругъ своего предводителя, принося ему въ дань, въ отплату за его обѣды и ужины, свою трактирную дружбу, которой отличительнымъ характеромъ было рабское угожденіе его прихотямъ, и, не смотря на неловкость, съ какою они старались выказывать ее, она въ высшей степени льстила самолюбію человѣка, который не могъ терпѣть соперниковъ, въ чемъ бы то ни было.

Но въ этомъ, и безъ-того уже необыкновенномъ характерѣ, не было, можетъ-быть, ни одной черты, необыкновеннѣе его фанатической, странной и непонятной привязанности къ сестрѣ его, Элліони. Онъ былъ вѣчно недоволенъ, если не могъ выказать надъ нею всю власть свою. Онъ стерегъ ее, какъ вѣрная собака, и какъ собака готовъ былъ броситься на каждаго, кто подходилъ къ ней: ревность его не знала границъ, а между-тѣмъ онъ ничѣмъ не доказывалъ ей своей любви. Наединѣ съ нею онъ рѣдко говорилъ, а если и заговаривалъ, то для-того только, чтобъ найдти въ ней какой-нибудь недостатокъ. Никто не видалъ, чтобъ онъ когда-либо поцаловалъ ее нѣжнымъ, братскимъ поцалуемъ; скорѣе можно бы сказать, что иногда онъ готовъ былъ бить ее. Онъ чувствовалъ въ себѣ такое же безпокойство въ ея присутствіи, какое овладѣваетъ тигромъ при видѣ огня, и хотя Элліони любила его всею любовью сестры, однакожь она

чувствовала, что никогда не осмѣлилась бы говорить съ нимъ какъ съ братомъ. Въ тѣ минуты, которыя она проводила съ нимъ вмѣстѣ, сердце ея наполнялось боязнію и тревожнымъ ожиданіемъ чего-то, особенно, если это случалось въ присутствіи Тибурсія.

И въ какомъ жалкомъ положеніи находилась бѣдная Элліони! Если она и не была еще заражена тою болѣзнію ума, которая, по всѣмъ догадкамъ, казалась наслѣдственною въ ихъ семействѣ, тѣмъ не-менѣе она не была приготовлена для свѣта: ей были чужды и свѣтскій образъ жизни, и свѣтскія приличія. У нея не было матери, которая бы дала направленіе юному уму ея; не было подруги, съ которою она могла бы слиться сердцемъ. Ея правила и сужденія образовались и развились подъ ея собственнымъ присмотромъ, при нѣкоторой помощи со стороны ея духовника и няни, которая доживала уже шестьдесять-третій годъ и была единственною женщиною, составлявшею ея обыкновенное общество. Слѣдствіемъ всего было то, что эти правила и сужденія были подобны цвѣткамъ безъ корня, посаженнымъ въ пескѣ: не имѣя никакого понятія объ опасностяхъ и обманахъ, которымъ подвержены неопытныя лѣта первой юности, когда страсти только начинаютъ еще разъигрываться, она давала полную свободу своимъ чувствамъ, и, не колеблясь ни минуты, отдала свое сердце Тибурсію. Она оправдывала выборъ свой тѣмъ уваженіемъ и тою любовью, которую такъ постоянно оказывалъ ему отецъ ея. Да притомъ, ничто не могло быть естественнѣе этой склонности: они росли и воспитывались вмѣстѣ съ дѣтства. Онъ былъ сирота, она почти то же; не имѣя ни родственниковъ, ни друзей, они чувствовали, что составляли весь міръ другъ для друга, и Элліони, какъ

мы уже сказали, не имѣла причинъ скрывать свои ощущенія.

Погруженная въ размышленія о судьбѣ того, кого она любила, и о причинѣ ненависти, которую безотчетно питалъ къ нему Ростэнъ, придумывая даже, какими бы средствами смягчить своего брата и отвратить его отъ того безнравственнаго и грубаго образа жизни, какой онъ велъ дотолѣ, Эллiони внезапно поражена была громкимъ и пронзительнымъ крикомъ «пожаръ! пожаръ», раздававшимся по всему дому. Крикъ этотъ выходилъ изъ нижняго этажа, гдѣ была спальня Тибурсія, и чрезъ нѣсколько минутъ густые клубы дыма повалили изъ оконъ.

Крики снова пронеслись по всему дому, и прежде, чѣмъ сердце Эллiони успѣло ударить трижды въ груди ея, дверь ея комнаты распахнулась настежъ, и передъ нею явился Ростэнъ.

«Чтò? чтò случилось? ради Бога, чтò случилось?» спрашивала Эллiони.

—Маленькая суматоха — вотъ и все, сказалъ ея братъ голосомъ грубагò равнодушія.

«Какая суматоха?» вскричала Эллiони. Въ ту же минуту мысль объ опасности, которой, можетъ-быть, подвергался Тибурсій, быстро мелькнула въ умѣ ея, и она прибавила почти въ безпамятствѣ:

«Гдѣ Тибурсій? гдѣ онъ?»

—Я ужь говорилъ тебѣ, сказалъ Ростэнъ: что это небольшая суматоха, пустой шумъ.

«Ростэнъ!» сказала Эллiони: «спокойствіе твоего голоса не согласуется съ твоимъ встревоженнымъ, смущеннымъ видомъ: чтò-нибудь ужасное совершилось, какая-нибудь жертва принесена ...»

—Жертва! сказалъ Ростэнъ, смѣясь страшнымъ хохотомъ: не плачь, это только человѣкъ...

«Гдѣ онъ?—что ты съ нимъ сдѣлалъ?» кричала дѣвушка, выходя изъ себя.

—Послушай, Элліони, Тибурсій мнѣ не братъ.

«Говори же» кричала она: «гдѣ горитъ?»

—Отецъ твой спасенъ; пойдемъ, дай мнѣ спасти тебя, тебя одну; я отнесу тебя въ безопасное мѣсто.

Элліони бросилась къ двери.

«Спасай твоего брата!» кричала она.

—Потолокъ его комнаты обрушился на него, сказалъ Ростэнъ съ торжествующимъ видомъ: но онъ—*не былъ* моимъ братомъ.

«Убійство! убійство!» вскричала Элліони; но Ростэнъ бросился между ею и дверью, и заслонилъ ей выходъ.

—Не уже ли пожаръ причиною твоего безпокойства? сказалъ онъ: *меня* тамъ нѣтъ—я здѣсь, живъ и здоровъ, подлѣ тебя, туда не-за-чѣмъ тебѣ идти.

«Но онъ!.. онъ — о, Ростэнъ! пусти меня, не удерживай меня—каждая минута замедленія—ахъ, Ростэнъ!»—Она сдѣлала усиліе, чтобъ освободиться отъ брата, но онъ схватилъ ее за руки; она судорожно боролась съ нимъ и почти въ изступленіи вскричала: «пусти меня, тигръ!»

Ростэнъ приперъ дверь и грубо оттолкнулъ отъ себя сестру.

— По-видимому, ты очень боишься пожара, сказалъ онъ. Я говорю тебѣ, что я твой братъ, твой другъ—и я же еще тигръ! Тигръ получилъ четыре раны за тебя, Элліони, и готовъ получить ихъ еще несчетное множество, если кто-нибудь *недостойный* тебя осмѣлится подойдти къ тебѣ. Тибурсій одинъ изъ нихъ.

« Я спасу его, хотя бы должно было самой погибнуть!» воскликнула Элліони.

— Стало-быть, ты любишь его? вскричалъ Ростэнъ.

«Столько же, сколько ненавижу тебя» отвѣчала сестра его, не-въ-силахъ будучи далѣе владѣть собою.

— Такъ слушай же, безумная.

Въ эту минуту голосъ человѣка, изнемогающаго отъ боли и мукъ, раздался посреди шума и треска отъ сокрушающихся балокъ, объятыхъ пламенемъ. Эллiони узнала его, стала прислушиваться — тысячи различныхъ чувствъ волновали ея грудь — то былъ голосъ Тибурсiя; человѣческiй образъ мелькнулъ предъ глазами, окруженный густыми облаками дыма, и прежде, чѣмъ она успѣла увѣриться въ истинѣ, Тибурсiй былъ уже въ ея объятiяхъ. Изумленiе, нечаянность превозмогли ея силы: она задрожала всѣмъ тѣломъ, и, пока Тибурсiй поддерживалъ ее, она прошептала ему на ухо: «Я этого не переживу; если намъ должно разлучиться, да благословитъ тебя небо!»

Тибурсiй положилъ ослабѣвшую Эллiони на постель и бросился къ лѣстницѣ посмотрѣть, можно ли еще выйдти этимъ путемъ. Едва-только оставилъ онъ комнату, гдѣ неожиданное появленiе его въ такую минуту привело въ оцѣпенѣнiе Ростэна, какъ изступленный зажигатель бросился за нимъ въ-слѣдъ; но тотъ уже ушелъ, избѣгнувъ его мести, теперь уже воспламененной до высшей степени. Однакожь безопасность его была ненадежна; Ростэнъ сбѣжалъ за нимъ по лѣстницѣ; но, потерявъ его изъ вида, онъ воскликнулъ, будто произнося торжественную клятву: «Пусть онъ бѣжитъ куда хочетъ; я отъищу его хоть на краю свѣта и вырву у него жизнь!»

Эллiони слышала этотъ страшный обѣтъ, и бросилась съ постели къ дверямъ своей комнаты въ ту са-

мую минуту, какъ входилъ ея отецъ. По какому-то внутреннему чувству догадываясь о случившемся, онъ упалъ на колѣни передъ дочерью и, обращаясь къ распятію, висѣвшему на стѣнѣ, съ чувствомъ глубокой горести произнесъ: «Небо да пощадитъ преступный родъ!—да будетъ воля твоя, Господи!»

Эти слова, совершенно-таинственныя и непонятныя для Элліони, болѣзненно отозвались въ душѣ ея, и она опустилась безъ чувствъ на плечо своего отца.

II.

Безполезно было бы описывать здѣсь этотъ странный клочокъ земли, извѣстный подъ именемъ Камарга (le Camargue), который, находясь въ шести миляхъ отъ устьевъ Роны, ограничивается двумя протоками этой быстрой рѣки въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прѣсная вода сливается съ соленою. Это одно изъ самыхъ необыкновенныхъ мѣстъ на всей земной поверхности, рѣдко посѣщаемое кѣмъ-либо, кромѣ пастуховъ, которымъ случается пасти стада свои на его болотистыхъ лугахъ, или отважныхъ охотниковъ, привлекаемыхъ туда многочисленными стадами дикихъ утокъ.

На землѣ нѣтъ ничего-подобнаго этому Камаргу: одинъ только хаосъ, предшествовавшій мірозданью, можетъ дать о немъ приблизительное понятіе; на немъ и вокругъ его все въ безпорядкѣ; вода и земля смѣшаны вмѣстѣ; рыбы выбрасываютъ икру между подводныхъ тростниковъ; огромные змѣи выставляютъ свою чешую на солнце, или грѣются на прибрежныхъ камняхъ; тюлени купаются между балокъ вмѣстѣ съ водяными птицами. А между-тѣмъ во внутренности острова, привлекаемыя теплотою воздуха, разнообра-

зіемъ его цвѣтовъ и растеній, близостью его къ морю и почти-ненарушаемымъ уединеніемъ, птицы изъ всевозможныхъ широтъ, неизвѣстныя даже въ сосѣдственныхъ земляхъ, летаютъ въ совершенной безопасности, не пугаясь ни пастуховъ, ни стадъ ихъ.

Но, не смотря на наружное богатство этого страннаго острова, не смотря на очарованіе, которое онъ на васъ наводитъ, и на любопытство, которое невольно подстрекаетъ, не возможно сохранить чувство наслажденія и самодовольствія, когда вы однажды ступите на его землю. Испаренія, подымающіяся изъ его болотъ, эти цвѣты, растущія на грязи, эта прелестная зелень, предательски-скрывающая подъ собою топи и жидкій песокъ, эти потоки, безпрерывно уносящіе землю изъ-подъ вашихъ ногъ, — все возбуждаетъ и поддерживаетъ въ васъ какое-то непріятное ощущеніе боязни, пока вы тамъ находитесь. Красота его покажется вамъ предательскою западнею, и вы оставите его съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ оставили бы землю, проклятую небомъ *.

Однажды вечеромъ, въ тотъ самый часъ, когда солнце садилось во всемъ своемъ великолѣпіи, бросая послѣдніе лучи на материкъ, лежащій къ сѣверу отъ Камарга, огромная хищная птица быстро поднялась съ земли; клёвъ ея былъ весь въ крови; она испустила продолжительный и рѣзкій крикъ, изъявляя тѣмъ свое неудовольствіе и досаду: она нѐ-хотя оставляла свою отвратительную трапезу на человѣческомъ трупѣ, распростертомъ на берегу, саженяхъ въ трехъ отъ рѣки.

* Съ того времени, къ которому относится сіе повѣствованіе, этотъ островъ измѣнился до-невѣроятности. Теперь онъ хорошо населенъ, на немъ построено множество красивыхъ домовъ, почва удобрена и успѣшно обработывается.

Въ ту самую минуту, какъ она поднялась, въ воду между тростниковъ упалъ камень, нацѣленный въ нее молодымъ пастухомъ, который, пройдя еще нѣсколько шаговъ, сказалъ съ досадой: «должно быть мы прошли мимо знака: онъ остался позади насъ, а не-то я...»

Онъ не кончилъ своей рѣчи: слова остановились на языкѣ его при видѣ зрѣлища, которое раскрывалось предъ его глазами. Мертвое тѣло было у самыхъ ногъ его; подлѣ него лежалъ эфесъ сломанной шпаги, плащъ и полукафтанье, покрытые грязью, и шляпа съ красными перьями.

Изумленный пастухъ остановился; изумленіе его еще-болѣе увеличилось, когда товарищъ его, лодочникъ, шедшій позади, воскликнулъ: «О, не ужь ли здѣсь?»

«Здѣсь, да» — возразилъ пастухъ. «Такъ объ этой-то рыбѣ говорилъ ты мнѣ, что не могъ одинъ привести ее домой? Не уже ли за этой ловлей ты, Фуранъ, ѣздилъ внизъ по рѣкѣ?»

— Ты ловко угадалъ, Пьеренъ, сказалъ лодочникъ.

«Если таковъ твой промыселъ, мой деверь и кумъ» отвѣчалъ другой: «ты можешь отправляться на рынокъ безъ меня. Что ты такъ пристально на него смотришь?»

— Хочу узнать, если можно, сказалъ лодочникъ: *мой* это, или *другой*.

«Развѣ ихъ два?» спросилъ Пьеренъ.

— Должно быть;—слушай. Сегодня утромъ, часу въ четвертомъ, я работалъ на берегу въ Авиньйонѣ; мнѣ надо было кое-что исправить на моей лодкѣ до-свѣта; вдругъ какой-то молодой баринъ кликнулъ меня, вошелъ въ мою лодку, и довольно-грубо, какъ мнѣ показалось, приказалъ мнѣ отваливать въ ту же мину-

ту. Я исполнилъ его приказаніе, и, когда мы вышли изъ струи, я спросилъ у него куда ѣхать. «Къ устью рѣки» сказалъ молодой баричь: «я щедро заплачу тебѣ.» — На это я отвѣчалъ, что, какъ ему должно быть извѣстно, мы не можемъ спускаться по рѣкѣ ниже Арлеса. «Такъ вези меня въ Арлесъ» былъ отвѣтъ.—Это далеко, баринъ, сказалъ я: весла мои тяжелы, я не въ-состояніи буду грести двѣнадцать часовъ съ-ряду.—«Я буду смѣнять тебя, когда ты устанешь» возразилъ онъ: «кромѣ-того, теченье поможетъ намъ обоимъ.» Никогда не случалось мнѣ важивать такого задумчиваго пассажира. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову; иногда то закрывалъ лицо руками, то вдругъ подымалъ глаза къ небу и смотрѣлъ на луну. Видя, что онъ такъ печаленъ, я принялся разсказывать ему о чемъ попало, желая разсѣять его.

«А можетъ-быть» сказалъ пастухъ: «и вывѣдать его исторію?»

— Вывѣдать? отвѣчалъ Фуранъ. Нѣтъ, братъ, во мнѣ нѣтъ ни крошки любопытства; да притомъ же онъ хоть бы слово отвѣчалъ на все, что̀ я ни говорилъ. Такимъ-образомъ, наконецъ, я заговорилъ о пожарѣ въ домѣ маркиза де-Круэнтасъ, и спросилъ у него, видѣлъ ли онъ этотъ пожаръ и не знаетъ ли, потушили его или нѣтъ, потому-что, видишь ты, я даже не полюбопытствовалъ сходить на пожаръ. Ну, вотъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ, онъ и сказалъ мнѣ — что̀ бишь сказалъ онъ? да, онъ сказалъ: «да, пожаръ потушили и всѣхъ успѣли спасти».—Это было сказано обыкновеннымъ голосомъ; а потомъ, занося весла, я услышалъ, какъ онъ пробормоталъ сквозь зубы, говоря самъ себѣ: «Лучше бы, если бъ меня тамъ не было». Этимъ и кончился нашъ разговоръ. Когда день сталъ склоняться къ вечеру, онъ устремилъ взоры на

убѣгающія отъ насъ башни Авиньйона, и когда, наконецъ, онѣ совсѣмъ скрылись изъ вида, онъ снова закрылъ лицо руками и заплакалъ. Увидѣвъ это, я думалъ угодить ему и разсѣять его черныя мысли,—затянулъ свою любимую пѣсню, знаешь, о прощаніи трубадура съ милою. Должно быть, я очень угодилъ ему, потому-что не успѣлъ я пропѣть трехъ стиховъ, какъ онъ бросилъ мнѣ нѣсколько мелкихъ монетъ, прося меня не утруждать себя и не пѣть болѣе. Я сказалъ ему, что онъ слишкомъ-щедръ, и положилъ деньги въ карманъ.

« Ну, да!» сказалъ пастухъ: «все это очень-хорошо, господа должны всегда платить за свои причуды; только я не похвалю его вкуса, если ему не понравилось твое пѣніе. Однако, ты вѣдь не убилъ же его за это?»

— Его убить? возразилъ Фуранъ: этотъ мертвый человѣкъ, что тамъ лежитъ, должно быть, не онъ.

« Такъ кто же это?»

—Слушай. Часа за два до вечерень, только обогнули мы маленькіе островки Бокеръ, я примѣтилъ лодку далеко позади насъ; она гребла съ величайшей поспѣшностью. Зная, что Камаргъ, будучи внѣ папскихъ владѣній, любимое сходбище тѣхъ господчиковъ, которыхъ разбираетъ охота честнымъ манеромъ перерѣзать другъ другу горло, я спросилъ у моего пассажира, не ожидаетъ ли онъ кого-нибудь. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что онъ выйдетъ на берегъ въ Арлесѣ и будетъ продолжать путь до Марсели, откуда намѣренъ отправиться на кораблѣ въ дальнѣйшее странствіе. За нѣсколько времени до того, какъ другая лодка догнала насъ, пассажиръ этой лодки, также работавшій весломъ, пересталъ грести, и я узналъ хозяина ея, Бруно, хотя онъ сидѣлъ на противоположной сторо-

нѣ судна; но въ ту же минуту товарищъ его вдругъ засуетился, и въ одинъ мигъ, схвативъ снова весло, принялся гресть изо всей силы, держа прямо на насъ. Когда они подошли уже довольно-близко, онъ забросилъ крюкъ на мою лодку и вскричалъ торжествующимъ голосомъ: «я догналъ его—теперь онъ мой!» Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать; но мнѣ нельзя было разсуждать, потому-что этотъ господинъ въ ту же минуту перескочилъ на мою лодку, едва не столкнувъ меня въ воду, и я тотъ же часъ узналъ въ немъ Ростэна де-Круэнтасъ.

« Этого сумасшедшаго барина, у котораго есть еще сестра, и который дерется на трехъ дуэляхъ въ одну недѣлю?»

— Того самого.

« И это его тѣло?»

—Можетъ-быть. Ну, вотъ, вскочивъ на мою лодку, онъ бросился къ кормѣ. На это мой пассажиръ, посмотрѣвъ на него съ спокойствіемъ и твердостію, сказалъ: «Ростэнъ, ты затѣялъ какое-нибудь страшное преступленіе». Тутъ они стали говорить; мой пассажиръ былъ разсудительнѣе и, по-видимому, правѣе; а Круэнтасъ — дѣйствительно сумасшедшій. «Свѣтъ тѣсенъ для насъ обоихъ» сказалъ онъ.—По-этому-то, отвѣчалъ другой: я и оставилъ вашъ домъ. Я знаю долгъ свой въ-отношеніи къ своему благодѣтелю; этому долгу я готовъ жертвовать всѣмъ, даже моимъ самолюбіемъ. — « Этого мало, сказалъ Круэнтасъ: « я хочу твоей крови.» — Ты можешь хотѣть, отвѣчалъ тотъ: но никакая власть не принудитъ меня обнажить противъ сына шпагу, полученную мною отъ его отца.—«Трусъ!» сказалъ Круэнтасъ. Кровь бросилась въ голову моего пассажира; но онъ удержалъ свое бѣшенство, превозмогъ его и отвѣчалъ: Кому не-

чего терять, тому нечего бояться. Ты хотѣлъ, чтобъ я уѣхалъ—и я уѣхалъ. Что жь еще тебѣ нужно?—«Вчера» вскричалъ Круэнтасъ, скрежеща зубами: «вчера твой отъѣздъ *могъ бы* удовлетворить меня; но сегодня—Эллiони унизила себя, обезчестила себя, признавшись, что она тебя любитъ—ты долженъ умереть!»—Ну видишь ли, Пьеренъ, продолжалъ лодочникъ: что за уморительный народъ всѣ эти господа? Какъ бы то ни было, послѣ этого оба они обнажили шпаги; но какъ мы были слишкомъ-близко къ Арлесу и ихъ могли бы увидѣть съ берега, то я нарочно ударился своей лодкой о лодку Бруно, и этимъ толчкомъ сшибъ съ ногъ молодаго Круэнтасъ.—«О!» вскричалъ Бруно: «сжальтесь надъ нами, добрые господа, и если ужь вамъ непремѣнно нужно драться, то мы отгребемъ назадъ, и вы можете выйдти на берегъ выше по рѣкѣ.»—Это займетъ много времени, сказалъ Ростэнъ, и, схвативъ весла, съ бѣшенствомъ демона толкнулъ ими обѣ лодки, связанныя вмѣстѣ, въ самую средину струи, и онѣ понеслись съ быстротою стрѣлы чрезъ буруны, разбивающiеся близь Арлеса о гряды подводныхъ камней.—«Матерь Божiя!» сказалъ я Бруно: «обѣ лодки наши погибнутъ ни за копейку.»—А все по моей винѣ!—сказалъ мой товарищь, и голосъ его заглушался шумомъ буруновъ: мой пассажиръ, около часа спустя послѣ того, какъ вы отправились изъ Авиньйона, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не видалъ ли я кого-нибудь, пѣшкомъ или верхомъ проходившаго по дорогѣ? А я то, съ-дуру, и скажи ему, что какой-то молодой баринъ нанялъ тебя свезти его внизъ по рѣкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что то былъ вѣроятно одинъ изъ его друзей, съ которымъ онъ непремѣнно хочетъ проститься до отъѣзда его изъ Францiи, и далъ мнѣ денегъ, чтобъ я догналъ его. Однакожь—прибавилъ

Бруно — если они будутъ драться, я долженъ подождать побѣдителя, потому-что онъ поможетъ мнѣ грести противъ теченія, а ты проведешь ночь у своего деверя, и воротишься съ нимъ завтра; только главное, не забудь, если одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, бросить мертвое тѣло въ рѣку.

«Который же былъ убитъ?» спросилъ Пьеренъ.

— По-чемъ я знаю — отвѣчалъ лодочникъ: въ ту минуту, какъ они вышли на берегъ въ Камаргѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Никакая власть не принудитъ меня драться!» Тутъ они стали крупно говорить между собою, пока Круэнтасъ не сказалъ другому, что если тотъ не станетъ драться, онъ просто убьетъ его. На это тотъ отвѣчалъ: Небо потребуетъ у тебя отчета въ этомъ дѣлѣ; помни, что я отражаю силу силою, для-того только, чтобъ ты не сдѣлался убійцею. Въ-слѣдъ за симъ, они сбросили плащи и верхнее платье, и обнажили шпаги; но мой оставался совершенно-хладнокровнымъ и отражалъ всѣ удары противника; земля сдѣлалась мягкою подъ ихъ ногами, и они перешли на другое мѣсто. Тутъ, на-бѣду, Круэнтасъ увидѣлъ, что я смотрю на нихъ: онъ бросился ко мнѣ и закричалъ сердитымъ голосомъ, чтобъ я удалился. Я не смѣлъ болѣе наблюдать за ними и смотрѣлъ только издали. Я высматривалъ все, чтò могъ, и мнѣ показалось, что мой пассажиръ отказывался продолжать бой; но въ ту же минуту Круэнтасъ сказалъ ему чтò-то такое, чтò, по-видимому, дало другой оборотъ дѣлу, потому-что, схвативъ свою шпагу, которую онъ было-отбросилъ отъ себя, онъ поднялъ руки къ небу, какъ-бы призывая его въ свидѣтели, и напалъ на Ростэна съ величайшею яростію. Въ полминуту обѣ шпаги разлетѣлись на куски, и они продолжали драться обломками

клинковъ; наконецъ, бросивъ ихъ, схватились въ рукопашную, но въ схваткѣ упали оба въ тростникъ, и я потерялъ ихъ изъ вида. Они снова поднялись, до-того покрытые кровью и грязью, что я не могъ отличить одного отъ другаго: я видѣлъ только какую-то безобразную массу и двѣ руки, которыя били по ней съ яростью, масса снова упала — одинъ только кулакъ размахивалъ еще по воздуху... Я видѣлъ, какъ еще разъ голова поднялась изъ камней, — потомъ я ничего болѣе не видѣлъ. Тогда, продолжалъ Фуранъ: я побѣжалъ къ хижинамъ, но прежде, чѣмъ встрѣтился съ тобой, обернулся къ рѣкѣ посмотрѣть на лодки: одна только оставалась на пескѣ, а въ другой я увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые гребли изо всей силы противъ теченія. Я не сомнѣвался, что то были Бруно съ побѣдителемъ. Что̀ касается до другаго, продолжалъ онъ, переворачивая тѣло: онъ до-того обезображенъ, до-того избитъ и залѣпленъ грязью, что самъ чортъ не узналъ бы его: все тѣло его обратилось въ одну огромную язву.

«Кому же отдать его на ужинъ, рыбамъ или птицамъ?» сказалъ Пьеренъ своему товарищу, который, наклонившись надъ тѣломъ, омывалъ ему лицо пучками мокрой травы.

—Да покуда, отвѣчалъ Фуранъ: ни тѣмъ, ни другимъ, потому-что, какъ онъ ни худъ, но все еще не мертвъ.

Они приподняли раненаго и положили его такимъ-образомъ, чтобы вода небольшаго источника, протекавшаго въ-близи, омывала и освѣжала ему лицо. Впрочемъ, это занятіе немало ихъ безпокоило, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще дуэлисты были прокляты церковью.

—Оставить ли его здѣсь въ такомъ положеніи? сказалъ Фуранъ.

«Я думаю» сказалъ Пьеренъ: «нашему брату не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла знатныхъ господъ; если онъ придетъ въ себя, мы можемъ попасть въ бѣду.»

—Да и кромѣ того, сказалъ Фуранъ: если это тотъ *другой*, какъ мнѣ и кажется по шляпѣ и перьямъ его, я не желалъ бы оказать ему никакой услуги: онъ, чего добраго, разсердится и, пожалуй, еще перерѣжетъ намъ горло.

«Я также не хочу къ нему прикасаться» сказалъ Пьеренъ. «Къ-тому же онъ вѣрно исповѣдывался прежде, чѣмъ пошелъ на такое дѣло.»

—Послушай, Пьеренъ, сказалъ Фуранъ: между этими господчиками бываютъ богачи — мотай себѣ это на усъ; будемъ-ка лучше человѣколюбивы, и постараемся узнать, который это изъ нихъ двухъ.

Покоряясь этому безкорыстному влеченію, они приподняли голову страждущаго, отодвинувъ его нѣсколько отъ источника, и примѣтили, что онъ силился напиться; но тѣмъ не менѣе они не могли узнать его: даже отличительные признаки его одежды только еще-болѣе сбивали ихъ съ толка, потому-что въ-торопяхъ своего бѣгства Ростэнъ, хотя и взялъ свой собственный плащь, но вмѣстѣ съ нимъ захватилъ и шляпу Тибурсія. Вмѣсто того, чтобъ оказывать помощь несчастной жертвѣ, они начали совѣщаться о томъ, какія мѣры должно имъ предпринять для лучшаго успѣха, то-есть для собственной ихъ пользы. Время уходило;сумерки смѣнились темнотою, столь быстро приближавшеюся, что кровь раненаго и чистая вода, подлѣ которой онъ лежалъ, казались одного цвѣта. Вѣтеръ свистѣлъ между камней, и змѣи, полузамерзшія отъ холода, уже всѣ попрятались въ свои зеленыя логовища.

Какимъ-образомъ Фуранъ - лодочникъ и пастухъ-Пьеренъ, его деверь, окончили свое совѣщаніе; что придумали они въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ—исторія не говоритъ объ этомъ; одно только извѣстно, что бѣдная Элліони, оправившись отъ усталости и сильнаго душевнаго потрясенія, естественнаго слѣдствія послѣдняго пожара, радовалась тому, что успѣла въ своей на-скоро-писанной запискѣ дать согласіе на отъѣздъ Тибурсія; ибо, хорошо зная неукротимый характеръ своего брата, она понимала всю важность страшной клятвы, которая вырвалась изъ устъ его, когда онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ въ-слѣдъ за *тѣмъ*, кого она любила болѣе всего въ мірѣ.

Вечеромъ, на другой день послѣ ужасной *встрѣчи* на Камаргѣ, она сидѣла дома за работой, стараясь въ то же время занимать отца своего, маркиза, который начиналъ страдать подагрою отъ излишняго раздраженія во время пожара. Но всѣ ея усилія не отвлекаться мыслями ни отъ вышиванья, ни отъ разговора съ отцомъ, были безполезны: глаза ея блуждали по стѣнамъ комнаты, въ которой они сидѣли и которая, хотя уцѣлѣла отъ разрушенія, но сохраняла на себѣ слѣды гибельнаго дѣйствія всепожирающей стихіи; этотъ видъ пробуждалъ въ душѣ ея живое воспоминаніе о страшномъ происшествіи.

Къ-несчастію для нея, отецъ ея, всегда принимавшій на себя видъ беззаботности и притворявшійся совершенно-равнодушнымъ къ случившемуся съ ними происшествію, не говорилъ ни о комъ, кромѣ Тибурсія, не зная, что отсутствіе его было слѣдствіемъ его рѣшимости.

—За-чѣмъ онъ оставилъ насъ, Элліони? говорилъ старый маркизъ: скажи мнѣ, милое дитя мое, не случилось ли съ нимъ какого несчастія?

«Никакого, батюшка» возразила Эллiони: «будьте увѣрены, мы скоро получимъ о немъ добрыя вѣсти.»

—Вѣсти? сказалъ маркизъ: стало-быть, онъ очень-далеко отъ насъ, если не можетъ самъ придти лично поговорить о себѣ? — А гдѣ Ростэнъ? Не вмѣстѣ ли они?... Признаюсь, слова моего сына, когда онъ выбѣжалъ изъ твоей комнаты въ эту ужасную ночь, встревожили меня.

«О, нѣтъ!» сказала Эллiони: «онъ разсердился за какiе-то пустяки, за какой-то упрекъ за его образъ жизни... Это ничего.»

—Какъ? сказалъ маркизъ: неужели я не могу позволить себѣ никакого замѣчанiя на-счетъ поведенiя моего сына?

«Добрый мой батюшка!» сказала Эллiони: «еслибъ вы были менѣе снисходительны къ нему, онъ болѣе уважалъ бы васъ.»

—Ахъ, Эллiони! сказалъ маркизъ: ты права, совершенно-права; но я дѣлаюсь старъ, мнѣ нуженъ покой, я не люблю раздражать Ростэна. Въ жилахъ его течетъ такая кровь...о, ты не понимаешь этого, милая дочь моя! *Въ немъ* ожилъ самый страшный изъ его предковъ. Справедливо, какъ-нельзя-справедливѣе то, что грѣхи праотцевъ падаютъ на внуковъ, и грѣхи отцовъ на ихъ дѣтей.—Но тутъ, замѣтивъ, что Эллiони не-на-шутку испугалась его встревоженнаго вида, онъ тотчасъ вызвалъ улыбку, бывшую у него всегда на-готовѣ, чтобъ скрыть свои чувства, и прибавилъ: Помнишь ли ты сказку о Синей-Бородѣ, и этотъ ключь, съ котораго никакимъ образомъ невозможно было смыть кроваваго пятна? Человѣку не обойдти своей судьбы!

«Чтò хотите вы этимъ сказать, батюшка?»

—Хочу сказать то, прервалъ маркизъ: что Тибурсій огорчаетъ меня своимъ отсутствіемъ.

«Позвольте, батюшка» сказала Элліони: «я слышу шумъ; можетъ-быть, онъ возвратился.»

—Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ маркизъ: это кто-нибудь изъ слугъ прошелъ по сѣнямъ. Но, продолжалъ онъ: какъ бы то ни было, Ростэнъ любитъ тебя.

Элліони наклонила голову въ знакъ одобренія.

—Когда я умру, Элліони, онъ будетъ твоею подпорою.

«О, не говорите объ этомъ, батюшка!» сказала Элліони.

— Что жь дѣлать! отвѣчалъ маркизъ, съ обыкновенною своею веселостію: подагра не даетъ патента на безсмертіе.

«Позвольте, позвольте, батюшка!» съ живостью сказала Элліони: «я слышу шаги — я не ошибаюсь: стучатъ въ двери—кто-то идетъ по лѣстницѣ.»

Элліони была права—послышались шаги. Она бросила свою работу, и самъ маркизъ привсталъ, опираясь руками на ручки креселъ, чтобъ удобнѣе прислушаться.

Слуга отворилъ дверь.

— Онъ ли это? сказалъ маркизъ.

Передъ нимъ стоялъ Ростэнъ.

— Нѣтъ, сказалъ маркизъ: нѣтъ,—и потомъ, опомнившись, прибавилъ: да, да, это онъ!

Противъ обыкновенія, Ростэнъ вошелъ въ хорошемъ расположеніи духа, съ видомъ веселымъ и торжествующимъ. Отецъ смотрѣлъ на него съ душевнымъ удовольствіемъ, какъ вдругъ, увидя на лицѣ его двѣ свѣжія раны, сказалъ: Что это, Ростэнъ? неуже ли опять новая ссора? Рубецъ поперегъ лица,

какъ у отца твоего.—При этомъ старый маркизъ засмѣялся....

«О, нѣтъ, нѣтъ» сказалъ Ростэнъ: «не сравнивайте царапину ногтемъ съ ударомъ саблею. Ну, а ты какова, сестра?» прибавилъ онъ, протянувъ къ ней обѣ руки, въ которыя она положила свои, дрожа отъ страха при одномъ воспоминанiи о ихъ послѣднемъ разговорѣ; но она не смѣла даже намекнуть о томъ, чтò такъ сильно занимало весь ея умъ: она смотрѣла на него пристально, съ нетерпѣнiемъ ожидая, чтобъ онъ заговорилъ; каждая минута казалась ей вѣкомъ.

—Видѣлъ ли ты нашего Тибурсiя? спросилъ маркизъ.

«*Вашего* Тибурсiя!» отвѣчалъ Ростэнъ презрительно: «нѣтъ! сегодня — нѣтъ.»

«—Кровь на лицѣ его!» подумала Эллiони. «Рана твоя глубока» сказала она дрожащимъ голосомъ.

«Не безпокойся, милая сестра» отвѣчалъ Ростэнъ: «мнѣ никогда въ жизни не было такъ хорошо, какъ теперь.»

—Я въ восхищенiи, видя въ тебѣ такую перемѣну—сказалъ маркизъ.

«Я усталъ» сказалъ сынъ: «я проголодался.»

—Тѣмъ лучше! воскликнулъ заботливый отецъ, обрадованный тѣмъ, что сынъ его, противъ обыкновенiя, чувствовалъ въ себѣ аппетитъ: это случалось съ нимъ очень-рѣдко.

«—Чтò свершилось?» шептала сама себѣ Эллiони.

Маркизъ собралъ всѣ свои силы, чтобъ позвонить въ колокольчикъ, стоявшiй подлѣ него на столѣ: онъ хотѣлъ наскоро приказать изготовить чтò-нибудь для ужина сыну.

— Чего ты хочешь, Ростэнъ? сказалъ маркизъ, когда слуга явился на зовъ.

«Чтò угодно; все, что подадутъ, будетъ хорошо» сказалъ молодой человѣкъ, прогуливаясь въ то же время по комнатѣ съ видомъ величайшаго самодовольствія.

— Ахъ! сказалъ маркизъ: еслибъ только я могъ уговорить тебя вести порядочную жизнь, тогда....

Тутъ отеческое наставленіе стараго маркиза было прервано громкимъ смѣхомъ дерзкаго сына; а Эллiони, слѣдившая за всѣми его движеніями, прошептала, пораженная глубочайшею горестію: «Все погибло!»

Ростэнъ — слышалъ онъ или нѣтъ это восклицаніе — бросилъ на злополучную сестру взоръ, исполненный адской ироніи, и, видя ее блѣдную и испуганную, самымъ нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

«Чтò это значитъ, милая, добрая Элліони, сестра, любящая меня нераздѣльно? чтò ты смотришь на меня какъ сонная?»

Она вздрогнула. Голосъ, раздававшійся только въ ея сердцѣ, нашептывалъ ей: «Тибурсій умеръ!» Не-въ-силахъ будучи долѣе выдерживать эту мучительную пытку, она вперила проницательный взоръ на своего брата, и, мѣряя его съ ногъ до головы, указала пальцемъ кровавое пятно на его кафтанѣ. Губы ея судорожно сжимались, какъ-будто хотѣли чтò-то произнесть; глаза неподвижно смотрѣли на брата, будто ожидая отъ него объясненія на то, чтò она видѣла.

«А, а!» сказалъ Ростэнъ: «ты видишь на мнѣ кровь, милая Элліони? Я ходилъ стрѣлять—это кровь ласточки.»

— Убилъ ли ты чтò-нибудь? спросилъ маркизъ

съ улыбкой, въ которой отражались и сомнѣніе, и добродушіе.

«Да, батюшка» сказалъ Ростэнъ: «прекрасную домашнюю ласточку. Ты не вѣришь мнѣ, Эллiони?» прибавилъ онъ, обращаясь къ ней съ нахмуренными бровями, а между-тѣмъ губы его сжимались злобною улыбкой. «Неужели ты не вѣришь мнѣ?»

Не ожидая отвѣта бѣдной дѣвушки, онъ бросилъ на полъ шляпу, которую въ поспѣшномъ своемъ бѣгствѣ изъ Камарга унесъ, вмѣсто своей, съ поля битвы; въ нее было воткнуто черное перо, которое всегда носилъ Тибурсiй.

«Смотри сюда, Эллiони, смотри» сказалъ онъ, указывая на шляпу: «можетъ-быть, ты узнаешь птицу по ея перьямъ.».

Бѣдная Эллiони, хотя заранѣе уже измученная предчувствiемъ, растерзанная ожиданiемъ, не могла, однакожъ, вдругъ понять мысль своего безумнаго брата; но минута размышленiя открыла ей ужасную истину. Она задрожала, какъ плющь, сорванный вѣтромъ съ родимаго корня; уста ея открылись, чтобъ испустить крикъ,—но тщетно: у нея не достало на это силъ; она ступила нѣсколько шаговъ впередъ съ распростертыми руками, зашаталась, и какъ-бы силилась ухватиться за чтò-нибудь, можетъ-быть, удержать отлетающую жизнь… Глаза ея остановились неподвижно; губы судорожно сжались; голова опустилась и съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ она покатилась на полъ.

Въ эту минуту Ростэну подали ужинать.

«Тѣмъ лучше» сказалъ онъ, весело потирая себѣ руки: «сегодня я могъ бы ѣсть даже камни!» и, обращаясь къ слугѣ, который подошелъ къ упавшей Эллiони, отозвалъ его прочь: «Иди сюда, иди же! Это

ничего; я знаю ее: все это комедія — все комедія!» И онъ снова принялся за свой ужинъ.

Все это случилось въ такое короткое время, что прежде, чѣмъ слуга успѣлъ выйдти и запереть за собою дверь, прежде даже, чѣмъ маркизъ замѣтилъ, что дочь его упала—она уже умерла.

—

Послѣ этого происшествія характеръ злополучнаго Ростэна совершенно измѣнился. Мѣсто продолжительнаго, отчаяннаго безчувствія заступили припадки бѣшенства; и убѣжденіе, что сестра унизила себя любовью къ безжизненному пріемышу, котораго Христа-ради держали въ домѣ, вытѣснила изъ сердца его чувство горести, которымъ дотолѣ оно наполнялось при мысли о ея смерти. Часъ раскаянія еще не пробилъ.

Рѣшившись выжить ее изъ своего воспоминанія, онъ сталъ вдаваться во всѣ крайности; никакое нѣжное, братское чувство не находило себѣ мѣста въ его ожесточенномъ сердцѣ. Онъ не давалъ себѣ времени ни думать, ни спать; но, совершенно предавшись обществу людей самыхъ недостойныхъ, онъ шелъ отъ преступленія къ преступленію, впадалъ въ неоплатные долги, и избавлялся отъ дѣйствія законовъ и правосудія одною только святостію стѣнъ Авиньйона.

Болѣе всего Ростэнъ страшился сна. Чтобъ избавиться отъ этой необходимости, онъ былъ въ безпрерывной дѣятельности и часто прибѣгалъ къ спиртуознымъ веществамъ. Его блуждающіе глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ и придавали ему какую-то сверхъестественную наружность. Погубивъ въ се-

бѣ совершенно всякое чувство чести и благородства правилъ, онъ наслаждался, устроивая погибель другихъ и вовлекая своихъ такъ-называемыхъ друзей во всѣ глупости, въ какія только могъ ихъ вовлечь. Рѣдко посѣщалъ онъ домъ своего отца—это позорище страшной трагедіи, которой самъ онъ былъ авторомъ.

Напротивъ, отецъ его оставался постоянно одинъ, запершись въ своей комнатѣ: онъ не хотѣлъ видѣть никого изъ людей, оплакивалъ безпрестанно Тибурсія и мучился почти-непостижимымъ страхомъ фатализма. Онъ вполнѣ вѣрилъ дѣйствительности проклятія, которое много лѣтъ тому назадъ пало на его предковъ, и сравнивалъ, съ горестію въ сердцѣ, исторію Эдипа съ собственною.

Подобно преступнику, очищенному раскаяніемъ, онъ ожидалъ совершенія судьбы своей какъ уплаты долга; смотря безъ трепета на приближеніе страшнаго возмездія, на которое было обречено все его семейство, онъ съ покорностію преклонялъ свою голову, даже не заботясь и о томъ, чья рука должна исполнить завѣтъ мести. Съ самой юности, маркизъ былъ игралищемъ судьбы, и воспоминаніе о его праотцахъ глубоко запечатлѣлось въ умѣ его отъ частыхъ разсказовъ о ихъ страшной смерти. Внезапная смерть его дочери пробудила всѣ его опасенія, и онъ смотрѣлъ на ударъ, похитившій ее, какъ на ударъ грома, который сразилъ Аякса, или на огонь, пожравшій Абирама.

Смерть Элліони случилась такъ мгновенно, что ни отецъ ея, весьма-мало знавшій ея сердце и чувства, ни слуги не могли дать себѣ о ней никакого отчета. По-этому неудивительно, что маркизъ, при своемъ образѣ мыслей, приписывалъ волѣ рока то, что превышало всякое человѣческое понятіе. Покинутый сво-

имъ сыномъ со дня роковаго происшествія, онъ не говорилъ ни о чемъ, кромѣ отсутствія своего Тибурсія.

Однажды маркизъ не переставалъ говорить о немъ въ-присутствіи Ростэна; въ голосѣ его замѣтна была нѣжность, смѣшанная съ горестію, которая пробудила въ груди Ростэна сожалѣніе, зависть, или чувство справедливости— трудно было угадать; довольно того, что на жалобы отца своего, на упреки его Тибурсію въ неблагодарности и безчувственности—а иначе что̀ бы значило его отсутствіе?—съумасшедшій сынъ воскликнулъ: «Тибурсій *не* покинулъ васъ; онъ *не* неблагодаренъ: онъ *не можетъ* возвратиться, онъ *никогда* не возратится, онъ умеръ, умеръ, какъ умеръ графъ д'Онисъ, какъ умерли многіе, потому-что онъ осмѣлился любить мою сестру.»

При этихъ словахъ легкая дрожь пробѣжала по тѣлу маркиза, но онъ мужественно преодолѣлъ свои чувства; онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами, и когда потомъ открылъ ихъ, казался совершенно-спокойнымъ.

— И онъ также, сказалъ старецъ: и онъ скончался, въ такой ранней юности. Онъ не принадлежалъ къ нашему семейству?... О, нѣтъ, нѣтъ, онъ былъ братомъ моей дочери!

«А я?» воскликнулъ Ростэнъ, «кто же я?»

— Ты,—сказалъ маркизъ: ты, избранный небомъ, предназначенный быть палачемъ своего семейства и себя самого, —мечемъ и жертвой въ то же время! Такова воля судьбы. Ростэнъ, страшно будетъ тому, кто уйдетъ послѣдній: на днѣ чаши горечь, разрушеніе, вѣчное разрушеніе ожидаетъ того, кто осушитъ ее до конца. А я,—я спокоенъ: я умеръ равно для надежды и для страха.

«О!» возразилъ юноша: «глубока и широка эта чаша. Я пробовалъ пить изъ нея, но не нашелъ въ ней дна.»

Чѣмъ болѣе старый маркизъ удалялся отъ общества, тѣмъ лучше онъ себя чувствовалъ. Не смотря на снѣдающую его горесть, онъ ставилъ себя выше несчастій, его окружавшихъ, и переносилъ ихъ съ видомъ наружнаго равнодушія, почти-непостижимаго.

Не таково было положеніе и состояніе его сына. Мы уже видѣли, какимъ-образомъ онъ проводилъ свою бѣдственную жизнь; излишества сдѣлались необходимою потребностію его существованія. Онъ ничего не ѣлъ; горячіе напитки воспламеняли кровь въ его жилахъ; онъ никогда не спалъ — безпокойство и усталость мучили его безпрерывно, — но онъ не умиралъ.

Онъ охладѣлъ ко всему, смотрѣлъ на все равнодушно, расширилъ кругъ своего разсѣянія и искалъ новыхъ средствъ для возбужденія своей дѣятельности. Такъ прошли двѣ недѣли прежде, чѣмъ ему вздумалось снова навѣстить своего отца. Больной, разслабленный всякаго рода излишествами, наконецъ онъ обратился мыслями къ нѣкогда-любимому, а теперь ненавистному для него дому, и отправился по дорогѣ въ Авиньйонъ, куда пришелъ въ то самое время, какъ только раздался унылый звонъ колоколовъ. Вступивъ въ улицу, въ которой находился домъ его отца, онъ увидѣлъ конецъ процессіи, завернувшей за уголъ ближайшаго дома и возвращавшейся съ погребенія. Онъ подошелъ къ дверямъ и нашелъ ихъ отпертыми; входитъ, — первый предметъ, поразившій его взоры былъ пышный катафалкъ, съ котораго за нѣсколько только минутъ снятъ былъ гробъ; тутъ же обойщики снимали со стѣнъ черную драпировку, которою украшена была зала. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ вокругъ се-

бя, пошелъ далѣе — все было тихо. Онъ встрѣтилъ старую ключницу, вѣрную служанку его покойной сестры; она сходила съ лѣстницы, неся въ рукахъ какой-то узелъ; онъ хотѣлъ обратиться къ ней съ тысячью вопросовъ о томъ, что̀ онъ видѣлъ вокругъ себя, но она, низко поклонившись ему, и положивъ ему въ руку огромную связку ключей, сказала, заливаясь слезами:

«Маркизъ, я служила вашей сестрицѣ и вашему батюшкѣ; они умерли—мое дѣло кончено. Теперь вы одни остаетесь въ этомъ домѣ, гдѣ я видѣла васъ еще въ пеленкахъ, и гдѣ я оставалась еще до вашего прибытія, чтобъ возвратить вамъ ключи. Господа мои скончались — ихъ нѣтъ болѣе на этомъ свѣтѣ: я также ухожу, и никогда болѣе не переступлю черезъ порогъ этой двери.»

Въ словахъ этой почтенной и достойной женщины было что̀-то особенное, что̀ тронуло сердце отверженнаго безумца Ростэна. Поспѣшно спрятавъ ключи въ карманъ, онъ поставилъ ногу на первую ступеньку лѣстницы; гулъ повторился стѣнами; ему чудилось, что онъ слышитъ голоса прежнихъ обитателей этого дома; воображеніе его снова оживляло передъ нимъ тѣхъ, кого онъ погубилъ—твердость измѣнила ему, онъ не могъ идти далѣе.

«До завтра!» вскричалъ онъ: «завтра я вступлю во владѣніе.» Сказавъ это, онъ бросился вонъ изъ дома, даже не захлопнувъ за собою двери, и побѣжалъ къ своимъ товарищамъ — утопить съ ними въ винѣ всѣ муки, его терзавшія.

«Отецъ мой умеръ!» сказалъ онъ, входя въ комнату, гдѣ они были собраны. На это корыстолюбивые повѣсы отвѣчали громкимъ, радостнымъ крикомъ, поздравляя его съ тѣмъ, что онъ наконецъ сдѣлался

полнымъ распорядителемъ своего имѣнія. Но онъ ихъ не слышалъ: мысли его были заняты сестрою, внезапною смертію той, чьею любовью онъ такъ дорожилъ, чью честь онъ такъ берегъ и лелѣялъ, чьей смерти онъ самъ былъ причиною.

«Къ-чему послужила молодость, доброта?» проговорилъ Ростэнъ.

Новый смѣхъ слѣдовалъ за этимъ невольнымъ восклицаніемъ.

«И эта ангельская красота?»

— Не съ ума ли ты сошелъ? сказалъ одинъ изъ его пріятелей. Вотъ странное надгробное слово надъ тѣломъ отца—почтеннаго маркиза.

Въ ту же минуту, пробудившись отъ своихъ мечтаній, Ростэнъ бросилъ разъяренный взоръ на дерзкаго весельчака, осмѣлившагося издѣваться надъ памятью его отца, и, не удостоивая ихъ никакого объясненія на-счетъ вырвавшихся у него восклицаній, поспѣшно вышелъ отъ нихъ.

Пытаться описать состояніе, до котораго доведенъ былъ полоумный юноша, было бы напрасно. Самыя ѣдкія угрызенія совѣсти терзали его сердце. Онъ видѣлъ очень ясно, что его собственная жестокость и грубость была причиною смерти столь страстно любимой имъ сестры; и что этому происшествію, котораго маркизъ не могъ объяснить себѣ никакими естественными причинами, должно приписать смерть его отца. Куда было ему бѣжать, чтобъ скрыться отъ своихъ мученій? куда обратиться, гдѣ искать утѣшенія?... Скорыми шагами бродилъ онъ по улицамъ, потомъ вышелъ за городъ; тишина и безмолвіе мѣста заставили его содрогнуться; онъ переправился черезъ рѣку и, предавшись своей горести, бросился на землю, звалъ

по имени убитую имъ Элліони, и билъ и рылъ землю, ее поглотившую....

Попеременно находили на него то припадки сумасшествія, то опять светлыя минуты спокойствія, въ продолженіе котораго слезы облегчали его грудь; наконецъ онъ снова вскочилъ на ноги, и неутолимая жажда деятельности овладела имъ; онъ чувствовалъ, что можетъ усыпить свое горе только сильнымъ движеніемъ, и скорыми шагами пошелъ къ холмамъ, на которыхъ расположенъ живописный Вилльнёвъ и монастырь св. Андрея, избирая самыя непроходимыя места. То судорожнымъ хохотомъ, то дикимъ крикомъ оглашалъ онъ окрестность. Страшно бушевали чувства въ груди его, мысли клубились и сталкивались въ голове—онъ думалъ о Элліони, но, увы, не съ расканьемъ въ своихъ безчисленныхъ преступленіяхъ!

Когда смерклось, онъ увиделъ передъ собой открытую дверь; почти безъ всякаго сознанія, онъ вошелъ въ нее и очутился въ церкви картезіанской обители въ Вилльнёве; корридоромъ прошелъ онъ на дворъ, и оттуда пробрался на кладбище. Тамъ бродилъ онъ между могилами, не подозревая, чтобъ это были могилы; онъ заблудился въ монастыре, и, какъ ни мало заботился о себе, попытался однако возвратиться. Усилія его были тщетны, потому-что двери за нимъ были заперты. Подъ какимъ постороннимъ вліяніемъ, кроме умственнаго раздраженія и телесной усталости, действовалъ онъ съ-техъ-поръ, какъ разстался съ своими недостойными пріятелями, разгадать невозможно; но сочетанія этихъ двухъ естественныхъ причинъ было достаточно, чтобъ повергнуть его на землю въ изнеможеніи и усыпить въ этомъ убежище, которое, хотя и было неприлично его положенію и въ его обстоятельствахъ, но по-крайней-ме-

рѣ укрыло его больную голову и обѣщало ему успокоеніе на ночь.

Вечеромъ того же самаго дня, пріѣхалъ въ Авиньйонъ рѣкою, изъ Камарга, человѣкъ, который, едва ступивъ на берегъ, направилъ шаги къ дому маркиза де-Круэнтасъ. То былъ юноша, блѣдный и худой; судя по болѣзненному виду его, можно бы было принять его за призракъ; на немъ замѣтны были слѣды ранъ, вѣроятно нанесенныхъ ему очень-недавно.

Онъ приблизился къ дому, взглянулъ на окна съ радостнымъ видомъ, въ которомъ просвѣчивала какая-то грусть и улыбнулся, не смотря на явныя страданія, какъ человѣкъ, пробужденный отъ страшнаго сновидѣнія и привѣтствующій приближеніе давно-ожидаемаго блаженства. Наружность его, казалось, выражала сладостныя ожиданія блуднаго сына, возвращающагося къ отцу, или любовника наканунѣ вѣчнаго соединенія его съ невѣстою. Онъ перешелъ чрезъ улицу. По всему было видно, что онъ не зналъ о происшествіяхъ, случившихся безъ него въ домѣ, къ которому приближался. Когда онъ подошелъ къ двери, нетерпѣнье придало ему новую жизнь и новыя силы, и, не думая ни о распросахъ, ни о нечаянности своего прихода, онъ вошелъ въ домъ, откуда никогда уже болѣе не выходилъ.

—

Теперь небезполезно будетъ сказать нѣсколько словъ о «дѣлахъ давно-минувшихъ дней», которыхъ слѣдствіемъ были, по мнѣнію покойнаго маркиза де-Круэнтасъ, всѣ несчастія, описанныя выше.

За полтораста лѣтъ до происшествій, о которыхъ мы говорили, то-есть, въ 1658-мъ году, шесть особъ разнаго пола собрались въ аллеѣ на дворѣ не-

большаго монастыря кармелитскаго ордена въ Вилльнёвѣ. Двое изъ нихъ охраняли двери, а настоятельница обители, бывшей въ то время подъ вѣдѣніемъ кармелитскаго монастыря въ Авиньйонѣ, отпускала съ ними молодую и прелестную дѣвушку, съ которою, по-видимому, разставалась она съ глубокимъ сожалѣніемъ; привязанность ихъ казалась взаимною, и только присутствіе одного молодаго человѣка необыкновенной красоты, безъ-сомнѣнія ея жениха, вызывало улыбку на ея розовыя уста и удерживало слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ ея, блестѣвшихъ подъ прекрасными, длинными рѣсницами.

Юная чета была до такой степени прекрасна, что даже три спутника не могли наглядѣться на нее, радуясь тому, что судьба наконецъ соединяла этихъ молодыхъ людей другъ съ другомъ. Ничто не могло быть трогательнѣе той минуты, когда невѣста, склонившись предъ настоятельницею, подала ей, въ залогъ своей привязанности, свой портретъ, писанный Миньяромъ: она была изображена въ одеждѣ бѣлицы; разставаясь съ свѣтомъ, она, казалось, еще улыбалась ему, и на платьѣ своемъ изъ грубой шерстяной ткани носила розы, отъ которыхъ училась отвыкать.

Чрезъ девять лѣтъ послѣ брака этихъ молодыхъ людей является цѣлый рядъ ужасовъ, въ которыхъ замѣшаны были мужъ и его братъ, и которые довершились убійствомъ этой очаровательной женщины; тѣло ея, изъязвленное тринадцатью ударами кинжаловъ, было выброшено, безжизненное, въ одно изъ оконъ дома ея мужа.

Не подозрѣвая и не предвидя подобнаго окончанія судьбы своей, милая дѣвушка дѣтски радовалась, мѣняя вѣрную дружбу кармелитскихъ сестеръ на лю-

бовь этого ловкаго и красиваго кавалера, который былъ не кто иной, какъ маркизъ де-Ганжъ.

Отъ этого чудовища, котораго имя никогда не произносится безъ омерзѣнія, котораго память сдѣлалась ненавистною въ народѣ, и на котораго, вмѣстѣ съ его потомствомъ, пало проклятіе, маркизъ де-Круэнтасъ происходилъ по прямой линіи; и хотя, въ-силу одной статьи завѣщанія, по которому его отецъ наслѣдовалъ огромныя помѣстья, фамильное имя было перемѣнено, и близкое родство маркиза съ фамиліею де-Ганжъ было вообще неизвѣстно, однако самъ онъ никогда не могъ освободиться отъ убѣжденія, что по этому родству ему суждено отвѣчать за грѣхи его предковъ.

Маркизъ, происходившій отъ старшей линіи, выросъ въ Монпелльѐ, и никто не помнилъ того времени, когда, подъ своимъ настоящимъ фамильнымъ именемъ кавалера де-Ганжъ, онъ учавствовалъ въ первыхъ войнахъ царствованія Лудовика XV. Если бъ какой-нибудь старый воинъ, доживішій до послѣднихъ дней маркиза, помнилъ еще кавалера, славнаго подъ прозваніемъ Ganges-le-Balafré, онъ никогда не могъ бывообразить, что-недавно усопшій, смирный старикъ былъ тотъ же самый драгунскій корнетъ минувшихъ дней, столь-хорошо извѣстный имперцамъ; по-этому, какъ мы уже видѣли, онъ не боялся показывать свое лицо, на которомъ видна была страшная рана, описанная выше.

Портретъ прекрасной женщины, павшей жертвою жестокости мужа, подаренный сю настоятельницѣ, въ минуту ихъ разставанья, все такъ же улыбающійся, какъ улыбался его милый оригиналъ при совершеніи злополучнаго брака, оставался нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ портретами многихъ другихъ благотвори-

телей монастыря; но когда кармелитскія сестры продали свой домъ въ Вилльнёвѣ картезіанскому ордену, изображеніе прекрасной монахини, которой имени не знали новые владѣльцы монастыря, было повѣшено въ корридорѣ, вмѣсто лика св. Розы, и сдѣлалось предметомъ поклоненія для необразованныхъ прихожанъ и предметомъ удивленія не одного монаха.

—

У подножія этой самой картины, Ростэнъ, утомленный усталостью и напряженіемъ силъ — послѣдняя живая отрасль того самого поколѣнія, котораго эта прекрасная св. Роза была прародительницею — впалъ въ лихорадочное усыпленіе и уснулъ. Невозможно описать всѣ грёзы, какія его тревожили, видѣнія, которыя его мучили въ-продолженіе его болѣзненнаго сна. Наконецъ, еще болѣе усталый, чѣмъ прежде, еще болѣе утомленный призраками своего разстроеннаго воображенія, онъ вскочилъ съ своего холоднаго ложа, и, схватившись обѣими руками за голову, пылавшую какъ раскаленное желѣзо, озиралъ мутными взорами стѣны корридора, и увидѣлъ прямо надъ собой портретъ маркизы де-Ганжъ.

Ни одинъ изъ всѣхъ страшныхъ призраковъ, ни одно изъ всѣхъ мучительныхъ видѣній, тревожившихъ его во время сна, ни одна изъ мыслей, ни одно изъ кровавыхъ воспоминаній, наполнявшихъ его умъ и память, не могли произвести надъ нимъ дѣйствія, подобнаго тому, какое произвелъ видъ этой картины. Въ ней было такое живое, такое разительное сходство съ погибшей Эллiони, — мысль, что это только картина, никакъ не могла представиться уму его, въ высшей степени раздраженному и разстроенному; онъ

думалъ, что это она, она-сама — его сестра, которую онъ погубилъ.

Онъ бросился передъ нею на колѣни, плакалъ, умолялъ о пощадѣ, о прощеніи. Взоры его помутились; послѣ нѣкотораго усилія, онъ снова поднялъ глаза къ бездушному полотну. Картина улыбалась. Онъ былъ въ бреду. Страхъ, ужасъ, всѣ горькія муки, какія только налагаетъ провидѣніе за грѣхи и злодѣянія, наполняли его сердце; онъ не могъ долѣе сносить вида этой невинной улыбки, которая, казалось, не сглаживалась временемъ съ устъ прародительницы для того только, чтобъ мучить и терзать послѣдняго изъ ея рода. Онъ отвернулся отъ портрета, не имѣя силъ долѣе смотрѣть на него, и поспѣшно оставилъ корридоръ; но прекрасное видѣніе не оставляло его, оно гналось за нимъ...

Монахи, въ это время проходившіе мимо, были поражены изумленіемъ при видѣ поступковъ Круэнтаса; не зная въ точности, какимъ случаемъ онъ попалъ въ ихъ обитель, и полагая, что онъ помѣшанъ, они дали ему понять, что ему предоставлена полная свобода идти, куда ему вздумается; для лучшаго вразумленія, они за словомъ приступили къ дѣлу и отворили ему дверь. Круэнтасъ, не обращая на нихъ вниманія, вышелъ изъ монастыря и продолжалъ блуждать по полямъ; каждый предметъ, на которомъ останавливались его глаза, представлялъ его разстроенному зрѣнію образъ убитой имъ сестры.

Утомленный, обезсилѣвшій, измученный, онъ снова перешелъ чрезъ рѣку, безъ цѣли, самъ не зная куда идетъ, снова вошелъ въ Авиньйонъ, и, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ въ-слѣдствіе принятаго намѣренія, очутился противъ дома, теперь ему принадлежавшаго. Въ ту минуту, какъ чувство самосознанія возврати-

лось къ нему, онъ узналъ домъ и бросился въ него, какъ-бы желая спрятаться отъ взоровъ человѣческихъ.

При видѣ этого дома, его желѣзное сердце смягчилось, и горесть овладѣла имъ съ прежнею силою. Онъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ длинный рядъ комнатъ, бродя по нимъ, повидимому, безъ всякаго вниманія къ окружавшимъ его предметамъ и погруженный въ размышленія. Вѣтръ свистѣлъ въ пустыхъ комнатахъ, двери которыхъ были отперты со дня погребальной церемоніи и съ-тѣхъ-поръ не запирались; многія рамы были выбиты изъ оконъ въ ночь пожара. Онъ увидѣлъ множество обгорѣлой мёбели, треснувшіе потолки; штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась со стѣнъ и обои почернѣли. Онъ смотрѣлъ на слѣды разрушенія, но, казалось, не могъ припомнить причины такого опустошенія, какъ-будто эта часть его жизни была имъ совершенно-забыта.

Видъ одной только комнаты, казалось, напомнилъ ему о его существованіи: это была комната, гдѣ жила его сестра до страшной ночи. Оконничныя рамы были выбиты, и сѣверо-восточный вѣтръ игралъ осенними листьями, которые вились и крутились по полу. Надъ позолоченнымъ дубовымъ шкапомъ висѣлъ кусокъ карниза отъ стѣны и качался отъ вѣтра. Взглянувъ на потолокъ, Ростэнъ увидѣлъ темную и глубокую трещину, затянутую паутиной: тутъ царствовали тишина, опустошеніе — слѣды разрушенія, о которыхъ трудно дать понятіе.

Наслѣдникъ покинутаго жилища осмотрѣлся во всѣ стороны и увидѣлъ кровать, а надъ нею до-половины уцѣлѣвшій балдахинъ, изорванныя занавѣски, еще висѣвшія надъ остатками ложа, засыпаннаго пепломъ, полу-истлѣвшій тюфякъ, покрытый подушками.

и одѣяломъ; на стѣнѣ—нарисованный бѣлый крестъ, —надъ крестомъ гвоздь, на которомъ Элліони обыкновенно прикрѣпляла распятіе.

Движимый чувствомъ, которое могло бы овладѣть человѣкомъ болѣе разсудительнымъ, растроганный братъ приподнялъ одну изъ перегорѣвшихъ занавѣсокъ. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ вдругъ отпрянулъ назадъ, пораженный ужасомъ и изумленіемъ, потомъ опять воротился къ постели, закрылъ глаза рукою, прислушивался, снова отдернулъ занавѣску, подержалъ ее съ минуту, и, не будучи въ силахъ превозмочь свой ужасъ, снова отскочилъ назадъ, съ трудомъ удерживая вопль отчаянія, готовый вырваться изъ его груди.

За занавѣсами опустѣлаго ложа его умершей сестры, Ростэнъ увидѣлъ трупъ!

Безстрашный какъ левъ въ своей ярости, когда его дразнятъ, Ростэнъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: ему казалось, что это призракъ. Его нелегко было испугать; онъ рѣшился увѣриться въ истинѣ, — наклонился надъ постелью, опираясь на нее одною рукою; отъ тяжести его тѣла, одна ножка кровати обрушилась, и трупъ, скатившись по данному направленію, упалъ къ ногамъ его. Чтобъ избѣжать прикосновенія, Круэнтасъ хотѣлъ отскочить въ сторону, но нога его поскользнулась, и онъ упалъ лицомъ на лицо мертвеца, бывшаго хозяиномъ ложа его сестры.

Наконецъ Ростэнъ высвободился изъ страшныхъ объятій трупа и бросился къ одному изъ разбитыхъ оконъ, подышать свѣжимъ воздухомъ; но разсудокъ его помрачился совершенно. Возвратившись къ страшному зрѣлищу, онъ увидѣлъ, что это былъ трупъ Тибурсія. Въ помѣшательствѣ своемъ, увѣренный, что убилъ его на Камаргѣ, онъ подумалъ,

что это призракъ, призракъ столь ужасный, что онъ вскричалъ въ припадкѣ страха: «какъ? неужели я увижу ихъ всѣхъ? Тибурсія, Вартоса, графа д'Онисъ, всѣхъ, кого убилъ я—убилъ—да, да, кого я убилъ!» Въ этомъ припадкѣ безумія, наслѣдственнаго въ его семействѣ, Ростэнъ не имѣлъ силъ оставить роковую комнату: онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ свое бѣдственное положеніе, онъ не могъ найдти двери, не могъ кричать о помощи; мозгъ его пылалъ, глаза закрылись, — онъ упалъ безъ чувствъ.

Но въ этомъ состояніи безчувствія ко всему окружающему, ему живо представилось видѣніе св. Розы, злодѣйскимъ образомъ убитой маркизы де-Ганжъ, улыбающееся все тою же улыбкою, которая преслѣдовала его на картинѣ. Это видѣніе привело его въ себя; съ воплемъ ужаса онъ вскричалъ:

«Прочь! прочь отъ меня съ этой улыбкой! Сестра моя, бѣдная, убитая мною сестра, ты убьешь меня!»

Страхъ и ужасъ довели его почти до изступленія. Онъ сталъ бредить, упалъ на колѣни, простерся ницъ предъ образомъ, созданнымъ его воображеніемъ, и повергъ голову свою во прахъ. Этотъ гордый, этотъ неукротимый юноша, этотъ убійца безъ вѣрованій сердечныхъ, безъ религіи, этотъ человѣкъ, небоявшійся ни Бога, ни людей, незнакомый ни съ жалостію, ни съ состраданіемъ, наконецъ былъ униженъ и смиренъ; часъ возмездія приближался: онъ молился...

Легко можно повѣрить, что смерть стараго маркиза не произвела никакого сильнаго впечатлѣнія на жителей Авиньйона, гдѣ онъ и его семейство вели столь уединенную жизнь; но поведеніе сына его, конечно,

обращало на себя общее вниманіе, по его внезапному бѣгству тотчасъ послѣ погребенія отца; съ-тѣхъ-поръ никто не видалъ его и ничего не было слышно о немъ; правда, еще однажды, именно въ тотъ самый день, о которомъ мы сейчасъ говорили, нѣкоторые сосѣди видѣли его, пробѣжавшаго по улицѣ въ самомъ странномъ видѣ, но потомъ — онъ пропалъ безъ вѣсти.

—

Прошло шесть мѣсяцевъ. Братъ кавалера д'Онисъ, убитаго, какъ намъ извѣстно, Ростэномъ на дуэли, занимавшій значительное мѣсто въ духовномъ званіи, былъ призванъ въ Родесъ по дѣлу.

Какъ чужестранецъ, неимѣвшій знакомыхъ въ городѣ, онъ былъ однажды чрезвычайно удивленъ встрѣчею съ какою-то старою женщиной, которая, слѣдовавъ за нимъ довольно долго по улицѣ, подошла къ нему и сунула ему въ руку записку, прося его прочесть немедленно.

Онъ распечаталъ записку и прочелъ:

«Особа»—это начало оставляло его въ сомнѣніи, не объясняя, кто ему пишетъ, мужчина или женщина— «особа, видѣвшая васъ, когда вы проходили мимо ея оконъ, осмѣливается просить васъ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ къ себѣ въ домъ, по адресу, приложенному къ запискѣ; вы узнаете тогда и кто вамъ пишетъ, и чего отъ васъ желаютъ.»

Приглашеніе было такого рода, что добрый священникъ не могъ, по совѣсти, отказаться. Согласно этому, едва только смерклось, онъ отправился къ соборной церкви и, повернувъ на-лѣво, очутился въ улицѣ des Hebdomadaires, въ-послѣдствіи прославленной злодѣйствомъ Фюальдэса, и, хотя нѣсколько-разоча-

рованный наружностью окрестныхъ домовъ, направилъ стопы къ дому, указанному въ письмѣ. Видъ дома показался ему не-очень привлекательнымъ; но, подкрѣпляемый чистотою своихъ намѣренiй, онъ рѣшился постучаться въ двери.

Та же самая старушка отворила дверь; не зная кого и чтò онъ увидитъ, онъ сталъ подыматься по лѣстницѣ; старушка свѣтила ему. Дошедъ до двери перваго этажа, она отворила ее, и онъ очутился на-единѣ съ человѣкомъ, вовсе ему незнакомымъ.

Темные, всклоченные волосы закрывали его лицо; онъ былъ тощъ, сгорбленъ и согбенъ почти вдвое. Одежду его составляло грязное платье, напоминавшее могильщика и пахнувшее кладбищемъ. Отъ слабости онъ не могъ привстать со стула, чтобъ привѣтствовать гостя, и когда, послѣ нѣкотораго усилія, онъ заговорилъ, добрый священникъ озирался во всѣ стороны, желая увѣриться, откуда выходитъ этотъ глухой, могильный голосъ.

«Провидѣніе» сказалъ незнакомецъ: «провидѣніе столь милосердо и снисходительно ко мнѣ, что доставило мнѣ случай вымолить прощеніе у одного изъ тѣхъ людей, которыхъ я такъ глубоко обидѣлъ.»

— Государь мой, сказалъ д'Онисъ: вы ошиблись; вы не могли обидѣть меня: я васъ не знаю.

«Нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ тотъ: «небесное правосудіе до-того измѣнило черты лица убійцы, что вы меня не узнаёте. Посмотрите на меня; посмотрите на меня внимательнѣе.»

Говоря это, онъ приблизилъ лицо свое къ лампѣ. Подъ дряхлою наружностію старца, д'Онисъ узналъ черты молодаго человѣка,—онъ узналъ его и отскочилъ назадъ съ изумленіемъ и негодованіемъ.

«Ахъ!» сказалъ преступникъ, падая предъ нимъ на колѣни: «карайте меня, попирайте ногами, я все снесу, все, все, но не убивайте меня, пощадите меня на нѣсколько дней. Я боюсь смерти!...»

— Не уже ли это тотъ же самый—сказалъ удивленный д'Онисъ—непобѣдимый юноша, гроза и страхъ Авиньйона, котораго мечь готовъ былъ биться противъ цѣлаго міра? Маркизъ, продолжалъ онъ твердымъ голосомъ: я вижу, я умѣю цѣнить страданія, которымъ вы подвержены. Если я могу сколько-нибудь облегчить ихъ, приказывайте мнѣ. Безполезно вспоминать о прошедшемъ; сколько человѣкъ можетъ прощать своего ближняго, я васъ прощаю.

«Богъ да благословитъ васъ!» сказалъ несчастный Ростэнъ, потому-что это былъ онъ. «Увидѣвъ васъ, когда вы проходили мимо окна дома, гдѣ я схоронилъ себя отъ взоровъ людей, которыхъ я оскорбилъ и для которыхъ я сдѣлался ненавистнымъ, я ухватился за отрадную мысль унизить себя передъ вами, благочестивымъ служителемъ неба. Еслибъ жизнь моя могла искупить мое прошедшее, дайте мнѣ время—и вы будете вознаграждены. Я никогда не боялся смерти... я.... Опять гордость, опять тщеславіе!» сказалъ онъ самому-себѣ: «прочь, прочь! Ползай, пресмыкайся, червь! скоро придетъ часъ, и ты навѣкъ обратишься въ прахъ!»

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ и потомъ продолжалъ:

«Но вы великодушны; и если ужь вы прощаете меня и сожалѣете обо мнѣ, позвольте мнѣ передать вамъ мои предположенія на-счетъ имѣнія, которое я наслѣдовалъ, но которымъ рѣшился никогда не пользоваться. Я желалъ бы отдать все въ пользу картезіанскаго монастыря въ Вилльнёвѣ и другихъ обителей:

пусть молятся иноки о успокоеніи души моей, когда это жалкое тѣло перестанетъ существовать.»

—Вы можете на меня положиться, сказалъ Д'Онисъ: впрочемъ, въ ваши лѣта не должно еще отчаяваться въ жизни: вы можете посвятить ее на добрыя дѣла и раскаяніе, не отрекаясь отъ свѣта.

«Мои расчеты съ свѣтомъ кончены» сказалъ Ростэнъ: «судьба нашего семейства должна исполниться,—кровь требуетъ крови, и одна только покорность небесному предназначенію можетъ искупить преступленіе крови, которой послѣднія капли текутъ въ моихъ жилахъ. Жизнь моя уходитъ, никто никогда не зналъ моихъ горестей, никто не понималъ моихъ чувствъ. Меня называли тигромъ; но они меня не знали. Скажите мнѣ: когда всѣ усилія наши побѣдить свои чувства остаются безполезными, когда мы жертвовали всѣмъ наслажденію, страсти, и потомъ смотримъ холодными глазами разсудка на все, что мы сдѣлали и на все, что насъ ожидаетъ, что остается намъ въ этомъ мірѣ?»

— Вѣра, отвѣчалъ д'Онисъ: божественная вѣра, утѣшеніе сильнаго и опора слабаго.

«Увы!» сказалъ Ростэнъ, вздрагивая: «а страхъ *того...*»

— Будьте тверды, маркизъ, сказалъ д'Онисъ: покайтесь искренно, изъ глубины души покайтесь, и не предавайтесь отчаянію; любовь...

«Любовь, любовь!» прервалъ его Ростэнъ, устремивъ взоры въ-верхъ и повторяя какое-то имя, котораго его духовный утѣшитель не могъ разслышать.

За симъ послѣдовала сцена ужаса, которую трудно было бы описывать: глаза Ростэна остановились и взоръ устремился на одинъ предметъ; онъ дрожалъ отъ ужаса, грудь его высоко подымалась, онъ говорилъ безсвязныя рѣчи.

« А!—здѣсь—ты здѣсь—это платье— эти розы

— а! а! — я убилъ его — да — твоего любовника прочь — прочь, оставь меня! Эта ненавистная улыбка — чего ты отъ меня хочешь? — смотри — смотри — она хохочетъ!»

Тутъ безумный самъ захохоталъ.

«Прочь, прочь! оставь меня — я ненавижу тебя — я ненавижу твою улыбку, дай мнѣ уснуть—прочь, или я умру.»

Онъ вдругъ умолкъ, волосы его стояли дыбомъ, и, поднявъ руки надъ головой, онъ закричалъ сверхестественнымъ голосомъ:

«Клянусь небомъ, г. д'Онисъ, я и васъ убью!»

— Чтò это значитъ? сказалъ изумленный священникъ, обращаясь къ старой женщинѣ, хозяйкѣ дома, которая, услышавъ шумъ, поспѣшно вбѣжала въ комнату.

—«Это значитъ» сказала она: «что теперь полночь; по-этому вашей милости лучше уйдти; пріятель вашъ не въ-состояніи будетъ говорить съ вами до утра. Около этого часа обыкновенно начинаются его припадки.»

— Но чтò за причина этихъ припадковъ? сказалъ д'Онисъ.

— «Не знаю» отвѣчала старуха: «я думаю, онъ надѣлалъ много зла въ свою жизнь и теперь его мучитъ раскаяніе; но изъ всего, чтò онъ говоритъ о платьѣ и розахъ какой-то кармелитской сестры, и еще по многому, я заключаю — извините, что говорю это вамъ,—я заключаю, что онъ похитилъ какую-то монахиню. Дядя его. . .»

— Какъ, у него есть дядя? сказалъ священникъ: какимъ же образомъ онъ живетъ у васъ?

—«Дядя его» отвѣчала старуха: «одинъ изъ канониковъ соборной церкви; по его желанью онъ прі-

ѣхалъ сюда. Но его милость не можетъ выходить, а мой жилецъ не хочетъ ни жить съ нимъ, ни оставлять моего дома; онъ ничего не ѣстъ, кромѣ хлѣба, ничего не пьетъ, кромѣ воды. Я увѣрена,—развѣ вы найдете какое-нибудь средство утѣшить его,—онъ не долго будетъ жить, потому-что замѣтно, какъ онъ чахнетъ со дня на день.»

Движимый духомъ христіанскаго самоотверженія и чувствомъ глубокой нѣжности и сострадания къ больному, д'Онисъ, раздѣлявшій мнѣніе старой хозяйки касательно недолговѣчности Ростэна, рѣшился продолжить свое пребываніе въ Родесѣ еще на нѣсколько дней. Каждый день навѣщалъ онъ страдальца, заслужилъ его довѣренность и слышалъ отъ него многія признанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были истинно-ужасны; но чувство долга брало верхъ въ его сердцѣ надъ всѣми другими чувствами, и онъ рѣшился употребить всѣ свои способности на обращеніе страждущаго грѣшника, убійцы его собственнаго брата, и на возвращеніе ему душевнаго спокойствія.

Не должно было терять время. Ростэнъ таялъ постепенно, но быстро,—и этотъ, нѣкогда атлетъ, походилъ теперь на призракъ. Голосъ его ослабѣлъ, тѣло согнулось, и даже въ свѣтлыя его минуты, попытка пробудить въ душѣ его надежду на будущее оставалась безполезною. Тѣмъ неменѣе каждый день и каждую ночь достойный служитель церкви приходилъ къ Ростэну, и неусыпны были его старанія уничтожить въ умѣ бѣднаго грѣшника безнадежность на прощеніе въ иномъ мірѣ. Тщетны были всѣ утѣшенія его, всѣ бесѣды его, даже отпущеніе и разрѣшеніе грѣховъ, произносимыя надъ нимъ: его разстроенный умъ, казалось, даже въ промежуткахъ яснаго самосознанія

и спокойствія, не былъ приготовленъ для истиннаго покаянія; и хотя онъ постоянно занимался чтеніемъ священнаго писанія въ-продолженіе кратковременнаго отсутствія д'Ониса, но библія его чаще лежала раскрытою на страницахъ угрызеній совѣсти Іуды, чѣмъ на раскаяніи святаго Петра.

Чрезъ нѣсколько дней Ростэнъ очевидно сдѣлался спокойнѣе. Въ одну ночь д'Онисъ оставилъ его въ спокойномъ духѣ, и надѣялся найдти его утромъ въ томъ же состояніи. Ночь была холоднѣе обыкновеннаго; густой туманъ закрывалъ облака, и вѣтеръ, безпрерывно усиливаясь, дулъ поперемѣнно съ разныхъ сторонъ. д'Онисъ возвратился, и кающійся узналъ его въ ту же минуту. Онъ разговаривалъ съ нимъ; но глаза его оставались прикованными къ распятію. д'Онисъ наблюдалъ за нимъ, полагая, что на него нашла минута благоговѣйной молитвы, и думая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что конецъ его существованія былъ уже недалекъ.

Черезъ минуту нашелъ на него припадокъ. Снова представилась ему св. Роза. Онъ снова метался, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, произносилъ какія-то невнятныя слова, простиралъ руки къ призраку, въ одно время предмету любви его и ненависти; потомъ, вдругъ, повернувшись и вскочивъ на ноги съ пола, на который упалъ, увидѣлъ своего друга, сидящаго на его постели и слѣдящаго за ходомъ его припадка съ возрастающимъ безпокойствомъ и участіемъ. Этотъ видъ пробудилъ въ умѣ его мысль о трупѣ Тибурсія на ложѣ Элліони. Онъ отскочилъ назадъ съ воплемъ ужаса.

Совершенно не понимая причины этого новаго порыва бѣшенства, д'Онисъ всталъ, въ намѣреніи утѣшить и поддержать его; но тотъ бросился отъ не-

го прочь въ величайшемъ страхѣ. Онъ залился слезами, прося, умоляя тысячи разъ о прощеніи; но въ ту самую минуту, какъ добрый священникъ старался убѣдить его въ его заблужденіи, хотя и не зналъ откуда оно происходитъ, и взялъ его за руку, чтобъ разогнать его страхъ, бѣшенство его вышло изъ границъ, онъ бросился въ изступленіи на стѣну, закричалъ такимъ голосомъ, отъ котораго задрожали окна: «Тибурсій—Элліони—они живы—они любятъ другъ друга!» и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Д'Онисъ бросился къ нему на помощь,—но всякая помощь была ему безполезна. Послѣдняя отрасль знаменитаго дома де-Ганжъ уже не существовала.

(*Изъ New Monthly Magazine,* 1839.)

ГЕРОЙ.

—

«О, дайте саблю мнѣ! я не хочу покоя!
Я не хочу влачить бездѣйствія оковъ!
Я жажду бурь и имени героя!
И жить хочу воинственъ и суровъ!»...
Услышаны его желанья и молитвы:
Ужс подъ знаменемъ Румянцова герой,
Дитя побѣдъ и бурь, любимецъ грозной битвы,
Онъ, какъ на пиръ, летитъ изъ боя въ новый бой.
Смотрите: мчатся вотъ безстрашно янычары;
Числа имъ нѣтъ, нѣтъ гибельныхъ препонъ,
Онъ съ горстію своихъ, посланникъ вѣчной кары,
Противосталъ лишь имъ—и янычаръ сраженъ!
Вотъ Ляхъ шумитъ; кипитъ огнемъ Варшава;
Россіи Марсъ возсталъ—и съ нимъ побѣды слава;
Подавленъ бунтъ—и въ лаврахъ нашъ герой.
Вотъ Альпы въ облакахъ грозятъ своими льдами,
Надъ ними, какъ орлы, мелькаетъ храбрыхъ ратъ,
На ружья преклонясь безтрепетно главами
Стоитъ Французъ, чтобъ Русскихъ наблюдать;
На битву съ храбрыми, природой и судьбами,
Скажите, кто дерзалъ? лишь Аннибалъ, да онъ!
Враговъ столкнулъ онъ съ горъ и слѣдомъ за врагами
Сошелъ, увидѣлъ ихъ—и врагъ ужь побѣжденъ!

—

Прошли года; въ гробахъ герои скрыты;
Но чуждъ ему бездѣйственный покой;
Смотрите—онъ стоитъ отважный, сановитый,
Въ бронѣ, съ мечемъ, какъ Коклесъ, надъ Невой.
Вотъ, кажется, бѣжитъ въ разгаръ кровавый боя,
И мещетъ взоръ на Альпы и враговъ. . .
Чело подъ каскою великаго героя,
А ликъ въ огнѣ—торжественъ и суровъ.

Л. ЯКУБОВИЧЪ.

ЛОРЕЛЕЯ *.

(Съ нѣмецкаго, изъ Гейне.)

И горюя, и тоскуя,
Чѣмъ мечты мои полны?
Позабыть все не могу я
Небылицу старины.

Тихо Реинъ протекаетъ,
Вечеръ свѣтелъ и безъ тучь,
И блеститъ, и догораетъ
На утесахъ солнца лучь.

Сѣла на скалу крутую
Дѣва, вся облита имъ;
Чешетъ косу золотую,
Чешетъ гребнемъ золотымъ.

Чешетъ косу золотую,
И поетъ при плескѣ водъ,
Пѣсню словно неземную,
Пѣсню дивную поетъ.

---

* На берегахъ Рейна существуетъ народная молва, что на одной скалѣ, у подошвы которой находятся опасные подводные камни, каждый вечеръ сидитъ прелестная женщина; она расчесываетъ свои длинные волосы и поетъ столь восхитительную пѣсню, что всѣ плывущіе по рѣкѣ очаровываются ея звуками, не могутъ свести глазъ съ очаровательницы и, такимъ-образомъ погруженные въ созерцаніе ея, наѣзжаютъ на подводные камни и погибаютъ. Народъ называетъ эту пѣвицу *Лорелеею*.

И пловецъ тоскою страстной
Пораженъ и упоенъ,
Не глядитъ на путь опасный:
Только дѣву видитъ онъ.

Скоро волны, свирѣпѣя,
Разобьютъ челнокъ съ пловцомъ;
И пѣвица Лорелея
Виновата будетъ въ томъ.

—ВА—.

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

Землю какъ гонецъ
Я съ конца въ конецъ
Облеталъ,
Съ саблей на голо;
Мнѣ вездѣ везло,
Врагъ бѣжалъ.

Ты спроси, ей-ей!
Всѣхъ въ Литвѣ людей,
Знавшихъ бой:
Чей же рогъ трубитъ,
Чей же конь летитъ
Такъ, какъ мой?

Всѣмъ мой домъ богатъ:
Сто коровъ мычатъ
По лугамъ;
Высоко̀ стоитъ
Словно лѣсъ шумитъ
Жатва тамъ.

Есть кому и дать,
Для кого собрать
Плодъ деревъ:
Тамъ блеститъ красой
Цвѣтъ весенній мой,
Дѣва дѣвъ.

*

Взялъ тебя же я,
Пташечка моя!
Не робей.
Въ клѣткѣ жить учись,
Съ матерью простись,
Слезъ не лей!

*

Ты простись съ отцомъ;
Выйдешь съ молодцомъ
Изъ лѣсовъ;
Въ путь со мной ступай,
И Литовца знай:
Онъ таковъ!

—ВА—.

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

ЮНОСТЬ ПАНА ХАЛЯВСКАГО.

Такимъ побытомъ инспекторъ нашъ, домине Галушкинскій, ободренный милостивымъ вниманіемъ батинькинымъ, пустился преподавать намъ свои глубокія познанія въ даль. Все шло своимъ порядкомъ: ни я, ни старшіе братья мои, Петрусь и Павлусь, не обязаны были—что называется—учиться чему или выучивать что̀, а должны были перенимать все изъ словъ многознающаго наставника нашего и сохранять это все, по его выраженію «какъ бублики, въ узелъ навязанные, чтобы ни одинъ не выпавъ, былъ бы готовъ къ употребленію».

Хорошо было братьямъ: имъ все удавалось. Петрусь, какъ необыкновенно-остраго ума человѣкъ, поглощалъ все преподаваемое ему и закидывалъ впередъ учительскихъ наставленій. Напримѣръ, въ грамматикѣ онъ находилъ неполноту и требовалъ еще одной части рѣчи. Вотъ что̀ онъ говорилъ: «брань!»—и тутъ высчитывалъ всѣ возможныя брани и ругательства, нарицательныя и пожелательныя, и спрашивалъ:

къ какой части рѣчи это принадлежитъ? «Оно-де ни имя, ни мѣстоименіе, ни предлогъ, и даже и не междометіе, слѣдовательно, особая часть рѣчи должна прибавлена быть». Ариѳметикою также онъ огорошивалъ домина Галушкинскаго. «Вычитаніе такъ; но если у меня украдена часть денегъ, какимъ правиломъ я долженъ ее изъ суммы исключить? Общее, благородное правило для постыднаго дѣйствія не должно быть употребляемо.»

Павлусь же, какъ малый художественнаго, изобрѣтательнаго ума, все дѣлалъ вопреки правилъ ариѳметики и грамматики и — удивительное дѣло: у него всегда задача рѣшалась и примѣръ производился безъ правилъ, но вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ у домина Галушкинскаго по его правиламъ.

Почтенный наставникъ нашъ, бывало, сдвигнетъ плечами и, махнувъ рукою, скажетъ: «пропадайте вы съ своими диспутами!» и, не зная, чѣмъ имъ возразить, напустится на меня... И тогда мнѣ бѣда! Возражалъ бы и я ему, если бы понималъ, въ чемъ дѣло; а то, ей-Богу, умъ у меня за разумъ заходилъ, и я не понималъ, къ-чему это говорить и понимать говоримое, писать не какъ мысль идетъ, а подкладывать слово къ слову, какъ куски жаренаго гуся на блюдо, чтобы все было у мѣста, дѣлало видъ и понятно было для другаго. По-моему, я писалъ для себя, а пойметъ ли другой или нѣтъ, мнѣ что за нужда? Я для другаго и трудиться не обязанъ. Ариѳметика также препустая наука! Къ-чему считать на доскѣ или на бумагѣ, когда можно вѣрнѣе и скорѣе разсчитать деньги въ натурѣ, раскладывая кучками на столѣ?

Но я объ этомъ только думалъ, а объяснять учителю не смѣлъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ потому-что онъ бы меня не послушалъ; во-вторыхъ,

что я былъ моложе братьевъ моихъ и слабосильнѣе ихъ; они отъ нападковъ домина инспектора отдѣлывались собственными силами и тузили людей, призываемыхъ «для сдѣланія положенія»; я же этого и подумать не могъ; а отъ-того терпѣлъ много... много терпѣлъ; но съ ученіемъ не двигался впередъ. Пока, бывало, наставляютъ морально и физически, я все помню; но лишь отпустили,—все изъ головы мигомъ вылетитъ, и я сижу надъ книгою, не забочусь о ней, а прислушиваюсь, не звенятъ ли маменькины ключи у кладовой. Сейчасъ бѣгу, прохожу мимо, меня увидятъ, пожалуютъ маковниковъ или орѣшковъ—и все забыто: готовъ на новое терпѣніе и не учу уроковъ!

И кромѣ ученія, домине Галушкинскій обращался съ нами строго: по вечерамъ ни съ собою не бралъ «въ проходку», ни самимъ не позволялъ отлучаться, а приказывалъ сидѣть въ панычевской смирно до его прихода. Самъ же гдѣ ходилъ, неизвѣстно.

Мнѣ это не было тяжело: я склоненъ былъ къ уединенію, и тотчасъ послѣ ученія добирался къ своимъ, днемъ отъ маменьки полученнымъ и старательно спрятаннымъ лакомствамъ, старался поспѣшнѣе съѣсть ихъ и, управившись до-чиста, тутъ же засыпалъ въ ожиданіи желаемаго ужина. Старшимъ же братьямъ моимъ такое принужденіе было несносно. На бѣду ихъ, батинька очень не любили, чтобы дѣти безъ призыва приходили въ большой домъ, а потому всегда насъ прогоняли оттуда; а маменька рада была всякому принужденію, братьямъ дѣлаемому, и все ожидала, что они, соскучась, потеряютъ охоту къ глупому ученію; тогда и инспектора должно бы отпустить, который, по ея разсчету, недешево приходился. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ посудить: корми его за

господскимъ столомъ — тутъ лишній кусокъ хлѣба, лишняя ложка борща, каша и прочее все болѣе обыкновеннаго; лишняя кружка грушеваго кваса; вечеромъ лишняя свѣча; лишнее мыло въ прачешной на мытье бѣлья его, лишнее... да-таки и все лишнее, кромѣ уже денегъ;—а за что?... тьфу!—При этомъ маменька всегда плевали въ сторону, гдѣ могъ въ то время находиться домине Галушкинскій.

Такъ по-этому батинька и маменька не входили ни во что, касающееся къ дѣтямъ ихъ, и были покойны; но дѣти теряли всякое терпѣніе и подумывали, какъ бы, если несовсѣмъ освободиться, то, по-крайности, облегчить иго свое. Художникъ нашъ, Павлусь, уже изобрѣлъ-было способъ къ выгодѣ своей, какъ вотъ какой случай случился и исправилъ все дѣло.

Братья замѣтили, что реверендиссиме домине Галушкинскій каждую ночь, въ полномъ одѣяніи, а иногда даже и выбрившись, выходитъ тайнымъ-образомъ изъ дома и возвращается уже на разсвѣтѣ. Въ одну ночь братъ-художникъ тихонько пустился по слѣдамъ его и открылъ, что нашъ философъ возлюбилъ посѣщать вечерницы, на кои Петрусь однажды улепетнулъ-было, но, бывъ настигнутъ домине инспекторомъ, возвращенъ со стыдомъ и получилъ предлинное увѣщаніе, что особамъ изъ шляхетства таковая забава неприлична, а кольми паче людямъ, вдавшимся въ науки, и что таковая забава тупитъ умъ и истребляетъ память.

Хорошо. Братъ долженъ былъ послушать и отказаться отъ невинныхъ удовольствій; но когда увидѣлъ, что онъ, онъ самъ, менторъ его, наслаждается ими, не дѣлая ихъ участниками, то это ему было крайне-досадно, и онъ рѣшился вступить въ права свои и для-того, въ одну ночь, когда нашъ философъ и наставникъ

юношества тихомолкомъ вышелъ искать удовольствій, Петрусь, объяснивъ Павлусю все дѣло, взявъ и меня съ собою, для-того, чтобы всѣмъ равно отвѣчать, всѣ трое пошли по стопамъ домина инспектора своего.

Войдя въ хату одной изъ вдовыхъ казачекъ, у коихъ обыкновенно собираются вечерницы, мы увидѣли множество дѣвокъ, сидящихъ за столомъ; гребни съ пряжью подлѣ нихъ, но веретена на землѣ валяющіяся: никто не думалъ прясть, равно и чесать, и работы, принесенныя ими, лежали преспокойно, сложенныя по угламъ. Дѣвки же или играли въ дурачки, или балагурили съ парубками, которыхъ собралась тутъ пропасть, и нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, болтали между собою, и проч.

Надъ всѣми ими законодательствовалъ нашъ домине Галушкинскій, потому-что былъ въ бекешѣ и курилъ табакъ изъ коренковой трубки.

Какъ изумился онъ, увидя воспитываемое имъ юношество, пришедшее насладиться удовольствіями, о которыхъ онъ запрещалъ ему и мыслить! Тайные подвиги его открыты!... Когда мы вошли, онъ пѣлъ съ одною дѣвкою пѣсню: «*Зелененькій барвиночку*...» и остановился на полусловѣ; пришедъ въ себя, началъ кричать и прогонять насъ домой. Но братъ Петрусь, какъ имѣвшій необыкновенный умъ и геройскую смѣлость, неустрашимо сталъ противъ него и объявилъ, что если онъ и пойдетъ, то пойдетъ прямо къ батинькѣ и сей же часъ разскажетъ, гдѣ находится и въ чемъ упражняется наставникъ нашъ. Домине Галушкинскій спѣшилъ и не зналъ, чѣмъ рѣшить такое запутанное дѣло, какъ сидѣвшая подлѣ него дѣвка, внимательно осмотрѣвъ Петруся, первая подала голосъ, что панычи могутъ остаться, и что если ему,

инспектору, хочется гулять, то и панычамъ также, « потому-что и у нихъ такая же душа». Прочія дѣвки подтвердили то же, а за ними и парубки, изъ коихъ нѣкоторые были изъ крестьянъ батинькиныхъ, такъ и были къ намъ почтительны; а были и изъ казаковъ, жившихъ въ томъ же селѣ, какъ это у насъ вездѣ водится.

«Вашицы должны благодарить Малашкѣ!» сказалъ наставникъ нашъ, указавъ на свою пару: «ея логика убѣдила меня. Но не смѣйте сообщать родителямъ вашимъ.... »

Братья побожились и намѣревались вступить въ общество...

«Чтò же входнаго отъ васъ?» вскрикнулъ одинъ парень, и выступилъ противъ насъ. «Я здѣсь есть атаманъ, смотрю за порядкомъ. Вновь-вступающій парубокъ, хоть вы и паничи, а все же парубки, должны взнести входное, а потомъ ожидать очереди.»

Братъ-горбунъ, раскинувъ все въ умѣ своемъ, тотчасъ вызвался требуемое поставить и вышелъ. Вскорѣ возвратился онъ, и, къ удивленію инспектора и Петруся, принесъ три курицы, пол-хлѣба и полонъ сапогъ пшеничной муки. Все это онъ, по художеству своему, *набралъ* у ближнихъ, спавшихъ сосѣдей; какъ же нè во что ему было взять муки, такъ онъ—изобрѣтательный умъ!—разулся, и полонъ сапогъ набралъ ее. Всѣ эти припасы отданы были стряпухѣ, готовившей ужинъ на все общество.

Отъ Петруся, какъ отъ старшаго изъ насъ, требовали горѣлки. Денегъ у него не было. Изобрѣтательный умъ Павлуся отказался удовлетворить эту надобность по той причинѣ, что къ шинкарю трудно войдти *секретно*, а явно не съ чѣмъ было. Все пришло въ смятеніе; но великодушный домине инспекторъ нашъ все

уничтожилъ, предложивъ для такой необходимости собственныя свои деньги, сказавъ, однакоже, Петрусю: «постарайтеся, вашицъ, поскорѣе мнѣ ихъ возвратить, прибѣгая къ хитростямъ: или выпрашивая у маменьки вашей, или подстерегая, когда ихъ сундучокъ не будетъ запертъ.»

Что̀ бы ни говорилъ намъ домине Галушкинскій, въ наставленіе ли или въ примѣръ, или въ совѣтъ, мы, ученики, должны были сказать ему въ отвѣтъ какое-то благодарное слово,—не помню уже теперь, какое; то и при теперешнемъ наставленіи братъ сказалъ ему ту же благодарность за полезное наставленіе.

Братъ Павлусь, по обязанности своей, побѣжалъ въ шинокъ и скоро возвратился съ горѣлкою. Пошла гульня. Чтобы доставить и мнѣ занятіе, наставникъ нашъ принялся пѣть со мною псальмы, чѣмъ мы услаждали бесѣду до-того, что дѣвки затянули свои пѣсни, парубки къ нимъ пристали—и пошла потѣха! Ужинъ у насъ былъ изобильный во всемъ; простота въ обращеніи съ парубками и любезничанье съ дѣвками брата Петруся такъ расположило всѣхъ къ нему, что тутъ же единогласно онъ избранъ былъ атаманомъ нашихъ вечерницъ, и всѣ, даже самъ почтенный студентъ философіи, домине Галушкинскій, наставникъ и учитель нашъ, далъ торжественную клятву повиноваться распоряженіямъ атамана.

Лестно, точно лестно было для брата, безъ большихъ подвиговъ, обратить на себя всеобщее вниманіе и пріобрѣсти отъ всѣхъ довѣренность; но еще лестнѣе было то, что самъ наставникъ его и учитель охотно и добровольно подчинился распоряженіямъ его. А Петрусѣ было не болѣе какъ семнадцать лѣтъ! Вотъ что̀ значитъ дарованіе и способности!

Братъ Павлусь, за его изобрѣтательность средствъ, ловкость и проворство въ произведеніи ихъ и все къ общей пользѣ и удовольствію, избранъ былъ нашимъ ключникомъ. Его дѣло было заботиться, какъ онъ знаетъ, чтобы въ ужинѣ у насъ всего было въ изобиліи. Стряпухи были у него въ завѣдываніи. Ему было пространное поле выказывать свои дарованія и искусство. Ужины наши были роскошные: кормленыя куры маменькины, яица, молоко, масло, дрова и проч.—все это было взято у сосѣдей *секретно* и изобрѣтательнымъ умомъ брата-горбунчика всѣ слѣды искусно закрыты, и ни одной жалобы ни отъ кого.

Вхожу въ подробности, можетъ, и излишнія, но это отъ удовольствія при воспоминаніи такой веселой, завидной жизни! Часто гляжу на теперешнихъ молодыхъ людей, и съ грустнымъ сердцемъ обращаюсь ко всегдашней моей мысли: «Какъ свѣтъ перемѣняется!» Такъ ли они проводятъ свои лучшіе, молодые, золотые годы, какъ мы? Куда! Они рабы собственно ими изобрѣтенныхъ правилъ; они не живутъ, а томятся жизнію; все имъ скучно, все надоѣло, тяготитъ ихъ... Напротивъ мы, въ свой вѣкъ... Ахъ, это блаженство!...

Домине Галушкинскій, вмѣсто наставника нашего, сталъ намъ совершенно подчиненъ. Лишь вздумаетъ заговорить только нѣсколько-повелительнымъ голосомъ, такъ мы тотчасъ и угрожаемъ, что скажемъ батинькѣ о посѣщеніи нашемъ вечерницъ, и онъ лишится мѣста, двадцати рублей въ годъ и пары платья съ плеча самого батиньки нашего, да еще отпишутъ къ начальству училищному, и онъ лишится кондицій навсегда. Это его остановило, и онъ далъ намъ совершенную волю во всемъ. Днемъ мы неотлучно были въ паныченской, куда намъ приносили сытные

и изобильные завтраки. Мы ихъ уничтожали; братья курили трубки, слушали разныя повѣсти, разсказываемыя наставникомъ нашимъ о подвигахъ бурсаковъ на вечерницахъ и улицахъ въ городѣ; полезное для насъ въ подобныхъ случаяхъ мы прятали въ память нашу. Приходили въ домъ къ обѣду, челомкались съ батинькою и маменькою; обѣдали, наблюдая скромность и учтивство, преподанное намъ домине Галушкинскимъ. Послѣ обѣда мы ложились спать, а проснувшись, принимались за приготовленія къ наступающимъ вечерницамъ. Отъ движенія, неумѣренной веселости, если въ надобное время мы не могли уснуть, тогда менторъ нашъ давалъ намъ выпить по доброй чаркѣ водки, изъясняя, что она даетъ сонъ, а сонъ укрѣпляетъ человѣка и даетъ силы къ новымъ подвигамъ. Намъ это средство нравилось, и мы находили въ немъ удовольствіе. Правда, я не могъ пить довольно, но братья, выпивъ порядочно, не бывали хмѣльны. Такая была счастливая ихъ натура!

И за обѣдомъ, при батинькѣ и маменькѣ, и на вечерницахъ, въ нашемъ разгульномъ обществѣ, нужно было намъ иногда передать мысли свои, чтобы другіе не знали. Какъ тутъ быть? Опытный нашъ наставникъ открылъ намъ таинственый бурсацкій языкъ. Въ одинъ классъ мы поняли его и свободно могли изъясняться на немъ. По моему мнѣнію, это языкъ-отростокъ латинскаго, труднаго, неудопонимаемаго, несноснаго языка. И для-чего бы его уже не оставить вовсе, а ввести во всѣ теперешнія училища легкій и свободный? Въ молодости я твердо зналъ десять словъ латинскихъ и значеніе ихъ, но теперь—хоть сейчасъ убейте меня—не помню ничего; на томъ же, бурсацкомъ, я могу теперь обо всемъ свободно говорить.

Когда домине инспекторъ въ-присутствіи батиньки

и маменьки за обѣдомъ, выпивъ съ наслажденіемъ крохотную рюмочку вишнёвки, которую ему батинька нацѣдили изъ своей полной кружки, обратился къ Павлусю и сказалъ: «доминс Павлусь, не могентусъ украдентусъ сей-усъ вишневентусъ до насусъ на вечерницентусъ?» а братъ безъ запинки отвѣчалъ: «какъ разентусъ; украдентусъ у маментусъ ключентусъ и нацѣдентусъ изъ погребентусъ бутылентусъ»,— надобно было видѣть, какое дѣйствіе этотъ разговоръ произвелъ на батиньку! Они были умный человѣкъ и отмѣнно любили ученость. Каково же было ихъ родительскому, нѣжности къ намъ исполненному сердцу слышать, что дѣти его такъ усовершенствованы въ ученіи, что хотя и при немъ говорятъ, но они не понимаютъ ничего! Чувство его могутъ постигнуть и теперешніе родители, слыша дѣтей, ведущихъ подобнаго содержанія разговоръ на французскомъ, модномъ языкѣ и также не понимая его ни въ одномъ словѣ...

Глаза у батиньки засіяли радостію, щеки воспламенились; они взглянули на маменьку такимъ взоромъ, въ коемъ ясно выражался вопросъ: «а что? каково?» и въ первую минуту восторга уже не нацѣдили, а налили изъ своей кружки большую рюмку вишнёвки и, потрепавъ инспектора по плечу, сказали милостиво: «Пейте, панъ-инспекторъ! вы заслужили своими трудами съ моими хлопцами.»

Домине Галушкинскій, какъ слѣдуетъ при полученіи отъ благотворителя какой милости, всталъ, поклонился батинькѣ низко, благодарилъ за лестное ободреніе посильныхъ трудовъ его, сѣлъ съ повтореніемъ поклоновъ и усладился выпитіемъ до дна рюмки и заключилъ похвалою сему напитку, «каковаго-де едва ли и боги на Олимпѣ пьютъ въ праздничные дни».

Съ маменькою же было совсѣмъ противное. Ахъ,

какъ онѣ покосилися на инспектора, когда онъ заговорилъ на неизвѣстномъ имъ языкѣ; а еще болѣе, когда Павлусь отвѣчалъ. Но когда папинька изъ своей порціи удѣлили инспектору въ большую рюмку, тутъ маменька уже не вытерпѣли и сказали батинькѣ:

«Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Съ чего вы это взяли такъ разливаться вишнёвкою? Вѣдь у насъ ея не море, а только три бочки. И за-что ему такая благодать сверхъ условленнаго?»

—Ѳекла Зиновьевна! отвѣчали батинька: не смущайте моего родительскаго сердца, преисполненнаго радостію. Я въ сей моментъ не только рюмку вишнёвки, но и цѣлую вселенную отдалъ бы пану-инспектору.

Надобно знать, что батинька, при какой-либо радости, всегда говорили возвышеннымъ голосомъ.

«Вселенную какъ хотите» отвѣчали маменька: «кому хотите, тому ее и отдавайте, но не вишнёвку. Это дѣло другое.»

Маменька, по тогдашнему времени, были неграмотныя, и потому не могли знать, что никакъ не возможно было отдѣлить вишнёвку отъ вселенной. Да и конечно: куда бы вселенную ни перенести, а вишнёвку гдѣ оставить? на чемъ ее утвердить, поставить? Никакъ не возможно.

—Я же только рюмку и налилъ, сказали батинька. Кажется, рюмка вишнёвки стоитъ радости, какую мы имѣемъ, слыша дѣтей нашихъ говорящихъ на иностранномъ діалектѣ?

«Подлинно, что иностранный! никто его и не пойметъ» сказали съ явнымъ неудовольствіемъ маменька. «И какъ-то сбиваетъ на вечерницу да на украдку. Ужасно слушать!»

—Это, маточко, отъ-того, что вы вовсе не знаете въ иноземныхъ языкахъ силы.

«Видите, какіе вы стали неблагодарные, Миронъ Осиповичъ! А вспомните, какъ вы посватались за меня и даже въ первые годы супружеской жизни нашей вы всегда хвалили, что я большая мастерица приготовлять языки и коптить ихъ и солить; а теперь уже, чрезъ восемнадцать лѣтъ, упрекаете меня явно, что я въ языкахъ силы не знаю. Грѣхъ вамъ, Миронъ Осиповичъ!»

—Умилосердитесь надо мною, Ѳекла Зиновьевна! почти вскрикнули батинька и бросили назадъ поднесенную уже ко рту косточку жаренаго поросенка, которую располагали обсосать: вы всегда превратно толкуете! У васъ и столько толка нѣтъ, чтобъ понять, что я не о говяжьихъ языкахъ говорю, а о человѣческихъ. Вы ихъ не знаете такъ и молчите!

«По-крайней-мѣрѣ я имѣю свой и знаю его короче, чѣмъ вашъ, и потому говорю имъ, чтò думаю. Говорю и всегда скажу, что дѣтскій языкъ—не тотъ, чтò у нихъ во рту, а тотъ, которымъ они говорятъ не по нашему—языкъ глупый, воровской, непристойный.»

Маменька имѣли много природной хитрости. Бывало, какъ замѣтятъ, что онѣ скажутъ какую неблагоразумную рѣчь, тотчасъ извернутся и заговорятъ о другомъ. Такъ и тутъ поступили: увидѣвъ, что о языкахъ начали толковать не въ-попадъ, такъ и отошли отъ предмета.

Батинька, чтобъ больше маменькѣ досадить, начали подтрунивать надъ ними и просили домине инспектора проэкзаменовать и насъ въ иностранной словесности.

Петрусь отвѣчалъ на заданный вопросъ *бойко* и *отчетисто* (слова, мною недавно схваченныя въ од-

ной газетѣ, а смысла ихъ не понимаю); батинька улыбнулися отъ восхищенія. Дошла очередь ко мнѣ и домине спросилъ меня: «У когентусъ лучшентусъ голосентусъ, у Гапентусъ или у Векленту́съ?» Вопросъ былъ къ рѣшенію удобенъ и совершенно по моей части; для незнающихъ бурсацкой словесности, я переведу по-россійски: «У кого, де-скать, лучше голосъ: у Гапки или Веклы?» Это были двѣ дѣвушки, которыхъ домине Галушкинскій училъ пѣть со мною разные кантики. Я могъ бы однимъ словомъ рѣшить задачу: —у Гапки-де, потому-что у нея, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ необыкновенно-звонкій голосъ, отъ котораго меня какъ морозомъ драло по спинѣ. Но я, въ угодность маменькѣ, имѣвшей отвращеніе ко всякой учености, рѣшился притвориться непонимающимъ ничего и — молчалъ... молчалъ, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, намекамъ и понужденіямъ домина инспектора.

Батинька, озлясь, вставши отъ стола и проходя мимо меня, дали мнѣ такой щипки щелчкомъ въ голову, что у меня слёзы покатились въ три ручья, и пошли опочивать. У батиньки рука была очень-тяжела. Маменька же, напротивъ, погладивъ меня по головѣ и обтерши горькія мои слёзы, взяли за руку, повели въ свою кладовѐньку и надавали мнѣ разныхъ лакомствъ: яблочнаго павидла, сушеныхъ вишень, орѣховъ и, помнится мнѣ, что пожаловали и моченое яблочко.... не утверждаю навѣрное: давно было, а я могъ позабыть! Ну, да до этого большаго дѣла нѣтъ. То ли, сѐ ли, а я получилъ лакомства и приведенъ маменькою въ ихъ спальню и получилъ позволеніе расположиться со всѣмъ своимъ пріобрѣтеніемъ на лежанкѣ.

Когда я это все уписывалъ одно за другимъ и, для различія вкуса, все вмѣстѣ,—маменька, мотая нитки, говорили мнѣ: «Люблю тебя, Трушко (сокращенное

Трофимъ), что ты имѣешь столько ума, чтобъ не выучиваться всѣмъ этимъ глупостямъ, которыя вбиваетъ въ голову вамъ этотъ проклятый бурсакъ. Ты, душка, выслушивай все, да ничего не затверживай. Плюй на науки—и останешься здоровымъ и разумнымъ по весь вѣкъ. Вмѣсто этой дурацкой грамоты, которая только и научитъ тебя, что читать, я бы желала очень, чтобы ты взялся за иконописство или, по-крайней-мѣрѣ, за малярство. Что̀ за веселая работа! Что̀ мазнулъ кистью, то, либо красная, либо блакитная полоса!.. Тогда бы я умерла спокойно, еслибы увидѣла хотя бы столъ, окрашенный твоимъ искусствомъ.»

Въ ту пору я доѣдалъ моченое яблоко (такъ, вотъ точно, что маменька мнѣ его́ пожаловали: по этому я вспомнилъ), и, чтобы скорѣе управиться съ нимъ, вложилъ весь остатокъ въ ротъ и проворно доѣдалъ его, спѣша обрадовать маменьку, что я уже умѣю раскрашивать кунштики...

«О!..» вскричали маменька, всплеснувъ руками и отъ-того уронивъ клубокъ свой: «кто же тебя этому художеству научилъ?»

— Никто не училъ, я самъ перенялъ, отвѣчалъ я. И правда была. Почувствовавъ въ себѣ влеченіе раскрашивать картинки и увидя у домина Галушкинскаго нѣсколько красокъ и кисточку, я выпросилъ ихъ и принялся работать. Нарисовавъ нѣсколько изъ своей головы лошадей, собакъ и людей, и бывъ этимъ доволенъ, я рѣшился идти въ даль и раскрашивать все, попадающееся мнѣ въ книжкахъ: цвѣточки, разныя фигуры и, когда случалось, то и картинки. И такъ усердно все это закрашивалъ, что подлиннаго невозможно было и доискаться, и даже превращалъ весьма удачно цвѣточикъ въ лошадку, а овечку въ женщину.

Маменька несовсѣмъ повѣрили мнѣ; но когда я принесъ свое художество, то онѣ ахнули, а потомъ прослезилися отъ восторга; долго разсматривали мои раскрашенные кунштики; но какъ были неграмотныя, то и не могли ничего разобрать и каждый кунштикъ держали къ себѣ или вверхъ ногами или бокомъ, не переставая хвалить, что какъ это все живо сдѣлано!—То-то материнское сердце! всегда радуется дарованію дѣтей своихъ! При распросахъ о значеніи каждаго кунштика, имъ вдругъ пришла счастливая слѣдующая мысль:

«Послушай Трушко, что я вздумала. У твоего панотца [маменька объ батинькѣ и за-глаза отзывалися политично] есть книга вся въ кунштахъ. Меня совѣсть мучитъ, и нѣтъ ли грѣха, что всѣ эти древнія лица лежатъ у насъ въ домѣ безъ всякаго уваженія, какъ-будто онѣ какой арабской породы, всѣ черные, безъ всякаго человѣческаго вида. Книга, говорятъ, по кунштамъ своимъ рѣдкая; но я думаю, что ей цѣны вдвое прибавится, какъ ты ихъ пораскрасываешь и дашь каждому свой видъ.»

Я задрожалъ отъ восхищенія, что мнѣ предстоитъ такая знаменитая работа, и тутъ же обѣщалъ маменькѣ всѣ куншты отдѣлать отлично и дать каждому предмету свой видъ.

Маменька скоро нашли случай вытащить эту книгу у батиньки и передали ее мнѣ для приведенія въ лучшее состояніе. Съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ приступилъ я къ работѣ. Всѣхъ кунштовъ было сто: Первый куншть представлялъ какого-то нагаго человѣка въ саду, окруженнаго звѣрьми. Не было у меня красокъ всѣхъ цвѣтовъ, но это меня не остановило. У меня были только красная, зеленая и желтая; все это подарилъ мнѣ домине инспекторъ. Я

пособилъ своему горю и раскрасилъ человѣка красною, льва зеленою, медвѣдя желтою и такъ далѣе по очереди, наблюдая правило, о коемъ я и не слышалъ, а самъ по себѣ дошелъ, чтобы на двухъ вмѣстѣ-стоящихъ звѣряхъ не было одинаковаго цвѣта.

Работа моя шла быстро и очень-удачно. Маменька не находили словъ хвалить меня и закармливали меня ласощами. Только и потребовали, чтобы нагихъ покрыть краскою сколько-можно-толще и такъ, чтобы ничего невозможно было различить. — «Покрой ихъ, Трушко, по-толще, защити ихъ отъ стыда». Такъ говорили маменька, отворачивая взоръ свой отъ куншта. И я со всѣмъ усердіемъ накладывалъ на нихъ всѣхъ цвѣтовъ краски не жалѣя, и имѣлъ удовольствіе слышать отъ маменьки: «Вотъ теперь живо. Невозможно и различить, человѣкъ ли это, илистолбъ!»

Лица, которыя мнѣ нравились, я красилъ любимыми цвѣтами. На-примѣръ, зеленое лицо, волосы и борода желтые, глаза красные; но какъ кисточка была у меня довольно-толста, то и крашеніе мое переходило черезъ границы; но, кажется, это не портило ничего, и можно было все отличить. Тѣхъ же, кто мнѣ не понравился — ухъ! какими уродами я сдѣлалъ! Чтобъ имѣть выгоду представить ихъ по своему желанію, я, вмѣсто лица, намазывалъ большое пятно и на немъ уже располагалъ уродливо глаза, носъ и ротъ, и все въ самомъ отвратительномъ видѣ. И по дѣломъ имъ! Какъ имъ можно равняться съ порядочными людьми? . .

Домине Галушкинскій и братья озабочены были своими дѣлами, и потому не обращали никакого вниманія на мое художество. Маменькѣ только приносилъ я хвалиться успѣхомъ, и онѣ были въ восторгѣ, а я закормленъ всѣми возможными сладостями.

Наконецъ работа моя кончилась, и маменька собирались нечаянно обрадовать батиньку. У нихъ обоихъ было общее правило: о чемъ-нибудь хорошемъ, восхитительномъ не предварять, а вдругъ поразить нечаянностію. Маменька такъ и расположились до случая, который скоро открылся.

Домину Галушкинскому истекалъ срокъ быть на кондиціяхъ и онъ долженъ былъ возвратиться въ школу, чтобы продолжать ученіе. За руководство наше въ наукахъ онъ получалъ изрядную плату и не желалъ лишиться ея, чего-для онъ предложилъ батинькѣ, чтобы насъ, панычей, опредѣлить въ школу для окончанія наукъ, въ коихъ мы такъ успѣли подъ руководствомъ его. Батинька нашли это выгоднымъ и договорились съ нимъ вновь: кромѣ денегъ, вмѣсто платья съ плеча батинькинаго, должно сдѣлать ему «кирею» съ должными снурами, кистями и проч., какъ слѣдуетъ. Онъ долженъ жить съ нами на квартирѣ и на нашихъ харчахъ. Въ городѣ пріискана была квартира и все, что̀ отъ батиньки зависѣло, все было распоряжено. Оставалось маменькѣ устроить насъ провизіею, посудою и прислугою. Батинька искали удобнаго времени объявить объ этомъ маменькѣ, не потому, чтобы ихъ не огорчить внезапнымъ извѣстіемъ о разлукѣ съ дѣтьми, но чтобы самимъ приготовиться и, выслушивая возраженія и противорѣчія маменькины, которыхъ ожидали уже, не выйдти изъ себя, и гнѣвомъ и запальчивостію не разстроить своего здоровья, что̀ за ними иногда бывывало.

На таковъ конецъ батинька начали довольно меланхолично:

«Прикажите, Ѳекла Зиновьевна, завтра по-утру рано отпустить муки, крупъ, масла и что̀ нужно...

—Не опять ли коммиссару? спросили маменька твердымъ голосомъ, не ожидая ничего непріятнаго.

«Какому коммиссару? Ну-те его въ болото, а слушайте меня! Всего этого отпустите сколько надобно для дѣтей. Они завтра переѣдутъ въ городъ учиться въ школѣ.»

Маменька такъ и помертвѣли... Черезъ превеликую силу могли вступить въ рѣчь и принялись-было доказывать, что ученіе вздоръ, гибель-де нашимъ деньгамъ и дѣтскому здоровью. Можно быть умному, ничего не зная, и всему научась быть глупу. Многому ли научились наши дѣти, не смотря, что сколько мы на нихъ положили кошта, хотя пану Тимоѳею и вотъ этому дурню, что по-дурацки научилъ нашихъ дѣтей говорить, и невинныя ихъ уста заставилъ произносить воровскія рѣчи...

«Чудны вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна! Каково было бы вамъ слушать, если бы я началъ толковать о вашихъниткахъ или кормленныхъ птицахъ? Такъ и тутъ. Наукъ совсѣмъ не знаете, а толкуете объ нихъ.»

—Первые годы послѣ нашего супружества, сказали маменька очень-печальнымъ голосомъ и трогательно подгорюнились рукою: я была и хороша, и разумна. Вотъ пятьнадцать лѣтъ, счетомъ считаю, какъ я, ни знаю, ни вѣдаю отъ-чего, у васъ изъ дуръ не выхожу. Зачѣмъ же вы меня дуру брали?—А что правда, такъ я и говорю: конечно, ваши всѣ науки дурацкія. Вотъ вамъ примѣръ Трушко: также ваша кровь, а мое рожденіе; но какъ онъ еще непороченъ и тѣломъ, и духомъ, и мыслію, такъ онъ и имѣетъ къ нимъ сильное отвращеніе.

«Вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна, не колите глазъ своимъ пестунчикомъ, Трушкомъ; онъ, хотя и непороченъ,

но изъ дураковъ дуракъ, и изъ него будетъ не болѣе, какъ свинопасъ.» Батинька отъ противорѣчій начинали уже приходить въ азартъ.

Тутъ маменька нашли удобную минуту опѣшить батиньку и, подойдя къ столу, достали нѣмецкую книгу и начали переворачивать листы, изукрашенные моимъ художествомъ...

«Кто... кто это сдѣлалъ?» вскричали батинька, вскипѣвъ отъ гнѣва.

Маменька, не замѣтивъ въ тонкости состоянія духа ихъ, а относя крикъ ихъ къ удивленію, отвѣчали такимъ же меланхоличнымъ тономъ, какъ батинька начинали сей разговоръ: — Это дуракъ изъ дураковъ такъ украсилъ; онъ не болѣе какъ свинопасъ!..

«Какъ онъ смѣлъ это сдѣлать?» не кричали, а ревѣли батинька до того, что окна и двери въ домѣ тряслись. Въ запальчивости бросились они къ маменькѣ, желая, по обычаю, потузить ихъ хорошенько ... И тогда мнѣ лучше было бы: у батиньки была такая натура, что когда разлютуются, такъ и колотятъ перваго, кто попадется; когда же выбьютъ свое сердце, то виноватому уже и слова не скажутъ. Тутъ же, къ моему несчастію, маменька ушли отъ ударовъ батинькиныхъ, ушли, оставивъ въ дверяхъ и епанечку свою; а я, спрятавшійся-было въ пуховики маменькины, вытащенъ и наказанъ чувствительно и больно...

Батинька цѣлый день не могли успокоиться и знай твердили, что книга ихъ по кунштамъ была неоцѣненна, что иконописецъ, расписывающій въ ближнемъ селеніи иконостасъ, самъ предлагалъ за нее десять рублей......

Маменька же, не смѣя и на глаза показаться батинькѣ, въ другой комнатѣ сидя, переговаривали ихъ

слова тихонько: «Десять рублей! великое дѣло! Кажется, своя утроба дороже стòитъ!»

Ну-те. Чтобъ не долго разсказывать, насъ собрали въ городъ и отправили въ повозкѣ. Кромѣ изобильной во всемъ провизіи для пропитанія нашего, намъ данъ хлопецъ, Юркò; онъ долженъ былъ прислуживать намъ троимъ и домину инспектору нашему. Для наблюденія за насыщеніемъ нашимъ откомандирована была «бабуся», мастерица производить блины, пироги, пирожки, пирожечки, пироженчики, разныя вкусныя блюда и лакомства. Ей дано было подробное наставленіе, и все это отъ нѣжнѣйшей маменьки нашей: чѣмъ и по сколько разъ въ день насъ кормить. Въ помощь ей дана была дѣвка, стряпуха; на ней лежала обязанность мыть намъ головы еженедѣльно, распоряжать бѣльемъ нашимъ, и т. п.

Съ-вечера еще отъѣзда нашего, маменька начали плакать, а съ-утра печальнаго дня «голосить» и оплакивать насъ съ невыразимо-трогательными приговорами. Само по себѣ разумѣется, что я, какъ объявленный «пестунчикъ» ея, получалъ болѣе ласкъ, нежели братья старшіе. Такимъ-образомъ приговаривая и лаская меня, вдругъ онѣ сомлѣли и—валятся, валятся... и упали на полъ... Я испугался и закричалъ: «Батинька, пожалуйте сюда, маменька померли!» Батенька пришли и, увидѣвъ, что онѣ несовсѣмъ умерли, а только сомлѣли, дали мнѣ препорядочнаго туза, чтобы я не лгалъ, а сами принялись маменьку освобождать отъ обморока, шевеля ей въ носу бумажкою. Это скоро помогло; маменька чихнули раза три и встали, какъ ни въ чемъ не бывало, и принялись опять за свое — голосить.

Какъ не хвалить старины? Чудное дѣло, какъ было все совершеннѣе! Какъ бы крѣпко маменька ни

сомлѣли, то батинька, пощекотавши ей въ носу бумажкою, въ ту же минуту приводили ее въ себя. Теперь же прошу покорно! Жена моя то-и-дѣло, что сомлѣваетъ по слабости натуры; но ей щекотать въ носу не смѣю даже и я: строжайше запретила. А тутъ взбѣгаемся всѣ: я, дѣти, прислуга; кто спиртъ къ носу тычетъ, кто поль-де-кокомъ (такъ называютъ у насъ бальзамъ) виски ей третъ; кто, разведя ложку гимназіи въ красномъ винѣ, даетъ ей выпить и— тьма хлопотъ! А не успѣемъ привести въ чувство, какъ она вновь сомлѣла и—бацъ на полъ. Пощекотить бы ей въ носу, такъ и не было бы такихъ бѣдъ!

Пожалуйте; о чемъ бишь я разсказывалъ?.. Да. Вотъ насъ принялись провожать... Но я не въ-состояніи пересказать вамъ этой чувствительной сцены. Меня, и при воспоминаніи, слезы пронимаютъ. Довольно скажу, что маменька, за горькими слезами, не могли ничего говорить, а только насъ благословляли; что̀ же принадлежитъ до ея сердца, то вѣрно оно разбилось тогда на мелкіе куски и вся внутренность изорвалась въ лохмотья. Такъ я думаю,—навѣрное не знаю.

Что̀ же относится до батиньки, то они показали крѣпкій свой духъ. Не мудрено: у нихъ была твердая натура. Они не плакали, но не могли и слова намъ сказать болѣе, какъ только: «Слушайте во всемъ пана Галушкинскаго; онъ вашъ наставникъ . . . чтобъ не пропали даромъ деньги...» и, махнувъ рукою, закрыли глаза; а маменька ахнули и упали,—а мы поѣхали.

Мнѣ было очень-грустно, что я забылъ бумажку съ маковниками у маменьки на лежанкѣ,—заторопился и забылъ!—Тоска смертельная! Ну, воротился бы, еслибы льзя было! Но тутъ уже властвовалъ неогра-

ниченно доминe Галушкинскій надъ нами, лошадьми и малѣйшею частицею, обозъ нашъ составляющею.

Въ-силу чего занялъ онъ въ повозкѣ первое мѣсто, разлегся и приказалъ намъ размышлять о пути, о цѣли поѣздки нашей, о намѣреніяхъ нашихъ, какъ намъ употребить время, и что встрѣтится намъ въ размышленіяхъ нашихъ умненькое или сомнительное, объявлять ему, и онъ будетъ разрѣшать.

Долго царствовало между нами молчаніе. Кто о чемъ думалъ, не знаю; но я все мечталъ о забытыхъ маковникахъ. Горесть маменькина меня не поражала: такъ и должно было быть. Она съ нами разсталась, а не я: она должна и грустить,—какъ вдругъ братъ Петрусь, коего быстрый умъ не могъ оставаться покоенъ и требовалъ себѣ пищи, вдругъ спросилъ наставника нашего:

«Скажите, пожалуйте, реверендиссиме домине Галушкинскій, гдѣ же городъ и наше училище? Вонъ, далеко, видно очень, что небо сошлось съ землею, слѣдовательно тамъ конецъ міру; но на этомъ разстояніи я не вижу города. Гдѣ же онъ? Туда ли мы ѣдемъ?»

— Бене, домине Халявскій! Ваше предложеніе глубокомысленно, и вы мнѣ показали, что голова ваша занята важными размышленіями; но я долженъ разсѣять ваши сомнѣнія.—Такъ сказалъ великій нашъ наставникъ, поправилъ подъ собою подушки и продолжалъ ораторствовать: Видимое вами соединеніе неба съ землею не есть въ существѣ, а это... просто... флегматическій—кажется, такъ—флегматическій обманъ. Напротивъ, надобно намъ ѣхать долго и очень-долго, пока мы доѣдемъ до моря. Моремъ мы ѣхать должны еще долѣе, чѣмъ на сушѣ, и тогда достигнуть до края вселенной, т. е. гдѣ небо сошлось съ водою.

Но никто изъ смертныхъ не достигалъ сего. Итакъ на этомъ-то пространствѣ, которое мы переѣзжаемъ до края вселенной, встрѣтится намъ городъ и училище наше...

«Такъ мы и моремъ поѣдемъ?» спросилъ Павлусь живо; а я принялся-было плакать, боясь воды.

—О нѣтъ! воскликнулъ нашъ реверендиссиме: во-первыхъ, мы не имѣемъ для-того приличнаго сосуда, сирѣчь, корабля; а во-вторыхъ, училище наше расположено на сушѣ; ergo, мы сушею и доѣдемъ.

Какъ ни вслушивался я въ ученые разговоры нашего наставника, но меня одолѣлъ сонъ, и я не слышалъ ни окончанія начатаго, ни послѣдующихъ за тѣмъ разговоровъ, потому-что лишь только влазилъ въ повозку, то и засыпалъ. Ergo—скажу по ученому—я путь свой совершилъ спокойно.

Близко ли, далеко ли отстоялъ городъ, скоро ли, не скоро, но насъ довезли и расположили на квартирѣ у какого-то обывателя. Квартира была со всѣми удобствовами и весьма-близко отъ училища. Бабуся, прибывъ прежде насъ, расположилась со своимъ хозяйствомъ и употчивала насъ ужиномъ вкуснымъ, жирнымъ и изобильнымъ. Спасибо ей! она была мастерица своего дѣла!

На другой день, домине Галушкинскій долженъ былъ вести насъ къ начальнику, помощнику и главнымъ учителямъ школъ; чего-для одѣли насъ въ новыя, долгополыя, суконныя кирѐи. Новость эта восхищала насъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, пріятно перерядиться изъ вѣчнаго халата, хотя бы и изъ китайки сдѣланнаго, въ суконную, важно-облекающую васъ кирею, изукрашенную тесьмами, снурками и кистями.

Домине инспекторъ, осмотрѣвъ насъ и повторивъ уроки, какъ мы должны были отвѣшивать впредъ

руки при поклонѣ помощнику, и какъ еще болѣе оттопыривать при нижайшемъ поклонѣ начальнику, сказалъ намъ слѣдующее наставленіе: «Вашици не забывайте, что начальникъ есть все, а вы ничтò. Стоять вы должны предъ нимъ съ благоговѣніемъ; однимъ словомъ, изобразить собою — ? — вопросительный знакъ, и премудрыя его наставленія слушать со вниманіемъ. Избави Богъ противорѣчить! Речетъ: «ложись!» —исполняй немедленно, хотя бы ты былъ раз-пере-правъ и раз-пере-невиненъ. Вытерпливай наказаніе въ мѣрѣ, видѣ и числѣ, какое соблаговолитъ назначить премудрое правосудіе его, и не смѣй возроптать ни малѣйше и никогда. Къ помощнику сохраните все то же. Въ школѣ, куда, по мѣрѣ знаній вашихъ, поступите, учителя уважайте и относитесь какъ бы къ самому начальнику; но при глазахъ реверендиссиме ставьте учителя ни во чтò. Предъ товарищами ведите себя по-шляхетски, держите себя противъ нихъ, какъ —!—знакъ удивительный, бодро, гордо, важно,—и всѣ васъ почтутъ. Въ ссорахъ спѣшите отгрызаться и заганивайте своихъ противниковъ; иначе, они унизятъ васъ хуже запятой. Въ драку сами не вступайте, но напавшаго колотите въ волю, остерегаясь дѣлать явные боевые знаки: для этого есть волосы, ребра, спина, и проч. Ходя по рынку, не рѣшайтесь ничего своровать, а наипаче вы, домине Павлусь, имѣющіе къ тому великую наклонность: здѣсь не село, а городъ; тотчасъ полиція вмѣшается. Одни не напивайтесь, но пригласивъ кого или бывъ приглашены отъ кого. Вы, домине Петрусь, одарены особымъ, счастливымъ талантомъ: можете выпить бездну и пребыть на ногахъ тверды, съ непомраченною головой. Но запахъ вина можетъ вамъ измѣнить. Для сего имѣйте всегда въ карманѣ пшено или чеснокъ. Когда васъ, находяща-

гося въ такомъ положеніи, призовутъ къ начальнику, поспѣшите пожевать пшена или чеснока и смѣло представайте къ реверендиссиму: носъ его не услышитъ. Далѣе, о прочихъ подробностяхъ, какъ вамъ вести себя и какъ поступать, скажу во оное время.»

Мы всѣ поклонились ему поклономъ, довлѣющимъ одному начальнику: такъ глубоко тронуты были искреннимъ и назидательнымъ для насъ наставленіемъ, которое, при изъявленіи вѣчной благодарности, обѣщались запечатлѣть на вѣкъ въ сердцахъ нашихъ. Само собою разумѣется, что я не говорилъ такихъ словъ, потому-что не зналъ ихъ существованія и значенія; но говорили это братья мои, а я кланялся только отвѣшивая руки впередъ—и, длинными рукавами нарядной моей кирѐи касаясь до пола, восхищался.

Благодаря попеченію бабуси, мы имѣли отличный завтракъ. Убравъ его, пошли къ начальнику, а гостинцы, привезенные для него, несли за нами люди, привезшіе ихъ изъ дома. Мы шли по улицѣ... Незабвенныя минуты! Что̀ могло равняться съ восторгомъ моимъ, когда я шелъ въ киреѣ синяго сукна, кисти коей, на длинныхъ снуркахъ, болтались туда и сюда! Не знаю, смотрѣли ли на меня проходящіе: я не заботился; я смотрѣлъ самъ на себя, шевелилъ плечами, болталъ руками, все для-того, чтобы мотались мои кисти. Истинно скажу: при женитьбѣ моей, я былъ разодѣтъ хватски, идя въ парѣ съ своею новобрачною и имѣя у пояса красный платокъ; но не былъ такъ восхищенъ своимъ нарядомъ, какъ болтающимися кистями у моей киреи... Ахъ, кирея! ахъ кисти!.. прелесть!

Мы пришли къ начальнику.

Батинька, когда мы еще жили дома, говаривалъ, намъ, чтобы мы сами готовили себя къ тому званію

какое кому нравится, исключая Павлуся, котораго предназначалъ по бумажной части, говоря: «горбъ не помѣшаетъ тебѣ быть даже и генеральнымъ судьею».

И вотъ, когда я вошелъ еще только въ прихожую начальника, то уже и рѣшился ничѣмъ не быть болѣе, какъ начальникомъ училищъ. Это было окончаніе вакацій, и родители возвращали сыновей своихъ изъ домовъ въ училища. Нужно было вписать явку ихъ, переписать въ высшій класъ: ergo, съ чѣмъ родители являлись? Птичьяго молока не несли, т. е. не несли того, чего не могли найдти въ городѣ. Я видѣлъ горы бубликовъ, булокъ, яблокъ всѣхъ родовъ, цѣлыя шеренги сахарныхъ головъ, группы боченковъ разныхъ мѣръ, штофовъ, бутылокъ... съ чѣмъ все это было, я не любопытствовалъ—меня поражало количество... Итакъ, рѣшено: желаю быть начальникомъ училища!

Наконецъ насъ допустили и къ самому. Отвѣсивъ должные высокому его сану поклоны, домине Галушкинскій началъ объясняться, что онъ не-даромъ провелъ время на кондиціяхъ: приготовилъ трехъ юношей, имѣющихъ сдѣлать честь училищу и даже вѣку. Начальникъ удостоилъ насъ обозрѣть, но нѣсколько меланхолически. Домине инспекторъ поспѣшилъ подать письмо, писанное батинькою.

Начальникъ прочелъ и взглянулъ на насъ внимательнѣе. Потомъ сказалъ руководителю нашему: «Ну, что жь?»

— Сейчасъ, сказалъ домине Галушкинскій, и началъ «дѣйствовать».

Первоначально внесъ онъ три головы сахара и три куска выбѣленнаго и тончайшаго домашняго холста.

Начальникъ сказалъ меланхолично: «записать ихъ въ синтаксисъ».

Домине Галушкинскій не унывалъ. Онъ вышелъ и

вошелъ, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ крупъ разныхъ.

Реверендиссиме, приподнявъ голову, сказалъ: «они могутъ быть и въ піитикѣ».

Наставникъ нашъ не остановился и втащилъ три боченочка: съ вишнёвкою, терновкою и сливянкою.

Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «За-чѣмъ глушить таланты ихъ? Вписать ихъ въ риторику».

Домине Галушкинскій остановился, поклонился низко и началъ говорить съ нимъ на иностранномъ діалектѣ...

«О, батинька и маменька!» думалъ я въ то время: «за-чѣмъ поскупились вы прислать своей отмѣнной грушевки, славящейся во всемъ околодкѣ! Насъ бы признали прямо философами, а чрезъ то сократился бы курсъ ученія нашего, и мы бы скорѣе возвратились въ объятія ваши!»

Тутъ я началъ прислушиваться къ разговору начальника съ Галушкинскимъ. Перваго я вовсе не понималъ: конечно, онъ говорилъ настоящимъ латинскимъ, а домине инспекторъ нашъ хромалъ на обѣ ноги. Тутъ были слова: латинскаго, бурсацкаго и чистаго россійскаго языковъ. Благодаря такого рода изъясненію, я легко понялъ, что онъ просилъ за старшихъ братьевъ помѣстить ихъ въ риторику, а меня, вмѣсто инфиміи, «по слабоумію», написать въ синтаксисъ, обѣщая заняться мною особенно и такъ, чтобъ я догналъ братьевъ.

Реверендиссиме кивнулъ головою и сказалъ: «Согласенъ. Ты знаешь, что̀ должно сдѣлать, исполни». И проговоривъ еще конечно-чистыхъ латинскихъ нѣсколько словъ, потому-что̀ я не понялъ ихъ, отпустилъ насъ.

Домине Галушкинскій обходилъ съ нами помощника и другихъ учителей. Мы кланялись имъ, подносили

гостинцы, все соотвѣтственно званію и вѣсу ихъ въ училищѣ, и возвратились въ квартиру:—братья «риторами», а я, мизерный, «синтаксистомъ».. Что̀ дѣлать!

О, благословенная старина! не могу не похвалить тебя! Какъ это покойно и справедливо: дѣти богатыхъ родителей; за-чѣмъ имъ безпокоиться, изнурять здоровье свое, мучиться вытверживаніемъ тѣхъ наукъ, которыя не потребуются отъ нихъ чрезъ весь ихъ вѣкъ? Подарено, а подарить есть отъ чего,—и дѣтямъ приписаны всѣ званія безъ потери времени и ущерба здоровья... Теперь же!... морозъ подираетъ по кожѣ! Головы сахара, боченки, штофы—и ничто, ничто не доставитъ вовсе ничего. Бѣдные молодые люди теперешняго вѣка! хоть тресни, долженъ всѣ науки выучить какъ буки азъ—ба. А сколько умножилось наукъ!—O, tempora! o, mores! (Къ-стати приведу чистую латинскую поговорку, уцѣлѣвшую въ моей памяти)... Само начальство совершенно измѣнилось въ пріемѣ, понятіи и дѣйствіи... Гдѣ ты, блаженная старина? Возвратишься ли?... Грустно!

Ну-те-съ; будемъ продолжать. Тутъ увидите, какая разница послѣдовала въ-теченіи двадцати-пяти лѣтъ, и что̀ я долженъ былъ вытерпѣть, опредѣляя въ ученіе Миронушку, Егорушку, Савушку, Ѳомушку, и Трофимушку, любезнѣйшихъ сыновей моихъ.

Наступилъ день открытія ученья. Ни ѣвши, ни пивши, мы поведены въ школы. Братья пошли особо, а я поплелся въ свой синтаксисъ, который и называть съ трудомъ могъ. Въ школу вступилъ я очень равнодушно, предоставляя все случаю, а самъ рѣшился, по наставленію нѣжнѣйшей маменьки, не учиться и не внимать ничему. Будутъ наказывать? По опыту знаю, что какъ ни бьютъ—а, правду гово-

ря, бьютъ больно! — а все же и перестанутъ; я же остаюсь при своемъ. Хорошо. Пустъ и часто, пусть и больно бьютъ, но когда же нибудь надоѣстъ имъ все битъ, да бить; вотъ и оставятъ меня. Кто же въ выигрышѣ тогда? Натурально я: здоровье и свобода при мнѣ. А между-тѣмъ туда же пойду, куда и выслушавшіе всю премудрость. Когда батинька и маменька помрутъ и мы съ братьями раздѣлимся имѣніемъ, такъ на мою долю придется порядочная часть, и тогда къ-чему мнѣ науки? къ-чему самый разумъ? —Тьфу!—произнесъ я маменькино любимое выраженіе и, по примѣру ихъ, также плюнулъ въ-самомъ-дѣлѣ,—и съ таковою рѣшимостью вступилъ въ синктаксисъ.

Насъ синтаксистовъ было большое число, и все однолѣтки. До прихода учителя я подружился со всѣми до-того, что нѣкоторыхъ приколотилъ, и отъ другихъ былъ взаимно поколоченъ. Для перваго знакомства дѣла шли хорошо. Звонъ колокольчика возвѣстилъ приходъ учителя, и мы поспѣшили кое-какъ усѣсться. Имѣя характеръ съ природы меланхоличный, то-есть, кроткій или застѣнчивый, я не любилъ выставляться, и потому сѣлъ далѣе всѣхъ, — правда и съ намѣреніемъ, что, авось-либо, меня не замѣтятъ и не спросятъ.

Учитель открылъ классъ рѣчію, прекрасно сложенною, и говорилъ очень-чувствительно. О чемъ онъ говорилъ, я ни слова не слышалъ, какъ потому-что далеко сидѣлъ, такъ и потому-что и не старался слушать. Могъ ли я что̀ понять въ рѣчи, написанной по правиламъ риторики, когда я еще готовлюсь слушать только синтаксисъ. Пустыя затѣи!

Рѣчь кончилась и учитель замѣтилъ каждому изъ

насъ, что мы должны на завтра выучить. Съ тѣмъ насъ и распустили.

«Напрасно безпокоитесь, домине учитель» разсуждалъ я, поспѣшая къ трудолюбивой бабусѣ, съ разсвѣта заботившейся о пирожкахъ къ завтраку нашему. «Учить вашего урока не буду и не буду.»— О! да и позавтракалъ же я въ тотъ день знатно!...

Домине Галушкинскій цѣлый день не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, твержу ли я свой урокъ и чѣмъ занимаюсь. А въ-силу того, я въ книжку и не заглядывалъ, и цѣлый день проигралъ съ сосѣдними ребятишками въ бабки, свайку и мячь.

Утромъ домине принялся прослушать уроки панычей до выхода въ школы. Какъ братья учились и какъ вели себя, я разсказывать уже не буду: я знаю себя только. Дошла очередь до меня. Я ни въ зубъ не зналъ ничего. И могъ ли я что-нибудь выучить изъ урока, когда онъ былъ по-латинѣ? Домине же Галушкинскій насъ не училъ буквамъ и складамъ латинскимъ, а шагнулъ впередъ, заставлялъ затверживать по слуху. Моего же урока никто и не прочелъ даже предо мною. Итакъ я не зналъ ни словечка.

Домине инспекторъ принялся меня стыдить ужасно, напоминалъ мнѣ шляхетское мое происхожденіе, знатность рода Халявскихъ и въ conclusio—такъ называлъ онъ—запретилъ мнѣ въ тотъ день ходить въ школу. «Стыдно-де и мнѣ, что ученикъ мой, на первый классъ, неисправенъ съ урокомъ.»

Я, для приличія, потупилъ голову, яко-бы устыдясь; а ей Богу! по совѣсти и чести говорю, внутренно радовался, что не обязанъ идти въ школу. Вотъ еще мнѣ нужда до знаменитыхъ Халявскихъ, предковъ моихъ! Мнѣ къ нимъ дѣла нѣтъ и они меня не знай. Съ чего буду я мучиться надъ проклятыми именительны-

ми и родительными? Предки мои не знали этихъ пустяковъ, то и не взъшцуть, хоть домине инспекторъ тресни себѣ съ досады, что потомокъ ихъ презираетъ всю учебную галиматью. Такъ я размышлялъ; а бабуся между-тѣмъ украшала столъ пирожками, блинами, яичницами, варениками... ну, прелесть, заглядѣнье!... какъ вдругъ жестокосердый домине изрекъ приговоръ: «Домине Трушко не вытвердилъ урока, за то въ классъ не пойдетъ; а когда въ классъ не пойдетъ, ergo—не долженъ участвовать и въ завтракѣ!..»

Вообразите мое положеніе! Какъ громомъ меня поразило, и я уже, по примѣру маменьки, готовъ былъ сомлѣть, какъ вдругъ меня прорвало слезами... да какими? изобильными, горькими!.. Я взревѣлъ, кричалъ, вопилъ; но домине Галушкинскій оставался непреклоненъ, и съ братьями моими сокрушалъ все, предложенное имъ. Чѣмъ меньше оставалось прелестей на столѣ, тѣмъ сильнѣе я ревѣлъ, теряя всякую надежду позавтракать хоть какъ-нибудь.

Наконецъ жестокій Галущкинскій, уходя, сказалъ: «Утѣшительно видѣть въ вашицѣ благородный гоноръ, что вы такъ страдаете отъ стыда; но говорю вамъ, домине Трушко, что если и завтра не будете знать урока, то и завтра не возьму васъ въ классъ.» Съ сими словами онъ вышелъ съ братьями моими.

«Слѣдовательно... (прилично было бы сказать «ergo», но какъ я ужасно сердился на все латинское, то и сказалъ по-россійски)... «Слѣдовательно, я и завтра безъ завтрака!...» Въ сильной горести я упалъ на постель и разливался въ слезахъ.

Въ-самомъ-же дѣлѣ, если безпристрастно посудить, то мое положеніе было ужаснѣйшее. Лишиться отличнаго завтрака!... Положимъ, я сегодня буду обѣдать, завтра будетъ тоже изобильный завтракъ; но

где я возьму сегодняшній? Увы, онъ перешелъ въ желудки братьевъ и наставника, и слѣдовательно, поступивъ въ вѣчность, погибъ для меня безвозвратно... Горесть убивала меня! . . . .

Но геній-утѣшитель бодрствовалъ близь меня...

«Паныченко! не хотите ли вы чего-нибудь закусить?» услышалъ я сладкую рѣчь бабуси, дергающей меня за руку, которою я закрылъ слезящія очи мои.

—Чего тамъ по... пок... ушать, когда все по...поѣли! отвѣчалъ я всхлипывая.

«Какое поѣли? Я вамъ всего оставила, да еще и больше, и лучшенькое» —Никакая гармонія не усладитъ такъ человѣка, какъ усладили меня эти по-видимому простыя слова; но какая была въ нихъ сила, звучность, жирность!... . . . .

Я поспѣшилъ приподнять голову и... о, восторгъ!... на столѣ пироги, вареники, яичница, словомъ, все то, лишеніе чего повергло меня въ отчаяніе.

Я перескочилъ разстояніе отъ кровати къ столу и принялся... Ахъ, какъ я ѣлъ! вкусно, жирно, изобильно, живописно, и, въ-добавокъ, полновластно: не обязанъ спѣшить изъ опасенія, чтобы товарищь не захватилъ лучшихъ частей... Если когда поручу списывать портретъ свой, то непремѣнно въ этомъ единственномъ положеніи... . . . .

Восхитительная музыка при этомъ моемъ завтракѣ не такъ бы усладила меня, какъ слѣдующій разсказъ бабуси: «Кушай, паныченко, кушай. Не жалѣй матушкинаго добра. Покушаешь это, я еще подамъ. Какъ увидѣла я, что тебя хотятъ обидѣть, такъ я припрятала для тебя все лучшенькое. Такъ мнѣ пани приказала, чтобъ ты не голодовалъ. А ты плюнь на эту грамоту, не перенимай, не учись; пусть тебя и не бе-

рутъ въ школу, я тебя буду подкармливать еще лучше, чѣмъ ихъ. Такъ мнѣ пани приказала.»

Баста! Я окончилъ завтракъ, давъ себѣ и бабусѣ торжественное обѣщаніе никогда не выучивать уроковъ и наслаждаться жизнію.

И сдержалъ свое благородное, шляхетское, какъ прилично потомку знаменитыхъ Халявскихъ, слово: не ходилъ и не былъ въ школѣ ни ногою; то, по наставленію бабуси, прикидывался больнымъ, лежа въ теплой комнатѣ подъ двумя тулупами, то терялъ голосъ и хрипѣлъ такъ, что нельзя было разслушать, что я говорю,—и много подобныхъ тому средствъ, кои, въ подробности, передалъ уже моимъ любезнѣйшимъ сыночкамъ при опредѣленіи ихъ въ училище, чтобы могли пользоваться, какъ и я... Но не на таковскихъ напалъ!—Это ужасъ, какъ уже различно отъ меня мыслятъ дѣтки мои! Говорю и утверждаю: свѣтъ выворочень на изнанку...

Домине инспекторъ, видя всегдашнее мое уклоненіе отъ ученія и истощивъ всѣ увѣщанія, выговоривъ все, что было въ понятіи его о долгѣ, о необходимости ученія, о стыдѣ отъ незнанія, наконецъ умолкъ и далъ мнѣ во всемъ полную волю. «Бабуся! наша взяла!» кричалъ я ей, и мы торжествовали, истощая домашніе съѣстные запасы.

Но домине Галушкинскій поступилъ тонко. Получая, кромѣ прочаго, за каждаго изъ насъ по двадцати рублей въ годъ, онъ не хотѣлъ лишиться такой суммы за меня; а потому и скрывалъ отъ батиньки мои уклоненія отъ ученья и всегда посылалъ имъ же написанныя тетради, вмѣсто моихъ, и подписывалъ «bene». Хвалю его за это: онъ не лишался своего, не смущалъ сердца родительскаго и отвращалъ отъ меня непріятности. Предлагаю, прошу и совѣтую всѣмъ

наставникамъ теперешняго юношества такъ поступать, и они сознаются, что отъ-того произойдетъ общее благо.

Къ рождественскимъ светкамъ мы должны были возвратиться домой. Батинька приказывали намъ привезти свидѣтельства о ученіи и поведеніи нашемъ. Не знаю, какіе аттестаты получили братья; полагаю, что недурные, потому-что Петруся боялись не только риторы, но и самые философы: онъ безъ вниманія оставлялъ ученость ихъ, и, въ случаѣ неповиновенія и противорѣчія, тузилъ ихъ храбро; никто не смѣлъ ему противоборствовать. Да и на кулачныхъ бояхъ, куда мы ходили подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ учителей, подъ простою одеждою скрывшихъ свою знаменитость, и тамъ Петрусь былъ законодателемъ, и въ какой стѣнѣ онъ стоялъ, тамъ и была побѣда. Высокъ ростомъ, широкоплечь, мужественъ, неустрашимъ, храбръ, горячь, вспыльчивъ, за бездѣлицу кого бы ни было, онъ тотчасъ по мордасу и выходитъ на кулаки, — все трепетало его. Онъ отъ Фортуны одаренъ былъ всѣми геройскими достоинствами! Такъ какъ уже такой не получитъ по всей справедливости лучшаго аттестата? Одинъ изъ начальствующихъ въ училищѣ говаривалъ, глядя на него: «Завидный молодецъ! сильный по роду, сильный по богатству и сильный по силѣ своей!»

Братъ Павлусь другими достоинствами пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Природою обиженный въ своей «натуральности», какъ выражались о немъ учители, онъ богатъ былъ хитрымъ, тонкимъ и изобрѣтательнымъ умомъ. Чтобы имѣть большій кругъ для дѣйствій своихъ, онъ присталъ къ бурсакамъ и, чистосердечно сказать, его способами они роскошествовали въ пищѣ и прочемъ. Изъ всѣхъ подвиговъ его

вкратцѣ скажу: онъ выходилъ всегда на рынокъ, припасши на бѣломъ конскомъ волосѣ, связанномъ длиною саженей пять, удочку, закрытую какимъ-нибудь лакомствомъ для птицы. На каждомъ рынкѣ обыкновенно ходятъ домашнія птицы: куры, гуси, индѣйки и живятся крохами. Въ кучу ихъ Павлусь бросить свою удочку и съ волоскомъ отойдетъ подалѣе, примѣчая, пока удочку его схватитъ индѣйскій пѣтухъ. Тутъ Павлусь побѣжитъ изо всей силы, а бѣдный пѣтухъ, чувствуя боль въ горлѣ, не можетъ сопротивляться тянущей его удочкѣ, бѣжитъ какъ бѣшеный, голову протянувъ, глаза выкативъ и растопыривъ крылья. Народъ, не примѣчая бѣгущаго школяра и также волоска, коимъ тащится пѣтухъ, смотритъ на необыкновенное положеніе птицы, удивляется, кричитъ: «гляди, гляди! вотъ чудесія! сказился индикъ!» Въ воротахъ бурсы встрѣчаютъ побѣдителя съ тріумфомъ, а добычу, схвативши, немедленно зарѣзываютъ и на бѣгу ощипливаютъ перья, очищаютъ и чуть только вбѣгутъ въ кухню, кидаютъ въ котелъ уже совсѣмъ къ варенію изготовленную птицу.

Снабдивъ такимъ и подобнымъ-образомъ бурсаковъ пищею, братъ Павлусь позаботится о снабженіи ихъ и питейною частью. Для сего онъ пріищетъ широкую шинель, уберетъ ее какъ-то хитро и мудро, спрятавъ подъ нее два штофа на особыхъ снуркахъ и, наполнивъ одинъ водою, а другой оставивъ пустымъ, идетъ въ шинокъ. Тамъ онъ рѣшительно требуетъ наполнить пустой штофъ водкою и спроситъ смѣло, сколько слѣдуетъ за водку денегъ? Штофъ же съ полученной водкою между тѣмъ спрячетъ за горбъ свой: Услышавъ же, что должно за штофъ водки заплатить двадцать копеекъ, онъ разсердится, перебранитъ шинкаря и, будто, въ досадѣ, вытащитъ опять назадъ

штофъ, но искусно подмѣнить на тотъ, что̀ съ водою, и выливаетъ ее въ кадку, крича, что ему водки такой дорогой не надо. Шинкарь, не имѣя времени съ нимъ торговаться и спорить, почитая, что онъ свою водку получилъ обратно, отгоняетъ его отъ кадки. Павлусь въ торжествѣ спѣшитъ въ бурсу, гдѣ и получаетъ должную признательность.

То ли онъ дѣлывалъ, ходя по рынку и *собирая секретно* бублики, палляницы, яйца, пшено, макъ и проч. и проч.? И надобно отдать честь его проворству производить, и необыкновенной способности изворачиваться, когда онъ бывалъ замѣченъ и изобличаемъ въ дѣйствіяхъ своихъ: всегда былъ правъ... Нѣтъ, еслибы не уродливость его, онъ пошелъ бы далеко, къ чести всей фамиліи Халявскихъ!

И такому таланту не дать аттестата? Слѣдовало бы списать всѣ его дѣянія и тонкости, и напечатать большою книгою и приложить картинки. Пусть бы теперешніе молодые люди читали и, подражая, изощряли бы свой умъ. Но куда имъ!

Домине инспекторъ, пользы ради своей и выгодъ, исходатайствовалъ и мнѣ свидѣтельство, въ коемъ сказано было, что я «былъ въ синтаксическомъ классѣ и какъ за ученіе, такъ и за поведеніе никогда наказываемъ не былъ».

Батинька, не добравшись хорошенько до настоящаго смысла, очень-довольны были таковымъ засвидѣтельствованіемъ и, наравнѣ съ братьями, по пріѣздѣ нашемъ домой, пожаловали и мнѣ въ гостинецъ свѣжее, зимнее яблочко.

Радость же маменьки, при видѣ дѣтей своихъ — и, кажется, болѣе всѣхъ, меня — возвратившихся здоровыми и непохудѣвшими, была неописана! Я даже

заболѣлъ: такъ меня закормили и жирнымъ и сладкимъ.

Когда же маменька узнали, что домине Галушкинскій не изнурялъ меня ученіемъ, то пожаловали ему съ батинькиной шеи черный платокъ, а другой новый бумажный для кармана, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ и благодаренъ. Да кромѣ того, вотъ еще что.

Пріѣхавъ домой, я увидѣлъ большія перемѣны. Въ маменькиной спальнѣ на лежанкѣ стоялъ мѣдный сосудъ, коего употребленія я еще не зналъ. По сродному мнѣ любопытству, я распрашивалъ объ этомъ сосудѣ и объ употребленіи его; маменька мнѣ сказали, что это «самоваръ», въ немъ-де грѣется вода, а изъ воды приготовляется напитокъ, называемый чай, который «хотя и дорогъ, бестія!» (такъ маменька выразились), но какъ вездѣ вошелъ въ употребленіе, то и онѣ, чести ради рода нашего, завели его у себя, и Хиврю отдавали въ науку приготовлять чай, и она его мастерски готовитъ; при чемъ обѣщали насъ полакомить завтра этимъ напиткомъ. «Оно, правда, и вкусно» говорили маменька: «но какъ-то противно ни ѣвши, ни пивши употреблять его. Ты, Трушко, завтра сдѣлай такъ, какъ я дѣлаю въ то утро, когда *готуютъ* чай: сбѣгай въ булошную; тамъ будутъ пирожки, блины и булочки приготовлять къ завтраку, такъ ты похватай тамъ чего побольше, да тогда смѣло уже употребляй чай; онъ тебѣ покажется пріятенъ. Вотъ кофе— такъ не могу пить: изъ души воротитъ, хотя его и послѣ обѣда должно принимать. Я его и не завожу и не посылаю Хиври учиться приправлять его. Разъ только я пила у своей кумы, у Алены Васильевны; да... тьфу!» — При семъ маменька, поворотясь въ ту сторону, гдѣ живетъ Алена Васильевна, плюнули отъ негодованія на ея кофе.

Пожалуйте же, что тутъ за комедія вышла на другой день. Вотъ мы собрались всѣ около стола, на которомъ шумѣлъ самоваръ, а Хивря хлопотала около него и только, знай, закидывала свои длинные волосы на затылокъ, потому-что, не успѣвъ причесаться, не вплела ихъ въ косу: такъ они такъ и падали и въ чашки, и въ чайникъ, что насъ очень веселило. Маменька, по заботливости своей, растолковали намъ, какъ выливать чай изъ чашки въ блюдце, какъ дуть, чтобъ остудить, и какъ потомъ закрыть чашку. Все готово, и намъ подали по чашкѣ чая. Я исполнилъ по маменькиному предварительному совѣту и нахватался въ булочной разной стряпни до жажды, и потому мнѣ показался чай удивительнымъ напиткомъ, равно какъ и братьямъ моимъ. Правда, запахъ и вкусъ былъ настоящаго мыла, потому-что — маменька такъ говорили — «Этой проклятой травы нельзя ни съ чѣмъ держать: такъ и принимаетъ чужой запахъ. Хорошо же еще, что теперь мыломъ несетъ, такъ несовсѣмъ противно; а то, какъ были гости, такъ чистый чеснокъ. Эта благоразумная Хивря держала его на полкѣ, гдѣ и чеснокъ»... Вдругъ, при этомъ словѣ, маменька крѣпко разгнѣвались, покраснѣли какъ кровь и напустили на Хиврю, чайную стряпуху, зачѣмъ она такъ много воды навела въ чайникѣ: больше чашки оставалось; куда съ нею дѣваться? Жирно будетъ, какъ этакой дорогой напитокъ да выливать!... «Вотъ что развѣ сдѣлать» сказали маменька и повеселѣли, что не пропадетъ чайная вода.

«Позовите-ка Галушку сюда!» Такъ маменька называли нашего инспектора, не гнѣваясь на него и не въ презрѣніе, а такъ: домине, какъ мы называли, не могли произнести за тѣмъ, что иностранное слово, а онѣ иностранныхъ діалектовъ не знали; паномъ, какъ

называли батинька, не хотѣли отъ гордости и говорили: «какъ же васъ (т. е. батиньку) уже величать, когда школяръ будетъ панъ?» Всей же фамиліи «Галушкинскій» не могли выговорить, потому-что не знали россійской грамоты. Итакъ титуловали его просто: «Галушка, да и Галушка».

Вотъ и пришелъ домине «Галушка». Маменька изъ своихъ рукъ поднесли ему чашку чая. Домине началъ отказываться, что онъ ничего хмѣльнаго во всю филипповку въ ротъ не беретъ.

Маменька увѣрили его, что это чай, а не хмѣльное.

Реверендиссиме взялъ чашку, поклонился батинькѣ и маменькѣ и, на штатскомъ языкѣ, произнесъ желаніе здравія, во всемъ преуспѣянія, изобилія въ достаткѣ, веселія въ чувствахъ и т. п., и при послѣднемъ словѣ хлебнулъ, не наливая, какъ бы должно, въ блюдце, а прямо изъ чашки,—обжегся сильно, дѣлалъ разныя гримасы и признавался послѣ, что только стыда ради не швырнулъ чашку о полъ.

Мы, глядя на его дѣйствія и замѣшательство, катались отъ смѣха... Кое-какъ выпилъ домине Галушкинскій свою чашку и—опять замѣшательство!— не накрывши чашки, поднесъ ее къ маменькѣ...

«*А зуски не хочешь?*» сказали ему маменька. Онѣ съ нимъ обращались безъ политики. «Разжирѣешь, по двѣ чашки пивши. Благодари и за одну.»

Домине инспекторъ былъ какъ во тьмѣ, не понимая причины гнѣва маменькинаго; но батинька тутъ же изъяснили ему правила, необходимыя при употребленіи чая. Домине въ учтивыхъ выраженіяхъ просилъ извиненія, оправдываясь, что для него это была первина,— и все устроилось хорошо; другой чашки ему не подали, и онъ не просилъ.

Къ-стати еще одно замѣчаніе объ этомъ восхититель-

номъ напиткѣ, чаѣ. Вѣдь надобно же родиться такому уму, какимъ былъ озаренъ братъ Павлусь! — Всѣ мы пили чай: и батинька, и маменька, и мы, и домине Галушкинскій; но никому не пришло такой счастливой догадки и богатой мысли. Онъ, выпивши свою чашку и подумавши, сказалъ: «напитокъ хорошъ; но самъ по себѣ пресенъ очень; рюмку водки сюда, тогда бы все исправило.»

Мы всѣ и батинька засмѣялись; но на повѣрку вышло, что онъ правду говорилъ. Петрусь и домине, по предложенію Павлуся, начали расправлять чай водкою и не нахвалились усовершенствованіемъ. Домине Галушкинскій, выпивая чашку, всегда говорилъ: «лучше олимпійскаго нектара!»

И такова благодарность потомства къ первымъ изобрѣтателямъ! Чтобъ недалеко ходить, я вамъ укажу на два разительные примѣра. Кто открылъ четвертую часть свѣта? Христофъ Коломбъ. Назвали ли её въ честь его?—То-то же! Я думаю, ни у одного Американца нѣтъ и портрета его.—Кто первый изобрѣлъ пресность чая приправить вкуснымъ и полезнымъ? Исторически извѣстно, что тайну сію постигъ первый и не скрылъ отъ потомства Лубенскаго Казачьяго Полка подпрапоренко, Павелъ Мироновичъ Халявскій; но отдастъ ли ему потомство признательность?.. Сколько ни пьютъ такъ-называемый по-иностранному пуншъ, никто не вспомнитъ о первомъ изобрѣтателѣ! Хотя бы изъ національной гордости включили имя Павлуся въ списокъ людей, бывшихъ полезными человѣчеству своими изобрѣтеніями!

Но что̀ я говорю? Самый пуншъ сей,—или, по модному говоря — «этотъ» напитокъ выходитъ изъ употребленія. Доживемъ еще до того, что будутъ стыдиться подавать его въ хорошемъ обществѣ, — чего доб-

раго!—напитокъ, признанный самымъ реверендиссиме домине Галушкинскимъ изящнѣе олимпійскаго нектара!

Батинька не хотѣли сами наслаждаться удовольствіемъ, доставляемымъ ученостію сыновей своихъ, и пожелали раздѣлить оное съ искренними пріятелями своими. На таковъ конецъ затѣяли позвать гостей обѣдать на святкахъ. Не перебранили же маменька и званыхъ гостей, и учившихъ насъ, и кто выдумалъ эти глупыя науки! и все тихомолкомъ, чтобъ батинька не слыхали; всѣ этѣ проклятія шли въ уши поварки, когда приходила требовать масла, соли, оцета, родзынковъ, и проч.

Вотъ и пріѣхали: Алексѣй Пантелемоновычь Брыкайловскій, бунчуковый товарищь. О, да и умная же голова! Слушалъ философію и имѣлъ собственныя книги на латинскомъ языкѣ съ собственноручною о принадлежности подписью на томъ же діалектѣ, и съ означеніемъ цѣны римскими цифрами. Божился домине Галушкинскій, что самъ своими глазами это видѣлъ.

Другой былъ Потапъ Корнеевичъ, человѣкъ, не то что съ умомъ, но боекъ на словахъ: закидывалъ другихъ рѣчью, и для себя и для нихъ безтолковою, правда, но уже за-то никогда не останавливался.

Третій, Кондратъ Демьяновичъ... нѣтъ, лгу: Даниловичь—и точно Даниловичь, помню вотъ почему: маменька назвали его Кондратъ Демьяновичь, а батинька не вытерпѣли, да тутъ же при всѣхъ и сказали: «Что это вы, маточка, вздумали перекрещивать людей? скоро и я буду у васъ уже не Осиповичемъ. Такъ я этакъ глумиться надъ собою не позволю. Родился законно Осиповичемъ, Осиповичемъ и умерсть хочу. Такъ и ихъ; не перемѣняйте имъ и отчества въ оби-

ду или въ насмѣшку. Кондратъ Даниловичъ—кажется, не трудно выговорить.»

Маменька покраснѣли, покраснѣли до ушей, да стыда ради и вышли скорѣе.

Ужь такіе батинька были, что это страхъ! За бездѣлицу, было, такъ разлютуются, что только держись! Никому спуска нѣтъ. А въ другой разъ, такъ и ничего. Это было по комплекціи ихъ, хоть и за дѣло, такъ и тише мокрой курицы; сидятъ себѣ, да только глазами хлопаютъ. Тогда-то маменька могли имъ всю правду высказывать, а они въ отвѣтъ только рукой машутъ.

Вотъ же я, заговорившись о нихъ, забылъ, о чемъ разсказывалъ... Да; о Кондратѣ Даниловичѣ, что вмѣстѣ съ прочими званъ былъ на обѣдъ и послушать нашей учености.

Кондратъ Даниловичъ имѣлъ счастливый темпераментъ: все хвалилъ хозяйское, у кого обѣдалъ. Когда подавали ему жаренаго гуся, то онъ говорилъ, что гусь лучше всѣхъ мясъ на свѣтѣ, и жирнѣе, и вкуснѣе, и сытнѣе. Подайте же назавтра ему индѣйку, то уже и гусь и все никуда не годится,—одна индѣйка цаца. Я нахожу, что онъ съ этой стороны счастливо надѣленъ былъ Фортуною. Батинька поступили хитростно, пригласивъ его къ обѣду. Когда бы мы не отличились своими знаніями, то два первые гостя не похвалятъ, такъ третій будетъ хвалить,—вотъ и раздѣлились бы мнѣнія. Батинька были тонкаго и проницательнаго ума человѣкъ!

Настала день обѣда. Гости съѣхались. Насъ воззвали и мы, отдавъ должный, почтительный решпектъ, стали у дверей чинно. Гости осмотрѣли насъ внимательно и, казалось, довольны были нашею наружностію и пріемами. А особливо Алексѣй Пантелемоновичъ;

онъ таки даже улыбнулся и принялся испытывать Петруся. Во-первыхъ началъ узнавать его качества. Для этого онъ подошелъ къ нему близёхонько и, спросивши объ имени и объ отчествѣ, прислушивался къ братнинымъ отвѣтамъ, не несетъ ли отъ него горѣлкою, но не на таковскаго напалъ! Во-первыхъ, Петрусь былъ и самъ обширнаго ума юноша, а къ-тому же помнилъ наставленія домине Галушкинскаго и взялъ всѣ предосторожности; слѣдовательно, первый предметъ кончился въ пользу его.

Тутъ уже Алексѣй Пантелемоновичь приступилъ къ ученой части. Подумавши, поморщась, потерши лобъ, наконецъ спросилъ: «сколько россійская грамматика имѣетъ частей рѣчи?»

Петрусь, не смѣшавшись ни въ чемъ, вдругъ ему отрѣзалъ: «Прежде, нежели я отвѣчаю на ваше предложеніе, дозвольте краткими словами объять всѣ предметы и въ-силу того просить у васъ разрѣшенія: знаніе отъ науки или наука отъ знанія?»

—Принимаю, домине, ваше предложеніе... но нѣчто не совсѣмъ ясно его понимаю, сказалъ смутясь экзаминаторъ.

«Объясняю. Знаніе ли предмета составило науку, или наука открыла въ человѣкѣ знаніе? Поясняю слѣдующимъ предложеніемъ: человѣкъ постигъ грамматику и составилъ ее; ergo, до-того не было ея. Какимъ же образомъ онъ постигалъ ту науку, которой еще не было? Обращаюсь къ первому предложенію: знаніе ли отъ науки или наука отъ знанія?»

Я говорю, что Петрусь былъ необыкновеннаго ума. Онъ имѣлъ талантъ всегда забѣгать впередъ. За обѣдомъ ли, то еще борщъ не съѣденъ, а онъ уже успѣетъ жаркаго отвѣдать; въ борьбѣ ли, еще не сцѣпился хорошенько, а ужь ногою подбиваетъ противника. Такъ

и въ наукахъ: ему предлагаютъ начало, а онъ уже за конецъ хватается. Вотъ и теперь, шагнувши такъ быстро, смѣшалъ совсѣмъ Алексѣя Пантелемоновича до-того, что тотъ, приглаживая свой чубъ, отошелъ въ сторону и говоритъ: Какъ науки въ томъ же училищѣ, гдѣ и я учился, усовершенствовались! При мнѣ,— а я слушалъ философію,—объ этомъ предложеніи не разсуждали. Но—голова!» Такъ заключилъ Алексѣй Пантелемоновичъ, обратясь къ батинькѣ и на словѣ *голова* возвышая голосъ и подмигивая на Петруся.

Батинька просили его приняться за Павлуся. Послѣ первыхъ приступовъ, Алексѣй Пантелемоновичъ спросилъ его:

«Что есть россійская грам-матика?»

На лицѣ Павлуся не замѣтно было никакого замѣшательства. Я слышалъ, что онъ ничего не успѣлъ въ наукахъ, но, знавъ его изобрѣтательный умъ, не боялся ничего. Онъ съ самонадѣянностью выступилъ два шага впередъ, поднялъ голову, глаза уставилъ въ потолокъ, какъ въ книгу, руки косвенно отвѣсилъ впередъ и началъ точно какъ по книгѣ:

«Россійская Грамматика, сочиненія Михаила Ломоносова, Санктпетербургъ. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1765. Наставленіе второе. О чтеніи разнородныхъ чиселъ. Россійская грамматика есть философское понятіе; къ сему насъ ведетъ самое естество, ибо когда я разсуждаю, что, помноживъ дѣлителя на семью-семь—тридцать-семь, пятью восемъ,—двадцать-восемъ, тогда именительный кому, дательный кого, звательный о комъ, седьмое предлогъ, осьмое мѣстоименіе, девятое не укради...» Итакъ далѣе пошелъ; да какъ пошелъ! словно подъ гору бѣжалъ не останавливаясь и не мигая глазами, но голосомъ рѣ-

шительнымъ и съ совершенною увѣренностію, что говоритъ дѣло.

Алексѣй Пантелемоновичъ отъ удивленія сперва разинулъ ротъ, потомъ поднялъ вверхъ руки, наконецъ бросился къ Павлусю, давай его обнимать и кричать: «Довольно, довольно! Я въ изумленіи!... Остановись... отдохни!..» Куда! Нашъ молодецъ, какъ-будто сѣвъ на ученость, погоняетъ по всѣмъ и несется что есть духа, ломая все, что на встрѣчу попадается. Трещитъ грамматика, лопается ариѳметика, свиститъ піитика, въ дребезги летитъ логика... Наконецъ кое-какъ уняли его, и онъ остановился запыхавшись. Удивительный умъ, бѣглость мыслей, проворство языка, находчивость необыкновенная!.. Да, это былъ человѣкъ!

Потапъ Корнѣевичъ и отъ Петруся былъ внѣ себя, и выхвалялъ его словами отборными. Когда же проораторствовалъ Павлусь, тутъ онъ вскричалъ: «Это геній! ему въ академіи нечему учиться. Поздравляю, Миронъ Осиповичъ, поздравляю! И должно безпристрастно сказать, что старшій сынъ вашъ имѣетъ много разума, а другой много ума. Подлинно, вы счастливый отецъ, Миронъ Осиповичъ, счастливый! Давайте намъ поболѣе такихъ фаворитовъ.... нѣтъ, не такъ... пат... патри... патріотовъ. — Посмотримъ, что скажетъ третій.»

У меня душа такъ и покатилась!.. Я не имѣлъ ни павлусинаго ума, ни петрусинаго разума; да таки, просто, не зналъ ничего и не могъ придумать, какъ изворотиться. Къ-счастію успокоили меня, предложивъ по мѣрѣ знаній моихъ вопросъ:

«По наружности вашей физіогномики»—такъ съ-высока началъ Алексѣй Пантелемоновичъ: — «я, посредствомъ моей прононціаціи вижу, что съ васъ будетъ

голубчики мои! Ни маленькаго брюшка ни у одного, ни аппетитца порядочнаго. Дослуживались въ полкахъ чиновъ; и орденовъ набрали, правда; но нахватали и ранъ и увѣчья. Побрачились все на бѣдныхъ; только и смотрѣли, чтобъ были обученныя. Тьфу ты пропасть! Ужь и у женщинъ спрашиваютъ ума! Вотъ вѣкъ!..

Это же сыновья мои единоутробные; а что же со внуками дѣлается, такъ и ума не достанетъ понять ихъ! Волосы дыбомъ становятся, какъ пристанешь слушать ихъ. Вѣдь всѣ бѣги небесные знаютъ; звѣзды у нихъ на-перечетъ и куда какая идетъ, это все знаютъ, какъ-будто они разсуждаютъ, изъ чего составленъ винегретъ. Да не только мужескій полъ поглощаетъ премудрость, самыя женщины, ну что онѣ такое? ничего больше, какъ женщины, да и тѣ въ превыспренности вдаются. Ужь не только на гусляхъ, на клавирахъ рѣжутъ, да какъ? что даже на варіаціи поднимаются; поютъ кантики, совсѣмъ отлично сложенныя отъ прежнихъ, я вамъ скажу: соблазнительно-сложенныя! Моя Анисья Ивановна заставила однажды нашу Пазиньку спѣть *что-нибудь хорошенькое*, слушала ее, раскладывая гарпасью, слушала, слушала— что жь? не выдержала, и, подошедъ ко мнѣ, страстно поцаловала, а ужь бабѣ 52 года! Что же молодыя должны чувствовать отъ ихъ кантиковъ? А та же Пазинька, да Настинька, обученныя иностраннымъ діалектамъ, при насъ битыхъ два часа разговаривали съ офицерами на проклятомъ французскомъ. Какъ усердно ни прислушивался, ни одного слова не поймалъ, и похожаго нѣтъ, какъ насъ училъ домине Галушкинскій, вѣчная ему память! Какой же изъ этого послѣдовалъ результатъ (модное слово, схваченное мною у гувернёра,— тоже, что и Галушкинскій—внуковъ моихъ)? Пазинь-

ка ту же ночь съ тѣмъ же офицеромъ ушла и за непрощенiемъ нашимъ родительскимъ ѣздитъ гдѣ-то по полкамъ. Настинька въ частыхъ перепискахъ съ различными молодыми людьми ловится, бранима бываетъ, да не унимается. А какъ бы по старинному? А теперь такъ и осталась намъ на шею. Да чего! малолѣтки, внучки мои, то и дѣло у окна: тотъ-де хорошъ; вотъ прошелъ пригожъ; смотри-ка, какiе усики и тому подобное, а еще цыплята: 11 и 12 лѣтъ. Тьфу ты пропасть! скажу я, какъ маменька говаривали и плюнулъ бы при этомъ словѣ, да не знаю, куда плюнуть особенно: вездѣ одно и то же!

Вотъ эти-то обученiя, эти наученiя перемѣнили весь свѣтъ и всѣ обычаи. Просвѣщенiе, вкусъ, образованность, политика, обхожденiе, все не то стало, какъ бывывало въ нашъ вѣкъ. Все не то, все не то? Вздохнешь и—замолчишь. Замолчу же и я. Присмотрѣвшись хорошенько и вникнувши во всѣ тонкости теперешняго любовнаго обращенiя и супружеской жизни, я когда-нибудь изложу еще такое же свое мнѣнiе и докажу, что причиною тому, что люди въ любви стали не такъ нѣжны, въ супружествѣ не такъ вѣрны и вообще, во всѣхъ дѣлахъ своихъ, стали не такъ благоразумны, какъ мы, родоначальники ихъ, были.

ГРЫЦЬКО ОСНОВЬЯНЕНКО.

МОЙ МИЛЫЙ ВЪ МІРЪ ПОШЕЛЪ ИМЪ ЛЮБОВАТЬСЯ.

(Изъ Рюкерта.)

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться.
Прекрасный міръ во всей красѣ своей!
Предстань ему, въ вѣнцѣ своихъ лучей,
Чтобъ могъ тебѣ, о міръ, онъ довѣряться!

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться
Въ блестящемъ зеркалѣ любви моей.
И города и свѣжій злакъ полей
Все, все должно сіять и красоваться.

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться,
Земля его — владыка онъ надъ ней,
И манію властителя бровей
Все на землѣ должно повиноваться.

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться.
Какъ жители бродячіе степей,
Гдѣ остановитъ взоръ своихъ очей,
Гдѣ хочетъ, можетъ онъ располагаться.

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться.
О, лейтеся, источники, живѣй!
Лѣса, поля, цвѣтите зеленѣй!
Дождемъ лучей должно все орошаться.

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться.
И небо, и земля, и даль морей,—
Все, все, куда проникъ лишь блескъ огней
Свѣтилъ,—ему должно все покоряться.

Мой милый въ міръ пошелъ имъ любоваться.
Я въ-слѣдъ за нимъ незримѣе тѣней.
Мы будемъ жить гдѣ лучше, гдѣ свѣтлѣй,
Гдѣ захотимъ и онъ и я остаться.

М. КАТКОВЪ.

ЮГЪ.

—

Благословенный край; гдѣ небо голубое
Прозрачнымъ пологомъ простерлось надъ землей;
Гдѣ нѣжный апельсинъ и пышное алоэ
Цвѣтутъ, взлелѣяны безсмѣнною весной!
Гдѣ воздухъ — ароматъ; гдѣ нѣгой дышатъ воды;
Гдѣ роза и жасминъ съ акаціей густой
Сплелись въ роскошные, причудливые своды,
И ублажаютъ лѣнь прохладной тишиной!
Гдѣ дѣвы стройныя, съ блестящими очами,
Прекрасны какъ любовь, и знойны какъ она;
Гдѣ жизнь какъ лава бьетъ огнистыми струями,
Огнемъ живыхъ страстей и небомъ калена!..
О благодатный югъ!.. Ты въ чудный день зижденья
Улыбкой былъ земли передъ Творцомъ;
Ты первый жертвенникъ любви и наслажденья;
Ты храмъ, гдѣ человѣкъ ущедренъ божествомъ!..
Приду ль когда-нибудь скитальцемъ утомлённымъ,
Подъ сѣнію твоей я съ нѣгой отдохнуть,
И рощей миртовыхъ дыханьемъ благовоннымъ
Отрадно освѣжить тоскующую грудь?
Нѣтъ, не къ тебѣ, о югъ, лежитъ мой путь печальный:
На сѣверныхъ снѣгахъ сложу я посохъ свой;
Лишь призракъ твой одинъ, плѣнительный и дальній,
Могу я обнимать волшебною мечтой!...

НИКОЛАЙ ВУИЧЪ.

СТРАДАНІЕ ВЪ УДѢЛЪ ТЫ ПОЛУЧИЛА.

(Вольный переводъ изъ Гейне.)

Страданіе въ удѣлъ ты получила,
Намъ суждено обоимъ здѣсь страдать;
Пока въ насъ смерть сердецъ не охладила
Намъ суждено обоимъ здѣсь страдать.

*
* *

Ты съ гордою улыбкой мнѣ внимаешь,
Насмѣшливо ты смотришь на меня...
Обманъ! обманъ! — я знаю, ты страдаешь,
Ты столько же страдаешь, какъ и я.

*
* *

Ты хочешь скрыть улыбкою страданье,
Ты слезъ своихъ не хочешь показать...
Я вижу ихъ!... напрасное старанье! —
Намъ суждено обоимъ здѣсь страдать.

М. КАТКОВЪ.

ВАЗАНТАЗЕНА.

Остановись, Вазантазена,
На мигъ помедли, жрица нѣгъ!
Бѣжитъ, испугомъ окрыленна,
Неуслѣдимъ прелестной бѣгъ.
Чуть гнется рисъ подъ легкой ножкой,
Она, какъ вѣтръ, скользитъ на немъ,
И подъ жемчужною сережкой
Ланиты вспыхнули огнемъ.

—Остановись!.. Пусть воздухъ чистый
Твое дыханье освѣжитъ!
Опасенъ лугъ еще росистый,
И змѣй въ травѣ! —Она бѣжитъ,
Бѣжитъ, дрожа какъ вѣтвь банана,
Какъ лань, встревоженна ловцомъ.
Помедли, роза Индостана!
Взгляни: туманъ еще кругомъ!

Напрасно... Пурпуръ ткани тонкой
Взвѣваетъ легкій вѣтерокъ;
Звѣнитъ вкругъ стана поясъ звонкой,
Звучатъ калхалы рѣзвыхъ ногъ.
Сверкаютъ камни дорогіе
Въ ея власахъ, и свѣжій зной
Волнуетъ перси молодыя,
Златою сжатыя корой.

Привѣтно пальмы Бенареса
Главой зеленою шумятъ.
Уже ли въ мракъ священный лѣса
Укрыться дамъ ей въ сѣнь прохладъ?..
Нѣтъ, въ-слѣдъ за ней быстрѣе птицы!
Пью ароматъ ея кудрей...
И робкій крикъ стыдливой жрицы
Покрылъ въ дубравѣ соловей.

ОЗНОВИШИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРМЕЙСКАГО ОФИЦЕРА.

—

Въ 1828 году наша дивизія подходила къ границамъ Булгаріи. Самое свѣжее воображеніе двадцатилѣтняго корнета высохнетъ на длинныхъ переходахъ въ Буджакѣ, нынѣшней Бессарабіи, этой обширной равнины, окруженной Днѣстромъ, Прутомъ, Дунаемъ и Чернымъ Моремъ. Отъ границъ Подольской Губерніи до самой Булгаріи, мы встрѣчали только песокъ, кукурузу, болото, кустарникъ и сѣдыя волны ковыля, посреди которыхъ префлегматически расхаживали огромныя стада воловъ, буйволовъ и бизановъ. Ни одного порядочнаго села, ни одного господскаго дома при дорогѣ; вездѣ степь длинная, скучная и однообразная, какъ проза канцелярскаго чиновника. Прибавьте къ этому страшные слухи о скорпіонахъ и тарантулахъ, о чумѣ и молдаванскихъ лихорадкахъ, которые наводили иногда уныніе на самыя веселыя головы, заставляя ихъ задумываться о другомъ существованіи безъ лихорадокъ и скорпіоновъ. Жителей въ Бессарабіи, какъ извѣстно всякому, весьма-немного, и большая часть изъ нихъ разсѣяна въ степяхъ; однакожь мы встрѣчали на этой безконечной равнинѣ не однѣ крытыя *арбы** туземнаго *чабана***: по до-

* Арба — кочевая повозка съ кровлей.

** Чабанъ — пастухъ.

рогѣ отъ Тульчина до Кишенева намъ попадались люди всевозможныхъ племенъ и поколѣній, если можно только назвать людьми въ полномъ смыслѣ этого слова Молдаванъ, Грековъ, Булгаръ, Армянъ, Сербовъ, Татаръ, Жидовъ и Цыганъ.

Нѣтъ страны, особливо въ военное время, которая не представляла бы офицеру какихъ-нибудь удовольствій, а потому и Бессарабія, эта пустынная страна, брошенная на жертву чумѣ и змѣямъ, была для насъ военныхъ несовсѣмъ безъ свѣта и жизни. Не говоря уже о томъ, что иногда попадались намъ подъ руку премиленькія куконы и куконицы, которыя своею любезностію заставляли подергивать усами даже старыхъ, обстрѣленныхъ въ обществѣ женщинъ, усачей, самое отдохновеніе, послѣ длинныхъ и утомительныхъ переходовъ, невыразимо пріятно не только въ прохладной тѣни боярскихъ садовъ, но и въ бѣдной хижинѣ простаго селянина. А что можетъ сравниться съ удовольствіемъ, когда, оставивъ орудія въ паркѣ и отправившись со взводомъ на растахъ въ удаленную отъ большой дороги *сату**, вдругъ попадешь на вкусный столъ гостепріимнаго помѣщика и на черные глаза его прелестной половины, которая безъ церемоніи запоетъ вамъ подъ дикіе звуки кобзы:

Мититика, Мититика, винами коачь!
Баю, баю, нам ни фань!

Тогда, повѣрьте мнѣ, забудешь не только о прозаической Бессарабіи, но и о бивуачной жизни, всегда-неразлучной съ лишеніями, забудешь о непогодахъ и вьюгахъ и даже не вспомнишь о тѣхъ, которыхъ такъ чистосердечно любилъ въ мирное время. Завидная жизнь солдата! веселый и здоровый, онъ часто хва-

---

* Сату-большая деревня, село.

таетъ на лету такія наслажденія, за которыми тысячи молодыхъ людей гоняются цѣлые мѣсяцы, а главное— онъ никогда не имѣетъ времени пресытиться этими удовольствіями и разочароваться въ своихъ дульцинеяхъ. Влюбившись на днёвкѣ, онъ не успѣетъ хорошенько и осмотрѣться въ своемъ сердцѣ, какъ труба зоветъ уже его на коня, и, очарованный, онъ летитъ въ поле, гдѣ мечтаетъ на-просторѣ о своей богинѣ и придаетъ ей въ воображеніи такія небывалыя прелести, созданію которыхъ позавидовалъ бы и любой поэтъ нашего прозаическаго вѣка. Неудивительно послѣ этого, что старые рубаки, протаскавшись всю жизнь по бѣлому свѣту, ведутъ любовныя дѣла какъ агнцы невинные, и, вѣруя въ женщинъ подобно семнадцатилѣтнимъ прапорщикамъ, готовы вздыхать и охать передъ первой попавшейся имъ на глаза кокеткой. Прочь отъ меня всякая мысль умалить цѣну красныхъ минутъ, которыя доставляли намъ любезныя куконы и куконицы; но долгъ историка повелѣваетъ сказать, что эти минуты прошли для меня какъ пріятный сонъ, безъ особенныхъ существенныхъ оказій, а потому онѣ и не заслуживаютъ воспоминаній армейскаго офицера. Но были другія минуты, прекрасныя и незабвенныя, которыя облагороживали наше существованіе въ Бессарабіи, возвышали чувство народной гордости и заставляли забыватъ о трудностяхъ, неразлучныхъ съ войною, минуты, въ которыя мы уносились мыслію въ тотъ вѣкъ, когда—

Подъ русскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Да; историческія воспоминанія часто замѣняли въ насъ піитическія мечты, которыхъ не могла родить пустынная Бессарабія, заросшая глухой травой. Чье

сердце, когда мы еще подходили къ берегамъ Днѣстра, рубежу Бессарабіи, не трепетало при мысли, что еще нѣсколько дней—и мы увидимъ Синилъ, нынѣшній Измаилъ, неразлучный съ именемъ Суворова, и озеро Кагулъ, прославленное побѣдой Румянцева. Въ этой странѣ много пролито русской крови; здѣсь часто раздавались въ пустынѣ громы русскихъ пушекъ и ура» русскихъ воиновъ. Хотинъ, Сатуново, Акерманъ, Бендеры, Каушаны, даже Варница, въ которой гостилъ Карлъ XII,—какія славныя и занимательныя мѣста для того, кто умѣетъ говорить съ неодушевленными предметами! Прибавьте къ этому наше вѣрованіе въ близость новаго событія, которое льстило записать насъ, принимавшихъ самое гомеопатическое участіе въ этомъ аллопатическомъ событіи, на страницы военной исторіи, или по-крайней-мѣрѣ избавить отъ злодѣйскаго стиха, когда придетъ время разстаться съ жизнію:

Лишь въ газетахъ
Осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.

А мы могли вѣровать, что это событіе украситъ страницы нашей исторіи наравнѣ съ подвигами героевъ кагульскихъ, чесменскихъ и бородинскихъ, могли вѣровать по чувству народнаго превосходства, и потому-что впереди насъ — былъ... Императоръ Николай!

Мы вступили въ Кишеневъ ночью. Все спало въ городѣ. При мѣсячномъ сіяніи ярко отдѣлялся огромный домъ намѣстника, который возвышается на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ (1818), молдаванскіе бояре принимали въ этомъ домѣ Императора Александра, освободителя Европы. Безъ пѣсней и безъ музыки проходили мы

по улицамъ города. У подножія собора сверкали штыки патрулей, которые молчаливо сходились и расходились вдоль церковной ограды. Высокая городская ратуша, устремленная въ небо, господствовала въ темномъ углу огромной квадратной площади, бросая длинную тѣнь на своихъ низенькихъ сосѣдей,—на каменные домики, правильно выстроенные кругомъ площади. Мы не потревожили ни этой тѣни, ни сна Кишенева. Пройдя пять или шесть верстъ отъ города, наша дивизія расположилась на ночлегъ, разсыпавъ свои огромные огни по правую сторону дороги. Это былъ первый бивуакъ, и, такъ-сказать, первый шагъ къ войнѣ. Здѣсь мы должны были разстаться съ ночлегами на квартирахъ, съ тележками, съ самоваромъ и другими прихотями походной жизни, которыя позволяются офицеру только въ мирное время. Теперь насталъ походъ въ боевомъ порядкѣ, гдѣ, кромѣ боеваго коня и клячи для вьюка, ничего лишняго, ничего для прихоти: вмѣсто теплой хаты—бивуакъ подъ открытымъ небомъ, вмѣсто постели—потникъ и сѣдло, вмѣсто лежанки—бивуачный огонь, вмѣсто черныхъ глазъ хозяйки—яркія звѣзды южнаго неба. Здѣсь всякій простился мысленно съ родными и друзьями, которыхъ оставилъ съ заплаканными глазами въ милой родинѣ; здѣсь всякій записалъ въ своихъ походныхъ запискахъ: « война началась». И, странное дѣло! каждый офицеръ, каждый солдатъ какъ-будто переродились въ это время: сбросивъ съ себя общественныя дрязги, которыми опутывается въ мирное время даже жизнь простаго солдата, всякій сталъ жить безъ заботъ о будущемъ, безъ мысли о прошедшемъ, готовясь весело встрѣтить смерть по первому ружейному выстрѣлу на аванпостахъ. Это самоотверженіе и эта безочетная покорность въ предопредѣленіе

придавала всѣмъ физіономіямъ какое-то отличительное солдатское благордство, которое могло родиться только отъ чувства собственнаго достоинства. Не правда ли, тутъ много поэзіи?..

На другой день я былъ дежурный. Вечеромъ, когда уже солнце садилось за далекій лѣсъ, я составилъ рапортички и спѣшилъ къ нашему бригадному командиру, Петру Ивановичу Р**, который остановился въ домѣ священника, построенномъ на самомъ краю деревни, съ фасадомъ, обращеннымъ въ поле. Нашъ полковникъ былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, высокій и тучный. Когда я вошелъ въ комнату, онъ лежалъ безпечно на широкомъ диванѣ, и, какъ всегда водится у старыхъ служакъ, держалъ во рту давно-погасшую трубку, вслушиваясь въ рапортъ своего фельдфебеля. Длинные, сѣдые усы, которыми онъ подергивалъ разнообразно, обнаруживали различныя впечатлѣнія, производимыя рапортомъ. На немъ, какъ на черкесскомъ узденѣ, былъ черный архалукъ,—память кавказкихъ экспедицій,—подпоясанный широкимъ ремнемъ со множествомъ мѣдныхъ пуговицъ. Ноги, обутыя въ сапоги съ огромными шпорами, безъ церемоніи покоились на красивомъ табуретѣ, обитомъ свѣтлымъ сафьяномъ.

Въ другомъ углу этой пустой, но довольно-опрятной комнаты, сидѣла у открытаго окна жена полковника, молодая женщина весьма привлекательной наружности. Съ выраженіемъ глубокой задумчивости она склонила голову на обѣ руки, опершись локтями на окно, и грустно блуждали ея голубые глаза въ отдаленномъ пространствѣ...

Отрапортовавъ полковнику, я усѣлся противъ печальной его супруги. Ея маленкій сынъ, мальчикъ лѣтъ пяти, вскарабкался на мои колѣни, и, напѣвая

малороссійскую пѣсню, вытаскивалъ изъ ноженъ моихъ саблю, смотрѣлся въ чистый клинокъ, или перебиралъ ручонками цѣпочки моей перевязи. Вторя маленькому шалуну, я глядѣлъ въ окно, черезъ плечо полковницы, какъ бѣгали и суетились наши солдаты въ артиллерійскомъ паркѣ. Двѣнадцать легкихъ орудій, выровненныя въ струнку, вытягивались передъ домомъ. Вечерѣющій день раскидывалъ длинныя тѣни лафетовъ, колесъ, ящиковъ. Позади парка тѣснились привязанныя къ коновязи лошади. Иные артиллеристы укрѣпляли къ лафетнымъ станинамъ бѣлыя саквы съ овсомъ; другіе смазывали клиновый винтъ, или подновляли отмѣтки для возвышенія орудій на клиновыхъ подушкахъ; но большая часть лежала или сидѣла у кашеварныхъ огней, въ пріятномъ ожиданіи артельной кашицы. За лѣвымъ флангомъ баттареи пылали, дымились и шумѣли кавалерійскіе бивуаки, раздѣленные одинъ отъ другаго широкой дорогой. Ржанье коней, бряканье оружія, трескъ пылающихъ костровъ, громкія пѣсни и тихій говоръ сливались въ неопредѣленный гулъ, и глухо неслись надъ поляною.

Солнце клонилось за далекій лѣсъ, чернѣвшій въ пяти или шести верстахъ отъ деревни.

Я давно пересталъ любоваться живописною картиною бивуака; давно Петръ Ивановичь отпустилъ своего фельдфебеля и начиналъ уже дремать въ облакѣ табачнаго дыма, а молодая полковница не измѣняла прежняго положенія: она казалась истуканомъ безъ мысли и чувства. Не разъ мои бродящіе взоры останавливались на стройномъ станѣ этой прекрасной женщины, и, въ задумчивости, я забывалъ о Бессарабіи, о предстоящей войнѣ, не слушалъ даже малороссійскихъ пѣсней, которыя не переставалъ распѣвать веселый ребенокъ. Протекло болѣе часа, какъ

я сидѣлъ рядомъ съ прекрасною женщиною, и она не замѣчала меня. Это было обидно въ военное время.

Наконецъ печальный звукъ вечерней зари извлекъ ее изъ глубокой думы. Заревая пушка грянула, гулъ понесся по полянѣ, эхо отдалось въ лѣсу долгимъ перекатомъ.

—Знаете ли? ваша грусть заразительна, сказалъ я полковницѣ такъ печально, что мой голосъ долженъ былъ смягчить нескромность замѣчанія.

Она вздрогнула. Казалось, она пробудилась отъ страшнаго сна. И какъ прелестно было въ это время ея блѣдное лицо, ея голубые глаза, выражавшіе грусть и страданіе!

«Если бъ ваша старуха мать» отвѣчала моя собесѣдница: «смотрѣла на всѣ эти приготовленія, неужели она могла бы быть веселою?»

—Я вполнѣ уважаю причину вашей грусти, и повѣрьте...

«Вы мужчина, и никогда не поймете сердца страждущей женщины. У насъ есть такія ощущенія, которыхъ и высказать невозможно.»

А между-тѣмъ лицо полковницы, безъ ея вѣдома, высказывало встрѣчному и поперечному это невыразимое страданіе. Она грустила, разставаясь съ мужемъ: она не могла привыкнуть къ мысли—прожить дни и годы въ отдаленіи отъ человѣка, которому была предана съ неограниченною любовію. Но горестнѣе всего было для нея то, что въ эти минуты сердечной скорби, она не смѣла, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Полковникъ хмурился и сердился, когда встрѣчалъ ея глаза, отуманенные слезою. Нельзя думать, чтобъ онъ не повѣрилъ на опытѣ аксіомы извѣстной роду человѣческому со временъ Адама, что ничто такъ не утишаетъ страданія женщинъ, какъ

взаимная нѣжность; но онъ былъ начальникъ; на него смотрѣли двадцать молодыхъ офицеровъ, которымъ онъ подавалъ примѣръ мужества и неколебимой твердости. А потому и немудрено, что полковникъ, обожая свою жену, разставался съ нею съ принужденнымъ равнодушіемъ: онъ боялся заразиться печалію, которая подавляла бѣдную его подругу.

«Боже милосердый! я не переживу разлуки съ нимъ!» проговорила полковница, отвращая лицо, чтобы скрыть катящіяся по немъ слезы.

Какъ сильно вліяніе глубокаго, неподдѣльнаго чувства! Взглянувъ на эту женщину, во всѣхъ движеніяхъ которой обнаруживались грусть и страданіе, слеза невольно скатилась съ моихъ глазъ. Полковница замѣтила мое волненіе, и, не имѣя болѣе силъ скрыть свои чувства, сказала рыдая:

«Быть-можетъ, такое же самое орудіе сразитъ отца несчастнаго моего малютки!...»

Полковникъ поднялъ свою голову, протеръ обѣими руками глаза и спросилъ у жены, кто ей сказалъ, что у Турковъ такія же орудія, какъ и у насъ?

«Я думала, что пушки вездѣ одинаковы.»

—Вы ошибаетесь, сударыня! продолжалъ насмѣшливо полковникъ. Наши орудія такъ хороши, что ихъ нельзя и сравнивать съ неуклюжими турецкими *тунурами*, * которыя только Молдаванамъ могутъ казаться громомъ.»

«Ты шутишь» сказала съ глубокимъ вздохомъ печальная полковница, устремивъ взоры на своего ребенка, который на моей груди напѣвалъ въ-полголоса: «Была Варна, сдавна славна»...

— Ты болѣе шутишь, накликая на меня смерть

* Кажется отъ слова: *пищаль*, Молдоване называютъ ружье *пушкой*, а пушку—*тунуръ*—громомъ.

когда я хочу жить, и долго жить — отвѣчалъ Петръ Ивановичь.

Полковница замолчала. Она принадлежала къ разряду женщинъ, которыя вѣрятъ одному только счастію на землѣ: быть любимой. Правда, полковникъ любилъ ее искренно, и никогда она не была ему такъ мила и такъ дорога, какъ въ эти минуты; но долгъ службы считалъ онъ выше всего на свѣтѣ. По всему было примѣтно, что этотъ желѣзный воинъ, закалившій себя на службѣ Царю и отечеству, среди огней и дыма, и привыкшій переносить удары судьбы безъ ропота и съ истиннымъ стоицизмомъ, теперь съ усиліемъ боролся противъ страданій своей подруги, и для-того хмурился онъ, когда она плакала, и для-того старался онъ не встрѣчать заплаканныхъ ея глазъ, чтобъ самому не прослезиться. Видно было, что онъ говорилъ безъ искренности, съ притворною откровенностію, говорилъ языкомъ сарказма и ироніи, чтобъ только не обнаружить истинныхъ своихъ чувствованій.

—Мнѣ кажется, сударыня, продолжалъ полковникъ насмѣшливо: у васъ есть на душѣ тайна, которую вы не хотите сказать мнѣ. Я угадалъ, не правда ли?

« Быть-можетъ!»

— Угадалъ, бьюсь объ закладъ, угадалъ!

« Что̀ жь ты думаешь?»

— Ты хочешь переодѣться въ мужское платье и поскакать вмѣстѣ съ нами за Дунай.

« Нѣтъ, это невозможно» отвѣчала со вздохомъ полковница. «Я не могу бросить моего малютки. Но у меня есть къ тебѣ просьба; хочешь, я скажу?»

— Говори.

« Отъ тебя зависитъ возвратить мнѣ прежнее спокойствіе, прежнее счастіе.»

— Какимъ это образомъ?

« Скажись больнымъ и выйдь въ отставку.»

— « Не думаю, чтобы это предложеніе было искренно» сказалъ я въ-полголоса полковницѣ.

Полковникъ нахмурился. Неосторожныя слова жены пробудили въ немъ чувство собственнаго достоинства, и я былъ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ домашнихъ сраженій, которыя иногда даются между мужемъ и женою. Полковнику показалось, что она уговариваетъ его нарушить долгъ службы и чести, и эта мысль заставила его выйдти изъ себя.

— Выйдти въ отставку? вскричалъ Петръ Ивановичь: играть святымъ долгомъ воина, измѣнить товарищамъ, чести, Царю, присягѣ?.. Это слишкомъ! Вы, сударыня, унижаете вашего мужа... Я первый, который всегда презиралъ мнимоболящихъ, даже въ мирное время, а вы хотите, чтобъ я спрятался теперь, какъ война у насъ на носу, и когда послѣдній солдатъ готовъ бросить свою жизнь какъ копейку за Царя и отечество. Я слишкомъ уважаю себя-самого, и потому вы меня извините, если я вамъ скажу, что ваше предложеніе низко и...

« Но что̀ ты выиграешь на войнѣ?» спросила разсѣянно полковница.

— Что̀ я выиграю? произнесъ съ жаромъ Петръ Ивановичь, вскочивъ съ дивана и ходя по комнатѣ большими шагами: что̀ вы хотите сказать этимъ?.. Что̀ я выиграю!.. Я выиграю уваженіе моихъ товарищей, хвалу солдатской правды, и не запятнаю двадцатипятилѣтнюю мою службу низкимъ поступкомъ. Презрителенъ тотъ, кто считаетъ войну средствомъ возвышенія, кто...

« Но тебя могутъ убить!» сказала печально полковница, съ трудомъ удерживааясь отъ слезъ.

— Если жребій мой выпадетъ, я умру вѣрнымъ мо-

ему долгу — вскричалъ полковникъ, бросая свою трубку, и пустился въ новую филиппику.

Полковница не воздержалась болѣе: она зарыдала; горькія слезы рѣдкими каплями покатились по ея лицу.

Трудно передать, въ какомъ былъ я волненіи, зная вспыльчивый нравъ полковника. Взбѣшенный, онъ говорилъ свое, не думая о томъ, что оскорбляетъ до глубины души мою беззащитную сосѣдку. Не знаю, чѣмъ кончилось бы сраженіе: быть-можетъ, полковникъ расцаловалъ бы въ концѣ пренія свою подругу, потому-что и это случалось съ нимъ,—быть-можетъ онъ бы сдался въ плѣнъ гордой побѣдительницѣ; но, къ славѣ нашей баттареи, въ эту минуту дежурный фейерверкеръ показался на порогѣ, съ приказомъ отряднаго командира. Это появленіе очень-къ стати прервало порывъ раздражительности полковника, и онъ самъ, какъ-бы обрадованный случаемъ окончить непріятный разговоръ, выхватилъ изъ рукъ фейерверкера тетрадь и принялся перечитывать старые и новые приказы.

Полковница плакала. Я не смѣлъ утѣшать ея. Ребенокъ дремалъ на моихъ колѣняхъ.

Минутъ чрезъ пять, полковникъ передалъ мнѣ приказъ: «съ разсвѣтомъ выступить дивизіи въ походъ, по прилагаемому при семъ маршруту».

Положивъ осторожно спящаго ребенка на диванъ, я поцаловалъ ручку полковницы и навсегда простился съ нею.

Съ разсвѣтомъ дивизія вытянулась по большой дорогѣ къ Сатунову. Полки и артиллерія шли въ строгомъ, боевомъ порядкѣ. Каждый офицеръ ѣхалъ при своемъ мѣстѣ, фитили сверкали въ рукахъ бомбардировъ, фейерверкеры красовались передъ уносами. Впереди

трубачей ѣхалъ на ворономъ конѣ Петръ Ивановичь, нашъ бригадный командиръ. Онъ былъ мраченъ и унылъ. Видно было, что онъ оставилъ на послѣдней дневкѣ лучшую половину своего существованія.

Какъ въ области языка, такъ и въ области боевой службы есть поэзія, но она рождается въ душѣ солдата только тогда, когда онъ летитъ на ухорскомъ конѣ въ разгулъ битвы, чтобы схватить славную смерть или заслужить громкую хвалу солдатской правды. Мы готовились вполнѣ насладиться этой поэзіей, подходя къ берегамъ быстраго и мутнаго Дуная, чтобъ перенесть русскихъ орловъ съ родной ихъ равнины въ гористую имперію Махмуда, въ старую землю солнца и славы, на свѣтлый, благоуханный востокъ. Это была славная и громкая переправа! Здѣсь молодёжь познакомилась въ первый разъ съ крикомъ *аллахъ!* и съ пронзительнымъ свистомъ турецкой пули; здѣсь старые усачи вспомнили о славныхъ временахъ Каменскаго, Ланжерона, Прозоровскаго и Кутузова; здѣсь русскій Царь расхаживалъ по баттареямъ, осматривалъ укрѣпленія, привѣтствовалъ достойныхъ, поощрялъ храбрыхъ на новые подвиги и благословилъ свое войско на справедливую брань, «чтобы пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ». Какія славныя и незабвенныя воспомнанія!

Солнце давно уже скрылось, когда наша баттарея сомкнулась на плотинѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, гдѣ саперы, подъ прикрытіемъ туровъ и мантелетовъ, готовили для нашихъ орудій земляныя насыпи. Цѣлую ночь мы стояли бивуакомъ; но этотъ бивуакъ былъ унылъ и мраченъ, бивуакъ безъ пѣсней, безъ огней, безъ веселыхъ разсказовъ.

Мы стояли въ взводной колоннѣ. Осѣдланныя и за-

мундштученныя лошади дремали въ тѣсномъ строѣ. Артиллеристы сидѣли у ногъ своихъ лошадей, нашептывая одинъ другому о прежнихъ аттакахъ. Я помню, какъ молодые солдаты въ моемъ дивизіонѣ, незнакомые еще съ свистомъ ядра, внимательно вслушивались въ описанія кровавыхъ подробностей. Мой старый бомбардиръ Дьяченко, краснобай, объѣхавшій съ своимъ единорогомъ всю Европу, вскарабкался на лафетныя станины, и, окруженный толпою молодыхъ солдатъ, передавалъ имъ свои умозаключенія о военныхъ дѣйствіяхъ.

— Скоро увидимъ и *Туречину*, говорилъ Дьяченко, поправляя свои длинные, сѣдые усы: душа такъ и рвется къ ней.

«Держи крѣпче, а не то вылетитъ» возразилъ фейерверкеръ.

— Убьютъ, такъ убьютъ, отвѣчалъ Дьяченко, обнимая казенную часть орудія: не я, такъ другіе вкатятъ единорогъ въ стамбульскую заставу.

« Чай, страшно въ перепалкѣ?» спросилъ молодой канониръ, поглядывая на турецкія баттареи, которыя тянулись черною полосой по правому берегу рѣки.

— Страшно и нѣтъ, отвѣчалъ не запинаясь Дьяченко: не думай, да дѣлай дѣло; въ этомъ вся штука. Только-что баттарея выскочитъ къ берегу, бусурмане примутъ насъ ядрами да гранатами, а ты скочи себѣ, да поглядывай на дирекціональный флангъ. Какъ развернемся, да орудія съ передковъ, тогда картечь какъ градъ посыплется на баттарею, а ты соскакивай съ коня, какъ-будто на ученьи, и прямо на свое мѣсто. Первая! третья! и жарь до-тѣхъ-поръ, пока не замолчитъ широкоштанникъ..

« Что ты раскудахтался, словно новозыбковская

баба?» сказалъ фейерверкеръ: «нашему брату не впервые сраженія ждать, а кто не видѣлъ, тотъ увидитъ.»

— Увидать-то увидимъ, а разсказать не каждому придется, отвѣчалъ Дьяченко.

« Вотъ нашелъ, о чемъ заботиться! Не тотъ, такъ другой разскажетъ, а наше дѣло не пропадетъ. Ядро сорветъ у тебя башку, глазъ нѣтъ, глядѣть нечѣмъ, — не бось, въ канцеляріи дивизіоннаго командира такъ тебѣ опишутъ все, что было, что вотъ какъ на ладони увидишь цѣлое сраженіе...»

Веселость, врожденное качество русскаго народа, и тутъ ихъ не покидала. Я не хочу храбриться передъ благосклоннымъ читателемъ, и скажу, что, по моимъ опытамъ, послѣдній часъ передъ сраженіемъ не располагаетъ человѣка къ настоящей веселости. Шутить можно, но тотъ, кто хорошо шутитъ, самъ никогда не смѣется.

Сумракъ рѣдѣлъ. Непріятельскія баттареи открывались одна послѣ другой; вездѣ сверкали фитили, и черныя громады двухъ редутовъ съ своими амбразурами казались спящимъ въ туманѣ волканомъ, готовымъ изрыгнуть громъ и огненную лаву. Турки съ чалмами на головѣ и съ трубками во рту расхаживали по брустверамъ, высматривая наши кавалерійскія и пѣхотныя колонны, которыя тянулись отъ Сатунова въ боевомъ порядкѣ.

Еще не разсвѣло, какъ Государь показался на возвышеніи близъ плотины, ведущей къ Дунаю. Присутствіе Царя оживило всѣхъ надеждою и веселіемъ...

« Садись, равняйся!» раздался голосъ Петра Ивановича, и наша баттарея понеслась въ одно орудіе по узкой плотинѣ. Подскакавъ къ берегу, мы сбросили орудія съ передковъ и вмигъ вкатили ихъ въ амбразуры земляного бруствера, который саперы приготовили

для насъ ночью. Фитили сверкнули въ амбразурахъ и громъ орудій понесся страшнымъ гуломъ по рѣкѣ.

Я не стану вамъ описывать распоряженія начальства и движенія нашихъ войскъ на всемъ протяженіи берега; не стану вдаваться ни въ стратегію, ни въ тактику, а буду вспоминать только о томъ, что̀ происходило подлѣ меня и вокругъ меня, все, что̀ я видѣлъ и что̀ я слышалъ, расхаживая между моими орудіями съ діоптромъ въ рукахъ.

Непріятельскіе выстрѣлы засыпали нашу баттарею со всѣхъ сторонъ. Подбитые ящики и орудія, раненныя и убитыя лошади валялись въ орудійныхъ интервалахъ. Стонъ раненыхъ заглушался ревомъ пальбы и пронзительнымъ свистомъ ядеръ. Между-тѣмъ наша пѣхота, въ густыхъ колоннахъ, съ ружьями на перевѣсъ, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ двигалась къ берегу, гдѣ ожидали ее канонерскія лодки и йолы. Приготовивъ картечь, мы зарядили наши орудія ядрами и гранатами, и громкимъ залпомъ привѣтствовали храбрыхъ пѣхотинцевъ, которые отчаливали отъ берега. Въ этомъ залпѣ выстрѣлы наши ударились съ необыкновенною вѣрностью въ щеки и подошву непріятельскихъ амбразуръ, такъ-что турецкія орудія на время замолкли. Но вдругъ страшно застонала земля, и густое облако пыли и дыма повисло надъ непріятельскимъ берегомъ. Это былъ взрывъ турецкаго фугаса, послѣднее сопротивленіе отчаяннаго непріятеля. Не прошло и двухъ минутъ послѣ этого взрыва, а мы уже видѣли, какъ храбрые егеря бросились на турецкія орудія, которыя дымились еще пороховымъ гасомъ, какъ сверкали въ дымѣ ихъ штыки, какъ вдругъ знамя съ двуглавымъ орломъ развилось надъ главнымъ реду.

томъ, и какъ наконецъ Турки въ безпорядкѣ побѣжали къ Исакчи.

Желая отвлечь вниманіе турецкихъ бомбардировъ отъ храбрыхъ нашихъ пѣхотинцевъ, которые переплывали въ канонерскихъ лодкахъ въ нашихъ глазахъ мутныя волны Дуная, чтобъ сломить грудью послѣднія громады непріятельскихъ редутовъ, мы зарядили наши орудія дальной картечью и усилили огонь по всей линіи. Въ это время наши «старушки», какъ говоритъ Дьяченко, раскашлялись не на животъ а на смерть, и русская картечь какъ песокъ засыпала глаза отчаяннымъ, но неискуснымъ бомбардирамъ восточной артиллеріи. И дѣйствительно, господа топчи-баши дотого разсердились на нашу дерзость, что совсѣмъ забыли объ угрожавшей имъ опасности и менѣе стали стрѣлять по нашимъ лодкамъ, обративъ всѣ свои тунуры на береговую нашу насыпь, которая и безъ того уже разрушалась съ каждымъ выстрѣломъ. Свистъ ядеръ и гранатныхъ черепковъ, параболическіе напѣвы дюжихъ бомбъ, и по-временамъ пронзительная фистула этихъ кругленькихъ эйхорнювъ съ хвостикомъ *, — все это составляло такую торжественную симфонію, которая годилась бы въ любую ораторію Гайдна.

Суетясь около своихъ орудій и отъискивая вѣрнѣйшее число линій для возвышенія ихъ, я вдругъ былъ пораженъ ужаснымъ визгомъ ядра, которое въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ сорвало правило, ударилось около хоботовой подушки, повалило на повалъ фейерверкера и пошло рикошетами вдоль

* Турецкія пули льются съ цилиндрическими, тоненькими палочками, въ родѣ хвостиковъ, и отъ-того онѣ летятъ съ необыкновеннымъ визгомъ.

баттареи—искать новыхъ жертвъ. Артиллеристы засуетились и побѣжали за носилками.

— Кого это еще убили? закричалъ я бригадному адъютанту, который скакалъ въ это время мимо меня какъ угорѣлый; но адъютантъ не разслушалъ моего вопроса и только указалъ мнѣ рукою на правый флангъ. Терзаемый предчувствіемъ, я побѣжалъ къ первому взводу. Петръ Ивановичь лежалъ у орудія на травѣ, блѣдный, окровавленный и безъ ногъ. Офицеры и нѣсколько старыхъ солдатъ окружали полковника. Въ это время принесли носилки. Онъ страшно закусилъ губы, когда его стали поднимать, чтобъ положить на носилки. Узнавъ меня, Петръ Ивановичь вспомнилъ, что я былъ свидѣтелемъ послѣдняго его прощанія съ женою, и, собравъ послѣднія силы, сказалъ умирающимъ голосомъ:

— Государь здѣсь... Онъ видѣлъ... Онъ не оставитъ сиротъ моихъ...

Черезъ два часа Петръ Ивановичь умеръ на перевязочномъ пунктѣ, подъ ножемъ своего лучшаго друга, бригаднаго лекаря Л—ва. Съ искреннею горестью мы оплакали славную смерть нашего заслуженнаго начальника. Образованный и благородный человѣкъ, храбрый и опытный артиллеристъ, онъ былъ отцомъ для молодыхъ офицеровъ, которые всегда любили и уважали его. Онъ погибъ—и бѣдная вдова долго будетъ ждать его писемъ; долго будутъ молиться за отца своего малютки, и наконецъ прочтетъ или услышитъ, что ея мужъ, единственная подпора ея жизни, погребенъ на берегѣ Дуная!...

Турки разбѣжались. Государь первый переѣхалъ черезъ Дунай на небольшой лодкѣ, управляемой одними Запорожцами и атаманомъ ихъ, бывшими за нѣсколько дней нашими врагами. Потомъ стала пере-

правляться на канонерскихъ лодкахъ пѣхота, а между-тѣмъ наводили пловучій мостъ, для переправы артиллеріи и обозовъ.

Черезъ два дня все было готово. Въ строгомъ порядкѣ мы стали переходить черезъ мостъ. Здѣсь всякій изъ насъ повѣрилъ на опытѣ грустное чувство перехода черезъ границу, которое такъ часто старались передавать воины-литераторы. Но какъ оно невыразимо и какъ различно въ понятіяхъ каждаго! Одинъ, быть-можетъ, страдавшій цѣлую жизнь подъ ударами злаго рока, быть-можетъ схоронившій въ могилѣ любезныхъ сердцу и надежду на счастіе, переѣзжаетъ мостъ какъ истуканъ, безъ чувствъ и мысли; другой, съ живымъ воспоминаніемъ о послѣднемъ прощаньи, о послѣднихъ горькихъ слезахъ родной матери, нѣжной супруги, добрыхъ сестеръ, друзей, смотритъ съ ужасомъ въ неопредѣленную будущность, и мрачно слѣдитъ за шумною толпой; кто, предаваясь честолюбію, мечтаетъ только о наградахъ, или, утративъ способность къ мечтанію, безпечно куритъ сигарку и подбираетъ своего парадира; кто мысленно летаетъ въ боевые порядки или строитъ въ головѣ воздушныя фуражировки со всевозможными удачами. Это предъ-историческая эпоха каждой кампаніи; эпоха безъ лѣтописцевъ, безъ памятниковъ, безъ славы, но не менѣе другой достойная философическаго изученія. Можно было бы написать нѣсколько томовъ о томъ, что мы передумали и перечувствовали на мосту, за которымъ начиналась непріятельская земля и война, и, увѣряю васъ, эти томы были бы занимательнѣе многихъ всеобщихъ исторій.

Вотъ и Исакча, жалкая и ничтожная крѣпостца на правомъ берегу Дуная, въ которой не съ большимъ одна мечеть съ высокимъ минаретомъ, для провозгла-

шенія правовѣрнымъ, что Богъ единъ и что пора имъ спѣшить къ молитвѣ, и не съ большимъ одна кофейная, для распространенія между правовѣрныхъ умственной лѣни и вѣры въ фатализмъ, этой чудной тишины души, извѣстной у насъ подъ названіемъ *кефа*. Мы думали, что имперія Махмуда вовсе избавлена отъ Жидовъ, но къ удивленію нашему мы встрѣтили въ Исакчи кучу Евреевъ, которые, вытянувъ шеи, какъ цапли, жадно глядятъ въ пограничную рѣку, чтобы въ первой мутной водѣ удить русскіе цѣлковые и турецкіе махмуды.

Когда мы проходили черезъ городъ, Турки, большею частію старики, сидѣли у воротъ своихъ домовъ, поджавъ ноги, въ глубокомъ уныніи и съ длинными чубуками въ зубахъ. Одни Булгаре въ бараньихъ шапкахъ шумно толпились въ улицахъ, восхищаясь нашими орудіями и крестясь на каждомъ переулкѣ. Все это хорошо, но мы ожидали лучшаго . . . Мы ожидали встрѣтить по-крайней-мѣрѣ одну головку восточной красавицы, для которой, вѣроятно, каждый изъ насъ подобралъ бы своего походнаго буцефала въ самые строгіе шенкеля. Но, видно, турецкія красавицы нелюбопытны. . .

Пройдя Исакчи, наша баттарея поднялась на небольшое возвышеніе и свернулась для привала у *тощаго* фонтана, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ города. Офицеры, какъ это всегда водится на всѣхъ привалахъ, чинно собрались на правый флангъ. Въ-мигъ раскинули бурку, и усатые деньщики захлопотами о походномъ завтракѣ: одинъ тащитъ изъ-подъ вьюка сушеную курицу, другой зубами раскупориваетъ фляжку съ молдаванскимъ виномъ, кто накладываетъ трубку;— всѣ суетятся, бѣгаютъ, спотыкаются, падаютъ и каждый услуживаетъ своему господину, какъ только мо-

жетъ. Это домашняя сцена военной жизни, въ которой, какъ и въ каждой другой сценѣ, можно подмѣтить внутреннюю сторону человѣка. Какъ жаль, что въ нашихъ рядахъ не родился еще Бальзакъ!

—Кто это скачетъ на ворономъ конѣ? спросилъ прапорщикъ М**, поглядывая на большую дорогу.

«Господа̀, это какой-то генералъ» сказалъ капитанъ, и, застегнувъ лядунку, пошелъ къ первому орудію.

Всѣ встали.

Черезъ минуту подскакалъ къ баттареѣ гусарскій генералъ, высокій и статный, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ былъ молодецъ въ полномъ значеніи этого слова. Его орлиный носъ, длинные съ просѣдью усы, грозный взглядъ и широкая грудь придавали ему такую воинскую и мужественную осанку, что ни одинъ Турокъ не посмѣлъ бы смотрѣть ему прямо въ глаза.

—Здравствуйте, артиллеристы! сказалъ весело генералъ, подъѣхавъ къ зарядному ящику, около котораго мы стояли въ кучкѣ. Поздравляю васъ съ войной. Мы подеремся славно, я вамъ это предсказываю. Надобно только выманить мусульманскихъ собакъ изъ ихъ ретраншементовъ въ чистое поле, тогда и намъ гусарамъ будетъ дѣло. Я знаю Турковъ! Я съ ними выросъ. Они горячатся только сначала, а чрезъ часъ какъ сонныя мухи... Я вамъ пророчу, господа̀, что черезъ годъ вы вернетесь къ своимъ невѣстамъ съ георгіевскими крестами.

Капитанъ нашъ замѣтилъ, что безъ особеннаго случая трудно заслужить георгіевскій крестъ.

—Какой тутъ случай! возразилъ генералъ, играя поводьями коня своего, который такъ и рвался подъ лихимъ всадникомъ: была бы охота да отвага. Знаете ли, какъ добываютъ георгіевскіе кресты? Въ десятомъ

году завязалось кавалерійское дѣло около Рущука, подъ Башинымъ. Александрійскій Гусарскій Полкъ, въ которомъ я служилъ тогда майоромъ, стоялъ на лѣвомъ крылѣ. Офицеры окружили генерала Ланскаго, который разсказывалъ про какого-то штабъ-офицера, получившаго георгія 3-й степени. Въ эту минуту мнѣ такъ захотѣлось георгіевскаго креста, что я подскочилъ къ генералу и спросилъ у него, что мнѣ сдѣлать, чтобъ получить георгія? Генералъ шутя показалъ на четырех-тысячную колонну турецкой кавалеріи, которая выходила изъ укрѣпленнаго лагеря, и сказалъ: «разбей ихъ!» Не ожидая другаго приказанія, я подскакалъ къ александрійцамъ, крикнулъ гусарамъ: «за мной!» и бросился на непріятеля. Четыре тысячи Турковъ дрогнули передъ двумя сотнями гусаръ. Это было дѣло знатное!—заключилъ генералъ съ самодовольствіемъ, покручивая свои длинные усы: оно утѣшаетъ меня подъ старость. Дай Богъ и вамъ когда-нибудь такъ подраться! А пока прощайте; увидимся подъ Варной.

И съ этими словами онъ поскакалъ по дорогѣ къ Траянову Валу. Долго мы стояли, какъ вкопанные въ землю, вопрошая взорами одинъ другаго, но всѣ молчали, потому-что никто изъ насъ не зналъ этого храбраго наѣздника-генерала, который своимъ солдатскимъ красноречіемъ въ одну минуту завоевалъ себѣ наши сердца. Послѣ, спустя уже нѣсколько мѣсяцевъ, я узналъ, что это былъ извѣстный по необыкновенному мужеству генералъ князь Мадатовъ, который всѣ отличія и всѣ награды, какъ онъ самъ говорилъ, всегда бралъ грудью и который началъ компанію 1828 года такъ блистательно, и кончилъ ее такъ плачевно. Не всѣ еще наши войска успѣли перейдти Дунай, а этотъ храбрый воинъ писалъ уже къ своему другу изъ Гир-

сова: «Переправясь за Дунай, получилъ я команду обложить крѣпость Исакчи. Я исполнилъ порученіе удачно: она сдалась. Я былъ употребленъ лично Государемъ, и онъ былъ доволенъ мною, со мной шутилъ очень-милостиво; дали мнѣ авангардъ, отправили сюда. Я покорилъ сію крѣпость и сейчасъ отправляю ключи и знамена. Взялъ девяносто орудій и множество другихъ снарядовъ.» А подъ Шумлой, какъ только побѣжденные Турки признали непобѣдимость нашего оружія, онъ занемогъ внезапно и черезъ два дня его не стало. Взводъ гусаръ Принца Оранскаго Полка предалъ землѣ останки своего обожаемаго начальника въ оградѣ христіанской церкви св. побѣдоносца Георгія, въ той самой крѣпости, подъ стѣнами которой умеръ этотъ смѣлый воинъ, отличавшійся всегда, какъ въ лѣтахъ юношества, такъ и въ лѣтахъ мужества, личною храбростію, ледянымъ хладнокровіемъ, необыкновенною быстротою въ исполненіи своихъ намѣреній, неизмѣнною преданностію къ своему Государю и постоянною заботливостію о славѣ Россіи. Я помню, какъ толпы Турковъ тѣснились за гробомъ, когда печальная процессія тянулась медленно по узкимъ улицамъ Шумлы, этой непобѣдимой крѣпости, которая въ первый еще разъ увидѣла въ своихъ стѣнахъ вооруженнаго непріятеля, печально-шедшаго за гробомъ любимаго начальника. Глубокая тишина изрѣдка была прерываема грустнымъ звукомъ трубъ. Какое необыкновенное зрѣлище для Турковъ, это погребеніе русскаго генерала въ стѣнахъ крѣпости, подъ которой два года подвизался князь Мадатовъ и которая только тогда приняла его въ свои стѣны, когда душа его переселилась въ міръ лучшій!... Миръ праху твоему, заслуженный воинъ! Изучая теперь твою боевую жизнь, исполненную трудовъ и блистательныхъ битвъ,

я не удивляюсь, что даже побѣжденные тобою враги сопровождали гробъ твой съ глубокимъ, нелицемѣрнымъ уваженіемъ!...

Черезъ часъ наша баттарея поднялась съ привала и двинулась по дорогѣ къ Траянову Валу. Это былъ первый нашъ переходъ въ странѣ, «гдѣ кипарисъ и томный миртъ растутъ». Но, сказать правду, обширная степь между Дунаемъ и Балканскими Горами, которую зовутъ Булгаріей, вовсе не оправдала нашихъ ожиданій, хотя она и составляетъ область Оттоманской Имперіи. Начитавшись разныхъ разностей о восточной пышности, мы воображали Булгарію ни болѣе, ни менѣе какъ райскимъ садомъ съ мраморными фонтанами и съ разноцвѣтными сквозными домиками, а Турчанокъ—плѣнительными волшебницами, которыя непремѣнно станутъ мечтать о русскихъ витязяхъ въ своихъ дивныхъ гаремахъ, осѣненныхъ кипарисами. Кто изъ насъ, вступая на землю солнца и славы, не уносился мыслію въ очаровательныя палаты и волшебные кіоски благоуханнаго востока? Кто изъ насъ не мечталъ о коврахъ Персіи и Кашмира, о жеребцахъ Аравіи, о дамасскомъ оружіи и о многихъ другихъ баснословныхъ рѣдкостяхъ, которыми наполнены описанія странствующихъ по востоку туристовъ? Вообразите жь наше удивленіе, когда, вмѣсто всѣхъ этихъ чудесъ, достойныхъ Тысяча Одной Ночи, мы не встрѣтили въ цѣлой Булгаріи ни одного даже порядочнаго строенія. Вездѣ степь—безлюдная, пустынная, безлѣсная и безводная. И послѣ этого, какъ не согласиться съ Пушкинымъ, что нѣтъ выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: «азіатская роскошь»! Особливо скуденъ Санджакъ Приморскій, эта песчаная и холмистая страна, изрытая буераками, заросшая бурьяномъ. Прибавьте къ этому, что отъ Дуная

до самой Варны мы не встрѣтили ни одной Зюлейки съ масляными взорами и длинными рѣсницами, по милости этихъ варваровъ Турковъ, которые, какъ только услышали о появленіи Русскихъ, разбѣжались въ горы, забравъ съ собою и своихъ черноокихъ женъ. По моему мнѣнію, это безчеловѣчно. Можно убить непріятеля въ полѣ и даже, если хотите, изъ-за забора; но безсовѣстно лишить его единственнаго удовольствія—поволочиться въ военное время, послѣ схватки съ непріятелемъ, за хорошенькими непріятельницами. Признаюсь, я не ожидалъ подобнаго поступка отъ господъ Турковъ.

Булгарскія селенія, попадавшіяся намъ на большой дорогѣ, грязны и отвратительны: они состоятъ изъ *кишт*ъ, бѣдныхъ и полуразвалившихся, съ голыми стѣнами, въ которыхъ, вмѣсто оконъ, деревянныя рѣшетки, а вмѣсто лавокъ низенькое возвышеніе изъ земли, въ родѣ широкаго дивана. Мы помнили приказъ, достойный великодушнаго Николая: «щадите достоянія, домы, храмы и самыхъ враговъ, хотя другую вѣру исповѣдующихъ; такъ велитъ наша вѣра, святое ученіе Спасителя!»—и ни одно селеніе въ цѣлой Булгаріи не было разорено Русскими. Свинцовые куполы мечетей и острыя иглы высокихъ башень, которыя вездѣ остались невредимыми, бѣдны. Что́ же касается до чертоговъ и гаремовъ чалмоносной аристократіи, породившихъ столько описаній и восторговъ, то мы не замѣтили въ нихъ даже и слѣдовъ восточной пышности и нѣги, которыми заблагоразсудилось окружить мусульманскую жизнь г-ну Мишо́ съ компаніей. Едва-ли не болѣе пышности въ простомъ домѣ русскаго помѣщика, нежели въ этихъ чертогахъ, всегда-окруженныхъ безобразною грудою пестрыхъ домовъ и бѣдныхъ житейскими благами... Но я уже слишкомъ за-

болтался о Булгаріи; пора обратиться къ своей баттареѣ. Какое величественное зрѣлище представилось намъ, когда мы подходили къ Траянову Валу! По правому берегу Черной Рѣки (Кара-су) тянулось болѣе ста конныхъ орудій, къ которымъ присоединилась и наша баттарея. Чрезъ полчаса поднялись мы на отлогость вала, вытянули орудія въ одну линію, разставили часовыхъ, разбили палатки, растянули коновязи и расположились на ночлегъ. На другой день, по слову русскаго Царя, сто-двадцать орудій понеслись въ безконечное поле, которое вдали сливалось съ небосклономъ, и свернулись на полныхъ рысяхъ въ колонну. Никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, послѣ шума и гула скачащихъ по всѣмъ направленіямъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, вдругъ распространилась по всему полю невыразимая тишина. Небо было чисто; солнечные лучи играли на свѣтлыхъ орудіяхъ и падали на загорѣлыя лица бомбардировъ, которые неподвижно сидѣли на коняхъ въ выровненномъ по стрункѣ строѣ, поглядывая съ нетерпѣніемъ на правый флангъ. И какой трепетъ благоговѣнія проникъ въ душу каждаго изъ насъ, когда вдругъ изъ за возвышенія Государь галопомъ подскакалъ къ колоннѣ и поздоровался съ артиллеристами. Громозвучное, продолжительное *ура* раздалось въ воздухѣ и не прекращалось до-тѣхъ-поръ, пока Царь не объѣхалъ всѣхъ рядовъ колонны. Начался церемоніальный маршъ: баттареи на рысяхъ, подъ звуки трубъ, промчались стройными громадами мимо Государя, и потомъ снова свернулись въ колонну. Это великолѣпное зрѣлище, продолжавшееся не болѣе часа, заключилось общею изумительною аттакою, о которой я досихъ-поръ не могу вспомнить безъ особеннаго восторга. Вообразите себѣ густую колонну изъ ста-двадцати

конныхъ орудій, которая стояла неподвижно на покатомъ возвышеніи вала. Вдругъ, по слову Царя, раздались командныя слова бригадныхъ, баттарейныхъ, дивизіонныхъ и взводныхъ командировъ, и орудія помчались во всю конскую прыть въ разныя стороны, густое облако пыли повисло надъ поляною; страшный гулъ отъ быстро-несущихся орудій и отъ конскихъ копытъ потрясъ воздухъ; чудное эхо понеслось по полю... Но вотъ снова все стало приходить въ порядокъ: видно было, какъ орудія на всемъ скоку пристраивались одно къ другому, какъ они постепенно равнялись и какъ потомъ, вытянувшись въ одну линію, по командѣ «маршъ-маршъ!» понеслись въ каррьеръ въ аттаку, по отлогому скату праваго берега Кара-су. Эта минута, въ которую, казалось, весь воздухъ превратился въ бурю, невыразима ни на какомъ языкѣ, и самое воспоминаніе о ней рождаетъ въ душѣ армейскаго офицера только чувство высокаго, которое онъ не-въ-силахъ выразить словами...

Наконецъ все умолкло; Государь поѣхалъ по гребню Траяна для осмотра осажденной крѣпости Кистендженый, нѣкогда знаменитаго Истра; баттареи возвратились въ лагерь; поляна опустѣла, и снова на ней распространилась тишина, которую мы такъ величественно потревожили...

Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умирали на блестящихъ орудіяхъ, выровненныхъ впереди фронта. Офицеры собрались къ огню стараго капитана В**. Шумное наше общество расположилось посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ. Одни начинали дремать на коврахъ, другіе еще пѣли, между-тѣмъ какъ деньщики чистили, накладывали и закуривали трубки для дремлющихъ и поющихъ. Нѣсколько молдаванскихъ

бояръ, которые пріѣхали въ лагерь съ своими квитанціями въ забранномъ русскими фуражирами овсѣ, сѣнѣ, ячменѣ, стояли, сидѣли и лежали вмѣстѣ съ нами вокругъ огня, обставленнаго бутылками, стаканами и жестяными тарелками съ кусками битаго мяса, господствующимъ блюдомъ военной гастрономіи.

Давно уже искусство бесѣдовать распространилось между армейскими офицерами. На бивуакахъ, вокругъ огней, передъ сраженіемъ или послѣ боя, всякій говоритъ, что̀ попадетъ ему на умъ, рубитъ, какъ говорятъ солдаты, съ-плеча; никто не гоняется за фигурными выраженіями и каждый увѣренъ, что онъ бесѣдуетъ между людьми, коротко-знакомыми другъ другу, которые проходятъ трудное боевое поприще рука-объ-руку, какъ родные братья, безъ зависти, безъ сплетней, безъ копанія ямъ, исключая *волчьихъ*, употребляемыхъ передъ ретраншементами, уважая храбрыхъ и презирая малодушныхъ. Я сожалѣю, что не могу привести завѣтнаго разговора двухъ прапорщиковъ, которые, прижавшись къ колесу сухарной фуры, передавали одинъ другому чувства прежней жизни. Если бъ вы могли заглянуть въ открытые, черные какъ уголь глаза того, который такъ наивно обнаруживалъ свою благородную душу, готовую на всѣ пожертвованія!

—Ахъ, чортъ возьми, говорилъ корнетъ съ черными глазами: теперъ самъ вижу, что я былъ дуракъ! Она какъ ребенокъ отдалась моей волѣ, но я какъ-то не смѣлъ помрачить чистаго блеска ея души. . .

Рядомъ съ ними сидѣлъ, сложивъ руки на груди, старый ветеранъ, капитанъ Т*, посѣдѣвшій на службѣ Царю и отечеству. Грустно блуждали взоры его по длинной цѣпи пылающихъ огней; онъ весь былъ унесенъ крылатой мыслію въ родимый край, въ тотъ

домъ, гдѣ молодая его жена, окруженная дѣтьми, молитъ Всевышняго о мужѣ, отцѣ ея малютокъ.

Въ двухъ шагахъ отъ меня лежали два брата на потникахъ, съ сигарками во рту и съ глубокой думой на челѣ. Одинъ изъ нихъ, наклоняясь къ огню, перечитывалъ какое-то письмо, а другой придумывалъ новый родъ краснорѣчія такого свойства, который могъ бы вырвать деньги не только у набожной тетки, но и у скупаго театральнаго дяди.

«Славная мысль, братъ Николай, пришла мнѣ въ голову! Напиши-ка тетушкѣ, Катеринѣ Ивановнѣ, что пяти-пудовая бомба расшибла такъ жестоко мою голову, что я цѣлый мѣсяцъ не ѣмъ, не пью и не сплю; полковой докторъ не хочетъ лечить безъ денегъ, а лекарства въ Турціи дороже петербуржскихъ ананасовъ. . . »

Завернувшись въ широкій плащъ, я лежалъ подъ зряднымъ ящикомъ, оставивъ товарищей бесѣдовать, курить и пѣть, сколько имъ угодно. Сумракъ облекалъ въ свои таинственныя краски весь лагерь и дороги, къ нему ведущія, которыя замѣтны были только по облакамъ пыли, взвившейся отъ конныхъ разъѣздовъ, неусыпныхъ стражей нашего лагеря. При мѣсячномъ сіяніи, все, что днемъ казалось дико и рѣзко, облекалось въ таинственный свѣтъ, который располагалъ невольно къ мечтамъ и самыхъ прозаическихъ обитателей лагеря. Сигарка моя докуривалась; сонъ отягощалъ вѣжды, и я нечувствительно склонилъ голову на сѣдло, на которое сначала опирался рукою. Убаюканный разсказами и шутками бивуачныхъ краснобаевъ, я нахлобучилъ фуражку на уши, закрылъ глаза и сталъ погружаться въ сладостное забытье. . . Тогда мнѣ было восемнадцать лѣтъ. Образъ милой, обожаемой женщины, съ черными локонами,

съ голубыми, какъ южное небо, подъ которымъ я дремалъ, глазами, съ ангельскою улыбкою носился предо мною, закутанный въ бѣлую, прозрачную ткань. И какъ нѣжно мнѣ улыбалось это миловидное личико, приближаясь ко мнѣ все ближе и ближе!. . . И вотъ я чувствую ея дыханіе и прикосновеніе ея густыхъ кудрей, и вотъ я слышу лепетъ ея розовыхъ устъ, тотъ самый лепетъ, который сопровождалъ меня, когда я съ слезами прощался съ нею въ К—ой Губерніи:

—Люби меня всегда; я умру, если ты меня разлюбишь. . .

И съ этими словами она бросилась на грудь мою, огневой румянецъ вспыхнулъ на ея лицѣ, — чрезъ минуту я чувствовалъ прикосновеніе ея пламенныхъ губъ и поцалуй длился долго, долго... Я все забылъ... Адскій огонь пробѣжалъ по моимъ жиламъ, — голова разгорѣлась какъ въ огнѣ,—я безумно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. . . О, какъ я былъ счастливъ! И теперь, когда я вспомню объ этой минутѣ, кровь моя вспыхиваетъ какъ порохъ въ гранатѣ. . . Но это былъ сонъ, любезныя читательницы, сонъ восемнадцатилѣтняго юноши, у котораго фантазія такъ игрива и сердце такъ ново, что рой прелестныхъ сновидѣній часто прилетаетъ къ нему на своихъ мотыльковыхъ крыльяхъ. . . Ахъ, зачѣмъ теперь не посѣщаютъ меня такія очаровательныя грезы!

П. Глѣбовъ.

ИЗЪ «ФАУСТА».

—

1-й Голосъ.

Съ мірами солнце съединяетъ
Свое хваленье за-одно
И, съ громомъ шествуя, свершаетъ
Свой путь предписанный оно.
Источникъ силъ—къ нему воззрѣнье!
Чья мысль постичь его могла?
Торжественны, какъ въ день творенья,
Непостижимыя дѣла!

2-й Голосъ.

И быстро, и быстрѣй, мелькая,
Кружится, пышенъ міръ земной;
Смѣняется сіянье рая
Глубокой ночи темнотой;
Къ утесамъ море въ разъяреньи
Несетъ набѣгъ своей волны, —
И море и утесъ въ движеньи
Летящихъ сферъ увлечены.

3-й Голосъ.

И бури спорятъ и бушуютъ
То надъ землей, то надъ водой,
И цѣпь, бушуя, образуютъ
Глубокихъ дѣйствій межь собой.
Предъ громомъ блещетъ разрушенье
Молніеноснаго огня, —
Но чтутъ послы твои теченье
Тобою созданнаго дня!

Всѣ трое.

Источникъ силъ—одно воззрѣнье!
Чья мысль постичь тебя могла?
Торжественны, какъ въ день творенья
Всѣ дивныя твои дѣла!

К. АКСАКОВЪ.

IV.

ХУДОЖЕСТВА.

АЛЕКТРІОНОФОРЪ (ПѢТУХОНОСЕЦЪ),

древняя статуя, находящаяся въ Таврическомъ Дворцѣ, въ Санктпетербургѣ.

Дворцы и палаты Петербурга богаты сокровищами искусствъ не только новѣйшихъ, но и древнихъ. Многія изъ нихъ еще во времена Петра-Великаго занесены на сѣверъ и украшаютъ великолѣпную столицу России; но чуждые небу и людямъ, они холодно тѣшили взоръ, не возбуждая ни сильнаго любопытства, ни участія, и отъ-того до-сихъ-поръ оставались малоизвѣстными. У насъ нѣтъ полныхъ каталоговъ, нѣтъ описаній нашихъ художественныхъ богатствъ, нѣтъ полной ихъ картины, которую мы бы могли представить любопытному чужеземцу, желающему ознакомиться съ художественною частію столицы; тѣмъ менѣе можно представить монографическія описанія этихъ предметовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, кои относятся прямо къ классической древности и понятны только посредствомъ изученія ея. Археологія не наша наука: мы слишкомъ молоды для такого ученаго, хлопотливаго и мало-вознаграждающагося ученія, и наша

ли вина, что потокъ молодой жизни несетъ насъ все впередъ, не давая времени углубиться не только въ далекій, чуждый, но даже и въ свой минувшій бытъ? Донынѣ (и то съ недавняго времени) одинъ только Императорскій Эрмитажъ можетъ гордиться подробнымъ и полнымъ описаніемъ, сдѣланымъ на французскомъ языкѣ. Мы надѣемся, если не въ нынѣшнемъ, то непремѣнно въ будущемъ году представить читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» переводъ этого описанія, чтобы такимъ-образомъ доставить возможность и тѣмъ, которые не видѣли Эрмитажа, имѣть понятіе о сокровищахъ, въ немъ заключающихся.

Изъ классической древности, кромѣ богатаго собранія камей, украшающаго Императорскій Эрмитажъ, Петербургъ владѣетъ еще нѣсколькими истинно-античными статуями, заслуживающими вполнѣ вниманіе любителей искусствъ и археологовъ. На одну изъ такихъ статуй мы, руководствуясь ученымъ разсужденіемъ покойнаго академика нашего, Келера, обратимъ вниманіе читателей. Къ-стати замѣтимъ здѣсь, что ученые труды Келера, снискавшаго себѣ почетное имя въ цѣлой Европѣ, у насъ въ Россіи весьма-мало извѣстны. Это истинно достойно сожалѣнія, потому-что въ немъ видѣнъ умъ проницательной и богатыя археологическія свѣдѣнія. Предполагая, что не всѣ наши читатели посвящены въ таинства археологіи, мы заимствовали здѣсь изъ труда г-на Келера, написаннаго по-французски и, подкрѣпленнаго 150 цитатами, то только, что̀ можетъ быть доступно каждому просвѣщенному читателю. Со-временемъ мы надѣемся мало-по-малу ознакомить публику и съ другими произведеніями г. Келера, и представить по-возможности полную ха-

рактеристику сего ученаго, чего теперь не можемъ сдѣлать по недостатку нужныхъ матеріаловъ.

Статуя, о которой мы намѣрены бесѣдовать съ читателями, находится въ Таврическомъ-Дворцѣ. Она высѣчена изъ мрамора и представляетъ человѣка зрѣлаго возраста, безъ бороды. Одежда его состоитъ изъ туники, которая не доходитъ до колѣнъ, оставляя ноги голыми. Лѣвою рукою онъ поддерживаетъ мѣшокъ, надѣтый на лѣвое плечо съ помощію ремня; въ мѣшкѣ два пѣтуха; правая же рука покоится на дикомъ козлѣ, поднявшемъ переднія лапы, а задними опирающемся о пень дерева. Эта статуя долго стояла въ императорскомъ саду въ Петербургѣ, въ бесѣдкѣ, называвшейся «гротомъ», потому-что стѣны ея были украшены раковинами,—а изъ него перенесена въ Таврическій-Дворецъ, гдѣ и до-сихъ-поръ находится. По преданію извѣстно, что она, вмѣстѣ съ другою прекрасною античною статуею Венеры въ положеніи *медицейской*, привезена въ Россію при Петрѣ-Великомъ.

Но обратимся къ пѣтухоносцу. Вышина этой статуи 4 анлг. фута и 1 дюймъ, или 1 арш. 12 вершковъ. Античная голова была еще, какъ видно, очень-давно отломлена и вдѣлана въ свое мѣсто; работа въ ней чрезвычайно-отчетливая и оконченная: она сохранилась превосходно. Правая нога, начиная немного ниже колѣна до ступни, ресторирована въ новѣйшія времена, но самая ступня античной работы и хорошо сохранилась; лѣвая же нога, хотя и разбита еще въ древности въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и правая, вся античной работы и съ ступнею. Обѣ ладони античныя; но большая часть руки новѣйшей работы. Голова козла, стоящаго на заднихъ лапахъ, шея и часть лѣвой ляж-

ки также новѣйшей работы. Вся же статуя римской работы и предназначена была къ украшенію стѣнъ, потому-что задняя часть весьма-мало отдѣлана.

Одежда, изображенная на статуѣ, кажется, не что другое, какъ ἑτερομάσχαλος χίτων; съ перваго взгляда кажется у ней одинъ только рукавъ, а потому ее можно почесть одеждою низшаго класса народа и рабовъ: тунику съ двумя рукавами носили только люди свободные. Но, по внимательномъ изслѣдованіи, видно, что одежда на пѣтухоносцѣ вовсе не гетеромасхалосъ, потому-что нигдѣ не упоминается, чтобъ ее носили люди достаточные; даже древніе философы, такъ тщательно заботившіеся о простотѣ одежды, носили всегда экзомисъ. Туника, изображенная на статуѣ, имѣетъ два рукава, изъ которыхъ правый не покрываетъ ни плеча, ни руки и въ складкахъ падаетъ на поясъ туники. Можетъ-быть, иногда дѣлали экзомисъ съ двумя рукавами, хотя употребляли только одинъ изъ нихъ; впрочемъ нигдѣ такъ разительно не противоположны мнѣнія древнихъ о различныхъ родахъ одежды, какъ здѣсь. Одни описываютъ эту тунику очень-длинною, другіе очень-короткою; иные говорятъ, что она была очень полна, и что по-этому ее поддерживали поясомъ; но во всякомъ случаѣ, была ли она вовсе безъ рукавовъ, имѣла ли два или одинъ, она всегда носила названіе «экзомисъ» и была одеждою то людей свободныхъ, то рабовъ. Это различіе происходило отъ времени, потому-что въ-теченіе вѣковъ покрой этой одежды, какъ то весьма-естественно, нѣсколько разъ измѣнялся, и до такой степени, что легко можно было смѣшать комическій, театральный экзомисъ съ обыкновенно-употреблявшимся.

На лѣвомъ плечѣ описываемой нами статуи видно

нѣчто въ родѣ узла, поддерживающаго рукавъ, чтобъ онъ, упавши въ-низъ, не обнажилъ плеча.

Туника, поднятая поясомъ и обнажавшая колѣни, казалось, почитаема была у древнихъ самою удобною одеждою. Такова была туника Улисса, когда онъ явился къ Калазирисамъ; такую же носили знаменитый критикъ Зоилъ и Пиѳагорейцы, подобно другимъ философамъ неупотреблявшіе обуви. Если, какъ замѣчено выше, короткія туники или исподнія одежды носимы были только бѣдными людьми, то слишкомъ-короткіе и узкіе плащи также служили признакомъ бѣдности.

Кожаный мѣшокъ πήρα, изображенный на этой статуѣ гораздо яснѣе, нежели на всѣхъ прочихъ памятникахъ древности, употребляемъ былъ простымъ народомъ для складки въ него дневной ихъ пищи. Слуги, идя на рынокъ, также должны были имѣть при себѣ такой мѣшокъ, и тѣ изъ нихъ, которые забывали его взять, обязаны были нести купленныя вещи за пазухою, ἐν τῷ προκολπίῳ. Въ такихъ же мѣшкахъ носили птицъ и животныхъ, показываемыхъ за деньги; у циническихъ же философовъ они составляли существенную и необходимую часть одежды, едва-прикрывавшей ихъ тѣло. Димитрій Фалерскій не нашелъ приличнѣйшаго подарка для философа Кратеса, какъ такой мѣшокъ, наполненный хлѣбомъ, и мѣхъ вина; но и тѣмъ, однако, не угодилъ философу, даже обидѣлъ его, потому-что тотъ не пилъ вина, и мѣшокъ воды былъ бы ему болѣе по вкусу. Чтобъ имѣть видъ нищаго, стоило только надѣть на плечо такой мѣшокъ. Улиссъ явился въ такомъ костюмѣ въ Итаку, возвращаясь изъ своего странствованія; Темонъ, гражданинъ эносскій, желая для пользы отече-

ства употребить стратагему, покрылся лохмотьями и повѣсилъ на плечо мѣшокъ.

Прежде, нежели мы сообщимъ читателямъ предположенія ученаго академика о сюжетѣ этой статуи, передадимъ здѣсь замѣчанія его о изображенныхъ въ ней пѣтухахъ. Эти домашнія птицы приносились въ жертву божествамъ, что̀ даже дозволялъ строгій Пиѳагоръ, запрещая только убивать бѣлыхъ пѣтуховъ. Сократъ, умирая, приказалъ ученикамъ своимъ принести обрѣченнаго имъ въ жертву Аполлону пѣтуха. Древнія надписи свидѣтельствуютъ также, что въ Египтѣ въ жертву Озирису и Нефтису приносили одного пѣтуха, а Геркулесу и Ѳіо двухъ. Нѣкоторыя эпиграммы греческой анѳологіи упоминаютъ о пѣтухахъ, которыхъ приносили въ жертву Аполлону, когда получали что̀-либо желаемое. Пѣтухи сіи посвящались богамъ въ ихъ храмахъ, въ которыхъ всегда можно было найдти значительное количество этихъ птицъ; но между ими не должно было находиться ни одной курицы.

Мальчики и молодые люди получали отъ друзей своихъ въ подарокъ пѣтуховъ, перепеловъ и соловьевъ; у древнихъ поэтовъ часто встрѣчается сожалѣніе о томъ, что въ ихъ время уже не довольствуются такими малыми дарами, и требованія юношества простираются гораздо далѣе. Въ Аѳинахъ была статуя, изображавшая прекраснаго молодаго человѣка, нагаго, держащаго въ рукахъ двухъ пѣтуховъ лучшей породы. Эта статуя напоминала собою очень-трагическое происшествіе. Аѳинянинъ, по имени Тимагоръ (Timagoras), влюбился въ молодаго человѣка рѣдкой красоты и принадлежавшаго къ древнѣйшей и богатѣйшей въ Аѳинахъ фамиліи;

онъ назывался Мелитомъ (Melitos). Сей послѣдній, желая испытать страсть Тимагора, давалъ ему чрезвычайно-трудныя и даже опасныя порученія, какъ наприм., ѣхать въ чужіе краи и привести ему оттуда то охотничьихъ собакъ, то лошадей для войны; иногда поручалъ привести себѣ пурпуровую хламиду, прекраснѣйшихъ птицъ, искуснѣйшихъ рабовъ. Тимагоръ исполнялъ всѣ эти порученія, и, не смотря на претерпѣнные труды, на вынесенныя опасности, все не могъ снискать благосклонности Мелита. Огорченный въ высшей степени такимъ пренебреженіемъ, онъ въ припадкѣ отчаянія бросился со скалъ Акрополиса. Получивъ извѣстіе о смерти Тимагора, Мелитъ взялъ на руки своихъ двухъ пѣтуховъ, опрометью побѣжалъ на вершину Акрополиса и, сбросившись оттуда къ подножію скалъ, умеръ на трупѣ своего вѣрнаго друга.

Греки чрезвычайно любили пѣтуховъ и перепелокъ за удовольствіе, которое доставляли имъ эти птицы своею дракою. Не только молодые люди, но даже особы зрѣлаго возраста находили удовольствіе въ воспитываніи и пріученіи эхихъ птицъ къ бою. Они брали маленькихъ пѣтуховъ на руки, а большихъ подъ-мышку и шли такимъ образомъ гулять за нѣсколько стадій, не для собственнаго здоровья, а для здоровья пѣтуховъ, орудія забавъ ихъ.

Люди, умѣющіе изъ всего извлекать для себя предметъ удовольствія, воспользовались непреодолимымъ отвращеніемъ, — говоритъ Бюффонъ, — которое существуетъ отъ природы между двумя пѣтухами, и развили эту врожденную ненависть съ такимъ искусствомъ, что сраженіе двухъ пѣтуховъ сдѣлалось зрѣлищемъ, достойнымъ любопытства даже образо-

ванныхъ людей и въ то же время способнымъ развивать и поддерживать въ душахъ зрителей звѣрство, которое, какъ говорятъ, есть зародышь героизма. До-сихъ-поръ еще каждый день, во многихъ государствахъ, толпы зрителей всякаго состоянія сбѣгаются на эти странные турниры, раздѣляются на партіи, изъ коихъ каждая держитъ пари и горячится за своего пѣтуха, и иногда послѣдній ударъ пѣтушьяго клева разрушаетъ счастіе цѣлыхъ семействъ. Такова была въ древности страсть Грековъ, такова сохранилась она и до нашего времени у Китайцевъ, жителей Филиппинскихъ Острововъ, Явы, Суматры, американскаго перешейка и нѣкоторыхъ другихъ народовъ обоихъ полушарій.

Въ Греціи для этихъ побоищъ содержалось значительное число пѣтуховъ, и города, изъ которыхъ получались самые храбрые—именно Родосъ и Танагра, пріобрѣли наибольшую извѣстность. Пѣтухи мидійскіе и халкедонскіе занимали вторую степень по достоинству. Замѣчательно, что пѣтухи родосскіе, халкедонскіе и мидійскіе, отличавшіеся ростомъ, силою и горячностію въ битвѣ отъ всѣхъ прочихъ своихъ собратій, вовсе не соотвѣтствовали этой славѣ въ отношеніи къ своимъ супругамъ: для нихъ достаточно было трехъ куръ, тогда какъ пѣтухи другихъ странъ живутъ совершенно султанами и имѣютъ отъ 15 до 20 женъ. Вѣроятно огонь этихъ бойцовъ потухалъ въ принужденномъ одиночествѣ, въ которомъ ихъ содержали, или часто-подстрекаемый гнѣвъ заглушалъ въ нихъ болѣе-нѣжную страсть, бывшую однако первоначальною причиною ихъ храбрости и главнымъ источникомъ ихъ воинственныхъ наклонностей. Такимъ-образомъ самцы этихъ породъ были вовсе

не-храбры въ-отношеніи къ самкамъ, и сіи послѣднія отличались меньшимъ плодородіемъ и большею лѣностію какъ въ несеніи яицъ, такъ и въ высиживаніи цыплятъ. До такой степени изъисканность исказила природу!

Думали, что камни, находимые въ желудкахъ храбрыхъ пѣтуховъ, сообщали храбрость и доставляли побѣду; по-этому ихъ носили всегда въ кожанномъ мѣшечкѣ или подъ языкомъ. Чудесное дѣйствіе этихъ камешковъ, говорили древніе, происходитъ не отъ рода птицы, въ желудкѣ коей ихъ находили, но отъ внутренняго достоинства самого камня.

Разсказываютъ, что побѣжденные пѣтухи оставались безмолвными, тогда какъ побѣдители пѣли. Люди, воспитывавшіе этихъ птицъ для боя, не щадили для нихъ ни трудовъ, ни заботъ. Идоменей носилъ на щитѣ своемъ изображеніе пѣтуха, можетъ-быть по причинѣ воинской храбрости этой птицы, а можетъ-быть и потому-что Идоменей производилъ родъ свой отъ Геліоса или солнца, которому пѣтухъ посвященъ былъ. Въ Элисѣ находился храмъ Паллады, въ которомъ стояла статуя этой богини, сдѣланная изъ золота и слоновой кости, какъ говорили, Фидіемъ. Пѣтухъ украшалъ шишакъ богини по любви этихъ птицъ къ сраженіямъ, или можетъ-быть потому-что онѣ посвящены были также Аѳинѣ эрганской. Самые обычаи Спартанцевъ показываютъ уже ихъ особое уваженіе къ пѣтухамъ; а именно, если военачальникъ одержалъ побѣду съ помощію стратагемы, то онъ богу войны приносилъ въ жертву быка; но если онъ выигралъ побѣду силою оружія въ правильной битвѣ, тогда приносилъ въ жертву пѣтуха. Законъ, обнародованный въ Аѳинахъ Мильціадомъ послѣ побѣдъ,

одержанныхъ надъ Персами, показываетъ также особенное предпочтеніе, оказываемое пѣтухамъ и въ Аѳинахъ: именно этимъ закономъ повелѣвалось производить каждогодно, въ-теченіе одного дня, на аѳинскомъ театрѣ пѣтушиные бои въ-присутствіи всѣхъ Аѳинянъ, способныхъ носить оружіе. Въ Пергамѣ также бывали каждогодныя битвы пѣтуховъ и очень-вѣроятно, что и другіе города не отказывали себѣ въ подобномъ удовольствіи.

Къ этимъ указаніямъ должно присовокупить еще то замѣчаніе, что Аѳиняне приписывали такого рода зрѣлищамъ способность возбуждать въ душѣ желаніе идти наперекоръ опасностямъ и, чтобъ не уступить въ храбрости пѣтухамъ, они въ военное время твердо переносили и раны, и усталость, и другіе труды. «Заставлять нашихъ молодыхъ людей сражаться оружіемъ» говорили Греки: «выставлять ихъ на-показъ, покрытыхъ кровію и ранами было бы безчеловѣчно, жестоко, да и притомъ что̀ пользы безъ войны убивать храбрыхъ людей, которые со-временемъ могутъ быть полезны намъ противъ нашихъ непріятелей!» Одно преданіе говоритъ, что Ѳемистоклъ, ведя силы Греціи противъ варваровъ, встрѣтилъ дравшихся пѣтуховъ и, мгновенно рѣшившись воспользоваться этою встрѣчею, остановилъ свою армію и сказалъ ей: «Эти пѣтухи дерутся на смерть ни за отечество, ни за боговъ отцовъ ихъ, ни на защиту прародительскихъ гробовъ, даже не для славы и свободы или даже дѣтей своихъ; нѣтъ, каждый изъ нихъ борется просто изъ того, чтобъ не быть побѣжденнымъ, чтобъ не уступить.» Эта рѣчь возбудила мужество Аѳинянъ. Опредѣлено было ознаменовать особымъ учрежденіемъ то, что̀ послужило къ возвышенію ихъ храбро-

сти, дабы оно могло производить подобное же дѣйствіе и въ другое время.—Здѣсь должно замѣтить, что Платонъ вовсе не раздѣлялъ этого предубѣжденія къ сраженіямъ пѣтуховъ; а Плутархъ и Маркъ-Авреліи почитали битвы перепелокъ зрѣлищемъ недостойнымъ человѣка благовоспитаннаго.

Не смотря на пристрастіе Грековъ къ пѣтухамъ и перепелкамъ, они приносили однако ихъ въ жертву, какъ то видно изъ одной древней эпиграммы, которая доказываетъ, что одно счастливое событіе въ семействѣ сына Гегезедика (Hegesidicus) побудило его сдѣлать такое приношеніе, къ которому онъ присовокупилъ еще сдобную лепешку, посыпанную сыромъ. Либаніусъ, желая изобразить чрезвычайную глупость какого-то отца, разсказываетъ, что онъ, по возвращеніи своего сына изъ похода, въ которомъ сей послѣдней оказалъ подвиги храбрости, въ избыткѣ радости принесъ въ жертву одному изъ божествъ не пѣтуха, а курицу.

Важную роль играли въ Греціи и перепелки. Извѣстно, что Алкивіадъ, принятый Аѳинянами съ чрезвычайною признательностію за-то, что раздавалъ имъ деньги, выпустилъ изъ пазухи перепелку, которую снова поймалъ для него нѣкто Антіохъ, и только чрезъ эту услугу снискалъ дружбу Алкивіада. Греки находили удовольствіе въ сраженіяхъ перепелокъ. Чтобъ узнать, которая изъ нихъ годна для этой цѣли, звонили въ колокольчикъ и тѣ изъ перепелокъ, которые, не испугавшись этого звона, оставались на своемъ мѣстѣ, почитались годными къ бою. Эти битвы пѣтуховъ, перепелокъ или куропатокъ производились въ мучныхъ лавкахъ, называвшихся τηλίαι. Тамъ для каждой изъ сражавшихся птицъ начертываемъ былъ

кругъ, изъ котораго она не должна выступать. Τηλία назывался также столъ, употреблявшійся въ игорныхъ домахъ для игры въ кости (aux dès), а по мнѣнію схоліаста Аристофана, телія была лавка, сдѣланная изъ досокъ и стоящая на публичномъ рынкѣ (балаганъ). Въ сихъ лавкахъ продавали муку, и въ нихъ же содержатели перепелокъ заставляли этихъ птицъ драться между собою. По окончаніи этой жестокой забавы, побѣжденная птица доставалась владѣтелю побѣдительницы, или онъ получалъ условленную сумму денегъ. Чтобы разсердить и раззадорить къ бою пѣтуховъ, перепелокъ и куропатокъ, въ кормъ имъ клали чеснокъ или болотное растеніе, называвшееся adiantos. Въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ немало встрѣчается подробностей о сраженіяхъ перепелокъ. Филостъ говоритъ объ упорныхъ битвахъ куропатокъ-самцовъ, изъ ревности сражавшихся предъ ихъ самками. Перепелки ворчали во время битвы, куропатки предъ битвою, а пѣтухи по одержаніи побѣды.

Кажется, битвы пѣтуховъ и перепелокъ вовсе не были такъ любимы Римлянами, какъ Греками, и даже вѣроятно, что страсть къ этимъ птицамъ, извѣстная подъ именемъ «алектріоманіи» и «ортигоманіи», въ Римѣ вовсе не была господствующею, потому-что римскіе писатели вовсе не говорятъ о томъ. Плутархъ разсказываетъ, что Маркъ-Антоній и Августъ, находясь вмѣстѣ въ Миценѣ, забавлялись битвами дрессированныхъ пѣтуховъ и перепелокъ. Эта забава огорчала Марка-Антонія, потому-что побѣда всегда оставалась за пѣтухами и куропатками Августа, который и въ другихъ играхъ также выигрывалъ у Антонія. Что жь касается до битвы перепелокъ, о которой возвѣщая, герольды кричали «pulli pugnant!» то Келеръ думаетъ,

что едва-ли эти возвѣщенія производимы были публичными герольдами. Римляне, при своей особенной любви къ сельской жизни, находя особенное удовольствіе въ улучшеніи всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, особенно занимались содержаніемъ куръ, доставлявшихъ хорошій доходъ тѣмъ, кои умѣли съ ними обходиться. Для этого Колумелль совѣтуетъ мѣшать родъ большихъ и красивыхъ пѣтуховъ танагорскихъ, родосскихъ и мидійскихъ съ итальянскими курицами. Тотъ же самый авторъ разсказываетъ, что на островѣ Делосѣ воспитывались отличные пѣтухи-бойцы и доходныя курицы.

Изслѣдывая сюжетъ, представляемый древнею статуею, составляющею предметъ этой статьи, Келеръ вошелъ въ изложеніе всѣхъ подробностей, относящихся къ пѣтухамъ и прочимъ боевымъ птицамъ древняго міра, и чрезъ то внушилъ, можетъ-быть, читателю мысль, что эта статуя можетъ быть объясняема различнымъ образомъ; но по его мнѣнію это было бы несправедливо. Древніе памятники очень-рѣдко имѣютъ этотъ недостатокъ,—да, недостатокъ: ибо многоразличныя объясненія какого-нибудь произведенія показываютъ, что истинное значеніе художественнаго предмета не выражено съ надлежащею ясностію. Можетъ-быть, удобно было бы принять нашего пѣтухоносца за весьма-уважавшагося въ Аѳинахъ философа Пиррона, образъ жизни котораго былъ столь простъ и столь далекъ отъ всякихъ претензій, что онъ самъ носилъ на рынокъ цыплятъ для продажи. Но два замѣчанія должны уничтожить это предположеніе: во-первыхъ голова статуи, если бы она изображала Пиррона, должна бы была имѣть бороду, а корпусъ ея долженъ бы прикрываться короткимъ плащемъ; во-вторыхъ, ко-

зелъ вовсе нейдетъ къ Пиррону. Нельзя также видѣть въ этой статуѣ и одного изъ тѣхъ празднолюбцевъ, называвшихся Προύνεῖκοι, которые, стоя на рынкѣ, за самую малую плату брались нести въ домъ покупщика купленныя имъ вещи. Эти носильщики назывались также Παιδαρίονες и Παιδῶνες, «ребятами». Мѣшокъ, съ которымъ представленъ человѣкъ, изображенный въ статуѣ, имѣетъ широкое отверстіе, нарочно сдѣланное для-того, чтобъ посадить туда двухъ пѣтуховъ. Это доказываетъ, что пѣтухоносецъ не носильщикъ, что пѣтухъ у него въ мѣшкѣ не есть покупка, сдѣланная кѣмъ-нибудь на рынкѣ, которую онъ долженъ доставить въ домъ покупщика; но его собственность, промыселъ, которымъ онъ питается; въ противномъ случаѣ, еслибы онъ принадлежалъ къ числу этихъ носильщиковъ, мѣшокъ его долженъ бы былъ закрываться съ-верху и походить на тотъ, который видѣнъ у крестьянина, изображеннаго на рельефѣ Галлереи Флорентинской. Нашего пѣтухоносца нельзя также причислить къ классу наглыхъ нищихъ, каковы были родосскіе Хелидонисты, которые, всѣ испачканные сажею, говорили грубости и наглости всѣмъ встрѣчнымъ, требуя милостыни для ласточки; Коронисты собирали для сороки; тѣ и другіе имѣли при себѣ птицъ своихъ, и послѣднія пѣли въ честь ихъ пѣсни, называвшіяся «коронизмата». Другіе сбиратели имѣли при себѣ вороновъ или сорокъ, которыя, по мнѣнію легковѣрныхъ людей, должны были передавать имъ отвѣты боговъ на ихъ вопросы. Были также такіе религіозные нищіе, которые сбирали для богини сирійской, статую коей разносили по селамъ и деревнямъ при звукѣ цимбалъ и кроталовъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, изображеніе этой богини было возимо на

ослѣ, по другимъ—эти сборщики дѣлали свои обходы каждомѣсячно, при чемъ носили на груди изображеніе своей богини. Къ подобнымъ процессіямъ должно также причислить и ту, въ которой собирали подаяніе для богини Изиды. Участвовавшіе въ этомъ богомольномъ странничествѣ брили волосы и бороду, одѣвались въ египетскую столу и ударяли въ систры. Иные нищіе зимою рано поутру пробуждали спящихъ звукомъ флейтъ и свирелей, и возвращались домой съ собранными подарками.

Остановимся на этомъ. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что находящаяся въ Таврическомъ-Дворцѣ древняя статуя пѣтухоносца представляетъ одного изъ тѣхъ людей, которые воспитывали и дрессировали для боя пѣтуховъ и перепелокъ, и которыхъ Греки называли Ἀλεκτρυονοτρόφοι и Ὀρτυγοτρόφοι. Лицо этой статуи выражаетъ человѣка веселаго и забавнаго; такъ и должно быть, ибо сіи содержатели пѣтуховъ должны были во время борьбы ихъ птицъ занимать своихъ зрителей разными разсказами; находящійся возлѣ нихъ ручной дикій козелъ показываетъ, что этотъ пѣтухоносецъ принадлежитъ къ числу зажиточныхъ людей въ своемъ классѣ.

Къ-сожалѣнію, мы не можемъ сообщить читателямъ исторіи этой статуи, когда и какимъ-образомъ попала она въ Петербургъ. Но вѣроятно она привезена при Петрѣ I-мъ или до Екатерины II. Это—темная эпоха для искусствъ въ Россіи: тогда мы смотрѣли на искусства очень-невнимательно, и если что-нибудь пріобрѣталось у насъ, то принимаемо было холодно, безъ участія, и никто не обращалъ на то вниманія. Со времени же Екатерины II-й искусства въ Россіи начинаютъ имѣть ясную исторію — и что̀ попало въ

Россію въ царствованіе этой государыни или послѣ, то вѣрно не затруднитъ изслѣдователя своею исторіею: болѣе или менѣе извѣстно, какимъ-образомъ это произведеніе досталось Россіи, когда, гдѣ находилось оно и гдѣ теперь находится; но и тутъ еще до многаго нельзя дойдти. . .

V.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

О ВОЗВЫШЕННОМЪ КУРСѢ ДЕНЕГЪ ВЪ НАШИХЪ ВНУТРЕННИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Съ нѣкотораго времени общее вниманіе обращено на одно по-видимому важное обстоятельство въ нашей финансовой системѣ, на постоянное возвышеніе цѣнности нашихъ денегъ во внутреннихъ губерніяхъ: дорожаютъ ассигнаціи, всякая русская монета и даже иностранная. Каждый толкуетъ по-своему объ этомъ явленіи; всѣ думаютъ, нельзя ли остановить странное движеніе цѣнностей, запутывающее расчеты, въ-особенности мелочные, затрудняющее сдѣлки, и, хотя непримѣтно, но постоянно у каждаго промышленика, торговца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у потребителя уносящее процентъ изъ его капитала. Въ «Коммерческой Газетѣ» и «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» предлагается мѣра: всѣ торговыя сдѣлки совершать на ассигнаціи, именно на ту или другую монету; въ

нѣкоторыхъ изъ другихъ русскихъ журналовъ помѣщены статьи, или показывающія нѣсколько историческихъ данныхъ въ нашихъ государственныхъ финансахъ, или заключающія въ себѣ подробное разсужденіе о лажѣ; но при всемъ участіи къ этому предмету, проникшемъ отъ кабинетныхъ бесѣдъ до нашихъ журналовъ, курсъ, лажъ, промѣнъ, возвышеніе денежной цѣнности, то жалобы на происходящій отъ того безпорядокъ, то споры о безвредности этого явленія въ оборотномъ движеніи суммъ, обвиненія мѣнялъ въ злоупотребленіяхъ, толки о негоціантствѣ, банкахъ составляютъ массу мнѣній, запутанную и, кажется, еще довольно-неясную.

Всѣ сужденія печатныя и всѣ толки сводятся на нѣсколько главныхъ вопросовъ:

1) Отъ-чего съ нѣкотораго времени у насъ постоянно возвышаются въ значеніи своемъ представители цѣнностей, деньги, во всемъ ихъ объемѣ?

2) Отъ-чего происходитъ это именно въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ?

3) Есть ли это дѣйствительно слѣдствіе стачки или умышленнаго сговора изъ видовъ барыша нашихъ торговцевъ деньгами?

4) Имѣетъ ли это явленіе вредное вліяніе на наши производительныя силы?

5) Вредно ли оно въ какомъ либо-другомъ смыслѣ? и, наконецъ,

6) Нужно ли отвращать его, и, если нужно, то какими средствами такъ-сказать отвердить значеніе денегъ?

Послѣдній вопросъ есть дѣло правительства, которое, при вниманіи къ государственнымъ потребностямъ, когда онѣ бываютъ, не оставляетъ пещись о мѣрахъ къ упроченію общаго благосостоянія. При-

томъ наша финансовая система такъ высоко стоитъ въ системахъ другихъ государствъ, что не намъ слѣдить за ея движеніями. Если правительство усмотритъ нужду въ распоряженіяхъ, оно не преминетъ ихъ сдѣлать, и на тѣхъ данныхъ, которыя всегда имѣетъ подъ рукой и которыя остаются недоступными для соображеній частнаго лица, и на своихъ особенныхъ видахъ.

Посмотримъ изъ любопытства на это явленіе по его современной занимательности въ нашей государственной экономіи.

Всѣ и все говоритъ о московскомъ лажѣ. Сельскіе хозяева боятся лишиться доходовъ, находятъ, что ихъ произведенія стали отъ-того дешевле; торговецъ жалуется на запутанность въ счетахъ своихъ; петербуржскій потребитель, получая доходы съ имѣній, лежащихъ во внутреннихъ губерніяхъ, сердится, что тысяча рублей, въ счетѣ управляющаго, идетъ слишкомъ тысяча-двѣсти рублей,—денегъ въ цифрахъ много, а на-лицо оказывается мало; далѣе, промышленики всякаго рода недовольны лажемъ, потому-что онъ даромъ доставляетъ торговцу деньгами наживу; закупщики первыхъ произведеній стараются сбывать свои деньги по курсу, и за то платятъ дороже; въ сбытѣ, на-оборотъ, стараются взять деньги безъ промѣна — и берутъ дешевле за сбываемый товаръ Надобно быть на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, чтобы видѣть, что̀ тамъ за хаосъ въ разсчетахъ; а между-тѣмъ промѣнъ, курсъ, лажъ—все растутъ болѣе и болѣе.

Что̀ жь значатъ эти слова: «курсъ», «лажъ», «промѣнъ»?

Посмотримъ прежде, что̀ такое деньги вообще.

По сіе время во многихъ существуетъ несовсѣмъ-

вѣрное понятіе, будто-бы ассигнація во всякомъ случаѣ есть государственный долгъ, потому-что правительство предъявителю ея обязывается заплатить извѣстное количество денегъ монетою, т. е. представителемъ цѣнности, имѣющимъ свою внутреннюю цѣну. Но кожаныя деньги нашихъ предковъ никогда не составляли государственнаго долга,—а онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣли и внутренняго достоинства: почему же были въ обращеніи и каждый не сомнѣвался принимать ихъ оцѣнкою своего труда, смышленности, ими исчислялъ свое достояніе? Очевидно потому-что онѣ были окредитованы цѣлымъ обществомъ, гдѣ обращались. Истинный долгъ государства есть только то, что̀ затрудняетъ его фонды и вещественные, и невидимые, что̀ превышаетъ его внутреннее богатство, заключающееся сколько въ кускахъ металловъ, столько же и въ его силахъ и знаменателѣ силъ—общемъ, внутреннемъ и внѣшнемъ довѣріи. Только здѣсь начинается долгъ, который важенъ государству, и пока сумма обязательствъ, или бумажныхъ денегъ, не дошла до этого предѣла, дотолѣ онѣ составляютъ только знаменателей, обезпечиваемыхъ правительствомъ. Есть много обстоятельствъ, въ-слѣдствіе которыхъ эти знаменатели переходятъ въ обращеніе народное, и отдѣлять народъ отъ правительства значило бы подрывать главное основаніе государственной прочности. Въ цѣлостномъ составѣ государства, за которое отвѣчаетъ его могущество, нѣкому требовать уплаты отъ правительства; т. е. требовать замѣна представителя, имѣющаго прямое свое достоинство частное - государственное, другимъ представителемъ цѣнности, имѣющимъ достоинство повсюдное; въ противномъ случаѣ это значило бы свои собственныя силы вымѣнивать на силы общія, сознавая

свою слабость,—и тутъ только родится государственный долгъ. Эти знаменатели, свободно двигавшіеся въ общей массѣ взаимнаго довѣрія, обращаются въ облигаціи; каждый требуетъ возврата капитала своего въ тѣхъ вещественныхъ выраженіяхъ, которыя имѣютъ всеобщую цѣнность, или, если не требуетъ, то, по-крайней-мѣрѣ, предполагаетъ возможнымъ подобное требованіе, слѣдитъ за своимъ правительствомъ, какъ за негоціантомъ, дѣла котораго сомнительны, и ищетъ себѣ обезпеченія уже не въ общемъ къ нему довѣріи, а въ видимыхъ, положительныхъ доказательствахъ, какъ это дѣлается во Франціи и въ Англіи. Народъ, разъединившись съ правительствомъ, начинаетъ не довѣрять ему, и каждый новый выпускъ облигацій считаетъ шагомъ впередъ къ банкротству, страшится принять ихъ такъ-сказать безъ залога,—и государство принуждено бываетъ залогомъ за нихъ представлять и настоящіе и даже будущіе доходы своихъ имуществъ: государственный внутренній долгъ въ этомъ положеніи дѣлъ получаетъ полное свое значеніе. Но, благодаря судьбѣ, юный организмъ нашего государства еще неистощимъ въ своихъ средствахъ; въ насъ нѣтъ и признаковъ подобнаго болѣзненнаго состоянія; государственный долгъ внутренній, въ этомъ смыслѣ, у насъ не существуетъ, и ассигнаціи наши, по самому значенію своему, суть только знаменатели цѣнностей, а не облигаціи иностранныхъ державъ, требующія уплатъ по каждому востребованію.

Но если наши ассигнаціи столько окредитованы силами государства, столь постоянно-твердое имѣютъ значеніе цѣнностей, то откуда же колебаніе ихъ въ повышеніи и пониженіи, относительно монетной системы,—это неравенство, порождающее исчисленія

посредствомъ дробныхъ оцѣночныхъ единицъ, называемыхъ курсомъ, съ замѣняющими его въ простонародіи словами «лажемъ», «промѣномъ»?

Бываютъ случаи, когда положеніе государства по своимъ политическимъ отношеніямъ дѣлается сомнительнымъ; тогда весьма-естественнымъ-образомъ внѣшнее довѣріе, основанное на внимательномъ разсчетѣ всѣхъ силъ его, упадаетъ, хотя-бы довѣріе внутреннее, или, ближе сказать, несуществованіе даже и мысли, при однознаменательности правительства съ народомъ, объ оцѣнкѣ собственныхъ силъ своихъ, поддерживало внутреннюю финансовую систему въ надлежащемъ ея порядкѣ; упадокъ этотъ необходимо долженъ произвесть колебаніе цѣнностей государственныхъ, или бумажныхъ денегъ въ-отношеніи цѣнностей повсюдныхъ. Рубль,—назовемъ такъ оцѣночную единицу—рубль государственной силы долженъ сдѣлаться менѣе рубля всенароднаго. Постоянный, несоразмѣрный вывозъ монеты, упадокъ производительныхъ силъ, истощающіе расходы, требованіе наличности въ сдѣлкахъ внѣшней торговли (потому-что нѣтъ надеждъ на уплату замѣномъ произведеній въ будущемъ, роняютъ значеніе оцѣночной единицы въ дѣлахъ внѣшнихъ, и этотъ уронъ несознательно падаетъ на систему обращенія внутренняго. Прибавимъ преимущественное требованіе тѣхъ или другихъ денегъ вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ торговли, — и будемъ имѣть полное понятіе о курсѣ вообще. По могущественному положенію нашего общества, мы не терпимъ этого рода неудобствъ.

Но чтò же лажъ?

Теперь общее вниманіе увлечено этимъ финансовымъ фантомомъ, который ростетъ и возрастанію котораго не видно предѣла. Лажъ есть иностранное слово

l'agio, заимствованное нашими коммерческими людьми отъ иностраннаго купечества въ сдѣлкахъ ихъ по дѣламъ внѣшней торговли, и принятое даже въ неопредѣленномъ смыслѣ, такъ-что въ началѣ почти-всякіе проценты денежныхъ сдѣлокъ писались *ажіе* въ купеческихъ счетахъ. Лажъ, по теперешнему значенію его въ нашихъ денежныхъ дѣлахъ, есть внутренній курсъ, опредѣляемый потребностію тѣхъ или другихъ денежныхъ представителей для внутренняго обращенія. Которыя деньги по требованію дороже, за тѣ мы платимъ извѣстный процентъ перекупившему ихъ; это его agio, а купленныя деньги идутъ въ сбытъ съ даннымъ agio, съ лажемъ.

Въ системѣ денежной торговли есть еще слово *промѣнъ,* который, очевидно, есть частный лажъ менялы, — *прибавочная цѣнность,* образовавшаяся въ-слѣдствіе частной потребности одного лица и для одного лица удовлетворенная мѣнялою.

Итакъ *курсъ* есть знаменательность денегъ въ повсюдномъ ихъ значеніи *лажъ,* по составившемуся у насъ объ этомъ словѣ понятію, та же знаменательность, условливаемая потребностями въ обращеніи внутреннемъ; *промѣнъ*—цѣнность, существующая для одного лица въ-слѣдствіе личныхъ его потребностей.

Въ общемъ употребленіи, значеніе этихъ словъ часто смѣшивается; они употребляются безъ различія и одно безъ разбора замѣняется другимъ.

Итакъ монета, или ассигнація, или вообще всякій представитель денежной цѣнности, находящійся въ рукахъ вашихъ, есть извѣстная, постоянная величина, условливаемая своими тремя участниками: курсомъ, лажемъ и промѣномъ. А такъ-какъ въ простонародіи «лажъ» есть самое общеупотребительное выраженіе надбавочной цѣнности, то очевидно, что въ

посредствомъ дробныхъ оцѣночныхъ единицъ, называемыхъ курсомъ, съ замѣняющими его въ простонародіи словами «лажемъ», «промѣномъ»?

Бываютъ случаи, когда положеніе государства по своимъ политическимъ отношеніямъ дѣлается сомнительнымъ; тогда весьма-естественнымъ-образомъ внѣшнее довѣріе, основанное на внимательномъ разсчетѣ всѣхъ силъ его , упадаетъ, хотя-бы довѣріе внутреннее, или, ближе сказать, несуществованіе даже и мысли, при однознаменательности правительства съ народомъ, объ оцѣнкѣ собственныхъ силъ своихъ, поддерживало внутреннюю финансовую систему въ надлежащемъ ея порядкѣ; упадокъ этотъ необходимо долженъ произвесть колебаніе цѣнностей государственныхъ, или бумажныхъ денегъ въ-отношеніи цѣнностей повсюдныхъ. Рубль,—назовемъ такъ оцѣночную единицу—рубль государственной силы долженъ сдѣлаться менѣе рубля всенароднаго. Постоянный, несоразмѣрный вывозъ монеты, упадокъ производительныхъ силъ, истощающіе расходы, требованіе наличности въ сдѣлкахъ внѣшней торговли (потому-что нѣтъ надеждъ на уплату замѣномъ произведеній въ будущемъ, роняютъ значеніе оцѣночной единицы въ дѣлахъ внѣшнихъ, и этотъ уронъ несознательно падаетъ на систему обращенія внутренняго. Прибавимъ преимущественное требованіе тѣхъ или другихъ денегъ вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ торговли, — и будемъ имѣть полное понятіе о курсѣ вообще. По могущественному положенію нашего общества, мы не терпимъ этого рода неудобствъ.

Но что̀ же лажъ?

Теперь общее вниманіе увлечено этимъ финансовымъ фантомомъ, который ростетъ и возрастанію котораго не видно предѣла. Лажъ есть иностранное слово

l'agio, заимствованное нашими коммерческими людьми отъ иностраннаго купечества въ сдѣлкахъ ихъ по дѣламъ внѣшней торговли, и принятое даже въ неопредѣленномъ смыслѣ, такъ-что въ началѣ почти-всякіе проценты денежныхъ сдѣлокъ писались *ажіе* въ купеческихъ счетахъ. Лажъ, по теперешнему значенію его въ нашихъ денежныхъ дѣлахъ, есть внутренній курсъ, опредѣляемый потребностію тѣхъ или другихъ денежныхъ представителей для внутренняго обращенія. Которыя деньги по требованію дороже, за тѣ мы платимъ извѣстный процентъ перекупившему ихъ; это его agio, а купленныя деньги идутъ въ сбытъ съ даннымъ agio, съ лажемъ.

Въ системѣ денежной торговли есть еще слово *промѣнъ*, который, очевидно, есть частный лажъ менялы, — *прибавочная цѣнность*, образовавшаяся въ-слѣдствіе частной потребности одного лица и для одного лица удовлетворенная мѣнялою.

Итакъ *курсъ* есть знаменательность денегъ въ повсюдномъ ихъ значеніи *лажъ*, по составившемуся у насъ объ этомъ словѣ понятію, та же знаменательность, условливаемая потребностями въ обращеніи внутреннемъ; *промѣнъ*—цѣнность, существующая для одного лица въ-слѣдствіе личныхъ его потребностей.

Въ общемъ употребленіи, значеніе этихъ словъ часто смѣшивается; они употребляются безъ различія и одно безъ разбора замѣняется другимъ.

Итакъ монета, или ассигнація, или вообще всякій представитель денежной цѣнности, находящійся въ рукахъ вашихъ, есть извѣстная, постоянная величина, условливаемая своими тремя участниками: курсомъ, лажемъ и промѣномъ. А такъ-какъ въ простонародіи «лажъ» есть самое общеупотребительное выраженіе надбавочной цѣнности, то очевидно, что въ

этомъ выраженіи заключается и внѣшній курсъ, то-есть значеніе по отношеніямъ внѣшнимъ и по обращенію внутреннему; отсюда *лажъ*, въ простонародномъ смыслѣ, составляетъ двѣ величины—одну устанавливаемую оборотами внѣшними, и всегда болѣе-постоянную, другую собственно лажевую, установляемую внутренними рынками. — Постоянное колебаніе цѣнностей биржевое, соединенное съ колебаніемъ, производимымъ чрезъ удовлетвореніе потребностей внутренняго обращенія, и, смотря по этимъ условіямъ, пониженіе или повышеніе тѣхъ или другихъ цѣнностей, составляетъ естественное положеніе денежной системы въ государствѣ.

О причинѣ колебанія цѣнностей по отношеніямъ внѣшнимъ уже сказано.

Отъ-чего же происходитъ колебаніе собственно лажевыхъ процентовъ? Отъ мѣстной цѣнности, то-есть, потребности тѣхъ или другихъ денегъ.—Потребность эта, основываясь не на внутренней цѣнности денегъ, которая, для внутренняго обращенія, безъ отношенія къ дѣламъ биржевымъ или государственному кредиту, должна оставаться постоянною, очевидно заключаться можетъ только въ удобствѣ обращенія, то-есть, *пересылки, перевозки* и *размѣна.* Правда, могутъ быть мѣстныя обстоятельства, по которымъ вамъ понадобится золото, для моего оборота по чему-либо серебро, другому ассигнаціи, тамъ мелкая монета—и все это на внутреннихъ рынкахъ производитъ колебаніе цѣнностей; но это составляетъ только промѣны, мѣстные лажи, такъ-что, если откинемъ частныя потребности, то останется только одна общая форма потребности для внутренняго обращенія: *удобство*—главное и самое общее начало нашихъ лажевыхъ процентовъ. Удобство въ обращеніи внутреннемъ, по

свойству дѣлъ внутренней торговли, есть то же, что кредитъ въ дѣлахъ заграничныхъ; оно облегчаетъ движеніе капиталовъ, и тотъ капиталъ, который оборачивается лучше по мѣстнымъ обстоятельствамъ, получаетъ большую цѣнность, недостатокъ его ощутительнѣе; а капиталъ коснѣющій тяготитъ собою, и цѣнность его слабѣетъ.

Замѣтимъ еще, что недостатокъ одной цѣнности въ сравненіи съ другою, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, производитъ не относительное пониженіе второй, а ея собственное повышеніе, точно такъ же, какъ, наоборотъ, излишекъ непосредственно уменьшаетъ значеніе излишествующей цѣнности, а не возвышаетъ то, съ чѣмъ она сравнивается. Вамъ нужно сукно, я сукно мое дорожу; я сбываю сукно, вы его дешевите. Это естественное явленіе прямо основано на томъ, что требующій и сбывающій суть лица страдательныя; положительныя лица, дающія условія отношеніямъ, тѣ, отъ произвола которыхъ зависитъ захотѣть продать или купить, и они-то установляютъ законъ, возвышая свое, понижая чужое. Замѣчаніе это указываетъ, что всегда повышеніе какой-либо цѣнности есть доказательство ея требованія, а не излишества другихъ, а пониженіе есть указаніе относительнаго ея излишества, и, слѣдовательно, необходимости сбыта. Повышеніе и пониженіе косвенныя, то-есть, чрезъ повышеніе одной цѣнности пониженіе другой и на оборотъ, суть мѣры отрицательныя, къ которымъ въ порядкѣ вещей прибѣгается только тогда, когда есть прямое препятствіе дѣйствовать положительно.

Итакъ въ системѣ денежнаго обращенія возвышеніе тѣхъ или другихъ знаменательныхъ цѣнностей есть доказательство прямаго ихъ требованія. Но если мы замѣчаемъ въ-слѣдъ за повышеніемъ одного знаме-

нателя безъ всякой посторонней причины, равносильное повышеніе другаго—что̀ заключимъ изъ этого? Конечно, что другой знаменатель необходимо въ прямой связи съ первымъ по иному, общему имъ условію, независящему вовсе отъ причины, нарушающей равновѣсіе, такъ-что сіи два условія борются между собою и двигаютъ впередъ массу обѣихъ знаменательностей во всемъ ихъ объемѣ.

Это явленіе мы видимъ въ настоящемъ случаѣ.

При теперешнемъ безпрестанномъ возвышеніи лажевыхъ процентовъ, замѣчается слѣдующее:

1) Лажъ на всѣ вообще деньги, на ассигнаціи, на всякую монету, возрастаетъ, такъ-что недавно цѣлковый рубль въ Москвѣ сто̀ялъ слишкомъ 4 руб. 30 коп., а ассигнація 6 руб., потомъ цѣлковый рубль даже 4 руб. 50 коп., а ассигнація 6 руб. 35 коп.

2) Независимо отъ этого, при сравнительномъ учетѣ монеты съ ассигнаціею, видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ нарастаетъ отдѣльно особый процентъ на рубль ассигнаціонный, такъ-что онъ постоянно, хотя и понемногу, возвышается въ своей цѣнности сравнительно съ рублемъ монетнымъ. По здѣшнему, петербуржскому курсу въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при одинаковой цѣнности рубля въ 375 коп., лажъ на ассигнаціи постоянно увеличивается, и теперь составляетъ уже до 8 процентовъ на 100 руб.—Взявъ сравнительную цѣнность ассигнаціоннаго рубля и цѣлковаго по московскому курсу за нѣсколько времени тому назадъ и за теперешнее время, мы найдемъ то же. За четыре года въ Москвѣ цѣлковый сто̀ялъ 4 руб. 20 коп., а ассигнаціонный рубль имѣлъ до 15 процентовъ; теперь ассигнаціонный рубль имѣетъ до 27 процентовъ, а цѣлковый стоитъ 4 руб. 50 коп.; слѣдовательно, въ-теченіе этихъ четырехъ лѣтъ на каждый рубль ас-

сигнаціонный прибавилось по 12 коп., а на весь цѣлковый только 30 коп.

3) Что это увеличеніе цѣнности ассигнаціоннаго рубля противъ монетнаго есть повсюдное.

4) Что, наоборотъ, соразмѣрное наложеніе надбавочной цѣнности на рубль ассигнаціонный и монетный, безъ нарушенія ихъ взаимной знаменательности, происходитъ только во внутреннихъ губерніяхъ.

5) Что ассигнацій гораздо-менѣе въ обращеніи, нежели монеты, по-крайней-мѣрѣ въ видимомъ движеніи оборотныхъ суммъ, и что пріобрѣтеніе ихъ затруднительнѣе.

6) Что цѣнность ассигнаціоннаго рубля увеличивается не въ-слѣдствіе одного только пониженія цѣнности монеты отъ внѣшнихъ причинъ, т. е. зависитъ не отъ одного курса, установляемаго дѣлами заграничныхъ сношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другой причины, независящей отъ первой, слѣдовательно отъ причины внутренней. Сіе подтверждается колебаніемъ самого курса торговаго, сравнительно съ биржевымъ, которое вдругъ составляетъ иногда болѣе процента на рубль разницы и даетъ возможность менялам нашимъ дѣйствовать своими капиталами, чтобы выручить этотъ процентъ въ свою пользу.

Итакъ, въ чемъ же заключается внутренняя причина, независимо отъ заграничнаго баланса возвышающая цѣнность ассигнацій?

Ни въ чемъ болѣе, какъ въ потребности ассигнацій для внутренняго обращенія, происходящей отъ ихъ удобства, при полномъ правительственномъ кредитѣ,—въ выгодахъ тѣхъ лицъ, которыя заработываютъ извѣстный процентъ своими запасными капиталами, деньгами, какъ товаромъ, помогая обращенію,—въ выгодахъ размѣнщиковъ.

Съ нѣкотораго времени, благодаря благодѣтельному содѣйствію правительства, народная промышленость у насъ значительно усилалась, слѣдовательно, необходимо, потребовавъ съ одной стороны большаго количества оцѣночныхъ своихъ представителей, денегъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовала и быстрѣйшаго ихъ обращенія; съ усиленіемъ промышлености усилилось и самое потребленіе, потому-что имъ живетъ промышленость, и быстрота въ обращеніи денегъ, производимая ускореннымъ пріобрѣтеніемъ и ускореннымъ сбытомъ, въ-особенности же напряженіе въ этомъ отношеніи между провинціями и столицами, необходимо должны были придать большую цѣну удобству обращенія.

Во сколько промышленость улучшаетъ бытъ нашъ, во столько быстрота и удобство къ движенію представителей народной дѣятельности дѣлаются важнѣе. Чѣмъ ниже государство въ своемъ образованіи, тѣмъ слабѣе оно чувствуетъ потребность въ деньгахъ, производитъ немногое и живетъ немногимъ; не-то въ народѣ, который живетъ всѣмъ разнообразіемъ, доставляемымъ ему усиленными средствами гражданственности: трудъ, которымъ человѣкъ образованія грубаго лично удовлетворилъ бы только первымъ своимъ потребностямъ, при дѣятельности всеобщей, распадается на безчисленныя формы жизненныхъ удобствъ, удовлетворяемыхъ силами цѣлаго общества, и размѣнъ труда и силъ, чѣмъ онъ обширнѣе, тѣмъ дѣлается сложнѣе, требуетъ большей быстроты и большаго удобства. Итакъ радоваться должно, что у насъ дорожаютъ деньги: это значитъ, что намъ становится тѣсно въ нашихъ промышленыхъ формахъ, это чувство избытка, которому помогать нетрудно.—И дѣйствительно, не говоря о всеобщихъ признакахъ рас-

пространяющейся промышлености, сколько въ последнее время съ успѣхомъ совершилось замѣчательныхъ предпріятій мануфактурныхъ, индустрическихъ, торговыхъ! сколько основано одних обществъ на акціяхъ, объемлющихъ область гражданственныхъ улучшеній отъ самыхъ высокихъ назначеній, напр. *общество застрахованія пожизненныхъ доходовъ*, до удовлетворенія желаніямъ минутныхъ удовольствій,—*желѣзная дорога!* Заключимъ, что если не недостатокъ денегъ, то, по-крайней-мѣрѣ, замедляемая дѣятельность въ денежныхъ оборотахъ возвышаетъ ихъ номинальную цѣну, и именно падая преимущественно на ассигнаціи, какъ на самаго удобнаго для обращенія представителя внутреннихъ фондовъ.

Итакъ, съ одной стороны, представляя себѣ усиленную дѣятельность народной промышлености, съ другой, имѣя въ виду, что только въ недавнемъ времени отмѣненъ указъ 1811 года 16 мая объ исключительномъ взиманіи податей ассигнаціями и мѣдью, что въ недавнемъ времени разрѣшенъ взносъ откупной суммы монетою, что до 230 мильйоновъ сожжено у насъ ассигнацій, которыя, хотя и замѣнены серебромъ и золотомъ, добытымъ изъ нашихъ рудниковъ, но въ обращеніи народномъ увеличили только количество монеты, не замѣнивъ ассигнацій,—мы имѣемъ полное вѣроятіе полагать, что ассигнація должна возрастать въ своей цѣнности отъ приведенныхъ причинъ, и наши 8 копеекъ на ассигнаціонный рубль, по сравнительному учету ассигнацій съ монетою по московскому курсу, составляющіе тамъ почти-ту же преимущественную цѣнность на ассигнацію, образовались отъ безпрестаннаго ихъ требованія въ обращеніе, выкупа и опять продажи ихъ денежными тор-

говцами при первой обозначившейся потребности для торговыхъ оборотовъ.

Какъ скоро есть надобность въ ассигнацiяхъ, вы платите мѣняламъ, сверхъ биржевыхъ процентовъ, еще ими-самими установляемый процентъ въ ихъ собственную пользу за удовлетворенiе вашей потребности; ассигнацiя этимъ извѣстнымъ процентомъ приходится уже дороже, а слѣдовательно и въ общее обращенiе идетъ дороже биржевой цѣнности. Представьте же, если она съ этою цѣнностью перейдетъ еще въ Москву, побываетъ тамъ на мѣняльномъ столикѣ, дастъ еще выгоду московскому мѣнялѣ,—очевидно, что числовая надбавка, сверхъ биржевой цѣнности, еще болѣе увеличится, и во внутренней провинцiи она идетъ уже съ процентами биржеваго курса и двумя промѣнами.

Но если это повышаетъ рубль ассигнацiонный, то отъ-чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно повышается вся монетная система?

Обратимъ вниманiе еще на одно весьма-важное обстоятельство.

У насъ есть постоянный, неизмѣняемый курсъ, установленный правительствомъ, опредѣляющiй отношенiе рубля серебрянаго къ ассигнацiонному, — цѣлковый 3 руб. 60 коп. ассигнацiонныхъ. Во всѣхъ казенныхъ взносахъ и выдачахъ, во всѣхъ дѣлахъ съ казною, это курсъ повсюдный, курсъ чрезвычайно-важный для всего народонаселенiя, для всѣхъ родовъ промышлености. Казенныя заготовленiя, перевозки, подряды, всѣ казенныя работы, всѣ взносы въ казну, нѣкоторые косвенные налоги и взысканiя, казенныя продажи, промысла, во многихъ мѣстахъ продажа соли, которая каждую недѣлю напоминаетъ крестьянину о казенномъ курсѣ, а съ нѣкотораго времени

огромная откупная операція, и, наконецъ, разрѣшеніе платежа податей монетою, словомъ, весь оборотъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, при которыхъ и ассигнація и монета имѣютъ свою положительную цѣнность, опредѣляющую ихъ отношенія,—оборотъ, составляющій, можетъ-быть, половину всѣхъ денежныхъ обращеній въ государствѣ,—очевидно не можетъ не имѣть вліянія на внутренній торговый курсъ, т. е. сколько можно и сколько позволятъ мѣстныя сношенія казны съ народомъ поддерживать нормальное значеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному, противъ всѣхъ колебаній курса въ частномъ, внутреннемъ обращеніи денегъ.

Итакъ непрестанному возвышенію цѣнности ассигнаціоннаго рубля, происходящему отъ потребности его въ дѣлахъ народной торговой дѣятельности, по особенному удобству его для движенія капиталовъ, особенно въ значительныхъ массахъ, самъ собою противопоставляется неизмѣнный курсъ правительственный, постоянная норма цѣнности монетъ къ бумажнымъ деньгамъ.

Теперь спрашиваемъ: чтò же должно быть слѣдствіемъ этой борьбы съ каждымъ днемъ подвигающагося впередъ курса на ассигнаціонныя деньги и постоянной правительственной цѣнности ихъ къ монетѣ? Повышеніе самой монеты, до приведенія ея въ числовую соотвѣтственность съ ассигнаціею, возстановленіе принятой правительствомъ и весьма-уважаемой въ народѣ относительной цѣнности, нарушенной потребностію и ассигнаціоннымъ лажемъ, т. е. надбавкою по разсчисленію тѣхъ же самыхъ процентовъ, на сколько поднялся рубль ассигнаціонный, и на рубль монетный. Такъ подтверждается это и на-самомъ-дѣлѣ: повсюду, какъ-скоро поднимается цѣнность на ассигна-

ціи, поднимается вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность и рублей монетныхъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Если прибавить къ тому, что съ привычкою, укореняемою безпрестанными поводами чрезъ требованіе ассигнацій—возвышать цѣнности денежныя, и всѣ повышенія самой монеты, случающіяся иногда отъ мѣстныхъ требованій, будутъ опять опредѣляться надбавками на монетный рубль, которыя, при новомъ колебаніи въ-пользу ассигнацій, опять произведутъ новую на нихъ надбавку; то ясно увидимъ, какъ сильно должно быть это движеніе, въ-особенности тамъ, гдѣ несовсѣмъ-вѣрное понятіе о деньгахъ въ простомъ народѣ даетъ поводъ соблазнять каждаго увеличеніемъ номинальной ихъ цѣнности, какъ-будто чѣмъ-то существеннымъ. Въ Петербургѣ, гдѣ преимуществуютъ биржевыя дѣла, которыя, по свойству своему, имѣя отношеніе къ курсовому балансу заграничныхъ денегъ, должны показывать существенную цѣнность нашихъ въ самомъ простомъ, сколь-возможно-менѣе сложномъ видѣ и, слѣдовательно, гдѣ вся торговля идетъ на началахъ болѣе прямыхъ, всѣ подобныя наращенія уничтожаются сами собою *.

За-тѣмъ предстоитъ еще разрѣшить вопросъ: отъ-чего процентъ, взятый мѣнялою на ассигнацію и сдѣлавшій движеніе курса въ торговыхъ дѣлахъ внутреннихъ губерній, даетъ возможность прилива ассигнацій обратно сюда въ Петербургъ? Причина очевидна. Не говоримъ о томъ, что большая часть доходовъ частныхъ, поступая сюда и для издержекъ, и для храненія въ кредитныхъ заведеніяхъ, для оборотовъ торговыхъ и всякаго рода индустрическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

* Прилагаемъ вычисленіе, указывающее за 1834, 1836, 1838 и 1839 годы казенное отношеніе ассигнацій къ серебру, бир-

большая часть доходовъ государственныхъ, пересылаются въ ассигнацiяхъ, припомнимъ также, что здѣшнiй монетный дворъ въ значительномъ количествѣ постоянно выпускаетъ монету, которая чрезъ это всегда держится здѣсь ниже, чѣмъ во внутреннихъ губернiяхъ, такъ-что сбытъ серебра въ провинцiи составляетъ почти всегда выгоду мѣнялъ; что, какъ ни значительно возвращенiе сюда ассигнацiй изъ нашихъ внутреннихъ губернiй, лишнихъ ассигнацiй здѣсь нѣтъ, ибо обращенiе ихъ здѣсь преимуществуетъ по самому роду дѣлъ, совершающемуся въ огромныхъ размѣ-

---

жевое ихъ отношенiе и собственно-московскiй курсъ,—все по московскому разсчету.

	Казенное отношенiе ассигнац. къ серебру на московскiй курсъ.	Биржевое отношенiе ассигнацiй къ серебру на московскiй курсъ.	Разность.	Московскiй курсъ.
1834	500: 360=575: 416.	500: 358=575: $411\frac{7}{10}$	$4\frac{3}{10}$	575: 420.
1836	500: 360=600: 432.	500: 356=600: $426\frac{1}{8}$	$5\frac{7}{8}$	600: 425.
1838	500: 360=620: 446.	500: 354=620: 439.	7	620: 435.
1839	500: 360=635: 457.	500: 346=635: 439.	18	635: 450.

Замѣчательно, что въ послѣднее время торговый курсъ, стоя въ срединѣ между здѣшнимъ биржевымъ и казеннымъ, имѣлъ разницы противъ казеннаго только $<$ 7 копеекъ на цѣлковый и $>$ 11 копеекъ на цѣлковый противъ казеннаго, и что болѣе 11 копеекъ на цѣлковый противъ казеннаго разницы нигдѣ нѣтъ. Очевидно, что за послѣднее время разсчисленiе прямо указываетъ на перевѣсъ казеннаго курса, или на усиленiе дѣятельности монеты во внутреннихъ губернiяхъ, которое изъ обращенiя, низшаго противъ ассигнацiй по казенному курсу, возвысило цѣлковый на 4 коп. (446—435=11; 457—450=7; 11—7=4), что необходимо и долженствовало быть съ умноженiемъ статей, по которымъ правительство разрѣшило и стало продолжать разрѣшенiе о прiемѣ денегъ въ казну монетою.

рахъ; что всякіе переводы капиталовъ дѣлаются отсюда большими суммами, и потому болѣе въ ассигнаціяхъ, и что, наоборотъ, монета, въ особенности серебряная, по меньшей обширности мѣстныхъ обращеній въ провинціяхъ, а болѣе потому-что въ провинціяхъ первенствуетъ мелочная торговля, неудобна тамъ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ;—но и за всѣмъ тѣмъ, при постоянномъ движеніи впередъ рубля ассигнаціоннаго, весьма-нерѣдко возвышеніе серебрянаго рубля обозначается уменьшеніемъ лажа на ассигнаціи, независимо отъ курса биржеваго, хотя и ненадолго, пока новыя требованія ассигнацій опять не возвысятъ ихъ предъ монетой.

Такимъ-образомъ монета во внутреннихъ провинціяхъ непрестанно сравнивается съ ассигнаціею, производитъ колебаніе ассигнаціонной системы въ Петербургѣ; между-тѣмъ потребность на ассигнаціи дѣйствуетъ, притекающія изъ провинцій ассигнаціи, поступая въ руки мѣнялъ, при первой потребности на нихъ, возрастаютъ еще процентомъ, и съ этой новой надбавкой совершаютъ опять оборотъ внутренней торговли, еще поднимаютъ номинальную цѣнность монетъ, и опять притекаютъ къ нашему пункту всеобъемлющей торговой дѣятельности—къ Петербургу.

Прибавимъ къ этому обстоятельство, напечатанное въ одной изъ нашихъ газетъ, и указывающее, какимъ-образомъ, при установившейся въ Москвѣ цѣнности цѣлковаго въ четыре рубля, пониженіе цѣлковаго въ слѣдующіе годы стало выражаться числовыми прибавками къ рублю ассигнаціонному, такъ-что, когда на петербуржской биржѣ, послѣ 1816 года, стали требоватъ за сторублевую ассигнацію, вмѣсто 25 руб., уже 27 рублей серебромъ, въ Москвѣ, гдѣ

нормою остался серебряный рубль, по ровному счету въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣвшій цѣнность 4-хъ рублей, сторублевая ассигнація стала ходить 108 руб. Потомъ подобное же недоразумѣніе, возникшее отъ ложной оцѣнки французской двадцати-франковой монеты, принятой въ простонародіи наравнѣ съ полуимперіаломъ въ 21 руб., также могло быть причиною, что, когда нашъ полуимперіалъ, по дѣйствительному своему достоинству получилъ, въ-слѣдствіе сдѣланнаго отъ правительства объявленія, 3% приращенія сравнительно съ французскою монетою, то это возвышеніе отразилось на всей руской монетѣ повышеніемъ 3%. По этому разсчисленію, когда курсъ въ Петербургѣ утвердился на 3 р. 75 коп. и за 100 руб. ассигнаціями можно было получать 26 рублей 66 коп. серебромъ, то сторублевая ассигнація, по 4-хрублевому достоинству цѣлковаго рубля, должна была стоять 106 руб. 64 коп. Если прибавимъ къ тому еще 3%, накинутые ложнымъ курсомъ двадцати-франковой монеты, то постоянная разность, зависѣвшая отъ сихъ случайныхъ обстоятельствъ, должна составлять 9,64%, или около 10% излишка противъ петербуржскаго курса.

Изъ всего сказаннаго мы выводимъ прямое положеніе, что колебаніе, совершающееся во внутреннемъ курсѣ повсюдною потребностію ассигнацій, производитъ непрестанное повышеніе ихъ цѣнности относительно къ монетѣ, а послѣдственное за тѣмъ повышеніе монеты происходитъ отъ постоянной, правительствомъ окредитованной цѣнности ея къ бумажнымъ деньгамъ, при участіи большей пригодности ея для внутренняго употребленія. Очевидно, изъ этого нѣтъ слѣдствія, чтобы у насъ либо не доставало денегъ вообще, либо чтобъ не доставало самыхъ ассигнацій во-

обще: и то и другое обстоятельство могутъ способствовать возвышенію денежныхъ цѣнностей; но недостатокъ денегъ вообще долженъ бы произвести возвышеніе на нихъ цѣнности повсюдное, чего мы не видимъ, а между-тѣмъ, и при самомъ умноженіи количества ассигнацій, возвышеніе ихъ легко можетъ продолжаться, потому-что главная причина этого, какъ мы замѣтили, есть потребность собственно въ быстротѣ обращенія капиталовъ, увеличившаяся при распространеніи дѣятельности.

Изъ сего самъ собою разрѣшается вопросъ: можно ли нашимъ торговцамъ деньгами, или мѣняламъ, будто-бы по какому-то уговору возвышающимъ цѣнность денегъ изъ видовъ барыша, приписывать это явленіе?

Мѣняла—тѣ же торговцы, удовлетворяющіе потребностямъ денегъ въ различныхъ видахъ, смотря по обстоятельствамъ; они торгуютъ ими, какъ товаромъ, и конечно стараются изъ торга своего извлечь сколько-можно-большую для себя выгоду, пользуясь мѣстными движеніями курса. Въ этомъ смыслѣ никто не обвинитъ ихъ за пріобрѣтеніе процента своей смѣтливостію, вѣрнымъ разсчетомъ случаевъ и быстротою распоряженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть съ ихъ стороны и дѣйствія неблаговидныя, въ-особенности, если огромные запасные капиталы даютъ возможность закупить тѣ или другія деньги въ однѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, немногія руки, такъ-что представлявшаяся потребность даетъ возможность при подобной спекуляціи, неподрываемой соревнованіемъ, взять процентъ лишній на преимуществѣ монополиста. Но подобныя явленія зла въ системѣ денежныхъ обращеній суть только явленія частныя, заслуживающія даже

преслѣдованія, какъ нарушеніе установляемой правительствомъ таксы, свободы продажи на рынкахъ первыхъ произведеній для жизненныхъ потребностей, и могутъ случаться какъ побочныя обстоятельства, вовсе не составляя причины, производящей явленіе, начала котораго заключаются въ самомъ развитіи общественныхъ силъ нашихъ. Увеличившееся число мѣнялъ также не доказываетъ тѣхъ произвольныхъ, огромныхъ выгодъ, которыя приписываются торгу деньгами *, а только опять одну потребность въ пособіи намъ относительно денежныхъ обращеній, которыя даютъ хотя небольшую, но вѣрную и чистую пользу торговцу деньгами.

Наконецъ многіе говорятъ: стоитъ ли того, чтобы обращать вниманіе на движеніе возвышающагося курса? Сопряженъ ли съ нимъ какой-нибудь существенный вредъ, общій или частный, и если нѣтъ, то пусть каждый разсчитывается какъ угодно?

Видимаго вреда, отъ котораго чувствительно страдалъ бы тотъ или другой классъ людей, та или дру-

---

* Выгоды, заключающіяся въ размѣнѣ денегъ нашихъ внутреннихъ губерній съ Петербургомъ вовсе не такъ значительны, какъ это съ перваго взгляда кажется. Вотъ примѣрное расчисленіе: 10 цѣлковыхъ, по здѣшнему, послѣднему биржевому курсу, стоятъ 34 руб. 70 коп.; тѣ же 10 цѣлковыхъ въ 450 коп., по возвышенному московскому курсу, составляютъ 45 руб.; но, чтобъ купить ихъ на ассигнаціи во внутреннихъ губерніяхъ, нужно заплатить и тамъ, полагая по 27 коп. лажу на ассигнаціонный рубль, 35 руб. 44 коп. ассигнаціями. Слѣдовательно, вся разность или выгода при размѣнѣ, заключается въ 74 копейкахъ на десять цѣлковыхъ, въ 7 руб. 40 коп. на 100 цѣлковыхъ, въ 74 тысячахъ рублей на мильйонъ цѣлковыхъ. Конечно, благопріятное колебаніе можетъ увеличить иногда эту выгоду, но здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, видѣнъ приблизительный разсчетъ лажевыхъ выигрышей.

гая отрасль промышлености, нѣтъ. Но кто же не согласится, что чѣмъ положительнѣе опредѣлено отношеніе цѣнностей, тѣмъ въ торговыхъ оборотахъ самыя цѣны вѣрнѣе: нѣтъ курсовыхъ выигрышей — нѣтъ и потерь. Въ дѣлахъ торговыхъ заграничныхъ это въ-особенности важно, и, конечно, мы должны радоваться, что постоянство нашего биржеваго курса въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ обезпечиваетъ насъ съ этой стороны, ибо знаемъ, что колебаніе его можетъ быть сопряжено съ значительными для насъ потерями. Но какъ же считать, наоборотъ, за ничто колебаніе курса внутренняго, который составляетъ тѣ же самыя условія для частныхъ лицъ въ торговлѣ внутренней, что курсъ биржевой въ торговлѣ внѣшней для цѣлаго государства, и только потому-что здѣсь это не такъ замѣтно?

Что жь касается до производительныхъ силъ, то шаткость цѣнностей номинальная прямаго на нихъ вліянія имѣть не можетъ, ибо развитіе этихъ силъ заключается во всемъ составѣ государства, и даже свидѣтельствуется, какъ мы видѣли, колебаніемъ, происходящимъ отъ возвышенія цѣнностей бумажныхъ денегъ. Деньги суть только представители цѣнностей, и не деньги устанавливаютъ цѣну, а самая цѣнность произведеній опредѣляетъ значеніе ихъ, такъ-что номинальное увеличеніе или переименованіе одного рубля въ полтора, вовсе не уменьшаетъ цѣны произведенія, которое когда имѣетъ сбытъ, когда необходимо, то изъ цѣны одного рубля можетъ легко возвышаться въ цѣну двадцати. Но если непроизводительность государственная, и не общія торговыя сдѣлки въ значительныхъ массахъ—которыя всегда по условію на извѣстное время съ соображеніемъ всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ могутъ совер-

шаться на ассигнаціи, или монету—страдаютъ значительно отъ курсовыхъ повышеній, то, наоборотъ, здѣсь важна въ-особенности мелочная торговля, рыночная, куда крестьянинъ привозитъ свое произведеніе, чтобы продать его,—или на цѣлковый, на полтинникъ (все его временное достояніе) удовлетворить необходимымъ домашнимъ потребностямъ и нуждамъ семейства. Это его капиталъ, и тутъ-то тысячи хитростей мелочныхъ торговцовъ, опирающіяся на лажѣ, похищаютъ у него часть этого капитала. Цѣны на произведенія, при быстротѣ колебаній курсовыхъ, никогда не могутъ тотчасъ на всѣ предметы уравновѣситься, а особливо въ системѣ мелочной торговли, гдѣ онѣ гораздо болѣе произвольны, чѣмъ въ гуртовой; разсчеты соображены бываютъ не тотчасъ; между-тѣмъ оптическій обманъ, направляемый собственными выгодами торговцовъ, какъ класса болѣе образованнаго въ свою пользу, эта игра именами цѣнностей, непрестанно вовлекаетъ крестьянина нехитраго въ дѣлахъ счетныхъ, въ потери частыя, хотя незначительныя, но истинныя, и въ этомъ миражѣ цѣнностей мильйоны копеекъ отнимаются на большихъ торгахъ у труда народнаго; словомъ, колебаніемъ курсовъ на нашихъ рынкахъ дается мелочному промышленику возможность сбывать свой товаръ съ большею выгодою на-счетъ небогатаго класса нашихъ мелкихъ потребителей, а закупщику первыхъ произведеній выманивать ихъ за меньшую сумму у производителя, для котораго они составляютъ все достояніе. Крестьянину четвертакъ, полтинникъ — все его имущество; ему нѣчѣмъ при покупкѣ замѣнить свою монету, пока у него есть просто товаръ на условіи вымѣна. Что ему дѣлать, если у него понижаютъ эту монету на копейку, на двѣ, хотя-бы это

пониженіе было даже произвольное? Онъ не знаетъ настоящей цѣны и уступаетъ по-неволѣ. А въ разсчетахъ, сдачахъ—опять является возможность унесть еще копейку на разныхъ цѣнностяхъ сдаваемыхъ монетъ. Несообразность подобныхъ разсчетовъ, основанныхъ на лажѣ въ Москвѣ и за Москвою, доведена до-того, что вы получаете 10 коп. и берете только 4 гроша. Точно также необходимо теряетъ и всякій потребитель въ покупкахъ дробныхъ, но частыхъ.

Будемъ ли за тѣмъ говорить о банкахъ, негоціантахъ, банкирствѣ, этихъ словахъ затѣйливыхъ, распестряющихъ сужденія своею яркостію? ... Скажемъ только, что конечно бы разсчеты наши облегчились, когда бы московскій курсъ, по общему согласію торгующихъ лицъ, или какимъ другимъ средствомъ, подведенъ былъ по-крайней-мѣрѣ подъ одну общую норму, и относительная цѣнность ассигнацій къ монетѣ, опредѣляемая колебаніемъ курсовымъ, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ условій, ясно обозначалась извѣстными процентами на рубль ассигнаціонный.

И. КАМАШЕВЪ.

ШЕЛКОВОДСТВО, ВИНОДѢЛІЕ И САДОВОДСТВО ЮЖНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ ВЪ 1838 ГОДУ *.

I.

ШЕЛКОВОДСТВО.

1) *Кавказская Область.* О состояніи шелководства въ Кизлярѣ не получено подробныхъ извѣстій. Полагать можно, что выдѣлано не менѣе прошлогодняго, около 170 пудовъ шелка.

Въ станицахъ на Терекѣ по прежнему мало выдѣлано шелка; около $6^1/_2$ пудовъ; въ иныхъ даже меньше прошлогодняго. Настоящій шелкъ проданъ въ Кизлярѣ по 11 руб. 50 коп. за фунтъ; остальной шелкъ былъ хлопчатый, или вареные пузырки для домашняго употребленія.

---

* Эта статья составляетъ выписку изъ донесенія, представленнаго въ Министерство Государственныхъ Имуществъ главнымъ инспекторомъ надъ шелководствомъ, Ст. Сов. Стевеномъ, и нигдѣ еще ненапечатаннаго.

Въ Моздокѣ, гдѣ издавна уже заведено шелководство, выдѣлано шелка близь 7 пудовъ, который проданъ на мѣстѣ по 11 руб. фунтъ. Выше Моздока на Терекѣ не было шелка.

На рѣкѣ Кумѣ въ верхнихъ селеніяхъ получено его очень-мало. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ Пятигорскаго Округа получено во всѣхъ до 9 пудовъ шелка.

Ставропольскаго Округа въ селеніяхъ и самомъ городѣ собрано шелка около 2½ пудъ. Но этотъ сборъ незначителенъ, судя по садамъ. На-прим. въ Михайловскомъ преобширномъ шелковичномъ Саду, уже 36 лѣтъ разведенномъ, выдѣлано только 8 фунт. шелка.

Въ Кавказской Области выдѣлано шелка, уповательно неменьше прошлогодняго, то-есть около 220 пудовъ. Шелкъ продавался въ Кизлярѣ и на маленькихъ ярманкахъ въ деревняхъ отъ 9 до 12 р. за фунтъ. Кизлярскій шелкъ былъ на нижегородской ярманкѣ отъ 580 до 600 р. пудъ.

Вновь посажено шелковицъ очень-мало. Напротивъ, почти вездѣ убыло болѣе или менѣе.

2) *Херсонская Губернія.* Шелка выдѣлано во всей губерніи съ колоніями 22 пуда 14 фунт. и хлопчатаго 27 фунтовъ; слѣдовательно, болѣе прошедшаго года 16 пудовъ 9 фунтовъ, но менѣе 1835 года 13 пудовъ и 1834 года 11 пуд. Наибольшее количество, именно 6 пуд. 12 фунт., добыто въ Парканахъ, колоніи около Днѣстра. Шелкъ хорошей размотки проданъ по большей части въ Кишиневѣ по 34 руб. за око, то-есть 11 р. 33 коп. за фунтъ; безъ машины, на рукахъ размотанный, толстый проданъ по 44 р. ок-

ко * или близъ 15 руб. за фунтъ; худшій оставленъ на домашнее употребленіе.

Вновь посажено по всей губерніи болѣе 25,000 шелковицъ.

3) *Харьковская Губернія.* Шелка выдѣлано менѣе прошлогодняго, и всего 13 фунтовъ.

Въ Новой Водолагѣ 4¾ ф., въ Славянскѣ 3 фун. и въ военномъ поселеніи Зміевскаго Уѣзда 5¾ ф. Деревъ и сѣянцевъ вновь посажено мало, а противъ прошлаго года убыло около 2000 деревъ и 30,000 сѣянцевъ. Такая постоянная ежегодная убыль какъ самыхъ деревъ, такъ и количества выдѣлываемаго шелка, доказываетъ, сколь мало надежды, чтобы въ Харьковской Губерніи могло водвориться шелководство.

4) *Екатеринославская Губернія.* Шелка выдѣлано меньше прошлогодняго, и всего 4 пуда 14 фун. Главное въ сей губерніи шелководство въ Нахичеванѣ. Только въ Екатеринославскомъ казенномъ Саду добыто еще 8 фунтовъ. Всѣ прочія плантаціи, изъ которыхъ иныя довольно-значительны, оставлены безъ всякаго употребленія. Шелку мотанному цѣна была 12 и 14 р. за фунтъ.

Деревъ посажено вновь 2550. Зима 1837—38 много надѣлала вреда въ Екатеринославлѣ: почти всѣ шелковицы вымерзли; многія опять дали побѣги отъ корня, а иныя совсѣмъ пропали.

5) *Екатеринославскія Колоніи.* Шелка противъ прошедшаго и особенно противъ 1835 года, когда было его 11 пудовъ, выдѣлано нынѣ очень-мало: всего 2 пуда 16 фунтовъ. Деревъ вновь не посажено. Въ Маріупольскихъ же Колоніяхъ, хотя, по новости, шелка еще не дѣлаютъ, но посажено вновь до 5300 деревъ.

---

* Окко равно 3 фунтамъ.

6) *Кіевская Губернія.* Шелка выдѣлано нѣсколько болѣе прошлогодняго, всего 3 пуда 28 ф. Деревъ посажено вновь 4717; убыло 2764 дерева; изъ сѣменъ взошли 9705.

При селѣ Жуковцахъ находится казенный шелковичный разсадникъ, въ коемъ 48,000 шелковицъ; изъ нихъ 9000 годныхъ для выкармливанія червей. Сѣянокъ прежнихъ 37,000, вновь-взошедшихъ 1800. Другой разсадникъ, при селѣ Черняховѣ съ 39,000 шелковицъ, изъ коихъ для выкармливанія червей годныхъ 10,000, сѣянокъ прежнихъ 28,000, вновь-вышедшихъ 1500.

Цѣна шелку состояла 10 рублей за фунтъ.

7) *Подольская Губернія.* Шелка выдѣлано чистаго 9 пудъ 10 фунтовъ; хлопчатаго 1 пудъ 17 фунтовъ, всего 10 пудъ 27 фунтовъ; противъ прошлогодняго болѣе 3 пуда 2 фунта.

Деревъ посажено вновь всего 5878; убыло 3713.

8) *Таврическая Губернія.* Шелка выдѣлано всего 14 пудъ 5 фунт.; болѣе прошлогодняго 25 фун. Урожай былъ бы лучше, еслибъ не выпадали частые дожди въ іюнѣ мѣсяцѣ, отъ коихъ шелковичный листъ, напитанный водяными частицами, былъ вреденъ червямъ, такъ что при витіи коконовъ много червей пропало. Шелкъ-сырецъ проданъ на мѣстѣ по 12 и 14 р. за фунтъ на снурки, тесемки, пуговицы и т. п.; обдѣланный въ нитки для шитья и крашенный продавался по 20 р. фунтъ.

Шелковичныхъ деревъ посажено вновь во всей губерніи 21,000; убыло отъ холодной зимы насаженныхъ прежнихъ лѣтъ 8,000.

Въ Молочанскихъ Меннонистскихъ Колоніяхъ шелководство мало распространяется; между-тѣмъ продолжаютъ сажать шелковицы при каждой колоніи въ

общественной плантаціи. Положено каждому хозяину посадить 400 шелковицъ; это составитъ чрезъ нѣсколько лѣтъ 400,000 деревъ. Шелкъ будутъ выдѣлывать изъ половины тѣ жители, которые хозяйства не имѣютъ; изъ выручаемыхъ денегъ долженъ составиться капиталъ на постройку госпиталя. Тамошнее Общество Поощренія Сельской Промышлености покупаетъ шелкъ по 10 руб. за фунтъ и отсылаетъ въ Москву; если получится болѣе, то оно доплачиваетъ хозяевамъ. Шелкомотальня устроена въ колоніи Алтонѣ, гдѣ выписанный изъ Хортица колонистъ обучаетъ шелкомотанію.

Отъ прошедшей зимы множество шелковицъ пропало, иныя совсѣмъ вымерзли, другія даютъ побѣги отъ корня.

Въ Ногайскѣ, въ общественномъ саду 280 шелковицъ, шелка не выдѣлывается.

Въ ногайской деревнѣ Единохтѣ у Ногайца Али-Паши болѣе 1000 двухлѣтнихъ шелковицъ, коими онъ обѣщается выкармливать червей; изо всѣхъ Ногайцевъ Таврической Губерніи онъ одинъ еще разводитъ шелковицы.

9) *Астраханская Губернія.* Шелка выдѣлано во всей губерніи сырцоваго 19 пудовъ 13 фунтовъ; хлопчатаго 6 пудъ 21¾ ф., всего близъ 26 пудовъ; болѣе прошлогодняго около полутора пуда, и съ тѣмъ, что должно выходить изъ неразмотанныхъ еще коконовъ, 6½ пудовъ. По благопріятствующей погодѣ съ-начала весны должно было болѣе ожидать, но потомъ отъ нѣкоторыхъ сильныхъ дождей въ иныхъ помѣщеніяхъ черви были подмочены, и вообще черви дали коконы необильные шелкомъ. Шелкъ распроданъ отъ 520 до 600 руб. за пудъ, смотря по добротѣ. Онъ никуда не былъ вывозимъ, а весь употребленъ на

астраханскихъ фабрикахъ. Хлопчатаго шелка въ продажу поступило незначительное количество, а по-большей-части онъ оставленъ для домашнихъ рукодѣлій. Коконовъ часть продана на нижегородской ярмаркѣ по 4 р. за фунтъ и на мѣстѣ, въ Астрахани, по 100 р. за пудъ. Какъ въ вѣдомости исправляющаго должность инспектора не объяснено, до какой степени коконы были засушены, то о цѣнѣ никакого заключенія нельзя дѣлать: шелкъ въ нынѣшнемъ году въ Астрахани имѣлъ много покупателей, и, по хорошему качеству онаго, тамошніе фабриканты платили за сырецъ противъ привозимаго изъ Персіи до 200 р. лишняго на пудъ.

Деревъ вновь посажено до 15,000, и изъ сѣменъ взошло 83,000. Убыло же разсаженныхъ 6126, по-большей-части молодыхъ и отъ поврежденія коры бывшими весною 1837 года водяными мышами. Такого множества мышей, какъ нынѣ было, старожилы не припомнятъ; садовымъ и огороднымъ растеніямъ вообще причиненъ мышами значительный вредъ. Убыль старыхъ деревъ произошла отъ давности ихъ существованія и отъ неправильной порубки и рѣзки вѣтвей.

10) *Саратовская Губернія.* Шелка выдѣлано во всей губерніи 39 ф. сырца, и $5\frac{1}{2}$ ф. хлопчатаго. О продажѣ выдѣланнаго шелка не имѣется извѣстія; по доставленной же исправляющему должность инспектора пробѣ, добытый въ Саратовѣ равняется лучшему итальянскому и стоитъ 25 руб. фунтъ.

Деревъ посажено всего во всей губерніи 16,238; убыло прежнихъ 6763; состоитъ теперь на-лицо всего 35,400. Убыль деревъ послѣдовала отъ жестокости зимы; сѣянцы были повреждены червями, которые подтачиваютъ корни.

ОБОЗРѢНІЕ ШЕЛКОВОДСТВА
въ полуденной россіи въ 1838 году.

Званіе мѣстъ.	Посажено вновь шелковицъ.	Выдѣлано шелка.	
1. Обл. Кавказская. . .	6,000	220 пуд.	Примѣрно.
2. Губ. Астраханская.	14,854	16 п. 25 ф.	
3. — Саратовская. .	16,238	1 п. 4½ ф.	Вмѣстѣ съ колоніями.
4. — Таврическая. .	21,000	14 п. 5 ф.	
5. — Екатеринославская.	2,550	4 п. 14 ф.	А съ колоніями 6 п. 30 ф.
6. — Харьковская. .	4,300	13 ф.	только въ военномъ поселеніи Зміевскаго Уѣзда.
7. — Херсонская. .	25,260	23 п. 1 ф.	Вмѣстѣ съ колоніями одесскими.
8. — Подольская. . .	5878	10 п. 27 ф.	
9. — Кіевская. . . .	4717	3 п. 28½ ф.	
10. Колонія Екатеринославская. .	4300	2 п. 16 ф.	
Итого. . .	105,097.	296 п. 14 ф.	

II.

ВИНОДѢЛІЕ.

Херсонская Губернія.

Урожай вина былъ хуже прошлогодняго; получено бѣлаго 2792, краснаго 7754 ведра, всего 10,546 ведръ, и продано оно, по низкой добротѣ, отъ 80 к. до 1 рубля за ведро. По причинѣ продолжающихся теперь

уже нѣсколько лѣтъ неурожаевъ, жители теряютъ охоту къ разведенію виноградныхъ садовъ и обращаютъ свои труды на хлѣбопашество и скотоводство.

Екатеринославская Губернія.

Только въ двухъ садахъ, одномъ въ Таганрогѣ, другомъ въ Маріуполѣ, получено нѣсколько винограда; изъ перваго продано 200 пудовъ и выдѣлано 15 ведръ вина; изъ втораго продано 10 пудовъ и выдѣлано 10 ведръ вина; всего же въ губерніи получено 210 пудъ винограда и 25 ведеръ вина. Кромѣ сихъ, есть еще нѣсколько кустовъ винограда въ Таганрожскомъ и Екатеринославскомъ казенныхъ Садахъ; въ семъ послѣднемъ вымерзло около 150 старыхъ кустовъ.

Кіевская Губернія.

Собрано всего 1382 пуда винограда, который проданъ по 5 и по 6 рублей пудъ; вновь посажено 4000 кустовъ.

Подольская Губернія.

Всего въ Подольской Губерніи получено сего лѣта бѣлаго вина 7140 ведръ, которое продавалось на мѣстѣ отъ 2½ до 3 руб. за ведро; краснаго не выдѣлывается. Винограда продано до 500 пудовъ по 4 р. пудъ. Урожай превышалъ прошлогодній 1700 ведрами и качествомъ вино было нѣсколько лучше. Это совсѣмъ противно тому, что̀ замѣчено въ другихъ губерніяхъ, гдѣ вина добыто меньше и гдѣ оно было хуже прошлогодняго.

Таврическая Губернія.

Уже въ прошломъ году урожай былъ посредственный какъ количествомъ, такъ и качествомъ, а нынѣшній еще хуже. Едва-только получена третья часть про-

шлогодняго, и добротою вино самое низкое. Только на югозападномъ берегу урожай былъ нѣсколько больше прочихъ мѣстъ Крыма, и общій итогъ равняется съ прошлогоднимъ отъ-того, что многіе молодые виноградники въ первый разъ приносили плодъ. Подобные несчастные годы были 1832 и 1835-й; но и тогда на югозападномъ берегу былъ изрядный урожай и виноградъ выспѣлъ хорошо, между-тѣмъ, какъ въ Судакѣ, который почитался лучшимъ мѣстомъ для винограда, онъ не вызрѣлъ, и самые кусты отъ морозовъ много потерпѣли. И нынѣшній годъ въ Судакѣ и на юговосточномъ берегу виноградники повреждены жестокостію прошедшей зимы и засухою, которая продолжалась до іюня мѣсяца. Корни такъ обезсилѣли, что во многихъ садахъ въ-теченіе всего лѣта побѣги на кустахъ выросли не болѣе полуаршина, а мѣстами даже менѣе, отъ чего и въ 1839 году нельзя ожидать хорошаго урожая. Замѣчено также въ Судакѣ, что кисти винограда выходили не отъ настоящаго глазка на прошлогоднемъ чубукѣ, а отъ глазковъ, въ сторонѣ вышедшихъ. На западной сторонѣ южнаго берега Крыма, хотя кусты не столько пострадали, однако старые виноградники также вездѣ дали винà меньше прошлогодняго.

Самое винодѣліе въ нынѣшнемъ году было затруднительно: виноградъ поспѣвалъ очень-неровно, на каждомъ кустѣ были зрѣлыя и незрѣлыя кисти; иные хорошіе хозяева принуждены были съ одного куста собирать четыре раза въ-теченіе четырехъ недѣль и смѣшивать разнаго рода винограды, по-мѣрѣ-того, какъ они вмѣстѣ поспѣвали. Погода была очень-нехороша, дождлива и холодна во все лѣто, начиная отъ іюня; отъ-того виноградъ вышелъ водяный и несладкій, и рѣдкая кисть не имѣла гнилыхъ ягодъ. Въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ [около Аюдага] 31 мая была сильная буря, которая сбила много винограда.

Краснаго вина въ Крыму по-прежнему мало выдѣлывается, и купцами неохотно покупается, хотя оно отличнѣйшей доброты. Сладкаго ликернаго въ нынѣшнемъ году не могло быть выдѣлано, а крѣпкій мускатъ дѣлаютъ въ разныхъ садахъ. Пѣнистое вино выдѣлывается въ Крыму въ трехъ мѣстахъ; первое, по количеству, по добротѣ и по старшинству, есть графа Михайла Семеновича Воронцова, въ Марсандѣ; оно далеко превосходитъ прочія; лучшее не уступаетъ хорошему шампанскому, и даже въ Одессѣ охотно раскупается. Въ Симферополѣ оно продается по 4 р. ассигнаціями. Нынѣшній годъ назначено 1000 ведръ вина на обработку въ пѣнистое. Выдѣлкою занимается иностранецъ Гейзеръ. Второе, въ Судакѣ, г. Крича, московскаго купца. У него нѣтъ особаго мастера, а выдѣлываетъ обыкновенными своими погребщиками; это вино далеко отстоитъ отъ перваго. Изъ урожая 1837 года выдѣлано 15,000 бутылокъ. Большая часть сего количества отправляется для продажи въ Харьковъ, Таганрогъ и другія мѣста; остальное продается въ Симферополѣ по 4 рубля. Тамъ же продаются столовыя вина по слѣдующимъ цѣнамъ: судацкое по 6 и 8 рублей; югозападнаго берега по 10, 12 и до 16 р. за ведро.—Третье заведеніе, въ Алуштѣ, г-на Петриченка. Его вино еще не поступало здѣсь въ продажу. Изъ прошлогодняго урожая у него приготовлено 15,000 бутылокъ, но за смертію мастера оно остается недодѣланнымъ; теперь его погребъ поручается французу Тиссье, который прежде у г. Ленца и потомъ у г. Реброва въ Кавказской Области выдѣлывалъ хорошее пѣнистое вино.

На югозападномъ берегу отъ Ласпи до Алушты, за

исключеніемъ сей послѣдней долины, получено вина бѣлаго 27,139, краснаго 17,799, всего 44,938 ведръ. Въ 1837 было 44,900; 1836—57,000; 1835—38,700; 1834—32,400; 1833—20,000. Въ виноградникѣ графа Воронцова, что въ большой масличной плантаціи за Алупкой, который далъ до 800 ведръ вина, получено въ томъ числѣ вина Изабеллы болѣе 20 ведръ. Это вино, какъ извѣстно, получается изъ особой породы винограда, разведеннаго отъ лозъ дикорастущаго въ Сѣверной Америкѣ винограда. Его ягода отличается совершенно-различнымъ отъ другихъ виноградовъ малиновымъ вкусомъ; одного ведра этого вина довольно для придачи цѣлому оксгофту другаго вина самаго пріятнаго вкуса, какъ это у графа Воронцова опытомъ дознано. Изъ другихъ винъ, въ погребѣ графа Воронцова, алеатико изъ итальянскихъ лозъ очень-хорошо; оно сладковато и темнокраснаго цвѣта. Смѣсь изъ рислинга и траминера * также отличной доброты.

На сей части южнаго берега въ нынѣшнемъ году продано вина слѣдующее количество:

Урожая *прошлыхъ лѣтъ:*

Разнаго 20,000 ведръ на	140,000 р.
Пѣнистаго на	24,000 —

Урожая 1838 *года.*

Разнаго 6083 ведра на	32,000 —
Всего на . . .	196,000 руб.

Сверхъ-того Татарами-поселянами продано виноградомъ 646 пудовъ въ Севастополѣ, по 4 и 5 рублей пудъ.

Водки изъ выжимокъ и дрожжей можетъ быть выкурено до 237 ведръ.

---

* Названія породъ винограда, полученныхъ съ береговъ Рейна.

— На юговосточномъ берегу отъ Алушты до Отуза получено вина бѣлаго 62,540 в., краснаго 1719 в., всего 64,259 ведръ (1837 было 163,240; 1836—138,400; 1835—143,446; 1834—210,690; 1833—83,089 ведръ); виноградомъ продано 7,384 пуда. Водки можетъ быть выкурено 400 ведръ.

Въ Судакѣ морозы, продолжавшіеся почти весь декабрь и январь безпрерывно, и еще нѣсколько бывшихъ морозовъ въ концѣ февраля, много повредили винограду. Отъ 11-го декабря до 3 января 1838 ежедневно было отъ 5 до 13 градусовъ; 15 декабря было даже 15; и во все сіе время и въ самый полдень не переставало морозить. Хотя послѣ 2-го марта и не было мороза, но пасмурная погода, сушь и сѣверные вѣтры продолжались, такъ-что едва въ срединѣ апрѣля почки начали раскрываться, и то только на молодыхъ виноградныхъ лозахъ. Отъ всѣхъ сихъ причинъ лозы были повреждены такъ, что въ самой долинѣ поливные сады дали очень-скудный урожай, а разведенные на высокихъ мѣстахъ и которые не могутъ быть поливаемы, почти-ничего не принесли; въ иныхъ садахъ едва можно было собрать корзину винограда. Немногіе хозяева, замѣтивъ, что послѣдніе глазки на лозахъ не столько пострадали отъ морозовъ, какъ нижніе или ближайшіе къ стволу, при обрѣзкѣ оставили нѣсколько прутьевъ на 9 и 10 глазковъ вмѣсто 2 или 3, какъ обыкновенно обрѣзываются, и потомъ въ іюнѣ еще разъ обрѣзали лишніе глазки. Тѣмъ они довольно умножили урожай, но за всѣмъ тѣмъ едва получили третью часть противъ 1834 года. Всего въ Судацкой Долинѣ получено 20,530 вед. (1837 было 54,610; 1836—56,900; 1835 — 63,400, а 1834—86,500 ведр.). Цѣна нѣсколько вознаградила малый урожай: лучшее вино изъ иностранныхъ лозъ продано по 5 р. и до 5 р. 50

коп.; среднее изъ крымскихъ: какуръ и шара по 3 р. 75 коп. до 4 р. 25 коп. По количеству выжимокъ можно бы выдѣлать до 170 вед. водки, но по затрудненіямъ отъ привиллегій, дарованныхъ откупщикамъ, многіе хозяева рѣшились уступить выжимки за небольшую цѣну г. Кричу, который въ Судакѣ имѣетъ значительный уксусный заводъ. Онъ платилъ за выжимки отъ 100 ведр. вина по десяти рублей, а продаетъ уксуса по 3 р. въ Севастополь до 3,000 ведръ въ годъ.

—По сію сторону крымскихъ горъ отъ Балаклавы до Керчи, урожай былъ еще скуднѣе, нежели на южномъ берегу. Жестокость зимы здѣсь не могла столько вредить, потому-что виноградъ закрывается на зиму, но лозы осенью не вызрѣли совершенно и отъ-того зимою многія почки сгнили; потомъ въ іюнѣ виноградъ былъ поврежденъ въ цвѣтѣ, и наконецъ отъ частыхъ осеннихъ дождей, продолжающихся во все время винодѣлія, нарочитая часть винограда сгнила. Получено вина бѣлаго 72,208, краснаго 880, всего 73,088 ведръ (1837 было 228,835; 1836—128,494, 1835—180,311 и 1834—261,517 ведръ), почти еще въ половину меньше самыхъ дурныхъ прошедшихъ годовъ. Виноградомъ продано 990 пудовъ. Водки изъ выжимокъ можетъ быть выдѣлано 420 ведръ, если хозяева не обратятъ ихъ на уксусъ.

На Булганакѣ нѣмецкая колонія *Кроненталь* особенно отличается винодѣліемъ, которому она, послѣ долгой неудачи въ хлѣбопашествѣ, обязана нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ. Все селеніе окружено виноградниками, изъ коихъ иные довольно-значительны. Но нынѣшній годъ здѣсь, какъ и вездѣ, урожай былъ самый низкій и сверхъ-того въ началѣ іюля отъ большихъ дождей было наводненіе, которое затопило всѣ въ долинѣ лежащіе сады, повалило и

прикрыло виноградные кусты иломъ и сѣномъ только-что скошеннымъ, отчего ягоды всѣ погнили; лучшій виноградникъ — у колониста Петра Шнейдера; онъ продаетъ свое вино въ Севастополѣ по 6 р. и дороже въ раздробъ.

Въ колоніяхъ Мелитопольскаго Уѣзда почти не разводится винограда. Меннонистъ Корнисъ въ имѣніи своемъ на Тащенакѣ близъ Лимана Молочанскаго, въ прошломъ году посадилъ до 1,000 кустовъ лучшихъ сортовъ рейнскаго винограда; но, не смотря на то, что они были покрыты землею, большая часть совершенно вымерзла. Вѣроятно при сильныхъ вѣтрахъ жестокіе морозы могли проникать тонкій слой песчаной земли.

Всего въ Таврической Губерніи получено вина бѣлаго 162,137, краснаго 20,408 ведръ; итого 182,545 (1837 было 438,645; 1836—304,408; 1835—364,405, 1834—492,486 в.).

Винограда продано 9020 пудовъ (1837 было 24,009, 1836—27,000 пудовъ).

Водки можетъ быть выкурено всего 1065 ведръ (1837—2925; 1836—2500 ведръ).

Въ 1838 году съ юговосточнаго берега и съ сѣверной стороны горъ отпущено во внутреннія губерніи Россіи слѣдующее количество вина:

Урожая прошлыхъ лѣтъ.

Отпущено 37,000 ведръ, отъ 4 до 5 р. за ведро на . . . . 165,000 р.

Урожая нынѣшняго года.

Отпущено 88,400 ведръ отъ 3½ до 5½ р. за ведро на . . . . 300,000 р.

Внутри Крыма продано погребщикамъ 48,000 ведръ отъ 2½ до 4½ р., за ведро на 170,000.

Всего 173,400 ведръ, на . . . 635,000 р.

Всего вывезено вина изъ Крыма.

Урожая прошлыхъ лѣтъ:

Съ югозападнаго берега 20,000 вед. на сумму		140,000 р.
Шипучаго	[6000 бутыл.]	—24,000 р.
Съ юго-восточнаго берега и съ сей стороны горъ . .	37,000 ведръ	—165000
	57,000 ведръ	—329,000 р.

Урожая нынѣшняго года:

Съ югозападнаго берега	6,083 ведра	—32,000 р.
— юговосточнаго берега и съ сей стороны горъ	88,400	———300,000
	94,483	———332,000
Внутри Крыма продано	48,000	———170,000
Всего продано. .	199,213 в. на сумму	831,000 р.

За тѣмъ остается непроданнымъ на югозападномъ берегу 38,855 в.

Оставлено для домашняго употребленія 1,207 ведръ.

Въ прошедшихъ годахъ чрезвычайно-много посажено винограда; но въ нынѣшнемъ году напротивъ нигдѣ ни одного куста не посажено; только на югозападномъ берегу въ Марсандѣ у генерал-майора Задонскаго 17,000 кустовъ. Земля ему отдана графомъ Воронцовымъ въ аренду на 36 лѣтъ съ платежемъ въ годъ по 60 рублей за десятину, и по истеченіи срока земля и все заведеніе должно поступить графу Воронцову или наслѣдникамъ его.

Астраханская Губернія.

Выдѣлано вина всего въ губерніи 6888 в. бѣлаго и 5690 краснаго; въ 1837 году было всего бѣлаго 3611,

краснаго 2088 в., слѣдовательно урожай нынѣшняго года вдвое лучше прошлогодняго, что совсѣмъ противно бывшему въ Западной Россіи. Винограда собрано нынѣ 24,500 пудовъ; т. е. нѣсколько болѣе прошлогодняго. Онъ выспѣлъ совершенно и былъ гораздо лучше винограда прошедшаго года; выдѣланныя изъ него вина были также хорошаго качества. Во время цвѣта дули здѣсь весьма сильные вѣтры, которые вредили винограду и принудили хозяевъ вторично подвязывать; потомъ мѣстами былъ градъ; но онъ коснулся только немногихъ садовъ.

Кавказская Область.

Въ разныхъ мѣстахъ урожай винограда былъ весьма-различенъ; вообще, противъ прошлаго года гораздо менѣе, даже мѣстами и половины не получено ягодъ. Но добротою вино весьма-хорошо, особенно въ Кизлярскомъ Округѣ. Въ Пятигорскомъ Округѣ на рѣкѣ Кумѣ были сильные жары, такъ-что на лозахъ виноградныя кисти стали вянуть и листья падали.

О количествѣ вина, выдѣланнаго въ Кизлярѣ, не получено извѣстія. Въ станицахъ Терскаго и Гребенскаго Казачьихъ Полковъ выдѣлано 94,550 в. краснаго вина, и 149,800 съ чапрою на перегонку въ спиртъ.— Далѣе, вверхъ по Тереку, въ Моздокскомъ Полку 40,000 в. краснаго вина и 7000 съ чапрою. Въ самомъ Моздокѣ, гдѣ прежде были значительные виноградные сады, теперь вина не выдѣлывается.—Въ селеніяхъ Пятигорскаго Округа на р. Кумѣ 21,000 в. краснаго вина. Нижнія изъ сихъ селеній, также и два селенія на р. Томузловѣ, продаютъ значительное количество винограда для отвоза въ Саратовскую Губернію; и нынѣ продано таковаго 3,500 пудовъ. Цѣна простому вину или чихиру была отъ 1 р., до 120 коп., лучшему по 150 до 250.—Чапровое или вмѣстѣ съ выжимками продавалось въ Кизлярѣ и на Терекѣ отъ 10 до 12 рублей сороковедерная бочка.

Лучшее вино въ Кизлярѣ выдѣлываютъ братья *Ка-*

лантаровы. Они продаютъ свои вина въ Россіи: красныя по 4—5 р., бѣлыя по 5—6 руб. тогда когда другіе получаютъ 3, и рѣдко до 4 руб. Лучшія кизлярскія вина продаются хорошо въ Пятигорскѣ во время съѣзда на воды. Привозятъ туда *и грузинское вино, выдѣланное г. Ленцомъ,* который прежде занимался винодѣліемъ въ Пятигорскѣ, а теперь директоромъ винной компаніи въ Грузіи; оно продается по 150 коп. красное, 2 р. бѣлое вино за бутылку, но расходъ на него незначительный.

Въ Кавказскомъ Училищѣ Винодѣлія, въ Кизлярѣ, получено въ нынѣшнемъ году, сверхъ чаянія, гораздо болѣе прошлогодняго и даже всѣхъ прошедшихъ годовъ, съ выжимками 2440 в.; 1837 года было 1541 в. 1828, лучшій изъ всѣхъ прежнихъ годовъ, далъ 1710 в., но въ томъ числѣ было 360 негоднаго для питья, которое употреблено на выдѣлку спирта. О качествѣ вина не упомянуто въ донесеніи смотрителя сада; оно должно быть недурно, потому-что не оставалось ничего негоднаго, назначеннаго на выгонку спирта.

Продажа въ нынѣшнемъ году была довольно-успѣшна, хотя не такъ, какъ въ прошедшемъ.

Цѣны были прежнія: за бѣлое вино по 12 руб., за красный асмансгаузеръ по 10 руб., за красное кизлярское и гимринское по 6 руб. По умѣренности цѣны, красныя вина охотно покупаются, а бѣлыхъ соразмѣрно мало расходится.

Каменный погребъ въ казенномъ саду, въ которомъ цѣлые три года стояла вода иногда до трехъ аршинъ, теперь, по осушеніи озера близъ сада, совершенно отъ оной освободился, и будущею весною можно будетъ приступить къ исправленію. Между-тѣмъ вино хранится въ старомъ погребѣ и въ анбарахъ, въ коихъ оно подвержено большимъ перемѣнамъ температуры, отъ замерзанія до 20° и 22° тепла, такъ-что удивительно, что некрѣпкое вино, каково кизлярское, могло простоять безъ поврежденія.

ВѢДОМОСТЬ

сколько примѣрно выдѣлано винограднаго вина и водки въ Полуденной Россіи въ 1838 году.

Званіе мѣстъ.	Число десятинъ подъ виноградниками.	Продано ягодами пудовъ.	Выдѣлано вина ведръ.				Выкурено водки ведръ.
			Бѣлаго.	Краснаго.	Съ выжимками на винокуреніе.	И того.	
1) Область Кавказская примѣрно.	7575	4000	25,000	400,000	800,000	1,225,000	50,000
2) Губернія Астраханская.	347	24,499	6888	5690	— —	12,578	20
3) Херсонская	примѣрно. 800	—	2792	7754	— —	10,546	—
4) Екатеринославская .	5	210	45	10	— —	25	—
5) Кіевская	18	1502	—	—	— —	— —	—
6) Подольская	35	500	7140	—	— —	7140	—
7) Таврическая	4490	9020	162,137	20,408	— —	182,545	примѣрно. 1065
И того	13,270	39,731	203,972	433,862	800,000	1,437,834	51,085

III.

ДРЕВЕСНЫЕ ПЛОДЫ.

Таврическая Губернія.

Плодовые сады чрезвычайно распространяются не только въ горной части Полуострова Крыма, но и въ степяхъ, гдѣ только есть возможность поливать, и въ уѣздахъ Таврической Губерніи, за Перекопомъ, гдѣ уже нѣтъ напускной воды. Высокая цѣна, по которой какъ въ прошедшемъ, такъ наипаче въ нынѣшнемъ году продавались хорошія зимнія груши, особенно *виргулезъ и сенъ-жерменъ*, возбудили всеобщее стараніе разводить сіи деревья. Яблоки также продаются по-прежнему очень-хорошо, какъ иностранныя зимнія, такъ и давно уже извѣстныя синапскія (въ Петербургѣ и Москвѣ называемыя *крымскими*).

Предшествовавшая зима была вредна деревьямъ; въ однихъ меннонистскихъ колоніяхъ вымерзло таковыхъ около 41,000 плодовыхъ деревъ. Достойно примѣчанія, что въ этихъ колоніяхъ нѣкоторые поселенцы уже выручаютъ до 200 и болѣе рублей продажею древесныхъ плодовъ:

Въ самомъ Крымскомъ Полуостровѣ урожай плодовъ былъ немногимъ больше прошлогодняго.

Груши и яблоки невездѣ были; черешенъ и вишенъ очень-мало; сливъ, абрикосовъ, персиковъ по сію сторону горъ вовсе не было, и даже деревья не цвѣли по причинѣ поврежденія почекъ отъ гололедицы. Со сливами и абрикосами это случилось въ первый разъ въ-теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Отъ многихъ дождей послѣ іюня мѣсяца фрукты вообще были водяны, и наипаче груши не имѣли настоящаго вкуса и не держались такъ долго, какъ обыкновенно. Такъ, на-примѣръ, сен-жерменъ, который иногда дер-

жится до будущаго іюня мѣсяца, нынѣ уже до новаго года испортился.

Въ Крыму получено въ разныхъ мѣстахъ грушъ 1260 пудовъ, яблоковъ разныхъ сортовъ всего 4325 батмановъ * (около 108,000 пудовъ). Въ 1837 было грушъ иностранныхъ сортовъ 120 пудовъ; яблокъ до 3000 батмановъ.

Всего изъ Крыма вывезено въ разныя губерніи

грушъ иностранныхъ сортовъ.	920	пуд.
крымскихъ	160	—
Яблокъ иностранныхъ сортовъ . . .	135	батм.
крымскихъ	3800	—

цѣною около 500,000 рублей.

Продавались сіи плоды вездѣ по одной цѣнѣ: лучшіе для отвоза въ Москву на выборъ груши зимнія, иностранныя по 40 руб. за пудъ, крымскія по 26 руб.; осеннія иностранныя, напр. русселетъ, сѣрая и бѣлая масляныя (Beurré blanc и Beurré gris) и пр. по 25 руб.; яблоки иностранныя по 180 руб., синапъ 140 руб. за батманъ (7¼ до 5⅗ руб. за пудъ). Втораго разбора груши иностранныя 25 руб., крымскія 16 руб. за пудъ. Яблоки иностранныя 130 руб., синапъ 120 руб. батманъ (5¼ до 4⅘ руб. за пудъ). Третьяго разбора яблоки иностранные 110 руб., синапъ 100 руб. (4⅖ до 4 руб. за пудъ). Послѣднія за тѣмъ, которыя не вывозятся, а продаются внутри Крыма, груши 16 руб. пудъ, яблоки-ренеты и проч. 90 руб., синапъ 70 руб., крымскіе разныхъ сортовъ отъ 40 до 50 р. батманъ. И теперь по-мелочно въ лавкахъ продаются довольно-хорошія яблоки 10 — 15 коп., по-хуже 5 и 6 коп. фунтъ.

Волошскія или греческія орѣшины весьма много по-

* Батманъ яблокъ составляетъ 25 пудовъ.

терпѣли отъ прошедшей зимы и многія посохли, въ особенности на юговосточномъ берегу отъ Отуза до Туака, отъ-чего имъ никакого урожая не могло быть. Далѣе къ Алуштѣ и на югозападномъ берегу онѣ уже менѣе были повреждены.

Продажная цѣна по югозападному берегу была по 12 руб. за пудъ. А всего по южному берегу отъ Туака до Ласпи собрано до 2500 пудовъ (1837 г. было 4400 п.).

По сію сторону горъ орѣшины еще болѣе повреждены отъ зимнихъ морозовъ, и во многихъ мѣстахъ онѣ очень-поздно лѣтомъ начали показывать листья, а цвѣта на нихъ вовсе не было. Получено по всей *Качинской Долинѣ* 500 пуд. (1837 было 2000 пуд.), на *Бельбекѣ* 250 пуд. (1837 было 1000 пуд.)', *въ Байдарскомъ Округѣ*, при д. Шули, у г. Мартынѣ 100 пуд. (1837 было 250 пуд.). Всего по сѣверной сторонѣ горъ 750 пуд. (1837 было всего 2000 пуд.). По сію сторону горъ орѣхи проданы по 14—16 руб. за пудъ. Всего же во всемъ Крыму ихъ получено 4000 пудовъ.

Орѣховъ требизонъ-фундукъ уродилось также весьма мало; собрано на Алмѣ 50 п. (1837 было 250); на Качѣ 230 п. (1837—800); на Бѣлбекѣ 70 п. (1837 — 200); а всего въ Крыму 350 п. (1837 было 1200 п.). Продажная цѣна была одинакова: по 32 р. за пудъ.

Бадемъ-фундукъ (миндальный орѣхъ) по сію сторону горъ мало разводится, а болѣе на южномъ берегу, гдѣ онъ, однакожь, также потерпѣлъ отъ зимнихъ морозовъ. Всего собрано 565 п. (1837 было 1000 п.) и продано по 20 р. 80 коп. за пудъ.

Орѣховъ вывезено изъ Крыма:

Волошскихъ примѣрно на . . .	57,000 руб.
Трапезонъ-фундукъ	7,880 —
Бадемъ-фундукъ	11,232 —
Итого *. . . на	76,112 руб.

А всего вывезено изъ Крыма въ разныя россійскія мѣста:

Вина на	661,000 руб.
Яблоковъ и грушъ	500,000 —
Орѣховъ разныхъ	76,000 —
Всего на	1,237,112 руб.

Такая сумма по нынѣшнему, весьма-дурному урожаю, весьма-значительна.

Сладкихъ каштановъ въ немногихъ мѣстахъ южнаго берега собрана самая малость и въ продажу они не поступили.

Маслинъ вовсе не уродилось, и едва сдѣлано нѣсколько бутылокъ масла въ имѣніи графа Воронцова.

Херсонская Губернія.

Отъ бывшихъ въ нынѣшнемъ году морозовъ, сильныхъ дождей и вѣтровъ вовсе не было урожая на древесные плоды. Пользовались жители привозными изъ дальнихъ мѣстъ Бессарабской Области и Таврической Губерніи, кои продавались: пудъ лѣтнихъ яблокъ и грушъ отъ 5 до 6 рублей, сливы же отъ 1 руб. до 120 коп. за пудъ.

Кіевская и Подольская Губерніи.

Урожай плодовъ былъ весьма-посредственный. *Стклянковыя* зимнія яблоки въ Кіевскомъ Уѣздѣ въ

* Должно замѣтить, что тутъ еще не включены простые орѣхи, отъ собиранія коихъ при хорошемъ урожаѣ иное семейство получаетъ дохода до 300 рублей.

селеніи Ясногородкѣ, въ саду полковника Марченка, продавались воловый возъ, вѣсомъ 25 пудовъ, по 35 и 40 р. ассигнаціями, каковыхъ у него продано 50 возовъ. Цѣна была такая же въ садахъ другихъ помѣщиковъ и прочихъ жителей. Въ сихъ губерніяхъ помѣщики большею-частію продаютъ фрукты оптомъ на деревьяхъ.

Екатеринославская Губернія.

Зима здѣсь еще болѣе причинила вреда, нежели въ лежащихъ къ западу губерніяхъ. Морозы доходили до 26° и жестокіе сѣверовосточные вѣтры дули болѣе недѣли; притомъ земля не была покрыта снѣгомъ. Въ Екатеринославскомъ казенномъ Саду сѣменныя гряды яблонь и грушъ почти-совершенно вымерзли, также какъ и нарочитая часть школъ; въ первыхъ считалось болѣе 10,000, въ послѣднихъ до 7,000 дичковъ, и 2800 привитыхъ деревцовъ. Даже большихъ деревъ вымерзло болѣе 500 фруктовыхъ, до 500 акацій и 350 другихъ деревъ и кустарниковъ. Весною деревья опять пострадали отъ мороза въ концѣ апрѣля, когда они почти всѣ уже были въ цвѣтѣ. Май мѣсяцъ былъ довольно-благопріятенъ; но 23 мая сильная буря поломала много деревъ. 18 сентября опять сильный сѣверный вѣтеръ и 4 градуса мороза. Вообще теперь многолѣтними опытами дознано, что лучшіе зимніе сорты въ Екатеринославѣ никогда не дозрѣваютъ какъ должно, и что гораздо-полезнѣе разводить лѣтніе и осенніе, наипаче для выдѣлки сидра (яблочнаго вина), который въ тѣхъ мѣстахъ еще мало извѣстенъ. Первые не иначе могутъ быть разведены, какъ въ шпалерахъ или грунтовыхъ сараяхъ. Изъ многихъ десятковъ тысячь деревъ, проданныхъ изъ Екатеринославскаго Сада помѣщикамъ, и ими на вольный воздухъ посаженныхъ, почти ни одного уже нѣтъ въ живыхъ!

У жителей города Екатеринославля при домахъ было разведено много хорошихъ садовъ, которые и начинали приносить плоды; но жестокими зимами они истреблены, такъ-что большею частію и признака отъ нихъ не осталось.

Въ Таганрогѣ сады чрезвычайно пострадали не только отъ морозовъ прошедшей зимы, но и отъ гусеницъ, гнѣздами коихъ многія деревья совершенно покрыты были. Деревья въ первые годы хорошо росли; но они посажены въ ямахъ, и теперь, когда корни дошли до твердой земли, деревья начинаютъ сохнуть, что̀ замѣтно не только на яблоняхъ и другихъ плодовыхъ, но и на лѣсныхъ деревьяхъ, каковы ясени, липы и проч.

Тѣмъ болѣе обѣщаетъ садоводство въ колоніяхъ Маріупольскаго Округа. Во всѣхъ прежнихъ имѣются сады при домахъ; они наполнены болѣе вишнями; но есть довольно и яблонь, грушъ и сливъ.

IV.

КРАПЪ ИЛИ МАРЕНА.

Въ Кизлярскомъ Округѣ по Тереку до Станицы Червленской, добыто сыраго корня до 6,000 пудовъ, что̀ дастъ чистаго сухаго 2,000 пудовъ. Сухая марена на мѣстѣ продавалась по 20 руб. пудъ.

V.

ЖЕЛТИННИКЪ

Собрано въ Моздокскомъ Округѣ на казенной землѣ до 15,000 пудовъ, а въ Кизлярскомъ Округѣ до 5,000 пудовъ, кои добротою уступаютъ первому; продается на мѣстѣ до 3 руб. за пудъ; часть отправляется на нижегородскую ярманку для кожевенныхъ заводовъ.

VI.

ПОТАШЪ.

Добыто сженіемъ солянныхъ травъ въ Кизлярскомъ Округѣ до 14,000 пуд.

VII.

КОРМЕКЪ (Statice coriaria).

Собрано въ Пятигорскомъ Округѣ до 15,000 пудовъ, а въ Ставропольскомъ до 6,000 пудовъ. Продается на мѣстѣ отъ 30 до 60 коп. за пудъ сыраго корня. Онъ употребляется для кожевенныхъ заводовъ и очень хорошо замѣняетъ дубовую кору. Изъ Таганрога отправлено значительное количество этого корня въ Англію. Онъ ростетъ въ изобиліи около Терека и употребляется кожевниками въ Крыму, но не такъ много, какъ бы желательно было.

VIII.

ТАБАКЪ.

Только о количествѣ, собранномъ въ Кавказской Области получено свѣдѣніе. Добыто при нѣмецкой колоніи Карасъ около Бештовой Горы 2,500 пудовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ 2,600 пудовъ. Онъ расходится по самой области, а частію продается горскимъ народамъ по 4 руб. до 5 р. 50 коп. за пудъ.

IX.

СВЕКЛОСАХАРНАЯ ФАБРИКА.

Сахарная фабрика гг. Гамалея и Бобовича, близь Карасу-Базара состоящая, хотя не усовершенствовалась, но работа производилась безпрепятственно Обработано въ сіе лѣто свекловицъ около 35,000 пудовъ, изъ коихъ полагаетъ управляющій сею фабри-

кою, г. Мило, что будетъ добыто сахара рафинада 3-го разбора до 800 пудовъ. Въ прошлую осень большая часть свекловицъ заморожена за неимѣніемъ погреба или землянки, для храненія; посему добыто сахара рафинада 3-го разбора только 150 пудовъ, который проданъ въ Карасу-Базарѣ въ раздробъ головками по 48 руб. за пудъ, лучшій же рафинадъ тростниковой былъ по 52 до 56 руб. пудъ.

VI.

КРИТИКА.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, *изданныя* И. Сахаровымъ. *Пять частей. Санктпетербургъ.* 1838—1839.

—

Съ недавняго времени у насъ въ литературѣ только и толка, что о русской исторіи. По-крайней-мѣрѣ въ толкахъ и словопреніяхъ о русской исторіи видна еще какая-то жизнь, замѣтно еще какое-то движеніе нашей, въ глубокую летаргію погруженной словесности. Бѣдная литература наша или молчитъ, или громко, протяжно зѣваетъ, и если иногда съ-просонья, большею-частію въ бреду, проговоритъ словечко, такъ ужь это навѣрное: «Варяго-Руссы», «Норманны», «несторова лѣтопись достовѣрна», «несторова лѣтопись недостовѣрна», «несторова лѣтопись относится къ XII», «несторова лѣтопись относится къ XIV столѣтію» и т. д. Гдѣ же результаты? къ-чему же все это ведетъ? Пока ни къ-чему: все ограничивается одними пустыми спорами, однѣми педантическими ссылками на источники, изъ которыхъ ничего не вытекаетъ, переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее. Большая часть нашихъ ученыхъ (особенно ученыхъ по части русской исторіи)

не отличается излишнею добросовѣстностію: вся ихъ ученость заключается большею-частію въ знаніи на-изустъ нѣсколькихъ именъ, нѣсколькихъ отдѣльныхъ фактовъ, безъ смысла,—у иныхъ даже только въ нѣсколькихъ на-прокатъ взятыхъ фразахъ и въ высшихъ взглядахъ съ домашняго курятника. Всѣмъ этимъ соромъ и мусоромъ они безъ-милосердія пылятъ въ глаза всякому, кто хоть сколько-нибудь подобросовѣстнѣе ихъ, кто дерзнетъ сдѣлать имъ хоть какое-нибудь возраженіе. Впрочемъ и изъ добросовѣстныхъ-то немного такихъ, которые бы шли дальше мертвой буквы, которые бы, съ *живою жизнію* въ собственномъ духѣ, искали живой жизни и въ предметѣ своего изученія. Какъ не могутъ по-сю-пору догадаться, что знать множество фактовъ и не знать ихъ смысла, ихъ духовнаго значенія—не составляетъ еще ровно ничего? Къ-чему весь этотъ хламъ, состоящій изъ однихъ пустыхъ названій? Убудетъ ли меня, если вѣтеръ свѣетъ съ моей памяти одно изъ этихъ *пустыхъ* названій? — прибудетъ ли меня, если въ мою память, совершенно-произвольно, совершенно-случайно забредетъ какое-нибудь новое имя? Однимъ безсмысленнымъ фактомъ больше, однимъ безсмысленнымъ фактомъ меньше, — скажите, Бога-ради, не все ли равно?... Мы этимъ нисколько не думаемъ отвергать важность фактическаго изученія предмета, — о, напротивъ! мы глубоко сознаемъ всю его важность, всю его необходимость; мало-того: мы скорѣе станемъ подъ знамена тружениковъ, пересыпающихъ съ самою наивною, съ самою нѣжною заботливостію архивную пыль, нежели пристанемъ къ партіи пустозвонныхъ фразёровъ, которые, подъ руководствомъ какого-нибудь заморскаго фигляра выучившись ходить на ходуляхъ, думаютъ, что ихъ всѣ принимаютъ за неизмѣримыхъ великановъ, и что они обозрѣваютъ всю поднебесную. Мы нисколько не возстаемъ противъ основательнаго и подробнаго изученія фактовъ — это была бы вопіющая нелѣпость,—нѣтъ! изученіе фактовъ должно входить въ составъ полнаго изученія; фактическое знаніе есть сторона, ступень, *моментъ*, если позволено намъ будетъ употребить это слово, полнаго знанія. Внѣшнее въ предметѣ есть откровеніе внутренняго, органическое проявленіе существа предмета, — и на-оборотъ: все то, что не имѣетъ внѣшней стороны, не существуетъ, и потому очень-естественно не можетъ быть предметомъ никакого знанія. Всему своя граница. Только живое «объ-

ятіе» предмета въ его цѣлости есть истинное знаніе; все прочее — или фраза, произвольная идея, родившаяся Богъ-знаетъ-какъ и въ-слѣдствіе чего въ праздной головѣ,—или совершенно-безсмысленное блужданье въ дремучемъ лѣсу случайныхъ явленій, остающихся всегда чуждыми, всегда темными для скитальца, потому-что сквозь внѣшнюю оболочку для глазъ его не сіяетъ проявляющееся въ ней существо.

Обращаюсь къ вамъ, велерѣчивые мужи, къ вамъ, умѣющимъ такъ красно и такъ звонко разсуждать и о томъ, какъ далеко и широко раскинулась Россія, и о томъ, что̀ въ ней великое, или, говоря вашимъ фигуральнымъ языкомъ, несмѣтное множество народовъ, и о томъ, что на ея необъятномъ горизонтѣ поднялась уже пурпурная заря, чреватая великолѣпнѣйшимъ, ослѣпительнѣйшимъ солнцемъ, и проч. и проч., — обращаюсь къ вамъ, мужи, умѣющіе такъ мастерски облекать свои лица въ смиренномудрое выраженіе, такъ строго хмурить брови и собирать частыя складки на лбу, умѣющіе съ такимъ оскорбительнымъ цинизмомъ твердить всѣмъ и каждому: «надо трудиться, не жалѣть силъ для нашей матушки-Руси; фактовъ, фактовъ по-больше, по-ближе узнать нашъ православный народецъ» и проч. и проч. — и, увы, доказавшіе на самихъ-себѣ, какъ иногда бываетъ справедлива поговорка: не все то дѣлается, что̀ говорится; обращаюсь и къ вамъ, добрые труженики съ самодовольными лицами, наглотавшіеся всякаго сорта пыли и, потому, начиненные самою прочною, какъ вы говорите, ученостію: — скажите, знаете ли вы, что̀ такое эта Русь, о которой вы такъ-много твердите?... Или, нѣтъ, мы не такъ сдѣлали вопросъ,—мы уже должны были угадывать, что вы заранѣе, бросивъ на насъ грозный взглядъ, скажете безъ запинки, что знаете Русь и что Русь васъ знаетъ, что вы тысячекратно повторяли это, что вамъ странно, какъ можно сомнѣваться въ вашемъ знаніи... Итакъ, скажите лучше прямо, что̀ такое Русь, что̀ такое православный русскій народъ, изъ какихъ стихій сложился его характеръ, какія свойства составляютъ существо его духа, въ чемъ проявлялась жизнь его, и что̀ это за жизнь, какъ развивался онъ и въ чемъ заключается его развитіе? — О, если вы можете, то Бога-ради отвѣчайте на эти вопросы! Эти вопросы задаетъ вамъ ваша наука; отвѣчать на нихъ вы должны по вашему призванію; не отвѣчать на нихъ было бы вамъ грѣшно

передъ самими-собою, передъ вашей наукой, передъ вашимъ великимъ отечествомъ. Вы свободно возложили на себя свою обязанность, — такъ вы должны выполнять ее. Не бросайте снова грозныхъ взглядовъ, не указывайте на книги, книжки и статейки, пущенныя вами въ свѣтъ, — шутки въ-сторону: эти великіе вопросы, хотя и безпрерывно-повторяемые вами въ тертыхъ и пустозвонныхъ фразахъ, никогда еще не были даже и приблизительно рѣшены; вы и не касались ихъ, вы и не стремились даже рѣшать ихъ. Не дерзая сомнѣваться въ вашей добросовѣстности, въ вашей благородной готовности свято выполнять долгъ своего призванія, мы должны невольно подумать и сказать, что вы не умѣете рѣшить этихъ вопросовъ; а между-тѣмъ ихъ рѣшеніе, или, по-крайней-мѣрѣ, стремленіе къ ихъ рѣшенію необходимо для вашей науки, такъ необходимо, что безъ него она не можетъ двигаться впередъ, она теряетъ всякое значеніе, она совершенно-безполезна, совершенно-пуста.

Не ужь ли ваши безконечные споры, не повѣдавшіе еще по-сю-пору ничего положительнаго, исчерпываютъ все дѣло? Слова нѣтъ: было бы прекрасно, было бы очень-полезно опредѣлить, что такое несторова лѣтопись и мѣру довѣрія къ ней; но развѣ ваши противорѣчія объ этомъ предметѣ примирены, сведены къ одному непреложному результату, и если вы даже въ-самомъ дѣлѣ достигли здѣсь до какого-нибудь результата, то развѣ въ этомъ заключается вся ваша наука? Не ужь ли вы думаете, что изучать русскую исторію значитъ бросать бѣдныхъ Варяговъ изъ угла въ уголъ, на сѣверъ и на югъ, на востокъ и на западъ, словомъ, всюду, гдѣ только захочетъ погулять ваше воображеніе; строить самыя фантастическія теоріи на этимологическихъ созвучіяхъ, на нѣсколькихъ словахъ, а иногда только на одномъ словѣ; дробить одинъ народъ на множество совершенно-различныхъ народовъ, потому только, что онъ слылъ подъ различными наименованіями; разъискивать, точно ли такой-то и въ такое-то время открылъ такую-то рукопись и проч. и проч.? Правда, не должно упускать изъ вида и мелочей: онѣ имѣютъ свою относительную важность, онѣ могутъ пригодиться къ дѣлу. Но гдѣ же самое дѣло? Не пора ли уже, наконецъ, подумать и о наукѣ? Все то, что вы дѣлали, или, лучше, что вы наговорили, не можетъ быть названо даже и заготовленіемъ матеріаловъ для науки... Боже мой! сколько нужно еще сдѣлать для-т.

го, чтобы разработать для нея вещество, очистить источники, изъ которыхъ въ ея жилы должны струиться жизненные соки! Какое огромное поприще, и какъ мало изъискателей оставило на немъ слѣды свои! Расчищенъ ли мусоръ, покрывающій священные курганы древности? Отъисканъ ли таинственный цвѣтъ папоротника, который долженъ навести на тѣ мѣста, въ которыхъ предки наши погребали богатство своей жизни? Осмотрѣны ли живые слѣды отжившихъ поколѣній? Изучены ли драгоцѣнные памятники, въ которыхъ народъ самъ высказывалъ себя, въ которыхъ трепещетъ, не потерявъ нисколько своей свѣжести, жизнь цѣлыхъ эпохъ, отдѣленныхъ отъ насъ вѣками, памятники, въ которыхъ духъ народа, разливавшійся въ безконечномъ разнообразіи его быта, собрался и сосредоточился, и остался въ нихъ навѣки тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ исчезнувшемъ моментѣ,—памятники, которые можно сравнить съ тѣми очарованными карбункулами, въ которыхъ, какъ разсказывается въ сказкахъ, Соломонъ заключилъ стихійныхъ духовъ?—Оцѣнены ли критически государственные акты и документы — самый вѣрный, самый прочный источникъ для исторіи, или, лучше, эти живые факты, говорящіе сами за себя, являющіеся въ своемъ собственномъ видѣ, не въ блѣдныхъ описаніяхъ, которыя точно такъ же относятся къ намъ, какъ копіи къ художественнымъ произведеніямъ? Собраны ли, употреблены ли въ дѣло описанія, завѣщанныя намъ—потомкамъ, отъ грамотныхъ дѣдовъ, въ умахъ которыхъ отражался весь ихъ современный міръ? Изслѣдованы ли и опредѣлены ли какъ-должно всѣ остатки старины, разсѣянные въ различныхъ частяхъ Россіи? Наконецъ, гдѣ полная, составленная, сообразно съ современными требованіями, коллекція русскихъ пѣсень, въ которыхъ лицомъ-къ-лицу является намъ вся наша Русь, разоблачается передъ нами вся душа русскаго человѣка, въ которыхъ излился весь духъ русскаго народа?... Боже мой! не ужь ли нелѣпые пѣсенники, продающіеся на Толкучемъ-Рынкѣ и не имѣющіе цѣны выше гривенника, должны замѣнять такую коллекцію?... Это позоръ для нашей литературы! Намъ должно быть стыдно не только передъ тѣми европейскими народами, которые опередили насъ въ образованіи, — намъ должно быть стыдно передъ нашими меньшими братьями, передъ бѣдными, чужеземными племенами сла-

вянскими. Посмотрите, съ какою заботливостію, съ какимъ умѣньемъ ихъ ученые собираютъ и издаютъ народныя пѣсни; какой вѣрный инстинктъ руководилъ ими, когда они для-того, чтобы изучить жизнь народа, для-того, чтобы узнать его физіономію и сохранить ее на вѣки вѣковъ, для-того, чтобы понять смыслъ его исторіи, — съ изумительнымъ рвеніемъ, принялись изучать его поэзію... Съ какой любовью прислушиваются они къ отрывочнымъ звукамъ, слетающимъ съ бандуры бродящаго пѣвца; съ какою неутомимостію подбираютъ и классифируютъ они эти звуки; съ какимъ искусствомъ подмѣчаютъ они тайное сродство ихъ, и съ какою силою сливаютъ ихъ въ цѣлыя созданія, въ мощные потоки, свѣтлые, прозрачные, въ которыхъ отражается живой ликъ народа!.. И это дѣлается не въ одномъ какомъ-нибудь племени, можетъ-быть настроенномъ на особенный ладъ природою или обстоятельствами: нѣтъ, это дѣлается съ равною силою и съ равными успѣхами почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, кромѣ-развѣ тѣхъ, которыя уже подгнили на своемъ основаніи, въ которыхъ изсякъ жизненный источникъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое очаровательное зрѣлище представляютъ съ этой стороны славянскія земли? Не смотря ни на какія обстоятельства, ихъ обитатели упорно держатся своей народности, и ищутъ жизни не въ смерти, не въ мертвой буквѣ, а тамъ, гдѣ она кипитъ всею полнотою своихъ силъ, гдѣ она блещетъ самыми роскошными переливами своихъ цвѣтовъ, откуда она вѣетъ вѣшнею свѣжестію... А у насъ!.. страшно подумать!.. Или въ нашемъ глубокомъ народѣ, въ этомъ представителѣ всего славянскаго племени, въ этомъ исполинѣ, одаренномъ необоримыми силами, не билъ и не бьетъ родникъ живой воды? не ужь ли вся жизнь его была однимъ механическимъ вырастаніемъ и разрастаніемъ? Но чьи же эти заунывные, обдающіе всю нашу душу какимъ-то особеннымъ, *русскимъ* чувствомъ, эти милые, такъ намъ понятные звуки? чьи эти напѣвы, то грустные, то веселые, но больше грустные? чья душа разъигралась въ этихъ пѣсняхъ удалыхъ, молодецкихъ? изъ чьей же груди, глубокой и мощной, пробились несдержимымъ потокомъ эти магическія пѣсни? волны чьей богатырской жизни льются и переливаются въ этихъ простыхъ, но Богъ-знаетъ-почему такъ-сильно дѣйствующихъ на насъ звукахъ?.. О, они принадлежатъ той душѣ, которая трепещетъ и поетъ

послыша ихъ, которая, гдѣ бы ни была и чѣмъ бы ни наполнялась, невольно отдается имъ, сливается съ ними и уносится ихъ стремленіемъ! о, эти звуки, эти пѣсни принадлежатъ душѣ русской! въ нихъ жива наша Русь; въ нихъ скрыто ея горячее сердце съ цѣлымъ моремъ его чувствованій; въ нихъ заключились, со всѣмъ своимъ богатствомъ, со всей благовонной святостью жизни, различныя эпохи, ихъ породившія; здѣсь высказывается весь русскій человѣкъ со всѣми своими страданіями и радостями, въ своей опредѣленности и съ своимъ стремленіемъ къ опредѣленію; въ нихъ отражается мощная, выразительная физіономія великаго народа во всей своей естественной красѣ, какъ создалъ ее Богъ! . .

Такъ вотъ, гдѣ родникъ живой воды. Что же никто не приходитъ черпать изъ него? что же по-сю-пору не проторены дорожки къ нему—что же не обложены мраморомъ берега его? Или, нѣтъ: зачѣмъ забираться съ своими требованіями такъ далеко? спросимъ, почему по-сю-пору не разметаны пыль и соръ, разбросанный вокругъ него временемъ и заграждающій къ нему доступъ. Вы, добрые труженики, любители пыли, что это значитъ? не ужъ ли эта пыль менѣе-достойна вашего вниманія, чѣмъ пыль архивная, которую оспориваете вы у обитательницъ подполья? Выйдите изъ вашего душнаго заточенія, выйдите подъ открытое небо, на чистый воздухъ: здѣсь обновятся ваши истощенныя силы, освѣжатся ваши блѣдныя лица; здѣсь солнце,—въ вашихъ кабинетахъ тусклая лампа; здѣсь жизнь,—въ вашихъ кабинетахъ смерть и тлѣніе; здѣсь трудъ не изнуряетъ, здѣсь трудъ живитъ, и здѣсь онъ легокъ и сладокъ; дѣятельность, незаключающая въ себѣ никакого дѣйствительнаго содержанія, не перетираетъ самую-себя; здѣсь она безпрерывно наполняется вѣчно-новымъ содержаніемъ. Не ужъ ли мы всегда должны довольствоваться безвѣрными, неочищенными отрывками, которые удастся намъ случайно услышать тамъ и тамъ? не ужъ ли навсегда только одни ямщики будутъ представителями нашей народной поэзіи? не ужъ ли всякій, кто захочетъ упиться ею, долженъ для этого ѣздить по всему огромному пространству Россіи, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, и ловить православнаго мужичка подъ веселый часъ? не ужъ ли всякій долженъ повторять одни и тѣ же труды? Кто изъ образованныхъ Русскихъ не захотѣлъ бы *узнать* поэзію своего народа

во всей ея дѣйствительной цѣлости? Но у всякаго свое дѣло, свое призваніе: всѣ не могутъ посвящать свою дѣятельность одному и тому же предмету; требовать этого было бы нелѣпо. Собирать русскія пѣсни, изучать ихъ, критизировать, по-крайней мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія, обязаны болѣе, нежели кто-нибудь, занимающіеся исторіею Руси: кто будетъ отрицать, что пѣсни народа суть одинъ изъ самыхъ важнихъ, изъ самыхъ существенныхъ источниковъ для его исторіи? Скажемъ болѣе: нигдѣ народныя пѣсни не могутъ имѣть такого значенія, не заключаютъ въ себѣ столько важности для исторіи, какъ у насъ. Славянскія племена такъ бѣдны памятниками другаго рода, жизнь многихъ изъ нихъ и теперь еще чужда всемірно-историческаго прогресса; они всѣ очень-хорошо сознаютъ это, и обращаютъ все вниманіе на единственное выраженіе своей внутренней жизни—на пѣсни. Русскій народъ былъ также долго внѣ этого всемірно-историческаго развитія; до него также долго не касались идеи, двигавшія человѣчество; онъ долго зрѣлъ одиноко, замкнутый со всѣхъ сторонъ, и только готовился—готовился тихо, едва-замѣтно—къ своему высокому назначенію, въ которое ввелъ его геній великаго Петра. Только съ Петра возникла Россія, могучее, исполинское государство; только съ Петра русскій народъ сталъ націею, сталъ однимъ изъ представителей человѣчества, развивающимъ своею жизнію одну изъ сторонъ духа; только съ Петра вошли въ его организмъ высшіе духовные интересы; только съ него началъ онъ принимать въ себя содержаніе развитія человѣчества. А до Великаго у насъ не было ни искусства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, ни науки.—У насъ нѣтъ готическихъ храмовъ, у насъ нѣтъ ни произведеній художнической кисти, ни произведеній рѣзца, у насъ не было музыки. Народъ еще не созрѣлъ тогда для такихъ проявленій своего существа: онъ былъ весь погруженъ въ естественную жизнь, которая можетъ обнаруживаться въ естественной же, въ *наивной* формѣ. Эта наивная форма выраженія жизни народной есть народная поэзія. Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ очень-мало предметовъ, непосредственно-выражающихъ натуру русскаго народа, и ни одного, который бы равнялся въ важности пѣснямъ. Мы не говоримъ здѣсь объ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, о политическихъ фактахъ, въ которыхъ также выражается, или, лучше сказать,

проявляется жизнь народа: они относятся къ другой категоріи.

Въ-слѣдствіе всего этого, равнодушіе нашихъ ученыхъ къ народнымъ пѣснямъ становится еще удивительнѣе, еще болѣе заслуживаетъ укоризны. — Нельзя, однакожь, сказать, чтобы не было совсѣмъ никакихъ опытовъ собирать и даже изучать русскія пѣсни; но сумма ихъ такъ мала, такъ ничтожна, что она теряется въ предметѣ изслѣдованія, какъ капля въ морѣ. Здѣсь болѣе прочихъ заслуживаютъ упоминанія гг. Якубовичь и Калайдовичь, издавшіе нѣсколько поэтическихъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ пѣсень Кирши Данилова, въ видѣ, хоть сколько-нибудь-похожемъ на дѣло. Но какъ они, такъ и всѣ другіе, дѣлали это не по сознанію достоинства и важности созданій народа, а такъ, ради курьёза; они даже и не предчувствовали въ нихъ поэзіи, какъ они сами откровенно сознаются. Послѣ того нельзя было бы и ожидать отъ нихъ чего-нибудь похожаго на то, что̀ было сдѣлано у другихъ славянскихъ племенъ: весь трудъ собирателей заключался только въ томъ, что они записывали слова и потомъ, безъ всякой связи, безъ всякой критики, печатали ихъ. Давно уже обѣщана̀ намъ большая, ученая коллекція русскихъ пѣсень; взоры всѣхъ любителей народной поэзіи съ ожиданіемъ устремлены на г. Кирѣевскаго, — но онъ медлитъ и медлитъ; его изданіе мелькаетъ передъ нами въ туманной дали будущаго, какъ прекрасная мечта, къ которой мы привязаны даже и тогда, когда несовсѣмъ-вѣрна надежда на ея осуществленіе.... Но кто можетъ знать и говорить о томъ, что̀ впереди? И потому перейдемъ лучше къ книжкамъ, лежащимъ теперь передъ нами, и пробудившимъ въ насъ все, что̀ было нами высказано.

Это, какъ значится въ заглавіи нашей статьи, «Русскія Пѣсни», собранныя г-мъ Сахаровымъ. Г. Сахаровъ заслуживаетъ благодарность за свое трудолюбіе, за свою любовь къ нашей народности. Онъ уже издалъ недавно книгу, подъ названіемъ «Сказанія Русскаго Народа». Мы не хотимъ сомнѣваться въ томъ, что онъ трудится, что онъ не жалѣетъ силъ для предмета своей дѣятельности; мы благодарны ему за все, что̀ имъ сдѣлано: всякій пусть дѣлаетъ, что̀ можетъ, или, даже, что̀ хочетъ: этого правила критикъ не долженъ упускать изъ вида. Вотъ что̀ говоритъ самъ

г. Сахаровъ въ маленькомъ предисловіи, приложенномъ къ первому томику:

«Было время, когда съ восторгомъ вслушивался я въ напѣвы русскихъ пѣсенниковъ, когда съ жадностію записывалъ русскія пѣсни со словъ простолюдиновъ; тогда я былъ покоенъ; тогда я дѣлалъ для себя. Теперь... съ отпечатаніемъ пѣсень я дѣлаюсь постороннимъ человѣкомъ, съ покорностію ожидаю приговора за свои труды отъ знатоковъ и безграмотныхъ людей. Такова участь издателей.»

Въ чемъ должна заключаться оцѣнка трудовъ почтеннаго издателя? Критикъ долженъ опредѣлить свои, или, лучше-сказать, современныя требованія отъ изслѣдователя народной поэзіи, и вообще отъ собирателя пѣсень, долженъ представить идеалъ того, что̀ должно быть свершено на этомъ поприщѣ. Но для этого онъ долженъ опредѣлить самый предметъ, долженъ измѣрить, сколько позволяютъ ему его права и обязанности, это поприще. И потому мы прежде всего укажемъ нашу точку зрѣнія на народную поэзію и постараемся развить, сколько можно кратко и отчетливо, наше понятіе о русской народной поэзіи. Предѣлы критической статьи даютъ намъ право требовать отъ читателей, чтобы они не ждали отъ насъ ничего болѣе, кромѣ намековъ. Потомъ мы посмотримъ — чѣмъ должна быть сообразная съ современными требованіями коллекція пѣсень.

Всего чаще можно услышать выраженія: «народъ живетъ», «народъ развивается». Посмотримъ, что̀ обыкновенно хотятъ сказать сими выраженіями. Съ перваго взгляда, для простаго, эмпирическаго смысла, эти выраженія могутъ показаться, если не вовсе-нелѣпыми, то, по-крайнѣй-мѣрѣ, неточными и только фигуральными. Въ-самомъ-дѣлѣ, народъ не есть осязаемое органическое существо, такое же, напримѣръ, какъ отдѣльный человѣкъ, какъ всякій предметъ природы; онъ не поставленъ предъ нашими эмпирическими взорами какъ особный предметъ, самъ-собою втѣсняющійся въ сферу нашихъ представленій; онъ не данъ намъ *непосредственно*, т. е. мы не можемъ подойдти къ нему прямо, указать на него, — указать въ собственномъ смыслѣ этого слова, и сказать: вотъ что̀ называемъ мы народомъ. Но, относя къ народу слова «живетъ» и «развивается», мы даемъ ему значеніе органическаго, особнаго существа. Если видѣть въ на-

родѣ только случайное сборище людей, запимающихъ извѣстное пространство, и больше ничего, то искать въ немъ жизни и развитія было бы точно нелѣпо: живутъ въ немъ отдѣльные люди, каждый самъ-по-себѣ, а народъ, собраніе ихъ, какъ же можетъ жить? вѣдь сборище не есть нѣчто дѣйствительное; оно и не существуетъ вовсе, какъ предметъ, котораго части связаны органически воплотившимся, зримымъ единствомъ. Все это совершенная правда; но и тотъ правъ, кто скажетъ, что народъ живетъ. Народъ есть органическое, живое существо, но чисто духовное, а не чувственное. Въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, части, составляющія его и единство этихъ частей, связующее ихъ въ одно цѣлое, пребывающее на извѣстной точкѣ пространства — сопроникаются взаимно и взаимно другъ друга условливаютъ. Отнять отъ предмета это единство—значитъ разсыпать его на части, значитъ умертвить его. Мы еще больше пояснимъ нашу мысль, если скажемъ, что подъ единствомъ частей живаго существа мы разумѣемъ то, что̀ зовется организмомъ. Въ народѣ цѣлость частей существуетъ не явно, какъ въ отдѣльномъ предметѣ: она незрима, она таинственно связуетъ члены народа, *по-видимому* разрозненные, *по-видимому* неимѣющіе никакой внутренней, живой связи. Части народа сами-по-себѣ въ ихъ разрозненности доступны для эмпирическаго воззрѣнія; но видѣть органическое существо въ народѣ, видѣть живую связь его частей, можетъ только тотъ, у кого открылись духовныя очи. Здѣсь уже прекращается царство *непосредственнаго* созерцанія, которому предметы даются сами-собою: здѣсь предметы схватываются и постигаются не-иначе, какъ *чрезъ посредство* духовныхъ орудій,—духовнаго процесса.

Итакъ въ чемъ же заключаются жизнь и развитіе народа? Мы нашли, что его организмъ принадлежитъ къ царству духа, а не къ царству внѣшней природы; слѣдственно и жизнь его не есть жизнь естественная, какою живутъ отдѣльные предметы природы: она должна имѣть духовное свойство, и въ своемъ развитіи принимать духовныя опредѣленія. Для-того, чтобы пояснить это нѣсколько-темное выраженіе и прямѣе приступить къ нашему предмету, вглядимся поближе въ то, что̀ мы зовемъ «развитіемъ». «Развиваться» значитъ, какъ уже показываетъ самое слово, раскрывать, развертывать то, что̀ сжато и сосредоточено въ безразличномъ единствѣ; слѣдовательно, обозначать и *опредѣ-*

лять отдѣльные *моменты,* части, составляющія сущность предмета, выводить ихъ постепенно одинъ за другимъ въ ихъ характерическомъ различіи. Развиваться можетъ только чтò-нибудь, то, чтò уже *существуетъ,* чтò уже дано непосредственно какъ *сущность* предмета. Эта сущность есть зерно, гдѣ таинственно кроются всѣ тѣ части, которыя постепенно выводятся развитіемъ, пока не истощится ихъ запасъ, пока то, чтò существовало идеально, не проявится во всей полнотѣ, не станетъ дѣйствительнымъ предметомъ. Между сущностью предмета и самимъ предметомъ, т. е. развившеюся сущностію, такое же отношеніе, какое между сѣменемъ растенія и самимъ растеніемъ.

Итакъ исходный пунктъ жизни народа есть его сущность. Но гдѣ же найдти эту сущность, гдѣ же увидѣть ее? она должна также имѣть свое проявленіе, должна открываться въ чемъ-нибудь; иначе мы не могли бы говорить о ней, какъ о сущности, какъ о чемъ-то существующемъ. Сущность, напримѣръ, растенія скрыта въ сѣмени; качествомъ сѣмени опредѣляется и качество самого растенія. Проявленіе сущности есть самая первая, *самая непосредственная* ступень развитія, въ которой заключаются всѣ послѣдующія ступени; такъ точно въ музыкальномъ произведеніи тема, съ одной стороны, есть начало его, его первый, простѣйшій мотивъ; съ другой же стороны она есть источникъ всѣхъ другихъ мотивовъ, звучащихъ въ этомъ произведеніи, какъ бы ни было велико ихъ число и разнообразіе.

Первоначальный видъ народа есть его первобытное состояніе, то состояніе, въ которомъ живетъ онъ до той минуты, когда вступаетъ на поприще всемірно-историческаго дѣйствованія, до той минуты, когда онъ является членомъ въ организмѣ человѣчества, членомъ, трепещущимъ жизнію всемірно-историческою, вливающеюся въ него въ такомъ количествѣ, какое необходимо для-того, чтобы онъ могъ свободно двигаться и выполнять свое назначеніе. Первобытное состояніе народа имѣетъ различныя формы, такъ же, какъ и позднѣйшее, развитое. Первая, и самая простая форма есть семейныя отношенія, отношенія между отдѣльными людьми: это низшее и самое естественное (въ отличіе отъ духовнаго) опредѣленіе жизни народной. Потомъ — отношенія общественныя, изъ которыхъ развивается государство: въ этой формѣ народъ является тѣмъ, чѣмъ онъ

долженъ быть—народомъ, между-тѣмъ какъ въ первой формѣ онъ былъ только семействомъ; здѣсь образуется и сочленяется тотъ духовный организмъ его, о которомъ мы выше говорили; здѣсь первый моментъ его историческаго существованія, зародышь того, что въ-послѣдствіи должно быть свершено имъ въ человѣчествѣ и для человѣчества. Наконецъ, третья и высшая форма есть его—выразимся такъ—теоретическая дѣятельность, его созерцаніе жизни и міра, его миѳологія, его поэзія. Мы назвали эту форму высшею, потому-что здѣсь народъ возвышается наконецъ до сознанія самого себя, между-тѣмъ какъ въ первыхъ формахъ онъ только проявлялъ себя. Здѣсь организмъ народа, образовавшійся и сочленившійся въ предъидущей формѣ, получаетъ сквозящую прозрачность; здѣсь жизнь его непросто движется, но и обращается на самую себя, созерцаетъ свое движеніе. Изъ всего того, въ чемъ можетъ обнаруживаться теоретическая дѣятельность народа въ его первобытномъ состояніи, преимущественно должна обращать на себя вниманіе поэзія. Ей должно дать главное мѣсто, ее должно поставить въ центрѣ; всѣ другія проявленія теоретической жизни народа на этой ступени гораздо-слабѣе, гораздо-бѣднѣе ея, часто зависятъ отъ нея, часто условливаются ею, заимствуютъ у нея средства, даже черпаютъ изъ нея жизненныя силы. И это очень-естественно. Наука возникаетъ только въ народѣ развитомъ: о ней и думать не должно при разсматриваніи народа дикаго, еще не освободившагося отъ узъ природы. Высочайшая, истинная религія доступна только для такого народа, въ которомъ пробудился уже самосознательный и свободный духъ, который перешелъ очистительный періодъ жизни и очистился столько, что способенъ быть сосудомъ божественнаго слова, способенъ принять въ себя откровеніе божества. Но народъ, до котораго не коснулось еще вліяніе духа, народъ, въ которомъ нѣтъ еще ни духовныхъ вопросовъ, ни духовныхъ стремленій, который еще только зрѣетъ для-того, чтобъ быть сосудомъ, проявителемъ той идеи, для коей призванъ въ міръ, такой народъ можетъ имѣть только предчувствіе религіи, можетъ обнаруживать въ себѣ возможность принять со-временемъ откровенную истину; всѣ его религіозныя представленія сами-по-себѣ не имѣютъ никакой истины, всѣ они не больше, какъ призраки, порожденные самимъ же народомъ; они имѣютъ только относительное

значеніе, раскрывая собою характеръ народа и обличая его религіозный органъ.

Духъ вездѣ равенъ самому-себѣ; онъ вездѣ одинъ и тотъ же; какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ отдѣльномъ народѣ, такъ и въ цѣломъ человѣчесвѣ, какъ въ зернѣ развитія, такъ и въ различныхъ циклахъ своей жизни — дѣйствуетъ онъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, творитъ одни и тѣ же міры, изводитъ изъ себя одно и то же содержаніе. Каждый періодъ развитія духа есть повтореніе предъидущаго періода, и вмѣстѣ отрицаніе его; повтореніе — потому-что духъ, перейдя съ одной ступени на другую, нисколько не измѣнилъ своего существа, ни однимъ атомомъ не увеличилъ и не уменьшилъ того, что̀ отъ вѣка залючалось въ немъ; отрицаніе — потому-что духъ не удовлетворяется ни одною формою своего проявленія, потому-что ни одна форма не можетъ назваться равновѣснымъ выраженіемъ содержанія духа, ни одна не въ-силахъ исчерпать всего безконечнаго богатства духа, ни одна столько непрозрачна, чтобы духъ сквозь нея являлся вполнѣ тѣмъ, чѣмъ онъ есть по существу своему: онъ сбрасываетъ съ себя одну форму для-того, чтобы открыться въ другой, достойнѣйшей; онъ переходитъ съ низшей ступени на высшую для-того, чтобы виднѣе и явственнѣе показать существо свое. Все его назначеніе, все его развитіе именно и заключается въ томъ, чтобъ безпрерывно больше и больше уравновѣшивать форму своего проявленія съ содержаніемъ своего существа; потому-то дѣятельность его и обнаруживается въ безпрерывномъ метаморфозированіи, въ безпрерывномъ отрицаніи. — Шумно кипитъ поприще; веселый народъ разбросанъ на немъ могучими группами; гордые члены бойцовъ напряглись непреклонной отвагой, взоры ихъ блещутъ сознаніемъ силы... какъ выразительны контуры, какъ крѣпки мышцы, какая свѣжесть въ тѣняхъ, и какъ прозрачны самыя тѣни?.. Лучи обливаютъ картину; цвѣта̀ горятъ ярко, картина упруга, картина дышитъ неодолимою силою.., Взоръ ослѣпляется нестерпимо-яркимъ колоритомъ; тщетно хочетъ онъ обнять цѣлость дивной картины: каждый предметъ такъ мощно приковываетъ его къ себѣ, каждая частность такъ разнообразна, такъ безконечно-богата новыми частностями, такъ неотразима въ своемъ впечатлѣніи!.. Но постойте—видите ли, какъ начинаетъ тихо и чуть-замѣтно мерк-

путь далекій фонъ? видите ли: лучи ужь не съ такою силою отражаются о предметы? смотрите, смотрите — перспектива сжимается, переднія группы блѣднѣютъ, группы въ послѣднихъ планахъ какъ-будто свертываются и объемлются какимъ-то туманомъ; этотъ туманъ все ближе и ближе — онъ застилаетъ собою всю картину; смотрите теперь, смотрите, пока не исчезла совсѣмъ картина, пока туманъ не поглотилъ всей жизни,— обнимаете ли вы теперь цѣлость частей, организмъ дивнаго созданія? Такъ, это духъ, это моментъ его развитія; это онъ озарялъ такимъ нестерпимымъ блескомъ поприще, это онъ раскинулся въ атлетическихъ группахъ, это онъ горѣлъ во взорахъ людей; онъ двигался въ каждомъ членѣ ихъ; онъ обнаруживался въ каждомъ взмахѣ руки, въ каждомъ шагѣ ноги; это духъ разсыпался на безконечное множество отдѣльныхъ явленій, это онъ разсыпался по картинѣ; — но дѣло свершено, группы исчезли, темно и холодно... Какъ? но развѣ вы не видите блеска и движенія тамъ, въ углу фона, тамъ, откуда выходитъ солнце?.. Шумно стремятся новыя группы, разноцвѣтные круги появляются одинъ за другимъ, сходятся и расходятся и размѣщаются по планамъ перспективы; новое солнце радостно потекло; новые лучи радостно заиграли и засверкали... Но колоритъ еще сильнѣе, контуры могущественнѣе, картина шире и глубже.—И вѣчно будетъ повторяться эта смѣна, вѣчно, пока живъ будетъ духъ, а духъ безконеченъ и вѣченъ!...

Но мы увлеклись въ-сторону отъ предмета; мы бы никогда не кончили, еслибъ все продолжали идти по этому же направленію. Мысль о тѣсныхъ предѣлахъ нашей статьи заставляетъ насъ просить прощенія у читателей за это отступленіе...

Итакъ, народъ въ первобытномъ своемъ состояніи, народъ, закованный въ узы природы, народъ естественный, зерно будущаго народа, проявитель вѣчной идеи на самомъ поприщѣ духа, пускаетъ изъ себя съ самаго начала своей жизни ростки, изъ коихъ свободнымъ движеніемъ должны развиться всѣ возможныя опредѣленія, которыя приметъ духъ въ этомъ народѣ. Даже у дикарей найдете вы зародыши всѣхъ тѣхъ міровъ, которые порождаетъ изъ себя духъ въ своемъ развитіи. Исторія состоитъ не изъ отдѣльныхъ отрывковъ, выхваченныхъ, положимъ, изъ другихъ планетъ, въ которыхъ жизнь развивается по инымъ

законамъ: въ каждой фазѣ жизни человѣчества содержаніе одно и то же, разница только въ формѣ. Человѣкъ вездѣ человѣкъ, на какой бы ступени образованія ни находился онъ! народъ всегда народъ — живой организмъ, предназначенный для проявленія всемірно-исторической идеи, — все равно, улучимъ ли мы его на зарѣ его дня, или въ ясный полдень, кипящаго всею полнотою созрѣвшихъ силъ, или на тихомъ закатѣ, въ таинственный часъ смерти. Первобытное состояніе народа есть какъ-бы прелюдія къ дивной ораторіи, въ которой должна прозвучать его жизнь, какъ-бы прологъ къ шекспировой драмѣ, прологъ, въ которомъ уже обозначены противоположности, очеркнуты противорѣчія, долженствующія столкнуться въ ходѣ драмы, вступить въ борьбу и разрѣшиться въ торжественное примиреніе, примиреніе, когда сокрушается организмъ, гибнутъ частности и жизнь покидаетъ остывающихъ на аренѣ бойцовъ и улетучивается въ общую жизнь человѣчества. Какъ бы ни была низка ступень развитія народа, въ немъ непремѣнно должны возникать стремленія къ вѣчнымъ областямъ свободнаго духа; въ немъ непремѣнно должны быть начатки великихъ откровеній духа. — Вотъ почему никто не долженъ смущаться фактомъ, что у народа *дикаго*, неотрѣшившагося отъ узъ природы, есть очерки высшихъ опредѣленій духовной сущности, есть космогонія, теогонія, есть поэзія. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти опредѣленія, эти области духа не могутъ даваться даромъ, не могутъ обрѣтаться непосредственно, безъ труда, безъ посредства развитія, безъ предъидущихъ страданій, которымъ они служатъ исцѣленіемъ, безъ предъидущей борьбы противорѣчій, которымъ они служатъ разрѣшеніемъ. Въ нихъ духъ обрѣтаетъ награду за тяжкій трудъ развитія, въ нихъ онъ является совершенно-свободнымъ, отрѣшеннымъ отъ всѣхъ цѣпей, абсолютнымъ; здѣсь существо его свѣтло и прозрачно, здѣсь онъ углубляется въ безконечность своего существа и блаженствуетъ ею. Но за что̀ же дается такая награда духу неразвитому и нежившему? за что̀ же дается блаженство примиренія тому, кто не испыталъ мукъ раздора съ самимъ-собою?.. Но что̀ есть, то должно быть, вглядитесь хорошенько, вы убѣдитесь въ разумности и необходимости того, что̀ есть, и что̀ должно быть; завистливое чувство, завистливый вопросъ исчезнетъ въ душѣ, какъ мгновенно-налетѣвшій туманъ. — Неизмѣримая бездна отдѣляетъ космо-

гонію народа отъ науки, теогонію отъ религіи, его безъискусственныя, неискушенныя пѣсни отъ искусства, отъ творческаго проявленія искушенной фантазіи. Это эмбріоны, а не готовыя, живыя существа; это первоначальный хаосъ, броженіе элементовъ только-что-пробудившейся жизни, а не полныя свѣта и безконечнаго блаженства міры свободнаго духа. Скудны и слабы наслажденія бѣдныхъ дѣтей природы; тѣсны предѣлы ихъ жизни, душна атмосфера ихъ міра: ихъ радости, ихъ горести возникаютъ изъ животныхъ ощущеній; они не знаютъ цѣны окружающей ихъ дѣйствительности; они не извѣдали благодатнаго чувства любви къ ней, потому-что они не познали еще своей особности, а любовь можетъ быть между особными, между различными существами; они слиты съ природою, они не вглядывались въ красу ея, и очарованныя, плѣненныя ея могучими прелестями, не бросались въ избыткѣ страстнаго восторга на ея лоно, не лобзали ея горячими поцалуями любви, не упивались нѣгою ея дыханія, потому-что они никогда не отрывались отъ ея лона, потому-что они никогда не отдалялись отъ нея, потому-что они, какъ родились въ ея объятіяхъ, съ устами, прижатыми къ ея персямъ, такъ и остались въ безмятежномъ незнаніи того, кто они сами, и кто лелѣетъ ихъ съ такою нѣжностію. Что̀ не распадалось на противоположности, въ томъ еще нѣтъ жизни, потому-что нѣтъ любви; только двѣ противоположности, только два различныя существа ищутъ другъ друга, встрѣчаются и, встрѣтившись, обнимаютъ другъ друга и сливаются въ гармонію одного аккорда; слившись воедино, они не теряютъ сознанія своей особности, своей отдѣльности: они видятъ свои личности другъ въ другѣ, они сознаютъ себя одно въ другомъ. И въ народѣ, пока онъ не начиналъ еще отрѣшаться отъ природы, не можетъ быть никакого движенія, никакой жизни. И горе тому народу, который не воспрянетъ тотчасъ же по своемъ явленіи въ міръ, не будетъ высвобождаться изъ объятій своей матери, не будетъ силиться сбросить съ себя бремя, не будетъ срывать съ себя одну за другою пеленки! горе ему, если не начнетъ тотчасъ же борьбы съ природою, борьбы, въ которой должны расправиться его члены, скрѣпнуть мускулы: онъ навсегда оцѣпенѣетъ, зерно развитія сгніетъ въ немъ, не давъ ростка, силы замрутъ, не развернувшись, онъ умретъ, не живши, не родясь... Но на-

роды, предназначенные для жизни, въ самый мигъ появленія на свѣтъ начинаютъ процессъ движенія, начинаютъ расторгать свои узы и поражать еще-неокрѣпшими дланями воздоившую ихъ грудь. Въ нихъ тотчасъ же возникаетъ чувство особности, стремленіе къ независимости и самостоятельности; внутри ихъ начинаютъ появляться и организироваться опредѣленія духа, начинаютъ выработываться факты *субъективной* жизни, начинаютъ, сквозь животную форму, пробиваться мысли, начинаетъ тонкой нитью, сквозь матеріальное существованіе, прокрадываться идеальное развитіе; пока народъ не отрѣшится, наконецъ, отъ безчисленныхъ путъ, которыми обвила его природа, пока не образуется его духовная физіономія, пока не сочленится вполнѣ его организмъ и не проявится въ непреложной формѣ разумнаго государства, пока онъ не станетъ тѣмъ въ духѣ (въ исторіи человѣчества), чѣмъ онъ есть по своей сущности. Отсюда уже начинается періодъ движенія свободнаго духа въ народѣ, развиваются тѣ безконечные міры, въ которыхъ онъ открывается самому-себѣ во всей безконечности своего существа.

Теперь мы нашли, въ какомъ народѣ, въ какомъ состояніи народа, при какихъ условіяхъ возникаетъ и живетъ народная или, лучше-сказать, естественная поэзія (Naturpoesie). Посмотримъ же теперь, почему именно поэзія служитъ полнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ проявленіемъ внутренней жизни народа на разсматриваемой нами ступени. Поэзія, по существу своему, смыкаетъ примирительнымъ звѣномъ чувственное созерцаніе съ идеальнымъ самосознаніемъ, чувственную форму съ безплотной идеей, уравновѣшиваетъ матерію съ духомъ. Поэзія есть тотъ міръ, который граничитъ, съ одной стороны, съ внѣшнею областью духа, гдѣ живетъ онъ, не зная самого-себя, гдѣ онъ только проявляется, а не сознаетъ себя, и если видитъ свое проявленіе, то развѣ только съ-наружи; съ другой стороны граничитъ она съ внутреннимъ міромъ духа, съ царствомъ мысли, въ которомъ владычествуетъ безплотная жизнь и открывается въ безплотныхъ же формахъ. Область поэзіи, или, скажемъ лучше вообще, область искусства заселена такъ же живыми, органическими существами, какъ и міръ эмпирической дѣйствительности, въ которомъ движемся мы; въ ней есть и небо и земля; но земля ея зеленѣетъ ярче, цвѣтетъ бла-

гоуханнѣе, небо прозрачнѣе и глубже; тамъ все полно торжественнаго свѣта; тамъ нѣтъ ни одного предмета темнаго, ни одного уголка, въ которомъ бы не горѣлъ лучь вѣчнаго солнца; тамъ солнце не-извнѣ освѣщаетъ жизнь: оно горитъ неугасимо внутри жизни, внутри каждой формы жизни; отъ-того-то такъ и сіяютъ образы искусства, отъ-того-то каждый изъ нихъ и окруженъ блистательнымъ ореоломъ лучей, исходящихъ изъ него же самого; отъ-того-то, въ произведеніяхъ искусства, атмосфера вся полна свѣта, или, лучше, вся изъ свѣта, сліяннаго изъ безчисленныхъ лучей! Вотъ что мы представляемъ себѣ, когда говоримъ, что искусство соединяетъ безконечную идею съ конечною формою, одухотворяетъ внѣшнее, чувственное и воплощаетъ внутреннее, сверхчувственное. Жизнь, открывающаяся въ искусствѣ, есть первый моментъ, первая эпоха свободы духа: здѣсь онъ впервые проникаетъ до существа своего и созерцаетъ его, хотя и сквозь покровъ чувственнаго проявленія.

Поэзія, такъ же какъ и всякій видъ теоретической дѣятельности въ народѣ, пробуждается тогда, когда народъ началъ свою борьбу съ природою, когда въ немъ уже возникло первое, хотя и не-свободное, хотя и подавленное силою еще непобѣжденной природы, движеніе духа. Мы назвали уже выше этотъ періодъ жизни народа хаотическимъ броженіемъ его элементовъ. Въ его духѣ, только-что пробудившемся, царствуетъ густой мракъ, едва-прорѣзываемый тусклыми лучами, льющими невѣрное, обманчивое мерцаніе. Первыя явленія духовной жизни подобны неустановившимся кометамъ, которыя безъ всякаго порядка, не повинуясь никакимъ законамъ, носятся въ мрачной пустотѣ: это зародыши идей и мыслей будущихъ гражданъ въ будущемъ царствѣ духа. Эти идеи и мысли суть освобожденныя отъ природы стороны духа, тѣ свѣтлыя точки его существа, которыя уже отдѣлились отъ природы. Мы назвали ихъ зародышами, потому-что онѣ далеки еще отъ того состоянія, въ которомъ должны въ-послѣдствіи явиться черезъ посредство развитія. Это слабые, блѣдные призраки, дикіе и безобразные, случайно разбросанные въ сознаніи тамъ и тамъ, невидящіе другъ друга, ярко заклейменные печатью рабства, которая только тогда совершенно сгладится съ нихъ, когда освободится цѣлый организмъ духа. Мы поймемъ, что такое эти первые плоды сознанія, если опре-

дѣлимъ ихъ развитіе. Цѣль духа—открыться въ нихъ, пробиться сквозь кору *естественности*, сквозь чувственную оболочку, сдѣлать ихъ формами самосознанія. Они тѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ ближе къ своему назначенію, чѣмъ больше просвѣчиваетъ сквозь нихъ духъ, который только тогда успокоится и примирится, когда побѣдитъ всякую чувственную преграду и явится въ нихъ во всемъ блескѣ существа своего. Въ сознаніи свершается возсозданіе чувственнаго міра, одухотвореніе темныхъ предметовъ природы. Одухотворить предметъ не значитъ вложить въ него духъ, котораго прежде не было въ немъ,—нѣтъ, каждый предметъ въ природѣ выражаетъ уже самъ собою одну изъ сторонъ божественной мысли, воплотившейся въ мірѣ; нѣтъ ни одного явленія, въ которомъ бы не присутствовалъ духъ; нѣтъ ни одной внѣшней формы, въ которой бы не открывалось внутреннее содержаніе. Если есть явленіе, значитъ есть существо; если есть форма, значитъ есть содержаніе, если есть внѣшнее, значитъ есть внутреннее. Во всемъ проявляется духъ, но сознаетъ себя онъ только въ самомъ-себѣ. Сознавая себя, онъ слѣдуетъ тѣмъ же законамъ своего существа, по какимъ и проявлялся; онъ повторяетъ тотъ же процессъ, проходитъ черезъ однѣ и тѣ же ступени развитія. Сначала онъ принимаетъ въ себя предметы темными и непрозрачными, потому-что онъ еще не видитъ въ нихъ самого-себя; далѣе онъ начинаетъ постепенно просвѣтлять ихъ, по мѣрѣ того, какъ усматриваетъ въ нихъ себя, или—употребимъ болѣе удобное выраженіе, которое мы уже оправдали, показавъ его смыслъ,—входитъ въ нихъ, или, что̀ все одно и то же, пробивается сквозь ихъ оболочку. Явно, что до той поры, когда онъ весь обнаружится въ предметѣ, предметъ существуетъ въ сознаніи, въ ложномъ и искаженномъ видѣ. Оторванные отъ спокойнаго, естественнаго существованія, предметы теряютъ на-время полноту своего содержанія, которая тихо и нѣмо жила въ нихъ въ формѣ вещества; сознаніе пробило эту вещественную форму и содержаніе ея, воспламененное только въ отдѣльныхъ частяхъ своего существа ,— только отдѣльными частями, отдѣльными свѣтлыми точками сквозитъ въ предметѣ. Предметъ утратилъ свою разумную, прекрасную *естественность*, онъ сталъ какимъ-то фантасмагорическимъ призракомъ. Въ сознаніи онъ уже не выражаетъ того, что̀ выражалъ въ природѣ: онъ утра-

тилъ свою истину, потому-что духъ созналъ себя только въ одной сторонѣ его содержанія, заставилъ его выражать только часть того, что̀ онъ дѣйствительно выражаетъ, и что̀ долженъ выражать:—предметъ сталъ символомъ.

Намъ кажется, что нельзя лучше характеризировать явленій въ этомъ періодѣ сознанія, какъ назвавъ ихъ «символами». Символомъ называемъ мы все то, что̀ намекаетъ на какое-нибудь значеніе. Въ символахъ заключаются два элемента: во-первыхъ, внутренній, какое-нибудь значеніе,—во-вторыхъ, внѣшній, то, что̀ намекаетъ на это значеніе. Онъ не-есть ни совершенно-чувственное созерцаніе предмета, ни чистая, совершенно-отрѣшенная отъ чувственнаго проявленія мысль, ни даже художественный образъ, примиряющій мысль съ предметомъ,—это живое цѣлое, въ которомъ уравновѣшено чувственное съ сверхчувственнымъ. Символъ только колеблется между внѣшнимъ и внутреннимъ; онъ насильственно сводитъ ихъ, а не примиряетъ, не сливаетъ ихъ въ живое, органическое цѣлое; это образъ неудавшійся, image manquée; въ немъ духъ стремится только стать образомъ, полнымъ, гармоническимъ откровеніемъ внутренняго во внѣшнемъ; въ немъ онъ только ищетъ равновѣсной формы для своего содержанія; находитъ же онъ ее только тогда, когда совершенно окрѣпнетъ и освободится, когда достигнетъ того момента своего развитія, который мы зовемъ *художественнымъ искусствомъ*, когда станетъ творческою фантазіею.

Послѣ всего этого должно быть понятно, почему всѣ явленія внутренней жизни народа на первой ступени развитія, его космогоническія и теогоническія представленія запечатлѣваются характеромъ поэтическаго созерцанія. Его мысли представляются ему въ чувственныхъ формахъ, но не въ художественныхъ, а символическихъ. Мыслитъ ли онъ о существѣ высочайшемъ, онъ указываетъ на небо, на грозную тучу, издающую громъ и молнію, на мощный, безпреградный потокъ, низвергающій все на пути своемъ, на огонь, которому не можетъ противиться ничто живое и т. д., словомъ, на всѣ тѣ могучіе феномены природы, въ которыхъ она является страшною властительницею; или, если онъ двинулся дальше въ своемъ развитіи, создаетъ существа особеннаго рода, которыхъ назначаетъ къ тому, чтобы они намекали своимъ видомъ на какія-нибудь отвлеченныя представленія. Это божества его, лица его миѳологіи.

Божеству силы, напримѣръ, дастъ онъ какой-нибудь признакъ льва; богинѣ плодородія дастъ онъ въ символъ фаллюсъ; верховному блюстителю неба и земли вложитъ онъ въ длань перунъ; бога добра покроетъ онъ бѣлымъ, бога зла чернымъ цвѣтомъ, и пр. Онъ опредѣлитъ отношенія между своими божествами, и въ дикихъ, хотя и нелишенныхъ какого-то грандіознаго величія гимнахъ, воспоетъ ихъ происхожденіе, ихъ исторію, ихъ брани, ихъ подвиги. Каждая дума, каждое чувство его носитъ на себѣ отпечатокъ какого-нибудь явленія природы; онъ ни въ чемъ не можетъ отрѣшиться отъ чувственныхъ представленій; его рѣчи испещрены безпрерывными фигурами и тропами. У американскихъ дикарей, напримѣръ, самая пестрая пѣсня изъ самыхъ пестрыхъ образовъ есть обыкновенный, вседневный языкъ. — Каждое свойство, нравственное или физическое, существующее въ сознаніи народа, непремѣнно имѣетъ въ его фантазіи своего представителя, — по-крайней-мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя преимущественно уважаются народомъ, въ которыхъ онъ любуется самимъ-собою. Эти представители различныхъ свойствъ суть идеалы народа, которыми онъ гордится, которыя онъ славитъ, которыя онъ одѣляетъ всѣмъ богатствомъ своей фантазіи: это богатыри, герои, изъ которыхъ каждый образуетъ, вокругъ себя, особый міръ изъ своихъ подвиговъ, и доставляетъ содержаніе для эпическихъ пѣснопѣній. Они запечатлѣны тѣмъ же символическимъ характеромъ, хотя и въ меньшей степени, нежели герои космогоническихъ и миѳологическихъ пѣсень. Это не живые индивидуальныя существа, которымъ не достаетъ только плоти, чтобы встать и смѣшаться съ дѣйствительными людьми, не такія созданія, которыми заселены свѣтлые міры художнической фантазіи, не такія созданія, которыми радовался до самозабвенія, утопая въ мгновенномъ наслажденіи, Грекъ: всѣ они, большею частію, являются символическими олицетвореніями какого-нибудь свойства, физической силы, напримѣръ, отваги, удальства и т. д.; другихъ же свойствъ живой души или вовсе нѣтъ, или они всѣ подчиняются одному, господствующему. Ихъ лики одноцвѣтны, безъ всякихъ тѣней и оттѣнковъ; дѣла монотонны. Такъ-какъ господствующее свойство все поглощаетъ и претворяетъ въ себѣ, такъ-какъ оно одно составляетъ существо ихъ, то очень-ясно, что оно должно выходить изъ своихъ естественныхъ раз-

мѣровъ, принимать видъ колоссальный и доходить даже до уродства. Такъ, напримѣръ, есть богатыри въ русской народной поэзіи, которыхъ не держитъ земля, въ которыхъ сила подавляетъ самую-себя, и они, въ своей безсильной силѣ, задыхаясь подъ собственною тяжестію, бездѣйственю лежатъ весь вѣкъ громадными горами, тамъ, гдѣ свалила ихъ собственная сила.

Былъ одинъ народъ въ мірѣ, который родился съ свободнымъ духомъ,—народъ, прожившій безъ борьбы и страданій, и пришедшій въ міръ для-того, чтобы насладиться побѣдою, собрать плоды страданій, не имъ понесенныхъ,—народъ, для котораго тяжко трудились въ-продолженіе цѣлыхъ вѣковъ другіе народы, которому безропотно передали они то, что̀ пріобрѣли кровавыми трудами, и на который безъ зависти, съ любовью и тихимъ чувствомъ умиленія смотрятъ его менѣе-счастливые собратья,—народъ, который былъ рожденъ у самой цѣли тяжкихъ стремленій своихъ предшественниковъ,—котораго первые взоры пали на красоту, на роскошнѣйшіе цвѣты полуземнаго-полунебеснаго существованія, — у котораго первый младенческій крикъ излетѣлъ изъ груди, переполненной наслажденіемъ,—котораго... Но мы вѣкъ бы не кончили, если бы стали продолжать характеристику этого свѣтлаго народа. Этотъ свѣтлый народъ, этотъ любимецъ духа и природы, кто, какъ не сыны прекрасной Эллады?..

Между развитіемъ цѣлаго человѣчества и развитіемъ отдѣльнаго народа нельзя не усмотрѣть большой аналогіи, хотя было бы нелѣпо искать совершеннаго совпаденія между ними. Въ человѣчествѣ духъ исчерпываетъ вполнѣ каждый моментъ свой; въ народѣ же онъ быстро перебѣгаетъ съ одной ступени на другую; на иныхъ ступеняхъ онъ слегка, чуть-замѣтно, обнаруживаетъ себя, къ другимъ едва касается, какъ-будто перескакиваетъ черезъ нихъ, до-тѣхъ-поръ, пока достигнетъ онъ той ступени, для которой былъ рожденъ народъ, и на которой жизнь народа является однимъ изъ моментовъ жизни человѣчества: здѣсь онъ останавливается и исчерпываетъ себя. Греческій народъ имѣлъ назначеніе исчерпать своею жизнію все существо искусства; проявить искусство въ его всемірно-историческомъ значеніи. Другіе историческіе народы, его предшественники, были предназначены развить самосознаніе духа до этой ступени; жизнь ихъ, въ сложности, соотвѣтствуетъ то-

му періоду въ жизни народа, въ который онъ борется съ природою для-того, чтобы освободиться отъ ея ига, и стремится опредѣлить и организировать свою духовную личность. Жизнь Грековъ для человѣчества была тѣмъ же, чѣмъ художественная сфера свободной, творческой фантазіи для народа въ частности. Греческій народъ получилъ еще въ колыбели въ даръ отъ духа художественную форму красоты; онъ родился съ рѣзцомъ въ рукѣ, и его естественная поэзія (Naturpoesie) была вмѣстѣ и полнѣйшимъ художественнымъ проявленіемъ свободной фантазіи. Нужно ли что-нибудь говорить о дивной художественности великихъ всемірно-историческихъ пѣснопѣній гомеридовъ?.. Искусство Грековъ — живая эстетика, эстетика въ лицахъ. И потому, кто захочетъ опредѣлить какъ-нибудь видъ искусства, въ истинной, полнѣйшей его формѣ, тотъ долженъ имѣть необходимо въ созерцаніи свѣтлый міръ художественныхъ произведеній Грековъ. Этою аналогіею между ходомъ цѣлаго человѣчества и развитіемъ отдѣльнаго народа поясняется сходство, часто разительное, между сумрачными циклами древней восточной поэзіи, въ которыхъ царствуетъ символъ, и поэзіею отдѣльнаго народа, запечатлѣнною въ большей или меньшей степени тѣмъ же символическимъ характеромъ. Часто историки и этнографы, основываясь на одномъ этомъ сходствѣ, утверждаютъ племенное физіологическое сродство между разсматриваемымъ народомъ и какимъ-нибудь представителемъ востока. Не отвергая физіологическаго сродства позднѣйшихъ племенъ съ древними, замкнувшими циклъ своей жизни еще въ до-греческій періодъ человѣчества, признавая за востокомъ право называться vagina gentium, мы думаемъ, однакожь, что причина этого сходства коренится больше въ одинаковости духовныхъ состояній. — Впрочемъ, Славяне и народъ русскій въ частности, поэзія котораго должна теперь обратить на себя наше вниманіе, почти-безспорно выводятся всѣми изъ странъ загиммалайскихъ: въ этомъ согласны всѣ этнографы, толковавшіе о происхожденіи Славянъ и ученые филологи-санскритологи. Въ-самомъ-дѣлѣ, связь славянскаго языка съ санскритскимъ такъ жива, въ повѣрьяхъ и поэзіи Славянъ и древнихъ Гиндусовъ столько разительно-сходнаго, что можно безъ всякаго опасенія выводить племя славянское изъ Индіи.

(Окончаніе впредь.)

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА. *изданныя* И. Сахаровымъ. *Пять частей. Санктпетербургъ.* 1838 — 1839.

(*Окончаніе*).

Прежде, нежели мы перейдемъ къ другой части нашей статьи, обратимъ вниманіе на одно возраженіе, которое можетъ быть намъ сдѣлано въ-слѣдствіе всего нами сказаннаго. «Какъ?» спросятъ насъ: «такъ естественная поэзія возникаетъ только въ первобытномъ, дикомъ и полудикомъ состояніяхъ народа, и исчезаетъ, когда народъ получаетъ образованіе и становится историческимъ дѣйствователемъ? Но это нелѣпо, это противорѣчитъ тому, что̀ безпрерывно повторялось и повторяется предъ нашими глазами!» — Такъ, нелѣпо, только не все. Естественная поэзія точно возникаетъ только въ первобытномъ состояніи народа, вытекаетъ изъ его естественной жизни; возражать противъ этого было бы странно. Что̀ же касается до второй части возраженія, то она имѣетъ основаніе и требуетъ отвѣта.

Пѣсни остаются навсегда и живутъ въ народѣ, на какой бы ступени развитія ни находился онъ; разница только въ томъ, что въ первобытномъ состояніи народа онѣ являются полнѣйшимъ и высшимъ выраженіемъ его внутренней жизни, исчерпывающимъ всѣ элементы его сущности; съ развитіемъ же народа онѣ начинаютъ меркнуть предъ новыми блистательными свѣтилами. Эта духовная сущность начинаетъ постепенно уле-

тучиваться изъ своей *наивной*, естественной формы, и принимать другія формы, высшія, закаленныя уже духомъ. То, что прежде было народностію, низводится на степень простонародности; народность же получаетъ высшее значеніе. Не прежніе дикари, получавшіе средства и силы для жизни и дѣятельности то какъ даръ, то какъ дань отъ природы, составляютъ уже теперь зерно дальнѣйшаго духовнаго развитія: народъ имѣетъ теперь своихъ представителей, и въ нихъ-то ужь движется его сила, формируется характеръ, образуется духовный организмъ, въ которомъ онъ никогда уже не прейдетъ, въ которомъ онъ на вѣки останется, какъ одинъ изъ существенныхъ членовъ человѣчества. Потребности народа, его стремленіе, словомъ, вся жизнь его выговаривается въ кругу этихъ представителей; они-то составляютъ тѣ образованные классы, которыхъ всегда имѣютъ въ виду, когда говорятъ о духовномъ развитіи народа; въ нихъ-то и черезъ нихъ народъ совершаетъ свое назначеніе, выражаетъ идею, для которой призванъ; черезъ нихъ становится онъ участникомъ въ сокровищахъ, скопленныхъ историческими эпохами; черезъ ихъ посредство эти сокровища входятъ въ организмъ народа и претворяются въ его плоть и кровь. Здѣсь духъ народа воплощаетъ себя уже въ свѣтлыхъ формахъ художественной поэзіи; здѣсь онъ творитъ тѣ безконечные, полные славы міры, о которыхъ мы говорили выше; въ эти міры приливаютъ всѣ жизненные соки народа, въ нихъ уже свершается его развитіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, когда народъ займетъ свое всемірно-историческое мѣсто, его естественная поэзія останавливается и застываетъ въ тѣхъ формахъ, которыя служили послѣднимъ выраженіемъ покинувшаго ее духа; въ ней нѣтъ больше движенія. Только неразвитые, необразованные классы народа — *простой народъ* — довольствуется ею; люди же, вышедшіе отъ непосредственныхъ отношеній къ природѣ, оторвавшіеся отъ ея дѣйствительности и достигшіе новой, духовной, или *сознательно* стремящіеся къ этой духовной дѣйствительности, такіе люди не пойдутъ искать исцѣленія своимъ болѣзнямъ въ ея струяхъ, потому-что раны, отъ которыхъ можетъ болѣть организмъ ихъ, нанесены не природою: это раны духовнаго свойства; для нихъ нуженъ и бальзамъ духовный. Далѣе, если въ обществѣ возникаетъ выраженіе: *простой народъ*—циклъ развитія естествен-

ной поэзіи замкнутъ навсегда; громкіе напѣвы, оглашавшіе родные долы и сливавшіеся въ какую-то атмосферу звуковъ, начинають стихать; атмосфера звуковъ становится все рѣже; колоритъ ея все блѣднѣе и блѣднѣе; волны звуковъ, расходясь въ пространствѣ, слабѣютъ и теряются въ своемъ собственномъ разливѣ; а новыя волны не льются въ-слѣдъ за ними, не спѣшатъ подкрѣпить ихъ. . . И откуда могли бы литься онѣ? источникъ изсякъ, и остается то, что было — новаго не будетъ! Естественное творчество умерло и передало свою силу художническому. Мы предвидимъ заранѣе новое возраженіе и спѣшимъ предупредить его. Такъ, такъ, — и въ простомъ народѣ есть душа живая, не все отъемляется у него; въ немъ сохраняется до конца органъ для горестей и радостей; въ немъ не умерло чувство: оно также кипитъ и волнуется въ немъ, оно не утратило способности грустить и тосковать въ стремленіи, болѣть и скорбно ныть при тяжкомъ отреченіи и ликовать въ восторженныхъ порывахъ, сливаясь съ тѣмъ, что любитъ, находя то, чего ищетъ. . . Такъ, источникъ пѣсень чисто-лирическихъ никогда не изсякаетъ; и простой народъ не теряетъ способности изливать въ музыкальныхъ мотивахъ свои чувствованія; эолова арфа души его не умолкла, она не разбилась въ быстротѣ историческаго движенія; струны ея натянуты и теперь и всегда, онѣ дрожатъ и сотрясаются, чуть лишь коснется до нихъ вѣяніе жизни, и пока не стихнетъ это вѣяніе, — не стихнетъ и простая мелодія ихъ, то дикая, то нѣжная... Но эти звуки, но эта мелодія не больше, какъ непосредственное выраженіе взволнованнаго чувства, не больше, какъ отголосокъ мгновенной настроенности души; характеръ ихъ, неопредѣленность, содержаніе ихъ очень-бѣдно; часто даже они вовсе безъ содержанія, часто дѣйствительно походятъ на случайные звуки эоловой арфы. Это скорѣе народная музыка, нежели народная поэзія.—Такихъ же созданій, въ которыхъ бы выражалось созерцаніе міра и жизни, не ищите у *простаго* народа: онъ уже не воспѣваетъ больше ни теогоническихъ гимновъ, ни космогоническихъ одъ, онъ не олицетворяетъ больше любимыхъ свойствъ въ безобразныхъ и грандіозныхъ въ своемъ безобразіи существахъ, не творитъ своихъ символическихъ идеаловъ, потому-что періодъ символизма прошелъ и символы доросли до художественныхъ образовъ. Мало того: онъ не только не тво-

ритъ вновь произведеній такого рода, онъ рѣдко повторяетъ и наконецъ совсѣмъ позабываетъ даже и тѣ, которые были созданы имъ въ ту давнюю эпоху, когда онъ еще не былъ «простымъ народомъ». Въ-самомъ-дѣлѣ рѣдко, очень рѣдко можно услышать изъ устъ простаго народа теогоническія, космогоническія и даже эпическія пѣсни; мы не говоримъ: никогда нельзя услышать. Въ тѣхъ народахъ, которые или еще недавно вышли изъ своей первобытной эпохи; или сохранили о ней самое живое воспоминаніе, или въ-слѣдствіе какихъ-нибудь другихъ причинъ, каковы, напримѣръ, стѣснительныя обстоятельства, среди которыхъ народъ опасается утратить свою физіономію, повторяются, но, опять повторимъ, не создаются вновь или тѣ или другіе изъ этихъ родовъ пѣсенъ. Такъ и у западныхъ и у юговосточныхъ Славянъ бандуристы и слѣпцы славятъ героевъ, любимцевъ народа; такъ у насъ, на Руси, можно довольно-часто слышать религіозныя легенды, такъ - называемые *стихи*, въ которыхъ нерѣдко первое мерцанье зари христіанскаго солнца встрѣчается съ тѣнями и призраками языческой ночи. Сдѣлаемъ еще одну оговорку, чтобы совсѣмъ оградить себя отъ возраженій. Въ народѣ возникаютъ и въ позднѣйшія эпохи пѣсни такъ-называемыя историческія, въ которыхъ прославляются событія и лица; онѣ часто запечатлѣны эпическимъ характеромъ; но, не смотря на важность этихъ пѣсенъ для изслѣдователя, должно сознаться, что въ нихъ народная фантазія проявляется съ своей внѣшней формы, что въ нихъ не расточаетъ она богатства своего внутренняго содержанія; онѣ далеко уступаютъ первобытнымъ произведеніямъ и въ яркости колорита и въ широтѣ размѣровъ, и въ этомъ дикомъ величіи, и въ этой типической оригинальности.

Обратимся теперь къ русской народной поэзіи. Въ-самомъ - дѣлѣ, мы говоримъ «русская народная поэзія», толкуемъ и судимъ о характерѣ русскихъ пѣсенъ, а на что могли бы указать мы для подтвержденія этихъ толковъ, куда пошлемъ мы, — Боже мой, — куда пойдемъ мы сами для справокъ? — Кое-гдѣ по степи нашей литературы разкиданы безсвязные отрывки, неразработанные, неочищенные, покрытые слоями пыли, которые набрасывалъ на нихъ каждый вѣкъ въ своемъ движеніи... Что̀ извлечешь изъ нихъ?...

Однакожь не удастся ли какъ-нибудь и по этимъ безсвязнымъ отрывкамъ, безъ всякихъ средствъ и пособій, очертить характеръ русской народной поэзіи?

Прежде, нежели мы войдемъ въ міръ русской фантазіи посмотримъ какъ развилась жизнь Руси, какіе элементы выработались этою жизнію. Иначе мы не поймемъ заунывныхъ звуковъ души русской, не поймемъ богатырскаго разгула ея силъ. — Обернемся назадъ и взглянемъ на пространство пройденное народомъ.

Ужь вотъ почти тысяча лѣтъ, какъ началъ помнить себя народъ русскій. Сколько лѣтъ!... На что же были употреблены они? что же было проявлено жизнію народа въ ихъ теченіи? Очертилъ ли онъ вокругъ себя ту сферу, въ которой суждено ему двигаться, которую долженъ наполнять онъ своею жизнію?..Взглядъ на древнѣйшую русскую исторію пробуждаетъ въ душѣ томительное чувство. Въ-самомъ-дѣлѣ, унылое зрѣлище представляется взорамъ позади нашего исполина. Далеко, далеко тянется степь, далеко, — и наконецъ исчезаетъ въ смутномъ туманѣ... Тамъ, въ той туманной дали чуть замѣтно снуются неопредѣленные, какіе-то безразличные призраки; тамъ такъ безотрадно, такъ пусто, колоритъ такой холодный, такой безжизненный... Какъ скудно наше дѣтство! Не розовыя, полныя упоительной свѣжести воспоминанія остались у насъ по немъ: мы перезабыли, закружившись въ бурномъ вихрѣ событій, всѣ наши младенческія грёзы, и насъ не навѣщаетъ ни съ упрекомъ, ни съ отрадой свѣтлый геній первоначальныхъ дней невинности; намъ такъ холодно становится, у насъ такъ томительно сжимается сердце, когда мы обернемся назадъ и будемъ сквозь туманъ смотрѣть туда, гдѣ наша степь сливается съ небомъ. Но степь тѣмъ замѣтнѣе оживаетъ, чѣмъ ближе къ намъ; въ ней возникаетъ движеніе; она покрывается шумнымъ народомъ; она оглашается громкими, смѣшанными звуками... Но эта жизнь страшнѣе смерти ея движеніе — судорожное трепетаніе агоніи; этотъ народъ неистово крутится въ дикомъ хаосѣ, безъ всякаго сознанія; эти звуки — крики бѣшенства или отчаянія, стукъ мечей, зубримыхъ о родную грудь и шумъ паденія безъ всякаго порядка, совершенно случайно смѣняющихъ одинъ другаго бойцовъ... Гдѣ линія развитія, гдѣ смыслъ и значеніе этихъ явленій, гдѣ необходимость въ ихъ преемствѣ? Все пере-

путано, все перемѣшано... Черная, непроницаемая туча повисла надъ хаотическимъ броженіемъ, все подернулось мракомъ, въ которомъ топетъ наше зрѣніе, потерявшее всякую *опору*... И только на переднихъ планахъ мракъ начинаетъ рѣдѣть, небо проясняться; только на первомъ планѣ вышло наконецъ въ великолѣпномъ блескѣ солнце и ярко озарило... Но вы не смотрите на то, что озарили лучи этого солнца: вы еще полны грустныхъ думъ; вы еще подавлены первымъ впечатлѣніемъ страшной степи...

А между-тѣмъ солнце озарило дивное зрѣлище, озарило дивную монархію, какой еще не видало человѣчество. Откуда, какъ возникла она? Какимъ чудомъ такъ внезапно, такъ неожиданно изъ хаоса и мрака явился этотъ исполинскій организмъ, атлетически-сложенный, раскидавшійся своими мощными членами во всѣ концы міра? Какимъ чудомъ вдругъ, безъ труда и развитія, сочленилось и образовалось это ужасающее своимъ громаднымъ объемомъ цѣлое, проникшее собою съ безпримѣрною силою всѣ свои части, до безконечности разнородныя, и связующее ихъ въ неразрывномъ единствѣ государства, предназначеннаго свыше управлять кормою человѣчества?..

Безъ труда и развитія!.. Вдругъ, внезапно!.. О, нѣтъ! потребенъ былъ тяжкій трудъ, потребно было продолжительное развитіе, развитіе разумное, строго-постепенное, такое, въ которомъ звѣнья сцѣплены необходимостью и ни одного изъ нихъ нельзя выключить, не порвавъ цѣлой цѣпи; потребны были цѣлыя столѣтія и цѣлыя поколѣнія для-того, чтобы могъ выработаться такой исполинскій огранизмъ, такое государство, какова теперь Россія. Такія явленія не родятся вдругъ и случайно; иначе должно поставить случай правителемъ судебъ человѣчества. Но мысль о безсмысленной случайности въ исторіи противорѣчитъ всему образу мыслей нашего времени; такая мысль безбожна. Принять ее, значило бы возвратиться къ болѣзненнымъ временамъ ложнаго въ своей односторонности, побѣжденнаго или, лучше, побѣдившаго самого себя скептицизма.

Въ послѣднее время сдѣлались особенно часты жалобы на безплодіе и хаотизмъ русской исторіи до самого Петра-Великаго. Но мы знаемъ, какъ обыкновенно смотрятъ на нее тѣ, отъ которыхъ можно услышать такія жалобы: они смотрятъ на нее точно такъ, какъ мы смотрѣли на нее сейчасъ, схватывая

отдѣльные моменты, безъ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, и забывая, что нѣтъ ничего въ мірѣ, что̀ бы не условливалось причиной и не порождало изъ себя слѣдствія. Не одна русская исторія,— возьмите все, что̀ вы хотите, исторію какого хотите народа, — всякая представится при такомъ воззрѣніи произвольною игрою случая, пустою фразою. Разрывать такимъ-образомъ моменты исторіи то же самое, что смѣшать въ одну кучу вопросы и отвѣты: ка̀къ вопросъ безъ слѣдующаго на него отвѣта не имѣетъ смысла, такъ и отвѣтъ безъ предъидущаго вопроса является пустымъ наборомъ словъ. Вольно же было разсматривать такимъ отчаяннымъ взоромъ пространство русской исторіи, заблудиться въ хаосѣ явленій, потерять духъ и опуститься въ малодушномъ изнеможеніи! Вольно же было не собраться съ силами, не взглянуть смѣло и мужественно въ лицо необыкновеныхъ явленій, и тѣмъ настойчивѣе не допытываться отъ нихъ смысла, чѣмъ непокорнѣе, чѣмъ молчаливѣе они! Вольно же было такъ подчиниться тягостному впечатлѣнію безотраднаго зрѣлища и потерять всякую надежду на освобожденіе, отвести свои взоры отъ печальнаго мрачнаго хаоса, закрыть ихъ въ раздумьи и потомъ, случайно и внезапно, взглянуть на новое зрѣлище, на свѣтлый, веселый, полный могучей жизни міръ! Кто жь больше виноватъ въ внезапности этого явленія? мы или русская исторія? Всякое стремленіе до-тѣхъ-поръ, пока мы не знаемъ его цѣли, должно казаться намъ безсмысленнымъ.

Но если такъ,—что̀ же было цѣлію стремленія русской исторіи, какимъ же плодомъ увѣнчалось ея развитіе? — Явно, что цѣлію ея стремленія, плодомъ ея развитія должно быть послѣднее явленіе, въ которомъ она выразилась; явно, что всѣ ея явленія получаютъ смыслъ и важность по-мѣрѣ отношенія къ этому послѣднему явленію. И намъ кажется, что все дѣло русской исторіи заключалось въ постепенномъ заготавливаніи матеріаловъ и потомъ въ постепенномъ сооруженіи изъ этихъ матеріаловъ великаго зданія: сначало въ постепенномъ выработываніи частей, потомъ въ постепенномъ организированіи, въ постепенномъ сочетаніи этихъ частей въ одно цѣлое, въ одно исполинское тѣло, въ которое вдунулъ душу живу геній Петра-Великаго, начавшаго собою новый, уже свѣтлый періодъ русской исторіи. Мы сказали «кажется», потому-что мысль наша

имѣетъ теперь еще только видъ гипотезы, которую намъ должно подтвердить опытомъ. Постараемся же теперь найти осуществленіе нашего предположенія въ фактахъ и превратить его въ положеніе.

Первыя, сколько-нибудь-подробныя свѣденія о нашемъ народѣ дошли до насъ въ скудныхъ и сухихъ сказаніяхъ. Мы оставимъ на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о достовѣрности несторовой лѣтописи; мы не будемъ касаться его, потому-что теперь мы можемъ вѣрить и не вѣрить этой пестрой смѣси были съ небылицами: для нашей цѣли намъ нѣтъ никакой нужды въ подробностяхъ, составляющихъ ея содержаніе. Для насъ важно только то, что плодомъ этого полубаснословнаго періода была такъ-называемая наша удѣльная система. Этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому-что онъ проходитъ черезъ весь періодъ русской исторіи, названный Шлёцеромъ Russia divisa, и входитъ своими слѣдствіями въ послѣдующіе. Вотъ тотъ хаосъ, который поразилъ насъ при первомъ взглядѣ. Вглядимся въ него хорошенько и поищемъ въ немъ нашей гипотезы.

Едва возникло въ народѣ нѣчто похожее на цѣльный составъ, на государство, какъ вдругъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ этого цѣлаго, появилась и быстро начала укореняться и распространяться удѣльная система. Не будь этого *добровольнаго* распаденія на части, и тогда бы добытое мечемъ и на живую нитку скрѣпленное владѣніе невольно бы должно было распасться на тѣ элементы, которые были насильственно сведены въ немъ и которые, разъ разъединившись, никогда бы ужь не соединились, потому-что ихъ всегда бы разводило взаимное стремленіе къ отчужденію. Русь сосредоточилась бы въ стѣнахъ какого-нибудь городка, въ предѣлахъ какого-нибудь стоверстнаго владѣнія, и судьба ея была бы совершенно иная. Самое миѳическое прибытіе трехъ братьевъ къ Славянамъ показываетъ уже, что Русь не могла основаться иначе, какъ на удѣльной системѣ. Различные коренные элементы, изъ которыхъ послѣ организировалось государственное тѣло Россіи, въ мгновенномъ соединеніи ознакомились другъ съ другомъ, вглядѣлись другъ другу въ лицо, чтобы послѣ узнать другъ друга, и разошлись, не утративъ однако чувства своего единства, заключавшагося для нихъ въ общемъ центрѣ. Какъ ни дробились, какъ далеко ни находились они,

этотъ общій центръ никогда совершенно не терялъ своей притягательной силы. Великое княжество, или непосредственно, какъ высшая сила, или косвенно, какъ цѣль стремленій, какъ игрушка честолюбія удѣльныхъ князей, было этимъ центромъ. Оно было съ-начала на югѣ, а потомъ, когда югъ ослабѣлъ, когда удѣльные князья, гоня одинъ другаго, разселялись и раскидывали свои городки все дальше и дальше, все глубже на сѣверъ, за ними двинулся и центръ ихъ къ сѣверу... Въ-самомъ-дѣлѣ, страшный хаосъ! Все назначеніе силъ Руси въ-продолженіе этого смутнаго періода по-видимому состояло только въ томъ, чтобы безъ всякой опредѣленной цѣли взаимно гнать другъ друга и разбѣгаться по пространству, *чѣмъ дальше, тѣмъ лучше;* все назначеніе народа заключалось въ ужасной необходимости разрывать себя на части и разбрасывать свои члены во всѣ стороны, *чѣмъ дальше, тѣмъ лучше*. Поймите, что въ этомъ заключалось тогда все его назначеніе, что въ народѣ не было никакого сознанія пользы и цѣли этихъ ужасныхъ страданій, что онъ былъ весь поглощенъ болью своего терзаемаго организма, что у него мутилось сознаніе отъ этой боли... Если намъ было страшно смотрѣть на это зрѣлище, то каково жь было народу представлять его!.. Но теперь мы смѣло можемъ взирать на прежній хаосъ, потому-что мы не боимся потеряться въ немъ, потому-что мы видимъ въ немъ броженія элементовъ, которое должно было съ теченіемъ времени установиться и образовать стройный организмъ. Въ явленіи, смущавшемъ насъ прежде своимъ безсмысліемъ, найденъ теперь смыслъ, и мы теперь должны не смущаться имъ, а напротивъ благословлять его.

Когда же наконецъ народъ свершилъ по этому направленію все нужное, когда онъ занялъ огромную часть того пространства, которое зовется теперь Европейскою Россіею, когда клубъ силъ народа размотался до истощенія, тогда это *разбѣжное* движеніе должно было прекратиться и смѣниться новымъ направленіемъ... Еще одинъ шагъ—и народъ достигъ бы до послѣдней крайности, и это эксцентрическое движеніе погубило бы Русь—по вѣчному закону: les extrêmes se touchent—тою же самою гибелью, отъ которой должно было спасти ее. Разбросанные члены народа разъединились бы на вѣки; каждый изъ нихъ сосредоточился бы самъ въ себѣ и сталъ бы жить своею собственною жизнію, подобно частямъ разсѣчен-

наго полипа; кровь, въ которой они тонули и которая безпрерывно точилась изъ нихъ, изсохла бы, и еслибъ после какой-нибудь случай снова связалъ ихъ въ одно цѣлое, то ихъ сплавила бы не родная кровь: ихъ связалъ бы чуждый цементъ, и это цѣлое не было бы выраженіемъ сущности русскаго народа, не было бы Русью. Нѣтъ, разорванныя части должны были рости, и сростаться, и скрѣпиться въ цѣльный организмъ артеріями и венами; еще неостывшая кровь должна была разлиться по этимъ артеріямъ и венамъ, и обращаться въ нихъ, то приливая къ сердцу, то отливая отъ сердца. Но гдѣ жь крылось это сердце, изъ котораго долженъ былъ возсоздаться организмъ Руси? Русь начала органически жить, когда ощутила въ себѣ сердце. Нужно было для-того, чтобы дать новое направленіе русскому народу, вмѣшательство посторонней силы, потому-что собственныя силы всѣ истощились. Эта сила, по свойству своему, должна была дѣйствовать на Русь извнѣ и никакъ не касаться до ея внутренности, не вносить въ нее новаго, чуждаго элемента, чтобы Русь не перестала быть Русью. Мало того, что мы почитаемъ историческою, совершенно-разумною необходимостію вторженіе Монголовъ, мы видимъ осуществленіе высшей воли даже и въ томъ, что именно Монголы, а не другой какой-нибудь народъ сдѣлалъ это вторженіе. Только бродячій, кочевой народъ, только Монголы могли произвести тѣ слѣдствія, которыя условили характеръ дальнѣйшаго развитія Руси. Они всей массой своей нахлынули на нее, сдержали разбѣгъ ея силъ, назвали ее своею собственностію и чрезъ это самое оградили ее со всѣхъ сторонъ грозною стѣною своего могущества, которая обозначила ее предѣлы и сосредоточила ее, и чрезъ которую не дерзалъ и не могъ—по-крайней-мѣрѣ сначала, когда народъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи—перебраться ни одинъ изъ враждебныхъ сосѣдей.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая нужда была этимъ бродячимъ варварамъ до внутренняго состоянія и жизни покореннаго народа? Они не коснулись ни одного элемента его души, не потревожили ни одной основы его существа: они оставили въ немъ все такъ, какъ было. Деньги были нужны имъ, неукоснительная плата налоговъ,—и бичь ихъ съ тяжкою силою опускался на больной, растерзанный организмъ народа. Въ развитіи Руси произошелъ переворотъ, измѣнилось направленіе; но муки народа

нисколько не облегчились: онѣ приняли только другой характеръ, потому-что измѣнилась причина ихъ; онъ все еще продолжалъ выкупать своими страданіями будущую славу Россіи. Но мы и на это зрѣлище, и на мрачную тучу власти монгольской смотримъ теперь спокойно и смѣло, потому-что мы видимъ въ ней необходимый фазисъ развитія, одну изъ главныхъ причинъ настоящей славы Россіи. — Отъ монгольскаго ига встрепенулось и обнаружилось сердце Руси, боль отозвалась въ немъ, и кровь вдругъ, сначала неровно и бурно, хлынула къ нему. Это сердце, дотолѣ таинственно крывшееся, это сердце— Москва. Магнетическая сила сердца волею или неволею начала привлекать къ себѣ, или лучше, совокуплять въ организмъ растерзанные члены. Все больше и больше, все могущественнѣе и ровнѣе текла по возникшимъ и ежечасно-укрѣплявшимся жиламъ кровь къ средоточію своего обращенія, перерабатывалась въ немъ въ жизненную теплоту, которая, въ свою очередь, все съ большею силою струилась къ периферіи и оживляла охладѣвшіе члены. Періодъ монгольскаго ига справедливо называется періодомъ усиленія Москвы. И чѣмъ больше усиливалась Москва, тѣмъ все больше и больше ржавили монгольскія цѣпи, — онѣ наконецъ перержавѣли и спали сами собою. Іоанну III не стòяло никакого усилія освободиться отъ ига: онъ сбросилъ его съ себя, какъ сбрасываютъ ветхую и ужь ненужную одежду.

Съ Іоанна III на Руси начался разсвѣтъ. Тутъ ужь не нужно такъ пристально всматриваться въ явленія, чтобы открыть въ нихъ смыслъ и движеніе: мракъ разсѣялся и прогрессъ развитія явственно обнаружился. Нужно ли говорить о томъ, какое великое значеніе имѣетъ въ русской исторіи Іоаннъ Грозный; какъ необходима была въ ней власть этого могучаго истребителя всего, чтò еще оставалось отъ предшествовавшаго періода,—этого царя-исполина, такъ мощно скрѣпившаго желѣзными руками только-что-сочленившійся организмъ, и въ лицѣ бояръ нещадно поражавшаго отжившихъ свое время удѣльныхъ владѣльцевъ? Нужно ли говорить о томъ, какъ благотворна была для юнаго организма послѣдняя страшная буря разразившаяся надъ цѣлою Россіею, буря самозванства, довершившая своимъ потрясеніемъ организацію частей, пробудивъ въ народѣ такое энергическое чувство единокровности?...

И вотъ на огромномъ пространствѣ лежитъ распростерто колоссальное тѣло недвижимо, еще покрытое запекшейся кровью столькихъ павшихъ за него въ жертву поколѣній, и ждетъ гласа Божія, чтобы воздвигнуться и воспрянуть на подвигъ жизни... И гласъ Божій провѣщалъ къ нему устами величайшаго въ человѣчествѣ мужа ... Когда тѣло было готово и достойно пріять въ себя душу, провидѣніе воззвало Петра,—и онъ вдунулъ въ лицо мертвому духъ всемірной жизни, и распахнулъ врата Европы, и свѣжій воздухъ проникъ исполина; могучія силы заиграли въ немъ, и онъ поднялся въ громадномъ величіи...

Кто же послѣ этого скажетъ, что жизнь русскаго народа была безплодна? Кто будетъ жаловаться, что онъ во все время своего продолжительнаго существованія ничего не совершилъ, ничего не породилъ? Но развѣ легко было выработать этотъ организмъ, передъ которымъ мы остановились теперь въ благоговѣйномъ изумленіи? Развѣ ничего не значило породить эту неодолимо-мощную и внутри и внѣ, эту необъятную монархію? Развѣ эта монархія не свидѣтельствуетъ о дивной силѣ народа, ее создавшаго? Какое государство, укажите, можетъ сравниться съ нею по объему и могуществу, и по изумительной силѣ ассимилированія? Не Римъ ли, это отвлеченное, мертвое единство частей, незнавшихъ и нехотѣвшихъ знать другъ друга? Но и самый Римъ — развѣ не дорогою цѣною купилъ онъ всемірное владычество, развѣ не вся жизнь его была приготовленіемъ къ этому владычеству? развѣ страницы его исторіи не также мрачны? И какая безконечная разница: Римъ, который въ продолженіе всего своего развитія готовился къ смерти, Римъ, который, достигнувъ апогея, началъ жить, — и Русь, которая безпрерывною борьбою съ смертію достигла торжественной великой жизни, Русь, которая начала тогда жить всею полнотою свѣжихъ силъ, когда стала на вершину необоримаго могущества!..

Мы не будемъ теперь просить у читателей извиненія за отступленіе. Это отступленіе было для насъ необходимо; безъ него мы потерялись бы въ нашемъ предметѣ. Мы многое теперь пояснили для себя: мы открыли смыслъ жизни русской, мы пріобрѣли теперь тактъ для всѣхъ проявленій русскаго духа, мы нашли для нихъ критеріумъ. Мы теперь смѣло можемъ приступить къ изученію характера и свойствъ русскаго духа. Гдѣ жь

какъ не въ самой свѣтлой и прозрачной его формѣ, въ той формѣ, въ которой онъ предстанетъ намъ лицомъ-къ-лицу, гдѣ жь, какъ не въ поэзіи, будемъ мы изучать его?..

Мы уже видѣли въ первой половинѣ нашей статьи, какое великое значеніе имѣетъ теоретическая дѣятельность народа вообще и его поэзія въ-частности. Мы прямо войдемъ теперь во внутреннюю, въ таинственную храмину русскаго духа, гдѣ собирается онъ изъ безчисленныхъ явленій, на которыя разсыпалось его существо въ эмпирической жизни, гдѣ онъ сосредоточивается, снимаетъ съ себя личину и показываетъ себя въ своемъ дѣйствительнѣйшемъ видѣ.

Но черезъ какія же двери войдемъ мы въ эту храмину? съ чего же должны начать мы? Мы и здѣсь поступимъ точно такъ же, какъ поступили при разсматриваніи русской исторіи: найдемъ сначала общее опредѣленіе сознанія русскаго духа въ поэзіи, и потомъ какъ гипотезу будемъ искать его въ различныхъ частныхъ явленіяхъ русской поэзіи: отъищемъ прежде смыслъ, а потомъ убѣдимся въ истинѣ этого смысла, открывъ его въ дѣйствительномъ существованіи, въ фактахъ.

Куда ни оглянемся мы въ области внутренней русской жизни, вездѣ встрѣтимъ мы поразительную неопредѣленность, отсутствіе всякихъ прочныхъ формъ. Произнося эти слова, мы имѣемъ въ виду не настоящую, не теперешнюю русскую жизнь, не жизнь органическаго существа, одушевленнаго всемірно-историческимъ духомъ, называемаго Россіею; мы разумѣемъ ту первоначальную, еще хаотическую жизнь, которая находитъ единственное, полное сознаніе самой себя въ символическихъ образахъ, тотъ періодъ ея, въ которомъ, какъ было показано нами выше, преимущественно процвѣтаетъ естественная поэзія. Не было почти ни одной точки во всемъ просторѣ этой жизни, на которой можно бы было остановиться и опереться твердою ногою; не было ни одного уголка, въ которомъ бы потребность сомкнулась съ удовлетвореніемъ, стремленіе съ достиженіемъ, не было ни одного мѣстечка, похожаго на зеленый оазизъ съ пальмою, подъ которою бы можно было отдохнуть и сложить странническую суму и посохъ,—съ источникомъ, изъ котораго бы струилась прохлада и освѣженіе на усталые члены... Да, во внутренней жизни русскаго человѣка не было того, что̀ такъ превосходно выражается нѣмецкимъ словомъ Behaglichkeit, этого спокой-

наго, тихаго существованія, примиреннаго съ дѣйствительностію, глубоко-вросшаго въ нее своими корнями, безопаснаго отъ порывовъ вихря, неуносимаго изъ предѣловъ своего круга неопредѣленными стремленіями въ туманную, безвѣстную даль, нетомимаго тоскою, нетерзаемаго муками раздвоенія, обрѣтшаго въ самомъ-себѣ цѣлый міръ отрадъ и невозмутимыхъ наслажденій; этого состоянія души, которое и мы можемъ приблизительно выразить нашимъ словомъ — *довольство*. Въ субъективной жизни русской души (пусть читатели не забываютъ нашей оговорки, сдѣланной нами нѣсколько строкъ назадъ), вы встрѣтите или пасмурное ненастье, осеннюю погоду ея роднаго климата, или бѣлую, зимнюю даль, нескончаемо и пусто разметавшуюся во всѣ стороны, или безпощадные порывы бурана, жгучій холодъ морозовъ сѣвера, свистъ и завываніе бурнаго вихря, который стремится куда-то далеко, далеко, Богъ-знаетъ-куда, Богъ-знаетъ-за-чѣмъ, которому душно и тѣсно средь *этихъ* предѣловъ, на *этомъ* пространствѣ..

Главныя струны русской души—какое-то горькое, тоскливое чувство неопредѣленности и какое-то безотчетное недовольство. Какіе бы звуки ни полились изъ ея нѣдръ, всегда уже сквозь ихъ прокрадется унылая мелодія этихъ струнъ; всегда andante и adagio одержитъ верхъ надъ alegretto.

Не удивляйтесь этому, а лучше вспомните исторію народа, о которой мы сейчасъ только говорили. Вспомните, какъ онъ страдалъ, какими жертвами искупалъ онъ каждый шагъ развитія, отъ котораго ничего не получалъ въ награду, которое ни минуты не давало отдохнуть и перевести дыханіе и безпрерывно росло для будущаго плода, не давая знать ни малѣйшимъ намекомъ о томъ, что̀ должно увѣнчать его; вспомните, какою дѣйствительностію была всегда окружена изнывавшая подъ тяжестію страданья душа русская; подумайте, могла ли ея исполинская сущность, которая естественно должна была имѣть и требованія исполинскія,—довольствоваться этою дѣйствительностію безотрадною, мрачною; могла ли она найдти себѣ *опредѣленіе* въ этихъ неопредѣленныхъ формахъ, въ которыхъ не было ни тѣни прочности, которыя бурно стремились, какъ волны въ потокѣ, то поднимаясь, то падая, то на мигъ обновляясь, то снова и навсегда растекаясь въ безразличіе? Исторія объясняетъ намъ, почему тѣ струны русской души, о

которыхъ мы сейчасъ говорили, всегда были настроены въ ея глубинѣ и всегда заглушали звуки другихъ струнъ; исторія же объяснитъ намъ еще новый элементъ ея жизни, имѣющій тѣсное сродство съ первыми.

Загнанная внутрь самой-себя горькою, злою дѣйствительностію, вся сосредоточенная въ безнадежномъ чувствѣ унынія, русская душа вдругъ приходила въ судорожное потрясеніе, разрывала поглощавшее ее чувство, выбивалась изъ самой себя, съ неодолимою силою разбѣгалась во всѣ стороны, низвергая и уничтожая все встрѣчное, разливалась и терялась въ безконечности пустаго пространства. Ничто не было сильно удержать этотъ могучій разливъ. Тутъ уже все исчезало, все молкло: струны разрывались и послѣдніе заунывные стоны ихъ обнимались шумомъ разлива, быстро подхватывались и быстро разносились вихремъ внезапнаго стремленія, и наконецъ умирали въ трепетныхъ отголоскахъ... Всѣ преграды низвергнуты—ничего нѣтъ, ничего не видать, ничего не слыхать, только высота поднебесная, да глубина моря-окіяна.

Съ чѣмъ сравнить этотъ разливъ русской души?...Нѣтъ, это не самунъ африканскій, который крутится и вьется жгучимъ столбомъ и вздымаетъ на воздухъ песчаную степь; это не огненное пламя, въ страшномъ ожесточеніи пожирающее все на пути, злобно пожирающее самого-себя, оставляя на память черныя груды пепла; это не Бедуинъ на кипучемъ скакунѣ, Бедуинъ, который, задыхаясь, несется туда, къ тому небосклону, все дальше и дальше бѣгущему отъ него; это не разрушительная фантазія восточнаго юга, которая или съ дикою прихотливостію кружитъ въ какомъ-то вихрѣ всѣ предметы, играетъ съ ними и сбрасываетъ ихъ въ чудный хаосъ, или съ мрачнымъ отчаяніемъ искажаетъ все естественное, умерщвляетъ все живое и, наконецъ, на грудахъ развалинъ, бичуетъ самую-себя и празднуетъ торжество смерти; это не фантазія Скандинава въ неистовомъ бѣшенствѣ пьяная кровью, жадно терзающая на части и боговъ, и людей, и животныхъ, и, обезумленная круженьемъ, расторгающая связи вселенной, сжигающая чернымъ пламенемъ священный игдразилъ и вмѣстѣ съ обломками міра низвергающаяся въ первобытную ночь первобытнаго хаоса; это не унылая муза Каледоніи, задумчиво совлекающая съ предметовъ ихъ пестрые покровы, свѣвающая зелень съ

деревьевъ и краски съ цвѣтовъ, лишающая предметы ихъ опредѣленной физіономіи и распускающая все въ мечтательный туманъ, въ которомъ мелькаютъ слабѣя и исчезая чуть-замѣтные очерки...Нѣтъ, все это не то, что̀ разливъ души русской. Можетъ-быть, море, когда, спертое плотинами и докучными берегами, взволнуется вдругъ и расходится, и мгновенно низвергнетъ плотины, зальетъ берега и потомъ съ одинаковою силою, равнодушное ко встрѣчнымъ предметамъ, быстро потечетъ все дальше и дальше, пока не затопитъ всего пространства, и не сольется съ краями неба, и не превратитъ всего, что̀ было, лишь въ одну высоту поднебесную и свою глуботу, можетъ быть, оно даетъ какое - нибудь приблизительное представленіе. . . Душа русская не хочетъ смерти предметовъ, она не искажаетъ и не убиваетъ живаго: ей только нужно было оторваться отъ-того, что̀ окружало ее, оторваться отъ самой-себя; ей нужно было заглушить боль страданія, забыть все и забыться; она не останавливалась въ своемъ разливѣ, чтобы не опомниться.

Въ чемъ же хотѣла забыться она?.. Стремленіе забыться сродно человѣческой натурѣ. Этимъ стремленіемъ человѣкъ высвобождается изъ тѣсныхъ предѣловъ своего особнаго *я*, изъ нѣмаго, чисто-единичнаго существованія, и погружается во что-нибудь общее, разумное, духовное, или, что̀ все то же, наполняется чѣмъ-нибудь общимъ и разумнымъ. Погрузить себя въ предметъ, значитъ потерять себя, забыть себя въ немъ, жить только для него, не имѣть ни одного побужденія, ни одной потребности, ни одного стремленія внѣ его; но эта утрата своей личности, это самозабвеніе было бы неполно, одностороние и, доведенное до крайности, унизило бы человѣка, еслибъ оно не было блаженнымъ удовлетвореніемъ этого же самаго *я*, еслибъ *я*, теряя себя въ другомъ *я*, или вообще въ предметѣ, не находило себя снова въ немъ, не видѣло себя въ прекрасномъ, просвѣтленномъ отраженіи. Простое одностороннее пожертвованіе собою есть не больше, какъ подчиненіе, часто невольное, долгу; доведенное же до крайности, это забвеніе собственной личности переходитъ въ рабство, и только полное погруженіе въ предметъ и наполненіе себя имъ, когда вмѣстѣ съ самоотреченіемъ таинственно и неразрывно сопряжено блаженство и вторичное обрѣтеніе отрекшагося отъ себя *я*, — есть то, что̀ зовется любовью, все равно, въ какомъ бы смыслѣ и въ какомъ

бы отношеніи мы ни захотѣли принять это слово. Въ предметѣ нашей любви мы находимъ опредѣленіе своей сущности; мы посвящаемъ ему всѣ наши силы и живемъ только въ очарованной сферѣ, которою очерчено его, а слѣдовательно, и наше существованіе. Все, что насъ успокоиваетъ, радуетъ, счастливитъ, все это находимъ мы въ немъ, въ нашемъ опредѣленіи. — Въ чемъ же искала забыться душа русская? . : Мы знаемъ, что въ бурной, окружавшей ее дѣйствительности она не могла найдти себѣ опредѣленія: не было ни одного предмета, ни одной жизненной формы, которой бы она могла съ любовью посвящать свои силы; но мы знаемъ также, что для ней провидѣніе готовило впереди безпримѣрную участь, колоссальное опредѣленіе, дѣйствительность могучую, полную прозрачныхъ, крѣпкихъ формъ свѣтлой жизни, или по-крайней-мѣрѣ свѣжихъ сѣменъ, изъ которыхъ сильно и могущественно должны развиться эти формы. Настоящее русской души было мрачно и уныло, за-то впереди ждала ее будущность, въ которой суждено было ей найдти осуществленными всѣ элементы и требованія ея натуры. Но было ли отъ этого ей легче? Не скрывалась ли эта будущность въ неизслѣдимой дали, заслоненная непроницаемымъ туманомъ? Могла ли она стремиться къ ней, погружаться въ нее, забывать и снова находить себя въ невѣдомой дѣйствительности? Могла ли она даже предчувствовать эту дѣйствительность, чтобы по-крайней-мѣрѣ забыться въ предчувствіи? Могла, и не только могла, должна была предчувствовать. Это предчувствіе, однакожь, не проходило черезъ всю ея жизнь, не жило въ ней постоянно, не проникало собою ея сознанія;—постараемся выразиться точнѣе: это предчувствіе не обращалось на самого-себя (не рефлектировало), не было для самого-себя прозрачно и ясно, не сознавало себя, и потому являлось въ душѣ не въ своей собственной формѣ, не какъ предчувствіе, не какъ провидѣніе сквозь туманъ будущаго, ожиданіе чего-то, знающее само, что оно есть именно это провидѣніе, это ожиданіе. Когда вы говорите: «я предчувствую несчастіе», вы рефлектируете на себя, вы, предчувствуя, знаете это, сознаёте, что въ вашей душѣ возникло именно это тайное ожиданіе чего-то впереди. Но случалось ли вамъ иногда останавливаться передъ какимъ-нибудь новымъ событіемъ въ вашей жизни въ раздумьи и удивленіи, узнавая въ немъ что-то какъ-будто уже знакомое

вамъ, какъ-будто уже испытанное вами? случалось ли вамъ, когда пахнётъ на васъ воздухъ новой открывающейся передъ вами жизни, припомнить внезапно и невольно, что когда-то именно этотъ воздухъ вѣялъ на васъ, что именно эти образы и именно такъ окружали васъ, что вы сами когда-то также стояли, также смотрѣли и то же чувствовали? Если случалось, то вамъ понятно будетъ, когда мы скажемъ, что въ душу прокрадывается иногда, невѣдомо и незамѣтно для насъ, таинственный инстинктъ, который, ничего не говоря намъ, тихо нарѣзываетъ въ сокровенномъ уголкѣ незримыми чертами картину того, что съ нами свершится въ будущемъ; и когда, наконецъ, мы приблизимся къ той минутѣ, въ которую должно осуществиться предначертанное, когда коснется до насъ вѣяніе заключенной въ ней жизни, вдругъ проясняется темный уголокъ и оживаютъ черты, означенныя въ немъ, и тогда внутри насъ совершается подъ формою прошедшаго то же, что происходитъ *теперь* дѣйствительно передъ нашими глазами. Такое безсознательное предчувствіе всего лучше назвать инстинктомъ, какъ мы уже назвали, придавая только этому слову человѣческое значеніе. Поселяясь во внутренность нашей души, онъ управляетъ многими нашими дѣйствіями и направляетъ ихъ сообразно съ нѣмыми потребностями ея настоящаго состоянія и съ дѣйствительностію будущаго.

Въ народахъ, находящихся, какъ говорятъ Нѣмцы, im Werden, въ томъ состояніи развитія, когда они только становятся тѣмъ, чѣмъ будутъ со-временемъ дѣйствительно, живетъ всегда инстинктивное сознаніе того, что сокрыто въ тайникахъ ихъ существа, того, что нужно имъ, предчувствіе будущей дѣйствительности, въ которой найдутъ они свое опредѣленіе. Ихъ будущее назначеніе является въ нихъ какимъ-то смутнымъ идеаломъ, въ которомъ основа совпадаетъ съ основой дѣйствительности, еще ненаставшей, и съ тѣмъ, слѣдовательно, чего требуетъ отъ нихъ настоящее ихъ назначеніе. Въ этомъ-то идеалѣ, въ этомъ инстинктѣ своего назначенія народъ ищетъ забываться, если вокругъ него неготово ни съ какой стороны настоящее. Мы нашли отвѣтъ на заданный вопросъ: русская душа, оторвавшись отъ настоящаго, искала забыть себя въ инстинктѣ своего назначенія. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что ожидало ее впереди,— иначе она бы не страдала и примирилась бы съ

своею дѣйствительностію,—она однакожь въ тѣ минуты, когда вырывалась изъ тяжкихъ цѣпей настоящаго, тѣшила себя широкимъ раздольемъ, которое *теперь* выработывала своею жизнію и въ которомъ *нѣкогда* найдетъ себѣ опредѣленіе. Она безсознательно, инстинктивно чувствовала, что должно наступить время, когда всѣ стѣснительныя условія и отношенія, мучившія ее и загонявшія ее внутрь самой-себя, разорвутся и исчезнутъ, когда тѣснота, въ которой ей было невыносимо-душно, раздастся и разбѣжится, какъ кругъ на водѣ. Отъ-того-то ничто и не могло удержать ее, когда она расхаживалась, отъ-того-то и затопляла она все безразлично своимъ могучимъ разливомъ, и успокоивалась только тогда, когда, на безконечномъ пространствѣ, ни на-право ни на-лѣво не встрѣчалось ничего ея взорамъ. Не будучи въ-силахъ наполнить необъятнаго пространства, потому-что наполнить его могла только творческая сила развитія, она всѣми силами бросалась въ бездонную пустоту и тонула въ ней; не будучи въ-силахъ представить себѣ *содержанія* исполинскаго могущества, которое въ-послѣдствіи долженъ былъ наполнить ея духъ, она вся предавалась ощущенію отвлеченнаго, чисто-формальнаго могущества и упивалась имъ, не переводя дыханія. Вотъ значеніе того, что̀ мы обыкновенно зовемъ *разгуломъ* русской души, которая тѣшится своими силами, разрывая ими мелочные путы тѣснаго быта, и не направляя ихъ ни на что̀, разливается въ нихъ *чѣмъ дальше, тѣмъ лучше*. И среди разгула своихъ силъ, душа не хочетъ опомниться; ей страшно очнуться и снова сжаться въ тѣсную колею ежедневности; ей такъ привольно нѣжиться на упругихъ волнахъ своего глубокаго раздолья и топить взоръ въ безпреградной дали; ей такъ отрадно вдыхать въ себя освѣжительную струю свободнаго воздуха;—тутъ только она успокоивается, тутъ только отпускаетъ ее злая кручина, тутъ только утихаетъ боль ея ранъ и исцѣляется мгновенно и на мгновеніе лихой недугъ; за-то она такъ и любитъ свое привольное раздолье... Въ эти праздничныя минуты русскій человѣкъ является передъ вами на-распашку, совершенно-открытымъ, въ прозрачной ясности; вы можете тогда довѣрчиво смотрѣть на него: въ душѣ его тогда нѣтъ ничего затаеннаго, упорно убѣгающаго отъ взоровъ. Ловите эти минуты, если хотите близкаго и искренняго знакомства съ нимъ; иначе онъ васъ обманетъ: во всѣ другія минуты своей жизни онъ замаскированъ...

Но это благородное стремленіе освободиться отъ мелочныхъ условій и душной тѣсноты ежедневнаго быта, это могучее играніе исполинскими силами, это сладострастное ощущеніе безграничнаго могущества, въ которомъ баюкаетъ и тѣшитъ себя душа, это отреченіе отъ своей личности, безсильной, скорбной, для-того, чтобъ обрѣсти ее снова въ полнотѣ могущества и силы, въ полнотѣ здоровья, свѣжей жизни, не знающей себѣ преграды, привольно разливающейся по божьему міру, не должно быть смѣшиваемо съ дикимъ ожесточеніемъ, — буйно отрицающимъ всякое опредѣленіе, не потому-что это опредѣленіе ложно и стѣснительно, а потому-что оно опредѣленіе, — съ безумствомъ, съ опьянѣніемъ души, разрушающей все для-того только, чтобы разрушить, забывающей себя для-того только, чтобы забыть, — съ трусостью души, которая, изнемогая въ борьбѣ съ непогодами и бурями дѣйствительности, упивается опіумомъ для-того, чтобы погрузиться въ полумертвое оцѣпененіе. Это духовное опьяненіе есть отрицательная сторона русскаго разгула, одностороннее и неповершившее себя, и потому ложное и недостойное отреченіе отъ своей личности, или, лучше сказать, отреченіе отъ человѣческой личности и униженіе до безличности животнаго. Его грѣхъ смѣшивать съ великодушнымъ ощущеніемъ полноты силъ, замѣчаемымъ въ русскомъ разгулѣ: первое есть жалкое рабство духа, второе — прелюдія любви и высшей духовной свободы.

Вотъ коренныя, отличительныя особенности русской души; мы можемъ легко усмотрѣть ихъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Всѣ прочія свойства ея характера болѣе или менѣе непосредственно условливаются ими. Проведемъ ихъ теперь сквозь призму поэзіи и посмотримъ на радужное играніе и переливы цвѣтовъ, на которые они раздробятся.

Все то, что мы говорили о народной поэзіи вообще, должно быть отнесено и къ русской поэзіи. Въ ней, такъ же, какъ и вездѣ, выражается борьба возникающаго сознанія съ темными и чуждыми еще для него явленіями природы, стремленіе и усиліе духа достигнуть свѣта и свободы. Но мы имѣемъ мало, или, лучше сказать, почти-вовсе не имѣемъ памятниковъ первоначальной эпохи этой борьбы и стремленія; наша поэзія не восходитъ дальше христіанской эры нашей исторіи; нашъ паганизмъ теряется въ непроницаемомъ мракѣ... Можетъ-быть,

нѣсколько слѣдовъ, нѣсколько отрывковъ, неимѣющихъ между собою никакой связи, преимущественно космогоническаго содержанія и уцѣлѣли намъ на память; но изъ всего этого трудно и едва-ли возможно вывесть что-нибудь положительное. Время ли истребило ихъ, или онѣ гдѣ-нибудь невѣдомо и сокровенно покоятся, благодаря нашей небрежности, или, наконецъ, ихъ вовсе не было, и если были, то въ самомъ незначительномъ количествѣ... Какъ отвѣчать на это? Намъ кажется, и то, и другое, и третье. Время очень-естественно не имѣло никакой причины быть учтивѣе съ памятниками нашей поэзіи, нежели со всѣмъ остальнымъ; неменѣе естественно также и то, что наша небрежность даетъ тѣмъ, которые уцѣлѣли, спокойно заростать мохомъ. Но какъ доказать намъ возможность, если не необходимость третьяго предположенія?

Наше язычество не могло быть слишкомъ богато и сильно. Вспомните преданіе о принятіи нашимъ народомъ христіанской вѣры; вспомните, какъ легко было Владиміру побудить народъ къ отреченію отъ идоловъ. Это доказываетъ, что корни язычества неглубоко входили въ душу нашихъ предковъ, и что, слѣдовательно, оно не было могучимъ древомъ, приносившимъ множество живыхъ плодовъ, что русскій народъ не отъ безсилія своего религіознаго органа измѣнилъ такъ скоро и такъ легко свои вѣрованія,—въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, видя передъ глазами, до какихъ крайностей можетъ доходить религіозный фанатизмъ нашего народа. Вспомните о расколахъ.

Мы уже разъ коснулись въ нашей статьѣ до происхожденія славянскаго племени. Не будемъ входить въ подробности и остановимся на достовѣрномъ результатѣ многихъ ученыхъ изслѣдованій по этому предмету, что славянское племя вышло изъ Индіи. Время пришествія его въ Европу невозможно опредѣлить, да намъ теперь и не нужно этого. Дѣло въ томъ, что, во время продолжительнаго пути своего, наши предки много должны были растратить изъ захваченнаго ими запаса и разронять на дорогѣ религіозные миѳы. Скудная природа тѣхъ странъ, гдѣ они пріютились на вѣчное житье, лишила теплоты и аромата и то, что они смогли донести съ собою. Поселившись на дикихъ, печальныхъ равнинахъ, покрытыхъ болотами и дебрями, они должны были направить всѣ силы на внѣшнее существованіе; ихъ вѣрованія, исторгнутыя изъ сильной, рос-

кошной почвы, перенесенныя изъ-подъ жаркаго сапфирнаго неба, изъ атмосферы, полной отравляющей нѣги, на почву тощую, болотистую, подъ сѣрое, слезливое небо, въ мерзлую атмосферу, поблекли отъ холоднаго вѣтра сѣверной вьюги: облетѣли ихъ листочки; цѣпенящіе морозы сжали ихъ растительность. Народъ бросалъ ихъ одно за другимъ — вѣра слабѣла все больше и больше, и наконецъ должна была превратиться въ совершенное равнодушіе къ тому, предъ чѣмъ народъ прежде трепетно благоговѣлъ и отъ чего остались *теперь* только смутныя воспоминанія. Мѣсто прежнихъ божествъ, сіявшихъ всею роскошью, всѣмъ очарованіемъ, всею яркостью цвѣтовъ пламенной фантазіи, заступили грубые, жалкіе фетиши. Народъ кое-какъ довольствовался фетишизмомъ, кое-какъ перебивался блѣдными, мертвыми представленіями, и безъ всякаго сожалѣнія смотрѣлъ послѣ на низверженіе своихъ безобразныхъ идоловъ.

Народъ однакожъ сохранилъ, какъ мы уже и сказали, смутныя воспоминанія. Его далекая прародина, полная чудесъ, мелькала передъ нимъ въ очарованной дымкѣ тумана. Но сквозь этотъ туманъ не проникали въ его собственную жизнь лучи ея блаженнаго солнца; она наконецъ потеряла для него самую форму воспоминанія и превратилась въ несбыточный призракъ. Чудеса ея, утративъ свою жизненную силу, не волновали его души, не кипятили крови, не раздражали воображенія; народъ, въ которомъ борьба съ скупою природою рано развила разсудокъ и сметливость, съ сомнѣніемъ и лукаво смотрѣлъ на нихъ, или, лучше сказать, былъ къ нимъ совершенно-равнодушенъ. Онъ только по воспоминанію, по какой-то привычкѣ, утвержденной временемъ, вводилъ ихъ въ вымыслы своей фантазіи; и вездѣ, гдѣ только позднѣйшій христіанскій элементъ не оживлялъ ихъ новою, чуждою имъ примѣсью, они являются какъ-то эпизодически, не сами для себя, блѣдными, безцвѣтными, безхарактерными. Прочтите, напримѣръ, пѣснь о Добрынѣ и о Маринѣ Игнатьевнѣ *. Какъ слабо здѣсь явленіе змѣя

* См. «Древнія Россійскія Стихотворенія», собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя Калайдовичемъ. Москва, въ типографіи Селивановскаго. Пѣсня VIII, стр. 61. Она напечатана также и у г. Сахарова въ 5-й части его сборника.

Горыныча! Видно, что народъ не представлялъ его передъ глазами въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ первоначально созданъ, и пѣлъ о немъ потому только, что до него дошло по преданію смутное воспоминаніе; видно, какъ народъ колебался въ этомъ воспоминаніи, не зная за что ухватиться и какими признаками характеризовать образъ; онъ прекрасенъ здѣсь, въ приведенной пѣсни, только по отношенію къ герою, котораго онъ характеризуетъ своимъ явленіемъ, и по особенному комическому тону. Вмѣсто того, чтобы возбуждать страхъ и ужасъ, какъ явленіе изъ черной ночи сверхъестественнаго міра, онъ смѣшонъ предъ этимъ богатыремъ, который — употребимъ выраженіе изъ другой пѣсни — «не вѣритъ ни въ сонъ, ни въ чохъ». Змѣй, вступившись за оскорбленіе, невольно нанесенное Добрынею Маринѣ Игнатьевнѣ, бросается на Добрыню —

Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его,
Больно пѣняти: «не хощу я звати Добрынею;
Не хощу величати Никитичемъ,
Называю те дѣтиною деревенщиною и зашельщиною.
Почто ты» и пр.

За бѣду стало Добрынѣ, *за великую досаду показалось*, и, поднявъ свою острую саблю, онъ такъ пригрозилъ ему словами:

А и хощешь ли тебя змѣя изрублю я
Въ мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чистому полю —

что змѣй поджалъ хвостъ и что было силы пустился бѣжать. Побѣгъ его описанъ съ такими подробностями, о которыхъ невозможно говорить на чистыхъ листкахъ журнала.

Истинно-чудесное своихъ вымысловъ черпала фантазія уже послѣ изъ позднѣйшаго суевѣрія. Народу хотя и дана была христіанская религія въ ея православнѣйшемъ видѣ, онъ однакожъ нескоро удостоился быть сосудомъ всей святыни ея содержанія. Его сознаніе, полное фантасмагорическихъ * призра-

* Пусть читатели припомнятъ первую половину нашей статьи въ предъидущемъ нумерѣ, стр. 20 и 21.

ковъ, исказило чистоту священныхъ предметовъ, перемѣшало ихъ съ своими символическими представленіями и съ воспоминаніями язычества. Чудною смѣсью полны многія сказки и пѣсни фантастическаго содержанія! Не должно однакожь думать, чтобы эта смѣсь была вездѣ въ равной степени. Иногда разнородные элементы идутъ совершенно-паралельно, не имѣя никакого внутренняго соотношенія и только извнѣ связанные; большею же частію они соприкасаются и входятъ взаимно другъ въ друга; есть, наконецъ, такія порожденія фантазіи, въ которыхъ искаженныя вѣрованія такъ сопроникаются съ языческими призраками, что оба элемента теряютъ всякое различіе и образуютъ, органически вростая другъ въ друга, совершенно-новыя существа. Мы особенно совѣтовали бы нашимъ ученымъ обратить вниманіе на тѣ произведенія народа, которыя запечатлѣны этою смѣсью, и вообще на его повѣрья и призраки его фантазіи. Они могутъ отъ-части замѣнить недостатокъ памятниковъ язычества; нужна только острая сила для-того, чтобы разложить и разрѣзать перепутанные и сросшіеся элементы, нужно довольно-трудное искусство совершить съ ними химическій процессъ, чтобы потомъ изучить отсѣвшую примѣсь паганизма. Тутъ бы пріобрѣли вы не одни пустыя названія, тутъ бы обнаружилась жизненная эссенція того, что̀ такъ давно прожито народомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ка̀къ бы любопытно было изучить всю эту вереницу фантастическихъ существъ, русалокъ, вѣдьмъ, домовыхъ, лѣшихъ и пр.; сверхъ-того, какой бы интересъ могла имѣть русская демонологія! Здѣсь, при случаѣ, мы снова упомянемъ о поэтическомъ созданіи Даля: «Ночь на Распутьи,» о которомъ говорили мы въ 6-й книжкѣ нашего журнала, на стр. 3—6 «Библіографической Хроники», и о трудѣ г-на Сахарова «Сказанія Русскаго Народа», который первый задумалъ это доброе дѣло, хотя въ его книгѣ и нѣтъ того, что̀ мы назвали искусствомъ химическаго разложенія, хотя онъ и не всматривается въ порожденія народной фантазіи для-того, чтобы проникнуть до самой души ихъ, до того таинственнаго архея, который управляетъ всѣми ихъ проявленіями и отпечатлѣваетъ отличительный типъ на ихъ физіономіяхъ. Со-всѣмъ-тѣмъ, однакожь, трудъ его, какъ начало подвига на этомъ поприщѣ, и сверхъ того по многимъ фактическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ немъ,

есть отрадное явленіе на пустырѣ нашей литературы, и г. Сахаровъ заслуживаетъ за него полную, нелицемѣрную благодарность.

Тѣ произведенія народа, въ которыхъ христіанскіе элементы проходятъ обособленною струею, не растекаясь и не сливаясь съ порожденіями фантазіи, должны теперь обратить наше вниманіе, потому-что въ нихъ преимущественно развертывается творческая сила фантазіи нашего народа и проявляется въ *самостоятельныхъ существахъ,* а не въ тусклыхъ воспоминаніяхъ, долетѣвшихъ до ней въ искаженномъ видѣ изъ эпохи язычества...Не удивляйтесь: дѣйствительно, въ самостоятельныхъ существахъ. Здѣсь мы видимъ одну изъ высшихъ точекъ, до которыхъ долетаетъ русская фантазія; здѣсь устанавливается броженіе фантасмагорическихъ призраковъ; здѣсь фантазія предчувствуетъ что-то выше символа; здѣсь даже проявляется сила болѣе спокойная и болѣе сознавшая въ себѣ центръ свой, нежели неопредѣленное стремленіе къ таинственному міру, къ царству сверхъестественныхъ явленій, которое до того момента развитія народнаго творчества, которое мы будемъ теперь разсматривать, обнаруживается въ символахъ, а за этимъ моментомъ характеризуется названіемъ фантастическаго. — Стало-быть, спросите вы, въ нашей народной поэзіи есть нѣчто выше символа? ужь не художественные ли образы, прибавите вы, можетъ быть, насмѣшливо. И что же, если мы вамъ скажемъ: «*да,* есть нѣчто выше символа»? что если мы скажемъ вамъ, что на этой точкѣ мы смѣло роднимъ фантазію нашего народа съ свѣтлою фантазіею свѣтлыхъ сыновъ Эллады? Не пугайтесь—мы далеки отъ безумства ставить фантазію какого бы то ни было народа, въ ея наивной формѣ, наравнѣ съ божественной силою греческаго, строго-нормальнаго, во всей полнотѣ смысла, художественнаго идеала;—нѣтъ, мы хотимъ сказать, что въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ русской народной фантазіи видно уже не одно стремленіе намекнуть на отвлеченное представленіе какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ, не одно усиліе и борьба духа, но уже спокойное созерцаніе, если не художественныхъ, вполнѣ-живыхъ, органическихъ образовъ, то по-крайней-мѣрѣ образовъ мощно-совокупленныхъ и сосредоточенныхъ, нераспадающихся, какъ символы, при первомъ взглядѣ, на внутреннее и внѣшнее. Мы видимъ въ этомъ уже при-

ближеніе къ художественному откровенію духа, блаженное предчувствіе скорой художественной свободы. Мы еще больше пояснимъ наши слова, когда скажемъ, что, въ нѣкоторыхъ созданіяхъ своихъ, русская фантазія возвышается до чистаго антропоморфизма, и этимъ самымъ какъ-бы сочувствуетъ благородному духу Эллиновъ. Разумѣется, что антропоморфизмъ русской поэзіи далеко не то, что антропоморфизмъ Грековъ, непосредственно уловлявшихъ всю полноту и весь объемъ какой-нибудь стороны художественной идеи, выраженной въ явленіи природы и уловлявшихъ ее прямо въ прекрасномъ, благородномъ образѣ человѣка. Довольно и того, что въ русской фантазіи еще и тогда, когда она была на низшей степени развитія, доставало силъ схватывать разнообразіе какого-нибудь даннаго явленія природы въ единствѣ человѣческой формы. Мы можемъ встрѣтить олицетвореніе и у многихъ другихъ народовъ; но намъ кажется, что эта форма фантазіи полнѣе и развитѣе, нежели у нихъ, проявилась въ нашемъ народѣ, и что она составляетъ неотъемлемое, отличительное свойство русской поэзіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, эльфы, сильфы, ундины, гномы и проч., всѣ эти стихійныя существа, которыя у другихъ народовъ вы бы отнесли къ сферѣ олицетворенія, не суть еще, при всемъ ихъ изяществѣ, олицетворенія въ полномъ значеніи этого слова. Не будемъ входить въ разсужденіе, ниже ли, выше ли эти созданія существъ олицетворенныхъ,—дѣло теперь не въ томъ; мы только хотимъ утверждать за русскою фантазіею то, что намъ кажется отличительнымъ ея свойствомъ. Тѣ легкія, стихійныя существа, на которыя такъ граціозно раздробилась фантазія западная, имѣютъ тѣсную, какую-то таинственную связь съ явленіями природы, а не сосредоточиваютъ въ себѣ всего ихъ разнообразія, не замѣняютъ предметовъ природы своими личностями. Эльфъ живетъ въ деревѣ, любитъ его, блюдетъ каждую вѣтку его, каждый листочикъ его, болитъ тѣми ранами, которыя вырубилъ на немъ топоръ дровосѣка, мститъ за эти раны и умираетъ вмѣстѣ съ деревомъ, когда, не смотря на всѣ его старанія, топоръ одерживаетъ побѣду. Но онъ не есть, однакожь, самое дерево въ облагороженномъ видѣ: онъ чувствуетъ свою особность и живетъ своимъ отдѣльнымъ существованіемъ. И у насъ есть такія существа: наши русалки, напримѣръ, то же самое, что и ундины, что Wasserweiber. Русская фантазія однако недолго оста-

навливается на этихъ существахъ; они не относятся къ ея любимцамъ. Въ восточной поэзіи не только есть стремленіе къ антропоморфизму,—она сама вся заключается въ этомъ стремленіи, которому, однакожь, не суждено было достигнуть своей цѣли, по-крайней-мѣрѣ оно рѣдко достигало ея. Восточная фантазія, хотя схватывала разнообразіе явленій въ единствѣ, но въ единствѣ формъ такихъ уродливыхъ, такихъ чудовищныхъ, до такой степени лишенныхъ всякой мѣры и пропорціональности, то громадныхъ и необъятныхъ, то чуть-примѣтныхъ, сжатыхъ въ малѣйшее зернышко, что никто бы не взялся хоть приблизительно опредѣлить родъ существъ въ природѣ, къ которому бы можно было ихъ отнести. Въ скандинавской поэзіи то же самое: въ лицахъ существъ, ею созданныхъ, не отъищешь ни одной черты правильной. Съ оссіановской поэзіей здѣсь русская фантазія расходится совершенно и образуетъ ей рѣшительную противоположность: томная муза шотландскихъ скалъ не только не думаетъ сосредоточивать свои представленія въ органическія существа, она даже разрѣшаетъ фактическую связь самихъ предметовъ природы, уже данныхъ ей сосредоточенными и скрѣпленными въ единство, и распускаетъ все индивидуальное въ общій туманъ; между-тѣмъ, какъ русскій духъ даже отвлеченнымъ представленіямъ разсудка умѣетъ придавать жизненное выраженіе, какой-то индивидуальный колоритъ. Но вамъ все не вѣрится...

Послушайте жь, кому угодно, былину стараго времени. Мы разскажемъ ее вамъ просто, какъ слышали, или, лучше, какъ прочли.

Жилъ да былъ когда-то добрый молодецъ, по прозванію Садко. Двѣнадцать лѣтъ гулялъ онъ по славной Волгѣ-рѣкѣ, и никакой надъ собою *притчи* и скорби не видывалъ. Вздумалось ему побывать въ Новѣгородѣ; но какъ уйдти, не простясь съ доброй рѣкою? Опускаетъ онъ въ нее хлѣба съ солью великій сукрой, прощается съ нею и проситъ у ней благословенья въ путь-дорогу. Матка Волга-рѣка благословляетъ его и поручаетъ ему поклониться брату своему, славному озеру Ильменю. Вотъ приходитъ онъ въ Новгородъ и правитъ Ильменю челобитье великое. Отъ Ильменя озера выходитъ удалой добрый молодецъ, поклонился ему въ отвѣтъ. . . Какъ же ты Волгу, сестру мою, знаешь? Какъ не знать, коль гулялъ по ней

двѣнадцать лѣтъ! . . Иди же ты, съ Волги удалой, добрый молодецъ, найми работниковъ съ тремя неводами и бросай тѣ неводы въ Ильмень-озеро. Что̀ будетъ тебѣ — Божья милость. Садко сдѣлалъ по сказанному — въ одномъ неводѣ вытащилъ онъ рыбу бѣлую мелкую, въ другомъ все красную, а въ третьемъ тоже бѣлую да въ три четверти. На 4-й день заглянулъ Садко въ погреба, куда свезли рыбу, и что̀ же? Рыба мелкая стала деньгами дробными; гдѣ была рыба красная — очутились червонцы; гдѣ была рыба бѣлая — все монеты лежатъ. Садко пошелъ на Ильмень-озеро, бьетъ челомъ и проситъ его: «батюшка мой, Ильмень-озеро, поучи меня жить въ Новѣгородѣ». Ильмень совѣтуетъ ему обѣдъ *доспѣть* про таможенныхъ и посадскихъ людей,— «а и станутъ те знать и вѣдати»...Мы пропустимъ все, какъ Садко познакомился съ мужиками новгородскими, какъ онъ передъ ними расхвастался и побился объ закладъ выкупить въ три дня всѣ товары въ Новѣгородѣ, какъ онъ выкупилъ все до чиста, и на четвертый день, когда ничего не осталось, кромѣ битыхъ черепковъ, искупилъ и черепки и пошелъ приговаривая:

Пригодятся ребятамъ играть,
Поминать Садку, гостя богатаго,
Что не я Садко богатъ, богатъ Новгородъ. . .

Садко выстроилъ въ Новѣгородѣ три церкви, началъ вести большую торговлю и пускать корабли въ море...

Эта превосходная пѣсня такъ слабо, такъ блѣдно переданная нами въ немногихъ строкахъ, есть еще не больше, какъ прелюдія, прологъ къ дивной поэмѣ, о которой нашъ разсказъ не дастъ точнаго представленія и которую мы лучше бы рѣшились выписать всю, какъ она есть, еслибъ не препятствовала тѣснота предѣловъ нашей статьи.

По морю синему несется 31 корабль. Тридцать кораблей несутся быстро все дальше и дальше; одинъ корабль вдругъ сталъ и ни съ мѣста. На немъ самъ хозяинъ Садко, гость богатый, съ своими любимыми цаловальниками и ярыжками. Чья-нибудь душа неправая замѣшалась между ими и тяготитъ корабль, — жребій рѣшитъ, какія души правыя, какая неправая. Бросили въ море жеребья — всѣ поверхъ воды плаваютъ, лишь одинъ пошелъ внизъ ко дну: то было

перо хмѣлиное, жеребій самого Садки. Бросили жеребья въ другой разъ — всѣ ко дну пошли, лишь одинъ остался поверхъ воды: то булатный жеребій въ десять пудъ, самого Садки. Вспомнилось ему, что онъ Садъ-Садко бѣгаетъ по морю двѣнадцать лѣтъ, и ни раза не платилъ дани царю морскому и въ сине море Хвалынское не спускивалъ хлѣба съ солью... Задумался онъ: «На меня смерть пришла»,—но дѣлать нечего. Беретъ онъ гусли съ золотыми струнами и дорогую шахматницу, садится на нее и велитъ спустить себя на море. .. Быстро несутся корабли, быстро бѣжитъ корабль самого Садки, какъ бѣлый кречетъ... Одинъ остался онъ на синемъ морѣ... Погода подымалась тихая и тихо понесли его волны... Середина моря... вездѣ пусто... вода да небо... ни съ которой стороны не видать ни горы, ни берега—и вдругъ, на диво Садкѣ, принесло его къ берегу. Онъ взобрался на крутизну и прошелъ вдоль моря,—шелъ, шелъ, и вотъ, видитъ предъ собою *великую избу*... онъ ищетъ двери и входитъ. Эта храмина самого морскаго царя. Въ избѣ лавка, на лавкѣ лежитъ онъ, самъ морской царь...

А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
Чего душа родила, *того Богъ мнѣ далъ*,
Я ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ.
Поиграй, Садко, въ гусли звончаты.

Садко не ослушался, заигралъ... Звуки подняли царя, царь началъ скакать и плясать. Долго игралъ Садко, долго скакалъ и плясалъ царь и напоилъ его питьями разными... Садко задремалъ и заснулъ, и видитъ во снѣ святителя Николая. «Садко» говоритъ ему святитель: «рви свои золотыя струны, разбей свои гусли: отъ твоей игры расплясался царь морской— море синее всколыхалось, разлились быстрыя рѣки, тонутъ корабли и гибнутъ *напрасныя* души, народъ православный. Садко проснулся, порвалъ и бросилъ звончатыя гусли —

Пересталъ царь морской скакать и плясать,
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.

По-утру царь уговаривалъ Садко жениться и показалъ ему тридцать дѣвицъ. Снова явился ему св. Николай во снѣ и нака-

зывалъ, чтобы онъ не бралъ изъ 30 дѣвицъ хорошей, бѣлой, румяной... «Возьми ту, которая хуже всѣхъ, возьми дѣвушку повaренную». Садко думался и не продумался: беретъ онъ ту, которая хуже всѣхъ. Царь положилъ его спать въ подклетѣ вмѣстѣ съ новобрачною, но во снѣ получилъ онъ наказъ — не обнимать жены, не цаловать ее. Садко послушался и этого наказа, тихо и боязливо прижалъ руки къ своему сердцу и заснулъ. Вдругъ пробуждается онъ, очнулся и смотритъ: онъ лежитъ возлѣ самой рѣки, и лѣвая нога его, которою спросонья коснулся онъ до новобрачной, окунулась въ холодную воду. Быстро вскочилъ онъ, испугавшись; смотритъ — мѣста знакомыя... Такъ, это Новгородъ, а это Волховъ, а вонъ церковь, приходъ его, Никола Можайскій... Перекрестился Садко...

Нѣтъ ничего тяжелѣ, какъ разсказывать содержаніе поэтическаго произведенія, изъ живаго организма извлекать скелетъ. Добро бы еще перенести поэтическое произведеніе въ свое созерцаніе, претворить въ немъ образы въ звуки и звуки въ образы, и проводить содержаніе его сквозь цвѣтное стекло собственной фантазіи. Не знаю, съумѣли ли бы мы передать содержаніе этой пѣсни въ живой картинѣ; мы не должны были этого дѣлать теперь: наша цѣль была—показать только, что заключается въ этой пѣсни.

Въ этомъ произведеніи мы видимъ уже свободную игру *фантазіи,* независящей ни отъ какого внѣшняго усилія, развивающей содержаніе своего произведенія изъ самой-себя. Это уже творчество, окружающее душу новымъ міромъ съ новымъ небомъ и новою землею. Сколько можно было, уяснили ли вы себѣ изъ этого мертваго скелета антропоморфизмъ русскій? Усмотрѣли ли вы эту мощь, съ которою фантазія сжала все пространство и глубину синяго моря въ тѣсный организмъ существа живаго; посмотрите, — она не смѣшала предмета природы съ какимъ-нибудь человѣческимъ существомъ въ дикій, неопредѣленный фантомъ, она не связала ихъ насильственно: она свободно и сильно уловила предметъ въ образѣ и дала ему существованіе независимое, неимѣющее никакого внѣшняго назначенія, какъ напр. аллегорическій намекъ, и пр. Онъ живетъ и движется самъ собою; но каждый фактъ въ его организмѣ, каждое движеніе его отражается въ другой формѣ его существа — въ морѣ, и повторяется въ немъ подъ условіями и законами его

естественнаго существованія. То дѣйствіе, которое въ царѣ морскомъ проявляется въ пляскѣ и скаканьи, въ морѣ обнаруживается волнованіемъ. Здѣсь нѣтъ и тѣни того насильственнаго напряженія, съ которымъ фантазія востока порождала символическіе призраки; здѣсь образы живы, въ нихъ нѣтъ уродливаго столкновенія разнородныхъ элементовъ; они характеризируются тѣми же признаками, какими обозначается дѣйствительный человѣкъ. Озеро Ильмень является красивымъ, удалымъ молодцемъ, рѣки—хорошими, бѣлыми, румяными дѣвицами.

Читатели замѣтятъ также, какъ паралельно, не смѣшиваясь, не вростая другъ въ друга, проходятъ по произведенію элементъ христіанскій въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ фантазіи, и элементъ собственно-фантастическій. Жаль, что мы должны ограничиваться одними намеками, чтобы не нарушить правилъ критической статьи.

Чудеса, заключающіяся въ этой пѣсни, не составляютъ еще того, что̀ обыкновенно зовется чудеснымъ въ поэзіи. Это не сумракъ фантастической ночи: это міръ ясный и опредѣленный, и образы его относятся къ той же категоріи, въ которой разсматриваются и образы греческаго искусства. Здѣсь даже царствуетъ отчетливая постепенность и пропорціональность классическаго идеала. Здѣсь не вѣетъ тотъ мистическій, трепетный ужасъ, который составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей романтической христіанской поэзіи. Кто хочетъ искать этого ужаса въ области русской фантазіи, кто хочетъ насладиться замираніемъ сердца и заблудиться во мракѣ ея чудеснаго, тотъ обратись къ произведеніямъ другаго рода, перейди въ другую страну области русской фантазіи.

Мы сказали уже выше, что истинно-чудесное черпала русская фантазія изъ суевѣрія, принимая это слово въ томъ значеніи, какое даетъ ему христіанство. Въ нашей поэзіи нѣтъ того, что̀ характеризуетъ фантазію нѣмецкую,—таинственно-неопредѣленнаго, мистическаго стремленія въ надземный міръ, въ сверхъестественную область духовъ, этого томительнаго, страшнаго и вмѣстѣ сладкаго порыванія души къ свѣтлой жизни духа, еще заслоненной отъ ней сумрачною дымкою покрова, испещреннаго кабалистическими знаками. Фантастическое въ нашей поэзіи раскрылось совершенно-иначе, обнаружилось въ иныхъ образахъ, въ иномъ стремленіи. Область нашего фанта-

стическаго полна ужаснаго мрака, въ которомъ чуть брезжутъ огоньки восковыхъ свѣчь, изъ котораго дымится куреніе и обдаетъ душу жуткимъ предчувствіемъ чего-то недобраго. Это область мертвецовъ съ синеблѣдными лицами, страшно оживляемыми красноватымъ отблескомъ вспыхнувшей свѣчи, мертвецовъ, облеченныхъ въ бѣлые саваны, съ руками, сложенными на-крестъ, въ полночь встающими изъ гробовъ на страхъ и на гибель живымъ; здѣсь все свершается въ цѣпенящемъ безмолвіи, въ страшной тишинѣ; лишь изрѣдка взвизгнетъ и залаетъ собака на мелькнувшій бѣлый призракъ, раздастся мгновенный крикъ испуга... и все снова затихнетъ, и снова наступитъ полное ужасной тайны безмолвіе, пока не пропоетъ освободительный голосъ пѣтуха. Здѣсь давитъ душу какая-то тяжкая, ничѣмъ непроницаемая, темная сила...

Вездѣ, у всѣхъ народовъ есть страшныя сказки о выходцахъ съ того свѣта, но нигдѣ страхъ ихъ появленія не обдаетъ такимъ жгучимъ холодомъ всего тѣла, не сжимаетъ съ такою силою души. Можетъ-быть, это потому, что здѣсь страшные выходцы являются призраками совершенно-темными, совершенно-непроницаемыми, неимѣющими на себѣ ни одной точки прозрачной, сквозь которую бы можно было видѣть, что̀ въ нихъ и что̀ за ними. Вездѣ центромъ ихъ движенія является *общая* сила адскаго духа; они болѣе или менѣе служатъ орудіями для его цѣлей; вездѣ они управляются черною силою, которая виситъ надъ ними и объемлетъ ихъ собою, давая какую-то законность ихъ явленіямъ. У насъ они также имѣютъ неразрывную связь съ адскими силами, но представленіе дьявола не является *непосредственно* вмѣстѣ съ ними; не дьяволъ страшенъ въ нихъ, они сами собою, своею собственною особностію страшны; въ впечатлѣніи, которое они производятъ на душу, не лежитъ представленіе ада; до этого представленія доходимъ мы уже послѣ, когда выйдемъ изъ впечатлѣнія. Это какія-то необъясняемыя, неимѣющія никакой прозрачности, совершенно-непроницаемыя явленія; каждое изъ нихъ есть какъ-бы особый міръ, съ своимъ собственнымъ центромъ, міръ, въ которомъ Богъ-вѣдаетъ-что̀ творится. Это отсутствіе всякаго общаго элемента, всякой причины, изъ которой могло бы быть объяснено ихъ существованіе; оно-то и придаетъ такую неодолимую силу страху, ими возбуждаемому. Даже са-

мая цѣль ихъ таинственнаго, полуночнаго блужданья скрыта въ непроницаемомъ мракѣ ихъ внутренности. Отъ-того они ужаснѣе самихъ вампировъ. Невозможно выразить всей глухой, подавляющей силы того страха, которымъ окружены они и который какъ ножемъ рѣжетъ душу при разсказѣ о нихъ.

Наше фантастическое ниже фантастическаго нѣмецкой поэзіи; наше фантастическое находится къ нѣмецкому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится глухая, полная лишенныхъ всякой истины призраковъ ночь суевѣрія къ мистикѣ, въ которой занимается уже заря духовнаго солнца, вѣетъ неземная свѣжесть, и тонкая дымчатая сѣть изъ свѣта и сумрака объемлетъ полупроснувшуюся землю...

Но скорѣй съ проселочной дороги на большую: изъ этого царства мрака и ужасовъ поспѣшимъ на вольный просторъ, на свѣтъ, туда, гдѣ играетъ, волнуется жизнь. Возвратимся къ свободному творчеству нашей народной фантазіи, которому мы удивлялись сейчасъ, и ринемся прямо въ богатырскую жизнь, ею вызванную.

Гдѣ жь эта богатырская жизнь?—Пойдемте со мною, я васъ проведу въ такой міръ, какой вамъ и не снился, въ міръ совершенно-новый. Васъ охватитъ атмосфера, какою вы никогда не дышали, атмосфера крѣпкая, упругая, съ какимъ-то бронзовымъ колоритомъ;—здѣсь вы встрѣтите людей, какихъ никогда не встрѣчали, предметы, какихъ никогда не видали ... Тамъ и небо другое, и земля другая, и воздухъ другой.

Это заповѣдные луга русской фантазіи. Это міръ, со всѣхъ сторонъ открытый, веселый и ясный. Это міръ, въ которомъ ничему нельзя дать вѣры—и въ которомъ всему вѣришь, въ которомъ ничему нельзя не дивиться—и ничему не дивишься. Это міръ, въ которомъ все выходитъ изъ размѣровъ опредѣленныхъ, и въ которомъ, между-тѣмъ, все опредѣленно. Это міръ, сложенный изъ элементовъ металлическихъ, звонкихъ, прохваченныхъ и сплоченныхъ силою, которая тверже всякихъ металловъ,—и въ то же время это міръ съ душею внутри и съ тѣломъ снаружи, съ теплою кровью и съ бьющимся сердцемъ. Это міръ, созданный изъ русскаго разгула, заселенный русскимъ разгуломъ, живущій разгуломъ, и, въ то же время, это міръ органическихъ, сосредоточенныхъ и крѣпко въ себѣ замкнутыхъ формъ; это міръ, въ которомъ все бѣжитъ, и льется, и разливается вдаль,

и въ которомъ однакожь все имѣетъ живой образъ на себѣ и центръ внутри себя. Это міръ богатырей, съ силою, превышающей не только все дѣйствительное, превышающей все возможное, съ силою физической, для которой нѣтъ никакихъ преградъ физическихъ, для которой нѣтъ пространства и времени, съ силою, которой не смутитъ ничто, никакое явленіе, ни естественное, ни сверхестественное, никакое препятствіе, никакое чудо, которая ничему не удивится, и которая все сломитъ, все, что̀ бы вы ни придумали. И между-тѣмъ это міръ людей простыхъ и добрыхъ, живущихъ какъ и всѣ живутъ, въ обыкновенныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, людей, въ которыхъ нѣтъ ничего сверхестественнаго, по-людски чувствующихъ, по-людски думающихъ. Это міръ, въ которомъ нѣтъ никакихъ правъ и никакихъ обязанностей, міръ, въ которомъ, куда ни поглядишь, вездѣ булатныя чингалища, да калены стрѣлы, вездѣ кольчуги да панцыри; въ которомъ, куда ни послушаешь, вездѣ услышишь топъ коня да спросы и распросы: «гой еси добрый молодецъ и куда идешь и зачѣмъ идешь?» и въ-слѣдъ за словами, ни съ-того ни съ-сего, стукъ мечь объ мечь. И между-тѣмъ это міръ, въ которомъ ничто не мѣшаетъ жить и тѣшиться, передъ княземъ Владиміромъ расхвастаться, князя Владиміра позабавить, князю Владиміру службу сослужить. Здѣсь равна слава и за то, что цѣлое войско разметалъ, и за то, что единымъ духомъ полтора ведра зелена вина и полтретья ведра меда выпилъ; здѣсь равная часть и за то, что двѣнадцать лѣтъ службу служилъ, и одинъ-одинехонекъ народы покорялъ и вырубливалъ, и за то, что къ столу княженецкому лебедей настрѣлялъ; здѣсь есть безпощадныя страсти, здѣсь не скупятся на кровь, здѣсь рѣжутъ головы и своимъ и чужимъ, здѣсь своя ли жизнь, жизнь друга или недруга, все равно — ни почемъ идетъ; и здѣсь однакожь все безмятежно и ровно, все проникнуто пластическимъ спокойствіемъ... Здѣсь все массивно и грубо, безъ оправы, и между-тѣмъ ничто не оскорбляетъ, ничто не тяготитъ, и все такъ добродушно, наивно и мило. Здѣсь даже самая неотесанная грубость не безъ примѣси какой-то особенней граціи. Здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ цѣлей, никакихъ другихъ стремленій, никакихъ другихъ заботъ, какъ лишь было бъ мѣстечко за почетнымъ столомъ княженецкимъ, какъ лишь было бы чѣмъ похвастать-

ся, да чѣмъ бы потѣшиться да надъ чѣмъ бы расходиться; какъ лишь было бы поле чистое, да добрый конь, да добрый мечь, да чтобъ было куда коня принастегивать. Здѣсь есть земли небывалыя и царства неслыханныя. Здѣсь есть Кіевъ-градъ, есть дворъ съ свѣтлымъ теремомъ ласкова князя Владиміра.

Страна очарованій, богатырская, добрая, милая, удалая! Въ волшебномъ туманѣ мелькаетъ она предо мною, и жизнь ея вѣетъ мнѣ на душу. Сколько образовъ, сколько далекихъ видѣній..: Вонъ Сафатъ-рѣка, вонъ Леванидовъ крестъ; вонъ съ другой стороны рѣка Черега, княженецкія займища и роскошный домъ съ хрустальными воротами Чурилы Пленковича; вотъ Малый Кіевецъ, а вотъ и Кіевъ-градъ: терема златоверхіе съ окошками косящатыми, съ садами и желѣзнымъ тыномъ, съ воротами на хрустальныхъ вереяхъ, съ подворотинами изъ рыбьяго зуба, съ столбами для коней богатырскихъ; терема богатырей и ихъ женъ, князей и бояръ — вы знакомы мнѣ... Вонъ соборная церковь — въ ней вѣнчается богатырь съ полоненной имъ красной дѣвицей и оттуда пойдемъ съ новобрачной на пиръ къ Владиміру-князю. — На княженецкомъ дворѣ много людей и коней; приворотники спрашиваютъ гостей и доносятъ о нихъ стольникамъ съ ихъ приспѣшниками. Въ свѣтлой гриднѣ столъ во полустолѣ, и много на пиру и бояръ и князей. На дубовой скамьѣ богатыри сидятъ, пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, про *удачи* свои разсказываютъ. Князь по гриднѣ похаживаетъ и разсчесываетъ черныя кудри, гостей *провѣдываетъ,* новыя службы выдумываетъ. Княгиня Апраксѣевна рушитъ лебедь и гостей подчуетъ; не всѣхъ равно подчуетъ: я вижу, куда ты, княгиня, посматриваешь искоса, я знаю къ кому ты пошлешь сегодня Алешу Поповича звать къ себѣ въ свѣтлицу на долгій вечеръ посидѣть, забавныя рѣчи побаить... Кто это и выше и могучѣе всѣхъ, и сидитъ на первомъ богатырскомъ мѣстѣ? — Это старъ-матеръ человѣкъ Илья Муромецъ; лицо его величаво и важно, онъ веселыхъ рѣчей не слушаетъ, самъ не хвастается, на службу не вызывается и *удачами* не хвалится. Только изрѣдка обернется вокругъ себя, усмѣхнется и тихое слово вымолвитъ. Вотъ Добрыня Никитичь, неугомонный и безпощадный истребитель змѣинаго племени, стольникъ княжескій неукротимый, упорный и пылкій; онъ краса богатырей и краса пировъ; въ немъ

есть *вѣжство* и рожденное и ученое. Вотъ Алеша Поповичь, продувной удалецъ, забіака дерзкій и наглый, и горазд на всѣ хитрости. Рядомъ съ нимъ его вѣрный другъ, его младшій братъ, съ которымъ ѣздитъ онъ стремя-о-стремя , Екимъ Ивановичь смирный и тихій, пока не затронутъ, пока не укажетъ и не мигнетъ ему товарищъ. Вотъ Дюкъ Степановичь въ богатомъ куякѣ и кольчугѣ, спѣсивъ и церемоненъ. Вотъ роскошный гуляка, гроза женъ боярскихъ, щеголь и нѣженка, Чурила Пленковичь. Вотъ прямой и безхитростный Потокъ Михайло Ивановичь. Вотъ разгульный Иванъ Гостиный Сынъ и могучій Дунай Ивановичь, тихій, когда не пьянъ, и буйнъ, какъ напьется. Вотъ богатый Соловей Будимировичь, Михайло Козаринъ... И сколько ихъ тамъ еще! Вотъ братья Сбродовичи изъ шайки буслаевой, мужики Залѣшана, вотъ Самсонъ, Святогоръ, Полканъ, Суханъ—сколько ихъ ! не перечтешь всѣхъ!

Не хотите ли остаться, не хотите ли побывать на вечеринкѣ у князя Владиміра, посмотрѣть, какъ жены княженецкія и боярскія промежъ собой сидятъ и за прохладъ разговариваютъ? Тутъ бываютъ иногда чудныя сцены: тутъ часто между женами боярскими ссоры и драки бываютъ, и позоритъ при всей бесѣдѣ —и бесѣда смѣется... Но вотъ теремъ стихъ; пьяные гости разошлись и разъѣхались спать... Пойдемъ изъ терема... Ночь... Только-что выпалъ снѣгъ... Вотъ крадется по стѣнамъ человѣкъ и исчезъ въ отворенныя ворота терема... Это Чурила Пленковичь прокрался въ домъ стараго боярина Бермяты Васильевича, къ молодой женѣ его Катеринѣ прекрасной... Скоро ужь зазвонятъ къ заутренѣ... Вотъ ужь мимо насъ промчался богатырь на конѣ...

Чудный это міръ, очаровательный міръ, читатели!.. Мы теряемся въ этомъ мірѣ, мы не знаемъ къ чему кинуться, за что схватиться. Нѣтъ, не на одной страницѣ, не въ нѣсколькихъ словахъ, не къ-стати при другомъ дѣлѣ можно описывать этотъ міръ и говорить о немъ: ему должно бы посвятить цѣлое и особенное сочиненіе, онъ требуетъ изученія добросовѣстнаго и долгаго. . . .

Читатель! благослови свою родину, благослови народъ, изъ котораго ты вышелъ. Этотъ міръ, на который мы взглянули теперь мелькомъ, — этотъ міръ — дивное созданіе творческой фантазіи. Это эпосъ великій, который мы можемъ поставить на-

ряду съ лучшими эпическими пѣснопѣніями новыхъ народовъ, — выше многихъ изъ нихъ, ближе многихъ къ эпосу греческому. Это новая, оригинальная форма духа въ области поэзіи; кто не знаетъ ея, тотъ не знаетъ цѣлой страны въ этой области... И по-сю-пору никто ни строкой дѣльной не удостоилъ этихъ великихъ пѣснопѣній, никто не подумалъ взглянуть внутрь ихъ и обозрѣть сокровища, въ нихъ заключенныя; и по-сю-пору никто не сказалъ во всеуслышанье, что въ нашемъ народѣ есть поэзія, которая займетъ почетное мѣсто въ исторіи поэзіи человѣчества; и по-сю-пору никто не подозрѣвалъ, можетъ-быть, этой дивной художнической силы русскаго народа. И теперь есть еще такіе, которые дерзаютъ сомнѣваться въ этой силѣ, холодно и небрежно говорить, что у Русскихъ есть нѣчто въ родѣ эпическихъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ Кирши Данилова, и ограничивать всю характеристику ихъ словами, что въ нихъ «голый, неестественный, прелестный своею безъискусственностію разсказъ, кой-гдѣ съ незатѣйливою живописью, простыми, обильными повтореніемъ описаніями, частымъ употребленіемъ однихъ и тѣхъ же любимыхъ выраженій, оборотовъ и словъ, съ многосоюзіями *.

И намъ извѣстно только нѣсколько отрывковъ, только нѣсколько отдѣльныхъ пѣсень, только то, что случай доставилъ сначала въ руки Якубовича, потомъ г. Калайдовича; только то, что заблагоразсудилось этимъ издателямъ сдѣлать извѣстнымъ **.

---

* См. «О народной поэзіи славянскихъ племенъ г. Бодянскаго (Москва 1837. Въ типографіи Степанова. стр. 120). Мы имѣемъ сильное подозрѣніе, читалъ ли почтенный авторъ этой книжки пѣсни, которыя онъ удостоиваетъ своего высокаго вниманія. Самое дѣльное въ его бѣдной характеристикѣ — послѣднія слова о слогѣ и о языкѣ почти - цѣликомъ выписаны изъ предисловія Калайдовича къ изданной и цитованной уже нами книгѣ. Г. Бодянскій какъ-то нехотя говоритъ въ своей книжкѣ о поэзіи сѣверныхъ Русиновъ; онъ какъ-будто Христа ради, какъ говорится, удѣляетъ имъ даръ творчества, онъ какъ-будто думаетъ, что можно и совсѣмъ отнять у нихъ этотъ даръ. Можно бы, да безполезно...

** Неисчерпаемыя сокровища заключаются въ книгѣ, изданной г. Левшинымъ, подъ названіемъ: Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти, приключенія (Въ Москвѣ, въ 8-ю д. л. въ 10 частяхъ, четыре первыя вторымъ тисненіемъ 1807, а шесть послѣднихъ первымъ 1783 года).

Откуда же, спросятъ насъ, знаемъ мы, что у русскаго народа есть цѣлый эпосъ, есть цѣлое органическое созданіе? Изъ нихъ же, изъ этихъ отрывковъ, изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсень. Это-то и доказываетъ намъ ихъ дивную художественность. Кто не читалъ этихъ пѣсень и не вчитывался въ нихъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какой жизнію, какой истиной проникнуты въ нихъ всѣ части, какъ мощно очеркнуты образы и какъ ощутительно вѣетъ въ нихъ незримое общее. Ихъ связь, ихъ единство открывается на каждомъ шагу. Каждую изъ нихъ можно сравнить не по колориту и не по предметамъ въ нихъ изображеннымъ—а по далекости перспективы и по глубинѣ фона—съ пейзажами Вернета. Вотъ рѣзко и рельефно очеркнутые образы перваго плана; на послѣдующихъ планахъ образы все тусклѣе и слабѣе; наконецъ вмѣсто образовъ мелькаетъ что-то неопредѣленное и смутное, исчезающее, а все еще мелькающее, уходя далеко-далеко во глубину фонда.

Герои, дѣйствующіе въ этихъ пѣсняхъ, твердо поставлены передъ нами; мы ихъ видимъ, мы съ ними знакомы. Въ каждой пѣсни изображается большею частію одна удача одного какого-нибудь богатыря; другіе являются лицами второстепенными, ближе или дальше, ярче или тусклѣе, смотря по отношенію къ главному лицу; многія изъ второстепенныхъ лицъ являются сами въ другихъ пѣсняхъ героями. О единствѣ и связи пѣсень должно заключать не только по одинаковости тона и колорита, по сходству пріемовъ и повторенію многихъ, ставшихъ какъ бы формальными, выраженій; но также и по безпрерывнымъ намекамъ на лица и событія, которыхъ мы не видимъ на самой сценѣ. Иногда эти намеки такъ ясны, что передъ взорами какъ-бы открывается уголъ занавѣса, раздвигаются кулисы, — и мы невольно отъ изображаемыхъ лицъ и событій переносимся къ тѣмъ, которыхъ не видимъ непосредственно предъ собою. Лица встрѣчаются старыми знакомыми; видно, что они когда-то встрѣчались и дѣйствовали при иныхъ обстоятельствахъ, въ иныхъ случаяхъ; характеры лицъ вездѣ сохраняютъ свой цвѣтъ и свою индивидуальность; это также могущественно указываетъ на единство пѣсень. Вездѣ они дѣйствуютъ: они не только сами не измѣняютъ себѣ, мало того: они одинаково отражаются и въ другихъ съ ними живущихъ и ихъ знающихъ лицахъ. У каждаго изъ нихъ есть свои осо-

бенности, страсти, склонности, даже привычки, и о каждомъ изъ нихъ есть готовое, общее мнѣніе.

Но не можетъ быть, подумаете вы, чтобы народъ могъ создать цѣлое, органическое во всѣхъ частяхъ своихъ произведеніе... Вы совершенно-справедливы: народъ такъ, какъ отдѣльный художникъ, который концепируетъ сначала цѣлое, потомъ наполняетъ его изъ него же раждающимися частностями. Въ народѣ не можетъ быть такого опредѣленнаго, ровнаго, ясно-обозрѣвающаго свой кругъ творчества. Произведеніе отдѣльнаго человѣка является существомъ, котораго части связаны *зримымъ единствомъ*. Единство же частей въ произведеніи народной фантазіи незримо, какъ незримъ собственный организмъ народа *. Общій духъ таинственно проникаетъ отдѣльные образы, служитъ имъ таинственнымъ основаніемъ и обводитъ ихъ таинственнымъ кругомъ, за который да не преступитъ ни одинъ изъ нихъ. Отъ сущности и силы, или отъ особеннаго творческаго дара, который удѣляется народамъ не въ равной степени, точно такъ же, какъ и особнымъ лицамъ, зависитъ большая или меньшая ощутительность единства созданныхъ имъ образовъ. Новѣйшими учеными доказано несомнительно, что даже самыя греческія эпопеи были созданы не вдругъ, не однимъ актомъ творчества, что не одинъ человѣкъ, а что цѣлый народъ былъ творцомъ ихъ. Въ дивномъ народѣ-художникѣ былъ такъ силенъ даръ творчества, что тѣмъ, которые послѣ собрали его пѣснопѣнія и сложили ихъ въ два цѣлые организма, оставалось только располагать ихъ по содержанію, и только кое-гдѣ вставочными словами явственнѣе обнаруживать связь пѣсень. Нужно ли дѣлать еще разъ оговорку, что мы не думали и не думаемъ ставить нашъ народъ въ дѣлѣ творчества наравнѣ съ греческимъ? Но мы смѣло повторимъ, что нашъ народъ не только не обдѣленъ духомъ искусства, но что даже онъ относится къ его лучшимъ любимцамъ; что его поэзія не уступитъ ни одной поэзіи народовъ *романтическихъ*, даже превзойдетъ многихъ и многія изъ нихъ. Скажемъ прямѣе и искреннѣе, скажемъ, что наши эпическія пѣснопѣнія имѣютъ себѣ соперниковъ только въ эпическихъ же пѣснопѣніяхъ Сербовъ, южныхъ Русиновъ и наконецъ въ Нибелунгахъ Германцевъ.

Нѣкоторые думаютъ видѣть сходство между княженецкимъ

* См. первую половину этой статьи въ 6 книжкѣ стр. 11.

столомъ Владиміра и круглымъ столомъ Артуса. Это мнѣніе, — помнится, что оно было выговорено гдѣ-то и какъ-то печатно, — основывается только на самомъ внѣшнемъ обстоятельствѣ, на томъ, что какъ здѣсь, такъ и тамъ все дѣло вертится вокругъ стола. Больше нѣтъ никакого сходства, и кто бы сталъ утверждать противное, обличилъ бы только свое незнаніе какъ русскихъ пировъ Владиміра, такъ и засѣданій за круглымъ столомъ англійскаго Артуса. Ни по духу, ни по содержанію, ни по формѣ они не имѣютъ между собою ничего общаго, и только одно незнаніе также можетъ ставить на ряду русскія эпическія пѣснопѣнія, полныя здоровья и силы съ хилымъ, такъ-называемымъ, *цикломъ англійскихъ преданій*, въ которомъ лица такъ блѣдны, такъ безжизненны, дѣйствіе такъ вяло и перемѣшано съ описаніями, оттуда и отсюда выхваченными, которой не столько вышелъ изъ свѣжей фантазіи народа, сколько изъ пыльной учености стародавнихъ педантовъ.

Превосходство греческихъ эпическихъ пѣснопѣній передъ нашими и передъ всякими заключается въ недостижимомъ идеалѣ красоты, въ дивной гармоніи идеи съ формою, въ безконечной организаціи частей каждаго образа, который въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ, во всѣхъ своихъ атомахъ проникнутъ своею идеею, своею душею; въ совершенномъ тождествѣ внутренняго и внѣшняго, и въ-слѣдствіе всего этого въ дивной художественной отдѣлкѣ, въ пластической опредѣленности каждаго движенія, въ изумительной доконченности и полнотѣ. Смѣшно было бы искать всего этого въ нашей поэзіи; въ ней нѣтъ этихъ безконечно-разнообразныхъ переливовъ цвѣтовъ, этихъ тонкихъ оттѣнковъ, этого дробленія идеи на мельчайшія частности, короче, если позволятъ намъ употребить превосходный, выразительный, но къ-сожалѣнію неполучившій еще у насъ права гражданства философскій терминъ,— нѣтъ этой «конкретности», которою запечатлѣнъ каждый образъ греческой или вообще художнической фантазіи. Но, не смотря на это, мы не отступимся отъ своихъ словъ: жизнь дышитъ во всѣхъ образахъ, вызванныхъ на свѣтъ нашей эпической музой; но эта жизнь не проникаетъ еще всѣхъ частей ихъ, не дробится въ нихъ на безконечное множество оттѣнковъ и цвѣтовъ, каждый изъ нихъ не есть полный, доконченный міръ, какъ вы, какъ я, какъ всякій образъ художнической фантазіи;

и потому-то ихъ поверхность такъ шероховата и груба, потому-то въ нихъ нѣтъ этой пластической отдѣлки, этой доконченности и совершенства каждой части, которыя сообщалъ своимъ произведеніямъ рѣзецъ греческой фантазіи, потому-то и нельзя поставить ихъ на пьедесталь, какъ готовыя статуи. Въ каждомъ изъ нихъ таится зерно развитія, въ каждомъ изъ нихъ лежитъ зародышь безконечной жизненной организаціи*, они еще не готовы; но пусть художникъ великій проникнетъ до сердца ихъ, въ которомъ тлѣетъ искра жизни, и раздуетъ эту искру въ пламень,—этотъ пламень пробѣжитъ по всему ихъ существу, проникнетъ повсюду, докончитъ организацію частей и довершитъ творчество. Наша эпопея могла бы явиться великимъ, дивнымъ, художественнымъ созданіемъ, еслибъ какой-нибудь Пушкинъ собралъ ея разсѣянные члены, овѣялъ бы ихъ своимъ могучимъ духомъ и совокупилъ бы ихъ въ цѣлостный организмъ.

Русская фантазія въ своихъ эпическихъ пѣснопѣніяхъ осуществила свой идеалъ. Міръ, который раскрывается въ нихъ, вышелъ изъ свободной игры ея. Сюда убѣгала душа русская отъ бурь дѣйствительности отдыхать и нѣжиться. Этотъ міръ не имѣетъ никакой внѣшней связи съ дѣйствительностію, которая окружала народъ, и съ его историческимъ бытомъ. И потому было бы нелѣпо искать въ нихъ фактическихъ свѣдѣній, особенно историческихъ. Пусть читателей не вводятъ въ заблужденіе историческія имена, встрѣчающіяся въ разсматриваемыхъ нами пѣсняхъ. Повторимъ еще: это совершенно-особый міръ, съ своею собственною географіею, съ собственными царствами, городами и людьми. Этотъ Кіевъ-градъ не тотъ Кіевъ, который вы знаете, городъ, которой игралъ такую важную роль въ нашей исторіи и находящійся подъ 50° сѣв. широты: это городъ, построенный фантазіею на ея собственной землѣ, подъ ея собственнымъ небомъ. Этотъ Владиміръ князь также не тотъ, котораго вы знаете.

Конечно, первая, самая первая основа этихъ пѣснопѣній взята изъ историческаго міра. Но такъ-какъ она возникла или, по-крайней-мѣрѣ, получила опредѣленный видъ долгое время

* Здѣсь пусть читатели припомнятъ, что было нами сказано въ первой половинѣ нашей статьи, въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ».

спустя послѣ вѣка владимірова, то и онъ, и всѣ другія лица, и всѣ подробности утратили постепенно свой дѣйствительный характеръ и превратились въ вымыслы. Народъ окрашивалъ ихъ все новыми цвѣтами и украшалъ новыми вымыслами, такъ-что въ минуту творчества своей фантазіи онъ къ нимъ обращался всегда и на нихъ изливалъ то, чѣмъ была она полна. Наконецъ все это превратилось въ радужный, очарованный міръ, весь живущій только въ одномъ поэтическомъ созерцаніи. Каждый вѣкъ, каждое поколѣніе оставляли на нихъ свои слѣды. Намъ кажется, что они возникли окончательно уже въ періодъ монгольскій, потому-что на нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ періода предшествовавшаго, и, напротивъ, очень много слѣдовъ монгольскаго. Не удивляйтесь, что въ нихъ Владиміръ ведетъ войны съ Татарами, что Добрыня вырубилъ Чудь, Черкесъ Пятигорскихъ и Алюторовъ, что Владиміръ былъ женатъ на дочери небывалаго короля Золотой Орды Этмануйла Этмануйловича, что Илья-Муромецъ разогналъ войско тоже небывалаго царя Калина, что Буслай изъ Ильменя-озера проѣхалъ прямо въ Каспійское-Море, и не упрекайте бѣдный народъ вмѣстѣ съ г. Калайдовичемъ въ томъ, что онъ не читалъ исторіи Карамзина и не учился географіи г. Зябловскаго.

Углубляйтесь въ поэзію народа для-того, чтобы извѣдать содержаніе, глубину и мощь его фантазіи, чтобы лицомъ-къ-лицу познакомиться съ его духомъ, проникнуться имъ и послѣ узнавать его вездѣ, во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Слова нѣтъ — интересно также и внѣшнее изученіе пѣсень, особенно, какъ здѣсь, эпическихъ; любопытно слѣдить за исторической нитью, кое-гдѣ проглядывающей сквозь мозаику фантазіи; но не надобно только придавать этому слишкомъ большой важности. Многія мѣста въ нихъ могутъ наводить на догадки и соображенія, могутъ подтверждать историческія данныя. Такъ, на-примѣръ, описаніе образа жизни Владиміра и отношеній его къ дружинѣ и проч., въ несторовой лѣтописи, имѣетъ какъ-будто какое - то сродство съ тѣмъ видомъ, какъ онъ является на своихъ пирахъ княжескихъ, среди своихъ удалыхъ богатырей. Добрыня, который у Нестора является дядею Владиміра, здѣсь одинъ изъ лучшихъ богатырей его и стольниковъ, и, такъ же, какъ у Нестора, былъ онъ ревностнымъ сокрушителемъ идоловъ, здѣсь

то-и-дѣло что сражается съ Змѣемъ-Горынычемъ и съ его домочадцами; величавый образъ Муромца, осіянный какимъ-то идеальнымъ величіемъ, какъ является онъ въ пѣсняхъ, соласуется съ святынею его памяти,—и проч.

Найдемъ ли мы здѣсь сознанные нами элементы русской души, или это міръ совершенно-отрѣшенный отъ дѣйствительности, строго и крѣпко въ самомъ себѣ замкнутый, созданный изъ особенныхъ элементовъ, неимѣющій ничего общаго съ тѣми, которые двигали и волновали русскую жизнь? — Найдемъ ли мы этотъ... О, конечно, найдемъ!.. Здѣсь должно быть высшее, торжественное проявленіе элементовъ души; здѣсь они изъ неопредѣленной темноты ощущенія просвѣтлены и возвышены до идеала, до поэтическаго созерцанія, до художественнаго сознанія въ образахъ. То, что мы назвали разгуломъ и играніемъ силъ, самозабвеніемъ и самоощущеніемъ въ отвлеченной, безграничной могучести, все это здѣсь собрано и сосредоточно, облечено въ куякъ и панцырь, покрыто кольчугою, вооружено чингалищемъ, саблей и лукомъ съ стрѣлами и названо «богатырь».

Это идеалъ, который находитъ свое осуществленіе во всѣхъ различныхъ витязяхъ княженецкаго стола. Онъ относится къ нимъ, какъ родъ къ своимъ видамъ, къ своимъ индивидуумамъ; онъ обособляется въ нихъ, становится въ нихъ конкретнымъ *. Но для-того, чтобы обособляться и воплощаться въ отдѣльныхъ явленіяхъ, идеалъ долженъ уже самъ по себѣ содержать въ себѣ сѣмя обособленія, возможность изъ общаго перейдти въ частное, силу дать себѣ существованіе; другими словами, онъ долженъ быть живымъ родомъ, живымъ понятіемъ, долженъ самъ быть конкретнымъ, а не мертвымъ, отвлеченнымъ представленіемъ, т. е. нами же самими составленнымъ изъ признаковъ *отвлеченныхъ* отъ предметовъ. Постараемся же теперь доказать, что богатырь есть этотъ живой идеалъ; разсмотримъ

* Читатели простятъ намъ употребленіе этого слова тѣмъ болѣе, что мы употребляемъ его очень-рѣдко, тамъ, гдѣ нельзя безъ него обойдтиться и притомъ очень осторожно, поясняя его приблизительно или предъидущими, или послѣдующими выраженіями и только какъ-бы сосредоточивая въ немъ и повершая имъ полноту мысли, разсѣянной во многихъ выраженіяхъ.

живой составъ этого идеала и разовьемъ изъ него возможность его особныхъ опредѣленій.

Сущность понятія «богатырь» есть сила. Если бъ мы остановились на одномъ этомъ, то имѣли бы только общее, отвлеченное понятіе, а не живой идеалъ съ искрой жизни внутри. Но мы пойдемъ далѣе. Сила богатыря есть сила въ ея первоначальномъ видѣ, нераздвоившаяся, сила естественная; слѣдовательно, она наполняетъ совершенно все существо его, она есть душа его и проявляется столько же въ его думахъ, желаніяхъ, словахъ, сколько въ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Такъ-какъ въ понятіи «богатырь» не заключается больше никакого опредѣленія, такъ-какъ онъ не есть ни царь, ни воинъ, ни человѣкъ государственный, ни христіанинъ, ни язычникъ (хотя можетъ быть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ), такъ-какъ мы ничѣмъ больше не въ-правѣ характеризировать его, какъ только назвать его человѣкомъ силы; то слѣдовательно нѣтъ никакого внѣшняго, предметнаго (объективнаго) опредѣленія его силы, слѣдовательно эта сила равнодушна ко всѣмъ предметамъ. Не имѣя въ себѣ никакого опредѣленія и не встрѣчая себѣ никакого ограниченія внѣ, сила безпрепятственно и безпреградно разливается повсюду, куда только захочетъ; ея могущество формально и отвлеченно и потому охватываетъ всякій предметъ; слѣдовательно въ предметѣ отрицается возможность сопротивленія и отпора; ничто внѣшнее, ничто встрѣчное не имѣетъ передъ богатыремъ силы и богатырю все возможно; его ничто не смутитъ, ничто не удивитъ; онъ и полтора ведра вина однимъ глоткомъ выпьетъ, и человѣка зашвырнетъ чуть не подъ облака, и цѣлое войско размечетъ одинъ съ одною осью тележною. Отсюда все движеніе его силы заключается только въ стремленіи изъ себя наружу, въ стремленіи разбѣжаться, что̀ духа есть, и раскинуться на вольномъ просторѣ, *чѣмъ дальше, тѣмъ лучше* *. Формою проявленія такой силы должно быть удальство и исканіе приключеній. Удальство ведетъ за собою потребность оцѣнки и славы. Оцѣнять можетъ только подобный подобнаго; отсюда множественность богатырей, отсюда также и потребность ихъ

---

* Мы съ умысломъ употребили здѣсь это выраженіе, употребленное уже нами прежде въ двухъ случаяхъ, чтобы черезъ это намекнуть на тождество историческаго назначенія народа, его душевной жизни и идеала его фантазіи.

сближенія, необходимость точки, на которой они могли бы сталкиваться, средоточія. Это средоточіе не должно быть ничѣмъ инымъ, какъ только средоточіемъ; вся цѣль его должна заключаться только въ томъ, чтобы принимать въ себя и выпускать изъ себя радіусы. И потому Владиміръ не отличенъ никакою силою, онъ только собираетъ вокругъ себя богатырей, угощаетъ ихъ, пируетъ съ ними, назначаетъ имъ подвиги, указываетъ только имъ дороги для удалыхъ разъѣздовъ; самъ же не дѣйствуетъ и остается постоянно въ своемъ Кіевѣ. Не будучи самъ богатыремъ, онъ слѣдовательно и не могъ быть ограниченіемъ для богатырей, которые признавали только богатырскую силу, т. е. свою. Отсюда отсутствіе всякихъ обязанностей и правъ. Если богатыри служатъ Владиміру, то служатъ такъ, добровольно, а не по сознанію какого-нибудь долга. Владиміръ тѣшитъ ихъ, потворствуетъ имъ и, въ случаѣ нужды, единственное орудіе противъ нихъ находитъ въ нихъ же самихъ. Часто также приходится ему смотрѣть сквозь пальцы и нерѣдко *окарачь ползти*...

Довольно этихъ намековъ, хотя намъ и жаль, что мы не вправѣ и не обязаны распространяться дальше и подробнѣе развить наши мысли.

Читатели видять ясно, что въ идеалѣ фантазіи русской заключается то, что мы нашли въ русской душѣ: и неопредѣленность, и такъ названный нами разгулъ. Но вы замѣтили также, что въ этомъ идеалѣ нѣтъ горькаго, заунывнаго чувства недовольства,— это міръ веселый. Отъ-чего это?..Отъ-того-что поэзія эпическая, по существу своему, не допускаетъ въ свой міръ, со всѣхъ сторонъ крѣпко-на-крѣпко запертый, никакихъ лирическихъ изліяній, потому-что въ его твердыхъ, органическихъ формахъ воплощается мысль (идея, идеалъ), а не субъективное чувство, которое и воплощаться не можетъ, а можетъ только давать знать о себѣ звуками и образами. Недовольство потеряло здѣсь свою форму, форму заунывнаго чувства и потерялось само въ элементѣ, ему родственномъ, въ неопредѣленности. Въ лирическихъ пѣсняхъ, какъ мы увидимъ, оно получитъ первенство: тамъ торжество его.

Замѣтимъ еще въ добавленіе, что мощное сознаніе своихъ силъ является здѣсь не только въ богатыряхъ и ихъ дѣйствіяхъ,

но и въ духѣ, колоритѣ и тонѣ цѣлаго. Не высказывается ли, на-примѣръ, все существо русскаго разгула въ этихъ стихахъ:

Высота ль — высота поднебесная,
Глубота ль — глубота окіянъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ.

Или, на-примѣръ, какая мощь заключается въ этомъ разливѣ силы, охватывающей всю вселенную и играющей съ нею:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря — въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.

Въ самыхъ звукахъ слышна металлическая звонкость силы, собравшей въ себѣ всю мощь свою:

Взвыла да пошла калена стрѣла,
или:
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія
До мѣдны литы въ три тысячи;
Схватилъ Татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ-градъ
И зачалъ Татариномъ помахивати,
Куда ни махнетъ — тутъ улица лежитъ,
Куды отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится
А жиловатъ, собака, не изорвется.»

Русская эпопея, подъ названіемъ «Пиры князя Владиміра», есть цвѣтъ русской фантазіи, высшій циклъ ея творчества. Но ею не ограничивается воплощеніе русскаго идеала: есть еще другіе циклы эпическихъ пѣснопѣній, которые уступаютъ первому столько же во внутренней полнотѣ, въ полнотѣ (Totalität) идеала, сколько и въ внѣшнемъ объемѣ, въ, богатствѣ пѣсенъ. Если мы изъ перваго цикла знаемъ только немногія разроз-

ненныя пѣсни *, то изъ другихъ передъ нами лежатъ только въ самомъ маломъ количествѣ отрывки. Но въ этихъ отрывкахъ столько жизни, въ этихъ пѣсняхъ столько намековъ на другія, столько проходитъ по нимъ жилъ пересѣченныхъ, еще съ невысохшей кровью, жилъ, которыми они прикрѣплялись къ цѣлому циклу, что почти можно разграничить, опредѣлить и даже назвать по нимъ и циклы.

Ближе всѣхъ по времени и по духу къ богатырскому циклъ новгородскій. Но пѣсни, относящіяся къ этому кругу, врядъ-ли бы могли составить одно такое же цѣлое, какъ и богатырскія; этотъ циклъ—не эпопея съ однимъ центромъ, съ одними героями, а скорѣе собраніе многихъ отдѣльныхъ поэмъ, запечатлѣнныхъ однимъ характеромъ; центръ, въ которомъ соединяются всѣ его радіусы, есть незримое вѣяніе одного и того же духа, проявляющагося впрочемъ въ отдѣльныхъ поэмахъ неодинаково, а съ различными оттѣнками. Въ сборникѣ Кирши Данилова мы нашли только четыре пѣсни изъ этого круга, изъ которыхъ каждыя двѣ образуютъ свой собственный кругъ. Общій характеръ ихъ заключается въ томъ, что въ нихъ отражается физіономія торговаго, богатаго города, что въ нихъ уже начинаютъ показываться гражданскія отношенія; здѣсь въ русскій идеалъ входятъ новые цвѣта, новыя опредѣленія, впрочемъ не во всѣхъ пѣсняхъ равно. Двѣ чудныя пѣсни о Васильѣ Буслаевѣ смыкаются съ цикломъ кіевскимъ; въ нихъ царствуетъ та же желѣзная мощь; въ колоритѣ и тонѣ ихъ много общаго. Самъ Буслаёвъ съ головы до ногъ богатырь, которому бы сидѣть за столомъ княженецкимъ, да передъ княземъ похваляться и разъѣзжать въ чистомъ полѣ искать сопротивника; онъ также выпиваетъ однимъ духомъ полтора ведра зелена вида; онъ также кого хватитъ за руку— рука прочь, кого за голову— голова прочь. Кромѣ того онъ, какъ видно изъ всего, относится къ эпохѣ «пировъ». Многіе изъ его дружины — именно

* Еслибъ даже и не нашлось больше пѣсень, кромѣ тѣхъ, которыя изданы Калайдовичемъ, и если бы слухи, что у гг. Кирѣевскаго и Языкова есть много новыхъ, совершенно-неизвѣстныхъ, оказались несправедливыми, то мы указываемъ на русскія сказки, какъ на неисчерпаемую сокровищницу, изъ которой, намъ кажется, легко можно будетъ пополнить недостатокъ и пробѣлы въ нашей эпопеѣ.

братья Сбродовичи, тѣшатся за столомъ княженецкимъ; также служившіе у него мужики Залѣшана, богатыря, о которомъ мы не знаемъ, но о которомъ однакожь есть, какъ говорятъ, сказки. Съ другой стороны, въ формѣ, въ которой проявляется разгулъ его силы, есть нѣкоторыя особенности, которыхъ тамъ нѣтъ; опредѣленіе ея уже нѣсколько тѣснѣе. Подвиги его свершаются въ гражданскихъ предѣлахъ, на гражданской почвѣ. Онъ собираетъ дружину, ссорится и дерется съ мужиками новогородскими, договорившись съ ними, что если будетъ побѣжденъ, онъ будетъ платить имъ дань; если жъ онъ одолѣетъ, они будутъ платить дань; потомъ вольничаетъ съ своею шайкою, бьетъ и грабитъ, и наконецъ, въ довершеніе, ѣдетъ также вмѣстѣ съ своими сподвижниками въ Іерусалимъ Богу молиться и каяться, что въ молодости было много бито, граблено, — и наконецъ платится за свою удаль жизнію. Въ этихъ пѣсняхъ смутно мелькаетъ даже что-то историческое; въ нихъ ложится колоссальная тѣнь новгородской славы и свободы; здѣсь есть старецъ пилигримище, который на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ, вѣсомъ въ триста пудъ. Мы не можемъ удержаться, чтобы не познакомить поближе читателей съ этимъ старцемъ пилигримищемъ, тѣмъ болѣе, что черезъ это знакомство они еще больше уяснятъ себѣ новгородскій характеръ пѣсень. Старецъ стоитъ на улицѣ и кричитъ разбѣжавшемуся Василью:

«А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь, не полетывай;
Изъ Волхова воды не выпити
Въ Новѣгородѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемся.»

Василій отвѣчаетъ ему, что онъ бился объ закладъ съ мужиками новгородскими, «опричь почестнаго монастыря, опричь тебя старца пилигримища». И тотчасъ же прибавляетъ:

Въ задоръ войду — тебя убю.

Въ-слѣдъ за тѣмъ онъ ударилъ тележною осью, которая была у него въ рукахъ, по колоколу:

Качается старецъ, не шевельнется.
Заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ — ужь и вѣку нѣтъ.

И онъ, какъ-бы испугавшись самъ своей дерзости, тихо пошелъ далѣе на подмогу къ своей дружинѣ, которая уже изнемогала безъ него.

Двѣ другія пѣсни уже извѣстны нашимъ читателямъ: герой, дѣйствующій въ нихъ, не кто другой, какъ Садъ Садко богатый гость. — Кромѣ того фантастическаго элемента, съ которымъ мы старались познакомить читателей (и который, замѣтимъ въ скобкахъ, не должно почитать за особенный, отличительный признакъ этого цикла), здѣсь мы также встрѣчаемъ разсмотрѣнный нами идеалъ, но ужь совершенно въ другой формѣ. Это ужь не богатырская физическая сила, сбивающая съ ногъ все, что ни попало: это сила человѣка общественнаго, человѣка, живущаго въ городѣ и притомъ торговомъ, гдѣ деньги самый могущественный рычагъ. Здѣсь удальство и разгулъ совсѣмъ другаго рода. Богатому гостю, у котораго погреба полны несмѣтными сокровищами — все ни по чемъ: онъ можетъ все сдѣлать, что ни захочетъ. Василій Буслаевъ бьется объ закладъ съ гражданами новогородскими, кто кого одолѣетъ въ дракѣ; Садко бьется съ ними же объ закладъ о томъ, чье богатство скорѣй истощится, ихъ или его. Вся сила его въ богатствѣ; какъ сила богатыря не встрѣчаетъ себѣ никакого отпора извнѣ, такъ точно ничто не можетъ удивить удалаго купца; у него свой point d'honneur, — онъ гордъ тѣмъ, что можетъ все скупить, что казна его перетянетъ всѣ товары новогородскіе; онъ точно такъ же тѣшится и играетъ своею силою, какъ богатыри своей; все безсильно, все падаетъ передъ его богатствомъ, и, гордый, онъ презрительно смѣется надъ униженнымъ соперникомъ.

Мы не знаемъ еще никакихъ другихъ пѣсень, относящихся къ этому циклу. Можетъ-быть даже, наше предположеніе о существованіи этого цикла несправедливо; по-крайней-мѣрѣ оно имѣетъ основаніе. Столько живой силы бьетъ въ этихъ пѣсняхъ размѣры ихъ такъ колоссальны, что трудно повѣрить, чтобы глубокій источникъ, изъ котораго они вышли, не породилъ ничего еще, кромѣ ихъ.

Другіе циклы распредѣлить труднѣе, и намъ въ этой статьѣ, гдѣ мы должны говорить только намеками, снимать верхи и от-

нюдь не пускаться въ изслѣдованіе, едва-ли возможно. Передъ нами лежитъ нѣсколько разсѣянныхъ пѣсень, напечатанныхъ г. Калайдовичемъ, изъ которыхъ многія намекаютъ собою на что-то цѣлое, къ чему онѣ относятся какъ части; многія даже подобны отрывкамъ и разбросаннымъ членамъ организма, и многія, должно также прибавить, являются совершенно-особенными произведеніями и не заставляютъ предполагать существованіе цѣлыхъ круговъ.

Мы укажемъ на пѣсни о Ермакѣ и о Іоаннѣ-Грозномъ: какъ тѣ, такъ и другія, вѣроятно, образуютъ циклы. Отличительный характеръ пѣсень о Ермакѣ заключается въ томъ, что въ нихъ голый историческій элементъ начинаетъ торжествовать надъ эпическимъ; колоритъ ихъ холоднѣе, краски блѣднѣе; народный идеалъ выражается въ нихъ уже не съ такою полнотою и не съ такою силою, какъ въ предъидущихъ пѣсняхъ.

Причина, которая заставляетъ насъ думать, что пѣсни о Іоаннѣ-Грозномъ составляютъ особенный циклъ, не столько заключается въ количествѣ этихъ пѣсень, сколько въ самомъ свойствѣ этого великаго царя, въ той мощной физіономіи, которую даетъ ему народная фантазія. Русь, начавшая себя чувствовать цѣльнымъ организмомъ, перестаетъ уже дробить свой идеалъ и выражать его въ цѣлости многихъ отдѣльныхъ лицъ: она сосредоточиваетъ и совокупляетъ его весь—въ одномъ лицѣ великаго монарха. Она собрала всю свою силу, которую прежде фантазія разливала въ подвигахъ богатырей, въ новогородскомъ *вольничаньѣ*, въ удальствѣ, и влила ее всю въ одного человѣка и любовалась ею во всѣхъ дѣйствіяхъ этого человѣка. Осуществившись такимъ-образомъ всею своею полнотою въ одномъ лицѣ, русская сила должна была получить иной характеръ. Переставъ быть силою физическою и сосредоточившись изъ удалаго разгула, она засверкала духовнымъ огнемъ въ очахъ властелина: она стала сердцемъ царевымъ. Но такъ-какъ организмъ Руси не пріялъ еще въ себя своей доли изъ духа всемірно-историческаго, такъ-какъ Іоаннъ не былъ самъ Петромъ, а былъ только предтечею Петра, то и сила его, хотя уже и сосредоточенная, не приняла еще своего средостремительнаго направленія и оставалась въ прежней неопредѣленности. Отъ-того и огонь, горѣвшій во взорахъ Іоанна, палилъ и

жегъ, а не грѣлъ; отъ-того и сила его обнаруживалась не во всеобъемлющей благости, а прорывалась разрушительной грозою. Онъ былъ великій человѣкъ, онъ вполнѣ понялъ народъ свой и то, что̀ было нужно ему; за-то народъ въ свою очередь понялъ его и то, чего хотѣлъ онъ. Народъ благоговѣлъ передъ нимъ, народъ свято сохранилъ въ себѣ его память и далъ ему верховное мѣсто въ своей фантазіи. Здѣсь онъ явился олицетвореніемъ судьбы; необъятная сила, заключенная въ немъ, дѣйствовала внутри его въ таинственномъ мракѣ, и сверканьемъ молніи давала знать о своей волѣ. Рѣшеніе его воли сверкало изъ него такъ же непостижно и такъ же неизбѣжно, какъ и приговоры рока. Во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ является онъ этимъ могучимъ представителемъ грозной, неумолимой, непреклонной судьбы; всѣ пѣсни о немъ дышатъ силою сосредоточенною; колоритъ въ нихъ мраченъ; небо объято непроницаемой тучей; освѣщеніе — яркій блескъ молніи.

Замѣтимъ здѣсь, при случаѣ, ка̀къ фантазія художника можетъ сродниться съ фантазіей народа и повершить ея неготовые образы. Мы хотимъ сказать о высокомъ произведеніи молодаго поэта, еще недавно-появившагося въ нашей словесности, о произведеніи г. Лермонтова «Пѣсня про царя Ивана Васильевича молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» *. Дивнымъ инстинктомъ угадалъ поэтъ, что̀ хотѣла сказать фантазія народа; съ дивною силою перенесъ онъ въ себя ту идею, которую силилась она воплотить органически и дробила на множество недоконченныхъ проявленій; съ тою же силою онъ развилъ ее въ образахъ совершенно ей равновѣсныхъ, организовалъ всѣ части ея содержанія. Здѣсь мы смѣло говоримъ, что произведеніе г. Лермонтова есть полное откровеніе идеи, и потому вполнѣ художественно, и критика, которая въ-силахъ исчерпать его, можетъ быть только критика философская, какъ понимаютъ ее теперь въ Германіи. Причина такого блистательнаго успѣха г. Лермонтова заключается сколько и въ его талантѣ, отъ котораго мы можемъ многаго ожидать, столько и въ томъ, что онъ взялъ свой идеалъ изъ

* Въ «Лит. Приб. къ Русскому Инвалиду» 1838 года, въ нумерѣ 18.

фантазіи народа,—идеалъ, въ которомъ тлилась уже искра художественной жизни и сѣмя организаціи.

Изъ области русской эпопеи, заселенной металлическими образами, перейдемъ теперь въ область звуковъ, или лучше, образовъ, созданныхъ изъ звуковъ, — въ область лирики русской. Какъ художникъ, такъ и народъ въ лирическихъ пѣснопѣніяхъ изображаетъ внутреннее состояніе души; различіе заключается только въ томъ, что въ художественныхъ стихотвореніяхъ неопредѣленныя, индивидуальныя ощущенія, сколько то позволяютъ законы лирики, просвѣтляются, совлекаются своей индивидуальности и становятся образными мыслями, между-тѣмъ какъ въ народныхъ (естественныхъ) пѣсняхъ ощущеніе только даетъ знать о себѣ. Истинный художникъ и притомъ вполнѣ-развившійся, никогда, въ минуту творчества, не дастъ воли порыву своей души, никогда не увлечется субъективнымъ ощущеніемъ; быстрое око его тотчасъ же найдетъ въ ощущеніи общую сторону, уловитъ его въ болѣе или менѣе (смотря по свойству ощущенія) исчерпывающей формѣ, и рѣзецъ или кисть въ спокойной рукѣ организуетъ всѣ ея части. Народъ, въ которомъ духъ еще тѣсно связанъ съ природою, волнуется ощущеніями такими, въ которыхъ общая разумная сторона слита съ животною. Онъ не въ-силахъ выговорить ихъ, но между-тѣмъ душѣ человѣческой сродно стремленіе излить свою полноту. Если радость наполняетъ ее, ей нужно подѣлиться радостью съ другими, если скорбь, ей нужно освободиться отъ скорби, излить ее изъ себя; художникъ, изливая свою скорбь, представляетъ ее передъ собою; душа естественная не думаетъ уже о созерцаніи того, что̀ волнами пробилось изъ ней и понеслось быстрымъ потокомъ; она довольна ужь и тѣмъ, что облегчилась отъ тяжкой ноши. Народъ, слѣдовательно, не больше какъ говоритъ о своихъ ощущеніяхъ, только намекаетъ на то, что̀ движется и борется въ немъ, слѣдовательно онъ и здѣсь вѣренъ тому, что̀ мы назвали символизмомъ. Отъ-того-то, какъ было сказано выше, мы и не ходимъ искать цѣленія нашимъ болѣзнямъ въ струяхъ народной лирики: она—непосредственное выраженіе души народной, и мы, вслушиваясь въ ея звуки, вглядываясь въ ея образы,

страдаемъ или радуемся не сами за себя, а за народъ, по сочувствію съ нимъ.

Въ лирическихъ пѣсняхъ русская душа уже искренно говоритъ намъ о своихъ страданіяхъ; она совлекаетъ съ себя радужный покровъ и показываетъ намъ свои раны. Бѣдная,—какъ она страдала! Какія глубокія раны!... Русскія пѣсни! при одномъ этомъ словѣ унылое чувство ужь крадется въ душу. Это море звуковъ, здѣсь вся душа Руси; все, отъ чего она ныла, все, чѣмъ она болѣла и по чемъ тосковала, все изливала и излила она въ это море; по его же широкому простору разливались и силы ея, когда, затаивъ въ себѣ дыханіе, она внезапно отрывалась и отъ того, что̀ давило ее внутри, и отъ того, что̀ тѣснило извнѣ.

Народныя лирическія пѣсни съ перваго взгляда распадаются на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ можно характеризовать названіемъ «пѣсень семейныхъ», другой названіемъ «пѣсень удалыхъ и разгульныхъ». Это два родовые отдѣла; всѣ другія пѣсни, неподходящія подъ это дѣленіе, какъ на-примѣръ, солдатскія, историческія, не такъ многочисленны и не такъ важны.

Семейныя пѣсни. Вотъ гдѣ притонъ русской тоски, вотъ откуда плавно и медленно льются русскіе заунывные звуки. Семейство—вотъ гдѣ страдала и ныла душа русская. Благородный народъ, онъ имѣлъ въ себѣ столько силы и мужества, что никогда не позволялъ скорбнымъ звукамъ вылетать изъ души своей, когда его тѣснили общественныя отношенія; онъ глубоко таилъ ихъ въ себѣ и дѣйствовалъ тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать. Инстинктъ говорилъ ему, что должно терпѣть, что бури минуютъ, и что послѣ нихъ зеленѣе будетъ земля, свѣжѣе воздухъ, яснѣе небо,—и онъ мужественно выносилъ всѣ невзгоды, которыми полна его исторія, онъ душилъ въ себѣ горькій укоръ и изрекалъ проклятіе только тѣмъ, кто дерзко посягалъ на его святыню. Вся горькая сила его упрека пала на семейственныя отношенія; здѣсь онъ живо чувствовалъ всю свою неопредѣленность, здѣсь онъ страдалъ и не таилъ своихъ страданій; горькое *недовольство* лилось изъ его души въ этихъ скорбныхъ, въ этихъ заунывныхъ звукахъ.

Русскія заунывныя пѣсни! съ.чѣмъ сравнить впечатлѣніе ихъ на душу, какими образами выразить его?.. Осенній вѣтеръ съ протяжнымъ свистомъ бѣжитъ по печальной, поблекшей равнинѣ; желтые листья съ шелестомъ падаютъ на землю; ворота скрыпятъ, — ихъ то захлопнетъ порывъ вѣтра, то снова распахнетъ; полуразбитыя окончины дрожатъ въ бѣдной лачужкѣ; въ ней темно и холодно; изрѣдка вскрикнетъ ребенокъ, изрѣдка проворчитъ на него мать—на дворѣ залаетъ собака; поле пусто—мелкій дождикъ накрапываетъ изъ сѣраго неба... Однообразная, бѣлая даль; на пасмурномъ небѣ нѣтъ солнца; снѣгъ хлопьями падаетъ внизъ на черныя сучья деревьевъ; стаи грачей и вороновъ съ карканьемъ снуются въ мерзломъ воздухѣ; пѣшеходу морозно, и негдѣ присѣсть отдохнуть — вдали не видать привѣтнаго дыма... Черная ночь; въ дымной избѣ горитъ и курится лучина; старушка задремала надъ пряжей; на бѣломъ столѣ остатки скуднаго ужина; на палатяхъ храпитъ усталый работникъ; въ углу задумалась дѣвушка и выпустила изъ рукъ веретено; она чуть-слышно напѣваетъ про себя заунывную пѣсню... И опять заунывная пѣсня!...

Взглянемъ внутрь семейной жизни русскаго народа и посмотримъ, какъ изъ ней выработывались эти заунывные звуки. Семейная жизнь по-преимуществу есть жизнь женщины. Здѣсь она царствуетъ, здѣсь внутрь ея души должно намъ заглянуть. Начнемъ ея исторію съ той эпохи, когда въ груди ея начинаетъ биться сердце, когда она сознаётъ, что она женщина, и что для полноты своего существа ей нужно найдти себя въ другомъ существѣ. Изъ семейныхъ русскихъ пѣсень отдѣляются сначала пѣсни любовныя. Какъ проявлялось въ груди русской дѣвушки это сладостное чувство, какъ развивался въ ней этотъ благоуханный цвѣтокъ земнаго существованія? Немного отрадъ приносила ей съ собою любовь. Только первая минута упоенія, первая встрѣча взоровъ, первый трепетъ проснувшагося сердца были для ней безпримѣснымъ блаженствомъ, и въ нихъ вся сладость новаго чувства исчерпана и выпита ею: цвѣтокъ расцвѣтаетъ весною. Сколько нѣжности,— скажемъ больше, сколько граціи въ тѣхъ немногихъ звукахъ, которые выходятъ изъ души русской на зарѣ новой жизни, на веснѣ блаженнаго чувства! Сколько

самоотверженія, сколько преданности въ весеннихъ пѣсняхъ любви! Дѣвушка отрекается отъ всего, отъ своего прежняго тихаго быта, отъ отца, отъ матери, отъ братьевъ, и вся отдается тому, кого избрало сердце; напрасно зоветъ ее отецъ, напрасно кличетъ мать,—нейдетъ она; но она мгновенно встаетъ на милый голосъ и, не отводя глазъ отъ милаго образа, въ полнотѣ чувства, едва только можетъ проговорить: «иду, иду за тобою, мой суженый». Она такъ граціозно любуется имъ, она не нарадуется на его русыя кудри, на его взоръ соколиный или молодецкую поступь, столько нѣжныхъ словъ умѣетъ придумать она,—она не наговорится о немъ, о своемъ ладушкѣ... А онъ?—онъ такъ весело, такъ беззаботно, съ такимъ упоеніемъ склонилъ къ ней на грудь свою голову, онъ говоритъ ей, какъ онъ прежде *вялъ и сохъ въ одиночествѣ, будто травка среди дикаго поля,* и какъ онъ веселъ теперь, когда она, красная дѣвушка, полюбила его, пріодѣла шелковой фатою и назвала дружкомъ миленькимъ!.. Вотъ книжки г. Сахарова: разверните третью книжку...

Но весна любви проходитъ быстро, такъ же быстро, какъ и первая дѣтская и полудѣтская пора жизни дѣвушки, пора до той минуты, когда она встрѣтилась съ своимъ суженымъ, та пора, когда она еще бѣгала и рѣзвилась, не зная никакой зазнобы, когда она кружилась и пѣла въ веселыхъ хороводахъ... Къ-стати упомянемъ здѣсь о «пѣсняхъ хороводныхъ», которыя по своей сущности должны предшествовать пѣснямъ любовнымъ. Въ нихъ дышетъ какая-то дѣтская безпечность, милая наивность; въ нихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ чувствованій, точно такъ же, какъ нѣтъ ихъ въ ребенкѣ: это большею частію милое играніе звуками и образами; кое-гдѣ думы и ожиданія юной только-что развертывающейся души; много-много мечты о новой эпохѣ въ жизни; предчувствіе скораго свиданія... Здѣсь, кружась въ хороводѣ, дѣвушка не рѣшилась еще въ выборѣ, кто изъ молодцовъ, съ нею играющихъ, будетъ ея суженымъ. Молодецъ еще не остановилъ своихъ взоровъ на одной, онъ любуется всѣми, какъ цвѣтками. — Возвратимся къ веснѣ ея любви: она летитъ быстро, сказали мы, какъ и первая безпечная пора жизни. Немного звуковъ могло выпорхнуть изъ чашечекъ ея цвѣтовъ — они такъ недолго цвѣли... Вотъ только; больше ужь и не ждите веселыхъ или радостныхъ звуковъ.

Очарованіе исчезло — первая минута, минута безотчетнаго, упоеннаго любованія другъ другомъ прошла; въ сердце дѣвушки невольно прокрадывается какое-то томительное, недоброе предчувствіе, что ея счастіе скоро истощится, что нѣтъ прочности въ любви ея милаго. Предчувствіе начинаетъ мало-помалу сбываться: наступаетъ періодъ огорченій, слезъ и страданій. Тайная кручина, глубоко сокрытая въ темной глубинѣ души русской, была только на мигъ усыплена въ молодцѣ любовью; она пробуждается и пробуждается съ новою силою. Дѣвушка перестаетъ быть его отрадою, онъ рѣдко приходитъ къ ней за освѣженіемъ. Она тоскуетъ и жалуется... Онъ сердится, онъ ужь холоднѣе къ ней... Онъ даже, наконецъ, задушивъ въ себѣ чувство, покидаетъ ее, а женится на другой безъ любви, по разсчету.

Но и тогда, когда она выходитъ за милаго, и тогда ей не легче. Она чувствуетъ, что все перемѣнится, когда она перейдетъ въ его домъ; что какая-то невѣдомая ей потребность, которой она не въ-силахъ удовлетворить, проснется въ немъ, охватитъ его всего и оторветъ отъ ней; что его увлечетъ какой-то неодолимый потокъ и она останется одна... Тутъ приходитъ ей на мысль, что ее будутъ окружать люди чужіе; тесть не то, что отецъ, теща не то, что мать: каковы-то будутъ они? И ей грустно разстаться съ своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, ей жалко своей дѣвичьей косы... Подруги съ плачемъ расплетаютъ ей косу, съ плачемъ идетъ невѣста подъ вѣнецъ. И другимъ, со стороны смотря на свадьбу, хочется не радоваться, а плакать...

Бѣдная! предчувствіе ея вполнѣ сбывается: скудная, душная жизнь открывается передъ нею; она вянетъ безъ утѣхъ, безъ наслажденій, озабоченная нуждами чернаго быта. Дѣти тоже не на радость даны ей: ей нѣкогда любоваться ими, она не можетъ освободиться отъ скорбнаго чувства даже и тогда, когда ласкаетъ ихъ... Русскія колыбельныя пѣсни походятъ больше на похоронныя...

А онъ?—О, его борьба ужасна! онъ всю горечь затаилъ внутри себя и надѣлъ на себя личину равнодушія; горечь въѣдается во всѣ уголки его души и отравляетъ все, что ни войдетъ въ душу. Не вѣрьте, не вѣрьте ему, когда онъ предстанетъ вамъ,

озабоченнымъ внѣшнею жизнію, крѣпко-на-крѣпко занятымъ трудами,—не вѣрьте его практической ловкости, его притворному равнодушію... Онъ обманываетъ васъ — и вы не знаете его, если думаете, что онъ не можетъ пересилить себя, сдавить внутри себя боль, что онъ малодушно будетъ вамъ разбалтывать о томъ, что̀ скребетъ его душу. Онъ сталъ бы тогда презирать себя, онъ назвалъ бы тогда себя *бабою*. Ему и на жену свою смотрѣть досадно, когда она плачетъ.

Вы знаете, чѣмъ больна была душа русская. Въ этой глубокой душѣ—исполинскія требованія; ей нужно не такой жизни, ей нужно полное счастіе; ей нужно упиться всѣмъ, что̀ дано человѣку на землѣ. И нигдѣ, ни во внѣшней дѣятельности общественной сферы, ни въ кругу семейномъ не находила она и тѣни того, что̀ было нужно ей... То, что̀ было нужно ей, выкупается тяжкими страданіями; оно не вдругъ дается; тѣмъ, что̀ было нужно ей, вѣнчается продолжительная борьба и стремленіе. Будь ея требованія пониже, они бы ранѣе осуществились, и русскій человѣкъ ранѣе нашелъ бы свое опредѣленіе и былъ счастливъ... Что̀ дѣлать! Кто хочетъ большаго блаженства, тотъ желай и большихъ страданій.

Въ лирическихъ пѣсняхъ, сказали мы, торжествуетъ унылое чувство русскаго *недовольства;* сквозь это чувство мы видимъ неопредѣленность его жизни, точно такъ же, какъ въ эпическихъ пѣсняхъ мы отъ неопредѣленности могли дѣлать посылку на скорбное состояніе души. Это чувство или явственно даетъ знать о себѣ въ разсказѣ о томъ, что̀ случилось, что взволновало душу; или изливается въ однихъ стонахъ, въ однихъ неопредѣленныхъ звукахъ.

Существенный характеръ русской души выражается здѣсь не столько въ словахъ, сколько въ голосахъ пѣсень, въ музыкѣ. Русская природа бѣдна, въ ней мало красокъ. Отъ-того русская душа не столько образами старается дать знать о томъ, что̀ наполняетъ ее, сколько звуками, и потому не довѣряйте словамъ многихъ пѣсень,—послушайте лучше, какъ поются онѣ. Какое бы содержаніе ни приняла въ себя душа русская, даже самое то сладостное чувство, о которомъ мы говорили, оно непремѣнно пройдетъ по струнамъ уже натянутымъ и настроен-

нымъ прежде, и звуки выйдутъ печальные, хотя слова и веселы.

Но уже и въ этихъ звукахъ вы услышите лирическій разливъ души русской. Эти звуки не мгновенно налетятъ на вашу душу и тотчасъ же слетятъ, прикоснувшись къ ней; нѣтъ, они повлекутъ ее съ собою, долго, медленно, пока все, что заключается внутри ея, не растечется въ безконечность и не исчезнетъ въ ней. Но здѣсь еще этотъ разливъ отѣненъ скорбнымъ чувствомъ; это еще только начало его; здѣсь еще слышны стоны внутреннихъ струнъ; душа разбѣгается въ ихъ заунывныхъ кругахъ. Это еще не полный разгулъ: еще не замерли стоны...

Въ лирическихъ пѣсняхъ разгулъ не могъ проявляться такъ же торжественно, какъ въ эпическихъ. Тамъ онъ организованъ въ особныхъ существахъ, которыя всѣми своими дѣйствіями проявляютъ его. Здѣсь этого нѣтъ, здѣсь душа говоритъ сама за себя; тамъ эти образы дѣйствовали за душу, уничтожали и низпровергали все и тѣшились безграничнымъ могуществомъ своей силы; здѣсь душа сама сбрасываетъ съ себя всѣ путы, расталкиваетъ тѣсноту, отрицаетъ всѣ опредѣленія, въ которыхъ ей душно, и выбѣгаетъ на дикій просторъ и дико играетъ на немъ своими силами. Тамъ разгулъ былъ благороднѣе и полнѣе, тамъ онъ былъ вмѣстѣ и опредѣленіемъ силъ; тамъ герои окружали себя новой, могучей дѣйствительностію, или, по-крайней-мѣрѣ, стремились къ ней, въ-замѣнъ низпровергнутой; здѣсь душа, оставленная сама себѣ, только могла оторваться отъ самой-себя и отъ цѣлаго міра, отъ всѣхъ опредѣленій—и отъ семейныхъ, и отъ общественныхъ; ей нечѣмъ было замѣнить ихъ; она оставалась безъ всякаго опредѣленія. Русскій человѣкъ, задыхаясь въ тѣснотѣ своего домашняго быта, измученный борьбою, безпрерывно тѣснимый извнѣ, бросалъ все, осуждалъ себя на добровольное изгнаніе изъ общества, убѣгалъ съ кистенемъ или ножемъ въ лѣсъ или на Волгу и изъ ней на море, и тамъ становился вольнымъ казакомъ и разбойникомъ.

Русскіе атаманы не простые люди. Типъ ихъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Загляните въ ихъ внутренность, вы найдете въ нихъ

всю желѣзную мощь русскаго характера. Это цѣлый міръ силы непреклонной, несокрушимой. Въ пѣсняхъ ихъ дышетъ покорность судьбѣ и отвага, которая равнодушно ждетъ грозы и готово на все, на все, что̀ только можно придумать. Мы боимся, чтобъ они не увлекли насъ далеко; объ этомъ предметѣ должно говорить много или вовсе не говорить, а мы и такъ ужь замѣчаемъ, что статья наша начинаетъ выступать изъ своихъ предѣловъ.

Мы не касались до другихъ элементовъ русской души, до другихъ оттѣнковъ русской фантазіи; мы не касались до нихъ, потому-что они легко и ясно выводятся изъ тѣхъ главныхъ, которые мы разсматривали.

Нужно ли также напоминать читателямъ, чтобы они не взъискивали съ насъ, если статья наша покажется имъ неполною, во многихъ мѣстахъ неясною и сбивчивою? Пусть подумаютъ они, какъ неистощимо-богатъ предметъ и пусть вспомнятъ, какъ мало онъ разработанъ, какія ничтожныя пособія могли быть у насъ подъ руками; пусть вспомнятъ также и то, что мы обѣщались говорить только намеками.

Будетъ намъ съ вами плавать по морю русской поэзіи; пора кинуть якорь. Назначеніе нашей статьи, олицетворившись нехуже морскаго царя въ пѣснѣ о Садкѣ, стоитъ на берегу; оно давно уже машетъ намъ рукою, манитъ къ берегу, къ пристани съ маякомъ, на которомъ, вмѣсто путеводнаго огня, видпѣются пять книжекъ г. Сахарова. Но мы не можемъ прямо подплыть къ нему: намъ должно еще обогнуть довольно-большой мысъ, — потолковать объ идеалѣ коллекціи пѣсень. Мы постараемся, однако, сократить путь. Не правда-ли, читатели, вѣдь вы очень устали?

Тотъ, кто избираетъ предметомъ своего изученія русскую народную поэзію, долженъ чувствовать въ себѣ призваніе къ этому предмету. Что̀ же можетъ удостовѣрить его, призванъ онъ или нѣтъ? — Живая потребность, любовь. Безъ любви ничего не

достигнешь, только любовь проникаетъ до сердца предмета. Кто чувствуетъ въ себѣ благородное стремленіе къ предмету, кому нуженъ предметъ, кто сознаётъ, что безъ этого предмета неполна будетъ жизнь души его, тотъ смѣло можетъ сказать, что онъ призванъ, тотъ мужественно иди на голосъ призванія.

Русская народная поэзія — это выраженіе уже указываетъ намъ на то, чего должно требовать отъ ея изслѣдователя. Во-первыхъ, онъ долженъ быть Русскій, Русскій всѣмъ существомъ своимъ. Во всемъ русскомъ онъ долженъ видѣть самого-себя, на все русское должна отзываться душа его, отъ всего русскаго должно биться его сердце. Во-вторыхъ, онъ долженъ горячо любить народъ, долженъ сродниться съ нимъ, долженъ войдти въ него, долженъ открыть грудь свою для всѣхъ его страданій, для всѣхъ его радостей. Въ-третьихъ, онъ долженъ благоговѣть передъ поэзіею, долженъ быть законнымъ гражданиномъ въ ея царствѣ, долженъ проникнуться всѣми ея интересами.

Если онъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, то въ немъ есть всѣ силы, нужныя для подвига, которому онъ посвящаетъ жизнь свою; осязаніе его имѣетъ тонкій тактъ, глазъ меткую остроту, ухо вѣрный слухъ. Отъ него не ускользнетъ ничто русское, отъ него не укроется ни одинъ интересъ, ни одно чувство народа, онъ не обманется въ звукахъ и образахъ. Эти требованія составляютъ необходимыя данныя: это орудія, которыми онъ будетъ дѣйствовать. Какъ же онъ будетъ дѣйствовать?

Любовь дастъ ему силы обречь себя сначала на тяжкій трудъ предварительныхъ изученій. Ему нужно знать всю жизнь Руси во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Онъ долженъ подробно изучить ея исторію, всѣ остатки ея старины; онъ не долженъ, да онъ и не будетъ, если въ немъ точно есть любовь, пренебрегать никакою повидимому неважною мелочью. Все, что случайнымъ, неимѣющимъ въ себѣ никакого существеннаго значенія, для него есть одно изъ частныхъ проявленій общей может показаться другому, у кого нѣтъ такого остраго зрѣнія жизни; онъ слышитъ во всемъ біеніе сердца. Нужно ли говорить, съ какою ревностію будетъ онъ прислушиваться къ звукамъ и собирать разсѣянныя пѣсни? Съ душою открытою для

всего русскаго, сочувствуя народу во всемъ, въ каждой эпохѣ его существованія, онъ направитъ всѣ свои силы на изученіе собранныхъ имъ пѣсень. Онъ тщательно будетъ очищать ихъ отъ всѣхъ искаженій, которымъ онѣ подвергались, перелетая изъ устъ въ уста, побывавъ иногда въ нечистыхъ устахъ; онъ отдѣлитъ отъ нихъ всякую грубую примѣсь. Не во всемъ довѣряя себѣ, онъ долженъ сберечь и то, что̀ покажется ему искаженіемъ, что̀ отдѣлитъ онъ, какъ чуждую примѣсь. Онъ долженъ опредѣлить, если можно—несомнѣнно, если нельзя—приблизительно, время возникновенія пѣсень и постепенную ихъ кристаллизацію въ-теченіе вѣковъ. Зная хорошо исторію своего народа, онъ опредѣлитъ, въ чемъ заключалось участіе каждой эпохи народной жизни въ общемъ творчествѣ; онъ взвѣситъ и оцѣнитъ это участіе. Зная хорошо общественный и семейный бытъ народа, изучивъ всѣ слѣды его жизни, всѣ памятники, въ которыхъ окаменѣла его жизнь — онъ объяснитъ всѣ временные и мѣстные отпечатки. Для этого онъ долженъ принимать все къ соображенію; онъ самъ не проститъ себѣ, если упуститъ что̀-нибудь изъ вида; и если, не смотря на всѣ его старанія, соображенія его не откроютъ того, чего онъ ищетъ, онъ не броситъ ихъ, онъ долженъ представить ихъ на лицо, можетъ-быть онъ же самъ, а если не онъ, такъ другой, будетъ наведенъ какимъ-нибудь образомъ на новое соображеніе, которое броситъ свѣтъ на всѣ прежнія и, пополнивъ ихъ собою, составитъ то, чего онъ ищетъ.

Изучая такимъ-образомъ критически и исторически внѣшнюю сторону своего предмета, онъ долженъ обращать неменьшее вниманіе и на внутреннюю его сторону. Для этого онъ долженъ быть проникнутъ высшими интересами человѣчества, долженъ имѣть доступъ и ключь ко всѣмъ современнымъ понятіямъ. При поэтическомъ тактѣ, которымъ непремѣнно должна быть одарена душа его, и безъ котораго онъ хоть брось всѣ свои дальнѣйшія изученія (хотя прежнія, о которыхъ мы сей часъ говорили, могутъ и тутъ имѣть великую цѣну), ему нужно быть основательно-знакомымъ съ эстетикою въ ея современномъ видѣ. Она должна быть наукою, и занятіе ею любимымъ его занятіемъ. При живомъ изученіи, всѣ науки имѣютъ между

собою кровную связь; нужно ли говорить, что онъ не упустить ничего, нужнаго для-того, чтобы глубже проникнуть въ свою науку и больше уяснить себѣ ея результаты? Онъ долженъ сознавать все величіе своей родины, все назначеніе и всю важность назначенія своего народа; для этого ему необходимо знаніе исторіи человѣчества, исторіи, въ которой развивается не личность историка, а разумное движеніе духа. Онъ будетъ не мудрствовать надъ фактами, а принимать ихъ въ томъ видѣ, какъ они суть, т. е. какъ сознаетъ ихъ современная ему философія, потому-что она есть высшая точка самосознанія человѣчества, по-крайней-мѣрѣ въ свою эпоху, и никто не можетъ знать больше и лучше ея. Нѣтъ ни одной точки зрѣнія, которая бы не заключалась въ ней, и потому всякая другая точка, кромѣ той, съ которой смотритъ она, одностороння, открываетъ только часть истины и слѣдовательно ложна въ своемъ притязаніи на цѣлую истину.

Собранные и изученные памятники народной поэзіи изслѣдователь при всѣхъ вышесказанныхъ нами условіяхъ будетъ приводить въ порядокъ, организировать въ одно цѣлое. Его ухо, знакомое съ гармоніей, постигающее таинственную связь звуковъ во всѣхъ ихъ сочетаніяхъ и переливахъ, его зрѣніе, проникшее въ свойства всѣхъ цвѣтовъ, умѣющее отличать ихъ во всѣхъ возможныхъ смѣшеніяхъ, будутъ руководить имъ при этомъ сводѣ. Онъ ни на минуту не долженъ забывать, что у него подъ руками разрозненные члены живаго организма; онъ не ослабнетъ въ своемъ стремленіи возсоздать этотъ организмъ. Особенно на эпическія пѣснопѣнія народа долженъ онъ направить свои силы. Владѣя поэтическимъ тактомъ и живымъ знаніемъ эстетики онъ проникнетъ до идеала, войдетъ въ его внутренность, разовьетъ его организацію. Выйдя изъ него и взглянувъ снова на разсѣянныя пѣсни, онъ увидитъ въ каждой изъ нихъ обособленіе этого идеала; онъ пойметъ назначеніе и мѣсто каждой части организма, онъ примѣтитъ сквозь ихъ внѣшнюю оболочку магнетическое стремленіе одной части къ другой, съ которой она должна сомкнуться. Ему останется только складывать части по ихъ назначенію, потомъ спрыснуть сложенное тѣло живой водой своего духа, и части срострутся, и въ организмѣ по жиламъ

потечетъ кровь и забьется сердце. Въ лирическихъ пѣсняхъ онъ также долженъ обратить все свое вниманіе на ихъ сродство и раздѣлить ихъ не по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ, а по внутреннимъ элементамъ, такъ, чтобы и они составили единое цѣлое, въ которомъ бы открывалась жизнь души народной во всемъ ея развитіи. Онъ также не упуститъ подмѣтить — тамъ, гдѣ есть — связь лирическихъ пѣсней съ эпическими; онъ будетъ хорошо сознавать всю важность этой связи.

Такъ составленная коллекція пѣсень народа будетъ уже имѣть право на другое, высшее названіе, на названіе системы внутренней жизни народа въ поэзіи, системы, не въ мертвомъ смыслѣ отвлеченныхъ схематическихъ рамокъ, а въ живомъ смыслѣ органическаго, разумнаго порядка частей. Эта коллекція займетъ почетное мѣсто въ сокровищницѣ цѣлаго человѣчества и будетъ однимъ изъ великихъ предметовъ, которымъ посвящаютъ свои силы и свои труды представители умственной дѣятельности образованныхъ націй, а имя коллектора причтется къ именамъ немногихъ, къ именамъ лицъ историческихъ. Ибо всѣмъ исчисленнымъ нами требованіямъ можетъ удовлетворить только человѣкъ необыкновенный; свершить же такой подвигъ въ такой полнотѣ и въ такой доконченности, какъ мы представили себѣ, можетъ только такой человѣкъ, котораго народъ незримо избираетъ въ свои представители, которому довѣряетъ онъ всю силу своего духа, словомъ—геній.

Слѣдовательно, скажутъ, должно оставить всякую попытку собирать и изучать пѣсни, и ожидать появленія генія? Нѣтъ, напротивъ, если мы столько сознали важность предмета, что ожидаемъ для него генія, то тутъ-то мы и должны, если чувствуемъ въ себѣ призваніе къ этому предмету, обратить на него всѣ наши силы. Наши занятія имъ не будутъ уже имѣть видъ отрывковъ несущественныхъ и случайныхъ: въ насъ уже будетъ блаженная увѣренность, что наши труды не пропадутъ даромъ, что надъ хаосомъ того, что мы сдѣлаемъ, пронесется дыханіе генія, и изъ хаоса возникнетъ полный жизни міръ.

Да, мы должны, мы обязаны посвятить безъ раздѣла всѣ наши силы нашей родинѣ, нашему народу. Все то, чѣмъ мы те-

перь пользуемся, чѣмъ наслаждаемся, эта жизнь духа, которой мы стали участниками, не онъ ли, не этотъ ли народъ выкупилъ намъ все это такою дорогой цѣною? Не за насъ ли, не для насъ ли такъ тяжко страдалъ онъ? И мы ли дерзнемъ презирать его и не обращать вниманія на то, какъ онъ жилъ, и на то, чѣмъ онъ жилъ? Мы должны благоговѣйно лобзать заживающіе слѣды его ранъ; мы должны благоговѣйно собирать и какъ святыню хранить капли его крови... Не то — горе намъ! Народъ отдвинетъ отъ насъ свою могучую сущность, не дастъ жизненныхъ соковъ корнямъ иноземныхъ растеній, и наша образованность, которою мы такъ гордимся, изсохнетъ и увянетъ, — и не будетъ плода... Если намъ дорога слава нашей Россіи, то мы безъ замедленія, чистосердечно и искренно, должны избрать своимъ лозунгомъ тѣ три великія слова: православіе, самодержавіе и народность, которыя изрекло правительство во благо намъ и во благо народа, и которыя должны быть запечатлѣны въ сердцѣ каждаго истинно-Русскаго.

Перейдемъ теперь прямо къ книжкамъ г. Сахарова. Читатели безъ-сомнѣнія ни мало не думаютъ, чтобы мы видѣли въ его сборникѣ что-нибудь похожее на идеалъ, который мы начертали; нѣтъ, мы видимъ въ г. Сахаровѣ человѣка благороднаго, съ живой любовью къ народу, человѣка, который не *мудрствуя лукаво*, сознавъ свое назначеніе, опредѣливъ свою обязанность въ-отношеніи къ народу, дѣятельно и ревностно собираетъ памятники его жизни. Прежде о любви его къ русскому народу. Нѣтъ ничего пріятнѣе, ничего отраднѣе, какъ видѣть и слышать человѣка, говорящаго о томъ, что онъ любитъ; каждое слово его, какъ бы оно ни было просто, сообщаетъ нашей душѣ живительную теплоту. Такую теплоту производитъ въ душѣ нашей каждое слово г. Сахарова, вездѣ, гдѣ онъ касается до народа, до его жизни, до его поэзіи. Всего болѣе любитъ онъ самый народъ, и поэзія влечетъ его не столько для себя, сколько потому-что она поэзія такъ-горячо-любимаго имъ народа; онъ смотритъ на нее сквозь свою любовь къ народу, и интересъ народный для него выше и важнѣе всего.

Какъ мы сказали, онъ просто собиралъ летающія въ народѣ пѣсни, совокупилъ ихъ такъ, какъ ему казалось лучше, и присоединилъ къ нимъ свои примѣчанія и небольшія пояснитель-

ныя статейки, гдѣ, не касаясь до внутренняго содержанія пѣсень, обращаетъ вниманіе на различныя обстоятельства, съ которыми онѣ имѣютъ соприкосновеніе, на бытовыя и семейныя отношенія, на обычаи, на игры и проч. Здѣсь высказано имъ много дѣльнаго и прекраснаго. Изъ этихъ статей и примѣчаній видно знаніе народнаго быта, хотя больше только въ одномъ его совершенномъ видѣ. Сверхъ-того онъ приложилъ также и варіанты многихъ пѣсень, указанія на тѣ мѣста, гдѣ какая пѣсня была записана имъ, и наконецъ, сверхъ всего, помѣстилъ въ своемъ сборникѣ многія сербскія, чешскія, галицiйскія, малорусскія пѣсни, которыхъ сравненія съ русскими почему-либо почиталъ важнымъ. Отсюда вы можете видѣть, что г. Сахаровъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, что̀ можетъ уяснить его предметъ, что для него нѣтъ мелочей въ любимомъ имъ предметѣ.

Въ первой книжкѣ г. Сахаровъ, въ маленькомъ предисловіи, раздѣляетъ собранныя имъ пѣсни, основываясь, какъ онъ говоритъ, на ихъ приноровленіи къ жизни, на 12 отдѣленій: 1) пѣсни святочныя, 2) хороводныя, 3) свадебныя, 4) праздничныя, 5) историческія, 6) удалыхъ людей, 7) военныя, 8) казацкія, 9) плясовыя, 10) колыбельныя, 11) сатирическія, 12) семейныя. Это раздѣленіе, какъ читатели видятъ сами, сдѣлано по признакамъ внѣшнимъ; не смотря на то, мы отдаемъ ему преимущество передъ всѣми другими, которыя большею частію основаны на рѣшительномъ произволѣ. Г. Сахаровъ руководствовался приноровленіями къ жизни — что̀ очень важно. Въ-слѣдъ за предисловіемъ онъ предлагаетъ прекрасно-составленную исторію изданія русскихъ пѣсень и изученія ихъ. Здѣсь онъ особенно негодуетъ, и совершенно-справедливо, на тѣхъ, которые дерзали искажать, ради вящшаго изящества, поправками и измѣненіями текстъ пѣсень. Далѣе слѣдуетъ статья, написанная живо и драматически, съ основательнымъ знаніемъ дѣла: «Русскія святки». Она сопровождается небольшимъ количествомъ святочныхъ пѣсень съ варіантами. Книжка оканчивается очень-любопытными примѣчаніями къ исчисленнымъ статьямъ и къ пѣснямъ.

Вторая часть открывается статьею подъ названіемъ: «Русскіе народные хороводы». Статья дѣльная по фактическимъ

свѣдѣніямъ, собраннымъ въ ней; но намъ не понравился языкъ ея и именно въ началѣ статьи; мы замѣтили какую-то небрежность въ слогѣ, которую трудно объяснить въ человѣкѣ, такъ любящемъ свой предметъ, какъ г. Сахаровъ.Къ-чему эта вычурность, желаніе блеснуть громкими словами, которыя какъ-то не клеятся у г. Сахарова? Какая разница, напримѣръ, хоть статья его о святкахъ въ 1-ой книжкѣ! Въ-слѣдъ за этимъ непосредственно помѣщены и хороводныя пѣсни, также съ варіантами нѣкоторыхъ. Особенно мы благодаримъ его за то, что онъ собралъ нѣсколько варіантовъ превосходной пѣсни: «А мы просо сѣяли, сѣяли». Далѣе онъ предлагаетъ для сравненія нѣсколько пѣсень на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, именно пѣсни галиційскія (по изданію Вацлова. Олешка. Львовъ, 1833 г.), двѣ чешскія пѣсни, четыре сербскія и одну хорватскую (перепечатанную имъ, какъ кажется, изъ статьи Шафарика, переведенной г. Бодянскимъ и помѣщенной въ «Телескопѣ» 1836 г. Онъ напечаталъ ихъ буквами русскими для-того, чтобы сдѣлать ихъ доступными всему грамотному люду. Потомъ примѣчанія къ пѣснямъ, также интересныя по фактическимъ свѣдѣніямъ. Вторая половина книжки содержитъ плясовыя пѣсни съ варіантами же.

Третья часть содержитъ въ себѣ свадебныя пѣсни, которыя онъ раздѣлилъ: на 1) пѣсни сговорныя, 2) пѣсни дѣвицъ на дѣвичникѣ, 3) пѣсни шуточныя, 4) пѣсни семейныя, 5) пѣсни обрядовыя. Для сравненія предлагаются свадебныя же пѣсни: малорусскія, червонорусскія, словацкія, сербскія. Книжка заключается варіантами. Примѣчаній ужь нѣтъ: что̀ это значитъ?

Четвертая часть содержитъ въ себѣ пѣсни семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, историческія, обрядныя, колыбельныя. Для сравненія приведены: 1) пѣсни червонорусскія: семейныя, шуточныя, обрядныя, 2) малороссійскія: семейныя, шуточныя, обрядныя, историческія. Книжка заключается шестью варіантами къ свадебнымъ пѣснямъ, напечатаннымъ въ 3-ей части. Примѣчаній опять никакихъ нѣтъ, кромѣ маленькаго предисловія на 5 страничкахъ, въ которомъ издатель старается оправдать названіе «семейныя пѣсни» и указываетъ на тѣ мѣста, гдѣ пѣсни этой части были записаны имъ.

Наконецъ въ V части заключаются такъ-названныя г. Сахаровымъ «былины русскаго народа», т. е. эпическія пѣсни, которыя извѣстны уже изъ сборника, изданнаго гг. Якубовичемъ и Калайдовичемъ. Г. Сахаровъ объявляетъ однакожъ, что онъ почерпнулъ ихъ не изъ этого сборника, а изъ рукописи, найденной имъ въ библіотекѣ тульскаго купца Бѣльскаго. Этихъ былинъ г. Сахаровъ напечаталъ только 7, потому-что только 7 ихъ и нашелъ онъ въ рукописи. Въ-слѣдъ за ними напечатано знаменитое *Слово о полку Игоревѣ,* предшествуемое предисловіемъ, въ которомъ повѣствуется объ открытіи, о многократныхъ изданіяхъ этого произведенія и о переводахъ его на нынѣшній русскій языкъ. Потомъ въ этомъ же предисловіи г. Сахаровъ излагаетъ доводы признающихъ подлинность этого произведенія и сомнѣнія отрицающихъ ее. Самъ г. Сахаровъ присоединяется къ первымъ и старается отвергнуть всѣ сомнѣнія и утвердить подлинность. Его старанія, однакожъ, особенно утвердить подлинность «Слова», довольно неудачны. Мы сами за себя не будемъ касаться теперь этого вопроса; скажемъ только, что во всякомъ случаѣ «Слово о полку Игоревѣ» можетъ быть только памятникомъ, положимъ и прекраснымъ, нашей письменности; на него должно смотрѣть съ другой точки, нежели на народную поэзію; это произведеніе отдѣльнаго человѣка, перешедшее прямо изъ головы на бумагу, а не произведеніе цѣлаго народа, образовавшееся и жившее въ устахъ. Послѣ напечатаны для сравненія пѣсни: червонорусскія, малорусскія, чешскія, сербскія, словацкія. Книжка оканчивается примѣчаніями, между которыми напечатано 6 русскихъ сказокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ своимъ содержаніемъ съ нѣкоторыми измѣненіями то же самое, что́ и пѣсни. Мы особенно благодаримъ г. Сахарова за напечатаніе этихъ сказокъ: это перлы русской фантазіи. Колоритъ ихъ, какъ намъ кажется, вопреки мнѣнію почтеннаго собирателя, новѣе, нежели въ пѣсняхъ.

Заключаемъ нашу статью изъявленіемъ г. Сахарову полной, искренней благодарности. Мы почти только его одного видимъ на обширномъ поприщѣ, которому онъ посвятилъ свои труды; по-крайней-мѣрѣ, видны только одни его труды. Мы не менѣе благодарны ему и за то, что онъ не таитъ ни подъ ка-

кимъ предлогомъ собираемыхъ имъ сокровищъ; онъ не сидитъ надъ ними какъ скупецъ надъ деньгами, но пускаетъ ихъ въ живой оборотъ. Труды его запишетъ Русь въ своей памяти: они такъ благородны, такъ прекрасны, такъ плодоносны. . .

VII.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКІЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ-ТЕЧЕНІЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ МАЯ И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ІЮНЯ МѢСЯЦА.

—

165) Были и Небылицы. Казака Владиміра Луганскаго. *Книжка четвертая.* Ночь на Распутьи, Сказка о Георгіи Храбромъ и о Волкѣ. Сказка о Нуждѣ, о Счастіи и о Правдѣ. Вѣдьма (украинская сказка). *С.-П. бургъ. Въ тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи.* 1839. *Въ* 8-ю *д. л.* 198 *стр.*

Вотъ новое произведеніе одного изъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ. Кромѣ двухъ послѣднихъ повѣстей, которыя въ 1837 году были напечатаны въ журналахъ, двѣ первыя, и, можно сказать, важнѣйшія, появляются въ первый разъ въ публику. Сочиненія Казака Луганскаго (В. И. Даля) вообще отличаются настоящимъ русскимъ, неподдѣльнымъ юморомъ, который уловить такъ трудно, даже и при особенныхъ обстоятельствахъ жизни, болѣ или менѣе способствующихъ нужнымъ для сего наблюденіямъ. Формы, въ которыхъ выражается этотъ юморъ, вы не найдете въ книгахъ, ни даже, подслушивая чужіе разговоры, какъ то полагаютъ нѣкоторые жалкіе пасынки Аполлона: надобно постигнуть самую сущность русскаго юмора,—тогда онъ внушитъ вамъ даже новыя формы, которыя не выйдутъ изъ общаго характера, но для сего нужно совершенно-особаго свой-

ства остроуміе и глубокомысліе и, что̀ всего важнѣе, надобно быть Русскимъ и вполнѣ проникнуться русскимъ духомъ. Такого рода талантъ, изъ современныхъ писателей, мы находимъ только у Гоголя и у Даля. До-сихъ-поръ Даль бралъ предметы для своихъ разсказовъ изъ дѣйствительной жизни; мы видѣли, съ какою вѣрностію и искусствомъ онъ претворялся въ людей разныхъ классовъ, какъ глубоко онъ постигалъ ихъ нравы, печали, ихъ собственную, особую философію, ихъ собственную, особую поэзію; кто не любовался «Бѣдовикомъ», напечатаннымъ въ пятой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»? кому не представлялся на-яву неподражаемый Горюновъ, который едва ли не лучшее характеристическое, своеродное изображеніе, когда-либо существовавшее въ нашей литературѣ?

Въ новоизданномъ томѣ, Даль сдѣлалъ новый, весьма-замѣчательный опытъ: онъ перенесъ свой русскій юморъ во времена до-историческія; до-сихъ-поръ никому еще не удавался подобный опытъ между прозаиками, за исключеніемъ г. Вельтмана, котораго «Свѣтославичь, Вражій Питомецъ» въ семъ отношеніи можетъ почитаться образцомъ вымысла и языка; но Даль въ своей «Ночи на Распутьи» пошелъ далѣе: онъ перенесъ свой вымыселъ въ міръ сказочный и, сверхъ-того, далъ ему драматическую форму, подобно «Сновидѣнію въ лѣтнюю ночь» Шекспира. Въ этой драмѣ дѣйствующія—такъ хорошо знакомыя нашему дѣтству лица, которыя дѣлаются непонятными намъ въ зрѣломъ возрастѣ. Кто изъ насъ, Русскихъ не *понималъ* въ своемъ дѣтствѣ домоваго, лѣшаго, оборотня? но заставить ихъ дѣйствовать и говорить въ мірѣ искусства такъ, чтобы они не противорѣчили тому понятію, которое мы имѣли о нихъ въ поэтическія минуты дѣтства, прислушиваясь въ долгіе зимніе вечера къ разсказу старой нянюшки — о, это дѣло чрезвычайно-трудное! Если нелегко быть вѣрнымъ вѣку въ историческомъ романѣ, если трудно сохранить поэтическую вѣрность въ изображеніяхъ *до-историческихъ*, то въ тысячу разъ труднѣе быть вѣрнымъ въ изображеніи вѣка *баснословнаго*: здѣсь одно выраженіе, одинъ намекъ— и очарованіе исчезло, и предъ вами уже не добрая нянюшка, не чудныя, живыя, младенческія видѣнія: передъ вами книга, передъ вами холодная существенность, старикъ, который ребячится. Вы помните дѣйствіе, которое производили на васъ почти-всѣ фантастическія путешествія на-

шихъ бароновъ и не-бароновъ, которыя обдаютъ васъ холодомъ, не успокоивая вашей души, и наводятъ на васъ тоску, хотя иногда вы и разсмѣетесь; ибо тщетно авторы пересыпаютъ свои страницы водевильными шутками чистой французской крови: онѣ не могутъ замѣнить того чистаго, неподдѣльнаго вдохновенія, которое необходимо вообще для фантастическаго рода, и въ-особенности для русскаго. Это вдохновеніе знакомо Далю и отражается на каждой страницѣ его «Ночи на Распутьи.» Для такого вдохновенія необходима та высокая образованность души, которая достигаетъ до степени дѣвственности, —а это состояніе не многимъ дается въ жизни!

Мы не будемъ подробно разсказывать содержаніе этой драмы, предоставляя читателямъ самимъ познакомиться съ симъ замѣчательнымъ произведеніемъ; довольно, если они узнаютъ, что дѣйствіе происходитъ у *Бѣлаго Камня*, гдѣ сходятся клиньями владѣнія трехъ духовъ: *Домоваго*, *Лѣшаго* и *Водянаго*. Лѣшій, сообразно съ своимъ сказочнымъ характеромъ, злой, недобрый, воруетъ людей, особенно дѣвушекъ, а Домовой защищаетъ своихъ хозяевъ. Въ *Домоваго* русская фантазія перенесла собственныя свойства русскаго народнаго характера: Домовой добръ, но насмѣшливъ; съ ребяческимъ простодушіемъ онъ соединяетъ нѣкоторую хитрость и сметливость; онъ вѣренъ тому, кого полюбитъ, а ужь недругу не спуститъ; вотъ какъ онъ самъ про себя разсказываетъ:

Нижетъ солнышко дни свои златокрылые,
Что княжна русская свой скатной жемчугъ:
Черезъ зернышко по цвѣтному камелю,
Черезъ день свѣтлый по темной ноченькѣ.
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Спите, други, почивайте, кого сонъ одолѣлъ,
Кого совѣсть чуткая не отбила ото сна,
Чью головушку не одолѣла кручинушка,
Ни лихая болѣзнь крови тѣла бѣлаго!
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Копуйтесь, дѣтки, живите въ ладу и въ миру.
Можно шутку зашутить, проказу безобидную:

Глупому ума дать, одурачить ревниваго —
А обиды и грѣха и напасти горькой бойтеся!
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Кто полюбитъ кого, люби до-вѣку, не откидывайся;
Кто слуга кому, служи правдою, господина не продай;
И не выдамъ я своей княжны - госпоженки,
И не дамъ въ обиду Зорюшку я свату - Лѣшему.
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Кто обидитъ меня — жеребца любимаго въ подворотню протащу,
Загоню па смерть въ одну поченьку трехъ борзыхъ коней;
Обтрясу въ саду груши-яблони, гряды вымну всѣ;
А что ложки и плошки съ поставца—въ лахань кину помойную.
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

А кто мирно со мной по добру живетъ, во любви держу;
Кони выхолены, дворы выметены, ухожи прибраны —
И не выдамъ я своей княжны красной госпоженки,
И не дамъ я Зорюшку въ обиду свату-Лѣшему.
Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Спи-почивайте, баю-баю!

Водяной, какъ и въ русскихъ сказкахъ, не имѣетъ опредѣленнаго характера,—и немудрено: онъ сидитъ въ своемъ болотѣ и рѣдко вмѣшивается въ людскія дѣла; извѣстно только что онъ духъ *недобрый* и *большакъ* надъ русалками. *Оборотень* не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ господъ; онъ — родъ услужливаго существа, или болтуна, который является всякому, кому бы то ни было, передъ бѣдою. Каждое изъ остальныхъ лицъ отмѣчено характеристическою чертою, невыходящею изъ границъ сказочнаго міра; особенно замѣчателенъ добрый хлѣбосолъ, гостепріимный князь Вышеславъ; послушайте, какую бесѣду онъ ведетъ съ княжичами и царевичами, пріѣхавшими свататься за его дочь, Зорюшку:

«Любые гости и сотрапезники мои, Удача князь карпатскій, Браковитъ княжичь болгарскій, Хочатуръ царевичь армянскій, Рудигаръ королевичь мурманскій! князи, царевичи, королевичи! пью во здравіе и

долголѣтіе ваше. Исполать вамъ добрымъ молодцамъ, спасибо за гостьбу вашу дружую, неспѣсивую: здравствуйте жь всѣ, одинъ по другому, другой по третьему, третій по четвертому, четвертый по первому!»

Послушайте его ласковый привѣтъ гостямъ:

«Спасибо, други! спасибо царевичу, и вамъ, князю и княжичу, и тебѣ, королевичь! Много насулили вы мнѣ добра, много почету, а душѣ моей веселья, отъ дорогихъ гостей, какихъ не было давнымъ-давно при дворѣ моемъ княженецкомъ. Гостилъ у меня, правда, какъ проѣзжалъ къ князю Ратимиру, гостилъ княжичь литовскій Заядча; гащивали-было и наши русскіе князья, и сосѣди мои, и кіевскіе — а такого съѣзду почетнаго не случалось. Миръ съ вами, и ладъ, и братскій совѣтъ, дорогіе сотрапезники мои, да живите во дворѣ у меня полюбовно!»

Одинъ изъ гостей отвѣчаетъ:

«Отдалися мы на судъ и любовь твою и милость; а промежь насъ положено: кто первый ссору затѣетъ, тотъ, за безчестье, кормитъ и угощаетъ по-боярски три десятà калѣкъ да нищихъ.

«—Хорошо, славно, премудро» возражаетъ князь: «за это еще по братинѣ, князи; пейте, да лейте! Кравчій мой жалуется, что другой варъ меду дошелъ, а еще и первый не выпитъ; аль не угоденъ?

Какъ эти *нехитростныя* рѣчи переносятъ васъ въ міръ отдаленный! какъ вы вѣрите, что иначе не могли бесѣдовать князь Вышеславъ съ князьями мурманскимъ и карпатскимъ!

Послушайте разговоръ въ другомъ родѣ, — торговаго гостя съ сѣнными дѣвушками княжны, передъ которою, въ теремѣ, онъ раскинулъ дорогія ткани:

Торговый гость.

Золотà княжна!
Не приглянется ль
Объяринна тебѣ
Пàволока?
Веницейскій есть
Аксамитъ хорошъ;
Любо, вотъ, возьми
Парчи греческой —
Чтó приглянулось,
Золотà княжна?

Дѣвушки.

Багрянецъ струистый куда хорошъ!

Другая дѣвушка.

А съ отливомъ этотъ, изъ какихъ земель?

Торговый гость.

Изъ за-морскихъ все,
Мои красавицы,
Все изъ-за моря:
Въ Царе-градъ ходилъ,
На куницъ, соболей
Размѣнивалъ:
За одну парчу
Далъ два сорока,
Пол-пята-ста будетъ
Своя цѣна . . .
Что́ приглянулось,
Золота̀ княжна?

Обратите вниманіе на сцену тогдашняго придворнаго *Весны*, который прикидывается, что вывелъ въ люди незнакомаго ему человѣка; его же сцену съ русалкою; прислушайтесь къ заговорамъ *большаковъ*, къ шуткамъ простаго народа — тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ!..

Съ появленіемъ этой драмы начинается новый вѣкъ *для* нашей миѳологіи, не чопорной и не кудрявой, какъ нѣкогда думали, но игривой и простодушно-поэтической, во всѣхъ отношеніяхъ отличной отъ сладострастной миѳологіи востока и отъ угрюмыхъ, уродливыхъ духовъ запада, съ которыми хотѣли сравнить произведенія нашей славянской фантазіи. Мы не знаемъ, какъ оцѣнятъ это произведеніе тѣ изъ нашихъ читателей, которые понимаютъ хорошо всю прелесть старинныхъ западныхъ разсказовъ о рыцаряхъ замковъ, о феяхъ, карлахъ и другихъ подобныхъ существахъ. Конечно, съ наибольшимъ распространеніемъ любви къ отечественной исторіи, мы привыкнемъ и къ нашему миѳологическому міру; но до-тѣхъ-поръ будетъ ли онъ понятенъ тѣмъ, для которыхъ даже многія простыя слова въ «Ночи на Распутьи» будутъ казаться незнакомыми? — Да; удивительно, сколько прекрасныхъ русскихъ словъ остаются у насъ въ пренебреженіи, и сколько твердости нужно писателю для-того, чтобы употреблять ихъ! За это странное отчужденіе мы, между-прочимъ, обязаны тѣмъ господамъ, которые, будучи чужды духу русскаго языка, стараются свое отчужденіе представить въ видѣ какой-то системы, изгоняютъ безъ толка то одно, то другое слово, то одинъ, то другой оборотъ, и, обольщая легковѣрныхъ сво-

ею мишурою, отдаляють отъ насъ нашу прекрасную поэтическую старину, представляя ее въ видѣ чего-то варварскаго,—и когда же? когда во всѣхъ литературахъ умные люди стараются обратиться къ коренпымъ основанiямъ своего языка, предоставляя презрѣнiе къ нимъ лишь запоздалому поколѣнiю... И послѣ того еще иные удивляются, что мы этимъ господамъ, наносящимъ вредъ нашему образованiю *въ духѣ народности*, отказываемъ даже въ званiи литераторовъ?... Но оставимъ этотъ грустный предметъ, о которомъ надобно или вовсе не говорить, или говорить безпрестанно,—обратимся къ драмѣ Даля и скажемъ, въ заключенiе, что мы боимся за нее одного: люди, которымъ очень нравятся площадныя шутки романовъ Поль-де Кока и его подражателей, найдутъ нѣкоторыя выраженiя, употребляемыя Домовымъ въ ссорѣ съ Лѣшимъ и Водянымъ, вовсе неблагоприличными; при второмъ изданiи мы посовѣтуемъ сочинителю замѣнить эти выраженiя комплиментами и остротами изъ нашихъ переводныхъ французскихъ водвилей; тогда мы ручаемся за успѣхъ.

Сверхъ «Ночи на Распутьи» въ этой книжкѣ помѣщена «Сказка о Георгiи храбромъ», разсказанная Далю Пушкинымъ. Незабвенный поэтъ очень дорожилъ подобными народными разсказами и охотно ими дѣлился; сказки Даля его восхищали, и мы помнимъ еще, какъ онъ читывалъ наизустъ почти всю сказку его «о Жидѣ Вороватомъ и Цыганѣ Бородатомъ».

«Сказка о Нуждѣ, о Счастiи и о Правдѣ» есть также нѣчто совершенно новое въ своемъ родѣ: это русскiй *аллегорическiй* разсказъ, столь обыкновенный и любимый въ нашемъ народѣ; въ нее сочинитель ввелъ разныя *исторiи*, которыя въ видѣ эпизодовъ встрѣчаются въ нашихъ сказкахъ; русская игривость, насмѣшливость и простодушiе, словомъ Русскiй юморъ и въ мысляхъ и въ выраженiяхъ — здѣсь на каждой страницѣ. Читателямъ рѣдко бываетъ такой праздникъ въ нашей литературѣ.... Поздравляемъ ихъ.

166) Послѣднiй Новикъ, *или Завоеванiе Лифляндiи въ царствованiе Петра Великаго. Историческiй романъ. Сочиненiе* Ивана Лажечникова. *Изданiе третiе со втораго* 1833 *года* (?). *С.-П. бургъ. Въ тип. К. Вингебера.* 1839. *Четыре части. Въ 12-ю д. л.* 225, 251, 219, 207 *стр.*

Какъ съ старымъ, добрымъ другомъ, которому обязаны бы-

ли въ жизни многими сладостными минутами, встрѣтились мы съ «Послѣднимъ Новикомъ» И. И. Лажечникова, нынѣ въ третій разъ и притомъ въ Петербургѣ изданнымъ. Доказывать достоинства романа г. Лажечникова тѣмъ, что онъ напечатанъ *третьимъ* изданіемъ, было бы слишкомъ-ложно: и «Иванъ Выжигинъ» разошелся не однимъ изданіемъ такъ же точно, какъ книга «О храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венеціанѣ». Конечно, если сообразить, въ какомъ кругѣ читателей расходились и расходятся помянутыя книги, вопросъ о достоинствѣ романовъ Лажечникова много выяснится, но тѣмъ неменѣе останется довольно-неопредѣленнымъ, и этотъ внѣшній признакъ ничего или почти-ничего не скажетъ въ пользу внутреннихъ достоинствъ произведеній Лажечникова.

Живо помнимъ мы ту эпоху русской литературы, когда въ ней появились *первые* романы, романы въ томъ значеніи, какое соединяется съ этимъ родомъ поэтическихъ произведеній послѣ романовъ Вальтера-Скотта; помнимъ мы, какое впечатлѣніе произвелъ на русскую публику «Юрій Милославскій» и около того же времени, на безлюдьи, «Иванъ Выжигинъ», хотя не только не историческій романъ, но даже и не романъ, въ настоящемъ значеніи сего слова. Успѣхъ «Юрія Милославскаго» далъ новое движеніе русской литературѣ, которая съ той поры устремилась къ роману; успѣхъ «Ивана Выжигина» далъ тоже нѣкоторое движеніе заднимъ рядамъ нашей литературы, гдѣ, въ-слѣдъ за этою книгою, явился А. А. Орловъ. Въ высшихъ слояхъ нашей публики, прочитавшей уже всего Вальтера-Скотта во французскихъ переводахъ, «Юрій Милославскій», пріятная, небывалая новость, возбудилъ живое вниманіе и участіе.

Вскорѣ послѣ того, тихо и скромно, безъ всякихъ предварительныхъ журнальныхъ извѣщеній, рекомендацій и тому-подобныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгали и прибѣгаютъ литературные промышленики, выступилъ на поприще романиста г. Лажечниковъ, съ своимъ «Послѣднимъ Новикомъ». Не знаемъ почему, печатаніе этого романа тянулась чуть-ли почти не цѣлый годъ. По выходѣ первыхъ частей, въ публикѣ заговорили съ полнымъ участіемъ о новомъ явленіи въ отечественной литературѣ. Не смотря на кажущуюся сухость первыхъ главъ, которыя, производя несовсѣмъ-выгодное впечатлѣніе на читателя, особенно такого, который читаетъ на досугѣ, отъ нечего-дѣлать,

пугали его вѣтреное вниманіе; не смотря на языкъ небрежный, слогъ, нерѣдко вычурный,—постепенно-увеличивающаяся занимательность, искусно сплетенная завязка, съ каждой страницей возбуждающая больше и больше участія, все это постепенно усиливало нетерпѣніе публики, которая, при выходѣ каждой части, охотно перечитывала прежнія, такъ-что, когда романъ вполнѣ окончился печатаніемъ, когда послѣдняя часть его разрѣшила томительное ожиданіе, возбужденное первыми, издателю надо было уже вновь печатать книгу — и «Послѣдній Новикъ» сдѣлался предметомъ общаго вниманія и похвалы, а авторъ его, до того времени почти-вовсе-неизвѣстный публикѣ, сдѣлался общимъ ея любимцемъ, на которомъ она остановила свое благосклонное вниманіе, успокоила свои отрадныя надежды.

Съ-тѣхъ-поръ много прошло времени, многое измѣнилось въ нашей литературѣ: многіе изъ тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, ловкостію, сметливостію, горделиво возносились въ былое время, теперь значительно и очень-значительно понизились, забытые и заброшенные; они теперь—употребимъ выраженіе Пушкина—«грызутъ пыль и песокъ, какъ полураздавленные змѣи».— Явились другіе съ правомъ на вниманіе публики, которая и почтила ихъ вниманіемъ своимъ, болѣе или менѣе, смотря по достоинству каждаго... Измѣнилось и измѣнило многое, повторимъ еще разъ,— но г. Лажечниковъ остался неизмѣнно-вѣренъ своему таланту и призванію, съ каждымъ новымъ произведеніемъ пріобрѣтая большую и большую благосклонность образованной русской публики, которая видитъ въ немъ своего *лучшаго* и почти-единственнаго романиста.

Перечитавъ съ новымъ наслажденіемъ первый романъ г. Лажечникова, мы хотѣли-было заняться подробнымъ его разборомъ: предметъ въ высшей степени увлекательный... Любопытно видѣть постепенное развитіе таланта, слѣдя за произведеніями его въ хронологическомъ порядкѣ; но мы боимся приступить къ этому разбору, потому-что еще недавно подробно высказали свое мнѣніе о г. Лажечниковѣ: обращаясь часто къ одному предмету, какъ бы предметъ этотъ прекрасенъ ни былъ, можно утомить вниманіе читателей. Предоставляемъ себѣ это удовольствіе въ будущемъ, ибо увѣрены, что г. Лажечниковъ не замедлитъ своимъ «Колдуномъ на Сухаревой Башнѣ».

Говоря о г. Лажечниковѣ, мы вспомнили забавную рецензію одного критика. Онъ, въ своемъ *субъективномъ* сужденіи о г. Лажечниковѣ, между прочимъ до такой степени увлекся негодованіемъ, что не поусомнился свой образъ мыслей вложить въ голову г. Лажечникова. Прочтите слѣдующія строки:

«Въ немъ (г. Лажечниковѣ) двѣ стороны: художественная весьма слаба, а сторона смышлености весьма сильна (фраза не складна,— не мы виноваты!). *Онъ видѣлъ, что русская публика* (т. е. *часть публики, незнающая иностранныхъ языковъ*) *читаетъ мало* Вальтеръ-Скотта, Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго (? ?), и что эта публика любитъ болѣе *русское, національное.* Г. Лажечниковъ сталъ выкраивать, съ величайшимъ искусствомъ, русскіе романы изъ иностранныхъ — и имѣлъ полный успѣхъ въ мнѣ*ніи* людей, ищущихъ въ *чтеніи* одного развле*ченія.* Мы уже сказали, что г. Лажечниковъ *человѣкъ съ талантомъ;* ему недостаетъ только трехъ *бездѣлицъ* (въ подлиннике курсивъ): изобрѣтенія, языка и слога. . . Еслибы *стоило* посвятить время на подробный разборъ двухъ прежнихъ его романовъ, то можно было бы доказать, сравнительными выписками, что *Послѣдній Новикъ* весь *созданъ* (?) *изъ сценъ и положеній,* заимствованныхъ (?!!) не только у Вальтеръ-Скотта и Виньи, но даже у Августа Лафонтена, а болѣе у Радклифъ и Дюкредюмениля.»

Мы приводимъ это сужденіе для-того только, чтобъ позабывать читателей, напомнивъ имъ, какъ справедливы слова Крылова, вошедшія въ пословицу:

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Опровергать такія сужденія — совѣстно.

Новое изданіе «Послѣдняго Новика», къ-сожалѣнію, очень дурно: некрасиво, неопрятно и наполнено опечатками до такой степени, что на *заглавной страницѣ* 3-й части вмѣсто «Лажечникова» напечатано «Лажвчникова.» Почитатели таланта перваго русскаго романиста, какъ видно, незаботящагося о великолѣпіи своихъ изданій (о семъ способѣ, къ которому у насъ большею частію прибѣгаетъ посредственность), вѣрно упрекнутъ новаго издателя «Послѣдняго Новика» за такую неисправность.

167) Кремневъ, *русскій Солдатъ. Оригинальное драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Русскаго Инвалида И. Скобелева. *С.-П. бургъ. Въ тип. Н. Греча.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 93 *стр.*

Это новое произведеніе того же воина-литератора, которому принадлежитъ «Переписка Русскихъ Солдатъ» и «Бесѣды Русскаго Инвалида». Сочиненія И. Н. Скобелева читаются во всѣхъ концахъ Россіи не только тѣмъ классомъ грамотныхъ людей, которому посвящены они, но и тѣми, которые не принадлежатъ военному сословію. Пламенная любовь къ царю и отечеству, простота и незатѣйливость выраженія, фразы рѣзкія, многозначительныя, оригинально-русскія, и потому неудобопереводимыя на другой языкъ,—цѣлое, проникнутое жаромъ неподдѣльнаго чувства — вотъ литературныя достоинства произведеній И. Н. Скобелева. Новое его сочиненіе — первая попытка на драматическомъ поприщѣ—«Кремневъ, русскій Солдатъ» возбудило всеобщій энтузіазмъ въ петербуржской публикѣ, которая не престаетъ наполнять залу Александринскаго-Театра, когда тамъ даютъ «Кремнева», и, при каждомъ представленіи, рукоплесканія не умолкаютъ отъ начала до конца пьесы, а по окончаніи ея, авторъ постоянно каждый разъ бываетъ вызываемъ восхищенною публикою. Такимъ заслуженнымъ успѣхомъ давно уже не пользовались русскія театральныя сочиненія.... И вотъ почтенный авторъ, вѣроятно, въ намѣреніи сдѣлать читателей, живущихъ въ другихъ мѣстахъ царства русскаго, участниками въ удовольствіи, коимъ пользуются жители Петербурга, — напечаталъ теперь своего «Кремнева». Въ этомъ произведеніи онъ остался вѣренъ самому-себѣ: тотъ же оригинальный языкъ, которымъ говорятъ у него дѣйствующія лица, то же горячее патріотическое чувство, та же жизнь и движеніе, какъ и въ «Бесѣдахъ Русскаго Инвалида». Сверхъ всего этого, «Кремневъ» имѣетъ свое особенное достоинство: въ семъ «драматическомъ представленіи» мы въ первый разъ увидали русскаго солдата, какимъ онъ есть дѣйствительно и какимъ онъ долженъ быть по требованіямъ искусства; ибо все то, что̀ выдавали намъ до-сихъ-поръ на сценѣ за русскихъ солдатъ, было — или блѣдныя копіи съ дѣйствительности, или идеализированные характеры солдата-вообще, могшія назваться французскими, англійскими, германскими, какими угодно солдатами,

—только не русскими. И. Н. Скобелевъ самъ воинъ, прошедшiй по всѣмъ степенямъ военнаго званiя, глубоко проникъ въ характеръ именно-русскаго солдата и представилъ намъ его въ самомъ живомъ, самомъ яркомъ образѣ. Онъ даже не имѣлъ нужды идеализировать этотъ характеръ, ибо русскiй солдатъ 1812-го года,—разумѣется, лучшiй изъ всѣхъ своихъ собратiй,—одушевленный ревностiю къ священному своему долгу во время великой брани съ цѣлою Европою за спасенiе вѣры и отчизны, воспламененный непреоборимою вѣрностiю и любовiю къ помазаннику Божiю, призывающему его на этотъ святой подвигъ — есть лучшiй идеалъ солдата, какой только можетъ создаться въ воображенiи поэта. Мы, отдалившiеся только на 27 лѣтъ отъ этой великой эпохи, изумляемся, слушая правдивые разсказы о подвигахъ самоотверженiя и геройства, въ которыхъ выразилась тогда вся могучая русская душа, вспыхнувшая внезапно всѣми своими силами на дѣло спасенiя отечества; мы, привыкшiе теперь къ спокойному теченiю жизни, къ порядку явленiй ея, ежедневно смѣняемыхъ другими, имъ подобными, едва можемъ понять весь ужасъ страшной бури, вдругъ разразившейся въ это недавнее время надъ мирнымъ царствомъ русскимъ; едва можемъ представить себѣ этотъ взрывъ юныхъ силъ народа, оскорбленнаго въ священнѣйшихъ своихъ чувствованiяхъ и рѣшившагося принести на жертву все, чтобъ только спасти царство, которое называетъ своею родиною, вѣру, которой обязанъ своимъ душевнымъ счастiемъ, и Царя, въ которомъ съ любовiю видитъ образъ небесной власти на землѣ,—едва, говорю, можемъ переселиться въ эту эпоху и освоиться съ нею, какъ съ чѣмъ-то баснословно-чудеснымъ, съ чѣмъ-то необъятно-великимъ, и даже многое изъ разсказываемаго готовы принять за поэтическiе вымыслы, между-тѣмъ какъ это была неопровержимая дѣйствительность. И въ сiю-то эпоху дивной борьбы, великихъ пожертвованiй, непостижимаго самоотверженiя и подвиговъ, которымъ позавидовали бы герои древности, переселяетъ васъ отчасти драма И. Н. Скобелева, свидѣтеля и дѣйствователя сей достославной брани.

Отставной унтер-офицеръ Кремневъ живетъ у богатой помѣщицы генеральши Русовой, съ мужемъ которой служилъ онъ, и занимаетъ должность дядьки при двадцатилѣтнемъ сынѣ генеральши. Онъ привязывается къ молодому человѣку род-

ственною любовію и въ свою очередь внушаетъ ему любовь къ военной службѣ; но чадолюбивая мать боится отпустить отъ себя единственнаго сына и спѣшитъ скорѣе женить его. Является манифестъ 1812-го года; читаются повсюду священныя слова Александра: «Не вложу оружія моего во влагалище, доколѣ не сотру съ лица земли врага, дерзнувшаго войдти въ мои предѣлы»; мать заглушаетъ въ себѣ чувства женщины, становится гражданкою, Русскою, — и отпускаетъ сына въ походъ. Молодой Русовъ, вмѣстѣ съ Кремневымъ, совершили кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, и возвратились заслуженными воинами. Русовъ женится на невѣстѣ, которую прежде назначала ему мать, а Кремневъ на воспитанницѣ генеральши. Вотъ и все содержаніе этой драмы. Но въ ней, кромѣ главнаго характера — Кремнева, есть прекрасно-созданныя лица, какъ напр. генеральша Русова, Ручкинъ, Тарасовъ (солдаты), — и комическія: Лапкинъ, Степанида Петровна, Васильичь-управитель; есть сцены, дышащія всею полнотою высокаго патріотическаго чувства, есть и трогательныя, какъ напр. разговоръ, прощаніе и свиданіе матери съ сыномъ; есть и комическія, какъ напр. первая сцена перваго акта.

Не споримъ, — если разсматривать «Кремнева», какъ драму, со всею требовательностію критики, въ немъ, можетъ-быть, найдутся многіе основные недостатки; но, намъ кажется, авторъ и не хотѣлъ сдѣлать драму изъ своего «представленія»: онъ написалъ только живую картину, взятую изъ той величественной панорамы, которая сіяетъ яркими красками на страницахъ русской исторіи подъ 1812, 1813 и 1814-мъ годами, — и, по нашему мнѣнію, вполнѣ достигъ своей цѣли. Сердце зрителя не только ни на минуту не остается холоднымъ во все представленіе пьесы, но переполняется самыми жаркими чувствованіями, которыя невольно выражаются рукоплесканіями и одобрительными криками. А этого слишкомъ-достаточно для опредѣленія достоинства театральной пьесы, какъ «драматическаго представленія».—Не знаемъ, какъ она покажется въ чтеніи тѣмъ, кто не видалъ ея на сценѣ: мы, по-крайней-мѣрѣ, прочли ее съ величайшимъ удовольствіемъ, находясь еще подъ вліяніемъ того чувства, которое она пробудила въ насъ, когда мы видѣли ее на театрѣ; но думаемъ, что многія мѣста ея, не смотря на кажущееся однообразіе языка

разныхъ дѣйствующихъ лицъ, произведутъ сильное впечатлѣніе на душу читателя.

Почтенный авторъ «Кремнева» не ограничивается одною этою попыткою: онъ (да извинится наша нескромность нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе сообщить радостную вѣсть) пишетъ уже новую драму «Сдача Москвы въ 1812 году» — еще картину изъ этой безсмертной эпохи. Первый актъ ея, который мы имѣли удовольствіе слышать, превосходенъ. Пожелаемъ ей такого же успѣха, какимъ ознаменовалось появленіе «Кремнева», и попросимъ автора дарить насъ чаще и больше своими «драматическими представленіями». Мы увѣрены, что это желаніе повторятъ съ нами всѣ, умѣющіе цѣнить талантъ И. Н. Скобелева и то благотворное вліяніе, которое имѣютъ его сочиненія на читателей и зрителей.

168) Ау. *Стихотворенія* М. Демидова. *Москва. Въ тип. А. Семена.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 115 *стр.*

Читатели навѣрное ждутъ уже или колкой брани, или злыхъ насмѣшекъ . . . не правда ли? Вы уже такъ привыкли встрѣчать безпрерывно дикія порожденія дикой фантазіи, такъ привыкли къ отчаяннымъ возгласамъ и къ сарказмамъ библіографовъ, что немудрено, если вы нѣсколько изумитесь, узнавъ отъ насъ заранѣе, что книжка г-на Демидова не изъ числа такихъ дикихъ порожденій, что она нисколько не возбуждаетъ непріятнаго чувства, однимъ словомъ, что эта книжка хоть-куда, и что мы вовсе не намѣрены осыпать ее насмѣшками. Мы сами взялись за эту книжку съ сильнымъ предубѣжденіемъ, но, прочитавъ ее, освободились отъ предубѣжденія.

Опредѣлить значеніе стихотвореній г-на Демидова можно относительно. Если ихъ писалъ юноша на самой первой порѣ жизни, мы видимъ въ нихъ предвѣстіе поэтическаго таланта, котораго однакожь никакъ не должно искать въ нихъ-самихъ. Въ противномъ случаѣ это произведенія человѣка, въ прекрасномъ значеніи этого слова, но человѣка, несознавшаго еще, въ чемъ заключается его призваніе, неопредѣлившаго дѣйствительной сферы для своей жизни, еще несвободнаго отъ претензіи, которая такъ обыкновенна въ наше время, отъ претензіи на творчество. Есть нѣсколько стихотвореній въ этой книжкѣ, въ которыхъ онъ прямо называетъ себя поэтомъ, художникомъ; это сознаніе, которое иногда высказывается до-

вольно-энергически, это сознаніе есть или предчувствіе, и тогда оно истинно, или претензія, и тогда дай Богъ ему силы скорѣе побѣдить ее! — Намъ почему-то кажется, что послѣднее справедливѣе. Не смотря на теплоту, не смотря на энергію многихъ стиховъ, не смотря даже на нѣсколько довольно-удачныхъ образовъ, — мы не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ, въ этихъ юношескихъ изліяніяхъ того божественнаго инстинкта, проявляющагося во всякомъ, кто отличенъ даромъ творчества, будь то юноша или мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, того инстинкта, который умѣетъ самыя простыя слова, слова, имѣющія самое обыкновенное значеніе, соединить такъ, что вдругъ для взоровъ явится какая-то далекая перспектива, въ которую все дальше и дальше уходитъ душа, пока не потонетъ въ глубокомъ, таинственно-прозрачномъ фондѣ, оканчивающемъ перспективу... Люди съ душею и чувствомъ! Бога ради берегите вашу внутреннюю теплоту, не изливайте ея напрасно въ то, къ чему вы не призваны; пусть она тихо струится въ самой жизни вашей и согрѣваетъ ваши человѣческія отношенія; пусть дѣйствуютъ въ сферѣ искусства тѣ, кто призванъ дѣйствовать въ ней; пусть кощунствуютъ надъ искусствомъ и грязнятъ его тѣ, которые лишены души и чувства, жалкіе фигляры... Горькое, мучительное раскаяніе бываетъ всегда удѣломъ того, кто ошибается въ своемъ назначеніи и требуетъ отъ себя и отъ жизни того, чего не въ-правѣ требовать.

Какъ бы то ни было, мы нимало не отрекаемся отъ высказаннаго уже нами мнѣнія о стихотвореніяхъ г-на Демидова. Такъ, въ нихъ видна душа, слышно біеніе сердца живаго человѣка; въ нихъ такъ мало фразъ, такъ мало натянутости. Мы не сказали, однакожь, что нѣтъ совсѣмъ фразъ: встрѣчаются и фразы, и иногда довольно-дикія, странно отскакивающія отъ простаго колорита стихотворенія; почти изъ всѣхъ стихотвореній замѣтно, что они вышли изъ рукъ неопытныхъ, но что всѣ обличаютъ они юношу. Есть и погрѣшности противъ стихосложенія—и, однакожь, если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ многія, — прочли мы съ удовольствіемъ и рекомендуемъ книжку благосклонности читателей.

Изданіе очень-опрятно. Бумага бѣлая, шрифтъ очень-хорошій.

169) Разсказы на Станціи. *Сочиненіе* В. Олина. *С.-Петербургъ. Въ тип. Х. Гинце.* 1839. *Два тома въ 12-ю д. л.* 168 и 201 *стр.*

Имя г. Олина, сочинителя «Разсказовъ на Станціи», напомнило намъ неменѣе громкое имя генерала Меласа, прославившагося въ новѣйшей исторіи знаменитыми пораженіями. Въ самомъ-дѣлѣ, чьи произведенія накликали на себя столько грозныхъ, сокрушительныхъ критикъ и возбудили такое множество колкихъ, ѣдкихъ эпиграммъ, какъ не произведенія г. Олина? Каждое новое сочиненіе представляло лестную добычу остроумію рецензентовъ, нынѣ уже частію почившихъ въ мирѣ, частію сошедшихъ съ литературнаго поприща. Можно было подумать, что г. Олинъ—геній, котораго возникающая слава угрожаетъ сокрушеніемъ второстепеннымъ талантамъ и пробуждаетъ ядовитую зависть, неутомимую гонительницу всякаго великаго дарованія. А теперь гдѣ знаменитость этого писателя? кто читаетъ, кто помнитъ его творенія? кто знаетъ о его жаркихъ битвахъ съ журналами? Но мы помнимъ, какъ г. Олинъ еще въ 1819 году, рыцарь юный, почти-малолѣтный, но тѣмъ не менѣе увѣренный въ ожидающей его знаменитости, въ первый разъ, кажется, выступилъ на литературную арену со стихотворнымъ «Панегирикомъ Державину». Потомъ онъ воспѣлъ по-оссіановски «Сраженіе при Лорѣ», потомъ потѣшилъ своихъ современниковъ уморительною комедіею «Урокъ въ Ботаникѣ» и въ то же время извлекъ слезы изъ очей ихъ двумя элегіями, «посвященными памяти незабвенной супруги». Чудный, гибкій, разнообразный талантъ! Разстроганный до глубины сердца невозвратною потерею и излившій лютую грусть свою въ слезныхъ элегіяхъ, г. Олинъ умѣлъ перемочь себя, и, предъ жертвенникомъ веселой Таліи, комическимъ хохотомъ заглушить свои стенанія. Во всѣхъ тогдашнихъ тоненькихъ, не весьма-исправно выдававшихся журналахъ и великолѣпныхъ альманахахъ печатались лирическія и другія-прочія многія-разныя стихотворенія г. Олина. Пушкинъ уже прославилъ себя «Русланомъ и Людмилою» и «Кавказскимъ Плѣнникомъ», романтическія поэмы были въ страшной модѣ—и г. Олинъ подарилъ тогда русской литтературѣ оригинальную романтическую поэму (разумѣется, написанную четырехстопными ямбами) «Оскаръ и Альтосъ». Вы ее позабыли, хотя тому прошло только пятнад-

цать лѣтъ; но современники были благодарны творцу «Оскара и Альтоса», и одинъ изъ тогдашнихъ снисходительныхъ критиковъ громко и отважно провозгласилъ г. Олина «первоклассным русскимъ писателемъ». Но за эту насильно-навязанную славу поплатился онъ очень-дорого: критики-сатирики, московскіе и петербуржскіе журналисты, «фуріи и зависти зміи»— все воздвиглось противъ прославленнаго поэта, всѣ стали раскачивать, подламывать и безъ-того-колеблющійся пьедесталь, на который было - взмостили бюстъ г. Олина его друзья литературные. Слишкомъ-увѣренный въ незыблемости своего авторитета, г. Олинъ выступилъ еще съ новою поэмою «Кальѳонъ», и приложилъ къ ней свой портретъ—восторженное лицо пѣвца съ подъятыми горѐ очами. За-то ужь какую же злую, насквозь-пронзающую рецензію написалъ въ это время на «Кальѳона» одинъ изъ тогдашнихъ остряковъ-критиковъ! Онъ, что-называется, разругалъ не только поэму, но самое ея названіе, утверждая, будто-бы поэтъ потому только и выдумалъ имя «Кальѳонъ», что къ нему можно легко подобрать много звучныхъ богатыхъ риѳмъ. Не приведи Богъ никому накликать на себя такую страшную критику! Но г. Олинъ не упалъ духомъ, и, какъ мощный атлетъ, пораженный, но еще не вовсе - уничтоженный, кинулъ въ русскую литературу трагедію: «Корсеръ, съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою»(!!!). И что̀ это была за трагедія! Если бы ее съиграли, такъ у зрителей, по выраженію главнаго дѣйствующаго лица въ трагедіи, «стали бы стучать кости о кости, мозгъ бы въ нихъ растаялъ и страшные полипы начали бы грызть сердца ихъ». Г. Олинъ предполагалъ этимъ твореніемъ раздавить своихъ противниковъ и воскликнуть:

> . . . . . Куда, куда, убійцы дарованья?
> *Я* въ пристани!...

Вдругъ налетѣла на нашего трагика газетка, наша старинная знакомка и кумушка, тогда еще не старая и не тупая, и вонзила въ него свое жальцо, тогда еще считавшееся острымъ. Господи, Боже милостивый, какую критику напечатала тогда эта газетка! Цѣлые три листка ея, говорятъ, (мы тогда сами еще не были въ Петербургѣ) возбуждали въ кофейняхъ и кондитерскихъ смѣхъ величайшій, и охотники показывали другъ другу

статейку этой газеты, какъ образецъ сатиры; а между-тѣмъ она вся, большею частію, была наполнена выписками изъ новой трагедіи. Слава г. Олина была сокрушена въ-конецъ. «Корсеръ» былъ маренгскимъ сраженіемъ для новаго Меласа, который, въ этомъ случаѣ, не могъ даже сказать себѣ въ утѣшеніе, что его разбилъ Наполеонъ. Sic transit gloria mundi!... Вы, можетъ-быть, не знаете также, что г. Олинъ былъ самъ журналистомъ, редакторомъ трехъ журналовъ, и на этомъ поприщѣ столько же замѣчателенъ своими несчастіями, какъ и въ прочихъ литературныхъ трудахъ своихъ. Всѣ выдававшіеся подъ его редакціей журналы, по неблагопріятнымъ, вовсе-независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ», останавливались на половинѣ изданія. Помните ли вы, напримѣръ, «Рецензента», который съ 10 N. перепрыгнулъ на 17-тый, а 11-го и слѣдующихъ мы не читали и не видали? Помните-ли вы «Колокольчикъ»? Г. Олинъ заложилъ тройку лихихъ коней, посадилъ съ собой товарища, г. Никонова, привѣсилъ къ дугѣ «колокольчикъ звонкій», помчался «въ пустую даль»; «колокольчикъ» загремѣлъ; но на половинѣ дороги оборвался, и мы болѣе не слышали его однообразнаго звона. Г. Олинъ приступилъ къ изданію новаго журнала (имени и фамиліи его не можемъ припомнить), разослалъ великолѣпное объявленіе, и кто-то печатно поднялъ на смѣхъ эту программу,—вообразите, самую программу новаго журнала,—и журналъ остался при одной программѣ, которая, можетъ-быть, была бы выполнена въ пятую долю противъ обѣщаннаго, а журналъ все таки былъ бы хорошій: программа много обѣщала!

Такъ вотъ, каковъ ты, литературный міръ, грубый, неблагодарный, жестокій міръ, злѣйшій, неблагодарнѣйшій изъ всѣхъ міровъ въ мірѣ! За что̀ ты мстишь? за что̀ ты ожесточаешься? За клочокъ славы, за бѣдный лоскутъ славы, которую ты самъ же намъ бросилъ въ веселый часъ, а послѣ отнимаешь за-то, что мы не умѣли по-твоему ею воспользоваться! Скорѣе сатиру на него, ѣдкую, злую, колючую сатиру пишите на этотъ литературный міръ, г. Олинъ! Вотъ чего мы отъ васъ ожидаемъ. Оскорбленіе, которое мы живо съ вами раздѣляемъ, несправедливое оскорбленіе, вами не-разъ слишкомъ-великодушно переносимое, разожжетъ ваше неутомимое дарованіе, и вы, Богъ дастъ, грянете на враговъ своихъ сатирой, такой сатирой, отъ которой растаетъ мозгъ въ костяхъ вашихъ противниковъ!

За-чѣмъ не сдѣлали вы этого ранѣе? Это было бы лучше, потому-что большая часть вашихъ противниковъ уже не участвуетъ въ нашей литературѣ, совсѣмъ отказавшись отъ нея, или занимается дѣлами вовсе нелитературными и носящими только имя «литературныхъ». Впрочемъ ничего, не бѣда! Прежніе критики исчезли, а у преемниковъ ихъ могли остаться тѣ же чувства и стремленія... Пишите на нихъ, или на насъ сатиру! Вы напишите, а мы прочитаемъ, съ злобною радостію потирая руки и приговаривая: «вотъ хорошо, вотъ славно; по-дѣломъ вамъ, безпокойные, завистливые убійцы дарованія!» и проч. и проч.

А что̀ намъ ваши «Разсказы на Станціи»? Тщетное усиліе воротить утраченную литературную славу, покушеніе, столь же безполезное, какъ побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы, за исключеніемъ битвы при Ватерлоо.

Мы, соболѣзнующіе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ г. Олинымъ на литературномъ поприщѣ, хотѣли бы отъ всего сердца «Разсказами на Станціи» возстановить низвергнутую его славу; но бываютъ въ свѣтѣ такія положенія, что друзья становятся злѣе самихъ враговъ, если только эти друзья захотятъ сказать правду. Вмѣсто горькой жалобы или острой сатиры, которыми бы г. Олинъ долженъ былъ отмстить обидѣвшимъ его гонителямъ, онъ добродушно подчуетъ ихъ мистическими разсказами о томъ, какъ одурѣвшій генералъ попалъ на балъ къ чертямъ, какъ мертвецъ просилъ своего черепа у того, кто изъ могилы вырылъ и унесъ его черепъ; какъ Биронъ влюбился (??) въ Машу, дочь стряпчаго Тимофея Ѳерапонтовича, и...

Не знаемъ, угодимъ ли мы г. Олину, сказавъ, что въ его «Разсказахъ на Станціи» мы не нашли другихъ достоинствъ, кромѣ довольно-правильнаго и кое-гдѣ оживленнаго слога. Вѣроятно, не угодимъ этимъ ему — ci-devant лирику, драматическому писателю, критику и журналисту, творцу романтичесскихъ поэмъ, турецкихъ и аравійскихъ пѣсень. Эти новыя его повѣсти, (числомъ три: «Странный Балъ»», «Черепъ Могильщика» и «Панъ Копытинскій») найдутъ еще себѣ читателей между людьми, воскормленными на мистическихъ повѣстяхъ Клаурена съ братіею. Мы не будемъ разсказывать ихъ содержанія, а замѣтимъ кое-что о слогѣ, который, хотя и назвали мы правильнымъ, но при всемъ томъ въ «Разсказахъ на Станціи» встрѣчаются иногда вотъ какіе *стройные* періоды: «Рѣшившись на что-нибудь

разъ, какъ мы уже сказали, онъ (Брейтфуссъ, секретарь Бирона) никогда *не отпивался* (?) отъ своего замысла, подобно какъ могучій британскій песъ, вскормленный для травли быковъ, не покидаетъ до тѣхъ поръ своей жертвы, вгрызшись ей въ *вѣю* (!) пока не разтянетъ ее (ея?) на мѣстѣ; ибо онъ (британскій песъ?) почелъ бы себя униженнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ, если бы хотя разъ въ жизни отказался отъ намѣренія, однажды имъ принятаго, когда оставалась еще возможность, даже хотя искра надежды, достигнуть цѣли».— Или, напримѣръ, что̀ это̀ такое: «Эти деньги были сребренники Іуды, *проскользнувшаго по нихъ совѣстію*» (?) Не понимаемъ, истинно не понимаемъ. Мы могли бы еще захватить двѣ черты изъ портрета Матрены Прохоровны (часть 1 стр. 12 и 17), если бы не боялись оскорбить скромность читателей «От. Записокъ»; замѣтимъ только «*водатая* къ храму Игеи, *висѣльника освященнаго мѣсяцемъ, латинскую зюзю,* Гофмана, умершаго (будто-бы) въ безуміи, гостепріимныхъ Фринъ, молящихся дома предъ лампадкою, жену, отличающуюся прелестнымъ *стыдѣніемъ, гулъ въ безмолвіи роднаго племянника сына брата пана Копытинскаго, огневитые глазки* и .... и закроемъ книгу.... Нѣтъ, хотите ли еще знать, кого герцогъ курляндскій Биронъ считалъ опаснѣйшимъ врагомъ своимъ? Шута Балакирева. — Вѣроятно вамъ интересно допытаться, что̀ вредитъ успѣхамъ нашей словесности? Авторъ «Разсказовъ на Станціи» рѣшаетъ этотъ важный вопросъ окончательно: «это излишній духъ подражанія, какая-то *условная опредѣленность* (?), странная необходимость принаравливаться къ требованіямъ вѣка (sic), какъ-будто бы вкусъ должна развивать масса, между тѣмъ, какъ это совершенно напротивъ; быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ въ постоянномъ стремленіи, въ любви къ искуству, единственно изъ любви къ искуству; статься можетъ холодность, наконецъ, быть можетъ, и расчетливость, предписываемая обстоятельствами, чтобы не назвать ее другимъ именемъ, но необходимость извинительная и благоразумная.»

Вотъ какъ на станціяхъ разсуждаютъ о русской литературѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ станціонные смотрители, почтальйоны, кондукторы и грамотные ямщики. Безграмотные также бы согласились, да вѣрно въ умъ не взяли того, что̀ говоритъ имъ авторъ...

170) Черное Время *или нѣкоторыя сцѣ(е)ны изъ жизни Емельки Пугачева, историческій романъ XVIII вѣка. Соч.* Петра С.... нова. *Москва. Въ тип. Харитонова.* 1839. *Двѣ части.*

171) Иванъ Сусанинъ *или Смерть за Царя. Историческій романъ.* Соч. Михаила Дмитревскаго. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Двѣ части.*

Два совершенно-безличныя и безразличныя произведенія людей, берущихся не за свое дѣло. Скучно говорить о нихъ много. Въ нихъ нѣтъ ничего *слишкомъ*-пошлаго, хотя и все пошло, ничего, къ чему стóяло бы прицѣпить насмѣшку. Это пустота, совершенная пустота. — Второй романъ изданъ поопрятнѣе перваго.

172) Дѣйствительное Путешествіе въ Воронежъ. Ивана Раевича. *Изданіе второе. С.-П. бургъ. Въ тип. А. Сычева.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 108 *стр.*

Въ литературной промышлености, какъ и во всякой другой, есть своего рода сметливость и своего рода сметливые люди, которые перенимаютъ другъ у друга то, чѣмъ первый изъ нихъ успѣлъ пустить пыль въ глаза добродушной публикѣ и заманить ея праздное вниманіе. Слово «дѣйствительная поѣздка», «дѣйствительное путешествіе», удалось кому-то въ первый разъ, и эта удача возбудила соревнованіе... Кто разъ читалъ означенное сочиненіе г. Раевича, тотъ, вѣрно, въ другой разъ читать его не станетъ, и, послѣ сказаннаго, не подивится тому, что оно вышло *вторымъ изданіемъ.*

172) Историческое и статистическое описаніе города Воронежа *съ присовокупленіемъ описанія находящейся въономъ первокласной обители во имя св. угодника Митрофанія. Москва. Въ тип. Харитонова.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 46 *стр.*

Воронежъ, ставъ хранилищемъ чудотворныхъ мощей св. Митрофана, не только началъ привлекать къ себѣ толпы богомольцевъ, но и началъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Сколько путешествій, описаній появилось съ-тѣхъ-поръ!... Но мы съ радушіемъ привѣтствуемъ этотъ краткій очеркъ исторіи и настоящаго состоянія Воронежа, какъ онъ ни далекъ отъ того, что̀ обѣщаетъ громкое заглавіе. Языкъ въ сравненіи съ безграмотностію, царствующею въ большей части писаній подобнаго рода, довольно-хорошъ; жаль, что мѣстами вре-

дитѣ его чистотѣ желаніе автора выразиться по-краснѣе и позычурнѣе. Изданіе самое плохое, на самой плохой оберточной бумагѣ, литеры фигуры весьма-некрасивой, величины гигантской.

173) **Путеводитель по Ревелю** *и его окрестностямъ. Издалъ съ французскаго* (?), *съ дополненіями и измѣненіями* Н. Р. *С.-П. бургъ. Въ тип. Деп. Внѣш. Торг.* 1839. **Въ 12-ю д. л.** *XIII*, 201 *стр. Съ двумя видами Ревеля.*

Путеводитель долженъ обладать энциклопедическими свѣдѣніями касательно тѣхъ мѣстъ, по которымъ онъ берется водить добрыхъ людей: онъ долженъ оживлять воспоминаніями холодный камень, безлюдный утесъ, умѣть читать всякаго рода надписи и находить въ нихъ смыслъ; ветхія, поросшія травою развалины дѣлать заманчивѣе свѣтлыхъ и красивыхъ зданій, заставить всякаго съ наслажденіемъ карабкаться на гору, или ползти въ сырое, удушливое подземелье, заставить читателя призадуматься, старушку — перекреститься, дѣвушку — уронить слезу; его дѣло знать всему мѣру, вѣсъ, число, годъ, день, часъ; если истощается исторія и статистика, ему остается пѣсня и сказка. Во всякомъ случаѣ ему особенно-нужны три дарованія: вѣрная память, живое воображеніе и легкій языкъ. «Путеводитель по Ревелю» былъ бы любопытенъ, если бы извѣстія, имъ сообщаемыя, излагались не такъ сухо и чистымъ, яснымъ, русскимъ языкомъ; а то вотъ какъ говоритъ онъ: «документы составили три морскіе груза, и два изъ нихъ погибли отъ крушенія» (стр. 29). Два ли документа погибли отъ крушенія, или два морскіе груза,—пусть читатель выбираетъ, что̀ ему покажется лучше; для насъ то и другое не годится. Еще: «Канутъ IV, названный святымъ, когда былъ убитъ въ 1082 году въ Ютландіи, дворяниномъ Бласко, а сынъ его, спустя десять лѣтъ, самъ себя лишилъ жизни· и на тронъ взошелъ его братъ, Эрикъ IV Эйгинодъ (жестокій), то въ-слѣдствіе бывшаго ему (кому?) видѣнія, онъ построилъ, въ 1093 году для искупленія своихъ грѣховъ, монастырь во имя Архангела Михаила» (стр. 60). Тутъ выходитъ, что Канутъ IV, послѣ своей смерти, построилъ монастырь во имя Архангела Михаила!—Къ этому *изданію съ французскаго* приложены двѣ картинки: видъ рынка и Монастыря св. Бригитты, да еще предисловіе отъ издателя. Мы хотѣли выписать изъ этого предисловія одинъ періодъ, но, принявшись за его начало,

не могли отъискать его конца, и въ молчаніи, съ благоговѣніемъ отступили отъ этого исполина - періода. Авторъ начинаетъ вотъ какъ (стр. VII): «Мелкопомѣстные хозяева еще не знаютъ и даже не уважаютъ той философіи, которая не проповѣдуетъ энциклопедическіе лексиконы и журнальные сборники, какъ догматы ума, *подаетъ каждому масштабу его цыркуль*, порядокъ свѣдѣніямъ, *нить ко взгляду*, форму сужденію, руководствуетъ къ началамъ, — которая въ нравственномъ и общественномъ мірѣ показываетъ, какъ термометръ, тепло или холодно, и какъ барометръ—сыро или сухо,—которая разлагаетъ узорчатую ткань общества, какъ *анатомическій* трупъ...» А тамъ и пошелъ, и пошелъ...

174) Сказка *о славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ и о смерти отца его Гвидона. С.-П. бургъ. Въ тип. А. Сычева.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 93 *стр.*

Новое искаженіе извѣстной нелѣпой сказки, въ которой, даже подъ наружнымъ безобразіемъ, нельзя отъискать ни искорки русской народной поэзіи: это что-то чужое, переносное, но изуродованное уже нашими доморощенными передѣлывателями и издателями. До-сихъ-поръ такія сказки выходили въ Москвѣ и развозились брадатыми сѣятелями книжной мудрости по деревнямъ и ярмаркамъ; тамъ даже, говорятъ, цѣлая типографія существовала только этими сказками и подобными имъ нелѣпностями. Теперь и въ Петербургѣ начинается та же сѣробумажная промышленость. Въ добрый часъ! Да только зачѣмъ же это вѣчное «гоненье на Москву», когда и Петербургъ не-совсѣмъ правъ въ семъ отношеніи?..

175) Исторія *о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ. Москва. Въ тип. А. Евреинова. Въ* 8-*ю д. л.* 216 *стр.*

Точно такой же вздоръ, какъ и «Сказка о Бовѣ Королевичѣ». Впрочемъ, эти книги, при всей своей пошлости, несравненно-выше какого-нибудь «Разгулья купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ»: здѣсь по-крайней-мѣрѣ есть смыслъ, есть разсказъ... И совсѣмъ тѣмъ эти книжонки выдерживаютъ по нѣскольку изданій!. Какъ же сильна должна быть потребность чтенія въ нашемъ народѣ, для котораго преимущественно творятся эти произведенія! Что же никто не воспользуется по-сю-пору этой потреб-

ностію? Послѣ этого упрекайте его въ равнодушіи къ литературѣ. Бѣдный народъ! онъ находится въ положеніи человѣка голоднаго, котораго, вмѣсто пищи, потчуютъ упреками въ недостаткѣ аппетита. Разумѣется, когда люди съ талантомъ не хотятъ для него трудиться, онъ, по-неволѣ, принужденъ довольствоваться такими пустяками, какъ всѣ эти книжонки... Дождемся ли мы того времени, когда у нашего народа будетъ своя библіотека, хоть не большая, но такая, въ которой бы находилъ онъ удовлетвореніе своимъ человѣческимъ потребностямъ? Что, еслибъ г-нъ Максимовичъ, вмѣсто того, чтобъ писать плохіе стихи, вздумалъ продолжать свою «Книгу Наума», которая такъ хорошо удалась ему? Къ нему присоединились бы, можетъ-быть, еще нѣсколько литераторовъ и ихъ труды могли бы быть трудами высоко-полезными, вполнѣ-дѣйствительными, трудами великими, за которые бы на всю свою жизнь остался имъ благодаренъ добрый народъ. Въ этомъ отношеніи можетъ обратить на себя вниманіе —

176) Деревенскій Староста, Миронъ Ивановъ. *Народная быль для чтенія русскихъ простолюдиновъ*, соч. Бориса Волжина. *С.-П. бургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 334 *стр.*

Каждый истинно-русскій читатель долженъ радоваться начинающему возникать у насъ стремленію къ образованію низшихъ классовъ общества. Реальные классы при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ; Удѣльное Земледѣльское Училище, доставившее недавно Россіи до 100 образованныхъ крестьянъ, которые теперь, какъ слышно, поселились уже въ разныхъ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства и произвели на остальныхъ жителей самое благопріятное вліяніе; улучшеніе народныхъ и приходскихъ училищъ; учрежденіе училищъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ—все это явленія отрадныя, какъ по существующимъ уже результатамъ, такъ и еще болѣе по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя проистекутъ отъ нихъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ, впереди и ранѣе всѣхъ дѣйствуетъ правительство наше своими благотворными нововведеніями: остается частнымъ людямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать осуществленію сихъ благодѣтельныхъ предначертаній, и мы увѣрены, что правительство встрѣтитъ, какъ и всегда встрѣ-

чало, въ русскихъ помѣщикахъ и владѣльцахъ вѣрныхъ и ревностныхъ поборниковъ своимъ великимъ видамъ. Но, при такомъ движеніи, не уже ли останется въ прежнемъ бездѣйствіи одна только русская литература — этотъ живой барометръ, долженствующій отражать на себѣ всѣ перемѣны въ общественной атмосферѣ? не уже ли она не направитъ своей дѣятельности на новое, прекрасное поприще для таланта — на составленіе книгъ для народнаго чтенія? .. Безспорно, много условій для-того, чтобъ успѣть на семъ поприщѣ, много надобно имѣть опытности, знанія, дарованія: хорошо надобно узнать и народъ русскій, и простонародье русское, свыкнуться съ его обычаями, повѣрьями, предразсудками, найдти живую струну, посредствомъ которой можно было бы на него дѣйствовать, знать сферу, въ которую удобно можно переселить воображеніе простолюдина, угадать его вкусъ, наклонности, и пр. и пр. Но за талантами никогда не стояло у насъ дѣло: Россія еще такъ полна здоровья, свѣжести, такъ богата юными силами; — дѣятельности, серьёзной, ученой дѣятельности до-сихъ-поръ не доставало и не достаетъ намъ! Но мы увѣрены, отеческое вниманіе правительства къ образованію низшихъ классовъ общества пробудитъ эту дѣятельность въ даровитыхъ людяхъ; найдутся не одинъ, не два, а нѣсколько талантливыхъ писателей, которые употребятъ свои дарованія на пользу братій своихъ меньшихъ, и, приготовленные опытомъ и знаніемъ, выйдутъ съ честію на дѣланіе. Вѣдь было же время, когда никто-почти не писывалъ у насъ для дѣтей, а всѣ довольствовались переводами какихъ-нибудь французскихъ книжонокъ: теперь прошло это время, и Дѣдушка Ириней, г-жи Ишимова, Зонтагъ, Башуцкій съ своимъ «Дѣтскимъ Журналомъ» обогащаютъ нашу *дѣтскую* литературу дѣльными, полезными книгами. Наступитъ же время и для *простонародной* русской литературы, и это время, кажется, недалеко. Дай Богъ, чтобъ оно скорѣе приблизилось къ намъ!

Убѣжденные въ непогрѣшительности этихъ мыслей и желаній, мы не могли безъ удовольствія встрѣтить появленіе книги г. Волжина «Деревенскій Староста Миронъ Ивановъ», тѣмъ болѣе, что, какъ намъ кажется, авторъ ея руководствовался при изданіи своей книги чувствомъ самой строгой добросовѣстности, а этому доказательствомъ служитъ и то, что онъ, не пола-

гаясь въ столь важномъ дѣлѣ на собственныя силы, руководствовался (какъ самъ объявляетъ) совѣтами и замѣчаніями людей опытныхъ и свѣдущихъ, желая имѣть вѣрный масштабъ того дѣйствія, какое произведено быть можетъ его книгою на будущихъ ея читателей, и имѣя въ виду, что воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища могутъ вполнѣ служить идеаломъ образованнаго русскаго простолюдина,—онъ обратился къ просвѣщенному начальнику этого заведенія съ просьбою о позволеніи ему прочесть его простонародный разсказъ этимъ молодымъ, образующимся крестьянамъ. Начальство одобрило и просьбу, и рукопись, которую авторъ прочелъ въ нѣсколько воскресныхъ дней воспитанникамъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. По окончаніи чтенія каждой главы, онъ просилъ воспитанниковъ о повтореніи оной, и старался замѣчать, все ли ими хорошо понято и какого они мнѣнія о разныхъ фактахъ и случаяхъ, имъ предложенныхъ. Они объясняли ему это *своими* словами, и этими-то *ихъ словами* онъ старался пользоваться, когда заставлялъ разговаривать свои дѣйствующія лица. Дѣйствіе, произведенное рукописью на воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, побудило автора напечатать ее.—Книга г. Волжина имѣетъ форму романа, но безъ всякихъ запутанностей и неестественностей: все очень-просто. Это эпизодъ изъ исторіи цѣлой деревни, гдѣ главное дѣйствующее лицо староста Миронъ Ивановъ, умный, честный, добродѣтельный мужикъ, сдѣлавшійся такимъ въ-слѣдствіе того вліянія, какое имѣли на него христолюбивыя увѣщанія пастыря, священника Никандра, стоящаго въ этомъ разсказѣ также почти на первомъ планѣ. Эти два человѣка примѣромъ и словами, при содѣйствіи почтеннаго помѣщика, переиначиваютъ, переработываютъ все село и изъ развратнаго и обѣднѣвшаго, дѣлаютъ благонравное и богатое. Второстепенныя лица, — щеголиха Домна, жена Мирона; Параша, дочь ея; деревенская кокетка Оленка; Егоръ Булычь, бывшій врагъ Мирона, сдѣлавшійся его другомъ; Сережа, сынъ Мирона, умный парень; Поликарпъ, женихъ Параши, мужикъ просвѣщенный въ той степени, какъ воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища; Щелкоперовъ, откупщичій прикащикъ, продувная холопская штука; старичишка Дормидонъ, закоснѣлый въ предразсудкахъ; Феклистка Мурашовъ, негодяй, сынъ зажиточнаго мужика, несчастливецъ слѣ-

ной и безнюгій; Гущовъ, сутяга однодворецъ, крючкотворный писарь становаго пристава, и пр. и пр. — все это лица, взятыя какъ-бы изъ ежедневной крестьянской жизни. Иные найдутъ характеры Сережи и Поликарпа, — эти типы воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища,—не-совсѣмъ натуральными, но и такое обвиненіе несправедливо теперь, когда болѣе ста воспитанниковъ этихъ поселились въ образцовыхъ усадьбахъ, устроенныхъ въ лучшихъ губерніяхъ нашего отечества, и служатъ примѣромъ для прочихъ. Теперь нельзя сказать г. Волжину въ укоръ: «такихъ мужиковъ нѣтъ», потому что-они въ самомъ-дѣлѣ есть и являются какъ заря будущаго просвѣщенія крестьянскаго класса. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что, читая книгу г. Волжина, мы не-вездѣ видимъ простаго русскаго мужика: иногда сѣрый армякъ отпахивается и видѣнъ бываетъ или вицмундиръ чиновника, или сертукъ франта съ разными галлицизмами. Но можемъ надѣяться, что со-временемъ эти недостатки исчезнутъ при постоянномъ трудѣ и стараніи, къ которымъ призываемъ мы благонамѣренную ревность г. Волжина. А между-тѣмъ и теперъ рекомендуемъ книгу его гг. помѣщикамъ, потому-что чтеніе «Деревенскаго Старосты» способно распространить между русскими простолюдинами нѣсколько полезныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній и много добрыхъ правилъ. Эта книга написана большею частію языкомъ довольно-чистымъ, общеупотребительнымъ, близкимъ къ тому, которымъ объясняются простолюдины. Есть мѣста смѣшныя, есть трогательныя. Въ видѣ особенной брошюры приложено предисловіе автора, которое, вмѣстѣ съ полнымъ оглавленіемъ, было помѣщено въ 8 No. «Литературныхъ Прибавленій» сего года, и изъ котораго можно видѣть цѣль автора и планъ его дѣйствій».

Въ-заключеніе, мы желали бы, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, которые вѣрно обратятъ свое вниманіе на книгу г. Волжина, сдѣлавъ съ нею опытъ надъ своими крестьянами, сообщилъ намъ результаты своихъ наблюденій; а мы, съ своей стороны, обязуемся отъискать автора, гдѣ бы онъ ни находился, и довести эти наблюденія до его свѣдѣнія. Мы увѣрены, что авторъ будетъ благодаренъ за всякій добрый совѣтъ и непремѣнно имъ воспользуется.

177) Потерянный Рай (,) поема Іоанна Мильтона. (,) *съ пріобщеніемъ* поемы Возвращенный Рай. *Новой переводъ съ*

англійскаго подлинника (,) въ четырехъ частяхъ (,) съ 13 картинами и портретомъ автора. Въ Москвѣ, у книгопродавца Логинова на Никольской улицѣ. Въ тип. Н. Степанова. 1839.

Передъ нами, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, лежитъ великое произведеніе британскаго пѣвца, искаженное, полинялое, утратившее весь блескъ и все благоуханіе свое. Грустно смотрѣть на подобные переводы твореній великихъ, такъ же грустно, какъ смотрѣть на безжизненный трупъ человѣка, и притомъ человѣка, намъ знакомаго. Но что̀ дѣлать! мы должны на этотъ случай забыть интересы искусства, сойдти съ точки зрѣнія, съ которой смотрять на художественныя произведенія, и поблагодарить переводчика за искаженіе Мильтона, потому-что это искаженіе распространено въ низшихъ классахъ публики и читается въ нихъ, какъ кажется, съ жадностію: это третье изданіе! Народъ бы и не принялъ мильтоновой поэмы въ ослѣпительномъ блескѣ художественной формы : нужно было затемнить ее прозою, — и какъ ни дурна эта проза, содержаніе этого произведенія все-таки возьметъ свое и будетъ постепенно входить въ организмъ народа и претворяться въ его плоть и кровь. Какъ бы хорошо было, еслибъ люди образованные, знающіе дѣло, взялись за такое популяризированіе произведеній великихъ поэтовъ! какое бы обширное поприще для дѣятельности и какъ много можно бы сдѣлать на немъ полезнаго!

Но во всякомъ случаѣ, гг. переводчики, лучше передавайте русскому простонародью, хоть въ плохихъ переводахъ, назидательныя произведенія иностранныхъ писателей, только не представляйте имъ чудищь въ родъ нѣкоторыхъ романовъ Поль-де-Кока, какъ напримѣръ, слѣдующій:

178) Кондитеръ, *или нянька, защитница невинности. Романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. Часть III и IV. Москва. Въ тип. С. Харитонова.* 1839. *Въ* 12 *д. л.* 78; 64 *стр.*

Когда и гдѣ вышли первыя двѣ части «Няньки, защитницы невинности», мы право, не помнимъ. Голова и туловище поль-де-кокова романа, какъ товаръ контрбандиста, ускользнули отъ нашего вниманія: остался хвостъ, по которому впрочемъ, весьма - легко узнать, что̀ было въ первой половинѣ *поэтическаго* произведенія. Мы начали читать третій томъ съ неудовольствіемъ. Monsieur Поль-де-Кокъ цѣлыя пять главъ не изво-

лилъ показываться своимъ поклонникамъ, снаряжаясь и охорашиваясь, какъ видно, чтобы въ полномъ блескѣ красоты войдти въ пріемную. Да, цѣлыя пять главъ тянулась нелюбопытная исторія: какой-то добрый старикъ умиралъ; *покорный и послушный* сынъ лелѣялъ больнаго, заботливо подавалъ ему лекарства, и своимъ теплымъ участіемъ облегчалъ его страданія. Все это прекрасно, нравственно, благополучно — но за-то и скучно. Шутка ли? цѣлыя пять главъ прошли безъ шалостей: ни одинъ молодой человѣкъ не заглянулъ подъ шляпку мимо-идущей субретки; даже игривый вѣтерокъ, которому законъ не-писанъ, оставилъ въ покоѣ платочикъ красавицы...Наконецъ предъ шестой главой двери настежъ—и читатель видитъ надпись: *Свать-ба*; *Шт*....(Но слѣдующія заглавія прочтите сами). А, это вы, господинъ Поль-де-Кокъ! вы, собственной персоной. Узнаёмъ васъ по заманчивой трилогіи, которую сбирается разъиграть ваше заманчивое воображеніе. *Здоровы ль вы? Здоровы; очень-радъ.*

Но гдѣ же нянька, защитница невинности? Не думайте увидѣть нѣчто въ родѣ Еремѣевны, съ вострыми зацѣпами, готовой издохнуть, а не уступить нахалу. Нѣтъ, эта нянька юная грѣшница Анна, устроивающая любовныя свиданія своей барышни Евгеніи съ молодцомъ Адольфомъ, къ которому, мимоходомъ сказать, и сама неравнодушна. На бѣду героинь, Адольфъ куда-то уѣзжаетъ. Въ его отсутствіе къ родителямъ Евгеніи является кондитеръ Дюпонъ, предлагаетъ себя въ женихи, и—вы знаете какъ скоро дѣлается дѣло у г. Поль-де Кока — и на другой же день помолвленные отправились въ церковь; женихъ одѣлся прекрасно... Послѣ свадебнаго бала, кондитеръ отправился къ супругѣ, но съ нею сдѣлался припадокъ; на завтра та же попытка, но нянька, защитница невинности, не пустила его по какой-то причинѣ; на третій день опять путешествіе, но тутъ домовой разъигралъ роль рыцаря, покровителя невинности. Такія помѣхи продолжались до-тѣхъ-поръ, пока г. Дюпонъ не упалъ съ лошади и не убился до смерти. Адольфу то и было нужно: онъ явился во-время и учинилъ надлежащую развязку... Все это — грязь, помои литературныя, въ которыхъ съ удовольствіемъ купается извѣстный разрядъ читателей во Франціи. Но скажите, Бога ради, не уже ли и у насъ есть охотники до подобныхъ помоевъ?...

Переводъ, слава Богу, отлично-дуренъ: по Сенькѣ и шапка! Г. переводчикъ не умѣетъ справляться съ самыми обыкновенными выраженіями, не говоря уже о галлицизмахъ, въ родѣ слѣдующихъ: «*войдя въ городъ, его первый вопросъ былъ о Жульеттѣ;*» «*приближаясь къ городу, ужасный свѣтъ поразилъ его зрѣніе*», — галлицизмахъ, которые, какъ всякій знаетъ, весьма трудны для безграмотныхъ.

179) Собраніе Словъ и Бесѣдъ, *произнесенныхъ къ Курской паствѣ* Иліодоромъ, *Епископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ. С.-П. бургъ. Въ синод. тип.* 1839. *Въ* 8. *д. л.* 317 *стр.*

Есть два рода краснорѣчія духовнаго. Одно, когда проповѣдникъ божественныхъ истинъ, какъ посланникъ неба, видитъ всѣ пороки, всю слабость человѣка, утратившаго по своей волѣ небесный образъ, вооружается всѣмъ гнѣвомъ противъ такого самовольнаго погруженія въ бездну преступленія, и грозными перунами поражаетъ усыпленное человѣчество. Таковы всѣ почти писанія пророковъ; таковы слова Златоуста и другихъ знаменитыхъ отцовъ церкви. Но есть еще родъ краснорѣчія духовнаго: онъ рѣдко гремитъ порывомъ негодованія—смиренно, тихо поучаетъ пастырь свое словесное стадо, въ кротости сердца, съ незлобіемъ агнца. Таковы, большею частію, проповѣди современныхъ намъ духовныхъ ораторовъ. Сюда же мы причисляемъ «Слова и бесѣды, произнесенныя къ курской паствѣ Иліодоромъ, епископомъ курскимъ и бѣлогородскимъ».

Если краснорѣчіе втораго рода можно назвать повседневнымъ, потому-что истины, имъ проповѣдуемыя, общи для всѣхъ и примѣняются равно ко всякому времени, то, съ другой стороны, дѣйствіе такого краснорѣчія несравненно-обширнѣе, распространяется на всю массу народа, не требуя для своего уразумѣнія ни высокаго обрзованія догматико-ѳеологическаго, ни ума, обогащеннаго многоразличными свѣдѣніями о настоящемъ положеніи дѣлъ, разбираемыхъ ораторомъ. Здѣсь проповѣдникъ избираетъ наиболѣе предметы, имѣющіе непосредственное примѣненіе къ нравственности, и слѣдственно равно-доступные для человѣка со всякимъ образованіемъ. Такъ и въ разбираемой нами книгѣ: бесѣдуетъ ли проповѣдникъ на день введенія Пресвятыя Дѣвы Маріи въ храмъ,—изъ ея рожденія по обѣтованію, изъ ея воспитанія въ повиновеніи родителямъ и служеніи Господу, изъ особенныхъ даровъ благодати извлекаетъ про-

повѣдникъ примѣры поучительные и тотчасъ воспоминаетъ, что всѣ мы, по благодати Всевышняго, введены дверію крещенія и въ видимое и въ невидимое общеніе съ православною церковью и духомъ Іисуса Христа, ее одушевляющимъ; что для всѣхъ насъ отверсты двери храма Божія земнаго и чертога премірнаго, почему всѣмъ и каждому надобно хранить исповѣданіе вѣры цѣлымъ, печати благодати — невредимыми; надобно подъ молитвенною сѣнію приснoблаженной Богоматери жить для Бога и служить Богу цѣломудренно, и праведно, и благочестно. Говоритъ ли «Слово на Обрѣзаніе Господне по плоти» проповѣдникъ тотчасъ изъясняетъ, что ветхозавѣтное обрѣзаніе прообразовало духовное обрѣзаніе чадъ Новаго Завѣта, то-есть совлеченіе грѣховнаго тѣла плоти, отсѣченіе нечистыхъ помышленій, суетныхъ желаній, душевредныхъ чувствованій, богопротивныхъ дѣлъ. Наступаетъ день Срѣтенія Господня, христіанскій витія обращаетъ взоръ на праведнаго Симеона, для-того, чтобъ узнать не только, что̀ можетъ успокоивать духъ нашъ среди ужасовъ смерти, но и для-того, чтобы, подражая ему, дѣйствительно ощущать въ себѣ спокойствіе при вступленіи въ мрачную сѣнь гроба; узнавъ же, что міръ Божій стяжается правдою, благочестіемъ, упованіемъ, онъ показываетъ, что душа праведная, благочестивая срѣтаетъ Господа, соединяется со Христомъ вѣрою и упованіемъ, и духъ святый вселяется въ нее, духъ истины, наставляющій на всякую истину, духъ жизни всеоживляющій, духъ свободы, изводящій въ свободу чадъ Божіихъ, духъ силы, коимъ движется все существо человѣка ко всему благому; и, послѣ того, наставляетъ слушателей, да будутъ праведными, благочестивыми, чающе утѣхи израилевы, и—духъ Божій вселится въ нихъ, и тогда вездѣ узрятъ Господа: и въ явленіяхъ видимой природы, и въ молитвенныхъ собраніяхъ, и въ собственномъ сердцѣ. Говоритъ ли проповѣдникъ «Слово при воспоминаніи живоноснаго источника Богоматери» на текстъ «Жаждущіи, идите на воду», и тотчасъ объясняетъ, что это вода благодатныхъ даровъ Духа Святаго, ибо намъ обѣщано, что изъ сердца вѣрующаго истекутъ рѣки воды живы, а это обѣтованіе есть обѣтованіе благодати; что жажда духа означаетъ сильное желаніе даровъ благодатныхъ, а живоносный источникъ, откуда льются струи благодати, есть любвеобильное сердце Іисусово, животворящій Духъ Христовъ.

Бесѣдуетъ ли въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ, которыя пришли на гробъ Господень, при восхожденіи солнца и узрѣли тамъ ангела, восвѣстившаго имъ воскресеніе Спасителя, который ожидаетъ ихъ въ Галилеи,—и примѣромъ святыхъ женъ проповѣдникъ научаетъ христіанъ посвящать Господу и дни и ночи, притечь къ нему рано, на зарѣ дней нашихъ, и раннія, первыя благія чувствованія нѣжной любви приносить ему въ жертву, доколѣ сердце не заразится тлетворнымъ дыханіемъ міра; и въ-заключеніе убѣждаетъ, что Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ, близокъ къ намъ грѣшнымъ: не въ Галилеи, но на всякомъ мѣстѣ можемъ обрѣсти его,—вездѣ, а паче въ христіанскомъ храмѣ; вездѣ, а паче въ сердцѣ братолюбивомъ и христолюбивомъ: «здѣсь Христосъ! съ нами Христосъ до скончанія вѣка!» восклицаетъ витія.

Въ такомъ духѣ написана книга епископа Иліодора. Въ ней помѣщены XXXIII бесѣды: обильная пища для любителей духовнаго чтенія, которые найдутъ здѣсь много страницъ, дышащихъ сердечнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ.

Изданіе книги прекрасно.

180) Мать Семейства, *или главнѣйшія правила, которыми должна руководствоваться мать при воспитаніи дѣтей. С.-П. бургъ. Въ тип. Иверсена.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 162 *стр.*

Нѣкоторые изъ нашихъ журналистовъ былаго времени, вѣроятно, основываясь на внутреннемъ убѣжденіи своего чувства, начали проповѣдывать различіе между нравственною и литературною дѣятельностію человѣка. Отсюда произошли выраженія: *литературная дружба*, *литературная честность*, *литературная совѣсть*, и т. п., какъ-будто обманщикъ въ литературѣ можетъ быть благороднымъ человѣкомъ въ жизни. Не понимая этого двоедушія, мы считаемъ литературные труды одною изъ отраслей нравственныхъ дѣйствій человѣка. Сочиненіе, которое воспламеняетъ любовь къ истинѣ, къ изящному, очищаетъ, облагороживаетъ возвышаетъ душу; слѣдовательно, оно, наряду съ благотворительностію, есть подвигъ *добродѣтели*, есть заслуга передъ людьми и Богомъ. Къ числу сочиненій, которыя, какъ примѣры доброй нравственности, заслуживаютъ полное наше уваженіе, принадлежитъ и маленькая книжка, нами теперь прочтенная. Она издана тѣмъ примѣрно-благотворительнымъ обществомъ иностранцевъ, о которомъ мы съ глу-

бокою признательностію говорили во 2-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» (Отдѣл. VII, стр. 74). Въ ней излагаются превосходныя правила, которыя со всею полнотою должна усвоить себѣ всякая мать, занимающаяся воспитаніемъ своихъ дѣтей. Здѣсь найдетъ она не общія, холодныя и сухія наставленія, но множество тонкихъ, психологическихъ замѣчаній, какъ управлять прихотливыми желаніями дитяти, убивать дурныя склонности въ самомъ ихъ зародышѣ, пріучать человѣка къ добру прежде, нежели онъ пойметъ его цѣну, зыбкимъ, еще неустановившимся движеніямъ молодой души давать окрѣплость и переводить ихъ въ характеръ, въ навыкъ. Правила эти очень-просты и удобоисполнимы: вѣрность ихъ подтверждается безпрерывными, ежеминутными опытами; тутъ нѣтъ натяжекъ умствователя, который хочетъ блеснуть своимъ остроуміемъ, или глубокомысліемъ; это совѣты отца семейства, который и днемъ и ночью блюдетъ за счастіемъ своихъ дѣтей. Языкъ въ этой книжечкѣ такъ же чистъ, простъ и благороденъ, какъ и мысли, составляющія ея содержаніе. Но вотъ еще —

181) Мысли о Воспитаніи *или Семейная Школа. С.-П. бургъ. Въ тип. И. Глазунова и комп.* 1839. *Въ* 8-*ю д. л.* 236 *стр.*

Кто читалъ только «Систему Воспитанія» г. Ястребцова, «Полезное Чтеніе» неизвѣстнаго автора, «Педагогику» г. Ободовскаго и «Умственныя Упражненія» г. Гугеля, тотъ едва-ли что̀-нибудь новое найдетъ въ «Мысляхъ о начальномъ воспитаніи», которыя, не смотря на то, все-таки могутъ почесться полезною книгою, ибо повтореніе и даже извѣстныхъ, несовершенно-развитыхъ другими истинъ всегда полезно, какъ доброе напоминаніе. Притомъ же низведеніе общихъ понятій о воспитаніи къ фактамъ, къ подробностямъ, проистекающимъ отъ индивидуальности воспитанника, или другихъ условій его существованія, потребовало бы огромнаго, многотомнаго сочиненія: вотъ почему мы думаемъ, что г. Бланкъ, авторъ этой книжки, состоящей изъ 236 страницъ крупной печати, не имѣлъ намѣренія представить полную систему воспитанія. Что̀ же касается собственно до системы, то самъ авторъ чувствовалъ недостатокъ ея въ своемъ сочиненіи и говоритъ, что предлагаетъ читателю только *мысли*, а не одну *мысль*, которая послужила бы основаніемъ цѣлой системы, представляемой книгою. Сознавая, что

«Мысли», предлагаемыя г. Бланкомъ, весьма-хороши, мы однако позволимъ себѣ замѣтить, что авторъ иногда говоритъ очень-пространно о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; не начертавъ опредѣленнаго плана для своего сочиненія, неточно дѣлитъ понятія, смѣшиваетъ въ одну категорію разнородныя идеи, очень-часто возвращается къ одному и тому же, и утомляетъ своимъ многословіемъ. Притомъ языкъ невсегда обходится безъ ошибокъ: отъ этого очень-часто запутываются самыя простыя мысли.—Вотъ примѣры. Авторъ нѣсколько разъ говоритъ, что надобно дѣтей воспитывать, что не надобно предоставлять шарлатанамъ ихъ образованіе, заставлять ихъ *долбить* что̀-нибудь на память; надобно укрѣплять ихъ тѣло и образовывать душу. Кто изъ читающихъ книги о воспитаніи не знаетъ этого? На страницѣ 103—4, 5, говоря о гигіенѣ, онъ заключаетъ въ ней слѣдующія понятія: опрятность, воздержаніе, умѣренность, *нѣжное и радушное обхожденіе съ дѣтьми* (въ высшемъ кругу общества), *выборъ поощреній и наказаній*, помѣщеніе, прививаніе оспы, выборъ пищи, *безпрестанный присмотръ*. Какъ въ книгу о семейномъ воспитаніи внести статью о ланкастерской методѣ? кто не назоветъ темными, напримѣръ, слѣдующіе обороты рѣчи: «Рѣка огибаетъ его (садъ) полукружіемъ, извиваясь лентою и орошая каждою весною лежащія по ту сторону поемные покосы и пастбища, которыя стелются безконечною равниною, исчезая въ синеватомъ отдаленіи (стр. 2)? Или: «состояніе вообще образованія, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣзкими чертами отдѣляютъ чернорабочіе классы народа отъ прочихъ» (стр. 122). Слова и обороты: «безобразіе тѣлосложенія», «предудовлетворить», «сходно способу Ланкастера» — едва-ли русскіе...

182) Извлеченіе изъ рукописныхъ Лекцій, *преподаваемыхъ воспитанникамъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея заслуженнымъ профессоромъ* И. Кайдановымъ. *Книжка вторая. С. П.бургъ. Въ тип. Имп. Академіи Наукъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 122 *стр.*

Вѣроятно, при первомъ взглядѣ на это новое произведеніе г-на Кайданова, вы остано̀витесь на странномъ его заглавіи и спро̀сите, изъ какихъ *рукописныхъ лекцій* или *чтеній* сдѣлано сіе «Извлеченіе», и что̀ это за *чтенія*, производимыя *рукописно*? Но мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти во-

просы, потому-что сами не знаемъ, составлено ли это «Извлеченіе» изъ тетрадокъ, разумѣется, «рукописныхъ», по которымъ профессоръ «читаетъ» свои лекціи, или сдѣлано изъ тетрадокъ учениковъ, «записывавшихъ», разумѣется, «руками», «чтенія» профессорскія. Впрочемъ, для насъ это все равно: взглянемъ на самую книгу.

Новая книга, какъ и должно было ожидать, носитъ на себѣ всѣ родовые и видовые признаки учебниковъ, прежде-изданныхъ г-мъ Кайдановымъ. Если вы были довольны извѣстнымъ сочиненіемъ его «Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи», и именно третьею его частію, содержащею, или долженствующею содержать, въ себѣ, исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ, и вышедшею уже *пятымъ* изданіемъ, то вамъ, разумѣется, нечего и читать «Извлеченія», изданнаго на-сихъ-дняхъ тѣмъ же господиномъ Кайдановымъ; если жь вы не удовлетворились означеннымъ старымъ, перепечатываемымъ «Руководствомъ», то не будете удовлетворены и новымъ «Извлеченіемъ», ибо въ немъ нѣтъ ничего новаго. Здѣсь вы встрѣтите, можетъ-быть, десятка три собственныхъ именъ, которыя пропущены въ «Руководствѣ», но которыя все-таки остаются голыми именами безъ всякаго значенія,—и нѣсколько десятковъ страницъ, наполненныхъ самыми цвѣтистыми, самыми великолѣпными фразами, которыя ровно ничего не говорятъ ни уму, ни воображенію, и могутъ служить только примѣромъ реторической амплификаціи, впрочемъ, самой безжизненной, какими бываютъ обыкновенно всѣ механически-составляемыя амплификаціи. А между-тѣмъ на 122-хъ страницахъ некрупной и довольно-тѣсной печати, г. Кайдановъ разсказываетъ только три событія новѣйшей исторіи: открытіе Америки, реформацію и происхожденіе Голландской-Республики. Сколько можно было бы дѣльнаго сказать объ этихъ событіяхъ, не выступая изъ объема книги г. Кайданова! сколько можно было бы собрать рѣзкихъ, характеристическихъ чертъ, обозначивъ ими и живыя драматическія, полныя интереса событія этой эпохи, и лица, въ нихъ дѣйствовавшія! Въ первомъ, напримѣръ: Фердинандъ-Католикъ, Изабелла, Коломбъ, Пезарро, Бовадилла, Бальбуа, Ласъ-Казасъ, Кортесъ, Веласкецъ, Магелланъ, Монтезума, Инки—и цѣлый міръ чудесъ, представившійся Европейцамъ за предѣлами Атлантическаго-Океана; во второмъ: Лютеръ,

Левъ X и Григорій IX, Карлъ V, Цвингли, Кальвинъ, Минцеръ, Боккольдъ, Морицъ - Саксонскій, Фридрихъ - Мудрый, Θома Торквемада—глава инквизиціи, Игнатій Лойола, Бецъ, Арминій, Гомаръ—представители эпохи, въ которую все дышало особенною жизнію, все шло къ перевороту великому, къ созданію новаго міра, до-сихъ-поръ еще не состарѣвшагося;—или, наконецъ, въ третьемъ: Филиппъ II и Вильгельмъ Оранскій, Гранвелла, Альба, Маккіавель—и Эгмонтъ, Горнъ, Бредеробе, Куленбургъ; Елисавета Англійская, Генрихъ IV и Маргарита Австрійская; Донъ-Хуанъ и Вальтасаръ Жераръ; инквизиція и нантскій эдиктъ... Тутъ всякое лицо—портретъ Фан-Дейка или Рембрандта, всякое событіе—драма шекспировская, полная жизни, интереса романическаго и важнаго значенія историческаго... Чтò же сдѣлалъ изъ всего этого г. Кайдановъ? Онъ на 39 страницахъ разсказалъ то, чтò въ «Руководствѣ» его разсказано на 25 страницахъ (реформацію и войну Нидерландовъ съ Филиппомъ II-мъ), и на 83 страницахъ представилъ кое-какія выписки изъ Вашингтона-Ирвинга и, можетъ-быть, другихъ авторовъ объ открытіи Америки, которое у него, Богъ-знаетъ почему, вовсе пропущено въ «Руководствѣ»; но эти выписки сдѣланы неудачно: въ нихъ мелочное мѣшается съ важнымъ, «достопамятное» съ «достозабвеннымъ», и потому онѣ нисколько не восполняютъ пропускъ, очень-замѣтный въ «Руководствѣ».

Конечно, мы не потребуемъ отъ г. Кайданова, чтобъ сочиненіе его было организовано по какой-нибудь философической идеѣ (хотя подобная организація необходимѣе для учебной книги, чѣмъ для ученаго трактата), чтобъ служило къ разрѣшенію въ новомъ видѣ, къ разсмотрѣнію съ новой стороны какого-нибудь, хоть ужь и рѣшенаго другими, вопроса касательно характера того или другаго событія, того или другаго лица,—не потребуемъ потому же, почему не будемъ пенять обыкновенному стихотворцу, зачѣмъ произведеніе его не удовлетворяетъ требованіямъ художественнаго созданія, не носитъ на себѣ печати высшаго творчества: мы знаемъ, что для такихъ созданій нужны поэты, а не простые стихотворцы. Мы даже готовы простить автору и совершенное отсутствіе какой-либо цѣли, къ которой бы направленъ былъ разсказъ его, и которою можно было бы объяснять себѣ, почему иное событіе представле-

но имъ въ томъ, а не другомъ свѣтѣ. Этой цѣли и слѣдовъ нѣтъ въ сочиненіяхъ г-на Кайданова, или, по-крайней-мѣрѣ, она никакъ неуловима: онъ имѣетъ привычку разнообразно и разноцвѣтно описывать событія, по-видимому, совершенно-однохарактерныя (хотя, скажемъ мимоходомъ, давно была бы пора подумать объ установленіи этой цѣли; вѣдь воспитывающееся поколѣніе не къ космополитизму готовится, а къ дѣйствованію въ извѣстной сферѣ, на извѣстномъ поприщѣ, подъ извѣстными общественными условіями). Но положимъ, что можно было бы обойдтись и безъ такого направленія книги: пусть бы г-нъ Кайдановъ далъ намъ простые, ну, хоть безцѣльные разсказы великихъ событій новѣйшаго времени; пусть бы безъ цвѣтистыхъ фразъ, безъ восклицаній, представилъ, въ возможной полнотѣ и стройномъ порядкѣ, эти событія, пропуская мелочи и останавливаясь только на главномъ; пусть бы обозначилъ рѣзкими чертами главныхъ дѣйствователей въ этихъ событіяхъ, но чертами, рисующими воображенію не туманный образъ безъ лица, а портретъ, который бы отдѣлялся отъ фонда картины и глубоко напечатлѣвался въ памяти. И все это, при извѣстныхъ условіяхъ, довольно-нетрудно сдѣлать: матеріалы подъ рукою,—стòитъ только употребить ихъ въ дѣло хоть такъ, напримѣръ, какъ употребляетъ ихъ Мишлѐ въ своихъ учебникахъ.

Но нѣтъ, г. Кайдановъ не воспользовался выгодою своего положенія, какъ составитель учебной книжки для новѣйшей исторіи: онъ продолжалъ по-прежнему разсказывать кое-что кое-о-чемъ безъ выбора, безъ оцѣнки относительной важности событій, иное пропускалъ вовсе, на другомъ останавливался безъ всякой нужды, и все это окружалъ фразами самыми пышными, самыми звонкими, но почти-неимѣющими значенія и вовсе-нейдущими къ дѣлу. Относительно-лучшимъ отдѣломъ книжки можетъ почесться первая ея статья—«Открытіе Америки». Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, есть положительные факты, которыхъ вовсе нѣтъ въ «Руководствѣ» г. Кайданова: читающій эту статью послѣ «Руководства» все-таки узнаетъ что̀-нибудь о Коломбѣ, Кортесѣ, Пезарро и пр., и это, конечно, лучше, нежели совсѣмъ ничего. Но, взгляните, напримѣръ, какъ г. Кайдановъ изображаетъ дѣйствователей этой великой эпохи: Фердинандъ-Католикъ, по его мнѣнію, отличался «холодною, не-

довѣрчивою политикою и мелочною расчетливостію», окруженъ былъ «рабами невѣжества и гордости» (стр. 10) — только; Изабелла названа «благоговѣйною» (стр. 11); характеристики Коломба, или, какъ пишетъ его г. Кайдановъ, Колумба, нѣтъ вовсе, да и составить ее по разсказу г. Кайданова очень-трудно: вы видите въ Коломбѣ то рѣшительнаго, твердаго человѣка, который вполнѣ преданъ своему великому дѣлу и упорно борется съ препятствіями, — то, въ третьемъ путешествіи своемъ, онъ возвращается отъ Ореноко въ Испаньйолу потому только, что «желаніе видѣть своихъ соотечественниковъ не позволяло ему продолжать дальнѣйшихъ открытій» (стр. 27); Васко-де-Гама характеризованъ такъ: «мужъ *добрый*, благоразумный, опытный въ мореплаваніи и неустрашимый» (стр. 28); Ласъ-Казасъ— «ревностнѣйшій *поборникъ* индѣйцовъ (?!), одаренный твердостію духа, неутом*имый*, неустраш*имый* и непоколеб*имый* въ правилахъ католической церкви» (стр. 47); Фердинандъ Кортесъ—«мужъ храбрый, дѣятельный, геніальный, способный къ дѣламъ великимъ, обладающій искусствомъ—пріобрѣтать къ себѣ довѣренность людей и управлять умами ихъ»... «Кругло нищій, но смѣлый, неустрашимый и предпріимчивый, онъ рѣшился найдти себѣ источникъ богатства въ самомъ себѣ и озарить свое имя славою (!!!), не будучи ею никому, кромѣ самаго себя одолженнымъ» (стр. 67)—и такъ далѣе, и такъ далѣе. Спрашивается, есть ли что-нибудь живое въ этихъ странныхъ образахъ? Слова, слова, слова!..

То же самое найдете и въ другихъ отдѣлахъ книги. Арнольдъ Бресчіанскій охарактеризованъ словомъ «смѣлый», Виклевъ—«пылкій», Гуссъ—«ревнитель истины» (стр. 85), Тецель — «грубый, невѣжественный, запальчивый *поборникъ* римской іерархіи» (стр. 88), Лютеръ—«пылкій, твердый и непреклонный, пламенный *поборникъ* истины, строгій послѣдователь евангельс*кому* уче*нію* (?), чуждый сребролюбія и любоначалія» (стр. 89). Или вотъ характеръ Игнатія Лойолы: «Основаніе второму противодѣйствію реформаціи—ордену іезуитовъ—положилъ испанскій дворянинъ, Игнатій Лойола, бывшій любезнымъ царедворцемъ, потомъ храбрымъ воиномъ и наконецъ религіознымъ мечтателемъ. Сдѣлавшись *безчеловѣчнымъ къ самому себѣ* (?!), и изнуривши себя строжайшимъ постомъ, бичеваніемъ и путешествіями въ Палестину, онъ сталъ увѣрять всѣхъ, что Спаситель

рода человѣческаго повелѣлъ ему установить на землѣ общество Інсуса Христа (societatem Iesu). Отсюда слово *Iезуиты*» (стр. 101)... Что это такое? — Посмотрите на характеристику Филиппа II: «этотъ монархъ, питомецъ іезуитовъ, мрачный, никому недовѣряющій, никого нелюбившій и никѣмъ нелюбимый, *непримиримый врагъ свободы мышленія* (!!),—грѣшникъ, всегда трепетавшій передъ своею совѣстію (???) и всегда нарушавшій святые законы ея (?!) въ суевѣрномъ *надѣяніи*, что чрезъ наружную набожность и чрезъ *деспотическое гоненіе* новаго ученія можно примириться съ ними (??!), возненавидѣлъ *откровенныхъ Нидерландцевъ*» (стр. 113) и пр. и пр. Извольте представить себѣ этотъ невозможный, составленный изъ противорѣчій характеръ! Еще лучше герцогъ Альба; вотъ свойства его, по словамъ г. Кайданова: «фанатическая *ненависть* къ новому ученію и *ко всему человѣчеству*, *безчеловѣчіе*, неумолимость, хладнокровіе и *наслажденіе при взглядѣ* на мученія людей (!!!) въ рукахъ инквизиціи, рабская покорность страстямъ Калигулы XVI вѣка—Филиппа II» и пр. (стр. 115). Любопытно знать, въ чемъ бы состояло это *и прочее*.—На слѣдующей же страницѣ (стр. 116) объ этомъ несчастномъ Альбѣ сказано: «этотъ отличнѣйшій полководецъ и *превосходный государственный мужъ*, но *сынъ ужаса*, незнавшій свойствъ сердца человѣческаго, прибылъ въ Нидерланды, окруженный испанскимъ войскомъ и *казнителями*»... Коротко сказать: ни одно лицо въ этомъ «Извлеченіи» не имѣетъ опредѣленной физіономіи.

При такомъ недостаткѣ невозможно и ожидать характеристики событій, которую составлять гораздо-труднѣе, нежели характеристику лицъ. Тутъ у г. Кайданова рѣшительно однѣ фразы, почти безъ всякаго содержанія. Вотъ, напримѣръ, взглядъ на слѣдствія открытія Америки: «Водимый волею Провидѣнія, Колумбъ *открылъ* Америку *для открытія* вѣрѣ христіанской пути до концовъ земли. *Ярость* Испанцовъ, свирѣпѣвшая противъ Индѣйцовъ» (замѣтьте — только противъ Индѣйцовъ, а Индѣйки въ сторонѣ) «давно уже *улеглась*; кроткій духъ евангелія примирилъ Европейцовъ съ Американцами; европейскія правительства, познавъ свою выгоду въ благосостояніи подвластныхъ имъ Американцовъ, начали стараться объ улучшеніи участи ихъ» и пр. и пр. (стр. 83). Или вотъ взглядъ на результаты реформаціи: «При появленіи ея казалось, что *свѣтъ* про-

свѣщенія, *проявившійся* въ Европѣ послѣ крестовыхъ походовъ, угаснетъ отъ бури браней, воздвигнутой новымъ ученіемъ; но когда религіозный фанатизмъ затихъ, *кроткія музы* (?) стали вездѣ водворяться, и народы ревностно устремились на путь образованности и просвѣщенія. Съ *этихъ* поръ, во всѣхъ университетахъ, особливо въ протестантскихъ, стали появляться *умы превосходные*.... Они обратили свое вниманіе на церковную исторію, философію, правовѣденіе, физическія и медицинскія науки, и дали имъ *надлежащее направленіе* (??)... Съ *этихъ* поръ и въ католическихъ земляхъ разумъ человѣческій сталъ *оживляться*. Но стремясь къ просвѣщенію, католики имѣли въ виду одну только *ученость*, въ чемъ Іезуиты весьма много успѣли; протестанты же усвояли себѣ *науки*, *развивающія разумъ человѣческій*» (стр. 108). Слова послѣдняго періода, напечатанныя здѣсь косыми буквами, напечатаны такъ и у г. Кайданова. Что̀ хотѣлъ сказать симъ авторъ, какую разницу видѣлъ онъ между *ученостію* и *усвоеніемъ себѣ наукъ* — истинно не понимаемъ. Или еще: какое можно получить понятіе объ инквизиціи, по прочтеніи слѣдующихъ словъ: «инквизиція—страшное судилище, навлекшее проклятіе милліоновъ народовъ на учредителя его, папу Иннокентія III, долго свирѣпствовала только временно противъ такъ называемыхъ еретиковъ» (слѣдуетъ 17 строкъ о томъ, въ какихъ странахъ введена была инквизиція; наконецъ—)«Отъ ужасовъ этаго судилища *цѣпенѣлъ разумъ* человѣческій; но, какъ *свѣтильникъ* Божій, не потухъ, и *освѣтилъ* Европу, къ посрамленію *жаждавшихъ потушить его*» (стр. 101)?.. И только объ инквизиціи,—тогда какъ о семъ важномъ учрежденіи и слѣдствіяхъ его можно и должно было бы поговорить по-обстоятельнѣе и разсмотрѣть вліяніе его на исторію политическую вообще и исторію права въ-особенности. Послѣ разсказа о войнѣ Филиппа II съ Нидерландцами, г. Кайдановъ восклицаетъ: «Такъ изъ бури браней, порожденной реформаціею, произошла Голландская Республика, и, какъ яркая звѣзда, возсіяла на политическомъ горизонтѣ Европы. Подобно баснословной Минервѣ, мгновенно вышедшей изъ головы Юпитера, она *явилась вдругъ* во цвѣтѣ юношескаго возраста вооруженною, а по географическому своему положенію, средоточіемъ европейской торговли и властительницею на моряхъ» (стр. 121). Къ-чему всѣ эти сло-

ва, и что можно понять изъ нихъ?.. Взглядъ на Лютера, какъ на служителя реформаціи, еще лучше. Прочтите слѣдующія фразы, впрочемъ ни откуда невыведенныя, и ничего за собою неведущія: «Онъ (Лютеръ) дѣйствовалъ не самъ собою, но посредствомъ духа времени, коего онъ былъ *служителемъ*, а не *творцомъ*. Тысячи людей склонились на его сторону, потому-что онъ *говорилъ образомъ мыслей и душами* ихъ. Онъ былъ болѣе *знаменоносецъ*, нежели предводитель въ открывшейся брани съ римскимъ дворомъ. Машина, такъ сказать была уже устроена; Лютеръ привелъ только ее въ движеніе; смертоносное орудіе было уже заряжено и направлено на римскій дворъ; Лютеръ бросилъ только въ него *зажигательную искру*. И безъ Лютера реформація въ западной церкви непремѣнно послѣдовала бы, хотя, *можетъ быть* (?!!), другой кто нибудь, по недостатку силы характера, не произвелъ бы ее (ея?) такъ рѣшительно и скоро, какъ Лютеръ это сдѣлалъ» (стр. 90)... Это *можетъ-быть* лучше всего,—для меня по-крайней-мѣрѣ,—обнаруживаетъ вѣрность и твердость философическаго взгляда автора на важнѣйшія событія всемірной исторіи; послѣ этого *можетъ-быть* исторической критикѣ нѣчего дѣлать съ книгою г. Кайданова, и остается только отложить ее въ сторону съ достодолжнымъ уваженіемъ. — Однако нельзя не упомянуть о томъ, что̀ удивительнѣе всего показалось намъ въ книгѣ г. Кайданова: это «Взглядъ на *географическое состояніе* Америки», которымъ начинается книга. Это какое-то сличеніе древняго свѣта съ новымъ, неоживленное никакою идеею, не направленное ни къ какому выводу... Совѣтуемъ любопытнымъ самимъ прочесть этотъ «Взглядъ»; выписками изъ него нельзя дать о немъ надлежащаго понятія.

Слогъ г. Кайданова, какъ видно уже и изъ приведенныхъ фразъ, цвѣтистъ до приторности, а языкъ безотчетенъ до крайности; эти цвѣты реторическіе лежатъ грудами, и подъ ними часто не доищешься смысла; безпрестанно, особливо въ разсказѣ о реформаціи, попадаются вамъ «броженіе умовъ», «умы пришли въ движеніе», «споры привели въ движеніе мыслящую силу», «умы всѣхъ воспламенились» (этимъ бѣднымъ *умамъ* или мыслящей силѣ всего болѣе достается въ книгѣ г. Кайданова, она поминутно *приходитъ въ броженіе*). Встрѣчаются премудрёныя фразы, какъ напр. «Колумбъ, взвѣшивая все это на разумѣ» и проч. (стр. 8);

Колумбъ «вездѣ носилъ съ собою цѣпи, коими Бовадилла сковалъ его, *повѣшивалъ* ихъ въ своей комнатѣ» и проч. (стр. 35). Этотъ же Колумбъ и на той же страницѣ проситъ Фердинанда и Изабеллу «отправить его еще разъ въ Новый Свѣтъ, увѣряя ихъ, что онъ откроетъ либо перешеекъ, либо проливъ, *отдѣляющіе* Америку отъ моря» (проливъ, отдѣляющій Америку отъ моря... какой чудакъ былъ этотъ Коломбъ! не понималъ, что проливъ не можетъ отдѣлять землю отъ моря!). «Худое управленіе... и своевольство воиновъ... заставили Фердинанда почувствовать свою (чью?) ошибку» (см. сей галлицизмъ на стр. 45). «При громѣ огнестрѣльныхъ орудій они (Юкатанцы) *вздрогнули* и разбѣжались» (стр. 52); а на стр. 115 Нидерландцы точно также *вздрогнули* при одномъ имени герцога Альбы. «Магелланъ и спутники его испытали великія бѣдствія: съѣстные припасы истощились, вода испортилась и страшная болѣзнь—скорбутъ стала обнаруживаться. *Одною отрадою* (?) для Магеллана и спутниковъ его было то, что *погода тогда была прекрасная* (!!!), и это заставило Магеллана назвать океанъ, по которому онъ плылъ *тихимъ*» (стр. 63). «Поступокъ вѣроломный (измѣна Франциска Орельяны спутникамъ его) и безсовѣстный, *извиняемый* развѣ только необыкновенною *смѣлостію* Орельяны» (!!!) (стр. 75). «Карлъ V назначилъ соборъ въ Аугсбургѣ и приказалъ явиться туда и протестантамъ для изложенія—тихо, скромно и безъ *шума личныхъ страстей*—своего ученія» (стр. 95). «Реформація... начала *принимать* на себя *печать изувѣрства* (?), и горизонтъ католическаго свѣта началъ омрачаться молніеносными тучами» (стр. 94). «Волны морскія потопили бы ее (Голландію), если бы *рука* трудолюбія, водимая *разумомъ*, не удержала ихъ посредствомъ *плотинъ*» (стр. 111). На той же страницѣ Нидерландцы «*явились* смѣлыми мореходами», а на 93, Ульрихъ Цвингли «*явился* реформаторомъ», и пр. и пр. и пр.—Встрѣчаются также и новыя, мудреныя слова у г. Кайданова, какъ, напр. «люди благоговѣйные» (стр. 20), «безнравная (т. е. безнравственная) жизнь», «безнравіе» (стр. 22 и мн. др.); на стр. 25 — «горорыты» (Богъ знаетъ что̀ такое!), «новоземцы» (т. е. европейскіе поселенцы въ Америкѣ) и даже «безнравные новоземцы» (стр. 33), «чувствія» (стр. 34), «*Маврикій* Саксонскій» (вмѣсто Морица Саксонскаго), «Францъ I» (вмѣсто Франциска или Франсуа I-го), «*Авто-да-фе'и опы-*

меняли горизонты Испаніи» (стр. 101), и разныя другія рѣдкости. Замѣчательно также, что г. Кайдановъ, у котораго въ «Руководствѣ» едва не на каждой строкѣ встрѣчаются *сіи* и *оные*, теперь въ «Извлеченіи» рѣшительно отказался отъ сихъ мѣстоимѣній, и вы безпрестанно читаете: «по этому», «до этихъ поръ», «съ этихъ поръ», «это», «это-то»... тототня преужасная!..

Но пора кончить наши выписки: вѣдь не перепечатывать же всей книги! Дѣло въ томъ, что это «Извлеченіе» нисколько не помогаетъ «Руководству»: въ немъ все то же (кромѣ описанія открытія Америки), только пошире разсказано, побольше разбавлено фразами, которыхъ, какъ вы сами знаете, и въ «Руководствѣ» не-мало. Г. Кайдановъ, во вновь-изданной имъ книгѣ, *остался вѣренъ самому-себѣ*, хотя и промѣнялъ *сей* на *этотъ*, и изъ Морица и Франциска сдѣлалъ Маврикія и Франца. А сказать это,—по нашему мнѣнію, особливо послѣ приведенныхъ примѣровъ,—значитъ сказать все о новомъ сочиненіи г-на Кайданова, котораго прежніе учебники извѣстны всему новому поколѣнію русской публики, учившемуся по нимъ.

183) Начальныя Основанія Общей Грамматики, *приспособленныя къ понятію начинающихъ обучаться частнымъ Грамматикамъ*. И. Тито. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 176 *стр.*

Авторъ «Начальныхъ Основаній Общей Грамматики», дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ или, вѣрнѣе, на три части, потому-что «Введеніе» составляетъ также отдѣльную часть. Во «Введеніи» изложены главныя основанія такъ-называемой общей логики, т. е. объясненъ составъ понятій и сужденій, сколько нужно для уразумѣнія послѣдующихъ правилъ. Вторая часть («Слова, разсматриваемыя отдѣльно другъ отъ друга») подраздѣляется на двѣ главы, изъ коихъ въ одной говорится о постепенномъ возрожденіи словъ и раздѣленіи ихъ на классы, а въ другой — о словахъ въ-отношеніи къ вторичнымъ понятіямъ и причинахъ измѣненія ихъ. Первая глава третьей части («Слова, разсматриваемыя въ связи другъ съ другомъ») заключаетъ въ себѣ главнѣйшія понятія согласованія и управленія, вторая — размѣщеніе словъ, третья—знаки препинанія.

Объ элементарныхъ логическихъ свѣдѣніяхъ, ясно разсказанныхъ г. Тито, говорить нечего: любое руководство къ логикѣ, переведенное на русскій языкъ или составленное Русскимъ, отъ господина Снелля до господина Рождественскаго, повторяетъ въ семъ случаѣ одно и то же; для насъ гораздо важнѣе общая грамматика, которая, если мы не ошибаемся, не вызвала еще ни одного изъ нашихъ профессоровъ и учителей на трудъ, исключичительно ей посвященный. Замѣтимъ только, что насъ печально удивили слова: *proposition*, *sujet*, *attribut*, и проч., стоящія въ скобкахъ подлѣ *предложенія*, *подлежащаго*, *сказуемаго*. Отъ-чего такой почетъ языку французскому? Развѣ общая грамматика однозначительна съ французской? Дѣти начинаютъ учиться послѣдней не прежде латинской и нѣмецкой. Или вовсе не пишите иностранныхъ реченій, или пишите на трехъ языкахъ—по-крайней-мѣрѣ. А это замѣчаніе невольно приводитъ къ той мысли, что авторъ общей грамматики—если онъ не простой переводчикъ — долженъ, сверхъ основательнаго знакомства съ древними (греческимъ и латинскимъ) языками, знать неменѣе двухъ-трехъ новѣйшихъ; кромѣ-того, ему необходимо перечесть руководства лучшихъ философовъ-грамматиковъ, чтобы не слѣпо предаться односторонней теоріи.

Важнѣйшая статья общей грамматики есть рѣшеніе вопроса о происхожденіи языка, рѣшеніе гипотетическое, а не положительно - вѣрное; ибо гдѣ нѣтъ историческихъ данныхъ, тамъ нѣтъ и несомнѣннаго отвѣта. Г. Тито слѣдуетъ мнѣнію сенсуалистовъ, принимавшихъ постепенное изобрѣтеніе частей рѣчи. «Вы видите» говоритъ авторъ: «что человѣкъ, увлекаемый силою внутреннихъ ощущеній, повиновался имъ и, во-первыхъ, выразилъ ихъ разными восклицаніями: *ай! ахъ! охъ!* и проч. Потомъ уже могъ онъ обратить вниманіе на причину оныхъ. А такъ какъ не самые предметы возбуждаютъ въ насъ ощущенія, а свойства ихъ, или дѣйствія; то, прежде, нежели онъ назвалъ самый предметъ, старался выразить звуками подражательныя дѣйствія ихъ, его поразившія. Такъ произошли *скрынъ*, *тукъ*, *порхъ*, *скокъ* и проч. Эти слова, остатки отъ первоначальнаго языка, всѣ выражаютъ простыя понятія, т. е. наши чувствованія, или причину оныхъ—дѣйствія предметовъ, насъ окружающихъ. Употребляемыя тепѐрь въ первомъ своемъ видѣ, составляютъ они во всѣхъ языкахъ классъ словъ, называемыхъ

междуметіями» (стр. 66). Потомъ: «Такъ какъ въ природѣ нѣтъ двухъ предметовъ, нѣтъ двухъ дѣйствій, слѣдовательно и въ нашемъ умѣ нѣтъ двухъ понятій, совершенно сходныхъ; то для точнѣйшаго выраженія каждаго подлежащаго и каждаго сказуемаго, надлежало бъ имѣть особенное слово. Тогда число существительныхъ и междуметій возрасло бы до безконечности. *Чтобъ не размножать ни тѣхъ, ни другихъ, изобрѣтены слова*, которыя, прилагаясь временно къ подлежащему или сказуемому, измѣняютъ видъ оныхъ и тѣмъ ихъ опредѣляютъ» (стр. 72). Короче: первобытные люди нѣсколько лѣтъ произносили, напр., слогъ *ба*, нѣсколько лѣтъ слогъ *бе;* столько же, можетъ-быть, *би, бо, бу*, и цѣлые вѣка протекли прежде, чѣмъ сформировались пять-шесть частей рѣчи! Замѣтимъ г. автору, что такое мнѣніе о построеніи языка, *имѣвшее вѣру въ свое время;* ложно, какъ и вся философія Кондильяка, который, желая объяснить происхожденіе нашихъ познаній, смотрѣлъ на человѣка, какъ на статую, одаренную способностію чувствовать, а чтобъ объяснить начало языка—создалъ своимъ воображеніемъ двухъ дѣтей и бросилъ ихъ въ пустыню. Философическія теоріи Локка, Кондильяка и другихъ сенсуалистовъ заключаютъ въ себѣ два коренные недостатка, двѣ главныя погрѣшности: онѣ отвергаютъ, во-первыхъ, существованіе необходимыхъ, всеобщихъ, безусловныхъ идей, основаніе которыхъ лежитъ внѣ ощущеній и, во-вторыхъ, смотрятъ на человѣка, какъ на такое существо, которое дѣйствуетъ съ-начала одною изъ своихъ способностей, потомъ начинаетъ изощрять другую, тамъ третью, четвертую и т. д. Чистый вымыселъ, порожденный нечистымъ воображеніемъ сенсуалиста! Умственная жизнь требуетъ одновременнаго развитія многихъ душевныхъ способностей, точно-такъ же, какъ условіе жизни органической есть одновременное развитіе многихъ органовъ. И ту и другую можно назвать единицей, которую нельзя склеить изъ разныхъ штучекъ.

Есть другое мнѣніе о происхожденіи языка, болѣе-согласное и съ непреложнымъ свидѣтельствомъ священнаго писанія, и съ законами развитія душевныхъ способностей, и съ указаніями первыхъ мыслителей, — мнѣніе, по которому слово принимается за откровеніе свыше, за даръ Божій, за творчество въ своемъ родѣ. Гипотеза сенсуалистовъ полагала основаніемъ дикое состояніе первобытныхъ людей; другая гипотеза, утвер-

ждаясь на новыхъ разъисканіяхъ въ мірѣ наукъ, идетъ путемъ противнымъ. Занятіе тѣми языками, которыхъ древность несомнѣнно признана и которые, вѣроятно, содержатъ въ себѣ развалины языка первобытнаго, пролило новый свѣтъ на образъ появленія словесныхъ стихій. Особенно Индія представила въ семъ дѣлѣ замѣчательные факты, поколебавшіе общепринятую вѣру въ *брутизмъ* первенцевъ рода человѣческаго. Священный языкъ Индусовъ, выражающій малѣйшіе оттѣнки мыслей, объемлющій полный міръ сознанія, не фигурально, а силою прямыхъ и ясныхъ реченій—могъ ли онъ явиться среди народа, неозареннаго свѣтомъ твердаго разума, народа-дитяти? Не доказываетъ ли онъ, что человѣкъ, вѣрнымъ взглядомъ постигая природныя качества предметовъ, создалъ, творческимъ чувствомъ, живую ткань языка, полную систему частей рѣчи? Такъ, а не иначе, явился языкъ, это дивное, прекрасное твореніе, не просто означающее предметы и ощущенія, но художественно изображающее тѣ и другіе вмѣстѣ.

Мы распространились о гипотезахъ происхожденія языка съ тою цѣлію, чтобъ показать автору «Общей Грамматики», что содержаніе науки, для кого бы она ни назначалась, должно быть вполнѣ истинно, или, по-крайней-мѣрѣ, согласно съ послѣдними трудами ученыхъ. Французскій языкъ прекрасенъ—нѣтъ спора; но мудрость живетъ не у однихъ Французовъ. Шаткія мнѣнія, хотя дѣтскимъ-образомъ изложенныя, не принесутъ пользы дѣтямъ, которыя требуютъ истины неменѣе взрослыхъ.

Пойдемъ далѣе:

«Иногда одна мысль, для большей ясности, *дѣлится съ намѣреніемъ* на двѣ, на три части, и болѣе. Фразъ (фраза?), ее выражающій, называется тогда періодомъ; а каждая часть его, порознь взятая, членомъ. Період можетъ быть одночленный (тогда называется обыновенно фразомъ), двучленный, трехчленный и четырехчленный. Встрѣчаются, но весьма рѣдко, періоды, въ которыхъ до пяти членовъ (стр. 158).»

Совершенно-ложное понятіе о періодѣ! Непонятно, какимъ образомъ авторъ, показавъ значеніе *словъ, отдѣльно-взятыхъ*, соотвѣтствующихъ понятіямъ, и *предложеній*, соотвѣтствующихъ сужденіямъ, не нашелъ мѣста періодамъ. Еще непонятнѣе способъ, которымъ должны мы отличать періодъ отъ

предложенія: бо̀льшая ясность мысли, намѣреніе писателя — плохія грамматическія примѣты. Чѣмъ же, тогда, періодъ отличается отъ яснаго, яснѣйшаго, do nec plus ultra яснаго предложенія? Какъ войдти въ душу писателя и опредѣлить степень ясности, которую имѣлъ онъ въ виду при построеніи рѣчи? Нѣтъ, періоды узнаются гораздо-проще и гораздо-вѣрнѣе; они, какъ третья степень словеснаго выраженія, соотвѣтствуютъ умозаключеніямъ — третьему логическому акту. Нѣтъ ничего въ словѣ, чего бы не было прежде въ умѣ. Пора также оставить предписанія о числѣ членовъ въ періодѣ. Казенныя мѣрки о длинѣ и ширинѣ рѣчи выходятъ изъ моды у хорошихъ писателей. Могутъ быть и есть періоды о десяти членахъ, которые читаются съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ иные о пяти.

«Мысль состоитъ весьма часто изъ двухъ или болѣе частей; сіи части имѣютъ раздѣленія, а въ раздѣленіяхъ бываютъ подраздѣленія: то, для означенія сего постепеннаго раздѣленія мысли, есть еще знаки, какъ-то: *двоеточіе*, *точка съ запятой* и *запятая*. «Сочинитель слѣдуетъ Лемару, который, въ своемъ *Курсѣ французскаго языка*, ограничиваетъ полноту фразъ тремя степенями дѣленія. Но число дѣленій и подраздѣленій, находящихся на пространствѣ рѣчи отъ одной точки до другой, опредѣлить a priori невозможно, и мы въ-правѣ спросить г. Лемара: какъ удовольствоваться тремя знаками, когда низшія дѣленія раздробятся еще на части?

Вообще, глава *о знакахъ препинанія*, по краткости своей, неудовлетворительна, хотя изложена ясно. Прочитавъ статьи о согласованіи, управленіи и размѣщеніи словъ, повторяемъ въ другой, и готовы повторить въ третій разъ: жаль, что г. Тито вездѣ неуклонно идетъ за Французами, которыхъ весьма недостаточно въ настоящемъ случаѣ: необходимо было бы посовѣтоваться съ нѣмецкими и англійскими филологами.

По изложеніи и оцѣнкѣ содержанія книги, предстоитъ намъ другой вопросъ: для кого она назначается и гдѣ ей мѣсто въ курсѣ образованія? Книга можетъ быть очень-хороша сама-по-себѣ — и между-тѣмъ остаться безъ употребленія, если свѣдѣнія, въ ней помѣщенныя, передаются другими науками. «Общая Грамматика» г. Тито назначена для дѣтей, какъ видно изъ предисловія, и приспособлена къ понятію начинающихъ обучаться частнымъ грамматикамъ, что̀ показываетъ заглавіе. Благодаря

просвѣщеннымъ распоряженіямъ начальства и умнымъ учителямъ, языки преподаются нынѣ паралельно, такъ-что дитя обучается нѣсколькимъ грамматикамъ вдругъ и изъ своихъ уроковъ ясно видитъ различія и сходства отечественнаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ. Если бы изученіе одного какого-нибудь языка предшествовало изученію прочихъ, то ребенку нелегко было бы усвоить общую часть грамматики и отдѣлить ее отъ частныхъ правилъ и условій, свойственныхъ такому-то языку. Кто же принимаетъ на себя обязанность объяснять положенія общей грамматики? Разумѣется, учители частныхъ грамматикъ, которые должны быть знакомы съ философическою стороною преподаваемыхъ ими предметовъ. Когда начинать эти объясненія? Съ того времени, какъ дитя учится языкамъ. Въ какомъ классѣ ихъ мѣсто? Во всѣхъ, гдѣ проходятся частныя грамматики, и ни въ одномъ исключительно. Для высшихъ слоевъ лингвистики есть каѳедры въ университетѣ; но тогда уже дѣтскій языкъ теряетъ свою цѣну: начинается суровый языкъ мысли — сжатый, точный, опредѣлительный.

Какъ мелочь, замѣтимъ кое-какіе промахи въ конструкціи предложеній:

«Изъ того заключимъ, что рѣчью будетъ (ли?) она выражена словами или другими условными знаками, собственно называется изложеніе нашихъ сужденій» (стр. 57). «Еслижъ будутъ (опредѣленія) разнаго рода, то послѣ глагола нельзя ставить болѣе трехъ; ибо *смыслъ фраза, будучи оконченъ* независимо отъ придаточныхъ предложеній, *глаголъ не назначаетъ* мѣста симъ послѣднимъ (стр. 154).»

«Запятая есть знакъ исчисленія, *будутъ* исчисляемыми словами существительныя, прилагательныя, глаголы (?), или неизмѣняемыя; она показываетъ, что фразъ (?) неполный, эллиптическій (стр. 173).»

Подробнымъ отчетомъ нашимъ объ «Общей Грамматикѣ» г. Тито мы хотѣли доказать и уваженіе наше къ наукѣ, и уваженіе къ автору, трудъ котораго заслуживаетъ искреннюю благодарность нашу, какъ единственный въ своемъ родѣ. Нѣтъ сомнѣнія, многіе наставники воспользуются его положеніями, ясно-раскрытыми, что̀ весьма не бездѣлица въ «дѣтской» литературѣ. По всему видно, что авторъ знаетъ дѣтей не по слуху, что опытность указала ему недостатки такъ-называемыхъ

классическихъ книгъ, рѣдко доступныхъ тому кругу людей, для которыхъ онѣ пишутся.

184) Начертаніе Русской Исторіи, *для учебныхъ заведеній. Сочиненіе* Н. Устрялова. *С.-П. бургъ. Въ тип. Имп. Рос. Академіи.* 1839. *Въ 12-ю д. л. XXI,* 362 *стр.*

Эта книжка, по волѣ высшаго начальства—какъ сказано въ предисловіи—назначена служить руководствомъ при преподаваніи русской исторіи въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такое одобреніе избавляетъ критика отъ обязанности произносить о ней свое сужденіе и ручается за достоинство книги. Г. Устряловъ извлекъ свое «Начертаніе» изъ изданной имъ «Русской Исторіи», и именно изъ втораго изданія сей книги, появившагося въ текущемъ году.

185) Драгоцѣнный Подарокъ Дѣтямъ, *или новѣйшая Россійская Азбука съ XXXII-мя* искусно выгравированными и раскрашенными (??!) *картинками, изображающими взятые изъ Натуральной Исторіи разные замѣчательные для дѣтей предметы, по которымъ они весьма легкимъ и пріятнымъ способомъ могутъ научиться чтенію.* Съ пріобщеніемъ *нравоученій, молитвъ, Священной Исторіи, басенъ и повѣстей, также понятія о Грамматикѣ, Ариѳметикѣ и описанія фигуръ.* П. Шараповымъ. (?!). *Новое изданіе. С.-П. бургъ. Въ тип. Х. Гинце.* 1838 (1839). *Въ 8-ю д. л.* 80 *стр.*

Судя по длинному заглавію, которое вѣрно все будетъ напечатано въ книгопродавческихъ объявленіяхъ крупными буквами, вы вѣрно подумаете, что это въ-самомъ-дѣлѣ *драгоцѣнный подарокъ* дѣтямъ, цѣлая дѣтская энциклопедія, и притомъ съ *искусно-выгравированными и раскрашенными* картинками. Но разувѣрьтесь: эта книжка недалеко ушла отъ вышерѣченной «Сказки о Бовѣ Королевичѣ»: такая же точно ничтожность. Сначала, вмѣсто обѣщанныхъ «искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ», вы увидите безобразныя, лубочныя, размалеванныя фигуры, напримѣръ, козла, выкрашеннаго зеленою краскою съ головы до ногъ, бланжевую утку и единорога, названнаго въ объясненіи «носорогомъ» — въ видѣ лошади, которой въ лобъ воткнуто полосатое бревно, заостренное на концѣ. Далѣе — вѣковѣчные и ни на что негодные *цра, цло, цри, рре*, и пр.; потомъ «Слова объ одномъ складѣ» (т. е. однослож

ныя) и о двухъ, трехъ, четырехъ складахъ; какое-то краткое нравоученіе, ничему ненаучающее, молитвы, заповѣди, священную исторію на 3½ страничкахъ, басни съ нравоученіями въ родѣ слѣдующихъ: «кто все гуляетъ, тотъ скоро погибаетъ»; «кто кого смога, тотъ того въ рога»; послѣ этого—пословицы, напр. «на чужой каравай рта не разѣвай, а пораньше вставай, да свой затѣвай»; потомъ... Нѣтъ, довольно: всѣхъ нелѣпостей не перссчитать. Однако — это еще книжка, изданная въ одно время съ «Бовою», въ Петербургѣ, и идущая подъ-стать тѣмъ промышленымъ штукамъ, издаваемымъ подъ именемъ «Азбукъ», которыя такъ часто ставятся въ укоръ московскому книгодѣлію...

186) Основанія Пис(ь)моводства, *или Общее Изложеніе теоріи и практики канцелярскаго дѣла. — Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточ. Языковъ.* 1839. *Въ* 8-*ю. д. л.* 262 *стр.*

Nova terra detecta est! Сфера творческой дѣятельности расширилась; открыто новое, небывалое, неслыханное искусство, искусство, котораго и не предчувствовали до насъ жившіе вѣка! XIX столѣтіе, 1839 годъ ярко будутъ свѣтиться въ исторіи человѣчества: они ознаменованы дивнымъ, великимъ открытіемъ! Но ... вы требуете, вы хотите знать причину этихъ восторженныхъ восклицаній... Вѣдь мы сказали уже, что открыто новое искусство, новая сфера для творческаго генія... Какое искусство? что̀ такое? — Великое искусство, самое творческое искусство, искусство въ которомъ... нѣтъ, этого нельзя выразить немногими словами. Извольте прислушать.

«Основанія Писмоводства» есть книга, въ которой сказано, что письмоводство есть искусство производить многосложную и разнородную переписку (это темное по своей глубинѣ, едва-постижимое выраженіе, поясняетъ авторъ, присовокупляя: «или письменныя сношенія»), помогающее естественной памяти, которой недостаточно для производства дѣлъ въ учреждаемыхъ въ настоящее время обширныхъ канцеляріяхъ; потомъ, что письмоводство, въ смыслѣ искусства, можетъ быть названо теоретическимъ или умозрительнымъ, а въ смыслѣ работъ практическимъ.... Что̀, почтенные читатели? Но вы еще только улыбаетесь, вы еще не ликуете.... ну, такъ слушайте далѣе... Въ той же книгѣ сказано, что есть идеи, и что идеи бываютъ чувственныя, отвлеченныя, нравственныя и наконецъ *творче-*

ственныя. Вотъ видите — творчество есть *осуществленіе вымысловъ на мірѣ вещественномъ;* дальше: всякій *искусственный предметъ* прежде нежели обозначится въ вещахъ или на вещахъ — есть только идея безплотная; всякая же вещь, искусствомъ человѣческимъ произведенная, есть идея воплощенная (hear! hear!); богатѣйшій источникъ идей творчественныхъ находится въ музыкѣ, пластикѣ, гимнастикѣ и словѣ. Подъ словомъ «пластика» авторъ разумѣетъ живопись, рѣзьбу, ваяніе и зодчество; къ слову, какъ къ источнику идей творчественныхъ, относится.... ну что, какъ бы вы думали? — поэзія?... мало. Краснорѣчіе?... мало. Вы недоумѣваете... канцелярское дѣло!!! Не правда ли? вы поражены, вы погружаетесь въ благоговѣйное безмолвіе...

Вся эта книга представляетъ самую стройную, самую разумную организацію. Идея цѣлаго такъ сильна и такъ богата, что не оставила ни малѣйшей частности, не проникнувъ ее собою. Здѣсь все опредѣлено, взвѣшено, измѣрено. Напримѣръ, что такое конвертъ:

«Конвертъ есть запечатанная и надписанная оболочка акта, препровождаемая отъ посылателя къ получателю, посредствомъ третьяго лица или передавателя, дѣлаемая съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ никто, кромѣ получателя, не могъ того акта прочесть», и проч. и проч.

Вотъ наука! И мы наконецъ изобрѣли цѣлую науку! Боже мой, сколько открытій! Изучайте, изучайте умозрительную часть науки письмоводства. . .

Какая странная книга! Но, не смотря на свою странность, на свою уродливость, она можетъ быть употреблена въ пользу. Когда мы говоримъ, что эта книга можетъ быть употреблена въ пользу, мы разумѣемъ и умозрительную, бо́льшую часть ея, и практическую, въ которой очень отчетливо и подробно указаны различныя формы актовъ.

187) Канцелярскій Самоучитель *или краткое руководство къ познанію дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ, съ прибавленіемъ формъ переписки и канцелярскихъ документовъ. Сочинилъ* Ф(Ѳ)едоръ Русановъ, *Рязанской губ. Зарайской Дворянской Опеки протоколистъ. Москва. Въ тип. Степанова.* 1839. *Въ* 8-*ю д. л.* 191 *стр.*

Книга очень-дѣльная, очень-полезная, особенно для моло-

дыхъ людей, вступающихъ въ гражданскую службу и незнакомыхъ съ ея формами, книга, написанная умно, отчетливо и безъ претензiй. Изданiе очень-опрятное, бумага хорошая, шрифтъ прекрасный, какимъ отличается въ Москвѣ только типографiя Степанова. Слѣдственно, многiе скажутъ спасибо автору ея — «Рязанской Губернiи Зарайской Дворянской Опеки протоколисту» г. Ѳедору Русанову.

188) **Матерiалы для Статистики Россiйской Имперiи**, *издаваемые, съ Высочайшаго соизволенiя,* при Статистическомъ Отдѣленiи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. *С.-П. бургъ. Въ тип. Мин. Вн. Дѣлъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* *V*, 150, 189, 275 *и* 44,—*всего* 658 *стр. Съ шестью таблицами.*

Эта книга принадлежитъ къ числу тѣхъ изданiй, которыми наше просвѣщенное правительство не престаетъ обогащать науку. Нисколько не обинуясь, скажемъ, что въ области нашей ученой статистики едва-ли появлялась когда-нибудь книга, важнѣе той, которая издана нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ подъ вышеприведеннымъ названiемъ. Самая мысль— издавать матерiалы для статистики Россiи, которыми такъ богато министерство — благотворна въ высшей степени. Эти «Матерiалы» будутъ сокровищницею, изъ которой прiйдутъ черпать свѣдѣнiя вѣрныя, неподлежащiя никакимъ сомнѣнiямъ — всѣ русскiе ученые, занимающiеся исторiею или статистикою своего отечества. Такого изданiя именно не доставало нашимъ ученымъ,— и теперь статистическое отдѣленiе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уничтожаетъ этотъ недостатокъ, доставляя имъ для ихъ выводовъ все, что доселѣ имъ было недоступно, и безъ чего они должны были довольствоваться свѣдѣнiями частными, ложными и почти-всегда противорѣчащими другъ другу. Изданiе «Матерiаловъ для Статистики Россiйской Имперiи», по важности его и по влiянiю на успѣхи науки, мы можемъ уподобить только изданiю «Актовъ Археографической Коммиссiи», которые получаемъ отъ того же благодѣтельнаго правительства для обогащенiя нашихъ историческихъ свѣдѣнiй фактами новыми, достовѣрными.—Предоставляя себѣ, въ скоромъ времени представить читателямъ подробный отчетъ о «Матерiалахъ» въ отдѣлѣ критики, спѣшимъ теперь ознакомить ихъ съ главною цѣлiю и содержанiемъ перваго тома этой драгоцѣнной книги.

«Показать сотрудникамъ статистическаго отдѣленія, что Государь — мудрый цѣнитель хотя и не блестящихъ, но дѣйствительныхъ заслугъ, — удостоиваетъ монаршаго вниманія всякій безкорыстный подвигъ въ пользу и славу отечества, что заботливое правительство готово вспомоществовать благонамѣреннымъ усиліямъ частныхъ людей, давая труду ихъ ту гласность, которую друзья просвѣщенія и добра считаютъ лучшею для себя наградою — вотъ въ чемъ состоитъ сія частная цѣль, и видя успѣшность первыхъ начинаній, можемъ ли не надѣяться, что со-временемъ она вполнѣ будетъ достигнута?

«Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи будутъ размѣщены въ четырехъ отдѣленіяхъ:

«Первое займутъ статьи, относящіяся къ Россіи въ ея нераздѣльной цѣлости; таковы общія замѣчанія на производительныя силы природы и образовательные труды человѣка — какъ слѣдствіе подробнаго и основательнаго знанія отечественныхъ богатствъ и отечественной промышлености; общія черты народнаго характера, какъ факты, взятые изъ достовѣрныхъ данныхъ нравственной статистики; общіе законы смертности и народонаселенія — какъ выводъ изъ долголѣтнихъ и многочисленныхъ наблюденій надъ среднею жизнію, числомъ рождающихся и умирающихъ; общіе взгляды на важнѣйшія отрасли государственнаго управленія, на цѣлые края, цѣлые народы, цѣлыя сословія — какъ плодъ тщательнаго изученія каждаго изъ нихъ въ его исторіи, законахъ, постепенномъ развитіи, совершенствованіи или упадкѣ.

«Во второе отдѣленіе войдутъ подробныя статистическія описанія или краткія статистическія обозрѣнія губерній, областей, уѣздовъ, градоначальствъ — по-мѣрѣ возможности, съ картами и таблицами.

«Третье отдѣленіе наполнятъ свѣдѣнія объ отечественныхъ городахъ (столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ); также описанія въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ посадовъ, мѣстечекъ, станицъ, селъ и деревень. Къ нимъ — если позволятъ средства, будутъ приложены планы и виды.

«Имѣя по сей части многія драгоцѣнныя свѣдѣнія и желая скорѣе ознакомить съ ними любознательныхъ, Статистическое Отдѣленіе не удовольствуется описаніемъ какого-либо замѣчательнаго города, взятаго отдѣльно отъ другихъ, сосѣднихъ ему: оно будетъ стараться представить въ общей картинѣ всѣ города, принадлежащіе къ одной губерніи. — Съ сею цѣлію третье отдѣленіе подраздѣлится на три слѣдующія части:

Часть I. Историко-статистическій взглядъ на города такой-то губерніи. (По каждому городу порознь; его исторія: географическое и мѣстное положеніе; разстояніе отъ главнѣйшихъ пунктовъ Имперіи; зданія, замѣчательныя по древности, красотѣ или пользѣ; особенности промысловъ; причины благосостоянія или упадка—короче, все неподвижное и постоянное въ городѣ, или, выражаясь съ большею точностію, все, что измѣняется медленно и постепенно). «Часть II. Сводъ городовыхъ отчетовъ по такой-то губерніи, въ такомъ-то году. (По каждому городу порознь и

по всѣмъ городамъ какой-либо губерніи въ сложности: число зданій, жителей, капиталовъ, лавокъ, ярмонокъ, фабрикъ и заводовъ, доходовъ и расходовъ, заведеній учебныхъ, исправительныхъ, богоугодныхъ; потребленіе предметовъ первой необходимости; важнѣйшія данныя нравственной статистики—всѣ свѣдѣнія, которыя, по самому свойству своему, не могутъ оставаться неподвижными, но, постоянно измѣняясь отъ времени и обстоятельствъ, тѣмъ болѣе имѣютъ цѣны, чѣмъ они подробнѣе и новѣе).

«Результатомъ двухъ первыхъ частей и выводомъ изъ нихъ будетъ:

Часть III. Общее заключеніе о положеніи городовъ такой-то губерніи, въ такомъ-то году, т. е. общія черты ихъ народонаселенія, торговли, промышлености, нравственности, образованія, богатства или бѣдности, благосостоянія или упадка.

«Четвертое отдѣленіе назначено для матеріаловъ, которые по роду своему не вошли въ составъ трехъ первыхъ отдѣленій. Таковы: сужденія людей знающихъ объ удобствахъ или недостаточности мѣстныхъ водяныхъ сообщеній и сухопутныхъ дорогъ; описанія разныхъ малочисленныхъ племенъ и народовъ, ихъ промысловъ, нравовъ, обычаевъ, пищи и одежды, отрывки изъ дневныхъ записокъ и путешествій по Россіи, обороты многолюдныхъ ярмонокъ, значительныхъ фабрикъ и заводовъ; отдѣльныя замѣчанія по нѣкоторымъ отраслямъ промышлености городской и сельской; привозъ и вывозъ за границу разныхъ товаровъ въ разныя времена; народное продовольствіе; хлѣбные и другіе запасы; наблюденія надъ воздушными явленіями, климатомъ, температурой, почвой земли, вскрытіемъ и замерзаніемъ главнѣйшихъ рѣкъ, болѣзнями, скотскими падежами, и проч. и проч.

«Заимствуя сіи данныя изъ источниковъ болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ и доступныхъ, болѣе или менѣе обильныхъ и достовѣрныхъ, Статистическое Отдѣленіе не должно и не можетъ ручаться за равную точность свѣдѣній, которыя посему ни въ какомъ отношеніи не выдаются за полный, довершенный трудъ, а названы только «*матеріалами*», т. е. пособіемъ для будущихъ, окончательныхъ трудовъ. Не смотря на то, Статистическое Отдѣленіе постоянно будетъ стараться достигнуть истины, или какъ можно ближе подойти къ ней, обнаруживая сомнѣнія свои въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ молчаніе походило бы на легковѣріе, отмѣчая показанія, по новости или странности требующія подтвержденія, сличая противорѣчащія мнѣнія, выставляя варіанты, и т. д. — Всѣ числа, всѣ факты остаются въ томъ видѣ, въ какомъ они сообщены сотрудниками, имена которыхъ будутъ выставлены подъ каждою статьею. Но въ порядкѣ, расположеніи и слогѣ статей Отдѣленіе не желаетъ уклоняться отъ собственной системы и единожды принятыхъ правилъ. Посему оно предоставляетъ себѣ право дѣлать сокращенія и измѣненія, необходимыя для того, чтобъ, при всемъ разнообразіи трудовъ, сохранено было единство цѣли и направленія.»

Долгомъ поставляемъ обратить вниманіе всѣхъ друзей отечественнаго просвѣщенія на это въ высочайшей степени полез-

ное предпріятіе. Содѣйствіе успѣшнѣйшему его выполненію есть долгъ каждаго Русскаго, который только находится въ возможности принести свою лепту въ эту сокровищницу науки.

189) Теорія Статистики *въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики. Сочиненіе* Александра Ободовскаго. *(,) Ординарнаго профессора статистики при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. С.-П. бургъ. Въ тип. Вингебера.* 1839. *Въ* 8-*ю д. л. V и* 122 *стр.*

Mépriser la théorie c'est avoir la pretention excessivement orgueilleuse d'agir sans savoir ce qu'on fait et de parler sans savoir ce qu'on dit сказалъ Бенжамен-Констанъ, и сказалъ совершенно-справедливо. Но если гдѣ въ-особенности нужна теорія, основательная, твердая, такъ это въ статистикѣ, что особенно видно изъ самаго свойства ея предмета, который, будучи слитъ изъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, по своей многосложности, нерѣдко подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ, столь пагубнымъ для обработыванія всякой науки. Въ наше время всѣ убѣдились, что мѣры политики никогда не могутъ быть вѣрны, если не будутъ основаны на статистическихъ данныхъ; а торжествомъ этимъ статистика обязана единственно своей теоріи. Она одна только даетъ правильный взглядъ на науку и руководствуетъ къ основательному, систематическому изслѣдованію государства, научая распознавать, сообщать, цѣнить и располагать статистическія данныя; она одна сообщаетъ статистикѣ самостоятельность и открываетъ въ ней такіе элементы, которые не измѣняются отъ времени. Теорія для статистики то же, что душа для тѣла. Вотъ почему, послѣ «Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи», мы съ удовольствіемъ останавливаемъ свое вниманіе на вышедшей въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ «Теоріи Статистики» соч. г. Ободовскаго.

Цѣль этой книжки — представить теорію статистики въ настоящемъ ея видѣ. Новаго, неизвѣстнаго еще ученому міру, тутъ ничего нѣтъ: все заимствовано у лучшихъ нѣмецкихъ писателей; но заимствованное предложено въ связи, въ строгой логической системѣ и заставляетъ желать, чтобы авторъ напечаталъ полный курсъ этой науки.

За основаніе г-нъ Ободовскій принимаетъ такое опредѣленіе: «Статистика есть систематическое изображеніе тѣхъ данныхъ»

изъ коихъ основательно познается, въ какой мѣрѣ государство достигло своей цѣли въ какой-либо опредѣленный моментъ, принятый за настоящее время». Это опредѣленіе Бутте: Statistik ist die wissenschaftliche Darstellung derjenigen Daten, aus welchen das Wirkliche der Realisation des Staatszweckes gegebener Staaten in einem als Jetztzeit fixirten Momente gründlich erkannt wird. Изъ этого опредѣленія стройно выводится распредѣленіе всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ науки. Если статистика имѣетъ предметомъ познаніе, въ какой мѣрѣ государственная цѣль достигнута на-самомъ-дѣлѣ въ какомъ-либо государствѣ, то она должна напередъ опредѣлить тѣ *средства*, которыми достигается вообще цѣль государственная, и составить о нихъ ученое, систематическое познаніе, т. е. стараться постигнуть ихъ съ *внутренней* и *наружной* стороны. Какъ человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ самъ по себѣ и по отношенію къ другимъ людямъ, такъ и государство,—одно политическое цѣлое,—представляется съ двухъ сторонъ, именно по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ. Какъ въ человѣкѣ внутренняя жизнь опредѣляетъ внѣшнюю, такъ ивъ государствѣ внѣшнія отношенія зависятъ отъ внутреннихъ. Правда, исторія показываетъ, что внѣшними обстоятельствами иногда совершенно перемѣняются внутреннія, и потому-то можно подумать, что внутренняя жизнь государства зависитъ отъ внѣшней; но тщательныя наблюденія убѣждаютъ всякаго, что самое внѣшнее вліяніе зависитъ отъ внутреннихъ условій и можетъ имѣть тотъ или другой результатъ, смотря по внутреннему состоянію государства. Итакъ, во-первыхъ, статистика должна представить внутреннее состояніе государства, а потомъ внѣшнее.

Обращая вниманіе на *внутреннее состояніе государства*, легко усмотрѣть дальнѣйшее раздѣленіе предметовъ, сюда относящихся, изъ самой государственной цѣли. Безопасность и благосостояніе суть тѣ блага, для которыхъ люди соединяются въ государства; изъ этого слѣдуетъ, что происхожденіе и бытіе государствъ зависитъ отъ существованія *силъ* и *способностей*, потому-что безъ нихъ невозможно представить себѣ вообще никакого дѣйствія, а потому и достиженія государственной цѣли. Эти силы и способности заключаются въ землѣ, занимаемой государствомъ, и въ народѣ, составляющемъ государство. Та-

кимъ-образомъ земля и народъ суть основныя силы государства, существованіе которыхъ есть существенное условіе всякой государственной дѣятельности, conditio sine qua non. Но средства, данныя природою для достиженія общей цѣли человѣчества, должны быть приведены въ согласіе и вѣрно направлены къ цѣли государственной; безъ того ни та, ни другая цѣль никогда не могутъ быть достигнуты. По-этому, въ первомъ отдѣленіи показавъ основныя силы государства, во второмъ отдѣленіи статистика должна показать *устройство государства.* Никакое государство не можетъ существовать безъ правительства; ибо только чрезъ правительство всѣ части государства связуются въ одно цѣлое, такъ-что относятся между собою взаимно, какъ цѣль и средство, какъ причина и дѣйствіе; тогда только происходитъ внутреннее единство, въ-слѣдствіе котораго государство не только пріобрѣтаетъ отличный отъ всѣхъ другихъ характеръ, но и дѣлается самостоятельнымъ цѣлымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, согласно-устроеннымъ и къ высшему единству стремящимся, однимъ словомъ, является органическимъ обществомъ. Такимъ-образомъ во второмъ отдѣленіи, объ устройствѣ государства, должно изъяснить государственное постановленіе и государственное управленіе. Если же земля и народъ составляютъ *способности и силы*, данныя природою, а въ устройствѣ государственномъ выражается *дѣятельное состояніе этихъ способностей и силъ*, то-есть стремленіе къ государственной цѣли, то слѣдуетъ разсмотрѣть также, *въ какой мѣрѣ* эти способности и силы *развились и образовались*, дабы разумная воля тѣмъ легче могла давать имъ направленіе. Этотъ вопросъ ведетъ къ третьему отдѣленію, къ изслѣдованію *культуры*, подъ которою разумѣется мѣра развитія и образованія всѣхъ душевныхъ способностей и силъ, и особенность въ образѣ ихъ развитія и образованія. Смотря по тому, относится ли она къ предметамъ сохраненія физической жизни и къ ея удобствамъ, или къ дѣйствію способности чувствованія, способности познавательной и нравственности, — культура получаетъ названіе физической, технической, эстетической, умственной и нравственно-религіозной.

Обращая вниманіе на *внѣшнее состояніе государства*, также легко видѣть дальнѣйшее раздѣленіе предметовъ, входящихъ въ эту вторую часть статистики, которая, подобно первой, раз-

дѣляется, какъ увидимъ, на три же отдѣленія. Чѣмъ больше распространяется культура и съ нею размножаются люди, тѣмъ тѣснѣе примыкаютъ государства одно къ другому, такъ-что, при нынѣшнемъ состояніи Европы, всѣ государства сей части свѣта находятся въ связи и во взаимномъ дѣйствіи и противодѣйствіи. Ни одно государство не можетъ отторгнуться отъ соединяющей ихъ цѣпи, или отстраниться отъ вліянія прочихъ, или установить свои внѣшнія отношенія и систему внутренняго устройства самостоятельно, по своему произволу. Въ такой общей связи государствъ каждое является болѣе или менѣе дѣятельнымъ или страдательнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, и потому занимаетъ въ ряду прочихъ государствъ опредѣленную *политическую степень*, которую статистика старается опредѣлить по внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ государства въ-совокупности. Разсматриваемое въ ряду другихъ, всякое государство, кромѣ общаго со всѣми назначенія, стремится достигнуть также особой цѣли своего существованія, къ которой назначено по своимъ естественнымъ и пріобрѣтеннымъ способностямъ, по своему положенію, занятіямъ гражданъ, естественному плодородію, большей или меньшей степени народонаселенія, большей или меньшей степени образованности: въ этомъ-то заключается его *государственный интересъ*. Какъ государства имѣютъ разные интересы, то весьма естественно, что, стремясь къ пріобрѣтенію ихъ, они могутъ иногда сталкиваться непріязненно, выходя изъ предѣловъ закона правъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое государство должно быть устроено не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ такъ, чтобы другому государству не-легко было его оскорбить, или нарушить какія-либо изъ его особыхъ правъ; всякое государство должно быть приводимо въ такое состояніе, чтобъ другія государства не могли его притѣснять, не опасаясь большихъ невыгодъ. Такимъ способомъ государство достигаетъ *самостоятельности*, которая доставляетъ ему возможность безпрепятственно стремиться къ своей цѣли. Для поддержанія своей самостоятельности и возвышенія своего государственнаго интереса, государство старается вступать въ тѣснѣйшую связь съ другими. Основаніе, поддержаніе и упроченіе дружественныхъ отношеній и взаимнаго сообщенія и связей между государствами предполагаетъ *договоры*, по которымъ обѣ дого-

варивающіяся стороны взаимно уступаютъ другъ-другу какія-либо права; черезъ договоръ онѣ соединяются къ достиженію какой-либо опредѣленной цѣли, будетъ ли она состоять въ улучшеніи ихъ внутреннихъ отношеній, или въ защищеніи нарушенныхъ или угрожаемыхъ нарушеніемъ правъ, или въ томъ и другомъ совокупно. По-этому, во второй части, статистика должна изобразить: въ первомъ отдѣленіи, политическую степень и отношеніе государства къ другимъ, во второмъ отдѣленіи—особый интересъ государствъ, а въ третьемъ—договоры.

Въ такомъ видѣ представляется статистика въ наше время; въ такомъ, нынѣшнемъ состояніи является теорія статистики и въ книжкѣ г-на Ободовскаго. Если замѣчать недостатки, то скажемъ, что § 15 «Критика опредѣленій статистики» слишкомъ-кратокъ, равно и § 37 «Критика статистическихъ системъ»; опроверженіе шлёцерова мнѣнія, что статистика есть неподвижная исторія, а исторія—текущая статистика (стр. 34, 40, 45, 46, 47, 48) не совсѣмъ-убѣдительно,—и кое-что еще, но это кое-что мелочи...

190) Записки шестаго Комитета Сахароваровъ, *составленнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Москва. Въ Унив. тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л. IV и* 187 *стр.*

Комитетъ сахароваровъ составился въ Москвѣ по случаю начавшей за нѣсколько лѣтъ усиливаться выдѣлкѣ сахара изъ свеклы. «Записки» комитета, которыхъ вышла теперь шестая книжка, составляютъ протоколы его засѣданій. Въ нихъ находятся отчеты по производству свеклосахарныхъ и картофельносахарныхъ заводовъ, замѣчанія и разсужденія, служащія къ объясненію сахарнаго производства. Содержаніе «Записокъ» вообще можно раздѣлить на три разряда: 1) разсужденія о пользѣ свеклосахарнаго производства для государства вообще; 2) заводскіе отчеты для объясненія выгодъ свеклосахарныхъ заводовъ въ частности; 3) статьи къ изъисканію лучшихъ способовъ сахароваренія. — По первому разряду, хотя въ предисловіи къ вышедшей нынѣ книжкѣ говорится, будто бы *теперь не нужно доказывать пользу свеклосахарной промышлености*, однако эта польза ни въ «Запискахъ», ни въ другихъ мѣстахъ далеко еще не доказана. Этотъ предметъ такъ обширенъ, что надобно или много говорить о немъ, или вовсе ничего не говорить; потому-то,

для объясненія пользы отъ свеклосахарнаго дѣла въ-отношеніи къ государству, мы постараемся составить особую статью.— По второму разряду статьи важны; это отчеты, событія, которые дѣломъ должны удостовѣрять въ выгодахъ и невыгодахъ заводчика, должны показывать количество произведенія и обширность производства. Изъ нихъ видно, что свеклосахарныхъ заводовъ въ Россіи находится нынѣ около 100, большихъ и малыхъ; въ сложности, они употребляютъ въ годъ свеклы съ 5000 десятинъ и производятъ до 125,000 пудовъ сахарнаго песка. Можно сказать, однако, что изъ данныхъ, которыя приводятся въ этихъ отчетахъ, трудно выводить точныя выгоды заводчика, потому-что въ отчетахъ находятся не всѣ обстоятельства, нужныя къ этому выводу. Притомъ нельзя не замѣтить, что эти выгоды поддерживаются на-счетъ пошлины, положенной на иностранный сахаръ, и слѣдовательно наши свеклосахарные заводы имѣютъ поддержку до нѣкоторой степени искусственную, а не на собственныхъ силахъ основанную.— По третьему разряду, въ-отношеніи изъисканія улучшенныхъ способовъ, много писано, и до нѣкоторой степени средства сахароваренія объяснены. Главное затрудненіе сахароваренія заключается въ отстаиваніи и вареніи свекольнаго сока. Химическіе опыты и фабричное производство показали, что сахаръ портится при слѣдующихъ обстоятельствахъ: если въ сахаръ прибавлена бываетъ кислота, или онъ долго и сильно варится, часть его болѣе или менѣе лишается способности кристалловаться, то-есть, садится зернами и сахаръ становится бурымъ; если въ сахарѣ случается лишняя щелочь, онъ дѣлается слизистымъ и не сохнетъ. Выжатый изъ свеклы сокъ очень-скоро приходитъ въ броженіе и закисаетъ; прибавленіе въ него извести, для уничтоженія кислоты, дѣлаетъ сахаръ щелочнистымъ, но за-то бѣлымъ; вареніе сока для сгущенія сиропа подвергаетъ его порчѣ отъ жара: вотъ три обстоятельства, на которыя нынѣ преимущественно обращены изслѣдованія сахароваровъ, чтобы удалить отъ сахара опасности отъ кислотъ, жара и щелочности, и притомъ получить сахаръ въ наибольшемъ количествѣ, бѣлый и зернистый.— Въ издаваемыхъ «Запискахъ» находится очень-много лишнихъ словъ, особенно привѣтственныхъ фразъ, которыми дѣло нисколько не объясняется; можетъ-быть, онѣ происходятъ отъ протокольной формы, но лучше, если бы ихъ не было.—

Въ нынѣ-вышедшей книжкѣ замѣчательны слѣдующія статьи: *Опытъ полученія сахара изъ кукурузы*, г. Скалона; *Замѣчанія на статью объ особенномъ образованіи корней у свекловицы*, г. Фишера фон-Вальдгейма; *О сахарѣ въ мануфактурномъ и химическомъ отношеніи*, Гайна и Юнга (очень-любопытная и важная статья, въ-отношеніи сахароваренія, притомъ хорошо-переведенная), переводъ г. Саблукова; *О вліяніи кислотъ, щелочей и жара на свекловичный сокъ при сахароваренія*, переводъ г. Шишкова.

191) Русское практическое пчеловодство *съ изложеніемъ новѣйшаго способа содержанія пчелъ въ Англіи. Соч.* Өед. Сухомлинова. *С.-П. бургъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л. VIII и* 168 *стр. Съ листомъ рисунковъ.*

Дѣльно и тщательно - написанная книжка, которая можетъ послужить хорошимъ наставленіемъ нашимъ пчеловодамъ. По этой части, вообще, мы бѣдны хорошими сочиненіями, хотя счетомъ издано у насъ довольно книгъ по пчеловодству: въ иныхъ, наставленія относятся болѣе къ иностраннымъ хозяйствамъ; въ другихъ описаны предметы пчеловодства недостаточно или даже сбивчиво, а нѣкоторыя объясняютъ болѣе общее пчеловодство, нежели частные пріемы въ немъ. Книга г. Сухомлинова даетъ простыя наставленія, какъ поступать при заведеніи и содержаніи пчелъ, и эти наставленія изложены подробно и съ знаніемъ дѣла. Въ этой книгѣ только тотъ недостатокъ, что не показаны основанія или примѣры для разсчетливыхъ соображеній по пчеловодству, въ-отношеніи содержанія пчелъ приплода и урожая меда; напримѣръ, во что полагать основаніе пчельника, расходы его въ сложности нѣсколькихъ лѣтъ и количество сбора. Такое замѣчаніе дѣлаемъ мы не въ упрекъ книгѣ, а изъ желанія видѣть ее еще лучше во второмъ изданіи, котораго усердно желаемъ ей. — «Русское практическое пчеловодство» содержитъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: 1) *общія понятія о пчелахъ*, гдѣ описаны матка, трутни и рабочія пчелы. Замѣчаніе сочинителя о назначеніи трутней мы находимъ неполнымъ. Онъ говоритъ: «предназначеніе трутней до-сихъ-поръ въ точности не извѣстно; кажется, что они назначены для оплодотворенія матки.» Кромѣ этого оплодотворенія, они нужны въ ульѣ для нагрѣванія или высиживанія пчелиной дѣтни. — 2) *О выборѣ мѣста для пчеловодства.* Эта глава изложена слабо;

нужно и полезно было бы распространиться болѣе о мѣстности.—3) *Объ ульяхъ разнаго рода*—дѣльная глава. — 4) *О пріобрѣтеніи или покупкѣ хорошихъ роевъ.* — 5) *О пищѣ пчелъ лѣтомъ* и кормленіи ихъ. — 6) О наващиваніи, начервленіи и установкѣ сотовъ въ ульѣ. — 7) *О перегонкѣ пчелъ* и о дѣланіи искуственныхъ роевъ.—8) О *неблагополучіи* и болѣзняхъ пчелъ — полезная и хорошо-изложенная глава о предметѣ нужномъ.— 9) О *росніи пчелъ.* — 10) О *вырѣзываніи* меда.— 11) О *зимовкѣ пчелъ.* — 12) О *выставкѣ* пчелъ изъ мшаника. — 13) *Содержаніе* пчелъ *по способу* Англичанина *Натта.* Этотъ способъ описанъ обстоятельно, и для ясности понятія о наттовомъ ульѣ приложенъ рисунокъ. По способу Натта получается изъ улья меда несравненно-болѣе, нежели при обыкновенномъ пчеловодствѣ, да и самый медъ бываетъ гораздо-чище. Его способъ, къ которому приноровлено и устройство улья, основанъ на тѣхъ общихъ началахъ, посредствомъ которыхъ искусный пчеловодъ можетъ удержать пчелъ отъ роенья или давать имъ роиться, можетъ заставлять дѣлать медъ или воскъ, словомъ, можетъ заставлять ихъ дѣйствовать по своему намѣренію. Эти начала или правила извѣстны были и прежде Натта. Они заключаются въ надлежащемъ управленіи теплотою и пространствомъ улья. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно, если улей тѣсенъ, пчелы скоро начинаютъ роиться: прибавьте имъ простора, и онѣ отложатъ роенье.

Рекомендуемъ нашимъ пчеловодамъ книгу г. Сухомлинова, какъ хорошее руководство.

192) Сельскій Хозяинъ XIX Вѣка, *продолженіе или опыты и правила лѣсоводства, садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства и новѣйшія открытія какъ по части земледѣльческой промышленности, такъ и по отраслямъ естественныхъ наукъ и технологіи, входящимъ въ составъ сельскаго хозяйства и домоводства, и въ особенности полезнымъ для русскихъ помѣщиковъ и управляющихъ вотчинами; съ приложеніемъ многихъ литографированныхъ фигуръ. Составилъ* В. М. Пановъ. *Издалъ* Александръ Ширяевъ. *Часть II. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. Языковъ.* 1839. *Въ 12-ю д. л. XVI и 706 стр. Съ рисунками.*

Второй и послѣдній томъ продолженія «Сельскаго Хозяина

XIX-го Вѣка» есть, такъ-сказать, подарокъ издателя, А. С. Ширяева, который напечаталъ пять частей (изъ коихъ три принадлежатъ г. Вилькинсу, а двѣ г. Панову), вмѣсто четырехъ, при подпискѣ обѣщанныхъ. Всѣхъ статей въ послѣднемъ томѣ помѣщено пять. Первыя двѣ: «Пчеловодство» и «Шелководство», составлены по опредѣленному прежде издателемъ плану, и извлечены большею частію изъ извѣстнаго французскаго сочиненія: «Maison rustique du XIX siècle», потому-что чертежи и рисунки для нихъ были уже заготовлены. Сельскіе хозяева, безъ-сомнѣнія, будутъ благодарны г. редактору за изложеніе—хотя краткое, но отчетливое—естественной исторіи пчелъ и способовъ ихъ разведенія; ибо, кромѣ «Практическаго Пчеловодства», изданнаго г. Витвицкимъ, статей г. Прокоповича, напечатанныхъ въ разныхъ нумерахъ «Земледѣльческаго Журнала», издаваемаго Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, да выше разсмотрѣнной нами книги г-на Сухомлинова, почти нечего рекомендовать помѣщику-пчеловоду. — Въ слѣдующихъ за тѣмъ двухъ статьяхъ подробно описаны всѣ извѣстныя и опытомъ утвержденныя дѣлопроизводства, какъ для картофельныхъ произведеній, такъ и для добыванія сахара изъ свекловицы, начиная отъ ея воздѣлыванія, уборки и храненія до окончательнаго полученія сахара. Предметъ безспорно-важный! Картофельныя произведенія и свекловично-сахарные заводы, по обширности земель въ Россіи, по богатству почвы и меньшей цѣнности ихъ, сравнительно съ другими европейскими государствами, представляютъ новое поприще внутренней сельской промышлености, тѣмъ-болѣе, что они послужатъ, сверхъ-того, къ значительному улучшенію сельскихъ хозяевъ и самой разработкѣ и удобренію земель. Лучшія иностранныя сочиненія опытнѣйшихъ по этой части заводчиковъ-писателей, особенно Домбаля, всѣ извѣстныя въ Россіи примѣненія удобнѣйшихъ способовъ свекловично-сахарнаго производства, равно совѣты извѣстныхъ заводчиковъ служили г. Панову къ составленію этихъ полезно-любопытныхъ руководствъ. — Послѣдняя статья, заимствованная изъ «Технологическаго Лексикона» съ прибавленіями г. Щеглова: «Усовершенствованные способы бѣленія разныхъ тканей, шелка, шерсти и нитокъ» также весьма-важна по малоизвѣстности этой части фабричнаго дѣла въ Россіи и по тѣмъ выгодамъ, которыя она можетъ принести фабрикантамъ и сель-

скимъ хозяевамъ, учреждающимъ въ имѣніяхъ своихъ бумажныя и полотняныя фабрики.

Г. Пановъ, въ предисловіи своемъ, откровенно объявляетъ, что *лестные отзывы большей части журналовъ* и многихъ достойныхъ уваженія сельскихъ хозяевъ заставили его еще съ большимъ усердіемъ заняться окончаніемъ второй и послѣдней части сочиненія. Намъ, съ своей стороны, пріятно довести до свѣдѣнія почтеннаго редактора, что добросовѣстный трудъ писателя, разумѣющаго свое дѣло,—трудъ, чуждый какъ притязаній на ученость свыше силъ, такъ и своекорыстныхъ разсчетовъ спекуляціи,—всегда будетъ встрѣченъ нами съ почтеніемъ, благодарностію и радушнымъ, хотя и не-льстивымъ, словомъ.

193) О Производствѣ стеариновыхъ Свѣчей. *Сочиненіе* Александра Троіе. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 8-ю д. л. 24 стр.*

Брошюрка, хорошо написанная; въ ней сочинитель излагаетъ однѣ практическія подробности производста стеариновыхъ свѣчей по разнымъ до-сихъ-поръ извѣстнымъ способамъ. Многія методы не вошли въ нее, потому-что и теперь еще онѣ, какъ тайна, продаются за большія суммы, а новоизобрѣтенный способъ не могъ быть помѣщенъ *по особеннымъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ автора*. Все сочиненіе раздѣлено на шесть небольшихъ статеекъ: введеніе, приготовленіе сала, отдѣленіе стеарина, отдѣленіе стеариновой кислоты, свѣтильня, литье свѣчей. Замѣтимъ автору, что брошюрка его, по излишней краткости, едва ли принесетъ пользу тому, для кого онъ назначалъ ее, хотя предувѣдомленіе и увѣряетъ, что предлагаемые способы весьма-удовлетворительны и выгодны, потому-что приготовляемыя посредствомъ ихъ свѣчи очень-хороши и обходятся дешево. Желаніе многихъ, любопытствующихъ знать подробности стеариннаго производства, врядъ-ли удовлетворится 24-мя страницами, изъ которыхъ, на послѣдней, даже французскія мѣры не обрашены въ русскія.

194) Вспомогательная Книга для Помѣщиковъ и сельскихъ Хозяевъ. *Соч.* В. А. Крейсига. *Перевелъ съ нѣмецкаго и пополнилъ примѣчаніями членъ разныхъ обществъ*

С. М. Усовъ. *Изданіе второе, съ прибавленіемъ правилъ сельскаго счетоводства. С.-П. бургъ. Въ тип. Эд. Праца и Ко. 1839. Въ 8-ю д. л.* XX и 470 *стр.*

Эта книга составляетъ очень-хорошее руководство, или, лучше-сказать, пособникъ для сельскаго хозяина при разныхъ его занятіяхъ по земледѣлію и скотоводству. Съ нею можно посовѣтоваться, какъ приготовить землю подъ растеніе, какъ расположить посѣвъ, сколько взять для него сѣмени, какъ выбрать скотъ, чѣмъ кормить его, и какимъ - образомъ пользовать его въ случаѣ болѣзни. Намъ нравятся наставленія и способы леченія: они очень-просты и удобны къ исполненію. Опытность и знанія сочинителя книги давно извѣстны; достоинство же ея и потребность у насъ доказываются, между-прочимъ, тѣмъ, что первое изданіе, вышедшее въ концѣ 1836 года, разошлось все почти въ два года. Новое, нынѣ вышедшее изданіе исправлено въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, и пополнено отъ переводчика разными примѣчаніями. Въ концѣ книги сдѣлано большое и очень-полезное прибавленіе, именно: правила сельскаго счетоводства, съ примѣрами счетныхъ книгъ и образцомъ вѣдомости по сельскому имѣнію. Нынѣ почти-всѣ хозяева убѣждены въ необходимости имѣть въ хозяйствѣ отчетность, а не вести дѣла на удачу, какъ то бывало прежде; но простыхъ наставленій къ счетоводству, и свѣдущихъ въ немъ людей, въ-отношеніи сельскихъ имѣній, у насъ очень-мало; сельскіе счетоводы часто затрудняются въ составленіи вѣдомостей, которыя такъ нужны для постояннаго обозрѣнія хода хозяйства. Въ этомъ отношеніи, нельзя не похвалить примѣрной вѣдомости, которая приложена къ нынѣшнему изданію «Вспомогательной Книги», и можетъ послужить образцомъ при составленіи подобныхъ вѣдомостей въ какомъ-нибудь имѣніи. — Книга раздѣляется на семь частей: въ первой находятся правила приготовленія пашни, разведенія полевыхъ и огородныхъ растеній и содержанія луговъ; во второй—коноводство, или правила содержанія и леченія лошадей; въ третьей разведеніе, содержаніе и леченіе быковъ и коровъ, приготовленіе масла и сыра; въ четвертой—овцеводство, въ пятой—разведеніе свиней и дворовыхъ птицъ; въ шестой — правила пчеловодства; въ седьмой—краткія наставленія къ расположенію небольшой усадьбы, разведенію плодоваго сада и обозрѣніе

ежемѣсячныхъ занятій по сельскому имѣнію въ-продолженіе года. Въ концѣ находятся правила и образцы счетоводства.

195) Практическое Наставленіе *какъ приготовлять лучшій* винный уксусъ *въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, способомъ самымъ дешевымъ. Составлено* Орестомъ Шуманомъ; *издано иждивеніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. С.-П. бургъ. Въ тип. И. Глазунова и Комп.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 38 *стр.*

Покровительство, оказанное г-ну Шуману Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, служитъ достаточною порукою въ пользѣ его брошюры, основанной на нѣмецкомъ сочиненіи «Ueber Schnell Essigfabrication» Штехбардта; но снаряды и особое помѣщеніе, по этой методѣ требующіеся, не допустятъ осуществленіе ея въ частныхъ хозяйствахъ. Выпишемъ для примѣра рецептъ для составленія уксуса четырехъ разбойниковъ: «корень дягеля (ангелики), корень бедренца (пимпинели), корень горечавки (генціаны), трава полынь, трава рута, трава розмаринъ, чеснокъ (Cnoblauch), леванда (Lavandula), лавровый листъ, можжевеловыя ягоды, перечная мята, чеснокъ обыкновенный лукъ, зеленая скорлупа грецкихъ орѣховъ, поваренная соль Каждой специи по 12 золотниковъ; измельчивъ ихъ и всыпавъ въ бутыль, наливать шестью квартами (каждая около бутылки) самаго крѣпкаго уксуса; завязать горло бутыли бумагою и поставить на нѣсколько недѣль въ умѣренной теплотѣ. Въ лѣтнее время приготовленіе настоя можно ускорить, наливая специи уксусомъ, нагрѣтыми до 40° по Реомюру и выставивъ бутыль на солнце. Къ готовому настою прибавляютъ, на каждую кварту уксуса, по 6 золотниковъ камфорнаго спирта и хранятъ до употребленія. Въ смѣшаніи съ ѳеріаномъ приписываютъ ему силу отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ и почитаютъ полезнымъ при заразительныхъ болѣзняхъ. Вытяжки отливаютъ отъ настоя процѣживаніемъ, ополаскиваніемъ крѣпкмъ уксусомъ и выжиманіемъ. Уксусный настой очищаютъ процѣживаніемъ чрезъ цѣдилку или освѣтленіемъ въ боченкѣ. Для освѣтленія 30-ведерной бочки уксуса, достаточенъ бѣлокъ отъ 6 яицъ, взбитый съ четверть квартою воды, такимъ же количествомъ уксуса и вскипяченный одинъ разъ на огнѣ. Можно производить освѣтленіе рыбьимъ клеемъ, растворённымъ въ водѣ или уксусѣ, но это средство дороже перваго».

196) **Практический конский и скотский Лечебникъ** *для учащихся ветеринарной медицинѣ и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владѣльцевъ, занимающихся скотоводствомъ. Сочиненный ординарнымъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ, и проч.* Петромъ Лукинымъ. *С.-П. бургъ.* 1837—8 (1839). *Въ 8-ю д. л. IV и 412 стр. Съ таблицею.*

Этотъ лечебникъ содержитъ въ себѣ наставленіе къ надлежащему распознаванію и правильному пользованію внутреннихъ болѣзней, которыя случаются у разнаго домашняго скота. Сперва излагаются правила общаго леченія, а потомъ частнаго. Болѣзни раздѣляются 1) на *горячки*, къ которымъ относятся всѣ воспалительныя болѣзни, напримѣръ, лихорадки, жаба, ящуръ, и проч.; 2) на *нервныя*, къ которымъ принадлежатъ пострѣлъ, столбнякъ, кашель, удушье, и другія; и 3) *худосочія*, къ которымъ причислены желудочныя болѣзни, чемеръ, разныя колики, лихой, и проч. Въ концѣ дано наставленіе, какъ надобно разсматривать болѣзни. При увеличивающемся нынѣ стремленіи улучшать всѣ части сельскаго хозяйства, наблюденіе за скотоводствомъ принадлежитъ также къ числу необходимыхъ занятій хозяина. Донынѣ еще, наши хозяева нуждаются въ хорошихъ способахъ и руководствахъ къ сохраненію скота въ болѣзненномъ состояніи. И потому, нельзя не признать, что книга г. Лукина очень-кстати можетъ пополнить собою этотъ недостатокъ.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

14) Caii Crispi Sallustii *opera quae exstant, praeter fragmenta, omnia. Ex novissima et accuratissima I. L. Burnouf recensione* (Всѣ дошедшія до насъ Сочиненія К. К. Саллюстія, *за исключеніемъ отрывковъ*). Mosquae. Typis Universitatis. 1839. in-8. 119 pag.

Вотъ и еще плодъ трудолюбивой ученой дѣятельности. Рвите, охотники до плодовъ, рвите его! «C. C. Sallustii opera omnia etc.... *Mosquae*». Какъ громко! въ васъ забилось сердце, въ васъ разъигрался аппетитъ, вы бѣжите la bouche béante, вы спѣшите насладиться тѣмъ, что сдѣлано для изученія классическаго міра,—

и что же? вмѣсто того, что вы ожидали, вамъ представляется претензія, одна претензія... ну, а претензія, какъ хотите, жестка, отъ ней какъ не нажить оскомины! — Впрочемъ, источникомъ нашего восклицанія было не столько впечатлѣніе, произведенное этимъ изданьицемъ Саллюстія, сколько тягостное впечатлѣніе, которое вообще производитъ на насъ всегда дѣятельность многихъ изъ нашихъ ученыхъ, какъ только мы вздумаемъ взглянуть на нее. Еслибъ вышло въ Германіи, Франціи или гдѣ угодно, подобное *изданьице* классическаго автора, мы были бы очень-довольны, мы были бы благодарны издателю, потому-что тамъ мы могли бы указать на того же автора въ объемѣ огромныхъ фоліантовъ, изученнаго, критизированнаго во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ увидѣли бы мы заботливость ученаго, извлекающаго изъ *своего собственнаго* труда существенное, для-того, чтобы это существенное могло больше распространиться, для-того, чтобы расширить сферу его вліянія. А у насъ?.. у насъ видимъ мы.... Позвольте! къ чему говорить? Довольно и того, что видимъ.

Въ московскомъ изданіи «Саллюстія» нѣтъ ничего, кромѣ текста, текста, превосходно-очищеннаго и разработаннаго иностранными филологами и превосходно-украшеннаго опечатками, ошибками. Бумага сѣрая. Вѣроятно, книга издана для какихъ-нибудь учащихся, чтобы облегчить имъ средства имѣть и носить съ собою на лекціи Саллюстія; комментаріи увеличили бы только цѣну и объемъ изданія, обременили бы руки учащагося; комментаріи и проч. могутъ быть переданы учащемуся изустно преподавателемъ. Учащійся ничего не теряетъ и, можетъ-быть, много выигрываетъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

Мы всегда съ удовольствіемъ принимаемся за обозрѣніе сочиненій, въ новѣйшее время выходящихъ въ Германіи. Между множествомъ книгъ обыденныхъ, наполненныхъ чѣмъ и какъ попало, есть такія, въ которыхъ найдется пища для ума и вкуса. Прочное, основательное знаніе, ученость, состоящая въ многостороннемъ наблюденіи надъ жизнію, всегда содѣйствуютъ развитію изящной словесности и изящныхъ искусствъ вообще. «Когда есть корень и стебель» говоритъ Гёте: «листья, цвѣтъ и плоды будутъ». Отъ этого въ Германіи поэзія идетъ объ-руку съ наукой. Тамъ, какъ и въ цѣломъ свѣтѣ, геніи, подобно большимъ кометамъ, конечно, не-всегда блистаютъ на горизонтѣ, но всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ съ истиннымъ одушевленіемъ, которые призваны на землю, чтобы своими звуками воскрешать отраду въ унывающемъ сердцѣ, и цвѣтами фантазіи прикрывать бѣдную существенность. Изъ ученыхъ сочиненій особенное вниманіе заслуживаютъ слѣдующія:

Encyclopaedie der gesammten musikalischen Wissenschaften, *oder Universal-Lexikon der Tonkunst. Bearbeitet* von M. Fink, de la Motte Fouqué, *Dr. Grosheim etc. und dem Redacteur* D. Gustav Schilling. *V. Bd. 749 S. nebst einer Notenbeylage. Stuttgart b. Köhler.* (Энциклопедія свѣдѣній о музыкѣ). 1838.

Энциклопедія есть поздній плодъ учености. Она становит- потребностію только тогда, когда умы, воспламеняемые любовію къ истинѣ, уже прошли много путей, сдѣлали много изслѣдованій въ области знанія, — когда, погружаясь

въ тайники жизни, природы и человѣчества, отыскали въ нихъ и вынесли на свѣтъ многочисленныя груды сокровищъ. Сознавая свое умственное богатство, окидывая взоромъ свои нетлѣнныя драгоцѣнности, народъ чувствуетъ необходимость привести въ порядокъ свои пріобрѣтенія, распредѣлить ихъ, назначить всему свое мѣсто и изъ разнообразныхъ частей составить одно цѣлое. Является мыслитель - художникъ, понимающій потребность народа, начертываетъ планъ и, при должномъ содѣйствіи своихъ *единомышленниковъ*, воздвигаетъ зданіе науки. Такимъ образомъ возникаетъ энциклопедія, какъ храмъ, какъ общественное заведеніе, какъ патріотическій монументъ, сооружаемый изъ пожертвованій цѣлаго народа, для его же благоденствія, для его же славы. Въ Германіи есть много энциклопедій *общихъ*, при составленіи которыхъ предполагается свести въ систему всѣ отрасли познаній человѣческихъ; есть еще болѣе энциклопедій *частныхъ*, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обнять всѣ *части одной науки*, или всѣ *вѣтви одной отрасли знанія*. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ теперь, — одно изъ лучшихъ въ своемъ родѣ. Оно издается уже нѣсколько лѣтъ; въ 1837 и 38 годахъ вышли послѣднія его части — V и VI; къ нимъ будетъ прибавленъ еще одинъ томъ дополненій. Не всѣ журналисты одинаково цѣнятъ этотъ ученый трудъ; но даже самые противники редактора и его сотрудниковъ признаютъ въ немъ большое достоинство. Оно можетъ быть разсматриваемо въ двухъ отношеніяхъ—историческомъ и теоретическомъ. Историческую часть его составляютъ свѣдѣнія о всемъ, что̀ касается до судьбы музыки, этого воздушнаго, и, какъ сказалъ Пушкинъ, *безграничнаго искусства*. Здѣсь читатель съ наслажденіемъ можетъ слѣдить его развитіе, начиная отъ колыбельныхъ пѣсенъ генія гармоніи, отъ первыхъ, нестройныхъ и одинокихъ аккордовъ, до величественныхъ, колоссальныхъ и въ высочайшей степени изящныхъ явленій музыкальнаго міра. Артисту, любителю изящнаго и психологу любопытно и поучительно наблюдать, какъ творческіе таланты постепенно овладѣвали тайнами звуковъ и изъ тростника, кости, металла, струнъ и т. д. вызывали голосъ природы, созвучный своему сердцу, мало-по-малу уловляли разнообразные оттѣнки гармоніи, время отъ времени выражали въ своихъ произведеніяхъ ощущенія, все болѣе тайныя, болѣе глубокія, — усилива-

лись и успѣвали неопредѣленный сумракъ чувства озарять призраками фантазіи, чисто-духовному давать ликъ, невидимому—образъ. Такъ-какъ жизнь художника неразрывно соединяется, съ его произведеніемъ, и одно часто служитъ пополненіемъ другому, то съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаешь въ этой «Энциклопедіи» жизнеописанія композиторовъ. Сочинители, воспользовавшись всѣмъ, что по этой части было написано ихъ предшественниками, прибавили много новыхъ и чрезвычайно-занимательныхъ подробностей. Изучая исторію склонностей, страстей, привычекъ, удовольствій и страданій артиста, глубокій наблюдатель найдетъ ключь къ объясненію многаго въ его произведеніяхъ. Біографіи нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей отличаются полнотою, вѣрностію извѣстій, пріятностію изложенія и рѣзкою характеристикой; такъ, напримѣръ, біографія Сальери, Мошеля, Пиччини, Моцарта, Спонтини, Паганини и нѣкоторыхъ другихъ. Въ теоретической части «Энциклопедіи» разсматривается внутренняя, духовная часть музыки, сущность и различные виды ея, значеніе и характеръ каждаго изъ нихъ въ особенности, отношеніе ея къ общимъ законамъ человѣческаго духа и природы физической, связь съ другими проявленіями изящнаго, съ другими сторонами человѣческой жизни — умственной и нравственной, особенный духъ и стиль, какъ артистовъ въ отдѣльности, такъ и цѣлыхъ музыкальныхъ школъ,—однимъ словомъ, излагается философія этого искусства. Въ оцѣнкѣ произведеній вездѣ видно живое, теплое участіе къ прекраснымъ произведеніямъ вдохновенія, уваженіе къ высокимъ дарованіямъ, тонкій, разборчивый вкусъ, глубокомысленная наблюдательность, отчетливость въ сужденіяхъ и безпристрастіе Какъ бы прекрасно было, если бы составители русскаго «Энциклопедическаго Словаря» воспользовались этимъ сочиненіемъ!

Allgemeines Kuenstlerlexikon, *oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister, Kupferstecher u. s. w. nebst den Monogrammen* von Dr. S. C. Nagler, 2, 3, 4, 5 *und* 6 *Band.* 1835—1838 *Jeder Band ungef* 576 *S. gr.* 8. *München bei Fleischmann* (Всеобщій художественный Лексиконъ). Это сочиненіе то же для произведеній искусствъ пластическихъ, что предъидущее для произведеній музыкальныхъ. Можно сказать, что они оба развились изъ одной идеи и составлены по одному пла-

ну. Все-различіе состоитъ въ томъ, что въ «Художественномъ Лексиконѣ» было обращаемо вниманіе преимущественно на историческую часть. За-то въ этомъ отношеніи его можно назвать образцовымъ произведеніемъ; читатель видитъ въ немъ не однѣ только груды матеріаловъ, но свѣжее здравомысліе и осторожную разсудительность въ выборѣ и разработкѣ ихъ. Свѣдѣнія о художникахъ почерпнуты изъ самыхъ достовѣрныхъ, несомнѣнныхъ источниковъ. Можно подумать, что слышишь ихъ живой разсказъ, ихъ собственное признаніе о томъ, что занимало и тревожило ихъ, какъ они боролись съ прихотью судьбы, убійственною холодностью современниковъ, съ пылкостію чувствъ своихъ, и т. п. Частностей, мелочей, случаевъ изъ круга жизни домашней, особенностей, подмѣченныхъ въ художникѣ въ минуты его уединеннаго труда, въ часы безпечнаго досуга, въ разгарѣ страсти, или въ шумѣ дружеской бесѣды — всѣхъ этихъ разнообразныхъ точекъ и дробей, изъ которыхъ слагается жизнь и исторія, въ этомъ сочиненіи изумительное множество, обиліе неистощимое; но все это полно глубокой занимательности, существенно-необходимо; каждая изъ этихъ мелочей прибавляетъ черту къ физіономіи изображаемаго лица, кладетъ на него новую краску, новую тѣнь и выводитъ наружу его душу. Большая часть изображеній отличается необыкновенною живостію и очертательностію. Это не картины, не галлерея портретовъ, но общество живыхъ, одушевленныхъ собесѣдниковъ, у которыхъ въ чертахъ, въ голосѣ, въ колоритѣ рѣчи, въ идеяхъ видишь и духъ и манеры и костюмъ вѣка, страны, общества, класса. Мы нигдѣ столько, какъ здѣсь, не находили такихъ свѣжихъ и любопытныхъ извѣстій объ Адамѣ, Бодмерѣ, Корнелѣ, Давидѣ, Де-ла-Рошѣ, Де-ла-Круа, Донателло, Довѣ, Фельзингѣ, Гандольфи, Джаксонѣ, Джемсенѣ и др. Впрочемъ, изъ современныхъ знаменитостей мы узнаёмъ въ этомъ сочиненіи больше о французскихъ, нежели нѣмецкихъ художникахъ. Въ очеркахъ жизни и произведеній знаменитѣйшихъ художниковъ голландской, также древней нѣмецкой и нидерландской школъ, особенно же фламандской, встрѣчаются извѣстія, до-сихъ-поръ никѣмъ еще невключенныя въ исторію художествъ, и оригинальныя, тонкія замѣчанія. Въ цѣломъ составѣ сочиненіе отличается какою-то особенно-строгою соотвѣтственностію въ размѣрѣ частей и гармоніею въ

ихъ расположеніи. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло до опредѣленія эстетическаго достоинства таланта художника, основной идеи художественнаго созданія и окончательной его обработки, въ цѣнителѣ видны и природное дарованіе, и многосторонняя опытность, и меткость взгляда, пріобрѣтаемыя долговременнымъ размышленіемъ. Вышло уже шесть частей этого ученаго сочиненія. Есть надежда, что благородные труды издателей и впередъ, такъ же, какъ и теперь, будутъ увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ.

Ueber die ältesten christlichen Begräbnissstätten *und besonders die Katakomben zu Neapel mit ihren Wandgemälden, von* Dr. Chr. Fr. Bellermann; *mit* 12 *illum. Tafeln, Wandgemälde der neapol. Katakomben darstellend, und drei schwarzen Tafeln, Aufrisse* ders. *Hamburg. Fr. Perthes.* 1839. *VIII ud.* 120 *S. gr.* 4. (О древнихъ христіанскихъ Кладбищахъ). Въ археологическомъ отношеніи это драгоцѣнность. Сочинитель долго жилъ въ Неаполѣ, самъ много разъ посѣщалъ тамошнія катакомбы и имѣлъ всѣ средства дѣлать свои разъисканія. Трудъ его раздѣляли живописецъ Карлъ Гётцловъ и архитекторъ Ами Аутранъ. «Подземелья эти почти-совершенно забыты» говоритъ авторъ книги, нами разбираемой: «только изрѣдка развѣ путешественникъ вздумаетъ заглянуть въ нихъ. Престарѣлый монахъ, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, освѣщаетъ ему дорогу и, какъ олицетворенное преданіе, сбивчиво, неопредѣленно, съ примѣсью собственныхъ вымысловъ, разсказываетъ то, что́ ему самому когда-то было разсказано, о жизни первобытныхъ христіанъ, о гоненіяхъ, ими претерпѣнныхъ, о ихъ подземныхъ жилищахъ и храмахъ. Это цѣлый городъ мертвецовъ; нельзя безъ сердечнаго участія проходить по безмолвнымъ и пустымъ его улицамъ, гдѣ *любовь* такъ часто проливала слезы и *вѣра* молилась. Гробы почти всѣ вскрыты: алчное корыстолюбіе не пощадило ихъ святыни; многое, безъ-сомнѣнія, похищено; теперь находишь только полу-затертыя надписи на разбросанныхъ камняхъ и на стѣнахъ блѣдныя изображенія, потускнѣвшія отъ времени.» Сочиненіе это увлекаетъ наше вниманіе, какъ разсказъ изъ подземнаго міра. Оно состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій. Въ первомъ говорится о томъ, *какія мѣста избирали древніе христіане для погребенія усопшихъ.* Тутъ сочинитель основы-

вается на свидѣтельствахъ древнихъ писателей, и многое переводитъ изъ нихъ слово-въ-слово, прилагая въ примѣчаніяхъ текстъ латинскаго, или греческаго подлинника. Изъ всего этого составляется любопытная картина нравовъ, обыкновеній, погребальныхъ обрядовъ и вообще образа жизни первобытнаго христіанства. Здѣсь можно найдти поясненіе для многихъ мѣстъ исторіи вообще и церковной въ-особенности. Во 2-мъ отдѣленіи книги говорится о *древнихъ, донынѣ-сохранившихся катакомбахъ, въ которыхъ находятся христіанскія гробницы*. Касательно сего предмета, сочинитель пользовался свѣдѣніями, заимствованными у знаменитыхъ археологовъ — Аринги, Больдетти, Бозіо, Боттари и другихъ. Онъ очень-живо и подробно описываетъ итальянскія и сицилійскія катакомбы со множествомъ предметовъ въ нихъ, или подлѣ нихъ найденныхъ, какъ напр. разные сосуды, кольца, ремесленныя орудія, надписи, картины и т. д. На послѣднія онъ обращаетъ особенное вниманіе и показываетъ, какъ живопись христіанская постепенно отдѣлялась отъ языческой и принимала новый, самостоятельный характеръ. Въ 3-мъ отдѣленіи заключаются свѣдѣнія о *катакомбахъ, въ Неаполѣ находящихся*. Эта часть сочиненія самая полная по своему составу, занимательная по предмету и удовлетворительная по изложенію. Сочинитель говоритъ обо всемъ съ ясностію и отчетливостію очевидца, который съ любовію занимался своимъ предметомъ. Онъ прилагаетъ къ своей книгѣ снимки съ картинъ, въ подземельѣ найденныхъ. Рисунки гравированы на мѣди и раскрашены точь-въ-точь такъ же, какъ и оригиналы ихъ. Изданіе книги исправно и великолѣпно.

Statistiche Skizze *der siebenbürgischen Militärgrenze, von I. H.* Benigni von Mildenberg. *Zweite vermehre und ganz umgearb*: *Aufl.* XI *und* 181 *S.* 8. (Статистическій очеркъ трансильванской военной границы.)

Transilvania, *periodische Zeitschrift für Landeskunde. Redigirt* v. Ios. Benigni von Mildenberg und. C. Neugeboren. 1 *Bd. XXI und* 285 *S.* 2. *Bd.* 290 *S.* 8. (Трансильванія, періодическое изданіе.)

История, статистика и география Трансильвании очень-мало извѣстны не только иностранцамъ, но и самимъ туземцамъ. Сочинитель *Статистическаго Очерка* и издатель Газеты *Трансильванія* имѣютъ цѣлію—пополнить, касательно сего предмета, много пробѣловъ въ европейской учености и, ознакомивъ своихъ соотечественниковъ съ настоящимъ положеніемъ и минувшими событіями родной земли, возбудить въ нихъ патріотизмъ. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ читатель найдетъ большой запасъ свѣжихъ, никѣмъ еще нетронутыхъ матеріаловъ для исторіи и наукъ, съ нею сопредѣльныхъ. Мильденбергъ и его сотрудники не извлекаютъ своихъ знаній изъ книгъ, но почерпаютъ ихъ изъ живыхъ источниковъ природы, личнаго опыта, непосредственныхъ наблюденій надъ мѣстностью страны, ими описываемой, изъ разъисканій, производимыхъ надъ различными памятниками старины. Отъ этого въ большей части статей видна ученая точность, полнота показаній и зрѣлость выводовъ. Изложеніе просто и ясно вездѣ, хотя стиль, по различію характеровъ лицъ, участвующихъ въ изданіи газеты, различенъ.

Volkssagen der Altmark. *Mit einem Anhange von Sagen aus den übrigen Marken und aus dem Magdeburgischen.* Ges. v. I. D. H. Temme (Алтмаркскія народныя Преданія.)

Миөологія въ близкомъ родствѣ съ исторіей: обѣ онѣ суть проявленія одной и той же жизни. Для полноты знаній надобно изучать вмѣстѣ и ту и другую. И какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, совершенно отдѣлить вымыслъ отъ дѣйствительности, разсчеты ума отъ затѣй воображенія? Германцы давно это поняли. Для изученія ихъ миөологіи можетъ служить превраснымъ руководствомъ сочиненіе Гримма. Въ книгѣ, нами разсматриваемой, находятся весьма - любопытныя свѣдѣнія, которыя составятъ дополненіе къ гриммовой «Миөологіи». Г. Темме собралъ народныя преданія, описалъ разныя повѣрья, суевѣрья, обряды и т. п., и изобразилъ эту декораціонную часть, этотъ поэтическій костюмъ жизни германскихъ простолюдиновъ съ его странной и характерической драпировкой. Тутъ есть цвѣты для фантазіи, и плоды—для мысли. Сочинитель, въ доказательство того, что сообщаетъ настоящіе, истинные вымыслы, чистыя, непод-

лежащія сомнѣнію суевѣрія народа, вездѣ ссылается на живыя и мертвыя свидѣтельства.

Kunstwerke und Künstler *in England und Paris, von Dr. G. F. Waagen.* 3 *Th. XI*, 520, *XI*, 620, *und X* 613 *S. Berlin. Nicolai* (Художества и Художники въ Англіи и Парижѣ).

Для любителя изящныхъ произведеній живописи это сочиненіе можетъ, нѣкоторымъ-образомъ, замѣнить путешествія, столько, сколько умный, подробный и живой разсказъ другаго можетъ замѣнять намъ собственный нашъ глазъ и наше индивидуальное ощущеніе, пробуждаемое непосредственнымъ впечатлѣніемъ предмета. Сочинитель въ 1835 году былъ въ Англіи и Франціи. Въ Англіи осматривалъ онъ публичную картинную галлерею и весьма многія, принадлежащія многимъ частнымъ лицамъ. Для удобнѣйшаго обозрѣнія, онъ раздѣляетъ всѣ видѣнныя имъ картины на школы и періоды, къ которымъ онѣ принадлежатъ по своему пластическому характеру; каждую картину описываетъ такъ изобразительно, что не только легко *представляешь* себѣ размѣръ, механическій составъ и общій очеркъ ея, но даже *чувствуешь* господствующій ея колоритъ, ея выраженіе и эстетическое дѣйствіе на душу; однимъ-словомъ, описанія его лучше многихъ копій. Къ этому присоединяется еще любопытная исторія картинъ и характеристика знаменитыхъ современныхъ англійскихъ художниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, авторъ умѣлъ собрать такія рѣдкія черты, такія, иногда комическія, иногда трогательныя подробности, которыя въ свою очередь стóятъ кисти Гогарта или Рафаэля. Во Франціи сочинитель осматривалъ Луврскую Галлерею. И здѣсь въ описаніи картинъ, онъ слѣдуетъ однажды-принятой методѣ, — распредѣляетъ ихъ по школамъ и группируетъ такъ искусно, что ни одно замѣчательное явленіе живописнаго міра не теряется изъ вида въ блескѣ многихъ геніальныхъ созданій этого рода. Къ описанію онъ прилагаетъ каталогъ съ нумерами, подъ которыми каждая картина находится въ Луврѣ. Какой путешественникъ не воспользуется этимъ руководствомъ? Лучшую часть этого сочиненія составляетъ описаніе миньятюръ, осмотрѣнныхъ сочинителемъ какъ въ англійскихъ, такъ и французскихъ галлереяхъ. Вообще сужденія автора о произведеніяхъ

живописи отличаются особенностію взгляда, глубокостію эстетическаго чувства, и, при всемъ энтузіазмѣ къ изящному, строгою оцѣнкою, въ которой видѣнъ не компиляторъ чужихъ мнѣній, но истинный, самостоятельный знатокъ и судья дѣла. Мы рекомендуемъ эту книгу особенно преподавателямъ эстетики, которые, не желая строить систему изъ однѣхъ отвлеченностей, часто безъ участія ума и сердца заимствуемыхъ отъ другихъ писателей, вздумаютъ составить живую идею объ изящномъ, по тому, какъ оно проявлялось въ пластикѣ.

Перейдемъ теперь къ сочиненіямъ, занимательнымъ больше по живописности картинъ природы и общества, нежели по важности своего содержанія, и здѣсь также ограничиваясь указаніемъ на лучшія.

Reise durch Schweden *im Sommer* 1836. *Von* Ferdinand von Hall 2. *Th. Bremen. Keiser.* Путешествіе по Швеціи *въ* 1836 *году*).

Сочинитель, отправившись изъ Копенгагена, объѣхалъ юго-западный берегъ Швеціи до Готенбурга; отъ-туда чрезъ озера пробрался до Стокгольма, былъ въ Упсалѣ и посѣщалъ рудники Далекарліи. Душа его была открыта для дикихъ и величественныхъ красотъ сѣверной природы. Онъ легко и пріятно передаетъ летучія впечатлѣнія предметовъ, какъ они отражались въ его воображеніи; иногда на-скорую-руку набрасываетъ замѣтки о всемъ, что̀ попадалось ему на глаза и оживляетъ картины мѣстностей народными преданіями. Такъ, напримѣръ, осматривая водопадъ Тролгётту, онъ узналъ отъ своего спутника, что одна изъ скалъ, громадами передъ нимъ стоявшихъ, называется *скалою портнаго.* Вотъ отъ-чего произошло это названіе. «Говорятъ, что когда-то одинъ молодой портной былъ приговоренъ къ смерти. Услышавъ объ этомъ, виновный просьбами и слезами тронулъ сердце своего повелителя и былъ прощенъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ одинъ день сшилъ камзолъ, сидя на краю пропасти; молодой человѣкъ долженъ былъ согласиться. Подъ ногами у него зіяла бездна, близь него, съ сосѣдней скалы, съ грохотомъ низвергался въ нее водопадъ и обдавалъ несчастнаго могильнымъ холодомъ. Бѣднякъ долго не могъ начать своей работы, трепеталъ, мучился, какъ въ пыткѣ, и наконецъ исколотыми, окровавленными руками кое-какъ

принялся за шитье. Такъ провелъ онъ цѣлый день, каждое мгновеніе котораго для него было такъ же ужасно, какъ послѣдній мигъ подъ взмахомъ роковой сѣкиры палача. Съ закатомъ солнца кончилась и работа преступника. Затянувъ послѣдній узелъ, онъ тотчасъ всталъ, въ первый разъ въ этотъ день вздохнулъ свободно, возвелъ глаза къ небу, но—въ глазахъ у него потемнѣло, и онъ съ пронзительнымъ крикомъ ринулся въ бездну.» Вообще путешественникъ ловко владѣетъ перомъ и иногда, шутя, однимъ почеркомъ выводитъ живописные узоры.

Reisebilder aus England und Frankreich. *Gesammelt und herausgegeb.* von Haller. B. 1 (Очерки Путешествія по Англіи и Франціи).

Въ первой части этихъ записокъ помѣщены очерки англійскихъ нравовъ. Авторъ, не оставляя безъ вниманія высшаго общества, всматривался особенно въ низшіе слои народа. Сцена полицейской дѣятельности съ безчисленнымъ множествомъ комическихъ и трагическихъ явленій, на ней совершающихся, игорные домы и подобные имъ вертепы разврата, изображены во всей ужасной ихъ наготѣ. Во второй части заключается описаніе путешествія по южной Франціи. Тутъ больше картинъ природы,—которыя, однакожь, по оригинальности предметовъ, или по оригинальности ихъ изображенія, большею частію занимательны.

Bilder aus den Niederlanden. *Von* Louis Lax. 2 Bde. *Aachen und Leipzig* (Очерки Нидерландовъ).

Одну половину этой книжки составляютъ маленькія повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ чтенія и перевода; другую—сцены изъ путешествія по Голландіи, удачно выбранныя и обставленныя. Сочинитель иногда ловко подмѣчаетъ народныя черты голландскаго характера, и въ образѣ жизни, въ сношеніяхъ съ родными и знакомыми, въ искусствахъ, въ наслажденіяхъ обитателей этого торговаго царства указываетъ выраженіе ихъ привычекъ, склонностей, ихъ взгляда на вещи, ихъ вкуса и безвкусія. Возьмемъ отрывокъ изъ описанія амстердамской ярмарки. «Голландецъ, въ-продолженіе цѣлаго года, молчаливъ, холоденъ, тяжеловѣсенъ и угрюмъ; но бываетъ время, когда онъ, какъ-будто вдругъ очнувшись, вспомнитъ, что и ему надобно пожить, и ему надобно повеселиться. Это превращеніе

наступаетъ для него вмѣстѣ съ ярмаркой. Тутъ его совсѣмъ не узнаешь: откуда возьмется удаль и прыть. Истомленный вѣчными разсчетами и суровыми правилами умѣренности, онъ съ алчностію бросается къ наслажденіямъ, тонетъ въ нихъ, бушуетъ, барахтается и брызжетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, надобно спѣшить: ярмарка продолжается только три недѣли; надобно въ этотъ короткій срокъ натѣшиться на цѣлый годъ. Улицы день и ночь кипятъ народомъ; пестрота, давка, шумъ, крикъ, пѣсни. Ремесленники съ женами подъ руку, съ дѣтьми на рукахъ, какъ накрахмаленные, важно тянутся рядами; матросы въ своихъ курткахъ и шляпахъ, покрытыхъ чалмами, ходятъ во всѣхъ направленіяхъ, вѣроятно по привычкѣ, сильно пошатываясь со стороны на сторону; незастѣнчивыя красавицы, сцѣпившись плотно рука съ рукой, занимаютъ всю ширину улицы и съ хохотомъ захватываютъ встрѣчающихся мужчинъ: спасайтесь отъ нихъ лаской, или чѣмъ хотите, только не оскорбляйте ихъ; иначе—онѣ изорвутъ вашу одежду, шляпу, исцарапаютъ вамъ лицо, замнутъ, затопчутъ. Для гастраномовъ на улицахъ есть лавки, въ которыхъ безпрерывно горитъ огонь и готовятся горячіе блины, вафли и проч.; для любителей изящнаго есть другія наслажденія: восковыя фигуры, китайскія тѣни, ученые зайцы, слоны, цѣлые звѣринцы, французскіе и нѣмецкіе паяцы, очарованіе!»...

По части изящной словесности мы не нашли ничего, что бы показывало болѣе обыкновеннаго дарованія въ сочинителяхъ; но есть произведенія, которыя даютъ авторамъ ихъ право на наше вниманіе. Таковы, напримѣръ,

Gedichte *von* Eduard Vogt. *Stuttgart*, *Hallberger*. (Стихотворенія Эдуарда Фохта).

Gedichte *von* Eduard Mörike. *Stuttgart und Tübingen*. (Стихотворенія Эдуарда Мёрике).

Rheinische Lieder *und Sagen* von Adelheid von Stolterfoth. *Frankfurt a M.* (Рейнскія Пѣсни и Преданія, Адельгейды Штолтерфотъ).

Это свѣжіе, весенніе цвѣтки,— произведенія молодыхъ поэтовъ. *Фохтъ* чистый лирикъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ видна юношеская любовь къ прекрасному въ природѣ и искусствѣ, соединенная съ искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Отъ него можно ожи-

дать дальнѣйшихъ успѣховъ: онъ съ негодованіемъ говоритъ о монотонности, неестественности и вычурности многихъ изъ своихъ современниковъ, — ручательство, что онъ самъ избѣжитъ этихъ недостатковъ. У *Мёрике* есть, кромѣ лирическихъ стихотвореній, и повѣсти; но онъ не столько занимателенъ, когда что-нибудь разсказываетъ, сколько тогда, какъ передаетъ свои ощущенія. Стихи его вообще легки, непринуждены; стиль отличается какою-то мягкостію, въ нѣкоторыхъ блестящими искрами сверкаетъ остроуміе. — Адельгейда фон-*Штольтерфотъ* пламенно любитъ Рейнъ и его берега, унизанные виноградниками, его скалы, развалины при-рейнскихъ замковъ, покрытыхъ зеленью плюща, цвѣтами и поэтическими преданіями. Содержаніе многихъ изъ ея пѣсенъ составляетъ воспоминанія о вдохновительныхъ предметахъ швейцарской природы и жизни. Въ красотахъ ея произведеній есть что-то свойственное ея полу, какая-то тихая и чистая нѣга чувства, какое-то женское простосердечіе. Стихи ея свѣтлы и текучи. Она издаетъ еще

Rheinisches Album, *von* Adelheid von Stolterfoth (Рейнскій Альбомъ).

Это собраніе рейнскихъ ландшафтовъ, къ которымъ прилагается всегда хорошее описаніе. Теперь вышло только пять тетрадей, а все изданіе будетъ состоять изъ десяти, съ тридцатью картинами, гравированными на стали.

Die Hermannsschlacht. *Drama von* Grabbe. *Düsseldorf, Schreiner* (Сраженіе Германа (Арминія) *съ Римлянами. Драма*).

Это — литературное наслѣдство, найденное безкорыстнымъ участіемъ друзей въ опустѣломъ пріютѣ молодаго поэта, похищеннаго смертью. Драма сія имѣетъ достоинство, какъ и всѣ другія драмы Граббе. Дѣйствіе занимательно; характеры дѣйствующихъ лицъ не противорѣчатъ исторіи, обрисованы ясно и сильно, языкъ соотвѣтствуетъ характерамъ, а потому исполненъ разнообразія, естественности и жизни. Иногда въ разговорѣ простыхъ воиновъ проглядываетъ веселый юморъ, свойственный народу суровому и энергическому. Какъ не пожалѣть объ утратѣ такого таланта? — Къ этому сочиненію приложена біографія автора.

Der vermummte Gast *aus der Asseburg im Jahre* 1190. *Eine Romantische Rittergeschichte. Von* Avigg. Leibrock. *Leipzig.* (Переодѣтый Гость).

Если бъ мы вздумали размѣщать разсматриваемыя нами книги по степени ихъ внутренняго достоинства, то, между произведеніями изящной словесности, этому роману отвели бы здѣсь первое мѣсто. Впрочемъ онъ будетъ непослѣднимъ въ числѣ хорошихъ романовъ всѣхъ литературъ. Онъ можетъ служить чистымъ и вѣрнымъ зеркаломъ того вѣка, къ которому относится описываемое въ немъ происшествіе. Это одно уже можетъ служить порукою въ его занимательности.

Англійская литература.

Разбирая англійскія книги, вышедшія въ свѣтъ въ-теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, мы начнемъ по обыкновенію съ предметовъ историческихъ.—Въ Англіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, занимаются исторіею національною, и это неудивительно. Англійскій типъ нигдѣ не измѣняетъ своей самобытности; между тысячью путешественниковъ вы сейчасъ узнаете Англичанина; народный характеръ запечатлѣнъ на немъ рѣзкими и сильными чертами; онъ гордится своимъ отечествомъ и всѣмъ отечественнымъ: многіе смѣются надъ нимъ, но они болѣе бы выиграли, подражая ему. Изученіе иностранныхъ языковъ не столь повсемѣстно въ Англіи, какъ въ другихъ государствахъ: случается часто встрѣтить образованнаго Англичана, который не говоритъ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ своего природнаго, но за-то спросите у него объ отечествѣ, о его коренныхъ законахъ и постановленіяхъ, объ устройствѣ, правахъ и обязанностяхъ парламента, закидайте его вопросами о его отечественной исторіи, пожалуй, если хотите, можете вступить съ нимъ въ богословскій споръ о его религіи — на все это онъ будетъ отвѣчать вамъ какъ книга. Не есть ли это истинно-народное, такъ-сказать гражданское образованіе? Правда, оно не блеститъ мишурными блестками такъ-называемаго европейскаго континентальнаго воспитанія, не пускаетъ пыли въ глаза, но за-то прочнѣе и полезнѣе. Отъ этого въ англійской литературѣ всегда бываетъ много книгъ, относящихся къ исторіи или статистикѣ или политикѣ Англіи, — и книгъ большею-частію дѣльныхъ.

Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ лучшихъ историческихъ книгъ вышедшихъ въ послѣдніе два мѣсяца.

Statesmen *of the Times of George III. By* Henry Lord Brougham. 2 *vol.* (Государственные Мужи *временъ Георга III-го, соч.* Генриха лорда Брума. 2 *части*).

England *under the Reigns of Eduard VI and Mary, with the contemporary History of Europe, illustrated in a series of original Letters never before printed; with historical Introductions and biographical and critical Notes. — By* Patrick Fraser Tytler. 2 *vol.* (Англія *въ царствованіе Эдуарда VI и Маріи съ современною имъ Исторіею Европы, и проч. соч.* Патрика Фрезера Титлера. 2 *части).*

The Court of King James the First; *by* Dr. Godfrey Goodman, *Bishop of Gloucester; with Letters, now first published.* 2 *vol.* (Дворъ Короля Іакова Перваго; *соч.* Доктора Водфреда Гудмена, *епископа глочестерскаго — 2 части).*

Книга лорда Брума была бы весьма любопытна и занимательна; жаль только, что авторъ часто увлекался пристрастіемъ и личностями. Многія страницы его «Государственныхъ Мужей» писаны, кажется, не для объясненія историческихъ предметовъ но для того, чтобъ, подъ одеждою и наружностію знаменитыхъ современниковъ Георга III, кольнуть или выставить на-показъ того или другаго изъ парламентскихъ противниковъ лорда-автора. Подобные намеки хороши въ своемъ мѣстѣ, но они совершенно-недостойны историка и унижаютъ его твореніе.

Важнѣйшіе историческіе вопросы, разсматриваемые въ «Англіи въ царствованіе Эдуарда VI и проч.», относятся къ образу жизни и управленія протектора Соммерсета; письма всѣ безъ исключенія весьма-любопытны. Они выбраны, большею-частію, изъ Архива Государственныхъ Бумагъ (State Paper Office), гдѣ г. Титлеръ трудился нѣсколько лѣтъ съ величайшею пользою для англійской исторіи. Чтобъ придать болѣе цѣны своему собранію (вся книга его состоитъ изъ подлинныхъ писемъ), г. Титлеръ расположилъ письма по періодамъ, и передъ каждымъ отдѣленіемъ помѣстилъ историческое введеніе и біографическій очеркъ тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ у него рѣчь. Рекомендуемъ его книгу всѣмъ любителямъ историческаго чтенія.

Епископъ Гудменъ, авторъ «Двора Короля Іакова-Перваго», былъ племянникъ доктора Габріеля Гудмена, декана вестминстерскаго, одного изъ переводчиковъ «Библіи» на англійскій языкъ. Въ 1617 году онъ назначенъ былъ канonикомъ въ Виндзоръ, въ 1620 деканомъ въ Рочестеръ, а въ 1625 сдѣланъ епископомъ глочестерскимъ: здѣсь онъ былъ очевидцемъ большей части описываемыхъ имъ происшествій. Онъ былъ пре-

данъ католицизму и во многихъ случаяхъ доказывалъ свое глубокое уваженіе къ римской церкви. Въ-слѣдствіе религіозныхъ переворотовъ 1642 года, епископъ Гудменъ понесъ многія потери, и, удалившись отъ дѣлъ, нашелъ себѣ убѣжище въ домѣ Сибиллы Аліонби въ Вестминстерѣ, гдѣ и написалъ упомянутое нами сочиненіе, но въ какое именно время — неизвѣстно въ-точности. Достовѣрно только то обстоятельство, что трудъ этотъ предпринятъ былъ въ опровerженіе сочиненія сэра Антонія Уэльдона, появившагося въ 1650 году, также подъ заглавіемъ «Дворъ Іакова-Перваго». Къ чести епископа должно сказать, что, хотя онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ доходовъ и своего высокаго сана, — изъ общества королей и вельможъ низведенъ въ общество простой, бѣдной женщины, которой благодѣяніями жилъ, онъ никогда и нигдѣ въ своей книгѣ не старается унизить тѣхъ, которые восторжествовали надъ нимъ и низвергли его. Этой чертѣ своего характера, вѣроятно, онъ обязанъ уваженіемъ, которое постоянно питалъ къ нему Кромвель, не смотря на то, что падшій епископъ слылъ въ народѣ тайнымъ папистомъ. Мы для-того говоримъ о личномъ характерѣ епископа Гудмена, чтобъ предоставить самому читателю вывести изъ этого сужденіе о характерѣ его сочиненія.

Еще, по части исторіи, хотя уже не англійской, упомянемъ объ «Исторіи Наполеона» (*the History of Napoleon*). Это сводъ или сборникъ, составленный изъ разныхъ французскихъ и англійскихъ «записокъ» и біографій Наполеона, появившихся до сего времени, и изданный Горномъ. Нынѣ вышла только первая часть, — при ней 42 гравюры, прекрасно выполненныя, и все это стоитъ только *два шиллинга* (около одного рубля двадцати копеекъ).

Исторія тѣсно связана съ географіею, а географія занимаетъ средину между путешествіями и статистикою; вотъ книги по этимъ тремъ предметамъ:

A Winter Journey *through Russia, the Caucasian Alps and Georgia into Koordistaun. — By Captain* R. Mignan. 2 *vol.* (Зимнее Путешествіе *чрезъ Россію, Кавказскія Альпы и Грузію въ Курдистанъ. — Соч. капитана* Мигнена).

Journal *of a Trip to the Far West* (Журналъ *Путешествія на Западъ*).

Thirty Years *in India. By* Major H. Bevan. 2 *vol.* (Тридцать лѣтъ *въ Индіи; соч. майора* Бевена. 2 *части*).

Rambles *in the South of Ireland*, by Lady Chatterton (Прогулка *по Южной Ирландіи; соч.* леди Чаттертонъ, — *въ* 2 *частяхъ*).

Путешествіе въ Курдистанъ запоздало. Изданіемъ этой книги медлили до-тѣхъ-поръ, пока большая часть тѣхъ особъ, съ которыми познакомился г. Мигненъ на востокѣ, уже исчезла, а политическія предположенія автора уничтожились историческими фактами. Десять лѣтъ произвели много перемѣнъ въ политическомъ положеніи востока: Балканы не считаются болѣе необоримою преградою; пароходы носятся по волнамъ Чернаго Моря; протяженіе и направленіе Евфрата тщательно изслѣдовано, и берега Счастливой Аравіи положены на нашихъ картахъ со всевозможною подробностію; политика Персіи, сношенія ея съ Россіею и Турціею, совершенно измѣнились; Аббасъ-Мирза сошелъ со сцены; востокъ ужь не тотъ, — а авторъ «Зимняго Путешествія» представляетъ его такимъ, какъ онъ былъ за десять лѣтъ предъ симъ. Менѣе всего измѣнился Курдистанъ, и по-этому авторъ говоритъ о немъ довольно вѣрно, даже для нынѣшняго времени.

Небольшая книжка «О Вестѣ» или западныхъ провинціяхъ Соединенныхъ-Штатовъ похожа болѣе на журнальную статью, нежели на книгу, напечатанную отдѣльно. Заглавіе ея «Far West» (Далекій Вестъ, то-есть отдаленныя западныя провинціи) не соотвѣтствуетъ въ-точности направленію пути, избранному авторомъ. Онъ достигъ, переходя чрезъ большія озера, до истоковъ рѣки Миссисипи, а отсюда внизъ по теченію ея до соединенія ея съ Ойо. Сей путь приличнѣе бы назвать сѣверо-западнымъ. Но это не мѣшаетъ книгѣ быть весьма-любопытною и занимательною.

— «Тридцатилѣтнее пребываніе въ Индіи», соч. майора Бевена, не-что иное, какъ простой, откровенный и неизъисканный разсказъ офицера, который провелъ болѣе тридцати лѣтъ на службѣ въ Индіи, человѣка, неимѣвшаго, повидимому, никакого посторонняго покровительства, кромѣ своего собственнаго достоинства и своихъ заслугъ. Онъ путешествовалъ далеко во внутренность этой страны, и издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе потому только, что въ наше время вниманіе публики сильно у-

стремлено на Индію; а такъ-какъ ученый майоръ, естественно, питаетъ особенную нѣжность къ этой землѣ и ко всему, что̀ до нея касается, то онъ считаетъ небезполезнымъ выступить на литературное поприще съ своею тридцатилѣтнею опытностію. Книга его, какъ мы уже сказали, есть простое изложеніе собственныхъ его приключеній и наблюденій. Тутъ нѣтъ ученыхъ изслѣдованій и преній; извѣстія и свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ и характерѣ народа, о положеніи, производительныхъ силахъ и доходахъ описываемой имъ страны, сами собой выказываются изъ разсказа, съ которымъ они перемѣшаны. Въ то же время онъ вводитъ иногда, мѣстами, легенды и народныя преданія точно въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ слышалъ въ первый разъ. Ясно, что подобное сочиненіе должно говорить само за себя, и всѣ наши похвалы не прибавятъ ему нисколько цѣны. Желали бы мы привести изъ него нѣсколько выписокъ, но въ немъ такъ много хорошаго, что мы затрудняемся въ выборѣ.

«Прогулка по Южной Ирландіи» отличается умомъ и неподдѣльнымъ чувствомъ. Эта милая и увлекательная книга столь же вѣрно и живописно характеризуетъ сцены, которыя описываетъ, какъ и умъ сочинительницы. Ни одна земля, кромѣ Ирландіи, не представляетъ предметовъ болѣе достойныхъ описанія, и ничья рука, кромѣ руки женщины, не съумѣла бы разработать эти обильные матеріалы съ такою легкостію и пріятностію, и поставить каждый изъ нихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Обѣ части этого небольшаго сочиненія суть плодъ разнообразныхъ «прогулокъ» по Южной Ирландіи въ-теченіе прошедшаго года, и изложены въ видѣ собственныхъ примѣчаній сочинительницы о видахъ, разныхъ случаяхъ и предметахъ, въ такомъ порядкѣ, какъ они представлялись наблюденію; все это проникнуто и запечатлѣно особеннымъ характеромъ автора и такъ непринужденно, такъ естественно и исполнено жизни, что, читая эти прелестныя страницы, изъ которыхъ каждый можетъ почерпнуть для себя нѣсколько новыхъ свѣдѣній, кажется, будто слушаешь одинъ изъ тѣхъ занимательныхъ и милыхъ разговоровъ, которые восхищаютъ насъ въ дружеской бесѣдѣ. Однимъ-словомъ, это одно изъ тѣхъ легкихъ и очаровательныхъ произведеній, которыя, въ наше время, проистекаютъ только изъ-подъ пера женщины. Сочиненіе украшено множе-

ствомъ прелестныхъ видовъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстоположеній Ирландіи, писанныхъ тою же искусною рукой, которой мы обязаны и литературною частію сочиненія.

Не безполезно будетъ обратить вниманіе еще на слѣдующія книги по части наукъ и приложеній ихъ къ общежитію и промышлености.

A Dictionnary of Architecture, by John Britton (Словарь архитектурный. *Соч.* Джона Бриттона).

Wonders of Geology; by Mantell (Чудеса Геологіи, соч. Мантелля).

A Dictionnary of Arts, *Manufactures and Mines with upwards of Twelve Hundred Engravings on Wood; by* Andrew Ure (Словарь *искусствъ, мануфактурнаго и горнаго дѣлъ; съ тысячью-двумястами изображеніями, гравированными на деревѣ. Соч.* Андрея Уре).

Illustrations of Science. — Mechanichs. — *By* H. Moseley (Очерки *Наукъ. — Механика.— Соч.* Мозелея).

A Treatise *on Geology, by* John Phillips. 2 *vol.* (Опытъ о Геологіи. *Соч.* Джона Филлипса. 2 *части*).

A Treatise *on Wood-Engraving, Historical and Practical; with Ilustrations. By* John Jackson (Разсужденіе *о искусствѣ гравировить на деревѣ, — съ историческими и практическими изслѣдованіями, и съ рисунками*).

Превосходный трудъ неутомимаго Уре «Словарь Искусствъ, Мануфактурнаго и Горнаго Дѣлъ» выше всякой похвалы. Онъ заслуживаетъ благодарность не только Англіи, но всего просвѣщеннаго міра, и, безъ-сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто въ ряду энциклопедическихъ сочиненій, которыя предназначенъ пополнять, и которыя удивляютъ своею точностію и полнотою, какъ-то: «Словарь Торговли и проч.» Мекуллоча; (Makulloch) «Словарь Земледѣлія и Садоводства» Лоудона (Loudon); «Словарь Практической Медицины» доктора Копленда, (Copland) и проч. Онъ приводится теперь къ окончанію и, вѣроятно, прежде нежели напечатается наше сужденіе о немъ, онъ будетъ уже конченъ. Все сочиненіе составитъ десять частей, содержащихъ въ себѣ тысячу-триста страницъ самой мелкой печати и тысячу-двѣсти гравюръ на деревѣ. Желательно было бы имѣть эту книгу у насъ на русскомъ языкѣ: много пользы принесла бы она нашему промышленому сословію.

Книга г. Мозелея («Очерки Наукъ») есть первая часть всего сочиненія, которое предприняли составить профессоры Королевскаго Коллегіума съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать науки опытныя и естественныя доступными высшимъ классамъ народныхъ училищъ. Они не обѣщаютъ полнаго изложенія различныхъ наукъ, что̀ видно изъ самого заглавія, да и о какой наукѣ можно дать полное понятіе школьному ученику. Въ предисловіи г. Мозелей говоритъ, что онъ предположилъ себѣ развить наиболѣе ту систему опытныхъ фактовъ и теоретическихъ началъ, которая служитъ главнымъ основаніемъ всѣхъ механическихъ искусствъ, и ввести эти познанія въ практическое воспитаніе.

Книги, заключающія въ себѣ начальныя основанія геологіи, обыкновенно отличаются изложеніемъ столь краткимъ и сжатымъ, что едва-ли приносятъ существенную пользу. Вообще, сочиненія, имѣющія цѣлію познакомить непосвященныхъ съ основными началами и фактами этой науки, суть нечто иное, какъ рядъ опытовъ, правда, довольно-замысловатыхъ и сложныхъ, но за-то и вовсе-непонятныхъ для того, кто не знакомъ уже до нѣкоторой степени съ предметами ихъ. «Опытъ» г-на Филлипса избѣжалъ этого общаго недостатка: въ немъ изложены ясно и отчетливо сущность геологическихъ положеній, лучшіе способы съ большимъ успѣхомъ производить изслѣдованія и окончательные выводы, къ которымъ они приводятъ.

Г. Джаксонъ оказалъ истинную услугу всѣмъ любителямъ и знатокамъ политипажнаго искусства изданіемъ своей книги. Самъ онъ отличный художникъ, человѣкъ образованный и довольно-ученый; по этому можно уже нѣсколько судить, чего должно ожидать отъ его сочиненія. Предметъ этотъ столь любопытенъ и занимателенъ въ наше время, что мы не хотимъ говорить о немъ въ нѣсколькихъ словахъ, и предоставляемъ себѣ удовольствіе, въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ нашего журнала, дать о немъ читателямъ отчетъ по-возможности полный и подробный.

Мы забыли еще объ одной книгѣ: The Phisiology and Mechanism of *Blushing*. *By* Dr. Burgess (Физіологія и Механизмъ *обнаруженія краски на щекахъ, соч.* доктора Борджесса).

Книга о краскѣ, показывающейся на щекахъ отъ стыда, гнѣва, досады, и пр. и пр.! Почтенные читатели и читательницы, еще неоставившіе благородной, хотя не модной привычки краснѣть! послушайте со вниманіемъ ученаго доктора, какъ онъ излагаетъ тайныя причины этого «дѣйствительнаго недостатка». Вы узнаете много любопытнаго: поэзію этой краски, исторію ея, анатомію, механизмъ, наконецъ способы излеченія отъ этого недостатка, потому-что нашъ достойный докторъ утверждаетъ, будто это явленіе есть ни болѣе ни менѣе, какъ болѣзнь. Таковы предметы, о которыхъ разсуждается въ этой, тѣмъ неменѣе занимательной и полезной книгѣ; многія страницы ея заслуживаютъ всеобщее вниманіе, въ-особенности же относящіяся до нравственнаго и физическаго воспитанія нѣжнаго возраста, въ которомъ часто, по винѣ или небреженію родителей, укореняется излишняя, слѣдовательно, вредная (ибо излишество всегда вредно) чувствительность, обращающаяся въ-послѣдствіи въ неизсякаемый источникъ многихъ и многихъ бѣдствій и горестей въ жизни. Только мы посовѣтовали бы почтенному доктору, вмѣсто замысловатаго названія, которое онъ далъ своей книгѣ, и которое похоже на *пуфъ*, назвать ее трактатомъ о вредѣ, происходящемъ отъ излишней чувствительности.

Поговоривъ о томъ-о-сёмъ, мы добрались, наконецъ, до повѣстей и романовъ, въ которыхъ такъ же нѣтъ недостатка у Англичанъ, какъ и у насъ, грѣшныхъ.

Чевле, *или Честный Человѣкъ* (Cheveley; *or the Man of Honour. By* Lady Lytton Bulwer), романъ леди Литтонъ Больверъ не хвалятъ въ англійскихъ журналахъ; мы его не читали, но знаемъ, что подъ формою романа это есть не что иное, какъ сатира на нравы и лица.

Несравненно лучше небольшая повѣсть неизвѣстной сочинительницы: Tis an Old Tale *and often Told*. 1 *vol*. (Это старая повѣсть *и много разъ разсказанная*). Слогъ живой и естественный; много чувства; особенно милъ характеръ Віоли Сидней.

The Fergusons, *or Woman's Love and World's favour* 3 *vol*. (Фергусоны, *или любовь женщины и успѣхъ въ Свѣтѣ*, 3 части) — одинъ изъ романовъ, рѣдко встрѣчающихся въ послѣднее время. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ,

которыми прославились Норменби, Пломеръ-Уардъ (Plumer-Ward), Листеръ и другіе, и мы твердо убѣждены что «Фергусоны» увеличатъ еще однимъ именемъ списокъ этихъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ членовъ аристократіи, которые начали свое политическое поприще тѣмъ, что доказали, до какой степени они умѣли воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ ими съ-дѣтства. Смѣло ручаемся, что въ «Фергусонахъ» нѣтъ ни одного характера, ни одной сцены, для которыхъ не нашлось бы типа въ самой природѣ, подмѣченной опытнымъ и наблюдательнымъ умомъ автора, въ его частыхъ сношеніяхъ съ обществомъ, которое онъ описываетъ; изящный вкусъ и тонкое чувство приличія, отличающіе наиболѣе образованныхъ членовъ этого общества, удерживали автора и не допускали его впадать ни на минуту въ мелочную сатиру и личности, такъ-часто увлекавшія романистовъ-фешёнеблей. Изображая (помощію вымышленнаго разсказа) существенный характеръ и бытъ того круга, къ которому онъ самъ принадлежитъ, онъ не прикидывается ни философомъ-моралистомъ, предостерегающимъ и поучающимъ ex-officio; ни сатирикомъ, злобно нападающимъ на всѣхъ и возбуждающимъ ко всему презрѣніе; ни юмористомъ, насильственно выжимающимъ изъ всего насмѣшки и шутки;—ни сентиментальнымъ мечтателемъ, обращающимъ «недуги» человѣческаго характера въ нѣчто «здоровое и полезное»: онъ писалъ свою книгу, какъ слѣдуетъ писать благородному, благовоспитанному и здравомыслящему человѣку,—просто, легко, безъ всякихъ притязаній, неистощая своего предмета до самаго дна, вообще мило и занимательно. Исторія «Фергусоновъ» изображаетъ первое вступленіе въ свѣтъ двухъ братьевъ; оба они равно надѣлены многими прекрасными качествами ума и сердца, оба поставлены на одинаково-высокую степень въ обществѣ. Но одному изъ нихъ «успѣхъ въ свѣтѣ» кажется цѣлію жизни, верхомъ блаженства, и онъ достигаетъ той пустой извѣстности, которая, какъ онъ убѣждается наконецъ, не въ-силахъ наполнить пустоту его сердца и ума, отвѣчать потребностямъ его души. Другой также не достигъ золотой посредственности; онъ также ошибся въ избранномъ имъ пути, вообразивъ, что «любовь женщины» есть единственный законный предметъ человѣческаго существованія, «цѣль и конецъ его жизни». Это одно нравственное поученіе, которое можно вывести изъ этихъ ми-

лыхъ, очаровательныхъ и увлекательныхъ страницъ. Но главное достоинство и занимательность ихъ состоитъ въ совершенно-вѣрномъ и нисколько-непреувеличенномъ изображеніи того особеннаго характера, которымъ запечатлѣны высшіе классы англійскаго общества въ наше время. Здѣсь выставлены въ рѣзкой противоположности его слабости и заблужденія рука-объ-руку съ его утонченными манерами, съ его изъисканностію и роскошью; но авторъ предоставилъ самому читателю извлекать изъ этого свои заключенія. Прибавимъ еще, что онъ умѣлъ положить какой-то особенно-привлекательный, романтическій оттѣнокъ на всю послѣднюю часть своей повѣсти, перенеся мѣсто дѣйствія въ такую землю (Италію), гдѣ «романъ и существенность» выраженія однозначащія,—гдѣ общія мѣста жизни согрѣты и оживлены поэзіею и страстію, и гдѣ «Любовь женщины» болѣе чѣмъ гдѣ-либо, можетъ быть выставлена на показъ какъ предметъ, достойный то порицанія, то изумленія, смотря по обстоятельствамъ. Скажемъ еще разъ, что «Фергуссоны» предвѣщаютъ значительное дарованіе въ ихъ авторѣ.

The Phantom Ship. *By Capt. Marryat* (Корабль-Призракъ; *соч.* капитана Мерріета. 3 части). Эта книга отзывается поспѣшностью, съ какою она была написана. Въ ней нѣтъ ни той силы, ни той оригинальности, которыя до-сихъ-поръ отличали пресловутаго автора «Морскаго Офицера». Напрасно стали бы вы искать въ его повѣсти морскихъ чудесъ, въ которыхъ проклятый корабль Фандер-Деккена играетъ важнѣйшую роль. Герой романа — сынъ этого моряка, игралище бурь и непогодъ. Преданіе о «Блуждающемъ Голландцѣ», въ которое вѣруютъ моряки всѣхъ флотовъ въ мірѣ, совершенно искажено.

Не таковъ Deerbrook, *a Novel, by* Harriet Martineau (Дирбрукъ,—*повѣсть* Генріеты Мартино). Въ этомъ произведеніи развивается цѣлый міръ чистой и прекрасной нравственности и скромной мудрости. Конечно, многіе, для которыхъ безуміе привлекательнѣе мудрости, не прочтутъ повѣсти до конца, но за то найдутся и такіе люди, которые, по прочтеніи ея, почувствуютъ себя и чище и умнѣе. Интрига романа проста и естественна, сколько по вымыслу, столько же и по выполненію; характеры оригинальны, сколько можетъ быть оригинальности въ вымыслѣ, списанномъ съ природы и поражающемъ своею истиною; всѣ сцены и главныя положенія

лицъ взяты изъ ежедневной жизни въ среднихъ классахъ англійскаго общества. Во всей повѣсти, безъ исключенія, господствуетъ глубокое и тонкое знаніе людей и свѣта, и то неуловимое, безъискусственное выраженіе ума, которое возвышаетъ г-жу Мартино надъ всѣми другими современными ей писательницами.

The Banished, *a Swabian Historical Romance. Edited by* James Morier. Esq. (Изгнанникъ, *швабскій историческій романъ, изданный* Джемсомъ Морье) — романъ *историческій* во всей строгости этого слова; и хотя онъ обязанъ своею извѣстностію странности происшествій и романическихъ характеровъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, однако главнѣйшее достоинство его состоитъ въ соблюденіи исторической истины. «Изгнанникъ», правда, вылитъ въ формы историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, но съ тою только разницею, что авторъ его, противъ обыкновенія великаго англійскаго романиста, придерживался преданій исторіи. Онъ находилъ для этого достаточныя причины въ необыкновенно-романической жизни главнаго лица, которое избралъ своимъ героемъ, а именно герцога Ульрика виртенбержскаго. Несогласіе историковъ насчетъ истиннаго характера этого страннаго и необыкновеннаго человѣка скорѣе способствовало, нежели противилось свободѣ романическаго вымысла; и если авторъ, въ настоящемъ случаѣ, поставилъ его въ болѣе-благопріятномъ для него свѣтѣ, нежели каковымъ представляютъ его другіе, онъ не безъ основанія писалъ свою картину именно такими, а не иными красками.

Романъ начинается въ 1519 году, передъ самымъ изгнаніемъ герцога Ульрика, въ то самое время, когда швабскій союзъ сосредоточилъ силы свои въ имперскомъ городѣ Ульмѣ, въ намѣреніи воспротивиться дерзкимъ замысламъ герцога. Въ это время вниманіе всей Германіи обращено было на ихъ распрю, и романъ «Изгнанникъ» проводитъ предъ нашими взорами разныя историческія лица и происшествія, находившіяся въ непосредственной связи съ этой кратковременной распрей, кончившейся совершеннымъ разбитіемъ и временнымъ изгнаніемъ герцога Ульрика.

Scenes *at Home and Abroad. By* H. B. Hall (Сцены *домашнія и заграничныя, соч. Галля*). Г-нъ Галль напечаталъ

въ одномъ скромномъ томѣ цѣлое собраніе повѣстей; нѣкоторыя изъ нихъ оригинальны, другія переведены, или, правильнѣе, передѣланы съ нѣмецкаго. Большая часть этихъ «сценъ» происходитъ «за границей» и представляетъ много замѣчательныхъ скиццовъ, набранныхъ изъ воспоминаній прежнихъ путешествій автора. Эти скиццы нравятся намъ болѣе прочаго въ цѣломъ собраніи, но и вся книга читается съ удовольствіемъ.

Несправедливо было бы пропустить безъ вниманія новое произведеніе знаменитой мистриссъ Троллопъ: The Life *and Adventures of Michael Armstrong, the Factory Boy* (Жизнь *и приключенія Михаила Армстронга, конторскаго мальчика*). Этой книги вышли только первыя двѣ части, въ которыхъ сочинительница знакомитъ насъ съ дѣйствующими лицами своего романа, описываетъ мѣстности, въ которыхъ имъ должно будетъ дѣйствовать, и пріучаетъ насъ къ образу изложенія, которому намѣрена слѣдовать до конца романа. Это, такъ сказать, только приготовленіе, чтобъ возбудить желаніе прочесть всю книгу.

Ошибочно и неправильно было бы полагать, будто мистриссъ Троллопъ предлагаетъ своего «Factory Boy» какъ нѣчто въ родѣ pendant къ удивительнымъ сочиненіямъ г-на Диккенса, издававшимся въ такомъ же видѣ. Главнымъ и основнымъ характеромъ его сочиненій былъ юморъ, иногда вдающійся въ каррикатурность,— юморъ, разливающійся на всѣ классы общества и срывающій улыбку со всѣхъ устъ. Но «Factory Boy» имѣетъ совершенно иную цѣль и стремится къ достиженію ея другими, болѣе рѣдкими и достойными уваженія средствами. Сочинительница, явно, имѣетъ въ виду глубокую, нравственную сатиру, которой предстоитъ выполнить ея строгое, почти-величественное назначеніе, вооружившись *истиною*, какъ средствомъ къ достиженію цѣли,—а цѣль эта—*благо общества.* Неподражаемая сочинительница «Вдовы Bерне6и» (The Widow Barnaby) съ честію окончитъ свое предпріятіе, мы въ этомъ не сомнѣваемся; но, чтобъ произнести рѣшительное мнѣніе о ея «Factory Boy», подождемъ послѣднихъ частей этого романа.

Изъ стихотворныхъ произведеній — которыхъ мы не ста-

немъ разбирать, но только выставимъ ихъ заглавія, замѣчательны:

Hymns *and Fire-side Verses, by* Mars Howitt (Гимны *и стихи, писанные подъ вліяніемъ камина, соч.* Мери Гоуиттъ).

Songs *and Ballads, by* Samuel Lover (Пѣсни *и Баллады* Самуэля Лöвера).

Minstrel Melodies, *by the author of* «Field Flowers etc.» (Мелодіи Менестрелей, *соч. автора* «Полевыхъ Цвѣтовъ», и проч.).

The Popular Songs *of Ireland, with Introduction and Notes, By* T. Crofton Croker (Народныя Пѣсни *Ирландіи, съ введеніемъ и примѣчаніями, соч.* Крофтона Крокера).

Первая часть «Пѣсенъ» Беранже вновь переведена на англійскій языкъ и издана, съ особенной музыкой для каждой пѣсни, Давидомъ Буѳъ (David Booth).

РУССКІЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ-ТЕЧЕНІЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ІЮНЯ И ПЕРВО ПОЛОВИНЫ ІЮЛЯ МѢСЯЦА.

---

197) **Гудишки.** *Романъ. Сочиненіе* Александрова (Дуровой) *С.-П. бургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи.* 1839. *Четыре части. Въ* 16-*ю д. л.* 223, 217, 248, 216 *стр.*

Произведенія г. Александрова въ короткое время поставили имя его въ рядъ съ другими почетными именами нашей литературы. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ обладаетъ умѣньемъ разсказывать легко, заманчиво, пріятно, иногда возвышается до созданія художественнаго, какъ напр. въ «Павильйонѣ», и всегда произведеніями своими оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ читателя. Все это налагаетъ на насъ обязанность быть строже къ г-ну Александрову, нежели къ другимъ писателямъ, ежедневно являющимся и мгновенно-исчезающимъ съ своими эфемерными твореніями. Новый романъ его,«Гудишки», весьма занимателенъ, но во многихъ отношеніяхъ не можетъ выдержать строгой критики. Основная идея его, почерпнутая изъ стариннаго литовскаго преданія, оригинальная и поэтическая, представляетъ богатую канву для созданія превосходнаго романа; нѣкоторые характеры очерчены довольно-рѣзко, нѣкоторыя картины обрисованы живо; но разсказъ вообще запутанъ и растянутъ сценами и разговорами, которые сами по себѣ ни сколько незанимательны и не подвигаютъ дѣйствія впередъ. Обстоятельства самыя ничтожныя разсказаны съ подробностями иногда утомительными. Часто авторъ, описавъ какое-либо происшествіе

чрезъ нѣсколько страницъ влагаетъ то же описаніе въ уста котораго-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа, и такимъ образомъ разсказываетъ одно и то же событіе два раза. Но при всемъ томъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали всѣ четыре части «Гудишекъ», и надѣемся, что подобное же удовольствіе будутъ имѣть всѣ тѣ, которые прочтутъ это произведеніе.

Въ старые годы, когда большая часть Литвы еще поклонялась идоламъ, жилъ-былъ тамъ богатый, могущественный графъ Януарій Торгайло. Въ фамиліи его съ незапамятныхъ временъ существовало предсказаніе: «Торгайло, который дерзновенною стопою попретъ кумиръ грознаго Пеколы (божества литовскаго), будетъ послѣднимъ изъ своего рода и свидѣтелемъ гибели всего своего племени.» Желая избѣгнуть исполненія этого страшнаго пророчества, отецъ графа Януарія тайно принялъ христіанскую вѣру, тогда отчасти преслѣдуемую въ Литвѣ. Одинъ изъ родственниковъ графа, Воймиръ, человѣкъ гнусный тѣломъ и душею, всѣми средствами старался обнаружить отступничество Торгайла, чтобы послѣ овладѣть всѣмъ его имуществомъ, но не успѣлъ въ этомъ. Между-тѣмъ Януарій завелъ весьма-короткую, хотя впрочемъ невинную связь съ одною монахинею Гедвигою, каждый почти вечеръ ѣздилъ къ ней въ монастырь на свиданіе, и въ одну изъ этихъ прогулокъ былъ остановленъ среди лѣса чудовищемъ въ образѣ Пеколы. Неустрашимый графъ сбилъ съ ногъ ужасный призракъ и перескочилъ чрезъ него; а это былъ не кто другой, какъ Воймиръ, переодѣтый Пеколою. По смерти Гедвиги графъ Торгайло размыкивалъ горе по разнымъ странамъ Европы, черезъ девятнадцать лѣтъ возвратился, пошелъ опять къ завѣтному мѣсту свиданія и на пути нашелъ ребенка, взялъ его съ собою и воспиталъ. Чудное было дитя: плачь его былъ подобенъ отдаленному гулу колокола; онъ не плакалъ, а *гудѣлъ*, по выраженію автора.

Прошло еще нѣсколько времени. Графъ Януарій, путешествуя, заѣхалъ однажды въ хижину бѣднаго Литвина Рокоча и съ этого происшествія начинается романъ), удалившагося въ уединенную степь въ-слѣдствіе предсказанія, которое гласило, что христіанинъ, коснувшійся кумира Пеколы, хранившагося въ домѣ Рокоча, будетъ причиною смерти сего послѣдняго

Такъ и случилось. Кумиръ былъ взятъ служителями графа, Рокочь убитъ; графъ женился на прекрасной дочери Рокоча, Астольдѣ. Пріемышъ Януарія, малютка Евстафій, взялъ себѣ уродливаго Пеколу и уже не разставался съ нимъ цѣлую жизнь ни на минуту. Этотъ талисманъ доставилъ ему умъ, красоту, силу, храбрость и всеобщее уваженіе. Подъ вліяніемъ этого чучела, Евстафій выросъ молодцомъ и красавцемъ, и даже при помощи его силы завладѣлъ сердцемъ Астольды, супруги своего воспитателя. Съ своимъ уродцемъ, Пеколою, Евстафій творитъ чудеса и между прочимъ пріобрѣтаетъ себѣ чуднаго бѣшенаго коня, укротить котораго можетъ только какой-то таинственный конюшій, взявшійся неизвѣстно-откуда и тщательно скрывавшійся отъ взоровъ Януарія. Это опять Воймиръ, а Евстафій—сынъ его, прижитый съ жидовкою. Надобно сказать, что задолго передъ симъ графъ Януарій, въ горячемъ спорѣ съ Воймиромъ, сказалъ ему, что онъ, Воймиръ, можетъ служить у него только въ конюхахъ. Мстительный Воймиръ обратилъ эти слова въ пророчество, выѣздилъ, воспиталъ дивнаго коня для Евстафія и взялъ за это съ графа дорогую цѣну. Въ тотъ самый день, когда Торгайло, въ-присутствіи многочисленныхъ гостей, готовился отдать Евстафію руку младшей своей дочери и передать ему свое званіе и богатство, внезапно явился Воймиръ, облеченный адскою силою, попралъ ногами гербъ Торгайла, однимъ видомъ своимъ разогналъ гостей и потомъ увлекъ за собою дочерей графа, которыхъ у него было одиннадцать. Воймиръ, Астольда и Евстафій исчезли неизвѣстно-куда.

А что̀ такое Гудишки?—спросите вы. Графъ Януарій Торгайло такимъ именемъ назвалъ двѣнадцать деревень своихъ, которыя хотѣлъ-было подарить Евстафію. Вы помните, что онъ въ младенчествѣ *гудѣлъ* колоколомъ: его прозвали Гудишкомъ, а деревни *Гудишками*. Въ цѣломъ, этотъ романъ производитъ сильное, глубокое и таинственное впечатлѣніе, къ-сожалѣнію иногда ослабляемое утомительнымъ многословіемъ. Для-чего такъ растянуто эпизодическое описаніе прежней жизни Рокоча? Для-чего такъ длиненъ разсказъ графа о его связи съ Гедвигою? Эти вставки рѣшительно вредятъ цѣлому творенію, которое все проникнуто какимъ-то оледеняющимъ ужасомъ, производимымъ таинственными лицами Пеколы и Воймира. Замѣтимъ еще одну несообразность, бывшую простительною во вре-

мя оно, во дни Флоріана, по заслуживающую порицаніе въ наше время: дикіе Литовцы, большею частію идолопоклонники, говорятъ, поступаютъ, какъ рыцари XVI столѣтія, даже иногда какъ маркизы временъ Лудовика XIV!

Строгій пуристъ также невесьма былъ бы доволенъ и слогомъ этого романа, живымъ, правильнымъ, но не очень-чистымъ и небрежнымъ, болѣе небрежнымъ, нежели въ прочихъ произведеніяхъ г. Александрова, разсѣянныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Мы между-прочимъ прочли въ «Гудишкахъ»: «бутончики розъ», «фантомъ призраковъ», «несполхватчивый», «шестнадцатилѣтнюю натуру», «помстилось» вмѣсто: померещилось. Эта небрежность особенно обнаруживается въ строеніи періодовъ, иногда длинныхъ, заваленныхъ придаточными предложеніями и набитыхъ связующими частицами. Вотъ для примѣра: «Опустя руку ребенка, обернулъ *ее* вмѣстѣ съ сокровищемъ, *ею* держимымъ, *его* же платьицемъ», или: «Теодора Стольникова раздѣляла съ нимъ это мнѣніе и часто убѣждала мужа осмотрѣть всѣ уголки комнатъ евстафіевыхъ, и ежели страшный маленькій уродъ гдѣ-нибудь запрятанъ, вытащить его и бросить въ огонь; и *хотя* Тадеушъ отвѣчалъ на это не слишкомъ обязательно, а именно называя ее «*глупою бабою*», *но* внутренно думалъ одинаково съ нею и Клутницкимъ, *потому-что хотя* смѣлый духъ не слабѣлъ и храброе сердце не замирало при взглядѣ на горницу Евстафія, *однакожъ* онъ чувствовалъ какую-то невѣдомую тоску, какую-то тревогу душевную, *когда* по своей обязанности дядьки, входилъ въ комнату Евстафія и (,) *что* всего удивительнѣе, *что* это расположеніе къ боязни усиливалось, *если* самъ Евстафій находился въ комнатѣ». Сосчитайте, сколько тутъ союзовъ, сколько тутъ предложеній!

Но всѣ эти замѣчанія можетъ дѣлать г-ну Александрову только строгая критика, которой онъ заслуживаетъ по прекраснымъ своимъ произведеніямъ. Невзъискательный же читатель найдетъ въ этомъ романѣ много для себя занимательнаго и мѣстами такъ же мастерски разсказаннаго, какъ г. Александровъ разсказывалъ большую часть своихъ повѣстей.

198) Горе отъ Ума. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе* А. С. Грибоѣдова. Изданіе второе. *С.-П.бургъ. Въ Военной тип.* 1839. *Въ* 64-*ю д. л. С.* 202 *стр.*

Это—безсмертная комедія Грибоѣдова, изданная въ миньятюрномъ форматѣ, подобно баснямъ Крылова. Самое изданіе дѣлаетъ честь и издателю и военной типографіи, въ которой оно печаталось. Къ комедіи присоединены: статья г. К. Полеваго *О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова* и портретъ творца «Горя отъ Ума». Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала мы посвятимъ особую статью этому творенію и выскажемъ о немъ свое мнѣніе. А теперь поблагодаримъ неизвѣстнаго издателя за полезную мысль напечатать вновь «Горе отъ Ума» и именно въ этомъ форматѣ, который, думаемъ, можетъ допустить назначеніе самой умѣренной цѣны за книгу, необходимую для библіотеки каждаго образованнаго Русскаго.

199) Пѣсни Русскаго Народа, *изданныя* И. Сахаровымъ. *Части III, IV и V. С.-П. бургъ. Въ тип. Сахарова.* 1839. *Въ* 32-ю *д. л.* 528, 494, 477, *X, XVI стр.*

200) Новѣйшій Пѣсенникъ, *или собраніе русскихъ пѣсенъ и романсовъ.* Изданіе второе. *С.-П.бургъ. Въ тип. А. Сычева.* 1839. *Въ* 32-ю *д. л.* 145 *и V стр.*

Вотъ два изданія, по-видимому, одинаковыя, но въ-сущности отстоящія другъ отъ друга на безконечно-дальнемъ разстояніи. Одна—книга г. Сахарова—изданіе важное, предпринятое съ цѣлію ученою, исполняемое съ совершенною добросовѣстностію человѣка, безкорыстно-привязаннаго къ своему дѣлу (мы подробно говорили уже о немъ въ этой книжкѣ, въ отдѣлѣ «Критики)»; другая—книжонка, напечатанная на сѣрой бумагѣ, поддѣлывающаяся подъ форматъ книги г. Сахарова и состоящая изъ разныхъ *новѣйшихъ* пѣсень, романсовъ и прекрасныхъ (каковы пѣсни и романсы Пушкина, Жуковскаго), и такихъ плохихъ, что изъ-рукъ-вонъ, да еще перемѣшанныхъ съ пошлыми водвильными куплетами. Не понимаемъ цѣли этого перепечатыванія пьесъ, уже давно и нѣсколько разъ напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ. Пусть бы еще перепечатывались хорошія произведенія правильно; а то, посудите сами, съ какимъ вниманіемъ издатель «Новѣйшаго Пѣсенника» составлялъ свое изданіе. У него, напр. въ пѣсни ханскихъ женъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» вмѣсто:

«Даруетъ небо человѣку»,

напечатано:

Даруй небо человѣку;

Или:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы
Гдѣ луна сильнѣе *плещетъ*
Въ сладкій часъ вечерней мглы.

Г. издатель даже смѣшиваетъ одно стихотвореніе съ другимъ и печатаетъ ихъ сплошь. Такъ напр. онъ смѣшалъ и напечаталъ вмѣстѣ двѣ разныя пѣсни «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ» и «Изъ-подъ камня изъ-подъ бѣлова», принявъ ихъ за одну пѣсню— и вышла безсмыслица! Или еще, что это за смѣсь двухъ разныхъ стихотвореній Пушкина:

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ —
Веселый сонъ:
И одинокій
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ!...
Я съ ней умру какъ звукъ унылый
Внезапно порванной струны

И даже точки не поставлено! Вотъ что называется добросовѣстное, ученое изданіе! Куда же г-ну Сахарову тянуться съ своими пятью частями за ученымъ издателемъ «Новѣйшаго Пѣсенника»!... Да здравствуютъ спекуляція и книжные спекуляторы!

201) Ярисовалъ Очерки. *Разсказы* Улана. *Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1839. *Въ 12-го д. л.* 315 *стр.*

Мы прочли эту книгу... прочли ее съ начала до конца и, кажется, съ конца до начала. И хотѣли мы разобрать эту книгу съ начала до конца и, если не ошибаемся, съ конца до начала, какъ вдругъ, на 314, предпослѣдней страницѣ ея встрѣтили нижеслѣдующія строки:

« А вы, жители Петербурга, прогуляйтесь въ Щукинъ Дворъ... И вамъ разскажетъ тамъ замасленный весельчакъ, запятнанный чернилами, какъ чубарая лошадь:

Не въ нашемъ царствѣ,
Не въ нашемъ государствѣ,
Жилъ былъ молодецъ
Иванъ Выжигинъ.... и проч.

и вы лучше повѣрьте ему на-слово; а то онъ такія чудеса вамъ поразскажетъ

Про Бову Королевича
И Архипа Ѳаддѣича...

что я вамъ совѣтую напередъ невинныя уши ваши завѣсить золотомъ *(слѣдуютъ двѣ строки точекъ)*. Но Боже избави меня отъ осужденія ближняго! И тѣмъ болѣе *нынѣ*, когда я самъ отдаюсь на судъ этого самаго ближняго.»

Пускай же, подумали мы, этотъ ближній, Бова Королевичь или Архипъ Ѳаддѣичь (все равно), произнесетъ судъ «Разсказамъ Улана»—судъ, отъ котораго мы съ радостью отказываемся. Что жь касается до обязанности нашей предъ читателями, то они могутъ судить о *чувствѣ, толкѣ* и проч. автора изъ приведеннаго отрывка, въ которомъ сказано не *многое*, но *много*.

202) Вечерніе Разсказы В. Невскаго. *Часть I. С.-П. бургъ. Въ тип. А. Плюшара.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 278 *стр.*

Сердце человѣческое было предметомъ наблюденія многихъ отличныхъ романистовъ, которые изучили его біенія и въ своихъ краснорѣчивыхъ разсказахъ передали намъ его наслажденія и муки. Вотъ, напримѣръ, «Новая Элоиза»—замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ. Съ перваго взгляда покажется, что ничего нѣтъ легче — написать такой романъ: авторъ его почти совершенно избавленъ отъ историческаго изученія той эпохи, въ которую онъ вставляетъ свое повѣствованіе, и не долженъ напрягать своего воображенія, изобрѣтая затѣйливыя происшествія. Въ чемъ состоитъ дѣйствительное содержаніе «Новой Элоизы»? Молодой человѣкъ и молодая женщина любятъ другъ друга и въ краснорѣчивыхъ, пламенныхъ письмахъ одинъ другому выражаютъ свои нѣжныя чувства. Это исторія любви простая, но тѣмъ не менѣе занимательная въ высшей степени; исторія, которой всѣ факты совершаются въ темной глубинѣ сердца, невѣдомой многимъ и открытой только пылкимъ и вдохновеннымъ наблюдателямъ чувствъ и страстей человѣческихъ. Чтобы написать такой романъ, надобно имѣть сердце, какое билось въ истерзанной груди жалкаго бѣдняжки Руссо,—нѣжное, страстное сердце, сильно-трепещущее при каждомъ потрясеніи и гармоническими звуками отвѣчающее на каждый призывъ. И надобно имѣть этотъ умъ обширный, наблюдательный и укрѣпленный долголѣтнею опытностію: ибо Жан-Жак-Рус-

со пятидесяти лѣтъ написалъ свою «Новую Элоизу». Мы, живущіе и все понимающіе однимъ умомъ, безсердыя дѣти XIX вѣка, мы позабыли этотъ краснорѣчивый романъ; но есть еще люди, которые и теперь сладкими слезами обливаютъ страницы «Элоизы» и не промѣняютъ ее на повѣсти Бальзака, писателя также съ необыкновеннымъ умомъ и талантомъ.

Итакъ, повидимому не совсѣмъ-то легко написать романъ или повѣсть, которой цѣлію предполагается анализъ какой-нибудь страсти человѣческаго сердца, и преимущественно любви. Нѣжное, способное ко всякимъ впечатлѣніямъ сердце и наблюдательный, опытный умъ — вотъ, по нашему мнѣнію, чѣмъ долженъ обладать писатель, рѣшающійся на такое предпріятіе. Авторъ «Вечернихъ Разсказовъ», по-видимому, не подумалъ о трудностяхъ, которые онъ долженъ былъ встрѣтить на своемъ пути; онъ смѣло написалъ и еще смѣлѣе напечаталъ свои повѣсти. Можетъ-быть, онъ и не мыслилъ тянуться въ-слѣдъ за Руссо и Бальзакомъ, съ которыми Боже упаси его и сравнивать, потому-что тутъ не можетъ быть никакого сравненія; можетъ-быть, онъ написалъ свои «Вечерніе Разсказы» такъ, желая написать что-нибудь, и въ этомъ случаѣ, мысли, которыя мы выше изложили, могутъ относиться не столько къ нему, сколько къ другимъ нашимъ писателямъ, которые, при первой, слишкомъ-отважной вспышкѣ неопытнаго, неразвитаго дарованія задумаютъ идти по стезѣ, протореннoй авторомъ «Новой Элоизы». Какъ бы то ни было, а г. Невскій въ двухъ своихъ повѣстяхъ («Юлій Танскій» и «Русскій въ Италіи»), скудныхъ по содержанію и неотличающихся описаніями современныхъ нравовъ, хотѣлъ анализировать любовь, и вотъ почему его «Вечерніе Разсказы» мы причислили, конечно вовсе не-къ-стати, къ категоріи романовъ Руссо и Бальзака. Да взглянулъ ли нашъ г. романистъ на эту бурную страсть съ какой-нибудь новой стороны? подглядѣлъ ли въ сердцѣ ея оттѣнки, еще доселѣ невѣдомые? по-крайней-мѣрѣ хотя стараго не пересказалъ ли краснорѣчиво и вдохновенно? Ничего этого нѣтъ ни въ «Юліи Танскомъ», ни въ «Русскомъ въ Италіи». Юлій Танскій влюбленъ въ Валерію Мелину и любимъ ею взаимно. Мать послѣдней, видя, что отъ Юлія нѣтъ ничего путнаго, отказываетъ ему въ рукѣ своей дочери, и Юлій съ-горя начинаетъ играть и пить напропалую, въ-добавокъ связывается съ однимъ бездѣльникомъ,

Злобинымъ, который вовлекаетъ его въ казусное дѣло и доводитъ до преступленія. Валерія и другъ Юлія, Эдуардъ Рейнсбергъ, спѣшатъ къ нему на помощь, да поздно. Полиція, уже предувѣдомленная о продѣлкахъ Юлія, прибираетъ его въ свои руки; Юлій между-тѣмъ успѣлъ застрѣлить Злобина и руку Валеріи завѣщать своему другу Эдуарду Рейнсбергу. Прошло еще десять лѣтъ: Валерія умираетъ, такъ, ни за̀ что, ни про̀ что; Юлій уже монахъ, стоитъ въ своей келліи, молится Богу и также умираетъ... Счастливый путь!

Содержаніе второй повѣсти еще короче. Славскій влюбленъ въ Марью Николаевну Вѣрину, какъ Юлій былъ влюбленъ въ Валерію, и также любимъ ею взаимно. У Славскаго, какъ и у Юлія, есть другъ, Горинъ, человѣкъ безъ цвѣта и характера, нѣчто въ родѣ расиновскихъ наперсниковъ. Валерію, по семейственнымъ обстоятельствамъ выдаютъ за одного офицерика, ничтожнѣйшее существо во всей повѣсти, а Славскій съ-горя не пьетъ и не играетъ, а ѣдетъ въ Италію и тамъ умираетъ.

Вотъ какіе герои дѣйствуютъ въ Разсказахъ» г. Невскаго! Ихъ-то чувства и мысли передаетъ онъ нашему наблюденію! Это люди безъ чести и характера, безъ разума и воли, по словамъ автора, «непонятые геніи», а на дѣлѣ — Выжигины, уступающіе каждому поползновенію, немогущіе преодолѣть никакой бѣды, неимѣющіе даже силъ умереть благородно,—Вертеры безъ страстей, а только съ слабостями; Чацкіе безъ ума, а только съ причудами, — оправданіе нашему малодушному вѣку, и потому грѣхъ не столько противъ литературы, сколько противъ морали. Что такое, въ-самомъ-дѣлѣ, Юлій Танскій? Все равно, что графъ Оттонъ въ чудовищной драмѣ «Честь или Смерть»,—лицо, которое авторъ хочетъ выставить умнымъ и благороднымъ, а между-тѣмъ безразсудное и малодушное. Г. Невскій каждую главу своихъ повѣстей начинаетъ эпиграфами изъ Пушкина, Жуковскаго и Бенедиктова; но эти эпиграфы нисколько не согласуются съ содержаніемъ главъ, а только обличаютъ желаніе сочинителя оправдать главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его разсказахъ и представить ихъ людьми съ умомъ и пылкимъ сердцемъ, неоцѣненныхъ прозаическимъ свѣтомъ: жалкая мысль, безполезная жалоба, которой давнымъ-давно надлежало бы умолкнуть; особенно если съ этими жалобами будутъ входить люди въ родѣ Юлія Танска-

го — поэты только потому-что они пьютъ, играютъ, влюбляются и не ходятъ на службу. Любимая идея автора—погибшій талантъ, непризнанное дарованіе, а пора бы забыть эту неблагодарную, даже опасную идею, ободряющую слабыя души, которыя въ собственномъ своемъ ничтожествѣ находитъ свое оправданіе. Она губитъ талантъ, а не поддерживаетъ, не ободряетъ его. И что это за талантъ, который такъ мало себя цѣнитъ, что готовъ продать себя за первое минутное наслажденіе, брошенное ему міромъ по случаю или изъ прихоти? Авторъ, кажется, самъ чувствовалъ безплодность своей основной идеи, и потому съ такою натянутою сантиментальностію говоритъ о русскихъ пѣсняхъ и о ларчикѣ, брошенномъ въ воду руками Юлія Танскаго (стр. 58 и 59)! Дѣйствующія лица у него влюбляются и расходятся, дружатся и ссорятся изъ ничтожнѣйшихъ пустяковъ... А нравы?.. Въ кругу молодыхъ людей, пирующихъ за бутылками шампанскаго, является дѣвушка, которая пѣла и играла на фортепьяно и напомнила собою Танскому его возлюбленную Валерію... Что это за дѣвица, которая рѣшается играть на фортепьяно въ обществѣ полупьяной молодежи? А между-тѣмъ г. Невскій очень твердо стоитъ за нравственность и шибко нападаетъ на нынѣшніе танцы, на вистъ и бостонъ, невинныя игры, за которыми иногда развлекается дарованіе и забывается бездарность. Кромѣ-того, авторъ «Вечернихъ Разсказовъ» замѣтно хочетъ смотрѣть на все съ новой точки зрѣнія, съ которой ничего новаго не видитъ, а только силится на новый ладъ описать старое и, къ-несчастію, описываетъ хуже, нежели въ старину описывали. А слогъ?.. Слогъ у г. Невскаго довольно чистъ и правиленъ, но едвали кому могутъ понравиться выисканныя выраженія, которыя онъ употребляетъ; на-пр.: «*усѣсться систематически*»,—«*облака перебрасываютъ мѣсяцъ*»,—«*тучи стѣснились, какъ-бы слушая или разсказывая другъ другу ужасныя новости*».

Иногда авторъ «Вечернихъ Разсказовъ» пускается въ сатиру и рисуетъ вотъ какія каррикатуры, описывая, на-примѣръ, гулянье на Елагиномъ Острову (стр. 130 и 131):

«Какое разнообразіе! Посмотрите, вотъ щегольское лондо (ландо?) съ вензелемъ W. Кажется, что при малѣйшемъ попутномъ вѣтрѣ, оно подымется вмѣстѣ съ легкой парой вороныхъ жеребцовъ и пролетитъ поверхъ всей нити экипажей; но, къ-несчастію, вѣтра не было, и лондо

какъ ни сердилось (!), а должно было остаться между тѣми же сосѣдями, которые оба были достойны полнаго вниманія. Впереди *лондо имѣло въ виду* большую четверомѣстную карету, которую такъ торопились приготовить къ гулянью (,) что, въ суматохѣ не замѣтивъ, прицѣпили желтый кузовъ къ желтому ходу. Для полнаго украшенія экипажа сзади находился куль сѣна (,) а на кулѣ гостинодворскій сидѣлецъ въ длиннополомъ сертукѣ. Вся эта машина приводилась въ движеніе посредствомъ механизма шести ногъ двухъ лошадей (!!). Но тутъ внѣшность не составляла самаго занимательнаго: надо посмотрѣть внутрь: рѣшительныя чудеса! Должно знать, что это купеческое семейство; помѣщеніе совершенно какъ въ ковчегѣ. Бородачь (!), сидѣлъ въ первомъ углу (а гдѣ первый уголъ въ каретѣ?), кряхтѣлъ, выглядывалъ за окно (?) и потиралъ бороду, которая покоилась на огромномъ аэростатѣ (?!) Это великолѣпная возвышенность ручалась за истинно-купеческое происхожденіе. Одно только трудно было рѣшить, какъ должно сказать: аэростатъ ли при немъ (т. е. при купеческомъ происхожденіи?) или онъ (оно?) при аэростатѣ. Остальныхъ въ каретѣ всего на все было семеро; въ этомъ числѣ и благовѣрная половина вышеупомянутаго (!!), которая впрочемъ, по всей справедливости, сама по себѣ составляла огромное цѣлое (!?). Еще, сверхъ комплекта, находились на колѣняхъ: три дѣвочки и одинъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати.

«Другой сосѣдъ лондо была знаменитая финляндская бричка, выкрашенная зеленою краскою съ желтыми каймами, длиною, вѣрно, въ двѣ сажени, и сверхъ того козлы (не козлы́ ли?) были въ почтительномъ въ двухъ-аршинномъ разстояніи отъ кузова. Въ эту бричку были запряжены двѣ *модели малыхъ лошадей (?!), уменьшенныхъ въ* $^1/_6$ *долю противъ настоящей величины (?!?!)*. Это, однимъ словомъ, ѣхала на гулянье Финляндія со всѣми своими принадлежностями и особенностями.»

Бѣдная Финляндія!.. Бѣдные жители ея!.. Но утѣшьтесь! Вы болѣе имѣете права ѣздить на Елагинъ, нежели авторъ «Вечернихъ Разсказовъ» имѣетъ право идти въ храмъ безсмертія. Поѣзжайте спокойно на Крестовскій, на Елагинъ въ бричкѣ, запряженной «моделями малыхъ лошадей, уменьшенныхъ въ $^1/_6$ долю противъ настоящей величины». Васъ ожидаетъ бо́льшее удовольствіе, нежели какое ощущаемъ мы, читая, въ этотъ несносный жаръ, современные, отечественные романы и повѣсти, и преимущественно «Разсказы» г. Невскаго.

203) Анна Дорзе. *Сочиненіе* Александра Волкова. *Москва.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 61 *стр.*

Въ стихахъ, читатели, въ стихахъ,—да еще въ какихъ!—въ шестистопныхъ, въ формѣ писемъ, разсказываются трогательныя приключенія двухъ любовниковъ и супруговъ вмѣстѣ, сочетав-

шихся безъ родительскаго согласія, бѣжавшихъ отъ родины, плывшихъ на караблѣ, подвергавшихся опасностямъ бури, наконецъ приставшихъ невѣдомо-какъ къ невѣдомымъ берегамъ необитаемаго острова и жившихъ на ономъ островѣ въ-дали отъ всего человѣческго рода и, къ довершенію всего, умершихъ другъ за другомъ. Стихи такіе, что чудо: длинные, чинные, плавные,—такъ и тянутся, будто проволоки на желѣзноплавильномъ заводѣ.

204) **Досужные Вечера.** *Сочиненіе* Ивана Раевича. *Москва. Въ Университ. тип.* 1839. Съ эпиграфомъ:

«Я грусть души разсѣявалъ —
«Игру и пылъ воображенья,
«Какъ чувствъ былыя отраженья
«Перомъ отважнымъ рисовалъ.»

Слышете? Это говоритъ самъ г. Раевичь; это эпиграфъ его собственноручной работы. Итакъ, г. Раевичь рисовалъ отраженья чувствъ для-того, чтобы разсѣять грусть души, а также игру и пылъ воображенья... Полно такъ ли? Какъ же это г. Раевичь говоритъ въ одномъ мѣстѣ то, а въ другомъ другое? Не сами ли онъ черезъ страничку совершенно-иначе объясняетъ причину, заставившую его рисовать отраженья и проч., и мало того, что рисовать—пустить даже въ свѣтъ рисованныя отраженія? Нѣтъ, почтенные читатели, вотъ какъ это было. Г. Раевичь издалъ свое путешествіе въ Воронежъ и его *прозаическое перо удостоилось вниманія* публики. Это понудило его къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ литературѣ, между которыми вздумалъ онъ испытать себя *въ знаніи поэзіи,* и эта книжка есть первый опытъ въ стихотвореніи,—первый, потому-что «еще въ прошломъ году вышедшая въ свѣтъ подъ его именемъ книжка стихотвореній *сдѣлала только черное пятно его имени»;* потому-что онъ «писалъ ее не для публики, а для *домашняго препровожденія времени;* вышло же въ свѣтъ это *своевольное дитя* его *фантазіи безъ его родительскаго благословенія,* пользуясь свободой во время отлучки его изъ Москвы». Да и эта книжка почти сама безъ спроса ходила въ типографію печататься... Онъ отдѣлывалъ свои «Вечера» со всѣмъ стараніемъ, чтобъ *исправить свою ошибочность,* но художникъ не былъ еще доволенъ и этимъ дѣтищемъ своей фантазіи: онъ бы и эту книжку не выдалъ въ свѣтъ, да вотъ видите: ему при-

водилось опять ѣхать изъ Москвы,—ну, такъ онъ передъ отъѣздомъ и сообразилъ: «что же, въ-самомъ-дѣлѣ, откладывать въ долгій ящикъ! дай, напечатаю теперь; благо же и удобный случай (какой это удобный случай — мы не знаемъ) къ тому представился». Вотъ онъ и позволилъ книжкѣ напечататься.

Всѣ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія о происхожденіи «Досужныхъ Вечеровъ» г. Ивана Раевича почерпнули мы изъ вѣрнаго документа — изъ собственнаго его предисловія. Итакъ, почтенная публика, цѣлью происхожденія этой книжки было желаніе «испытать себя въ знаніи поэзіи», а выходъ ея въ свѣтъ имѣлъ назначеніемъ оправдать поэта передъ вами, публика, въ незнаніи поэзіи.

И какое глубокое «знаніе поэзіи» обличаетъ въ любезномъ поэтѣ эта книжка! Мы не можемъ рѣшить теперь, какимъ перомъ лучше владѣетъ г. Раевичь прозаическимъ или поэтическимъ. Сколько дивныхъ вещей заключается въ этихъ произведеніяхъ его поэтическаго пера! Мы бы желали составить цѣлое ожерелье изъ перловъ, разсѣянныхъ въ нихъ; но это было бы слишкомъ-долго, и ожерелье вышло бы слишкомъ-длинно. Возьмемъ лучше такъ, на-удачу, сколько возьмется... Вотъ, когда г. Раевичь, будучи еще отрокомъ, построилъ въ мысляхъ волшебный міръ и началъ въ немъ витать душою, его вдругъ *сразила краса завѣтной дѣвы*; дѣва эта начала часто являться къ нему и ласкала его у кипучей груди; теперь и она является ему только во снѣ... Ну, и только;—чего же вамъ еще угодно? Или нѣтъ, позвольте:— когда явится ему дѣва во снѣ— грянетъ бѣда! Однажды, когда былъ *тихъ въ природѣ вечерокъ*, онъ, т. е. г. Раевичь, сидѣлъ запершись въ своемъ кабинетѣ, *врѣзавшись взоромъ* въ каминъ; думалъ, думалъ и наконецъ вздумалъ загадать про черны очи черноокой дѣвы, взялъ зеркало и поставилъ двѣ свѣчи; глядѣлъ, глядѣлъ, и наконецъ увидѣлъ за диваномъ въ сторонѣ милый призракъ, который тихо близился къ нему, колыхаясь нѣжнымъ станомъ; онъ и горѣлъ, и дрожалъ, и проч. Наконецъ въ окна кабинета просѣкся свѣтъ, и онъ проснулся, проснулся тогда, когда ужь въ природѣ *тихъ былъ денекъ*... У г. Раевича былъ локонъ завитой; его подарила ему милая при прощаньи; во время разлуки, онъ пребылъ вѣренъ, а сердцемъ дѣвы *поигралъ* злобный геній: она позабыла его, и онъ въ отмщенье развилъ подаренный ло-

конъ и кинулъ его,—нѣтъ, прежде кинулъ, а потомъ развилъ... Будетъ съ васъ, почтенные читатели! хорошаго по-немногу. — Такъ вотъ, какъ произошла и вотъ какъ вышла книжка г. Раевича, и вотъ какіе перлы заключаются въ ней. Г. Раевичь удачно испыталъ себя въ знаніи поэзіи и *вполнѣ* оправдалъ себя въ незнаніи.

205) Деньги, *комическая поэма. Сочиненіе* Семена Дьячкова. *С.-П. бургъ. Въ тип. Вингебера.* 1839. *Въ* 12-ю *д. л.* 23 *стран.*

«Деньги единственное счастіе человѣка; всѣ живутъ для денегъ, всѣ работаютъ для денегъ; у меня мало денегъ; судьба, дай мнѣ побольше денегъ! я буду счастливъ, когда у меня будетъ много денегъ» — вотъ мысли различнымъ-образомъ повторяемыя г. Дьячковымъ въ 600 стихахъ, на 26 страницахъ. Это поэма. Въ ней нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, кромѣ лица самого автора, выглядывающаго изъ-за большой груды мѣдныхъ денегъ. Если автору такъ нужны деньги, какъ онъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своей «поэмы», то напрасно онъ губитъ время, сочиняя стихи, подобные слѣдующимъ:

Кажись, вещь самая пустая
Забавный этотъ кошелекъ,
Да въ немъ надежда золотая
И скрытъ бываетъ самый рокъ.
Его блистательная сила
На свѣтѣ чудеса творила;
Исторія фортуны въ немъ
Вся на монетахъ отражалась,
И часто въ кошелькѣ пустомъ
Одна ихъ басня оставалась (?).
Когда же денегъ въ немъ возвратъ
То расточительность готова
Пустить въ дорогу деньги снова,
И вотъ онѣ на свѣтъ спѣшатъ
Въ кругъ разнородныхъ похожденій,
Пронырствъ, злодѣйства, суеты
И презабавныхъ превращеній
Въ домы, въ кареты, въ лошадей,
Въ картины, бронзы и фарфоры
Въ ново-французскіе уборы
И въ тысячи другихъ вещей.

Судите сами, чего будутъ стоять эти стихи, если ихъ перевесть на деньги?

206) **Горка подъ Каретой,** *или:*
За женщинъ, карты и вино
Поссориться немудрено!!!
Сочиненіе въ стихахъ Владиміра Севастьянова. *Москва. Въ тип. Августа Семена.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 15 *стр.*

Господинъ Севастьяновъ, что̀ вы это? Богъ съ вами! что̀ вы это написали?.. Мы теряемся, мы не знаемъ, что̀ сказать... Нѣтъ, мы не могли и представить себѣ, чтобы когда-нибудь кто-нибудь написалъ чтр-нибудь подобное этому «сочиненію въ стихахъ»? Торжественно увѣряемъ читателей, что произведенія—не говоримъ уже А. А. Орлова—произведенія Кузьмичевыхъ, «дѣтей природы», Сиговыхъ, «Досужные Вечера» г. Раевича, о которыхъ мы сію минуту бесѣдовали — были бы глубоко оскорблены и унижены, еслибъ кто-нибудь дерзнулъ сравнивать ихъ съ порожденіемъ г. Владиміра Севастьянова... Но какъ же могутъ быть унижены тѣ знаменитыя произведенія, когда они ужь и такъ очень-низко стоятъ?.. Низко, но выше «Горки подъ Каретой»: «Горка подъ Каретой» стоитъ далеко ниже нуля по реомюрову термометру. Въ этой книжкѣ нѣтъ никакого значенія... Но вѣдь это все обыкновенныя слова—кто ихъ не употреблялъ? однако они блѣднѣютъ предъ сочиненіемъ г. Севастьянова... И надъ этой неизслѣдимой бездной безмыслія, какъ галки снуются претензіи, самыя отчаянныя, самыя ужасныя... Г. Севастьяновъ начинаетъ обращеніемъ къ своему любезному другу. «Здѣсь» говоритъ онъ: «любезный другъ, ты найдешь совѣтъ уединенья, презрѣнье пороковъ и ядъ заманчивыхъ бесѣдъ; далѣе страшныя веселья людей и заблудшую ихъ кончину.» За симъ начинается гисторія о томъ, какъ въ какомъ-то народѣ, разъ сосѣдъ затѣялъ для сосѣдей балъ, какъ суетились сначала, какъ потомъ съѣхались гости, какъ началась у нихъ потѣха, какъ они тутъ «пили завистливую радость ковшомъ ревнивой дерзости»... Но все это еще не главное—главное свершалось на дворѣ, подъ одной каретой, куда засѣли кучера играть въ горку: они пили и играли, играли и пили, начали-было ужь и ссориться, какъ вдругъ дернули лошади и помчали карету... Тутъ смутный туманъ объемлетъ картину...«Пошли» восклицаетъ поэтъ «путляться по улицамъ» и потомъ присовокупляетъ:

И подѣломъ за преступленье
Такое картамъ награжденье.

Между гостьми разнесся объ этомъ слухъ... Суматохѣ не было конца. Хозяинъ сказалъ объ этомъ своей супругѣ, которая была беременна, испугалъ ее до смерти, и, испугавъ ее, самъ такъ испугался, что съ бѣшенствомъ побѣжалъ въ буфетъ и началъ бить всѣмъ объ головы бокалы; гусаръ запустилъ ему въ лобъ бутылку и пихнулъ колѣномъ въ грудь...

Такъ несчастливъ сей конченъ балъ!

восклицаетъ поэтъ и оканчиваетъ поэму снова обращеніемъ къ другу, и даетъ ему совѣтъ, что если, когда-нибудь, онъ разсудитъ играть—вспомнилъ бы горку подъ каретой... Какъ ни нелѣпо все это, однако жь читатели имѣютъ самое бѣдное представленіе о нелѣпости книжки г. Владиміра Севастьянова, прекрасно напечатанной, на отличной бумагѣ, отличнымъ шрифтомъ.

207) Тайна. *Сочиненіе* Поль-де-Кока. *Москва. Въ тип. А. Евреинова.* 1839. *Въ 12-ю д. л.* 71 *стр.*

Мы изумились, не найдя въ этой крохотной повѣсти, которая не стоила быть напечатанною отдѣльно, ни одного изъ отличительныхъ свойствъ г. Поль-де-Кока; главное—что тутъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было прочесть въ благопристойномъ обществѣ. Вотъ все ея содержаніе. Молодая вдова, г-жа Деготвиль выходитъ вторично за г. Дапремона, благороднаго и добраго моряка; но она согласилась осчастливить его только на условіи, чтобы онъ не курилъ табака. Услышавъ это условіе, г. Дапремонъ поморщился; но любовь его была такъ сильна, что онъ нимало не медля, рѣшился измѣнить прежней вѣрной подругѣ своей, трубкѣ, для прелестной вдовы; нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака прошло во взаимныхъ восторгахъ, какъ это всегда водится; вдругъ г-мъ Дапремономъ овладѣваетъ непонятная хандра: онъ началъ задумываться, тосковать... Тщетно допытывалась отъ него жена о причинѣ такой внезапной перемѣны. Лѣтомъ супруги отправились въ деревню. Она обрадовалась, увидѣвъ, что мужъ ея сталъ веселѣе; но радость ея была непродолжительна: бѣдная замѣтила, что прямою причиною этой счастливой перемѣны были таинственныя прогулки... Въ ней начала пробуждаться ревность, которая достигла наконецъ до крайнихъ предѣловъ, когда, по возвращеніи въ Парижъ, мужъ ея становился все веселѣе и веселѣе, и все также отправлялся на таинственныя прогулки. Ревность одолѣваетъ ее;

она открываетъ его слѣды и ѣдетъ за ними сама въ отдаленную часть города, въ домъ подозрительной наружности съ корридоромъ и безъ дворника; вбѣгаетъ на третій этажъ... Силы измѣняютъ ей, она испускаетъ крикъ, дверь отворяются — и честный морякъ, переодѣтый въ сѣрый халатъ, въ колпакъ, съ превосходною турецкою трубкою въ зубахъ, бросается къ своей женѣ... Онъ уходилъ курить трубку... Все объяснилось. Пошли радости и восторги, и проч. и проч. Супруги начали жить да поживать счастливо и благополучно; радостная супруга сняла строгій запретъ съ трубки, и нѣжный супругъ могъ дѣлить свою нѣжность между обѣими подругами своей жизни. Тутъ и все. — Что за охота переводить такіе пустяки и издавать крошечную повѣсть отдѣльною книжкою? Переводъ, къ нашему удивленію, дольно споссенъ.

208) Жена и Любовница. *Романъ въ 3 частяхъ. Москва. Въ тип. А. Евреинова.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л. Въ I-й*—116, *во II*—104, *въ III*—94 *стр.*

Не оберешься романовъ! Что за урожай! Какая туча и какой дождь оплодотворилъ такъ сухую, тощую почву нашей литературы? Кто разберетъ! мало ли было тучь и дождей! Послѣдняя туча принесалась отъ неба Франціи и дождь разныхъ нелѣпостей, бурно пролился на нашу землю, — и сколько слизистыхъ грибовъ, которымъ такое выразительное названіе даютъ простолюдины, вдругъ повыросло, подняло свои дряблыя шляпки на хилыхъ, тоненькихъ корешкахъ и заразило воздухъ! Вотъ почему такъ непріятно, даже вредно, ходить гулять по вертограду нашей словесности. Хорошо вамъ, читатели, сидѣть спокойно дома и выслушивать наши обзоры: каково же намъ, ежемѣсячно обязаннымъ ревизовать всѣ закоулки и осматривать каждый грибъ, который успѣетъ вырости на нашу бѣду! Я не постигаю, какъ можно тратить часы и дни на то, чтобы придумывать какое-нибудь происшествіе, сдѣлать изъ него интригу, запутать ее какими-нибудь домашними средствами и писать, писать, писать безъ устали! Не уже ли такіе труды доставляютъ пріятныя минуты добровольно-обрекшимъ себя на нихъ? Можетъ-быть...Но скажите, Бога ради, мы-то за что должны страдать?.. Вотъ всегда съ такими-то мыслями приступаемъ мы къ обзору какого-нибудь новаго произведенія музы, воскормленной горячими калачами и воздоенной горячимъ сбитнемъ. Съ таки-

ми же мыслями приступили мы и къ выше-означенному роману. Тѣмъ тяжелѣ было впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ романомъ, что мы увидѣли въ авторѣ человѣка, который можетъ *человѣчески* жить, для котораго могутъ быть доступны и человѣческое чувство и мысль. Согласитесь, очень - непріятно видѣть человѣка, тратящаго драгоцѣнные часы жизни на сплетеніе пустаго романа для потѣхи черни литературной,— точно такъ же непріятно, какъ видѣть человѣка, который намъ сейчасъ попался въ благопристойномъ обществѣ въ сюртукѣ или во фракѣ, и который вдругъ, переодѣвшись въ бѣлый балахонъ паяца, съ войлочнымъ колпакомъ на головѣ, отпускаетъ разныя штуки для потѣхи православныхъ зѣвакъ, собравшихся вокругъ балагана. Въ этомъ романѣ есть смыслъ; читая его, можете узнать въ чемъ дѣло, что хочетъ сказать авторъ. Видна въ авторѣ также и наглядка: кое-гдѣ онъ довольно-удачно описываетъ сальныя стороны быта молодыхъ холостяковъ, живущихъ въ тѣсненькихъ комнаткахъ, гдѣ съ трудомъ можно повернуться, лѣнивыхъ, праздныхъ, пустыхъ, таскающихся по бульварамъ, пьющихъ по вечерамъ *пуншикъ,* волочащихся за гризетками и за купеческими дочками. Но описывать такія сальныя стороны быта можетъ только поэтъ, художникъ, который животворитъ всякое явленіе, какъ бы оно ни было мертво и гнило идеею, дающею смыслъ и содержаніе пустому и безсмысленному, органическую форму безобразному, единство разбросанному и разрозненному, необходимость случайному. Какъ ни грязенъ въ самой дѣйствительности бытъ, въ которомъ живутъ, напримѣръ, многіе герои дивныхъ произведеній нашего Гоголя, однако, перешедъ черезъ свѣтлую фантазію художника, они не только не оскорбляютъ васъ, но на противъ становятся предметомъ высокаго эстетическаго наслажденія; оскорбляться созданіями этого художника могутъ люди не съ деликатнымъ, а напротивъ, съ грубымъ чувствомъ, духовно-слѣпые,—люди, для которыхъ недоступна идея, животворно-присутствующая въ каждомъ образѣ его фантазіи, или люди мелкіе, у которыхъ глаза заслѣплены пылью недостойныхъ суетъ, какъ-то зависти, и проч. А ваши копіи, господа досужіе романисты, приторны; отъ нихъ вѣетъ гнилью и тлѣніемъ смерти. . . Не имѣя идеальной, высшей жизни художественнаго произведенія, онѣ въ тысячу разъ ниже и губительнѣе своихъ оригиналовъ. Въ дѣйствительности, какъ ни гадко, какъ ни пошло явленіе, въ немъ все же есть хоть мѣста духовныя, самая *дѣй-*

ствительность ихъ ручается за существованіе этой искры; тамъ люди, по-крайней-мѣрѣ, существа подлинныя, съ плотью и кровью... А у васъ что̀ такое? мертвые призраки, неимѣющіе никакой сущности, повѐрхностные силуеты, отвлеченные отъ полноты живыхъ существъ, пустые, неимѣющіе въ себѣ никакой жизненной искры, никакой *надежды* на жизнь, оптическій обманъ — и для-чего же? для-того, чтобы показать гнусность и безобразіе...Грустно и жалко! Пусть бы писали подобные вздоры—литературные фигляры,—тѣ, которымъ уже на роду написано быть паяцами; а люди, для которыхъ существуютъ благороднѣйшія обязанности, высшія назначенія, всегда возмутятъ душу, когда появятся въ недостойной ихъ сферѣ.—Въ романѣ, какъ мы сказали, есть смыслъ; мы открыли въ немъ даже нѣчто, похожее на слогъ. Въ случаѣ горькой нужды можно и прочесть его; можно сказать даже,—еслибъ онъ былъ только немножно поопрятнѣе во внѣшней отдѣлкѣ,—что онъ не уступаетъ многимъ издѣліямъ французской *изящной* словесности и имѣетъ еще передъ ними то преимущество, что въ немъ нѣтъ тѣхъ искаженій человѣческой природы, которыя составляютъ отличительныя ихъ свойства. Но такое сравненіе изъ нашихъ устъ не похвала, а униженіе и укоръ.

209) Купеческая Дочка и Чиновникъ 14-го Класса, *комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе* Н. Соколова. *Изданіе второе. Москва. Въ тип. В. Кирилова.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 96 *стр.*

Мы не будемъ требовать отъ водвиля *многаго*—того, на что̀ онъ и не вызывается. Хорошо, конечно, если, при замысловатыхъ куплетахъ, нежданно-поражающихъ зрителя острыми, бойкими и забавными окончаніями (chute), водвиль представляетъ также характеры рѣзкіе и ровные, или выдержанные; еще лучше, если при томъ и другомъ достоинствѣ, у него есть третье достоинство: естественность завязки и развязки, возводящая эѳемерный трудъ водвилиста на степень цѣлаго, связнаго и полнаго произведенія, или, пожалуй, произведеньица... Но публика, право, не посѣтуетъ на автора за отсутствіе единства, принесеннаго въ жертву острымъ куплетамъ, ловкимъ намекамъ на смѣшныя стороны чего-нибудь современнаго: было бъ только чему улыбнуться, надъ чѣмъ похохотать — и творецъ пьески вызывается въ директорскую ложу. Выходилъ ли г-нъ Соколовъ въ эту ложу — не знаемъ; вышелъ ли изъ его пьесы

прокъ или вздоръ на сценѣ—также не вѣдаемъ: знаемъ только что остротъ въ куплетахъ у него не бывало, но что нѣкоторыя дѣйствующія лица обрисованы удачно, особенно купецъ Егоръ Прохоровичь Лодочкинъ и супруга его, Анна Ивановна. Первый даетъ «банкетъ» въ день имянинъ губернатора, приговаривая: «да-съ, оно выходитъ, потѣшимся; пусть же весь городъ знаетъ, какъ душевно жертвуетъ купецъ третьей гильдіи Егоръ Лодочкинъ.» Вторая сердится на мужа за мотовство и за то, что онъ дѣлаетъ *люминацію* для губернатора, котораго и въ городѣ-то нѣтъ. «Глупая ты баба» возражаетъ супругъ ея: «да знаешь ли ты, что на меня всѣ съ почтеніемъ будутъ указывать: это, дескать, Егоръ Прохоровичь Лодочкинъ; а заплачу какому-нибудь сочинителю рублей десять, такъ онъ меня, пожалуй, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ распишетъ.» Чванство одного и скупость другой изображены довольно-хорошо. За дочку купца сватаются трое жениховъ; двое отстаютъ, узнавъ ея кокетство, и она выходитъ за третьяго, отставнаго капитана Тесакова. Завязка и развязка пусты... Но скажите, ради Бога, какими судьбами этотъ водвиль могъ дожить до втораго изданія?.. Истинно не понимаемъ, гдѣ скрываются охотники *читать* водвили. Намъ что-то не удавалось встрѣтить ни одного изъ нихъ...

210) Рыцарство XIX Вѣка, *современный разсказъ, съ лѣтописью нравовъ (въ родѣ были)*. 1838. *Сочиненіе* Гіероглифа. *Въ четырехъ частяхъ. Москва. Въ Универ. тип.* 1839. *Въ* 12-ю *д. л. Въ* 1-й *части* 170, *во* 2-й—206, *въ* 3-й—174, *въ* 4-й—179 *стр.*

211) Колдунъ *или приворотный корень. Быль XIX вѣка. Соч.* М. Т. *Москва. Въ тип. И. Смирнова.* 1839. *Въ* 12-ю *д. л.* 78 *стр.*

212) Дешевый Стряпчій *или обнаруженное плутовство. Соч.* М.... а Т.. с. а. *Москва. Въ тип. И. Смирнова.* 1839. *Въ* 12-ю *д. л.* 80 *стр.*

213) Дочь Разбойница *или любовникъ въ бочкѣ. Народное преданіе временъ Бориса Годунова. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Москва. Въ тип. С. Харитонова.* 1839. *Въ* 12-ю *д. л.* 89 *стр.*

Нѣтъ, гг. авторы, нѣтъ,—не поэзія тотъ разсказъ, въ которомъ читатель ломаетъ языкъ свой о пустозвонныя, ничего-невыражающія фразы; въ которомъ черты каждаго характера на-

тянуты, подобраны искусственю, какъ и слова; въ которомъ, наконецъ, содержаніе, само по себѣ пустое, еще болѣе пустѣетъ, гибнетъ въ лабиринтѣ кудреватыхъ, звучныхъ выраженій! Подобныхъ разскащиковъ, претендующихъ на поэзію, и между-тѣмъ неимѣющихъ ея ни искры, самъ г. *Гіероглифъ* изобразилъ довольно-хорошо въ лицѣ двухъ членовъ какого-то литературнаго общества, члена-прозаика и члена-стихотворца. Первый читалъ отрывки изъ своей рукописи, въ родѣ слѣдующихъ:

«На мечтѣ своей, какъ на любимомъ конѣ верхомъ, лечу я по всѣмъ ухабамъ воображенія. Крылатая фантазія моя какъ-будто сорвется съ цѣпи своей и закрутится рѣзвымъ почеркомъ подъ самыя небеса, и оттуда мигомъ, кубаремъ, подобно голубю, спустится ниже ногъ—въ нѣдра земли.»

«Другой» говоритъ г. Гіероглифъ «передѣлалъ пѣсню: *Чѣмъ тебя я огорчила?*, вставилъ въ футляръ метровъ, оперилъ риѳмами (какъ-будто она была безъ метра и безъ риѳмъ) и вышло слѣдующее стихотвореніе:

Чѣмъ тебя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой?
Или тѣмъ, что за водой
Слишкомъ рано я ходила
На колодецъ ключевой,
И качая коромысломъ
Ведра звонкія мои,
И покой и сонъ твои,
Не спросяся съ здравымъ смысломъ,
Я нарушила? . . Прости—
Мнѣ мою неосторожность,
Мнѣ была бы невозможность
Потихонечку пройдти
Мимо спальни, мимо оконъ.
Не сердися, милый мой,
Помирися, другъ, со мной!
Вотъ тебѣ въ задатокъ локонъ —
Не гнѣвись, моя душа,
И колодезной водицы,
Ты напейся изъ ковша! . . . »

Но чему посмѣешься — тому поработаешь. Не знаемъ, какъ пишетъ авторъ въ стихахъ, а въ прозѣ онъ рѣшительно подражаетъ автору приведеннаго отрывка: тотъ же тонъ, та же вычурность и та же пустота. Всѣ четыре части «Рыцарства»

можно назвать гіероглифомъ; это загадка въ родѣ сфинксовыхъ. Бьемся объ закладъ, что вы не отгадаете ни одной изъ тѣхъ, которыя мы предложимъ вамъ. Извольте думать да раздумывать. Что бы, на-примѣръ, означала *прекрасная радуга, выпивающая изъ человѣка спокойствіе?* или: *золотой сосудъ съ осокой?* Не отгадали? — разъ. А вотъ и другая задача: *бѣшеная вакханалія чувствъ, мятежный отрывокъ жизни?* Третья: *портретъ земнаго неба съ мягкимъ магнитомъ, приманивающимъ какъ вѣеръ къ колодцу наслажденія и отравы?* Четвертая...Да нѣтъ, не отгадаете: напрасный будетъ трудъ! Чтобъ не томить любопытства вашего, скажемъ вамъ, что первая загадка означаетъ *женщину*, вторая — *юность*, третья — тоже *женщину*.

Гдѣ же рыцарь XIX вѣка? Давайте его на-лицо. Этотъ рыцарь — больно признаться — не кто другой, какъ пятнадцатилѣтній мальчишка, сынъ небогатаго учителя С—кой Губерніи, *приверженца старой школы*. Онъ воспитывался у отца, *постигъ, возненавидѣлъ* строгій, сухой *классицизмъ* его и просился въ одну изъ столицъ отечества своего, замѣчая, что дома нечѣмъ наполнить *богатыя сокровищницы души съ почками золотыхъ прививокъ, оперенныхъ палящими желаніями любопытства къ новизнѣ изученія* (четвертая загадка, *означающая память и воображеніе*). Родитель, въ полномъ смыслѣ почтенный, хотѣлъ было отдать его въ гимназію... Куда! «Не хочу въ гимназію — хочу въ Москву, гдѣ буду *вчитывать звучныя выраженія домостѣдной нашей литературы и не смотря на разноголосное эхо журналистики, изберу себѣ стезю и схороню ее какъ кладъ глубоко въ тайникѣ сердечномъ»* (пятая, загадка, которую ужь и мы разгадать не въ-состояніи). Теперь дѣло становится яснымъ: рыцарь XIX вѣка есть такъ-называемый поэтъ, литературный Донъ-Кихотъ, которому не достаетъ только Дульцинеи. Явилась одна, но почему-то разошлась съ героемъ; явилась другая, Нѣмочка-дѣвочка, и — хвала небесамъ — усадила нашего шутика дома, предлагая ему въ каждый завтракъ картофель на глиняномъ блюдѣ, вмѣсто амврозіи изъ золотаго сосуда. Рѣшительно: не будь фрейлейнъ Анетхенъ, нашему рыцарю окончить бы вѣкъ свой въ «желтомъ домѣ».

— Вотъ «Колдунъ или приворотный корень» другое дѣло. Авторъ его, г-нъ М. Т., совершенно безъ претензій на перо и откровенно сознается, что онъ писать рѣшительно не умѣетъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Нужда, крайняя нужда заста-

вила его прибѣгнуть къ сочиненію. Трехмѣсячное неимѣніе должности разстроило гардеробъ г-на М. Т. ужаснымъ образомъ: «Фракъ и принадлежности къ оному изнашивались, шинель и фуражка тоже», а сапоги — нельзя безъ ужаса вспомнить — «сапоги имѣли довольно явственныя отверстія для пропуска во внутренность свою благотворнаго зефира». Какъ быть! Трудно жить безъ сапогъ на бѣломъ свѣтѣ, особенно въ Москвѣ, гдѣ, къ несчастію безсапожныхъ, вездѣ устроены мостовыя. Вслѣдствіе сего, г-нъ М. Т. и написалъ повѣстцу, въ которой описывается, какъ *одинъ* влюбился въ *одну*, какъ *другой* хотѣлъ помочь ему приворотнымъ корнемъ, да далъ *одной* что-то такое, за что его сослали въ Сибирь. Вся исторія появленія «Колдуна» изложена въ предисловіи подробно и слогомъ весьма приличнымъ человѣку, неимѣющему сапоговъ.

—Какимъ-образомъ появился «Дешевый стряпчій», того же г-на М. Т., не разсказывается. Вѣроятно, нужно было починить что-нибудь..

«Дочь Разбойница» — сочиненіе *извѣстнаго* г-на Ѳедота Кузмичева, есть пошлый разсказъ происшествія, описаннаго когда-то въ «Телескопѣ», «Денницѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ» и пр., какъ дочь одного купца приняла къ себѣ любовника, какъ этотъ любовникъ задохся подъ периной и брошенъ въ воду дворникомъ; какъ дворникъ сталъ умничать надъ купеческой дочкой, какъ она зажгла кабакъ, и проч., и проч. Это событіе дало сюжетъ какому-то французскому поставщику мелодрамъ написать *Пебло* или *Венеціанскій Садовникъ*. Но часто что на сценѣ смотрится съ удовольствіемъ, то въ книгѣ читается съ неудовольствіемъ, особенно, когда такой «сочинитель», каковъ г-нъ Ѳедотъ Кузмичевъ, приложитъ къ ней печать своего высокаго таланта.

214) Введеніе къ Изученію Ботаники, *или начальный курсъ этой науки, содержащій органографію, физіологію, методологію, географію растеній, обозрѣніе растеній ископаемыхъ, ботаники врачебной и исторіи ботаники. Сочиненіе профессора Женевской Академіи,* Альфонса Декандоля. *Пер. съ французскаго. Издалъ съ собственными замѣчаніями, Докторъ Медицины и Философіи, О. Профессоръ Ботаники* И. Шиховскій. *Томъ первый.* Изданіе второе. *Москва. Въ Университ. тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л. XXIII и* 541 *стр. съ рисунками.*

215) **Пробирное искусство,** *содержащее въ себѣ правила къ химическому испытанію металлическихъ издѣлій и къ узнанію настоящей ихъ пробы, съ описаніемъ всѣхъ инструментовъ и операцій, при этомъ случаѣ употребленныхъ. Сочиненіе* А. Ф. Лебедева. *Москва. Въ тип. В. Кирилова.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 65 *стр.*

Наконецъ, слава Богу, взоръ нашъ, послѣ долгихъ странствій во внутренность романовъ и повѣстей, съ длинными и короткими заглавіями, успокоивается на отрадномъ явленіи — на трудѣ ученаго, не только *извѣстнаго*, но и *знаменитаго*. Сюда любимцы знанія, будущая надежда наукъ! Сюда, добрые и умные юноши,— вы, которые любите сидѣть за полночь надъ писаніями фитологовъ и до разсвѣта выходить въ поле, для собранія растеній — спѣшите сюда! Вотъ книга, излагающая любимую вашу науку, ботанику, въ современномъ ея состояніи, въ окончательныхъ результатахъ, по 1839 годъ отъ Р. Х.! Читайте, размышляйте и умудряйтесь. Прочь, романы и повѣсти, подобные «Рыцарству XIX вѣка», «Дочери Разбойника» и прочимъ таковымъ же! Прочь ихъ, эти нелѣпыя созданія нелѣпаго воображенія! Или нѣтъ — зачѣмъ такая злоба? Возьмите ихъ, и между листовъ, разрѣзанныхъ, но нечитанныхъ, кладите цвѣты и травки, живыя творенія живой природы. Пусть *роскошные первенцы полей* замрутъ подъ гнетомъ тяжелаго гіероглифа—не жалѣйте ихъ. Знаніе требуетъ жертвъ, и если мы охотно несемъ ему на поклонъ здоровье наше—что значитъ ландышъ или незабудка? Оторванные отъ родимаго стебля, изсохшіе и лишенные запаха, они дадутъ жизнь новому факту, приложатъ къ древу знанія лишнюю вѣтвь. . .

Какъ нѣкоторымъ людямъ выпадаетъ на долю извѣстный родъ дѣятельности, умственной или гражданской, такъ нѣкоторыя мѣста могутъ гордиться рядомъ ученыхъ, прославившихся въ одной и той же отрасли знанія. Женевѣ должна бы собственноручно воздвигнуть памятникъ *Флора*. Тамъ жилъ ботанистъ-описатель Шабре; тамъ Боннетъ строилъ непрерывную лѣстницу твореній; тамъ Ж.-Ж. Руссо, собирая травы въ уединенныхъ полевыхъ и нагорныхъ прогулкахъ, искалъ развлеченія отъ душевныхъ огорченій, отъ придуманной имъ несправедливости ближнихъ, тамъ... Но можно ли выстроить по именамъ всю фалангу ученыхъ, прямо или косвенно занимавшихся ботаникою, отъ перваго женевскаго фитолога

до семейства Декандолей, которые, такъ-сказать, соединили въ себѣ всѣ труды предшественниковъ? «Введеніе къ изученію Ботаники» Альфонса Декандоля (сына) замѣнило теперь прежнія руководства къ сей наукѣ; даже имена Линдлея и Ришара меркнутъ предъ соединенными вензелями двухъ Декандолей. Мы недавно говорили въ своемъ журналѣ о второй части «Введенія», и тамъ же упомянули о печатаніи первой другимъ изданіемъ. Это новое изданіе теперь передъ нами, съ портретомъ А. П. Декандоля (отца) и съ рисунками. Здѣсь помѣщены органограгія (описаніе органовъ), физіологія и первая часть методолотіи. Почтенный переводчикъ, И. О. Шиховскій, которому личное знакомство и бесѣды съ авторомъ доставили возможность вѣрнѣе передать смыслъ подлинника, не желая увеличивать объемъ книги, ограничился только прибавленіемъ латинскихъ техническихъ названій и собственныхъ замѣчаній карпологическихъ. Какъ прежде благодарили, такъ и теперь благодаримъ его усердно за полезный, очень-полезный трудъ.

Въ «Пробирномъ Искусствѣ» кратко и ясно изложены химическія пробы металлическихъ издѣлій. Жаль только, что авторъ не счелъ нужнымъ приложить рисунки инструментовъ, безъ чего невсегда у него легко понять ходъ дѣла.

216) Лексиконъ чистой и прикладной Математики, *составленный Императорской Академіи Наукъ экстраординарнымъ академикомъ и докторомъ наукъ Парижской Академіи,* В. Я. Буняковскимъ. *Томъ* 1. *А—Д. С.-П. бургъ. Въ тип. Академіи Наукъ.* 1839. *Въ* 4-*ю д. л.* 462 *стр. и* 8 *чертежей.*

Въ первой книжкѣ нашего журнала мы высказали свое мнѣніе о первыхъ листахъ «Лексикона» г. Буняковскаго; теперь мы еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ извѣщаемъ публику о выходѣ въ свѣтъ всей первой части этой превосходной книги. По естественному ходу вещей, заимствуя наши свѣдѣнія, особенно въ наукахъ точныхъ, отъ Западной Европы, мы привыкли при разборѣ книгъ, выходящихъ у насъ по этой отрасли литературы, сравнивать ихъ съ сочиненіями европейскими. Надобно сказать правду, что въ этомъ отношеніи «Лексиконъ» г. Буняковскаго представляетъ едва-ли не первое пріятное для насъ явленіе: онъ выше всѣхъ своихъ европейскихъ собратій. Мы не говоримъ ужс о устарѣвшихъ лексиконахъ, которые въ свое время имѣли свои достоинства, но теперь, при быстромъ

ходѣ наукъ математическихъ, они и потому уже долженствовали уступить новому лексикону, что составитель его, кромѣ нихъ, имѣлъ предъ собою все введенное въ науку послѣ выхода ихъ въ свѣтъ и въ-добавокъ ко всему этому—совѣты г. Остроградскаго, одного изъ современныхъ намъ сподвижниковъ въ великомъ дѣлѣ движенія науки. Но вотъ почти въ одно время съ «Лексикономъ» г. Буняковскаго, именно въ 1836 году, вышелъ подобный же словарь французскій: Dictionnaire des sciences mathématiques pures et appliquées, par une société d'anciens élèves de l'école polytechnique, sous la direction de A. S. de Montferrier»—и что же? не говоримъ уже о его чрезвычайной неполнотѣ и о тѣхъ странностяхъ, какія онъ вводитъ, ссылаясь на авторитетъ книги Вронскаго» «Sur la Philosophie de l'infini», въ понятіяхъ самыхъ обыкновенныхъ, общеупотребительныхъ и необходимыхъ для каждаго, по-крайней-мѣрѣ для каждаго имѣющаго нужду въ математическомъ лексиконѣ, —онъ такъ невѣренъ, неопредѣлителенъ и неясенъ въ изложеніи, что мы унизили бы достоинство разсматриваемаго нами «Лексикона» г. Буняковскаго, если бъ вздумали сравнивать его съ монферрьеровымъ.

Удивительная ясность въ изложеніи, примѣромъ которой могутъ служить статьи: Алгебра, Непрерывная дробь, Способъ каскадъ, Исчисленіе конечныхъ разностей, Дифференціальное Исчисленіе, и многія другія, или, лучше сказать, всѣ статьи «Лексикона», гдѣ авторъ не входитъ въ чисто-спеціальныя разысканія и слѣдовательно въ языкъ чисто-техническій, современность понятій,—этого мало, мы должны сказать болѣе,—движеніе понятій, потому-что во многихъ мѣстахъ, какъ напр. въ словѣ «Алгебра», онъ вводитъ какъ принятое въ науку, то, чего еще мы не встрѣчали въ кодексахъ ея, то-есть въ учебныхъ книгахъ, а видѣли только разсѣяннымъ по мемуарамъ и разнымъ ученымъ сочиненіямъ, которыя ни по спеціальному своему направленію, ни по матеріальнымъ средствамъ занимающихся наукою, не могутъ быть общимъ достояніемъ:—все это ставитъ русскій математическій лексиконъ на степень лучшихъ современныхъ европейскихъ произведеній.

Достоинство «Лексикона» г. Буняковскаго и превосходство его предъ всѣми этого рода сочиненіями заставляетъ насъ невольно сожалѣть, что по литературному направленію нашего журнала, мы должны, избѣгая техническихъ терминовъ, доволь-

ствоваться однимъ общимъ взглядомъ на его совершенства. Въ примѣръ превосходнаго изложенія, точности изъясненій и способа, какимъ г. Буняковскій знакомитъ насъ съ наукою въ ея постепенномъ развитіи, мы сошлемся здѣсь на статью: *Права Ньютона и Лейбница на открытіе дифференціальнаго исчисленія,* взятую нами изъ «Лексикона» (стр. 389) и напечатанную въ нашемъ журналѣ, въ книжкѣ за февраль, въ отдѣленіи «Смѣси» (стр. 23).

Въ-заключеніе всего, мы должны были бы сказать, что «Лексиконъ» г. Буняковскаго есть nec plus ultra всѣхъ лексиконовъ, если бъ самыя достоинства его не вызывали тѣхъ требованій, какихъ мы не имѣли бы права объявлять въ другомъ случаѣ. Въ такихъ статьяхъ, какъ на-примѣръ, Дифференціальное Исчисленіе, кромѣ ясности изложенія, намъ бы хотѣлось, чтобъ авторъ ея показалъ мѣсто этой отрасли математики въ связи наукъ математическихъ; иногда мы охотно готовы были бы пожертвовать мелкими подробностями, какія встрѣчаемъ напримѣръ, въ статьѣ «Arithmetique amusante, Увеселительная, гадательная Ариѳметика», чтобъ вознаградить этою жертвою недостатокъ другихъ, напр. «Каталогъ». Мы не упоминаемъ здѣсь о недостаткахъ, замѣченныхъ нами прежде, въ первой книжкѣ нашего журнала; противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя мы и нашли легкое защищеніе «Лексикона» въ предисловіи къ нему, впрочемъ защищеніе весьма неудовлетворительное. Но еще разъ повторимъ,—самые недостатки эти могли мы замѣтить только потому, что своими достоинствами «Лексиконъ» заставляетъ насъ думать, что мы могли бы найдти въ немъ не только лучшее, но и совершеннѣйшее, то-есть безусловно-совершенное произведеніе.

217) Курсъ Геогнозіи, *составленный Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковникомъ, Санктпетербургскаго Университета профессоромъ* Д. Соколовымъ. *С.-П. бургъ. Въ тип.* *Праца.* 1839. *Три части. Въ 8-ю д. л. Въ* 1-*й* 292, *во* 2-*й* 496, *въ* 3-*й* 320 *стр.*

Ни по какой отрасли человѣческихъ знаній, исключая развѣ нѣкоторыя спеціальныя части наукъ медицинскихъ, наша литература не была такъ бѣдна, какъ по геогнозіи, и едва ли когда-либо имѣли мы въ ней такую нужду, какъ теперь. Съ недавняго времени Саянскій и Алтайскій Хребты доставили новую отрасль промышлености; правительство позволило каж-

дому отъискивать источники богатства въ Юговосточной Сибири, и заступы Сибиряковъ взрыли, или, по-крайней-мѣрѣ, начали взрывать берега всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ. Какъ часто безъ знанія геогнозіи эти люди, дѣлающіе и знающіе дѣло только по одному навыку, по-напрасну бьются надъ трудною работою снятія пластовъ земли тамъ, гдѣ наука дала бы имъ вѣрнаго руководителя и избавила бы ихъ отъ труда съ перваго взгляда! Имѣй наши предпріимчивые искатели богатствъ болѣе свѣдѣній въ геогнозіи — можетъ-быть, система бирюсинскихъ водъ давно бы принесла намъ груду золота, и они были бы избавлены отъ тѣхъ безпрестанныхъ споровъ, какіе должны быть непремѣннымъ слѣдствіемъ одной частной практики, всегда подкупной и недающей никакихъ дальнѣйшихъ указаній.

Быстрое распространеніе путей сообщенія, какъ сухопутныхъ, такъ и водяныхъ, требуетъ немного-менѣе знанія горнаго дѣла, пособія другой науки — землезнанія. Здѣсь, какъ и во всякомъ практическомъ дѣлѣ, дешевизна есть одно изъ важнѣйшихъ условій, — а что̀ болѣе можетъ способствовать дишевизнѣ, какъ не знаніе, гдѣ удобнѣе прорыть каналъ или просѣчь дорогу, и гдѣ легче достать часто необходимый при этомъ камень?

Повѣрятъ ли наши сельскіе хозяева, если мы станемъ увѣрять ихъ, что и имъ не худо бы подъ-часъ запастись геогностическими свѣдѣніями, особенно въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ недостатокъ лѣса требуетъ или турфа или каменнаго угля, а недостатокъ камня заставляетъ отъискивать слои хорошей глины, недостатокъ желѣза проситъ матеріаловъ для черепицы? Но здѣсь геогнозія, какъ и всѣ науки, разводимыя на довольно-худо-обработанной почвѣ нашей отечественной литературы, встрѣтитъ и должна встрѣтить сильнаго врага въ застарѣвшей лѣни. Къ-чему намъ отъискивать все это? отцы и дѣды наши жили и жили хорошо безъ всѣхъ вашихъ геогнозій, а жили богаче нашего! Отвѣтъ совершенно-справедливый, еслибы время, первый врагъ всякой неподвижности, не увлекло наши нужды и потребности далеко впередъ отъ нуждъ и потребностей нашихъ прадѣдовъ. Мы не замѣчаемъ, какъ всѣ формы нашего матеріальнаго существованія измѣняются ежедневно и ежечасно, и остаемся въ полномъ убѣжденіи, что, не смотря на это измѣненіе, правственный и умственный бытъ нашъ можетъ пребывать однимъ и тѣмъ же. До-сихъ-поръ еще многія науки, если не большая часть ихъ,

составляютъ прикрасу нашей общественной жизни, заморскую рѣдкость и что-то похожее на павлиньи перья, родъ какого-то форменнаго платья, надѣваемаго тогда, когда намъ надобно бываетъ одѣться прилично времени. Правда, оно тяготитъ насъ, но что̀ дѣлать? форма! За то съ какимъ наслажденіемъ сбрасываемъ мы эту тяжелую ношу, когда вступаемъ въ предѣлы нашего домашняго быта! Къ числу этихъ форменныхъ наукъ принадлежитъ и геогнозія. Но, обвиняя нашу умственную лѣнь, нельзя иногда не обвинить и людей, принимающихъ на себя трудъ быть нашими учителями. Догматическій ихъ методъ, диктаторскій тонъ въ наукѣ, въ той области, гдѣ всякое велѣніе есть первый врагъ развитія, ихъ варварскій языкъ, все соединяется, чтобъ устрашить ученика и безъ того робкаго, и безъ того неслишкомъ-расположеннаго учиться.

Сколько можемъ мы судить по поверхностному взгляду на «Геогнозію» г. Соколова, она избавлена отъ всѣхъ этихъ недостатковъ. Краткость времени не позволяетъ намъ дать довольно-подробный отчетъ объ этомъ сочиненіи, только-что вышедшемъ изъ-подъ типографскихъ станковъ, тѣмъ болѣе, что въ-отношеніи къ книгѣ, которая съ перваго взгляда предупредила насъ въ свою пользу своимъ прекраснымъ изложеніемъ, и которая составляетъ важное явленіе въ нашей литературѣ наукъ положительныхъ, какъ по труду, какого она требовала отъ автора, такъ и по старшинству въ русскомъ геогностическомъ мірѣ,—въ-отношеніи къ такой книгѣ сужденіе, составленное à priori, мы считаемъ преступленіемъ. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала, въ отдѣлѣ «Критики», мы постараемся полнѣе разобрать ее; теперь будемъ довольствоваться указаніемъ на ея содержаніе.

Въ первой части заключается общее разсмотрѣніе земли, ея вида, плотности, внутреняго состава; мнѣнія о первобытномъ ея состояніи, раздѣленіе суши и водъ, и потомъ разсмотрѣніе моря и водъ вообще. Послѣ подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ водъ земнаго шара и ихъ дѣйствій, слѣдуютъ вулканы, причины ихъ, дѣйствія и слѣдствія. Вторая часть занимается описаніемъ горныхъ породъ, измѣненіями земной поверхности, законами пластованія осадочныхъ породъ, формаціями, ихъ взаимнымъ отношеніемъ, происхожденіемъ и потомъ описаніями различныхъ почвъ (разумѣется, почвъ въ геогностическомъ отношеніи). Въ третьей части помѣщены огненныя породы, мѣсто-

рожденія металловъ и поднятіе горныхъ кряжей, пластовъ и береговъ морскихъ и озерныхъ.

Вездѣ, гдѣ только встрѣчается надобность пояснить примѣромъ, авторъ старается брать и образцы породъ и примѣры различныхъ случаевъ въ Россіи; этимъ онъ, сколько можно, знакомитъ насъ съ геогностическою почвою нашего отечества и доставляетъ случай внутри его, по приводимымъ имъ образцамъ, познакомиться съ геогнозіею.

Но въ ожиданіи того, когда мы представимъ полный разборъ этого сочиненія, здѣсь сдѣлаемъ изъ него небольшую выписку, чтобъ дать читателямъ возможность судить о матеріальной сторонѣ книги г. Соколова, то-есть о языкѣ и о системѣ изложенія. Для этого возьмемъ начало одной общезанимательной статьи *о подземныхъ пожарахъ* (Ч. I. стр. 256):

«Пласты каменнаго угля нерѣдко приходятъ въ самовозгорѣніе, и горятъ вообще очень-долгое время; а иногда эти подземные пожары продолжаются цѣлыя столѣтія, что иначе и быть не можетъ, по причинѣ плотности горючихъ веществъ въ ихъ естественномъ состояніи и малаго доступа въ ихъ внутренность атмосферическаго воздуха. По-этому горѣніе такое должно справедливѣе назвать *калѣніемъ*. Огонь этотъ никакими особыми явленіями не обнаруживаетъ себя на земной поверхности; развѣ одно тихое отдѣленіе газовъ и образованіе соляныхъ возгоновъ бываетъ его слѣдствіемъ. Но знаки его дѣйствія примѣчаются на земныхъ пластахъ: песчаникъ и глина, составляющіе обыкновенно вмѣстилище каменнаго угля и лигнита, горѣніемъ этихъ веществъ бываютъ обосжены или сплавлены, что всего удобнѣе можно примѣтить въ глинѣ, которая обращается отъ этого въ *сжженую глину, фарфоровую яшму* и *земляной сокъ*. Вскрытіе каменноугольныхъ и лигнитовыхъ пластовъ ихъ разработкою, доставляя атмосферному воздуху свободный доступъ въ ихъ внутренность, должно, безъ-сомнѣнія, способствовать ихъ горѣнію; однако нельзя приписывать этой причинѣ первоначальное возгорѣніе ихъ. Никогда не случалось еще, чтобы каменноугольные пласты, безъ предварительнаго приготовленія къ тому, загорались въ самыхъ копяхъ, а напротивъ того, всегда эти пожары бывали нечаянно встрѣчаемы работами, предвозвѣщая приближеніе къ себѣ еще издали посредствомъ чадовъ, распространяемыхъ ими по выработкамъ, какъ случалось между прочимъ и въ нашихъ луганскихъ каменно-

угольныхъ копяхъ (въ Екатеринославской Губерніи), гдѣ подземный пожаръ потушенъ пущенною въ копи водою. Были и такіе случаи, что разработкою каменнаго угля открывали въ немъ мѣста, горѣвшія въ неизвѣстное время и встрѣченныя уже потухшими, о чемъ (?) легко можно было удостовѣриться по тѣмъ перемѣнамъ, которыя произвелъ огонь, какъ въ самомъ каменномъ углѣ, такъ и въ окружающихъ его породахъ. Довольно, наконецъ, и такихъ примѣровъ, что вовсе неразработанные пласты каменнаго угля показываютъ этими признаками, что нѣкогда они горѣли. Такимъ образомъ за Байкаломъ, на лѣвомъ берегу Селенги, выше Верхнеудинска, видны на сѣверовосточномъ берегу Гуснаго Озера явные признаки бывшаго нѣкогда пожара въ находящихся тутъ пластахъ каменнаго угля: песчаникъ и сланцеватая глина, служащіе кровлею этимъ пластамъ, во многихъ мѣстахъ обосжены и даже сплавлены; огарина и земляной сокъ разсѣяны по берегамъ озера, или лежатъ цѣлыми кучами на мѣстѣ пожара. Въ каменноугольной копи *королевы Елизаветы*, въ Цабрце, въ Верхней Силезіи, сброшенное звѣно *гейницкаго* флеца, на пространствѣ 1300 футовъ въ длину, было найдено вовсе сгорѣвшимъ, и мѣсто каменнаго угля было занято углистыми земляными соками; а сланцеватая глина, составляющая кровлю этого флеца, была найдена въ этомъ мѣстѣ обосженою. Флецъ этотъ выходитъ сброшеннымъ звѣномъ своимъ на дневную поверхность, и покрытъ въ этомъ мѣстѣ однимъ рухлымъ пескомъ; слѣдовательно, атмосферный воздухъ могъ имѣть участіе въ началѣ и продолженіи этого пожара. Но другой флецъ этой самой системы (въ новой гедвиговой копи) у Шорзова, не смотря на то, что лежитъ въ 80 или 100 футахъ глубины и покрытъ многими пластами твердаго песчаника и сланцеватой глины, былъ найденъ также сгорѣвшимъ. Все ведетъ къ заключенію, что свободный доступъ атмосфернаго воздуха не составляетъ необходимаго условія къ началу подземныхъ пожаровъ.»

При бѣгломъ чтеніи скрадываются недостатки и незамѣтна неполнота; но что̀ бросается въ глаза въ книгѣ г. Соколова, это совершенный пропускъ литературы науки. Во всякой учебной книгѣ это необходимо. Учебный курсъ, да и всякая вообще книга, никогда не можетъ до того развить всѣ части науки, чтобъ послѣ нея не оставалось прочесть ничего, а мы еще до-сихъ-поръ не привыкли въ на-

нихъ книгахъ указывать на тѣ сочиненія, гдѣ различныя части разбираемаго нами предмета отдѣланы полнѣе и подробнѣе нашего. Впрочемъ объ этомъ мы будемъ говорить, давая подробный отчетъ о «Курсѣ Геогнозіи».

218) Химія для всѣхъ Сословій, *примѣненная къ ремесламъ и искусствамъ, сообразно понятіямъ всякаго, незнакомаго съ ея основаніями, и содержащая въ себѣ руководство къ устроенію небольшой и недорогой лабораторіи, въ которой, однакожъ, желающій заниматься этою наукою можетъ производить всѣ извѣстные доселѣ химическіе опыты. Сочиненіе Профессора Химіи* Демаре. *Часть* 1. *Москва. Въ тип. Лазар. Института Восточн. Языковъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 124 *стр.*

Ужь сколько разъ твердили міру,

что только тотъ переводъ полезенъ, который чистымъ, правильнымъ языкомъ передаетъ истинное значеніе подлинника; что переводъ *смысла* и *бумаги* не есть еще *переводъ;* и что тѣмъ молодымъ или старымъ людямъ, которые берутся за химію, нужно, кромѣ «Французско - Русскаго Словаря» Татищева, запастись знаніемъ самого предмета . . . .

Но все не въ-прокъ.

И «Химія для всѣхъ Сословій», сочиненіе г. Демаре, представляетъ печатное доказательство той истины, что плохой переводчикъ всегда отъищетъ уголокъ въ книжной лавкѣ.

Посмотрите, какое варварски - пустое слово бросается въ глаза на 1-й страницѣ: «Страсть творить системы завлекала его (человѣка) въ ложный путь до-тѣхъ-поръ, пока Баконъ не *ознаменовалъ* столь гибельнаго предразсудка»!?.

На 4-й стр. появились какіе-то *отбыльщики* (вѣроятно, былильщики), а на 7-й небывалый ученый *Роемеръ.*

На стр. 14: «Всякое тѣло свѣтится или отдѣляетъ теплородъ во *всякомъ смыслѣ*» (?!). Это значитъ dans tous les sens.

На стр. 19: «*Разширимость* тѣлъ». Въ первой разъ мы слышимъ такой терминъ, весьма-неудачно замѣняющій *расширяемость* и заставляющій насъ, вмѣсто *сжимаемости,* писать *сжатость,* что еще неудачнѣе.

На стр. 21: «Наполняютъ ртутью этотъ шарикъ (въ термометрѣ) и часть трубки, нагрѣваютъ ртуть такимъ образомъ,

чтобъ выгнать изъ трубки весь воздухъ и *запечатываютъ открытую оконечность на лампѣ*». (!)

На стр. 81: «Уголь отнимаетъ цвѣтъ, *захватывая* красящее вещество, *по подобію скважистыхъ тѣлъ*» (?!). И такъ далѣе, и такъ далѣе. . .

Да будутъ азотъ и водородъ вашими судьями, господинъ неизвѣстный переводчикъ! Что̀ вы сдѣлали изъ «Химіи» почтеннаго профессора Демарѐ—«Химіи», весьма порядочной, ясно и кратко написанной, въ которой изложенъ даже краткій обзоръ физики? Не льзя ли, по-крайней-мѣрѣ, вторую часть отдать кому-нибудь на разсмотрѣніе . . . хоть, напримѣръ, студенту 1-го курса? Много бъ одолжили.

219) Духъ Законовъ, *твореніе знаменитаго французскаго писателя* Де-Монтескю, *въ трехъ частяхъ*. *Переводъ* Е. Карнеева. *С.-П. бургъ. Въ тип. Н. Греча.* 1839. *Въ 8-ю д. л. Въ I-й—VIII, VIII,* 363; *во II-й*—376, *IX; въ III-й*—384 *и VIII стр.*

Вѣроятно каждому изъ нашихъ читателей болѣе или менѣе знакомо громкое имя *Шарля де-Секондата, барона Монтескьё;* вѣрно каждый изъ нихъ имѣетъ понятіе о его «Esprit des lois», если и нé читалъ его въ переводѣ г-на Языкова («О существѣ законовъ», 1809—1814), или даже въ переводѣ г. Крамоpенкова («О Разумѣ Законовъ», 1775 — 1801); имя и основныя идеи Монтескьё такъ часто и такъ недавно еще повторялись, такъ много говорилось и говорится о нихъ и съ каѳедръ и въ сочиненіяхъ историко-политическихъ, что, казалось бы, почти-совѣстно распространяться о достоинствѣ этого писателя въ разборѣ журнальномъ: нечего, казалось бы, и сказать о немъ новаго. Но вотъ новость, которая можетъ подать поводъ къ размышленію: переводчикъ «Духа Законовъ» въ 1839 году почелъ неприличнымъ издавать книгу Монтескьё безъ собственныхъ *примѣчаній*,—между-тѣмъ, какъ переводчикъ того же самого сочиненія въ 1814-мъ году передалъ его, какъ оно есть,—и видно это не показалось тогда страннымъ, потому-что книга была вся раскуплена. Такое различіе между формою изданія обоихъ переводовъ невольно приводитъ къ утѣшительной мысли о томъ, какъ измѣнились къ лучшему наши понятія о государствѣ, о бытѣ общественномъ и условіяхъ его, какъ далеко ушли мы отъ той слѣпой вѣры въ иностранную (по-большей-части французскую) теорію, которая владѣла еще недав-

нимъ поколѣнiемъ; какую своеобразность начали получать наши идеи объ общественномъ образованiи. Не странно ли, въ самомъ-дѣлѣ, теперь, когда истинныя понятiя о народности, о самодержавiи и особномъ порядкѣ общественномъ, начинаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выясняться въ умахъ нашихъ,—не странно ли, говорю, теперь читать, что «такъ-какъ всѣ люди равны по природѣ, то всякiй государственный союзъ есть дѣйствiе *свободной воли* людей, соединившихся между собою *для-того, чтобъ быть счастливѣе*»,—тогда, какъ мы убѣждены, что первоначальное гражданское общество составилось вовсе не по какому-то предназначенному плану, или основалось на какомъ-то contract social, а проистекло самымъ естественнымъ образомъ изъ семейственнаго состоянiя, въ которомъ необходимо всякiй человѣкъ долженъ былъ существовать и существуетъ? А эта фраза—основная мысль всего сочиненiя Монтескьё...И посмотрите, куда привелъ его и его послѣдователей этотъ исходный пунктъ. Счастiе общественное, по мнѣнiю Монтескьё, состоитъ въ томъ, чтобъ всякiй наслаждался по-возможности самою высшею безопасностiю, ни мало не стѣсняя личной своей свободы; слѣдовательно, по его мнѣнiю, каждый гражданинъ долженъ себя поставить *въ невозможность вредить* другому! Отъ этой темы автору оставался только одинъ шагъ до другой мысли, которая прямо выходитъ изъ его основной идеи, — къ мысли, что всякая превозмогающая власть, уничтожаетъ понятiе о свободѣ. Напрасно кто-нибудь сталъ бы напоминать автору о томъ, что неограниченный глава народа есть представитель естественной неограниченной власти отца семейства, что онъ, по самой неограниченности своего права, не имѣетъ никакой надобности быть неправосуднымъ, ибо ему не съ кѣмъ состязаться, не съ кѣмъ спорить: онъ выше всѣхъ мелкихъ общественныхъ отношенiй; что, напротивъ, эта власть самая благодѣтельная для общества, самая сообразная съ понятiемъ христiанскаго милосердiя; что она имѣетъ всю нравственную выгоду благотворительствовать и никакой выгоды дѣлать зло, ибо, опять-таки, ей не съ кѣмъ бороться: все ниже ея;—что эта власть примиряющая, сдружающая, благотворящая — есть единственная нравственная власть, способная водворить спокойствiе въ обществѣ и упрочить его безопасность и частiе,—всѣ эти соображенiя не были бы приняты авторомъ «Духа Законовъ»: увлеченный направленiемъ вѣка, котораго потомъ самъ сдѣлался двигателемъ,

онъ рѣшился, на-перекоръ всему, возстать противъ монархическаго образа правленія, существовавшаго тогда во Франціи и въ большей части европейскихъ государствъ, и смѣло отъ основнаго понятія своего о государствѣ перешелъ къ мысли, что неограниченный монархизмъ противорѣчитъ понятію объ общественномъ благосостояніи! И чѣмъ же замѣнилъ онъ этотъ монархизмъ, который такъ усердно силился низпровергнуть? Утопіею, мечтательнымъ образомъ правленія, который отчасти старался найдти въ Англіи, отчасти въ древнихъ республикахъ, и—надо признаться—бралъ свои доказательства изъ древности съ непостижимою дерзостію, съ самою явною натяжкою. Вотъ эта теорія: власть должна быть такъ устроена, чтобъ одна отрасль ея ограничивала другую, ибо гражданинъ, по его мнѣнію, безопасенъ только тогда, когда *ни одна власть не имѣетъ перевѣса надъ другою*. . . Казалось бы, что ближе къ этому правилу мысли о необходимости неограниченнаго монархизма, въ которомъ именно и соединены всѣ власти безъ перевѣса одной надъ другою? Нѣтъ, авторъ развиваетъ эту мысль по-своему и говоритъ, что въ благоустроенномъ государствѣ должны быть *три* власти: 1) законодательная, которая предписываетъ гражданамъ, что они должны дѣлать и чего удаляться, 2) судебная, которая примѣняетъ сіи законы къ дѣлу, и 3) исполнительная, которая приводитъ въ исполненіе постановленія законодательной и приговоры судебной. Эти три власти должны ограничивать одна другую (начало вѣчнаго противоборства, волненія и разрушенія); а дабы лучше удержать ихъ въ равновѣсіи, исполнительная (т. е. королевская) власть имѣетъ право уничтожать законы. На семъ основаніи, между народомъ и престоломъ, должно принимать участіе въ законодательствѣ наслѣдственное дворянство. Между-тѣмъ, какъ бы эти три власти ни ограничивали одна другую, но народъ, по предначертанію Монтескьё, очевидно долженъ имѣть перевѣсъ, ибо отъ него одного зависитъ согласиться или не соглашаться на пособія государству; а такъ-какъ государство не можетъ существовать безъ денегъ, то, само собою разумѣется, вся власть находится въ рукахъ средняго сословія—того, которое даетъ или отказываетъ въ деньгахъ, т. е. въ рукахъ народа. . . Вотъ, наконецъ, куда привелъ Монтескьё свою утопію: республика, невозможная въ христіанскомъ мірѣ,—идеалъ его; и напрасно онъ приводитъ въ образецъ своей теоріи Англію: онъ безпрестанно у-

клоняетеся отъ этого образца. Прочтите все его твореніе: увидите, онъ вездѣ старается повторять, что *добродѣтель* (virtus) есть основаніе счастія общественнаго, и что эта добродѣтель существуетъ только въ республикѣ; напротивъ того, основаніемъ монархіи *служитъ*, по его мнѣнію, *честь*, и эту честь онъ вездѣ силится представить въ видѣ пустаго, глупаго предразсудка. Выводъ ясенъ. . .

Такимъ-образомъ, все твореніе Монтескьё, весь его знаменитый «Духъ Законовъ» есть не что иное, какъ искусно-сплетенный и подкрѣпленный массою громадной учености панегирикъ республиканизму, старой формѣ общественнаго существованія, кончившейся съ языческимъ міромъ и явившейся не на-долго какимъ-то уродливымъ анахронизмомъ въ новѣйшее время. Слѣдственно — можемъ сказать теперь безъ малѣйшаго опасенія — основаніемъ «Духу Законовъ» служитъ *нелѣпость*, мысль, которая никогда уже осуществиться не можетъ, подобно другой великой нелѣпости, на которой основано неменѣе-великое твореніе Гиббона. Но эта основная нелѣпость въ книгѣ Монтескьё была блестящій парадоксъ ума великаго, она выразилась въ его твореніи со всею энергіею вполнѣ-развившейся, сознавшей себя мысли, со всею силою краснорѣчія рѣзкаго, поражающаго, со всѣмъ умѣньемъ Француза выказать блистательную сторону своего парадокса и прикрыть одною фразою темныя его стороны; обставлена была самыми свѣтлыми, часто вѣрными, изъ самаго опыта жизни и указаній исторіи извлеченными выводами, озарена самыми ослѣпительными фразами о свободѣ и равенствѣ, облечена во всеоружіе знанія;—слѣдственно, какъ было ей не увлечь за собою умы XVIII-го вѣка,—вѣка легкомысленныхъ преобразованій, грознаго разрушенія и безотчетнаго стремленія къ новому,—вѣка, въ которомъ слова «свобода», «равенство» произносились безъ разумѣнія внутренняго значенія ихъ, съ восторгомъ,—въ которомъ «республика» была на устахъ каждаго политическаго дѣйствователя Франціи и не мѣшала ему, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, становиться отчаяннымъ деспотомъ? Да, Монтескьё былъ истинное чадо XVIII-го вѣка, выразившее въ своемъ твореніи то, что смутно, неясно было въ душахъ его современниковъ: вѣкъ создалъ его — онъ высказалъ вѣку задушевную его тайну и указалъ цѣль. Съ-начала, при появленіи «Духа Законовъ», посыпались-было на автора злыя кри-

тики, осужденія, пасквили; но скоро на книгу его написалъ подробную рецензію Даламберъ—и она сдѣлалась любимымъ чтеніемъ, кодексомъ для того поколѣнія, которое готовилось на разрушеніе стараго порядка вещей; слава Монтескьё упрочилась. Онъ угадалъ направленіе вѣка; одаренный сильною мыслію, богатый обширными знаніями, онъ расточилъ все богатство своей учености, истощилъ всѣ силы великаго ума своего на обсужденіе предмета, занимавшаго всѣхъ, и сдѣлался пророкомъ для своихъ современниковъ. Въ самой даже цѣли его — подвести всѣ государства подъ одинъ уровень, подъ одну форму жизни, безъ всякаго отношенія къ особностямъ каждаго народа, зависящимъ и отъ природнаго характера его, и отъ его исторіи,—въ самой этой цѣли какъ виденъ XVIII-й вѣкъ, когда самъ великолѣпный Вольтеръ боялся брать для своихъ трагедій сюжеты не изъ римской или греческой исторіи и едва осмѣлился вывесть на сцену Мухаммеда; когда Шекспиръ считался еще «пьянымъ дикаремъ», и изгонялся изъ пантеона поэтовъ! .. Монтескьё, Руссо, Дидро, Даламберъ, Гельвецій, Гиббонъ, Вольтеръ—вотъ лучшіе представители XVIII-го вѣка во всѣхъ отношеніяхъ; творенія ихъ — лучшій матеріалъ, не зная котораго, вы никогда не узнаете этого страннаго, смѣшнаго и вмѣстѣ ужаснаго, кроваваго вѣка; человѣчество въ горнилѣ мучительнаго опыта вылило себѣ очищенныя, свѣтлыя идеи мира, порядка, спокойствія общественнаго, которыя уже повсюду одерживаютъ верхъ надъ остатками революціонныхъ мечтаній, перешедшими въ наслѣдіе отъ предковъ, и которыя нынѣ начинаютъ мало-по-малу водворяться даже въ самомъ отечествѣ Монтескьё.

Какъ одно изъ лучшихъ свидѣтельствъ того, что̀ такое было XVIII-е столѣтіе со стороны своихъ политическихъ теорій; какъ одинъ изъ самыхъ живыхъ матеріаловъ для полнаго понятія о характерѣ этой важной, можно сказать, всемірной эпохи; какъ совершеннѣйшее выраженіе сокровенной политической идеи вѣка, развитой умомъ необыкновеннымъ, со всею тонкостію, основательностію и искусствомъ,—твореніе Монтескьё останется навсегда драгоцѣнною книгою. Теперь скоро минетъ столѣтіе послѣ перваго изданія «Духа Законовъ»; идеи, которыя тогда такъ волновали умы, въ наши дни воплотившіяся на-время въ дѣйствительности и представившія ужасные результаты свои на опытѣ, уже не могутъ привести въ волненіе

даже самыя горячія головы; современное достоинство книги Монтескьё исчезло, но она сохранила въ себѣ всю важность достоинства историческаго. И немного найдется такихъ книгъ, которыя столь необходимо было бы усвоивать каждой образованной литературѣ, какъ книга Монтескьё. Опытный, тонкій, глубокій умъ, множество вѣрныхъ, остроумныхъ замѣтокъ, изученіе серьёзное, классическое проглядываютъ на каждой страницѣ этого важнаго творенія, хотя и носящаго на себѣ всѣ признаки обыкновеннаго французскаго легкомыслія. Читать подобныя произведенія всегда и пріятно и поучительно, особенно когда, на всякій случай, это чтеніе будетъ сопровождаемо умными замѣчаніями издателя или переводчика. И, безъ сомнѣнія, если ужь переводить съ французскаго книги, важныя по своему предмету, то лучше переводить авторовъ прежняго періода французской литературы, нежели нынѣшняго, который сохранилъ только недостатки политическихъ писателей XVIII-го вѣка, не усвоивъ себѣ ихъ достоинствъ.

Вотъ почему мы съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ новый переводъ сочиненія Монтескьё, сдѣланный г. Карнеевымъ. Прежніе переводы «Духа Законовъ» устарѣли, и притомъ сдѣлались рѣдки. Новый переводъ его на языкъ правильный и легкій, безъ всякаго сомнѣнія, должно считать значительнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы, а примѣчанія, коими переводчикъ снабдилъ эту книгу, могутъ служить благотворными фаросами, указывающими всѣ мели и подводные камни, которые могли бы быть такъ гибельны юношамъ, пускающимся, по указанію Монтескьё, въ океанъ политическихъ размышленій. Эти примѣчанія разсѣяны почти по всѣмъ страницамъ книги. Въ нихъ часто встрѣтите вы неопровержимыя опроверженія основныхъ идей автора, и подобныхъ примѣчаній такъ много, что изъ нихъ могъ бы составиться препорядочный томъ, которому, безъ зазрѣнія совѣсти, можно было бы дать заглавіемъ «Опроверженіе основныхъ положеній Духа Законовъ, сочиненія Монтескьё» и проч. — Нельзя при семъ не замѣтить, что величайшую услугу оказали бы русской литературѣ тѣ просвѣщенные переводчики, которые, по примѣру г. Карнеева, рѣшились бы потрудиться надъ передачею на русскій языкъ и другихъ представителей французской литературы XVIII-го вѣка, бывшей тогда почти европейскою литературою, и если бъ, передавъ намъ произведенія ихъ

въ такихъ же правильныхъ переводахъ, украсили ихъ такими же дѣльными примѣчаніями.

Новый переводъ «Духа Законовъ» посвященъ высокому имени Его Величества Государя Императора.

220) Обозрѣніе Малой Азіи, *въ нынѣшнемъ ея состояніи, составленное русскимъ путешественникомъ* М. В. *Часть первая. С.-П. бургъ. Въ тип. К. Края.* 1839. *Въ 4-ю д. л.* 286 *и XVII стр.*

Мы не знаемъ ни одного русскаго путешественника, который занялся бы исключительно Малою Азіею и представилъ намъ полную картину современнаго ея состоянія; правда, не только въ настоящее, но и въ прошедшее время многіе посѣщали Малую Азію, многіе писали *нѣчто* и *кое-что* о кой-какихъ достопримѣчательностяхъ мало-азійскихъ, но цѣлаго, полнаго не было ничего. Вспомните, хоть для примѣра, прекрасное путешествіе Всеволожскаго: онъ проѣхалъ часть Малой Азіи, завлекательно разсказалъ все видѣнное и замѣченное; но — подробнаго обозрѣнія и у него нѣтъ. Теперь недостатокъ сей пополненъ, и мы имѣемъ превосходную книгу объ этой любопытной странѣ, книгу, на которую смѣло можемъ указать просвѣщеннымъ соотечественникамъ и иностранцамъ, какъ на богатѣйшій источникъ для основательнаго изученія мало-азійскаго полуострова.

Собственно говоря, книга г-на Вронченко не есть путешествіе: она вполнѣ соотвѣтствуетъ своему заглавію, и представляетъ *догматически*-изложенное обозрѣніе Малой Азіи въ современномъ ея состояніи. Путешественникъ руководствовался только тѣми свѣдѣніями, которыя пріобрѣлъ распросами и лично,— не занимая ничего изъ книгъ о Малой Азіи, ни древнихъ ни новыхъ; разспросы же повѣрялъ, сколько возможно, одни другими. Наружный видъ земли, равнины, горы, воды и произведенія того края, путешественникъ разсматриваетъ только въ отношеніи географическомъ и статистическомъ, не входя ни въ какія сужденія по части физики и естественной исторіи. Народы, населяющіе мало-азійскій полуостровъ, ихъ жилища, домашній бытъ, взаимныя отношенія, занятія, торговля, управленіе описаны въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ въ настоящее время; объ остаткахъ древнихъ зданій упоминается только при случаѣ, въ мѣстахъ очень-немногихъ; историческихъ и ар-

хеологическихъ изслѣдованій не помѣщено вовсе. Однимъ словомъ, авторъ ограничился чистою современностью.

Томъ, нынѣ изданный, раздѣляется на четыре отдѣленія, изъ которыхъ каждое подраздѣлено еще на главы.

Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ семь главъ. Послѣ общаго взгляда на границы, горы, равнины и воды, начинается обозрѣніе частное. Сперва описаны горы перешейка полуострова южной полосы. Во второй главѣ описаны большія равнины, числомъ три, гладкія, безъ всякихъ скатовъ, какъ застывшія озера; высота ихъ надъ моремъ составляетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, около 300 саженъ. Въ третьей главѣ представляется система рѣкъ, впадающихъ въ Черное Море, въ Мраморное Море, въ Средиземное Море, и озера, съ ними соединяющіяся. Въ четвертой главѣ изображены озера, неимѣющія видимаго стока; въ пятой — минеральныя воды; въ шестой — морскіе берега: мало-азійскій берегъ Чернаго Моря, берега Босфора, Марморнаго Моря и Дарданелловъ, берегъ Архипелага и берегъ Средиземнаго Моря; въ седьмой—климатъ: годовыя перемѣны на южномъ берегѣ, на западномъ, на сѣверномъ, на средней высокой полосѣ и на вершинахъ горъ. Климатъ наилучше могъ узнать путешественникъ въ западной части полуострова, на которой находился почти во всѣ различныя времена года; иныя изъ остальныхъ частей проѣзжалъ онъ весною, иныя лѣтомъ и осенью.

Второе отдѣленіе изображаетъ произведенія того края, по царствамъ ископаемому, растительному и животному.

Третье отдѣленіе знакомитъ читателя съ населенностью и жилищами Мало-Азійцевъ.—Число жителей Малой Азіи опредѣлить съ точностію весьма-трудно: самый счетъ правительства, не подушный, но посемейный, по самому существу очень-неопредѣлителенъ; число кочующихъ, приписывающихъ себя то къ одной, то къ другой области, извѣстно еще менѣе, такъ-что многія кочевья считаются вдвойнѣ, а многія нигдѣ не показаны. Исчисленіе, предлагаемое г-мъ Вронченко, основано на населенности городовъ и мѣстечекъ и на соображеніяхъ. Онъ принимаетъ слѣдующій, хотя ненадежный (по собственнымъ его словамъ) счетъ жителей Малой Азіи, до линіи, проходящей чрезъ Самсунъ, Токатъ, Кесарею и Адану: Турковъ 3,000,000; Туркменовъ 600,000; Грековъ 250,000; Армянъ 70,000; Кур-

довъ 20,000; Арабовъ 20,000; Евреевъ 10,000; Европейцевъ 7,000 (въ числѣ ихъ Некрасовцевъ около тысячи, Запорожцевъ пятьсотъ); Цыганъ 3,000. Народонаселенie раздѣлено весьма-неровно: есть мѣста, сплошь усѣянныя частыми деревьями есть большiя пространства, почти-совсѣмъ-безлюдныя. — Жилища Анатолiйцевъ, домы, деревни, города и мѣстечки описаны, какъ ихъ можно было видѣть въ мѣстахъ, посѣщенныхъ нашимъ путешественникомъ; невѣроятно, чтобы другiя имѣли съ ними значительныя различiя въ этомъ отношенiи. Въ книгѣ г-на Вронченко сперва мы видимъ малыя селенiя: деревенскiе домы, деревни, чифлики и мандры; потомъ отдѣльныя зданiя; наконецъ города и мѣстечки. Города и мѣстечки эти описаны всѣ, за исключенiемъ Скутари, какъ предмѣстiя константинопольскаго, и нѣсколькихъ мѣстечекъ малозначительныхъ, изъ которыхъ иныя называются изъ вѣжливости и городами. Описанiе посѣщенныхъ селенiй заключаетъ въ себѣ все, что̀ найдено въ нихъ замѣчательнаго; число домовъ и жителей въ нихъ показано приблизительно: въ точности оно неизвѣстно самимъ туземцамъ. О селенiяхъ, непосѣщенныхъ авторомъ (ихъ немного) дѣланы распросы, на которые конечно невсегда можно полагаться. Итогъ произведенiй городовъ и областей означенъ тоже по разспросамъ; слѣдственно, въ наибольшей части мѣстъ только примѣрно, среднимъ числомъ.

Четвертое отдѣленie представляетъ гражданское устройство, и раздѣляется на двѣ части: въ одной описано *управленie*, въ другой *сословiя людей частныхъ*. Первая часть содержитъ въ себѣ обозрѣнie управленiя и извѣстiя объ особахъ служащихъ, вторая часть заключаетъ въ себѣ изображенie сословiя людей частныхъ. Здѣсь мы видимъ владѣльцевъ земель, духовенство, купечество, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, бѣдныхъ, слугъ и невольниковъ. Управленie, званiя управляющихъ, ходъ общественныхъ дѣлъ обозначены общими, характеристическими чертами; исключенiя, разумѣется, есть вездѣ. Сверхъ-того, запутанность и неопредѣленность гражданскаго устройства края таковы, что для иностранца иногда невозможно различить, что̀ есть постановленie и что̀ злоупотребленie постановленiя. Взаимныя отношенiя и бытъ Мало-Азiйцевъ, Турковъ и иновѣрцевъ. представлены въ общихъ чертахъ, какъ они чаще замѣтны, Двухлѣтнее пребыванie, конечно, недостаточно для обстоятельнаго изученiя нравовъ и быта народа; кромѣ-того, частная

жизнь Турков не всегда доступна для иностранца; впрочемъ, она и не такъ непроницаема, какъ воображаютъ и пишутъ, и потому человѣкъ наблюдательный всегда можетъ уловить общія черты, по-крайней-мѣрѣ, главныя, характеристическія.

Лучшій и справедливѣйшій отзывъ объ этой книгѣ мы находимъ у самого сочинителя. Исчисливъ, что̀ въ его трудѣ достовѣрно, положительно и что̀ лишь приблизительно-вѣрно, г-нъ Врониченко заключаетъ слѣдующимъ образомъ: «Все, взятое вмѣстѣ, составляетъ значительное количество свѣдѣній о Малой Азіи, имѣющихъ ту особенность, что они получены изъ первыхъ рукъ, на мѣстѣ. Мнѣнія о характерѣ, нравственныхъ качествахъ и поведеніи Мало-Азійцевъ старался путешественникъ основывать, сколько возможно, на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производило на него все имъ видѣнное и слышанное, а не на общепринятыхъ повѣрьяхъ, начитанныхъ въ книгахъ» (стр. V).

Въ-заключеніе, обращаемъ вниманіе г-на Врониченко на слѣдующее важное обстоятельство. Еще въ VIII вѣкѣ сдѣлано было императоромъ Юстиніаномъ II столь значительное переселеніе Болгаръ изъ европейскихъ областей Греческой Имперіи въ Анатолію, что ими заселена была цѣлая область, которая въ-послѣдствіи доставляла имперіи до 30,000 отборныхъ солдатъ. Уцѣлѣло ли потомство этого обширнаго поселенія?—вопросъ чрезвычайно-любопытный, о которомъ никто не подумалъ освѣдомиться, хотя, назадъ тому лѣтъ десять, покойный Венелинъ обратилъ на него вниманіе. Вотъ что, между-прочимъ, писалъ онъ: «Изъ разсказа одного Болгарина я угадываю, что Румельцы (Болгаре) имѣютъ объ анатольскихъ своихъ единоплеменникахъ нѣкоторое свѣдѣніе: одинъ литераторъ показывалъ мнѣ нѣсколько листовъ церковной книги, писанныхъ уставомъ и полууставомъ и вывезенныхъ, по увѣренію его, изъ Анатоліи. Впрочемъ это подлежитъ еще изъисканію» (*Древніе и нынѣшніе Болгаре*, Ю. И. Венелина, т. 1, стр. 4). — Разрѣшенія этого важнаго вопроса мы вправѣ ожидать отъ свѣдѣній г-на Врониченко; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что нѣкоторыя славянскія названія, самое раздѣленіе областное на воеводлыки показываетъ, что тутъ, если не сохранилась, по-крайней-мѣрѣ обитала славянская колонія.

Изданіе очень опрятное, въ четвертую долю листа.

Этою книгою г-нъ Врониченко, отъ котораго русская литература имѣетъ уже драгоцѣннѣйшій подарокъ — *единственный*

переводъ «Гамлета», достойный своего подлинника,—пріобрѣтаетъ новое право на новую благодарность отъ всѣхъ цѣнителей труда ученаго, совѣстливаго и полезнаго.

221) О главнѣйшихъ Трудахъ *по части критической русской исторіи. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра философіи, исправляющимъ должность профессора исторіи и статистики въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, кандидатамъ* Алексѣемъ Өедотовымъ. *Москва. Въ Унив. тип.* 1839. *Въ* 12-*ю д. л.* 108 *стр.*

Очень-дѣльная брошюрка по подробному изложенію литературы русской исторіи; но напрасно будете искать здѣсь характеристическихъ опредѣленій различнаго направленія, которое принимала критика русской исторіи. Авторъ большею частію скрывается за имена и сочиненія писателей, извѣстныхъ на этомъ поприщѣ, и всячески удерживается отъ собственныхъ сужденій. Онъ только описываетъ и ничего не берется рѣшать; но и въ простыхъ описаніяхъ его есть промахи, которыхъ впрочемъ мы не будемъ касаться, потому-что, можетъ-быть, намъ скоро представится случай къ-стати поговорить подробнѣе объ этой книжкѣ.

222) О фабрикаціи Мыла, *изъ такъ называемой искусственной соды въ Санктпетербургѣ. Издано* проф. Маббу, *химикомъ мануфактурнаго совѣта, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ наукъ* (? ?). *С.-П. бургъ.* 1839. *Въ* 8-*ю д. л.* 8 *стр.*

Если бы эта книжка заключала въ себѣ одно объявленіе о приготовленіи содоваго мыла, какъ можно думать по ея незначительной величинѣ, то нечего было бы о ней сказать, кромѣ библіографическаго извѣстія о ея выходѣ; но какъ она охуждаетъ нѣкоторыя изъ нашихъ коренныхъ производствъ, именно поташъ и мыло, то мы сочли полезнымъ разобрать основательность ея сужденій. Не вполнѣ-точныя понятія о дѣлѣ могутъ иныхъ заводчиковъ ввести въ заблужденіе и заставить тратить напрасно время и деньги на пріобрѣтеніе безполезныхъ открытій. Главное содержаніе книжки г. Маббу состоитъ въ томъ, что во Франціи изобрѣтена искусственная сода, и что у насъ слѣдовало бы замѣнить ею поташъ во всѣхъ его употребленіяхъ, особенно въ мыловареніи, потому-что содовое мыло лучше поташнаго.

«Если принять въ соображеніе» пишетъ г. Маббу: «что большое количество поташа влечетъ за собою чрезвычайное истре-

бленіе горючаго матеріала, то увидимъ, что истребленіе лѣсовъ ужасное, и потому давно уже была пора замѣнить другимъ веществомъ поташъ во всѣхъ его употребленіяхъ, особливо въ искусствахъ.»

Мы думаемъ, что еще нельзя замѣнить поташа во всѣхъ его употребленіяхъ содою, потому-что онъ не замѣняется ею донынѣ нигдѣ вполнѣ. Причины, препятствующія его замѣнѣ, многоразличны, а главнѣйшая заключается въ цѣнности: фабрикантъ употребляетъ тотъ матеріалъ, который дешевле. Въ послѣдніе годы употребленіе поташа въ Европѣ и вывозъ его изъ Россіи, нисколько не уменьшились въ-сравненіи съ прежними годами; даже вывозъ естественной соды изъ Испаніи и Балеарскихъ Островов былъ такой же, какъ и прежде. Эти обстоятельства показываютъ, что искусственная сода немного сдѣлала замѣны, даже въ самыхъ иностранныхъ государствахъ. Поташъ, кромѣ внутренняго потребленія, отпускается изъ Россіи за границу съиздавна, почти съ самаго открытія у насъ заморской отпускной торговли, и всегда составляетъ для государства выгодный и ходовый товаръ, на который есть постоянное требованіе. На приготовленіе поташа, конечно, требуется много древесной золы, и если оцѣнивать эту золу и поташъ изъ нея стоимостью дерева въ столицахъ или другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ идетъ на постройки и другія издѣлія, то дѣйствительно окажется, что Россія будто-бы тратитъ свои лѣса за безцѣнокъ, но на-самомъ-дѣлѣ надобно поташъ цѣнить другимъ образомъ, который ближе къ истинѣ. *Во-первыхъ,* наши лѣса, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ жгутъ на поташъ нарочно, не имѣютъ никакой цѣнности; деревьевъ нѐкому и нѐ на что продать на мѣстѣ, а вывозка невозможна, и продажа не окупитъ провоза. Въ такихъ лѣсахъ, если ихъ не трогать, или еслибъ они были заповѣдные, множество деревьевъ гнило бы и валилось на мѣстѣ отъ тѣсноты, старости и вѣтровъ, и лѣсной матеріалъ пропадалъ бы самъ собою безъ пользы государству. Но если деревья пережигаются въ поташъ, то какъ бы ни мала была цѣна на него, это дѣло даетъ уже государству пользу. Если бы деревья имѣли на мѣстѣ цѣнность больше той, какая получается отъ обращенія ихъ на поташъ, то несообразно съ дѣломъ, чтобы владѣльцы или наемщики лѣсовъ стали ихъ жечь на поташъ: тогда они сами берегли бы ихъ на другое употребленіе. *Во-вторыхъ,* большая часть нынѣшняго поташа варится не изъ

нарочно-сожигаемаго для него лѣса, а приготовляется изъ золы печной, которая остается отъ дровъ, сожигаемыхъ въ печахъ домовыхъ, овинныхъ и заводскихъ. Она собирается нынѣ въ огромномъ количествѣ, продается на сельскихъ базарахъ, и большими обозами развозится на заводы для варки поташа; безъ этого употребленія она бросалась бы за ничто, какъ то и бывало прежде. *Въ-третьихъ,* около пятой части приготовляемаго у насъ поташа варится нынѣ изъ травяной золы, на которую собираются травы и гречишная солома, ежегодно вырастающіе на поляхъ и лугахъ; безъ-сомнѣнія, количество этого поташа будетъ еще болѣе вывариваться. Такія обстоятельства убѣждаютъ, что поташъ — основательный и полезный товаръ въ Россіи, который оставлять неблагоразумно, потому-что за него выручается изъ-за границы ежегодно значительная сумма денегъ.

Далѣе, сказавши, что обработка жира содою въ мыло нигдѣ такъ хорошо не производится, какъ на фабрикѣ г. Штейнера въ Петербургѣ, что г. Бессъ въ Москвѣ первый представилъ подобныя произведенія (то-есть, содовое мыло) на одну изъ предъидущихъ выставокъ, и что послѣ того одинъ мыловарный заводъ въ Финляндіи ввелъ въ торговлю нѣкоторое количество мыла, полученнаго чрезъ соединеніе искусственной соды съ жиромъ, г. Маббу говоритъ: «*До-сихъ-поръ содовое мыло не было въ большомъ ходу въ нашей торговлѣ*; но нынѣ это обстоятельство должно измѣниться, потому-что мыло съ завода г. Штейнера такъ совершенно, какъ только дозволяетъ настоящее положеніе свѣдѣній: оно во всѣхъ отношеніяхъ выше всякаго другаго, хотя стоитъ не дороже обыкновеннаго; и притомъ, *будучи крѣпче мыла изъ поташа*, представляетъ болѣе экономіи въ своемъ употребленіи, потому-что оно заключаетъ въ себѣ менѣе воды, и слѣдовательно можетъ употребляться въ меньшемъ количествѣ для полученія того же результата; кромѣ того, оно гораздо-удобнѣе для бѣленія холста, для краски шелка, потому-что сода не производитъ такого вліянія на это вещество, какъ поташъ, по той причинѣ, что алкали плотнѣе. Также и для суконъ, одна изъ нашихъ главнѣйшихъ фабрикъ въ Лифляндіи находитъ его совершенно-удобнымъ. И такъ-какъ по привычкѣ требуютъ обыкновенно мыла пѣнящагося, то *новое мыло обладаетъ и этимъ качествомъ въ высокой степени, что еще не удавалось на другихъ заводахъ*. Что касается до фабрикаціи туалетнаго мы-

ла, то всякій знаетъ, какъ изъискиваютъ нынѣ мыло изъ соды. Однимъ словомъ, такъ-какъ даже на лучшихъ мыловаренныхъ заводахъ въ Германіи далеки отъ того, чтобы получать жиристое и содовое мыло столь совершенное, какъ то, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, то вѣроятно, что если находятъ выгоду вывозить *наше мыло изъ поташа,* то найдутъ еще выгоднѣйшимъ вывозить *содовое,* потому-что оно *во всѣхъ отношеніяхъ выше,* и менѣе расходуется, *нежели мыло изъ поташа*.

Прочитавъ такое мнѣніе г. Маббу иной въ-самомъ-дѣлѣ подумаетъ, что мы употребляемъ поташное мыло, и что *наше мыло изъ поташа* хуже для умыванья, слабѣе для стирки, неудобнѣе для бѣленія, для краски шелка и для суконъ, словомъ *во всѣхъ отношеніяхъ ниже содоваго,* и что теперь-то открытъ способъ, который въ совершенствѣ исполняется на заводѣ г. Штейнера, варить содовое мыло, и мы будемъ наконецъ имѣть подлинно хорошее мыло. Какъ же удивится этотъ иной, если онъ узнаетъ, что мы, хотя варимъ мыло съ поташемъ, однако *всегда употребляли и употребляемъ только содовое мыло,* и притомъ изъ искусственной соды, *и* что *у насъ въ продажѣ вовсе не находится поташнаго мыла!*.. Мы не стали бы объяснять это кажущееся противорѣчіе г. Маббу, потому-что производство мыловаренія должно быть ему извѣстно болѣе, нежели намъ; но мы считаемъ полезнымъ объяснить это дѣло другимъ изъ нашихъ читателей, которые не коротко знакомы съ химическимъ составомъ мыла.

Мыло можно варить изъ сала съ поташомъ или съ содою. Поташное мыло выходитъ очень-мягко, какъ тѣсто, а содовое —крѣпко, какъ воскъ, какъ обыкновенное мыло; по крѣпости своей, послѣднее для употребленія гораздо-выгоднѣе, нежели первое. По этой причинѣ покупаютъ охотнѣе содовое мыло, и на заводахъ съиздавна варится только содовое мыло. Въ южной Франціи, у насъ въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ получается природная сода изъ травъ, или искусственная съ химическихъ заводовъ, варятъ съ нею содовое мыло непосредственно; на другихъ же нашихъ заводахъ, сперва сало обращаютъ въ мыло древесною золою, или шадриномъ, или поташомъ, потомъ ихъ отдѣляютъ, и мыло выходитъ также содовое, а не поташное. Вотъ какъ происходитъ это дѣло. Сало варятъ въ котлѣ со щелокомъ или изъ шадрина, какъ то дѣлается въ Казани и другихъ мѣстахъ по прежнему способу, или изъ древес-

ной золы и поташа, какъ варятъ въ Петербургѣ. Когда это сало обратится въ мыло, его въ котлѣ солятъ обыкновенною солью: въ этомъ смѣшеніи, соль разлагается на свои двѣ составныя части; ея сода вытѣсняетъ изъ мыла поташъ и вступаетъ на его мѣсто, а поташъ соединяется съ хлоромъ соли и распускается въ щелокѣ, который находится въ котлѣ подъ мыломъ. Такимъ-образомъ сваренное съ поташомъ мыло, посредствомъ соленія, превращается въ содовое. И дѣйствительно, *все русское мыло*, которымъ мы моемся и торгуемъ, и которое продаемъ за море, какъ *казанское ядро* такъ и *петербуржское пестрое* или мраморное, *все бываетъ содовое*. Выставленное нынѣ на показъ подъ именемъ содоваго или соднаго, то-есть, приготовленнаго прямо изъ искусственной соды, совершенно-похоже видомъ и качествами на мыло другихъ петербуржскихъ заводовъ, варимое въ содовое, посредствомъ поташа, и не имѣетъ надъ нимъ въ употребленіи никакого превосходства.

Мы не станемъ здѣсь разбирать, выгодно ли варить у насъ мыло прямо изъ искусственной соды: этотъ предметъ не принадлежитъ уже къ разбору сужденій вышедшей книжки; онъ заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ въ особой статьѣ.

223) Отчетъ *по Министерству Удѣловъ за* 1838 *годъ. С.-П. бургъ*. 1839. *Въ 8-ю д. л.* 36 *стр.*

Этотъ важный и любопытный матеріалъ для отечественной статистики, извѣстный, можетъ-быть, нашимъ читателямъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ онъ былъ напечатанъ, содержитъ въ себѣ много новыхъ свѣдѣній, которымъ вѣроятно порадуется всякій, любящій Россію. Между любопытнѣйшими извѣстіями, въ немъ заключающимися, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ отчетъ о Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ и о заведеніи образцовыхъ усадебъ. Мы обѣщали въ одной изъ первыхъ книжекъ нашего журнала поговорить объ этомъ замѣчательномъ и въ высшей степени полезномъ заведеніи, по случаю экзамена и *перваго* выпуска, бывшаго въ немъ въ февралѣ сего года, — и теперь къ-стати постараемся выполнить это обѣщаніе сколько-можно-короче. Мы будемъ руководствоваться какъ свѣдѣніями, которыя мы собрали на мѣстѣ, такъ и тѣми, которыя получили изъ вѣрныхъ источниковъ.

Первый «выпускной» экзаменъ воспитанниковъ училища происходилъ утромъ 22-го февраля. Познанія, въ которыхъ удостовѣрилъ насъ этотъ экзаменъ, означены въ розданныхъ тог-

да же экзаменовавшимся крестьянамъ - воспитанникамъ аттестатахъ. Въ сихъ аттестатахъ означено, что каждый воспитанникъ обучался: 1) закону Божію, церковному пѣнію и нравоученію, чтенію и письму, ариѳметикѣ и межеванію, и теоретическимъ правиламъ сельскаго хозяйства; 2) ремесламъ: дѣланію улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, мельничному, столярному, плотничному, токарному, колесному и бочарному, кузнечному и слѣсарному, печному и малярному, портному и сапожному, шерстобитному, кожевенному и клееварному, выдѣлкѣ и дубленію овчинъ для тулуповъ и управленію пожарными инструментами; 3) земледѣлію и домоводству: введенію многопольнаго хозяйства, вмѣсто трехпольнаго; осушенію болотъ и приготовленію неудобныхъ земель подъ пашни, луга и насажденія, распознаванію почвъ и удобренію ихъ компостами, разными туками, пескомъ, глиной, золой, костями, известью и мергелемъ; обработыванію земли плугами, скоропашками (экстирпаторами), разными боронами, бороздильникомъ, каткомъ и прочими улучшенными орудіями; засѣванію пашни хлѣбными и луговыми сѣменами, воздѣлыванію въ полѣ картофеля, турнеповъ, свеклы, капусты и брюквы, а равно въ парникахъ и на грядахъ разныхъ растеній; кошенію хлѣба короткой косой съ грабелькою, молотьбѣ и вывѣванію хлѣба машинами; поправленію самородныхъ луговъ и заведенію искусственныхъ, насажденію кустарниковъ и деревъ; 4) домоводству: печенію ржаныхъ, пшеничныхъ и картофельныхъ хлѣбовъ, дѣланію солода и кваса, приготовленію зеленаго гороха и картофельной муки, откармливанію скота на убой, снятію кожъ и приготовленію мяса въ-прокъ; дѣланію колбасъ, сосисокъ и окороковъ, доенію коровъ и приготовленію сливокъ, масла, творога, разныхъ сыровъ, кислаго молока, простокваши и варенца; 5) скотоводству, птицеводству и пчеловодству, а именно: содержанію лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, дворовой птицы и пчелъ, кормленію скота на стойлѣ и употребленію на пастбищахъ подвижныхъ изгородокъ; ковкѣ лошадей въ станкѣ и на рукахъ, укрощенію быковъ и вылегчиванію самцовъ. Кромѣ этого въ аттестатѣ обозначено, въ какой степени удовлетворительно было поведеніе воспитанника, во время его пребыванія въ училищѣ съ 1833 по 1839 годъ; какъ хорошо онъ соблюдалъ бережливость и опрятность и исполнялъ приказанія. Аттестатъ заключается слѣдующими словами:

«По окончаніи вышеозначеннаго ученія (имярекъ) водворенъ въ (такой-то) образцовой усадьбѣ № (такой-то) и снабженъ улучшенными земледѣльческими орудіями и всѣми пособіями для хозяйства. На основаніи высочайше-утвержденнаго устава Земледѣльческаго Училища, онъ (такой-то) лично изъемлется отъ рекрутской повинности. Но этими преимуществами воспитанникъ (такой-то) пользуется до-тѣхъ только поръ, пока не нарушимо будетъ исполнять слѣдующія обязанности: 1) вести себя честно, скромно, трезво, почтительно и благоправно; 2) содержать хозяйство образцовой усадьбы точно такъ, какъ въ образцовой избѣ Земледѣльческаго Училища, получать съ усадебнаго участка такіе урожаи хлѣба, овощей и сѣна, какихъ достигалъ на училищномъ участкѣ и такъ же точно содержать скотъ, какъ на фермѣ Земледѣльческаго Училища; 3) каждаго удѣльнаго крестьянина, пожелавшаго улучшить свое хозяйство, охотно наставлять и, ничего не скрывая, передавать ему все то, чему (такой-то) самъ наученъ въ Училищѣ».

Ариѳметика преподается въ училищѣ въ весьма-обширномъ видѣ, но примѣненная рѣшительно лишь къ пользѣ русскаго крестьянскаго быта, къ хозяйственнымъ разсчетамъ, составленію сметъ, межеванію и вычисленію площадей; къ общественной запашкѣ, вознагражденіямъ за излишки урожая, пашнѣ, удобренію, посѣву, урожаю, содержанію скота, домоводству и проч. Наибольшее же вниманіе при обученіи обращено на теорію хлѣбопашества, скотоводства, птицеводства, пчеловодства, домоводства и сельской технологіи, заключающей въ себѣ разныя ремесла. Тутъ развертывается весь репертуаръ свѣдѣній воспитанниковъ по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства, столь подробно изложеннымъ въ аттестатахъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей экзамена спрашивали воспитанниковъ о томъ, что̀ они будутъ дѣлать, прибывъ въ свои усадьбы и какъ примутся за хозяйство, велѣвъ разсказать подробно о томъ, въ какомъ видѣ находятся данныые имъ участки. Изъ отвѣтовъ посѣтители видѣли, что участки воспитанниковъ находятся въ весьма нецвѣтущемъ состояніи, и что потребны большіе труды для-того, чтобы привести ихъ въ состояніе, хотя сколько-нибудь-удовлетворительное для посѣва. Въ книгѣ, изданной г. Бурнашевымъ подъ названіемъ «Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища» весьма-подробно

описано состояніе участковъ, предназначенныхъ подъ образцовыя усадьбы, и всѣ попечительныя распоряженія, какія по этому предмету сдѣланы удѣльнымъ начальствомъ. Отвѣты воспитанниковъ касательно улучшенія сихъ участковъ были удовлетворительны въ-полной-мѣрѣ и доказали, до какой степени упрощено въ семъ заведеніи преподаваніе науки сельскаго хозяйства, которой наитруднѣйшія задачи разрѣшаетъ легко и свободно какой-нибудь 22 или 23-лѣтній крестьянинъ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ практическаго ученія въ семъ училищѣ—предметъ по всей справедливости, составляющій камень преткновенія едва-ли не большей части нашихъ сельскихъ хозяевъ и авторовъ-агрономовъ,—умѣнье переходить изъ одной системы полеводства въ другую, т. е. измѣненіе ротаціи или сѣвооборота. Въ Удѣльномъ Училищѣ это производится по самому упрощенному способу, безъ малѣйшихъ хлопотъ и затрудненій: воспитаннику стóить знать пространство участка, роды хлѣбовъ, на немъ засѣваемыхъ, почву, климатъ, число скота имѣющагося,—и вотъ онъ на доскѣ или на бумагѣ начертитъ вамъ новую, выгоднѣйшую систему.

Приводимъ для примѣра двѣ задачи, по этому предмету, превосходно разрѣшенныя на экзаменѣ 22-го февраля. Вотъ онѣ. На 9-ти десятинахъ суглинка, на которомъ трехпольная система хозяйства безъ луговъ, какое обзавести полераздѣленіе, чтобы оно могло содержаться и оплачивать подати семейства, состоящаго изъ 4-хъ мужчинъ работниковъ, 3-хъ женщинъ и 2-хъ дѣтей? —Другая: въ вотчинѣ 500 душъ; луга плохи; пашни съ суглинной почвой по 3 десятины на душу. Въ средней полосѣ Россіи, хорошо продается красный хлѣбъ, постное масло и гречa; скотоводство и овцеводство равно выгодны. Какое завести полераздѣленіе и какъ перейдти изъ трехпольнаго, чтобы получить наибольшій доходъ? — Можно быть твердо увѣреннымъ, что помѣщики будутъ обращаться съ просьбами о составленіи имъ плана переходовъ системъ, къ воспитанникамъ, живущимъ въ усадьбахъ.—Замѣчательно, что въ превосходномъ курсѣ Тэра эти переходы изложены несравненно-темнѣе и сбивчивѣе, нежели какъ они излагаются въ Удѣльномъ Училищѣ.

Въ настоящемъ году кончили курсъ 134 человѣка. Изъ этого числа 44 были отправлены въ готовыя уже усадьбы 25

февраля, а остальные 90 отправляются на сихъ дняхъ водянымъ путемъ; до-сихъ же поръ после экзамена они жили въ училищѣ и старались передавать какъ-можно-болѣе свѣдѣній своихъ тѣмъ воспитанникамъ средняго класса, которые займутъ мѣста ихъ въ старшемъ классѣ.

При отправленіи, каждый изъ воспитанниковъ снабженъ былъ всѣми вещами, необходимыми въ хозяйскомъ быту крестьянина; сверхъ-того имъ даны были книги: четвероевангеліе, катихизисъ; краткое поученіе, какъ стоять въ церкви; нравоучительные разговоры; слово на день Покрова Пресвятыя Богородицы, произнесенное въ училищной церкви 1 октября 1837 года; слово о пьянствѣ; правила сельскаго хозяйства; ариѳметика; ариѳметическія задачи; учебныя тетради, планы, и тѣ книги, которыми воспитанники одарены отъ посѣтителей, равно какъ *памятную книжку*, въ которой каждый воспитанникъ ежедневно долженъ записывать свои занятія, все то, что происходитъ въ его хозяйствѣ, успѣхи и неудачи въ немъ, потребность совѣта въ затруднительныхъ случаяхъ, и т. п. Воспитанники, по окончаніи четверти года, доставляютъ свои памятныя книжки запечатанными въ мѣстный удѣльный приказъ для представленія чрезъ удѣльную контору въ Департаментъ Удѣловъ, который высылаетъ такія же книжки на будущее время до истеченія срока.—До окончанія постройки всѣхъ дворовъ въ каждой усадьбѣ, воспитанники помѣстились на первый разъ всѣ вмѣстѣ, въ одной готовой избѣ, построенной совершенно по тому плану, по какому отстроивается теперь въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ большая изба, въ которой легко помѣщается до пяти семей; хозяйство воспитанники имѣютъ общее, съ тѣмъ, что все пріобрѣтенное ими въ это время составляетъ ихъ собственность; но если кто изъ воспитанниковъ окажется нерадивымъ, предастся пьянству и безпорядкамъ, то не только лишится части изъ общей собственности, но и подвергнется строжайшему наказанію.—Для первоначальнаго обзаведенія каждаго воспитанника въ образцовой усадьбѣ потребно: двѣ лошади или пара воловъ, двѣ коровы, пять овецъ, пара поросятъ, телега, сани, упряжъ, слесарный, кузнечный и столярный инструментъ, и всѣ принадлежности домоводства точно такія, какія находятся въ образцовыхъ избахъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. По водво-

реніи въ образцовыхъ усадьбахъ, воспитанники обязаны: 1) содержать ихъ точно такъ, какъ содержали избы въ Земледѣльческомъ Училищѣ; 2) обработывать усадебный участокъ и стараться получать такіе же урожаи хлѣба, травъ и овощей, какихъ достигли въ училищѣ, а равно точно такъ же кормить и опрятно содержать скотъ и приготовлять молочные скопы, какъ это дѣлали на училищной фермѣ; 3) пріохочивать прочихъ крестьянъ вводить у себя, по мѣрѣ возможности, такую же обработку полей и полераздѣленіе, посѣвъ травъ, если не въ полѣ, то на пустошахъ и запольяхъ, и разведеніе овощей, покрайней-мѣрѣ близь дворовъ на огородахъ. Крестьянина, изъявившаго желаніе улучшить свое хозяйство, они должны радушно научать, ничего отъ него не скрывая. Управляющій же съ своей стороны обязанъ поощрять къ тому крестьянъ, безъ малѣйшаго однакожь принужденія, и о всякомъ въ этомъ дѣлѣ успѣхѣ доводить до свѣдѣнія вице-президента Департамента Удѣловъ, съ означеніемъ, кто именно изъ крестьянъ перенялъ для себя что-либо изъ способовъ хозяйства, введенныхъ въ образцовой усадьбѣ, и кто изъ воспитанниковъ болѣе къ тому содѣйствовалъ.—Управляющій конторою долженъ озаботиться, чрезъ приказныхъ головъ и благонадежныхъ стариковъ, пріискать воспитанникамъ порядочныхъ невѣстъ, и о разрѣшеніи имъ вступить въ бракъ, по взаимному согласію жениха съ невѣстою, представлять вице-президенту Департамента Удѣловъ. Образцовыя усадьбы состоятъ въ завѣдываніи мѣстныхъ удѣльныхъ приказовъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ управляющаго конторою.

Каждый изъ воспитанниковъ привезъ съ собою, поступая въ училище, сколько-нибудь денегъ, которыя были отобраны и отосланы въ Ломбардъ для приращенія. Такимъ-образомъ, по выпускѣ изъ заведенія, у нѣкоторыхъ оказался преизрядный капиталецъ, который имъ выданъ въ мѣстахъ ихъ назначенія сполна. Отъ нихъ зависѣть будетъ употребить эти деньги, или положить ихъ снова для приращенія процентами; у многихъ воспитанниковъ есть по сту, полутораста, двѣсти рублей, а у одного, пріобрѣтшаго деньги чрезъ дѣлежъ съ родственниками, всего шестьсотъ рублей: въ крестьянскомъ быту, и въ особенности въ быту хозяевъ образцовыхъ усадебъ, всѣмъ *обезпеченныхъ*,—этотъ капиталъ довольно-важенъ. Воспитанникамъ

велѣно по пріѣздѣ въ усадьбы немедленно закупать все то, что потребно для домоводства, равно какъ лошадей, коровъ, овецъ, свиней и домашнюю птицу, стараясь пріобрѣсть все хорошее и по сходнымъ цѣнамъ. Приказнымъ головамъ предписано по этому случаю подавать воспитанникамъ на этотъ счетъ совѣты; но отнюдь имъ ничего не навязывать, если они найдутъ это для себя по чему-либо невыгоднымъ. Воспитанники, при первомъ удобномъ случаѣ, приступивъ къ обработкѣ усадебнаго участка, должны отмѣчать по всей справедливости въ памятныхъ книжкахъ: какъ пойдутъ орудія, сѣмена, скотъ и все вообще хозяйство. Если же случится въ чемъ затрудненіе, то они, придумавъ, какъ что сдѣлать, немедленно должны чрезъ приказъ послать письмо на имя директора.—Однимъ словомъ, все придумано къ тому, чтобы воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, прибывъ въ мѣста своего назначенія, сдѣлались тѣмъ, чѣмъ желаетъ ихъ видѣть правительство.

Говоря объ этомъ важномъ заведеніи, мы старались не входить въ излишнія подробности какъ самаго экзамена, такъ отправленія воспитанниковъ въ усадьбы, инструкцій, имъ данныхъ начальствомъ и вообще житья-бытья, которое они должны повести съ пріѣзда на мѣсто, отдавая непрестанно отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, такъ-что сѣмена, насажденныя училищнымъ воспитаніемъ, никогда въ нихъ заглохнуть не могутъ. Приглашаемъ любопытныхъ самихъ осмотрѣть училище: прогулка по этому заведенію будетъ не только пріятна, но и поучительна для всякаго; она стóитъ того, чтобъ для нея пріѣхать изъ-за нѣсколькихъ десятковъ верстъ *.

Между-тѣмъ, пока печаталась эта статья, намъ доставлены слѣдующія свѣдѣнія объ утѣшительныхъ результатахъ учрежденія образцовыхъ усадебъ, подробное описаніе коихъ обѣщано намъ для одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» **:

Сорокъ четыре воспитанника, отправленные въ февралѣ мѣсяцѣ въ Симбирскую, Саратовскую и Вятскую Губерніи, со-

* Училище находится въ 3-хъ верстахъ отъ Петербурга, по большой выборжской или парголовской дорогѣ.

** Въ этой книжкѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ «Смѣси», мы помѣстили для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ находятся эти образцовыя усадьбы.

вершенно водворены въ отстроенныхъ для нихъ образцовыхъ усадьбахъ, гдѣ занялись съ большимъ успѣхомъ хозяйствомъ. Они приняты были очень-радушно, и теперь удѣльные крестьяне и помѣщики отдаютъ этимъ образцовымъ поселянамъ—первые своихъ сыновей, вторые своихъ крестьянскихъ мальчиковъ—въ обученіе. Пріемъ учениковъ разрѣшенъ безъ всякаго ограниченія на такихъ условіяхъ, какія по взаимному соглашенію съ обѣихъ сторонъ окажутся выгодными. Травосѣяніе и улучшенія въ скотоводствѣ начинаютъ находить подражателей; крестьяне обратились съ просьбою къ образцовымъ о ссудѣ ихъ сѣменами клевера, тимотиграса и турпепа, и уже во многія усадьбы послано довольно-значительное количество этихъ сѣменъ.

Начальство Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища получило уже нѣсколько *памятныхъ книжекъ*, преисполненныхъ самыми занимательными подробностями и самыми любопытными свѣдѣніями. Теперь воспитанники получили уже и отвѣты на всѣ свои вопросы и кое-какіе дѣльные совѣты. Пріятно знать, что воспитанники у себя на родинѣ привлекаютъ всѣхъ къ себѣ хорошими своими поступками и поведеніемъ, и пріобрѣтаютъ въ мѣстахъ своего пребыванія самую завидную и прекрасную славу. Крестьяне убѣдились въ самыхъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ возвратившихся во-свояси земляковъ, и теперь все идетъ какъ-нельзя-лучше.—Кромѣ этихъ 44 воспитанниковъ, уѣхавшихъ въ февралѣ, теперь въ іюлѣ уѣхало еще 85 человѣкъ. Они отправились на десяти большихъ лодкахъ. Мѣста ихъ назначенія находятся въ губерніяхъ: Московской, Казанской, Владимірской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. Воспитанники эти снабжены всѣмъ нужнымъ для правильнаго хозяйствованія. Сверхъ-сего воспитанники получили для улучшенія скотоводства въ мѣстахъ ихъ водворенія рогатый скотъ, породъ бернской, штейермаркской, холмогорской, тирольской; овецъ лейчестерскихъ; свиней ютландскихъ и беркширскихъ. Каждый воспитанникъ снабженъ экземпляромъ простаго, но подробнаго наставленія, какъ сохранять скотъ въ дорогѣ и какъ употреблять съ пользою ту скотную, очень-полную аптеку, которая дана въ каждую усадьбу и состоитъ изъ самыхъ вѣрныхъ медикаментовъ.—Вотъ прекрасное начало великаго дѣла. Дай Богъ ему болѣе и болѣе успѣховъ!

224) Библіотека коммерческихъ Знаній. *Отдѣленіе третіе.* Указатель *продуктовъ и мѣстностей.* Книжка вторая, *литера* Б. *С.-П. бургъ,* 1839. *Въ тип. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л.* 170 *стр.*

Въ этой книжкѣ находится краткое, расположенное по азбучному порядку на букву Б, описаніе разныхъ торговыхъ, фабричныхъ, сельскихъ и другихъ произведеній, которыя относятся къ промышлености; также описаніе разныхъ городовъ, рѣкъ и другихъ мѣстностей. Напримѣръ: «*Борисоглѣбскъ,* уѣздный городъ Тамбовской Губерніи, при р. Воронѣ, впадающей въ Хоперъ, въ 165 вер. отъ Тамбова; около 4,400 жит.; здѣсь производится торговля хлѣбомъ, пенькою, скотомъ и продуктами скотоводства.» — «*Бура*, минеральное вещество, хрупкое, полупрозрачное, съ лоскомъ, бѣлосѣроватаго, зеленоватаго, либо желтоватаго цвѣта; оно состоитъ изъ соды и борной кислоты; употребляется для удобнѣйшаго плавленія металловъ и причисляется къ видамъ солей.» — Въ этой книжкѣ начата и окончена буква Б. — Надобно замѣтить, что на русскія произведенія слѣдовало бы обращать составителямъ болѣе вниманія: мы не нашли въ этой книжкѣ, между прочимъ, *бакуна, бузуна, бутарги.*

225) Коммерческая Бухгалтерія *для разничной и мелочной торговли, составленная, на основаніи положенія о купеческихъ книгахъ,* Д. Персіяниновымъ. *С.-П. бургъ. Въ тип. Н. Глазунова и ком.* 1839. *Въ 8-ю д. л. V и* 203 *стр.*

Въ предувѣдомленіи, сочинитель этой «Бухгалтеріи» говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Въ намѣреніи отвратить, по возможности, замѣченные мною недостатки и неудобства въ существующихъ доселѣ на русскомъ языкѣ книгахъ о счетоводствѣ, я рѣшился издать (и мою) Коммерческую Бухгалтерію, которая раздѣлена у меня вообще на три отдѣленія: теорію, практическіе примѣры для разничной торговли, и практическіе примѣры для мелочной торговли. Теорія Бухгалтеріи, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и опредѣленій, принятыхъ въ книгахъ коммерческихъ, составлена у меня совершенно въ новомъ, и, смѣю надѣяться, въ яснѣйшемъ видѣ. Я старался почти вездѣ, говоря о счетахъ и ихъ употребленіи въ книгахъ, излагать не одни только правила, но и причины дѣйствія, почему именно предписаннымъ порядкомъ разносятся счеты по книгамъ,

и какую необходимую связь имѣетъ одинъ счетъ съ другимъ. Обыкновенный способъ для вывода счетовъ чрезъ *дебетъ и кредитъ,* замѣненъ у меня просто словами *прихода* и *расхода;* ибо первые термины не всѣмъ нашимъ купцамъ такъ вразумительны, какъ послѣдніе. Вмѣсто обширныхъ выписокъ счетовъ, я къ теоріи присоединилъ только нѣсколько примѣровъ разничной торговли, съ показаніемъ образцевъ книгъ и наставленіемъ, какимъ порядкомъ означенное производство слѣдуетъ разнести по симъ книгамъ.»—Эта выписка показываетъ съ одной стороны содержаніе «Коммерческой Бухгалтеріи», съ другой, что издатель для составленія этой книги имѣлъ свой основательно-обдуманный планъ, который имъ выполненъ въ практическихъ отдѣленіяхъ довольно-хорошо. Теоретическое отдѣленіе не соотвѣтствуетъ ожиданію: оно не даетъ общаго и яснаго понятія о счетоводствѣ. Въ доказательство мы представимъ нѣсколько замѣчаній, не входя въ подробности. Во-первыхъ, странно видѣть названіе «Коммерческая Бухгалтерія». Зачѣмъ не употребить русскаго названія: *торговое счетоводство,* которое значитъ то же самое, а для насъ понятнѣе? Во-вторыхъ, эта книга научаетъ только примѣненію счетоводства къ разничной, лавочной торговлѣ; по ея наставленіямъ нельзя сдѣлаться полнымъ счетоводомъ. Въ-третьхъ, изложеніе правилъ и опредѣленія сдѣланы сбивчиво и неясно. Напримѣръ, § 1: «бухгалтеріею называется наука, показывающая способы, какимъ порядкомъ кратко и ясно, для всегдашняго обозрѣнія, записаны должны быть въ книги имѣнія и дѣла купца.» Это опредѣленіе относится только къ примѣненію бухгалтеріи, то-есть, счетоводства, къ торговлѣ; но счетоводство вообще бываетъ не исключительно-торговое, а принадлежитъ всякой промышлености, какъ заводской, такъ и сельской.—§ 10. «Счетъ баланса означаетъ двухъ вещей равновѣсіе.» Неясно. Счетъ баланса значитъ сравненіе прихода съ расходомъ, и проч. и проч.

226) О Патогеніи Сердца и Артерій, *сочиненіе штаб-лекаря* Павла Шюца. *С.-П. бургъ. Въ тип. Сахарова.* 1839. *Въ 8-ю д. л. 24 стр.*

Новѣйшія физіологическія изслѣдованія касательно строенія и отправленій (functio) сердца и артерій, произведенныя Чарлемъ Беллемъ, Тидеманомъ, Бреше, Гёнлейномъ, Мекелемъ, Сёммерингомъ, Кобервейномъ и др., были весьма-поучитель-

ны для патологіи и терапіи. Примѣненныя къ болѣзненному состоянію организма, эти новыя открытія содѣйствовали къ распознанію многихъ болѣзней, въ существованіи коихъ прежде сомнѣвались. Лишь съ этого времени начали обращать особенное вниманіе на патологическія измѣненія сосудистой системы, особенно сердца, артерій и венъ; тогда появились превосходныя монографіи о болѣзняхъ этихъ органовъ животной экономіи. Изъ большаго числа писателей касательно патологическихъ измѣненій сердца и артерій приводя новѣйшихъ: Крейсига, Хотсона, Жандрена, Томсона, Хупе, Деви, Шёнлейна и другихъ, мы обратимся къ любопытной брошюркѣ г. Шюца, который чистымъ, яснымъ языкомъ описалъ одну изъ болѣзней сердца и артерій и этимъ сдѣлалъ истинно-пріятный подарокъ русскимъ врачамъ. Важное значеніе сердца доказываетъ г. Шюцъ сношеніемъ его съ легкими, желудкомъ, спиннымъ мозгомъ и собственно (головнымъ) мозгомъ, такъ-что прикосновеніе къ скитающемуся нерву (nervus vagus) или раздраженіе спиннаго мозга измѣняетъ дыханіе, движенія сердца и всего кровообращенія. Чтобы опредѣлить вліяніе нервовъ на жизнь сердца, надобно дѣйствовать на послѣднее отдѣльно и независимо отъ органовъ дыханія. Для-этого должно было бы видѣть ихъ (нервовъ) дѣйствіе въ зародышѣ, у котораго бьется сердце, а легкія бездѣйственны, или сдѣлать этотъ опытъ надъ животнымъ, лишеннымъ дыханія, или по-крайней-мѣрѣ надъ такимъ, у котораго дыхательные органы имѣли бы нервы особенные, отдѣленные отъ начала и раздѣленія съ нервами сердца. Конечно, имѣются такія животныя, но по ихъ различію отъ человѣка, нельзя истолковать загадочныя мѣста исторіи жизни послѣдняго. Сердце, какъ мышца, на-ряду съ отправленіями (functio) прочихъ мышцъ, не должно бы представлять важныхъ болѣзней; но, будучи помѣщено въ грудной полости и имѣя связь съ важными органами животной экономіи, отъ болѣзненнаго измѣненія нарушается оно въ отправленіяхъ (functio) своихъ, и напротивъ, измѣненія, въ немъ происходящія, имѣютъ значительное вліяніе на отправленія окололежащихъ органовъ. Отъ этого зависитъ трудность распознанія мѣста и причины болѣзни, различенія припадковъ отъ болѣзни, сочувственныхъ вліяній прочихъ органовъ отъ собственнаго пораженія самого сердца. Лишь прилежное изслѣдованіе припадковъ, критиче-

ское сличеніе сходственныхъ болѣзней, вниканіе въ предрасполагающія и производящія причины и прислушиваніе (auscultatio) стетоскопомъ облегчаютъ и довершаютъ леченіе.—Изложеніе развитія болѣзненнаго состоянія сердца мы предоставляемъ любопытнымъ прочитать въ самой книгѣ, а теперь перейдемъ къ воспаленію артерій, обнаруживающемуся слѣдующими припадками: сильное неправильное біеніе всѣхъ артерій, по-временамъ примѣтное въ сонныхъ и височныхъ; пульсъ твердый, ровный, не такъ скорый; больной жалуется на сильную, весьма-тягостную вибрацію сердца, иногда видимую и слышимую; иной больной чувствовалъ, какъ-будто кто проводилъ раскаленнымъ желѣзомъ по пространству нисходящей аорты до бедренной артеріи; у двухъ больныхъ лицо было красное и живое, у третьяго блѣдное и вялое (отъ сострраданія сердца). Большое безпокойство и слабость, безъ затрудненія въ дыханіи, оказывались во всѣхъ случаяхъ. Воспаленіе артерій отъ внутреннихъ причинъ есть вообще болѣзнь рѣдкая, сложная по причинѣ сострраданія сердца, сумочки сердца и легкихъ, почему и ея распознаваніе весьма-затруднительно. Болѣзненные метаморфозы сердца и его принадлежностей, весьма-любопытные въ анатомико-патологическомъ отношеніи, суть: 1) утонченіе и отолщеніе вещества сердца; 2) расширеніе сердца; 3) аневризма грудной части аорты; 4) отвердѣніе и окостенѣніе; 5) съуживаніе сердцевыхъ отверстій и сосудовъ, или аномаліи заслоночекъ; 6) расширеніе или несовершенныя закрытія соединительныхъ отверстій сердца; 7) сращеніе сердца съ сердечною сумочкой; 8) наросты на сердцѣ, сердечной сумочкѣ и большихъ сосудахъ, и 9) полипы. Въ-подтвержденіе вышесказаннаго о воспаленіи сердца и артерій г. Шюцъ приводитъ изъ собственной практики нѣсколько поучительныхъ примѣровъ, разсказанныхъ со всею искренностію и знаніемъ дѣла. Усердный трудъ г. Шюца удостоится, сколько можемъ надѣяться, вниманія любознательныхъ врачей, тѣмъ болѣе, что это первое сочиненіе въ русской медицинской литературѣ о болѣзняхъ сердца и артерій.

227) Разсужденіе о металлической Коликѣ, *штаб-лекаря* Павла Шюца. *С-П. бургъ. Въ тип. Сахарова.* 1839. *Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Въ числѣ разнообразныхъ видовъ колики, металлическая или

свинцовая самая ужасная. Въ предлежащемъ разсужденіи г. Шюцъ подробно описываетъ страданія, происходящія отъ этой болѣзни. Управлявши барнаульскимъ госпиталемъ, онъ имѣлъ случай неоднократно наблюдать ея припадки. Изложивъ въ своемъ сочиненіи горное производство на заводахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Колывановоскресенскихъ и занимающихся обработкою золотосодержащаго серебра, мѣди и свинца, г. Шюцъ обстоятельно знакомитъ читателя съ этимъ дѣломъ (стр. 1—30) и потомъ уже переходитъ къ описанію металлической колики. Изъ разсужденія г. Шюца мы сдѣлаемъ только существенное извлеченіе того, что̀ относится къ помянутой болѣзни.

«*При плавкѣ рудъ въ шахтныхъ печахъ* отдѣляются газы и пары, состоящіе преимущественно изъ сѣрноватой кислоты, хлороваго газа, свинца и цинковаго окисла, соединенныхъ съ угольною кислотою. *При обработкѣ выплавленнаго роштейна металлическимъ свинцомъ* на извлекательныхъ горнахъ работники также подвергаются металлическимъ испареніямъ. Газъ сѣрноватой кислоты и окиселъ свинца дѣйствуютъ разрушительнѣе, чѣмъ газообразныя соединенія шахтныхъ печей, производятъ болѣе-значительные припадки въ легкихъ и полагаютъ начало страданія въ другихъ органахъ. *Раздѣляя серебристый свинецъ*, болѣе всего страдаетъ абтрейберъ, который находясь близь печи и въ сильномъ жару, очищаетъ расплавленный окиселъ свинца или глетъ съ поверхности металла до-тѣхъ-поръ, пока свинецъ весь окислится и въ печи останется чистое серебро или такъ-называемый бликъ. Легкія этого работника, вдыхая окиселъ свинца свободный или соединенный съ угольною кислотой, подвергаются различнымъ измѣненіямъ, отъ-чего происходитъ въ организмѣ настоящее отравленіе свинцомъ или металлическая колика. Изъ этого видно, что металлическія испаренія, при каждой работѣ имѣютъ вліяніе на легкія здороваго человѣка и по качеству своему могутъ производить различные болѣзненные припадки. *Работники, занимающіеся плавкою рудъ на шахтныхъ печахъ*, страдаютъ сухимъ, безпрестаннымъ удушливымъ кашлемъ, что̀ сопровождаютъ блѣдность, иногда краснота въ лицѣ, головная боль, тупая боль въ груди, полный и скорый пульсъ. Впослѣдствіи припадки усиливаются, такъ-что при малѣйшемъ движеніи происходитъ біеніе (трепетаніе?) сердца, страхъ, свистящее дыханіе съ измѣняющимися медленнымъ пульсомъ, что̀ все оканчивается изнуреніемъ легкихъ. Леченіе состоитъ въ кровопусканіи, не смотря на тѣлосложеніе, и способствованіи отдѣленію мокроты изъ легкихъ. Для этого нужно употреблять размягчающіе пары. Пища больнаго должна быть легкая. Тѣ, которые производятъ *обработку выплавленнаго роштейна металлическимъ свинцомъ*, испытываютъ припадки подобные вышеописаннымъ, но только въ высшей степени. У нихъ дѣлается запоръ а низъ и чувствуется боль въ предсердіи (подъ ложечкою) или около

пупка, иногда тошнота, сухость во рту и жажда. Здѣсь полезны промывательныя, теплыя припарки на животъ, успокоивающія мази, сѣрнокислая сода и магнезія. Кровь, выпущенная изъ вены, обращается въ плотную массу, цвѣта темнокраснаго, зеленоватаго, иногда покрытую бѣловатымъ веществомъ или прослоенную въ срединѣ. Вскрытіе умершихъ отъ этихъ болѣзней представляло органическія поврежденія легкихъ, приращеніе ихъ къ подреберной плевѣ, иногда увеличеніе полости сердца, полипы. Эти люди получаютъ начало къ металлическому удушью. Особенные припадки, отличающіеся отъ прочихъ и называемые свинцовою или металлическою коликою, составляютъ болѣзни работниковъ, кои находятся *при раздѣленіи серебристаго свинца на трейбофенахъ.* Первый припадокъ свинцовой колики начинается упорнымъ, болѣе и болѣе увеличивающимся запоромъ на низъ; потомъ появляется въ животѣ сжимающая боль, особливо около пупка, который втягивается внутрь съ болью къ поясницѣ, такъ-что препятствуетъ стоять на ногахъ и сидѣть. Къ этому присоединяется запоръ мочи въ то время, когда боль простирается до почекъ. Запахъ изо рта дурной, жажда большая, ротъ сухой, иногда покрытый коричневымъ цвѣтомъ или оболочкой; пульсъ, особливо во время боли, слабый, медленный, перемежающійся; голосъ сиповатый, рѣчь невнятная, слухъ и зрѣніе постепенно уменьшаются. Часто рветъ больнаго острою, кислою жидкостію. Характеристическая боль въ конечностяхъ (рукахъ и ногахъ), начинающаяся послѣ нѣкотораго времени, сопряжена сперва съ судорожными движеніями, скоро переходитъ въ тупое чувство и накопецъ въ совершенное онѣмѣніе. Всего чаще поражаются параличомъ руки, а иногда ноги; дѣлается падучая болѣзнь и обмороки; накопецъ, при изнурительной лихорадкѣ, постепенно высыхаютъ члены, одержимые параличемъ; показываются накожныя сыпи, водяная болѣзнь и совершенный упадокъ силъ, а иногда варикозное значительное воспаленіе кишекъ оканчиваетъ жизнь больнаго. Когда пульсъ становится скорѣе, полнѣе, мягче, пропадаетъ жажда, исчезаютъ дурной запахъ изо рта и жажда, кожа становится мягче и показывается испарина съ уменьшеніемъ боли около пупка, то можно ожидать счастливаго окончанія болѣзни. Но въ высшей ея степени, особенно при параличахъ, надежда на выздоровленіе напрасна. Вскрытіе труповъ показало сросшіяся между собою, сильно воспаленныя, или въ антоновъ огонь перешедшія, затвердѣлыя, безорганизованныя кишки. Въ пользованіи металлической колики должно руководствоваться тремя показаніями, кои суть: 1) удаленіе, или по-крайней-мѣрѣ *уменьшеніе судорогъ* общими противусудорожными средствами, особенно опіемъ; 2) *разложеніе ядовитыхъ началъ, находящихся въ кишечномъ каналѣ* и 3) *испражненіе изъ пищепріемнаго канала ядовитыхъ началъ* и большаго количества твердыхъ экскрементовъ и острой желчи — слѣдствія продолжительныхъ запоровъ.»

Представивъ вѣрную картину страданій, причиняемыхъ металлическою коликой, снятую съ самой природы, г. Шюцъ

заслуживаетъ признательность врачей за это; воспользовавшись всѣми возможными случаями наблюдать эту ужасную болѣзнь, онъ не упустилъ ничего изъ вида и описалъ ее со всѣми ея оттѣнками, нерѣдко укрывающимися даже отъ опытныхъ практиковъ. Напрасно повторять здѣсь, что подобныя монографіи полезны и дѣлаютъ честь ихъ составителямъ.

228) **О вторичномъ прививанiи предохранительной оспы.** *С.-П. бургъ. Въ тип. Министерства Внутр. Дѣлъ.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 74 *стр.*

Появившаяся въ 1838 году во многихъ мѣстахъ натуральная оспа со всѣми обыкновенными ея послѣдствіями, а особенно осенью, когда въ столицѣ поражала она даже тѣхъ, коимъ привита была оспа предохранительная — подала поводъ многимъ практическимъ врачамъ приступить ко второму прививанію коровьей оспы. Зная изъ прежнихъ опытовъ, что вторичное прививаніе большею частію безуспѣшно, г. гражданскій генерал-штаб-докторъ почелъ необходимымъ собрать сколько-можно-болѣе наблюденій касательно этого дѣла, отнесся къ врачамъ, и отзывы послѣднихъ представилъ Медицинскому Совѣту. Важнѣйшія изъ этихъ наблюденій, напечатанныя по опредѣленію Медицинскаго Совѣта, суть слѣдующія. Разсужденіе доктора Грума (стр. 2—47). Въ немъ излагается подробно все, что относится къ этому важному предмету вторичнаго прививанія предохранительной оспы; показаны виды 1) оспы натуральной, 2) вѣтренной, 3) настоящей или истинной-предохранительной, 4) ложной-предохранительной, 5) видоизмѣненной-предохранительной, 6) осповидной сыпи, или варіолоидъ, и потомъ описывается ходъ каждой изъ нихъ. Послѣ этого г. Грумъ разсматриваетъ вопросъ: предохраняетъ ли коровья оспа отъ натуральной? Въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, гдѣ производилось прививаніе коровьей оспы, было много примѣровъ появленія сыпи, господствовавшей повально и походившей на оспу натуральную даже у тѣхъ людей, которые имѣли предохранительную. Изъ этого возникъ вопросъ: не можетъ ли одинъ и тотъ же человѣкъ, имѣвшій настоящую вакцину, заразиться натуральною оспой при эпидемическомъ господствованіи послѣдней? и еще: настоящая вакцина предохраняетъ ли человѣка на всю жизнь отъ натуральной оспы? Послѣ многихъ опытовъ, наблюденій и споровъ, нынѣ составились *два мнѣнія*;

по одному изъ нихъ допускается лишь временное предохранительное свойство вакцины, *по другому* принимается воспослѣдовавшее измѣненіе вакцинной влаги и оскудѣніе въ ней предохранительной силы. Докторъ Геймъ, придерживаясь перваго мнѣнія, утверждаетъ, что прививная оспа (вакцина) предохраняетъ человѣка лишь въ-продолженіе 14 лѣтъ, а послѣ этого надобно прививать ее снова. Докторъ Тюэфферъ (Tuéfferd) принадлежитъ также къ послѣдователямъ этого мнѣнія. — Вторичное оспопрививаніе предпринято 1823 года и въ первый разъ, 1827 года, надъ солдатами виртембержской арміи; въ Пруссіи въ этомъ году снова привита предохранительная оспа 47,268 солдатамъ. Изъ этихъ опытовъ заключали, что вторичное оспопрививаніе уменьшаетъ оспенныя эпидеміи. Сколь ни важны были бы эти опыты, но вторичное прививаніе предохранительной оспы дѣлается лишь по предположенію, будто первое ея прививаніе составляетъ только временное предохранительное средство противъ натуральной оспы. Не соглашаясь съ приведеннымъ предположеніемъ, другіе совѣтуютъ прививать непосредственно оспу, снятую съ коровьяго вымени, что̀ нетрудно, какъ показалъ опытъ, сдѣланный въ Виртембержскомъ Королевствѣ. Французскіе врачи *Бриссе* и *Фіаръ* и *Буске*, защищающіе второе мнѣніе, что предохранительная сила вакцины измѣняется, ослабѣваетъ, предлагаютъ возобновлять ее. Но Боделокъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ дѣтскихъ врачей въ Парижѣ, донесъ Королевской Медицинской Академіи, что̀ онъ прививалъ очень-многимъ дѣтямъ предохранительную оспу въ другой разъ, и не замѣтилъ настоящихъ оспинокъ. Докторъ Деппъ, главный врачь Санктпетербуржскаго Воспитательнаго Дома, говоритъ, что случаи появленія натуральной оспы на дѣтяхъ, имѣвшихъ коровью оспу надлежащихъ качествъ, весьма-рѣдко были замѣчены въ кругу его дѣйствія, и то развѣ на одномъ изъ 1000 дѣтей. Эта оспа была столь легка, что проходила безъ всякой врачебной помощи. Коровья оспа, прививаемая дѣтямъ Воспитательнаго Дома со времени Дженнера, никогда не была возобновляема, но совершенно сохранила первоначальные свои признаки и наружныя свойства, что̀ видѣлъ также знаменитый *Рустъ*, посѣщавшій 1835 года лазареты Воспитательнаго Дома. Жерарденъ, французскій врачь, также доносилъ Парижской Академіи Наукъ, что натуральная оспа пока-

зывалась едва у одного из 1500 или 2000 дѣтей, имѣвшихъ привитую оспу. Онъ утверждалъ, что во время оспенной эпидеміи 1826 года въ разныхъ департаментахъ Франціи, дѣти, коимъ привита была коровья оспа и со тщаніемъ, не подвергались дѣйствію эпидеміи. Въ концѣ разсужденія г. Грумъ исторически описываетъ распоряженія правительства на-счетъ оспопрививанія въ Россіи. Г. докторъ Спасскій, въ отличномъ разсужденіи своемъ, рѣшительно отвергаетъ необходимость вторичнаго прививанія предохранительной оспы (стр. 46—64). Отзывы другихъ врачей, содержащіеся въ этой книгѣ (стр. 64—75), болѣе или менѣе подтверждаютъ мнѣніе, изъясненное въ первыхъ двухъ разсужденіяхъ; всѣ эти отзывы вообще очень-любопытны и составлены съ надлежащею отчетливостію и знаніемъ дѣла.

229) Общая Терапія. Ф. Карла Гартмана *доктора медицины и профессора при Вѣнскомъ Университетѣ, изданная* практическимъ врачемъ *съ публичныхъ лекцій. Переводъ. С.-П.-бургъ. Въ тип. Сахарова.* 1839. *Въ* 16-*ю д. л.* 144 *стр.*

Какъ часто усердные слушатели вредятъ своимъ наставникамъ, принимаясь, безъ знанія дѣла, передавать ихъ лекціи, можетъ-быть, очень-хорошо-излагаемыя изустно! Эти усердные друзья дѣлаютъ зла больше, чѣмъ жесточайшіе враги.

Вѣроятно профессоръ Гартманъ предполагалъ, хорошенько исправивъ, издать со-временемъ свои лекціи, какъ вдругъ нежданно явился одинъ изъ его слушателей и отпечаталъ наставленія своего учителя; за нимъ нашелся еще другой — и передалъ ихъ на русскомъ языкѣ. Въ этомъ *другомъ* похвально воздержаніе, что онъ умолчалъ о своемъ имени. Но что̀ намъ до названья! Прочитавъ этотъ переводъ «Общей Терапіи», мы не можемъ сказать, къ-сожалѣнію, ничего о пользѣ ни самого оригинала, ни его перевода, потому-что первый не обогатитъ врача свѣдѣніями, а переводъ таковъ, что нельзя прочитать его отъ начала до конца. Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ нѣсколько мѣстъ. Въ § 14-мъ встрѣчается отсутствіе здраваго смысла: «чего не излечивалъ прешедшій вѣкъ, то вылечиваетъ будущій»; § 16 вовсе не понятенъ; въ § 27 находимъ «гнилостивыя истеченія!!» (т. е. гнилыя испаренія); въ § 30 описывается какая-то «постель (больнаго) изъ растительнаго матеріала» (??); въ § 35 хорошо выражены положенія больнаго: «горизон-

тальное наклонное (!!) впередъ или назадъ, съ возвышенною головой, грудью или тазомъ, то на томъ, то на другомъ боку. то прямое (?), то согбенное» (?!); въ § 44 видимъ «высшую степень, до которой можно возвышать»;—также хорошо сочетаніе въ § 46: «въ больномъ къ болѣзни болѣзнь» и «образъ жизни, сообразный». Но самое странное для насъ слѣдующее: «надобно знать входъ, коимъ начинается вредоносное вліяніе, для того, чтобы заградить его (входъ или вліяніе?) отъ болѣзненной силы»; далѣе: «надобно выгонять изъ организма (вѣроятно, какъ выгоняютъ духовъ нечистыхъ) болѣзненныя вліянія». «*Водобоязненный* (водобоязнь производящій) ядъ». Кажется довольно этого?..

230) **Французскій Учитель**, *или руководство для перевода съ Русскаго на Французскій, въ пользу Россійскаго юношества изданное братьями* Куртенеръ. *Четвертое изданіе, исправленное и дополненное. Москва. Въ Унив. тип.* 1839. *Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ* 1-*й*—150; *во* 2-*й*—75 стр.

Двѣ методы господствуютъ еще и теперь въ языкоученіи. Приверженцы первой, не различая изслѣдованій языка, которыя основываются на общихъ началахъ человѣческаго слова и составляютъ *науку*, отъ изученія правилъ какого-либо языка, образующихъ *искусство*, преподаютъ и живые языки такъ же, какъ преподавались обыкновенно мертвые, греческій и латинскій; то-есть исключительное вниманіе обращаютъ на затверживаніе грамматическихъ формъ, безъ малѣйшаго помышленія о знакомствѣ съ языкомъ заблаговременно, объ усиленіи его механизма, который дается труднѣе отвлеченныхъ правилъ. Послѣдователи второй методы—методы Жакото — выходятъ напротивъ отъ *механическаго* знакомства съ языками къ знакомству *отвлеченному*. Къ-чему, говорятъ они, правила безъ фактовъ, общія начала безъ предварительнаго запаса примѣрами, отвлеченности безъ частныхъ понятій, основанія безъ наблюденій, причины безъ слѣдствій? La jeunesse сказалъ Ж.-Ж. Руссо въ «Эмилѣ», ne doit rien généraliser Toute son instruction doit être en règles particulières.

Въ настоящее время странно было бы разсуждать, которая изъ двухъ методъ полезнѣе: опытные учители давно рѣшили вопросъ о ихъ первенствѣ. Однакожь есть случаи, когда послѣдній способъ,—способъ заблаговременнаго механи-

ческаго знакомства съ языками,—не можетъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, имѣть надлежащаго приложенія, и когда, слѣдовательно, необходимо прибѣгнуть къ курсамъ, содержащимъ въ себѣ легкія правила, которыя по возможности замѣняютъ недостатокъ предварительнаго чтенія, ученія наизусть и другихъ практическихъ упражненій въ языкоученіи. Я разумѣю людей, *достаточно*-взрослыхъ, имѣющихъ, напримѣръ, нужду въ французскомъ языкѣ и между-тѣмъ плохо даже читающихъ на немъ: что прикажете съ ними дѣлать? Не заставить же ихъ учить наизусть Телемака, отъ словъ: Calipso ne pouvait... до слова fin. Это и тяжело для господъ начинающихъ брить бороду, да и поздненько. Тогда руководства гг. Перелогова Куртнера, Краузе составляютъ необходимосмь необходимѣйшую. Знакомые съ двумъ языками, русскимъ и французскимъ, они подмѣтили многія правила, которыя чрезвычайно облегчаютъ *достаточно*-взрослыхъ юношей на пути къ языку Расина и Корнеля— такъ облегчаютъ, что учащіеся по ихъ книгамъ въ короткое время начинаютъ переводить съ французскаго на русскій.

231) **Ариѳметика** *въ вопросахъ и отвѣтахъ (,) расположенная* **по новѣйшему методу.** ***Въ двухъ частяхъ*** *(?)* ***для*** *легчайшаго обученія дѣтей (?).(,)* ***Составленная*** Меморскимъ. ***Москва. Въ тип. А. Евреинова.*** 1839. ***Въ*** 12 *д. л.* 162 *стр.*

Не уже ли есть еще на Руси люди, которые учатся по «Ариѳметикѣ» Меморскаго, выдержавшей, кажется, чуть-ли не сорокъ изданій? Видно есть, когда эта «Ариѳметика» перепечатывается. Отъ-чего же, скажите, не пользуется этою честію, напр. «Грамматика» Ломоносова, или «Ядро Россійской исторіи» Хилкова? Вѣдь эти почтенныя книги ничѣмъ не хуже учебниковъ Меморскаго.

232) **Всемірная Галлерея** *(или?)* 10 **Копѣекъ Серебромъ.** ***С.-П. бургъ. Въ тип. Плюшара.*** 1839 г. ***Въ*** 8-ю *д. л.*

На дняхъ вышли какія-то три тоненькія тетрадочки подъ вышеприведеннымъ названіемъ,—тетрадочки престранныя! Онѣ безъ обертки, даже безъ заглавнаго листа, безъ порядочной нумераціи страницъ. На первой страницѣ одной изъ нихъ напечатано: «№ 1, Леонардо да Винчи», на второй: «№ 5, Георгъ Фридрихъ Гендель», на третьей: «№ 9, Христосъ младенецъ спящій». Каждая изъ нихъ переплетена въ розовую ленточку, и на этой розовой ленточкѣ съ одной стороны напеча-

тано крупными буквами: «Всемірная Галлерея», а на другой такими же крупными буквами: «10 Копѣекъ Серебромъ»; слѣдственно, оставляется на произволъ каждому выбрать то или другое названіе этому мудреному изданію: можете назвать его и «10-ю Копейками Серебромъ» и «Всемірною Галлереею», — какъ угодно. Начавъ пересматривать листки этихъ тетрадочекъ, мы замѣтили въ каждой изъ нихъ по четыре политипажныя картинки, которыя, кажется, мы видѣли уже прошлаго года въ «Художественной Газетѣ», а статей не помнимъ, потому-что имѣли обыкновенія не читать статей «Художественной Газеты». Теперь, по обязанности рецензента, мы прочли и статьи, приложенныя къ картинкамъ. Статьи сіи, каждая въ двѣ страницы, суть коротенькія объясненія каждой картинки, выбранныя, кажется, изъ иностранныхъ статеекъ, но переданныя дурнымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, намъ кажется, что за каждую тетрадку, состоящую изъ четырехъ картинъ, можно заплатить назначенный за нее гривенникъ, т. е. по гривнѣ за картинку.

233) Книга адресовъ столицы Москвы, *составленная изъ документовъ и свѣдѣній правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ, изданная маіоромъ и кав.* Фон-Метелеркампомъ и К. Нистремомъ. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго.* 1839. *Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части* — 323, *во 2-й* — 282 *стр.*

Говорить о пользѣ подобныхъ книгъ излишне. Всякій болѣе или менѣе знаетъ, какъ непріятно затрудняться въ пріискиваніи лицъ и мѣстъ, до которыхъ имѣется надобность, особенно въ такомъ городѣ, какова Москва — *дистанція огромнаго размѣра.* Правила и обстоятельства, которымъ покорялась редакція «Книги Адресовъ», суть слѣдующія:

1) «Книга Адресовъ» печаталась по-мѣрѣ поступленія оригиналовъ; слѣдовательно, невозможно было соблюсти строгой разборчивости относительно порядка присутственныхъ и прочихъ мѣстъ, что весьма-неудобно, хотя и не противорѣчитъ главной цѣли изданія — означить мѣста жительства московскихъ обывателей.

2) Присовокуплены свѣдѣнія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и нѣкоторыхъ обществахъ, хотя они и не входили первоначально въ составъ книги.

3) Изъ числа ремесленниковъ помѣщены имѣющіе не менѣе

четырехъ или шести работниковъ; равно ремесленники, пользующіеся, по цѣнѣ своихъ произведеній, особеннымъ вниманіемъ публики, хоть и неимѣющіе вышеозначеннаго числа работниковъ.

4) Въ спискѣ дамъ преимущественно означены тѣ, которыхъ *супруги не находятся* въ Москвѣ (??!!).

5) Присовокупленъ алфавитный указатель фамилій.

6) Духовенство, состоящее при монастыряхъ и церквахъ слѣдуетъ безъ алфавита (?).

7) Вольнопрактикующіе врачи, хирурги, акушеры и повивальныя бабки значатся по частямъ города, гдѣ имѣютъ жительство.

8) Изданіе новой «Книги Адресовъ» предполагается не прежде 1-го января 1841 года, а въ сентябрѣ текущаго, для большей полноты и точности, издадутся *прибавленія* о занятіяхъ, произведеніяхъ и торговлѣ тѣхъ лицъ, которыя не могли по чему-либо доставить о себѣ заблаговременно свѣдѣній, также о перемѣнѣ жительства другихъ особъ, и проч. и проч.

Доброму намѣренію гг. издателей «Книги Адресовъ» мы отдаемъ полную справедливость; но планъ и исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ этому доброму намѣренію. Мы говоримъ *планъ,* когда бы должны были сказать, что здѣсь вовсе нѣтъ плана: это собраніе свѣдѣній о жителяхъ Москвы, свѣдѣній, расположенныхъ безъ всякой системы, безъ всякаго порядка, что однакожь для книгъ такого рода необходимо. Но еще болѣе «Книга Адресовъ» заслуживаетъ упрекъ за неполноту и невѣрность сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Возьмемъ для примѣра что-нибудь. Вы литераторъ, и, естественно, можете имѣть нужду въ другомъ литераторѣ, къ которому вы хотѣли бы написать письмо, послать свою книгу, и т. п. Вы справляетесь съ «Книгой Адресовъ» и рѣшительно не находите того, кого вамъ нужно. Такъ мы тщетно искали въ «Книгѣ Адресовъ Москвы» адресовъ г. *Баратынскаго* (у котораго въ Москвѣ свой домъ), *Хомякова* (то же) *Вельтмана, Шевырева* (свой домъ) *Павлова* (Н. Ф.), и пр. и пр. Есть, на-оборотъ, адресы такихъ лицъ, которыя въ Москвѣ не живутъ; напримѣръ: «Надеждинъ, Никол. Ив. магистръ, профес. словесности, 9 кл., Сущ. Ч., 2 кв., бл. карет. ряд., д. бывшій гр. Остермана Толстаго.» Мы не составляемъ книги адресовъ, а можемъ увѣрить «Книгу Адресовъ», что Н. И. На-

деждинъ не магистръ, а докторъ этико-филологическихъ наукъ, и живетъ не въ Москвѣ, а въ Одессѣ. Многія имена совершенно искажены опечатками: напримѣръ, учебныя заведенія г-жъ Шпоръ, Де-Бошъ и Шрейеръ переименованы въ Шкоръ, Де-Бомъ, Шрейфъ,—*et sic ad infinitum.* Такіе недосмотры и недомолвки изъ полезной книги могутъ сдѣлать книгу самую безполезную.

234) **Таинственная Цыганка,** *предсказывающая судьбу женихамъ и невѣстамъ.* Изданіе четвертое. (!!!) *Москва Въ тип. И. Смирнова.* 1839. *Въ 8-ю д. л.* 16 *стр.*

235) **Сивилла** *или утренняя разскащица сновъ, выбранная изъ сочиненій многихъ иностранныхъ и въ сногадательной наукѣ искусныхъ мужей, какъ-то:* Платона, Птоломея, Алія, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Іоанна Кенигзбергера. *Въ 2-хъ частяхъ. Москва. Въ тип. В. Кирилова.* 1839. *Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части* — 110, *во 2-й* — 47 *стр.*

Что сказать объ этихъ двухъ книжонкахъ? Развѣ подивиться четвертому изданію «Таинственной Цыганки?» Но это не порокъ ея, а *достоинство,* если принять мнѣніе одного «сочинителя», котораго сочиненія достигали также двухъ, трехъ изданій. Замѣтить, что онѣ напечатаны въ типографіи Кирилова и Смирнова? но это также не порокъ ихъ и не достоинство. Итакъ, за неимѣніемъ сказать о нихъ *что-либо,* не скажемъ *ничего.*

—

Les Préludes, par M-me Caroline Pavlof, née Jaenisch (Прелюдіи, Каролины Павловой, *урожденной* Янишъ). Paris. 1839.

Во Франціи явилась книга, на которой встрѣчаемъ мы русское имя, и хотя языкъ, какимъ она написана, не нашъ, но все-таки это произведеніе русскаго таланта, и мы съ радостію причисляемъ ее къ явленіямъ нашей литературы. Мы говоримъ про книгу, заглавіе которой выписано выше: это — собраніе переводовъ на французскій языкъ съ англійскаго, нѣмецкаго, русскаго и др. — Переводъ, говоря вообще, можетъ имѣть различное достоинство, смотря по тому, какъ выполняетъ онъ свое назначеніе. Мы видимъ много переводовъ, болѣе или менѣе приближающихся къ подлиннику, переводовъ одушевленныхъ, иногда пламенныхъ, но въ которыхъ большею частію замѣтно субъективное чувство переводчика, принадлежащее

ему собственно, а не переводимому имъ автору; слѣдовательно, самое произведенiе художника остается непереданнымъ вполнѣ. На такой степени переводъ еще не достигаетъ своего истиннаго назначенiя; мы можемъ назвать его *поэтическимъ* — не болѣе. Значенiе перевода выше. Переводчикъ, уже свободный отъ субъективнаго воззрѣнiя, съ одной стороны разрушаетъ словесныя формы произведенiя на одномъ языкѣ, и въ то же время, съ другой стороны, облекаетъ его въ новыя формы другаго языка, ему вполнѣ соразмѣрныя, и когда произведенiе поэта выходитъ изъ-подъ руки его въ новой, соотвѣтственной одеждѣ, не теряя нисколько своей художественности — тогда переводчикъ становится самъ причастенъ той великой творческой минуты художника, въ которую родилось его произведенiе. Это мгновенiе исполнено высокаго блаженжества для переводчика. Передъ нимъ, его собственнымъ вдохновенiемъ, открывается тайна великаго созданiя, которую понимаетъ онъ дѣятельно, творчески, воспроизводя это созданiе на другомъ языкѣ и облекая его въ иную, также художественную форму. Чтобъ быть такимъ переводчикомъ, нужно необходимо имѣть художническiй элементъ, для-того чтобы творчески постигнуть творческое произведенiе. Такiе только переводы называемъ мы совершенными, *художественными*, и къ такимъ-то переводамъ относимъ мы переводы г-жи Павловой. Намъ ясно теперь и то, отъ-чего г-жа Павлова переводитъ не на одинъ языкъ, но на нѣсколько: мы понимаемъ высокое ея наслажденiе. Но если переводчикъ испытываетъ блаженство, какъ творящiй, возсоздавая произведенiе художника на новомъ языкѣ, то читатель испытываетъ наслажденiе, созерцая то же произведенiе въ новой, вполнѣ-соотвѣтственной формѣ. Такое наслажденiе испытывали мы, читая переводы г-жи Павловой. Къ впечатлѣнiю нашему примѣшивалось изумленiе: не ужели это точно французскiй языкъ? не ужели на немъ, бѣдномъ, жалкомъ, могутъ быть переданы произведенiя Гёте, Шиллера, Пушкина? Но этотъ языкъ почувствовалъ тогда (чего онъ никогда не чувствовалъ) прикосновенiе творческой руки, воплощающей въ него художественную идею, и подъ этой зиждущей рукою переводчицы, передалъ онъ созданiя, ему чуждыя, созданiя истинныхъ поэтовъ; такое явленiе не могло быть произведено Французомъ. Если же и на томъ, все-таки бѣдномъ

и поверхностномъ языкѣ (потому-что существо языка никакая сила перемѣнить не въ-состоянии) г-жа Павлова могла передать произведенія истинной поэзіи, то можно себѣ представить, что такое ея переводы на нѣмецкій языкъ, глубокій и поэтическій, привѣтно-принимающій всякую идею въ свои формы!.. Мы отсылаемъ нашихъ читателей, желающихъ имѣть о томъ понятіе, къ собранію переводовъ г-жи Павловой, изданному въ Германіи, подъ названіемъ *Nordlicht*. Это торжество перевода; языкъ помогаетъ ему здѣсь явиться во всемъ своемъ достоинствѣ, т. е. не какъ списку или субъективному подражанію, а какъ свободному творческому возсозданію художественнаго произведенія....Но возвратимся къ «Préludes». Сказавъ наше мнѣніе о нихъ, сказавъ, что оно относится къ цѣлой книгѣ, какъ къ собранію переводовъ *художественныхъ*, укажемъ на нѣкоторые, въ которыхъ талантъ переводчицы могъ проявиться во всемъ блескѣ.

Къ числу такихъ относятя: извѣстная, чудная баллада Гёте *Богъ и Баядера*, переданная чрезвычайно-вѣрно, иногда съ изумительною близостью; — «Фарисъ», «Литовская пѣсня», «Пѣсня Вайделота». Только тотъ, кто читалъ подлинникъ, можетъ оцѣнить все великое достоинство такихъ переводовъ. Мы хотѣли назначить только лучшіе переводы и чувствуемъ себя въ затрудненіи, потому-что намъ приходится переименовать почти всѣ; предоставляемъ самимъ читателямъ обратиться къ этой столько замѣчательной книгѣ, и выпишемъ здѣсь одинъ переводъ, который своимъ достоинствомъ и достоинствомъ подлинника, столько знакомаго всѣмъ намъ Русскимъ, предпочтительно передъ другими, привлекаетъ наше вниманіе. Это «Полководецъ» — одно изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Прочтя его по-русски, вы невольно сомнѣваетесь, чтобы переводъ могъ передать все глубокое совершенство этого произведенія; но вы читаете переводъ и съ возрастающимъ изумленіемъ видите, что имъ передано все, передано художнически. Вотъ этотъ переводъ:

Au palais du Tsar russe est une vaste salle:
Là ne brille nul or, nulle splendeur royale,
La couronne en ce lieu ne se conserve pas,
Mais dans tout son contour, du haut jusques en bas,
Un peintre au pinceau large, à l'oeil vif et rapide,
Décora ses lambris sans y laisser de vide.
Et là ce ne sont point saintes aux traits divins,
Ni nymphes des bosquets, ni faunes et sylvains,

Mais sabres reluisants et manteaux militaires,
Et des fronts, pleins d'audace, et des faces guerrières.
L'artiste en rangs serrés a placé sous nos yeux
Les chefs de notre armée, et ces braves nombreux
Que recouvre à jamais de sa gloire jalouse,
L'immortel souvenir de l'an mil huit cent douze.
Devant eux à pas lents je passe mainte fois,
Je contemple leurs traits si connus, et je crois
Ouir leur cri de guerre au milieu du carnage.
Beaucoup d'entr'eux sont morts; d'autres, dont le visage
Brille si frais encor sur la toile à ce mur,
Inclinent, dejà vieux, dans un repos obscur,
Leur front chargé d'honneur.
Dans leur troupe vaillante

Il en est un surtout, dont l'image imposante
M'attire. . . là toujours je m'arrête rêveur,
Et plus je le contemple et plus je sens au coeur
Un douloureux regret, une tristesse amére.
Cet homme est peint en pied. Son front haut et sévère
Luit comme un crâne nu; c'est quelque deuil profond
Qu'on y croit deviner. Derrière, tout au fond,
Est un camp,—à l'entour la nuit etend son ombre.
Dans son dedain rêveur il est là calme et sombre.
L'artiste, à nos regards le présentant ainsi,
A rendre sa pensée a—t—il bien reussi,
Ou l'inspiration fut-elle involontaire?
Mais Dawe à son tableau donna ce caractreè
O chef infortuné! cruel fut ton destin!
A la terre etrangère immolant tout en vain,
Impenetrable aux yeux de la foule insensée,
Tu t'avançais, muet, seul avec ta pensée,
Et plein d'inimité pour ton nom etranger,
Ce peuple, qu'en secret tu sauvais du danger,
Te poursuivant de cris et d'insolents murmures,
A tes saints cheveux blancs prodiguait ses injures:
Et l'homme pénétrant qui te comprenait mieux,
Joignait à ces clameurs son blâme . . . .
A ta conviction restant toujours fidèle,
Longtemps tu bravas seul l'erreur universelle,
Enfin, à mi-chemin, il te fallut, guerrier,
Céder et ton pouvoir, et ton noble laurier,
Et ton profond dessein, longtemps mûri d'avance,
Et dans les rangs obscurs te cacher en silence.
Près des jeunes conscrits alors, comme un d'entr'eux
Qui vient d'ouir du plomb le sifflement joyeux,

Le vieux chef, à travers la cohorte serrée,
Se jetait au-devant de la mort désirée
En vain! . . .

. . . .

. . . .

Race triste et risible, ô pauvre race humaine!
Du seul succès present adoratrice vaine!
Que de fois devant toi passe un homme incompris,
Que son aveugle siécle accable de mépris,
Tandis qu'au temps futur son image muette
D'ardente émotion remplira le poëte!

Какая сила! какой мужественный стихъ!...

При концѣ приложены стихотворенія самой переводчицы; они произведеніе того же истиннаго исполненнаго силы таланта, который видѣли мы въ ея переводахъ. Намъ нравятся особенно второе и третье. Одно нельзя не выписать:

Quand ta voix est si tendre
Ton oeil si plein d'espoir,
Et j'entends sans entendre,
Je regarde sans voir,
Quand un soupir achève
Quelques mots dits tout bas,—
Oh, laisse que je rêve,
Ne t'en étonne pas.

Quand une étoile blanche
Luit au-dessus de nous,
Quand, muette, je penche
Mon front sur tes genoux,
Quand la tristesse effleure
Mon coeur entre tes bras,
Oh! laisse que je pleure,
Ne m'interroge pas.

Que t'importe quelle ombre
Passe devant mes yeux?
Qu'un instant tombe sombre
Dans mes instants joyeux?
Mes bonheurs, mes souffrances,
M'inondant tour à tour,
Mes rêves, mes silences,
Mes pleurs ne sont qu'amour.

Съ переводами г-жи Павловой у насъ на русскомъ языкѣ могутъ теперь быть сравнены только стихи неизвѣстной переводчицы, подписанные— *ва*—и помѣщенные въ V и въ этой книжкахъ нашего журнала.

Да, съ гордостію причисляемъ мы «Préludes» къ явленіямъ нашей отечественной литературы...

—

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

15) Skizzen *aus den neuesten astronomischen Reiseberichten des Dr. Nürnberger* (Очерки *изъ новѣйшаго астрономическаго путешествія Доктора Нюрнбергера*). *St. Petersburg. Gedr. bei K. Kray.* 1839. *In*-12. 22 *S.*

Брошюрка фантастическаго содержанія, написанная, какъ кажется, барономъ Будбергомъ — по-крайней-мѣрѣ, это имя стоитъ въ концѣ разсматриваемой нами книжки, имѣющей форму письма. Вотъ происхожденіе ея. Докторъ І. К. Нюрнбергеръ издалъ въ 1737 году, въ Кемптенѣ, астрономическое путешествіе или очерки небесной топографіи и планетарныхъ метампсихосовъ, изъ коего отрывки разсѣяны были прежде въ различныхъ нумерахъ «Вечерней Газеты» (Abend-Zeitung). Въ этомъ путешествіи авторъ прогуливается отъ одной планеты къ другой и разсказываетъ о каждой изъ нихъ то, что извѣстно современнымъ астрономическимъ наукамъ, давая этому повѣствованію поэтическую форму и позволяя себѣ фантазировать тамъ, куда еще не проникалъ взоръ науки. Но читатель не долженъ воображать, чтобъ это было нѣчто въ родѣ популярной астрономіи или бирдеватеровскихъ трактатовъ—тогда эти фантастическія путешествія въ глазахъ нашихъ имѣли бы большую цѣну—нѣтъ, здѣсь собственно являются идеи автора о будущемъ предназначеніи человѣка, о планетарномъ метампсихосѣ т. е. о послѣ-смертномъ странствованіи души отъ одной звѣзды къ другой, изъ коихъ каждая представляетъ болѣе и болѣе совершенное устройство. Въ этомъ странствованіи докторъ Нюрнбергеръ сопровождается какимъ-то жителемъ планеты Сатурна, который ему, новому Телемаку, служитъ менторомъ, или исполняетъ такую же скучную должность разсказщика и истолкователя, какъ Виргилій у Данта въ его «Божественной Комедіи». Послѣднее письмо съ того свѣта г. Нюрнбергеръ отправилъ 19 декабря 1838 года, и баронъ Будбергъ поспѣшилъ сообщить это важное посланіе нѣмецкой публикѣ. Такимъ-образомъ соединились въ одной и той же книжкѣ два имени: одно въ заглавіи, другое въ концѣ; т. е. писателя путешествія — доктора Нюрнбергера и издателя —барона Будберга.

Къ счастію нашему, докторъ Нюрнбергъ пишетъ по-нѣмецки; слѣдовательно довольно-темно, да еще съ примѣсью небеснаго языка, или виноваты периселенскаго... Вы не знаете, что это за слово, — мы сейчасъ вамъ объяснимъ: *Периселеносъ* называется станція между нёбомъ и луною, гдѣ докторъ остановленъ былъ въ дальнѣйшемъ путешествіи болѣзнію, и, чтобъ не терять понапрасну времени, занялся составленіемъ посланія къ земнымъ друзьямъ своимъ, которое благополучно и прибыло къ намъ, въ Петербургъ, съ этого раскаленнаго неба, которое печетъ и душитъ насъ своимъ жаромъ съ половины іюня... Радуемся, что это письмо написано по-нѣмецки: чрезъ это русскіе журналисты избавлены отъ обязанности говорить о томъ, чего они не знаютъ, т. е. о станціи Периселеносъ, лежащей на дорогѣ къ лунѣ, а русская литература отъ необходимости — вписать въ свой каталогъ лишній пустой нумеръ.

Впрочемъ несправедливо было бы говорить объ этой книжкѣ шутя. Авторъ ея, кто бъ онъ ни былъ, докторъ Нюрнбергеръ или баронъ Будбергъ, говоритъ съ теплотою, съ убѣжденіемъ; но эта теплота не есть теплота, происходящая отъ чистаго сердца: это теплота искуственная, происходящая отъ разгоряченнаго воображенія; а убѣжденія доктора Нюрнберга основаны на заблужденіяхъ собственной, больной фантазіи.

Было время, когда и у насъ многіе страдали этою болѣзнію піэтизма и мистицизма, и такимъ направленіемъ отличался конецъ прошлаго и начало текущаго столѣтія; но въ народѣ молодомъ и здоровомъ не могла укорениться умственная болѣзнь зрѣлыхъ нашихъ сосѣдей: отъ фантазій о лунѣ мы обратились къ фантазіямъ о газахъ и машинахъ: по-крайней-мѣрѣ эти приводятъ къ результатамъ, полезнымъ для жизни матеріальной. Оставимъ же ученой, мечтательной Германіи ея піэтизмъ, раціонализмъ и мистицизмъ: тамъ эти направленія, при многосторонней и всеобъемлющей умственной дѣятельности, небезполезны, поддерживая собою извѣстные способы воззрѣнія на предметъ и противоположностію своею оттѣняя другія; но у насъ, при нашей еще скудости въ разнообразныхъ формахъ умственнаго движенія, будемъ держаться направленій прямыхъ, вѣрныхъ, прямо ведущихъ къ цѣли. Для сильнаго и молодаго народа нужна простая *практическая* вѣра, или полное, ясное, религіозно-фи-

лософское созерцаніе, — а не мистическія фантазіи; намъ надобно болѣе учиться и менѣе фантазировать.

16) Gruendliches Lehr *und Handbuch für Damen nach einer ganz neuen mathematischen Drittel-Berechnung über Maassnehme und Zuschneiden aller Arten weiblichen Kleidungsstücke, in 3 Abtheilungen, Herausgegeben von* Iohann Greil (Основательная учебная и ручная Книга *для дамъ, научающая снятію мѣрокъ и покрою всякаго рода женскихъ платьевъ, составленная по совершенно-новому математическому третичному исчисленію, раздѣленная на* 3 *отдѣленія и изданная* Іоанномъ Адамомъ Грейлемъ, *съ* 35 *рисунками и фасонами*). *Pernau*. 1839. *Gedruckt bei G. Marquardt. In*-12. 16 *S.*

Вотъ другое «ученое» произведеніе, касающееся портнаго искусства: первое, какъ извѣстно, называется «Начальныя основанія высшаго портнаго искусства», сочиненіе г. Ольтова, о которомъ мы недавно говорили съ подобающимъ уваженіемъ. Новое портняжное произведеніе сшито на живую нитку въ Пернау и составляетъ, можетъ-быть, плодъ «ученыхъ» трудовъ пернавской литературы и трудъ какого-нибудь пернавскаго профессора-портнаго. Называя эту книжку «ученымъ» трудомъ, мы полагаемся на слова самого автора, которой въ предисловіи говоритъ о себѣ, что, объѣздивъ всѣ большіе города Германіи и другихъ странъ, онъ рѣшился наконецъ изложить въ этой книжкѣ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія и своею опытностію помочь почтеннымъ дамамъ самимъ снимать съ себя мѣрки и шить разнаго рода платья по самоновѣйшимъ модамъ. Впрочемъ уже самый титулъ книги объясняетъ вполнѣ ея содержаніе и избавляетъ насъ отъ обязанности распространяться о ней, тѣмъ болѣе, что искусство снимать мѣрки не наше дѣло: мы даже избавили себя отъ жалкой необходимости говорить о сшитыхъ уже модныхъ платьяхъ, предоставивъ газетамъ это занятіе столь сообразное съ ихъ легкостію и столь несообразное съ дѣльностію журнала.

17) Bedeutung *der Sieben Kreuzes-worte unseres Herrn und Erlösers Iesu Christi* (Значеніе *семи словъ, произнесенныхъ на крестѣ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ*). *St. Petersburg. Gedruckt bei* C. *Neumann*. 1839. *In*-12. 15 *S.*

Эта маленькая брошюрка состоитъ изъ восьми умилительныхъ стихотвореній, изъ коихъ первое изображаетъ вообще страданія Христа Спасителя, а остальныя семь содержатъ въ себѣ нравственное изъясненіе каждаго изъ семи словъ, произнесенныхъ на крестѣ Спасителемъ. Религіозная цѣль, простота и умилительность стихотвореній, дышащее въ нихъ искреннее благочестіе рекомендуютъ эту книжку тѣмъ болѣе съ выгодной стороны, что деньги, за нее выручаемыя, предназначены въ пользу одного бѣднаго семейства.

VIII.

СМѢСЬ.

Электрическіе телеграфы.—Электрическіе телеграфы обращаютъ нынѣ на себя особенное вниманіе образованной публики. Они дѣйствительно представляютъ ту важную выгоду предъ обыкновенными телеграфами, что быстро сообщаютъ извѣстія, не взирая ни на туманы, ни на темныя ночи.

Телеграфы сіи основаны на открытіяхъ Эрстеда (Oersted) объ электро-магнетизмѣ и Фарадея (Faraday) о возбужденіи мгновенныхъ электрическихъ токовъ посредствомъ магнетизма, съ примѣненіемъ къ галваническому мультипликатору Швейггера (Schweigger). Хотя вопросъ о преимуществѣ электрическихъ телеграфовъ предъ другими и рѣшенъ, но пока возможность устройства подобныхъ телеграфовъ на большомъ протяженіи не будетъ доказана, нельзя утверждать ничего положительнаго въ семъ отношеніи.

Первыя мысли о возможности электрическихъ телеграфовъ приписываютъ многимъ физикамъ; но въ наукахъ опытныхъ идеальныя машины не имѣютъ никакого достоинства. Говорятъ, что Франклинъ и знаменитый музыкантъ Бертонъ имѣли весьма-основательную мысль о сообщеніи на большемъ протяженіи посредствомъ электричества. Кажется, что 1794 года нѣмецкій физикъ Рейзеръ составилъ планъ электрическому телеграфу, который долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе около 1798 года докторомъ Сальвою въ Испаніи. Из-

обрѣтенный въ 1800 году гальваническій столбъ далъ другое направленіе всѣмъ таковымъ попыткамъ, однако 10 лѣтъ протекло послѣ того, пока кто-либо подумалъ примѣнить къ сему предмету безсмертное изобрѣтеніе Вольты. Лишь въ 1811 году Семмерингъ (Sœmmering) предложилъ электрическій телеграфъ, основанный на разложеніи воды посредствомъ гальваническаго тока, передаваемомъ тридцатью-пятью отдѣльными проводниками, коими должны представляться всѣ возможныя буквы и цыфры. По сложности своей и неудобству, способъ сей оставленъ былъ безъ исполненія.

Спустя десять лѣтъ, около 1820 года, французскій ученый Амперъ (Ampère) старался основать электрическій телеграфъ на открытіяхъ Эрстеда, подобно тому, какъ сіе сдѣлалъ Семмерингъ съ открытіями Вольты. Изложивъ все, что было сдѣлано по сему предмету достойнаго вниманія до его времени, Амперъ предполагалъ сдѣлать столько стрѣлокъ намагниченныхъ, сколько находится буквъ въ азбукѣ, и приводить ихъ въ движеніе проводниками, имѣющими непосредственное сообщеніе съ гальваническимъ столбомъ черезъ клавиши, которыя могли бы быть опускаемы по произволу. Симъ способомъ Амперъ полагалъ возможнымъ преодолѣть всякое разстояніе.

По историческимъ разысканіямъ Аміота (Amyot) должно бы допустить, что всѣ предположенія занимавшихся до-сихъ-поръ въ Англіи, Германіи и Россіи устройствомъ электрическихъ телеграфовъ, имѣли основаніемъ способъ, изобрѣтенный Ампѣромъ. Но можно ли назвать изобрѣтеніемъ, правда, счастливую, но лишь обнаруженную мимолетомъ мысль въ первомъ трактатѣ Ампера объ электро-магнетизмѣ?

Изъ этого видно, что до сего времени не было еще изобрѣтателя электрическаго телеграфа; ибо названіе сіе должно дати тому, кто первый устроитъ и приведетъ въ дѣйствіе такую машину на весьма-значительномъ протяженіи. Въ этомъ отношеніи пальму первенства должно, можетъ-быть, отдать барону Шиллингу, ученому любителю физики, который, по-крайней-мѣрѣ съ 1829 уже занимался устроеніемъ гальваническаго телеграфа, и въ 1832 — 1833 году окончилъ въ-самомъ-дѣлѣ, въ Петербургѣ, устройство электрическаго телеграфа, дѣйствовавшаго весьма-удовлетворительно черезъ проволоку, имѣющую болѣе 6 верстъ протяженія. Онъ дѣлалъ опытъ въ при-

сутствіи Государя Императора. Съ того времени баронъ Шиллингъ безпрестанно занимался усовершенствованіемъ своего телеграфа и уже думалъ о соединеніи Кронштадта съ Ораніенбаумомъ, въ глубинѣ Финскаго Залива, посредствомъ такого телеграфа, какъ внезапная смерть уничтожила всѣ сіи планы, а съ нимъ и кончились всѣ опыты такого рода въ Россіи.

Но внѣ Россіи, во многихъ мѣстахъ произведены были подобныя попытки. Профессоръ Вистонъ (Wheaslone) устроивалъ въ обширныхъ подземныхъ ходахъ Лондонскаго Университета телеграфъ съ проволоками, передающими электричество; а профессоръ Стейнгейль (Steinheil), въ Мюнхенѣ, имѣлъ постоянное сношеніе изъ своего дома съ ботаническимъ садомъ, посредствомъ телеграфа съ множествомъ придуманныхъ подробностей. Ученый сей, какъ кажется, слѣдовалъ указаніямъ извѣстнаго математика Гаусса (Gauss).

Разсмотримъ въ-подробности нѣкоторые изъ сихъ способовъ.

Вистонъ, занимаясь устройствомъ электрическаго телеграфа въ Бельгіи, употребляетъ пять проволочныхъ проводниковъ, посредствомъ которыхъ мгновенно указываются разныя буквы азбуки, и можно передать ихъ до тридцати въ минуту; многія даже по двѣ разомъ. Тѣ же проволоки служатъ для передачи и полученія извѣстій безъ всякаго измѣненія снаряда. Пятью проволоками, дѣйствующими на пять стрѣлокъ, приходящими въ движеніе разомъ по двѣ, по три и т. д., Вистонъ означаетъ около двухсотъ разныхъ знаковъ. Каждый наблюдатель, находящійся на концахъ линіи, сидитъ передъ инструментомъ, имѣющимъ столько клавишей, сколько находится буквъ въ азбукѣ. На стѣнѣ противъ наблюдателя виситъ таблица, на которой четко написаны всѣ буквы. Когда наблюдатель положитъ палецъ на одну изъ клавишей, буква, ею означаемая, ясно приводится въ движеніе; то же самое происходитъ на противоположномъ телеграфѣ. Вниманіе наблюдателя, которому хотятъ сообщить какое либо извѣстіе, возбуждается звономъ колокола, происшедшаго отъ удара молотка, прикрѣпленнаго къ пружинѣ; эту пружину спускаютъ прикосновеніемъ намагниченнаго желѣза, на которое наблюдатель съ другой стороны направляетъ дѣйствіе электрической струи. Вистонъ предполагаетъ, какъ кажется, устроить въ Бельгіи такой телеграфъ въ

большемъ масштабѣ, такъ же, какъ Кукъ (Cooke) въ Англіи. На устройство подобныхъ телеграфовъ Вистонъ получилъ привилегіи во Франціи, Бельгіи, Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ. Снаряды, употребляемые имъ, столь чувствительны, что, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, достаточна сила круговъ гальваническаго столба, имѣющихъ одинъ дециметръ въ окружности; для вѣрнѣйшаго дѣйствія электричества, во время большой лишь сырости, онъ считаетъ не лишнимъ употреблять круги сіи немного-большаго размѣра.

Телеграфъ Стейнгейля, въ Мюнхенѣ, есть приспособленіе открытій Эрстеда и Фарадея къ мультипликатору Швейггера. По мѣдной проволокѣ въ 36,000 футъ длины, и $^{3}/_{4}$ линіи толщины, обращающейся около магнитной стрѣлки, Стейнгейль пускаетъ гальваническую струю посредствомъ круговращающейся машины, подобной машинѣ Кларка, но устроенной такъ, чтобы сопротивленіе въ ней было гораздо-болѣе въ-сравненіи съ тѣмъ, которое оказывается въ проводникѣ (такъ называетъ онъ мѣдную проволоку). Проводникъ на разныхъ пунктахъ образуетъ мультипликаторы изъ уединенной, тонкой, мѣдной проволоки, обращающейся отъ 400 до 600 разъ вокругъ намагниченной стрѣлки, укрѣпленной на вертикальной оси, и оканчивающейся двумя остріями.

Отъ дѣйствія гальванической струи мгновенно замѣчаютъ отклоненіе магнитной стрѣлки, посредствомъ котораго получаютъ телеграфическіе знаки. Изъ этого видно, что симъ способомъ можно имѣть только два разные знака: одинъ, произведенный электрическою струею, пущенной въ одномъ направленіи, а другой электрическою струею, направленною въ противномъ направленіи. — Направленіе струй производится по произволу, поворачивая круговращающуюся машину въ ту или другую сторону. Отклонившіяся стрѣлки приводятся въ первое свое положеніе дѣйствіемъ двухъ маленькихъ магнитовъ-регуляторовъ. Каждый телеграфъ снабженъ круговращающимся снарядомъ, производящимъ силу отклоненія, и другимъ снарядомъ, которымъ производятся знаки, происшедшіе отъ вышеозначеннаго отклоненія.

Вездѣ, гдѣ проходитъ проводникъ, оказывается сила, дѣйствующая попро изволу мгновѣнно. Этого достаточно для пере-

дачи извѣстій; только надобно хорошо избрать знаки, посредствомъ которыхъ эти извѣстія должны быть выражены.

Телеграфъ, котораго знаки могутъ быть постигаемы только зрѣніемъ, невсегда можетъ быть совершеннымъ, потому-что онъ требуетъ постояннаго вниманія наблюдателей. Чтобы устранить сіе неудобство Стейнгейль, старался въ своемъ телеграфѣ знаки замѣнить звуками, походящими на слова. Для достиженія сей цѣли, Стейнгейль навѣшиваетъ, подлѣ двухъ намагниченныхъ стрѣлокъ, два маленькіе колокольчика, изъ коихъ каждый издаетъ особый звукъ. Стрѣлка, при каждомъ отклоненіи своемъ, ударяетъ въ соотвѣтствующій ей колокольчикъ, и какъ движеніе той или другой стрѣлки происходитъ отъ произвольнаго направленія гальванической струи, то желаемый звукъ производится мгновенно.

Стейнгейль не ограничился устроеніемъ телеграфа для скораго доставленія однихъ лишь бѣглыхъ звуковъ; онъ старался, чтобы звуки сіи чертили на бумагѣ знаки, которые выражали бы ихъ. Онъ достигъ сего, подвигая, посредствомъ отклоненія двухъ намагниченныхъ стрѣлокъ, двѣ маленькія, заостренныя трубочки, наполненныя особыми чернилами. При каждомъ звукѣ колокола, одна изъ трубочекъ, прикасаясь своимъ остріемъ къ узкому лоскутку бумаги, движущемуся передъ нею очень-тихо, но съ одинаковою скоростью, оставляетъ на немъ весьма явственную точку, изображающую музыкальную ноту, которую издалъ колокольчикъ. Точки или ноты, начерченныя остріемъ каждой трубочки, находятся на одной линейкѣ, слѣдовательно будетъ двѣ линейки нотъ.

Соединяя звуки и ноты до 4-хъ вмѣстѣ, Стейнгейль составилъ азбуку для разговора и для письма, заключающую въ себѣ необходимыя буквы для составленія всѣхъ словъ нѣмецкаго языка и цифръ. Звуки могутъ быть произведены въ весьма-короткое время; въ одну секунду можно получать пять. Слова отъ буквъ отдѣлены промежутками. Навыкомъ пріобрѣтается умѣнье распознавать музыку, производимую игрою телеграфа, и разбирать знаки, которые изображаются нотами на бумагѣ.

Для облегченія памяти, Стейнгейль старался ввести нѣкоторое сходство между буквами и фигурами, происходящими отъ соединенія нотъ прямыми линіями.

Стейнгейль почитаетъ себя первымъ изобрѣтателемъ телеграфа, говорящаго удобопонятнымъ языкомъ, и пишущаго то, что передаетъ.

Снарядъ его простъ и проченъ. Болѣе года какъ онъ устроенъ, и доселѣ не требовалъ еще никакихъ поправокъ.

Достойно замѣчанія, что проводникъ не подвергся окисленію: гальванизмъ предохранилъ его, не смотря на вліяніе воздуха на столь большомъ протяженіи.

Гальваническій телеграфъ, устроенный въ Мюнхенѣ, беретъ начало свое съ обсерваторіи Стейнгейля, въ улицѣ Лерхенштрасе. Тутъ проводникъ прикрѣпленъ къ мѣдному листу, зарытому въ землѣ. Съ этого мѣста мѣдная проволока проходитъ по воздуху надъ домами, частью города, находящейся между Лерхенштрасе и строеніемъ академіи наукъ, гдѣ устроена вторая станція.

Изъ академіи наукъ проволока проведена въ королевскую обсерваторію въ Богенгаузенѣ, гдѣ находится третья станція. На семъ пути она проходитъ надъ башнями, большими зданіями, надъ остальною частью города, надъ рѣкою Изеромъ (которая обтекаетъ съ одной стороны городъ), потомъ надъ горою, называемою Гастейгъ, и наконецъ надъ городомъ Гайдгаузеномъ, предмѣстіемъ Мюнхена. Длина сего протяженія почти одна нѣмецкая миля и три четверти.

Въ королевской обсерваторіи въ Богенгаузенѣ проволока примыкаетъ, какъ въ началѣ, къ мѣдному листу, врытому въ землю.

Хотя земля, въ сравненіи съ металломъ, дурной проводникъ, однакоже гальваническіе токи на помянутомъ пространствѣ встрѣчаютъ тѣмъ менѣе сопротивленія, чѣмъ больше поверхность зарытаго листа. Листы прикрѣпленные къ оконечностямъ проводника въ Лерхенштрасе и Богенгаузенѣ, имѣютъ только шесть дюймовъ въ боку.

Изъ сего видно, что способъ сей можетъ быть употребленъ на значительныхъ протяженіяхъ. Числительныя измѣренія сопротивленія, для разныхъ составовъ почвъ, убѣждаютъ Стейнгейля, что въ употребленіи его открытія не встрѣтится препятствія ни въ разстояніи, ни въ качествѣ почвы.

Со времени устройства своего перваго гальваническаго телеграфа, Стейнгейль придумалъ новые, легчайшіе способы для

разрѣшенія заданной себѣ задачи. Онъ нашелъ, напримѣръ, что земля можетъ служить половиною проводника; открытіе очень-важное, если, какъ онъ въ томъ и не сомнѣвается, догадки его на-самомъ-дѣлѣ оправдаются.

Стейнгейль объявляетъ, что, по наблюденіямъ, онъ опредѣлилъ законъ, по которому гальваническая сила распространяется, проходя чрезъ землю или чрезъ большое пространсто воды. Трудъ сей, отъ котораго Стейнгейль ожидаетъ важныхъ послѣдствій, въ скоромъ времени будетъ напечатанъ.

Снарядъ Морса (Morse, въ Нью-Йоркѣ), былъ приведенъ въ дѣйствіе въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи. Вотъ буквальный переводъ бо̀льшей части объясненія Морса, доставленнаго непремѣннымъ секретаремъ:

«Морсъ думаетъ, что его инструментъ есть первое приспособленіе электричества къ устройству телеграфа. Снарядъ сей былъ изобрѣтенъ въ октябрѣ 1832 года *, во время переѣзда его изъ Европы въ Америку на пакетботѣ «Сюлли». Фактъ сей засвидѣтельствованъ капитаномъ судна и многими пассажирами, въ числѣ коихъ находился Ривесъ (Kives), посланникъ Соединенныхъ Штатовъ при французскомъ правительствѣ. Ривесъ 21 сентября 1837 года писалъ къ Морсу:

«Я очень живо помню, что, во время нашего путешествія весною 1837 года, вы объясняли мнѣ предположенія на-счетъ вашего чуднаго снаряда. Я также не забылъ, что, въ-продолженіе частныхъ нашихъ разговоровъ о семъ предметѣ, я дѣлалъ вамъ разныя возраженія, которыя вы тогда же смѣло опровергли..... и проч. и проч.

«В. С. Ривесъ.»

Въ письмѣ капитана помянутаго пакетбота, Пилля (Pell) 27 сентября 1837 года, особенно замѣчательно слѣдующее:

«Разсмотрѣвъ снарядъ вашъ нѣсколько дней тому-назадъ, я увидѣлъ ясно, что онъ устроенъ на тѣхъ правилахъ механики, которыя вы объясняли въ октября 1832 года, бывъ на моемъ пакетботѣ.»

Мысль примѣнить гальванизмъ къ устройству телеграфовъ, не новая. Докторъ Коксъ (Coxe), знаменитый гражданинъ Фи-

---

* Баронъ Шиллингъ уже совершенно *окончилъ* свой телеграфъ въ это время.

ладельфіи, говорилъ о семъ въ февралѣ 1816 года, въ одномъ замѣчаніи, помѣщенномъ въ «Запискахъ доктора Томсона», томъ VII, страница 162; но тамъ не было упомянуто о средствѣ къ приведенію сего въ исполненіе.

Со времени изобрѣтенія Морсомъ электрическаго телеграфа, многіе другіе снаряды, основанные на тѣхъ же началахъ, были устроены; между ними самые извѣстные суть Стейнгейля въ Мюнхенѣ, и Вистона въ Лондонѣ; но механизмъ сихъ машинъ весьма различенъ.

Телеграфъ, устроенный въ Америкѣ, имѣетъ одинъ только проводникъ *; вотъ краткое описаніе его устройства:

На концѣ сего проводника, гдѣ сообщаемыя извѣстія должны быть получаемы, находится снарядъ, называемый вѣстникомъ (register). Онъ состоитъ изъ электромагнита, обвернутаго проволокою, составляющею продолженіе проволоки проводника.

Арматура же магнита прикрѣплена къ концу небольшаго рычага, у котораго на противоположномъ концѣ придѣлано перо. Подъ перомъ находится лента бумаги, двигающаяся произвольно посредствомъ колеса. На другомъ концѣ проводника, то-есть, на мѣстѣ, откуда передаются извѣстія, находится приборъ, называемый передатчикомъ (portrule). Онъ состоитъ изъ гальванической батареи, на двухъ полюсахъ коей кончается проводникъ. Не въ большомъ разстояніи отъ батареи проволока оборвана и расторгнутые концы ея опущены въ двѣ чашки со ртутью.

Посредствомъ вилообразной проволоки, прикрѣпленной къ концу небольшаго рычага, чашки могутъ быть по произволу приводимы въ соприкосновеніе, или разобщены. Слѣдовательно, концы проволоки сомкнуты или разрознены по желанію. Дѣйствіе механизма слѣдующее:

Когда концы проволоки сомкнуты, то магнитъ заряжается и притягиваетъ подставку магнита, движеніе которой заставляетъ перо прикасаться къ бумагѣ. Когда же концы проволоки

* Положимъ, что мѣста, которыя имѣютъ сообщеніе между собою посредствомъ телеграфовъ, находятся на углахъ треугольника, четвероугольника или на извѣстныхъ пунктахъ сомкнутой кривой, то для сообщенія извѣстій достаточно (по-крайней-мѣрѣ, теоретически) одной простой проволоки, проходящей чрезъ всѣ сіи точки.

разрознены, магнитная сила перестаетъ дѣйствовать на подставку, которая приходитъ въ первое свое положеніе, и перо удаляется отъ бумаги. Когда концы проводника быстро смыкаются или разрозниваются, то на бумагѣ, находящейся въ спокойномъ положеніи, обозначаются точки; но если онѣ остаются нѣкоторое время сомкнутыми, перо чертитъ линію, тѣмъ длиннѣе, чѣмъ долѣе концы находятся въ семъ положеніи. — Но если концы остаются болѣе разрозненными, то на бумагѣ остается большее пространство, ничѣмъ-необозначенное. Эти точки, линіи и бѣлыя пространства влекутъ къ множеству различныхъ соображеній. Съ помощію сихъ началъ, професоръ Морсъ составилъ азбуку и знаки цифръ. Буквы могутъ быть написаны съ большою быстротою, посредствомъ извѣстныхъ шрифтовъ, приводимыхъ машиною въ движеніе и дающихъ рычагу, на которомъ находится перо, приличныя движенія. Такимъ-образомъ въ одну минуту можно начертить отъ сорока до сорока-пяти буквъ.

Вѣстникъ (register) направляется лицомъ, которое сообщаетъ извѣстіе. Механизмъ можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе и остановленъ на всякомъ разстояніи. Присутствіе человѣка для полученія сообщаемыхъ извѣстій ненужно; звонъ колокола, производимый особымъ механизмомъ, возвѣщаетъ, что извѣстія начинаютъ передаваться.

Опыты, произведенные въ Америкѣ надъ такимъ телеграфомъ, были на протяженіи десяти англійскихъ миль, или четырехъ почтовыхъ миль французскихъ, въ-присутствіи коммиссіи, наряженной отъ Филадельфійскаго Франклинова Института и комитета, назначеннаго со стороны Конгресса Соединенныхъ-Штатовъ.

Донесенія сихъ двухъ коммиссій весьма-благопріятны.

Для произведенія опыта въ большомъ масштабѣ надъ симъ способомъ сообщеній, конгрессъ предлагалъ пожертвовать 30,000 долларовъ (или 150,000 франковъ). На первоначальное устройство сей новой телеграфической системы, по мнѣнію Морса, потребно 3,500 франковъ на англійскую милю, или 14,000 франковъ на одну почтовую французскую милю. Устройство машины на 2 противоположныхъ мѣстахъ обойдется въ 1500 франковъ. Морсъ полагаетъ, что проволоки, разъ провес-

денныя, могутъ прослужить полвѣка, если онѣ не будутъ порваны умышленно.

Должно замѣтить, что если бы составить непрерывную сѣть, проходящую черезъ разные города, то извѣстія могли бы сообщаться изъ одного города въ другой по разнымъ направленіямъ, безъ потери времени. Безполезно упоминать, что сей способъ сообщенія надъ простыми телеграфами имѣетъ то преимущество, что одинаково служитъ ночью и днемъ, какъ въ дождливую и туманную погоду, такъ и въ ясное время.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ РѢДКОСТИ. *Географія доктора Антона-Фридерика Бюшинга.*—На второмъ десяткѣ другой половины прошлаго столѣтія, жилъ въ Москвѣ Иванъ Гавриловичь Долинскій, или *Далинскій*, какъ его называлъ тогда Гергардъ-Фридрихъ Миллеръ, начальствовавшій надъ Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; къ этому-то Миллеру, впрямь или косвенно, принадлежала и поминаемая достопамятность Иванъ Гавриловичь. Миллеръ называлъ его *Далинскимъ* шутя, производя фамилію его отъ шведскаго историческаго мужа *Олофа Далина*, что̀, однако жь, какъ говорили, Ивану Гавриловичу не нравилось. Онъ угождалъ Миллеру, но ни по какому Шведу не соглашался обнорманивать Славянъ новгородскихъ и всякихъ Славянъ-Руссовъ. Таковъ-то былъ Иванъ Гавриловичь, отличный знатокъ нѣмецкаго и многихъ другихъ чужихъ языковъ. Самъ Ломоносовъ, говорятъ, называлъ его «язычникомъ». Скоро все это достигло ко двору, и сама императрица обратила свое высокое вниманіе на любимца миллерова.

Въ то же самое время графъ Петръ Александровичь Румянцовъ отправлялся изъ Петербурга чрезъ Москву на президентство въ Малороссію. Государыня, отдавая графу приказанія, между-прочимъ поручила также ему, чтобы онъ повидался въ Москвѣ съ Миллеромъ, и не отъ нея, а отъ себя замолвилъ ему о своемъ (будто-бы) желаніи имѣть на русскомъ языкѣ географію Бюшинга и предпочтительно тѣ главы, въ которыхъ Бюшингъ говоритъ о Россіи. Присемъ она изволила замѣтить графу, «что у Миллера есть славный переводчикъ, Долинскій, да онъ отправляетъ его въ чужія земли».

Графъ Петръ Александровичь встрѣтилъ въ Москвѣ и Мил-

лера и самого Долинскаго, еще не уѣхавшаго за границу, и Долинскій не замедлилъ выполнить желаніе полководца; онъ еще въ рукописи поднесъ ему свой переводъ. Графъ отблагодарилъ переводчика достойно, и вотъ Долинскій полетѣлъ за границу съ деньгами.

Между-тѣмъ Миллеръ, который уже подъ-рукой зналъ о томъ, чье было желаніе имѣть переводъ Бюшинга, тотчасъ его напечаталъ, и, чрезъ посредство И. И. Бецкаго, отправилъ двѣсти экземпляровъ государынѣ.

Вотъ исторія той старинной книжки, которую я теперь перелистываю для «Отечественныхъ Записокъ». Исторія эта нѣкогда была передана мнѣ однимъ изъ знакомцевъ Миллера, Д. С. Мееромъ, не за многіе годы скончавшемся въ своемъ помѣстьѣ близь Рязани *. Встрѣча здѣсь именъ Екатерины, Румянцова, Миллера и даже язычника Долинскаго, встрѣча весьма-замѣчательная; читаешь эту книгу и смотришь на картину, изображающую великую государыню, окруженную найденными собственно ею рабочими людьми ея.

Любопытная книга, о которой зашла рѣчь моя, напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1766 года подъ слѣдующимъ заголовкомъ: *Доктора Антона Фридерика Бишинга изъ Сокращенной его Географіи три главы о Географіи вообще, о Европѣ и о Россійской Имперіи, переведенная съ нѣмецкаго на россійской языкъ Иваномъ Долинскимъ.* Послѣ этого идетъ посвященіе переводчика графу Румянцову: *Сіятельнѣйшему графу его высокопревосходительству Петру Александровичу Румянцову, генералъ-аншефу, главнокомандующему въ Малой Россіи, Малороссійской Коллегіи президенту, и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеру, милостивѣйшему государю, сей малой опытъ искренняго моего желанія, услужить отечеству, и удостоиться его сіятельства дражайшей милости, съ глубочайшимъ почтеніемъ всепокорнѣйше посвящаю всенижайшій слуга Иванъ Долинскій.* И его высокопревос-

* Д. С. Мееръ жилъ въ домѣ Катерины Григорьевны Племянниковой, ближайшей родственницы фельдмаршала гр. Г. Гр. Чернышева, и по Чернышевымъ весьма-хорошо зналъ и помнилъ всѣ подробности своего времени.

ходительство графъ, и просто *Румянцовъ*, президентъ Малороссійской Коллегіи, и два только русскіе ордена въ 1766 году (такъ недавно?); наконецъ *дражайшая* милость и *всепокорнѣйшее* посвященіе, и *всенижайшій* слуга (по отношенію къ тогдашнимъ ученымъ),—всё это весьма-замѣчательно! Въ наше время никакой ветеринарный студентъ (по-крайней-мѣрѣ на словахъ) не-только не захочетъ быть *всенижайшимъ*, но даже пользоваться (публично) и *дражайшею милостію*.

Теперь слѣдуетъ въ слово до слова *пред-увѣдомленіе* Миллера. Оно тоже любопытно и принадлежитъ къ исторіи книги и ея переводчика. «Трудившійся въ переводѣ сей книжки» говоритъ Миллеръ: «желая подать опытъ начатыхъ имъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ наукъ, для продолженія коихъ онъ въ чужіе краи поѣхалъ, оставилъ здѣсь сей переводъ, чтобъ оной напечатать, если покажется того достойнымъ. Смотря на полезное онаго содержаніе, не можно было того не исполнить. Ибо давно желали, чтобъ *г. Доктора Бишинга сокращенная Географія*, для пользы россійскаго юношества, чрезъ искуснаго переводчика на россійской языкъ переведена и напечатана была. И можетъ быть, сіе начало, изъ трехъ главъ *о Географіи вообще, о Европѣ и о Россійской Имперіи* состоящее, побудитъ кого нибудь изъ любителей наукъ за оной трудъ приняться, да и равномѣрно переводить *г. Бишинга полную Географію*, которая по сіе время за лучшую, вѣрнѣйшую и полезнѣйшую почитается, хотя многіе ученые мужи напередъ сего, и на разныхъ языкахъ, въ сей матеріи упражнялись. Естьли сіе учинится, то тѣмъ больше труды на сію книжку употребленные хвалить должно. Надлежало переводъ г. *Бишинга* съ нѣмецкимъ подлинникомъ сличить и исправить, перемѣны послѣ изданія нѣмецкаго подлинника въ состояніи и распоряженіи земель учинившіяся, замѣчать, и нѣкоторыя нужныя обстоятельства дополнить. Сіе учинено съ надлежащимъ прилежаніемъ, и ничего не оставлено, что къ удовольствію Россійскаго читателя служить можетъ.» Но желаніе Миллера не исполнилось: у насъ переводили Бюшинга только по частямъ и не-всегда исправно, или, какъ говаривалъ Миллеръ, *по разумовски*. Это вотъ что́ значило: Академія Наукъ, еще въ 1763 году, желая ознакомить Россію съ Бюшингомъ, поручила своему переводчику, *Алексѣю Разумову*, переложить на *всерос-*

сійскій діалектъ «Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ». Миллеръ нашелъ этотъ переводъ неисправнымъ, и потому нерѣдко говаривалъ Долинскому: «да ты не переводи же по-разумовски». Послѣ того, въ 1770 году, нѣкто *Василій Свѣтовъ* перевелъ изъ Бюшинга же «Османское Государство въ Европѣ и Республика Рагузская». Въ 1772 году того же автора: «Королевство Аглинское, или Великобританія и Ирландія», переводъ Григорія *Брайко*, и «Португалія», переводъ *Александра* (Семеновича) *Хвостова*. Въ 1774 году «Королевство Пруское», переводъ *Ѳедора Рогенбуке*; «Королевство Венгерское съ пріобщенными къ оному землями», переводъ *Петра Ковалева*. Въ 1775 тѣ же Ковалевъ и Рогенбуке перевели «Испанію» первый, а второй «Королевство Польское и Великое Герцогство Литовское съ присоединенными къ оному землями». Въ 1776 *Ѳома Яновскій* перевелъ «О Италіи»; а въ 1778 опять Петръ Ковалевъ переложилъ «О Швейцаріи, съ присоединенными къ ней землями», и тѣмъ нашъ Бюшингъ весь кончился. Академія Наукъ во всѣхъ этихъ переводахъ принимала дѣятельное участіе.

Опредѣленіе географіи, данное Бюшингомъ въ переводѣ Долинскаго, слѣдующее: «Географія есть основательное увѣдомленіе о естественномъ и гражданскомъ состояніи земнаго шара, нами обитаемаго». Послѣ этого онъ объясняетъ всю важность ландкартъ и разсказываетъ, что самыя первыя изъ нихъ были начертаны въ IV вѣкѣ по Рожд. Хр. для птоломеевой географіи; а какъ-де «послѣднѣйшее оной сочиненіе въ XVI вѣкѣ въ печать издано, то и *оныя ландкарты*, такъ, какъ въ спискахъ ихъ найдено, вырѣзаны на мѣди. Ихъ же приложилъ и Севастіянъ Мюнстеръ къ своей книгѣ, названной имъ «Описаніе цѣлаго Свѣта». Потомъ начали уже разныхъ земель карты выходить, изъ коихъ лучшая Авраама Ортели Нидерландца; онъ ихъ издалъ при своемъ «Театрѣ земнаго Круга». Послѣ Ортели, Германецъ Герардъ Меркаторъ, исправивъ «Театръ земнаго Круга» систематически, назвалъ его *Атласомъ*; но оный при жизни *Меркатора*, какъ *нѣчто* новое для тогдашней учености, не былъ изданъ, а обнародованъ уже по его смерти Іодокомъ Гондіемъ». Тотъ же самый атласъ старались умножать и поправлять Нидерландцы Іоганъ и Вильгелмъ Блей,

Іоганъ Янсонъ и проч; они гравировали его и печатали на разныхъ языкахъ и для разныхъ народовъ.

Въ XVII вѣкѣ появился Французъ *Сансонъ;* онъ совершенно преобразовалъ и дополнилъ всѣ до него изданныя карты; гравировка его названа вѣрнѣйшею и отличнѣйшею; но Сансонъ не имѣлъ способовъ издать свой ученый трудъ и уступилъ его Нидерландцамъ Фридригу де-Витту и младшему Фишеру, которые, по исправленіи вновь-пріобрѣтенныхъ ими картъ, напечатали ихъ. Петръ-Великій, будучи въ Голландіи, купилъ нѣсколько экземпляровъ *де-виттова* атласа; у насъ былъ, весьма-недавно, одинъ изъ этихъ богатыхъ и красивыхъ атласовъ съ двумя особыми картами Россіи; но мы, когда-нибудь, напечатаемъ особую статью о немъ, сообщивъ ее въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

Въ началѣ XVIII столѣтія Французъ Вильгелмъ Делиль и Англичанинъ Германъ Молле нарисовали лучшія и прекраснѣйшія карты. Послѣ нихъ тѣ же карты исправляли и пересочиняли вновь во Франціи Д'Анвилль, въ Англіи Ѳома Китченъ, въ Германіи передѣлывали ихъ же Іог. Мат. Газе и Товіа Меэръ, подъ смотрѣніемъ Нюренбержца Іогана Михаэля Франца, согласно *Гомановой Оффицины,* и проч.

На древнѣйшихъ картахъ не было никакого раздѣленія какъ земель, такъ и главныхъ частей, которыя составляли тѣ земли; но Ортели и Меркаторъ первые принялись за этотъ раздѣлъ, а Сансонъ, де-Виттъ и Фишеръ его усовершенствовали: сперва однѣ только границы замѣчаемы были красками, а напослѣдокъ уже и земли начали красками же покрываться; это въ картахъ «Гомановой Оффицины» и назвалось *иллюминаціею* и проч.

Раздѣленіе географіи на математическую, натуральную (естественную) и политическую у Бюшинга очень-обыкновенно, но за-то весьма подробно, особенно по географіи натуральной, чего въ нынѣшнихъ географіяхъ почти не находится. Всякое опредѣленіе ученаго географа и вѣрно, и понятно, и даже слишкомъ въ семдесять лѣтъ нимало не состарѣло въ своей ясности. Вотъ, напримѣръ, означеніе политической географіи: «Она» говоритъ Бюшингъ: «разсуждаетъ о раздѣленіи земнаго шара и живущихъ на немъ, на разныя области, то-есть на большія сообщества многихъ фамилій, которыхъ безопасность и благо-

получіе особливыми независящими правленіями производится: Тѣ, въ которыхъ высочайшее повелѣніе отъ одной только персоны зависитъ, *суть монаршескія* области; а тѣ, которыхъ правленіе изъ многихъ персонъ состоитъ, суть *республиканскія* области. Внутренное раздѣленіе областей есть различное: оно подраздѣляется на географическое, политическое, юридическое, финансовое, церковное и военное отдѣленія», и проч. Все это изложено кратко, но весьма-толковито. За симъ слѣдуетъ общій взглядъ Бюшинга на Европу. Въ параграфѣ о языкахъ, онъ замѣчаетъ, что *младенчествующіе* Европейцы говорили языкомъ, который нѣсколько сходствовалъ и съ греческимъ, и съ латинскимъ, и что отъ него произошли языки датскій, голландскій, готскій, нѣмецкій, *франкскій* и шведскій. Въ наше время *Франковъ*, такъ же какъ и Норманновъ (сбродъ, союзъ, или *свару* народную) я не знаю, можно ли причитать систематически къ одному какому-либо роду поколѣнія?

«Съ готскимъ языкомъ, продолжаетъ Бюшингъ:» сходенъ нынѣшній исландскій и тотъ, которой употребляется въ нѣкоторыхъ округахъ или уѣздахъ Шведской Талландіи (?)» Къ-стати бы сказать тутъ же что-нибудь о нашихъ Варягахъ. Но Бюшингъ и другіе умные его современники, кажется, уже догадывались, что эти славянскіе *встрѣчники*, союзники, *варяя* по морямъ и по взморьямъ, требовали уже не *готскаго* взгляда. Будетъ время, что мы скажемъ объ этомъ гдѣ-нибудь особо.

Финскій и эстляндскій языки, по изслѣдованію Бюшинга, только въ произношеніи нѣсколько между собою разнствуютъ, а отъ обоихъ сихъ лапландскій нѣсколько болѣе отмѣненъ. Съ финскимъ языкомъ венгерскій немного - схожъ. Литовскій языкъ отъ курляндскаго и леттскаго въ произношеніи только различенъ. Послѣднее справедливо; но Угры (Венгры) и Финны, до сей поры, по-крайней-мѣрѣ, по-моему, еще не подъ однимъ уровнемъ.

«Славенскимъ языкомъ (но разно) говорятъ въ Россіи, Венгріи, Иллиріи, Богеміи, Моравіи, Лузаціи: въ нѣкоторой части Штеіермарка, въ Украинѣ и въ Польшѣ.» Бюшингъ исключилъ Галицію, Лодомирію и проч., ни слова не сказалъ о другихъ европейскихъ нашихъ жилахъ славянскихъ, наприм: о житьѣ нашихъ Поморянъ въ Испаніи, Франціи, Италіи; но онъ былъ

географъ своего, настоящаго времени, слѣдовательно, какое было дѣло ему до прошедшаго?

«Италіанской и волохской языки произошли отъ латинскаго, однакожь съ другими смѣшаны; а *кур-велхской*, или *романскій* языкъ, которымъ говорятъ въ разныхъ дистриктахъ Граубиндской республики сходенъ отчасти съ латинскимъ, а отчасти съ италіянскимъ языками. Древнимъ целтскимъ или галлскимъ языкомъ говорятъ еще въ нижней Британіи и въ Княжествѣ Валесскомъ. Изъ смѣшенія оныхъ съ латинскимъ и франкскимъ произошелъ французскій языкъ. Въ Гишпаніи говорили издревле *кантасрическимъ* языкомъ, которымъ еще и до сего времени въ Бискаіи, Гвипускоѣ, Алавѣ, въ гишпанскомъ и французскомъ владѣніи въ Наваррѣ, и во французскихъ провинціяхъ Лабурѣ и Сулѣ говорятъ; но когда оный смѣшался съ финикейскимъ, карѳагенскимъ, латинскимъ, *готскимъ* (по другимъ мнѣніямъ съ славянскимъ?) и маврійскимъ, то произошелъ оттуда гишпанской или кастилской языкъ, отъ котораго каталонской болѣе отмѣненъ, нежели португальской. Исландскимъ языкомъ говорятъ въ Ирландіи и въ Сѣверной Шотландіи. Англинской языкъ есть подлинно тотъ, съ которымъ Англи, Саксонцы, Юты, Фрисландцы въ V вѣкѣ въ Британію пришли, однакожъ оной съ прочими языками сталъ смѣшенъ. *Новой греческой языкъ*, которымъ нынѣшніе Греки въ Турціи говорятъ, есть испорченной языкъ греческой.» Но замѣтьте опять кѣмъ? Если вѣрить новѣйшимъ изслѣдователямъ, то славянскими поморянами: они живали на Русскомъ Морѣ, которое нынѣ слыветъ Чернымъ....

Время поговорить о бюшинговой Россіи. Она содержала въ себѣ тогда 300,000 географическихъ квадратныхъ миль, а нынѣче, при Императорѣ Николаѣ, это уже гигантъ неизмѣримый, это цѣлая шестая часть свѣта и почти-превосходящая всѣ прочія части свѣта. «Въ *сѣверной* части Россіи бываетъ долгая и жестокая зима: по причинѣ чего нѣтъ тамъ ни хлѣба, ни древесныхъ плодовъ, однакожъ имѣется изобиліе какъ въ ягодахъ, такъ въ пищу употребляемыхъ и въ другихъ дикихъ четвероногихъ животныхъ, птицахъ и рыбѣ.» Такъ было тамъ при первыхъ годахъ государствованія Екатерины; а теперь другое— хозяйственность наша и на Сѣверѣ сдѣлала опытъ надъ про-

изращеніемъ хлѣбныхъ зеренъ. «Въ *средней* странѣ хотя также бываетъ жестокая зима, однакожъ въ ней довольно земляныхъ и древесныхъ плодовъ, лекарственныхъ травъ и проч. и проч.» На лекарственныхъ травахъ и на многихъ другихъ предметахъ я могъ бы остановиться: я бы хотѣлъ, чтобы развитіе пользъ, по этой части, у насъ шло еще быстрѣе, нежели какъ оно есть на-самомъ-дѣлѣ; но я уже излагалъ это собранію Московскаго Общества Испытателей Природы въ читанной мною брошюркѣ 1833 года (*О пользѣ путешествій для испытанія природы*). Брошюрка эта была напечатана того же 1833 года и, кажется, есть еще во всякой книжной лавкѣ. «*Южная* страна Россіи теплѣе средней и плодоноснѣе» и проч. и проч.

«Однакожъ сія чрезвычайно великая имперія (до Екатерины II, какъ замѣчаетъ Миллеръ) мало устроена и населена; ибо содержитъ она въ себѣ только 354 города и неболѣе, какъ 20 миліоновъ человѣкъ, число которыхъ составляютъ собственно Россіяне, Козаки (?), Самоѣды, Юраки, Мордва, Черемисы, Чуваши, Вотяки, Вогулы, Пермяки, Зыряне и проч. и проч. Монастырей въ Россіи (православныхъ) мужескихъ 619, женскихъ 223, церквей, кромѣ монастырскихъ 18,156, церковныя имѣнія состоятъ въ 839,546 душахъ», и проч. и проч.

Въ Санктпетербургѣ, во время Бюшинга, находились уже Академія Наукъ и Академія Художествъ, университетъ, гимназія, два кадетскіе корпуса, которые Бюшингъ равняетъ съ кавалерскими академіями, знатная библіотека и проч. Въ Москвѣ: академія, университетъ, и двѣ гимназіи; въ Казани также двѣ гимназіи; въ Кіевѣ академія; въ Ригѣ и Ревелѣ гимназіи и другія латинскія школы. — Послѣ должно бы прибавить: воспитанники этихъ училищъ: Румянцовъ, Суворовъ, Потемкинъ, Державинъ, Михаилъ, Амвросій, Гавріилъ и проч. и проч.; но Бюшингу еще не были извѣстны эти великіе питомцы сихъ училищъ.

Серебряный рубль равнялся стамъ копейкамъ мѣди, червонецъ двумъ рублямъ серебра; но цѣлый, не-обрѣзной и двумъ рублямъ тридцати копейкамъ (вотъ первый зародышъ лажа); полуимперіалы равнялись пяти, а цѣлые имперіалы десяти рублямъ серебромъ. Въ то же время чеканилась еще монета

по указу Императрицы Елисаветы (1757 года) для Эстляндцевъ и Лифляндцевъ: она составляла цѣнность двухъ, трехъ и девяноста-шести копеекъ серебромъ, и проч.

Высшія правленія Россіи: Синодъ и Сенатъ; къ послѣднему принадлежали Герольдмейстерская и Рекетмейстерская Конторы; коллегій десять: 1) Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 2) Военная, 3) Адмиралтейская Коллегія, 4) Юстицъ-Коллегія (нынѣ не существуетъ), при ней Юстицъ-Контора и кромѣ-того еще Нѣмецкая Юстицъ-Коллегія, 5) Вотчинная Коллегія (не существуетъ), 6) Каморъ-Коллегія (тоже), 7) Статская-Контора, 8) Ревезіонъ-Коллегія (нынѣ Государственный Контроль), 9) Коммерцъ-Манифактуръ и Бергъ-Коллегіи, 10) Коллегія Конфискацій (ихъ нѣтъ) и Соляная Контора. Вообще все это болѣе или менѣе измѣнялось; но основа того или другаго, и при новыхъ, лучшихъ учрежденіяхъ, осталась одна и та же; во всемъ еще видны фундаменты, положенные рукою Петра и Екатерины Великихъ.

Государственный доходъ состоялъ изъ 14 мильйоновъ, или, на рейхсталеры, изъ 17 съ ½ мильйоновъ, что составитъ по нынѣшнему ассигнаціонному курсу (положительному въ 3 руб. 60 коп.) слишкомъ пятьдесятъ мильйоновъ рублей.—Регулярнаго войска содержалось 250 тысячь, да не-регулярнаго (разныхъ Казаковъ, Калмыковъ и проч.) 120 тысячь, или, вообще до четырехсотъ тысячь готовыхъ всегда людей; флотъ состоялъ изъ 24 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и проч.

Вся имперія разграничивалась на Европейскую и Азіатскую Россію. Въ той и другой вообще девятнадцать губерній. Европейская Россія раздѣляется на Великую и Малую Россію, и сверхъ-того на земли, пріобрѣтенныя отъ шведской короны въ XVIII вѣкѣ. *Великую* Россію составляютъ Губерніи: Московская (прежде княженіе), Новгородская (прежде республика), Архангельская (древнее достояніе Новгородцевъ), Воронежская (прежде земля князей рязанскихъ) и Нижегородская (прежде особое княженіе, собранное изъ разныхъ древнѣйшихъ народовъ и переселенцевъ русскихъ). *Малая* Россія составляется изъ Губерній Кіевской (особаго древнѣйшаго княженія), Бѣлогородской, Слободской и Новороссійской. *Бѣлая* Россія заключала въ себѣ одну Смоленскую губернію; а пріобрѣтенныя отъ

Шведовъ земли составили изъ себя губерніи: Санктпетербуржскую, Выборжскую, Ревельскую и Рижскую.»

Азіатская Россія дѣлилась также на губерніи Казанскую, Астраханскую, Иркутскую, Оренбуржскую и Сибирскую. Казань, Астрахань, Сибирь были царствами. Всѣ губерніи, исключая Смоленской и Астраханской, заключали въ себѣ еще нѣсколько провинцій; имя управляли воеводы или градоначальники; но Кіевская и Слободская Губерніи раздѣлялись на полки. Каждая провинція подраздѣлялась еще на уѣзды или *дистрикты*. Въ 1775 году все это раздѣленіе получило измѣненія, и *воеводы*, большею-частію престарѣлые инвалиды, незнавшіе правъ гражданскихъ, или помѣщики, старавшіеся занять мѣсто только къ *себѣ ближе*—исчезли.

Московская Губернія, кромѣ собственныхъ, родовыхъ земель, имѣла еще подъ вѣдѣніемъ своимъ провинціи: 1-е, древнее княженіе Переславль-Залѣсское, часть котораго составляло и княженіе ростовское, 2-е, княженіе владимірское (на Клязмѣ); городъ Гороховецъ и княженіе муромское входили въ составъ этой же провинціи, 3-е, княженіе суздальское, 4-е, княженіе рязанское съ его городами *Сарайскомъ* (Зарайскомъ), Михайловомъ, Гремячевымъ, Печорниками и Сапожкомъ; его же землю заключало и все княженіе пронское; городъ *Гремячевъ*, примѣчательный *сказочными* расказами о своихъ простякахъ-воеводахъ, и необыкновенно-рогастымъ, единственнымъ головнымъ уборомъ своихъ женщинъ, равно какъ и *Печорники*, памятникъ о переселенцахъ или выходцахъ изъ Печоры, нынѣ уничтожены; Рязань, Рѣзань, Рюзань, Росань и даже, пожалуй по мнѣнію нѣкоторыхъ, *Роксань*, обширное поле для изслѣдованій; 5-е, Провинція Юрьевъ-Польская, съ городами: Шуею (городомъ древняго княжества), и *Лухомъ*; но тутъ же вошло и древнее господство князей Осовецкихъ, о которомъ почти никто не зналъ, не-только во время Бюшинга, но и при Миллерѣ; 9-е, Провинція Калужская; ея города: Воротынскъ, Мосальскъ, Одоевъ, Перемышль, Козельскъ—все остатки древнихъ княженій; города: Лихвинъ, Серпейскъ, Мещовскъ; 7-е, Провинція Тульская, 8-е, княженія: угліцкое, 9-е, ярославское, 10-е, Провинція Костромская. Къ самой Москвѣ принадлежали княжества: звенигородское, можайское, серпуховское, оболенское, таруское, боровское и проч., города: Руза, Волоколамскъ, Дми-

тровъ, Клинъ, Борисовъ, княженіе верейское и проч. и проч. Но подробнѣйшія выписки и наши замѣтки должно оставить до другаго времени. Чего нѣтъ у Бюшинга, мы говорить о томъ не будемъ и докончимъ нашъ взглядъ на стариннаго географа въ-кратцѣ. Точно въ томъ же видѣ, какъ московская, описаны всѣ остальныя губерніи Царства Русскаго. Новгородъ именуетъ Бюшингъ, какъ и многіе Нѣмцы, *Голм-Гардомъ*; вѣроятно, для того только, чтобъ дать нашимъ славянскимъ Варягамъ хоть что-нибудь или готское, или нѣмецкое. А сколько было у Славянъ своихъ собственныхъ *новыхъ*, *бѣлыхъ*, а если угодно, то и *старыхъ* городовъ?... Столбовая Деревня при Тихвинѣ, гдѣ въ 1617 году мы заключили миръ со Швеціею, принадлежала также вѣдомству новгородскому. На псковскихъ земляхъ останавливаешься въ думѣ надъ рѣкою Великою, на городахъ Изборскѣ, Вышгородѣ, Выборѣ, Володимірцѣ, Велельѣ, Заволочьѣ и проч. и проч. Какая глубокая Русь! Шаришь Норманновъ и не находишь! Останавливаешься на Ладо-*гѣ*; но и тутъ припоминаешь близъ *Леля—Ладо*; вѣрнѣе того еще: *Ладьи*, *Ладейное* Поле и проч. Иногда тутъ же приходитъ сказка темная, но древнѣйшая о молодцахъ *Бѣлоусахъ*, *Черноусахъ*, *Синеусахъ* и проч. и проч., объ удальцахъ *Коницапахъ*, *Туриворахъ*. Вотъ еще съ ними же блестятъ Каралы, Простѣны, Вославы, Свѣтостиры, Гюрики, Рюрики, Юрики христіанскіе Георгіи) Игорьи-Егоры и проч.—все, все даль непостигнутая!

Въ Нижегородской Губерніи, Бюшингъ указываетъ на Мордву, Черемисовъ, Чувашъ; но эти земли и земли воронежскія были раздольемъ для многихъ странствующихъ родовъ, теперь или слившихся съ Русью, или оставившихъ ее, можетъ-быть, навѣки. Къ Воронежу принадлежалъ городъ *Тавровъ*, строильня галеръ и другихъ судовъ петровыхъ.

Въ Бахмутѣ Бюшингъ замѣчаетъ соливарни, а Казаковъ на Дону, какъ и слѣдуетъ, производитъ отъ Славянъ. Волжскихъ, терекскихъ, гребенскихъ, яицкихъ и всѣхъ сибирскихъ Казаковъ онъ также (какъ и слѣдуетъ) ведетъ съ Дона. Азіатскую физіономію нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ относитъ къ матерямъ ихъ, большею-частію Азіаткамъ и большею же частію Татаркамъ.

Послѣ всего есть, въ такомъ же любопытномъ порядкѣ, описаніе Малороссіи съ ея полками Нѣжинскимъ, Стародубскимъ,

Черниговскимъ, Переяславскимъ, Прилуцкимъ, Лубенскимъ, Миргородскимъ, Гадяцкимъ и Поятовскимъ. Въ свое время это было лихое, удалое войско, но не всегда намъ вѣрное. Ихъ начальники, современные Петру—Яковъ Жураковскій, Григорій Карпычъ, Василій Борковскій, Зуйца Сербининъ, Димитрій Чернавскій, Максимъ Ильяшенко, Павелъ, Михаилъ Васильичъ и Ѳедоръ Жученко—и теперь еще составляютъ предметъ разсказовъ самыхъ занимательныхъ въ мѣстахъ ихъ подвиговъ. * Это всеудальцы, ближайшіе къ намъ Сине-Усы!

«Украинская линія, которой часть къ Бѣлогородской, а часть къ Кіевской Губерніи принадлежитъ, состоитъ изъ небольшихъ крѣпостей, землянымъ валомъ соединенныхъ, для защищенія отъ Крымскихъ Татаръ, и проведена отъ Днѣпра даже до Донца.» Образчикъ этой и всѣхъ подобныхъ линій: древнѣйшій валъ Половецкій, существующій еще между Козловомъ, Усманемъ, Тамбовымъ, и проч.

Бѣлую Россію намъ завоевалъ царь Алексій Михаиловичь въ 1667. Это древнее смоленское княженіе, въ составъ котораго тогда входили удѣлы князей Вяземскихъ, Бѣльскихъ и Дорогубужскихъ. Владѣнія богатаго Литовца Рославля принадлежали также Смоленску. Деревня Андрусово при рѣкѣ Городкѣ между Смоленскомъ и Мстиславомъ—памятникъ мира 1667 года.

Земли, завоеванныя въ XVIII вѣкѣ, напоминаютъ здѣсь по Бюшингу о Герцогствѣ Лифляндскомъ, съ его древнею Летландіею, Герцогство Эстляндское съ его древнимъ Ревелемъ, или, какъ называли его Эсты — Даналиномъ (онъ же у Леттовъ Данапиллисъ), и наконецъ Ингерманландія, гдѣ красуется еще юный Петербургъ, но уже богатый тогда своими академіями, корпусами, монастырями, садами, дворцами съ увеселительными дачами и мызами. Тутъ прошло уже послѣ Петра пол-столѣтія, а все еще цвѣло дѣло петрово...

Книга оканчивается описаніемъ азіатскихъ частей Россіи, Сибири, Камчатки и екатеренбуржскаго вѣдомства, и ко всему этому, сверхъ 104 стран. въ 8-ю долю листа, приложенъ реестръ городамъ, крѣпостямъ, острогамъ, селамъ, деревнямъ,

---

* Имена начальниковъ малороссійскихъ полковъ выписаны мною изъ имѣющихся у меня о томъ документовъ.

дистриктамъ, рѣкамъ, озерамъ, островамъ, въ сей краткой географіи упоминаемымъ». Реестръ этотъ тоже любопытенъ, что напоминаетъ многое уже почти стертое—такъ же стертое, какъ и самая эта книга Бюшинга, которая кой-у-кого находится въ числѣ необходимыхъ книгъ справочныхъ. Такія бы книжки—если бы къ нимъ благоволила публика, повторять не худо съ новыми учеными разъисканіями, прибавленіями, и проч. и проч. **М. МАКАРОВЪ.**

СРЕДСТВО ПРЕДОХРАНЯТЬ КОТЛЫ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ ОТЪ ПОРЧИ. — Изъ многихъ неудобствъ, препятствующихъ долгому плаванію пароходовъ по морю, немене важное составляетъ необходимость наливать паровые котлы морскою водою, которая, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ разныя соли. По мѣрѣ испаренія значительной части воды, эти соли осаждяются на дно, и стѣны котловъ, образуя болѣе или менѣе толстый слой, который вынуть изъ котла довольно-затруднительно; оставлять же его тамъ невозможно, ибо отъ того котлы скоро прогораютъ. Одно средство избѣжать образованія осадка, а именно: выливать воду изъ котловъ, какъ скоро значительное количество ея испарится, что̀ производитъ, однакожь, большую потерю топлива и времени. Г. Галль (Hall) придумалъ удобнѣйшее средство устранять образованіе осадка, а именно: сгущать паръ, выходящій изъ цилиндра и, собранною такимъ образомъ водою, несодержащею уже въ себѣ никакихъ солей, наполнять котлы. При такомъ устройствѣ паровой машины, пароходъ можетъ плавать по морю хоть цѣлой годъ, когда ему не будутъ препятствовать другія причины *.

БЕЗОПАСНОЕ СРЕДСТВО ПРЕДОХРАНЯТЬ ДЕРЕВО ОТЪ ГНІЕНІЯ. — Одна только необходимость можетъ заставить строить деревянныя плотины для предохраненія отъ раз-

* Позволимъ себѣ здѣсь литературное замѣчаніе: кто-то вздумалъ замѣнять выраженіе: *сухопутный пароходъ*, словомъ: *паровозъ*. Послѣднее слово не только не соотвѣтствуетъ понятію имъ выражаемому, но и не имѣетъ смысла. Пара *не возятъ*, а паръ лишь приводитъ въ *движеніе*. Единственное слово на русскомъ языкѣ, означающее всѣ роды движеній, есть: *ходъ;* такъ говорятъ на пр. часы *ходятъ*, или *идутъ*, а посему должно говорить «пароходъ», и отнюдь не «паровозъ».

литія водъ, потому-что дерево очень-сильно повреждается морскими червями, протачивающими его до уровня съ водою. Вредъ, причиняемый червями, еще увеличивается гніеніемъ дерева въ сырой землѣ. Во многихъ портахъ ежегодная перемѣна свай, сгнившихъ, не смотря на то, что онѣ были осмолены, составляетъ значительную издержку. Много есть случаевъ, гдѣ прорваніе плотинъ водою произошло отъ скважинъ, червями отъ проточенныхъ въ деревѣ. Ближайшимъ примѣромъ этого можетъ служить Новый Орлеанъ, бывшій нѣсколько дней подъ водою, прорвавшейся плотины, поврежденной морскими пауками (crabes). Слѣдовательно, какую пользу принесло бы средство, предохраняющее дерево отъ гніенія, и вмѣстѣ отъ червоточины! Такое средство изобрѣтено теперь въ Англіи. Оно состоитъ въ томъ, чтобы напитать дерево металлическимъ составомъ, приготовляемымъ изъ желѣзной ржавчины и масла, получаемаго изъ каменнаго угля *. Приготовленіе состава очень просто: масло наливается въ боченки, наполненные старымъ и заржавленнымъ желѣзомъ, и оставляется на сутки; потомъ переливается въ другіе боченки, также наполненные старымъ желѣзомъ, и оставляется также на сутки. По прошествіи сего времени, масло снова переливается въ прежніе боченки, что̀ продолжается до-тѣхъ-поръ, пока оно совершенно не напитается ржавчиною. Когда желѣзо, находящееся въ боченкахъ, получитъ свой естественный блескъ, а масло еще недостаточно напиталось ржавчиною, тогда желѣзо вынимаютъ изъ боченковъ, и вмѣсто его кладутъ новое количество стараго желѣза. Вся операція продолжается около 6 недѣль. Напитываніе этимъ растворомъ дерева, которое должно находиться въ землѣ или въ водѣ, производится такимъ образомъ: сначала высверливается посредствомъ бурава продольная, но не сквозная дыра, которая и наполняется составомъ. Въ-продолженіе 2 или 3 дней по-мѣрѣ-того, какъ дерево вбираетъ въ себя растворъ, надобно прибавлять въ дыру новое количество онаго, наблюдая, чтобы всегда отверстіе было совершенно наполнено составомъ. Потомъ, когда дерево напитается совершенно, что̀ узнаётся, если растворъ станетъ выходить сквозь поры дерева наружу, тогда дыра заколачивается деревяннымъ гвоздемъ, и дерево готово къ употребленію.

* Простой, жидкой деготь можетъ быть также для сего годенъ.

Если обстоятельства не позволяютъ сверлить дыры въ деревѣ, то можно покрыть его только снаружи симъ составомъ. Двухъ или трехъ слоевъ достаточно для предохраненія дерева отъ гніенія. Увѣряютъ, что этотъ составъ весьма-дѣйствителенъ противъ поврежденія дерева; по-крайней-мѣрѣ онъ не сопряженъ съ тѣми неудобствами, какъ хваленое средство напитывать дерево сулемою и другими дорогими и опасными меркуріальными приготовленіями.

НОВОЕ СРЕДСТВО ИСТРЕБЛЯТЬ ВРЕДНЫХЪ НАСѢКОМЫХЪ.—Одинъ земледѣлецъ во Франціи, доставъ пару птицъ съ Сандвичевыхъ Островов, называемыхъ *кинкинману*, пріучилъ ихъ ничего не ѣсть, кромѣ однихъ жуковъ. Такимъ-образомъ, эти птицы проводятъ у него на ловлѣ цѣлыя ночи, и возвращаются утромъ, истребивши, по его вычисленіямъ, около 4000 штукъ жуковъ. Для желающихъ воспользоваться его средствомъ, сей земледѣлецъ разводитъ кинкиману: теперь у него считается около сотни паръ.

ЗЕРКАЛЬНЫЯ СТѢНЫ.—Г. Джемсъ Тортонъ, профессоръ Химіи въ Филадельфійскомъ Университетѣ, нашелъ способъ составлять изъ металловъ вещество жидкое и стекловатое, которое, будучи покрыто, какъ и обыкновенныя зеркала, листомъ олова, послѣ охлажденія пріобрѣтаетъ зеркальность, неуступающую стекляннымъ зеркаламъ. Зеркала можно выливать величины какой-угодно. Сіе открытіе, вѣроятно, произведетъ большой переворотъ въ фабрикаціи зеркалъ. Американскій химикъ украсилъ зеркалами своего изобрѣтенія всѣ стѣны и потолки въ своемъ домѣ. Вечеромъ, говорятъ, пламя свѣчь, отражаясь до безконечности въ зеркалахъ, производитъ волшебный эфектъ.

НУЖНА ЛИ ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ ДЛЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОРГАНИЗМА?—Къ числу самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, неразрѣшенныхъ и до-сихъ-поръ надлежащимъ-образомъ, принадлежитъ и вопросъ: слѣдуетъ ли примѣшивать къ пищѣ нѣкоторое количество поваренной соли, какъ обыкновенно это дѣлается, или нѣтъ? — Если соль не оказываетъ благотворнаго вліянія на нашъ организмъ, то, по-крайней-мѣрѣ, она

не производитъ и вредныхъ послѣдствій, въ чемъ удостовѣряемся ежедневнымъ опытомъ. Казалось бы, этого достаточно было, чтобъ уничтожить всѣ возраженія и споры о вредѣ, причиняемомъ солью; однакожь возраженія противной стороны довольно сильны, и ихъ нельзя такъ легко опровергнуть. Въ-самомъ-дѣлѣ, не уже ли природа, производя пищу для человѣка, не позаботилась снабдить ее надлежащимъ количествомъ соли, и не ужь ли человѣкъ необходимо долженъ добавлять нужное количество этой приправы для своего организма? Сверхъ-того, всѣ ли народы употребляютъ соль въ равномъ количествѣ? Многіе изъ необразованныхъ народовъ вовсе ее не употребляютъ; слѣдовательно, изъ этихъ данныхъ ближайшее къ истинѣ заключеніе будетъ, что легко можно обойдтись и безъ соли. Такое заключеніе, хотя совершенно-справедливое относительно общей массы людей, однакожь несправедливо въ-отношеніи народовъ, уклонившихся съ первоначальнаго, естественнаго пути и привыкшихъ съ самаго рожденія къ соли. Для ихъ испорченнаго организма она сдѣлалась необходимою потребностію. Вотъ что̀ говоритъ объ употребленіи соли докторъ Дени въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Essai sur l'application de la chimie à l'étude physiologique du sang de l'homme etc.»: «Количество соли, заключающееся въ пищи, непосредственно производимой природою, недостаточно для человѣка; это доказывается внутреннимъ побужденіемъ организма къ употребленію соли. Тотъ ошибается, кто почитаетъ ее одною только приправою,— нѣтъ, она есть существенная потребность нашего организма. Пища, несодержащая соли въ надлежащемъ количествѣ, кажется невкусною и, при употребленіи ея, аппетитъ скоро проходитъ. Желудокъ такую пищу варитъ съ трудомъ. Соль же, примѣшиваемая къ пищѣ въ умѣренномъ количествѣ, т. е. когда не производитъ особенной жажды, разжижаетъ кровь, которая безъ нея сгустилась бы и потеряла бъ свое кругообращеніе. Но и излишнее употребленіе соли вредно, потому-что она, слишкомъ разжижая кровь, увеличиваетъ о̀тдѣленіе пасоки, и разрушаетъ кровяные шарики, или, по-крайней-мѣрѣ, препятствуетъ ихъ образованію, и можетъ быть источникомъ многихъ важныхъ болѣзней.

Приготовленіе швейнфуртской зелени.—Г. Эрдманнъ предлагаетъ въ «Annalen der Pharmacie» слѣдующій спо-

себѣ приготовлять швейнфуртскую зелень весьма высокаго достоинства.

10 частей яри мѣдянки (основной укеуснокислой окиси мѣди) разводятся такимъ количествомъ воды, чтобъ образовался родъ гущи, которую и смѣшиваютъ съ растворомъ 8 частей мышьяковистой кислоты (бѣлаго мышьяка) въ 100 частяхъ кипящей воды, и доводятъ смѣсь до кипяченія. Иногда бываетъ нужно прибавить къ смѣси немного уксуса, чтобъ краска получила яркій цвѣтъ и кристаллическій видъ. Кислая жидкость, отдѣленная отъ осадка, содержитъ въ себѣ мѣдную окись и можетъ съ выгодою быть употреблена на новое раствореніе мышьяковистой кислоты. Иногда, для удобнѣйшаго растворенія этой кислоты, примѣшиваютъ немного поташа.

Швейнфуртскую зелень можно также приготовить, если смѣшать вмѣстѣ кипящіе растворы яри (средней уксуснокислой окиси мѣди) и мышьяковистой кислоты. Краска, полученная этимъ способомъ, иногда называется *вѣнскою зеленью* (Vert de Vienne).

Обѣ эти краски составъ имѣютъ одинаковый, а именно во 100 частяхъ содержатъ:

Окиси мѣди.	0,31243=4	атома
Мышьяковистой кислоты . .	0,58620=3	—
Уксусной кислоты	0,10135=1	—

Слѣдовательно каждая краска есть двойная соль, состоящая изъ 1 атома средней уксуснокислой мѣди и 3 атомовъ мышьяковисто-кислой окиси мѣди. Обѣ онѣ въ водѣ нерастворимы, но растворяются, разлагаясь въ кислотахъ и даже въ уксусной кислотѣ. Щелочи также разлагаютъ эти краски и если кипятъ съ ними, то мѣдь изъ окисла переходитъ въ закись; цвѣтъ же ихъ въ то же время измѣняется.

СТРОЕНІЕ КАМЕННЫХЪ ПОРОДЪ. — Г. Эли де Бомонъ (Elie de Beaumont) сообщаетъ нѣсколько замѣчаній о различіяхъ свойства нѣкоторыхъ минераловъ, доставленныхъ ему г. Годеномъ. Этотъ физикъ, достигшій искусства плавить кварцъ и дѣлать изъ него нити, замѣтилъ, что кремнеземъ, охлаждаясь, остается нѣсколько времени вязкимъ, напротивъ глиноземъ не сохраняетъ этой способности. Основываясь на этомъ выводѣ,

Бомонъ старается доказать, что нѣкоторыя каменныя породы кристаллизуются или превращаются въ призму по различію ихъ составныхъ частей. Онъ замѣчаетъ, что въ гранитахъ и порфирахъ всегда находится кремнеземъ въ избыткѣ, между-тѣмъ какъ въ трапахъ и базальтахъ преобладаютъ основанія, быстро переходящія въ твердое состояніе, и теряющія на этомъ пути очень-мало своей теплоты. Слѣдовательно, существуетъ очевидное отношеніе между новыми открытіями Годена и древними наблюденіями геологовъ надъ различіемъ состава и строенія каменныхъ породъ. Желательно было бы, чтобы сдѣлали подобные опыты надъ многими другими основаніями, какъ, напр. известкою и магнезіей.

МНОГОЦВѢТНОЕ ИЛИ ПОЛИХРОМИЧЕСКОЕ ВАЯНІЕ.— Между вопросами, которыми занималась въ послѣднее время археологія, самый любопытный и важный есть, безъ-сомнѣнія, вопросъ о полихроміи памятниковъ архитектуры и ваянія. Въ настоящее время доказано, что Греки, этотъ народъ, одаренный чистѣйшимъ вкусомъ и единственный, выражаясь словами Нибура, которому Богъ открылъ таинства человѣческой красоты, сдѣлали примѣненіе красокъ къ произведеніямъ ваянія и памятникамъ архитектуры. Этотъ весьма-важный фактъ, опровергающій одно изъ основныхъ началъ эстетики древняго искусства, столь долгое время признаваемое, и назначенный, можетъ-быть, противодѣйствовать новому искусству, не былъ достаточно изслѣдованъ. Потому-то будетъ небезполезнымъ привести одну эпиграмму изъ латинской антологіи (1), въ которой находится описаніе одной мраморной, окрашенной статуи. Эта эпиграмма, представляющая сильное доказательство (2) въ-пользу многоцвѣтнаго ваянія, замѣчательна еще потому-что поэтъ, отголосокъ господствующаго мнѣнія своего времени, ежели не всей древности, провозглашаетъ удивительную истину о соединеніи живописи съ ваяніемъ. При такомъ положительномъ доказательствѣ уничтожается возраженіе, которое хотѣли вы-

---

(1) Anthologia latin. 1,159, tom, 1, p. 110; изд. Бурманна; epigr. 681, om. 1, p. 225, изд. Майера.

(2) См. доказательства древнихъ о многоцвѣтномъ ваяніи, собранныя доктор. Куглеромъ: Ueber die Polychromie der griechischen Architektur und Sculptur und ihre Gränzen. Berlin, 1835, in 4-to pag. 51-62.

весть противники полихроміи изъ молчанія древнихъ авторовъ, какъ и предположеніе, приписывающее варварству средняго вѣка остатки красокъ, отъискиваемые во многихъ древнихъ памятникахъ.

Мы не знаемъ ни имени, ни времени автора стиховъ, нами приводимыхъ; но ежели и предположить позднее существованіе его во время императоровъ, то изъ сего не слѣдуетъ, что образчикъ ваянія, о которомъ онъ говоритъ, есть произведеніе современное и слѣдственно твореніе совершеннаго упадка искусства. Мы представляемъ здѣсь текстъ эпиграммы по новому изданію Майера:

Daphne (3).
Frondibus et membris servavit dextera sollens
Congruus ut sculptis posset inesse color.
Dant mirum 'junctae ars (4) et pictura decorem,
Ostendit varius cum duo signa lapis.

Предметъ изваянія, подавшій поэту поводъ написать эти стихи, выражаетъ превращеніе Дафны въ лавровое дерево. Васия говоритъ, что Аполлонъ, безпокоя тщетно нимфу своими исканіями и не могши побѣдить ея сопротивленія, началъ ее преслѣдовать. Она же, въ минуту своего паденія, попросила отца (рѣку Пеней или, по другимъ, Юпитера) превратить ее въ лавровое дерево. Греческое искусство, говоритъ Луціанъ (5): представляло Дафну одну половину женщиной, другую лавровымъ деревомъ. Такъ видимъ ее гравированною на древнихъ камняхъ (6) и въ геркуланской живописи. Нижняя часть тѣла до пояса уже превращена въ стволъ, пальцы представляютъ вѣтви, и густые листья замѣнили ея длинные волосы (7). Подобное представленіе приняла для Дафны латинская эпи-

---

(3) Искусная изобрѣтательность соблюдена въ листьяхъ и расположеніи членовъ съ тою цѣлію, чтобы изваяніе представляло одинаковый цвѣтъ. Ваятельное искусство придаетъ цѣлому изумительный видъ, живопись — украшеніе, что показываетъ различный камень съ двумя знаками.

(4) Послѣ ars надобно подразумѣвать statuaria.

(5) Lucianus, Verae histor., lib. I, 8, tom. IV, p. 236 sq., ed. Lehmann.

(6) См. Begeri Spicileg. antiquitat (Colon. Brandenburg, 1692) p. 66. Maffei, P. II. tabl. XLIV.

(7) Ovid. Metamorphos., 1,550 и слѣд.

грамма, и художникъ, кажется, съ тою цѣлію прибѣгнулъ къ употребленію краски, чтобы лучше отдѣлить, посредствомъ различныхъ цвѣтовъ, части человѣческаго тѣла отъ частей, превращенныхъ въ дерево.

Коляски самоходы.—Самоходныя коляски, то-есть, которыя движутся отъ силы самого ѣздока, или ѣдущаго съ нимъ его слуги, не новость: давно и неоднократно онѣ были заводимы и бросаемы. Но недавно появилась въ журналахъ новость въ этомъ родѣ: объявили, что изобрѣтена или придумана коляска, которая движется и возитъ своего сѣдока отъ дѣйствія его собственной тяжести, а ему остается только давать направленіе ея ходу. Въ журналѣ «Mechanics' magazine» напечатано даже, что такая коляска, изобрѣтенная Кембриджцемъ Ревисомъ, и названная имъ *эллоподомъ*, находится въ Лондонѣ и показывается въ Страндѣ; будто-бы этотъ «эллоподъ», приводимый въ движеніе тяжестію его сѣдока, можетъ по обыкновенной дорогѣ проѣзжать отъ тридцати до сорока-пяти верстъ въ часъ, а по чугунной дорогѣ съ невѣроятною скоростію; что изобрѣтатель предполагаетъ употребить этотъ самоходъ на почтовыя сообщенія по проселочнымъ путямъ.» Какъ не задуматься отъ такого чуда! Кто не любитъ ѣздить на своемъ конькѣ? Однако, это чудо объяснено нынѣ г. Беддліемъ, и составляетъ вещь почти-обыкновенную. По словамъ г. Беддлія, эта коляска сдѣлана изъ трехъ колесъ: двухъ большихъ назади, и одного по-меньше спереди. На оси, гдѣ насажены заднія колеса, придѣлано мѣсто для сидѣнья ѣздоку, который ногами упирается въ подвижныя подножки; онѣ сообщаются механизмомъ съ колесами. Ѣздокъ долженъ нажимать ногами подножки, а отъ нихъ сообщается движеніе двумъ большимъ колесамъ, которыя катятся, и съ ними вся коляска идетъ въ ходъ. Переднее колесо служитъ только средствомъ къ направленію пути коляски. Стало-быть, эта коляска «эллоподъ» приходитъ въ движеніе не отъ тяжести ѣздока, а отъ силы его ногъ: это большая разница въ дѣлѣ. И дѣйствительно, чтобы тяжесть могла произвести движеніе, надобно, чтобы тяжелое тѣло могло опускаться на какое-нибудь пространство: такъ, напримѣръ, гиря приводитъ въ движеніе часы, потому-что опускается на длину веревки; или человѣкъ приводитъ тяжестію

своего тѣла въ движеніе колесо, когда онъ идетъ, внутри его, по ободу. Но здѣсь, въ коляскѣ, когда сидящій ѣздокъ нисколько не опускается, его тяжесть не можетъ производить движенія въ колесѣ.—Г. Бедлій находитъ даже дѣйствіе посредствомъ подножекъ очень-утомительнымъ и невыгоднымъ, и предлагаетъ замѣнить ихъ обыкновенною рукояткою. Онъ говоритъ, что имѣлъ такую съ рукояткою коляску, которая могла на короткое время катиться довольно-скоро. Онъ почитаетъ подобныя коляски очень-хорошимъ средствомъ для гимнастическаго упражненія на прогулкѣ, но говоритъ, что въ подобной коляскѣ нельзя пускаться въ дѣйствительныя поѣздки, потому-что дѣйствіе ея очень утомляетъ человѣка, если оно бываетъ продолжительно.

МЕННОНИСТЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОРНИСЪ.— Проживающій въ колоніи Орловѣ (Мелитопольскаго Уѣзда, Таврической-Губерніи), Меннонистъ Иванъ Ивановичъ Корнисъ есть безъ-сомнѣнія первый домоводъ въ Таврической-Губерніи. Желая познакомить читателей съ этимъ человѣкомъ, имѣющимъ право на уваженіе современниковъ и на признательность потомства, мы рѣшаемся исчислить здѣсь вкратцѣ заслуги его.

1) Вліяніе Ивана Ивановича Корниса на своихъ собратій Меннонистовъ, проживающихъ въ 43 колоніяхъ при р. Молочной и по близости оной, извѣстно всѣмъ, которые имѣли случай ознакомиться поближе съ бытомъ иностранныхъ поселенцевъ въ Таврической-Губерніи. Соревнуя общей пользѣ, онъ, вмѣстѣ съ другими Меннонистами, въ 1822 году учредилъ въ Орловѣ высшее училище (Vereinschule zu Orloff), въ коемъ между прочимъ съ успѣхомъ преподается и русскій языкъ.

2) Разведеніемъ древесныхъ питомниковъ и рощей лѣсныхъ деревъ при колоніяхъ, Меннонисты не мало обязаны содѣйствію Корниса. При собственномъ его хуторѣ *Юшанлы*, въ 1837 году находилось большихъ деревъ и сѣянцевъ до 660,600; въ томъ числѣ однихъ плодовыхъ болѣе 444,300.

3) Если г. Корнисъ оказалъ большія услуги въ-отношеніи къ колоніямъ, составляющимъ Меннонистскій Молочанскій Округъ, то вліяніе его на бытъ Ногайцевъ еще несравненно-болѣе заслуживаетъ вниманіе правительства и друзей человѣче-

ства. Ногайцы, которыхъ покойный графъ Демезонъ (ум. 1837 г. въ Крыму, на Алмѣ) изъ кочеваго состоянія вывелъ въ число осѣдлыхъ народовъ, обязаны Корнису введеніемъ и распространеніемъ у нихъ выгоднѣйшей въ тѣхъ мѣстахъ вѣтви хозяйства: *тонкошерстнаго овцеводства*.

Онъ впервые ввелъ отдачу испанскихъ овецъ другимъ *на половину*, т. е. съ полученіемъ въ свою пользу 50% добываемой шерсти и половиннаго числа приплода. Примѣръ Корниса побудилъ къ подражанію не только Духоборцевъ и Молоканювъ, которые принадлежатъ къ лучшимъ домоводамъ въ Таврической-Губерніи, но и православныхъ казенныхъ поселянъ и самихъ Ногайцевъ, изъ коихъ достаточные, расплодившіе у себя испанскихъ овецъ до-того, что у нихъ уже не стаетъ земли, отдаютъ таковыхъ бѣднѣйшимъ на сказанныхъ кондиціяхъ. Самъ г. Корнисъ такимъ-образомъ имѣетъ у Ногайцевъ до 16,000 овецъ, что, безъ-сомнѣнія, весьма-значительно, между-тѣмъ, какъ при своихъ хозяйствахъ онъ держитъ не болѣе 9000 овецъ.

4) Весьма примѣчательно то, что, при содѣйствіи Корниса и мелитопольскаго исправника, титулярнаго совѣтника Колосова, ближайшая къ хутору Корниса ногайская деревня *Аккермень*, обстроилась на-манеръ нѣмецкихъ поселенцевъ. Тамъ съ 1835, по ноябрь 1837 года было выстроено уже 39 такихъ домовъ, съ нѣкоторыми при нихъ прислугами. При помощи сына своего, г. Корнисъ разбилъ на кварталы мѣсто, которое избрали 29 жителей другой ногайской деревни *Шугот-Джуреть*, рѣшившіеся оставить свои хижины и обзавестись по примѣру Нѣмцевъ въ новомъ селеніи подъ названіемъ *Акъ-кую* (Бѣлый Колодезь).

Справедливо, что Ногайцы выдѣлываютъ еще кожи въ домахъ своихъ, и что они въ домашнемъ быту, особенно въ опрятности, далеко еще отстаютъ отъ Меннонистовъ; однако же первый шагъ къ улучшеніямъ сдѣланъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ имѣть послѣдствія, которыхъ теперь еще ни исчислить, ни предвидѣть не можно.

5) Но не одни эти улучшенія переняли отъ Корниса къ Ногайцамъ. Онъ въ-особенности чрезъ одного престарѣлаго Ногайца по имени *Коканъ Аккерманъ* * и волостнаго головы

* Фамильныя имена, или прозванія, приняты Ногайцами только въ 1835 году при составленіи 8-й народной переписи.

Шуют-Джуретской волости Темиръ Тенбая, дѣлалъ успѣшные опыты и надъ разведенiемъ картофеля, примѣчательны особенно потому, что г. Корнисъ привезъ съ собою къ Ногайцамъ жену свою, примѣромъ своимъ побудившую къ полевымъ работамъ и Ногаекъ, дотолѣ незнавшихъ занятiй сего рода.— Коканъ же, который первый построилъ домъ на нѣмецкiй манеръ, вырылъ на свой счетъ колодезь въ отдаленной безводной степи; онъ также первый, по совѣту Корниса, пытался сѣять табакъ и полбу.

6) Какъ бдительный наблюдатель обычаевъ и жизни сосѣднихъ жителей, Корнисъ собралъ любопытныя свѣденiя о Духоборцахъ и Молоканахъ и Ногайцахъ; послѣднiя, по желанiю одного русскаго путешественника, онъ согласился напечатать *.

Памятникъ Шиллеру, воздвигнутый въ Штутгартѣ. — Имя поэта, какъ имя законодателя, принадлежитъ всемiрной исторiи, и воспоминанiе о немъ всегда пробудитъ отголосокъ въ душѣ благороднаго человѣка. Шиллеръ больше другихъ германскихъ писателей извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ. Жуковскiй, передавая возвышенныя думы генiя въ мелодическихъ звукахъ родной рѣчи, пробудилъ къ нему общее сочуствiе. Надѣемся, что читатели нашего журнала, подобно намъ, съ участiемъ прочтутъ извѣстiе о воздвиженiи памятника въ честь того, кто самъ составляетъ блистательный памятникъ своего вѣка и украшенiе своей отчизны.

Статуя Шиллера отлита съ необыкновеннымъ искусствомъ. Рисунокъ и форма были сдѣланы знаменитымъ Торвальдсеномъ. Памятникъ украшенъ баварскими и виртемберждскими знаменами. Основанiе—гранитное; цвѣтъ камня имѣетъ красноватый отливъ. Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые везли статую въ Штутгартъ, народъ кипѣлъ и волновался отъ восхищенiя. Шумныя толпы людей всѣхъ состоянiй высыпали за городъ на встрѣчу, радостно привѣтствовали образъ великаго мужа, какъ желаннаго гостя, и далеко провожали его. Между-тѣмъ, какъ въ Штутгартѣ ставили подножiе, монументъ и дѣлали приготовле-

* Въ «Телескопѣ», 1836 года ч. XXXIII, ст. 3—71. Небольшое количество экземпляровъ было напечатано особо подъ заглавiемъ: *Краткiй обзоръ о положенiи Ногайскихъ Татаръ* (на 71 с. въ 8 д. л.)

нія къ открытію, любопытные Нѣмцы и иностранцы стекались со всѣхъ сторонъ въ большомъ количествѣ. Еще за нѣсколько дней до открытія памятника, въ городъ прибыли: депутація отъ веймарскаго театра въ лицѣ гг. Дюрана и Генаста, уполномоченные отъ жителей Майнца; семь народныхъ представителей изъ Бадена, члены различныхъ консерваторій изъ Цюриха, Берна, Граубюндена и многіе другіе, извѣстные по своимъ познаніямъ: Штигльмайеръ, біографъ Шиллера, Петръ Корнелій, *Шеллингъ* и другіе. Къ торжеству были приглашены сыновья великаго поэта, Карлъ и Эрнестъ Шиллеръ, оба занимающіе почетныя должности. Появленіе столь многихъ незнакомцевъ, въ одно время, въ маленькомъ городкѣ, разнохарактерные костюмы, богатство, пышность, безпрерывное движеніе на улицахъ, на гуляньяхъ и въ другихъ мѣстахъ общественныхъ увеселеній,—все показывало, что скоро наступитъ какой-то необыкновенный праздникъ и радостное торжество.

Дирекція Штутгартскаго Театра, по единодушному желанію актёровъ, хотѣла съ своей стороны также содѣйствовать торжеству. Выбрали трилогію Шиллера «Валленштейнъ» и раздѣлили ее на три дня. Мая 6 числа (н. с.) положено было играть «Лагерь Валленштейна» и сочиненіе Гётца — «Колоколъ» — «Пѣснь о Колоколѣ» переложенная въ драматическія картины; мая 7 «Пикколомини», а 8—«Смерть Валленштейна».

Еще наканунѣ торжества (7 мая), городскія ворота были украшены; кругомъ памятника сдѣланы мѣста для зрителей. Памятникъ былъ оставленъ безъ всякихъ украшеній; работа надъ нимъ производилась до самаго дня открытія. Осьмаго числа, по-утру, все уже было кончено и величественная статуя была покрыта полотномъ, спускавшимся до самыхъ ступеней подножія. Погода была превосходная; весна развернулась въ полномъ цвѣтѣ, и окрестныя горы живописными стѣнами стояли вокругъ города и придавали ему какой-то особенно-веселый видъ.

Осьмаго числа мая, въ десять часовъ утра, члены консерваторій, существующихъ въ Штутгартѣ и другихъ городахъ, числомъ около тысячи-пятисотъ человѣкъ, собравшись въ одну школу, двинулись оттуда съ музыкой и знаменами въ музей, соединились тамъ со всѣми почетными гостями, и отправились на площадь. Мѣста, назначенныя для зрителей, всѣ сосѣдствен-

ныя улицы, окна и крыши близлежащихъ домовъ, были наполнены толпами народа. На одномъ возвышеніи, прямо противъ памятника, между многими значительными посѣтителями, находились родственники Шиллера.

Торжество открылось пѣніемъ кантаты, которую сочинилъ Мёрике, а на музыку положилъ Линдпайтнеръ. Нѣкоторые стихи Мёрике исполнены глубокаго одушевленія и достойны этого торжественнаго случая. Когда оканчивалась послѣдняя строфа кантаты, вдругъ во всѣхъ частяхъ города раздался колокольный звонъ, и начали медленно, медленно открывать памятникъ. За одинъ конецъ покрова держался двѣнадцатилѣтній внукъ Шиллера, Карлъ. Когда памятникъ вполнѣ открылся, загремѣла музыка, прерываемая тысячью радостныхъ восклицаній. Можно сказать, что эти восклицанія были выраженіемъ единодушнаго энтузіазма всѣхъ Германцевъ и тѣхъ, кому доступны высокія, дѣвственныя мечты безсмертнаго поэта. Послѣ, когда огромнымъ хоромъ была пропѣта пѣснь: Was schwellt uns heut so hoch die Brust? (Для-чего нынѣ у насъ такъ сильно волнуется сердце?) и когда смолкли голоса восторженнаго народа, Густавъ Швабъ взошелъ на ступени пьедестала и произнесъ рѣчь. Потомъ памятникъ торжественно былъ переданъ жителямъ Штуттарта. Эта церемонія утверждена особеннымъ актомъ, который будетъ храниться въ городскомъ государственномъ архивѣ. Жители Штуттарта, между-прочимъ, обязываются навсегда поддерживать и поправлять памятникъ, никогда, безъ особенной необходимости, не переносить его съ теперешняго мѣста, а въ случаѣ нужды, выбрать другое, достойное этого залога любви всѣхъ Германцевъ. Въ-вечеру, памятникъ былъ освѣщенъ бенгальскими огнями. Замѣчательно, что открытіе памятника совершилось наканунѣ того дня, когда скончался Шиллеръ.

Послѣднія минуты князя Талейрана.—Вотъ что въ одной изъ парижскихъ газетъ разсказываетъ неизвѣстный *очевидный свидѣтель* (témoin oculaire) о кончинѣ замѣчательнѣйшаго политическаго дѣйствователя въ наше время—князя Талейрана:

«17 мая 1838 по утру, лишь только пробило шесть часовъ, я отправился въ старый дворецъ Сен-Флорантенъ. Первые

лучи дня едва начинали появляться надъ вершинами тюльерійскихъ деревъ и разсѣвать туманъ утренній. Дрожащею рукою дернулъ я за ручку колокольчика, и звонъ его раздался по двору съ звукомъ, неимѣвшимъ почти-ничего земнаго... Я не остановился у комнаты швейцара, чтобы спросить, какъ прошла ночь; мнѣ бросилась въ глаза коляска домашняго доктора при князѣ, и я побѣжалъ по большой лѣстницѣ, на которую всходилъ такъ часто съ чувствами, совершенно-отличными отъ сегодняшнихъ.

Передняя была пуста: слуги не покидали комнаты, смежной съ спальнею ихъ господина, чтобы скорѣе узнавать дѣйствія, производимыя болѣзнью. Изъ всѣхъ людей, князь Талейранъ, можетъ-быть, въ высшей степени имѣлъ способность овладѣвать, безъ видимыхъ усилій, любовію своихъ домашнихъ. Окружавшіе его въ послѣднія минуты состарѣлись въ его службѣ; но изъ тѣхъ, которые прислуживали ему въ молодости, не осталось уже никого въ живыхъ: онъ прожилъ такъ долго, что былъ свидѣтелемъ смерти всѣхъ ихъ. Талейранъ имѣлъ необыкновенное довѣріе къ своимъ главнѣйшимъ служителямъ; часто важные вопросы, о которыхъ бы разсуждали съ величайшею скрытностію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, были предлагаемы и рѣшаемы въ-присутствіи его каммердинера. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ въ послѣдніе годы передъ своею смертію привыкъ посвящать часъ туалета важнѣйшимъ дѣламъ, и никогда, въ подобныхъ обстоятельствахъ, слуга не оставлялъ его ни на минуту.

Когда я вошелъ въ комнату, въ которой лежалъ ветеранъ-дипломатъ, онъ спалъ глубокимъ сномъ, дававшимъ нѣкоторую надежду врачамъ; однакоже это спокойствіе они считали необходимымъ слѣдствіемъ усталости, которую ему причинила послѣдняя сцена его столь разнообразной жизненной драмы — я говорю о его отреченіи (rertractation) — актѣ, который въ-послѣдствіи сдѣлался предметомъ презрѣнія однихъ, удивленія дугихъ, и который до-сихъ-поръ оставался для всѣхъ тайною.

Утверждали, будто Талейрана мучили даже на смертномъ одрѣ его, чтобы онъ рѣшился на совершеніе сего акта. Это ошибка, которую надлежитъ исправить: онъ думалъ объ этомъ давно; между бумагами его отъискано множество тому свидѣ-

тельствъ, а особенно въ перепискѣ, которую онъ велъ по сему предмету съ папою.

Сонъ, или, скорѣе, летаргія, въ которую впалъ князь, продолжалась еще около часа послѣ моего прихода. По-мѣрѣ того, какъ время протекало, даже тѣ, которые были болѣе всѣхъ привязаны къ нему узами крови или дружбы, стали изъявлять живѣйшія опасенія, чтобы этотъ сонъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ, не продолжился до того часа, въ который король хотѣлъ посѣтить князя. Когда онъ проснулся, ему съ-трудомъ могли объяснить важность этого столь близкаго происшествія. Едва только успѣли приподнять его и посадить на постели, какъ вошелъ король, сопровождаемый принцессою Аделаидою.

— Мнѣ очень грустно, князь, что я вижу васъ столь жестоко страждущимъ, сказалъ король слабымъ и дрожащимъ голосомъ, растроганный до того, что окружавшіе его едва могли слышать эти слова.

«Государь, вы пришли, чтобъ быть свидѣтелемъ моей кончины... Всѣ, любящіе меня, желаютъ только одного — скорѣйшаго окончанія моихъ страданій.»

Эти слова были произнесены твердымъ, громкимъ, свойственнымъ Талейрану голосомъ, котораго лѣта не ослабили, и котораго самое приближеніе смерти не было въ-состояніи измѣнить.

Король недолго пробылъ у князя. Сказавъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ, онъ всталъ, чтобъ выйдти.

Тогда князь, нѣсколько приподнявшись, представилъ ему окружающихъ. «Государь» сказалъ онъ: «домъ нашъ сегодня удостоился чести, которую должно внести въ лѣтопись его, и о которой наслѣдники мои вспомнятъ съ гордостію и признательностію.»

Вскорѣ послѣ отъѣзда короля, врачи замѣтили первые признаки приближавшейся смерти. По сдѣланному извѣщенію, всѣ члены семейства въ минуту собрались. Между ними находился и герцогъ де По... и я не могу, при видѣ его, не улыбнуться, вспомнивъ о томъ, что сказалъ князь на его счетъ за нѣсколько дней до своей болѣзни: «онъ меня озадачилъ» сказалъ онъ: «его меланхолическое лицо и печальный нарядъ, право, могли

бы возбудить мысль, что его прислалъ человѣкъ, распоряжающій похоронами.»

Около обѣда безпокойство и горячка удвоились. Тогда я не могъ противиться желанію подышать нѣсколько свѣжимъ воздухомъ и вышелъ въ залу. Зрѣлище, представившееся мнѣ, возбудило во мнѣ самое непріятное удивленіе. Изъ комнаты и отъ постели умирающаго, я вдругъ очутился безъ дальняго перехода, въ одной изъ залъ, наполненныхъ отборнѣйшимъ парижскимъ обществомъ. Здѣсь, у ярко-пылавшаго камина, находилось нѣсколько группъ политическихъ дѣйствователей; ихъ оживленная бесѣда, хотя веденная въ-полголоса, производила безпрерывный шумъ. Я увидѣлъ также нѣсколько старинныхъ друзей дипломата, которыхъ привела сюда искренняя привязанность, и которые не участвовали въ политическихъ преніяхъ прочихъ посѣтителей.

Графъ де М..., этотъ царь всѣхъ веселыхъ собраній, котораго колкія шутки и жестокіе сарказмы сдѣлали страшнымъ для всѣхъ, единственный человѣкъ, однимъ словомъ, съ которымъ самъ князь невсегда пускался въ состязаніе на поприщѣ остроумія, сидѣлъ теперь печальный и молчаливый въ углу и, казалось, былъ погруженъ въ глубокое раздумье, потому-что нисколько не занимался прочими лицами этой картины; во всякомъ другомъ случаѣ, они не ускользнули бы отъ сатирическихъ замѣчаній его. Въ одномъ углу собрались дамы, разговаривая о предметахъ, совершенно-чуждыхъ настоящещему обстоятельству.

Изъ всѣхъ этихъ людей, собравшихся въ залѣ, одни пришли сюда изъ-приличія, другіе изъ вниманія къ прочимъ членамъ семейства, тѣ изъ любопытства« другіе—и самое меньшее число—изъ привязанности; но никто изъ нихъ, казалось, не помнилъ, что мощный геній готовъ покинуть дольній міръ, и что они собрались присутствовать при смерти великаго мужа. Но вдругъ разговоры умолкли, шумъ утихъ, наступилъ торжественный мигъ молчанія и взоры всѣхъ обратились на дверь спальни, которая отворялась тихо. Вошелъ слуга, опустивъ голову, съ глазами, полными слезъ, и, подошедъ къ доктору Л., который, подобно мнѣ, вышелъ отдыхать въ залу, сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. Докторъ поспѣшно всталъ и вошелъ въ спальню. Все общество послѣдовало за нимъ. Талейранъ си-

дѣлъ на постели, поддерживаемый своимъ секретаремъ. Смерть уже явственно отмѣтила на блѣдномъ челѣ его печать свою, и, не смотря на то, признакъ силы, который онъ хранилъ еще въ эту невыразимую минуту, живо поразилъ меня. Вы бы сказали, что вся жизнь, нужная дотолѣ для поддержанія его существа, сосредоточилась теперь въ его мозгѣ. Время-отъ-времени онъ подымалъ голову, откидывая быстрымъ движеніемъ назадъ длинные локоны волосъ, закрывавшіе ему глаза; онъ смотрѣлъ вокругъ себя, и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что его окружала эта толпа народа: черты его одушевлялись торжествующею улыбкою и потомъ голова снова склонялась на грудь.

Званіе мое и обстоятельства, въ которыхъ я находился, часто принуждали меня присутствовать при подобныхъ сценахъ; но никогда не видалъ я человѣка, до такой степени владѣющаго собою, и даже въ этотъ страшный часъ сохраняющаго вполнѣ характеръ всей своей жизни. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ не только не показалъ никакого страха, не обнаружилъ ни презрѣнія къ ней, ни сопротивленія, но ожидалъ ея съ холоднымъ и рѣшительнымъ видомъ, какъ врага, достойнаго уваженія, врага, равнаго ему, съ которымъ онъ долго и храбро боролся, и которымъ, бывъ благороднымъ образомъ побѣжденъ, не краснѣя могъ покориться и сложить свое оружіе: онъ испустилъ духъ съ такимъ же величіемъ и окруженный такими же почестями, какъ король.

Едва-только эти глаза, которыхъ каждый взглядъ всѣ слѣдили такъ давно съ живѣйшимъ участіемъ, закрылись на-вѣки, всѣ присутствовавшіе толпою бросились вонъ изъ дома, и каждый надѣялся первый сообщить вѣсть о его смерти тому обществу, котораго считался оракуломъ. До наступленія ночи, эта комната, наполненная во весь день съ избыткомъ, была очищена для прислуги. Вошедъ туда вечеромъ, я нашелъ въ креслахъ, въ которыхъ такъ часто видѣлъ князя, мещущаго эпиграммы, —священника, читавшаго молитвы по усопшемъ.

Послѣ смерти князя проявилось въ полномъ блескѣ все уваженіе и привязанность, которую онъ умѣлъ внушать къ себѣ въ служителей. Ни одинъ изъ нихъ не покидалъ, ни подъ какимъ предлогомъ, своего дѣла; всѣ продолжали исполнять свое по-очереди, и по часамъ, опредѣленнымъ самимъ княземъ. Я

видѣлъ, какъ его метр-д'отель, въ назначенный часъ для полученія приказаній отъ князя, въ-сопровожденіи толпы поваренковъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье и съ ножемъ за поясомъ, торжественно приблизился къ постели, сталъ на колѣни и, снявъ бумажный колпакъ свой, прочелъ краткую молитву; потомъ всѣ они окропили трупъ святою водою, и эта странная процессія вышла тѣмъ же порядкомъ и молча, какъ вошла въ комнату. Такая смѣсь высокаго съ смѣшнымъ глубоко меня тронула и напомнила нѣкоторыя изъ тѣхъ оригинальныхъ сценъ, которыя описываются въ древнихъ нѣмецкихъ легендахъ.

Похороны не совершились въ первые 46 часовъ послѣ смерти князя. Бальзомированіе тѣла на нѣсколько дней остановило эту печальную церемонію. Тѣло съ-перва было выставлено въ церкви Вознесенія, потому-что оно могло быть перевезено въ Валансэ нераньѣе сентября: могила, назначенная для принятія его, давно уже приготовляемая, не была еще кончена.

Кромѣ участія, внушаемаго мнѣ церемоніею, желаніе оказать послѣднюю почесть человѣку, всегда благосклонному и милостивому ко мнѣ, заставило меня ѣхать въ Валансэ для присутствія при похоронахъ князя Талейрана и герцога, его брата, въ одно время съ нимъ умершаго. Тѣло маленькой Іоланды, вынутое изъ могилы, въ которомъ оно покоилось уже два года, сопровождало тѣло князя на этомъ долгомъ, плачевномъ пути. Печальная колесница, на которой перевозили ихъ тѣла, нарочно построенная для перевоза тѣла голландской экс-королевы Гортензіи въ Швейцарію, уподоблялась артиллерійскому зарядному ящику.

Вынутіе тѣла дитяти изъ уединеннаго кладбищаго Mont-Parnasse, постановка гроба его на гробъ князя при свѣтѣ факеловъ, странный шумъ колесъ посреди опустѣлыхъ улицъ, въ торжественный часъ ночи,—и блѣдные лучи мѣсяца, которые «дѣлаютъ еще мрачнѣе мрачное», поразительный контрастъ этихъ двухъ различныхъ судебъ, — все это сдѣлало глубокое впечатлѣніе на мою душу. Наконецъ, при отправленіи съ мѣста, случилось нѣчто, достойное быть упомянутымъ. Выѣзжая за церковную ограду, передовой форрейторъ спросилъ , по обыкновенію: «*къ которой* заставѣ?» Мрачный голосъ съ колесницы отвѣчалъ «*къ Заставѣ Ада* (Barrière d'Enfer)».

Такъ, въ-самомъ-дѣлѣ, называется застава на дорогѣ, ведущей изъ Парижа къ Валансэ. Три дня послѣ того, прибыли мы въ Валансэ. Въ тотъ же вечеръ, въ десять часовъ, колесница вступила въ длинную каштановую аллею, ведущую къ замку.

Всѣ почести, какія оказывались князю при его жизни, и въ настоящемъ случаѣ были съ точностію оказаны его трупу.

ПАРАГВАЙ И ДОКТОРЪ ФРАНСІА. *(Изъ записокъ одного англійскаго купца).*—Изъ Ріо-Жанейро я отправился въ Парагвай. Земля эта еще не была въ зависимости отъ доктора Франсіа; впрочемъ она уже освободилась отъ испанскаго ига, и въ ней начались внутренніе раздоры, которые ввергли ее въ новое порабощеніе. Проѣзжая черезъ Пампасъ (Pampas), я встрѣтилъ много любопытныхъ предметовъ, привлекающихъ вниманіе путешественника. Среди необозримыхъ равнинъ бродятъ безчисленныя стада рогатаго скота и табуны дикихъ лошадей. Тамъ-и-сямъ изрѣдка мелькаютъ маленькіе, довольно-дурно построенные домики. Въ нихъ живутъ владѣльцы этихъ стадъ и табуновъ—люди очень-неприхотливые. Походная постель, нѣсколько стульевъ, столъ, довольно-нетвердый на ногахъ, сѣдла, узды и другія принадлежности простаго быта, необходимыя для-того, чтобы кормить, ловить и бить скотъ—вотъ и вся мебель. Впрочемъ, у тѣхъ, которые по-богаче, есть въ комнатахъ маленькія зеркала, серебреные стаканы. Послѣ стола обыкновенно подаютъ для мытья рукъ серебреные рукомойники. Это особенно-хорошо, потому-что тамъ ѣдятъ безъ помощи вилокъ и ножей. Жители вообще хорошо сложены, бодры, имѣютъ какой-то мужественный видъ, глаза большіе, полные огня. На лицахъ ихъ безпрерывно играетъ улыбка, выражающая самодовольствіе.

Однажды, послѣ знойнаго дня, я сидѣлъ съ своимъ хозяиномъ у воротъ его дома и наслаждался свѣжестію вечера. Вдругъ вдали показался статный мужчина; хотя онъ былъ уже старикъ, но ловко сидѣлъ на бойкой лошади и управлялъ ею какъ-нельзя-лучше. «А, это дядя Кандіотъ!» вскричалъ мой хозяинъ.

Этотъ Кандіотъ, названный государемъ Гоховъ (prince des Gauchos), богачъ. У него триста квадратныхъ миль земли, около двухсотъ пятидесяти тысячь штукъ рогатаго скота, триста

тысячь лошадей и муловъ, пятьсотъ тысячь піастровъ золота. Въ его физіономіи и костюмѣ много характеристическаго, туземнаго. Маленькій ротъ; носъ греческій; большой, открытый лобъ, голубые, проницательные глаза; черты благородныя и величественныя,—все это лицу его давало выраженіе какой-то первобытной, патріархальной красоты, которою мы наслаждаемся въ произведеніяхъ художниковъ. Онъ былъ одѣтъ пышно и по модѣ. Сверху у него надѣтъ былъ бѣлый камзолъ, poncho, сдѣланный въ Перу изъ дорогой матеріи, вышитый золотомъ. Жилетъ изъ бѣлаго бархата, весь вышитый такъ же, какъ и poncho, застегивался маленькими, золотыми пуговками, которыя прикрѣплялись къ камзому золотыми цѣпочками. Кандіотъ былъ безъ галстуха; на груди и на воротникѣ перкалевой рубашки его также было шитье. Черные, бархатные брюки были унизаны тоже золотыми пуговками, которыя опять придерживались золотыми цѣпочками. Ноги, начиная отъ колѣнъ до конца икръ, были обтянуты бѣлой матеріей, опускавшейся въ безчисленныхъ складкахъ. Черные чулки, полусапожки съ серебряными шпорами, широкая, перувіанская соломенная шляпа съ широкой черной лентой, дорогой шелковый поясъ, на поясѣ, въ сафьянныхъ ножнахъ, большой ножъ съ серебряной рукоятью—вотъ весь нарядъ Кандіота. Обращеніе его было благородно, но просто и непринужденно: онъ дружески разговаривалъ съ окружавшими его, сидя на лошади; сверхъ камзола у него, на золотой цѣпочкѣ, висѣла коробочка въ серебряной оправѣ; время отъ времени, онъ вынималъ изъ нея трутъ и огниво, высѣкалъ огонь и раскуривалъ потухшую сигару.

Подвигаясь далѣе впередъ, я повсюду встрѣчалъ природу величественную и роскошную,—часто холмы, въ пріятномъ безпорядкѣ разбросанные, и долины, орошаемыя свѣтлыми источниками; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огромные лѣса распространяютъ въ воздухѣ свѣжесть и прохладу. Впрочемъ нигдѣ нѣтъ и признаковъ промышленой дѣятельности; жилища рѣдко попадаются на глаза; жители полунагіе; во всемъ видны слѣды дикости.

Со стороны рѣки Параны (Parana), представляется безпрерывный рядъ картинъ, изъ которыхъ одна другой очаровательнѣе. Рѣка эта усѣяна бесчисленнымъ множествомъ острововъ

разныхъ формъ и величинъ. Они большею-частію невысоко поднимаются надъ уровнемъ рѣки, и по-этому ихъ очень часто заливаетъ, какъ-скоро прибудетъ вода. Люди на нихъ не живутъ; но дикихъ звѣрей, обезъянъ, бѣлокъ, птицъ бездна. Иногда, при большомъ разливѣ рѣки, отрывается отъ острова большая масса земли съ деревами и другими растеніями, которыя: переплетшись корнями, не даютъ ей распадаться на части. Бѣдныя животныя, встревоженныя этимъ неожиданнымъ явленіемъ, издаютъ ревъ, крикъ и вой, или въ какомъ-то оцѣпенѣніи стоятъ неподвижно, смотря на шумящія волны.

Въ характерѣ Парагвайцевъ видѣнъ глубокій отпечатокъ ихъ испанскаго происхожденія: тѣ же страсти, та же склонность къ щегольству, любовнымъ и рыцарскимъ похожденіямъ, тѣ же предразсудки и суевѣрія. Только въ ихъ нравахъ и общественныхъ увеселеніяхъ нѣтъ образованности и утонченности испанскаго вкуса. Я былъ приглашенъ на одинъ богатый обѣдъ: все было роскошно; во всемъ было излишество. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ отличались краснорѣчіемъ и даже иногда импровизировали стихи; но шутки ихъ, остроты, и вообще весь тонъ разговора обнаруживали чрезвычайную грубость чувства, еще неочищеннаго впечатлѣніями изящныхъ произведеній искусства. Женщины, какъ старыя, такъ и молодыя, иногда выражались рѣзко и неблагопристойно до такой степени, что мнѣ за нихъ было стыдно. Тосты пили за каждаго изъ гостей, не пропуская ни одного. Во время тостовъ всѣ присутствующіе, надѣлавъ изъ хлѣба шариковъ, безпрерывно бросали ихъ другъ въ друга. Когда у нѣкоторыхъ головы поразгорѣлись, неприличіе въ обращеніи дошло до крайности. Изъ столовой перешли въ залу: тамъ гремѣла прекрасная музыка, и танцующіе веселились до полуночи.

Порча нравственности была причиною, что жители Парагвая подпали подъ иго доктора Франсіа. Когда въ Парагваѣ былъ учрежденъ совѣтъ для управленія дѣлами государственными, и сановники разсуждали, управлять ли имъ отъ имени Фердинанда VII, или независимо отъ его власти: тогда, въ минуту самыхъ жаркихъ преній, входитъ въ собраніе Франсіа, приближается къ столу, садится между важнѣйшими членами совѣта, вынимаетъ пару заряженныхъ пистолетовъ, и говоритъ: «вотъ мои возраженія противъ притязаній Фердинанда VII.

Это произвело свое дѣйствіе: владычество Испаніи надъ Парагваемъ рушилось.

Вотъ какимъ-образомъ я въ первый разъ встрѣтился съ Франсіа. Однажды, охотясь въ-вечеру, я неприметно очутился среди уединенной долины, живописной въ высочайшей степени. Тамъ стоялъ домикъ, просто, но хорошо — построенный. Когда я проходилъ мимо, съ земли поднялась куропатка; я выстрѣлилъ и убилъ ее. «Славный выстрѣлъ!» сказалъ кто-то позади меня. Я обернулся и увидѣлъ человѣка лѣтъ пятидесяти: сверху у него былъ наброшенъ красный плащь; остальная одежда была вся черная; въ одной рукѣ его была сигара, въ другой чашка; за нимъ шелъ Негръ, крестъ-на-крестъ на груди сложившій руки. Смуглый цвѣтъ лица, живые, проницательные глаза, черные курчавые волосы, зачесанные назадъ, широкій и вполнѣ открытый лобъ—все это давало незнакомцу видъ важный и поразительный.

Я поклонился ему и попросилъ у него извиненія въ томъ, что выстрѣлилъ близь самаго его дома. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ чрезвычайною вѣжливостію: «Вы не имѣете причины извиняться: мой домъ и все мое—къ вашимъ услугамъ!» Тутъ онъ пригласилъ меня къ себѣ; мы сѣли у его дома, подъ навѣсомъ портика; мнѣ тотчасъ подали сигару. Тутъ же я увидѣлъ шаръ съ изображеніемъ небесныхъ тѣлъ, телескопъ, теодолитъ, и тотчасъ догадался, что нахожусь въ гостяхъ у доктора Франсіа. «Вы Англичанинъ?» спросилъ онъ меня.—Да, Англичанинъ.—«Я бы съ удовольствіемъ навѣстилъ васъ, если бы политическое состояніе Парагвая не заставляло меня жить въ самомъ глубокомъ уединеніи.»

Послѣ мы отправились съ нимъ въ его библіотеку; это была небольшая комната съ однимъ окномъ. Одна стѣна ея была занята полками, на которыхъ находилось около трехсотъ томовъ книгъ юридическихъ, математическихъ и другихъ; между прочими сочиненія Эвклида, нѣсколько курсовъ алгебры, многія произведенія изящной словесности на латинскомъ и французскомъ языкахъ. На одномъ столѣ было навалено въ безпорядкѣ множество бумагъ; тутъ же стояла засженная свѣча для раскуриванія сигаръ, серебряная чашка и чернилица. Полъ былъ выстланъ кирпичомъ; на немъ не было ни ковровъ, ни постилокъ; стулья, стародавней работы, чрезвычайно-тяжелые,

покрыты кожей, почернѣвшей отъ времени; спинки у нихъ рѣзныя и высокія. На полу валялись нераспечатанные пакеты, куски разорванной бумаги, сапоги, башмаки, туфли, чулки; въ одномъ углу, на деревянномъ треножникѣ, стоялъ кувшинъ съ водою и кружка; въ другомъ висѣла сбруя для верховой ѣзды.

Разговаривая съ нимъ, я никакъ не могъ предполагать, чтобъ это былъ человѣкъ жестокій и кровожадный. Впрочемъ, до-тѣхъ-поръ, онъ всегда отличался любовію къ правдивости. Слѣдуетъ вспомнить только одинъ случай, чтобы увѣриться въ этомъ. Однажды другъ доктора Франсіа, Доминго Родригецъ, имѣлъ тяжбу съ Станиславомъ Машэнъ, заклятымъ врагомъ его. Родригецъ, увѣренный, что склонитъ доктора на свою сторону, пришелъ къ нему, разсказалъ ему все дѣло, просилъ быть его адвокатомъ и предложилъ ему за хлопоты значительную сумму денегъ. Притязанія Родригеца были несправедливы, и Франсіа отвергъ его просьбу и предложеніе. Въ тотъ же день, въ-вечеру, докторъ, завернувшись въ плащь, пришелъ въ домъ къ своему недругу. Невольникъ сначала не хотѣлъ впустить его въ комнаты своего господина; Машэнъ не хотѣлъ съ нимъ видѣться; но Франсіа вошелъ къ нему въ-слѣдъ за невольникомъ и сказалъ: «Машэнъ! Другъ мой, Родригецъ, начинаетъ съ вами процессъ; безъ моей помощи, вы, безъ-сомнѣнія, проиграете дѣло. Я предлагаю вамъ свои услуги; положитесь на меня въ этомъ случаѣ, какъ на самаго искренняго друга!»

Судья, покровительствовавшій Родригецу, просилъ доктора отступиться отъ принятаго посредничества, и обѣщалъ ему за это сто дублоновъ. Франсіа съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергнулъ предложеніе судьи, и—процессъ кончился въ пользу Машэна.

Франсіа вступилъ на политическое поприще въ то время, когда государственными дѣлами Парагвая управляла Юнта. Онъ сдѣлался секретаремъ въ этомъ совѣтѣ. Его дарованія возбудили зависть, и онъ принужденъ былъ оставить должность. Удалившись въ уединеніе, Франсіа обдумывалъ свои честолюбивые планы и дожидался случая, чтобы отмстить своимъ врагамъ. Случай вскорѣ представился. Когда учрежденъ былъ національный конвентъ, доктору предложили должность консула. Товарищемъ его былъ Иегросъ (Yegros), который только считался консуломъ; слѣдовательно вся власть находилась въ

рукахъ доктора. Франсіа, воспользовавшись этимъ, старался всячески устроить войско и пріобрѣсти его любовь. По-этому, онъ иногда входилъ даже въ мелочи. Однажды при мнѣ оружейникъ принесъ ему три починенныя ружья. Франсіа, осмотрѣвъ всѣ, взялъ одно изъ нихъ, приложился и выстрѣлилъ въ цѣль. Пуля попала прямо въ назначенную точку. Франсіа оборотился ко мнѣ и сказалъ съ усмѣшкою: «не правда ли, г. Робертсонъ, что я ловко могу поражать враговъ моихъ?» Въ то же время портной принесъ гренадерскій мундиръ; его примѣряли; онъ былъ сшитъ какъ-нельзя-лучше. Франсіа поблагодарилъ портнаго и, отдавая мундиръ солдату, сказалъ, принявъ важный видъ: «смотри, гренадеръ, не замарай его. Господинъ Робертсонъ!» сказалъ онъ мнѣ по-французски: «это каламбуръ; но солдатъ его не понялъ.»

Въ это время Франсіа еще имѣлъ нужду въ общемъ мнѣніи, и потому казался кроткимъ, снисходительнымъ и ласковымъ Но чѣмъ болѣе увеличивалась власть его, тѣмъ болѣе онъ снималъ съ себя маску притворства, и наконецъ явился въ настоящемъ, ужасномъ своемъ видѣ. Вотъ примѣры его жестокости. Когда Франсіа, уничтоживъ монашество, превратилъ монастыри въ казармы, одинъ Испанецъ, человѣкъ, совсѣмъ безвредный, но только невоздержный на языкъ, сказалъ: «у насъ уничтоженъ орденъ Францисканцевъ; теперь скоро дойдетъ очередь до самого Франсіа.» Франсіа, услышавъ объ этомъ, позвалъ къ себѣ Испанца, и сказалъ ему: «не знаю, скоро ли дойдетъ очередь до меня; но это вѣрно, что до тебя она дойдетъ прежде.» На другой день Испанецъ былъ разстрѣлянъ въ присутствіи Франсіа, который самъ раздавалъ солдатамъ патроны. Когда несчастный, плавая въ крови, еще былъ живъ: «не тратьте по-напрасну пороха» сказалъ Франсіа: «приколите его штыками.»

Однажды башмачникъ принесъ ему нѣсколько кожаныхъ поясовъ, сдѣланныхъ на-заказъ. Поясы были дурны. «Солдатъ!» сказалъ Франсіа: «возьми этого бездѣльника и заставь его разъ шесть пройдти *подъ* висѣлицей. Пусть онъ въ другой разъ попробуетъ принести мнѣ такіе же пояса; тогда пойдетъ ужъ *на* висѣлицу.» Бѣдный ремесленникъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.— Я сдѣлалъ, сказалъ онъ, задыхаясь отъ страха: я сдѣлалъ такъ хорошо, какъ только могъ. — «И я сдѣлаю такъ же хорошо,

какъ могу» отвѣчалъ Франсіа. «Солдатъ, повѣсь его на этихъ поясахъ, чтобы онъ впередъ не портилъ кожи!»—Не губите души моей, senhor excellentissimo, закричалъ башмачникъ: къ завтрашнему дню я сдѣлаю такіе пояса, какіе вы прикажете.— «Хорошо» сказалъ Франсіа: «завтра посмотримъ, что̀ будетъ; а нынѣ все-таки ступай, прогуляйся подъ висѣлицей.» Впрочемъ эта такъ-называемая *купеческая висѣлица* (le gibet des marchands) имѣла хорошее вліяніе на нравственность торговцевъ и ремесленниковъ: страхъ смерти или позора удерживалъ ихъ отъ многихъ злоупотребленій.

Когда срокъ консульства доктора Франсіа приходилъ къ концу, онъ предложилъ своимъ товарищамъ снова созвать на совѣтъ тысячу человѣкъ депутатовъ. Отъ этого партія демократическая взяла рѣшительный перевѣсъ надъ аристократическою; совмѣстникъ Франсіа, Йегросъ, принадлежавшій къ сей послѣдней, потерялъ всякую надежду удержать въ рукахъ своихъ сколько-нибудь власти. Франсіа рѣшительностію воли достигъ цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Большая часть вновь избранныхъ представителей городовъ не умѣли ни читать, ни писать, а у нѣкоторыхъ даже не было и сапогъ на ногахъ.

Въ назначенный день, когда тысяча законодателей должны были открыть совѣщаніе въ церкви Сан-Фернандо, туда собралось не болѣе шести или семи сотъ человѣкъ. Начались споры; приверженцы доктора Франсіа превозносили его дарованія, его заслуги, хвалили его характеръ, и одинъ изъ нихъ предложилъ сдѣлать его диктаторомъ. Я въ это время стоялъ близь церкви; видѣть нельзя было ничего, потому-что двери были заперты, но я слышалъ, что тамъ происходилъ ужасный шумъ. Въ это время одинъ изъ членовъ, мой знакомецъ, вышелъ изъ церкви. «Ну, что? Какъ идутъ дѣла?» — Признаюсь, отвѣчалъ онъ мнѣ: я ничего тутъ не понимаю; но, кажется, все идетъ хорошо: шума много!

Франсіа, которому показалось непріятно, что совѣщанія тянутся такъ долго, приказалъ войску окружить церковь. Крикъ тотчасъ умолкъ, и депутаты сдѣлались сговорчивѣе. Въ эту минуту одинъ изъ самыхъ пылкихъ партизановъ консула громовымъ голосомъ далъ знать, что хочетъ говорить; собраніе утихло еще болѣе. «Господа̀!» воскликнулъ ораторъ: «зачѣмъ по-

пусту тратить время? Франсіа желаетъ неограниченной власти; онъ стòитъ этого, и я объявляю вамъ, что онъ достоинъ ея.» Произнося послѣднія слова, краснорѣчивый витія изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу, чтобы придать болѣе силы словамъ своимъ. Это, какъ видно, произвело надлежащее впечатлѣніе, потому-что, когда начали собирать голоса, Франсіа единодушно былъ избранъ диктаторомъ: не нашлось ни одного человѣка, который бы осмѣлился положить черный шаръ.

Сдѣлавшись неограниченнымъ обладателемъ Парагвая, Франсіа началъ заниматься преобразованіемъ законовъ этой страны. Въ нѣкоторыхъ изъ его постановленій видна необыкновенная сила ума и несокрушимая твердость воли.

Однимъ изъ самыхъ любимыхъ его замысловъ было намѣреніе войдти въ дружественныя сношенія съ Англіею и заключить съ ней трактатъ оборонительный и наступательный. Узнавъ, что я отправляюсь въ свое отечество, онъ позвалъ меня къ себѣ. Въ это время онъ былъ веселъ болѣе обыкновеннаго; въ лицѣ его выражалось наслажденіе человѣка, очень-довольнаго настоящимъ своимъ положеніемъ. Когда я пришелъ, онъ тотчасъ попросилъ меня садиться и, придвинувъ свой стулъ къ моему, съ убѣдительностію сталъ говорить о выгодахъ, которыя для обоихъ государствъ могутъ произойдти отъ союза между Парагваемъ и Великобританіею. Окончивъ свои разсужденія, онъ сдѣлалъ знакъ слугѣ, и въ ту же минуту принесли въ комнату и положили къ ногамъ моимъ огромныя связки листоваго табака, сигаръ, чая, голову сахара, свертки бумажной матеріи и т. п. «Смотрите» сказалъ онъ мнѣ: «вотъ образчики произведеній природы, добываемыхъ и обработываемыхъ здѣсь. Возьмите ихъ, г. Робертсонъ, отвезите въ Лондонъ, явитесь въ нижній парламентъ и объясните мои намѣренія. Дѣйствуйте, какъ уполномоченный мною для заключенія договорныхъ статей.» Я, разумѣется, согласился, потому-что Франсіа привыкъ въ землѣ своей видѣть безпрекословную покорность: съ моей стороны было бы неблагоразумно раздражать его.

ЗАМОКЪ НЬЮСТИДЪ.—*Встрѣча Лудовика XVIII съ Байрономъ.* — *Воспоминаніе о Байронѣ.* — Въ одинъ мрачный и дождливый вечеръ, въ ноябрѣ 1805 года, проѣхала чрезъ дере-

веньку Ньюстидъ почтовая коляска; и какъ въ этой части Нотенгемскаго-Графства, лежащаго въ самомъ дикомъ и отдаленномъ краю Англіи, дороги, по дурному состоянію своему, не очень благопріятствовали рѣдкимъ путешественникамъ, то съ почтовою коляскою сдѣлалось то же, что дѣлается и со всякимъ другимъ экипажемъ въ подобномъ случаѣ, то-есть, она сломалась на поворотѣ къ древнему зáмку, котораго высокія башни и окружные лѣса, бросая темную тѣнь на все низкое пространство, имъ занимаемое, превратили его въ какую-то вязкую, скользкую и непроходимую пропасть.

Жители селенія Ньюстидъ, предвидѣвъ заранѣе неминуемую участь коляски, бросились на помощь путешественникамъ, изъ которыхъ одинъ, еще не старый человѣкъ, имѣлъ благородную, выразительную и нѣсколько-гордую физіономію. Въ рѣзко-означенныхъ чертахъ его изображалась та горестная, но спокойная иронія, которую дастъ и долгій опытъ несчастій, и привычка покоряться непріятностямъ. Онъ, казалось, смотрѣлъ на маленькое приключеніе свое, какъ на обыкновенную насмѣшку судьбы, какъ на необходимое слѣдствіе ея роковаго и постояннаго ожесточенія противъ него, и, хотя видимо страдалъ и шелъ съ трудностію, однакожь вышелъ изъ коляски и тотчасъ сталъ помогать крестьянамъ вытащить изъ нея другаго путешественника, который долго не могъ вылѣзть. Наконецъ, удостовѣрясь, что ни одинъ изъ нихъ не ушибся, оба они стали смотрѣть во всѣ стороны и искать глазами спокойнаго убѣжища, потому-что починка экипажа ихъ требовала нѣсколькихъ часовъ, и что, по неимѣнію въ Ньюстидѣ колесника, надобно было послать за нимъ въ сосѣднюю деревню.

«Знаете ли, другъ мой, что мы въ опасности имѣть сегодня плохой ужинъ?» сказалъ съ улыбкою первый путешественникъ.

—Такія несчастія для насъ не новость! отвѣчалъ товарищъ его.

«Однакожь» возразилъ первый: «я еще никакъ не могу привыкнуть къ несчастіямъ этого рода. Спросимъ у этихъ добрыхъ людей, можно ли у нихъ достать, по-крайней-мѣрѣ, хоть яицъ и молока, потому-что здѣсь нечего думать не только о какой-нибудь дичи, но даже о кускѣ жесткой говядины.»

Дѣйствительно, на всѣ вопросы незнакомцевъ: есть ли у васъ мясо? есть ли яйца? есть ли молоко? — поселяне отвѣчали короткимъ «нѣтъ, сэръ!»

Между-тѣмъ подъѣхала къ воротамъ зàмка какая-то фура и сидѣвшій въ ней старичокъ, увидя толпу, собравшуюся у изломанной коляски, распросилъ о приключеніи путешественниковъ и, узнавъ, что имъ предстояла горькая участь ѣсть одинъ черный хлѣбъ и пить скверное пиво, сошелъ съ повозки и снявъ шляпу, подошелъ къ нимъ.

«Милостивые государи!» сказалъ онъ: «у меня нѣтъ средствъ угостить васъ сытнымъ и хорошимъ ужиномъ, но я могу, однакожь, по возможности услужить вамъ. Этотъ старый и простой зàмокъ достался недавно въ наслѣдство одному молодому лорду, у котораго я имѣю честь быть управителемъ, и котораго на-дняхъ ожидаютъ сюда. Матушка его прислала меня впередъ изготовить все къ пріѣзду его, и я привезъ съ собою множество съѣстныхъ припасовъ, да сверхъ-того, часть ягненка, холодный пирогъ съ дичиной и телячьи котлеты; но вотъ бѣда: всего этого изготовить не-кому, потому-что главный кухмистеръ, повара и кухня пріѣдутъ только завтра. Итакъ извините, если на этотъ разъ я осмѣлюсь предложить вамъ одинъ холодный пирогъ.»

—Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ первый путешественникъ: я предлагаю вамъ услуги мои по кухмистерской части. Я служилъ въ арміи; я изгнанникъ, слѣдовательно не разъ испыталъ въ жизни нужду; но, признаюсь, никогда не имѣлъ столько равнодушія, чтобы терпѣливо ѣсть плохой обѣдъ; и потому рѣшился выучиться стряпать, и успѣлъ въ томъ. Пошлите сейчасъ въ деревню за какимъ-нибудь мальчикомъ, который бы умѣлъ поворачивать вертелъ. За остальное я берусь самъ, и увѣряю васъ, что ужинъ нашъ будетъ хоть куда.

Заключивъ это забавное условіе съ управителемъ, путешественники пошли, въ-сопровожденіи его, въ зàмокъ и, расположившись въ кухнѣ, тотчасъ затопили печь, острогали орѣховую палку долженствовавшую служить вертеломъ и, привязавъ къ ней часть ягненка принялись за стряпню Новый, поваръ, снявъ съ себя фракъ и засучивъ пò локоть рукава тонкой рубашки началъ приготовлять котлеты такъ ловко и проворно, какъ-будто онъ въ жизнь свою ничего другаго не дѣлывалъ. Наконецъ котлеты были уже довольно избиты, искусно посыпаны хлѣбомъ, истертымъ съ перцемъ, солью и масломъ, и кухмистеръ готовился жарить ихъ—какъ вдругъ, къ неописан-

ной досадѣ своей, примѣтилъ, что въ кухнѣ не было ростера. Такое важное и непредвидѣнное обстоятельство заставило его задуматься; однако жь, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ съ восторгомъ Архимеда, разрѣшившаго задачу свою, закричалъ: «нашелъ! нашелъ!»

И въ ту же минуту, со всѣмъ знаніемъ, со всею сноровкою опытнаго кухмистера, которымъ позавидовалъ бы и самъ знаменитый Каремъ, онъ помѣстилъ одну котлету между двумя другими и, связавъ ихъ веревочкой, положилъ на горячіе уголья. Пламя вспыхнуло; обѣ наружныя котлетки обгорѣли, но внутренняя осталась невредима въ совершенной порѣ своей, мягкая, сочная, вкусная, напитанная сокомъ другихъ котлетъ: однимъ словомъ — объядѣнье!

«Вотъ какими полезными изобрѣтеніями человѣкъ обязанъ нуждѣ!» сказалъ незнакомецъ, ставя на столъ блюдо съ котлетами. «Съ-сихъ-поръ я не хочу ѣсть котлетъ иначе, какъ приготовленныхъ такъ, какъ я выдумалъ — и прикажу кухмистеру своему называть ихъ «котлетами à la victime»!

Между-тѣмъ сѣли за ужинъ и начали съ жадностію ѣсть котлеты, жареннаго ягненка и холодный пирогъ съ дичиной. Управитель, человѣкъ не-глупый, смекнувъ, что незнакомцы были люди значащіе, услуживалъ имъ съ почтительнымъ вниманіемъ, какъ вдругъ на дворѣ, подъ окнами, раздался конскій топотъ, и въ то же самое время молодой человѣкъ красоты необыкновенной, спрыгнувъ съ лошади, о которой онъ не заботился, не думая о каммердинерѣ своемъ, едва за нимъ поспѣвавшимъ — вбѣжалъ опрометью въ комнату и, хлопая въ ладоши, закричалъ съ простодушною веселостью ребенка:

«Мой замокъ! мои помѣстья! Всё это мое! — Прощай теперь, несносная бѣдность! прощай, скучная работа! — прощайте вѣчныя матушкины нравоученія!...»

Увидя незнакомцевъ, онъ остановился, замолчалъ, и лицо его вспыхнуло при мысли, что они могли его слышать; скоро, однакожь, оправившись, онъ подошелъ, поклонился имъ, и тогда путешественники замѣтили, что онъ немного хромалъ и что одна нога его была повреждена.

— Я думалъ, милордъ, почтительно сказалъ удивленный управитель: я думалъ, что мы будемъ имѣть счастіе встрѣтить васъ нэ прежде, какъ черезъ три или четыре дня, потому - что

матушка ваша изволила сказать мнѣ, что вы будете еще ждать.

«Ждать! ждать!.. цѣлые восемь безконечныхъ дней? не правда ли? Какъ не такъ!.. Да и чего ждать? чтобъ вымели, вычистили, выскоблили и, можетъ-быть, испортили этотъ древній замокъ дяди моего, принадлежащій теперь мнѣ!... О, нѣтъ, нѣтъ! лишь только узналъ я о смерти дяди, немедленно отдалъ ему послѣдній долгъ и потомъ тотчасъ велѣлъ привести себѣ лошадь, сѣлъ, поскакалъ, и вотъ пріѣхалъ въ Ньюстедъ мой, въ этотъ старый замокъ, гдѣ протекли первые дни моего дѣтства, въ это помѣстье, о которомъ столько мечталъ я тогда, когда былъ еще бѣденъ и не имѣлъ въ виду совершенно ничего!... Но кто эти господа?»

—Путешествующіе Французы, милордъ. Коляска ихъ сломалась у самыхъ воротъ замка, и я осмѣлился просить ихъ отъ вашего имени сюда.

«Ты сдѣлалъ прекрасно, старой мой Мюрей!» При этихъ словахъ молодой лордъ опять подошелъ къ иностранцамъ и сказалъ имъ съ свѣтскою учтивостію:

«Мм. гг. я бы очень благодаренъ былъ случаю, доставившему мнѣ честь видѣть васъ у себя, еслибъ не примѣшалось къ нему непріятное для васъ приключеніе, и еслибъ обстоятельства мои дозволяли мнѣ принять васъ получше.

Путешественники отвѣчали ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и скоро завели продолжительный разговоръ, давшій лорду высокое понятіе о ихъ остроуміи, свѣтскости и отличномъ тонѣ. Наконецъ они изъявили ему желаніе осмотрѣть замокъ его, бывшій въ древности аббатствомъ и построенный во времена завоеванія Англіи Норманнами.

Молодой хозяинъ повелъ гостей своихъ по мрачнымъ и огромнымъ галлереямъ замка, гдѣ все говорило воображенію о вѣкахъ феодальныхъ. «Въ этихъ древнихъ стѣнахъ» сказалъ лордъ: таятся воспоминанія великихъ и странныхъ происшествій. Ньюстидъ былъ прежде монастыремъ и обладалъ несмѣтными богатствами. Генрихъ VIII, отнявъ его у корыстолюбивыхъ и безпокойныхъ монаховъ, конфисковалъ въ казну; но одинъ изъ предковъ моихъ получилъ его отъ короля со всѣми помѣстьями, къ нему принадлежавшими, въ награду за вѣрность его къ престолу и защищеніе правъ старой Англіи: а какъ любовь къ государю и отечеству никогда не ослабѣвала въ нашемъ

родѣ, то король Карлъ I пожаловалъ тогдашнему владѣльцу этого за̀мка достоинство пера, которое осталось и потомству его. Такимъ-образомъ, фамилія Гордоновъ, сдѣлавшись одною изъ самыхъ первыхъ въ государствѣ, считала униженіемъ вступать въ брачные союзы со всѣми другими фамиліями, выключая дома Стюартовъ, и мать моя—послѣдняя отрасль этого знаменитаго и несчастнаго поколѣнія.

«Еслибъ я хотѣлъ» продолжалъ лордъ: « вызвать изъ мрака вѣковъ всѣ воспоминанія, неразлучныя съ этимъ древнимъ за̀мкомъ, то мнѣ бы надлежало повторить вамъ съ-начала до конца всю исторію Англіи, потому-что предки мои участвовали во всѣхъ великихъ и славныхъ ея подвигахъ; но кромѣ этого—въ фамиліи нашей хранятся преданія ужасныя... Въ ней даже очень-недавно еще произошли нѣкоторыя страшныя событія, изъ которыхъ, если позволите, я вамъ разскажу одно, касающееся до дяди матери моей,—того самого, который сдѣлалъ меня своимъ наслѣдникомъ.

«Сэръ Петерсъ женился въ зрѣлыхъ лѣтахъ на молодой дѣвушкѣ знатнаго происхожденія, но очень-небогатой. Любя ее страстно, онъ отказался отъ блестящаго союза съ дочерью одного изъ самыхъ сильныхъ вельможъ Англіи, и тотчасъ послѣ свадьбы удалился съ женою въ уединенный за̀мокъ предковъ своихъ, стоявшій на берегу озера и сокрытый въ глубинѣ мрачныхъ лѣсовъ. Сэръ Петерсъ обожалъ юную и прелестную Сару, но былъ подозрителенъ и ревнивъ до безумія. Однажды вечеромъ, поселяне нашли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ньюстеда окровавленный трупъ одного молодаго лорда, владѣльца сосѣдняго помѣстья, который лежалъ на лугу, израненный тремя ударами кинжала въ грудь.

«Подозрѣніе пало на сэра Петерса, и семейство лорда позвало его въ судъ. Дядя мой, признаваясь въ убійствѣ человѣка, найденнаго въ лѣсу, клялся честію своею, что никогда не напалъ бы на него безоружнаго, но что они дрались на поединкѣ и что онъ ранилъ его не кинжаломъ, а шпагою. Когда же судьи спросили его о причинѣ ссоры, тогда сэръ Петерсъ отвѣчалъ однимъ горестнымъ молчаніемъ, и въ эту минуту крупная слеза—первая и единственная во всю жизнь его—покатилась по лицу преступника.

«Дѣло сэра Петерса тянулось долго и надѣлало много шума;

но наконецъ онъ былъ оправданъ и выпущенъ изъ темницы.

«Возвратясь къ себѣ, онъ немедленно отправился за женой, которая во время его отсутствія жила у отца и родила тамъ сына. Пріѣздъ сэра Петерса не только нимало не обрадовалъ молодую леди, но привелъ ее въ несказанное отчаяніе—и никакія просьбы, никакія угрозы не могли принудить ее ѣхать съ нимъ домой и даже видѣть его. Наконецъ, однажды ночью, сэръ Петерсъ перелѣзъ черезъ заборъ сада, разбилъ окно въ спальнѣ жены своей, и, войдя къ ней, имѣлъ съ нею долгій разговоръ, оставшійся непроницаемой тайною для всѣхъ домашнихъ; но послѣ этого разговора несчастная Сара блѣдная, дрожащая, не помня сама себя, вышла въ-слѣдъ за супругомъ своимъ и, не простясь съ жителями, не обнявъ даже сына, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, бросилась какъ сумасшедшая въ карету лорда.

«Спустя три года послѣ того, въ озерѣ, которое течетъ здѣсь подъ окнами, найдена была утопившаяся Сара. Полиція приписала смерть ея несчастному случаю, не смотря на слухи, носившіеся по деревнѣ, не смотря даже на свидѣтелей, которые утверждали, что слышали ночью голосъ женщины, просьбы, рыданія и, наконецъ, послѣдній крикъ отчаянія. Но скоро всѣ эти свидѣтели, одинъ за другимъ, пропали безъ-вѣсти, а дядя мой, одержимый какимъ-то страннымъ недугомъ, возненавидѣлъ свѣтъ, заперся въ зàмкѣ своемъ и провелъ цѣлые двадцать-пять лѣтъ, не видавъ, кромѣ стараго слуги своего, ни одного живаго существа. Между-тѣмъ зàмокъ, оставшійся въ совершенномъ небреженіи, мало-по-малу запустѣлъ, обвалился, и дошелъ наконецъ до того состоянія, въ которомъ вы его видите; сверхъ-того, большая часть земель и лѣсовъ его была распродана по частямъ дядею моимъ, или присвоена сосѣдями во время его болѣзни; и такимъ-образомъ я, теперешній владѣлецъ этого нѣкогда обширнаго и славнаго помѣстья, не могу получать съ него и половины прежняго дохода.

«Прошло двадцать-пять лѣтъ, какъ я уже сказалъ вамъ, и въ одну бурную ночь, именно въ то самое число, въ которое нашли въ окрестностяхъ Ньюстида трупъ убитаго лорда, — а потомъ черезъ три года и тѣло тетки моей, утопленной въ озерѣ, сэръ Петерсъ вышелъ изъ зàмка, и, прошедъ паркъ, постучался въ дверь бѣдной хижины. Лицо дяди моего было блѣдно,

одежда въ безпорядкѣ; крестьянинъ, позванный имъ, испугался.

«Иди сейчасъ за мной» сказалъ ему сэръ Петерсъ, и провелъ его въ замокъ, гдѣ въ отдаленной комнатѣ лежалъ на полу трупъ стараго слуги, умершаго, какъ казалось, только за нѣсколько часовъ.

«Вотъ золото» сказалъ лордъ, отдавая крестьянину кошелекъ свой. «Вели отпѣть тѣло это и схорони его».

«Черезъ три дня послѣ того дядя мой пріѣхалъ къ намъ въ Абердонъ, гдѣ мы жили въ маленькомъ загородномъ домѣ. Не говоря ни слова, онъ прошелъ къ матушкѣ и сѣлъ молча у камина; матушка не узнала его.

«Сынъ, обезчестившій имя мое, живъ или умеръ?» сказалъ онъ вдругъ.

— Сэръ Джонъ ужь три года какъ въ землѣ, отвѣчала леди Гордонъ, узнавъ наконецъ родственника своего по голосу.

Тутъ сэръ Петерсъ всталъ и съ торжественнымъ движеніемъ руки произнесъ: «все кончено!»

«Съ этими словами онъ вышелъ, и мы его ужь больше не видали.

«Двѣ недѣли спустя, на большой дорогѣ подняли старика въ оборванной и странной одеждѣ, и, принявъ его за нищаго, отвезли въ богадельню, гдѣ онъ скоро умеръ, объявивъ имя свое. Узнавъ о томъ, мать моя немедленно послала въ эту обитель нищеты и страданія за бренными остатками того, котораго смерть сдѣлала меня вдругъ изъ бѣднаго и ничтожнаго баронета, лордомъ, перомъ Англіи и единственнымъ наслѣдникомъ значительнаго имѣнія. Итакъ, вотъ отъ-чего, милостивые государи, я за два дня передъ симъ присутствовалъ въ глубокомъ траурѣ на погребеніи дяди моего, и пріѣхалъ потомъ въ жилище моихъ предковъ, куда будетъ скоро и матушка; но я поспѣшилъ явиться сюда прежде ея для-того, что желалъ войдти во владѣніе помѣстій своихъ одинъ и самъ собою. Между-тѣмъ, позвольте мнѣ, благодарить васъ за удовольствіе, которое вы доставили мнѣ, давъ случай насладиться въ первый разъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и благородныхъ правъ владѣльца—правомъ—угощать почтенныхъ путешественниковъ. Но къ-несчастію скромное и скудное гостепріимство мое слишкомъ напоминаетъ вамъ ту тягостную бѣдность, отъ которой я такъ недавно еще избавился.»

—Милордъ! отвѣчалъ старшій путешественникъ: мнѣ неменѣе

пріятно поздравить васъ первому съ счастливою перемѣною вашихъ обстоятельствъ. Прошу васъ, по возвращеніи вашемъ въ Лондонъ, посѣтить замокъ Гертвельдъ, гдѣ вы найдете то же, что нашелъ я у васъ—скудное, но радушное гостепріимство; будьте увѣрены, что Лудовикъ XVIII почтетъ за особенное удовольствіе принять лорда Гордона въ томъ мирномъ убѣжищѣ, которымъ одолженъ онъ великодушію англійскаго правительства.

Молодой лордъ съ почтеніемъ поклонился знаменитому изгнаннику, а старый Мюрей стоялъ какъ вкопанный, удивляясь благородной осанкѣ и величественному виду того самого человѣка, который, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, такъ ловко и усердно приготовлялъ на кухнѣ котлеты à la victime.

—Коляска моя готова, и я могу ѣхать, сказалъ король. Прощайте, милордъ; смотрите же, не забудьте своего обѣщанія.

Когда Лудовикъ XVIII и г. Аварей сѣли въ карету, король сказалъ ему:

«Въ характерѣ этого молодаго человѣка есть что-то великое и героическое, и если я не ошибаюсь, то онъ предназначенъ къ чему-нибудь чрезвычайному—съ хорошей, или дурной стороны.»

— Замѣчаніе вашего величества справедливо — отвѣчалъ г. Аварей, тѣмъ болѣе, что управитель мнѣ разсказалъ о своемъ молодомъ лордѣ много страннаго, и между прочимъ слѣдующее:

Отецъ молодаго Гордона, служившій капитаномъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, велъ жизнь распутную, — и началъ тѣмъ, что, бывъ женатъ, увезъ замужнюю женщину знатной фамиліи, и, выхлопотавъ для себя разводъ, женился на ней. Леди Кемерсенъ, давъ жизнь дочери, скоро умерла, и капитанъ, по прошествіи года, предложилъ руку свою Катеринѣ Гордонъ, богатой и знатной наслѣдницѣ, которая прельстилась прекрасною его наружностію и ловкостью въ обращеніи; но ослѣпленіе ея не было продолжительно, потому-что этотъ безчестный человѣкъ, промотавъ все огромное имѣніе ея, находившееся въ Шотландіи, бросилъ ее, не оставя ей ничего, кромѣ полутораста ливровъ ежегоднаго дохода. Тогда гордая, но благородная и великодушная леди Гордонъ, не произнеся ни малѣйшей жалобы, удалилась въ Шотландію, въ маленькій городокъ Абердинъ, и тамъ, отказывая себѣ во всемъ, посвятила всю жизнь свою воспитанію единственнаго сына своего, Джорджа

Гордона, доплачивая за уроки его деньгами, вырученными трудами рукъ своихъ.—Такимъ-образомъ прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ, къ удивленію бѣдной леди, негодный мужъ ея, дошедъ до совершенной нищеты, явился съ требованіемъ, чтобы она или соединилась съ нимъ опять, или отдала ему сына; но леди Гордонъ рѣшительно отказала ему во всемъ и предложила заплатить ему 100 ф. стерл. съ тѣмъ, чтобъ онъ навсегда оставилъ Англію; негодяй принялъ эту сумму, уѣхалъ въ Фландрію, въ Валансьену, и тамъ черезъ нѣсколько времени умеръ. Остальное вашему величеству извѣстно, потому-что молодой Джорджъ самъ разсказалъ вамъ, по какому странному и романическому стеченію обстоятельствъ бѣдный юноша, брошенный и разоренный отцомъ своимъ, сдѣлался наконецъ богатымъ перомъ Англіи, благодаря невѣрности тетки своей и мщенію ревниваго дяди.

«Но какъ же звали этого ужаснаго милорда, дядю Гордона?» спросилъ Лудовикъ XVIII. «Странно»—продолжалъ онъ: «что молодой человѣкъ не сказалъ этого, тѣмъ больше, что вѣдь онъ долженъ принять теперь имя его.

—Его звали лордомъ Байрономъ—отвѣчалъ д'Аварей.

Молодой лордъ Гордонъ - Байронъ провелъ въ Ньюстидѣ около двухъ лѣтъ, и въ-теченіе этого времени въ стѣнахъ древняго зàмка безпрестанно раздавался шумъ неистовыхъ оргій, въ которыхъ безразсудный юноша такъ ревностно спѣшилъ осушить чашу наслажденій, какъ-будто ее можно было наполнить и въ другой разъ. Одѣтый въ платье инока, окруженный вѣтреными друзьями, которые, равняясь съ нимъ въ порокахъ, не имѣли умственныхъ его способностей, онъ пропивалъ съ ними на пролетъ цѣлыя ночи и выдумывалъ такія странныя и нелѣпыя забавы, что иногда казался сумасшедшимъ. Огромная и мрачная зала, въ которой старый лордъ изнывалъ нѣкогда отъ болѣзни и угрызеній преступной совѣсти, опредѣлена была наслѣдникомъ его для ночныхъ пиршествъ и самаго отвратительнаго распутства; тамъ, вой собакъ, волковъ и даже медвѣдей, вскормленныхъ въ зàмкѣ, смѣшивался нерѣдко съ крикомъ и хохотомъ развратныхъ гостей, съ ихъ нечестивыми пѣснями. Распространяя собою ужасъ во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, они ставили ни во чтò оскорбленіе семействъ, похищали

замужнихъ женщинъ, обольщали невинныхъ дѣвушекъ, и, вырвавъ ихъ изъ нѣдръ бѣдной, но безпорочной жизни, окружали позорною роскошью и безчестными увеселеніями. Кулачныя побоища, драка пѣтуховъ и другія подобныя зрѣлища пріучали этихъ несчастныхъ къ совершенному безстыдству и были любимымъ провожденіемъ времени въ Замкѣ-Ньюстидскомъ, куда стекались всѣ отъявленные повѣсы трехъ королевствъ: богатые молодые лорды и безсмысленные бродяги, комедіанты и поэты, Англичане и иностранцы—однимъ словомъ, всякій, кто только сдѣлался извѣстнымъ какимъ бы то образомъ ни было, принятъ былъ въ Ньюстидѣ къ соблазну цѣлой націи, которая съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣла на такой неслыханный развратъ. Но лордъ Байронъ именно того и добивался: онъ хотѣлъ во что̀ бы ни стало заставить говорить о себѣ въ свѣтѣ и прославиться безнравственностію, до него еще небывалою. Денно и нощно охотничьи рога раздавались въ окрестностяхъ Ньюстидскаго-За̀мка; денно и нощно пылали огни въ высокихъ каминахъ его, и черный дымъ носился надъ нимъ густою тучею. Иногда, обращая въ дерзкую пародію какое-нибудь торжество, неистовые повѣсы важно выходили по два въ рядъ изъ главныхъ воротъ аббатства, въ длинныхъ мантіяхъ, съ толстыми факелами въ рукахъ, съ протяжнымъ и унылымъ пѣніемъ; процессія тянулась безконечною цѣпью по деревнѣ, привлекая толпы народа и особенно молодыхъ, неопытныхъ крестьянокъ, которыя съ дѣтскимъ любопытствомъ выбѣгали изъ домовъ посмотрѣть на это новое и странное для нихъ зрѣлище. Тогда негодяи неожиданно бросались на жертвы свои и увлекали ихъ съ собою, несмотря на сопротивленіе и слезы. На другой день несчастныя возвращались въ селеніе, упоенныя виномъ, съ пылающими щеками, неся въ рукахъ кошельки, полные золота. Иногда веселые друзья скакали по вязкимъ болотамъ на лошадяхъ дикихъ, бѣшеныхъ, едва-начинавшихъ привыкать къ уздѣ, перепрыгивали на нихъ черезъ каналы, заборы и почти-всегда оставляли за собою нѣсколько ушибенныхъ товарищей. Но до нихъ ли имъ было? Они спѣшили въ-слѣдъ за путеводителемъ своимъ, учителемъ великимъ образцомъ, которымъ они гордились,—за тѣмъ загадочнымъ Байрономъ, на юныхъ устахъ котораго никогда не видно было улыбки, и который, вѣчно унылый и пасмурный,

искалъ въ своихъ неистовыхъ дурачествахъ лекарства для польной души своей, и не находилъ его. — Съ наступленіемъ вечера возвращались они въ зáмокъ, усталые, исцарапанные, забрызганные грязью, и тогда завѣтная чаша — черепъ монаха, отрытый на старомъ кладбищѣ аббатства—быстро переходила изъ рукъ въ руки, полная до краевъ пламеннымъ пуншемъ. Наконецъ всѣ бѣжали въ театръ, устроенный Байрономъ въ одной изъ галлерей зáмка, и тамъ, на этой странной сценѣ, достойной этихъ иступленныхъ сатурналій, лондонскіе актёры играли ужасныя драмы, за которыми нерѣдко слѣдовали наглыя и постыдныя представленія.

Но вдругъ, въ одну ночь, зáмокъ затихъ и опустѣлъ, ворота его затворились, сто оконъ перестали бросать сквозь зелень лѣсовъ яркій блескъ огней; густой дымъ каминовъ не носился уже въ воздухѣ,—словомъ, все замолкло, все умерло, и такимъ-образомъ прошло цѣлые двадцать-три года.

Въ-теченіе этого долгаго промежутка, замокъ Ньюстидъ съ принадлежностями, оставленный на попеченіе стараго Мюрея, сдѣлался нѣкоторымъ-образомъ принадлежностію всѣхъ сосѣдей. Крестьяне спокойно рубили лѣса его и ловили въ прудахъ рыбу, а помѣщики окружныхъ зáмковъ безъ совѣсти охотились въ паркѣ, убивая оленей и дикихъ козъ, тамъ пасшихся. Въ числѣ этихъ нарушителей охотничьяго права отличался сэръ Лембъ, женившійся лѣтъ, за пять или шесть предъ тѣмъ, на богатой, прекрасной и ученой дѣвушкѣ. Свобода, съ которою сэръ Лембъ пользовался собственностію своего сосѣда, была тѣмъ страннѣе, что жена его незадолго до-того написала сатирическій романъ, въ которомъ лондонская публика подъ самымъ прозрачнымъ псевдонимомъ легко узнала лорда Байрона, осыпаннаго самыми колкими насмѣшками и жестокими укоризнами; но очень вѣроятно, что сэръ Люисъ Лембъ, который въ жизнь свою не перебиралъ листовъ ни въ одной печатной книгѣ, не читалъ остроумнаго романа жены своей, или, можетъ-статься, отнюдь не считалъ неприличнымъ продолжать съ оленями Байрона ту непримиримую войну, которую леди Лембъ объявила самому лорду. Какъ бы то ни было, но охотники его не покидали ни лѣсовъ, ни парка ньюстидскихъ, гдѣ безпрестанно слышны были радостные крики ихъ, лай со-

бакъ и звуки роговъ, раздававшіеся даже иногда подъ самыми стѣнами замка.

Однажды, преслѣдуя молодаго оленя, который, выбившись изъ силъ и прислонясь къ воротамъ аббатства, слабо защищалъ жизнь свою, сэръ Лембъ увидѣлъ въ концѣ большой аллеи три кареты и нѣсколько человѣкъ верхами, которые спускались съ небольшаго холма. Такое необычайное явленіе въ Ньюстидѣ удивило сэра Лемба. Онъ тотчасъ поѣхалъ навстрѣчу экипажамъ и увидѣлъ передъ собою пріятеля своего, сэра Гобгоза, который скакалъ къ замку въ-сопровожденіи одного только служителя.

Пріятели остановились, пожали другъ другу руки, и сэръ Лембъ началъ вспросы свои; но Гобгозъ перервалъ его, чтобъ отдать нѣкоторыя нужныя приказанія слугѣ и, отправивъ его, сошелъ съ лошади и предложилъ сэру Лембу послѣдовать его примѣру, сказавъ:

«Очень жаль, любезный сэръ Люйсъ, что не могу принять дружескаго приглашенія вашего и засвидѣтельствовать почтеніе мое леди Лембъ: я долженъ ждать здѣсь тѣхъ, которые ѣдутъ за мною. Впрочемъ мы можемъ сѣсть пока на травѣ и кое о чемъ поговорить.»

—Такъ владѣлецъ этого помѣстья пріѣдетъ наконецъ? спросилъ сэръ Лембъ, очень-недовольный такимъ нечаяннымъ прекращеніемъ охоты своей.

«Лордъ Байронъ возвращается въ жилище предковъ своихъ и никогда не выѣдетъ изъ него болѣе» отвѣчалъ Гобгозъ съ тяжелымъ вздохомъ.

—Хорошо! но гдѣ жь онъ былъ въ-теченіи двадцати-трехъ лѣтъ? вскричалъ сэръ Лембъ почти съ сердцемъ. Для чего онъ такъ надолго оставлялъ помѣстья свои? за-чѣмъ возвращается въ нихъ опять послѣ такого долгаго отсутствія?

«Онъ оставилъ замокъ свой потому» возразилъ Гобгозъ: «что какое-то тайное, какое-то неизъяснимое предчувствіе говорило ему, что вдали ожидали его слава съ блестящимъ, но, увы, бѣдственнымъ для него вѣнцемъ... Пылкій, безпокойный, волнуемый кипучими страстями, лордъ Байронъ, наскуча грубыми удовольствіями, оставившими въ сердцѣ его одну пустоту и отвращеніе, отправился въ Лондонъ, и скоро по пріѣздѣ туда, издалъ въ свѣтъ два сочиненія свои въ стихахъ: одно подъ на-

званіемъ *Часы праздности;* другое *Поэты Англіи и Критики Шотландіи*. Но первая изъ этихъ пьесъ осуждена была слишкомъ-строго, а вторая, за ней послѣдовшая, имѣла нѣкоторой успѣхъ потому только, что надѣлала собою много шума, такъ какъ дѣлается его всякая ѣдкая и остроумная сатира. Это непріятное обстоятельство, подавшее Байрону поводъ думать, что онъ обманулся относительно поэтическаго своего таланта, заставило его обратиться къ политикѣ и хлопотать о томъ, чтобъ быть принятымъ въ камеру перовъ; но и это было сопряжено для него съ чрезвычайными непріятностями, потому-что недоброжелательство членовъ выдумывало ежедневно тысячи разныхъ затрудненій, чтобы отдалить его; когда же, наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, Байронъ пріѣхалъ въ парламентъ, въ ожиданіи торжественнаго принятія, тогда, вопреки установленному обыкновенію, ни одинъ изъ перовъ не вышелъ навстрѣчу молодому лорду, чтобы представить его собранію, ни одна дружеская рука не протянулась къ нему, чтобы ободрить его! Встрѣченный у дверей одними сторожами, онъ вошелъ въ залу, не обращая по-видимому на себя ничьего вниманія, и когда канцлеръ, лордъ Эльдонъ, сказалъ ему изъ благопристойности нѣсколько учтивыхъ словъ, онъ отвѣчалъ на нихъ сухо, сѣлъ на скамью оппозиціи, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ, оскорбленный, униженный въ собственныхъ глазахъ своихъ, и почти задыхаясь отъ стыда и досады. На другой день, ужасный пасквиль, въ которомъ разруганы были всѣ члены высшаго парламента, явился въ Лондонѣ и привелъ въ движеніе весь городъ. Поэтъ-сатирикъ, понявъ, что послѣ этого ему невозможно было оставаться въ Англіи, написалъ духовную, обезпечилъ состояніе матери своей, и, взявъ съ собою меня и одну молодую дѣвушку, одѣтую въ мужское платье, сѣлъ на корабль, и черезъ четыре дня былъ уже въ Лиссабонѣ. Оттуда мы, въ самое короткое время, объѣхали наскоро всю Португалію, часть Испаніи, Севилью, Кадиксъ, Гибральтаръ и потомъ Мальту, гдѣ Джорджъ Байронъ завелъ любовную интригу и заплатилъ за нее поединкомъ. Пустившись опять въ море, мы вышли на берегъ въ Альбаніи и жили попеременно въ Миссолунги, Превезѣ и Янинѣ, откуда Байронъ ѣздилъ повидаться съ Али-Пашею. Ему давно уже хотѣлось видѣть этого славнаго, но жестокаго человѣка, этого ужаснаго пашу, котораго характеръ представлялъ

любопытную смѣсь величія съ варварствомъ. Байронъ и онъ должны были понимать другъ друга, и потому между ими продолжалась цѣлые три мѣсяца какая-то странная связь, довольно-похожая на дружбу; наконецъ Байрону наскучилъ этотъ кровожадный тигръ, котораго онъ умѣлъ на нѣкоторое время сдѣлать для себя ручнымъ, и, не сказавъ ему ни слова, Байронъ уѣхалъ въ Морею, а потомъ поселился въ Аѳинахъ, гдѣ мы и провели всю зиму.

«Нанимая комнаты въ домѣ одной почтенной женщины, вдовы англійскаго консула, Байронъ каждое утро, выѣхавъ съ восхожденіемъ солнца изъ Аѳинъ, гулялъ въ окрестностяхъ этой славной развалины древней Греціи. Тогда, при воспоминаніи о паднемъ ея могуществѣ, при видѣ нынѣшняго ея разрушенія и ничтожества, сердце и воображеніе Байрона наполнялись поэтическими ощущеніями, и онъ, въ бытность свою въ Аѳинахъ, написалъ двѣ маленькія поэмы, въ которыхъ вспыхнулъ наконецъ великій геній, въ немъ таившійся, и скоро запылавшій съ такимъ необычайнымъ блескомъ. Съ наступленіемъ весны Байронъ поѣхалъ въ Смирну, потомъ осмотрѣлъ Трою и воскресилъ древній подвигъ Леандра, переплывъ черезъ Геллеспонтъ; но, не смотря на страсть свою къ путешествіямъ, онъ вдругъ почувствовалъ тоску по родинѣ, и это тоска мало-по-малу дошла до такой степени, что онъ денно и ночно сталъ мечтать объ Англіи, о домашнемъ очагѣ своемъ и о ньюстидскомъ аббатствѣ. А какъ желать и исполнить было для него одно и то же, то мы въ скоромъ времени возвратились въ Лондонъ, гдѣ бѣднаго Байрона ожидало великое несчастіе—смерть матери. Дѣйствительно, это горестное происшествіе сразило его совершенно, тѣмъ болѣе, что онъ мучился совѣстью, вспоминая, что невсегда былъ покорнымъ сыномъ и часто наносилъ горесть сердцу доброй и нѣжной своей матери. Вывезши гробъ ея изъ Лондона ночью, мы съ нимъ проводили его до Ньюстида и снесли въ фамильный склепъ замка. Вскорѣ за тѣмъ смерть молодаго Матьюса довершила отчаяніе осиротѣвшаго Байрона. Съ нимъ и съ матерью полагалъ онъ провести остатокъ дней своихъ въ спокойномъ и тихомъ уединеніи, о которомъ такъ долго, такъ пламенно мечталъ въ Греціи и, вмѣсто того, принялъ послѣдній вздохъ ихъ! Чувствуя нужду въ развлеченіи, Байронъ возвратился опять къ шумной и дѣятельной жизни

Лондона, опять явился въ высшемъ парламентѣ, гдѣ произнесъ прекрасную и трогательную рѣчь въ пользу ремесленниковъ, и наконецъ напечаталъ своего «Чайльдъ-Гарольда», о которомъ я конечно не имѣю нужду напоминать вамъ, потому-что кто не знаетъ, съ какимъ восторгомъ эта превосходная поэма была принята всею Англіею?»

—Да!... отвѣчалъ сэръ Лембъ, я хотя, признаться, и не читалъ ея, но помню, что о ней очень-много говорили.

«За «Чайльдъ-Гарольдомъ слѣдовали «Джяуръ», «Невѣста Абидосская» и «Корсаръ». Но, не смотря на возраставшую славу свою, Байронъ грустилъ несказанно. Утомленный разсѣянною жизнью Лондона, не находя уже удовольствія въ блистательныхъ успѣхахъ своихъ, которые, польстивъ на-минуту его самолюбію, не наполнили его сердца, онъ вздумалъ искать въ супружествѣ блаженства, котораго не находилъ нигдѣ, и женился на дѣвицѣ Бильбэнксъ, молодой, прекрасной собою и, къ досадѣ Байрона, ученой... Но, увы, черезъ полтора года послѣ свадьбы—леди Байронъ, взявъ маленькую дочь свою, уѣхала къ матери и подала просьбу о разводѣ. Удивленный и взбѣшенный Байронъ, не смотря на то, что нанесъ женѣ своей чувствительныя оскорбленія, о которыхъ она молчала, разславилъ самъ всѣ домашнія тайны свои и такимъ - образомъ, обративъ на нихъ вниманіе цѣлой публики, навлекъ на себя общее негодованіе. Къ этой гласности присоединилось еще разстройство состоянія и политическія ссоры; наконецъ все вмѣстѣ заставило его въ 1815 году оставить опять отечество, съ торжественною клятвою, никогда уже не возвращаться. Итакъ, сдѣлавшись снова гражданиномъ вселенной, онъ поѣхалъ сперва въ Бельгію, потомъ въ Швейцарію, гдѣ прожилъ долго. Но ни общество знаменитой г-жи Сталь, ни дружба Шеллея, ни странствованія его съ этимъ мизантропомъ и матеріалистомъ, ничто не могло исцѣлить глубоко уязвленной души Байрона. Неразлучный съ Шеллеемъ, онъ лазилъ съ нимъ по горамъ, бродилъ по долинамъ и въ часы отдыха проклиналъ Англію и весь родъ человѣческій. Черезъ нѣсколько времени присоединился къ нимъ еще Люисъ, авторъ «Монаха», и слѣдствіемъ этой связи и путешествія было то, что Байронъ написалъ поэму, «Манфредъ» и превосходную повѣсть въ стихахъ «Шильйонскій Узникъ».

Но ему надоѣла наконецъ и живописная Швейцарія: онъ поѣхалъ оттуда въ Венецію, куда манили его чувственныя наслажденія, романическія прогулки въ гондолахъ и вдохновительная поэзія моря. Тамъ, съ весломъ въ рукѣ, онъ управлялъ самъ легкою гондолою своею, и каждое утро приставалъ къ небольшему острову, на которомъ возвышался Монастырь св. Лазаря: тамъ у отца Пасхали учился онъ по-армянски, надѣясь, можетъ-быть, что трудное и механическое изученіе неизвѣстнаго языка утишитъ неукротимую бурю души его. Тщетная надежда! Возвратясь отъ отца Пасхали, онъ бросался въ венеціанскій карнавалъ, и въ вихрѣ бѣшенныхъ удовольствій искалъ забвенія самого-себя. Иногда въ тишинѣ душной ночи, онъ писалъ своего «Фальеро», или дерзалъ проникать въ «Тайны Каина», или начиналъ первыя главы «Донъ-Хуана». Въ Венеціи повстрѣчался онъ съ бѣлокурою, прелестною, нѣжною Гиччіоли, и, благодаря свободѣ итальянскихъ нравовъ, могъ посвятить себя совершенно этой милой женщинѣ, которую полюбилъ страстно, не смотря на то, что почиталъ сердце свое неспособнымъ къ ощущенію истинной любви. Но эта любовь, однакожь, при всей горячности своей, не могла удовлетворить всѣмъ потребностямъ сильной и дѣятельной души Байрона, и потому онъ вступилъ въ заговоръ карбонаровъ въ которомъ участвовалъ и графъ Гамба, отецъ графини Гиччіоли. Заговоръ этотъ былъ открытъ, и графъ Гамба со всѣмъ семействомъ своимъ выcланъ изъ Венеціи, между-тѣмъ какъ достоинство пера Англіи спасло Байрона. Наконецъ онъ опять сталъ помышлять о Греціи, и между - тѣмъ уѣхалъ въ Пизу повидаться съ прекрасною Гиччіоли, которая удалилась туда съ отцемъ своимъ. Тамъ схоронилъ онъ маленькую побочную дочь свою, которую любилъ до чрезвычайности; тамъ видѣлъ, какъ въ глазахъ его утонулъ другъ его Шеллей, катаясь по заливу Спецціа, и полный грусти, оставивъ Тоскану, онъ поѣхалъ въ Геную, гдѣ сѣлъ на корабль съ графомъ Гамба и морскимъ разбойникомъ Трелоней. Но, увы, освобожденіе Греціи было для Байрона сномъ, такъже несбыточнымъ, какъ и всѣ другіе сны его! Посвятивъ жизнь и все имѣніе свое народу, котораго судьба возбуждала въ немъ самое великодушное участіе, онъ нашелъ въ начальникахъ однѣ низкія страсти и несогласіе, въ войскѣ грубое корыстолюбіе, и съ горестію

увидѣлъ, наконецъ, что благородное самоотверженіе его было безполезно.

«Однажды утромъ, въ торжественный день свѣтлаго воскресенья, страшная буря разразилась надъ Миссолунги. Дождь лилъ рѣкою, громъ гремѣлъ, молніи раздирали тучи, и вся природа, казалось, приближалась уже къ конечному разрушенію. Въ самую эту ужасную грозу, лордъ Байронъ лежавшій три дня при послѣднемъ издыханіи своемъ, вдругъ проговорилъ едва-внятнымъ голосомъ: *Я хочу уснуть... хочу успокоиться...* Друзья подошли, взглянули — и Байрона уже не стало.

Я провожаю сюда бренные остатки великаго поэта Англіи, чтобы въ замкѣ его предковъ соединить ихъ съ прахомъ матери его—продолжалъ печально Гобгозъ, указывая на погребальную процессію, тихо двигавшуюся по аллеѣ, ведшей къ замку.

И Гобгозъ пошелъ на-встрѣчу гробу, между-тѣмъ какъ сэръ Лембъ присоединился къ обществу пріѣхавшихъ съ нимъ на охоту и въ числѣ котораго находилась жена его, леди Каролина Лембъ.

«Скорѣе скорѣе» кричалъ онъ имъ: «развѣ не видите вы, что̀ здѣсь происходитъ?» И, схватя за поводъ лошадь жены своей, опрометью поскакалъ съ нею впередъ.

По аллеѣ, въ направленіи къ замку, шло множество людей въ черныхъ мантіяхъ, слѣдуя по два въ-рядъ и неся засженные факелы. За ними пажи въ глубокомъ траурѣ вели лошадь покойнаго, на которой сидѣлъ герольдъ, держа въ рукахъ опрокинутый гербъ фамиліи Байроновъ. Наконецъ ѣхала печальная колесница—и на ней, подъ пышнымъ балдахиномъ, стоялъ гробъ, накрытый бархатнымъ покровомъ съ серебряными гербами.

Увидя все это, леди Лембъ вскрикнула и упала въ обморокъ. Ее подняли, оттерли и привезли домой въ совершенномъ сумасшествіи. — Мужъ ея никакъ не понималъ, отъ-чего она съ такимъ изступленнымъ отчаяніемъ повторяла: «Джорджъ мой! Джорджъ мой!»

Ровно черезъ двѣ недѣли, несчастная Каролина Лембъ, которую Байронъ нѣкогда любилъ страстно и потомъ оставилъ, соединилась съ нимъ тамъ, гдѣ нѣтъ измѣны...

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Военно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Павла I-го.*— Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома* принадлежитъ къ одному изъ прекрасныхъ памятниковъ кратковременнаго царствованія Императора Павла Петровича. Будучи еще великимъ княземъ, Императоръ положилъ первое основаніе этому благодѣтельному заведенію, учредивъ въ 1793 году въ одномъ изъ флигелей Каменно-островскаго Дворца школу для сыновей тѣхъ бѣдныхъ инвалидовъ, которые содержались на собственномъ его иждивеніи. Подобная же школа была учреждена Его Высочествомъ въ Гатчинѣ, близъ загороднаго его дворца. Въ ней обучались дѣти бѣдныхъ гатчинскихъ жителей читать и писать (по-русски и по-нѣмецки) и первоначальнымъ правиламъ ариѳметики. Полный же курсъ наукъ въ этой, такъ-сказать, народной школѣ, ограничивался поверхностными свѣдѣніями въ географіи, исторіи и математикѣ.

Въ 1795 году обѣ школы были соединены, и изъ нихъ образовалось особое учебное заведеніе для сыновей бѣдныхъ офицеровъ и дворцовыхъ служителей. Воспитанники этого вновь-созданнаго корпуса получали весьма-порядочное образованіе и всѣ содержались на собственномъ иждивеніи Его Высочества.

Число воспитанниковъ заведенія скоро увеличилось до семидесяти. Воспитаніе ихъ производилось подъ надзоромъ четырехъ наставниковъ и одной надзирательницы, которая преимущественно заботилась о кадетахъ малолѣтныхъ. Преподаватель географіи и исторіи (Львовъ) занималъ мѣсто и инспектора заведенія, завѣдывая экономическою его частію; но главное управленіе надъ этимъ маленькимъ кадетскимъ корпусомъ было поручено дѣйствительному статскому совѣтнику барону Борху. Подполковникъ Аракчеевъ (въ-послѣдствіи графъ и генералъ-

* Нынѣ Павловскій Кадетскій Корпусъ.

инспекторъ всей артиллеріи) заступилъ мѣсто Борха. Его Высочество часто удостоивалъ корпусъ своимъ посѣщеніемъ и всегда поселялъ между воспитателями и воспитанниками полезное соревнованіе, а потому и неудивительно, что это заведеніе, обращавшее на себя особенное вниманіе августѣйшаго наслѣдника престола, тогда же успѣло принесть государству пользу, образовавъ для арміи многихъ свѣдущихъ офицеровъ.

Въ декабрѣ 1796 года, когда Его Высочество воцарился, корпусъ былъ переведенъ въ Петербургъ и помѣщенъ *въ Аптнелисъ* Дворцѣ, близь бывшаго *Итальянскаго Сада*, на Фонтанкѣ; но здѣсь онъ существовалъ на прежнемъ основаніи только нѣсколько мѣсяцевъ, пока Императоръ не повелѣлъ приступить къ совершенному преобразованію заведенія, въ которомъ могли бы воспитываться по-крайней-мѣрѣ 200 сыновей и 50 дочерей дворянскаго происхожденія, и солдатскихъ 800 сыновей и 50 дочерей. Дѣти гражданскихъ чиновниковъ, лишенныя всякихъ способовъ къ воспитанію, также могли быть принимаемы въ корпусъ, но не иначе, какъ по особенному высочайшему повелѣнію. Сверхъ сего при корпусѣ было учреждено пристанище для 300 инвалидовъ.

При первоначальномъ преобразованіи корпуса въ Петербургѣ, главное начальство надъ нимъ было поручено генерал-лейтенанту князю Голицыну, который въ это время командовалъ лейб-гвардіи Преображенскимъ Полкомъ. Но когда гвардія выступила въ Москву на празднество коронаціи, Императоръ повелѣлъ санктпетербуржскому военному генерал-губернатору, генерал-лейтенанту графу Бугсгевдену, представить ему штабофицера образованнаго и по характеру достойнаго занять мѣсто директора корпуса, въ которомъ воспитывалось уже въ это время 1100 дѣтей. Выборъ графа Бугсгевдена палъ на майора Петра Веймарна, который воспитывался вмѣстѣ съ нимъ въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ, что̀ нынѣ Второй Кадетскій. Императоръ, изъявивъ высочайшее одобреніе на представленіе графа Бугсгевдена, въ этомъ же мѣсяцѣ (мартѣ) назначилъ майора Веймарна директоромъ Военно-Сиротскаго Дома, повелѣвъ присоединить къ этому заведенію двѣ нормальныя школы, которыя до-сихъ-поръ состояли при Полкахъ Преображенскомъ и Измайловскомъ для воспитанія солдатскихъ дѣтей и сыновей бѣдныхъ офицеровъ.

Вскорѣ назначена была Его Величествомъ особенная коммиссія, составленная изъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Наслѣдника Александра Павловича, изъ генерала-отъ-инфантеріи Ламба, генерала-отъ-кавалеріи графа Палена и генерал-лейтенанта Аракчеева, для разсмотрѣнія проекта о преобразованіи Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома. Штатъ для корпуса, представленный Веймарномъ, былъ одобренъ коммиссіею и утвержденъ Императоромъ. Въ это же время санктпетербуржскій военный генерал-губернаторъ, по высочайшей волѣ, принялъ въ свое вѣдѣніе это вновь-созданное военно-учебное заведеніе.

По новому штату, корпусъ раздѣлялся на два отдѣленія. Въ первое поступали дѣти дворянскаго происхожденія и сыновья военныхъ офицеровъ, которые однако же должны были представить законное свидѣтельство о недостаточномъ ихъ состояніи. Сыновья офицеровъ, умершихъ на полѣ сраженія, первые пользовались старшинствомъ въ спискѣ кандидатскомъ, а послѣ нихъ уже слѣдовали тѣ малолѣтные, родители которыхъ, состоя на службѣ, не имѣли вовсе никакихъ способовъ для доставленія сыновьямъ своимъ приличнаго воспитанія. Въ этомъ отдѣленіи воспитанники содержались на иждивеніи правительства и обучались слѣдующимъ предметамъ: закону Божію, языкамъ русскому и нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи, рисованью, географіи и исторіи. Тѣ изъ кадетъ, которые, по окончаніи курса, удовлетворительно выдержали экзаменъ, производившійся каждый годъ въ-присутствіи директора, назначались въ армію *портупей-прапорщиками*, *портупей-юнкерами* или унтер-офицерами, и только отличнѣйшіе воспитанники выпускались въ армію офицерами.

Во второмъ отдѣленіи воспитывалось 800 солдатскихъ дѣтей, которые принимались въ корпусъ безъ различія возраста. Они обучались закону Божію, начальнымъ правиламъ русскаго языка и ариѳметикѣ. Пятьдесятъ изъ этихъ воспитанниковъ, самыхъ способныхъ, слушали курсъ наукъ вмѣстѣ съ кадетами, готовясь занять мѣста преподавателей въ губернскихъ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ. Другіе, по достиженіи 18-ти-лѣтняго возраста, назначались на службу въ армію солдатами или унтер-офицерами.

Дѣвицы дворянскаго происхожденія, число которыхъ про-

стиралось до 50, поступали въ заведеніе на тѣхъ же правахъ, какъ и кадеты. Онѣ обучались закону Божію, языкамъ русскому и нѣмецкому, четыремъ правиламъ ариѳметики, рисованію, географіи, исторіи, вышиванію и другимъ женскимъ рукодѣліямъ.

Солдатскія дочери, которыхъ также было до 50, принимались на правахъ воспитанниковъ втораго отдѣленія и обучались закону Божію, читать, писать, считать, рисовать, шить, стряпать и пр.

Если дѣвицы дворянскаго происхожденія, или даже солдатскія дочери, по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста, не имѣли приличнаго ихъ званію пристанища и не выходили за-мужъ, то онѣ поступали подъ особенное покровительство Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, который доставлялъ имъ средства содержать себя честною работою.

Хотя число воспитанниковъ этого благодѣтельнаго заведенія, какъ мы уже сказали, простиралось до 1100 человѣкъ, однако великія милости, изливаемыя Императоромъ на бѣдныхъ сиротъ, всегда были безпредѣльны, а потому и неудивительно, что число воспитанниковъ въ заведеніи всегда превышало положенное число ихъ по штату.

Вскорѣ всѣ воспитанники заведенія не могли удобно помѣщаться въ Лѣтнемъ Дворцѣ, а потому Императоръ повелѣлъ купить въ 1797 году домъ графа Воронцова (построенный извѣстнымъ архитекторомъ графомъ Растрелли), для помѣщенія въ немъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома. Это прекрасное зданіе, въ которомъ нынѣ помѣщается Павловскій Кадетскій Корпусъ, подвергалось въ-продолженіе времени многимъ измѣненіямъ, и особенно было увеличено покупкою смежныхъ строеній и постройкою новыхъ флигелей. 6 ноября (1797), въ день восшествія на престолъ Императора, воспитанники Военно-Сиротскаго Дома были переведены въ это новое зданіе, на перестройку котораго тогда же истрачено было 60 тысячъ руб., изъ коихъ 50 тысячъ, по высочайшему повелѣнію, пожалованы были изъ Государственнаго Казначейства, а десять изъ экономическихъ суммъ самого заведенія.

Въ 1799 году, сенаторъ графъ Сергѣй Румянцовъ, тронутый до глубины души высокимъ вниманіемъ Императора, повелѣвшаго въ память его отца, фельдмаршала Румянцова-Задунай-

скаго, воздвигнуть великолѣпный памятникъ, основалъ 1 іюня въ пользу одного изъ воспитанниковъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома *фамильное командорство* ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Графъ пожертвовалъ для этого особое имѣніе, состоявшее изъ 500 душъ, и назвалъ свое новое командорство *Монументскимъ.* Оно было внесено, наравнѣ съ другими командорствами, въ списки ордена, представлено въ Сенатъ и, подобно другимъ, получило право наслѣдственнаго старшинства (jus patronatus), съ тѣмъ только различіемъ, что во всѣхъ другихъ командорствахъ пользовался доходами изъ имѣнія одинъ изъ старшихъ наслѣдниковъ основателя, а здѣсь всегда былъ избираемъ одинъ изъ кадетовъ Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, который возводился на степень командорства капитуломъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Когда въ концѣ лѣта этого же года, кадеты Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома назначались по экзамену въ армію офицерами, директоръ заведенія представилъ кандидатами на монументское командорство трехъ первыхъ воспитанниковъ корпуса: Селиванова, Толмачева и Максимова, которые предназначены были къ выпуску подпоручиками въ армейскіе егерскіе полки. Выборъ палъ на пятнадцатилѣтняго юношу Селиванова, и онъ въ этомъ же году былъ утвержденъ капитуломъ ордена, получилъ кавалерскій крестъ и право пользоваться доходами отъ командорства, но на степень командора съ правомъ полнаго распоряженія майоратствомъ онъ возведенъ былъ тогда только, когда ему минулъ 21 годъ. Впрочемъ онъ ни въ какое время не могъ увеличивать оброка съ крестьянъ, которые пользовались тѣми же правами, какъ и крестьяне удѣльные того времени. Послѣ смерти владѣтеля, командорство поступало во владѣніе старшаго изъ наслѣдниковъ въ мужескомъ родѣ, но если этотъ родъ прекращался, имѣніе должно было поступить въ распоряженіе Военно-Сиротскаго Дома, который снова избиралъ на степень командора одного изъ первыхъ воспитанниковъ заведенія.

Похвальному примѣру графа Румянцева вскорѣ послѣдовалъ дѣйствительный каммергеръ графъ Шереметевъ, который основалъ въ августѣ мѣсяцѣ этого же года, подъ названіемъ *Командорства Военно-Сиротскаго Дома,* два фамильныя командорства, также назначенныя въ вознагражденіе отличнѣйшихъ вос-

питанниковъ заведенія. Графъ пожертвовалъ для каждаго изъ этихъ командорствъ по 250 душъ крестьянъ и предоставилъ директору заведенія полное право назначать кандидатовъ ордена. При томъ же выпускѣ 1799 года, Ивашкинъ и Неёловъ избраны были кандидатами на командорства Военно-Сиротскаго Дома, и оба сперва получили малые кавалерскіе кресты, а въ-послѣдствіи большіе командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ правомъ полнаго распоряженія имѣніемъ, пожертвованнымъ для этой цѣли графомъ Шереметевымъ. Но эти два командорства не пользовались правомъ фамильнаго майоратства, а поступали, послѣ смерти владѣтеля, въ распоряженіе корпуса, который снова назначалъ ихъ въ награду отличнѣйшимъ воспитанникамъ.

Въ то время, когда графъ Сергѣй Румянцовъ основывалъ *Монументское Командорство,* братья его, движимые тѣмъ же чуствомъ признательности къ Императору, пожертвовали 50,000 рублей въ пользу Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, которому Его Величество оказывалъ всегда особенное благоволѣніе. Проценты этого капитала, хранившагося въ Ломбардѣ, должны были употребляться на воспитаніе въ корпусѣ 14 сиротъ сверхъ положеннаго по штату комплекта, а оставшіяся за тѣмъ деньги раздавались, при выпускѣ въ офицеры, тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые не имѣли совершенно никакого состоянія.

Въ 1800 году (18 сентября), купецъ Нащокинъ, которому Императоръ дозволилъ построить противъ гостинаго двора особую линію лавокъ, движимый чувствомъ признательности къ Монарху, также пожертвовалъ 50 тысячь рублей въ пользу Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома. Такимъ-образомъ увеличивались мало-по-малу финансовыя средства этого благодѣтельнаго заведенія, частію отъ частныхъ пожертвованій, но болѣе отъ щедротъ Монарха, желавшаго возвысить Военно-Сиротскій Домъ на ту степень цвѣтущаго состоянія, на которой находились другіе кадетскіе корпуса.

Кадеты были размѣщены въ огромныхъ шести комнатахъ, въ которыхъ стояли и ихъ кровати. Въ каждой изъ этихъ комнатъ жилъ особый наставникъ, надзиравшій за поведеніемъ воспитанниковъ, когда они не находились въ классахъ. Онъ слѣдилъ за опрятностію ихъ одежды, раздавалъ имъ чистое бѣлье

и завѣдывалъ прислугою, состоявшею изъ старыхъ отставныхъ солдатъ, которыхъ было по одному на 15 кадетъ. Для надзора за малолѣтными кадетами, находились при корпусѣ особыя женщины.

Вся эта прислуга состояла подъ вѣдѣніемъ офицера, который надзиралъ какъ за воспитанниками, такъ и за учителями; онъ же обучалъ кадетъ воинскимъ экзерциціямъ, преимущественно руководилъ ихъ въ воспитаніи нравственномъ и физическомъ и, по положенію корпуса, долженъ былъ надзирать за сиротами съ попечительностію роднаго отца.

Инспекторъ заведенія, наблюдавшій за ходомъ преподаванія наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надзиравшій за порядкомъ, чистотою и вообще за всею полицейскою частію заведенія, каждый вечеръ представлялъ директору форменный рапортъ о благосостояніи заведенія.

Каждый день одинъ изъ четырехъ офицеровъ, служившихъ при заведеніи, дежурилъ въ корпусѣ и смѣнялся черезъ 24 часа. Подъ вѣдѣніемъ дежурнаго офицера каждый день дежурили пять учителей, которые надзирали за воспитанниками въ рекреаціонные часы, во время ихъ игръ въ саду или на дворѣ. Дежурный офицеръ водилъ кадетъ въ столовую и всегда присутствовалъ за обѣдомъ и ужиномъ ихъ.

Офицеры и учителя должны были обращаться учтиво съ подчиненными имъ воспитанниками; но если кто изъ кадетъ пренебрегалъ увѣщаніями офицера и не подавалъ никакой надежды къ исправленію, тогда дежурный офицеръ доносилъ объ этомъ директору, который одинъ имѣлъ право наказывать воспитанниковъ тѣлесно.

На пищу кадетъ и дѣвицъ дворянскаго происхожденія отпускалось по 12 копеекъ въ день на каждаго человѣка, а на пищу солдатскихъ дѣтей по 6 копеекъ.

Устройство другихъ кадетскихъ корпусовъ въ царствованіе Императора Павла Петровича оставалось на прежнемъ основаніи, кромѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ. Такъ, напримѣръ, кадетскимъ ротамъ высочайше повелѣно было называться по именамъ ихъ шефовъ *. Въ Первомъ Корпусѣ число кадетъ увеличено

* Въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ 1-я рота генерала-отъ-артиллеріи Меллисино, 2-я майора Клейнмихеля, 3-я генерал-майора Корсакова.

до 600 человѣкъ и повелѣно раздѣлить ихъ на пять ранжированныхъ ротъ. Одна рота была гренадерская, четыре мушкетерскія, а шестая, неранжированная рота, состояла изъ малолѣтныхъ кадетъ, которые находились подъ надзоромъ гувернанокъ. Это послѣднее отдѣленіе воспитанниковъ составляло первую степень корпуснаго образованія или приготовительное учебное заведеніе для тѣхъ малолѣтныхъ дѣтей, которымъ родители, по недостаточному состоянію, не могли доставить самыхъ начальныхъ основаній умственнаго образованія. Кадеты, неспособные по болѣзни къ военной службѣ, выпускались уже чинами 14 класса, а не военными. Корпуснымъ офицерамъ для производства высочайше повелѣно было имѣть особенную свою линію. Наконецъ, въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, вмѣсто прежнихъ публичныхъ экзаменовъ, кадеты, удостоиваемые къ производству въ артиллерійскіе офицеры, посылались для экзамена въ Артиллерійскую Экспедиціи Государственной Военной Коллегіи или къ инспектору артиллеріи.

Важнѣе были перемѣны, сдѣланныя въ состоявшей при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ солдатской ротѣ. Хотя она была и прежде назначена для снабженія унтер-офицерами какъ Артиллерійскаго, такъ и Инженернаго корпусовъ, однако жь съ нѣкотораго времени число выпускаемыхъ изъ этой школы кондукторовъ было весьма-незначительно и недостаточно для замѣщенія всѣхъ кондукторскихъ вакансій; почему государь, принимая въ соображеніе, что для артиллерійскихъ фейерверкеровъ, можетъ-быть, достаточно и практическаго знанія, между-тѣмъ, какъ кондукторамъ теоретическое образованіе необходимо, высочайше повелѣлъ въ солдатской ротѣ вовсе не преподавать теоріи артиллеріи, но только фортификацію, и готовить всѣхъ мушкатеровъ этой роты въ кондукторы и инженерные строители, а остальныхъ 50 человѣкъ въ мастеровыя артиллерійскаго вѣдомства. Позже повелѣно было этихъ послѣднихъ обучать химіи и особенно познанію свойствъ металловъ, чтобъ образовать изъ нихъ искусныхъ литейщиковъ.

Главное управленіе кадетскими корпусами, которое было поручаемо въ разныя времена графу Шувалову, князю Репнину, канцлеру Бецкому, графу Ангальту, князю Кутузову и дру-

тчимъ, поступило, 16 января 1798, подъ вѣдѣніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, и состояло подъ управленіемъ его до самой его кончины; но во время отсутствія Его Высочества, съ 1812 года, управленіе военно-учебными заведеніями, подъ главнымъ его начальствованіемъ, было поручаемо главнымъ директорамъ и состояло подъ вѣдѣніемъ особаго совѣта, въ-послѣдствіи учрежденнаго.

Въ 1800 году (10 марта) высочайше повелѣно было именоваться Артиллерійскому и Инженерному Шляхетскому Кадетскому Корпусу *Вторымъ Кадетскимъ* Корпусомъ. Около этого же времени, высочайше повелѣно было юнкеровъ артиллерійскихъ батальйоновъ, какъ гвардейскаго, такъ и другихъ въ Санктпетербургѣ расположенныхъ, если они пожелаютъ обучаться наукамъ, присылать во Второй Кадетскій Корпусъ, гдѣ они жили и пользовались содержаніемъ наравнѣ съ кадетами. 13 апрѣля того же года, *Шкловскій* Кадетскій Корпусъ, основанный въ 1778 году графомъ Зоричь-Чернаевичемъ, поступилъ подъ высокое покровительство Его Величества, и былъ переведенъ, 16 октября, въ Гродно, какъ вспомогательное учебное заведеніе Перваго Кадетскаго Корпуса, подъ названіемъ «Гродненскаго Отдѣленія».

Вообще кадетскіе корпуса, во все время царствованія Императора Павла Петровича, имѣли счастіе пользоваться монаршимъ благоволеніемъ. Государь нѣсколько разъ самъ посѣщалъ корпуса, всегда оставался доволенъ ихъ порядкомъ и устройствомъ, и изъявлялъ начальству свое благоволеніе.

Кадетскіе мундиры въ царствованіе Императора Павла I были темнозеленые съ красными суконными обшлагами и лацканами; подбой красный, стамедовый; пуговицы мѣдныя; у унтер-офицеровъ на обшлагахъ золотой позументъ. Камзолы и штаны суконные палевые; штиблеты зимою черные суконные, а лѣтомъ бѣлые холщевые; башмаки съ мѣдными пряжками; воротники у рубашекъ широкіе изъ голландскаго полотна. Шляпы съ золотымъ позументомъ съ кистями, бантомъ и султанчикомъ изъ бѣлаго гаруса, смѣшаннаго съ чернымъ и оранжевымъ. Портэпеи и перевязи лосинныя.

Мѣста, гдѣ находятся образцовыя усадьбы воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.—Многіе помѣщики желаютъ знать, гдѣ находятся образцовыя усадьбы, заведенныя воспитанниками Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища перваго выпуска, бывшаго въ нынѣшнемъ году (см. выше, въ «Библіографической Хроникѣ» разборъ — «Отчета по Министерству Удѣловъ»), — и въ какомъ разстояніи отъ городовъ Для удовлетворенія этого справедливаго любопытства, мы помѣщаемъ здѣсь доставленное намъ изъ вѣрныхъ рукъ росписаніе усадебъ съ означеніемъ разстоянія каждой отъ ближайшаго города и съ именами хозяевъ или старшихъ въ усадьбахъ. Въ Владимірской Губерніи усадьбы: 1) Липовская; старшій Григорій Полянскій; въ 5 верстахъ отъ города Вязниковъ; 2) Овсянская; старшій Никита Мошковъ, въ 20 верстахъ отъ города Вязниковъ; 3) Мякогорицкая; старшій Данило Новожиловъ, въ 25 верстахъ отъ города Вязниковъ. Въ Казанской Губерніи усадьбы: 1) Рожественская; старшій Игнатій Петровъ, въ 12 верстахъ отъ города Лаишева; 2) Чупчуринская; старшій Борисъ Матвѣевъ, въ 12 верстахъ отъ города Тетюшъ; 3) Чепчугская, старшій Иванъ Дорофеевъ, въ 35 верстахъ отъ города Казани· Въ Костромской Губерніи усадьбы: 1) Краснопольская; старшій Козьма Өедоровъ, въ 4 верстахъ отъ города Юрьевца; 2) Немденская; старшій Никифоръ Петровъ, въ 8 верстахъ отъ города Юрьевца; 3) Орѣховская, старшій Петръ Степановъ, въ 17 верстахъ отъ города Юрьевца; 4) Погарѣльская; старшій Алексѣй Екимовъ, въ 40 верстахъ отъ города Юрьевца; 5) Заливная; старшій Епифанъ Мартыновъ, въ 40 верстахъ отъ города Варнавина. Въ Московской Губерніи усадьбы: 1) Тайнинская; старшій Григорій Тимоөеевъ, въ 12 верстахъ отъ города Москвы; 2) Коломенская; старшій Алексѣй Соколовъ, въ 15 верстахъ отъ Москвы; 3) Мячковская; старшій Григорій Романовъ, въ 24 верстахъ отъ города Бронницъ и въ 28 отъ Москвы. Въ Нижегородской Губерніи усадьбы: 1) Чугунская; старшій Матвѣй Боровкинъ, въ 5 верстахъ отъ города Василь-Сурскаго; 2) Каменская; старшій Галлактіонъ Овчинниковъ, въ 10 верстахъ отъ города Макарьева; 3) Юматовская; старшій Иванъ Малышевъ, въ 2½ верстахъ отъ города Кня-

Ягинина. Въ Симбирской Губерніи усадьбы: 1) Ключищенская; старшій Романъ Стишкинъ, въ 24 верстахъ отъ города Симбирска; 2) Сельдинская; старшій Егоръ Панкратовъ, въ 25 верстахъ отъ города Симбирска; 3) Миренская; старшій Николай Яковлевъ, въ 15 верстахъ отъ города Ардатова; 4) Шугуровская; старшій Семенъ Петровъ, въ 38 верстахъ отъ города Алатыря; 5) Красноярская; старшій Михайло Филипповъ, въ 40 верстахъ отъ города Самары; 6) Смышляевская; старшій Филимонъ Ляпустинъ, въ 10 верстахъ отъ города Самары; 7) Оползняковская; старшій Василій Нечесинъ, въ 10 верстахъ отъ города Сызрани. Въ Саратовской Губерніи усадьбы: 1) Золотовская; старшій Дмитрій Колесниковъ, въ 90 верстахъ отъ города Саратова; 2) Балаковская; старшій Ѳедосѣй Козьминъ, въ 20 верстахъ отъ города Волска; 3) Перекопная; старшій Козьма Севастьяновъ, въ 29 верстахъ отъ города Волска. Въ Вятской Губерніи усадьбы: 1) Ишлыковская; старшій Илья Медвѣдевъ, въ 70 верстахъ отъ города Яранска; 2) Авдѣевская, старшій Михайло Лузинъ, въ 12 верстахъ отъ города Яранска; 3) Осиновская; старшій Михайло Сурковъ, въ 6 верстахъ города отъ Яранска.

Плата за обученіе зависитъ совершенно отъ взаимнаго соглашенія отдавателей и принимателей; удѣльное вѣдомство въ это вовсе не вмѣшивается, предоставляя это дѣло на произволъ самихъ хозяевъ усадебъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Французскіе Альманахи. — Одинъ очень-остроумный человѣкъ недавно сказалъ, что исторія альманаховъ, начиная со времени изобрѣтенія книгопечатанія, была бы лучшимъ введеніемъ въ исторію образованія, распространеннаго посредствомъ книгъ въ различныхъ классахъ французскаго народа.

Альманахи всегда шли объ-руку съ своимъ вѣкомъ: на нихъ отпечатлѣвались и до-сихъ-поръ отпечатлѣваются идеи и нравы современниковъ. До конца пятнадцатаго столѣтія альманахи были наполняемы самыми грубыми заблужденіями: фантазіями астрологовъ, бреднями волшебниковъ и предсказателей.

Знаменитый другъ Лютера, Мелапхтонъ, преобразовалъ около 1500 года альманахъ *Cisio-Ianus,* который до того времени въ самомъ варварскомъ видѣ бродилъ изъ школы въ школу. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ Нѣмецъ издалъ жестокую сатиру на всѣ системы гаданія и назвалъ ее «бабушкою всѣхъ альманаховъ». Франція не отставала отъ этихъ нововведеній. Издатели альманаховъ, не отказываясь вполнѣ отъ права гадать и предсказывать, начали помѣщать статьи, относящіяся до разныхъ отраслей знанія, полезныхъ для всѣхъ классовъ народа. Съ этого времени альманахи начали улучшаться годъ-отъ-года, и многіе изъ подобныхъ изданій надобно было бы, въ наше время, распускать тысячами по рукамъ народа.

Слово альманахъ происходитъ или отъ арабскихъ словъ *аль,* «превосходный», и *монахъ,* «счетъ», или отъ греческаго *монахосъ,* «мѣсяцъ», или отъ нѣмецкаго, *all'monat,* «каждый мѣсяцъ», или, если угодно, отъ англо-саксонскаго *all'monaugt,* «теченіе луны», и еще *almanha,* что̀ во многихъ восточныхъ языкахъ означаетъ подарокъ на новый годъ, обновку.

Календари, которые также не что иное, какъ альманахи, могутъ похвалиться древностію своего происхожденія: нѣкоторые египетскіе памятники исписаны календарными замѣчаніями съ-верха до низа; это встрѣчается также на портикахъ самыхъ древнихъ готическихъ соборовъ Франціи. Собственно же альманахъ, съ предсказаніями о дурной и хорошей погодѣ, объ урожаѣ и т. п., обязанъ своимъ происхожденіемъ одному британскому монаху *Guinklan,* жившему въ третьемъ столѣтіи. Онъ ежегодно выдавалъ маленькую, писанную по-кельтски, книжку подъ названіемъ: *Diagon almanah Guinklan* (Предсказанія монаха Гвинклана). Въ-послѣдствіи стали просто называть эту книжечку *al-manah.* Можетъ-быть, это есть настоящій корень слова «альманахъ».

Итакъ, *Guinklan* былъ родоначальникомъ всѣхъ издателей альманаховъ. Въ средніе вѣка они умножились до-того, что не было ни одного астролога, ни одного гадателя, ни одного мечтателя, который бы не выдавалъ своего альманаха, наполненнаго предсказаніями самыми невѣжественными и грубыми.

Между издателями предсказательныхъ альманаховъ пріобрѣтшими извѣстность, первое мѣсто занимаютъ *Matieu Laensberg*, *Michel Nostradamus* и *Pietre Larrivey*, провансальскій уроженецъ. Благодаря издателямъ французскихъ альманаховъ, эти имена каждый годъ возрождаются на оберткахъ ихъ *новыхъ* альманаховъ.

Есть прекрасная, литографированная г. Лемю, картинка, представляющая Матье Ленсберга въ его обсерваторіи. На дворѣ полночь: небосклонъ усѣянъ звѣздами; трепетные, серебристые лучи мѣсяца освѣщаютъ астролога и преломляются объ узорчатую спинку его креселъ. Старикъ сидитъ передъ открытымъ окномъ и смотритъ въ телескопъ. Небесныя свѣтила, катясь по безпредѣльному пространству, мимоходомъ сообщаютъ ему свои тайны; вѣтеръ, дождь и громъ отдаютъ ему свой маршрутъ; времена года говорятъ о своемъ срочномъ отпускѣ; однимъ словомъ, завѣса будущности поднимается передъ его взоромъ.

На столѣ передъ Ленсбергомъ лежитъ нѣсколько листковъ бумаги, еще бѣлыхъ, чистенькихъ; они скоро испишутся предсказаніями и гаданіями ; проходитъ время—и вотъ, можетъ-быть, какой-нибудъ потомокъ Леонарда Стеля печатаетъ ихъ, покрываетъ оберткою, и подъ названіемъ «альманаха» пускаетъ по рукамъ Французовъ, которые нѣжатъ и ласкаютъ давноожиданнаго гостя. При его появленіи семейства собираются къ пылающему очагу, дѣти хлопаютъ въ ладоши, дѣвушки улыбаются, между-тѣмъ, какъ старикъ-отецъ осторожно отгибаетъ синеватую обертку; всѣ бросаются къ нему и съ удовольствіемъ смотрятъ на непонятную для нихъ заглавную картинку; потомъ читаютъ новый альманахъ отъ доски въ доску, еще разъ пересматриваютъ его снутри и снаружи и съ бережностію кладутъ его на хорошее, видное мѣсто: это другъ, котораго хотятъ продержать у себя цѣлый годъ, это гость, который, своимъ живымъ разговоромъ, своими остротами, своими веселыми исторійками, будетъ сокращать длинные зимніе вечера и заставлять хозяина забывать, что на дворѣ снѣгъ и вьюга.

Очень-трудно отыскать исторію происхожденія и жизни Матьё Ленсберга. Многіе писатели, какъ-то аббатъ Феллеръ, Лаландъ и другіе утверждаютъ даже, что его совсѣмъ никогда не

было на свѣтѣ. Наслѣдники перваго издателя альманаха его, гг. Бургиньйонъ, сохранили въ семействѣ своемъ рукопись, въ которой говорится, что Матьё Ленсбергъ былъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка каноникомъ въ Льежѣ, при церкви св. Варѳоломея. Но имя его не находится въ спискахъ этого монастыря, и преданіе уничтожается само собою.

Одинъ богатый любитель старины, баронъ Клеръ, имѣетъ въ своемъ кабинетѣ портретъ, который, по словамъ барона, снятъ съ сочинителя льежскаго альманаха. Представьте себѣ маленькаго человѣка, стараго, сѣдаго, который сидитъ на огромномъ, рѣзномъ стулѣ, покрытомъ кожею; лѣвою рукою опирается онъ на сферу, въ правой держитъ зрительную трубу. На полу, у ногъ его, лежитъ нѣсколько математическихъ инструментовъ, два или три огромные фоліанта и нѣсколько листовъ бумаги, исписанныхъ кабалистическими знаками. У Матьё Ленсберга—если это онъ—большіе глаза на выкатѣ, взглядъ оцѣпенѣлый, носъ въ видѣ раковины и большія уши; на головѣ довольно засаленный берéтъ. Полуоткрытый большой ротъ, морщины, которыя самымъ-непріятнымъ-образомъ бороздятъ лицо его,—все выражаетъ спѣсь и педантство. Длинная, окладистая борода закрываетъ воротничекъ; прибавьте ко всему этому истасканное, въ разныхъ мѣстахъ чиненное, болѣе сѣрое, нежели черное полукафтанье, подпишите внизу *D. T. V. Bartholomaei canonicus, philosophiae professor,* и вы будете имѣть полное понятіе объ этой картинѣ.

Еслибы можно было прочесть и истолковать литеры *D. T. V.*, то мы узнали бы основателя льежскаго альманаха. Но чтобы согласить оба противоположныя мнѣнія, о которыхъ говорено выше, намъ кажется, что профессоръ и каноникъ *D. T. V.* издалъ свои собственные астрологическіе выводы подъ вымышленнымъ именемъ Матьё Ленсберга, и что, послѣ смерти его, какой-нибудь книгопродавецъ продолжалъ издавать альманахъ съ тѣмъ же именемъ.—Но оставимъ на время исторію.

Дѣйствительно ли жилъ когда-нибудь Матьё Ленсбергъ, или онъ существовалъ только въ фантазіи какого-нибудь мечтателя:—какъ бы то ни было, только имя его возбудило энтузіазмъ въ одномъ великомъ поэтѣ того времени, монахѣ

іезуитскаго ордена. Въ 1772 году почтенный іезуитъ издалъ брошюрку, написанную стихами, подъ названіемъ: *Льежскій Альманахъ, или предсказанія М. Ленсберга.* Мы сдѣлаемъ изъ ней нѣсколько выписокъ.

Сочинитель откровенно признается, что не знаетъ ни времени, ни мѣста рожденія знаменитаго астролога; но, не затрудняясь симъ, онъ говоритъ:

«Отечество многихъ великихъ геніевъ было неизвѣстно; мы не знаемъ, гдѣ родился Гомеръ, не знаемъ также, гдѣ родился и знаменитый Матьё.

«Знаменитый Матьё съ самаго дѣтства любилъ смотрѣть на *лазурный сводъ неба.* Онъ презиралъ все земное: душа его была здѣсь странницей. Слѣдуя своимъ склонностямъ, Ленсбергъ выстроилъ башню, которая возвышалась надъ цѣлымъ городомъ Льежъ, поселился въ ней и назвалъ ее обсерваторіею. Здѣсь-то днемъ онъ дѣлалъ вычисленія, а ночью предавался умствованіямъ и узнавалъ наши будущія радости и печали. Фебъ, замѣтивъ необыкновенную дѣятельность Ленсберга, въ награду за труды, прислалъ ему дипломъ астролога за собственноручною подписью и съ приложеніемъ кошелька, набитаго золотомъ. Спустя нѣсколько времени, Аполлонъ предложилъ Ленсбергу жилище во дворцѣ, въ которомъ находились двѣнадцать зодіаковъ и обитали богини временъ года. Богини очень ласково приняли нашего астролога и проговорились однажды, что имъ отдана на сохраненіе книга, писанная самимъ Аполлономъ, содержащая въ себѣ всю будущность людей, и что онѣ запрятали ее въ комнату, отъ которой ключь всегда носятъ при себѣ. Ленсбергъ употребилъ ласку и хитрость, чтобы узнать, гдѣ находится та комната; наконецъ ему удалось, но тутъ встрѣчаетъ онъ опять новое затрудненіе: откуда взять ключь? какимъ-образомъ отперетъ завѣтный шкапъ? Эти мысли вертятся долго въ головѣ его; но, вспомнивъ, что утро вечера мудренѣе, онъ ложится спать. И въ-самомъ-дѣлѣ, на слѣдующее утро просыпается онъ весело и въ упоеніи восклицаетъ: «Я буду счастливъ! я буду великій поэтъ!»

«Онъ наскоро одѣвается, бѣжитъ къ слесарю и покупаетъ ключи разнаго формата, прячетъ ихъ подъ свою эпанчу и возвращается домой. Цѣлый день онъ отъ нетерпѣнія самъ

не свой. Лишь только наступила ночь, онъ отправляется къ таинственной двери и начинаетъ прибирать ключь: тотъ малъ, тотъ великъ; наконецъ беретъ онъ двадцать-пятый и, о счастье! дверь отпирается. Ленсбергъ беретъ осторожно книгу и списываетъ ее слово-въ-слово; черезъ мѣсяцъ онъ кладетъ ее опять на прежнее мѣсто, прощается съ добрыми богинями на два года и отправляется на землю.

«Матьё, прибывъ въ Льежъ, тотчасъ напечаталъ въ «Les petites-affiches, что «прорицатель Ленсбергъ можетъ угадывать все будущее и обнародуетъ до мельчайшей подробности всѣ происшествія слѣдующаго года; что альманахъ его будетъ продаваться у Бургиньйона, которому онъ уступилъ всѣ свои привиллегіи, данныя ему льежскимъ принцемъ.» Жители Льежа бросились, какъ угорѣлые, къ книгопродавцу и въ шесть часовъ раскупили изданіе въ сто тысячь экземпляровъ.»

Возвращаемся къ исторіи льежскаго альманаха, извѣстнаго во Франціи подъ именемъ *Настоящаго Льежскаго Альманаха*. Съ самаго своего основанія, онъ имѣлъ блистательный успѣхъ; даже въ нынѣшнія времена нѣтъ ни одной книги въ цѣлой Франціи, которая проникла бы такъ, какъ эта, во всѣ классы народа. Жители деревень ни за что не покупаютъ другой: дитя учится по альманаху читать имя своей матери; хлѣбопашецъ каждый день справляется въ немъ, какъ въ оракулѣ; пастухъ, вставъ, читаетъ на-скоро молитву и берется за альманахъ; молодая дѣвушка отгадываетъ по немъ, любитъ ли ее такой-то, или нѣтъ. Въ каждой хижинѣ вы непремѣнно найдете библію, грубо иллюминованную картинку, которая изображаетъ Наполеона на лошади, и «Льежскій Альманахъ».

Перебирая «Льежскій Альманахъ на 1830 годъ», мы печаянно наткнулись на одно предсказаніе, которое случайно оправдалось. Въ XVI вѣкѣ авторъ пріобрѣлъ бы большую славу, а можетъ-быть попалъ бы и на костеръ, что́ для него было бы еще славнѣе.

— Михаилъ Нострадамусъ родился около 1530 года, въ Сен-Реми, маленькомъ провансальскомъ городкѣ. Въ Монпелье учился онъ медицинѣ и сдѣлался хорошимъ лекаремъ. Но славою своею обязанъ онъ изданію *Центурій*. Генрихъ

III призвалъ его ко двору своему, куда, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, стекались иностранцы для-того, чтобы узнавать свою будущность отъ знаменитаго астролога. Предсказанія Нострадамуса сбывались иногда: между прочимъ, говорятъ, оправдалось его предсказаніе объ участи Сен-Марса и Де-Ту.— Альманахъ Нострадамуса еще и теперь охотно читаютъ въ южныхъ провинціяхъ Франціи.

— Петръ Ларивей не такъ извѣстенъ, какъ два предъидущіе астролога; онъ жилъ въ Провансѣ, и до-сихъ-поръ имя его не проникло за предѣлы его родины. *Новый Альманахъ Петра Ларивея* ежегодно издается въ Марсели, Э и Авиньйонѣ; нельзя съ точностію опредѣлить число экземпляровъ, расходящихся ежегодно. Говорятъ, оно простирается до трехъ мильйоновъ. Онъ печатается дурнымъ шрифтомъ, на сѣрой бумагѣ, и наполненъ пошлыми анекдотами; кромѣ ихъ вы найдете еще въ этой книженкѣ, стоящей два льярда, означеніе дней провансальскихъ и лангедочскихъ ярманокъ, нѣсколько истертыхъ остротъ и шарадъ, которыя никто не торопится отгадать, потому-что значеніе ихъ объявляютъ не прежде, какъ 1 января слѣдующаго года.

Но вотъ еще крошечная книжечка, еще библіографическая достопримѣчательность,—альманахъ характерическій, носящій на себѣ всѣ признаки французскаго легкомыслія, непостоянства, и представляющій собою цѣлую семидесятилѣтнюю исторію Франціи. Въ физіономіи ею отпечатлѣлись нравственныя черты той эпохи, къ которой онъ самъ нѣкогда принадлежалъ. Онъ или хохочетъ во все горло, или плачетъ горькими слезами, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ, и приноситъ ли онъ горе или радость. Его зовутъ Тирсисомъ: онъ поетъ эклоги, когда пастухи регентства пасутъ овецъ своихъ въ версальскомъ паркѣ. Онъ выплясываетъ карманьйолу подъ революціонныя пѣсни, въ то время, когда на площади Лудовика XV одна голова за другою скатывается съ помостовъ гильйотины. Онъ заряжаетъ мускетонъ свой и бѣжитъ куда попало, когда кричитъ Наполеонъ «ребята, впередъ!» Однимъ-словомъ онъ, въ - продолженіи 70 лѣтъ, выливается по формѣ характера и прывычекъ своихъ современниковъ, не утрачивая ни одной линіи, ни одной выпуклости.

Этотъ Талейранъ въ нагольномъ тулупѣ, уклончивый рабъ

всѣхъ и каждаго, родился около 1764 года; воспреемникъ его, Дора, вдохнувъ въ него свою душу, пустилъ его по бѣлому свѣту.

Славное время для Франціи 1764 годъ! Тутъ было полное разгулье безнравственности: веселые ужины въ домикѣ Предмѣстія Св. Антонія, букеты цвѣтовъ à Chloris, стихи, писанные на разныхъ вѣерахъ изъ перламутра,—все это вещи обыкновенныя.

Французское общество,—по-крайней-мѣрѣ то, которое въ золоченой передней короля повертывалось на своихъ красныхъ каблукахъ и гордо выступало въ своихъ жесткихъ робронахъ, —изгнало все, что могло хоть сколько-нибудь стѣснять буйныя удовольствія. Оно съ бѣшенствомъ предавалось наслажденію, не заботясь о томъ, что было вчера и что будетъ завтра; не имѣя *ничего* святаго, оно сыпало на пути своемъ благоухающіе цвѣты, заботясь только о томъ, чтобъ какъ-можно-скорѣе и лучше убить свою юность и промотать свое золото. Оно создало себѣ *свои* нравственныя правила для всегдашняго обихода; привлекло въ свои палаты цѣлыя полчища надушенныхъ, льстивыхъ, всегда улыбающихся аббатовъ, оно имѣло церкви, служившія мѣстомъ свиданія мужей, которые забывали жену въ бесѣдѣ съ какой-нибудь субреткою, той самой Розиною, которая вводила любовника потаенною дверью въ комнату госпожи, между-тѣмъ, какъ мужъ ея спалъ въ парламентѣ или проливалъ кровавый потъ, играя въ мячь на Дофиновой-Улицѣ.

Развратъ торжествовалъ. Оргія, накинувъ на плеча свои пурпуровый плащь, опьянѣлымъ голосомъ распѣвала по ночамъ позорныя пѣсни передъ народомъ, а народъ между тѣмъ умиралъ съ голода, и дочери беззащитныхъ гражданъ, посрамленныя злодѣями, въ отчаяніи взывали о мщеніи.

Въ литературѣ то же безстыдство. Священный храмъ искусства превратился въ позорище пріятнаго бездѣлья и шутовства. Акростихи, шарады и эпиграммы сыпались во множествѣ со всѣхъ сторонъ. Въ Парижѣ и внѣ его писалъ стихи каждый, кто могъ связать двѣ мысли и подобрать десятокъ риѳмъ: это было любимымъ занятіемъ праздной молодежи и модой тогдашняго времени. Въ такое время появился *Альманахъ Музъ*. Герцогини, маркизы, баронессы и вообще всѣ дамы высшаго общества съ жадностію кинулись на

эту новинку и забыли даже, на нѣсколько времени, своихъ болонокъ. Альманахъ всегда имѣлъ свободный доступъ къ вельможамъ: никогда служанка Мартонъ не говорила ему «дома нѣтъ»; никогда Пьерръ, главный лакей, не посматривалъ на него косо: ему однажды на всегда сказали: «принимать, онъ другъ нашего дома».—Но за то, какой онъ былъ миленькій! Какъ онъ говорилъ! Напримѣръ: «Любовь, настрой мою лиру! Граціи одушевите мои струны! Я хочу пѣть божество, которое изъ очей Темиры стрѣлою произило мнѣ сердце и безпрерывно произаетъ его. Любовь, настрой мою лиру! Граціи, одушевите мои струны!» Если онъ подноситъ букетъ цвѣтовъ, то въ чашечкѣ одного изъ нихъ непремѣнно лежалъ листокъ бумажки съ риѳмами слѣдующаго содержанія: «Ландышъ и скромная фіялка составляютъ этотъ букетъ; любовь его связала, любовь его повергаетъ къ ногамъ вашимъ; любовь ли его приметъ?»... Можно ли быть вѣжливѣе?

Изъ гостинныхъ «Альманахъ Музъ» перешелъ въ комнаты дамъ средняго состоянія. Мѣщанки всегда любили подражать знатнымъ дамамъ: онѣ стали въ свою очередь любить страстно раздушенный альманахъ. Вольтеръ, Шанфоръ, Грессе и всѣ современныя знаменитости приняли его подъ свое покровительство. Подлѣ этихъ именъ стояли нерѣдко *знаменитыя* имена: Латреньянъ, Ле-Прієръ, Ла-Кутьеръ, Манжено, Бордъ, Бре, Димери, Франсуа, Гиберъ, Гильёме, Томассенъ, Монтуви, Масси, Трико Де-Розоль и многія другія, которыхъ вы не знаете. Самъ Лудовикъ XVIII, будучи графомъ провансальскимъ, написалъ нѣсколько очень-остроумныхъ стиховъ и помѣстилъ ихъ въ «Альманахѣ Музъ».

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, альманахъ годъ-отъ-года пріобрѣталъ большую извѣстность. Читатели и сотрудники стекались къ нему со всѣхъ сторонъ.

Въ 1789 году застала его революція въ то время, когда онъ самымъ нѣжнымъ образомъ декламировалъ стихи изнѣженнымъ аристократкамъ; альманахъ испугался, сбросилъ съ себя шитый золотомъ кафтанъ, отрекся отъ своихъ друзей-аристократовъ и первый пустилъ въ нихъ слѣдующую эпиграмму:

«Онъ вѣчный должникъ купца, котораго обкрадываетъ; онъ живетъ въ богатствѣ, взятомъ на-прокатъ; честь у него—толь-

ко на языкѣ. Онъ подавляетъ васъ своею важностію. Онъ все знаетъ, всему даетъ приговоръ; онъ законодатель вкуса... Кто жъ онъ? Дворянинъ.»

Послѣ этой эпиграммы, альманахъ пропѣлъ элегію на могилѣ Мирабо и принялся опять за свои мирныя занятія—идилліи и пѣсни. Запахъ пороха заставилъ бы его упасть въ обморокъ; пренія въ палатахъ ему также не нравились; еслибъ ему пришлось видѣть шумную жизнь лагеря, приступъ пѣхоты, мчащуюся кавалерію, а пуще всего слышать грохотъ канонады, то онъ непремѣнно сошелъ бы съ ума. Въ то время, когда Французы осыпали другъ друга картечью, нашъ раздушенный республиканецъ плелъ вѣнки, сидя подъ тѣнью дерева, прислушивался къ журчанью ручейка, къ воркованью горлицы; смотрѣлъ на пастушку Амариллу, которая пасла овецъ своихъ; на козъ, которыя щипали траву, карабкаясь по утесамъ скалъ. Но въ 1794 году насталъ и для него черный день. На него стали смотрѣть, какъ на подозрительнаго человѣка за его аристократическую прическу à l'oiseau royal, и хотѣли было повѣсить его на фонарномъ столбѣ. Чтобы освободиться отъ рукъ убійцъ, онъ въ-полголоса запѣлъ «Марсельскую», поморщиваясь изъ-подтишка; но съ этого дня сдѣлался отчаяннымъ республиканцемъ, даже атеистомъ; онъ печаталъ стишки противъ папы и распѣвалъ на всѣ лады: «Свобода, братство, равенство или смерть». Онъ оставилъ Филлиду, Аминта, Акаста, всѣхъ пастушковъ и пастушекъ, бросилъ боговъ Олимпа и захотѣлъ сдѣлаться Тиртіемъ революціонныхъ войнъ.

Настало время имперіи: «Альманахъ Музъ» захлопалъ въ ладоши и съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ Наполеона, восклицая, что онъ первый въ душѣ своей (какъ-будто у «Альманаха Музъ» могла быть душа), призналъ Бонапарте императоромъ. Съ-сей-поры этотъ литературный хамелеонъ снова обратился къ старинѣ: началъ по-прежнему пѣть и шептать про любовь, хвалить дамъ, ласкаться къ нимъ и расточать имъ нѣжности такъ же, какъ было это во время революціи и около 1764 года. Говорятъ, что однажды, подгулявъ довольно порядочно вмѣстѣ съ Этьеномъ и Жуи, «Альманахъ Музъ» вздумалъ-было насильно ворваться въ Тюльери, поцаловать руку Фанни, пропѣть ей куплетецъ, исполненный самой глубокой

чувствительности. Покушеніе удалось ему, по-крайней-мѣрѣ въ половину. Но лишь только трепещущимъ отъ страсти голосомъ произнесъ онъ два первые стиха, вдругъ въ комнату, чрезъ потайную дверь, вошелъ пажъ, позвалъ двухъ сапёровъ императорской гвардіи, велѣлъ имъ схватить его и выбросить въ окно. Парикъ его остался въ рукахъ сихъ варваровъ. Они принесли его на гауптвахту и повѣсили, какъ трофей. Не смотря однакожь на эту непріятность, «Альманахъ Музъ» не возставалъ противъ имперіи: напротивъ, онъ прикинулся ревностнымъ ея поборникомъ. Gloire—Victoire, Guerriers—Lauriers—эти рифмы чаще всего встрѣчались въ стихахъ его. Онъ долгое время своими пѣснопѣніями прославлялъ побѣды французскаго оружія и героямъ раздавалъ вѣнки безсмертія.

Но когда гулъ ватерлооской битвы возвѣстилъ паденіе колосса, «Альманахъ Музъ» первый выбѣжалъ на встрѣчу Бурбонамъ, возвращавшимся во Францію, и съ *энтузіазмомъ*, съ воплями *непритворной* радости привѣтствовалъ ихъ.

Сто дней показались ему цѣлымъ столѣтіемъ. Въ это время онъ долженъ былъ скрываться отъ Наполеона, котораго величалъ *тираномъ* и дикимъ звѣремъ.

При Лудовикѣ XVIII онъ принялся опять за свои мирныя занятія; изъ Гента возвратились многочисленные друзья его, и каждый изъ нихъ привезъ ему пукъ мелкихъ стиховъ. «Альманахъ Музъ» ожилъ по прежнему, надѣлъ шитый кафтанъ, причесался, напудрился и пустился рыскать съ визитами. Его вездѣ принимали, вездѣ показывали къ нему особенную благосклонность, наконецъ посадили его въ кресла Французской Академіи. Число сотрудниковъ въ «Альманахѣ Музъ», возрастало со дня на день, и г. Вьенѐ помѣстилъ въ немъ нѣсколько строфъ. Другой поэтъ, г. Корменэ, также приготовлялъ для него разныя снадобья, которыя всѣ приходились читателямъ по вкусу.

Послѣ смерти Лудовика XVIII «Альманахъ Музъ» плакалъ много и горько; онъ съ уныніемъ провожалъ королевскій гробъ подъ сѣнь сен-денизскихъ деревъ, рыдалъ, терзался, рвалъ на себѣ волосы и восклицалъ: «Для меня нѣтъ болѣе отрады и утѣшенія!» Однакожь онъ утѣшился, отеръ слезы свои и съ улыбкою встрѣтилъ восходящее свѣтило. Карлъ X оказывалъ ему такую же милость. Съ-

этихъ-поръ альманахъ вздумалъ играть роль вельможи: онъ оставилъ свои розовенькіе, опрысканные духами стишки, онъ грозно возсталъ на романтиковъ, которые тогда начали появляться на литературномъ полѣ и жестоко ратовалъ противъ нихъ. Впрочемъ, спустя годъ, онъ сдѣлался нѣсколько уступчивѣе, нѣсколько примирился съ романтиками, далъ имъ у себя просторный пріютъ и, повидимому, хотѣлъ жить съ ними въ дружескомъ согласіи. Это было въ концѣ 1829 года. Въ іюлѣ 1830 года онъ смѣшался съ толпою, и, если вѣрить его честному слову, сбилъ не одну баррикаду и предводительствовалъ народомъ, который атаковалъ Лувръ. Мѣсто Карла X заступилъ Лудовикъ-Филиппъ, и «Альманахъ Музъ» явился передъ нимъ, весь покрытый пылью, изъявлялъ ему свою сердечную привязанность, предлагалъ свои услуги и просилъ его милости. Но нашъ альманахъ ужъ устарѣлъ: онъ доживалъ уже седьмой десятокъ; распутство истощило жизненныя силы его; голосъ его дрожалъ и ноги подгибались; въ такомъ болѣзненномъ состояніи онъ дожилъ до 1834 года. Настало 1 января; надобно дѣлать визиты; старикъ поплелся въ-слѣдъ за другими; его принимали, но уже не такъ ласково, какъ прежде, и часто бѣдняку доставалось простоять, около четверти часа, въ передней. Время его могущества уже миновалось. «Альманахъ Музъ» еще не хотѣлъ этому вѣрить; но однажды какъ-то случилось ему быть на Площади Биржи; вдругъ его окружила толпа молодыхъ *денди, фешенёблей,* ловкихъ и красивыхъ волокитъ, только-что пріѣхавшихъ изъ Лондона, разодѣтыхъ въ пухъ, въ шелку, въ бархатѣ, въ бляхахъ. Они окружили его, начали его толкать, начали осыпать его насмѣшками съ ногъ до головы, порицая въ немъ все отъ подвязокъ à la duchesse, до шляпы à la française. «Парикъ, вранье, академикъ!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. «Альманахъ Музъ» побагровѣлъ отъ досады и задыхающимся голосомъ началъ вопіять противъ неблагодарности нынѣшняго вѣка; но его оставили одного. Нѣкоторые изъ прежнихъ друзей сжалились надъ нимъ, полуживаго перенесли его въ Constitutionel. Этьенъ далъ ему понюхать спирта и привелъ его въ чувство. Очнувшись, «Альманахъ Музъ» рыдалъ отъ негодованія и съ безотрадною тоскою вспоминалъ тѣ счастливые дни своей жизни, когда онъ

былъ еще молодъ, когда весь Парижъ его боготворилъ, когда всѣ ему низко кланялись, всѣ отворяли предъ нимъ свои двери. Горесть убила его; онъ не перенесъ своего посрамленія. Миръ его праху!

—За симъ можно бъ было упомянуть о *Хромомъ Гонцѣ*, жалкомъ и больномъ, о туманномъ *Дамскомъ Альманахѣ*, уже нѣсколько лѣтъ страдающемъ чахоткою, *Готскомъ Альманахѣ* (Almanach de Gotha) ежегодно вносящемъ въ листки свои имена и титла всѣхъ современныхъ государей и только; объ *Альманахѣ* 25,000 *Адресовъ*, въ которомъ никогда не найдете того адреса, который вамъ нуженъ; о *Коммерческомъ Альманахѣ*—этомъ разрядномъ спискѣ купцовъ, фабрикантовъ, торговцевъ и ремесленниковъ всякаго рода; объ *Альманахѣ Матросскомъ*, показывающемъ время прилива и отлива, начало и окончаніе навигаціи, способъ ловить китовъ и морскихъ пауковъ; и наконецъ объ *Альманахѣ Гастрономовъ*, свѣжемъ, краснощекомъ молодцѣ, очень-услужливомъ, хотя и несовсѣмъ-проворномъ; —но эти альманахи, составляющіе все, что подъ симъ именемъ издается нынѣ во Франціи, не принадлежатъ къ библіографическимъ достопримѣчательностямъ, которымъ мы посвящаемъ этотъ отдѣлъ нашей «Смѣси».

Законы движенія волнъ. — Въ весьма-любопытной запискѣ, г. Мальпейръ-старшій представилъ Парижской Академіи Промышлености результатъ многочисленныхъ опытовъ одного англійскаго общества, производившаго ихъ уже нѣсколько лѣтъ, для опредѣленія закона движенія волнъ въ жидкостяхъ: предметъ, составляющій одну изъ труднѣйшихъ задачъ физической механики. Наряженная обществомъ коммиссія, подъ пресѣдательствомъ Джона Скотта-Русселя и Джона Робинсона, уже успѣла опредѣлить всѣ явленія, представляемыя волнами, относительно ихъ движенія посреди открытаго моря, въ заливахъ и каналахъ, принимая въ соображеніе различную глубину, ширину и изгибы послѣднихъ.

Воспользовавшись всѣмъ тѣмъ, что Веберъ писалъ въ Германіи касательно явленій, представляемыхъ качательною волною и волною океана, коммисія открыла существованіе большой отдѣльной волны, которую назвала *первичною волною*, или большою, отдѣльною, переливною волною, и которую

должно отличать отъ качательныхъ волнъ, образующихся въ каждое мгновеніе въ большомъ количествѣ и безъ всякаго порядка, въ колеблющейся жидкости. Коммиссія равнымъ-образомъ подтвердила горизонтальное движеніе первичной волны, и законъ, которому оно слѣдуетъ: волнующіяся частицы сближаются съ возрастающею скоростію, которой предѣлъ бываетъ тамъ, гдѣ вершина или наиболѣе-возвышенная точка волны проходитъ надъ частицами; когда же волна сбываетъ, тогда частицы сбираются съ уменьшающеюся скоростію. Вертикальное воздыманіе этихъ частицъ происходитъ также сначала съ возрастающею скоростію, а потомъ съ уменшающеюся. Видъ волны, т. е. дуга, ею описываемая, составляетъ фактъ, стоящій того, чтобъ показать его опытами. Коммиссія изъ многочисленныхъ опытовъ открыла, что ординаты въ дугѣ, описываемой волною, суть ординаты синусовъ, приложенныя къ ординатамъ полукруга, коихъ діаметръ вдвое болѣе предъидущаго, и какъ эта дуга имѣетъ, вмѣсто трехъ, шесть діаметровъ производящаго круга, то коммиссія и дала ей названіе «полукруговой циклоиды».

Сверхъ сего коммиссія изъ множества опытовъ открыла слѣдующіе факты. Скорость большой первичной волны зависитъ единственно отъ глубины жидкости. Фигура, какую должно давать судну, зависитъ сколько отъ предполагаемой скорости хода, столько и отъ скорости волны. Вытѣсненіе жидкости плавающимъ судномъ происходитъ только чрезъ образованіе волнъ. Сопротивленіе жидкости ограничивается сопротивленіемъ движенію волнъ. Чтобъ удостовѣриться на дѣлѣ въ справедливости этой теоріи, коммиссія построила нѣсколько судовъ, слѣдуя закону движенія и формы волны. Опытъ показалъ, что судно, такимъ-образомъ построенное, плыветъ 15 миль въ часъ, не производя волнъ.

Вмѣстѣ съ г. Мальпейромъ, замѣтимъ и мы, что еще д'Аламберъ доказалъ математически: если плывущее тѣло имѣетъ надлежащую фигуру, то сопротивленіе, противопоставляемое ему волнами, равно нулю. Приведенные результаты только-что стали извѣстны въ Англіи, какъ уже тамъ перемѣнили фигуру кораблей сообразно изслѣдованіямъ простыхъ членовъ общества, пожертвовавшихъ своими трудами общей пользѣ.

Новѣйшія наблюденія надъ картофелемъ. — Сообщаемъ нашимъ читателямъ весьма-полезные для помѣщиковъ результаты многочисленныхъ опытовъ надъ картофелемъ г. Керта, профессора въ знаменитой земледѣльческой школѣ, основанной Тьэромъ въ Мёглинѣ.

Цѣнность земли, приставшей къ шишкамъ картофеля, послѣ его сбора, среднимъ числомъ равняется 9,3% цѣнности самого картофеля. Пролежавшій цѣлую зиму картофель теряетъ 1, 68% вѣса, какой онъ имѣлъ осенью. Одинъ гектолитръ, содержащій въ себѣ отъ 611 до 1,005 большихъ картофеленъ, вѣситъ отъ 93 до 92 килограммовъ, или 3 килог. 970 грам. болѣе, нежели гектолитръ маленькихъ картофеленъ, содержащій въ себѣ отъ 4,625 до 9,068 штукъ. Высушенная кожица, снятая съ одного гектолитра мелкаго картофеля, вѣситъ 1,105 грам.—366 грам. болѣе, нежели снятая съ крупнаго картофеля.—По мѣрѣ приближенія картофеля къ совершенной зрѣлости, сравнительный вѣсъ его становится менѣе. Самыхъ зрѣлыхъ сравнительный вѣсъ=1, 092 до 1,093, а прочихъ=1,166 до 1,106. Слѣдовательно, если кормить скотъ картофелемъ въ-продолженіе его роста, то очевидно, при неизмѣняемости мѣры, количество пищи, даваемой скоту, увеличивается.

Это наблюденіе поясняетъ также, почему броженіе зрѣлыхъ картофеленъ происходитъ удобнѣе. Частицы въ нихъ лежатъ не такъ плотно между собою, какъ въ незрѣлыхъ картофеленахъ, и потому скорѣе приходятъ въ прикосновеніе съ веществами, производящими броженіе. Отъ этого также очевидно, почему самыя зрѣлыя картофелены, будучи сварены, образуютъ студень менѣе плотный и тяжелый, нежели незрѣлыя, которыя увариваются труднѣе первыхъ, требуя поэтому бо́льшихъ издержекъ.

Чѣмъ сравнительный вѣсъ картофеля менѣе, тѣмъ онъ выгоднѣе для употребленія, и производитъ болѣе виннаго спирта.

Трата при печеньи картофеля въ печахъ или цилиндрахъ, слѣдующая: въ большихъ картофеленахъ 28,04%; среднихъ 31,48; мелкихъ 28,63.—Потеря при вареніи картофеля парами въ большихъ картофеленахъ 5,06%; среднихъ 12,66, и мелкихъ 16, 88. При вареніи картофеля въ водѣ, потеря въ большихъ картофеленахъ 15,60%, среднихъ 66, 70, мелкихъ 87, 36.

Скотъ получаетъ въ общности больше корма, когда ему дается картофель печеный, или вареный, или сырой при одинаковой мѣрѣ съ предъидущимъ. Такимъ-образомъ, если обратить на кормъ 100 килограм., то скотъ, смотря по величинѣ картофеленъ, получаетъ отъ 9 до 11% менѣе, нежели получилъ бы, еслибъ эти же самыя картофелены сварены были парами.

ПРОИЗВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ ДРАГОЦѢННЫХЪ КАМНЕЙ.—Такъ-называемые драгоцѣнные камни, на-примѣръ алмазъ, яхонтъ, отличаются особенною крѣпостію, пріятнымъ цвѣтомъ или блескомъ. Искусственныя подражанія такимъ природнымъ камнямъ не производятъ настоящаго по составу и всѣмъ свойствамъ камня, а составляютъ обыкновенно одну подѣлку изъ стекла, которая имѣетъ только цвѣтъ настоящаго камня, обманывающій имъ нашъ глазъ до нѣкоторой степени; но въ такихъ поддѣлкахъ нѣтъ ни блеска, ни крѣпости настоящаго камня. На-примѣръ, стразы никогда не имѣютъ того блеска и огня, какой намъ нравится въ брильянтѣ, которому стразы подражаютъ. Попытки производить настоящіе драгоцѣнные камни были мало удачны. Главное затрудненіе происходитъ отъ-того, что мы не успѣваемъ доводить до надлежащей кристаллизаціи вещества, составляющія тѣло драгоцѣннаго камня. На-примѣръ, алмазъ состоитъ изъ углерода; однако химики при своихъ опытахъ окристаллованнаго углерода еще не могутъ получать. Въ этомъ отношеніи любопытно открытіе англійскаго химика С. Брауна, занимавшагося углеродистыми соединеніями, и открывшаго въ нихъ замѣчательную кристаллизацію. Вотъ что пишетъ г. Браунъ къ нашему ученому академику, г. Гессу:

«Занимаясь опытами надъ углеродистыми соединеніями разныхъ металловъ, я получилъ любопытныя и вовсе неожиданныя послѣдствія.

«I. Когда сѣрносинеродистое (sulfocyanure) желѣзо, мѣдь, свинецъ, цинкъ, висмутъ, серебро, олово и марганецъ были разлагаемы жаромъ, безъ прикосновенія воздуха, тогда изъ смѣси отдѣлялись азотъ и сѣрнистый углеродъ, а металлъ соединяясь съ остальною частію углерода, оставался одно-углеродистымъ (protocarbure).

«II. Когда подвергались такому же дѣйствію синеродистыя (cyanure) соединенія тѣхъ же металловъ, тогда изъ нихъ азотъ отдѣлялся, а металлъ оставался двууглеродистымъ.

«Получаемыя углеродныя соединенія имѣли слѣдующія свойства. 1) Они казались тонкимъ порошкомъ, болѣе или менѣе темнаго цвѣта. 2) Они очень горючи и, когда сами по себѣ воспламенялись на воздухѣ, тогда принимали тотчасъ металлическій видъ; но марганецъ и желѣзо превращались въ углекислыя соли. 3) Они не плавились. 4) Не растворялись въ водѣ.— Не смотря однако на ихъ нерастворяемость и на ихъ неплавкость при той степени жара, какую я могъ произвести, мнѣ удалось окристалловать ихъ и получить осмигранные кристаллы, прозрачные поэтическими свойствами *похожіе на алмазъ*.

«Для достиженія такого успѣха надобно синеродистое или сѣрносинеродистое соединеніе (cyanure ou sulfocyanure), совершенно-высушенное, положить въ стеклянную трубку, у которой потомъ одинъ конецъ вытянуть подъ прямымъ угломъ. Эту трубку поставить въ песокъ и нагрѣвать осторожно до-тѣхъ-поръ, какъ вещество достигнетъ до степени теплоты, какая нужна къ его разложенію. Тогда, какъ скоро обнаружится разложеніе, тотчасъ уменьшить огонь, и только имѣть такой жаръ, какой нуженъ для поддержанія безвреднаго разложенія, до самаго его окончанія. Когда разложеніе окончится, тогда углеродистое соединеніе найдется не въ видѣ чернаго, тусклаго порошка, а въ блестящихъ, прозрачныхъ, безцвѣтныхъ зернахъ, восьмигранной формы, и довольно твердыхъ, такъ-что могутъ рѣзать стекло. Измѣняя образъ дѣйствія, я успѣлъ получить большіе кристаллы углеродистаго желѣза (коренной стали), которые *такъ походили на драгоцѣнные камни, что были приняты за истинные.*»

СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЯЮЩАГОСЯ ТЕПЛОРОДА. — Давно извѣстно, что химическія соединенія сопровождаются или отдѣленіемъ или поглощеніемъ свободнаго теплорода, то-есть, при химическомъ соединеніи смѣшанныя вещества или разогрѣваются, или становятся холоднѣе. На-примѣръ, если смочить водою кусокъ негашеной ѣдкой извести, то кусокъ разгорячается, и иногда такъ сильно, что можетъ своимъ жаромъ зажечь дерево; напротивъ, если смѣшать снѣгъ съ солью, то, когда они расплывутся, смѣсь дѣлается холоднѣе снѣга и соли.

взятыхъ отдѣльно другъ отъ друга. Хотя такія явленія были знакомы, однако не было извѣстно въ какомъ содержаніи, въ опредѣленномъ или неопредѣленномъ, отдѣляется въ этихъ случаяхъ теплородъ, и отдѣленіе его имѣетъ ли постоянное отношеніе къ соединяющимся тѣламъ. При химическихъ соединеніяхъ, тѣлесныя или такъ-называемыя вѣсомыя вещества соединяются между собою въ опредѣленныхъ содержаніяхъ, которыя, выражаясь цѣлыми числами, называются у химиковъ атомами; но какъ теплородъ, котораго присутствіе мы узнаемъ только по теплотѣ, по горѣнію и по расширенію тѣлъ, не причисляется единогласно къ тѣлеснымъ веществамъ, и считается въ числѣ невѣсомыхъ сущностей, то дѣйствію теплорода на тѣла не приписывалось химическаго соединенія и не было подозрѣваемо атомическаго содержанія въ его количествѣ. Вообще, теорія опредѣленнаго поглощенія и отдѣленія теплорода оставалась мало-разрѣшенною. Нынѣ, нашъ академикъ, г. Гессъ, получилъ счастливую мысль опредѣлить содержаніе отдѣляющагося теплорода, и занялся нужными для того опытами. Его изъисканія были успѣшны, и, вѣроятно, поведутъ къ важнымъ открытіямъ. Онъ помѣстилъ въ академическомъ журналѣ «Bulletin scientifique» короткое извѣстіе о первыхъ опытахъ, служившихъ основаніемъ къ его изъисканіямъ. Мы сообщаемъ здѣсь извлеченіе изъ этого извѣстія.

»Я употреблялъ (пишетъ г. Гессъ) на опытъ сѣрную кислоту различной степени водяности, именно, которая содержала въ себѣ отъ одного до шести атомовъ воды на 1 атомъ безводной сѣрной кислоты, и замѣчалъ возвышеніе температуры, какое происходило отъ смѣшенія этой кислоты съ водою. Потомъ, относя количества освободившейся теплоты къ одинаковому количеству кислоты безводной, я находилъ, что числа, выражавшія относительныя количества освободившейся теплоты, были между собою цѣльными множителями, или очень близкими къ тому.»

На-примѣръ, шестая степень сѣрной кислоты, то-есть, соединеніе одного атома безводной сѣрной кислоты съ шестью атомами воды, освободила теплоты, по термометру, 43,8 градусовъ; четвертая степень кислоты, или 1 атомъ кислоты съ 4 атомами воды, освободила теплоты 67,2 градусовъ; третья степень освободила 93,5 град.; вторая степень освободила 132,6 град.;

первая степень освободила 222,5 градусовъ. Каждое освобожденіе относится къ 1 атому безводной сѣрной кислоты. Градусы освободившейся теплоты относятся между собою почти какъ цѣлыя числа, именно:

43,8 = 2
67,2 = 3
93,5 = 4
132,6 = 6
222,5 = 10

»Легко удостовѣриться (пишетъ г. Гессъ), что эти кратные множители имѣютъ большое сходство съ кратными множителямими вѣсомыхъ веществъ. Во всякомъ случаѣ, замѣченныя количества освобождавшейся теплоты показываютъ, что находится болѣе трехъ опредѣленныхъ соединеній сѣрной кислоты съ водою. Извѣстно, что первый атомъ воды удерживается въ соединеніи сильнѣе, нежели второй, а второй сильнѣе, нежели послѣдующіе; цифры же, мною выведенныя, показываютъ, что чѣмъ образующееся соединеніе дружнѣе (intime) въ своихъ частяхъ, тѣмъ болѣе освобождается изъ него теплоты. Это замѣчаніе позволяетъ надѣяться, что опредѣленіе точной мѣры количествъ теплоты въ соединеніяхъ *доставитъ намъ относительную мѣру химическаго сродства, и доведетъ къ открытію его законовъ.*»

ПОЛЬ ДЕ КОКЪ. — Мы нѣсколько разъ имѣли случай упомянуть о Поль-де-Кокѣ, котораго у насъ такъ усердно и такъ неудачно переводятъ. Увѣряютъ, что романы его, имѣющіе достоинство *только на французскомъ* и неудобопереводимые ни на какой другой языкъ, у насъ читаются очень-охотно, не смотря ни на то искаженіе, которому подвергаютъ ихъ наши досужіе переводчики, ни на то, что эти романы годны *только для Французовъ.* Думаемъ, что этимъ охотникамъ до сочиненій Поль-де-Кока любопытно будетъ взглянуть и на самого сочинителя: и такъ, вотъ разсказъ о немъ нѣмецкаго путешественника, извлекаемой нами изъ одной нѣмецкой газеты.

Я поднялся — говоритъ путешественникъ — по лѣстницѣ дома на Бульварѣ Сен-Мартенскомъ, въ первый этажъ, гдѣ живетъ Поль-де-Кокъ. Опять женщина отпираетъ двери. —

«Молодой нѣмецкій литераторъ желаетъ говорить съ господиномъ Поль-де-Кокомъ.» Я подождалъ въ передней. Служанка воротилась и спросила, умѣетъ ли молодой Нѣмецъ изъясняться по-французски, потому что господинъ Поль-де-Кокъ не знаетъ нѣмецкаго языка. Mais parbleu oui. Ну, можно ли прійдти къ Поль-де-Коку, не умѣя говорить по-французски, скажу еще болѣе: можно ли переводить Поль-де-Кока на нѣмецкій языкъ? Отнимая у него французское, вы отнимаете у него все. Да, все! Безъ Парижа и безъ французскаго языка не существовало бы никогда Поль-де-Кока; другой талантъ и въ иномъ мѣстѣ, могъ бы развиться и при постороннихъ обстоятельствахъ, но Поль-де-Кокъ связанъ съ этими обоими элементами такъ же тѣсно, какъ цвѣтъ картофеля съ его корнями; а при всемъ этомъ въ тотъ же день прислали ему изъ Бреславля переводъ его «Мусташа», при всемъ томъ не перестаютъ переводить едва только вышедшія изъ печати его творенія. Безспорно, Поль-де-Кокъ писалъ прекрасные, занимательные и даже весьма-нравственные романы, которые, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замысловатыхъ сценъ, имѣютъ всѣ нравственную цѣль; но это только на французскомъ языкѣ, при описаніи Парижа и его жителей кажется такимъ; переведите — и это сдѣлается непонятнымъ, сухимъ и скучнымъ. Замысловатость его теряется и нравственность кажется надутою; тогда невозможно его читать тому, кто желаетъ читать по-французски.

Итакъ я стою противъ Поль-де-Кока и наслаждаюсь лицезрѣніемъ его собственной особы. Если бы я захотѣлъ спросить всѣхъ тѣхъ изъ моихъ читателей, которые не видали Поль-де-Кока, какимъ они его себѣ представляютъ, они бы мнѣ отрыли множество странныхъ и смѣшныхъ фигуръ. Я самъ представлялъ его себѣ не иначе, какъ веселымъ gamin *, который носитъ шапку на бекрень, бѣгаетъ по улицамъ Парижа и дѣлаетъ свои наблюденія. Другой вообразитъ себѣ, что онъ какой-нибудь франтъ (galant) въ желтыхъ перчаткахъ — и очень ошибется. Итакъ, представьте себѣ, мои вселюбезнѣйшія читательницы — или лучше, нѣтъ, нѣтъ, не хочу разочаровывать

* Слово gamin собственно значитъ уличный мальчикъ, шалунъ и зѣвака.

вашего пылкаго воображенія, не хочу поднимать таинственной завѣсы этихъ превращеній... Но вы вѣроятно хотите узнать о немъ вѣчто—ну, такъ и быть, я продолжаю. Представьте себѣ—только не пугайтесь—человѣкъ, написавшей la Pucelle de Bellevill, le Cocu, le Mauvais Sujet, la Maison Blanche, le Barbier de Paris, Mon voisin Raymond, André le Savoyard, Ni jamais ni toujours, la Laitière de Montfermeil и, наконецъ, несчетное множество другихъ романовъ, этотъ человѣкъ, говорю я, съ лысиною на головѣ и даже не носитъ парика. Но если я сказалъ, что у Поль-де-Кока лысина, то должно это принимать въ полсмысла, а не въ цѣломъ, то-есть у него только полголовы лысой, потому-что на задней части ея еще очень-много волосъ, и длинные локоны, зачесанные спереди, придаютъ ему весьма-почтенный видъ. Впрочемъ, онъ мало заботится, есть ли у него на головѣ волосы: онъ знаетъ, что за-то у него ростутъ *волоса на зубахъ*. Бакенбарды у него обстрижены коротко, и мнѣ кажется, я замѣтилъ въ нихъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Лицо четырехугольное, страшное, плоское, глаза выразительные, брови густыя, ротъ нѣсколько великъ, зубы здоровые. Однакоже въ разговорахъ онъ иногда задѣваетъ языкомъ за зубы; — не то, чтобы онъ заикался, напротивъ, языкъ его скользитъ по рту, подобно легкому челноку по волнамъ; но самый выговоръ его нѣсколько *клейкій*, *липкій*. Согласно этому описанію, онъ долженъ быть очень-дуренъ, что̀ однакоже несправедливо, потому-что̀ Поль-де-Кокъ часто улыбается, и эта улыбка ему очень къ-лицу, — такъ къ-лицу, что если бы для улыбки существовало какое-нибудь крошечное уменьшительное словцо, я бы употребилъ его здѣсь непремѣнно, потому-что еще никогда не видывалъ я подобной миньятурной улыбочки. Поль-де-Кокъ роста средняго; ему 45 лѣтъ отъ-роду. Его négligé совершенно-нѣмецкое, не блестящее, не французское; костюмъ для выѣзда опрятный, но слишкомъ простой и свободный.

Ка̀къ мы заговорили съ нимъ — я и самъ того не знаю, потому-что мы долго болтали вздоръ; онъ съ перваго взгляда угадалъ мое намѣреніе, но не разсердился. Было еще очень рано; его жена прохаживалась въ самомъ глубокомъ неглиже; комнаты не были еще убраны, а потому онъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ небольшую прогулку. Я съ радостію при-

нялъ это предложеніе, и на замѣчаніе мое о тогдашнемъ жарѣ и вѣтрѣ, онъ отвѣчалъ: eh bien! nous nous promenerons à l'ombre de la poussière (такъ и быть! мы пойдемъ гулять подъ тѣнью пыли).

Онъ одѣлся и мы вышли.

Я не могу входить въ излишнія подробности на-счетъ того, что̀ мы болтали, бесѣдуя о томъ и о другомъ; но постараюсь передать только самое занимательное.

Поль-де-Кокъ родился въ Пасси, миляхъ въ двухъ отъ Парижа; фамилія его голландская. Братъ его, извѣстный генералъ де-Кокъ, служилъ министромъ при королѣ нидерландскомъ; другой его братъ—полковникомъ въ французской арміи. Одинъ онъ содержитъ себя перомъ; на 25 году своей жизни написалъ онъ первый романъ. «Повѣрьте мнѣ» сказалъ онъ: «я побывалъ во многихъ продѣлкахъ прежде, нежели принялся за перо, и въ каждомъ изъ моихъ романовъ главныя происшествія случались непремѣнно со мною; или, лучше сказать, я никогда не изобрѣталъ этихъ сценъ, всегда бралъ ихъ такъ, ка̀къ онѣ случались со мною. Я былъ только живописцемъ, который составляетъ свои краски по внушенію генія и фантазіи, и часто я отставалъ далеко отъ главнаго моего сюжета, отъ главной идеи. Безъ-сомнѣнія» прибавилъ онъ: «надобно, чтобъ природа дала намъ для этого наблюдательный умъ. Я живу очень счастливо и согласно съ моей женой; самое большое удовольствіе нахожу въ кругу моихъ двухъ дѣтей (у него одинъ сынъ и одна дочь); но моя жена знаетъ, что я вхожъ повсюду и всюду долженъ входить, и она не только-что не ревнива, но даже и не подозрѣваетъ меня ни въ чемъ, а это самое даетъ мнѣ средства день-ото-дня лучше и лучше узнавать Парижъ. A propos» сказалъ онъ: «всюду ли вы пойдете за мною? Я хотѣлъ бы вамъ показать Парижъ, и долженъ признаться, что лишь только переступаю за порогъ моего дома, дѣлаюсь тѣмъ, что̀ Парижане на техническомъ языкѣ своемъ называютъ gamin, и ротозѣйничаю на всѣ стороны». Я объявилъ ему, что буду считать его моимъ diable boiteux и послѣдую за нимъ всюду.—«Выучиться узнавать Парижъ не такъ-то легко» сказалъ онъ: «и едва-только успѣешь разсмотрѣть его подробнѣе, онъ уже перемѣнился, и вотъ опять снова надо трудиться. Allons!». Мы сѣли въ омнибусъ. Кондукторъ спросилъ: куда? «До станціи» отвѣчалъ Поль-

де-Кокъ. Что нужды! За шесть су катаешься часъ или два, въ-продолженіе которыхъ сто или двѣсти человѣкъ то садятся, то выходятъ. Женщины, мужчины, дѣти, ремесленники, художники, фокусники, капиталисты (rentiers) *, воры, гризетки, дамы,—все сидитъ здѣсь одно подлѣ другаго и наблюдаетъ тихомолкомъ другъ за другомъ. Названіе omnibus (для всѣхъ) здѣсь весьма-прилично».—Вдругъ влѣзла къ намъ одна чета, невольно заставившая насъ расхохотаться. Это былъ старый мужъ съ своею дражайшею половиною, и оба они такъ толсты, что, когда сѣли одинъ противъ другаго, то уже ни одинъ смертный, какъ-бы тонокъ ни былъ, не могъ пролѣзть между ими. «Кондукторъ!» воскликнулъ одинъ ремесленникъ, сидѣвшій позади насъ: «возмитесь только править рулемъ, и мы съ вами тотчасъ же пройдемъ эти дарданеллы.»—Поль-де-Кокъ не шевельнулся; онъ только наблюдалъ. — Счастливая чета какъ-будто ничего не слышала и не молвила ни словечка. «Mais enfin» сказалъ ремесленникъ: «voulez-vous que je vous lache mes canons, ils grondent joliment, je vous assure» (не хотите ли вы, я выставлю противъ васъ мои пушки? онѣ гремятъ исправно, увѣряю васъ). Въ отвѣтъ на это кондукторъ попросилъ покорнѣйше господина сѣсть подлѣ дамы. Смѣхъ разразился со всѣхъ сторонъ, и когда старая чета вылѣзла изъ кареты, остроты полились дождемъ. «Странно» сказалъ Поль-де-Кокъ: «какъ только я влѣзу въ омнибусъ, тотчасъ случаются тамъ пресмѣшныя вещи.» И вотъ почему написалъ онъ недавно новый романъ «l'Omnibus», но къ-сожалѣнію эта сцена къ тому времени не подоспѣла. Мы вышли изъ кареты и очутились въ Кварталѣ Уличныхъ Проказниковъ (Pays des gamins). Въ пріятныхъ разговорахъ достигли мы одной улицы, гдѣ была разсыпана солома. «Здѣсь лежитъ умирающій» сказалъ я.—Ба! возразилъ онъ: какъ еще мало вы знаете Парижъ! Просто какая-нибудь femme entretenue страждетъ мигренью, и вотъ ея возлюбленный par galanterie приказалъ разсыпать по улицѣ на сто франковъ соломы, чтобы стукъ каретъ не могъ ее безпокоить. И замѣтьте притомъ, что мигрень эта только вымышленная, отъ-того-что красавица не расположена сегодня принять его, что въ два ча-

* Rentier; такъ называются во Франціи люди, живущіе доходами съ своихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ государственныя облигаціи или акціи частныхъ обществъ.

са будетъ къ ней другой любовникъ, богаче прежняго; онъ же въ замѣнъ того, будучи отвергнуть ею, велѣлъ набросать соломы, чтобы не было слышно стука его кареты; она твердо знаетъ всѣ его продѣлки, — я хотѣлъ сказать, каждый его шагъ, когда онъ ѣдетъ къ ея сосѣдкѣ.—«Не глупо выдумано» сказалъ я.— Но вы думаете, что я шучу, возразилъ онъ: это сущая правда, если даже это и несовсѣмъ такъ. — «Итакъ» отвѣчалъ я: «Парижъ вертепъ всѣхъ пороковъ?»— Вовсе нѣтъ; это ихъ дворецъ, или скажите лучше, цѣлая Ниневія; однакожь, благодаря Бога, это совсѣмъ не такъ. Здѣсь столько же добродѣтелей, сколько и пороковъ, такъ же, какъ и вездѣ; но добродѣтель мы находимъ только тамъ, гдѣ обыкновенно ея не ищемъ.—«Не у вашихъ ли гризетокъ?» спросилъ я.—Да, если вы хотите, именно у моихъ гризетокъ. Онѣ только однѣ въ народѣ исповѣдуютъ истинную добродѣтель. Изъ ста человѣкъ, которыхъ вы тутъ видите, десять честны и добродѣтельны, потому-что образованы; десять — по природному благородству души; десять—изъ страха къ нашему Cour d'assises; (уголовной палатѣ), а остальные семьдесять всѣ плуты; десять изъ нихъ еще туда-сюда, и они составляютъ исключеніе. Но въ такъ-называемомъ высшемъ классѣ людей, вы найдете у насъ въ Парижѣ менѣе всего истинной добродѣтели. Тамъ часто сидитъ женщина и громко проповѣдуетъ въ обществѣ о нравственности и добродѣтели, а я слушаю и молчу, однакожь смѣло могу перечесть по пальцамъ число любовниковъ, которыхъ она ежедневно принимаетъ, тогда какъ гризетка или швея любитъ только своего друга, и жертвуетъ собою только для него. О, я много знаю подобныхъ происшествій! Вы видѣли мой «Bal des grisettes».—«Я его видѣлъ случайно, мелькомъ...»

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе. Поль-де-Кокъ съ нѣкотораго времени пишетъ много для малыхъ театровъ, и его пьесы всѣмъ очень нравятся. Въ «Bal des grisettes», который весьма богатъ остроуміемъ, швеи, модницы и мѣщанки хотятъ дать балъ, вопреки нѣкоторымъ знатнымъ господамъ, которыхъ они усадили дома, чтобы вполнѣ предаться своимъ удовольствіямъ. Онѣ сдѣлали складчину, и всякая обязалась пожертвовать всѣмъ, что̀ у нея было въ хозяйствѣ, такъ-что у нихъ набралось до 60 франковъ. Ламповщики, пирожники, все было заказано; нанятъ былъ и одинъ старый музыкантъ. Вдругъ приходитъ жена этого музыканта и извиняется за своего мужа.

Вкратцѣ разсказываетъ она одной изъ женщинъ, что онъ боленъ, что хозяинъ дома грозитъ ему продать его мёбель, ибо онъ не въ-состояніи платить за квартиру. Не размышляя долго, гризетка отдаетъ всѣ бальныя деньги бѣдной женщинѣ; тутъ являются всѣ дѣвушки съ своими кавалерами, которые на этотъ вечеръ отреклись отъ своего званія, чтобы покуртизировать этимъ дѣвушкамъ, и рѣшились не видать не только музыки, но даже ни свѣчей, ни оржада,—ничего. Послѣ долгой нерѣшимости объявляетъ добрая дѣвушка, что ее обокрали. Но, возразилъ нѣкто: надобно было кричать «воры! «Со мной это два раза случилось и я кричалъ «воры»! У меня былъ зонтикъ, я выходилъ изъ спектакля; вотъ, чувствую, что кто-то меня дергаетъ сзади,—это былъ воръ. Правда, его не поймали, и я не получилъ назадъ зонтика, но не менѣе того я все-таки кричалъ «воры! воры!»—Наконецъ дѣло поправляется. У старой женщины нашлись два племянника, gamins, которые изъ благодарности и какъ музыканты захотѣли импровизировать, и принесли въ добавокъ съ собою свѣчей и сахарныхъ пряниковъ. Вотъ вамъ содержаніе этой пьесы. «Эта исторія» сказалъ Поль-де-Кокъ: «случилась въ моемъ собственномъ домѣ, о чемъ я до-сихъ-поръ еще никому не сказывалъ. Такимъ-образомъ могъ бы я описать еще множество, очень - хорошо мнѣ извѣстныхъ происшествій». Я спросилъ его, откуда онъ почерпалъ свои характеры. «Отвсюду» отвѣчалъ онъ: «гдѣ бы я ни встрѣтилъ оргинала, я слѣдую за нимъ, наблюдаю, а здѣсь для наблюденія нѣтъ недостатка. Только надобно хорошенько разбирать нарѣчія, а это не-легко. По-большой-части этому можешь учиться на такъ-называемыхъ Bals des artistes, гдѣ присутствуютъ только художники и писатели. А какъ драгоцѣнны актриссы здѣшнихъ малыхъ театровъ, которыхъ я вамъ насчитаю множество и которыя всѣ очень оригинальны съ ихъ патосомъ и театральными чувствами! о, эти актриссы неоцѣненны! однакожь ихъ не такъ легко совратить съ истиннаго пути, какъ объ этомъ, можетъ-быть, думаютъ въ Германіи.

Когда мы возвратились домой, въ прихожей комнатѣ стулья стояли одинъ на другомъ, такъ-что намъ не было прохода. Поль-де-Кокъ ихъ составилъ порядкомъ и очистилъ мѣсто. «Если вы будете что-нибудь писать обо мнѣ» сказалъ онъ: «то пожалуйста не упоминайте ничего объ этомъ безпорядкѣ: это по части

моей жены, которая сегодня немного опоздала; если же нѣтъ, то и я распишусь также на вашъ счетъ. Я ничего не отвѣчалъ, и слѣдственно ничего не обѣщалъ, и Поль-де-Кокъ смѣло можетъ описать меня въ каррикатурѣ.—Мнѣ извѣстно только, что я непохожъ на его Jeune homme charmant (такъ называется его романъ, который черезъ шесть недѣль появится въ свѣтъ, и котораго я уже видѣлъ корректурные листы). Его книгопродавецъ купилъ у него пять лѣтъ его жизни, за которые далъ ему 60,000 франковъ. Въ-теченіе *одного годи* разошлись всѣ эти *Пять Лѣтъ Жизни.* Я для шутки написалъ ему письмо, будто-бы отъ одной нѣмецкой дѣвушки и избралъ для этого франкфуртскую жидовочку, которая будто-бы описывала свое горе. Это его очень развеселило. Онъ уже не отдалъ письма назадъ. Вообще онъ слушаетъ съ большимъ вниманіемъ, когда разсказываютъ что-нибудь о Германіи. Когда я сказалъ ему, что нѣмецкій писатель получилъ бы непремѣнно за одинъ изъ его лучшихъ романовъ отъ 400 до 500 гульденовъ,—онъ засмѣялся, однакоже прибавилъ: «конечно, это ни странно, ни смѣшно, это скорѣе похоже на трагедію». Поль-де-Кокъ вообще говоритъ не такъ много, какъ бы то можно было заключить изъ сего разсказа или изъ его твореній; онъ болѣе заставляетъ говорить своего собесѣдника. Я это ему замѣтилъ, и онъ охотно въ этомъ сознался. «Вы не повѣрите» сказалъ онъ: «я часто провожу по четыре часа въ обществѣ, не сказавъ и десяти словъ. Въ каждомъ человѣкѣ, имѣющемъ свои фантазіи—два человѣка. Я всегда былъ не тѣмъ, чѣмъ казался; но я столько водился съ порокомъ, что могъ представлять его въ многоразличныхъ видахъ, и хотя я въ молодости былъ избалованный шалунъ и повѣса, имѣлъ вдругъ по десяти любовницъ, но не обманулъ ни одной дѣвушки». У Поль-де-Кока есть небольшая мыза въ Роменвилѣ.

РАЗВОДЪ НАПОЛЕОНА СЪ ЖОЗЕФИНОЮ. *(Изъ записокъ Эмиля-Марко Сент-Илера).*—Наполеонъ, убѣжденный въ томъ, что наслѣдникъ его крови былъ необходимъ для будущаго счастья Франціи, и видя, что Жозефина не могла подарить ему сына, предмета пламеннѣйшихъ его желаній—сталъ помышлять о разводѣ съ нею. Щадя, сколько возможно было, сердце Жозефины, Наполеонъ старался склонить ее на эту тягостную жертву; наконецъ прибѣгнулъ къ

разсудку ея, и она съ твердостью покорилась необходимости. Хотя разводъ этотъ растерзалъ ея сердце, однакожь она успѣла найдти утѣшеніе въ той мысли, что жертва ея упрочивала власть человѣка, любимаго ею больше всего въ мірѣ. Она сдѣлала еще больше: она забыла всѣ свои страданія и радовалось только счастію Наполеона, когда въ-послѣдствіи вѣсть о рожденіи короля римскаго дошла до нея. Надобно сказать также, что и Наполеонъ съ своей стороны сохранилъ къ ней самую нѣжную дружбу и осыпалъ ее всѣми возможными благодѣяніями.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что еще прежде 1809 года Наполеонъ рѣшился расторгнуть союзъ, заключенный нѣкогда по любви и по чувству благодарности. И нѣсколько разъ собирался онъ говорить объ этомъ женѣ своей, но никогда не могъ рѣшиться на такой тяжкій подвигъ. Онъ боялся за нее, а можетъ-быть и за себя; боялся отчаянья Жозефины, которой слезы были всегда доступны его сердцу. Фуше былъ первый, осмѣлившійся открытымъ образомъ коснуться этой чувствительной струны. Онъ былъ проницателенъ и давно уже угадалъ тотъ изъ плановъ Наполеона, который онъ скрывалъ съ наивеличайшимъ стараніемъ. Разсудивъ, что настала минута, въ которую надлежало дѣйствовать, герцогъ отрантскій воспользовался отсутствіемъ Наполеона, бывшаго тогда въ Шёнбруннѣ и, не имѣя никакого оффиціальнаго полномочія, отправился къ императрицѣ, совѣтовать ей расторгнуть союзъ, связывавшій ее съ императоромъ. Такая искусная попытка огорчила Жозефину столько же, сколько разсердила Наполеона, и если онъ тогда же не отнялъ у Фуше министерскаго портфёля, котораго, впрочемъ, лишилъ его нѣсколько позже, то сдѣлалъ это, какъ многіе утверждали, не потому, чтобъ уступилъ просьбамъ жены своей, а потому что въ-тайнѣ самъ уже рѣшился исполнить это важное политическое дѣло.

Наканунѣ того дня, въ который Фуше рѣшился говорить объ этомъ Жозефинѣ, императрица писала къ дочери своей, королевѣ Гортензіи, бывшей тогда въ Парижѣ съ старшими изъ дѣтей ея, чтобъ она пріѣхала въ Сен-Клу повидаться съ нею. Въѣзжая на дворцовый дворъ, королева голландская встрѣтила гадальщицу Ленорманъ, за таин-

ственныя предсказанія которой императрица платила съ такою необыкновенною щедростью. Жозефина проводила иногда цѣлые дни, заставляя раскладывать себѣ карты и стараясь угадать будущее посредствомъ кофе или яичнаго бѣлка. Должно полагать, что въ этотъ день предсказанія были неблагопріятны, потому-что Жозефина была чрезвычайно-грустна. Послѣ разговора, продолжавшагося около часа, королева хотѣла возвратиться въ Парижъ, и тогда мать ея съ тономъ упрека сказала:

—Ты уже ѣдешь, Гортензія?

«Болѣзнь сына безпокоитъ меня, матушка; я возвращусь сюда завтра.»

—Всѣ мои друзья оставляютъ меня, продолжала императрица съ грустію: даже самыя дѣти покидаютъ меня въ ту минуту, когда смерть моя кажется уже недалека...

«Что за мысль! Выкиньте ее изъ головы—она напрасно тревожитъ васъ. Ужь не колдунья ли ваша предсказала вамъ подобный вздоръ?.. Повѣрьте, предсказаніе это, какъ и всѣ другія, основано на лжи и обманѣ.

—Я знаю, что говорю, милая Гортензія; мнѣ угрожаетъ большое несчастіе—дни мои сочтены и жизнь моя должна кончиться вмѣстѣ съ благоденствіемъ Франціи.

«А! въ такомъ случаѣ я спокойна, потому-что вы проживете еще долго...»

Королева съ нѣжностью обняла свою мать и простилась съ нею.

Надобно замѣтить, что предчувствія Жозефины рѣдко ее обманывали. На слѣдующій день, когда королева возвратилась въ Сен-Клу, она нашла Жозефину больною и съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ. Можно было легко догадаться, что она много плакала.

—Ахъ, ты пріѣхала очень къ-стати, сказала Жозефина, бросясь къ ней въ объятія: еслибъ ты знала!... Фуше вышелъ отсюда сію минуту... Угадай, что осмѣлился онъ сказать мнѣ? ... Это не человѣкъ, а чудовище!

«Что же случилось, матушка?... Вы пугаете меня!»

— Онъ сказалъ мнѣ, что я должна показать Франціи и Бонапарте великій примѣръ самоотверженія; что императоръ долженъ оставить послѣ себя дѣтей, которыя могли бы на-

слѣдовать ему, и что только этимъ отнимется всякая надежда на возвращеніе у прежней королевской фамиліи, которая, какъ тебѣ извѣстно, теперь въ Англіи.

«Но къ чему же все это клонилось? что̀ хотѣлъ онъ сказать этимъ?» спросила королева съ нетерпѣніемъ, котораго не могла побѣдить.

— Онъ прибавилъ, что всему этому была единственнымъ препятствіемъ я, но что отъ меня зависѣло превзойдти великостью души даже самого императора, рѣшившись на тягостную, великодушную жертву... Наконецъ онъ заговорилъ мнѣ о разводѣ.

«Императоръ никогда на это не согласится!.. Я хорошо знаю привязанность его къ вамъ и къ намъ—его усыновленнымъ дѣтямъ.»

— Ты ошибаешься, Гортензія; но дай мнѣ кончить. Фуше́ сказалъ, что потомство оцѣнитъ эту жертву, и что исторія поставитъ имя мое выше именъ всѣхъ женщинъ, которыя когда-либо носили въ этомъ мірѣ корону.

«Я узнаю его по этимъ напыщеннымъ фразамъ; что̀ же отвѣчали вы ему?»

— Я была такъ поражена его словами, что не знала, что̀ отвѣчать. Однакоже я сказала, что подумаю объ этомъ, что чрезъ нѣсколько дней дамъ ему отвѣтъ. Но онъ долго будетъ его дожидаться... Посовѣтуй же мнѣ, дочь моя, что̀ мнѣ дѣлать? Ты одна, кому я могу ввѣрить свои горести. Что̀ ты думаешь объ этомъ?

Что̀ могу я сказать вамъ?.. Во всемъ этомъ есть что̀-то ужасное!»

— Думаешь ли ты, что Фуше́ былъ присланъ императоромъ и что участь моя рѣшена?

«Судя по тому, что̀ вы мнѣ сказали, я боюсь. Однакоже...»

— А я увѣрена въ этомъ, возразила Жозефина. Сойдти съ трона для меня ничего не значитъ; кто знаетъ лучше тебя, сколько слезъ проливала я, всходя на него? Но лишиться вдругъ того, къ кому я сохранила всѣ чувства моей привязанности!.. Нѣтъ, Гортензія, такая жертва выше силъ моихъ, и я чувствую, что не переживу ея.

Сказавъ это, Жозефина положила на сердце руку, и лицо ея страшно поблѣднѣло. Королева, вмѣстѣ съ матерью, ду-

мала, что Фуше́ былъ за-одно съ императоромъ; хотя сей послѣдній и не думалъ давать ему никакого по этому порученія. Размысливъ немного о дѣлѣ, всякій могъ бы убѣдиться, что это странное предложеніе было сдѣлано или по волѣ Наполеона, или что министръ полиціи хотѣлъ первый присвоить себѣ славу подобной мысли. Какъ бы то ни было, но интрига представляла много выгодъ нѣкоторымъ врагамъ императорской фамиліи, и они конечно не рѣшились бы оставить ее. Все доказывало, что эта великая жертва рано или поздно потребуется и совершится.

«Милая матушка» продолжала королева: «единственный совѣтъ, который я могу теперь дать вамъ, состоитъ въ томъ, чтобъ не говорить объ этомъ никому въ мірѣ и дожидаться императора: вы увидите, что̀ онъ вамъ скажетъ. Когда ожидаете вы его возвращенія?»

— Къ концу этого мѣсяца будетъ онъ въ Фонтенебло̀, куда велѣлъ пріѣхать и мнѣ. Онъ долженъ же будетъ заговорить со мною когда-нибудь объ этомъ намѣреніи, если дѣйствительно имѣетъ его; а я сама, конечно, не начну подобнаго разговора, ты можешь быть въ томъ увѣрена.

Совѣтъ королевы голландской былъ принятъ Жозефиною, и она послѣдовала ему; но страшная катастрофа была уже недалеко и не заставила долго дожидаться.

Наполеонъ дѣйствительно писалъ къ императрицѣ изъ Шёнбрунна, что пріѣдетъ въ Фонтенебло̀ изъ Мюнхена. Г де-Люссей, первый префектъ дворца, съ своей стороны получилъ отъ оберъ-гофъ-маршала письмо, которое предупреждало его о желаніи императора, чтобъ весь дворъ былъ собранъ не позже какъ къ 28 октября въ Фонтенебло, куда онъ самъ располагалъ прибыть около 29 или 30 числа. Но Наполеонъ, по обыкновенію своему, скакалъ такъ скоро, что пріѣхалъ четырьмя днями ранѣе, т. е. 26 послѣ полудня. За исключеніемъ Дюрока, съ которымъ онъ путешествовалъ, одного куррьера, скакавшаго всегда впереди дворцоваго кастеляна, не нашелъ онъ даже каммер-лакея, который бы принялъ его у подъѣзда.

Все это очень его разсердило, и онъ началъ свистать совсѣмъ не такъ, какъ свисталъ обыкновенно. Онъ не сдѣлалъ однакоже ни малѣйшаго выговора оберъ-гофъ-маршалу и удо-

вольствовался тѣмъ, что въ ту же минуту послалъ въ Сен-Клу того самого куррьера, который пріѣхалъ передъ нимъ, извѣстить императрицу о своемъ прибытіи въ Фонтенебло. Сдѣлавъ это, пошелъ онъ осматривать новыя комнаты дворца. По его приказанію была передѣлана и поправлена вся та половина, которая обращена ко Двору Бѣлаго Коня и гдѣ прежде была военная школа, переведенная незадолго предъ тѣмъ въ Сен-Сиръ. Этотъ флигель дворца, назначаемый для пріемныхъ комнатъ, былъ увеличенъ, мёблированъ и украшенъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ занять ліонскія мануфактуры: — такъ по-крайней-мѣрѣ говорилъ императоръ.

Около пяти часовъ вечера, нѣсколько придворныхъ пріѣхало въ Фонтенебло̀. Наполеонъ, увидѣвъ ихъ кареты, пошелъ къ нимъ на встрѣчу, и въ то время, когда лакей отворилъ дверцы, императоръ съ живостью спросилъ у тѣхъ, которые еще сидѣли въ каретѣ.

«А императрица?»

—Ея величество будетъ здѣсь черезъ десять минутъ, а можетъ быть и прежде, государь, отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ на-обумъ.

—«Наконецъ-то! Слава Богу!» возразилъ императоръ, возвращаясь во внутренніе покои и не переставая ворчать про себя какія-то слова, которыхъ никто не могъ понять.

Жозефина пріѣхала. Было уже болѣе 6 часовъ. Можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни, опоздала она встрѣтить императора, который прибылъ нѣсколькими часами ранѣе ея; онъ, противъ своего обыкновенія, не вышелъ къ ней на крыльцо, а сидѣлъ въ маленькой библіотекѣ, когда императрица вошла туда, искавъ его прежде по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ.

«А! ваше величество!» «сказалъ онъ холоднымъ тономъ: «наконецъ вы изволили пожаловать! а я уже собирался ѣхать въ Сен-Клу.»

Жозефина, и безъ этого уже опечаленная тѣмъ, что опоздала, была жестоко огорчена такимъ холоднымъ пріемомъ послѣ столь долгой разлуки; это совершенно поразило ее, однакожь она старалась справдаться.

—Но это твоя вина, Бонапарте, отвѣчала она ему съ тономъ нѣжнаго упрека... Ты приказываешь сказать намъ, что бу-

дешь здѣсь не ранѣе, какъ чрезъ три или четыре дня, и вдругъ являешься сегодня, какъ-будто съ облаковъ. Какъ это ты пріѣхалъ?

«Я всегда во всемъ виноватъ!» воскликнулъ Наполеонъ и сталъ ходить по комнатѣ скорыми шагами. Это случилось отъ моей вины» прибавилъ онъ съ горькою улыбкой... «Я пріѣхалъ, ваше величество, какъ обыкновенно ѣзжу, въ своей каретѣ... Развѣ я не предупредилъ васъ объ этомъ еще за двѣ недѣли?.. Но вы всегда такъ дѣлаете!..»

Эти упреки, къ которымъ императрица не привыкла, заставили ее заплакать. Императоръ, продолжая говорить все тѣмъ же тономъ и не щадя ея чувствительности, которую рѣдко подвергалъ испытанію, терзалъ сердце Жозефины. Разсерженная въ свою очередь тѣмъ, что, по всѣмъ правамъ, можно называть *несправедливостью,* она сказала нѣсколько колкихъ словъ. Императоръ отвѣчалъ ей еще съ большею запальчивостью и въ первый разъ еще слово *разлученіе* было произнесено имъ. Тогда-то несчастная Жозефина, готовая лишиться чувствъ, сложивъ руки и рыдая, воскликнула:

«Такъ это правда? .. О! нѣтъ нѣтъ, мой другъ! .. Бонапарте, умоляю тебя, выслушай меня!.. Великій Боже! Это невозможно!»

Она упала на колѣни и съ умоляющимъ видомъ простерла руки къ Наполеону, который увидѣлъ наконецъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Пристыженный тѣмъ, что могъ предаться такъ безразсудно движенію гнѣва, онъ подошелъ къ женѣ своей, поднялъ ее и, сжавъ ея руки въ своихъ, сказалъ съ увлеченіемъ, исполненнымъ нѣжности:

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Прости меня; я никогда не разстанусь съ тобою, никогда...

И онъ тихо привлекъ ее на грудь свою. На устахъ Жозефины появилась улыбка; но она не отвѣчала ни слова и не противилась нѣжнымъ ласкамъ мужа.

—Да, это правда! возразилъ онъ: я сегодня въ дурномъ расположеніи духа... Ни слова же больше объ этомъ, но въ другой разъ не медли такъ долго.

Жозефина отерла слезы, обѣщала все, что хотѣлъ импе-

раторъ, и оставила его только за тѣмъ, чтобъ перемѣнить свой туалетъ къ обѣду.

« Предчувствія мои не обманули меня» сказала она самой себѣ: «Фуше́ былъ правъ».

На другой день, разговаривая съ одною изъ своихъ женщинъ, она сказала между прочимъ:

«Я вѣрю привязанности вашей, которую вы такъ часто мнѣ доказывали, и потому надѣюсь, что будете отвѣчать со всею откровенностію на вопросъ, который я вамъ сдѣлаю.»

Дама эта увѣрила императрицу въ готовности своей исполнить ея желаніе. Чистосердечіе ея было тѣмъ понятнѣе, что никто не повѣрялъ ей ничего такого, что̀ могло бы принудить ее къ молчанію.

«Скажите же мнѣ» продолжала Жозефина: «отъ чего корридоръ, ведущій изъ моей спальни въ комнату императора, теперь задѣланъ?»

— Не знаю, ваше величество, отвѣчала эта дама съ изумленіемъ, въ которомъ не было никакого притворства. . . Я слышу объ этомъ въ первый разъ. . .

«Вѣрно есть какая-нибудь причина. Подумайте хорошенько. . .»

— Ваше величество! я и всѣ дамы, имѣющія счастіе служить вамъ, знаютъ, что во дворцѣ были начаты большія передѣлки еще прежде отъѣзда императора въ Германію. Архитекторъ, не предвидя, что дворъ пріѣдетъ такъ скоро въ Фонтенебло̀, можетъ-быть, не имѣлъ времени привести все въ прежній порядокъ.

Жозефина покачала головой съ недовѣрчивостію.

— По убранству этихъ комнатъ ваше величество можете видѣть, что передѣлки еще не окончены, продолжала эта дама.

«Другъ мой» продолжала императрица: «подъ этимъ скрывается тайна, которую я боюсь узнать совершенно, но которую, къ-несчастію, слишкомъ-хорошо угадываю. . . Впрочемъ, прошу васъ не сказывать никому о томъ, что̀ вы слышали теперь отъ меня »

Такъ кончился этотъ разговоръ.

Король саксонскій прибылъ въ Парижъ вмѣстѣ съ принцемъ Евгеніемъ, котораго Наполеонъ вызвалъ изъ Италіи вѣроятно для-того, чтобы утѣшать мать, когда настанетъ

роковая минута... Ихъ величества оставили Фонтенебло 14 ноября и возвратились въ Тюльери. Скоро всѣ члены рейнской конфедераціи съѣхались одинъ за другимъ въ столицу. Король и королева баварскіе, король виртембержскій и пр. и пр.—однимъ словомъ, всѣ тѣ, которые скрытно носили корону, были въ Парижѣ. Одни помѣстились въ Элизэ-Бурбонѣ, другіе въ частныхъ домахъ, которые Наполеонъ нарочно приказалъ для того нанять. Всѣ эти принцы были принимаемы каждый день самымъ великолѣпнымъ образомъ въ Тюльери.

Первымъ занятіемъ императора по прибытіи въ Парижъ были приготовленія къ тому, чтобъ объявить городу желаніе свое расторгнуть бракъ съ Жозефиною. Это щекотливое дѣло производилось однакоже въ канцеляріи съ величайшею тайною, и Наполеонъ ввѣрилъ его только одному Дюроку, который былъ скроменъ какъ могила, и который конечно не сказалъ объ этомъ никому ни слова. Скоро, однакожь, весь дворъ узналъ о намѣреніи императора: есть такія происшествія, которыя, подобно сильнымъ страстямъ, не могутъ долго оставаться скрытыми...

Хотя чужестранные государи каждый вечеръ являлись оживлять собою однообразіе, царствовавшее при дворѣ, скука Наполеона усиливалась однакожь по мѣрѣ грусти, которой предавалась Жозефина. Желая какою бы то ни было цѣною доставить ей развлеченіе и, можетъ-быть, самъ имѣя въ немъ нужду, императоръ приказалъ предупредить принца нёшательскаго, что онъ въ такой-то день намѣренъ, вмѣстѣ съ императрицею, охотиться въ Гро-буа, гдѣ останется ночевать.

«Г. обер-егермейстеръ» сказалъ ему весело императоръ: «я хочу, чтобъ послѣ охоты были у насъ балъ и спектакль, какъ это водилось въ прежнее, блаженное время» прибавилъ онъ съ сардонической улыбкой.

Бертье сдѣлалъ немедленно нужныя распоряженія, чтобъ устроить высокимъ гостямъ праздникъ, достойный ихъ, и придумалъ вызвать въ Гро-буа труппу театра Variétés. Выборъ спектакля былъ предоставленъ Брюне, который предложилъ съиграть одну изъ пьесъ своего репертуара, пользовавшуюся тогда наибольшимъ успѣхомъ и называвшуюся «Cadet Rous-

sel, maître de déclamation. Бертье, никогда невидавшій этой пьесы и слышавшій, что она была очень-забавна, согласился на выборъ Брюнѐ, не позаботясь предварительно прочесть ее. Императоръ самъ составилъ списокъ придворныхъ, которыхъ хотѣлъ видѣть на этомъ праздникѣ, и, не смотря на чрезмѣрно-холодное время, ни одна изъ приглашенныхъ дамъ не подумала отказаться.

Охота была скучна. Всѣ замѣтили уныніе императрицы съ самаго пріѣзда ея; но когда пришло время одѣваться къ балу, который долженъ былъ слѣдовать за спектаклемъ, грусть ея обнаружилась во всей силѣ, такъ-что всѣ эти знаменитые гости были такъ же невеселы за обѣдомъ, какъ и во время охоты. Наполеонъ, отъ вниманія котораго не ускользало ничего, замѣтилъ скуку и принужденность, царствовавшія вокругъ него; чтобъ положить этому конецъ, онъ счелъ приличнымъ сказать за минуту предъ окончаніемъ стола и началомъ спектакля:

—Я хочу, чтобъ всѣ были веселы и довольны; мы не въ Тюльери, и этикетъ не долженъ имѣть здѣсь мѣста!

Извѣстно, какое дѣйствіе производили всегда подобныя слова, сказанныя государемъ: они парализировали совершенно тѣхъ, которые были невеселы только въ половину. Но пусть вообразятъ себѣ ужасъ зрителей, когда они, при самомъ началѣ пьесы, услышали, какъ Кадѐ-Руссель жаловался, что жена его не подарила ему наслѣдниковъ.

«Грустно для такого человѣка, какъ я» говорилъ Кадѐ: неимѣть никого, кому бы могъ оставить наслѣдіе своей славы! Кончено! я рѣшился развестись съ мадамъ Кадѐ-Руссель и жениться на другой, отъ которой у меня будутъ дѣти.»

Наибольшая часть другихъ сценъ вертѣлась на этой же идеѣ, и слово *разводъ* было повторено въ нихъ по-крайней-мѣрѣ двадцать разъ. Невозможно было бы описать смущеніе всѣхъ присутствовавшихъ. Бертье былъ рѣшительно внѣ себя. Жозефина съ трудомъ выносила страданія, терзавшія ее, и каждую минуту была готова упасть въ обморокъ. Что̀ же касается до императора, онъ дѣлалъ видъ, будто занимается пьесой, и силился смѣяться. Но вмѣсто улыбки губы его судорожно сжимались и производили только какую-то гримасу. Никто не смѣлъ глядѣть на него отъ страха, чтобъ это

не было принято за какое-нибудь примѣненіе, и всѣ каждую минуту ожидали, что гнѣвъ его наконецъ разразится. Однакожь этого не случилось, благодаря стараніямъ Бертье, который, сидя за императоромъ, пользовался во всей силѣ правомъ, даннымъ ему Наполеономъ, и время отъ времени смѣялся, или, лучше сказать, хохоталъ своимъ громкимъ хохотомъ, столько противорѣчившимъ его пораженному, испуганному виду. Можно смѣло сказать, что еслибъ Бертье въ эту минуту могъ выбирать, онъ согласился бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ сидѣть за императорскими креслами.

Когда спектакль кончился, Наполеонъ быстро всталъ съ своего мѣста и, взявъ обер-гоф-маршала подъ руку, сказалъ ему съ живостью, хоть и въ-полголоса:

«Дюрокъ, я вижу, что ты хорошо сохранилъ тайну моего развода, потому-что еслибъ она была извѣстна, никто бы не осмѣлился позволить себѣ подобную дерзость.»

Слухъ о разводѣ съ каждымъ днемъ получалъ большую достовѣрность; правда, объ этомъ говорили не иначе, какъ только тайкомъ, однакоже говорили всѣ и вездѣ. Столько частныхъ выгодъ и потерь было сопряжено съ этимъ великимъ переворотомъ, что шептанья и разговоры безпрестанно увеличивались. Наполеонъ, которому были извѣстны всѣ эти подробности, рѣшился, какъ онъ говорилъ, *положить этому конецъ.*

Въ одно утро (это было 30 ноября) приказалъ онъ позвать къ себѣ въ кабинетъ королеву голландскую и брата ея, Евгенія. Тамъ съ грустію признался онъ, что необходимость, которой онъ не могъ противиться, заставляла его разстаться съ ихъ матерью и принести такимъ-образомъ нѣжнѣйшія чувства своего сердца въ жертву выгодамъ своего народа. Онъ умолялъ ихъ оставаться всегда съ нимъ въ дружбѣ и увѣрялъ, что новый бракъ, въ которой онъ *могъ* вступить, ни мало не перемѣнитъ въ немъ тѣхъ чувствъ привязанности, которыя онъ всегда питалъ къ нимъ. Потомъ, не желая слышать почтительныхъ возраженій, которыя дѣти Жозефины старались ему сдѣлать, онъ простился съ ними истинно-родительскимъ образомъ; но послѣ обѣда снова призвалъ къ себѣ королеву голландскую.

«Гортензія» сказалъ онъ ей: «нація сдѣлала для меня и для васъ

всѣхъ такъ много, что я считаю себя обязаннымъ принесть ей жертву, которой она ожидаетъ. Спокойствіе и счастіе ея требуютъ, чтобъ я избралъ себѣ новую супругу. Твоя мать два мѣсяца уже проводитъ въ душевныхъ терзаніяхъ; скоро все будетъ кончено. Ты, Гортензія, умѣла лучше другихъ заслужить ея довѣренность; она любитъ тебя самымъ нѣжнымъ чувствомъ; согласишься ли ты приготовить ее къ новой ея участи?.. Ты сняла бы тѣмъ съ сердца моего тяжкую ношу...»

—Государь! отвѣчала Гортензія съ слезами на глазахъ: несчастная мать моя удостоиваетъ меня полной своей довѣренности; послѣ вашего величества и чувствъ своего долга, братъ мой и я любимы ею болѣе всего въ мірѣ; именно по этимъ причинамъ мнѣ невозможно принять на себя такое порученіе. Позвольте мнѣ даже сказать вашему величеству, что было бы, кажется, приличнѣе поручить кому-нибудь другому, не столь близкому императрицѣ человѣку, какъ я, возвѣстить ей подобное несчастіе.

«Такъ ты отказываешь мнѣ, Гортензія?»

—Государь! я никогда не соглашусь вонзить ножъ въ сердце моей матери!

«Боже мой! здѣсь дѣло идетъ не о ножѣ!» возразилъ Наполеонъ. «Женщины все преувеличиваютъ.»..

—Ваше величество, позвольте мнѣ возвратиться къ матушкѣ, отвѣчала королева, поклонившись ему самымъ почтительнымъ образомъ.

«Ты права, — иди, иди!» отвѣчалъ Наполеонъ, не оскорбясь отказомъ, выраженнымъ такъ ясно. «Это долгъ доброй, почтительной дочери, какою ты была всегда; но если такъ» прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, какъ человѣкъ, вдругъ и твердо на что-нибудь рѣшившійся: «то я самъ прійму все на себя одного. . . И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. . . Есть вещи, которыя надобно умѣть дѣлать самому. Прощай, Гортензія!»

Въ тотъ же самый день ихъ величества сѣли за столъ, какъ обыкновенно, въ 7 часовъ вечера. Жозефина все утро проплакала и, чтобъ скрыть по-возможности слѣды слезъ, она надѣла на себя бѣлую креповую шляпку, которой поля скрывали почти половину ея лица. Тѣ, которые

могли видѣть ее прямо, замѣтили, что глаза и щеки ея были еще красны. Во все время обѣда, продолжавшагося не болѣе 10 минутъ, глаза Наполеона были устремлены въ тарелку; если по-временамъ онъ поднималъ ихъ, то дѣлалъ это для-того только, чтобъ взглянуть украдкою на жену, и въ этомъ быстромъ взорѣ отражались всѣ тягостныя чувства, терзавшія его въ то время. Придворные, неподвижные, съ безпокойствомъ смотрѣли на эту нѣмую сцену. Глубочайшее молчаніе царствовало во все время обѣда, который былъ поданъ только для формы, потому-что ни Жозефина, ни Наполеонъ не прикасались къ нему. Въ комнатѣ слышенъ былъ только стукъ перемѣняемыхъ тарелокъ и блюдъ, которыя приносились и уносились въ ту же минуту. Печальная картина эта разнообразилась только шопотомъ служителей, ходившихъ туда и сюда по своей обязанности и безпрестанными, однообразными звуками ножа, которымъ императоръ стучалъ по столу, держа ножъ слегка двумя пальцами. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе и, не обращаясь ни къ кому, мрачно спросилъ: «Какова погода?»

Въ ту же минуту, не дождавшись отвѣта, котораго никто не смѣлъ дать ему, всталъ изъ-за стола, бросивъ далеко отъ себя салфетку съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Жозефина медленно послѣдовала за нимъ въ маленькую *зеленую гостиную*, гдѣ онъ всегда пилъ кофе. Обыкновенно пажи подносили императрицѣ кофе на золотомъ подносѣ и она, наливъ чашку, подавала ее сама императору; но въ этотъ разъ Наполеонъ подошелъ къ пажу, налилъ кофе самъ, и, не дожидаясь, чтобъ растаялъ сахаръ, выпилъ всю чашку однимъ глоткомъ; а какъ ему приносили всегда очень горячій кофе, то онъ, обжегшись, сдѣлалъ гримасу и, взглянувъ на жену, которая стояла передъ нимъ, сказалъ «возьми!» и, приложивъ одною рукою платокъ свой къ губамъ, другою сдѣлалъ знакъ тѣмъ, которые были въ комнатѣ, что ему ничего болѣе не нужно. Всѣ вышли, озабоченные грустными мыслями о томъ, какъ кончится приготовлявшаяся сцена, и расположились въ той залѣ, гдѣ ихъ величества обѣдали, глядя въ молчаніи, какъ служители уносили посуду, остававшуюся еще на столѣ.

Вдругъ изъ той комнаты, гдѣ былъ императоръ и импе-

ратрица, послышались стоны и жалобы. Жозефина воскликнула раздирающимъ душу голосомъ:

—Нѣтъ, другъ мой! нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого! . . Ты не захочешь умертвить меня. . . Бонапарте! умоляю тебя! . .

Потомъ раздались снова стоны и какъ-бы стукъ упавшаго кресла. . .

Придворный каммердинеръ, полагая, что съ императрицею сдѣлалась дурнота (что̀ съ нѣкотораго времени бывало часто), бросился къ двери; но одинъ изъ каммергеровъ остановилъ его.

«Подождите» сказалъ онъ ему тихо: «это неприлично.»

И въ то же время далъ ему почувствовать, что императоръ кликнетъ его, если сочтетъ это нужнымъ.

Въ ту же самую минуту, когда каммердинеръ отошелъ отъ двери, Наполеонъ самъ быстро отворилъ ее и, увидя въ числѣ придворныхъ г. де-Боссе, сказалъ ему отрывисто:

—Подите сюда, Боссе, и затворите за собою двери.

Едва только префектъ дворца вошелъ въ гостиную, какъ увидѣлъ императрицу, распростертую на коврѣ подлѣ камина. Страшныя судороги мучили ее, и она жалобно восклицала:

«Я не переживу этого! . . я должна умереть». И, говоря это, она билась головою о ножку креселъ, стоявшихъ подлѣ нея.

Наполеонъ сталъ на колѣни предъ своею женою, обнялъ ее и старался успокоить самыми нѣжными словами.

—Жозефина, говорилъ онъ ей, прижавъ ее къ груди своей: милый другъ мой, это я. . . Выслушай меня, будь разсудительна. . . Ты знаешь, что я всегда буду любить тебя. . . Г. Боссе, достанетъ ли у васъ силы, чтобъ отнести императрицу? — спросилъ онъ въ-полголоса префекта дворца, пораженнаго сценою, которой онъ былъ свидѣтель и стоявшаго въ молчаніи предъ императоромъ. — Это нервный припадокъ, прибавилъ Наполеонъ, дѣлая тщетныя усилія, чтобъ поднять императрицу: надобно отнести ее въ ея комнаты. . . Тамъ кликнемъ мы ея женщинъ и подадимъ ей нужную помощь.—Ну, Боссе, не бойтесь ничего; пособите мнѣ; развѣ вы не видите, что бѣдная умираетъ? . . .

Боссе рѣшился наконецъ подойдти, приподнялъ импе-

ратрицу съ помощью императора, взялъ ее на руки и пошелъ къ двери, которая чрезъ темный корридоръ и маленькую лѣстницу вела къ уборной Жозефины.

Наполеонъ схватилъ со стола свѣчу.

— Дайте мнѣ посвѣтить вамъ, воскликнулъ онъ запыхавшись: я пойду впередъ.

Достигнувъ лѣстницы, г. де-Боссе замѣтилъ ему, что проходъ слишкомъ-узокъ и что безъ явной опасности онъ не можетъ сойдти по лѣстницѣ одинъ.

— «Государь, прибавилъ онъ: я рискую упасть на ваше величество вмѣстѣ съ императрицею.»

— Сохрани васъ Богъ! берегитесь этого! .. Постойте на минуту и отдохните. . . И, поставивъ свѣчу на первую ступеньку лѣстницы, Наполеонъ возвратился въ гостиную, чтобъ кликнуть хранителя портфёля (le gardien du portefeuille), который днемъ и ночью сидѣлъ у дверей его кабинета, имѣющаго выходъ на лѣстницу, схватилъ этого человѣка за руку, потащилъ за собою въ корридоръ, отдалъ ему свѣчу и велѣлъ идти впередъ, сказавъ:

— Сходи потихоньку и свѣти намъ.

Между-тѣмъ, какъ этотъ человѣкъ повинуется машинально, не обращая почти вниманія на горестную сцену, разъигрывающуюся передъ нимъ, Наполеонъ беретъ ноги Жозефины и всѣ трое начинаютъ сходить съ величайшею осторожностью—императоръ въ срединѣ, г. Боссе все еще поддерживая безчувственную императрицу, которой спина покоилась на груди его, а голова на его правомъ плечѣ. Когда они достигли поворота лѣстницы, шпага, которую префектъ позабылъ снять, попадаетъ ему подъ ноги и заставляетъ его споткнуться; чтобъ избѣжать паденія, могущаго быть пагубнымъ для всѣхъ, г. де-Боссе принужденъ остановиться и опереться объ стѣну; онъ собираетъ свои силы и крѣпко сжимаетъ драгоцѣнную свою ношу изъ опасенія уронить ее. Должно полагать, однакожь, что Жозефина была несовсѣмъ лишена чувствъ, потому-что, почувствовавъ усиліе префекта и не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, сказала ему очень тихо:

«Вы слишкомъ-крѣпко давите меня!»

При этихъ словахъ, де-Боссе дѣлаетъ невольное движеніе, заставляющее императора перескочить двѣ ступени.

—«Тише, Боссе, тише» говоритъ онъ ему въ-полголоса: «вы едва не уронили всѣхъ насъ.»

Наконецъ достигаютъ они до спальни Жозефины и кладутъ ее тихо на маленькую софу, стоящую по правую сторону окна. Наполеонъ бросается къ колокольчику, проведенному въ комнату первой каммер-фрау императрицы, которая въ ту же минуту вбѣгаетъ въ спальню.

—Скорѣе уксуса; кликните вашихъ прислужницъ и расшнуруйте императрицу! ей сдѣлалось дурно. . . проговорилъ императоръ съ живостью.

Видя положеніе своей повелительницы, каммер-фрау бросается ко всѣмъ звонкамъ, бывшимъ въ комнатѣ,—и чрезъ нѣсколько секундъ спальня наполняется множествомъ женщинъ, которыя бѣгаютъ, суетятся, разрѣзываютъ шнурки, отстегиваютъ крючки и успѣваютъ наконецъ раздѣть императрицу. Г. де-Боссе, успокоенный на ея счетъ, вышелъ между-тѣмъ въ маленькую гостиную, что̀ предъ спальнею императрицы. Наполеонъ не замедлилъ пріидти туда.

Съ самаго начала этой сцены, продолжавшейся не болѣе нѣсколькихъ минутъ, г. де-Боссе былъ занятъ только императрицею, состояніе которой сначала испугало его. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на императора и только теперь замѣтилъ, какъ сильно онъ былъ встревоженъ. Наполеонъ объяснилъ ему причину того, что̀ случилось.

«Выгоды Франціи заставили меня принести тягостную жертву» сказалъ онъ ему: «разводъ сдѣлался необходимостью, и я съ горестью покоряюсь ей. . . Я тѣмъ болѣе испугался положенія Жозефины, что намѣреніе мое должно быть ей извѣстно уже нѣсколько дней. Евгеній и сестра его вѣрно сказали ей объ этомъ. Она достойна всякаго сожалѣнія, бѣдная женщина... Я думалъ, однакожь, что у нея достанетъ болѣе душевной силы и, признаюсь, не ожидалъ видѣть такого отчаянія. . .»

Волненіе императора въ то время, какъ онъ говорилъ это, расхаживая по комнатѣ скорыми шагами, заставляло его безпрестанно останавливаться въ своихъ фразахъ. Слова съ трудомъ вырывались изъ его запыхавшейся груди; голосъ дрожалъ и слезы текли по щекамъ. . . Надобно, чтобъ

онъ былъ, какъ говорилъ самъ, *внѣ себя*, иначе какимъ образомъ выказалъ бы онъ столько довѣренности одному изъ своихъ придворныхъ, не пользовавшемуся никогда особеннымъ его расположеніемъ? . . . Успокоясь нѣсколько, послалъ онъ за Корвизаромъ, королевой Гортензіей, принцемъ Евгеніемъ и Камбасересомъ; но прежде возвращенія въ свои покои хотѣлъ самъ удостовѣриться въ положеніи Жозефины. Онъ нашелъ, что она была гораздо-спокойнѣе и почти покорна своей участи. Обнявъ ее съ нѣжностью, онъ пришелъ къ себѣ въ кабинетъ вмѣстѣ съ де-Боссе, которому сдѣлалъ знакъ слѣдовать за собою. Дошедши до маленькой лѣстницы, гдѣ споткнулся за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, императоръ остановился:

«Право» сказалъ онъ, глядя на узкое пространство лѣстницы: «это совершенное чудо, что мы могли пронести здѣсь женщину почти мертвую, лишенную чувствъ.»

Замѣчаніе это заставило де-Боссе невольно улыбнуться; но онъ въ ту же минуту оправился и принялъ самый серьёзный видъ. Вошедши въ кабинетъ императора, онъ поднялъ свою шляпу, брошенную на коверъ, для-того, чтобы она не мѣшала ему взять Жозефину на руки.

«Чортъ возьми! вы могли бы сбросить также и вашу шпагу» сказалъ ему Наполеонъ. «Правда, въ подобныхъ кризисахъ нельзя все обдумывать! О, Боже мой! Боже мой! это совершенно меня разстроило; я чувствую, что буду боленъ!»

Между тѣмъ префектъ дворца готовился выйдти изъ кабинета.

«Одну минуту, де-Боссе!» возразилъ Наполеонъ. «Вы знаете, какъ здѣсь всѣ болтливы и любопытны; во избѣжаніе всѣхъ толковъ, вы скажете всѣмъ придворнымъ и пажамъ, что съ императрицей сдѣлался *легкій* нервическій припадокъ отъ *испорченности желудка*...Она кушаетъ всегда такъ скоро» прибавилъ онъ, какъ-будто говоря самъ съ собою; потомъ, сдѣлавъ рукою знакъ, преисполненный благоволенія, прибавилъ: «г-нъ де-Боссе, я прошу васъ, чтобъ все это осталось между нами!»

Не прошло еще получаса, какъ Наполеонъ былъ у себя въ кабинетѣ, преданный грустнымъ мыслямъ и еще подъ вліяніемъ той сцены, въ которой онъ только-что былъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ кто-то тихо постучался въ дверь.

«Войдите!» сказалъ онъ, не поднявъ даже глазъ.

Дверь отворилась, и Евгеній, блѣдный, печальный, вошелъ въ кабинетъ императора. Онъ изъ устъ матери узналъ за минуту предъ симъ о томъ, что̀ случилось. Вѣсть эта чрезвычайно его огорчила, и онъ, какъ-будто не вѣря этой ужасной новости, пришелъ къ императору, чтобъ онъ самъ собственными устами подтвердилъ ее.

Наполеонъ, увидя его, протянулъ ему руку и, не привставъ съ креселъ, удовольствовался тѣмъ, что кивнулъ головою въ знакъ отвѣта на тѣ вопросы, которые усыновленный имъ Евгеній дѣлалъ ему со всевозможнымъ уваженіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Евгеній, потупивъ глаза: позвольте, чтобъ я сію же минуту оставилъ ваше величество.

«Что̀ такое, Евгеній?..» спросилъ Наполеонъ, вскочивъ съ креселъ.

—Да, ваше величество, сынъ женщины, которая болѣе не императрица, не можетъ оставаться долѣе вице-королемъ, и долгъ повелѣваетъ ему слѣдовать за своею матерью въ мѣсто изгнанія, которое вашему величеству будетъ угодно ей назначить.

«Евгеній! Евгеній!.. И ты хочешь покинуть меня?» возразилъ Наполеонъ растроганнымъ голосомъ. «Развѣ ты не знаешь, какъ важны причины, заставившія меня рѣшиться на подобное намѣреніе? Не уже ли Жозефина не объяснила тебѣ ихъ? А если Богъ пошлетъ мнѣ наконецъ этого сына, предметъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній, кто замѣнитъ ему меня, когда я буду въ отсутствіи?.. Кто будетъ ему отцомъ?.. Кто воспитаетъ его? однимъ словомъ, кто сдѣлаетъ изъ него человѣка?.. Ахъ, Евгеній! признаюсь, я надѣялся на тебя, надѣялся потому-что и я когда-то замѣнилъ тебѣ отца — тебѣ и сестрѣ твоей!»

Наполеонъ не могъ продолжать; слезы заглушили его голосъ. Принцъ, будучи самъ не въ состояніи побѣдить чувства, волновавшія его сердце, бросился къ рукѣ, которую подалъ ему императоръ, и съ жаромъ прижалъ ее къ устамъ своимъ. Но Наполеонъ тихо привлекъ его на грудь свою и обнялъ съ величайшею нѣжностью.

«Да, да... повтори мнѣ, что ты не покинешь меня...» прошепталъ онъ едва-внятнымъ голосомъ...

— Никогда, государь, никогда!..

И императоръ, отвернувшись, чтобъ скрыть свои слезы, сдѣлалъ Евгенію знакъ рукою, показывая, что желаетъ остаться одинъ.

Съ того дня, въ который новая участь, ожидавшая Жозефину, была ей объявлена императоромъ, она почти не оставляла своихъ покоевъ и весьма-рѣдко появлялась въ собраніяхъ Тюльерійскаго Дворца, гдѣ мѣсто ея заступила Летиція, мать императора. Наполеонъ хотѣлъ однакоже, чтобъ Жозефина присутствовала при молебствіи 2-го декабря въ память коронаціи, аустерлицскаго сраженія и вѣнскаго мирнаго трактата, послѣдствія коего сдѣлались для нея такъ пагубны.

Жозефина явилась на это молебствіе, окруженная всѣми принцессами императорской фамиліи, а Наполеонъ отправился одинъ съ великолѣпной церемоніей въ соборъ Парижской Богоматери. На слѣдующій день императрица была опять принуждена присутствовать на праздникѣ, данномъ по этому случаю городомъ Парижемъ.

Императоръ хотѣлъ, чтобъ праздникъ этотъ начался рано, для-того, говорилъ онъ, что ему хотѣлось *видѣть всѣхъ* и въ особенности какъ-можно-менѣе *придворныхъ костюмовъ*.

«Я вижу ихъ довольно каждый день въ Тюльери» сказалъ онъ господину де-Ремюза. «А какъ праздникъ этотъ дается мнѣ городомъ Парижемъ, то я желаю видѣть на немъ Парижанъ предпочтительно предъ всѣми другими.»

Балъ этотъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ. Тронная зала, украшенная цвѣтами, блистала яркимъ освѣщеніемъ, драгоцѣнными камнями и прекрасными женщинами. Видя все это, можно было бы подумать, что вы перенесены въ волшебный міръ. Жозефина пріѣхала одна изъ первыхъ; никогда уборъ ея не казался такъ ослѣпителенъ, а физіономія ея, всегда столь кроткая, въ этотъ день выражала глубокую грусть, высокое самоотверженіе и покорность.

Вступивъ въ большую залу и прошедъ мимо почетнѣйшихъ гражданъ своего «добраго города Парижа», приблизилась она тихо къ трону, на который должна была возсѣсть въ послѣдній разъ. Въ эту минуту глаза ея закрылись въ-половину, колѣни задрожали и, чтобъ не упасть, она была принуждена опереться на руку своей штатс-дамы, графини де-ла-Рошфуко.

«У меня не достанетъ силы дойдти туда» сказала она слабымъ голосомъ: «я чувствую, что умираю.»

— Еще немного твердости, ваше величество, отвѣчала ей графиня: взоры всѣхъ обращены на васъ.

«О, какъ тяжела корона!» сказала она тихо и, сдѣлавъ последнее усиліе, приняла веселый видъ: *императоръ этого хотѣлъ.*

Чрезъ нѣсколько минутъ раздался барабанный бой, возвѣстившій о прибытіи Наполеона. Онъ вошелъ быстро, сопрождаемый *семью* королями, составлявшими его свиту * и сѣлъ рядомъ съ императрицею, сказавъ нѣсколько словъ тѣмъ, которые стояли между дверьми и трономъ. Праздникъ начался. Наполеонъ, хотѣвшій быть любезнымъ, скоро всталъ съ своего кресла, чтобъ сдѣлать то, что онъ называлъ *своимъ обходомъ* (sa tournée), но, не сходя еще съ возвышенія, склонился къ Жозефинѣ и сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ она пошла вмѣстѣ съ нимъ, потому-что Жозефина въ ту же минуту встала.

Талейранъ, который, въ качествѣ обер-каммергера, стоялъ за императоромъ, бросился въ-слѣдъ за нимъ; но запутавшись въ шлейфѣ платья императрицы, едва не упалъ самъ и не уронилъ ея. Освободясь кое-какъ изъ складокъ шлейфа, побѣжалъ онъ за императоромъ, не сказавъ Жозефинѣ ни одного слова въ извиненіе. Должно полагать, что князь беневентскій не имѣлъ намѣренія оскорбить несчастную Жозефину; но ему были извѣстны всѣ тайны великой драмы, которая должна была разъиграться; онъ зналъ, что послѣдній ея актъ уже приближался къ развязкѣ, и онъ, столь вѣжливый со всѣми, конечно не поступилъ бы такимъ-образомъ за годъ предъ тѣмъ.

Что жь касается до Жозефины, то она остановилась и съ величіемъ, полнымъ достоинства и гордости, улыбнулась Талейрану, какъ-будто желая показать тѣмъ, что приняла его невѣжливость за неосторожность, въ которой оба они были виноваты; но въ ту же минуту глаза ея наполнились слезами, губы поблѣднѣли и задрожали...

Достигнувъ конца большой галлереи, ихъ величества разстались. Наполеонъ пошелъ на-право, Жозефина на-лѣво.

* Короли: испанскій, голландскій, вестфальскій, неаполитанскій, саксонскій, баварскій и виртенбержскій.

Всѣ бросились въ-слѣдъ за нею, потому-что она была обожаема не только гражданками Парижа, но даже и придворными дамами, прославлявшими повсюду ея доброту, и эта грустная для Жозефины прогулка произвела вообще на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Этотъ разъ былъ послѣднимъ появленіемъ ея въ публикѣ.

Когда всѣ священные обряды, требованные папою и вся процедура, предписанная церковными правилами, были исполнены, — г. де-Буалевръ, примасъ Парижской Консисторіи, произнесъ приговоръ, по которому бракъ Наполеона былъ расторгнутъ, а онъ самъ приговоренъ къ пени въ *шесть франковъ* въ пользу бѣдныхъ. Архіепископская Консисторія скоро, однакоже, освободила его и отъ этой пени, потому-что, покорясь этому приговору, основанному на принятыхъ формахъ, заставившихъ его много смѣяться, императоръ въ тотъ же самый день послалъ парижскимъ мерамъ 120,000 франковъ для раздачи бѣднымъ, наиболѣе нуждающимся въ помощи.

«По званію императора» говорилъ онъ: «долженъ я платить болѣе другихъ.» Вся эта церковная процедура требовала довольно значительныхъ предварительныхъ издержекъ, которыя были употреблены для уплаты судьямъ и для взноса пошлинъ за переписку и явку множества актовъ, сдѣлавшихся необходимыми. Всѣ эти издержки были сдѣланы Наполеономъ изъ собственныхъ его денегъ.

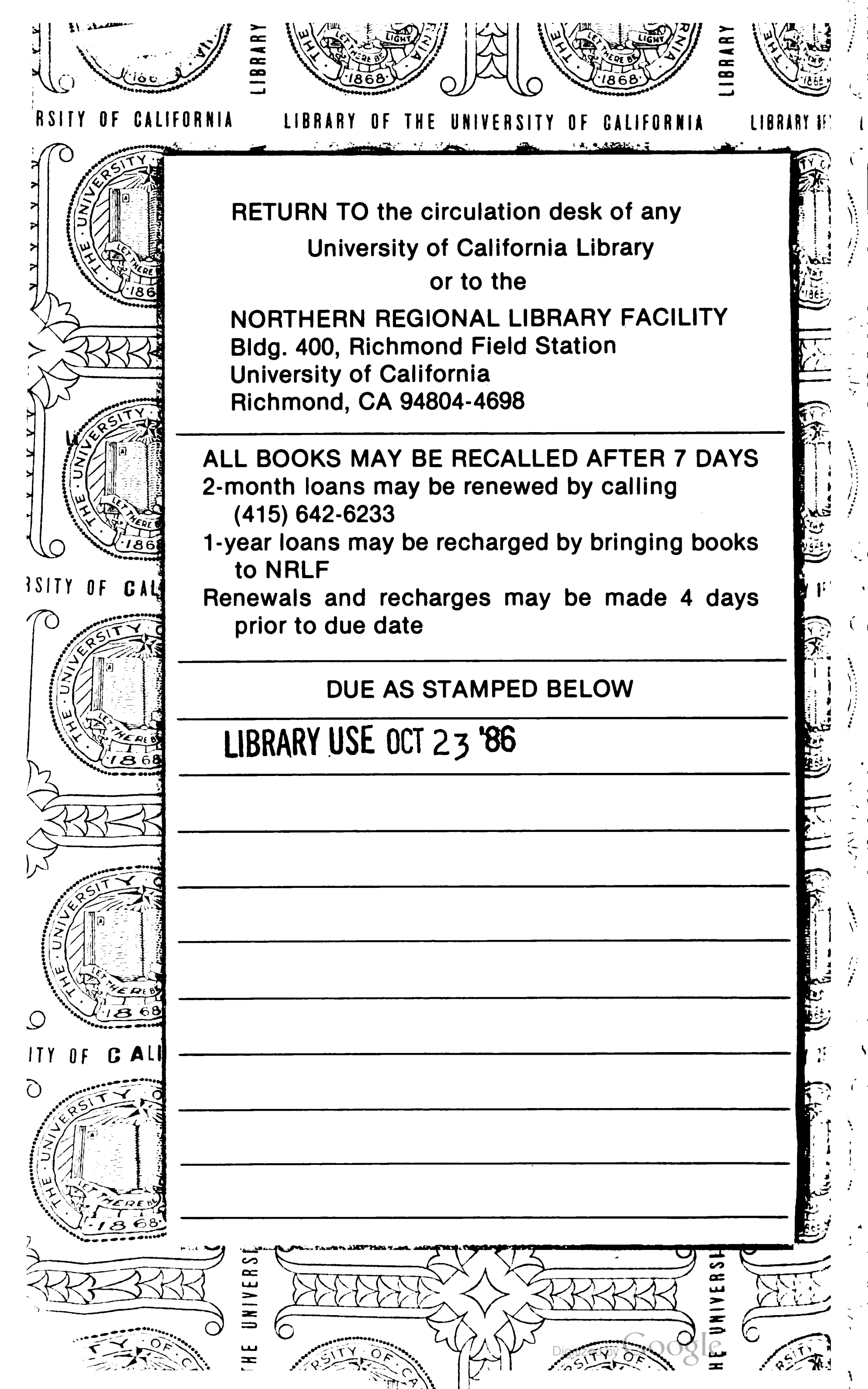
Одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ всей этой поэмы развода, состоитъ въ томъ, что принцъ Евгеній, котораго нѣжная привязанность къ матери была всѣмъ извѣстна, исполнялъ должность канцлера сената, и, по обязанностямъ своего званія, долженъ былъ самъ передать первому законодательному сословію государства ту бумагу, въ которой Наполеонъ объяснялъ причины, заставлявшія его развестись съ женою.

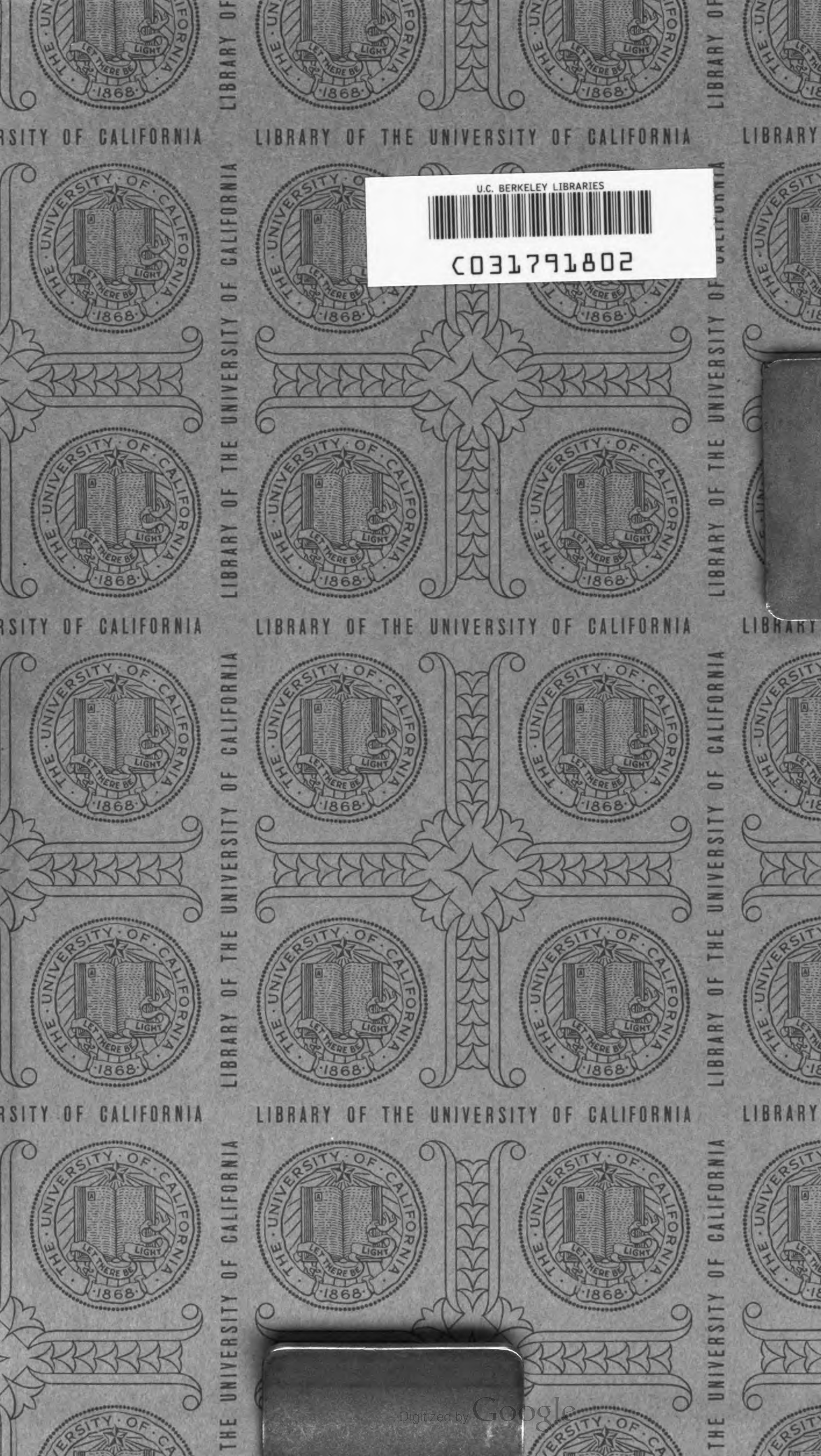
«Слезы императора» сказалъ при этомъ случаѣ благородный Евгеній: «будутъ достаточны, чтобы упрочить славу моей матери.»

А его собственныя слезы?.. О, онѣ были горьки, когда настал роковой день!..

Это было 16 декабря 1809 года. Вся императорская фамилія и всѣ сановники государства были уже собраны въ Тюльерійскомъ Дворцѣ въ Діаниной Галлереѣ, нарочно для того при-

см. Отд. II, с. 122
see Sec. II, following p. 122


LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY
THE UNIVERSITY
LET THERE BE LIGHT
1868


U.C. BERKELEY LIBRARIES
C031791802
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868
Digitized by Google